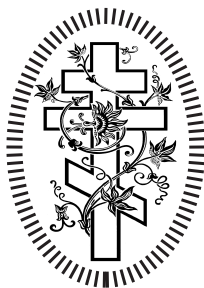

ИВАН БЕЛЯЕВ

**ИСТОРИЯ РУССКОГО
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА**

РУССКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

РУССКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Серия самых выдающихся книг великих русских мыслителей, отражающих главные вехи в развитии русского национального мировоззрения:

Св. митр. Иларион	Лешков В. Н.	Бердяев Н. А.
Св. Нил Сорский	Погодин М. П.	Булгаков С. Н.
Св. Иосиф Волоцкий	Беляев И. Д.	Хомяков Д. А.
Иван Грозный	Филиппов Т. И.	Шарапов С. Ф.
«Домострой»	Гиляров-Платонов Н. П.	Щербатов А. Г.
Посошков И. Т.	Страхов Н. Н.	Розанов В. В.
Ломоносов М. В.	Данилевский Н. Я.	Флоровский Г. В.
Болотов А. Т.	Достоевский Ф. М.	Ильин И. А.
Пушкин А. С.	Одоевский В. Ф.	Нилус С. А.
Гоголь Н. В.	Григорьев А. А.	Меньшиков М. О.
Тютчев Ф. И.	Мещерский В. П.	Митр. Антоний Храповицкий
Св. Серафим Саровский	Катков М. Н.	Поселянин Е. Н.
Муравьев А. Н.	Леонтьев К. Н.	Солоневич И. Л.
Киреевский И. В.	Победоносцев К. П.	Св. архиеп. Иларион (Троицкий)
Хомяков А. С.	Фадеев Р. А.	Башилов Б.
Аксаков И. С.	Киреев А. А.	Концевич И. М.
Аксаков К. С.	Черняев М. Г.	Зеньковский В. В.
Самарин Ю. Ф.	Ламанский В. И.	Митр. Иоанн (Снычев)
Валуев Д. А.	Астафьев П. Е.	Белов В. И.
Черкасский В. А.	Св. Иоанн Кронштадтский	Лобанов М. П.
Гильфердинг А. Ф.	Архиеп. Никон (Рождественский)	Распутин В. Г.
Кошелев А. И.	Тихомиров Л. А.	Шафаревич И. Р.
Кавелин К. Д.	Соловьев В. С.	
Коялович М. О.		

ИВАН БЕЛЯЕВ

**ЛЕКЦИИ
ПО ИСТОРИИ
РУССКОГО
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА**

**МОСКВА
Институт русской цивилизации
2011**

УДК 34(091)
ББК ХЗ(2Рос)

Беляев И. Д. Лекции по истории русского законодательства / Предисл. А. Д. Каплина / Отв. ред. О. А. Платонов. — М.: Институт русской цивилизации, 2011. — 896 с.

В книге публикуется один из главных трудов выдающегося русского мыслителя-славянофила историка Ивана Дмитриевича Беляева (1810–1873) «Лекции по истории русского законодательства». По мнению ученого, русское законодательство обусловлено общинным духом русского народа, самим складом его ума. Русский закон всегда придавал общине большое значение, стремясь использовать ее в своих целях и интересах. Политическим идеалом русского народа были земские учреждения Московского государства и прежде всего земская дума и земские соборы. Русские законы, начиная с «Русской правды», создавались на основах общинного быта, княжеская власть в центре и на местах поддерживалась не столько силой, сколько обычным правом князя, освященным религией и любовью народа.

ISBN 978-5-902725-56-5

© Институт русской цивилизации, 2011.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Иван Дмитриевич Беляев родился 15 июля 1810 г. (здесь и далее все даты приводятся по старому стилю) в Москве. Он был первым ребенком в семье диакона церкви св. Троицы на Троицком Дмитрия Николаевича Беляева (который в 1818 г. стал священником у церкви Спаса на Болвановке) и его супруги Мавры Егоровны, которые отличались глубокой религиозностью, добротой и «души не чаяли» в своих детях¹. Начатки грамотности Иван постигал от матушки, как водилось в то время среди священнослужителей. С благодарностью вспоминал он впоследствии и о своей няне, долгие годы прожившей в их семье.

Когда Иван подрос, то отец стал учить его церковнославянскому языку и катехизису, первой части арифметики, а также основам греческой грамматики и латинского языка. В сентябре 1821 г. мальчик был отдан в Дмитровское духовное училище, где смотрителем был родственник Беляевых – протоирей Козьма Иванович. Впоследствии Иван Дмитриевич всегда служил благодарственный молебен 8-го сентября в воспоминание начала своего школьного учения.

Проживая у отца-смотрителя, помимо названных выше предметов Иван занимался также Священной историей, географией и нотным пением². О том, что из себя представляло обучение в духовном училище (правда, более позднего времени) можно узнать по такому интересному (ныне переизданному) повествованию, как «Устинушка» И. М. Малеина.

¹ Гадзяцкий С. А. Иван Дмитриевич Беляев // Русская беседа. 1895. № 2. С. 31.

² Там же. С. 32–33.

В семье протоиерея Козьмы Ивановича, где мальчика все полюбили, особенное влияние на него оказала старшая дочь, Надежда, приохотившая Ивана к чтению серьезной художественной литературы. Впоследствии Иван Дмитриевич чтит ее память и называл не иначе, как благодетельницей.

После публичного испытания в июле 1924 г. для продолжения учебы Иван был послан в Вифанскую семинарию, где при митрополите Платоне (Левшине) воспитывался и его отец. В семинарии в низшем отделении преподавали риторику, всеобщую историю, греческий и один из новых языков (французский или немецкий), в среднем отделении – историю философии, логику, математику и т.д.¹ Особую пользу Иван Беляев видел в изучении латинского языка и впоследствии не раз говорил о том, что ему он обязан стройно и понятно излагать свои мысли². В семинарии Беляев особенно усиленно занимался и историей, помимо классных занятий читал латинских и русских историков.

Думая о своей дальнейшей жизни, Иван предполагал поступать в Духовную академию или монастырь. Но отец отсоветовал и то и другое. У Ивана Дмитриевича был выворот ноги, а отец (как человек старых строгих правил) считал, что служитель Церкви не должен был иметь физического несовершенства.

Проведя в среднем отделении семинарии год, в августе 1929 г. Беляев поступает в Императорский Московский университет на нравственно-политическое отделение, которое впоследствии станет юридическим факультетом. По свидетельству самого Ивана Дмитриевича, в университете из всех преподаваемых специальных предметов (гражданское и уголовное право, политическая экономия и др.) особенно сильное впечатление на него производили лекции по русской истории М. П. Погодина, от которого студенты «за один раз узнавали ... и новое исследование, и способ, как дойти до результата...»³.

¹ Чтения в Обществе любителей духовного просвещения. 1874. Кн. 7. С. 34.

² Гадзяцкий С. А. Указ. соч. С. 36.

³ Пятидесятилетие гражданской и ученой службы М. П. Погодина (1821–1871). М., 1872. С. 57.

Погодин предлагал своим слушателям переводить на русский язык разного рода сочинения по истории, занялся этим и Беляев. С этих пор между учителем и учеником возникли теплые дружеские отношения, которые продолжались более 40 лет.

В университетские годы Иван Дмитриевич самым тщательным образом записывал лекции, очень много читал, общался в основном с друзьями, с которыми сошелся еще в семинарии, приходилось ему и давать уроки, что он делал с обычной своей добросовестностью. Со временем у него появилась возможность поехать за границу в качестве воспитателя и учителя детей одного из богатых московских семейств, но он и «слышать не хотел оставить Москву, университет и родных».

Беляев постоянно углублял не только свои знания по русской истории, особенно древней, и археологии (в том виде, как ее тогда преподавал Н. И. Надеждин), но и основательно познакомился с трудами западноевропейских историков. Однако как человек впечатлительный, с детства живший среди коренного русского народа, знавший его нравы, обычаи и предания, основное внимание Беляев, конечно, уделял русской истории и ее главному деятелю – простому народу.

Летом 1833 г. Иван Дмитриевич окончил университет четвертым кандидатом и по совету священника-родственника в феврале следующего года поступил на службу канцелярским чиновником в Московскую Синодальную контору¹. Со временем Ивану Дмитриевичу пришлось отыскивать разного рода документы, необходимые при проверке прав старинных монастырей и т.д. Он приносил домой целые вороха документов и просиживал за ними целые ночи. Кроме этого он отыскивал памятники в уездах Московской губернии (в частности каменные кресты близ Коломны)². Все более становилось ясно, что нужно определяться: продолжать ли служить протоколистом в конторе или полностью сосредоточиться на архивных и исторических занятиях.

¹ Гадзяцкий С. А. Указ. соч. С. 66.

² Русский исторический сборник. Т. VI. М., 1843. С. 15.

В июле 1841 г., не без содействия, как полагают, Погодина, по дополнительному штату Беляев поступает в Государственный архив при Московском департаменте Правительствующего Сената.

С этого же времени начинается его литературная деятельность. Иван Дмитриевич регулярно помещает в отдел критики журнала Погодина «Москвитянин» (единственного журнала на ту пору в Москве) рецензии и заметки¹. В них постоянно обращается внимание на важность и необходимость разработки археологических сокровищ. С марта 1842 г. Беляев избирается соревнователем Московского Общества истории и древностей Российских.

В свободное от службы время он иногда посещал театр, любил музыку, особенно русские песни, с детства неплохо рисовал. Вообще вся семья Беляевых отличалась художественными способностями: брат Ивана Дмитриевича – Василий – стал художником, сестра – Елена Погожева – известной детской писательницей.

В июле 1844 г. Иван Дмитриевич был назначен на должность письмоводителя к инспектору Московских Сенатских архивов. В декабре того же года он был причислен к Департаменту Министерства юстиции на должность правителя дел. Помимо составления разного рода официальных бумаг он с головой ушел в изучение неисчислимых архивных богатств, касающихся истории Московского государства.

В августе 1845 г. Беляева командировуют в Московский Сенатский архив, в Архив старых дел и в Вотчинный департамент с поручением приискать указы и другие узаконения, не вошедшие в состав Первого Полного Собрания Законов Российской Империи. Его деятельность привела к открытию многих исторических и юридических документов, «неизвестных дотоле никому»². В определенном смысле это было и спасе-

¹ Рец. на кн. «Историческое описание одежды и вооружения русских войск» // Москвитянин. 1842. Ч. III. № 36; Рец. на кн. «Описание Государственного Разрядного архива», составл. Ивановым // Москвитянин. 1843. Ч. I. и др.

² Гадзяцкий С. А. Указ. соч. // Русская беседа. 1895. №5. С. 100.

ние документов (летописных сводов, документов Посольского приказа, статейных списков и т.д.) от гибели, и извлечение из них интереснейшей информации.

Архивное дело было Ивану Дмитриевичу «по сердцу», несмотря на то, что архивы тогдашнего времени представляли собой бесчисленные груды связок и столбцов, заполнявшие тесные помещения. Во время службы Беляев ознакомился с более чем 20 000 юридических актов, старых книг и столбцов. По свидетельству близко знавшего его С. А. Петровского, Иван Дмитриевич «вкладывал душу в свои занятия»: «С жаром принялся за чтение всевозможных книг, грамот и столбцов, содержащих богатейшие сведения о форме, составе и деятельности наших старых приказов, о делах судебных и административных. Ив. Дм. любил вспоминать это время и с удовольствием рассказывал, как он сидел и зачитывался архивными документами, приходя раньше, чем полагается, и уходя после всех»¹.

В 1846 г. кроме прямых обязанностей по текущему делопроизводству Беляеву было поручено ознакомление вновь поступавших чиновников с древними почерками, вышедшими из употребления. Для этого дела Иван Дмитриевич составил своеобразное методическое пособие, а затем написал и статью о древних чернилах.

К этому же времени относится начало активного собирательства Беляевым различных старинных актов, вообще древних рукописей для своего собственного собрания. По мере увеличения своего денежного достатка Иван Дмитриевич заводил все более обширные связи с торговцами старинными книгами и документами.

К собиранию его могла побудить еще одна причина. В начале 1840-х гг. М. П. Погодин именно Беляеву поручил (хотя свои услуги ему предлагал и известный архивист П. М. Строев) заняться описанием своего древлехранилища, которое к тому

¹ Петровский С. А. Иван Дмитриевич Беляев // Отчеты и речи, произнесенные в торжественном собрании Императорского Московского университета 12 янв. 1874 г. М., 1874. С. 65.

времени достигло внушительных размеров и превосходило собрание графа Н. П. Румянцева и библиотеку Св. Синода. Здесь находилось большое количество списков Священного Писания, летописи, хронографы, юридические сборники, иконы, кресты, монеты, оружие и т.д.¹ Только в период с 1844 по 1846 гг. Иван Дмитриевич описал в погодинском древлехранилище до 500 рукописей, исписал до 200 листов² Всего же у Погодина Беляев работал около 10 лет, до начала 1850-х гг.

Одновременно Иван Дмитриевич начинает заниматься и научным осмыслением изучаемого им материала. В 1844 г. в «Москвитянин» появляется его первый самостоятельный научный труд (хотя в нем еще чувствовалось сильное влияние Погодина) «Город Москва с его уездом»³, свод значительного числа летописных и документальных свидетельств.

Будучи с 1846 г. действительным членом Общества истории и древностей Российских, Беляев начинает публиковать свои статьи по русской истории в «Чтениях» Общества. Среди прочих особенно выделялась статья «О Несторовой летописи» (1847), в которой автор защищает древнерусского летописца от чрезмерной критики, выступает хранителем любимой русской старины и все более освобождается от влияния Погодина, сближаясь в своих воззрениях со славянофилами, особенно П. В. Киреевским.

Много пишет Иван Дмитриевич по военной истории⁴ (военная критика особенно сочувственно встретила появление его сочинения «О русском войске в царствование Михаила Федоровича...», назвав эту работу «откровением»; подчеркивалось, что автор собрал «множество занимательных подроб-

¹ Москвитянин. 1844. Ч. III. Кн. 4.

² Гадзяцкий С. А. Указ. соч. // Русская беседа. 1895. № 5. С. 101.

³ Москвитянин. 1844. Ч. I. Кн.1; Ч. III. Кн. 5.

⁴ «О сторожевой, станичной и полевой службе на польской Украине Московского государства до царя Алексея Михайловича» (М., 1846); «О русском войске в царствование Михаила Федоровича и после него, до преобразований, сделанных Петром Великим» (М., 1846) «Служилые люди в Московском государстве. Слуги и дворяне, а впоследствии дети боярские» («Московский Сборник», 1852) и др.

ностей о нашем старинном ратном деле, и труд его, во всяком случае, достоин уважения, как пособие и источник для *будущего историка русского войска*»¹.

Спустя десятилетия основатель кафедры истории русского военного искусства, Д. Ф. Масловский, считал, что труды Беляева «О русском войске...» и «О сторожевой, станичной и полевой службе...» остаются и «поныне во многих случаях *основными*, благодаря строго-научному и документально точному приему исследования воен.-администрат. отдела»².

Начитанность и работоспособность Беляева были столь велики, что он брался за самые разные вопросы русской истории, так что Погодин счел необходимым посоветовать ему не разбрасываться, а сосредоточиться на одном каком-либо предмете.

В марте 1848 г., по определению министра юстиции, Беляеву, как специалисту по архивным делам, было дано новое поручение – разобрать и привести в порядок собрание 17 000 древних грамот Коллегии экономии³. В ноябре того же года он был назначен советником в Московский Государственный архив старых дел, а с мая 1849 г., оставаясь в прежней должности, был определен в члены Комиссии для печатания официальных и частных разрядных книг.

В письме А. Н. Попову от 2 августа 1848 г. Иван Дмитриевич писал: «В Государственном архиве старых дел при Московском департаменте Сената открылась вакансия советника, должность эта по многим причинам мне по сердцу и особенно потому, что я здесь мог бы действовать свободно в пользу науки, а документов в архиве тьма, так что разработка их и приведение в известность могут занять всю деятельность моей жизни»⁴.

Всем этим назначениям сопутствовали и многочисленные публикации. С 1848 г. Беляев был избран (вместо О. М. Бодянского) секретарем Общества истории и древностей Российских

¹ Военная энциклопедия. Т. V. Пб., 1911. С. 200.

² Там же.

³ Энциклопедический словарь. Изд. Ф.А. Брокгауз. И.А. Ефрон. Т. V. СПб., 1891. С.258.

⁴ Русский Архив. 1886. Кн. III. С. 240.

(в этом звании он состоял до 1858 г., когда у его предшественника вновь появилась возможность занять свое прежнее место).

Вместо «Чтений» Общества Беляев решил издавать под своей редакцией «Временник» по плану, им разработанному и одобренному Обществом. А вместо докладов членов Общества новый секретарь приступил к публикации архивных документов или исследований, основанных на них. Он лично отредактировал 25 книг «Временника». В них Иван Дмитриевич помещал и свои многочисленные изыскания по самым разнообразным историко-юридическим вопросам, здесь же им были изданы многие важные памятники древности.

Из крупных сочинений, помещенных во «Временнике» особенно обратили на себя внимание специалистов источниковедческие исследования: «Русские летописи по Лаврентьевскому списку с 1111 по 1169 гг.»¹, «О разных видах русских летописей»² и др., в которых автору удалось разъяснить вопрос о существовании особого свода летописи, лежащего в основе и Лаврентьевской, и Ипатьевской летописей. Неизменной новизной отличалась практически каждая публикация: «Дружина и земщина в Московском государстве»³, «Служилые люди в Московском государстве»⁴ и мн. др.

С конца 1840-х гг. становится все более очевидным, что различные по тематике работы Беляева схожи не только тщательностью в использовании неизвестного материала, но и единством идеологических воззрений автора.

В 1840-е гг. Беляев много пишет по истории Церкви, о святых, публикует первую подлинно научную специальную работу об Александре Невском⁵. Источником материалов для

¹ Временник Императорского Московского общества истории и древностей. Кн. II. 1849. С. 1–26.

² Временник... Кн. V. 1850. С. 1–34.

³ Временник.... Кн. I. 1848. С. 1–22.

⁴ Временник.... Кн. III. 1849. С. 1–58.

⁵ Великий князь Константин Всеволодович Мудрый // Временник.... 1849. Кн. III, 59–78; Великий князь Александр Ярославич Невский // Временник... Кн. 4. М., 1849. С. 1–42 и др.

этого сочинения стали в основном летописи, встречается немало ссылок на труды В. Н. Татищева, Н. М. Карамзина, Н. С. Арцыбашева, новгородские синодики, ливонские хроники.

Автор обосновывает заслуги великого князя как замечательного полководца, опытного дипломата и благочестивого христианина. Едва ли не выше всех подвигов св. Александра Невского, Иван Дмитриевич ставит его умение отстоять свободу для своего народа под игом татар: «не поднимая оружия», Русь получала права «державы почти самостоятельной»¹.

Да, «мудрый ратоборец за Русскую землю знал, чего добивался» и поэтому «вполне заслуживает благоговение и благодарность потомства, которое, зная уже последствия Александровых забот, может с большею правдивостью оценить его труды»².

Результаты последней поездки князя в Орду Беляев оценивает чрезвычайно высоко: «...Александр и здесь опять явился обычным ходатаем и спасителем Русской земли, с упованием на помощь Божию и на правоту своего дела... он шел в Орду почти на верную смерть... об этом подвиге Александра нельзя вспоминать без благоговения к высокому характеру подвигоположника»; более того: «...он шел как добровольно обреченная искупительная жертва за Русскую землю»³.

Нельзя не отметить, что в своем исследовании о святом благоверном князе Иван Дмитриевич открыто выступает как православный ученый. В этом смысле его работа разительным образом отличается от трудов С. М. Соловьева и др. историков-западников.

В апреле 1848 г. Беляев был избран в члены Одесского Общества истории и древностей, а в декабре 1850 г. – Императорского Русского Географического общества. Кроме того он был также членом Археографической комиссии и Общества любителей естествознания, где впоследствии стал председателем Антропологического отдела. В эти же годы он занимался

¹ Временник... Кн. 4. М., 1849. С. 26, 29

² Там же. С. 29.

³ Там же. С. 39.

изданием записных и разрядных книг о придворной, военной и гражданской службах и т.д.

Сразу по выходе I тома «Истории...» С. М. Соловьева (1851 г.) Иван Дмитриевич выступил с большой статьей¹, в которой подверг аргументированной критике не только теорию «родового быта», но и многие другие положения соловьевской «Истории...». Это так задело Соловьева, что даже спустя десятилетия он язвительно замечал: «Беляев, по своей способности борзописания, взял на себя задачу по косточкам разбирать “Историю России”, не оставить ни одной строки без возражения»².

Между тем Иван Дмитриевич не только критиковал, но и сам разрабатывал те же вопросы, что и оппонент, но – с других позиций. В основательных исследованиях о Русской земле до и после Рюрика³ он, согласно дореволюционной энциклопедической статье, «много способствовал раскрытию устройства и внутренней жизни русской земельной общины. Хотя тогда еще и сам не вполне отказался от влияния теории родового быта и доказывал, что у одних из славян (новгородцев и кривичей) вполне выработалось общинное устройство, другие (северяне) оставались и при Рюрике в родовом быте, у третьих, наконец (древлян и отчасти полян), замечается и то, и другое, и общинное, и родовое устройство; он, по выражению из последующих критиков, в этом труде как бы строит мост для перехода от теории родового быта к теории общинного»⁴.

Плодотворная деятельность Беляева не могла остаться незамеченной, и в декабре 1852 г., в связи с уходом из Московского университета Н. В. Калачова, он был назначен исправляющим должность адъюнкта по кафедре истории русского

¹ Москвитянин. 1851. № 18. С. 335–423; № 19. С. 601–625.

² С. М. Соловьев. Избранные труды. Записки. М., 1983. С. 331.

³ Русская земля перед прибытием князя Рюрика в Новгород // Временник ...1850. Кн. VIII. С. 1–102; Князь Рюрик с братьями и дружиною // Временник ...1852. Кн. XIV. С. 1–32; Русь в первые сто лет от прибытия Рюрика в Новгород // Временник ...1852. Кн. XV. С. 1–160.

⁴ Энциклопедический словарь. Изд. Ф.А. Брокгауз. И.А. Ефрон. Т. V. СПб., 1891. С.259.

законодательства. С этих пор и до самой смерти жизнь Ивана Дмитриевича была связана с Московским университетом.

В письме к А. Н. Попову от 21 октября 1852 г. он сообщал, как принял такую «новость» в своей жизни: «...я с своей стороны, соглашаясь занять кафедру, в тоже время желал бы удержать и настоящую свою должность по архиву, ибо архивные документы, как источник истории права, необходимы для преподавателя истории русского законодательства»¹.

К 1850-м гг. систематического университетского курса по истории русского права еще не существовало. Поэтому сначала Иван Дмитриевич читал преимущественно курс внешней истории законодательства, в котором излагал источники истории законодательства (предания, летописи, памятники древнего законодательства и особенно административные книги). Затем он взялся за разработку более обширного круга вопросов, исходя из того, что памятники законодательства являются выражением народной жизни, с которой находятся во взаимодействии и органической связи.

Соответственно его история законодательства состояла из обзора внутренней жизни народа за определенные периоды и рассмотрения памятников в таком порядке: определение их значения и отношения к жизни общества, изучение каждой мысли памятника отдельно, руководствуясь уже добытым прежде понятием о жизни народа, потом соображать связь мыслей в целом памятнике или в одновременном ряду памятников и допытываться основной и главной мысли целого законодательства в данное время².

Третий отдел в преподавании предполагал рассмотрение того, как памятники прилагались к жизни.

Что касается основных идей курса, то прежде всего в нем развивалась мысль о существовании в Древней Руси общинного быта, отдельные разделы были посвящены дружине и земщине, их взаимоотношениям и отношению к князю, народу и государственной власти (здесь особенно ярко проявились сла-

¹ Русский Архив. 1886. Кн. III. С.253–254.

² Гадзяцкий С.А. Указ соч. // Русская беседа. 1895. №5. С.131.

вянофильские воззрения автора), первоначальным городским поселениям-общинам, переходу из рода в общину вследствие переселения и поселению среди иноплеменных туземцев.

В феврале 1856 г. в Москве начал выходить славянофильский журнал «Русская беседа», где уже в первом номере появилась статья Ю. Ф. Самарина «Два слова о народности в науке», вызвавшая оживленную полемику между «Русской беседой» и «Русским вестником» (да и сами «Два слова...» были ответом «Московским ведомостям»). Суть разногласий впоследствии Самарин определил так: «Русская беседа» доказывала, что «общечеловеческие идеи вырабатываются из живых народных стихий, и... народ, заимствуя у другого плоды его умственной жизни, не просто переливает их в свое сознание, а претворяет их в свое духовное существо»¹. «Русский вестник» «смотрел на дело иначе»: «Оба лагеря стояли теперь друг против друга, во всеоружии, каждый со своим органом».

В первом номере «Русской беседы» за 1856 г. в разделе «Смесь» была опубликована и заметка К. С. Аксакова «О русском воззрении», вызванная «нападениями и толками» на выражение «русское воззрение». Эта заметка в свою очередь также вызвала полемические отзывы, и автор вынужден был добавить в следующем номере журнала «Еще несколько слов о русском воззрении». В этих заметках показывается сущность и соотношение народного и общечеловеческого.

Одновременно с этим шел спор и об общине в древней Руси. Вызван он был статьей Б. Н. Чичерина в «Русском вестнике»²; вскоре Беляев ответил на нее большой статьей «Обзор исторического развития сельской общины в России, соч. Б. Чичерина»³. Чичерин же опубликовал статью «Еще о сельской общине (Ответ г. Беляеву)»⁴. Иван Дмитриевич, в свою очередь, подготовил обширный общеисторический ком-

¹ Самарин Ю.Ф. Соч. в 12 тт. М., 1877–1911. Т.1. С.240.

² Обзор исторического развития сельской общины в России // Русский вестник. 1856. №№ 3 и 4.

³ Русская беседа. 1856. Кн. I. С. 100–146.

⁴ Русский вестник. 1856. №№ 3 и 4.

ментарий к тексту чичеринской работы¹. Впоследствии в этот спор вмешался еще и С. М. Соловьев².

«Русский Вестник» отстаивал родовую теорию. «Русская беседа» смотрела на народ не как на пассивное орудие в руках правительства, а как на живой организм общины.

Чичерин еще долго не мог без озлобленного волнения обращаться к остро задевшему его сюжету. «Произошел гвалт, – вспоминал он об этом через три десятка лет в своих мемуарах, – славнофилы ополчились на меня как на человека, оклеветавшего древнюю Русь. Главные вожди партии были однако слишком слабы по части фактических исследований и не решались выступить на эту почву. Они выдвинули Беляева, архивного труженика, который всю свою жизнь рылся в древних грамотах, но был совершенно лишен способности их понимать. У него не было ни смысла, ни образования, и он готов был фантазировать без конца, внося в старые тексты свои собственные дикие измышления»³.

В действительности картина выглядела иначе. Иван Дмитриевич Беляев последовательно разбирал каждое положение оппонента и или отвергал его, приводя свои данные, или представлял этот факт в свете общинной теории.

Спор, начавшийся с сельской общины, продолжился по другим вопросам, так или иначе затрагивающим отношение к русской старине и ее внутреннему быту. И здесь Беляев выступил строгим и нелицеприятным критиком западнических мыслей, в том числе и под псевдонимом выступая против С. М. Соловьева и Ф. И. Буслаева.

В «Русской беседе» всего за неполных 5 лет Беляев опубликовал 17 своих сочинений, в том числе большую статью, посвященную «небывалому в России» сочинению «трудолюбивого и даровитого» В. Н. Лешкова, его ровесника и коллеги по Московскому университету. Иван Дмитриевич писал о том, что в

¹ Еще о сельской общине (на ответ г. Чичерина, помещенный в «Русском вестнике») // Русская беседа. 1856. Кн. II. С. 114–141.

² Спор о сельской общине // Русский вестник. 1856. Т. VI.

³ Чичерин Б. Н. Москва сороковых годов. Вступ. ст. и прим. С. В. Бахрушина. М., 1929. С. 263.

книге Лешкова «Русский народ и государство. История русского общественного права до XVIII в.» читатели «найдут множество живых вопросов древней общественной жизни нашего отечества, в первый раз поднятых наукою и рассмотренных автором с полною достоверностию и глубоким знанием дела»¹. Это сочинение, по мнению Ивана Дмитриевича, должно было сделаться «настойной книгой русских ученых».

Вслед за «Русской беседой» с апреля 1857 г. начала выходить и славянофильская газета «Молва», главным инициатором создания которой был К. С. Аксаков. Из-под его пера вышла двадцать одна передовая статья (жанр, русской журналистике до того неведомый), а также ряд заметок и очерков. Несмотря на то, что уже в начале 1858 г. издание газеты по ряду причин было прекращено, а Аксаков еще раньше отошел от редакционной работы, значение аксаковских кратких передовиц, по отзыву дореволюционных издателей, велико и заключается в том, что «учение так называемого славянофильства» «нигде не изложено так последовательно и ясно», как в них².

Напечатал в «Молве» несколько очерков и Беляев. Правда, при соблюдении «строжайшей тайны об имени автора». Это были очерки «Богомольцы и богомолки», которые отличались «большим мастерством рассказа, мягким колоритом и чарующею задумчивостью, теплотою чувства»³.

В 1858 г. Беляев защитил в Московском университете магистерскую диссертацию «О наследстве без завещания по древним русским законам до Уложения царя Алексея Михайловича». Факультет дал этой работе очень лестный отзыв. Даже идейные оппоненты признавали «громадные познания» диссертанта по истории древнерусской жизни и допетровского права.

Хотя в газетах были и недовольные отклики, но они казались скорее бытовавшего тогда устройства диспутов, в ходе которых не все могли возражать и вступать в полемику⁴.

¹ Русская беседа. 1858. № 4. С. 71.

² Русский архив. 1900. № 11

³ Русская беседа. 1895. № 6. С. 9.

⁴ Отечественные записки. 1858. Т. СХІХ. и нек. др.

Особенно велика заслуга Беляева в исследовании судеб русского крестьянства и русской общины. В 1859 г. в шести номерах «Русской беседы» был опубликован основной его научный труд (докторская диссертация) «Крестьяне на Руси», который в дореволюционной России переиздавался еще 3 раза¹. А спустя почти сто лет после последнего из переизданий, в 2004 г., этот труд Беляева был вновь напечатан Государственной публичной исторической библиотекой России и наконец-то перестал быть библиографической редкостью. Этот труд стал первым в отечественной историографии исследованием, посвященным истории крестьянства и охватившим все периоды истории сословия с древности и до XIX века. Хотя сам автор в конце своего труда и оговаривался, что его цель «состояла только в том, чтобы на основании памятников показать постепенное развитие той болезни нашего общества, которая известна под именем крепостного состояния»², по своему содержанию книга очевидно переросла изначально заданные рамки.

В этом классическом труде была изложена вся историческая жизнь русской общины. Достоинства его были признаны и Академией наук, увенчавшей названное сочинение двумя премиями, Демидовской и Уваровской, а Московский университет удостоил автора степени доктора гражданского права. Спустя десятилетия В. И. Семевский писал «Труд Беляева был замечательным явлением для своего времени и одного его достаточно для того, чтобы сохранить благодарную память в русской историографии об этом ученом ... по его книге мы все начинали учиться истории русских крестьян, и до сих пор это единственное сочинение, обнимающее всю их прошлую жизнь до начала XIX века»³.

Кроме чисто академического интереса, в эпоху подготовки отмены крепостного права эта работа имела и несомненное общественное значение: ученый убедительно доказывал,

¹ В 1879, 1891 и 1903 гг.

² Крестьяне на Руси. 2-е изд. М., 1879. С. 302.

³ Русская мысль. 1881. Кн. 2. С. 226.

что крестьянам с давних пор принадлежало право на владение землей на общинных началах.

В этом труде Беляев явил себя сторонником теории «указного» прикрепления крестьян, относя время появления закрепощающего указа к 1590-1592 гг. При этом, отмечает он, личную свободу и право владения землей крестьяне сохраняли до петровских реформ. Тем самым собственно крепостное право Беляев относит прежде всего к XVIII в., отмену же его называет явлением «процесса “постепенного выздоровления”». Начало раскрепощения (такой же указной процесс, как и «закрепощение») автор выявляет в русском законодательстве первой половины XIX века.

Что же касается «общественного значения крестьян», то тут Беляев видит «три времени»: до конца XVI в., до и после первой ревизии Петра I (1719 г.). Полное же развитие «крепостного права» последовало при Петре III и Екатерине II. Таким образом, основываясь на скрупулезном изучении первоисточников, исследователь показал историю той болезни, которая была известна под именем «крепостного состояния» и пришел к выводам, во многом близким к положениям славянофилов.

Вот что писал 6 января 1858 г. Беляев о своем труде А. Н. Попову: «На чреде моих занятий на нынешний год стоит история крестьянства в России, которую я кончил; это будет книга листов в 25 печатных; начало ее уже печатается, и вы увидите его в первой книге “Рус. Бес.” нынешнего года. В этом труде своем, конечно, я не судья; но могу только сказать, что мне посчастливилось разобрать множество никому еще не известных материалов, относящихся к сему предмету. Например, печатно нам известны десятка полтора порядных крестьянских записей; а я прочел их более ста только за время Уложения 1649 года до единодержавия Петра Великого. Кроме того я имею несколько господских приказов управляющим и старостам, в которых наглядно изображаются отношения крестьян к владельцам в разное время. У меня также есть довольно кабальных и поступных записей, в которых проливается яркий свет на общественное значение крестьян... Вообще материа-

лы, находящиеся у меня в руках, раскрывают даже в печатных памятниках много такого, чего прежде нельзя было видеть»¹.

Беляев нисколько не преувеличивал значение своей книги. В монографии есть анализ всех важнейших актов о крестьянском сословии, освещается состояние крестьянской общины в каждый из периодов ее существования. Значимость первой монографии о русских крестьянах высоко оценивалась советскими историками.

Советская историческая энциклопедия обращала внимание на интересный фактический материал и важность отдельных конкретных выводов Беляева (о постепенности процесса закрепощения и ряда других); подчеркивалось, что он первым из русских историков широко использовал актовые материалы², а авторитетнейший историк профессор Н. И. Цимбаев назвал беляевский труд «блестящей работой»³.

Еще во время исследования о крестьянах Беляев задумал обширный труд, в котором хотел представить всю русскую историю в ее целостности, преимущественно с бытовой и правовой стороны⁴. Труд этот, «Рассказы по русской истории», он начал составлять уже в конце 1850-х гг.⁵, и не оставлял его до самой кончины, стараясь сделать как можно более доходчивым и понятным.

Еще в статьях, помещенных во «Временнике» в 1850-е гг., Беляев представлял историю Руси не только с внешней стороны (история государственной власти), но и с внутренней (история народной жизни), тщательно используя исторические источники.

¹ Русский Архив. 1886. Кн.10. С.258-259.

² Советская историческая энциклопедия. Т. 2. М., 1962.

³ С. М. Соловьев. Избранные труды. Записки. М., 1983. С. 368.

⁴ В Румянцевском музее хранились черновики Беляева (несколько редакций русской истории до Петра, которые А. Викторовым обозначены, как «русская история от начала русской земли до смерти Петра Великого, по княж. и потом по царств». Сначала автор делал краткий пересказ событий русской истории, а затем готовил более полные очерки.

⁵ Рассказы из русской истории, от Иоанна IV до единодержавия Петра I // Народное Чтение.1859. Кн. 4 и 5 и др.

Впоследствии, однако, он попытался дать общий характер русской истории в разные эпохи не путем группировки фактов и обращения к источникам, а путем изложения основных впечатлений, вынесенных им из фактов. Таким образом, из-под пера Беляева выходил своеобразный опыт художественной истории. Подобный подход требовал четкой системы для освещения истории разных земель.

В первой книге «Рассказов...» Иван Дмитриевич рассматривает историю Русской земли в целом. Необходимо было уяснить общий ход событий, сформулировать его смысл. Жизнь народа становится для Беляева выражением руководящей им Высшей Воли.

Но общие начала, действовавшие во всей Русской земле, принимали своеобразный вид в зависимости от местных особенностей. Вот как об этом писал ученик Беляева С. А. Петровский: «Ив. Дм. задумал план обширного труда – объяснить историю Московского государства, возвеличения Москвы в сердце и столицу России, объяснить успех и объединение всех русских княжеств под властью московских князей». «Чтобы понять естественное прирастание к Москве одного княжества за другим, одной области за другою, чтобы уяснить слабость сопротивления их, а подчас и добровольное тяготение к центру – к Москве, желание слиться с нею, – обыкновенно говаривал он, – надо рассмотреть историю бывших независимых княжеств, кольцом окружающих Москву, посмотреть на их судьбу, отношения к соседям русским и не русским, православным и иноверцам, посмотреть на прочность и крепость их внутреннего быта и отсюда уже перейти к окончательному акту – потере ими самостоятельности и слитию с Москвой»¹.

Беляев стремился главным образом понять внутреннюю жизнь отдельных земель, сравнивая их между собой, выяснить смысл всей русской истории. Описав в первой книге общую историю русских княжеств, три последующие книги исследователь посвятил историям Великого Новгорода, Пскова и

¹ Отчеты и речи, произнесенные в торжественном собрании Императорского Московского университета 12 янв. 1874. М., 1874. С. 66.

Полоцка¹. Изучение каждого из вечевых устройств, как проявления земской силы, придает особый оттенок рассказам учебного. На примере всех этих земель автор показывает главные причины утраты ими самобытности: внутреннее разложение, развитие самолюбивого аристократизма, пренебрегавшего интересами низших слоев общества.

Последняя из выпущенных книжек оканчивается историей Северо-западной Руси до Люблинской унии.

Беляев подготовил много материала и для других выпусков (по целой книге он хотел посвятить Смоленску, Чернигову, Киеву, Рязани и самой Москве), но они, к сожалению, остались неизданными. По некоторым данным, в своих изысканиях Иван Дмитриевич «добирался» до екатерининских времен, – и вместе с тем с сожалением чувствовал, что цельный замысел останется незавершенным. Иван Дмитриевич даже предлагал окончить это начинание своим друзьям и последователям, однако приглашение это осталось без ответа.

В начале 1860-х гг. Беляев активно сотрудничает в газете И. С. Аксакова «День», откликаясь на самые разные вопросы, волнующие общество и имеющие непосредственное отношение к национальным особенностям истории русского народа². Здесь, по сути дела, он продолжает излагать свои взгляды, как раньше делал это в «Русской беседе».

Внимание Беляева постоянно сосредоточено на духовной жизни древнерусского и современного общества, Иван

¹ Рассказы из русской истории. Кн. 1. М., 1861; Рассказы из русской истории. Кн. 2. История Новгорода Великого от древнейших времен до падения. М., 1864; Рассказы из русской истории. Кн. 3. История г. Пскова и Псковской земли. М., 1867; Рассказы из русской истории. Кн. 4. Ч. I. История Полоцка или Северо-западной Руси от древнейших времен до Люблинской унии, М., 1872; Рассказы из русской истории. Кн. 1 и 2. Изд. 2-е. (печ. с 1 изд.), М., 1865, 1866.

² Где взять учителей для сельских школ (1861. № 9); Тысячелетие русской земли (Историч. очерк) (1862. № 12); Ответ «Тульским епархиальным ведомостям» на замечание к статье, где взять учителей для сельских школ (1862. № 18); Заметка на заметку Русского Инвалида о народных школах (1862. № 20). 5) Замечания на ст. «К вопросу об улучшениях в быте духовенства», помещенную в № 1 Православного Обозрения за 1862 г. (1862. № 22) и мн. др.

Дмитриевич публикует исследования о святых, много печатается в духовных журналах («Православном Обозрении», «Душеполезном Чтении»)¹.

В 1864–1866 гг. по просьбе Великой княгини Елены Павловны и по совету и плану Ю. Ф. Самарина в связи с проводившейся тогда земской реформой, Беляев пишет работу «Судьбы земщины и выборного начала на Руси». Но только часть ее была издана при жизни автора². Целиком же работа увидела свет в начале XX в.³, а затем более ста лет ни разу не переиздавалась. Это был сжатый, но чрезвычайно содержательный очерк истории «земского и выборного начала на Руси», истории русского местного самоуправления с IX по XIX век.

Беляев в то же время занимался разработкой самых различных сторон жизни русского общества, помещая свои многочисленные исследования в «Русской старине», «Известиях Академии Наук», «Русском вестнике», «Журнале Министерства юстиции», «Юридическом журнале», «Зрителе» и др.

Беляев первым из русских историков не ограничился для характеристики имущественного положения женщин в X–XV вв. нормативными документами, обратившись и к актовому материалу. Именно он обнаружил и описал развитие норм русского права, относящихся к женщинам.

За время своей научно-литературной деятельности Беляев напечатал многочисленные разборы сочинений: А. Вельтмана,

¹ Михаил Александрович, великий князь Тверской // *Временник...* 1861. Кн. III (XXXVIII); Святой Константин (нареченный Кирилл) и Мефодий, учителя славянские // *Душеполезное Чтение*. 1862. II, авг.; Преподобный отец наш Феодосий Печерский // *Душеполезное Чтение*. 1863. Ч. I, апрель, отд. I, (2-е изд. М., 1865); Святой Владимир Равноапостольный великий князь Киевский и всея Руси // *Душеполезное Чтение*. 1864, II, июль (2-е изд. М., 1864; 3-е изд. М., 1886)); Церковь и духовенство в древнем Пскове // *Чтения в Московском Общ. любителей духовного просвещения*. 1863. Вып. I; Памятники русского церковного законодательства. Стоглав и Наказные списки по Стоглаву // *Православное Обозрение*. 1863. Т. XI. № 7; Полоцкая православная церковь до Брестской унии // *Православное Обозрение*. 1870. № I; № II; Восстановление Реконьской пустыни // *Православное Обозрение*. 1873. Т. III. № 3 и др.

² *Земские соборы на Руси*. М., 1867. 2-е изд. М., 1902.

³ *Судьбы земщины и выборного начала на Руси*. М., 1905.

М. И. Горчакова, Т. Н. Грановского, И. Е. Забелина, Н. Д. Иванисева, Н. Д. Иванчина-Писарева В. Н. Лешкова, Осокина, А. Павлова, М. П. Погодина, И. М. Снегирева, С. М. Соловьева и др.

Во многом Беляев обращался к тем же проблемам, что и славянофилы, но подражателем его назвать никак нельзя. На основании многолетних исследований множества источников он делал полностью самостоятельные выводы. Иван Дмитриевич состоял в дружеских отношениях с Хомяковым, братьями Аксаковыми, Киреевскими, Самариным. По словам Е. В. Барсова, из всех лиц, принадлежавших к славянофильской школе, «никто так тщательно не воскрешал былого, никто так ревностно не допрашивал этого духа жизни в его истории, в старине, как покойный Иван Дмитриевич Беляев»¹.

Вот что писал П. А. Безсонов об отношении к Беляеву князя В. А. Черкасского: «...от Карамзина перешел он прямо к Погодину, его (в деле истории) всегда внимательно читал и слушал, хотя и не сходилась с его политическими воззрениями, в особенности на славянский вопрос; а от Погодина еще прямее и скорее обратился к И. Д. Беляеву. Замечательно это постоянное, глубокое уважение его и доверие к сему последнему, к ученому, которого, конечно, славянофилы ставили всегда очень высоко, а наука начинает теперь (написано в 1878 г. — А. К.) ценить повсюду, но которого в ту пору чуть не “загнали” своим высокомерным пренебрежением рьяные школяры и сухие пропагандисты узеньких теорий. Казалось, частое повторение о “государственном наряде и строе” скорее могло бы завлечь государственный ум князя в сторону этих новаторов, тем больше, что Беляев по каким-то недоразумениям, был долго врагом Бодянскому: вышло иначе, и живое чутье народного смысла в русской истории сблизило князя по преимуществу с Иваном Дмитриевичем. У него бывал князь очень часто (в тесном, почти убогом жилье на конце Проточного переулка под Смоленским рынком), сживал долго по приемным воскресеньям, выслушивал терпеливо чтение длинных столбцов, аршинных актов и сотни беляевских статей, вытвердил “Исто-

¹ Барсов Е. Иван Дмитриевич Беляев // Чтения.. 1882. Кн.1. С.16.

рию крестьян на Руси” и громко утверждал всегда, что самыми точными и дельными сведениями о русской общине обязан он Беляеву. Это и помогло князю много при последующем решении крестьянского вопроса¹.

По свидетельству Забелина, в кружке Хомякова Беляев был истинным знатоком по вопросам русской истории и к нему часто обращались за консультациями по самым разным вопросам. А публикация сочинения «Крестьяне на Руси» в «Русской беседе» красноречиво свидетельствует об отношении к этому труду со стороны славянофилов².

Кроме профессорства Иван Дмитриевич исполнял в университете и другие обязанности. В 1867 г. он был избран университетским судьей и секретарем юридического факультета (при декане В. Н. Лешкове), в феврале 1868 г. – попечителем бедных студентов³.

По отношению к последним, кстати, Иван Дмитриевич проявил себя одним из самых отзывчивых и добрых профессоров. Правда, вечно занятый своей работой в архивах, он вначале производил на них впечатление большого чудака и оригинала; долгие лекции казались некоторым достаточно скучными, но при более близком знакомстве с ним студенты находили в этом скромном профессоре очень приветливого человека.

Иван Дмитриевич любил, когда студенты занимались изучением источников в его библиотеке и охотно разъяснял непонятное. Среди его учеников были и выдающиеся впоследствии юристы, такие, например, как профессор В. И. Сергеевич. По семейной традиции, в 1863 г. молодой В. К. Плеве поступил на юридический факультет Московского университета, где аккуратно посещал лекции, семинары, в том числе, конечно же, и беляевские. По словам одного из его учеников, студенты привыкли по самым разнообразным делам факультета обращаться не к кому другому, как к Беляеву. Даже будучи тяжело больным,

¹ Безсонов П. А. Князь Владимир Александрович Черкасский // Русский Архив. 1878. № 6. С. 209.

² Русская беседа. 1895. № 6. С. 5.

³ Там же. С. 17.

Иван Дмитриевич подсказывал молодым ученым, где именно следует искать необходимые документы в делах московских архивов, когда их не могли найти даже опытные работники.

Вот как один из учеников впоследствии вспоминал о своем профессоре: «И. Д. Беляев хоть и вступил впервые на университетскую кафедру уже в мое время, но по всему своему складу принадлежал к порядкам доброго, старого времени. За то он всегда был особенно дорог моему сердцу. Старый холостяк, простодушный как младенец, чуждый всяких светских условий, приличий, недоступный голосу тщеславия и честолюбия, не знавший никаких развлечений, не знакомый с комфортом жизни, вечно зарытый в своих рукописях и книгах, бескорыстно и беззаветно преданный изучению русской истории, – И. Д. Беляев принадлежал к числу тех аскетов науки, которые переводятся теперь даже в Москве; это был (как выразился про него один его приятель) “евангельский человек”. Кто его знал, тот не мог не любить его и не уважать. Как теперь вижу я его невидную, некрасивую, вечно наклоненную вперед фигуру с вихрастой головой и кривой ногой. Как живой рисуется он передо мною, когда он, бывало, ковылял на лекцию в университет в картузе и камлотовой шинели, или когда, бывало, на вечерних сходках в домах своих собратьев по службе или литературе, “прифрантившись” в поношенный сюртук, в какой-нибудь клетчатый жилет, с серебряной луковицей в кармане и в миткалевой манишке без воротничков. Замечательно, что, несмотря на всю его чудаковатую внешность, в нем не было ничего смешного, ничего режущего глаз, – может быть потому, что в нем не было ничего напускного, деланного. Он был прост в обращении и одинаков всегда – сидел ли он в своем убогом кабинете, среди своих учеников-студентов, или находился в каком-нибудь великолепном салоне московского мецената. Он не знал тех различий в обхождении с людьми, смотря по их общественному положению, на которые так избретателен русский человек, по замечанию Гоголя»¹.

¹ Чебышев-Дмитриев А. И. На пол-пути. Очерки и заметки. СПб., 1874. С. 349-350.

В своей личной жизни Беляев был не только человеком добрым, отзывчивым, но и необыкновенно религиозным. Так, он ежедневно ходил к церковной службе. Происходя сам из духовного звания, он к духовенству относился с большим уважением и ратовал за его нужды.

По свидетельству приходского священника И. Ф. Некрасова, последние дни земной жизни Беляева были «не менее, если не более поучительны»: «Как истинный христианин неоднократно прибегал он к спасительному врачевству – таинству тела и крови Христовой. С какими горячими слезами он исповедовал пред Богом грехи свои... с каким благоговением и смирением приступал к принятию самого таинства, – это трудно и даже невозможно передать, это надобно было видеть. Он не роптал на болезнь, но благодарил Бога за нее. “Я смотрю на болезнь, – говорил он, – как на величайшую милость Божию ко мне грешному. Болезнь изменила мои взгляды на многое в жизни. Как мне хотелось бы еще пожить, чтобы поближе подойти к Господу своему”. Слова эти выливались у покойного прямо из сердца. За два дня до смерти он принял таинство елеосвящения, причем необыкновенно горячо целовал подносимые к его устам святое Евангелие и св. крест»¹.

Умер Иван Дмитриевич 19 ноября 1873 г. Очевидцы вспоминали, что во время похорон 22 ноября, несмотря на непогоду, студенты несли на своих руках тяжелый дубовый гроб с покойным от университетской церкви на далекое Даниловское кладбище, а один из его учеников сказал задушевную прощальную речь.

Беляев был похоронен там, где уже покоились Гоголь, Хомяков и другие его хорошие знакомые.

Как мы уже отмечали, Беляев в течение многих лет ревностно занимался собиранием книг, древних рукописей и отдельных актов. Жил он в доме своих однофамильцев, что давало повод считать его домовладельцем. В 1870-х гг. в окрестностях его дома случилось два пожара, во время которых часть рукописей погибла или затерялась. И все же после него осталась до-

¹ Православное обозрение. 1873. № 12. С. 967.

вольно значительная библиотека. Она состояла из 2425 томов исторических и историко-юридических книг, из собрания летописей, сборников, хронографов, разнообразных актов, книг разрядных, расходных, дел приказных и т. п.; всего в этом собрании было 257 номеров памятников древнего периода (1404–1613 гг.), тысячи актов более позднего происхождения (1613–1725 г.). Коллекция эта признавалась знатоками «единственной в своем роде», которая «имеет кроме историко-юридического значения высокий палеографический и дипломатический интерес»; впоследствии ее приобрел Московский Румянцевский музей (описание составил Д. Лебедев), где с тех пор она и хранится¹ (ныне – Отдел рукописей РГБ (фонд 178)). Туда же поступили собственноручные работы и бумаги Беляева (ученые статьи и копии актов). Хотя многое из собранных материалов использовал сам Иван Дмитриевич, но далеко не все. В последующие годы А. Г. Ильинский, В. О. Ключевский, П. Н. Мрочек-Дроздовский, о. М. И. Горчаков, С. Ф. Платонов и другие в своих исследованиях активно пользовались документами, собранными Беляевым

После кончины одного «из лучших знатоков архивного материала по истории русского права»² осталось много неизданных сочинений, подготовительных материалов и т.д. Неудивительно поэтому неоднократные сетования на отсутствие собрания сочинений Беляева. Курс истории русского права, или, как он сам обыкновенно его называл, – «истории русского законодательства», не только не был издан при жизни автора, но и не подготовлен им к печати.

Один из друзей Ивана Дмитриевича и ценителей его трудов, А. И. Кошелев, попросил наследников собрать все подготовленные покойным тетради лекций и взял на себя все издержки по изданию этих лекций. В то же время Кошелев предложил С. А. Петровскому, ученику Беляева, привести тетради Ивана Дмитриевича в порядок и присмотреть за их печатанием. Из нескольких редакций Петровский выбрал позднейшую, как лучшую. Кроме

¹ См. подр.: Викторов А. Собрание рукописей И. Д. Беляева. М., 1881; Лебедев Д. Собрание историко-архивных актов И. Д. Беляева. М., 1881.

² Ключевский В. О. Неопубликованные произведения. М., 1983, С. 169.

того, он использовал и записки студентов¹, потому что на лекциях Иван Дмитриевич нередко дополнял заранее подготовленный текст примерами и более подробными пояснениями.

Выдающийся труд Беляева «История русского законодательства» является одновременно и капитальным научным исследованием, и удачным учебным пособием. В качестве последнего этот труд был весьма популярны в пореформенной России, и рекомендовались по юридическим специальностям.

Историю русского законодательства И. Д. Беляев не мыслил в отрыве от истории русского государства. Этот государственно-правовой фактор автор видел в определении Собора 1551 г.: «В коейждо стране закон и отчина, а не приходят друг к другу, но своего обычая кийждо закон держит». Единство государственно-правового развития Иван Дмитриевич рассматривал в четырех периодах русского законодательства.

Беляев внес огромный вклад в исследование истории отечественного законодательства. Свои книги он писал простым, доступным языком, избегая излишней терминологии и теоретических отступлений. Многие положения его исследований не только нельзя назвать устаревшими, они и в настоящее время интересны и полезны как для профессионалов, так и для широкого читателя.

Один «из трудолюбивейших ученых, каких знает наша литература»², Иван Дмитриевич Беляев «кропотливой работой проникал в тайники русского духа» и «может оттого-то и оставливался он с такою любовью на всех скромных частностях исторической жизни, что перед ним ярче и отчетливее, чем перед другими историками, вырисовывался величественный образ главного героя русской истории – русского народа»³.

А. Каплин

¹ Известны литографированные издания кн. Голицына, Ханенко и Ждан-Пушкина: Конспект лекций истории русского законодательства. 1868–1869 г. М., 1869; История русского законодательства. М., 1868–1869. Также была издана литографским путем: Программа по истории русского законодательства. М., 1870.

² Ключевский В.О. Неопубликованные произведения. М., 1983. С.168.

³ Аксаков Н. Иван Дмитриевич Беляев // Русская беседа. 1895. №1. С.146, 147.

ЛЕКЦИИ ПО ИСТОРИИ РУССКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

ВВЕДЕНИЕ

Значение истории законодательства. Московский Собор 1551 года следующим образом выразил отношение закона к обществу: *«В коейждо стране закон и отчина, а не приходят друг ко другу, но своего обычая кийждо закон держит»*. Понятие сие доселе не потеряло своей силы и своего значения и, конечно, никогда не потеряет. Представители собора здесь выразили глубокое понимание значения закона, основанное на его сущности и природе. Действительно, закон есть отчина в каждом обществе. Самостоятельное общество, пока оно самостоятельно, не может подчиниться чуждым законам, принесенным со стороны; подчинение чуждым законам есть уже явный признак падения общества. Законы должны вытекать из исторической жизни народа. Связь между законом и внутренней исторической жизнью народа так неразрывна, что ни изучение законодательства не может быть вполне понятно без изучения внутренней жизни народа, ни изучение внутренней жизни – без изучения законодательства. На такую тесную связь законодательства с внутренней жизнью общества указывает и заведовавший комиссией составления законов Российской империи князь Петр Васильевич Лопухин, когда в своем докладе Государю Императору Александру I от 28 февраля 1804 года пишет: *«Нельзя распространить пределов действия комиссии так, чтобы предоставить ей сочинение законов новых или введение чуждых образу правления и местному положению*

России несоответственных. В таком случае комиссия принесла бы более вреда, нежели пользы государству». Это мнение князя Лопухина совершенно согласно с мнением Московского собора, что «в коейждо стране закон и отчина, а не приходят друг ко другу», только выражено с большей определенностью. Лопухин в своем мнении говорит, что нельзя ни заимствовать законов со стороны, т.е. из других государств, ни сочинять новых законов, основываясь на одних теориях и не справляясь ни с внутренней жизнью, ни с потребностями того общества, для которого пишутся законы. А посему, ежели так неразрывна связь закона с жизнью, то и развитие законодательства должно идти в строгой последовательности с развитием жизни общества. А когда это так, то правильное и полное изучение законодательства возможно только при изучении истории законодательства, а история законодательства должна идти параллельно с историей внутренней жизни общества, они должны друг друга поддерживать и объяснять. Современная жизнь нашего отечества и современное законодательства не могут быть вполне понятны и ясны для нас, ежели мы не знакомы с судьбами и историей предшествовавшей жизни и законодательство, ибо везде и во всем последующее имеет тесную связь с предыдущим, в последующем, современном всегда еще много остается от предшествовавшего, прошедшего; а в законодательстве эта связь предшествовавшего с последующим еще яснее: каждый последующий законодательный памятник (за исключением немногих) есть не что иное, как развитие предшествовавших памятников, для которых он служит или дополнением, или объяснением, или ограничением и отменением. А законодательные кодексы или сборники составляются именно из узаконений всего предшествовавшего времени, которые еще не потеряли своей силы; так составлялись все кодексы Римского Права, так постепенно росла наша Русская Правда, так составились Уложение царя Алексея Михайловича и нынешний Свод законов Российской империи. В предисловии к Уложению о его составе именно сказано: «Государь указал, чтобы прежних Великих Государей Царей и Великих Князей Российских, и отца его Госу-

дарева, блаженныя памяти Великого Государя Царя и Великого Князя Михаила Федоровича всея Руси указы, и боярские приговоры на всякие государственные и земские дела собрать, и те Государские указы и боярские приговоры со старыми Судебниками справити». Здесь мы ясно видим, что источниками для Уложения царя Алексея Михайловича были все предшествовавшие законодательные памятники в России. Тот же порядок встречаем и при составлении ныне действующего Свода законов Российской империи: предварительно составлению высочайшим указом повелено было собрать из всех присутственных мест все прежние указы и постановления, начиная с Уложения, которые, согласно высочайше утвержденному положению от 22 сентября 1827 года, и были напечатаны под названием Полного Собрания Законов Российской империи, а потом уже из этого Полного Собрания был составлен Свод Законов. Таким образом, сам состав законодательных памятников указывает на необходимость изучать историю законодательства. Законодательство какой-либо страны нельзя изучить ясно и вполне, не изучив сперва, как оно образовалось историческим путем и дошло до того развития, в котором находится в данное время.

Периоды развития русского законодательства. Указав на ту тесную связь, в которой находится изучение законодательства какой-либо страны с изучением истории законодательства и внутренней жизни того общества, которому принадлежит законодательство, мы теперь перейдем к истории отечественного законодательства, соединяя ее с изучением истории внутренней жизни русского общества, насколько это будет нужно для полного и основательного уразумения самой истории законодательства. Здесь прежде всего мы должны указать на различные элементы, которые время от времени втекали в жизнь русского общества и более или менее изменяли характер общественной жизни, а вместе с тем изменяли и законодательство. Первым основным элементом русского общества были разные славянские племена, в разное время пришедшие в здешнюю страну с Дуная и как колонисты поселившиеся между старожилами здешнего края финнами. Вторым основным элементом русского общества были

варяги-русы, пришедшие по приглашению ильменских славян из Скандинавского полуострова и, по взаимному соглашению, составившие вместе со славянами одно русское общество, послужившее зерном для образования русского государства. Потом, по порядку времени, следовали элементы: византийский, принесенный в русское общество вместе с христианством, принятый русскими из Византии; далее элемент монгольский, проникнувший в русское общество во времена владычества монголов, и наконец, литовский и западноевропейский. Элементы эти, по мере своего притечения в русскую жизнь, делят историю русского законодательства на следующие периоды.

Первый период – до введения христианства Владимиром Святым; к этому периоду относится история внутренней жизни общества в славянских племенах, как перед прибытием Рюрика, так и по прибытии его, когда славянский элемент соединился с вновь прибывшим элементом варяго-русским. Законодательство этого периода выразилось в коренном устройстве славянских племен и в узаконениях Рюрика, Олега, Игоря, Ольги и Святослава.

Второй период начинается введением христианства в Россию и оканчивается соединением русских удельных княжеств, частью под скипетром московского государя, частью – литовского. В первой половине этого периода к элементам славянскому и варяго-русскому присоединился третий элемент – византийский, принесенный на Русь вместе с христианством и имевший сильное влияние на развитие внутренней жизни народа и много участвовавший в развитии законодательства введением греческих Номоканонов. Во второй половине этого пятисотлетнего периода к первым трем элементам присоединился четвертый элемент – монгольский, или татарский, который по враждебности своей хотя не мог иметь сильного влияния на внутреннюю жизнь народа, но тем не менее много действовал в административном значении. Законодательство этого периода выразилось в уставах Владимира и Ярослава, в «Русской Правде», имевшей несколько подновлений, в переводных греческих Номоканонах, в Псковской Судной Грамоте, в Судной Грамоте Новгородской

и в разных уставных, договорных, жалованных и других грамотах, частью дошедших до нас и частью известных только по упоминаниям в разных памятниках. В этом периоде внутренняя жизнь народа сперва имела общий характер развития для всех племен под влиянием христианства, а потом, вследствие раздробления России на уделы, общее развитие жизни получило некоторые оттенки особенностей по разным уделам.

Третий период занимает пространство времени от соединения северо-восточных русских княжеств с Москвой, а западных с Литвой, до царствования царя Алексея Михайловича. В этом периоде внутренняя народная жизнь на северо-востоке кипела борьбой удельных особенностей с всепоглощающим уровнем московской жизни. Уделы, потерявшие свое политическое значение подчинением московскому государю, продолжали еще отстаивать свои особенности внутренней жизни и в администрации, и в обычаях. Эту борьбу московские государя, особенно начиная с царя Ивана Васильевича, вели с неподражаемым искусством. Царь Иван Васильевич показал первый пример сглаживания непокорных особенностей народной жизни в уничтоженных уделах, оставляя на произвол жителей управляться наместниками, присылаемыми из Москвы, или собственными выборными судьями, старостами и излюбленными головами. В это же время на западе России, т.е. в литовско-русском государстве, шла такая же борьба местных народностей с общим уровнем государства; но там желание всюду ввести латинскую веру и вообще слишком крутые и неблагоприятные меры испортили все дело, и исход борьбы кончился присоединением Литовской Руси к Московской. Главными законодательными памятниками этого времени в Московской Руси были: «Судебник Великого Князя Ивана Васильевича», «Судебник Царя Ивана Васильевича» и разные дополнительные к ним указные статьи, уставы и соборные определения; в литовской же Руси – три редакции литовского Статута с разными привилегиями и дополнениями.

Четвертый период русского законодательства и внутренней народной жизни составляет пространство времени от царя Алексея Михайловича до наших времен. Здесь внутренняя на-

родная жизнь проявляется в борьбе с наплывом новых идей западноевропейского образования. Эти новые идеи начали понемногу проникать в народную жизнь Руси еще в предшествовавший период и особенно распространились во время смут самозванщины, когда представители (для русских) тогдашнего европейского образования: поляки, литовцы, шведы и разные европейские искатели счастья – старались расхитить достояние русского царства и толпами бродили по русской земле, то дрались, то дружились с русскими и передавали им свой образ мыслей, свои западные обычаи. Хотя эти пришельцы с воцарением дома Романовых и должны были удалиться из России, но семена, ими посеянные, остались в русской жизни и, благоприятствуемые обстоятельствами, стали развиваться более и более, как и должно было ожидать по естественному развитию русского общества, которое не могло не сочувствовать европейской жизни как по воспитанию своему в недрах христианской церкви, так и по образованию, по крайней мере в высших представителях своего просвещения, а также по торговле и по другим условиям, постоянно не позволявшим России совершенно изолироваться от Европы. Распространение новых идей западноевропейского образования, по естественному ходу дел человеческих, не могло не встретить сопротивления и тем более, что идеи эти частью переходили из стран, враждебных России, а частью передавались с большим презрением к русской жизни, вовсе не заслуженным. Борьба старой русской жизни с новыми идеями европейского образования сперва не делала перевеса ни на ту, ни на другую сторону; старая жизнь сильно упорствовала и даже в иных случаях доходила до крайностей, но с императора Петра I перевес борьбы явно перешел на сторону нового образования, впрочем, основа старой русской жизни – известное отличие Руси от других народов – осталась неприкосновенной. Законодательство этого периода выразилось в Уложении царя Алексея Михайловича и в разных уставах, регламентах, указах и других учреждениях, изданных как царем Алексеем Михайловичем, так и его преемниками до первого издания ныне действующего «Свода Законов Российской Империи».

ПЕРИОД ПЕРВЫЙ

ДРЕВНИЙ БЫТ СЛАВЯНСКИХ ПЛЕМЕН, ВОШЕДШИХ В СОСТАВ РУСИ

Общинное устройство славянских племен. Быт отдельных славянских племен: уличи и тиверцы, дулебы или бужане и волыняне, древляне, поляне, северяне, кривичи, полочане, новгородцы. Новгородские владения. Общественное устройство Новгорода. Обычаи. Характер новгородской общины

Общинное устройство славянских племен. Летописи и другие источники, дошедшие до нас, сообщают очень немного известий о первобытном устройстве славянских обществ на Руси, тем не менее можно составить довольно ясное понятие об этом устройстве, по крайней мере в главных его чертах. Из рассмотрения всех дошедших до нас свидетельств оказывается, что первобытное, дорюриковское устройство общественной жизни славян на Руси было общинное, а не родовое. Летописец о древнем устройстве общественной жизни у русских славян вообще говорит: «Новгородцы бо изначала, и смольняне, и кияне и вся власти, яко же на думу на вече сходятся, и на чем старшие сдумают, на том и пригороды станут». Общинное вечевое устройство у славян проникло во все стороны общественной жизни. Каждое племя является союзом городов, город является союзом улиц, улица – союзом семейств. Следовательно, первобытное устройство славянских обществ на Руси было вечевое, а вече при родовом быте неуместно, там глава

всего устройства родоначальник, а не вече. Сама история поселения славян на Руси указывает также на общинное, а не родовое устройство. Нестор говорит: *«Волохом бо¹. нашедшим на словени на дунайские, севшем в них и насильящим им. Словени же овии пришедшие седоша на Висле и прозвашася ляхове, а от тех ляхов прозвашася поляне, ляхове друзии лутичи, ини мазовшане, ини поморяне. Тако же и ти словени, пришедше и седоша по Днепру и нарекошася поляне, а друзии древляне, зане седоша в лесах; а друзии седоша между Припетью и Двиною и нарекошася дреговичи; инии седоша по Двине и нарекошася полочане речки ради, яже течет в Двину, именем Полота, от сея прозвашася полочане. Словени же, седоша около озера Ильменя, прозвашася своим именем, и сделаша град и нарекоша и Новгород; а друзии седоша по Десне и Семи, и по Суле, и нарекошася север. Тако розыдеся словенский язык»*. Эти слова Нестора показывают, что славяне не вдруг заселили русскую землю, но постепенно, – «седоша, говорит, на Висле, на Днепре, седоша на Десне» и пр. Из этого свидетельства летописи видно, что славяне не были старожилами на Руси, а переселились в эту сторону с Дуная. А если они были пришельцами на Руси, то родовой быт не мог быть осуществлен. Известно, что родовой быт есть принадлежность племен туземных, домоседных, которые развиваются через естественное народжение в стране, свободно занятой их предками и никому прежде не принадлежавшей, где семья, а потом род размножаются на просторе, без соперничества, без соприкосновения с чужеземцами. Такие общества или племена живут обыкновенно врассыпную, каждая семья или род отдельно; в таких обществах не бывает городов, а только села. Так жили и славяне до переселения с Дуная. Римские и греческие писатели свидетельствуют, что славяне на Дунае жили в родовом быте, без городов и селений, рассеявшись на большом пространстве отдельными семьями. Так, Прокопий², живший в VI в от Р. Х., говорит, что славяне не со-

¹ Волохами древние славяне называли римлян.

² Прокопий, греческий историк, родился в Кесарии, жил при Юстиниане и б. градонач. Константинополя.

ставляли государства, жили в худых хижинах и часто переменяли свои жилища. Это показание очевидца. То же подтверждает греческий писатель VI века Маврикий¹; он пишет, что славяне охотно селятся в лесах при реках и озерах, не имеют городов, ведут одинокую жизнь, любят свободу, каждый род их имеет родоначальников. Славяне, говорит далее Маврикий, преследуют друг друга ненавистью, не умеют сражаться в открытом поле, бьются врассыпную. Вот как изображается жизнь славян-родовиков писателями, достойными доверия. Но, переселяясь в другое место, славяне должны были изменить свой образ жизни, потому что новые условия их жизни были неблагоприятны для родового быта. Мы знаем, что земля, на которую они переселились, была занята племенами не славянскими. Так, по свидетельству греческих и римских писателей, земли на востоке от Дуная, может быть по Прилети и Оке, были заняты скифами, сарматами и др. племенами, а на севере от Прилети и Оки вплоть до Балтийского моря и Северного океана, по свидетельству наших летописей, жили племена латышского и финского происхождения. Эти иноплеменники совершенно стерли бы национальность славян, если бы они и на Руси продолжали жить так же, как жили на Дунае, врассыпную, каждая семья отдельно. Таким образом, чтобы обезопасить себя со стороны туземцев и сохранить свою национальность, славяне, при первом появлении на Руси, должны были оставить родовой быт, селиться массами и строить города, так что скандинавы называли здешнюю страну, занятую славянами, страной городов – *«Гордорикией»*. Об общем быте славян Нестор говорит: *«И живяху в мире поляне и древляне, север и радимичи, и вятичи, и хорваты. Дулебы живяху по Бугу, где ныне вольняне, а уличи, тиверцы седяху по Днестру, приседяху к Дунаеву, бе множество их, седяху бо по Днестру оли до моря, суть града их до сего дне»*². А существование городов есть уже

¹ Маврикий Тиверий, император Вост. Рим. империи (582–608). Он воевал с лонгобардами, славянами, аварами и восстановил на персидском престоле Хозрая II, убитого Фокою.

² См. стран. 7 летописи Нестора по Лаврентьевск. Списку, изд. 1864 г., Москва.

явный признак общинного быта; городская жизнь, на какой бы степени развития она ни была, не может быть не общинная, ибо с ней неразлучно первое и главное условие общинности – жить вместе и управляться одной властью, общей силой поддерживать укрепление города, защищать город, иметь общие улицы, площади, быть в постоянных сношениях с гражданами; без этих условий нельзя представить городской жизни, а эти условия и представляют главные начала общинности, отрицающие родовой быт в самых его основаниях и составляющие корень и основание всякого общественного развития. Конечно, между переселенцами может иногда существовать родовой быт, свидетельство чему встречаем мы в германских племенах, которые при своих переселениях большей частью удерживали формы родового быта в общественном устройстве довольно долго, так что некоторые следы этого устройства даже и до сих пор заметны в иных обществах Германии. Но для такого порядка дел нужно много посредствующих обстоятельств и особенное устройство народа, особенная привязанность его к родовому быту. У славянских же племен на Руси не было ни особенной привязанности к родовому быту, ни благоприятствующих к тому обстоятельств. Германские племена, переселявшиеся в разные страны Европы, передавали свои родовые имена вновь занимаемым местностям, например, Нордлинг, Нортумберленд в Саксонии и Англии; напротив того, славянские племена сами принимали названия от местностей, ими занимаемых: поляне – от полей, древляне – от леса, северяне – от того, что прежде жили на севере, а потом переселились на юг, полочане – от речки Полоты, на которой они поселились, новгородцы – от Новгорода. Явно, что славяне у нас не дорожили своим дунайским родовым бытом; германцы же так дорожили своим родовым бытом, что даже устраивали искусственные роды, напр., *дитмарсенские роды*, когда на самом деле переселенцы не были родичами между собой. В истории русских славян не было упоминания об искусственных родах. Сохранению родового быта у германцев благоприятствовало то, что германские племена совершали свои переселения во

время владычества родового быта на родине, поэтому германские переселенцы большей частью отправлялись в путь с строгим соблюдением родовых форм, под предводительством родоначальника. Переселения германские были произвольны; напротив, славяне стали переселяться с Дуная тогда, когда их родовой быт был сильно потрясен и даже расстроен римлянами, которые постепенно занимали их земли и строили там свои города. Славяне начали переселяться за Дунай не по доброй воле, а по принуждению, вследствие насилия, как прямо говорит Нестор: «Волохом бо нашедшим на словени на Дунайские». Притом не нужно упускать из виду, что близкое и продолжительное соседство славян с греками и римлянами на Дунае сильно потрясло их родовой быт и развило в них потребность общественного устройства. Что уже славяне дунайские должны были во многом изменить свой родовой быт, показывает их история на Дунае; так, в конце VIII и в начале IX века в царстве Болгарском и у сербов появляются города с чисто общинным устройством. Хотя история заметила их только в эту эпоху, но по всей вероятности они были еще раньше. Стало быть, переселяясь в восточную Европу, славяне уже разуверились в превосходстве родового быта еще на Дунае. Переходя к нашей истории, мы видим, что когда славянские племена пришли на Русь, у них появляется уже общинное устройство; следовательно, родовой быт был потрясен еще на Дунае. Племена, переходя на Русь, принесли с собой некоторое образование, чему служит доказательством то, что они уже занимались земледелием; в сравнении с туземными финскими и латышскими племенами они были несравненно выше в своем развитии, чему лучшим доказательством служит то, что большая часть латышских и финских племен еще до Рюрика была подчинена славянам, и притом не столько, кажется, войною, сколько колонизацией, постройкой славянских городов между финскими и латышскими племенами. Так, история уже застаёт Ростов, Суздаль, Белоозеро и др. славянские города среди поселений веси, мери и муромы, и этот финский край на глазах истории до того ослабился, что уже в XII в. их трудно было отличить в не-

которых местах от славян – явный признак, что славяне пришли на Русь, уже находясь на известной степени развития, что общественное устройство у них было не родовое, а общинное, так что они принимали всякого иноплеменника в свое общество и делали его равноправным. Родовой быт этого не допускал: здесь всякий, вступавший на землю чужого рода, должен был сделаться или рабом, или – умереть, как это было у германцев; напротив, у славян на Руси не видим, чтобы исключали неродича. Славяне принимали в свое общество финнов как равноправных; так, известно, что в приглашении варяго-русов вместе со славянами участвовали и чудь, – следовательно, признавалась одноправной со славянами; это же условие принятия в общество иноплеменников явно указывает на общинное устройство у славян на Руси, – только община не полагает различия между единоплеменниками и иноплеменниками. Вообще можно принять с достоверностью, что славяне изменили свой быт еще на Дунае и преимущественно от влияния соседних греков и римлян. Наконец, верным признаком общественного состояния славян могут служить еще особенные условия владения землей. У нас, на Руси, и у сербов на Дунае было два вида владения: общинное и частное поземельное владение¹. В первом виде земля составляла принадлежность целого общества, и каждый член его имел право *владения и пользования без права отчуждения*; во втором же виде земля составляла полную собственность владельца *с правом отчуждения*. Такой порядок владения возможен только при общинном устройстве. В родовом же быте земля принадлежит целому роду, и члены его пользуются ею. В древней Германии все члены рода делили между собой всю землю, составлявшую принадлежность одного известного рода, и ни один хозяин не оставался по несколько лет на одной земле. Это сохранилось в некоторых местах до сих пор, тогда как у славянских племен на Руси и упоминания не было о подобном ежегодном разделе. У нас каждый член общества владел землей общины так, что мог передать ее и своим детям. Общинное владение отличалось от частного

¹ Общинное владение по-сербски называлось жупа, частное – баштына.

только тем, что владелец общинной земли непременно должен был быть членом общества.

Итак, устройство славян на Руси было общинное, а не родовое. Две причины имели влияние на изменение родового быта славян: 1) соседство с греками и римлянами, поколебавшее родовой быт славян еще в то время, когда они жили на Дунае; 2) переселение в чужую землю, занятую финскими и латышскими племенами поставило славян перед необходимостью жить в чужой земле общинами и строить города, чтобы не смешаться с туземцами. По свидетельству Нестора, родовый быт сохранился только у одного из славянских племен, переселившихся на Русь – у полян: *«Поляном же, живущим особе и владеющем роды своими, иже и до сее братье бяху поляне и живяху кождо с своим родом и на своих местах, владеюще кождо родом своим»*. Но и поляне недолго держались форм родового быта. Нестор же говорит далее¹, что над всеми родами Полянскими возвысился род Кия, Щека и Хорива и что у них был построен город Киев. Из этого видно, что поляне оставили впоследствии родовой быт и стали держаться быта общинного, потому что преобладание одного рода над другими невозможно при родовом быте, точно так же, как и построение города есть прямое отрицание родового быта.

Быт отдельных славянских племен. Мы видели, что общественное устройство славян на Руси было общинное, а не родовое. Теперь посмотрим, как у того или другого племени развилась общинность. Славянские племена, пришедшие на Русь с Дуная, заняли пространство земли от Черного до Белого и Балтийского морей. Естественно, что при такой расселенности они не все жили одинаково: иные из них скорее почувствовали необходимость в общинном быте и развили его, другие, напротив, могли остаться при старом родовом быте. Начнем с племен, живших на юге России; к ним относятся:

Уличи и тиверцы. Эти племена жили по побережью Черного моря, от нижнего Дуная до Днепра. Угрожаемые с запада тем же врагом, который принудил их передвинуться

¹ См. Лавр. сп. ст. 4 изд. ид.

на русскую землю, а с востока разными кочевниками, уличи и тиверцы вскоре после переселения вынуждены были обратиться к общинной жизни. Баварский географ, относящийся ко второй половине IX века, насчитывает у уличей 318, а у тиверцев 148 городов. Существование городов у этих племен доказывает, что быт их был общинным. Но насколько он был развит у них, как устроен был каждый город, в подробностях нам неизвестно. Нестор говорит только, что они были сильны, так что Олег не мог покорить их, хотя воевал с ними 10 лет¹. Игорь с большим трудом вел войну с ними, под одним из их городов Пересечном его войска стояли около трех лет. Но неизвестно, были ли эти племена покорены им, известно только то, что они платили Игорю дань.

Дулэбы или бужане («зане седоша по Бугу») и **волынiane** жили по р. Бугу на севере от уличей и тиверцев. Об их внутреннем устройстве мы имеем мало сведений. По свидетельству Нестора, эти племена переселились очень рано и в половине VII столетия были покорены Аварами, которые слишком жестоко обращались с покоренными². На север от дулебов и волынян жили дикие литовцы и еще более дикие воинственные ятвяги, племя, которое, несмотря на все усилия покорить его, просуществовало около 500 лет. Соседство с этими племенами конечно заставило дулебов и волынян жить не иначе, как обществами, и иметь города. Таким образом, мы имеем, хотя и косвенное, указание в летописи на то, что дулэбы и волынiane жили общинами, но кроме этого мы имеем еще другое историческое свидетельство – мифы, которые мы находим в былинах Владимира Святого. В них уличи и волынiane представляются чрезвычайно богатыми людьми. Далее в этих мифах есть указания и на внутреннее устройство этих племен; из сих краев у Владимира Св. были два богатыря, имевшие особенный от

¹ Нестор говорит: «В лето 6393... бы обладая Олег поляне и древляне, северяне и радимичи, а с уличи и тиверцы имяше рать». Ст. 11 Лавр. сп.

² Нестор говорит: «Обре воеваху на словенах и наимуша дулэбы, сущая словены и насилие творяху женам дулэбским: аще поехати будяше Обрину не дадыше впрягати коня, ни вола, но веляше впрягати 3-ли, 4-ли, 5-ли жен в телегу и повезже Обрена. Тако мучаху дулэбы». Ст. 5, Лавр. сп.

других богатырей характер, – это Дюк Степанович и Чурило Пленкович. Чурило Пленкович, красивый молодой человек, в сопровождении богатой дружины едет в Киев к Владимиру, который принимает его очень ласковой распрашивает его, кто он. «Я сын, – говорит Чурило, – старого Плена из Волыни; мой отец просит тебя принять меня к себе в службу». Владимир принял его, но через некоторое время вздумал сам побывать в гостях у старого Плена. Здесь он находит у него великолепное жилище, около которого красовались громаднейшие строения; везде видно было поразительное богатство и пышность. О Дюке Степановиче есть другое предание. Галичанин Дюк по смерти своего отца явился на службу к Владимиру с великолепной свитой и хвастался своим богатством так, что дивил всех. На обеде у Владимира он резко высказался против бедности киевлян. Раздраженный князь отправил посла для разузнания о Дюковых богатствах. Посланный, воротившись, говорил, что богатство Дюка действительно необъятно: «чтобы переписать его, нужно два воза перьев и чернил, а бумаги невесть сколько». Но ни Дюк Степанович, ни Чурило Пленкович нигде не называются князьями. Стало быть, у уличей, тиверцев, дулебов и волынян не было князей, но тут жили какие-то богатые люди, от которых вполне зависели прочие жители.

На восток от дулебов и на северо-восток от тиверцев жили **древляне**, соседствовавшие у верховьев Ирши и Тетерева с полянами. Об общественном устройстве в этом племени Нестор сохранил несколько драгоценных известий при описании войны древлян с Игорем и с Ольгой. Из этих известий видно, что главой древлянского племени был князь, он был главным попечителем всей земли, он пас деревскую землю, по выражению летописи, старался об ее распространении, о порядке и наряде целой страны. Но вместе с князем участвовали в управлении и лучшие мужи, которых Нестор прямо называет держащими землю; так, при описании вторичного посольства древлян к Ольге, он говорит: «Древляне избраша лучшие мужи, иже держашу деревскую землю». Замечательно, что летописец сих держателей древлянской земли называет лучшими мужами, а

не старейшинами, явный признак общинного быта в сильном развитии. Далее, вместе с князем и лучшими мужами, участвовало в управлении и все племя древлян. Так летописец, описывая вторичное нападение Игоря на древлянскую землю, говорит: «Древляне, сдумавше со Князем своим Малом, послали к Игорю глаголюще: почто идеши опять». Или древлянское посольство говорит Ольге: «Посла ны деревская земля». Здесь община выступает во всем своем развитии; послы прямо говорят, что они посланы от всей деревской земли, а не от князя или старейшин; следовательно, деревская земля составляла что-то целое, общину, моральную личность. Общественное устройство древлян совершенно одинаково с общественным устройством сербов, как оно представляется из Душанова Законника и других древнейших памятников. У сербов, как и древлян, был *свой князь или жупан, свои властели* или лучшие люди, держащие землю, как они именно и называются в сербских памятниках, а также свои народные собрания или вече, называвшиеся *соборами*. А сербское общинное устройство, по последнему слову науки, признается *общинным* или, как сербы называют, *оптина, обькина* (доктор Крстичь). Следовательно, ясно, что и древлянское устройство, описанное Нестором, было общинное. Еще замечание относительно лучших людей. В лучших людях нельзя видеть родоначальников или старейшин, а только поземельных собственников, как у сербов волостели. Существование частной собственности служит лучшим доказательством того, что быт их был не родовой, а общинный. У народов, живущих в родовом быте, земля принадлежит целому роду, а частной собственности не может быть. Таково было владение землей у германцев. Напротив, при общинном быте есть два рода владения: *общинное*, когда земля принадлежит целой общине, причем член ее только пользуется доходами с участка земли, им занимаемой, без права продажи, и *частное*, принадлежащее одному лицу как собственность (вотчина) и образовавшееся таким образом: земля в каком-нибудь месте, напр., в лесу, остается по неудобности невозделанной и не приносит никакого дохода; чтобы заставить ее приносить доход,

нужно затратить капитал и нужно иметь силу защитить ее, что для человека с ограниченными средствами невозможно. Когда землей владеют на общинных правах, тогда одна часть защищает ее, а другая обрабатывает; но в числе людей общины могут быть сильные, лучшие люди, – они могут занять землю в лесу, возделывать ее и защищать посредством богатства. Следовательно, поземельная частная собственность может быть только в общине, и притом такой, которая достаточно развита.

На восток от древлян, прямо по западному берегу Днепра жили **поляне**. Об этом племени, о его общественном устройстве Нестор оставил довольно свидетельств. По свидетельству Нестора, поляне пришли с Дуная еще под влиянием родового быта: они, при начальном поселении, сели у Днепра подунайски, врассыпную, каждый род отдельно, по горам и по лесам, и занимались звероловством, как прямо сказано у Нестора: «Поляном живущим особе и володеющим роды своими, и живяху каждо с своим родом и на своих местах, владеюще каждо родом своим; и бяху ловяще звер». Но чужая земля скоро принудила полян отступить от родового быта. Между ними скоро усилился один род, примыкавший своими поселениями прямо к Днепру, и старейшие представители этого рода, братья Кий, Щек и Хорив сделались главными начальниками, князьями всех Полянских родов, и выстроили в этом краю первый город Киев. По смерти Кия и его братьев власть, приобретенная ими, перешла в их род: «...и по сих братьи, по словам Нестора, почаша род их держати княжение в Полях». Таким образом, еще в первых поколениях Дунайских переселенцев последовало соединение Полянских родов в одно целое, а вместе с тем и первоначальное родовое их устройство потерпело сильное изменение. А когда вымерли потомки Кия, управлявшие полянами, то общинные начала в этом племени получили полное развитие – поляне уже начали управляться вечем; так что Нестор уже сравнивает их с новгородцами: «Новгородцы бо и смолняне, и кияне, и вся власти, якоже на думу на вече сходятся, на что же старейшии сдумают, на том же пригороды станут». Таким образом, с пресечением Киева потомства, все племя по-

лян составило союз общин, и прежнее родовое старейшинство обратилось в новое старейшинство – общинное, основанное сколько на старейшинстве, столько же на могуществе и богатстве; старшим сделался не род и не его представитель – родоначальник, а город, послуживший первой основой общины, младшими же – его выселки, пригороды. Родовой быт здесь решительно потерял свое прежнее значение, общество пошло совсем иным путем, выгоды его совершенно разошлись с выгодами рода. Род требовал разъединения и удаления от других, а общество искало общения и соединения в одно целое и сыскало его в подчинении пригородов старшему городу. У полян представителем и руководителем целого племени сделался не родоначальник, а старший в том краю город – Киев; о родах же, как представителях родового быта, нет и упоминания во всей последующей истории Полянского племени. Первое известие об общинном устройстве у полян, засвидетельствованное историей, мы встречаем при нападении Козар. Нестор говорит: *«Наудоша я Козаре, седяща на горах сих, и реша Козари: “платите нам дань”. Сдумавшие поляне и вдаша от дыма меч»*. Вот первое известное нам киевское вече. Второе вече встречаем при нашествии Аскольда и Дира.

При общинном устройстве поляне стали усиливаться, чему много способствовали выгоды местности, занимаемой ими при торговом пути от Варяг к Грекам¹. Поляне стали представителями общинного быта, начала которого стали проникать и в семейную их жизнь. Само устройство семьи у полян было особенное. Брак определялся по договору, которым определялось количество приданого за невестой, а договор – дитя общины. Семейные отношения у полян отличались особенной строгостью, чинностью: *«Поляне бо своих отец обычай имут кроток и тих и стыдение к снохом своим, и сестрам, и к деве-*

¹ Нестор говорит: «Поляном же, жившим по горам сим, бе путь из Варяг в Греки; и из Грек по Днепру и верх Днепра волок до Ловати, по Ловати внити в Ильмен озеро великое, из него же озера потечет Волхов и втечет в озеро великое Нево, того озера внидет устье в море варяжское, и по тому морю иди до Рима, а от Рима прити по тому же морю ко Цареграду, а от Цареграда прити в Понт море, в не же втечет Днепр река» (стр. 3 Лавр. ст.).

рем великой стыдение имяху; брачныя обычаи имяху: не хожаше зять по невесту, но проводяху вечер, и заутра приношаху ей, что вдадуче»¹. Сама религия полян подверглась влиянию общинного устройства. По свидетельству Прокопия, славяне на Дунае не изменяли древних обычаев и строго соблюдали их, тогда как поляне, переселившись, изменили свою религию. Первоначально религия их состояла в поклонении озерам, рекам, лесам, горам, но впоследствии мы видим у них других богов – Перуна, Стрибога, Волоса и др., которых они заимствовали у литовцев и финских племен. Это заимствование чужих богов, немислимое при родовом быте, служит неопровержимым доказательством, что племя славян перешло от отчуждения и замкнутости к общине в самых широких размерах.

На восток от полян, на противоположном берегу Днепра, жили **северяне**. Это племя, по свидетельству Нестора, составилось из выселенцев, пришедших от **кривичей**; кривичей же Нестор называет выселенцами **полочан**, а полочан производит от ильменских славян или новгородцев. Таким образом, северяне принадлежали к одному поколению с новгородцами, полочанами и кривичами и были колонистами ильменских колонистов, что, кроме свидетельства Нестора, доказывает и само название северян, т.е. пришельцев с севера. Это известие о происхождении северян указывает на их общинное устройство, ибо колонисты общинников не могли быть не общинниками; к тому же мы не имеем никаких известий, что у северян были в древности князья, а это еще более указывает на общинное устройство в этом племени, ибо в князьях, хотя не всегда верно, можно было бы еще предполагать родоначальников. На общинное же устройство у северян указывает ряд северянских городов от Любеча до Переяславля, уже в X веке известных по своей торговле византийцам, о чем ясно свидетельствует Константин Порфирородный, который говорит, что ежегодно у Киева сходятся лодки из Любеча и Чернигова для отправления в Константинополь. Кроме Константинополя северяне вели еще обширную торговлю с Казарией и Камской

¹ Лавр. сп., стр. 6.

Болгарией, о чем говорит Ибн-Фоцлан, посол Калифа Муктадера, бывший в Булгаре и Итиле в 921 и 922 годах. По его словам, в Итиле хозарском была особая слобода для северянских купцов, где помещались их жилища и амбары с товарами; они там жили обществами и по своим торговым делам иногда довольно долго проживали в Итиле и Булгаре, и в одной роще имели свою особую кумирницу, куда приходили для жертвоприношений. Обширная и деятельная торговля северян с Византией, Болгарией и Козарией свидетельствует о довольно развитости северянского племени, ибо никак нельзя согласиться, что торговля эта была следствием нужд естественных и бесплодия земли, потому что край, занятый северянами, очень плодороден и обилен для того, чтобы прокормить дикарей и удержать их дома, не странствуя по отдаленным землям для прокормления торговлей; явно, что торговля была следствием развития потребностей не чисто физических, но уже более нравственных, гражданских. Для северян, по свидетельству Ибн-Фоцлана, нужны были золото, серебро, греческие парчи и другие предметы довольства и обилия, не известные и не нужные бедным дикарям.

Нестор дает нам некоторые сведения о жизни и нравах северян. Так он говорит, что они имели обычай собираться на игрища, происходившие между их селений, на которые сходились мужчины и женщины: *«Схожахуся на игрища, на плясания и на вся бесовская игрища, и ту умыкаху жены собе, с нею же кто совещашеся»*¹. Существование такого обычая заставляет предполагать, что быт северян был общинный: они не нуждаются друг в друге, живут не замкнуто, как живут обыкновенно в родовом быте. Утверждение брачных договоров имеет у них точно так же характер общинного быта: невеста отдавалась жениху в присутствии большого собрания народа, впрочем, не без предварительного между ними согласия. Этот обычай сохранился в общих чертах и до настоящего времени в губерниях: Курской, Орловской и некоторых уездах Черниговской. Свадьбы заключались на общих сходбищах по случаю

¹ Лавр. сп., стр. 6.

какого-нибудь торжественного праздника или на ярмарке, и ежели жених объявил свою невесту, то она считалась настоящей его невестой и отказаться от нее жениху уже не было возможности. Кроме свидетельства о брачных обычаях у северян, Нестор сообщает еще о похоронных обрядах. В этих обрядах тоже заметно влияние общинного быта. Как при заключении брака или вводе в семью требуется публичность, так же точно публичность требуется и при выходе из семьи, т.е. при смерти кого-либо из ее членов. Похороны состояли в том, что мертвеца сжигали, и пепел его, собранный в какой-нибудь сосуд, ставили в таких местах, где пересекалось несколько дорог, после чего совершалась тризна: *«Аще кто умряше, творяху тризну над ним, а по сем творяху кладу велику и взложашуть на кладу мертвеца, сожгаху, а по сем, собравше кости, вложашу в судину малу и ставяху на столпе, на путех»*¹. Тризна же есть общинный, а не родовой обряд; на ней устраивались игры в честь покойника, и кроме родственников и друзей его могли присутствовать все желающие. На эту тризну отделялась третья часть имущества, оставшегося после покойника.

Одноплеменники и родоначальники северян – кривичи, принадлежавшие, как мы уже видели, к одному поколению с новгородцами, по свидетельству Нестора, жили при верховьях Днепра, Западной Двины и Волги. Это племя было одним из многочисленнейших и занимало страну хотя не богатую земными произведениями, но выгоднейшую по местоположению: Днепр указывал кривичам путь в Константинополь, Западная Двина и Неман открывали им дорогу к Балтийскому морю и западной Европе, а Волга отворяла ворота в Камскую Болгарию и Хозарию. Выгодами местоположения своего кривичи не замедлили воспользоваться; о торговле кривичей с Византией свидетельствует Император Константин Порфирородный, писатель X века: по его словам, в Константинополь ежегодно приходили купеческие лодки из Смоленска в июне месяце или около этого времени; на севере кривичи торговали с новгородцами в Холму и с чудью в Изборске, откуда Чудским озером

¹ Лавр. сп., стр. 6.

и Нарвой доходили до Балтийского моря; на востоке по Волге кривичи, очевидно, торговали с Камской Болгарией и Казарией, ибо, по свидетельству Ибн-Фоцлана, под именем славянских купцов, приезжавших в Итиль и живших там в особой слободе, называемой Хазеран, должно разуметь не иных каких славян, как новгородцев и кривичей, приезжавших в Болгарию и Хозарию по Волге с северо-запада. Но, кажется, преимущественная торговая деятельность кривичей была направлена к литовской стране, где они не имели соперников для своей торговли и где через Неман могли иметь сообщение с Балтийским морем. На ближайшие и деятельные сношения кривичей с литовцами и вообще с латышскими племенами указывает сохранившаяся до сего времени привычка латышей называть всех русских *кривичами*, и русскую землю – *кривскою землей*. Об общинном устройстве у кривичей или смольнян по их главному городу свидетельствует Нестор, он говорит, что смольняне, так же как и новгородцы, управлялись в древности вече и что вече старшего города Смоленска было руководителем всех кривских пригородов.

Полочане, одноплеменники и родоначальники кривичей, жили по рекам Полоте и Западной Двине; их старейший город Полоцк находился при впадении Полоты в Двину, потом по Двине их селения доходили почти до ее устьев в Балтийском море, ибо, по свидетельству ливонской летописи, там были полоцкие города Кукейнос и Берсик. Далее, на юг от Двины, через землю литовскую, поселения полочан доходили до Немана и за Неманом на юго-запад, может быть до Буга и Вислы, на что намекают чисто полоцкие названия рек Диены и Нарева, и города Полтовеска или Пултуска. На это же углубление полочан в земли литовские и латышские указывает и свидетельство Нестора о том, что тамошние не славянские племена: литва, зимгола, корсь и либь платили дань Руси; да и вся последующая история Литвы ясно говорит, что полочане издавна были господствующим народом в Литве и находились в близких сношениях с литовскими и латышскими племенами, так что нет сомнения, что большая часть го-

родов литовской земли, и именно древнейшие из них, были построены полочанами и кривичами, которые постепенно колонизировали этот край славянскими поселениями, точно так же, как новгородцы колонизировали земли чуди, мери и веси. Об общественном устройстве полочан мы имеем два свидетельства у Нестора: в первом он называет полоцкую землю княжением, следовательно, признает у полочан князей, а во втором говорит, что полочане, якоже на думу на вече сходятся, и на чем старшие сдумают, на том и пригороды станут; то же подтверждает и Быховец в литовской летописи; по его словам: *«мужи полочане ся справляли, как великий Новгород»*. Из свидетельств Нестора и Быховца ясно, что общественное устройство у полочан было общинное, одинаковое с устройством древлян и сербов. Что касается торговли полочан, то, по всей вероятности, она была направлена по Западной Двине к Балтийскому морю, где полочане были хозяевами вплоть до морского берега, как можно заключить из того, что, по свидетельству ливонских летописей, немцы для первоначального поселения на этом берегу испрашивали согласия полоцких князей. Западная же Двина была одной из торных торговых дорог, по которой русские славяне издревле торговали с западной Европой; на нее указывает Нестор, как на один из древнейших путей сообщения с западом. О восточной и греческой торговле полочан мы не имеем никаких известий, ни даже намеков. По всей вероятности, полочане не ходили торговать ни в Константинополь, ни в Болгарию, ни в Козарию, ибо дороги в эти страны лежали во владениях кривичей, новгородцев, полян и северян, с которыми полочане менялись товарами, получаемыми с Запада.

Новгородцы. Новгородские владения. Сильнейшим и могущественнейшим племенем из всех славянских племен на Руси было племя славян ильменских или новгородцев. Окруженные со всех сторон инородческими финскими племенами, новгородцы, чтобы удержать свою национальность и не затеряться между иноплеменниками, должны были начать свою жизнь на Руси построением городов и жить общинами, до-

зволювшими принимать всех. Таким образом, новгородцы подавили финнов не физической силой, а славянизацией. Судя по преданию, ильменские славяне одни из первых пришли с Дуная, ибо предание говорит, что у Ильменя их застал Андрей Первозванный в I веке от Р. Х., путешествуя¹ по Днепру и Балтийскому морю. По свидетельству Нестора, ильменские славяне выстроили при истоке р. Волхова город Новгород, от которого и получили свое название², и потом скоро подчинили себе племена инородцев. Чтобы удержать их в зависимости, новгородцы стали строить в их земле пригородки. Так в земле чуди построили Псков, в Карелии – Ладогу, Ростов и др. Эта постройка городов результатом своим имела то, что финские племена от Финского залива до Уральских гор признали себя зависимыми от Новгорода³.

Владения новгородцев разделялись на три разряда: 1) сам Новгород со своими окрестными землями; 2) Новгородская земля, населенная хотя не одними славянскими племенами, но проникнутая духом новгородцев. Она простиралась от Финского залива до Торжка, а с юга – от Великих Лук до Ладожского озера. 3) Волости Новгородские – пространство земли

¹ «И приде (Св. Андрей) в словени, идее же ныне Новгород и виде ту люди сущая»... Лавр. сп., стр. 4.

² Лавр. сп., стр. 5.

³ О пространстве древних новгородских владений с достаточной определенностью говорит сага Орвар-Одда, жившего в 1-й половине IX века. В ней сказано, что в этом столетии владение новгородцев, или гардов, было так обширно, что заключало земли многих государств. Так, Моро был владельцем в Мономаре (Муроме), Родстав владел Ростовом, Эддваль в Суздале, Гоммейр был государем Гоммигарда (Новгорода) под Квилланном, кроме того Полтес владел Полтеском (Полоцком), Кенмар в Кунегардах (в стране Каянской Чуди). Все эти владельцы были подручниками одного государя – *Квиллана*. Наша отечественная летопись распространяет эти владения далее; она на первых страницах (стр. 6, Лавр. сп.) насчитывает многие другие племена, жившие в русской земле, пересчитывает также иноплеменников, которые будто бы подчинялись Руси: «А се суть иные языци, иже дань дают Руси: Чудь, Меря, Весь, Мурома, Черемиса, Мордва, Пермь, Печера, Ямь, Литва, Зимгола, Корсь, Нарова, Либь». Нестор называет их данниками Руси, преимущественно разумая их данниками Новгорода, ибо последний прежде всех других стран стал называться Русской землей.

от Торжка до Ростова, а именно: земли веси, мери с городом Суздаlem и муромы с Ростовом. Это были самые отдаленные владения новгородцев. Здесь хоть и были новгородские пригороды, но влияние Новгорода было уже не так сильно. К новгородским владениям принадлежали еще следующие земли: 1) Заволочье – самая богатая часть новгородских владений, она простиралась от Онежского озера и р. Онеги до Мезени и Уральских гор. Весь этот край был заселен по распоряжению богатых новгородских бояр, которые, набрав ватаги вольницы, подчиняли себе туземцев, строили там города и села и владели ими как частной собственностью, с условием определенной платы в новгородскую казну. Поэтому влияние новгородского правительства в этом краю было очень незначительно. Хотя Новгороду и принадлежало право назначать от себя начальников для Заволочья и распоряжаться там, но настоящими хозяевами, особенно с XII века, там были все-таки бояре, так что вся связь Заволочья с Новгородом существовала только в лице этих бояр, членов новгородской общины. 2) Земли финских племен – печеры, перьми, югры, простиравшиеся от Заволочья до реки Оби. Эти волости, как видно из грамот, числились за Новгородом до XV века. Отдаленность этих земель от Новгорода не располагала новгородцев заводить там большие поселения. Поэтому отношения новгородцев с этими племенами ограничивались только одним сбором с них дани и производством торговли и разных промыслов в их землях, а в их управление новгородцы не вмешивались и предоставляли им ведаться своими племенными начальниками.

Общественное устройство Новгорода. Об устройстве новгородцев мы имеем два совершенно разнородных свидетельства: 1) свидетельство Нестора, 2) свидетельство скандинавских саг. Нестор говорит следующее: *«Новгородцы бо изначала и смольняне и кияне, яко же на думу, на вече сходятся, и на чем старшие сдумают, на том и пригороды станут».* Из этого видно, что их устройство было чисто общинное и форма правления была вполне республиканская. В скандинавских сагах новгородская земля называется «Гардарикией»; в

древности эта страна, по свидетельству саг, управлялась потомками Сигурламия, сына Одина, и была в частых и близких сношениях со Скандинавией как по своим торговым связям, так и по сходству в общественном устройстве и по близкому родству царствовавших домов. По сказанию саг, Один жил сначала на Дону, потом в Новгородской земле, потом в Саксонии. Удаляясь из Новгородской земли, Один оставил там Сигурламия, сына своего. По сагам можно, хотя и с перерывами, отыскать от 15 до 20 князей новгородских почти до начала IX века. Таким образом, относительно устройства Новгорода в источниках, по-видимому, оказывается противоречие, ибо по Нестору Новгород управлялся вечем, а по сагам – государями, потомками Сигурламия, сына Одина. Но если сообразить все обстоятельства, то окажется, что эти свидетельства, по-видимому противоречивые, все-таки согласны между собой. Свидетельство Нестора, что новгородцы «изначала, яко же на думу, на вече сходятся», нимало не противоречит известиям, сообщаемым сагами, ибо право веча не уничтожалось и при князьях, как мы знаем из истории Новгорода при Рюриковичах; следовательно, то же могло быть и до Рюрика, чему немалым подтверждением служит подобное общественное устройство и в древней Скандинавии, как его изображают саги. Присутствие князей нисколько не противоречило общинному устройству.

Князь-государь и господин Великий Новгород были совершенно совместны по общественному новгородскому устройству; об этом свидетельствуют все летописи и официальные известия последующего времени до второй половины XV века. Да и сам Нестор в другом месте называет Новгород княжением¹, следовательно, не отрицает княжеской власти у новгородцев и утверждает только, что они управлялись вечем при начале поселения и перед прибытием Рюрика, чего не отрицают и скандинавские саги, ибо они называют Сигурламия не основателем Новгорода, а пришельцем; следовательно, до него Новгород мог управляться и без князя; перед

¹ Лавр. сп., стр. 5.

прибытием Рюрика, по сагам, мы также не видим князей в Новгороде. Таким образом, и по сагам, и по нашим летописям новгородцы в иное время управлялись сами собою, в иное – князьями.

Новгородская земля составляла союз городов, подчиненных Великому Новгороду. Собственно общинный быт у новгородцев был устроен следующим образом: Новгород составлял цепь общинных союзов, где каждая улица была самостоятельной и составляла *общину*, т.е. союз нескольких домов; у каждой улицы было свое *уличанское вече*, на котором выбирались *уличанские старосты* и были *большие* и *меньшие* люди¹. Обидеть уличанина значило обидеть целую улицу. Новгород разделялся на *концы*; два из них находились на правом берегу Волхова, три на левом. Каждый конец состоял из нескольких улиц, и в каждом конце было свое *кончанское вече*, на котором избирался *кончанский староста*. Таким образом, новгородское вече состояло из кончанских и уличанских союзов и представляло собой органическое целое. Вечу принадлежала верховная власть, а так как на вече собирался весь народ, то, следовательно, он и был верховным правителем. На вече существовали своего рода порядки: иной богат, да не член веча, другой беден, да член его. Голос на вече принадлежал лишь тому, кто состоял членом общины, а членами общины были одни только домохозяева. Каждая улица шла на вече со своим старостой, и староста знал, кого он ведет. Местом веча был нынешний Ярославов двор, а иногда оно собиралось и у храма св. Софии. За вечем следовали власти выбранные: старосты по улицам, старосты по концам, старосты целого Новгорода и, наконец, тысяцкие. Тот же порядок был и в пригородах новгородских – Ладоге, Пскове и других. За пригородами следовали *села*; несколько сел составляли *погост*, несколько погостов – *уезд*. Таким образом, все новго-

¹ Новгородцы издревле разделялись на больших и меньших людей; первые были землевладельцы, приобретшие землю в собственность. На своих землях они селили более бедных – меньших людей, но не как чуждые работники, ибо и меньшие люди пользовались всеми политическими правами и не были безгласной массой.

родские владения суть ни что иное, как союз общин, в котором меньшие общины вполне зависели от больших.

Обычай новгородские можно разделить на общественные и семейные. Из *общественных* замечательны, как принадлежность одних новгородцев, *кулачные бои и повольничество*. О кулачных боях свидетельствует Густынская летопись; в ней о новгородцах сказано: *«В коеждо лето на том (Волховском) мосту людие собираются, и раздельшеся на двое, играющее убиваются»*¹. В этих кулачных боях новгородцы принимали участие не как попало и не врассыпную, а общинами. Например, жители одного конца или улицы выступали против жителей другого конца стеной на стену. Это показывает, что между самим общинами существовала тесная связь и единство, потому что только при таком единстве и при полном отсутствии разъединенности общинное начало проникает в обычаи. Другим характерным явлением новгородской жизни было повольничество. Оно было из древнейших учреждений Новгорода, не знакомое другим славянским племенам на Руси. Повольничеством в Новгороде назывался обычай молодых людей ходить вольницей по рекам и морям на чужую сторону, пробовать там свое удалство и находчивость и производить подчас грабежи. В Новгороде вся земля была общественная и только тот считался членом общины, кто имел землю, а у кого ее не было, тот не мог быть членом общины. Так, дети до тех пор не были членами общины, пока не получали земли. Эта-то масса людей и называлась вольными или гулящими людьми. Они пользовались правом свободы, правом труда и покровительством закона, но в делах управления не принимали никакого участия – они не несли общинных повинностей, от них требовалось только подчинение закону. Какой-нибудь богатый из них, как напр. известный Васьяк Буслаев, ходит по улицам и кричит: «Кто хочет в повольники». На зов его собираются богатые и бедные, и составляется, таким об-

¹ Скандинавская сага Рольфа, сына Гаутрекова, говорит о древности кулачных боев в Новгороде; по ее словам, у новгородского государя Гольдсдана было двенадцать бойцов, злых и неукротимых, которых не брало железо.

разом, дружина. Члены-повольники были связаны между собой клятвами и договорами, поэтому назывались ротниками. Они ходили по нескольку лет и возвращались на родину или богатыми, или оборванными, а иногда и совсем пропадали без вести. Свидетельства об этом обычае в наших летописях встречаются не раньше XII столетия и преимущественно относятся к походам и грабёжам по Волге, Каме и Заволочью; но тем не менее они указывают на древний обычай, существовавший в дорюриковское время, когда походы новгородской вольницы, конечно, были обширнее. Наши повольники ездили по морю; так, напр., они были в Померании, откуда вывезли множество пленников, чему служат доказательством названия – «Пруская улица», «Волотовский погост» в Новгороде. Скандинавские саги представляют нам прямое свидетельство о древности сего обычая в Новгороде. В одной из них рассказывается, что новгородский государь Реггвид в молодости постоянно занимался морскими разбоями и покорил многие места по Западной Двине. Здесь он воевал с разными народами в продолжение семи лет, не возвращаясь на родину, так что в Новгороде думали, что он уже умер. Очевидно, что этот обычай был совершенно одинаков с таким же обычаем в Скандинавии, где викинги, или короли моря, сыновья королей и ярлов обыкновенно начинали свое поприще морскими разбоями и повольничеством. Они обыкновенно хоронились в каком-нибудь из морских заливов, зорко стерегли проходившие с товарами корабли и грабили их. Наши повольники в своих походах также никому не спускали. Даже и своих иногда грабили и убивали. Случалось и так, что они, прибыв в какое-нибудь место, распродавали или променивали свои товары, а потом брались и за грабёж. Впрочем, из повольников нередко выходили и люди опытные; так нам известно из истории, что некоторые из них были тысяцкими, воеводами и даже посадниками новгородскими. Повольники, большей частью пускавшиеся на удачу, открывали новгородцам новые пути для торговли и для распространения владений. Лучшим тому доказательством служит то, что ни одно из славянских

племен на Руси не распространило так широко своих владений, как новгородцы со своими повольниками.

Теперь скажем о **семейных обычаях** новгородцев. Древние новгородцы имели брачный обряд, который состоял в том, что родственники приводили невесту к воде и отдавали ее жениху. Договорное начало при совершении брачного союза имело влияние на положение женщин в семействе и обществе. Вступая в семью по договору, женщина уже никак не могла быть рабой мужа, но делалась равноправной ему. Вследствие этого женщины пользовались уважением. Особенно завидно было положение вдовы. При жизни мужа женщина не могла брать общественной должности, хотя в семье она могла вести торговлю и владеть своим имуществом независимо от мужа, но после его смерти все переходило в ее руки. Вдова-мать заступала для детей место отца; в случае же вторичного замужества она теряла право на имущество первого мужа, которое переходило тогда во владение детей с учреждением опеки. Дети при матери не имели права на вече, если не отказывались от отцовского дома. Что женщины принимали участие в общественных делах, это мы знаем из примера сказочной Амелфы Тимофеевны и исторической Марфы Борецкой, дети которых хотя и были посадниками, но главою Новгорода была сама Марфа. Должно заметить, что Марфа не была исключением в Новгороде, не одна она пользовалась такими правами, ибо мы знаем, что Иван III, покорив Новгород, нашел в нем много таких вдов и посещал их официально, по расписанию. По этому образчику можно судить о том, каким высоким значением пользовались женщины в Новгороде. Семьи в Новгороде были независимы и каждая представляла отдельного и самостоятельного члена общины, без всяких ограничений и стеснений рода; каждая семья дробилась на несколько семей, как скоро вырастали сыновья и обзаводились своим хозяйством.

Характер новгородской общины. Все дошедшие до нас памятники – русские и иностранные – говорят одно: что новгородское племя было самым деятельным и предприимчивым

из всех славянских племен на Руси. Внимание новгородцев преимущественно было обращено на торговлю и колонизацию в соседних племенах. Живя на торговом пути, занимая местность, представлявшую большие удобства по близости к морю и по множеству озер, соединенных друг с другом реками, они еще в древнее время воспользовались своим удобным положением и завели торговлю с Византией. О большом торговом пути через новгородские земли очень рано упоминают Нестор, Константин Порфирородный и Адам Бременский. По их словам, этот путь был известен северным народам Европы с давнего времени; по нему, обыкновенно, ходили из Балтийского моря в Неву, потом в Ладожское озеро, потом реками Волховом, Ловатью, отсюда волоком до Днепра, потом по Днепру, и, наконец, а Черное море. Новгородские славяне, жившие почти при начале этого пути и, так сказать, владевшие ключом этой торговли, естественно всего скорее должны были принять в ней сильное участие, но имея соперниками кривичей, новгородцы не могли сделаться здесь господствующим торговым народом и посему обратились в другую сторону, на север и восток от своих владений, в земли, занятые финскими племенами – корелой: заволочской чудью, весью, мерей и муромой – где на далекое пространство им не представлялось соперников, а между тем речное и озерное сообщение открывало новый, важный торговый путь в Камскую Болгарию, бывшую в близких торговых сношениях с мусульманской Азией. В странах корелы, веси, чуди, мери и муромы новгородцы, начав дело торговлей, окончили колонизацией всего этого края и подчинением тамошних финских племен, чему прямым доказательством служат как названия тамошних городов – Ладога, Ростов, Белоозеро, Суздаль, Торжок и др., – так и чисто новгородско-славянское население с общественным устройством Новгорода. Вообще, по свидетельству скандинавских саг, нашего летописца Нестора и арабских историков и географов, новгородцы в VIII и в начале IX века были сильным и богатым народом на Руси. Они торговали с мусульманской Азией через Болгарию и Хозарию

и с западной Европой через Скандинавию; их владения занимали весь северный край нынешней России от Северного океана до Оки и, может быть, до устьев Угры, и от западной Двины и Балтийского моря до Камской Болгарии, Уральских гор и даже до р. Оби. Но, по свидетельству тех же историков, внутреннее устройство новгородского общества далеко не соответствовало богатству, торговым связям и силе, или пространству, владений. Общинные начала, благотельные для новгородцев в прежнее время и много способствовавшие к распространению новгородского могущества, явно стали оказываться недостаточными, когда Новгород усилился и когда на основании общинных начал подчинил себе и принял в состав своего народонаселения элементы финских, соседних славянских племен, а частью скандинавских. Эта разрозненность элементов населения по общинным началам, с правами более или менее одинаковыми, необходимо должна была вести к раздорам и междоусобиям, которые, усиливаясь год от года, не могли быть прекращены одними общинными средствами; ибо самое вече, этот главный судья в общине, в таких случаях распадалось на партии и, вместо суда и управы, усиливало междоусобия и беспорядки. Несогласие в общине достигло высшей степени в половине IX в. Нестор так описывает состояние новгородской общины в то время: *«И воста род на род и не бе в них правды и беша в них усобицы и начаша воевати сами на ся»*. Такое опасное положение сильного и богатого общества не могло быть продолжительным и должно было вызвать особые сильные меры для водворения тишины и порядка. Эти меры были следующие: созвано было в 862 году вече из новгородцев, кривичей и чуди, на котором было решено искать себе князя, который бы владел ими, рядил по ряду и судил по праву, т.е. был бы судьей и решителем общественных раздоров на основании прав и обычаев, вытекающих из жизни народа. Это решение веча и последовавшее затем приглашение варяго-русских князей дали новое направление общественной жизни сперва в Новгороде, а потом и в других славянских племенах на Руси.

ВЛИЯНИЕ ВАРЯГО-РУССОВ НА ДРЕВНИЙ БЫТ РУСИ

Призвание князей. Княжеская власть и отношение князя к земщине. Дружина. Отношение дружины к земщине. Отношение дружины к князю. Устройство дружины. Состав дружины. Положение земщины. Устройство земщины. Состав земщины: бояре, купцы, черные люди. Вольные люди. Рабы. Поземельное владение. Княжеские земли. Земли поместные. Доходы князей и дружинников

Призвание князей. Новгородское вече, в 862 г. решив пригласить князей, имело в виду только водворение порядка и тишины, нарушенных внутренними раздорами, но отнюдь не изменение старинного своего устройства; именно с этой целью и обратились за князьями не в какую-либо другую сторону, а в знакомую Скандинавию, к варяго-руссам. Этому много способствовало и то еще, что часть этого племени жила уже в новгородских пределах и имела здесь город Старую Руссу. Так как эта часть участвовала на вече, то, конечно, и посоветовала обратиться к родному племени, у которого общественное устройство было одинаково с новгородским и власть княжеская существовала рядом с властью веча. Верховная власть у варягов была в руках веча, которое собиралось в городе Упсале, князья же управляли с его согласия; их дело было творить суд и расправу. Области у варягов управлялись своими выборными или местными владельцами. И варяго-руссы, и новгородцы отличались удальством, и те, и другие занимались торговлей. Варяго-руссы ежегодно ездили через Новгород, а новгородцы, в свою очередь, ездили к варягам для продажи греческих и азиатских товаров. Стало быть, новгородцы обращались за князем к такому племени, которое было одинаково с ним по устройству, по характеру, а через это, естественно, они менее рисковали потерять свою самостоятельность: князь по переселении находил ту же среду, какую и оставил, и народ пригласивший

не изменял своим старым обычаям. Кроме того, богатые владельцы, как варяжские, так и новгородские, нередко роднились между собой, и это родство Нестор засвидетельствовал так: «*Ти суть люди, новгородцы от рода варяжска, прежде бо беша словени*»¹. Стало быть, новгородцы обращались к варягам, как к племени частью родственному. В нашей учено-исторической литературе существует разногласие относительно вопроса – откуда пришли князья? Одни признают, что варяго-руссы призваны с берегов Черного моря², и хотя действительно там, по свидетельству греческих летописцев, и были их колонии, но Нестор не допускает принимать это предположение, он прямо говорит: «Идоша за море к варягом к Руси» (стр. 9 Лавр. сп.). Да едва ли опять эти колонии, по своему далекому расстоянию (от 1500 до 2000 в.), были известны новгородцам, а если и были известны, то все-таки не были знакомы им. Существует и другое мнение, первоначально высказанное Ломоносовым, а потом, в наше время, Костомаровым, а именно, что варяги-руссы – литовцы. Основание, на котором строится это предположение, заключается в том, что один из рукавов Немана называется Русь, но считать посему жителей этого притока варяго-руссами не дозволяет следующее обстоятельство. Приток Русь назван Русью после того, как князья были приглашены, именно в XIV столетии. Название это дано колонистами из Полоцка, которые, двигаясь по западной Двине, давали рекам, встречаемым на пути, свои славянские названия, напр. Вилия, Святая Невежа, Дубисса и, наконец, Русь. Стало быть, нет никакого основания искать варяго-руссов в этом краю.

¹ Лавр. сп., стр. 9. А летописец Иоаким говорит, что Рюрик был сын Улемы, средней дочери Гостомысла, знаменитого посадника новгородского.

² Сергей Глинка (ист. Рос., т. 1, стр. 21) говорит: «Словен и русь, в сопровождении племени своего, устремились в путь от берегов Черного моря. Часто останавливались, но нигде в продолжении нескольких лет не находили страны по сердцу и по мыслям. Наконец, достигнув берега озера Ильменя, остановились и начали учреждать постоянные жилища». – По мнению Байера и Миллера, варяги были готфы. Равенский географ Гвидон считает варяго-русь за роксолан, живших, по свидетельству Страбона, на Азовском море.

Несмотря на выбор князей из страны, сходной по обычаям и общественному устройству с Новгородом, новгородцы не могли удержать своей старины в неприкосновенности, потому что варяжские князья пришли не одни в новгородскую землю, но привели с собой и все свое племя, которое и внесло новый элемент в быт новгородцев. Племя варяго-русов как родственное князю, естественно должно было стать ближе к нему, чем люди новгородские, потому-то оно и составило княжескую дружину. Таким образом, вместе с княжеской властью в новгородском обществе появилась дружина – класс жителей, совершенно отдельный от общинной земли и доселе не известный в Новгороде, притом зависящий прямо от князя и несколько не подчиненный общинному вечу. Правда, дружинный быт был и у повольников новгородских, но они не принадлежали к обществу, вся их деятельность была направлена в чужеземные края, куда они отправлялись добывать себе добычу, а Великому Новгороду земли; в Новгороде они подчинялись во всем общинному вечу. С появлением варяго-русов, естественно должна была измениться общественная жизнь; явились разные отношения земщины к дружине и к князю. С этого времени начинается новая жизнь славянских племен на Руси. Общественный быт новгородцев изменился не столь сильно, как у других славянских племен.

Рассмотрим же теперь значение княжеской власти в Новгороде, Киеве и других городах.

Княжеская власть и отношение князя к земщине. По свидетельству Нестора, новгородское посольство, приглашая князей, говорило им: *«Вся земля наша велика и обильна, а наряда в ней нет: да пойдите княжить и володети нами»*. А перед этим новгородцы, по летописцу, говорят: *«Поищем себе князя, иже бы володел нами и судил по праву и рядил по ряду»*. Следовательно, князья призывались с условием судить и управлять в Новгороде по исконным обычаям. За это новгородцы уступили пришедшим из Скандинавии князьям – Рюрику, Синеусу и Трувору – Ладогу в земле Корелии, Белоозеро в земле Веси и Изборск подле Чудского озера, все же осталь-

ные владения новгородского края непосредственно зависели от самого Новгорода и управлялись новгородскими мужами, только от имени князей и с платежом князьями определенных сборов, называвшихся то данью, то дарами, для чего в иные из этих городов временно приезжали княжеские мужи. Эти условия, принятые, впрочем, князьями, были слишком тяжелы для них и не могли долго оставаться ненарушимыми. Через два года по прибытии в новгородскую землю брата Рюриковы умерли (864) и он один сделался князем земли Русской; таким образом, владения, разделенные прежде на 3 части, составили одно целое и, следовательно, дали возможность Рюрику усилиться. Кроме того, он получил от самих новгородцев пригороды Ростов, Полоцк и Муром. Перебравшись из Ладоги по Волхову к Ильмену, где был главный город ильменских славян – Новгород, Рюрик построил на другом берегу реки, напротив Новгорода, город или крепость, которую также назвал Новгородом и которая впоследствии составила часть самого Новгорода, постоянно принадлежавшую князьям и известную под именем Софийской стороны. В то же время он разослал по городам своих мужей, которые стали строить там крепости. Этот поступок был прямым нарушением условий с новгородцами; поэтому они, под предводительством своего выборного воеводы Вадима Храброго, восстали против Рюрика. Но так как в этом восстании не принимали никакого участия лучшие новгородские люди, то оно и не имело успеха: Вадим был убит Рюриком, а союзники его рассеялись. Но неудовольствия новгородцев не прекратились. Через два года опять восстала часть новгородцев на Рюрика. *«Беда нам от этого князя, сделает он нас рабами»*, – кричали новгородцы, но и это восстание также не имело успеха, потому что было предпринято с теми же средствами, с какими и первое. Таким образом, Рюрик остался княжить, а недовольные удалились в Киев. Впрочем, власть Рюрика в Новгороде была вовсе не так велика и опасна для общины, какой она показалась недовольным из новгородцев. Напротив, она была очень ограничена вечем, так что преемник Рюрика, Олег, через три года после смерти Рюрика счел за лучшее уда-

литься из Новгорода и искать другого места, где бы власть его не встречала таких стеснений, как в Новгороде.

Олег, оставив Новгород, отправился вниз по Днепру и, по согласию с кривичами, занял главный город кривичей – Смоленск, потом Любеч и далее Киев, где также был принят жителями без сопротивления. Киев очень понравился Олегу, и он остался там жить и назвал этот город матерью городов русских. С ним вместе остались и варяги, и вольница из славян, кривичей и чуди, ушедшая из Новгорода за воинственным князем. С тех пор Приднепровье, или Киевская сторона, стала называться Русской землей, а Новгород со своими владениями – Новгородской землей. Занятие Киева и утверждение там Олега со своими дружинниками варягами и новгородской вольницей дали новое значение княжеской власти на Руси. Олег из скандинавского конунга, каким был в Новгороде, по примеру Рюрика теперь сделался более самостоятельным владельцем, не зависящим от новгородского веча; у него явились владения, нисколько не подчиненные Новгороду, но притом он не потерял Рюриковых прав на Новгород и удержал за собой все новгородские области, уступленные прежде Рюрику; его мужи по-прежнему сидели и в Полоцке, и в Изборске, и на Белоозере, и в Ростове, и в Муроме. Кроме того, новгородцы, не желая потерять торговый путь в Грецию по Днепру, все течение которого, с занятием Смоленска и Киева, уже принадлежало Олегу, волей-неволей должны были покориться его новым распоряжениям, по которым были наложены новые дани на кривичей, ильменских славян и мерю, и сверх того согласились платить особенную дань Олеговым варягам по 300 гривен в год, как сказано в летописи, *мира деля*, т.е., вероятно, за свободную торговлю по Днепру. Таким образом, на Руси образовались два сильных и независимых друг от друга владения: новгородское со своим прежним устройством и вечем, и киевское, или приднепровское, под именем Руси, которым Олег владел независимо от новгородского веча и на иных правах, чем Новгородом.

Власть Олега в Киеве и во всем Приднепровье хотя была обширнее его власти в Новгороде, тем не менее и эта власть

была еще довольно ограничена, ибо ни Смоленск, ни Киев, ни Северская земля, признавшие над собой власть Олега, не были завоеваны, а приняли князя по своей доброй воле, следовательно, с условием не нарушать старого устройства и старых прав той или другой земщины. В том же положении находились и ближайшие преемники Олега до Владимира Святого. Все они, как Олег, так и преемники его, заботились только о распространении владений, платящих им дань, а не о увеличении своей власти; они даже оставляли старых племенных князей в покоренных племенах, где оные были, обязывая их только быть своими подручниками. О таких князьях-подручниках упоминает Олегова договорная грамота с греками, писанная в 912 году, в которой сказано: «...и вы, греци, да храните таку же любовь к князьям светлым нашим русским и к всем, иже суть под рукою светлого князя нашего». Вообще Олег и его преемники и не думали о переустройстве владений, признавших их власть; устройство везде оставалось старое; где были веча до них, там они оставались и при них, где прежде младшие города подчинялись старшим городам, так они подчинялись и при князьях. Главное право княжеской власти и в Приднепровье, как и в Новгороде, состояло в суде и управе, которые производились или самим князем, или от его имени его мужами; но суд и управа должны были производиться по исконным обычаям и правам народным. Для суда и расправы князь сажали по городам своих мужей или посадников.

Каждый город, признавший над собой суд и управу князя, платил ему известную условленную дань; для сбора этой дани и для суда каждую осень князь или сами ездили по городам и волостям, или посылали своих дружинников; такой объезд по-тогдашнему назывался *полюдьем*. Князьям также были уступлены некоторые земли и угодья, с которых они пользовались доходами, как частные собственники, и могли по своему усмотрению строить там города и селения, сажать на их землях своих дружинников и других людей, и даже пленников. Но тогдашние князья и их дружинники мало заботились об уступленных им землях, а более думали о походах на со-

седние непокорные племена, где им было приволье и показать свою храбрость, и понабратся разной добычи. Военские походы, которые тогда были так часты и многочисленны, князья производили преимущественно своими дружинами, земцы же, нередко принимавшие в них участие, составляли только вольницу, присоединявшуюся к княжеской дружине. Князь сзывал охотников, и по этому зову вольница собиралась и примыкала к княжеской дружине по своей охоте; иногда этот сбор вольницы продолжался не один год. А когда ни дружины, ни вольницы для иного большого похода не было достаточно, то князь посылал за заморскими варягами в Скандинавию, где также собиралась вольница по его приглашению, иногда же приглашал соседних кочевников торков или печенегов. Власть князя тогда лежала только как бы на поверхности общественной жизни и не проникала вглубь. Князья со своей дружиной в это время еще были сами по себе, а городская и сельская земщина сама по себе; ни та, ни другая сторона, по новости своего положения, еще не сжились друг с другом. Тогдашним князьям Русская земля была нужна для отдыха, для прокорма дружины, пока не выискался случай сделать набег на соседа. Святослав даже думал вовсе оставить Русскую землю и переселиться в дунайскую Болгарию, в которой ему представлялось больше выгод и удовольствий, где жители били помирнее и поработнее, чем на Руси, в которой были и такие места, как Новгород, куда и княжить-то шел не всякий князь.

Самое управление князей и их посадников в то время было далеко не самостоятельным, потому что рядом с властью князя или посадника стояла власть земщины в лице веча и выборных старост, зависевших не от князя, а от народного веча. Даже в договорах с иноземцами земщина принимала деятельное участие; так посланники отправлялись не от одного князя, но и от всей Русской земли; например, в Олеговой договорной грамоте с греками о послах сказано: «...которые посланы от Олега, великого князя Русского, и от всех, иже суть под рукою его, светлых бояр». Или в Игоревой грамоте послы говорят: «Послании от Игоря, великого князя Русского и от всякая

княжья и от всех людей Русская земля». Князь в тогдaшнее время был самовластен и независим в своих распоряжениях и предприятиях только в том случае, когда его распоряжения и предприятия не касались земщины. Например, походы князей на соседние ближние и дальние племена не касались земщины, они производились только при помощи дружины и вольницы, и земщина не вступалась в них и не удерживала князей. Передача власти княжеской от одного князя другому или назначение наместника в то время также производилось свободно и нисколько не стеснялось земщиной, ибо тогда один князь передавал другому власть только в тех размерах, в каких сам пользовался ей, а это до земщины вовсе не касалось: в то время и даже много позднее для земщины было все равно кто бы ни княжил, только бы не переступал границ княжеской власти. Новгородцы, например, прямо говорили Святославу: «Дай нам, которого любо сына, а не дашь, мы сыщем себе князя». Напротив того, как скоро дело касалось земщины, так князь мог уже действовать не иначе, как по согласию с земщиной и даже иногда по требованию земщины должен был оставлять свое предприятие. Так, например, когда во время первого Святославова похода в дунайскую Болгарию печенеги в отсутствие князя напали на Киев, то киевская земщина отправила гонцов к Святославу, чтобы он шел защищать Русскую землю от варваров, причем земские послы прямо говорили Святославу: *«Ты, княже, чужья земли ищещи и блюдеши, а своя ся охабив, мало бо нас не взята печенеги, мать твою и дети твои»*. И Святослав по этому зову немедленно сел на коня, оставив свое новое завоевание на Дунае, поспешил в Киев защищать Русскую землю от печенегов, ибо защита земли была в числе обязанностей князя перед земщиной, от которой он не мог отказать, когда того требовало земское вече.

Дружина. Первой составной частью русского общества, с призыванием варяжских князей, была дружина как орудие княжеской власти. До призвания Рюрика ни у одного из славянских племен не было и упоминания о дружине. Стало быть, дружина – элемент новый, выросший не на славянской по-

чве; она пришла на Русь вместе со скандинавскими князьями, а поэтому и устройство ее было скандинавское. Стрингольм¹, скандинавский ученый позднейшего времени, так описывает скандинавскую дружину. Конунги содержали при себе собственный отряд бойцов и воинов, готовых во всякое время к исполнению военных поручений. Они принадлежали ко дворцу конунга и составляли его домашнее войско. Обязанностью дружинников было защищать владения конунга, сопровождать его в походах, приобретать добычу торговлей и войной, собирать дань с подчиненных племен, править посольства от имени конунга в чужие земли и исполнять другие поручения. Одни из дружинников жили при дворе конунга и назывались *Hirdmänner* (по нашему – гриди); они получали от конунга все содержание, ездили с ним по селам для суда и расправы, из них конунг выбирал надежнейших мужей для управления областями и начальствования над другими дружинниками, не жившими при дворе; последние назывались *младшими*, а первые *старшими*. Почти то же устройство встречаем мы и у наших князей, впрочем, с некоторыми отличиями, согласно с тем условием, что у нас князья владели в чужеплеменной земле, где они поселились или по приглашению, или по соглашению с туземцами; этого важного условия не было в Скандинавии. Конунги там были свои, и дружина была для своих; здесь же напротив – и князь чужеземный, и дружина пришедшая, стало быть само положение и отношения должны измениться. Поэтому, указав общий характер дружин в Скандинавии, мы должны также проследить и те отличия, которые обусловились самим положением русских князей и их дружинников в Новгородском крае и в Приднепровье.

Отношение дружины к земщине. По словам Нестора, Рюрик привел со своими братьями в новгородскую землю все племя Русь, которое по самому отношению своему к соплеменным князьям естественно составило княжескую дружину. Новгородцы уступили приглашенным известные области, где они и утвердились; но так как князья, естественно, не могли жить

¹ Стрингольм. Походы Викингов; ч. II., стр. 70–73.

во всех им уступленных городах, особенно по смерти Рюриковых братьев, то некоторые отдельные отряды дружины под начальством вождей, назначаемых князем, заняли нерезидентные города. Так, в летописи читаем: *«И прия власть Рюрик и раздал мужам своим грады, овому Полотеск, овому Ростов, другому Белоозеро, и по тем городам суть находници варязи»*¹. Кроме того, дружинники, пользуясь свободой не служить при князе, могли или воротиться в Скандинавию, или идти куда угодно; так и сделали Аскольд и Дир со своими товарищами. Они отпросились у Рюрика в Константинополь, но, не дошедши до него, утвердились в Киеве как независимые владельцы. Занятие городов варягами, казалось, должно было колонизировать их, подчинить их варягам или слить пришлый варяго-русский элемент с туземным, но этого не случилось. С одной стороны, этому воспрепятствовал чисто скандинавский характер дружинников, искавших войны и добычи; варяги постоянно были в походах, а остававшиеся в городах были слишком малочисленны для развития варяжского элемента. С другой стороны, устройство земщины было слишком прочно для того, чтобы поддаться влиянию варяжского элемента. Притом варяги и славяне стояли на одной степени развития, а известно, что одна нация может подчиниться влиянию другой только тогда, когда эта последняя обладает высшей цивилизацией. Особенно важным препятствием слияния дружины с земщиной было движение на юг Рюрикова преемника Олега. Олег, ушедши из Новгорода и утвердившись в Киеве, естественно должен был взять с собой как можно более дружины, оставив в занятом прежде краю столько, сколько нужно было для поддержания там княжеской власти. Колонизация же края варяго-русским элементом вовсе была упущена из виду, и дружинники на севере Русской земли надолго остались дружинниками, жили отдельно от земцев, как представители или, скорее, органы княжеской власти, а не как члены одной общины с земцами; сами жилища их, хотя были в городах, принадлежавших земской общине, но не сливались с жилищами земщины, а составля-

¹ Лавр. сп., стр. 9.

ли особенные *детинцы, кремли*. По большей части кремли эти строились в середине города, но в некоторых городах они находились и на довольно большом расстоянии от городов, как, напр., в Новгороде. На протяжении 700 лет сами князья жили не в предназначенном для них жилище – Ярославовом дворе, – а в так называемом городище. Но всего более слиянию двух племен препятствовало то обстоятельство, что дружинники не имели поземельной собственности; земля принадлежала земщине и если давалась, то князю, а не дружине. Таким образом, еще при Рюрике дружина была слаба как физически, так и нравственно по своей цивилизации. По смерти Рюрика занятие Олегом Киева, усилив значительно власть князя, не только не изменило значение дружины, но даже еще более представило препятствий к соединению ее с земщиной. Олег, ослабив дружину на севере ради похода на юг, должен был постоянно ослаблять ее с занятием каждого нового города, ибо для поддержания своей власти всегда принужден был оставлять отряды дружинников¹. Это необходимо вело к тому, что, вероятно, еще при Олеге княжеская дружина уже не состояла из одной Руси, приведенной Рюриком, но постепенно пополнялась вольными пришельцами из Скандинавии и разных славянских и других племен. Для князя было все равно, кто бы ни служил ему; для него даже выгоднее была разноплеменность дружинников, потому что она более привязывала их к князю и его службе. Разноплеменность делала дружинников слугами князя; она не позволяла им ни соединиться с общиной, ни жить самостоятельно, без службы князю. Потеряв свою цельность и одноплеменность, дружина, естественно, не могла оказывать сильного влияния на земщину; но кроме разноплеменности дружина много потеряла тем, что не имела земли и не заботилась об этом. Военные походы, обогащая дружинников добычей, отбивали у них всякую охоту к мирным занятиям зем-

¹ Нестор говорит об Олеге: «И приде к Смоленску и кривичи и прия град и посади муж свои. Оттуда поиде вниз и взя Любец и посади муж свой» (Лавр. сп., стр. 10). А сколько дружинников нужно было Олегу для походов на древлян, тиверцев, дулебов, греков и пр.

леделием и другими промыслами, кроме торговли, которая и в Скандинавии, и у нас на Руси уважалась дружинниками в одинаковой степени с военным ремеслом. Все это делало дружинников беспечными в отношении к приобретению поземельной собственности¹; они беззаботно жили на княжеских землях, как княжеские слуги, и получали от него содержание; к тому же свобода дружинника переходить от одного князя к другому делала его характер подвижным и еще более отделяла от земщины. Дружинники по отношению к последней являются только или правителями областей, или судьями и сборщиками разных податей и оброков. Других отношений, прав и привилегий они в общине не имели. Они не были завоевателями, а потому у общинников осталось их старое внутреннее устройство; общинники имели свое начальство – старост, сотских, десятских, тысяцких, даже в суде и управлении дружинники не могли действовать иначе, чем через посредство и при помощи самих земцев, что мы ясно увидим впоследствии². Единственной точкой сближения дружинников с земцами была торговля, особенно заграничная, которую особенно любили дружинники, потому что она, в своем роде, была военным походом. Здесь дружинники и земцы тесно сближались друг с другом; но эта связь была очень незначительна, потому что не все земцы занимались заграничной торговлей.

¹ На неимение дружинниками в это время прочной поземельной собственности лучше всего указывает обширная торговля невольниками, которую руссы тогда производили и с Византией, и с Камской Болгарией, и с хозарами, как это засвидетельствовано византийцами, арабами и нашим летописцем, и в особенности договором Олега с греками (Лавр. сп., стр. 15). Если бы дружинники в это время имели на Руси прочную поземельную собственность, то им выгоднее было бы оставлять пленников или невольников у себя для заселения земель, а не водить на продажу по дальним странам; ибо о самих князьях нам известно, что они заселяли вновь построенные города пленниками.

² Впрочем, такие отношения дружинники имели только с теми общинами, которые вполне признавали власть князя и составляли собственно Русь, т.е. с кривичами, полянами, северянами, у древлян же, радимичей, тиверцев и др. дружинники только временно силою собирали дань на себя и на князя. Здесь у них было одно только право – сильного; сюда они приходили обогащаться добычей, которую нередко должны были приобретать силой.

Слабая связь дружины с земщиной лучше всего выразилась по смерти Олега. Пока он был жив и обогащал дружину воинскими походами, дружинники стекались к нему со всех сторон и жили в Русской земле. Но в первый же год княжения Игоря, не ознаменовавшего себя воинскими предприятиями и, может быть, скупого, большая часть дружинников оставила князя и в качестве повольников, в числе 50 000 на 500 лодках поплыла Днепром, Черным морем, Азовским и Доном в хозарскую землю, а оттуда Волгой спустилась в Каспийское море и, как свидетельствует тогдашний арабский историк Массуди, в продолжение нескольких месяцев опустошала там все приморские страны до Азербайджана и на возвратном пути погибла, разбитая хозарами после трехдневного боя. Об этом походе дружинников в наших летописях нет никаких известий, потому что он был не по княжескому приказанию, а собственно по воле дружинников. В другой раз дружинники сделали то же в 944 году; когда они шли с Игорем на Царьград, то на Дунае им встретилось посольство и предложило дань с тем, чтобы они ушли назад. Игорь, по обыкновению, созвал дружину и сообщил ей предложение императора. Старшая дружина согласилась принять это предложение, и таким образом поход не состоялся; младшая же дружина не была этим довольна и, оставив князя и старшую дружину, ушла старым путем по морям Черному и Азовскому и рекам Дону и Волге и опять появилась на Каспийском море. По свидетельству арабских писателей – Якути, Абульфеды и др., руссы из Каспийского моря рекой Курой проникли до Берды, столицы Аррана, нынешнего Карабага, заняли этот город и, оставшись там жить, делали набеги до Тебриза, но излишнее употребление плодов произвело среди них заразительную болезнь, от которой многие из них погибли, остальных же мусульмане успели вытеснить. В оба набега на прикаспийские земли дружинники ясно показали, что кроме службы князю их ничто не удерживало на Руси. Особенно ясно это из того, что в последнем набеге они надолго хотели остаться в Берде и удалились только по необходимости. Новое доказательство непривязанности дружин-

ников к Русской земле мы встречаем при Святославе, который со своей дружиной вовсе хотел было оставить Приднепровье и думал утвердиться в Болгарии на Дунае. Все это показывает, что у дружинников Игоревых и Святославовых не было поземельной собственности в Приднепровье, что они, как и дружинники Рюрика и Олега, жили на княжеских землях, получали содержание от князя и все обеспечение свое полагали в княжеском жалованьи и военных добычах. Тот же характер имела и дружина Владимира, и только под конец его княжения стала в другие отношения к земщине¹.

Рассмотрев отношение дружинников к земле и земщине, обратимся к отношениям их к князю.

Отношение дружины к князю. По отношению к князю дружинники были не только воинами и слугами князя, но и советниками его. Так, в 946 г. Игорь советовался со своей дружиной – продолжать ли ему поход на греков или, взяв с них дань, предложенную императором, заключить мир. *«Игорь же дошед Дуная, созва дружину и нача думати, поведа им реч цареву»* (Лавр. сп., стр. 23). Когда же дружина предпочла дань, продолжает летописец, *«и послуша их Игорь и повеле печенегом воевати болгарскую землю; а сам взем у греков злато и поволоки и на вся вой и взратися в спять, и прииде к Киеву во свояси»*. По требованию дружины ходил Игорь и на древлян, где и погиб. *«В се же лето, – говорит Нестор (Лавр. сп., стр. 28), – рекоша дружина Игореву: “Отроци Свенелжи изоделися суть оружием и порты, а мы нази; поиди, княже, с нами в дань»*.

¹ Дружинники Владимира, приведенные им из Скандинавии, считали Приднепровье своей военной добычей и требовали выкупа с самого Киева, как с неприятельского города, добытого боем: *«се град наш и мы прияхом е, да хочем имати окуп на них по две гривне от человека»* (Лавр. сп., стр. 42). Но Владимир, хорошо понимавший, что его собственная сила как государя состоит сколько в пришлой дружине, столько же, или и больше, в туземной земщине, – успел удалить буйных дружинников, лучших же оставил при себе и, как кажется, первым из русских князей начал давать дружинникам поземельные владения, может быть на поместном праве. По крайней мере, в саге Олава Тригвессона, писанной Оддом, мы встречаем древнейшее и первое свидетельство о наделении иных дружинников поземельными владениями на Руси. В саге сказано, что Олавов дядя Сигурд, состоя на службе у Владимира, получил от него большие земли во владение.

То же значение советников имели дружинники при Святославе и Ярополке. Когда Цимисхий прислал Святославу дары, прося мира, то Святослав обсуждал этот вопрос с дружиной¹. Сын Святослава, Ярополк, по совету дружинника Свенельда напал на своего брата Олега, князя древлянского². Как дорожил князь мнением о себе дружинников, видно из того, что Святослав, несмотря на просьбы матери своей Ольги принять христианство, оставался язычником только из опасения, что принятие им чужой веры не понравится дружинникам³. Участие дружинников в делах князя засвидетельствовано официальными актами. Так, в договоре Олега с греками послы говорят: «*Послани от Олега, великого князя Русского, и от всех, иже суть под рукою его, светлых бояр*» (Лавр. сп., стр. 16). То же повторяется в договоре Игоря, где послы называют себя: «*мы... послании от Игоря, великого князя Рускаго и от всякоя княжся и от всех людей Русская земли*» (Лавр. сп., стр. 24). Здесь между посольскими именами даже отдельно обозначены послы от Игоря, от его жены, от сына и от знаменитейших дружинников, напр., Прасьтен от Турда, Либиар от Фаста, Сфандр от жены Улеба и др. Даже Святославов договор с Цимисхием был заключен от имени Святослава и его старшего дружинника Свенельда⁴.

Все это показывает, что участие дружинников в управлении и в совете княжеском было официальное и составляло одно из важнейших прав дружины, так что о нем необходимо было упоминать в договорах с иностранными государями, и имя одного князя было как бы недостаточно для обеспечения договора. Кроме участия в совете княжеском, старшие дружин-

¹ «*Святослав же прия дары и поча думати с дружиною советю...*» (Лавр. сп., стр. 38).

² «*Молвяше всегда Ярополку Свенельд: "пойди на брат свой и прими волюсть его", хотя отомстити сыну своему*» (Лавр. сп., стр. 40).

³ Когда Ольга уговаривала сына принять христианство, то он отвечал ей: «*Како аз хочу ин закон приятии един? а дружина сему смеятися начнут*» (Лавр. сп., стр. 33).

⁴ «*Равно другаго свещанья бывшаго при Святославе велицем, князи Рустем и при Свенельде писано при Фефеле синкеле и к Ивану, нарицаемому Цемскию...*»

ники были предводителями войск, *воеводами*, которым князья иногда поручали вести войны с соседями и пользоваться выгодами от этих войн. Так, Свенельд был воеводой при Игоре, Ольге, Святославе и Ярополке; ему дано было поручение вести войну с уличами и тиверцами с тем, чтобы он набрал себе дружину и сохранил ее на доходы от этой войны. При Владимире воеводой был один дружинник по прозвищу Волчий Хвост, который покорил ему радимичей¹. Само воспитание малолетних князей поручалось дружинникам, которые поэтому назывались *кормильцами*. Так, у Святослава воспитателем был Асмуд (Асмуд – Лавр. сп., стр. 28), у Владимира – Добрыня. Это обычай чисто скандинавский; там дружинники также были и воеводами, и кормильцами конунгов; например, при Гаральде Гарфагере был воеводой дружинник Гутторм, у Голфдана Черного кормильцем состоял дружинник Олфер Мудрый.

Кроме военной службы и участия в советах и управлении, дружинники вели от имени князя *торговлю* княжими товарами в чужих землях и *отправляли посольства*. В договоре Олега с греками упоминается, напр., о послах и гостях русского князя, приехавших в Константинополь, и в числе условий договора говорится, чтобы греки выдавали послам посольское содержание, а гостям – гостинное²; а в договоре Игоря греки говорят: «А великий князь Русский и бояре его да посылают в Греки к великим царем Греческим корабли, елико хотят, с послы и с гостями, яко же им установлено есть» (Лавр. сп., стр. 24). Этот обычай был также чисто скандинавский, где, как мы видели, к числу королевских служб, которые несли дружинники, принадлежала и торговля товарами конунга, и отправление посольств в чужие края. Торговля составляла важнейшую часть доходов князя и была тем более необходима для него, что большая часть дани, получаемой им, состояла из произведений

¹ «И победы радимиче Волчий Хвост...» (Лавр. сп., стр. 33).

² «Да приходят Русь, хлебное емлют, елико хотят, и иже придут гостье, да емлют мясину, на 6 месяца, и хлеб, вино, и мяса, и рыбы, и овощем, и да творят им мовь, елико хотят; и поидут же Русь домови, да емлют у царя вашего на путь брашно, и якоря, и ужа, и пре, и елико надобе» (Лавр. сп., стр. 15).

земли. Торговля по своей важности приравнивалась к войне. Указание на это находится в былинах, где говорится, что лучшие дружинники посылаются торговать. Даже в позднейшее время в московском государстве весь сибирский доход (соборная казна) находился в руках бояр. Дружинникам же поручалось *устройство колоний и городов*, надзор за княжескими имениями, *суд и расправа*, одним словом, они исполняли все поручения князя. Однако, так как каждый дружинник служил по доброй воле, то ему нельзя было давать поручений, для него унижительных; иначе обиженный мог всегда оставить князя и увести с собой целую толпу своих воинов¹. Пример этого мы видим в Аскольде и Дире. Они отпросились у Рюрика в Царьград и увели с собой целую толпу воинов, с которыми и заняли Киев, встретившийся им на дороге.

Устройство дружины. Прием в дружинники сопровождался некоторыми обрядами. Дружинник, желающий поступить на службу к князю, являлся к княжескому воеводе, который приводил его к князю и дружине. Князь и дружина спрашивали его, какого он происхождения и какие совершил подвиги, дабы по происхождению и подвигам назначить ему достойную степень в службе и жалованье. В былине об этом говорится так: *«Ты скажи, молодец, кто твой род и племя? по роду тебе место дати, по племени жаловати»*. Объявляя о своих подвигах, дружинник должен был подтвердить их доказательством своей силы. Так, при поступлении Добрыни Никитича, киевский воевода сказал: *«А проведать всем богатырям силу с Добрынею Никитичем»*.

Дружинники имели предводителя, который назывался воеводой. Воеводы были двух родов: одни назначались князем и предводительствовали дружиной, другие же имели свои собственные полки. Из княжеских воевод нам известны – Свенельд при Игоре и Святославе, Блуд при Ярополке, Волчий Хвост при Владимире. Кроме главного предводителя

¹ Эти воины назывались ротниками, потому что клялись своему начальству в верности. Каждый дружинник, пользующийся значением, имел таких ротников.

были еще воеводы частные, которым подчинялись известные отряды дружинников; таковыми были при Рюрике Аскольд и Дир. Отряды частных воевод были в полной зависимости от последних и получали от них содержание. Свенельд сам содержал свою дружину, которая считалась богаче Игоревой. Среди дружинников были и скандинавские конунги, которым русские князья поручали управление городами и областями. Так, скандинавские саги говорят, что конунги Сигурд и Олав Тригвессон, находясь на службе у Владимира, управляли от его имени несколькими городами. По нашим летописям конунг Тур княжил в Турове, Рогвольд – в Полоцке; скандинавские конунги жили в городах со своими дружинниками, – так, Рогвольд воевал даже с Владимиром¹.

Лучшие из дружинников, довереннейшие и ближайšie к князю, назывались *боярами*. Они, кажется, преимущественно участвовали в совете и управлении. В договоре Олега они называются светлыми боярами, а в летописях – мужами. Так, в летописи говорится, что Рюрик *«прия власть и роздал мужем своим грады: овому Полотеск, овому Ростов, другому Белоозеро»*; а про Олега говорится: *«и прия Смоленск и посади муж свой, и взя Любеч и посади муж свой»*, а потом в договоре Олега эти же мужи называются князьями и светлыми боярами, сущими под рукой Олега. Следовательно, название *«муж»* не обозначало особого класса дружинников, а принадлежало одинаково и князьям, и боярам, и вообще этим именем означалась старшая дружина, ближайшая к князю, в отличие от младшей дружины, носившей название *отроков, детских*. Эти последние исполняли разные низшие должности как при князе, так и при старших дружинниках. Отроки, жившие при самом дворе, назывались *гридями*, по сходству слова «гридь», «гридень» со скандинавским *Hirdmänner*, которое означало воина, живущего при дворе конунга; можно заключить, что гриди были телохранителями князя. От гридей произошло название

¹ *«Бе бо Рогволод пришел из заморья, имяше власть свою в Полотск, а Тур в Турове, от него же и туровцы прозвались... Володимир же собра вои мнози, варяги и словени, чудь и кривичи и поиде на Рогволода»* (Лавр. сп., стр. 41).

комнат-гридниц, куда собирались гриди для принятия княжеских приказаний. В этих же комнатах князь пирувал со своей дружиной. Вероятно, старшая дружина и младшая по отношению к своему внутреннему устройству имела и другие подразделения с особыми наименованиями, смотря по должностям. Так, в летописи упоминается о старейшем конюхе Олега (Лавр. сп., стр. 19), о сторожевом воеводе при Святославе, – таким воеводой был Претич (Лавр. сп., стр. 35). В исландских сагах и наших народных песнях и сказках встречаются названия стольников, чашников, приворотников и постельников. Про Добрыню Никитича говорится, что он три года стольничал, три года чашничал, три года приворотничал. Здесь заключается некоторого рода постепенность должностей, но в каком отношении находились эти должности, которая из них считалась высшею и низшею – этого мы не можем определить за неимением определенных летописных и официальных известий об этом предмете.

Состав дружины. Первоначально состав дружины, пришедшей с Рюриком, был варяжский, но Олег, удаляясь из Новгорода, принял в свою дружину охотников из новгородцев, кривичей и финнов, а Игорь, Святослав и Владимир принимали в дружину уже без различия всякого, кто желал поступить в нее. Таким образом, состав дружины при этих князьях был самый разнообразный: тут были варяги, финны, славяне, печенеги, ятвяги и др. Но, несмотря на это, преобладающий элемент дружины все еще был варяжский, потому что время от времени из Скандинавии приходили толпы варягов и поступали в дружину русских князей. Впрочем, эти пришельцы редко оставались на жительство в русской земле; они, обыкновенно, сделавши несколько походов с князем и обогатившись добычей, уходили обратно в Скандинавию. Постоянный же элемент, ядро дружины, составляли варяги-русы, для которых Русская земля сделалась отечеством: у них уже не было другой родины, куда бы они уходили доживать свои дни. Но и этот элемент дружины не был прочен. По своему национальному характеру варяги не были усидчивы,

не были привязаны к Русской земле и всегда были готовы, одни или вместе с князем, оставить ее, как это случилось при Игоре. Сын Игоря, Святослав, хотел даже сам со своей дружиной переселиться в Дунайскую Болгарию.

Положение земщины. Рядом с дружинниками в русском обществе жила старая земщина, к которой принадлежали города и селения Русской земли с их коренными жителями, с первыми насельниками, по выражению Нестора. Земщина эта имела общинное устройство, выработанное предшествовавшей жизнью славянских племен на Руси. С прибытием варяго-русских князей славянская земщина хотя более или менее утратила свою самостоятельность и независимость, но тем не менее за ней осталось значение главного, основного элемента в новой жизни русского общества. Сами князья, постепенно подчиняя себе разные славянские племена на Руси, не уничтожали их старого общинного устройства и признавали земщину чем-то отдельным, отличным от княжеской дружины. Впрочем, это положение земщины не во всех племенах находилось в одинаковой степени; так новгородцы, сами пригласившие князей, удержали за собой больше самостоятельности, особенно по удалении Олега на юг, — у них даже скоро образовалось право избирать князей. Смоленск, Любеч, Киев, Чернигов, Переяславль как не приглашавшие князей, хотя не могли удержать своей самостоятельности настолько, насколько удержал ее Новгород, и, поступив в прямую зависимость от князей, стали называться Русской землей; тем не менее города сии как занятые не силой, не завоеванием, а по добровольному согласию, удержали за собой свою землю, свое общинное устройство, свою земскую управу и свою военную и мирную службу; они не слились с дружиной, дружина не подчинила их себе, не заняла, не поделила между собой их земель и не обложила земцев податями за право владения землей. В этом отношении земцы здесь, как и в Новгороде, остались независимыми; их независимость и безобидность защищали сами князья: так, когда варяги, составлявшие дружину Владимира, потребовали от киевлян выкуп по две грив-

ны с человека, то Владимир не дал в обиду земцев киевских и выпроводил варягов в Грецию. Неприкосновенность прав земщины и общинное устройство были оставлены русскими князьями даже и в тех городах, которые новгородцы уступили Рюрику в непосредственное управление княжескими мужами, т.е. в Ростове, Полоцке, Белоозере и других. Кажется, земские права не были уничтожены и в городах, приобретенных чистым завоеванием, например в земле древлянской, в стране дулебов и проч.; ибо и в этом краю земские общины везде пользовались своей землей свободно, дружинники никогда не делили тамошней земли между собой и за пользование ею не облагали земцев особыми податями. Вообще в последующей истории мы не видим каких-либо особенностей в управлении, например, древлянской землей, против управления в земле киевской или северянской.

Предоставление земским общинам полного права на владение землей кладет вообще на русскую историю, и в особенности на историю русского законодательства, особый характер, резко отличающий ее от истории западноевропейских государств. На западе Европы завоеватели объявляют всю покоренную землю своей и делят ее таким образом: одну долю берет государь, другую долю отдает дружинникам в раздел, а третью оставляет за побежденным народом; за право пользования этой последней долей владельцы облагаются податями. Отсюда начало притеснений, неудовольствий и вражды между составными частями западного общества; вся тягость податей ложится только на третью долю земли, оставленную за побежденными. Сами дружинники, получив свои доли и таким образом сделавшись независимыми, самостоятельными владельцами, мало-помалу отделяют свои интересы от интересов государя или предводителя, а сей последний, чтобы поддержать свою службу и снова привязать к себе дружинников, волей неволей приступает к дележу и этой доли земли, которая при первом разделе досталась собственному ему: он отдает ее по участкам на праве феодальном, т.е. с тем чтобы дружинник, получающий от государя уча-

сток земли, владел им только до тех пор, пока несет службу государю. Отсюда начало феодальной системы и новое разделение земель: на феодальные или ленные, жалованные от государя, на аллодиальные, полученные дружинниками при первом разделе покоренной земли, и податные, оставленные за побежденным народом. Феодалы стараются навсегда удержать за собой и своим потомством ленные земли, полученные от государя только на время службы. Отсюда новая вражда между государем и ленными владельцами; иные из феодалов или ленных владельцев мало-помалу делаются независимыми от государя и самостоятельными владельцами, вступают друг с другом в союзы и безнаказанно теснят и грабят беззащитный народ. Отсюда война городов с замками или побежденного народа с феодальными грабителями. Жители городов, не находя себе защиты и управы против феодалов, сами принимаются за оружие и сперва только защищаются от феодальных нападений в своих городах, а потом, мало-помалу, сами нападают на замки феодалов, вступают в союзы друг с другом и принуждают феодальных владельцев к уступкам в свою пользу, подают помощь государям против феодалов, получают за это разные привилегии и, наконец, делаются независимыми и приобретают почти одинаковые права с феодальными владельцами.

Русская история не представляет ничего подобного. Государственное устройство на Руси идет совершенно иным путем: предоставление земским общинам полного владения землей сохраняет единство и связь Русской земли, несмотря на удельную систему, развившуюся впоследствии и, по-видимому, грозившую совершенным раздроблением государства. Предоставление земли общинам препятствует разъединению интересов государя и подданных; подданные видят в Государе не частного собственника, но владыку всей земли, отца народа, и потому всю Русскую землю считают государевой землей и бесспорно, без сопротивления предоставляют государю брать любую область, любое угодье на собственные надобности и на содержание дружины, потому

что народ знает, что такое отделение земли на государя не стесняет общин, не налагает на них излишних податей: земля, и отделенная на государя, и не отделенная, одинаково остается за частными общинами, которые на ней живут, и общины, живущие на отделенной государевой земле, не исключаются от платежа общих податей, которые платят общины, живущие на неотделенной земле. Сами государи, не отделяя своих интересов от народа, ограничиваются самым умеренным отделением земель на себя и, как увидим впоследствии, даже избегая такого отделения, стараются приобретать себе земли добровольной покупкой. Дружинники же, не имея на свою долю частей земли, им выделенных в собственность, вполне зависят от службы государю и дорожат этой службой, как единственным средством содержания; они не могут соединиться с земщиной ради общих интересов, ибо земщина, беспрепятственно владея землей, видит в государе отца своих подданных и вовсе не имеет нужды в союзе с дружиной. Государи, с переходом из Новгорода в Киев до самого Владимира, даже не дают дружинникам земель, а содержат их на жалованье и на праве собирать в свою пользу некоторые доходы; да и сам Владимир дает дружинникам земли только в поместное владение, т.е. не в собственность, а только на пользование в продолжение службы, так что дружинник, оставляя княжескую службу, вместе с тем теряет право и на землю, данную ему князем в поместье. Отсюда у нас нет ни феодальных замков, ни вражды между дружинниками и земцами, ни колонизации земских земель дружинниками, ни войны городов с княжеской дружиной. Отсюда земщина на Руси имеет весьма важное значение – государственное, так что князья даже в договорах с иностранными дворами упоминают о ней. Так, например, в договоре Игоря с греками прямо сказано, что посольство, заключившее этот договор, было отправлено и уполномочено *«от Игоря, великого князя Русскаго и от всякой княжья и от всех людей Русская земли»*.

Устройство земщины. Общинное устройство славянских племен на Руси, выработанное еще до приглашения варяго-

русских князей, осталось за земщиной и по прибытии князей. Главным и более полным выражением этого устройства были города, а за ними селения, обыкновенно тянувшие к городам.

Города славянских племен на Руси, как мы уже видели, были вызваны необходимостью при колонизации страны, прежде славян занятой другими племенами, страны, которую славяне должны были отнимать у туземцев силой, причем города служили точкой опоры и передовыми постами против туземцев. Этот характер городов имел своим следствием то, что город был не только крепостью, сторожевым острогом, но вместе с тем служил и точкой центрального соединения того племени, которое построило город. К нему тянула вся земля, занятая племенем, и нередко от города получала свое название, так, например, от Новгорода вся страна, занятая племенем ильменских славян, называлась новгородской землей, от Ростова весь окрестный край получил название ростовской земли, от Суздаля – суздальской. Поэтому все селения вокруг города были или городскими выселками, или принадлежали самим же гражданам и населялись их людьми и наемниками. Племя, построившее первый город в занятой земле, продолжая отеснять туземцев и распространять свои владения, строило новые города, которые, будучи колониями первого города, назывались пригородами и находились в тесной связи со старым городом, со своей метрополией. По летописям нам известно, что младшие города управлялись начальниками из старшего города; так, из Новгорода посылались посадники в его пригороды: Ладогу, Псков и др. Отсюда и решение веча в старшем городе было непреложным законом для пригородов: «На что старшие сдумают, на том и пригороды станут», говорят источники, и это первоначальное отношение между городами осталось неприкосновенным и при князьях, так что князь, принятый старшим городом, беспрекословно признавался и пригородами. Таким образом, мы видим, что города на Руси в первый период русского законодательства имели центральное значение, как для населения, так и в отношении управления страной. Город, старший в стране, считался го-

сподствующим, и пригороды и селения, как выселки старшего города, находились в отношении подчинения и зависимости; старший город управлял всей страной и был представителем племени, пригороды же, находясь в подчинении старшему городу, в то же время имели значения центров для селений, которые тянули к ним.

Указав на значение городов и на отношение их друг к другу, к селениям и к целой стране, нам следует рассмотреть само устройство городов. Здесь прежде всего обращает на себя внимание внешний вид городов, вид, какой они имели до и после призвания князей. До прибытия варяго-русских князей мы не знаем на Руси ни детинцев или кремлей, ни посадов, ни слобод – были одни только города. Так, Новгород состоял из одной только торговой стороны, Киев – из соединения селений Кия, Щека, Хорива и Лебеди, Коростень заключал в себе также один только город, в котором жили все коростенцы. Но с прибытием князей в славянских городах уже появляются крепости, кремли, детинцы, выстроенные князьями или их дружинниками. Так, Рюрик, раздавая своим мужам города Ростов, Полоцк, Белоозеро и др., приказывает там строить крепости и сам строит на Волхове, против Новгорода, крепость, которая впоследствии получила название Софийской стороны. В Киеве также появляется вне города особенная каменная крепость над названием княжеского двора. О нем упоминается уже при Ольге, Святославе и Владимире. В других славянских городах находим также княжеские крепости под разными названиями, причем старые славянские города, принадлежащие земщине, находящиеся при княжеских крепостях, впоследствии получают название уже не городов, а посадов¹. В крепостях, или кремлях, жили князья или их наместники с дружиной,

¹ Славянские города, равно как и княжеские крепости, огораживались большей частью деревянными стенами, как можно заключить из выражений летописи: «города рубленые», а иногда укреплялись земляными валами и рвами, которые носили название грабли. Так, при описании поражения и смерти Олега Святославича, сказано: «побегшу же Олгу с вой своими в град, рекомый Вручий, бяше же чрез граблю мост к вратом градным». В 1-м периоде летописец упоминает только об одном каменном княжеском городе в Киеве.

а в посадах – земцы¹. Как посады, так и крепости разделялись на улицы; но между улицами одних и улицами других была большая разница; посадские улицы не составляли одной только массы домов, а образовывали отдельные общины; члены этих общин назывались уличанами и имели своих выборных уличанских старост. У них были свои уличанские суды, свои сходки, свои веча. Таким образом, славянский город представлял собой большую общину, состоявшую из союза мелких общин или улиц. До прибытия князей большие общины или города управлялись выборными людьми, которые по своему богатству и влиянию на общество, по выражению летописца, назывались старейшими мужами, держащими землю. Над выборными начальниками стояло вече, которое их выбирало; над вечем пригорода стояло вече старшего города, в котором сосредоточивалось управление всем племенем. В важных делах иногда на вече старшего города участвовали и пригороды. У некоторых племен наряду с вечем стояла и княжеская власть; так было, например, у древлян. Но с прибытием князей этот порядок остался, кажется, только у новгородцев. В прочих же племенах власть веча заменилась верховной властью русского князя, и веча собирались только изредка – или за отсутствием князя, или в иных крайних случаях, – обыкновенные же дела городской земщины, ежели не доходили до князя и его наместника, решались старостами и другими земскими начальниками. Впрочем, права веча полностью никогда не уничтожались.

Состав земщины (классы русского общества). Общинная жизнь, проглядывающая в образе городского устройства и поселения, является в полном своем развитии в земских отношениях городских жителей друг к другу и к обществу. Эти от-

¹ Посады и крепости разделялись на улицы; так, в Новгороде на торговой стороне, т.е. собственно в славянском городе, были улицы: Славная, Славкова, Коржевская, Рогатица и др. В княжеском городе, или на Софийской стороне, – Чудинцова, Добрынина, Редятина и др., преимущественно называвшиеся по прозвищам знаменитых княжеских дружинников. В Киеве, по летописям в 1-м периоде, встречаются улицы: Хозарская, Посынча. Кроме улиц в Новгороде и Киеве были торговые площади или торговища, именно в той части города, которая принадлежала земцам, вероятно то же было и в других городах, но мы не имеем об этом никаких известий.

ношения и по прибытии князей остались почти неизменными. Все жители на Руси издревле разделялись на *старейших* (больших) и *молодших* (меньших). Эти два вида подразделялись на три разряда: бояр, купцов и черных людей.

Бояре составляли первый класс общества – аристократию. Они принадлежали, по происхождению своему, к знаменитым фамилиям в обществе и составляли коренное, старшее население городов; они же были главными землевладельцами – собственниками. Такие землевладельцы существовали не у одних славянских племен на Руси, но и у всех славян; так, у сербов были свои бояре, называвшиеся волостелями. Богатство, обширные владения, а также сосредоточение управления в руках бояр очень рано отделили их роды от массы других граждан; но, несмотря на это, они все-таки сохранили тесную связь с остальным народонаселением. Бояре жили не отдельно от земцев, а также в посадских улицах и были членами уличанских общин; поэтому и интересы их были тесно связаны с интересами той городской общины или улицы, к которой принадлежал их род. Обидеть боярина – значило обидеть целую улицу, и она вся подымалась за боярина; и наоборот – обесчестить чем-либо улицу – значило обидеть тот боярский род, который к ней принадлежал. С прибытием варяго-русских князей во многих городах эти отношения бояр к остальному народонаселению сильно изменились; однако же в городах самостоятельных все еще ясно обозначаются следы старых отношений. Так, например, в Новгороде, Пскове и др. каждый конец города, каждая улица, составлявшие отдельную общину, имели свои боярские роды, и отношения их к общине остались почти неизменившимися. Сами князья в важных случаях обращались к боярам за советом; земцы же считали бояр своими руководителями, тем более, что многие из них жили на земле бояр или были у них в долгу. В Новгороде бояре назывались вящими, лучшими, передними людьми – названия чисто общинные, а не родовые. Слово «боярин», без сомнения, появилось в Новгороде одновременно со словом вящие, лучшие люди и происходит от прилагательных – «болий», «больший». Как и когда образовались

в новгородском обществе большие люди или бояре – мы не знаем; знаем только, что новгородцы постоянно разделялись на больших и меньших людей и что еще перед призванием Рюрика в летописи упоминается о старейшине Гостомысле, который собирал владельцев новгородской земли, *«сущих под ним»*, на совет о приглашении князей. Следовательно, большие люди, владельцы, бояре были в новгородской земле до Рюрика. Знаем также, что в Новгороде народ, черные люди, меньшие люди не были безгласной толпой, поработенной большими людьми, а принимали деятельное участие на вече: следовательно, бояре, большие люди не были особенным племенем победителей, а принадлежали к тому же племени, что и остальные граждане, происходили из того же народа. Знаем еще, что в Новгороде при чисто общинном устройстве каждый конец, каждая улица составляли свою общину; в каждой же новгородской улице были свои бояре, находившиеся в связи со своими уличанами; следовательно, бояре происходили из уличан же, составляли с ними одно и были только лучшими людьми из уличан. При этом, по общему устройству Русской земли поземельное владение разделялось на общинное и частное. Общинная земля принадлежала всей общине, и члены общины могли только пользоваться ею, и пользовались только те члены, которые или не имели средств приобрести участки земли в полную собственность, или не могли охранять ее и потому довольствовались общинной землей. Частную же поземельную собственность приобретали все, имевшие средства к приобретению и охранению своих поземельных владений. Следовательно, приобретение земли в полную собственность было первым признаком, отличающим частных собственников от общинников. Таким образом, первыми древнейшими боярами в Новгороде были большие землевладельцы, имевшие в своей собственности большие поземельные владения. Известно, что Новгород был первоначально славянской колонией в земле финнов и постоянно распространял свои владения посредством торговли и колонизации среди финнов; следовательно, приобретение земли было возможно только силой, через оттеснение фин-

нов, а посеуму и на охрану приобретенной земли от притязаний старых хозяев требовались также силы и средства; стало быть, если какое-нибудь частное лицо имело столько силы и средств, чтобы приобрести землю и защищать ее от нападений старых ее хозяев, то тем самым это лицо приобретало перевес над другими своими согражданами и такой человек, естественно, делался лучшим, большим, влиятельным членом той общины, к которой он принадлежал. И действительно, по всем дошедшим до нас известиям, начиная с XVI в., новгородские бояре прямо называются огнищанами, т.е. людьми, имеющими свое собственное огнище. Огнищем же еще в настоящее время в северном крае Руси называются земли, занятые кем-либо под пашню посредством выжигания леса; следовательно, название бояр огнищанами прямо указывает на них, как на землевладельцев-собственников, т.е. таких людей, которые сделали себе собственными средствами огнище, расчистив дикий лес под пашню и населив занятое место земледельцами. Эти земледельцы получали землю при условии признания власти огнищанина и обязывались производить земледельческие работы, как на себя, так и на них.

Купцы. Первое известие о купцах мы встречаем в летописи под 907 г., в словесном договоре Олега с греками, где, между прочим, говорится только о гостях, т.е. о купцах, приезжающих в Константинополь для торговли¹. Далее купцы в первый раз под этим именем являются в договоре Игоря с греками в 945 году, где между послами от князя и от бояр упомянуты послы от купцов². Это свидетельство Игорева договора ясно показывает, что уже в то время купцы составляли особый класс общества, особенное сословие, если можно так выразиться. Следовательно, и тогда не всякий, кто продавал и покупал, назывался купцом, но только тот имел это название, кто

¹ «Иже придут гости, да емлют месячину на 6 месяц...» (Лавр, сп., стр. 25).

² В договоре так сказано: «Купец Адунь, Адулб, Иггивлад, Олеб Фрутаи, Гомол, Куци, Емиг, Турбид, Фурстен, Игельд, Турберн, Моны, Руальд, Свей, Стир, Алдан, Тилена, Пубьксар. Вузлев, Синко, Борич, Бруны, Роалд, Гунастр, Фрастен».

постоянно занимался торговлей; в противном случае не было бы надобности и даже возможности отправлять особое посольство от купцов. Князь и бояре, как видно из самого договора, тоже торговали. В договоре сказано: «*А великий князь Русский и бояре его да посылают в греки к великим царем Греческим корабли, елико хотят, со слы и гостье, яко же им установлено есть*» (Лавр. сп., стр. 24). Отсюда ясно, что кроме князя, бояр и его дружинников торговлей занимались и другие люди, для которых она составляла промысел и которые поэтому назывались купцами, торговцами; а особое посольство от купцов показывает, что этот класс был довольно многочислен и имел свое значение в государственном устройстве, составлял корпорацию, которая хорошо понимала свои выгоды и умела ограждать их посольством в то время, когда князь и бояре ограждали свои выгоды своими посольствами. Встречая же в договоре в посольских именах от купцов между скандинавскими именами и чисто славянские¹, мы должны заключить, что купцами на Руси были славяне и скандинавы, а от этого двойного состава купеческое сословие было тем сильнее и многочисленнее. Союз лиц разноплеменных – скандинавов и славян – показывает, что купеческий класс уже тогда имеет свое определенное устройство, свои сословные интересы, которые были настолько ясны, что соединяли в одно целое людей разноплеменных. Это соединение, конечно, было общинное, ибо только община не обращает внимания на разноплеменность. Более ясное подтверждение этому мы увидим во 2-м периоде, а теперь скажем только, что купцы составляли свои общины (сотни), которые имели своих *выборных старост* (сотских). Общинный характер купечество сохраняло не только дома, но и во время торговых разъездов по чужим землям: для безопасности торговля велась не иначе как караванами. Члены этих торговых общин были соединены клятвой (ротой) и назывались *ротниками*; их караваны носили название *дружины*, а караванные начальники – *старост*. Итак, в древнем русском обществе, при самом образовании государства купцы имели уже общественное зна-

¹ Таковы следующие имена: Куци, Тилена, Синко, Борич и несколько других.

чение, принимали участие в общественных делах и пользовались почетом даже от чужеземцев¹.

Черные люди (молодые люди). Так назывались земледельцы и разные ремесленники, жившие в селах, или же по городам особыми слободами или улицами². Название черных людей мы взяли из последующего периода; в описываемое же нами время это название в древних памятниках не встречается и черные люди постоянно называются *людинами* или *гражданами*. Людины также, как и купцы, разделялись на *общины*, которые в городах назывались *улицами, слободами*, а вне города – *селами, деревнями* и *починками*. Об общественном устройстве этого класса в 1-м периоде русского законодательства мы не имеем определенных указаний и можем заключить о нем только по свидетельствам памятников, относящихся ко 2-му периоду; памятники же эти постоянно и ясно свидетельствуют, что слободы, села и деревни черных людей всегда имели *общинное устройство*, т.е. свои *веча* и *сходки* и своих начальников. К черным людям в городах относились: во-первых, *торговцы*, не записанные ни в какую купеческую общину, во-вторых, *ремесленники* и, в-третьих, *разные черно-рабочие люди*. В селах же к черным людям принадлежали *земледельцы* и *сельские промышленники*, жившие на землях, принадлежавших общинам или частным владельцам. Черные

¹ Константин Порфирородный в своей книге «О церемониях» свидетельствует, что вместе с великой княгиней Ольгой в императорском дворце были приняты 44 русских купца и два раза обедали там за особым столом вместе с послами и получали подарки: в первый раз по 12 миллиарезий, а во второй по 6 миллиарезий на человека. А по свидетельству Игорева договора, гости или купцы подписывали даже договоры с греками, так же как и послы. В договоре сказано, что один экземпляр договора был подписан греческими императорами, а другой – княжескими послами и гостями. Вот слова договора: «Мы же свещанием все написахом на двое харатью, и едина харатия есть у царства нашего, на ней же есть крест и имена наша написана, а на другой слы ваши и гости ваши» (Лавр. сп., стр. 27).

² О том, что земледельцы жили по городам, свидетельствует описание осады Коростеня Ольгой, где, между прочим, Ольга говорит коростенца: «А вси гради ваши предашася мне, и ялися по дань, и делают нивы своя и земли своя» (Лавр. СП., стр. 30). О ремесленниках, живших по городам, мы имеем свидетельство в прозвищах новгородских концев – Плотницкого и Гончарского.

люди в городах, если занимались торговлей, то причислялись к купеческой общине и ведались купеческими старостами. Но принадлежность их к купеческой общине основывалась только на единстве их занятий с купцами. В управлении ими к купеческим старостам присоединялся еще тысяцкий, который был один на весь город. Кроме того, они имели *общинные сотни*, управлявшиеся *сотниками*, избиравшимися из своей среды. Черные люди, как городские, так и сельские, непременно тянули к какой-либо городской черной сотне или сельской общине и непременно должны были иметь оседлость, т.е. дом и известную долю городской или сельской земли, что в городах называлось *двором*, а в селах *обжею* или *вытью*. Люди же, не имеющие определенной доли общинной земли или не причисленные ни к какой общине, назывались *изгоями* и оставались в этом положении до тех пор, пока не получали определенной доли земли и не причислялись к какой-либо общине. Черные люди считались полноправными людьми в русском обществе, имели своих представителей и свой голос на вече, в селах точно так же крестьянские общины имели своих старост, свое земское управление и суд. Каждый член общины имел голос на сельском вече, участвовал в выборе начальников, раскладке податей и других общественных делах; но черные общины, как городские, так и сельские, будучи *«младшими»*, подчинялись почти всегда *«старейшим»*, т.е. боярам и купцам, и шли за ними; так, напр., в Новгороде и пригородах каждая улица и каждый конец имели своих бояр и своих купцов, с которыми в общественных делах заодно действовали и черные люди. По закону черные люди были поставлены в некоторую зависимость от своих старших уличан; в уличанских общинах они не имели выборных из своего класса старост, а подчинялись тысяцкому, выбираемому на весь город. В селах же большая часть крестьянских поселений была на землях богатых землевладельцев – бояр или купцов; следовательно, тамошние черные общины были уже в большей или меньшей зависимости от своих вотчинников. Впрочем, юридические права меньших или черных людей относительно общественных дел

были почти одинаковы с правами старших или вящих людей, и на вече они также имели силу и голос.

Таким образом, земские жители наших древних городов и селений разделялись на три класса или на три сословия: бояр, купцов и черных людей, или людинов. Но кроме этих трех классов были еще два – *вольных людей и рабов*. И те, и другие не имели никакого участия в общественных делах: вольные люди потому, что не имели никаких общественных обязанностей, а рабы потому, что не считались личностью.

Вольные люди не имели общественной организации, не несли общественных повинностей и потому не имели никакого участия в общественных делах; они не имели даже земли на свое имя. Вече и власти не имели прямого отношения к вольным людям, за ними признавалось только личное право. Вольный человек состоял под покровительством законов, которые защищали его от обид. Кто же принадлежал к числу этих людей? Во-первых, те, которые не выделились еще из семьи и состояли под властью родителей или того старшего родственника, которого семья признала своим домохозяином. Они оставались на правах вольных людей до тех пор, пока не поступали в члены общины. Они могли требовать суда и защиты, когда их кто-либо обижал, а равным образом и сами отвечали, когда являлись нарушителями чужих прав. Далее этого отношения вольных людей к власти и закону не простирались. Им предоставлена была полная свобода заниматься чем хотят, жить как знают и там, где их примут, для них были открыты все русские владения. Во-вторых, к вольным людям принадлежали также те, кто не вступал в члены ни одной из общин, – это совершенные бедняки или люди, только начинавшие разживаться. Они ходили из края в край, добывая себе пропитание ручной работой и разными мастерствами. Это были, большей частью, самые беспокойные и буйные люди; из их среды вырастали отчаянные пьяницы, гуляки, кулачные бойцы, мошенники и т.п. Это были пролетарии в полном смысле слова. К счастью русской земли, эта бродячая и буйная масса людей далеко не вся находилась в бесприютном

положении. Наибольшая часть этой неугомонной вольницы, перебесившись и наскучив своей бесприютностью, с летами старалась где-нибудь приютиться и осесть, следовательно, вступить в первый отдел вольных людей: одни из них делались работниками у зажиточных хозяев, другие поступали в подсосудники. Положение их было уже не прежнее – бесприютное и бродячее, они были уже недалеко от вступления в члены общин, и последние, если находили их людьми мирными, заботящимися о хозяйстве, всегда охотно принимали в свою среду, наделяли участками земли, причем на первые годы со значительными льготами в податях и повинностях.

Рабы (челядинцы) или невольники также не были членами общин, потому что не признавались за лиц и были частной собственностью своего владельца, который мог их продавать, закладывать, дарить и даже убивать¹. В первом периоде на Руси было очень много невольников, так как в это время особенно много велось войн и все военнопленные, как известно, делались невольниками. Из договора Олега с греками видно, что русские в его время скупали невольников для торговли, так что греки в договорах с русскими должны были назначить определенную цену для выкупа своих, находившихся в рабстве у руссов². Святослав, исчисляя своей матери товары, идущие в Болгарию, говорит: *«Из Руси же скоро и воск, мед и челядь»* (Лавр. сп., стр. 36). Греческие и арабские писатели также свидетельствуют, что русские торговали невольниками в Греции, в западной Европе (в Ахене, куда приходили по Рейну), Камской Болгарии и Хозарии.

¹ В случае побега или пропажи челядина хозяин мог искать его как вещь, себе принадлежащую. В договоре Олега с греками сказано: *«...погубиша челядин, и жалуют, да ищут и обретомое да имущее»* (Лавр. сп., стр. 18). То же подтверждено в договоре Игоря: *«...аще ускочит челядин от Руси... да поймут и; аще не обящется... две половеце за челядин»* (Лавр. сп., стр. 25). Даже за убийство раба взыскивал только хозяин, а не община.

² В договоре Игоря с греками сказано: *«Елико христиан от власти нашея плене на проведут Русь, ту аще будет уноша, или девица добра, да вдадят златник 10 и поймут и, аще ли есть средович, да вдаст золотник 8, и поймут и; аще ли будет стар, или детец, да вдаст златник 5»* (Лавр. сп., стр. 26).

Таким образом, русское общество в первом периоде законодательства делилось на три разряда: к первому принадлежали бояре и купцы – классы, составлявшие общественное устройство в тесном смысле, сюда же относились и черные люди; ко второму – вольные люди и к третьему – невольники или рабы. Два последних разряда не имели никакого влияния на общественный ход дел.

Поземельное владение. Первоначальная и более распространенная форма поземельного владения у славян на Руси была чисто общинная. Эта форма никогда не прекращалась в нашем отечестве и существует еще и до сих пор по всем селам и деревням, потому что и теперь в сельских общинах земля принадлежит не отдельным лицам как собственность, а общине, и крестьяне владеют участками земли только на праве пользования. В древности этот порядок землевладения соблюдался и в городах. Член городской общины не мог ни продать, ни заложить участок городской земли, состоящий в его ведении, точно так же, как теперь не может этого сделать крестьянин относительно своего участка в сельской земле. Но несмотря на то, что общинное владение землей постоянно оставалось и остается главным и более распространенным, тем не менее оно не было единственным на Руси, и, вероятно, еще в глубокой древности рядом с общинным поземельным владением было владение и частное, что также служит прямым доказательством общинного, а не родового быта, при котором частное владение было бы невозможно. Последнее приобреталось в древней Руси необыкновенно легко. Из-за малочисленности первоначального славянского населения на Руси сравнительно с огромным пространством земель покинутых туземцами, за общинными поземельными владениями оставалось много земель, никем не занятых, известных впоследствии под именем диких полей, диких лесов и пушей. Поэтому каждый, кто расчищал дикий лес или возделывал дикое поле собственными средствами, вместе с тем делался и полным владельцем, собственником занятой им земли. За первым занимателем никому не принадлежащей земли нашим законодательством признавалось право собственности

и в последующее время (в XV и XVI вв.), уже на памяти истории. Следовательно, тем менее мы имеем право отвергать его при первом занятии земли славянскими племенами. Наоборот, тогда считалось заслугой, если кто обрабатывал дикую землю, потому что главной заботой славянских общин было как можно более возделывать земли. Вообще, во всех древних славянских общинах мы находим и частную поземельную собственность; при этом частные собственники всегда пользовались у них большим уважением. Они назывались *отчинниками*, *владельцами*, *держателями земли*, *бащинниками*, составляли высший класс общества и имели большое влияние на дела общественные; земля сообщала им особый вес и уважение от сограждан.

По прибытии варяго-русских князей к этим первым двум формам поземельного владения присоединились две новые формы, а именно *владение княжеское* и *владение поместное*.

Княжескими землями назывались те волости, города, села и угодья, которыми владели князья. Что князья имели в этом периоде свои поземельные владения, мы убеждаемся положительными свидетельствами летописи. Так, например, Вышгород, по свидетельству летописи, принадлежал княгине Ольге, Берестово и Предславино – Владимиру¹. Княжеские земли разделялись на два разряда. К первому принадлежали земли, *уступленные князю земщиной*. Эти земли не были полной собственностью князя, потому что они давались не лично тому или другому князю, а составляли принадлежность княжеской власти вообще. Поэтому князь владел ими только до тех пор, пока был князем у той области, которая дала ему земли. Второй род княжеских земель составляли земли, *приобретенные покупкой* от частных собственников или расчищенные на княжеский счет из диких полей и лесов. Эти земли были полной собственностью князя и оставались за ним и тогда, когда он переходил на княжение из одной области в другую.

¹ Нестор, говоря о женах и наложницах Владимира, упоминает о городах и селах, принадлежащих ему и Рогнеде, «*юже посади на Лыбеди, идеже ныне стоит сельцо Предславино, а наложниц бе у него 300 Вышгороде, а 300 Белгороде, а 200 Берестове, в селе, еже зовут Берестовое*» (Лавр, сп., стр. 43).

Поместными землями назывались такие земли, которые князь давал своим дружинникам на время службы или на целую жизнь, но без права продавать, закладывать или передавать по наследству. Следовательно, в поместных землях в то время еще не было права собственности, а только право пользования ими. Первое упоминание о поместной раздаче земель относится ко времена Владимира. По свидетельству саги Олава Тригвессона, Владимир дал в поместье Сигурду, дяде Олава по матери, большие поземельные владения. Поместные владения раздавались, вероятно, из княжеских, а не из общинных земель, по крайней мере так делалось в те времена, от которых дошли до нас официальные свидетельства о такой раздаче.

Доходы князей и дружинников были двух родов: к первому принадлежали доходы, получаемые князем и его дружинниками с племен, временно уступавших только силе русского князя, но еще не признававших его постоянной власти; ко второму роду относились доходы с племен, которые уже составили владения русского князя, признавали его верховную власть и называли его своим государем. К племенам, не признававшим власть князя, принадлежали при Олеге древляне, хорваты, дулебы, тиверцы, радимичи и – в начале его княжения – северяне. При Игоре продолжали быть в прежних отношениях к русскому князю древляне, радимичи, хорваты и тиверцы, и вновь поступили уличи, а при Святославе и Владимире – вятичи¹. Об этом

¹ С этих племен князь пользовался только данью, которую большей частью должны были собирать силой, отправляясь туда или сами, или с дружиной, или посылая туда воевод. Так, в летописи об Олеге сказано: «Поча Олег воевати древляны, и примучив и, имяше на них дань по черне куне» (Лавр. сп., стр. 11). Об Игоре летопись также говорит: «Иде на древляны, и победив, възложи на ня дань большее Олеговы» (Лавр. сп., стр. 21). Или: «И примучи Свенельд, воевода Игорев, уличи, и възложи на них дань, и едаст Игорь дань Свенельду». Или дружина говорит Игорю: «Пойди, княже, с нами в дань, да и ты добудеши и мы» (Лавр. сп., стр. 28). О Святославе летописец говорит: «Вятичи победи Святослав, и дань на них възложи» (Лавр. сп., стр. 34). Все эти свидетельства прямо показывают, что дань платили племена, еще не совершенно покорные русскому князю, а только уступающие его силе, и что за этой данью нужно было всякий раз ходить; так Олег ходил за данью к древлянам. Игорь также должен был ходить или посылать Свенельда и был убит древлянами во время сбора дани.

сборе дани мы имеем, кроме летописных известий, свидетельства греческих писателей. Константин Порфирородный, современник Игоря, говорит: «Князья русские обыкновенно при наступлении ноября месяца со всей Русью выходят из Киева и отправляются или в *полюдь* (по-гречески *гира*), или в славянские земли древлян, дреговичей и других славян, платящих дань Руси». Это замечание императора о сборе дани русскими князьями с непокоренных племен вполне согласно с нашей летописью не только в отношении к названиям племен, платящих дань, но даже в отношении времени года, когда она собиралась. Константин пишет, что князья выходили для сбора дани в начале ноября; у Нестора сказано: «*Приспе осень, нача (Игорь) мыслити на древляне, хотя примыслити большую дань*» (Лавр. сп., стр. 28). Такое согласное свидетельство двух совершенно разных писателей подтверждает истинность события.

Доходы князей и их дружинников с племен совершенно покоренных состояли, кроме дани, в судных пошлинах, вирах, оброках и пользовании разными угожьями и промыслами. Сама дань с таких пленен собиралась не силой, но была уже определена самими князьями по взаимному согласию с данниками. Так, о дани, платимой славянами ильменскими, кривичами, мерью и новгородцами, в летописи казано: «*И устави (Олег) дани славеном, кривичам и мери; и устави варягом дань даяти от Новгорода гривен 300 на лето*» (Лавр. сп., стр. 11). Или, вслед за совершенным покорением древлянской земли Ольгой, летопись говорит: «*И иде Вольга по Деревстей земли с сыном своим и с дружиною, уставляючи уставы и уроки*»; или: «*Иде Вольга Новгороду и устави по Мсте погосты и дани, и по Луге оброки и дани; ловища ее суть по всей земли, знамения и места и погосты, и по Днепру перевесища и по Десне, и есть село Ольжичи и досель*».

Теперь разберем каждый из источников княжеских доходов, получаемых с покоренных племен; эти источники были:

Во-первых, *дань*, которая отличалась от дани с племен побежденных, но непокоренных, тем, что она была определена и иначе называлась уроком, как сказано об Ольге по поко-

рении древлянской земли: *«Иде по Деревстей земли, уставляючи уставы и уроки»*. Для сбора такой дани посылался не воевода с полками, а чиновники, называвшиеся даньщиками, а иногда эта дань доставлялась прямо от самих городов князю или его наместнику.

Во-вторых, *полюдье*; так назывались дары, даваемые князю во время его объездов волости для суда и расправы; эта подать была поголовной.

В-третьих, *судные пошлины*. Эти пошлины взимались с каждого судного дела и шли в казну князя. Для отправления суда князь или сам ездил по областям, или посылал дружинников, или держал по городам и волостям тиунов. Кроме этой пошлины взималась плата тиуну и его служителям.

В-четвертых, *виры и продажи*. Вирами назывались денежные пени с преступников, убийц, разбойников и воров, за исключением той части, которая шла на удовлетворение обиженных. Этот источник доходов появился со времен Игоря. Убийца, по тогдашним законам, подвергался мести родственников убитого, а имение его шло князю в уплату виры, т.е. пени за убийство. В платеже виры, в известных случаях, участвовала та волость или вервь, к которой принадлежал убийца. Такая вира называлась *дикой*. Воры и разбойники, кроме денежной пени, платили за всякое увечье в казну князя – *продажу*. О вирах еще не упоминается в договорах Олега с греками, но при Игоре и Святославе вирные доходы уже имели определенную цель; они собирались на содержание коней и оружия для войска, конечно, княжеского, т.е. дружины. *«Оже вира, то на дружьи и на коних буди»*, говорит летопись.

В-пятых, *оброки*. Так назывались подати, платимые с земель, составлявших собственность князя или уступленных ему земщиной. Так, в летописи сказано об Ольге, что она установила по реке Луге оброки.

В-шестых, *разные угодыя*, принадлежавшие князю: рыбная ловля, ловища зверей, перевесища, бортные угодыя и т.п. О всех этих угодыях упоминается в летописи при описании похода Ольги из Новгорода в Киев (Лавр. сп., стр. 11). Князь имел

складочные места по городам и селениям, где хранились сборы с княжеских угодий. Так, при осаде Белгорода упоминается о княжеской медуше, где складывался мед с княжеских бортей.

В-седьмых, *торговля*. В ней князья уже в первом периоде принимали деятельное участие, отправляя свои товары в Грецию, Хозарию, Камскую и Дунайскую Болгарию и, вероятно, в западную Европу через Балтийское море. Святослав сам говорил, что в Дунайскую Болгарию идут из Руси меха, медь, воск и невольники (Лавр. сп., стр. 33). Этим товаром русские князья были богаты, потому что он составлял дань, взимаемую с подвластных племен. На то, что князья торговали, мы имеем прямые указания в договорах Олега и Игоря с греками. В договоре Игоря сказано: «*Великий князь и бояре его да посылают в Греки корабли, сколько хотят, с послами и гостьми*». А с гостьми корабли конечно посылались для торговли, ибо гостьми в то время назывались именно купцы, отправлявшиеся с товарами в чужие земли. За последующее время мы имеем свидетельства, что князья были одними из важнейших торговцев; для них даже была привилегия: пусть, говорилось, сначала расторгнутся княжеские торговцы, а потом могут торговать и другие.

Источниками доходов дружинников были: во-первых, *управление разными городами*, которые поручались им от князя. Доход от управления прямо назывался впоследствии наместничьим доходом, или кормлением, и состоял из натуральных повинностей, доставляемых наместнику в известные сроки. В следующем периоде мы увидим во всех подробностях как порядок сбора, так и количество доходов, получаемых наместником, а равно и те случаи, по которым наместнику доставлялся тот или другой сбор. В настоящем же периоде об этом доходе дружинников мы не имеем достаточных данных.

Во-вторых, *судные пошлины*, они получались дружинниками с судебных дел в тех областях, в которые они посылались князем для суда и управы. Вообще всякая посылка дружинника в какую-либо область была соединена с узаконенным для него доходом. Этот доход назван в Правде Ярослава «уроком».

В этом законодательном памятнике мы находим уставные грамоты об уроках вирнику, мостнику и городнику.

В-третьих, *военная добыча, торговля и сбор дани* с побежденных народов. В торговле дружинники участвовали так же, как и князя. Это мы уже видели в договоре Игоря с греками, где сказано, что князь и бояре могли посылать в Грецию корабли с товарами (Лавр. сп., стр. 24). Кроме того, дружинники получали от князя жалованье серебром или товарами.

В-четвертых, *поместья*. Этим источником дохода дружинники в первом периоде пользовались в незначительной степени, что обуславливалось самим характером жизни дружинников, который был в это время полукучевым. С другой стороны, и само число поместных владений было в то время еще очень незначительно. Свидетельство о раздаче поместий при Владимире мы встречаем в исландских сагах (Олава Тригвессона).

ПАМЯТНИКИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ПЕРВОГО ПЕРИОДА

Значение памятников первого периода. Договор Олега с греками. Уголовные законы. Законы гражданские. Законы государственные. Договор Игоря. Официальные бумаги

Значение памятников первого периода. Первые и единственные дошедшие до нас от первого периода памятники русского законодательства мы находим в договорах Олега и Игоря с греками. О сих договорах в нашей исторической критике много было недоумений и споров относительно их подлинности, но трудами Карамзина, Круга, Эверса и Погодина споры и недоумения в настоящее время уничтожены, и подлинность договоров не подлежит никакому сомнению. Договоры были действительно заключены между Русью и греками и дошли до нас в тогдашних, современных официальных переводах с

греческого языка. В подлинности легко убедиться, сравнив язык летописи с текстом договоров. В летописи Нестора язык правилен и строен, а в договорах язык еще не покоряющийся перу и не могущий объяснить многих понятий, которые нужно было выразить. В них виден перевод с греческого, но не такой, как перевод Священного Писания – видно, что переводил толмач. Первый договор между Олегом, великим князем Русским, и византийскими императорами – Львом и Александром, по нашему летосчислению был заключен в 911 году 2 сентября в воскресенье. Он сохранен нашим летописцем в полной копии с грамоты, привезенной послами Олега из Константинополя, с подписью императора и русских послов. Датум этой грамоты следующий: *«Наше царское величество дали сие написание месяца сентября 2-го в неделю 15, в лето от создания миру 6420»*. Второй, т.е. Игорев договор, был заключен с византийскими императорами Романом, Константином и Стефаном в 945 году. Он сохранен летописцем в копии с проекта, составленного в Византии по взаимному соглашению византийского двора с русскими послами и привезенного в Киев к Игорю на утверждение, как явствует из заключительных слов самой грамоты: *«Да аще будет добре (т.е. понравится), Игорь великий князь, да хранит си любовь правую, да неразрушится, дондеже солнце сияет, и весь мир стоит, в нынешняя веки и в будущая»*.

Договоры сии имеют важное значение в истории русского законодательства: они служат верным и ясным свидетельством того юридического и административного состояния, в котором находилось русское общество в конце IX и в первой половине X века, т.е. в первый век существования русского государства. Подробное изучение сих памятников откроет нам, конечно, далеко не все, однако многие и очень важные стороны юридического быта наших предков при первых варяго-русских князьях. В этих договорах для нас важно и поучительно каждое слово, ибо надобно заметить, что договоры сии были писаны тем именно языком, каким говорили приднепровские руссы, Олеговы и Игоревы современники. Мы видим в договорах, как выражали свои понятия об обществен-

ной жизни тогдашние русские люди, следовательно – как понимали общественную жизнь, насколько были развиты в ней. Пытались утверждать, что договоры эти принадлежат только варяго-руссам. Но договоры заключались не одними варягами, так как последние были малочисленны; договоры принадлежали всему обществу, т.е. как варягам, так и славянам. На это указывает, во-первых, их содержание, сходное со славянскими законами и, во-вторых, сам язык договоров: на нем говорило все Приднестровье, и язык этот был чисто славянский. Притом в самих договорах, в именах послов ясно видно, что здесь принимала участие вся русская земщина.

Договор Олега с греками. По порядку сперва обратимся к Олегову договору 911 года. Договор сей по содержанию своему разрешает много юридических вопросов, относящихся к Олегову времени на Руси; из статей его мы отчасти можем видеть, насколько в то время русский закон охватывал разные условия, разные случаи народной жизни. Чтобы удобнее и в большей связи рассмотреть разные понятия Олеговых руссов о праве, высказанные в договоре, я разделяю статьи договора на уголовные, гражданские и статьи государственного права.

Уголовные законы. Начнем со статей, относящихся к уголовному праву. Сюда относятся статьи 2, 3, 4, 5 и 12 Олегова договора с греками.

Вторая статья договора свидетельствует, что во времена Олега русское общество при разборе обид и преследовании преступников уже не допускало самоуправства и требовало суда над преступниками, чтобы обиженные представляли свои жалобы общественной власти, а не сами разделялись с обидчиками. Статья говорит: *«А о головах, когда случится убийство, узаконим так: ежели явно будет по уликам, представленным на лицо, то должно верить таковым уликам. Но ежели чему не будут верить, то пусть клянется та сторона, которая требует, чтобы не верили; и ежели после клятвы, данной по своей вере, окажется по розыску, что клятва дана была ложно, то клявшийся да примет казнь».* Здесь явно и прежде всего выступает суд как главное осно-

вание общественного благоустройства. На суде главным доказательством и основанием обвинения считалось *поличное*; тогдашний суд решал дело по одному поступку, каким он есть налицо; обвиняемый в убийстве был признаваем убийцей, ежели труп убитого был ему уликой. Но, впрочем, и при главном основном судебном доказательстве закон не отвергал других доказательств – он допускал и спор против улики: обвиняемый мог по закону требовать, чтобы не верили уликам, т.е. отводить их от себя; но в таком случае он должен был подтверждать свое требование клятвой, и если после клятвы по розыску оказывалось, что клятва была дана ложно, то клявшийся за это подвергался особой казни. Таким образом, в числе судебных доказательств того времени кроме поличного мы находим *клятву*, или *присягу*, и *розыск*, может быть *допрос свидетелей*. Клятву по закону должен был давать тот, кто отрицал или отводил от себя улики. Сии судебные доказательства вполне согласны с доказательствами, находящимися в Русской Правде и других последующих узаконениях; следовательно, нет сомнения, что суд и судебные доказательства Олегова договора принадлежат русскому законодательству. Тогда возникает вопрос – кто по Олегову договору производил суд над преступниками? Ответа на этот вопрос договор не предоставляет, но судя по тому, что, по свидетельству летописи, князья были приглашены именно для того, чтобы судить по праву, должно допустить, что суд производили или сами князья, или лица, ими для этого поставленные, т.е. княжеские мужи, наместники, тиуны и вообще судьи, которые, вероятно, бывали и между руссами, приезжавшими в Константинополь; ибо известно, что вместе с русскими купцами, ездившими в Грецию, отправлялись и гости, посылаемые собственно князем с его товарами, из которых, конечно, князь выбирал людей, которым поручал в случае надобности и суд над отъезжающими в Грецию. А может быть, такие судьи выбирались и самими отъезжающими купцами на основании общинных начал, ибо ездить целыми обществами, со своими старостами и судьями, было в то время в обычае повсюду – и у нас, и в Западной

Европе. Доказательством тому служат все торговые договоры того времени. В XII и XIII веках писались особые уставы, по которым купцы должны были поступать, живя в известном городе. До нас дошли ганзейские уставы, известные под названием «Скры». В каждом городе, куда приезжали ганзейские купцы, были конторы, где хранились эти законы.

По свидетельству третьей статьи договора, убийца по русскому закону подвергался *смерти* на месте преступления, но в то же время закон допускал *выкуп*, или вознаграждение ближних убитого имением убийцы, ежели убийца скрывался, причем ближние убитого получали только то имение, которое по закону принадлежало убийце, и не могли брать имения, принадлежащего его жене. Статья говорит: *«Убьет ли русин христианина, т.е. грека, или христианин русина, да умрет там же, где учинит убийство. Ежели же убежит учинивший убийство и ежели он имеет достаток, то часть его, т.е. что ему принадлежит по закону, да возмет ближний убиенного, но и жена убиенного да удержит то, что ей принадлежит по закону. Ежели же убийца, убежав, не оставит имения, то иск не прекращается до тех пор, пока его не отыщут и не казнят смертию»*. Настоящая статья указывает на замечательное развитие права в Олегово время, именно в том, что по закону невинная жена не отвечала за виноватого мужа, как что с первого взгляда эту статью можно почесть за заимствованную из римского права и внесенную в договор византийцами; но назначение смертной казни, малоупотребительной в подобных случаях по римскому праву, и особенно замена смертной казни выкупом или отдачей имущества убийцы ближним убитого, совершенно не известное по римскому праву и сильно развитое в древнем русском праве, ясно указывают, что настоящая статья выражает чисто русский закон Олегова времени; даже та часть статьи, где жена не отвечает своим имением за виноватого мужа, нисколько не может указывать на византийское влияние, ибо, с одной стороны, во всем последующем русском законодательстве невинная жена никогда по закону не отвечала за виновного мужа, а с другой, и в древних исландских

законах, известных под именем Grágás, тоже говорится, что ежели между супругами общность имения не была утверждена особым актом, то в случае денежного взыскания на одном из них виноватый платит только из своего имения, не касаясь имения, принадлежащего другой половине. То же встречаем и в древних Моравских законах, как видно из грамоты Премысла Оттокара (1229 года), где сказано: «Всякий убийца обязан был платить суду 200 денаров, а жена его оставалась без проторей». Следовательно, этот закон, поскольку был общим для многих скандинавских и славянских законодательств, постольку был общим и для Руси, как страны, составленной из элементов славянских и скандинавских. То обстоятельство, что кровавая месть в случае бегства убийцы могла быть заменена имуществом бежавшего, показывает, что русское общество во времена Олега стояло на той ступени развития, когда месть была ограничена судом и голова убийцы могла быть выкуплена его имуществом. Но этот выкуп был только что вводим, он еще не был определен, назначался только в случае бегства убийцы, и обычай торговаться с родственниками убитого о выкупе убийцы еще не существовал. Эту первую степень смягчения мести мы видим в славянских, скандинавских и вестготских законах. По этим последним убийца мог вступать в договор о выкупе с родственниками убитого, но прежде этого он должен был бежать в пустыню, в дикие леса и только по прошествии 40 дней после убийства мог вступать в переговоры через своих родственников. Если родственники убитого не соглашались на выкуп, то убийца мог снова возобновить свое предложение через год; если и во второй раз его предложение отвергалось, то по прошествии года он мог вступить еще раз в переговоры. Но если и на этот раз не было согласия, то убийца лишался всякой надежды выкупить свое преступление.

Четвертая статья договора свидетельствует, что личные обиды, а именно побои и раны, в современном Олегу русском обществе также подчинялись суду, и обиженный получал определенное законом денежное вознаграждение. Вот изложение самой статьи: *«Ежели кто ударит кого мечом, или*

*прибьет каким либо другим орудием, то за сие ударение или побои по закону русскому да заплатит пять литр серебра. Ежели же учинивший сие не будет иметь достатка, – да отдает столько, сколько может, да снимет с себя и ту самую одежду, в которой ходит, а в остальном да клянется по своей вере, что у него некому помочь в платеже, после чего иск прекращается». Эта статья вполне согласна со всем последующим русским законодательством, в котором постоянно личные обиды оценивались денежными пенями; так в Русской Правде читаем: «Аще ли кто кого ударит батогом, либо жердью, или рогом, то 12 гривен». Окончание настоящей статьи договора, по которому виновный должен поклясться, что у него некому помочь в платеже, весьма важно для нас тем, что указывает на русский закон о дикой воре, развитый вполне в Русской Правде, по которому община некоторым образом отвечала за своего члена и участвовала в платеже виры. Очевидно, что зачатки этого общинного закона уже существовали при Олеге в виде круговой поруки членов общины за своего члена, обязанного платить виру или продажу, точно так же, как подобные общества были в Скандинавии под именем *герадов*, которые были не что иное, как гражданский союз, заключенный по общему согласию различных землевладельцев для охраны взаимного спокойствия и безопасности.*

Пятая статья договора говорит, что по русскому закону в Олегово время при преследовании ночного вора хотя и допускалось некоторое самоуправство, но только в крайности, когда вор был вооружен и оказывал сопротивление; в статье именно сказано: «*при поимке вора хозяином во время кражи, ежели вор станет сопротивляться, и при сопротивлении будет убит, то смерть его не взыщется*». Но в противном случае, т.е. когда вор не сопротивлялся и позволял себя связать, законы Олегова времени, равно как и Русская Правда, строго наказывали и запрещали всякое самоуправство и требовали, чтобы вор был представлен на суд и подвергся наказанию, определенному законом. В Олеговом договоре по русскому закону было постановлено: ежели вор при поимке во время со-

противления был убит, то хозяин возвращал себе только покраденное вором; но ежели вор был связан и представлен на суд, то должен был возратить и то, что украл, и сверх того заплатить хозяину тройную цену украденного. Здесь относительно тройной цены, кажется, по византийскому настоянию, в договор было внесено римское *quadrupli*, по которому открытое воровство наказывалось вчетверо, т.е. возвращалась украденная вещь или цена ее и сверх того, в наказание, тройная цена вещи. По Русской же Правде, в наказание за воровство назначалась не тройная цена украденной вещи, а особенная пеня, называвшаяся продажей. Настоящая статья Олегова договора, преследуя воровство, в то же время запрещает и наказывает почти одинаково с воровством насилие, совершаемое кем-либо под видом обыска, будто бы по подозрению в воровстве. Именно в статье сказано: *«Ежели по подозрению в воровстве кто будет делать самоуправно обыск в чужом доме с притеснением и явным насилием, или возмет, под видом законного обыска, что-либо у другого, то по русскому закону должен возратить в трое против взятого»*.

Наконец, преследование преступников по русскому праву, современному Олегу, не прекращалось и за пределами Русской земли; закон требовал их возвращения и тогда, когда они успевали скрыться за границу, как прямо говорит 12-я статья договора: *«Между торгующими руссами и различными приходящими в Грецию и проживающими там, ежели будет преступник и должен быть возвращен в Русь, то руссы об этом должны жаловаться христианскому царю, тогда возьмут такового и возвратят его в Русь насильно»*. Это настойчивое преследование преступников даже за пределами Русской земли служит явным свидетельством могущества власти и закона в тогдашнем русском обществе.

Законы гражданские. Рассмотрев статьи договора, относящиеся к уголовному праву, или те законные меры, которые русское общество употребляло против нарушения прав, признанных законом, мы теперь перейдем к статьям, указывающим на частное или гражданское право того времени,

т.е. рассмотрим те права, которые русское общество предоставляло своим членам по отношению друг к другу.

Здесь мы встречаем указание относительно прав на имущество. Владение имуществом, по тогдашнему устройству русского общества, тогда только почиталось правильным и заслуживающим общественное покровительство и законную защиту, когда имущество признавалось за владельцем по закону, как прямо говорит вторая статья договора: *«Да часть его, сиречь иже его будет по закону»*. Но в чем состояла законность владения, из договора не видно; впрочем, для нас уже важно и одно указание на различие между владением законным и незаконным, ибо из него мы можем судить о благоустроенности тогдашнего русского общества и о силе закона.

Законное понятие о принадлежности имущества лицу, а не роду, в тогдашнем русском обществе уже было развито до того, что закон признавал отдельное имущество мужа и отдельное имущество жены и, в случае взыскания за преступление мужа, в удовлетворение поступало только мужнино имущество, а женино имение закон в таком случае признавал неприкосновенным, как прямо сказано в третьей статье договора: *«Ежели убежит учинивший убийство, и ежели он имеет достаток, то часть его, т.е. что ему принадлежит по закону, да возьмет ближний убиенного, но и жена убившего да удержит то, что ей принадлежит по закону»*. На отдельное имущество жены от мужнина имущества есть указания и в летописях; так Нестор, описывая браки в племени полян, говорит, что невесты несли за собой приданое; или говоря об Ольге, между прочим пишет, что ей принадлежал в отдельную собственность Вышгород: *«Бе бо Вышгород град Волзин»*. Это, кажется, указывает на вено, которое муж давал жене в отдельную собственность от своего имения, ибо Ольга, псковитянка по происхождению, не могла иметь своим приданым Вышгорода, который находился в приднепровском краю. О вене ясно же упоминается при Владимире как о давнишнем обычае в русском обществе.

В одиннадцатой статье договора изложен тогдашний русский закон о наследстве, по которому в русском обществе

тех лет уже были известны два вида наследства: наследство по завещанию и наследство по закону. Статья договора прямо говорит: *«Ежели кто из русских умрет, не распорядившись своим имением, или не будет иметь при себе своих, то имение его да отошлют к его ближним в Русь. Но ежели он по своему имению сделает распоряжение, то тот, кого он напишет наследником имения, да возьмет назначенное ему, да наследит имение»*. Закон о наследстве по завещанию ясно свидетельствует, что на Руси в Олегово время имущество принадлежало лицу, а не роду; ибо если бы имущество принадлежало роду, то не было бы места для завещания: член рода не мог бы распоряжаться и отдавать в собственность после своей смерти то, на что и сам не имел права собственности при жизни. Наследство же по закону указывает на то, что родственные отношения и в то время то же имели значение, какое они имеют и теперь, т.е. что закон не отрицал права родственников на имение после умершего, ежели тому не противоречило завещание, оставленное умершим.

Законы государственные. Наконец, в Олеговом договоре мы находим несколько указаний на права лиц, вытекающие из различных отношений лиц к самому обществу, или вообще на тогдашнее государственное право в русском обществе. Здесь самые важные указания мы встречаем во вступлении и первой статье договора. Именно вступление указывает нам на верховного властителя Руси, великого князя, на князей – его подручников, на светлых бояр и на всю Русь, подвластную великому князю. Первая статья также говорит о князьях, которых называет светлыми и властителями народа; далее десятая статья упоминает о гостях и рабах. Таким образом, из их упоминаний мы видим, что по отношению к обществу были особые права верховного властителя Руси, великого князя, потом особые права князей – подручников великого князя, особые права бояр, высшего класса подданных, носивших название светлых бояр, особые права всех свободных людей, принадлежащих к русскому обществу и, наконец, значение невольников или рабов. В договоре, конечно, мы не находим полного определе-

ния прав того или иного класса членов тогдашнего русского общества, но уже само различие наименований, присвоенных каждому классу, намекает на различие прав, ибо ежели в языке образовались различные наименования, то это уже есть явный признак различия в значении и правах.

Впрочем, договор представляет несколько данных и для определения прав того или другого класса. Так Олег, великий князь Русский, называется властителем всей Руси – ему подчинены и светлые бояре, и другие князья; в договоре сказано: *«Мы от рода русского, иже послани от Олега, великаго князя Русскаго, и от всех, иже суть под рукою его, светлых бояр, похотеньем наших князь и по повеленью великаго князя нашего, и от всех, иже суть под рукою его, сущих Руси»*. Здесь мы даже видим, что в сношениях с чужеземным народом распорядился не один великий князь, но имели голос также и другие князья, подвластные великому князю, бояре и вся Русь. Некоторые думают, что само название великого князя не русское, туземное, а титул, присвоенный византийцами русскому государю; но этому мнению противоречат именно византийцы. До нас дошел придворный византийский обрядник, писанный императором Константином Порфирородным, в котором прямо сказано, что государь русский в византийских официальных грамотах титуловался просто князем, а не великим князем. Вот подлинный титул, записанный в обряднике: *«Грамота Константина и Романа христоролюбивых царей римских князю русскому»*. Ясно, что в договоре Олега титул великого князя был домашний, а не византийский.

Далее первая статья договора называет властителями, владеющими народом, и низших князей, подчиненных Олегу; статья гласит: *«Не вдадим елико наше изволение, бытии от сущих под рукою наших князь светлых, никому же соблазну или вине»*. Но бояр договор нигде не называет властителями и оставляет за ними только титул светлости, благородства, особого почета в народе; отсюда мы можем заключить, что бояре не были властителями и не принадлежали к состоянию князей.

Десятая статья договора представляет нам данные для некоторого отделения прав, присвоенных тогдашним русским обществом сословию гостей; она говорит: *«...аще украден будет челядин русский и жаловати начнут Русь, да покажется таковое от челядина, да имут и в Русь; но и гостье погубиша челядин; и жалуют, да ищут и»*. Здесь, как мы видим, гости противопоставляются вообще другим руссам, приезжающим в Грецию; следовательно, признаются особым, отдельным сословием, особым классом, со своими правами. А Игорев договор ставит гостей после послов и указывает на них, как на торговцев, отправляющихся с товарами в чужие земли; в договоре Игоря сказано: *«А великий князь Русский и бояре его да посылают в Греки к великим царем греческим корабли елико хотят со слы и с гостьми, ношаху ели печати злати, а гостье серебряни»*.

Наконец, девятая и десятая статьи договора дают некоторые указания для определения состояния невольников, рабов, называвшихся тогда челядью. Так, девятая статья говорит, что невольниками были пленники, что они продавались как товар и проданные отсылались в разные земли, что Олеговы руссы вели большую торговлю невольниками и в этой торговле не только продавали своих пленников, но даже скупали невольников в других местах. В десятой статье указывается на невольника как на вещь, на которую права хозяина были неприкосновенны и охранялись законом – хозяин мог требовать своего невольника, где бы его ни отыскал.

Договор Игоря. Вторым памятником русского законодательства в первом периоде был договор Игоря с греками, написанный в 945 г. Хотя в этом договоре большей частью повторяется то, что уже сказано в Олеговом, но есть и некоторые изменения и указания на такие стороны тогдашнего русского законодательства, которых не заметно еще в Олеговом договоре. Разбирая договор Олега мы, конечно, не могли не заметить отсутствия в нем системы и перерыва между статьями. Причина этого заключается в том, что перед договором 911 года был заключен между русскими и греками словесный до-

говор 907 года. Договор этот, по всей вероятности, был весьма подробен и заключал в себе условия, касающиеся различных предметов. Быть может, договор этот и был записан если не в форме трактата, то в византийских хрониках, и мог еще сохраняться в памяти народа, когда был заключен договор Олега. Но видя нарушение словесного договора, греки приступили к созданию письменного договора. Вот этим-то и объясняется, почему в договоре Олега не упоминается о некоторых статьях, вошедших в договор Игоря. Византийские хроники записали даже некоторые из условий словесного договора 907 года. В нашей летописи мы также встречаем известие об этом словесном договоре: «Олег же мало отступи от града, нача мир творити с царема грецкима, с Леоном и со Александром, посла к ним в град Карла, Гарлофа, Велмида, Рулава и Стемида, глаголя: “имете ми ся по дань”. И реша Греци: чего хощещи, и дамы ти. И заповеда Олег дати воем на 2000 корабль по 12 гривен на ключ; и потом даяти уклады на Руськия грады, по тем бо градом сидяху князи под Олегом суши; да приходяще Русь хлебное емлют, елико хотяще; а иже придут гости, да емлют месячину на 6 месяц, хлеб» и пр. Греки подтвердили все условия словесного договора, а потому они и не вошли в договор Олега 911 года. Итак, договор Игоря полнее, нежели договор Олега. Заметим касательно статей договора Игоря 945 года. Промежуток времени между 911 и 948 гг. был, само собой разумеется, значительнее, нежели промежуток между 907 и 911 гг. В это время некоторые статьи могли быть нарушены, а с другой стороны, и сами греки увидели невыгоды тех условий, которые они заключили с русскими в 911 году, находясь под влиянием страха. Поэтому, хотя число статей договора и больше, и сами статьи подробнее, однако смысл их более или менее ограничивающий по сравнению с договором Олега 911 года. Не разбирая всех статей Игоря договора как или не относящихся к нашему предмету, или уже известных из договора Олега, мы пересмотрим только те, что указывают на не замеченные прежде стороны русского законодательства и общественного устройства.

1-е указание договора Игоря касается значения земщины на Руси. Так, на первой странице договора (Лавр. сп., стр. 24) мы встречаем целый ряд имен послов, отправленных в Грецию для заключения этого договора. Здесь, кроме послов от Игоря, от сына его Святослава, от княгини Ольги мы встречаем имена послов от Сфандры, жены Улебовой, от какой-то славянки Предславы, от знаменитых дружинников и от купцов. Из этого видно, что в заключении договора участвовало все общество, что в делах общественных значение князя было ограничено и рядом с его властью рука об руку шла власть земщины.

2-е указание касается прав и положения русской женщины. В договоре упоминаются послы от женщин – от Сфандры, жены Улебовой, и от Предславы. Из этого официального указания мы видим, что женщины в тогдашнем русском обществе имели не только семейное, но и чисто гражданское общественное значение. Общество признавало их не только как членов той или другой семьи, но и как членов целого общества, до некоторой степени равных мужчинам. В этом указании заключается подтверждение 3-й статьи Олегова договора, в которой значится, что жена могла иметь имущество отдельно от имущества мужа. В договоре Игоря упомянуто, что жена может иметь не только отдельное имущество, но может и распоряжаться им независимо от мужа, потому что послы от Сфандры и от Предславы могли быть не иначе, как по торговым делам; таким образом, мы находим здесь свидетельство не об одних только правах по имуществу, но и о личных правах женщины на Руси. Женщины римские и германские всю жизнь были под опекой: незамужняя под опекой родителей, замужняя под опекой мужа, а вдовы под опекой сыновей. Русские же женщины, напротив, находились под опекой только до выхода замуж, а вступив в замужество, они освобождались от всякой опеки. Что таким независимым положением пользовались не только варяжские женщины, но и славянские, видно из того, что в заключении договора участвовал посол от Предславы, конечно славянки, что можно заключить по ее имени. Кажется, с достоверностью можно сказать, что упоминаемая в договоре Предслава была вдова, ибо

о ее муже в договоре нет упоминаний, тогда как Сфандра прямо названа женой Улеба. А вдова в то время вполне занимала место мужа; мужнин дом становился ее собственностью и назывался ее именем. Она делалась главой семейства и, в этом значении признанная обществом, пользовалась многими правами как прямой, непосредственный член общины. Это засвидетельствованное договором общественное значение русской женщины полностью согласуется со взглядом на женщину всего последующего русского законодательства. Так, по Русской Правде женщина по смерти мужа делалась главой семьи, так что при ней семье не назначалось ни опекуна, ни попечителя; жена по смерти мужа по своему усмотрению управляла своим и мужниным имением и по возрасту детей не отдавала в своем управлении никакого отчета. А по законодательству, современному Судебникам, жена по смерти мужа принимала на себя и обязанности мужа в отношении к обществу, поскольку они не противоречили ее полу; так, вдова даже несла воинскую службу, конечно не лично, но высылкой в поход определенного (по ее имению) числа вооруженных людей.

3-е указание касается значения бояр. Среди бояр времен Игоря были такие значительные мужи, что посылали от себя особых послов вместе с княжескими. Так, в договоре упоминаются послы: Улебог от Володислава, Прастень от Турда, Либиар от Фаста и др. Среди бояр, отправлявших послов, были и славяне, как, например, Володислав. Конечно, мы не можем признать этих бояр кем-нибудь вроде феодальных баронов западной Европы, потому что вышеизложенные исследования ясно доказывают, что феодализма у нас не было и не могло быть, но тем не менее нельзя не признать, что старейшие из бояр составляли сильную аристократию, имевшую свое значение независимо от службы князю, ибо если бы значение бояр заключалось в одной службе, то боярские посольства не имели бы значения при посольстве княжеском. В следующем периоде, когда значение бояр было ослаблено влиянием княжеской власти, мы уже не видим особых посольств от бояр, равно как и от других сословий земства. Так, во всех договорных грамо-

тах князей 2-го периода и в подлинных списках посольств московских государей нет нигде и упоминания об особых послых от бояр¹. Поэтому одно простое сравнение договорных грамот первого периода с грамотами второго периода ясно показывает большую разницу в общественном значении бояр в том и другом периоде. Из трех договорных грамот первого периода нет ни одной, которая бы писалась от имени одного князя без участия бояр; даже в самой краткой из них – в грамоте Святослава упоминается имя старшего дружинника Свенельда, тогда как все договорные грамоты второго периода, за исключением новгородских, писаны от имени одного князя. Нельзя предполагать, что упоминание о боярах было внесено в грамоты первого периода греками для большего обеспечения договорных условий, ибо, как мы знаем, греки не имели достаточных сведений о значении бояр на Руси. Доказательством этому может служить так называемый «обрядник греческого двора», составленный императором Константином Порфирородным. В этом обряднике читаем следующее: *«К владетелю России посылается грамота за золотую печатью в два солида с следующим титулом: Граммата Константина и Романа, христолюбивых государей римских к князю России»*. Это была обычная форма, принятая византийским двором в сношениях с русскими князьями, и в этой форме нет и упоминания о русских боярах, послание титулуется к одному только князю; из этого ясно, что византийцам не было известно важное значение бояр на Руси. Следовательно, упоминание о боярах в договорах первого периода принадлежит не византийцам, а самим русским.

¹ Договорная грамота князя Федора Ростиславича Смоленского с рижским епископом, магистром и ратманами (1284) начинается словами: *«Поклон от князя от Федора к епископу и к местеру и к ратманам. Што будет нам речь с еписко пим или с местером, то ведаем мы сами, а вашему гостеву путь будет чист»*. Или грамота 1330 года смоленского князя Ивана Александровича к рижскому магистрату говорит: *«Се яз князь великий Смоленский, Иван Александрович, внук Глебов, докончил есть с братом своим, с местером с рижским и с епископом и с рыдели и с ратманы»*. Таким образом, во всех дошедших до нас договорных грамотах, начиная с XIII в., нигде не упоминается о боярах, как о необходимых участниках договора, и нигде не встречаются послы от бояр вместе с послами князя.

4-е указание касается значения купцов в русском обществе. Из договора видно, что купцы, так же как и бояре, участвовали вместе с князем в договорах с греками и отправляли от себя послов. Это свидетельство указывает на купцов не только как на особое сословие, но и как на людей, имевших в то время большую силу в обществе. Во втором периоде, когда значение их, как и всех других сословий, уменьшилось, они не принимали никакого участия в договорах с иноземными государями. Так, смоленские грамоты, хотя они имели и торговые цели, написаны от имени одного князя без участия смоленских купцов, тогда как по всему тут следовало быть купцам, так как дело, главным образом, касалось их и по свидетельству грамоты 1229 года даже первоначально велось торговцами или купцами, как прямо сказано в грамоте: *«Пре сей мир трудилися добрии люди: Рольфо из Каиеня, Божий дворянин и Тумаше Смольнянин, аже бы мир был до века»*. Это простое сравнение договорных грамот первого и второго периодов ясно показывает, что купцы в первом периоде пользовались высоким значением в русском обществе, какого они впоследствии уже не имели.

5-е указание (находящееся в 1-й статье и в заключении договора Игоря) свидетельствует о *веротерпимости*, которой отличалось русское общество времен Игоря. В договоре руссы разделяются на крещеных и некрещеных. В 1-й статье говорится: *«И иже помыслит от страны русския разрушити таку любовь и елико их крещение прияли суть, да примут мечь от Бога Вседержителя... а елико их есть не хрещено, да не имут помощи от Бога, ни от Перуна»*. (Лавр. сп., стр. 24). Подобное же указание находится в заключении договора, где говорится, что даже между русскими послами были *христиане*. Так, утверждая договор клятвой, русские послы говорят: *«Мы же. елико нас хрестилися есмы, кляхом церковью святого Илии в сборной церкви и предлежащем честным крестом и харатьею сею... А не крещеная Русь полагают щиты своя и мече свое ноги, обручь свое и прочья оружья, да кленутся о всем, яже суть написана на харатьи сей»* (Лавр. сп., стр. 27). Эта статья служит доказательством того, что перед тогдашним русским законом все были

равны, к какой бы религии кто ни принадлежал¹. А это опять служит сильным подтверждением тому, что русское общество сложилось и развилось под влиянием общинных начал. Община, принимая в свои члены всех без различия, не разбирая, кто к какому племени принадлежит, очевидно, не обращала внимания и на то, кто какую исповедовал веру, ибо при разноплеменности одноверие не представляет необходимого условия для вступления в общество. При одноплеменности же, и особенно при родовом устройстве общества, разноверие решительно невозможно.

б-е указание свидетельствует о сосуществовании в первом периоде *письменных документов*, выдававшихся правительством частным лицам. Во 2-й ст. договора говорится о *проезжих грамотах*, выдававшихся князем послам и купцам, отправлявшимся в Грецию. В этой статье говорится: *«Ныне же князь русский рассудил посылать грамоты, е которых прописывалось бы, сколько кораблей послать, чтобы греки по этому знали, с миром ли приходят корабли»*. Очевидно, это была совершенная новость в тогдашнем русском обществе, ибо при Игоре же, как свидетельствует та же статья договора, вместо грамот употреблялись печати – для послов золотые, а для гостей серебряные. Но была ли заимствована эта новость от греков, мы не знаем, и в договоре не только не сказано, что это сделано по настоянию греков, но даже говорится прямо противное, т.е. что так рассудил сам князь русский. Что же касается употребления печатей, то это, кажется, было давнишним обычаем славян, ибо они употреблялись и у славян дунайских².

¹ На веротерпимость русского общества Игорева времени указывает и древний русский пантеон, находившийся в Киеве напротив теремного дворца великого князя. В этом пантеоне были боги всех племен славянских, литовских, финских и др. При такой веротерпимости русского общества христианская вера, как это видно из самого договора, успешно распространялась на Руси, так что во время Игора в Киеве была даже христианская церковь Св. Илии. Впрочем, это замечание о веротерпимости касается только жителей Приднепровья, чего однако же нельзя сказать о других местностях, например, о Новгороде и др.

² Об этом свидетельствует договор болгарского царя Крума с византийцами, писанный в 715 году, где в числе условий сказано, чтобы купцы по своим делам являлись не иначе, как с грамотами и печатями, так что те из них, которые являются без печати, будут лишены своих товаров в пользу казны.

7-е указание, заключающееся в 5-й ст. договора, содержит в себе уголовные законы Игорева времени о разбойниках и ворах. В статье говорится: «...ежели кто из русских покусится отнять что-либо силою у наших людей и ежели успеет в этом, то будет жестоко наказан, а что взял, за то заплатит вдвое, а также и грек примет ту же казнь, ежели то же сделает с русским» (Лавр. сп., стр. 25). Эта статья соответствует Русской Правде, где сказано: «...за разбойника людие не платят, но вдадут его и с женою и с детьми на поток и на разграбление». Хотя слова договора «будет жестоко наказан» не определяют, в чем собственно должна состоять казнь, слова же Русской Правды «вдадут на поток и на разграбление» более определены, тем не менее смысл того и другого закона остается одним и тем же – строгое преследование разбойников. Сама же неточность и неопределенность статьи о разбойниках в договоре Игоря произошла от того, что наказания, определявшиеся разбойникам по законам Греции и Руси, были неодинаковы в частности. В Греции в то время были в большом ходу и уважении пытки, которых мы не видим на Руси до XVI в. Но в общих чертах законы о разбойниках в Греции и Руси были одинаковы – и в Греции, и в Руси разбойники наказывались жестоко. Поэтому обе договаривающиеся стороны и не нашли нужным определять подробно, какому наказанию следует подвергать разбойников, а условились только об одном, чтобы разбойники были жестоко наказываемы, так как вообще требовали того законы Греции и Руси: «И то показнен будет по закону греческому, по уставу и закону русскому» (Лавр. сп., стр. 26), сказано в договоре. Та же статья договора содержит закон о ворах. Сравнивая закон о ворах по обоим договорам, мы находим, что в Игоревое время этот закон подвергся значительной перемене. Вместо римского *quadupli* (вчетверо), которое положено по Олегову договору, по Игореву договору вор обязывался платить только вдвое, т.е. возратить украденную вещь с придачей ее цены, или же, если сама вещь не могла быть возвращена, – отдать ее двойную цену. К этим указаниям Игорева договора об уголовных законах того времени нужно

присоединить свидетельство летописи Нестора о том, что в Игорево время назначалась особая вира с разбойников, которая определялась на оружие и на коней князя.

Вот и все законодательные памятники 1-го периода, которые сохранились до нашего времени. Были ли другие писанные законы в то время, этого мы не знаем; по всей вероятности, их не было, и обычное право вполне заменяло право положительное.

Официальные бумаги. В дополнение к полному изучению истории законодательства, необходимо изучение официальных бумаг, употреблявшихся в то или в другое время. Официальные бумаги составляют необходимую часть законодательства и служат указанием тому, как закон приводится в исполнение и как прилагается к тому или другому случаю. Но, к сожалению, до нас не дошло ни одной официальной или деловой бумаги первого периода, кроме договорных грамот князей с греками.

По всей вероятности, официальные или деловые бумаги как документы того или другого права между частными лицами или как выражение повелений правительства существовали на Руси и в первом периоде, по крайней мере, начиная с Олега и Игоря. Славянские письма, изобретенные Кириллом и Мефодием для Моравии и Болгарии, были известны на Руси уже при Олеге, лучшим доказательством чему служит Олегов договор с греками, который не имел бы места, ежели бы славянские письма не были в употреблении на Руси. Притом в договорах прямо упоминается о некоторых деловых бумагах. Так, в Олеговом договоре упоминается о духовных завещаниях, которыми руссы назначали себе наследников и распределяли имение на случай смерти; завещания сии, по свидетельству договора, именно писались: «...кому будет писал наследита именье». А в Игоревом договоре в числе условий постановлено, что русский князь обязывается давать отправляющимся в Грецию руссам грамоты с указанием количества посылаемых кораблей. Вероятно, в первом периоде были и другие деловые бумаги, но в настоящее время мы не можем знать ни форм, в которых они писались, ни всех случаев, в которых право утверждалось деловыми бумагами или писанными документами.

ВЛИЯНИЕ ВАРЯГО-РУССКОГО ЭЛЕМЕНТА НА РАЗВИТИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В ПЕРВОМ ПЕРИОДЕ

Таким образом, памятники законодательства, дошедшие до нас от первого периода, захватывают в основных чертах три главных вида законодательства: право *государственное*, право *гражданское* и право *уголовное*. Конечно, узаконения, замеченные самими памятниками, немногочисленны и отрывочны, – тем не менее из них мы можем видеть юридический быт русского общества того времени, довольно резко отличающийся от быта того же общества в следующем периоде.

Относительно *государственного устройства* древней Руси законы Олегова и Игорева времени свидетельствуют, что при первых варяго-русских князьях до Владимира еще сохранялось старое устройство славянских племен в русской земле, т.е. рядом с князем участвовали в общественных делах лучшие люди, держащие землю, и вся земля, или народное вече. Варяго-русские князья оставили весь этот старый порядок неприкосновенным и только сами стали выше прежних племенных князей и обратили их в своих подручников, поставили их в первый ряд лучших мужей, держащих землю. С занятием Приднепровья Олегом киевский русский князь стал называться великим князем, а князья древлянский, туровский, полоцкий и другие получили название светлых князей, состоящих под рукой великого князя Русского. Таким образом, власть великого князя Русского связала в одно целое разрозненные прежде племена славянские, явилась Русская земля, включившая в себя и киевскую, и древлянскую, и полоцкую, и северянскую, и другие земли славянских племен на Руси; явилась верховная власть не племенная, а чисто государственная, вытекающая из осознанной необходимости естественные племенные власти подчинить власти высшей, не связанной с племенными началами и условливаемой чисто политической потребностью водворить мир и тишину, прекратить племен-

ные раздоры, уничтожить старую рознь и создать новое единство. Далее этого верховная власть великого князя Русского не шла в первый период русского законодательства. В отношении государственного устройства этот период был временем только внешнего объединения славянских племен на Руси, – во все это время ни верховная власть великого князя, ни государственное устройство не имели иного смысла, кроме объединения племен.

Но если немного изменилось государственное устройство с прибытием варяго-русских князей, то в отношении законов, относящихся к *гражданскому праву*, судя по договорам, мы замечаем еще меньше изменений; так, значение лица в юридическом смысле, юридические отношения членов семьи друг к другу, значение женщины, права имущественные решительно оставались прежними, какими и были у славянских племен на Руси до прибытия варяго-русских князей. Да не было и надобности в каких-либо изменениях в этом разделе обычного права, ибо власть великого князя нисколько не касалась старых юридических обычаев, относящихся к частному праву. Конечно, князь был верховный судья, но он обязан был судить по старым исконным обычаям; притом князь судил не один – на его суде всегда были судьи, представленные тяжущимися сторонами, называвшиеся судными мужами, а они всегда были хранителями юридических преданий старины и врагами нововведений в деле суда. Нельзя также упускать из виду, что изменения в гражданском праве возможны и удобны только тогда, когда в общество входит новый, преобладающий элемент, разъедающий или изменяющий внутренние основы юридического быта; в русское же общество с прибытием варяго-русских князей хоть и вошел новый элемент – дружина, но этот элемент в первый период законодательства не только не мог подчинить себе земщину, оставаясь только на поверхности русского общества, но даже сам мало-помалу подчинился влиянию земщины и изменял свой первоначальный облик, с которым вступил на русскую землю. Все это естественно вело к тому, что в первый период русского законодательства старые

юридические обычаи относительно частного гражданского права оставались неприкосновенными.

Но далеко не так тверды и неприкосновенны были узаконения, относящиеся к *уголовному праву*. Царство кровной мести, этот обычай всех первоначальных обществ, естественно должно было клониться к упадку с признанием верховной власти великого князя над всеми славянскими племенами на Руси, призванного затем, чтобы быть верховным судьей, чтобы суд совершался его именем. Суд и месть или самоуправство не могут жить рядом, а посему уже в Олеговом договоре мы встречаем сильное ограничение кровной мести.

Во-первых, по договору, месть родственников допускалась только тогда, когда суд объявит кого-нибудь виновным в убийстве, когда убийство будет доказано на суде. Таким образом, первым же словом русского закона было прямое отрицание самоуправления. Далее русский уголовный закон первого периода для ослабления мести указал путь, по которому можно было освободиться от нее; конечно, путь этот был еще довольно груб и ненадежен, он состоял в бегстве убийцы, тем не менее этот путь уже был принят под покровительство закона. По договору Олега, бежавший убийца, ежели оставлял свое имение в удовлетворение родственников убитого, тем самым уже освобождался от преследования, и родственники убитого, взявши имущество, оставленное для их удовлетворения, уже лишались права мстить убийце. Наконец, при Игоре месть подверглась еще большему притеснению – в Игорево время узаконены были виры в пользу княжеской казны на содержание оружия и коней; следовательно, убийца, внесший виру, т.е. пеню за убийство, был свободен от мести родственников убитого и не имел надобности спасаться бегством, а должен был заплатить виру князю и удовлетворить родственников убитого определенной платой из своего имущества. В каком количестве была эта плата, по дошедшим до нас памятникам первого периода мы еще не знаем.

Во-вторых, по договору, месть за личное оскорбление уже была вовсе уничтожена и заменена денежной пеней в 6 литр

серебра, которые оскорбитель должен был отдать оскорбленному, конечно по приговору суда. Ежели самоуправство было уничтожено в делах по убийствам, то, конечно, оно имело еще меньшее место в делах по личным оскорблениям.

В-третьих, в делах по нарушению прав собственности самоуправство также уже не имело места по новому русскому закону. В договоре Олега прямо сказано, что хозяин, заставший вора за кражей, должен был связать его и поутру вести в суд, где вор по закону наказывался платой вчетверо более против украденного. Ежели же хозяин, связав пойманного вора, убивал его, он отвечал по закону как убийца. В делах по воровству закон допускал самоуправство хозяина только в том случае, когда вор оказывал сопротивление и не давал связать себя. Самоуправство, по Олегову закону, преследовалось до такой степени, что ежели бы хозяин вздумал насильно отыскивать в чужом доме свои украденные вещи и при обыске взял что-либо насильно, то обязан был заплатить втрое. Наконец, по Игореву договору, в делах по нарушению прав собственности уже было положено различие между насильственным отнятием вещи и кражей; насильственное отнятие наказывалось с особенной строгостью, за воровство же, вместо Олегова закона – платить вчетверо, положена плата вдвое против украденной вещи.

Таким образом, по свидетельству Олегова и Игорева договоров с греками, в продолжение первого периода истории русского законодательства преимущественному изменению подвергались законы, относящиеся к уголовному праву, законы государственного права претерпели самое незначительное изменение, законы же, относящиеся к частному, гражданскому праву, остались почти без изменений; но совсем обратный порядок последовал в изменении старых узаконений с введением христианства при Владимире, но об этом мы будем говорить при рассмотрении второго периода русского законодательства.

ПЕРИОД ВТОРОЙ

Второй период истории русского законодательства простирается от введения христианства до издания судебника. Он разделяется на две половины: I от введения христианства на Руси до монгольского ига (988–1237), II от монгольского ига до издания судебника (1237–1497).

РАЗДЕЛ I (988–1237)

ПРИНЯТИЕ ХРИСТИАНСТВА

Положение духовенства. Духовное ведомство. Состав духовенства: митрополит, епископы, монастыри, белое духовенство, лицо и учреждения, подведомственные церкви. О гражданских правах церкви как юридического лица

Христианство оказало огромное влияние на русское общество. Оно, так сказать, всколыхнуло его все до дна, начиная с князя и кончая последним челядином. С введением христианства в русском обществе к прежним элементам – славянскому и варяжскому – присоединился новый элемент, византийский, в лице христианской церкви и духовенства, пришедших на Русь из Византии. Христианская вера вошла в русское общество почти при тех же условиях, при которых вступили в него кня-

зья с варяжской дружиной, т.е. мирно, без насилия и происков, иными словами – по добровольному избранию князя, дружины и земщины, вследствие частых сношений с византийцами, познакомившимися с христианством еще задолго до Владимира. Старая языческая религия отжила; она не представляла ни достаточных условий для единства религиозной совести смешанного народонаселения Приднепровья, ни силы, чтобы привязать к себе разноречных и разноплеменных переселенцев. А эти переселенцы все более и более прибывали в Приднепровье со времен Аскольда и Дира. Этим упадком языческой религии и объясняется изумительная легкость, с которой христианство было принято в Киеве и во всем Приднепровье. Одинаковые обстоятельства, при которых приглашены были варяго-русские князья и принято из Византии христианство, поставили оба эти элемента почти в одинаковые отношения к славянской земщине. Церковь и князь составили одну нераздельную власть, а духовенство и дружина сделались главными орудиями этой власти. Первое действовало убеждением и нравственным влиянием на прихожан, вторая – силой княжеской власти. Духовные, как пастыри и учителя народа, внушали людям евангельское учение и возвещали о божественном происхождении власти – «несть власть, яже не от Бога», а дружинники, поставленные в правители и судьи народа, чинили суд и правду именем князя. Князья, со своей стороны, были постоянными защитниками церкви¹. Епископы нередко были в таких тесных сношениях с князьями, что последние, будучи вынуждены оставить свою область, брали с собой и епископов². Князья постоянно старались охранять церковь; почти обо всех них летописи отзываются: «...воздал честь епископом и пресвитером, излихо же любяще черноризцы, подая е требование им».

¹ В 1071 году, когда весь Новгород перешел на сторону какого-то волхва и хотел обратиться снова к язычеству, князь Глеб со своей дружиной принял сторону церкви и собственноручно убил волхва.

² В 1149 году Изяслав, оставляя Киев, взял с собой и митрополита Клима. В 1216 году Юрий Всеволодович после Липецкой битвы, оставляя Владимир, взял с собой и владимирского епископа Симона и повез его со своим семейством в Радилов городок.

Положение духовенства. Условия, при которых христианское духовенство вошло в русское общество, а равно и гражданские права его, как самостоятельного учреждения в обществе византийском, дали ему свой особый гражданский характер, которым оно резко отличается от римского духовенства в западноевропейских государствах. С первого взгляда отношение русского духовенства к византийскому кажется одинаковым с отношением западного духовенства к римскому. На Русь духовенство пришло от константинопольского патриарха, и в западных государствах оно приходило от римского папы; русские митрополиты поставлялись константинопольским патриархом или с его согласия, и на западе поставление епископов зависело от папы, но сходство только этим и ограничивается. Патриарх константинопольский далеко не имел того гражданского значения в Византийской империи, которым пользовался римский папа на западе, а потому не имел и той гражданской власти над своими митрополитами, какая была у папы над своими архиепископами. Митрополит русский, получив посвящение от константинопольского патриарха, более уже не зависел от него и все дела русской церкви решал сам, вместе с церковным собором, по церковным правилам, и определение своего суда не препровождал на утверждение патриарха. Последний посылал ему грамоты за свинцовой печатью, которых по византийскому этикету удостоивались только коронованные лица и патриархи. Впрочем, в редких случаях недоразумений по церковным делам русский митрополит иногда спрашивал разрешения константинопольского патриарха и даже сам ездил в Константинополь и участвовал в тамошних соборах. Право посвящать митрополита хотя и принадлежало константинопольскому патриарху, но великий князь Русский мог принять или не принять посвященного и даже предлагать для посвящения другого. То же право имели удельные князья по отношению к русскому митрополиту при посвящении епископов. Для определения прав русской церкви, как самостоятельного учреждения в русском гражданском обществе, при введении христианства был принят действующим

узаконением греческий Номоканон. Этот закон охватывал в Греции не только церковную, но и гражданскую жизнь, так как в нем, наряду с правилами чисто церковными, определялись отношение церкви к обществу и отношение духовенства к императору и народу; но так как жизнь русского общества во многом отличалась от общественной жизни Греции, то вскоре оказалось, что Номоканон не мог быть весь, целиком принят русским обществом. Номоканон послужил основанием только в делах чисто церковных, но в делах, по которым церковь является членом гражданского русского общества, руководились уставами, издававшимися русскими князьями. В этих уставах определялись гражданские права и привилегии духовенства согласно с теми отношениями, в которых духовенство находилось с русским обществом; таких уставов, изданных до XIII в., до нас дошло семь.

Первый из них, *церковный устав Владимира*, определяет: во-первых, церковную десятину во всей русской земле, от княжеского суда, от торговых пошлин, от княжеских домов, стад, урожаев с княжеских полей и пр.; во-вторых, церковные суды, к которым были отнесены все дела по нарушению правил церкви и суд по тяжбам о наследстве; в-третьих, епископам предоставляет надзор за торговыми весами и мерами и протекающие от него доходы; и в-четвертых, определяет, какие люди должны быть подведомственны церкви и епископам.

Второй устав «о *судех церковных*» был издан Ярославом на основании устава Владимира; но Ярослав, вместо десятины от всех княжеских судов, определяет на духовенство только известные случаи княжеского суда с точным указанием, сколько пени от известной вины получать епископу; в судах же чисто церковных назначение пени предоставлялось самому епископу.

Прочие уставы носят местный характер, таковы: *Устав Мстислава Великого*, два *устава Всеволода Мстиславича*, *устав Ростислава Смоленского* и *устав Святослава Новгородского*. Третий устав, данный Мстиславом Владимировичем в 1128 году относится собственно к Юрьеву новгородскому монастырю. Этим уставом монастырю предоставляется

волость Буец с данью, вирами и продажами, вено Вотьское и, наконец, осенье полюдые. Четвертый устав(1132–1135) принадлежит Всеволоду Мстиславичу. Этим уставом новгородская церковь св. Иоанна Предтечи на Опоках получила себе в приход ивановскую купеческую общину; также в пользу церкви назначен был вощаной вес в Новгороде и половина вощаного веса в Торжке. Пятый устав принадлежит тому же Всеволоду и известен под именем устава «о судех церковных». Этот устав определяет десятину и суды церковные для Софийской новгородской епископии и церкви на основании устава Владимира. Шестой устав принадлежит князю Ростиславу Мстиславичу Смоленскому (1125–1159). В нем определено: какие дела подлежат суду епископскому и с каких княжеских доходов должна идти десятина на церковь, причем из десятины исключены продажа, вира и полюдые. В этом же уставе князь утверждает за церковью несколько сел, озер, лугов и других угодий. Седьмой устав дан в 1137 году Святославом Ольговичем Новгородским Софийскому собору. В этом уставе Святослав Ольгович назначает новгородскому архиерею получать вместо десятины от вир и продаж определенное количество денег из казны княжеской, именно 100 гривен, и сверх того с разных мест новгородских владений определенное количество вещей известного рода или денег.

Из этих уставов видно, что русская церковь и духовенство, как отдельное учреждение в обществе, имели свои гражданские права. Последние не только отличались от гражданских прав церкви в Греции, но даже в самой России в разные времена и в разных местах духовенство имело неодинаковые права. Таким образом, греческий Номоканон постепенно изменялся и пополнялся на Руси. Впрочем, эти изменения касались только частных; в основах же своих он оставался таким же, каким вышел из Греции. Равным образом и отношение церкви к обществу, несмотря на то, что каждое княжество имело свои местные уставы, было почти повсеместно одинаково. Номоканон разделялся на две части. Первая его часть, заключающая в себе собственно церковные законы, не

претерпела никакого изменения, вторая же, определяющая отношение церкви к обществу, во многом изменилась.

Духовное ведомство. Духовное ведомство в русском обществе составляли: 1) митрополит, представитель русской церкви, 2) епископы, 3) монастыри, 4) белое духовенство, т.е. священники, дьяконы и весь церковный причет с их семействами, 5) благотворительные заведения: приюты, странноприимные дома, больницы и т.п.; вместе с благотворительными заведениями церкви были подчинены: паломники, т.е. люди, отправляющиеся на поклонение святым местам в Палестину; прощенники, т.е. получившие исцеление по молитвам церкви; также хромцы, слепцы, калеки, уроды и др. Духовенству были подведомственны также лекари и задушные люди. Лекари были причислены сюда потому, что во времена язычества искусство врачевания было соединено с колдовством; поэтому духовенство должно было обратить на него особенное внимание. Кроме того, в числе церковных людей значились изгои, т.е. все те, которые почему-либо не попали в светские общины. Эти люди населяли особые улицы и состояли в ведении епископа. К ним принадлежали: а) рабы, вышедшие на волю и не приписанные ни к какому обществу; б) дети духовных, не способные по безграмотству исполнять какую-либо должность в клире; в) несостоятельные должники; г) все бесприютные – вдовы, сироты и т.п. Вообще церковь приняла на свое попечение всех тех, кого светские общества не брали под свою опеку. Все подведомственные духовенству лица и учреждения находились в ведении церковного суда и управы и составляли одну громадную общину, состоявшую под управлением или митрополита и епископов, или же монастырей, если эти лица и учреждения существовали на монастырской земле и на монастырский счет.

Теперь рассмотрим в отдельности состав духовенства и подведомственные ему лица и учреждения.

Состав духовенства: 1) *Митрополит* был правителем русской церкви. Ему были подчинены епископы и все русское духовенство. Он имел большие поземельные владения

и даже города, получал огромные доходы от десятины и от судных дел, кроме того, он получал дань и пошлины со всех подчиненных ему церковей и причтов¹. Уважение к нему русского общества было очень велико – князья называли его не иначе, как своим отцом. Но все это не доставляло митрополиту власти более той, какая была ему предоставлена церковными правилами и уставами князей. До монгольского ига все митрополиты, кроме Илариона и Климента, были греки, присылавшиеся константинопольским патриархом. Ясно, что они не могли иметь других связей с русским обществом, кроме служебных; притом от князя всегда зависело – принять или не принять митрополита. Все это ставило последнего в положение не очень сильное и влиятельное. Но такое положение митрополитов не препятствовало им принимать большое участие в общественных делах России и иметь на них сильное влияние, ибо уважение к высокому сану и ревностное служение церкви сильно действовало на князей и народ. Летописи представляют много случаев, свидетельствующих о сильном влиянии митрополита на дела общественные. Летописи говорят о значении митрополитов следующее: митрополит Леонтий через епископов и старцев убеждал Владимира Святого восстановить закон о казни разбойников; митрополит Ефрем обвел Перемышль каменными стенами; в 1097 году митрополит Николай ходил в стан Владимира Мономаха и Святославичей, осаждавших Киев, и убедил их заключить мир с киевским князем Святополком; в 1100 год этот же митрополит убедил Святополка снять оковы с пленного князя Ярослава Ярополковича и заключить с ним мир. До нас дошло послание митрополита Никифора I к Владимиру Мономаху, в котором он учит князя удалять злых советников и клеветников и внимательнее рассматривать дела тех, которые осуждены и изгнаны по клеветам. Это посла-

¹ Среди пошлин, получаемых митрополитом, в актах того времени упоминается повенечная, т.е. пошлина от браков, поез или заезд, т.е. пошлины, собираемые на митрополита его заездниками и, вероятно, другие, встречающиеся в позднейших памятниках.

ние свидетельствует, что митрополит Никифор наблюдал и за судом княжеским. В 1135 году митрополит Михаил ездил в Новгород усмирять происходившие там волнения в народе и удержать новгородского князя Всеволода Мстиславича от войны с князем Суздальским. В 1136 году тот же митрополит помирил князя Ярополка с племянником его Мстиславом и с князьями черниговскими; в 1138 году тот же митрополит был послан Вячеславом Киевским заключить мир со Всеволодом Ольговичем; в 1147 году митрополит Климент убеждал Изяслава Мстиславича Киевского не воевать с Ольговичами и с Юрием Долгоруким, и в том же году Изяслав писал к митрополиту Клименту, чтобы он созвал киевлян и объявил им об измене князей черниговских, потом Климент усмирил мятеж киевлян, убивших Игоря Ольговича. В 1161 г. митрополит Федор примирил киевского князя Ростислава Мстиславича с черниговским князем Святославом Ольговичем. В 1189 г. митрополит Никифор II поднял киевлян и черниговского князя на венгров для изгнания их из галицких владений. В 1196 г. митрополит Никифор II дал совет киевскому князю Рюрику Ростиславичу взять у Романа Волынского пять городов, которые просил у Рюрика Всеволод Юрьевич Суздальский. В 1210 г. митрополит Матвей по просьбе черниговских князей ходил во Владимир к Всеволоду Юрьевичу, чтобы примирить его с ними, в чем преуспел совершенно. По его убеждению Всеволод целовал крест черниговским князьям. В 1226 году тот же митрополит остановил поход Юрия Всеволодовича Владимирского и Михаила Черниговского против Олега Курского и убедил их заключить мир. В 1230 г. он же остановил войну между Михаилом Черниговским и Ярославом Переяславским; а в 1250 г. примирил Даниила Романовича с королем венгерским.

Митрополиты во всех междоусобиях князей являлись примирителями их. Они отправляли к князьям послания, в которых именем Божиим просили прекратить междоусобия и исправиться нравственно. Но строгие к князьям, они были строги и к народу и часто отправляли свои послания в горо-

да, возмущившиеся против князя, и смиряли их. Бывали даже случаи, когда они подымали князей на защиту Русской земли. Впрочем, влияние митрополита на дела общественные было только нравственным и вполне обуславливалось его личностью, но не имело еще юридической определенности, потому что тогдашняя общественная жизнь не была еще настолько выработана, чтобы смогла определить, в каких именно делах и какое участие мог принимать митрополит. Наши митрополиты не походили на латинских архиепископов; они не были князьями, не имели замков и войск. Впоследствии митрополиты, хотя и имели свои отряды войск, но они имели их не как митрополиты, а как землевладельцы, и отряды их не имели своего знамени, а стояли под княжеским. Исключение из этого составлял новгородский епископ. Митрополиты не чеканили монету, они вообще не имели атрибутов княжеской власти и тех привилегий, какими пользовались латинские епископы. Все права их ограничивались ведением тех лиц и учреждений, которые принадлежали церкви, но зато в эту область никто уже не мог вмешиваться. Здесь митрополит был компетентным судьей, и в делах церковных жаловаться на него можно было только патриарху константинопольскому. Таково было положение русских митрополитов до монгольского ига.

2) *Епископы* в разных удельных княжествах хотя и были подчинены митрополиту, но это подчинение было слабо и высказывалось только тогда, когда на епископа приносились жалобы митрополиту князем или народом. В делах же общественных, мирских влияние епископа нередко было сильнее влияния митрополита. Это происходило оттого, что епископы большей частью избирались князьями и народом, и преимущественно из русских иноков, и притом иногда из значительных фамилий. Все это ставило их в положение более твердое, нежели положение митрополитов, присылавшихся из Византии. Епископы из русских иноков имели то преимущество перед митрополитами, что они, еще до получения епископского сана, пользовались большим влиянием на соотечественников

или по своим связям, или по своей примерной жизни, способствовавшей достижению епископства. Все это давало епископам сильное общественное значение в их епархиях, особенно в Новгороде, где уже в начале XII в. епископ сделался важным политическим лицом: принимал сильное участие в делах новгородского управления и даже пользовался влиянием за пределами Новгорода. Епископ новгородский принадлежал к выборным властям и был первым лицом после князя. Он имел своих бояр и свои полки ратных людей со своим знаменем и начальниками. Полки эти не только содержались на его счет, но и состояли в полном его распоряжении. Значение епископа, а впоследствии архиепископа, в общих делах было так велико, что без его благословения не принималось ни одно важное общественное дело. Архиепископы даже участвовали во всех сношениях как с русскими князьями, так и с иноземными государями, и все новгородские грамоты подписывались архиепископом и утверждались его печатью. Они обыкновенно начинались так: *«благословение от владыки, поклон от посадника»*. Подобное положение занимал архиепископ и в Полоцке. До нас дошли договорные грамоты Новгорода со Швецией и другими странами и Полоцка с Ригею. Из них мы видим, что главным участником в общественных делах был архиепископ. Иностранные государи обращались в своих грамотах к новгородскому архиепископу прямо как к народному представителю и ставили впереди своих грамот его имя. Так, в Ореховском договоре новгородцев с Норвегией, заключенном в 1326 году, посол короля Магнуса писал в договорной грамоте, что он заключил мир между Норвегией и Новгородом с епископом новгородским Моисеем, с посадником Варфоломеем и тысяцким Евстафием и со всеми новгородцами. Князья управляли Новгородом не иначе, как при участии архиепископа и посадников. Посему нередко архиепископы ездили вместе с посадниками к князю для рассуждения о каком-нибудь общественном деле. Архиепископы также отправлялись приглашать князей в Новгород и предлагали им условия княжения. Таким образом, всеми общественными

интересами новгородцев заведовали архиепископы¹. Но такое положение последних, конечно, исключительное.

Епископы других удельных русских княжеств, хотя не имели того политического значения, каким пользовался архиепископ новгородский, но тем не менее их влияние на общественные дела своей области было сильнее, чем влияние митрополита на всю Русскую землю. Летописи нередко упоминают об участии епископов в делах общественных, а также об их средствах и важном значении. Епископы всегда являются первыми лицами после князей, так что последние, отъезжая из княжества, всегда поручали временное управление делами местному епископу. Так, в 1237 году, Юрий Всеволодович, уезжая из Владимира набирать войско против татар, оставил вместо себя во Владимире епископа Митрофана со своими сыновьями – Владимиром и Мстиславом, и с воеводою Петром Ослядюковичем². Общественную, чисто политическую деятельность епископов как защитников и ходатаев своей области мы встречаем в летописных свидетельствах о рязанском епископе Арсении, который в 1207 году несколько раз посылал к великому князю Всеволоду Юрьевичу послов с мольбою, чтобы тот перестал опустошать рязанские владения, потом на-

¹ В 1135 году новгородский епископ Ннфонт ездил с новгородскими послами в Киев и участвовал в примирении киевлян и черниговцев. Он же в 1136 году запретил новгородским священникам венчать Святослава Ольговича; в 1141 году он, уже с посольством новгородским, ездил в Киев к Всеволоду Ольговичу и настоял, чтобы отпустить в Новгород князем Святополка, а в 1148 г. он ездил посольством в Суздаль смирить Юрия Долгорукого с новгородцами и убедил его отпустить задержанных в Суздале новоторжцев и новгородских купцов. В 1154 г. ездил с посольством к Юрию Долгорукому звать в князя Юрьева сына Мстислава. С 1165 г. епископы новгородские по ходатайству митрополита получили сан архиепископов, но это, впрочем, нисколько не изменило их прежних гражданских отношений. В 1173 г. архиепископ Илья ходил посольством к Андрею Боголюбскому для заключения мирного договора с Новгородом. В 1199 г. суздальский князь Всеволод Юрьевич вызывал к себе архиепископа новгородского Мортирия вместе с посадником Морошкой для рассуждения об устройстве общественных дел в Новгороде. В 1222 г. архиепископ Митрофан ходил во Владимир просить у Юрия Всеволодовича в князя сына его Всеволода.

² Владимир Васильевич, уезжая из Владимира, оставил там вместо себя епископа Марка; в летописи князь прямо говорит: «Се мене место епископ Марк».

шел князя на дороге от Коломны и не переставал ревностно защищать рязанскую землю до тех пор, пока сам не был схвачен Ярославом Всеволодовичем и отвезен пленником во Владимир. Нередко епископы ездили посланниками от своего князя к другим князьям. Впрочем, влияние их было, за исключением Новгорода и Полоцка, более нравственное, вытекающее из личности и не определенное государственными законами.

3) *Монастыри*. За епископами по своему значению следовали монастыри. Они появились на Руси вместе с введением христианства, и уже в XI в. число их возросло до значительной цифры, так что не было почти города, в котором бы не насчитывали одного или нескольких монастырей. В Киеве в XIII веке их было до семнадцати, а в Новгороде – до двадцати двух. В монастырях преимущественно сосредоточивались просвещение и ученость того времени; они же дали русскому обществу первых писателей и знаменитейших епископов. Так, сам Нестор, отец нашей истории, был иноком Печерской Лавры¹; иноческие подвиги, которые совершали тогда все, посвятившие себя иноческой жизни, приводили в монастыри не только простой народ, но и великих князей. Так, великий князь Изяслав приходил в Печерскую лавру просить поставления и благословения у инока Антония. То же делали князья Изяслав, Святослав и Всеволод, отправляясь в 1067 году в поход на половцев². В монастыри не-

¹ Митрополит Климент Смоляниин, названный в летописях книжником и философом, также был воспитанником какого-то монастыря в Смоленске. Епископ Суздальский Симон и инок Поликарп известны своей превосходной перепиской друг с другом, неправильно названной Печерским Патериком, были постриженниками и воспитанниками Киево-Печерского монастыря. Симон в своем послании к Поликарпу пишет, что в его времена было уже более 50 постриженников Печерского монастыря на епископских кафедрах и в числе их Леонтий, просветитель Ростовской страны и знаменитый Нифонт новгородский, названный в летописи поборником земли Русской.

² Великий князь Святополк перед всяким походом приходил в Печерский монастырь и сам нес в могилу Прохора-черноризца. О великом князе Ростиславе Мстиславиче летопись говорит, что он ежегодно на Великий пост по субботам и воскресеньям принимал у себя по 12 человек печерских иноков с игуменом Поликарпом. О Давиде Ростиславиче Смоленском сказано, что он, приехав в Киев, созвал к себе на обед иноков из всех киевских монастырей. Умирающего Феодосия Печерского навещал сам великий князь Святослав.

редко поступали бояре и князья. Они делали большие вклады в монастырскую казну и дарили целые имения. Частью этими пожертвованиями¹, а частью и покупкой составились у некоторых монастырей большие поземельные владения²; монастыри в давнее время, особенно в северной России, имели значение колоний. Пустынники, отправлявшиеся в те страны, расчищали леса и устраивали скиты, около которых собирались целые селения. Таким образом, пустынные местности Вятки и Перми были заселены при помощи монастырской колонизации. В этом отношении монастыри были совершенно в духе русских общин, характеристической чертой которых было также стремление к колонизации. Начальники монастырей, игумены и архимандриты, подобно епископам, имели большое влияние на общественные дела, они действовали на общественное мнение русского общества и на самих князей своими посланиями; но значение их в общественных делах было только нравственное, личное.

4) *Белое духовенство*. К нему причислялись священники, дьяконы и причетники. Белое духовенство на Руси никогда не составляло отдельной, замкнутой касты; в него могли поступать точно так же, как и в монастыри, люди всех званий, а дети духовных имели право до посвящения в духовную должность переходить в какое угодно звание³. Непременным условием

¹ Киево-Печерский монастырь владел волостями: Небльскою, Деревскою и Лучскою около Киева, которые были ему пожертвованы князем Ярополком Изяславичем.

² Монастыри иногда покупали недвижимые имения и сами начальники монастырей – игумены или архимандриты нередко принимали деятельное участие в общественных делах. Так, игумен печерский Феодосий не признавал Святослава киевским князем и в то время, как Святослав уже владел Киевом, в Печерском монастыре на ектениях поминали киевским князем Изяслава. Григорий, игумен Андреевского монастыря, в 1128 году настоял своими убеждениями, чтобы Мстислав Великий заключил мир со Всеволодом Ольговичем Черниговским. Игумен Дионисий в 1135 году правил посольство от черниговских князей к Всеволоду Юрьевичу Владимірскому и убедил его оставить поход на черниговские владения. В 1148 г. печерский игумен Феодосий участвовал в посольстве, которое Изяслав Мстиславич отправил к князьям черниговским.

³ По народным былинам мы знаем Алешу Поповича в числе богатырей Владимира. В новгородской летописи под 1216 годом в числе воинов, убитых на

для поступления в духовное звание была грамотность, что соблюдалось так строго, что неграмотные дети духовных не могли получить духовной должности и причислялись к изгоям. Чтобы приготовить людей, способных к занятию должностей в клире, еще при Владимире Святом было основано училище, в которое поступали люди всех званий. Епископы обыкновенно поставляли в священники людей, выбранных прихожанами, но конечно только в том случае, если выбранный достаточно знал грамоту. Таким образом, все значение епископов в этом деле ограничивалось испытанием и посвящением выбранного в священники. Белое духовенство жило обыкновенно около церквей на землях, принадлежавших церкви, и содержалось доходами, получаемыми с прихожан за отправление разных церковных треб, а также жалованьем от князя или другого частного лица, на земле которого была выстроена церковь. В известных вопросах Кирилла к епископу новгородскому Нифонту мы уже в XII в. встречаем исчисление некоторых доходов от церковной службы, например, *«а за упокой аще веляше служить сорокоустья – за гривну пятью служите, а на шесть кун – единого, на 12 кун дваице и како мози»*. В церквях, имевших особые привилегии и пользовавшихся какими-либо общественными доходами, и священники, и дьяконы, и причетники получали известные оброки из церковных доходов, напр., во Всеволодовом уставе, данном церкви Иоанна Предтечи на Опоках, сказано: *«и оброки попам и дьякону, и дьячку, и сторожам из весу воцаного имати, попам по восьми гривен серебра, и дьякону 4 гривны серебра, а дьячку три гривны серебра и сторожам три гривны серебра; а имати той оброк и в веки на всякой год»*. Кроме того, при разных церквях были земли и разные угодья, доходами от которых пользовалось духовенство. Священники таким образом были тесно связаны со своими прихожанами, которые часто даже защищали священников

Липецком побоище, упоминается Иванко Попович. Под 1240 годом летопись упоминает о внуке одного священника – Судыче, который был боярином в Галиче и вместе с другим боярином владел Бакотой и всем Понизьем (нынешняя Подолия).

от епископской власти, так что бывали случаи, когда и прихожане, несмотря на архиерейское отрешение от места, оставляли их у себя силой. Белое духовенство пользовалось большим уважением как у всего русского общества, так и у всех прихожан. По законам русского общества духовные во всех делах были освобождены от всяких гражданских повинностей или служб и податей. Только иногда дети духовных, не посвященные ни в какой духовный сан, не освобождались от военной службы. В свою очередь, духовенство, и особенно священники, были представителями своих приходов и посредниками в общественных делах прихожан. Так, напр., при раскладке податей между последними при посредстве духовенства размежевывались земли приходских людей; одобрение священника о прихожанине спрашивалось на суде. Во всех общественных бумагах, составлявшихся от целого прихода, имя священника непременно ставилось одним из первых. Духовенство иногда принимало деятельное участие в делах чисто мирских и общественных, особенно те из этого сословия, которые были духовниками князей или вообще состояли при княжеских церквях. Так, мы нередко встречаем священников и в военных походах, и в посольствах. Напр., в 1111 году, во время похода русских князей на Половцев, священники Мономаха ехали впереди полка и пели тропари и кондаки. Посольством между князьями преимущественно правили священники, как потому, что они пользовались доверием князей, так и потому, что они по своей грамотности были более способны к отправлению посольских дел и притом по сану своему внушали к себе уважение. Примеров священнических посольств в летописи встречаем много. Так, в договорной грамоте Мстислава Давидовича Смоленского с Ригой и Готским берегом 1229 года сказано: «Мстислав, сын Давидов, прислал в Ригу своего лучшего попа Иеремию и думного мужа Пантелея из своего города Смоленска: *то два было послем у Ризе; из Риги ехали на Годский берег, там твердiti мир*». Все это ясно показывает, что духовенство было тесно связано со светским обществом и не отделялось от него даже в политических делах.

5) *Лица и учреждения, подведомственные церкви.* Кроме лиц, состоящих на церковной службе и их семейств, к духовному ведомству уставом Владимира Святого отнесены, как мы видели выше, гостиницы, странноприимницы, больницы, лекаря, паломники, прощенники, хромцы, слепцы, странники и, наконец, задушные люди. Различные кормчие XIII и XIV вв. продолжали относить всех их к духовному ведомству, следовательно, в этом отношении устав Владимира более или менее действовал на Руси во все время до монгольского ига, что и не могло быть иначе, ибо основанием устава преимущественно служил греческий Номоканон, да и само состояние русского общества нисколько этому не противоречило. Церковь, щедро наделяемая от князей, бояр и народа, принимала на себя все бремя надзора и попечения за несчастными, которых тогдашнее общество не могло защищать от обид и притеснений и которые по неспособности своей или за неимением средств не приносили обществу никакой материальной пользы. Об этой заботливости церкви о несчастных находим указания в поучении митрополита Кирилла: *«Все десятины и имения, данные церкви, даны клирошанам на потребу, старости и немощи и в недуг впадшим и чад мног прокормление, нищих кормление, обидимых помогание, странным прилежание, в напастех пособие, в пожарех и в потопе, плененным искупление, сиротам и убогим промышление, живым прибежище и утешение, а мертвым память».* Подведомственность приведенных выше учреждений духовной власти состояла в том, что они, помещаясь на церковной земле и содержась средствами церкви, подлежали суду и управе епископов или монастырей, которые имели особых блюстителей порядка и суда над ними и для защиты от всех сторонних нападков и обид.

О гражданских правах церкви как юридического лица. Церковь имела свой суд не только в делах чисто церковных, но и в гражданских. По Номоканону и по уставам Владимира, Ярослава и других князей гражданскому суду церкви принадлежали почти все дела семейные, как то: браки, разводы, суд между родителями и детьми, дела по наследству и

по опеке, утверждение духовных завещаний и раздел наследственных имуществ, а также дела по преступлениям против нравственности и церковных постановлений. Для производства всех этих дел при епископах были особые суды, состоящие из духовных и светских судей, какими были владычные десятильники и наместники, из коих первые разъезжали по областям, подведомственным епископу, и в своих объездах чинили суд и управу, а также собирали пошлины и дани для епископа; владычные же наместники постоянно жили в городах, подчиненных епископской кафедре, и чинили там суд и управу по всем делам, принадлежащим церковному суду. Кроме того, при самом епископском дворе всегда находились избранные духовные лица: архимандриты, игумены и старшие священники и при них дьяконы как хранители законных книг и грамот – намофилаксы и хартофилаксы – хранители судебных дел и вообще делопроизводители по судебным делам чисто духовным. А для производства дел гражданских, подчиненных церковному суду, при епископском дворе постоянно находились владычные бояре и слуги как судьи и делопроизводители светские. Этому суду церкви как чисто церковному и церковно-гражданскому подчинены были все лица русского общества, из какого бы класса они ни были; здесь ограничение церковного суда состояло в определенном по закону разряде дел, т.е. по делам семейным и по преступлениям против нравственности и церковных правил.

Но кроме этого суда церкви принадлежал суд по всем делам, как гражданским, так и уголовным, когда подсудимые были лицами или учреждениями, состоящими в ведомстве церкви, т.е. все лица, служащие церкви и их семейства, потом все учреждения по делам человеколюбия, т.е. больницы, богадельни, гостиницы и т.п., и, наконец, лица, живущие на церковных землях и не состоящие на церковной службе. Они подлежали церковному суду и управе по общему тогда порядку, состоящему в том, что каждое ведомство имело свой суд и свою управу и не подчинялось постороннему суду, исключая дела по убийствам, которые во всех ведомствах подлежали

суду князя и составляли привилегию княжеской власти. А по-сему все судебные дела между лицами, подведомственными церкви, производились судьями, назначаемыми от митрополита или епископа; разумеется, судьи сии были и из духовенства, и из владычных бояр и слуг, в зависимости от рода дел. Этим судьям подавались все жалобы на церковных людей. В случае же судных дел между лицами церковными и нецерковными употреблялся суд *сместный*, т.е. каждая сторона представляла своего судью, которые и решали дело сообща и пользовались пошлинами от суда – каждый судья от своего подсудимого, т.е. церковный от церковного, а княжеский или нецерковный – от нецерковного. Законы же и форма суда в делах нецерковных были одни и те же как для людей церковных, так и для нецерковных.

Вторым правом церкви было *право на поземельные владения*. Монастыри и епископские кафедры как члены гражданских обществ нередко были владельцами больших поземельных имений как населенных, так и ненаселенных, и даже имели своих рабов. Так, например, в Русской Правде упоминается о *холопах чернчих*. Села и деревни, принадлежавшие церквям и монастырям, управлялись тиунами, посельскими старостами и другими наставниками. В это время церкви и монастыри не отличались от других землевладельцев; управителями в епископских и монастырских селах были владычные люди и монастырские старцы, лица, поставленные самими епископами и монастырями на определенный и неопределенный срок. Епископы и монастыри, как и светские владельцы, давали своим управителям в имениях уставные грамоты, в которых определялись как права и обязанности управляющих, так и подати и повинности, взимаемые с крестьян, а иногда даже способы, которые нужно употреблять при возделывании земли. Подати и повинности, назначаемые монастырями и церквями, определялись по взаимным условиям с крестьянами, селившимися на церковных землях. Сами церкви и монастыри не освобождались от платежа податей и общественных повинностей с земель, которыми они владели.

Следовательно, в этом отношении церковные владения не отличались от светских. Разумеется, бывали исключения – монастыри и церкви подавали иногда жалованные грамоты, по которым они освобождались от податей, но такие грамоты давались и светским землевладельцам. Значит, привилегий в этом отношении для церкви не было. Духовенство освобождалось только от податей личных поземельных с тех земель, которые находились под домами самих духовных. Равным образом и церкви, и монастыри были освобождены от подати, которая лежала на земле, занятой монастырскими и церковными строениями.

Третье право церкви было *право на торговлю*. Монастыри, церкви и вообще духовные лица как богатые землевладельцы участвовали в торговле, для которой имели своих особенных приставников. При монастырях состояли для торговых дел особенные старцы, которые назывались *купчинами*. При церквях и монастырях бывали торги в церковные праздники – ярмарки, а при некоторых монастырях были и постоянные торги. Со всех этих торгов некоторые привилегированные епископы и монастыри получали пошлины. Но само духовенство, по уставу Ярослава, было вообще освобождено от *пошлин мытных* (пошлины с воза, с нагруженной лодки и вообще с товара) и *явочных* (с лица) и др. Впрочем, так было только по уставу Ярослава; впоследствии же, по уставу Всеволода, Мстислава и др., церкви и монастыри сравнены были в торговом отношении со всеми другими торговцами. Вообще русское законодательство второго периода старалось не отличать духовенство и церковь в отношении пользования землей и торговли от светских лиц и обществ. Если и давались привилегии епископам, монастырям и пр., то эти привилегии не были общим законом и давались только некоторым из них; при этом они же давались и лицам всех других обществ. Таково было направление нашего законодательства. Во времена Владимира и Ярослава князя еще были склонны смотреть на церковь и духовенство как на общество изолированное, совершенно отличное от общества гражданского, и давать ему

разные привилегии. После же этих князей мы уже не встречаем у духовенства никаких значительных привилегий, оно во многом было сравнено со светскими обществами. Русское общество также всегда смотрело на духовенство как на обыкновенное гражданское общество и не разделяло ни византийских, ни западноевропейских взглядов на церковь.

КНЯЖЕСКАЯ ВЛАСТЬ

Значение княжеской власти. Права престолонаследия. Отношение князей к народу и к земле. Дружина. Отношение дружины к князю. Разделение дружины. Старшая дружина. Должности старших дружинников: тысяцкий, дворский, посадник, тиун, печатник, стольники и дьяки. Младшая дружина. Свободный переход дружинников

Значение княжеской власти во 2-м периоде сильно изменилось, с одной стороны, под влиянием христианства, с другой – под местным влиянием. Влияние христианской церкви на княжескую власть было самое благоприятное для нее – русские князья нашли в ней для усиления своей власти гораздо более твердую опору, чем они имели прежде в одной дружине. Мы знаем, что княжеская власть была еще очень молода на Руси, ей недоставало давности и она не имела, следовательно, исторического освящения. Но христианская церковь восполнила этот недостаток, *сообщив княжеской власти религиозное освящение*. Известно, что ни Рюрик, ни Олег, ни другие из князей, бывших еще до введения христианства на Руси, при принятии княжеской власти не получали освящения и потому в глазах своих подданных оставались простыми людьми, облеченными властью; но христианская церковь вместе с высокими догматами религии внушала новопросвещенным сынам своим и начала государственного устройства, и новые понятия о княжеской власти. Она учила их, что верховная власть утверждается самим Богом и потому священна

и неприкосновенна, что суд и правда внушаются ей самим Богом и, следовательно, нужно свято и ненарушимо исполнять все требования власти, что противящийся ей противится Божьему велению и т.п. Это первая услуга, оказанная церковью княжеской власти. Во-вторых, церковь сообщала княжеской власти и видимое освящение *венчанием князей и возведением их на престол* по византийским обычаям. До введения христианства на Руси князья наши не имели престолов; но по введении христианства мы встречаем в летописях упоминание о венчании князя митрополитом, о посажении его на престол: *«Ярослав же седе Киев на столе дедни и отчи»*; о Святославе Черниговском и Всеволоде летопись говорит: *«И седоша на столе на Берестове»*; о Владимире Мономахе: *«Седе Кieve, в неделю, устретоша... митрополит Никифор с епископы и со всеми Кияне с честью... седе на столе отца своего и дед своих»*. Итак, говоря о принятии великокняжеской власти новым лицом, летописи всегда употребляют: *«себе Кieve на столе»*, тогда как о Рюрике, например, упоминают просто: *«седе в Новегороде»*, или о Игоре: *«поча княже...по Ользе»*. Таким образом, под влиянием церкви князья становятся уже не простыми людьми, облеченными общественной властью, а лицами, освященными властью, учрежденной самим Богом.

В-третьих, церковь дала князьям средство к усилению власти – *верность*. Церковь ввела в обычай, чтобы при вступлении на престол каждого князя подданные присягали повиноваться ему и уважать как высшую и священную власть. Кроме того, духовенство вообще много способствовало усилению княжеской власти. Как все новое на Руси, оно, естественно, первоначально должно было крепко держаться князя и ввиду собственных интересов признавать в русском обществе значение князя; сами князья в важных делах обращались за советом к духовным и, таким образом, как дружина поддерживала своего государя оружием, так духовенство защищало его оружием духовным. Через своего митрополита в князе с его собственной властью соединялась власть церкви. Великий князь мог действовать на совесть подданных ему князей и

народа, мог наложить церковное запрещение и запереть церкви. К сему впоследствии и прибегали князья, как мы видим во второй половине настоящего периода. Впрочем, тогда и отношение духовенства к князю переменялось; духовенство сблизилось совершенно с народом и нередко становилось противником князя, защищая народ от несправедливостей его. Вот положение княжеской власти в начале 2-го периода, положение, являющееся естественным следствием внесения нового начала в жизнь русского общества.

Несмотря на то, что приобрела княжеская власть благодаря введению христианства, теперь следует обратить внимание на те изменения в государственной власти князя, которые произошли от местных условий, независимо от постороннего влияния. Здесь первое место занимает вопрос о значении удельных князей и об отношениях их к великому князю и друг к другу. О князьях, подчиненных великому князю киевскому, мы встречали известия и в первом периоде, но тех князей нельзя назвать удельными князьями – они имели собственно характер князей служилых, потому что не принадлежали к Рюриковому роду, а были дружинниками, пришельцами из Скандинавии, или старыми князьями славянских племен, уже утратившими свою самостоятельность и получившими владения уже из рук великого князя киевского и вполне от него зависевшими, состоявшими под его рукою, как говорит летопись, следовательно, далеко не равноправными великому князю. Первыми удельными князьями, по-видимому, были сыновья Святослава: Ярополк, Олег и Владимир; но они не подходят к категории удельных князей, принадлежащих ко второму периоду, ибо они все трое были решительно одноправны. Святослав, посадив Ярополка в Киеве, Олега в Древлянской земле, а Владимира в Новгороде, оставил права великого князя за собой, не назначив преемника в случае смерти. Поэтому Ярополк, как сильнейший из братьев, не желая владеть только одной частью отцовского наследства, отнял у неподчиненных братьев их владения. В настоящем периоде первыми удельными князьями были сыновья Владимира Святого, но их общественное

положение еще не имело характера истинно удельных князей. Они, как и сыновья Святослава, получили владения задолго до кончины отца, а именно за 27 лет, и некоторые даже умерли при отце (Вышеслав и Изяслав). Владимир скончался, подобно Святославу, не назначив себе преемника, следовательно, не подчинив своих сыновей кому-либо одному из них, оставив каждого отдельным самостоятельным государем данного владения. Вследствие этого, по смерти Владимира, как и по смерти Святослава, началась резня – Святополк убил братьев – Бориса, Глеба и Святослава, потом Ярослав Новгородский начал трехлетнюю войну со Святополком, в продолжение которой Киев несколько раз переходил то к Святополку, то к Ярославу; наконец, Святополк, истощив все свои средства, бежал из России и погиб, а Ярослав утвердился в Киеве, и в это же время, совершенно независимо от Ярослава, Брячислав, сын Изяслава, владел в Полоцке, а Мстислав, брат Ярослава, – в Тмутаракани. Ярослав в 1021 году хотя и воевал с Брячиславом, и устроил разграбление Новгорода, но не подчинил его себе. В 1024 году Мстислав напал на самого Ярослава и вынудил его уступить себе Чернигов и весь левый берег Днепра. Однако при заключении мира между ними не было и упоминания о подчинении Мстислава Ярославу, до 1036 года Русская земля состояла из трех независимых владений, несколько не подчиненных одно другому. А в 1036 году, когда умер бездетным Мстислав, вся Русская земля состояла из двух независимых владений. Таким образом, все отношения сыновей Владимира не представляют и какого-либо намека на закон об отношениях удельных князей к великому князю. Удельные князья, в собственном смысле этого слова, появляются не прежде, чем по смерти Ярослава. Ярослав, умирая, разделил Русь на княжества и определил отношения удельных князей к великому князю и друг к другу. Ясно, что удельная система начинается со смерти Ярослава, т.е. почти совпадает с принятием христианства. Может быть, она образовалась бы и при Владимире, но он умер без завещания, а потому мы и не видим определенных отношений между его сыновьями – они начинаются только со

смерти Ярослава. Княжеская власть постепенно стала утрачивать свое значение вследствие раздробления Руси на уделы и происшедших от этого междоусобий, не позволявших князьям утвердиться в том или другом княжестве. Власть князя в это время как бы не успевала сжиться с народом, потому что тогдашние князья смотрели на свое владение как на временную стоянку и заботились только о своей дружине и о том, как бы перейти из одного владения в другое, дающее больше средств для содержания дружины. История Руси того периода представляет нам три формы, в которых выразились отношения удельных князей. Эти формы были следующие: 1) *завещание Ярослава I*, 2) *общие княжеские съезды*, 3) *частные княжеские съезды и договоры*.

Завещание Ярослава, как приводит его Нестор, было следующим: незадолго до своей кончины Ярослав назначил преемником себе, т.е. великим князем киевским, старшего сына своего Изяслава; второму сыну своему, Святославу, он дал Черниговскую волость, третьему, Всеволоду – Переяславскую, четвертому, Вячеславу – Смоленскую и пятому, Игорю – Владимиро-Волынскую и определил отношения удельных князей друг к другу и к великому князю. Он завещал своим детям повиноваться великому князю как отцу, не ссориться друг с другом и не отнимать друг у друга уделов; великому же князю как главе государства Ярослав поручал наблюдать за удельными князьями, чтобы они не обижали друг друга, и помогать тому из них, которого будут обижать другие. *«Се поручаю в собе место столь старейшему сыну моему и брату вашему Изяславу, Киев; сего послушайте яко же послушаете мене, да то вы будет в мене место»*. Так говорит Ярослав в своем завещании сыновьям. Потом он завещал своим сыновьям: *«не преступати предела братня, ни сгонити»* и поручил Изяславу: *«...аще кто хочет обидети брата своего, то ты помогай, его же обидят»*. На этом завещании основывались тогда все отношения князей. Это были, очевидно, отношения детей к отцу; следовательно, удельные князья не были подручниками или феодалами великого князя, но владели сво-

им уделами так же самостоятельно, как и великий князь своим. Между удельными князьями нет и следов подчиненности великому князю, есть одни только родственные отношения и никаких служебных. Ярослав не объявляет в завещании князя киевского государем удельных князей, а только поручает ему как старшему брату надзор за младшими братьями и как сильнейшего из князей обязывает его защищать тех из князей, которых будут притеснять другие. Мало того, завещание постоянно признает неприкосновенность границ владений каждого из князей, потому что оно предписывает всем вообще князьям правило: *«Не преступати предела братия, ни сгонити»*, – тем более поэтому каждый из удельных князей признавался самостоятельным в его уделе, и великому князю, следовательно, поручалось только защищать удельных князей, а не давалось права распоряжаться их уделами. Таким образом, Русская земля, находившаяся под властью одного князя, по смерти Ярослава представляется федерацией из пяти самостоятельных и независимых уделов, князья которых, как родные братья, находились только в родственных отношениях между собой и относились к старшему князю, как к отцу или даже менее, чем как к отцу, ибо старший князь по завещанию не имел права наказывать младших князей или отнимать у них владения и распоряжаться ими, а ему только поручался надзор за младшими князьями и вменялось в обязанность прекращать между ними споры и междоусобия. Поэтому каждый из удельных князей был совершенно самостоятельным владельцем своей области, и если не нападал на владения другого, то можно было вовсе и не знать великого князя. Все распоряжения удельного князя, не только по делам внутреннего управления, но и в сношениях его с другими владельцами, зависели от него одного; он мог начинать войну, заключать мир и т.п. совершенно независимо от великого князя. Так действительно и поступали удельные князья; так, в летописи мы находим свидетельство о том, что Всеволод Переяславский воевал с турками и половцами, в первый раз пришедшими в русскую землю в этом году; или, под 1064 годом, что Святослав Черниговский два раза ходил с вой-

ском в Тмутараканскую область против Ростислава, который с помощью новгородцев выгнал из Тмутаракани сына его, Глеба, и занял эту область. Такие отношения князей существовали на протяжении 13 лет после смерти Ярослава, до 1067 года. С этого же года они стали изменяться, после общей битвы сыновей Ярослава с половцами. Эта битва была очень неудачна для князей; они были разбиты наголову, после чего половцы рассеялись по русской земле, грабя и опустошая ее. Особенно много претерпело от них киевское княжество; поэтому киевляне просили Изяслава помочь им прогнать половцев, но Изяслав отказал им в этом; тогда киевляне выгнали Изяслава и возвели на княжеский стол Вячеслава Полоцкого. Тут-то оказалось, что завещание Ярослава уже потеряло свою силу: удельные князья не только не вступились за Изяслава, но напротив, когда он, получив помощь от Болеслава, короля польского, подошел к Киеву, чтобы снова занять его, то удельные князья грозили ему войной, если он причинит какой-нибудь вред городу или его жителям. Дав братьям обещание, что Болеслав возвратится в Польшу и что он сам не будет мстить киевлянам за свое изгнание, Изяслав снова занял киевский престол. Но через два года после этого Святослав и Всеволод соединились между собой, и великий князь был вновь изгнан из Киева. Причину такого поступка братья объясняли так, что будто Изяслав заключил союз с Всеславом Полоцким, чтобы с его помощью захватить их владения. Насколько справедлив этот довод Святослава и Всеволода, этого мы решить не можем; но нельзя отрицать того, что Изяслав сам подал повод к тому, чтобы братья не доверяли ему. Так, когда умер Вячеслав Смоленский, Изяслав отдал Смоленскую область Игорю Владимиро-Волинскому, а владениями Игоря завладел сам, а потом, когда умер Игорь, то он завладел и Смоленской областью, ничем не наделив ни Бориса, сына Вячеслава, ни Давида, сына Игоря. Такие поступки великого князя, естественно, должны были изменить отношение к нему удельных князей, а эта перемена отношений должна была изменить и значение великокняжеской власти. Удельные князья сперва оставили великого князя одного в во-

йне с Вячеславом Полоцким, а потом, когда узнали, что война эта прекратилась и противники примирились между собой, вооружились на него с намерением лишить его великокняжеской власти и поделить между собой его владения. Святослав первым из удельных князей занял владения Изяслава, Киев, Смоленск и Волынь, и стал княжить в Киеве, а по смерти Святослава особенно усилился Всеволод. Он хотя и уступил великокняжеский стол Изяславу, возвратившемуся из Польши, но зато, с согласия Изяслава, присоединил к своим родовым владениям волости Черниговскую и Смоленскую и сделался едва ли не сильнее великого князя, владевшего Киевом и Волынью. Таким образом, распоряжения Ярослава о владениях рушились еще при его сыновьях. Из пяти княжеских владений, образовавшихся по завещанию его, образовалось только два, да притом такие, что оба считали себя великими. Эти два владения принадлежали сыновьям Ярослава, оставшимся в живых. Из внуков же его умерших сыновей – Святослава, Вячеслава и Игоря – ни один не получил наследственных владений, из них только Глеб и Роман, сыновья Святослава, имели княжества во владениях, не принадлежавших Ярославу; так, Глеб княжил в вольном Новгороде, а Роман в Тмутаракани. Вследствие такого порядка начались новые отношения князей: безудельные племянники вооружились на дядей, и все они искали свои родовые владения. Пока были живы Изяслав и Всеволод, безудельным князьям было трудно добиться своих родовых владений, они должны были удовлетвориться Тербовлем, Дорогобужем, Тмутараканью и некоторыми другими, также незначительными, владениями; но со смертью этих последних из Ярославичей положение их изменилось и они возобновили свои требования гораздо настойчивее. Среди этой неурядицы и междоусобий, произведенных князьями, по смерти последнего из Ярославичей, Всеволода, возник вопрос: кому занять великокняжеский стол? Долгое время брат наследовал брату, теперь же остались только сыновья братьев. В завещании Ярослава не было и намеков на то, чтобы князем киевским был *старший в роде*, или о каком-либо *старшем владетельном*

роде, а напротив, по смыслу завещания сыновья должны были наследовать отцу, ибо завещание направлено исключительно к сохранению неприкосновенности владений каждого из сыновей Ярослава, а такая неприкосновенность невозможна при переходе престола от старшего брата к младшему и вредна для самих князей, которые при переходе с одного княжеского стола на другой вынуждены были бы оставлять своих детей без наследственных владений. Притом же переход наследства к старшему в роде, а не к сыну от отца, был вовсе не в духе русского народа, доказательством чему служит Русская Правда, по которой наследство всегда переходило от отца к детям. Но как-то случилось, что сыновьям Ярослава не удавалось передать владений своим детям. Мы видели, что при детях Ярослава великокняжеский стол переходил не от отца к детям, а к старшему в роде. Тогдашняя русская история говорит нам, что это делалось не по праву престолонаследия, а по захвату престола сильным. Так, Изяслав изгоняется из Киева Святославом, который хотя и умер владея Киевом, однако не мог передать его своим детям. Точно так же и сыновья Изяслава, снова сделавшегося князем, не могли и думать удержать за собой киевский престол, потому что были слишком слабы в сравнении с Всеволодом. Такой порядок сохранился и при внуке Ярослава, таким-то образом и сложилось понятие о том, что право на престол принадлежит старшему в роде. По смерти Всеволода Ярославича киевский престол занимает не сын его Владимир Мономах, а старший в роде Святополк-Михаил, сын Изяслава. Но в этом факте также высказывается закон о праве престолонаследия. История свидетельствует, что Владимир Мономах по личным расчетам уступил Святополку-Михаилу киевский престол добровольно, как поступил и отец его Всеволод, уступив этот же самый престол Изяславу. Мономах, умнейший из князей того времени, рассудил за лучшее уступить Киев Святополку-Михаилу, чтобы привлечь его на свою сторону, ибо знал, что в противном случае Святополк как истинный наследник киевского престола не уступит ему и соединится со Святославичами, которые будут требовать Чернигова и других

своих родовых владений, находившихся в то время в руках Мономаха. Летопись так говорит об уступке Мономахом киевского престола Святополку: *«Володимир же нача размышляти рек: сяду на стол отца своего, то ими рать с Святополком взял яко есть стол прежде от отца его был. И размыслив посла по Святополка Турову»*. Таким образом, великокняжеский престол стал переходить к старшему в роде.

В княжение Святополка значение великого князя киевского совершенно изменилось. *Киевский князь уже не был главою и судьбою у удельных князей*, и его не хотел уже слушать ни один из князей. Безудельные внуки и правнуки Ярослава – Святославичи и Игоревичи – поднялись отыскивать свои наследственные владения и начали междоусобную войну, и великий князь уже не мог удовлетворить или примирить их. Поэтому для прекращения всех споров и междоусобий князь решили сделать *общий съезд*, который прекратил бы все споры за владения. *Такой съезд князей состоялся в Любече в 1097 году*. На нем князь устроили новый раздел владений в потомстве Ярослава; по новому разделу киевские владения достались Святополку, трем Святославичам – Чернигов и все то, чем владел их отец по завещанию Ярослава; Мономах, кроме Переяславской области, которой владел отец его, добился еще Смоленской области, на которую не было наследственного владельца; Давиду Игоревичу была отдана Волынь; двум Ростиславичам, которые до этого времени не имели уделов, Перемышль и Теребовль. Таким образом, все усилия сыновей Ярослава Изяслава и Всеволода увеличить свои владения за счет владений умерших братьев рушились при их сыновьях. Святославичи и Игоревич добились своих наследственных владений, а Ростиславичи, не имевшие владений вовсе, также добились себе уделов. Любечский съезд совершил большую перемену в отношениях князей. Здесь великий князь киевский не только потерял свое прежнее значение старшего князя, но и вообще никакие родственные отношения не были приняты в расчет. На съезде племянники сидели рядом с дядями и имели одинаковый с ними голос. Таким образом, на съезде все князь

поравнялись между собой; о представительстве же и первенстве великого князя киевского здесь и упоминания не было. На Любечском съезде князья целовали крест на том, чтобы общими силами преследовать нарушение неприкосновенности уделов. *«Аще кто на кого будет, – говорили князья, – на того все мы и крест честной»*. Следовательно, здесь князья пошли уже дальше завещания Ярослава, потому что оборона обиженного предоставляется ими не старшему князю, как это было по завещанию, а в одинаковой степени всем. Таким образом утвердился новый закон о равенстве всех князей, и киевский князь уже не фактически, но и легально потерял свое значение старшего князя и судьи удельных князей. После Любечского съезда он и сам подлежал общему суду князей; так, когда Святополк нарушил условия Любечского съезда, ослепив, по совету Давида Игоревича, Василька Ростиславича, князя Тербовльского, то князья потребовали у него отчета в таком поступке. Они говорили Святополку: *«Ты зачем ослепил брата? Если бы на нем была какая вина перед тобою, то бы обличил его перед нами»*. По новому закону Любечского съезда общему сейму князей было даже предоставлено право отнимать владения у князей, если по общему решению это найдено будет нужным и справедливым. Так действительно и было в 1100 году, когда на съезде в Уветичах князья отняли у Давида Игоревича за его участие в ослеплении Василька Владимиро-Волынскую область, которую и отдали Святославу, а Давиду Игоревичу, взамен отнятой у него области, выделили из киевских владений Дорогобуж и Перемышль.

Но и закон общих княжеских съездов вскоре оказался неудовлетворительным для точного определения отношений князей, потому что, с одной стороны, для съездов князей не было ни твердого основания, ни определенного времени и места, что очень затрудняло составление съездов; так, часто случалось тогда, что все князья перессоривались между собой и приглашать на съезд было некому, с другой же стороны, не было строго определено, какие именно из княжеских отношений должны были подлежать суду общего съезда князей.

После смерти Святополка Владимир Мономах овладел киевским престолом и захватил Волынь, выгнав оттуда Святополкова сына Ярослава, и против такого насилия не восстал ни один из князей и не вступился за Ярослава. По смерти самого Мономаха спорам и междоусобиям князей не было конца, и сколько князья ни старались сделать общий съезд для прекращения этих беспорядков – не могли этого сделать; даже равенство князей, утвержденное Любечским съездом, потеряло свою силу при Мономахе и Мстиславе, которые считали себя судьями всех князей и не упускали случая показать свою власть над удельными князьями. Поэтому князья, чтобы согласовать свои взаимные отношения и внести в них больше порядка и правильности, должны были прийти к мысли о новом законе, который бы определил их отношения. Таким образом появился новый закон *частных княжеских съездов и договоров* во время княжения Ярополка Владимировича. Первым воспользовался этим новым законом Всеволод Ольгович Черниговский, который употребил его вместе с Мстиславичами против Ярополка, Вячеслава и Юрия Долгорукого. Ярополк, бывший вовсе неспособным занимать великокняжеский престол, по совету Юрия Долгорукого стал притеснять Мстиславичей. Поэтому Всеволод, находившийся в близком родстве с Мстиславичами, вступился за них; он вступил с Мстиславичами в союз по частному договору и при помощи этого союза вынудил Ярополка дать волость Изяславу Мстиславичу и воротить Чернигову Курск с Посемьем, а потом, по смерти его, сделался великим князем. Сделавшись великим князем, Всеволод Ольгович постоянно назначал то по одному поводу, то по другому частные съезды и, таким образом, не только удержал за собой великое княжение, но и был постоянным судьей и руководителем других князей. Примеру Всеволода вскоре нашлись многочисленные подражатели и обычай сзывать частные съезды и заключать частные договора сделался всеобщим и превратился в закон во всех междукняжеских сношениях. Этот закон, как самый удобоприменимый на практике и вполне согласный с характером князей и самого времени, еще далекого от постоянных строгих

определений, получил большое развитие и оставался до самого монгольского ига постоянным руководством во взаимоотношениях князей. Особенное удобство его состояло в том, что он, не уничтожая ни одного из прежних правил относительно княжеских отношений между собой, подчинил их всех себе и разделил Россию на множество княжеских союзов, имевших основанием своим взаимное согласие князей – союзников, или ротников по тогдашнему выражению, согласие, скрепляемое крестным целованием и крестными грамотами. Союзы эти, утвержденные на подобном основании, не могли быть постоянными, но прекращались и возобновлялись вновь, смотря по тому, насколько сходились или расходились интересы союзников и договаривающихся сторон. Вследствие такого непостоянства союзов отношения князей в это время совершенно изменились в сравнении с прежними; теперь уже не разбирались ни родство, ни старшинство.

В союз могли вступать все; князья-союзники называли себя братьями, иногда признавая над собой власть одного из союзников и придавая ему звание старшего, или отца, даже обещаясь ходить около его стремени, как родные сыновья его. Но все эти названия, подчинения и обещания основывались не более чем на договорах или же определялись, ограничивались и утверждались клятвой; но при первом же нарушении договора одним из князей-союзников всякие обещания и признания власти уничтожались. Вот образчик подобных отношений: Ростиславичи Смоленские называли Андрея Боголюбского своим отцом, выбрав его по договору в старшие себе; как только Андрей Боголюбский нарушил договор, приказав оставить города, данные им в Приднепровье, и удалиться в свою вотчину Смоленск, они сказали ему: *«Брате! вправду ты нарекше есмы отцем себе и крест целовавше тебе, а се ныне кажеши путь из Русская земли без нашей вины, а за всеми Бог и сила крестная»*. После этого Ростиславичи вступили в Киев и объявили киевским князем брата своего Рюрика, а Всеволода Юрьевича, посаженного Андреем, взяли в плен; когда же Андрей прислал в Киев требование, чтобы Ростиславичи

оставили киевские владения, то они остригли его послу голову и бороду и послали сказать; *«Мы тя до сих лет, аки отца имели по любви, аще всякия речи прислах не яко к князю, но аки подручнику и просту человеку, а что умыслил еси, а то е дей, а Бог за всех»*. Братьями по договору назывались и дяди, и племянники, и внуки, и даже иноземные государи; но эти названия держались только до тех пор, пока не был нарушен договор, а как скоро договор нарушался, тот же брат получал название врага. Так, в 1190 году Ростиславичи говорят Святославу Черниговскому: *«Ажь стоиши в том ряду, то ты нам брат, ажь ступил еси ряду, а се ти крестныя грамоты»*. Название брата выражало союзника и не относилось к родственным связям, подобно тому, как в западной Европе государи называли друг друга братьями; так, в 1149 году Юрий Долгорукий и Вячеслав называли польского короля Болеслава Храброго братом, а сына его Индриха своим сыном.

Название отца и старшего также зависело от договора и согласия союзников и нисколько не относилось к степеням родства или родовым отношениям; посему отцом или старшим мог называться и младший союзник и даже, пожалуй, чужеземец. Так, например, рязанские князья были внуками Ярослава, а Ростислав был потомком Всеволода, стало быть, родство между ними было не ближе, как в седьмом или восьмом колене. Следовательно, здесь не разбирались степени родства, а единственным правом на старшинство была только сила, могущество того, кому оно давалось союзниками. Эти рязанские князья в 1155 году признали по договору отцом своим Ростислава Смоленского в надежде получить от него помощь против Юрия Долгорукого, как говорит летопись: *«Они же еси зряху на Ростиславе, имеяхут и отцом себе»*. Даже народ, вступая с князем в договор, употреблял выражение, что он будет иметь его как отца, во всем слушаться и повиноваться ему. Так, в летописи под 1151 годом говорится о полочанах: *«И прислашася полочане к Святославу Ольговичу с любовью, яко имети отцом собе и ходити в послушании его и на том целоваше крест»*. А Святослав вовсе не был их князем, а правил Чернигом, но

они вступили в союз с ним, надеясь, что он поможет им против Смоленских князей. Бывали примеры того, что русские князья называли отцом полоцкого хана; так, в 1228 году Даниил Галицкий, нуждаясь в помощи половцев, писал к Котьяну, их хану: *«Отче!.. прими мя в любовь свою»*. Итак, название отца не выражало родственных связей, а давалось только по договору и только до тех пор, пока не нарушался договор; оно употреблялось только для того, чтобы не употреблять названия «Господин» или «Государь» и таким образом сделать отношения более мягкими; точно так же князья называли себя детьми, чтобы избежать названия подчиненного или подручника.

Власть князя киевского как великого князя, как старшего, потерявшая свое значение с появлением общих княжеских съездов, не возвращалась и в период отдельных договоров; летописи даже не признают за ним названия великого князя, а называют его просто киевским князем. Ясно, что в это время власть киевского князя уже не имела никакого значения. Действительно, в исторических событиях рассматриваемого нами времени мы не замечаем никаких привилегий за киевским князем. И само старейшинство киевского князя в это время было только историческое, и хотя киевский престол по-прежнему еще был предметом исканий удельных князей, но они добивались киевского стола не для него самого, а для города, который был очень богат и давал много денег. Да и в этом отношении многие из новых городов, как, например, Владимир на Клязьме, не уступали Киеву; следовательно, старейшинство оставалось за Киевом только по преданию. Насколько киевский престол утратил свое значение, видно из следующего факта: в 1169 году войска Андрея Боголюбского взяли Киев, но, несмотря на это, Андрей Боголюбский не пошел в Киев княжить, а прислал в него на княжение своего младшего брата; сам же, приняв титул великого князя, остался во Владимире. На самом же деле старейшим между князьями был тот, кто был признан таковым по договору – владел ли он киевским престолом или каким-либо другим княжеством. Поэтому бывало даже по несколько старших князей в одно и

то же время, потому что каждый союз имел своего старшего князя; так, например, у Давидовичей считался старшим князем Изяслав Мстиславич, у Ольговичей – Юрий Долгорукий, у князей рязанских – Ростислав Смоленский и т.п. Но это старшинство не выражало той власти, которая прежде принадлежала великому князю. Впрочем, *старший князь мог лишить младшего владений*, но это право имело смысл только в тех случаях, когда этого требовали все князья-союзники, когда младший оказывался виновным против договора, и удерживалось только до тех пор, пока младший состоял в союзе, скрепленном договорной грамотой и крестным целованием; в противном же случае старший утрачивал право лишать младшего владений. Так, в 1177 году Святослав Всеволодович Черниговский, бывший в союзе с Романом Ростиславичем Киевским, прямо требовал у Романа, на основании договора, чтобы он, как старший, отнял у Давида Ростиславича Смоленск, так как Давид нарушил договор. Святослав говорил: *«Брате! я не ищю под тобою ничего, но ряд наш таков, что если кто виноват, того лишать волости»*. Здесь старший князь скорее имел обязанность, чем власть, лишать младшего владений и то, повторяем, исключительно в силу договора. А если бы старший князь вздумал лишить младшего волости без вины и суда над ним, по своей воле, то младшие князья в таком случае разрывали с ним союз, отсылали ему крестную договорную грамоту и объявляли войну. Так, Ростиславичи прямо говорили Андрею Боголюбскому, выславшему их без всякой вины из их владений: *«Ты кажешь нам путь из Русской земли без нашей вины... за всеми Бог и крестная сила»*. Кроме права или обязанности старшего князя лишать младших союзных князей владения, старший князь имел еще право надела владений младшим князьям. Но и это право в сущности не выражало прежней власти великого князя, потому что и в этом случае старший имел право только по договору с младшими князьями; таким образом, и в этом отношении старший князь имел скорее обязанность, чем право, так что в случае неисполнения им этой обязанности младшие князья обыкновенно говорили

ему: *«А у нас есть с тобой ряд, чтобы наделить нас волостями, ежели получишь такое то княжение, а ты получил и нас не наделил или дал не те, которые написаны в ряде»*. Когда Всеволод Ольгович занял Киев и не наделил Давидовичей по договору, они вступили в союз против него. Следовательно, старшие князья давали младшим только те волости, о которых было сказано в договоре, и поэтому давали не по праву, а по обязанности, неисполнение которой вело к разрыву союза и даже к войне. Таким образом, все формы княжеских отношений во время частных договоров зависели от договоров и основывались на них. В это время все князья были равны, хотя одни из них и назывались старшими, а другие младшими, но эти названия существовали только по договору; точно так же по договору старшие князья раздавали младшим волости, и как скоро нарушались условия договора, то уничтожались и все права и обязанности, основывавшиеся на договоре.

Право престолонаследия во время договорных грамот было вообще неопределенным и постоянно колебалось между правом наследования сыновьями после отца и установившимся обычаем наследовать братьям после братьев, к прямой обиде детей умершего, с явным насилием и борьбой. К этому еще присоединилось право народного выбора, а еще более – право сильного и умеющего пользоваться обстоятельствами. В период отдельных или частных съездов и договоров решительно не обращалось внимания ни на право наследования сыном, ни на право наследования старшим в роде, а все зависело от согласия и воли союзников и силы и ловкости того, кто заявлял свои претензии на занятие престола. В особенности так было в отношении к занятию киевского престола. Там не было никакой определенной формы наследования, потому что предки всех княжеских родов успели перебивать на киевском престоле и, следовательно, все роды имели право претендовать на него. Стало быть, Киев был общим столом, не принадлежавшим ни одному княжескому роду в отдельности. Многие князья старались соединить Киев со своими наследственными владениями, сделать его отчиной для своего потомства, и всех больше

успели в этом Всеволод Ярославич и сын его Мономах, так что после почти тридцатилетнего владения Киевом в потомстве Мономаха выработалось убеждение, что Киев принадлежит к их отчине. Но со времени Всеволода Ольговича Киев в действительности перестал быть отчиной какого-либо княжеского рода. Право на Киев стало зависеть от союзов, от договоров между князьями, от силы, успехов в войне, безотносительно к вотчинному праву. На основании договоров Киевом стали владеть и Мономаховичи всех поколений и всех степеней родства, и Ольговичи, и Давыдовичи. Когда Мономаховичи, чувствуя себя сильными, требовали, чтобы Ольговичи навсегда отреклись от Киева, то постоянно получали отрицательный ответ. Например, когда в 1195 году Рюрик Киевский вместе с могущественным Всеволодом и братом своим Давыдом Смоленским послал к Ярославу и ко всем Ольговичам требование: *«Целуй нам крест со всею своею братьею, како бы не искази отчины нашае Киева и Смоленска, под нами и под нашими детьми, и подо всем нашим Володимерим племенем»*, то Ольговичи, признавая Смоленск отчиной Мономаховичей, о Киеве отвечали: *«Аж ны еси вменил Киев, то же ны его блюсти под тобою и под сватом твоим Рюриком, то в том стоим; аж ны лишитися его велишь отинудь, то мы есмы не угре, ни ляхове, но единого деда есмы внуцы, при вашем животе не ищем его, аж по вас кому Бог даст»*. Здесь явно отвергается всякое право отчинности, наследства или родового старейшинства и признается только *право договора и право силы*. В одно положение с Киевом был поставлен и Переяславль – первоначальная отчина Всеволода Ярославича; он считался оплечьем Киева от половцев и потому должен был нести одинаковую с ним участь, т.е. иметь князей не отчинников, а по договорам киевского князя со своими союзниками. Киевский князь, получая Киевское княжество по договору со своими союзниками, обыкновенно платил за это городами Киевской области, и не только во время вступления своего на престол, но и нередко в продолжение всего своего княжения, после каждой ссоры со своими ротниками он переводил посаженников из

одного киевского города в другой или выводил старых не своих посаженников, чтобы удовлетворить сильных союзников. В других удельных княжествах право престолонаследия было более определенным, так как князья с помощью отдельных договоров постоянно старались ограждать неприкосновенность своих наследственных владений и после себя утверждать их за своими детьми. Впрочем, и в этих княжествах, где успевал утвердиться тот или другой княжеский род, также нельзя указать определенного закона престолонаследия: в одних из них наследовал брат после брата, в других – сын после отца. Но этот порядок наследования не оставался постоянным и легко изменялся при различных обстоятельствах. Вследствие преобладания отчинного права в удельных княжествах, хотя перемены князей и были довольно часты, но не так разнообразны и не так спорны, как в Киеве, и владения почти не переходили из одного рода в другой. Благодаря развитию отчинного права, княжества стали усиливаться; но это развитие не везде было одинаково, и потому княжества получили различную силу и значение. Так, Галицкое, слабейшее в своем начале, при помощи единовластия и наследования от отца к сыну, т.е. при полном развитии отчинного права в продолжение 93 лет, сделалось сильнейшим среди русских княжеств. Княжество Суздальское на протяжении 60 лет почти постоянно переходило от отца к сыну, и хотя после Андрея Боголюбского там начались беспорядки из-за вмешательства рязанских князей, но за существовавшее отчинное право вступился народ, и один из младших сыновей Долгорукого, Всеволод, успел окончательно утвердить за своим потомством владение столом отца. Впрочем, и здесь не обошлось без раздробления владений, но зато навсегда было пресечено постороннее вмешательство других княжеских родов в дела суздальских князей. В черниговских владениях хотя отчинное право со времени утверждения его за Святославичами никогда не нарушалось, но постоянное вмешательство Святославичей в дела Киевского княжества сильно препятствовало усилению черниговского края: самоотчинное право в черниговских владениях нередко подвер-

галось опасности, подчиняясь время от времени договорам между князьями, так как черниговские отчинники нередко ставили превыше местных интересов черниговского края заманчивое право на владение Киевом. Рязанские и муромские владения, отделившиеся от черниговских с тех пор, как Всеволод Ольгович выгнал своего дядю Ярослава Святославича из Чернигова, постоянно оставались отчиной только после смерти Мстислава, сына Мономахова, когда они достались его третьему сыну – Ростиславу. (Ростиславу наследовал его сын Роман; по смерти Романа князем стал его брат Рюрик; Рюрику наследовал двоюродный брат его Мстислав, потом княжил Давид, сын Мстислава). Активное участие смоленских князей в делах киевских препятствовало усилению Смоленского княжества, но тамошние князья жили в согласии между собой, так что порядок престолонаследия у них почти не подчинялся договорам. Позднее других сделалось отчинным владением княжество Владимиро-Волынское. Тамошние отчинники начинаются только с сыновей Изяслава Мстиславича, который, получив это владение по договору дядей, успел удержать его за своими наследниками. Таким образом Изяслав исключил это княжество из того круговорота, в котором оно обращалось вместе с Киевом, и дал ему некоторую самостоятельность.

Отношение князей к народу и к земле. В непосредственной связи с отношениями князей друг к другу находятся отношения князей к народонаселению. Власть князя, освященная христианской церковью, при Владимире Святом и при сыне его Ярославе получила большое развитие, так что летописец называет уже Ярослава «Самовластцем» Русской земли. Но в сущности Ярослав не был самовластцем; преемники же его не только не могли продолжить это развитие и усиление власти, но даже не могли удержать и того, что было приобретено Ярославом. Частые переходы, запутанность междукняжеских отношений и происходившие оттуда насилие и непрочность прав на владения – все это не давало князьям возможности сблизиться с народонаселением. Народ, по здравому смыслу и по опыту предшествовавшего времени, ясно сознавал необхо-

димось княжеской власти и свято ее уважал, но по причине частых смен князей он долго не мог привязаться ни к одному княжескому дому из потомства Ярослава, и для него все князья сделались равны. Народ стал хладнокровен к переменам князей и старался по возможности меньше принимать участия в этом деле. Население с одинаковым усердием принимало и Изяславичей, и Святославичей, и Всеволодовичей, защищало их, если не могло уклониться от этой обязанности и считало возможным отстаивать князя; в противном же случае оно прямо говорило князю, чтобы он уступил место противнику и удалился. «Теперь не твое время, приходи, когда будешь силен, не губи волость свою». Особенно часто перемены князей происходили в Киеве, который стал как бы общим городом. В первые 65 лет после смерти Ярослава на киевском престоле успели перебывать все князья, даже полоцкие в лице Всеслава. Понятно, что у земцев не было возможности свыкнуться со своими государями, следовательно, и князья не могли рассчитывать на их помощь и защиту. Словом, княжеская власть в настоящее время распространялась только на поверхности русского общества и не входила в глубь его.

Князья во всех своих передвижениях и приобретениях волостей действовали первоначально только с помощью своих дружинников, этой вольницы, стекавшейся к тороватому и удалому князю со всех сторон; это была первая опора княжеской власти, не имеющая ничего общего с народом. Вторым пособником князей в их завоеваниях были половцы. Они жили на самой русской границе, за Сулой на Донце, вплоть до Дуная, и в настоящем периоде решительно заменили собой варягов. Половцы очень охотно поступали в дружины князей; для них было все равно – со своими ли князьями грабить русскую землю или с русскими. Поэтому без них не обошлось почти ни одно междоусобие. На протяжении всего описываемого времени не найдется таких князей, которые не прибегали бы к половцам, даже любимец народа Владимир Мономах пользовался их помощью в войне с Олегом и благодаря им остался победителем. На земщину же, в деле приобретения волостей,

князя не могли рассчитывать: земщина давала только содержание князю и его дружине, а свои полки выставляла только на защиту городов. Лишь через 70 лет после смерти Ярослава, когда княжеские роды в некоторых владениях успели утвердиться и сблизиться с народом, последний стал принимать участие в их делах и интересах; так, например, Андрей Боголюбский сблизился с суздальцами; точно так же в Галиче, где постоянно были князьями Ростиславичи, земщина всегда твердо стояла за своего князя. Но все это в то время было еще в немногих владениях. Участие народонаселения в делах своих князей-отчинников со своей стороны тоже много способствовало привязанности князей к своим отчинам. Князья увидели, что одной дружины недостаточно для утверждения их власти, что в междукняжеских спорах силовой перевес почти всегда оставался за тем, кто действовал не одними дружинниками, а пользовался и помощью отчинного народонаселения. Все это если и не уничтожило междоусобия, то, по крайней мере, способствовало развитию княжеской власти и отучило князей от передвижений из одной области в другую. Князья стали заботиться не столько о переходе с одного стола на другой, сколько о присоединении к своим отчинным владениям новых областей и о подчинении себе соседних князей на основании договоров. Так, Юрий Суздальский, желая усилиться, стал постоянно жить в Суздале и вследствие этого оказался сильнее других князей, так что скоро успел увеличить свои владения за счет Смоленского княжества и новгородцев. Андрей Боголюбский еще тверже держался этого правила: так, завоевав Киев, он не перешел туда княжить и уступил это право своему младшему брату, сам же остался на севере, стараясь присоединить к своей отчине другие владения. Необходимым следствием этого порядка княжеских отношений было появление нескольких центров, к которым стали примыкать соседние владения отдельных князей, таким образом появилось несколько союзов – черниговский, волынский, галицкий, смоленский, суздальский; было создано несколько федераций, в которых все союзные князья тянули к старшему. Но эти цен-

тры и союзы были только временные и потому не могли разделить Россию на несколько независимых государств. Рано или поздно все эти центры должны были примкнуть к одному, главному и общему центру. Таким центром могло стать то владение, в котором князь близко сойдется с народом и где опорой своей власти будет иметь земщину. Единство религии, языка и происхождения всего русского народа постоянно ручались за его единство и нераздельность и за то, что отдельные союзы, сосредоточенные около своих центров, составят один общий и неразрывный союз вокруг главного центра. Так, когда Киев утратил свое центральное значение, то все русские города потянулись к Владимиру, а когда и Владимир перестал быть центром всех городов и союзов, то возвысилась Москва и сложилось московское государство.

Утверждаясь в своих отчинных владениях и сближаясь с земщиной, князья вместе с тем заботились о приобретении земель в свою частную собственность; они начали покупать волости, расчищать леса, населять их своими челядинцами или вольными земледельцами и промышленниками, вводить в этих землях хозяйственное устройство частных собственников. Конечно, княжеская частная поземельная собственность не была новостью в этом периоде, она существовала и раньше, но в прежнее время поземельная собственность князей имела другое значение; тогда она нужна была князьям как пришельцам, для того чтобы дать их власти надлежащий вес в отношении к общине; в настоящее же время в поземельной собственности князья находили главную опору своего могущества: она и сближала их с земщиной, и привязывала к ним дружинников, которые стали получать в этот период поместья, а может быть, и отчины. Так, в 1150 году Изяслав Мстиславич, в походе своем к Киеву против Юрия, побуждал дружинников именно тем, что он, выгнав Юрия, возвратит свою поземельную собственность, лежащую в киевских владениях. Вот слова летописи: *«Изяслав же рече дружине своей: вы есте по мне из русские земли вышли, своих сел и своих жизней лишився, а аз паки своя дедины и отчины не могу презрети; но любо голову*

свою сложу, паки ли отчину свою налезу и вашу всю жизнь». Князя в тот период особенно заботились о распространении своей поземельной собственности и поэтому приобретали ее посредством купли у частных лиц, дарением, по наследству и расчисткой диких полей и лесов. Так, князь волынский Владимир Василькович в своем завещании говорит, что он купил село Березовичи у Юрьевича и Давидовича Федорко и «дал на нем 50 гривен кун, 5 локоть скорлато да брони досчатые». Князя этого периода так дорожили частной поземельной собственностью, что обыкновенно называли ее своей жизнью. Так, под 1148 годом летописец говорит: «Изяслав ту (у Чернигова) стоя и позже вся селы их (черниговских князей) Оли и до Беловска. И нача молвити Изяслав: “*Се есмы села их пожгли вся и жизнь их всю и они* (кн. Черниг.) *к нам не идут* (не вступают в сражение и не просят мира); *а пойдем к Любчю, идеже их есть вся жизнь”*». И поход Изяслава к Любечу оправдал его слова: черниговские князья, опасаясь за свою поземельную собственность, сосредоточенную у Любеча, действительно пошли туда со своими полками и половцами вслед за Изяславом. При таком значении княжеской поземельной собственности князья в своих междоусобиях вступали в договора с городами, принадлежащими их противникам, и щадили земщину, но в то же время были неумолимы: к частной собственности своих соперников. Например, Изяслав в 1146 году вместе с киевлянами грабил дома дружины Игоревой и Всеволодовой и села, и скот, и всякое имение в домах и монастырях. Точно так же и союзники Изяслава, осаждая Новгород-Северский, безжалостно грабили и жгли села, дворы и жита, принадлежавшие Святославу и Игорю. Но тот же Изяслав и его союзники целовали крест путивльцам, подданным Святослава, на том, что они не будут беспокоить их и не отдадут в полон; и действительно, взяв Путивль, они только вывели оттуда посадника Святослава и посадили своего, горожан же не беспокоили. Но бывший там двор Святослава с церковью разграбили вконец – не пощадил ни сосудов церковных, ни риз, ни колоколов; в летописи прямо сказано: «*И не оставиша ничто же княжа, но все разделиша*».

Впрочем, несмотря на такие отношения одних князей к частной собственности других, тогда же входило в правило то, что князья имели частную поземельную собственность в областях своих противников, – значит, частная собственность князей была совершенно отделена от собственности государственной. Частная поземельная собственность князей и их дружинников некоторым образом связывала все русские владения между собой. Право на частную поземельную собственность по всем владениям Руси, конечно, было одной из многих причин, по которой князья, часто несогласные между собой, почти постоянно были согласны в том, чтобы не допускать чужеземцев к занятию какой-либо части русской земли.

Княжеская власть по отношению к народонаселению во втором периоде, так же как и в первом, выражалась:

Во-первых, *в суде и управлении волостями*. Суд и управа производились князем через его посадников и тиунов. Поэтому первым делом князя по занятии какой-либо волости была смена посадников и тиунов прежнего князя и назначение своих: так, например, в 1146 году Изяслав по занятии Путивля немедленно выслал оттуда прежнего посадника и посадил своего; или еще раньше, в 1079 г., Всеволод Ярославич, отняв Тмутаракань у Святославичей, немедленно посадил там своего посадника Ратибора¹. Эти свидетельства показывают, что посадникам вверялась от князей защита княжеских владений; следовательно, при них была и дружина, которая поддерживала власть князя и вместе с тем охраняла волость. Посадники в этот период значили то же, что в первом периоде – княжеские мужи, которым князья поручали города, и что впоследствии – наместники, городские воеводы. Посадникам иногда предоставлялась не только защита волости и поддержание княжеской власти, но им принадлежал и княжеский суд с правом судить даже уголовные преступления, однако с тем ограничением, чтобы они

¹ Всеволод, князь Киевский, – см. «Расск. из Русской Истории» Беляева; кн. I, стр. 122. Об Олеге Святославиче летопись под 1096 годом говорит: «И перя всю землю муромскую и ростовскую и посажая посадники своя по городам и дани поча имати» (Ник. сп., ч. II, стр. 17, изд. 1768 г.).

судили не иначе, как при посредстве земских выборных людей. Под 1176 г. летопись говорит: *«Сидящем в княжеские земля ротовски роздаяли бяста по городам посадничество русским детьцким; они же многу тяготу людям сим створиша продажами и вирами»*. С теми же правами и обязанностями князя сажали по городам тиунов; разница состояла только в том, что тиунам поручались города и волости незначительные. Но главная обязанность тиунов состояла в том, чтобы быть при князе или посаднике для суда и расправы. Так, в 1146 г. киевляне, недовольные киевским тиуном Ратшею и вышгородским Тудором требуют от Святослава и Игоря, чтобы они сами занимались судом и расправой: *«...рекуче: Ратиша ны погуби Киев, а Тудор Вышегород; се ныне княже Святослав целуй нам хрест и с братом своим: аще кому нас будет обида, то ты прави»* (II. 22). Посылка тиуна в какой-нибудь город была первым и главным выражением княжеской власти. Так, когда в 1169 г. Киев был уступлен Мстиславу Изяславичу, летопись говорит, что *«Мстислав посла Володислава Воротиславича перед собою к Василькови Ярославичу, веля ему седети в Киеве до себе, и тиун свой посла»*. Имея посадников и тиунов, князья в то же время сами производили суд и расправу и с этой целью ездили по областям. Во время этих объездов князья собирали так называемое полюдь. Под 1190 годом в летописи сказано о епископе Ростовском Иоанне, что он пришел в свою епископию *«тогда сущу великому князю (Всеволоду) в Ростов в полюдь»*. Это была подать подушная; она не была определена заранее и давалась князю как подарок.

Во-вторых, княжеская власть *выражалась в законодательстве*. Так, мы знаем, что Ярослав Владимирович издал закон под именем «Русской Правды»; потом сыновья его – Изяслав, Святослав и Всеволод вместе со своими мужами: Коснячком, Перенегом, Микифором Киянином и Чудином Микулою дополнили «Правду» Ярослава. Далее, Владимир Мономах с киевским тысяцким Ратибором, Прокопием Белгородским и Станиславом Переяславским, с Нажиром Мирославом и с Ольговым мужем Иванком Чудиновичем издали закон о ростах и

другие узаконения. Очевидно, и другие князья также издавали свои узаконения для судебных дел и для определения различных прав; так, известны церковные уставы князей новгородских Святослава и Всеволода, устав Ростислава Смоленского и узаконение о ворах Изяслава Ярославича. Вместе с судными законами князьям также принадлежали законы о разных податях и повинностях, на что частью указывает и Русская Правда, где есть уроки мостнику, городнику и пр. В Русской же Правде и в летописи упоминаются мытники, т.е. сборщики мытных пошлин на торгах, мостах и перевозах, которые для выполнения должности конечно получали наказания или уставы от князей; сама раскладка податей или, по крайней мере, основные правила раскладки тоже зависели от князя. Мы не знаем, какую долю участия народ имел в законодательстве, но участие его в лице выборных тысяцких засвидетельствовано во многих памятниках. Притом нельзя предполагать, что все законодательство было сосредоточено в руках князя. В описываемое время не было полного положительного закона, право выражалось в обычаях. Поэтому князья только формулировали или отменяли утвердившийся обычай.

В-третьих, князю принадлежало право *собирать определенную дань с волостей*. По общему порядку того времени дань и подать устанавливались по обоюдному согласию князя с земщиной и по заранее составленным росписям, в которых ясно определялось, с какой волости и какую именно брать дань и пошлину. Доказательство этого мы находим в уставной грамоте Ростислава Мстиславича Смоленского, изданной в 1150 г., в которой расписано, с какого города, волости или погоста сколько получать пошлин. Кроме того, указание на это мы имеем в летописях, где рассказывается, например, о том, что когда какой-нибудь князь уступал другому свою волость, то обыкновенно требовал, чтобы ему ежегодно выплачивалось столько, сколько давала дохода уступленная волость. Вообще земщина платила князю подати не иначе, как по заранее составленному условию. Впрочем, бывали случаи, что князья налагали подати на земцев и без их согласия; но это

было исключение из общего правила, а именно – князья назначали подати только на волости, провинившиеся перед ними. Так, Мстислав Данилович Владимиро-Волынский установил собирать ловчую с города Берестья за то, что жители его передались было польскому королю. В грамоте Мстислава Даниловича, Владимиро-Волынского князя, сказано: *«Се аз князь уставляю ловчее на Бератьяны; со ста по две лукне меду, а по две овце, а по пятнадцать десятка в льну, а по сту хлебоб, а по пяти цебров овса, а по пяти цебров ржи, а по 20 куров; и по толку со всякого ста, а на горожанах четыре гривны кун»* (II. 225). Князья имели право отделять себе разные угодья и доходы, так, в 1240 г. Даниил Романович велел отлучить себе колымийскую соль (II. 179). Князья посылали от себя доверенных чиновников для переписки областей: так, в 1241 г. Даниил Романович посылал печатника Кирилла описать грабительства нечестивых бояр; или по выходе из галицких владений Телебуги и Нечая: *«Лев князь, – сказано в летописи, – сочте, колико погибло в его земле людей, што поимано, избито и што их волею Божиєю измерло»* (II. 212). Что все волости у князей были переписаны и приведены в известность (относительно доходов, с них получаемых), на то очень ясно указывает летопись под 1195 годом, где сказано, что Роман Волынский, при передаче городов Всеволоду Суздальскому, говорил великому князю киевскому Рюрику: *«Отче! то ти про мене тебе не жити, сватом своим и в любовь не внити? а мне любо иную волость в тое место даси любо купами даси за нее, во что будет была»* (II. 145). Или еще яснее уставная грамота Ростислава Смоленского 1150 г., где даже показано, сколько с какого погоста шло разных доходов в казну князя.

В-четвертых, князья получали от земщины города с землями и угодьями. Такие города назывались княжескими и находились в полной зависимости от князей. Из этих земель князь выделял часть на поместья своим дружинникам, а с остального сам непосредственно получал доходы на свое содержание. Такая передача городов князьям существовала еще со времени призвания варягов, и этот порядок продолжался до

прекращения рюриковой династии. Говорят, что поместья получили начало со времен Ивана Васильевича III, но это мнение не выдерживает критики. Указания летописей свидетельствуют, что поместья существовали уже при Владимире Святом. Со времен Ивана Васильевича, правда, впервые встречаются указы о том, сколько земли дается такому-то дворянину; но заключать из этого, что именно с этого времени началась раздача поместий, – значит не знать русской истории.

Княжеская власть в это время поддерживалась не столько силой, сколько правом князей, освященным религией, и любовью народа к своим отчинным князьям. Тогдашняя история представляет нам множество примеров расположения народа к князьям: так, например, под 1168 г. в летописи говорится, что когда отчинный смоленский князь Ростислав Мстиславич ехал из Киева в Новгород через Смоленск, то лучшие мужи смольняне начали его встречать за 300 верст, затем встретили внуки, далее сын Роман, епископ Мануил и тысяцкий и, наконец, *«мале не весь град изиде противу ему; тако вельми обрадовашася еси приходу его и множество даров подаяше ему»*. Подобную же встречу устроили Изяславу Мстиславичу в Новгороде; под 1148 годом летопись говорит: *«Слышавше новгородцы оже Изяслав идет к ним и взрадовашася радостью великою и тако изыдоша новгородцы противу ему три дни, а инии всеми силами усретоша и днеще от Новгорода»*. Князя со своей стороны дорожили расположением народа и не упускали случая выказывать свое внимание и расположение к нему. Так, Изяслав, ласково встреченный в Новгороде, на другой же день, по словам летописи, *«посла подвоисковы и берюче по улицам кликати, зовучи на обед от мала до велика, и тако обедавше веселишася радостью великою и честью и разыдошася во своя дома»*. Владимир Святой, как известно, каждую неделю давал обеды всем нарочитым людям. О Владимире Мономахе и Андрее Боголюбском летописи говорят, что они часто давали обеды народу и раздавали много милостыни нищим и убогим. Подобных примеров щедрости князей летописи представляют нам очень много. Нужно за-

метить, что народ в особенности любил и уважал тех из своих многочисленных государей, которые славились делами милости; поэтому из всех князей того времени мы не найдем и пяти, подобных Святополку-Михаилу, которые были бы грубы и жестоки с народом. Вот положение княжеской власти в первую половину описываемого периода.

Дружина. Характер княжеской дружины претерпел сильное изменение во втором периоде. Еще при Владимире Святом варяжский элемент дружины потерял свое первенствующее значение. Владимир, отняв Киев у Ярополка, выпроводил в Грецию буйных варягов-дружинников и оставил из них только немногих, людей смысленых и храбрых. Он понимал, что эти вольные и беспокойные дружинники могли быть большой помехой для его власти, и что гораздо лучше заменить их русскими, не знакомыми с характером старой дружины и с ее отношением к князьям. Преемники Владимира подражали его примеру, и варяги перестали наполнять княжеские дружины, так что хотя при Ярославе, время от времени, они еще появлялись в Новгороде и Приднепровье, но уже не как дружинники, а как наемники, подобно печенегам, и по окончании похода, за очень редкими исключениями, удалялись на родину. По смерти же Ярослава летописи больше не упоминают о варяжских дружинах. Князья нашли средства пополнять свои дружины, не вызывая варягов; в дружину стали поступать охотники из туземцев и пришельцев из разных стран – из Венгрии, Польши, от турков, печенегов, половцев, яссов, косоогов и др., в чем можно убедиться по именам дружинников, встречающимся в летописях. Так, у Бориса Владимировича мы встречаем дружинником Георгия, родом угрянина или венгерца; у Святополка – Ляшко, очевидно лях; поляк – у Глеба Торчино; у Владимира Ярославича – Вышоту, очевидно новгородца или киевлянина; у Ростислава Владимировича Тмутараканского – Порей и Вышоту, сына Остромира, воеводы новгородского; у Андрея Боголюбского был ключник Анбал, ясин родом; у Владимира Мстиславича в 1149 году был в числе дружинников немчин. В самих народных сказках дружинниками Владими-

ра являются Добрыня Никитич – новгородец, Илья Муромец, Алеша Попович – ростовец, Акундин Иванович, Микула Микитич, Чурило Пленкович – пришелец из Суража.

Новый состав дружин, с явным перевесом в сторону туземцев, хотя и не слил их с земщиной, но тем не менее дал несколько иное направление их характеру. Дружинники со времен Ярослава много утратили от своей прежней подвижности, сделались более оседлыми. Это произошло, с одной стороны, оттого, что дружинники, принадлежавшие по своему происхождению к туземцам, привязывались к месту родственными связями с земщиной и недвижимыми имениями, им принадлежавшими, а с другой стороны, и дружинники из чужеземцев вскоре обзаводились поземельными владениями, частью полученными от князя на поместном праве, а частью вотчинами – по покупкам, приданому за женами и другим способам приобретения. Впрочем, дружинники в это время еще не настолько были привязаны к земле, чтобы она всегда могла удержать их в случае перехода князя в другое владение; личная привязанность к доброму князю, а чаще всего богатая добыча и смелые предприятия князя побуждали дружинников оставлять приобретенные ими земли и следовать за князем. Так, в 1150 году, когда Изяслав Мстиславич был прогнан Юрием Долгоруким из Киева на Волынь, многие из дружинников, имения которых лежали в Киевском княжестве, последовали за Изяславом на Волынь и, как говорит летопись, *«вы есте по мне из русские земли вышли, своих сел и своих жизней лишився»*. Нередко дружинники шли за князем, но имения все-таки оставались за ними, если только эти имения были родовыми. Но не все дружинники следовали за своим князем, многие оставались в прежней области на правах земцев. Впрочем, для дружины было небезопасно оставаться на месте после перехода князя в другое владение. В этом случае не только имущество, но и жизнь их бывали в опасности от земцев, а иногда и от новых князей. Летописи представляют много доказательств этому; так, под 1158 годом говорится, что киевляне, по удалении из Киева Юрия Долгорукого, стали грабить

и убивать дружинников, оставшихся после него в Киевском княжестве: *«Избивахуть суздальцы по городом и по селом, а товар их грабяче»*. Сами дружинники, если были пришельцами из другого княжества, плохо сживались с земцами, грабили их и вообще совершали разные насилия: так, например, дружинники, приведенные в суздальскую землю Ростиславичами из Приднепровья, отягощали народ вирами и продажами, вследствие чего владимирцы говорили о Ростиславичах: *«А си князи, аки не свою волость творита, ако не творячеся у нас седети, грабита не только волость всю, но и церкви»*. В самом законодательстве того времени княжеская дружина была резко отделена от земщины и в некотором отношении даже поставлена выше ее. Так, в троицком списке Русской Правды за убийство дружинника положено виры 80 гривен, а за убийство земца 40 гривен: *«Положити за голову 80 гривен, аще будет княж муж, или тиуна княжа; аще ли будет русин, или грьдь, любо купец, любо тивун боярск, любо мечник, любо изгой, или словенин, то 40 гривен положити зань»*. Впрочем, должно допустить, что дружинники в разное время и в разных княжествах находились не в одинаковых отношениях с земщиной: так, дружина теснее сливалась с земщиной в тех княжествах, в которых удавалось владеть без перерыва нескольким поколениям одного и того же княжеского дома, в силу перехода владения от отца к сыну или даже от брата к брату и от дяди к племяннику, лишь бы только новые владельцы проживали прежде в том же краю и не приводили с собой новой дружины, не знакомой туземцам. Так это и было, по свидетельству летописи, в Галиче, Смоленске, Полоцке и в Рязани, история которых резко отличается от истории других княжеств русских, и именно тем, что здесь дружина является почти совершенно слитой с земщиной. Дружинники, в продолжение нескольких поколений проживая на одних и тех же местах, до того привязывались к своей новой родине, что уже не отличали своих интересов от интересов земщины и превратились в совершенных земцев. В самих летописях мы уже не встречаем различия между дружинниками и земцами ни в

Галиче, ни в Полоцке, ни в Смоленске, ни в Рязани; во всех событиях, принадлежащих истории этих княжеств, летописи ни разу не говорят о княжеской дружине – у них везде являются полки смолян, полочан, бояре галицкие, бояре рязанские, состоящие на службе у тамошних князей, но не княжеские дружинники в смысле пришельцев с князем. Совершенно иное видим мы в Киеве, Чернигове, а вначале и в Суздале, который по характеру дружины резко отличался, например, от Рязани. В нем дружина была пришлая, постоянно изменявшаяся, тогда как в Рязани она сделалась постоянной, туземной. В Рязани, например, у князя было 500 советников, а в таком огромном числе непременно должно предположить и участие земских бояр; в Киеве же и Суздале земщина не принимала никакого участия в делах князя; 500 советников являются и в Галиче, крае, отдаленном от Рязани, но связанном с ним родством княжеского дома. Таким образом, мы видим два рода отношений дружины к земщине: в одних княжествах дружинники находились в очень близких отношениях с земщиной; в других же, напротив, дружинники так мало сближались с ними, что при переходе князя в другое владение должны были следовать за ним, в противном случае они претерпели бы различные притеснения от земцев.

Отношение дружины к князю. В отношении к князю дружина по-прежнему была главной опорой его власти, как в мирное, так и в военное время. Дружинники составляли непосредственное войско князя – с ними он добывал себе волости, с ними защищал свою власть. Дружинники переходили с князем из одного владения в другое и даже бывали при князьях, не имевших владений: так, князь Иван Берладник со своей дружиной переходил на службу от одного князя к другому и содержал свою дружину жалованьем, которое получал от князей. Сын Берладника, бывший тоже безудельным князем, также имел свою дружину; в летописи сказано, что он, позванный галичанами, *«приде к полкам галичским в мале дружине»*. Предок Берладника, князь Ростислав Владимирович, не имевший еще никакой области и проживая в Новгороде, также имел при

себе дружину и при ее помощи завоевал Тмутаракань; сыновья Ростислава – Рюрик, Володарь и Василько – также имели при себе дружины прежде, нежели успели добыть себе волости. Олег Святославич, лишенный отцовских владений, также имел при себе дружину и с помощью ее и половцев успел возвратить себе отчину. Вообще каждый князь, имевший хоть какие-нибудь средства и приобретший известность своей храбростью, лаской или щедростью, не имел недостатка в дружинниках хотя не многочисленных, но храбрых и преданных ему. Даниил Заточник, живший в XII в., так описывает легкое приобретение дружины: *«Князь щедр отец есть всем, слуги бо мнози отца и матери лишаются и к нему прибегают»*. По свидетельству того же Даниила, иметь большую дружину считалось честью и славой князя. Князья принимали в дружину всякого, к какому бы роду или племени он ни принадлежал; сначала вновь поступившему давали должности самые незначительные, но впоследствии, по заслугам, он мог достичь высших степеней, сана боярского и богатства. Так, у Андрея Боголюбского был один дружинник, пришедший к нему без куска хлеба, весь оборванный, он колот дрова при княжеском дворе, а впоследствии стал управлять всем княжеским двором.

Разделение дружины. Дружина княжеская разделялась на старшую и младшую. Старшую дружину составляли бояре и мужи, думцы князя, занимавшие важные должности; к младшей принадлежали отроки, детские, слуги, гриди, мечники и другие мелкие прислужники. Различие между старшей и младшей дружиной было резко обозначено и в самом законодательстве, ибо в одном из списков Русской Правды за старшего дружинника положено виры 80 гривен, а за младшего, наравне с земцем, 40 гривен. Впрочем, в сущности, как старшие, так и младшие, были равны: каждый дружинник мог дослужиться до высших государственных должностей. Условия службы, как в старшей, так и в младшей дружине, были одни и те же; основанием же деления были заслуги и богатство каждого. Но лучше всего видны отличия старшей дружины от младшей при рассмотрении прав и обязанностей той и другой.

Старшая дружина. Рассмотрим ее права и значение.

1) Старшие дружинники постоянно представляются в летописях думцами князя, княжескими мужами, боярами, без их совета князь почти ничего не предпринимал. Так, Даниил Заточник говорит, что *«князь не само впадает во многие в злые вещи, но думцы вводят; за добрым бо думцем князь висока стола додумается, а с лихим думцем думает и малого стола лишен будет»*. В летописях дружинники также являются советниками князей. Так, под 1157 годом летописец говорит, что Юрий Долгорукий после неудачной осады Владимиро-Волынского *«вздумав с детьми своими и с мужи своими, воротится в Киев»*. Даже о своих намерениях князя всегда сперва объявляли своей дружине, в противном случае дружинники отказывались помогать князю и прямо говорили: *«О собе еси, княже, замыслил, а не едем по тебе; мы того не ведали»*, как это было с Владимиром Мстиславичем, который, не посоветовавшись со старшей дружиной, хотел ехать к Берендеям.

2) Иногда старшие дружинники являются главными предводителями войск при младших князьях. Так, в 1116 году Владимир Мономах послал на Дунай вместе со своим сыном, молодым Вячеславом, главным предводителем войск Фому Ратибора; также и в 1113 году, во время похода на Болгар, хотя при войске находились сыновья князей Владимирского, Муромского и Рязанского, тем не менее главным предводителем войска был дружинник Борис Жидиславич. В летописи прямо сказано: *«И Борис Жидиславич бе воевода в то время, и народ весь держаше»*. Конечно, не все старшие дружинники были предводителями войск, но они всегда были главной военной силой князя; они всегда сражались около князя, в центре войска, и решали сражение.

При выступлении в поход старшие дружинники приводили с собой значительные отряды вооруженных слуг на своем иждивении, и чем больше дружинник приводил на войну слуг, тем большее значение имел у князя, так что в летописи мы встречаем особые дружины, принадлежащие боярам или старшим княжеским мужам. Так, под 1095 годом упоминается дру-

жина Ратибора, принадлежавшая старшему боярину Всеволода Ратибору. Бояре или старшие дружинники иногда вступали в бой только со своим полком. Так, рязанский боярин Евстафий Коловрат при нашествии Батыя на Рязанскую землю привел свой полк в 1700 человек из Чернигова и смял полки Батыевы. Иногда же старшие мужи держали своими людьми города. Так, под 1213 годом летопись говорит, что галицкий боярин Судислав держал своими людьми Городок и успел отстоять его от войск Мстислава. Последующее законодательство московского периода подтверждает существование отдельных отрядов у бояр, ибо в этом периоде было узаконено, сколько слуг должен был привести с собой каждый боярин на службу московского государя. Понятно, что это узаконение было только определением исконного порядка боярской службы.

3) Старшие дружинники были как бы посредниками между князьями. Князья сносились друг с другом не иначе, как через старших дружинников; все договоры между князьями скреплялись клятвой как самих князей, так и их дружинников. Так, в 1150 году, при заключении союза между Изяславом и Вячеславом, сказано: *«И тако целоваша крест у святого мученику на гробе, на том: Изяславу имети отцем Вячеслава, а Вячеславу имети сыном Изяслава, на том же и мужи его целоваша крест, яко межи им добра хотети и чести его стеречи, а не сваживати его»*. Дружинники даже участвовали в суде между князьями. Так, в 1096 году Святополк и Мономах, приглашая в Киев Олега, говорили ему: *«Поиде Киеву, да поряд положим о Рустей земле пред епископы и пред игумены и пред мужи отец наших и пред людьми градскими»*.

4) Старшим дружинникам поручалась даже опека над малолетними князьями. В этом отношении князья руководились прямым интересом: отдать сына под опеку другого князя, даже своего родственника, значило подчинить ему свою волю, а на это земщина никогда не соглашалась, – поэтому князья больше доверяли дружинникам. Так, Мстислав Ростиславич в 1179 г. при смерти своей поручил опеку над малолетним сыном своим Владимиром своему дружиннику Борису

Захарьичу, под покровительством своих братьев – Рюрика и Давида. Летопись говорит: *«Мстислав, взрев на дружину свою и на княгиню... и нача им молвити: Се приказываю детья свое Володимира Борисови Захарьичу: и со сим даю брату Рюрикови и Давыдовы с волостью на руце»*. И на другой год по смерти Мстислава мы встречаем Бориса Захарьича предводителем войск вместо своего княжича. В летописи сказано, что в битве с половцами *«лепшии мужи остались бяхуть, Лазарь воевода с полным Рюриковым и Борис Захарын с полком своего княжича Володимира и взревши на Бог и поехавши противу половцом»*. Этот порядок – поручать опеку над своими детьми старшим дружинникам – существовал до второй половины второго периода. Вообще все близкие родовые дела свои князья поручали дружинникам как самым доверенным людям.

5) Старшие дружинники, если не имели каких-нибудь поручений от князя, то находились при нем постоянно и в мирное, и в военное время. Они были думцами князя; с ними князь судил и управлял своей волостью; с ними вместе вел он все дела по сношениям с другими князьями. Они постоянно участвовали в договорах князей, сопровождали последних и по делам управления, и на богомольях, и на пирах, и на охоте; так, Владимир Мономах пишет детям, чтобы они каждый день поутру занимались делами управления, – *«седше думати со дружиною или люд оправливати»*. В 1100 году дружинники участвовали в суде над Давидом Игоревичем на Уветичском съезде; летопись говорит: *«И сдумавше послаша к Давиду мужи свое: Святополк Путятю, Володимир Орогостя и Рапибора, Давид и Олег Торчина»*. Или еще прежде, в составлении новой редакции Русской Правды по смерти Ярослава в этом деле вместе с сыновьями Ярослава участвовали и их старшие дружинники; в списках Правды написано: *«По Ярославе же наки совокупившесе сынове его Изяслав, Святослав, Всеволод и мужи их: Коснячко, Перенег, Никифор, и отложшиа убиение за голову»*. Об участии дружинников в богомолье и посещении монастырей князьями мы встречаем известия в Патерике и летописях; так, в летописи под 1227 годом читаем: *«Сядящу*

Ярославу в Лучьске, еха Данил в Жидичин кланятися и моли-
тися Св. Николе, и зва и Ярослав к Лучьску, и реша ему бояре
его: „Прими Луческ, где ими князя их”. Оному же отвечашиу,
яко приходил zde молитву створити св. Николе и не могу того
створити». Об участии в пирах и охоте также есть известия в
летописях; например, при описании свадебного пира у Изясла-
ва в Переяславле сказано: «И Всеволод, князь киевский, приде
с женою и со всеми бояре и с Кыяны Переяславлю на свадь-
бу». Или, под 1180 годом летопись, описывая охоту Давида и
Святослава по Днепру, говорит: «Ходяше Давид Ростиславич
по Днепру в лодьях, ловы дея, а Святослав ходяшет по Черни-
говской стороне, лови дея противу Давыдовы... И абие удари
Святослав на товарех на Давыдовых. Давыду же неведушу ни
мыслящу на ся ни откуду же зла и вбеже в лодью и со княгинюю
своей, Святослав же изыми дружину его и товары его».

Вот значение старшей дружины во втором периоде. Теперь
укажем на те должности, которые они занимали при князьях.

Должности старших дружинников были: тысяцкие,
дворские, посадники, княжеские тиуны, печатники, стольни-
ки и дьяки.

Тысяцкий был главным предводителем и начальником
всех земских полков, вместе с тем и главным посредником
между дружиной и земщиной; он имел гражданскую и воен-
ную власть и по своему значению был первым лицом после
князя, и имя его всегда упоминалось рядом с княжеским. Так,
например, при известии об освящении Печерской церкви в
1089 году летописец говорит: «Священа бысть церква Печер-
ская при благороднем князе Всеволоде державному Русския
земля и чадома его Владимира и Ростислава, воеводство дер-
жащу киевские тысяща Яневи». Это свидетельство показывает,
что тысяцкие были прямыми земскими начальниками, ибо
сказано: «Воеводство держащу киевские тысящи». То же под-
тверждает другое свидетельство летописи под 1147 годом, где
Изяславовы послы пред всей киевской земщиной говорят сло-
вами князя брату Изяслава Владимиру и киевскому тысяцкому
Лазарю: «Целовал тя брат и Лазаря целовал и Кияне все».

Указав важность значения тысяцкого, пересмотрим его обязанности.

1) Первой и главнейшей обязанностью тысяцкого было предводительствование земскими полками; ему была поручена вся земская рать и после князя он был ее главным начальником. Так, в летописи под 1195 годом при описании битвы Давида Ростиславича Смоленского с Ольговичами говорится, что княжеским полком предводительствовал Мстислав Романович, племянник Давида, а смоленским полком тысяцкий Михайло. Как военные начальники, тысяцкие усмиряли возмущившихся земцев, защищали города от неприятелей и вообще делали все то, что касалось земщины.

2) Кроме военных обязанностей на тысяцких лежали обязанности и гражданские. Как представители земщины, они принимали участие в законодательстве, так что законы издавались не иначе, как по согласию тысяцкого. Так, например, в составлении и издании закона о ростах вместе с Владимиром Мономахом участвовали тысяцкие: киевский – Ратибор, белгородский – Прокопий и переяславский – Станислав. 3) Тысяцкому давались поручения дипломатические: так, в 1221 г. Демьян, тысяцкий Даниила Романовича Галицкого, вел переговоры с польским королем Лешком и заключил с ним мир. 4) В обязанности тысяцкого входили разные придворные дела: так, в 1187 году Рюрик Ростиславич Киевский посылал тысяцкого к Всеволоду Юрьевичу Суздальскому за его дочь Верхуславой, сговоренной за своего сына Ростислава. Впрочем, дипломатические и придворные дела были чисто второстепенными обязанностями тысяцкого, а главными его обязанностями были первые две: военная и гражданская. С должностью тысяцкого были соединены известные доходы, состоявшие в сборе податей с известных областей, прописанные на путь тысяцкого. Впрочем, об областях, приписанных на тысяцкого, мы имеем только одно и притом неясное указание летописи под 1149 годом о Сновской тысяче, которая, вероятно, была назначена на путь тысяцкого. Вот слова летописи: *«И Святослав Ольгович поча*

молвити Владимиру: держиши мою отчину и тогда взя Курск с Посемьем и Сновскую тысячу у Изяслава».

Дворский был то же, что и воевода в первом периоде и что в последующем третьем периоде – московском – стал значить дворовый воевода. Он был главным начальником всей княжеской дружины, как тысяцкий – земской. О должности дворского в первый раз упоминается в летописи под 1169 годом при взятии Киева войсками Андрея Боголюбского и его союзников. По всей вероятности, должность дворского существовала и прежде, потому что здесь говорится не об учреждении должности дворского воеводы, а о киевском дворском Олексе. Дворский имел значение дворского воеводы московского периода и был главным начальником всей дружины. Мы имеем много свидетельств летописцев о том, что у каждого князя был свой дворский, которому поручалось управление дружиной, все распоряжения по которой принадлежали ему. Как начальник дружины, дворский обязан был защищать княжескую власть: так, в 1235 году дворский Григорий был оставлен Ростиславом Михайловичем в Галиче для защиты его власти от Даниила Романовича и от галицкой земщины, уже признавшей Даниила своим князем. Но об обязанностях дворского в мирное время мы не имеем прямых летописных указаний; впрочем, если допустить, что дворский имел те же права и обязанности, какие мы видим в московском периоде у дворского воеводы, то очевидно, что ему принадлежал суд и управа между дружинниками и, подобно дворскому московского периода, он имел свой путь, т.е. доходы с областей, приписанных к его должности, подобно тому, как тысяцкий имел свою тысячу. Кроме того, по всей вероятности, дворский пользовался доходами с судебных дел между дружинниками.

Посадник был представителем княжеской власти в городах и волостях, порученных его управлению. Посему князь, как скоро занимал какое-нибудь владение, первым долгом смещал посадника прежнего князя и назначал там своего. О подробностях посаднической власти мы почти совсем не имеем известий за этот период. Впрочем, и на основании тех немно-

гих известий о посаднической власти, которые предоставляют нам летописи, мы видим, что обязанностью посадников было: 1) доставлять своим князьям определенную подать с той области или города, которым они управляли, и содержать свои отряды дружины за счет своей области; 2) творить суд и управу в областях и взыскивать виры и продажи по судным делам; 3) наблюдать за порядком и тишиной в областях, порученных ему, преследовать воров, разбойников, беглецов и др. В Русской Правде говорится, что посадники имели при себе особых приставов или детских, назначенных для поимки бежавших рабов. 4) Посадник обязан был защищать свой город и область от неприятелей, поэтому на его ответственности лежало попечение о городских укреплениях и постройке городских стен. 5) Вместе с защитой города и области, принадлежавшей посаднику, ему же принадлежало и начальство над дружиной, находившейся там; следовательно, он вел счет дружинникам и высылал их в полки. На определенный или неопределенный срок назначались посадники – на это мы не имеем указаний летописей за этот период, но надо думать, что они всегда назначались на определенный срок, потому что посадничество давалось в кормление, в награду за военные заслуги, а городов у князей было очень немного; поэтому, чтобы иметь возможность награждать посадничеством всех, оказавших военные услуги, князья не могли назначать посадников на неопределенные сроки и назначали обыкновенно на год, и только на особенном благоволении к кому-нибудь из них – на два или на три года. Вообще русские князья имели правило не назначать из дружинников в высшие должности на большие сроки, потому что иначе многие из старших дружинников могли бы стать независимыми владельцами города и области, поручаемой им. Такой порядок был причиной того, что у нас не мог развиваться феодализм, так как служебная аристократия наша не имела возможности слиться с земцами. Впрочем, на определенные сроки посадники назначались только в княжеских владениях, но совсем другой была форма назначения посадников от народа. Характер посадников, назначаемых от народа, лучше

всего выявился в истории Новгорода, где власть посадников и тысяцкого, назначаемых народом, была совершенно иной, чем в городах Приднепровья; поэтому я считаю нужным сказать о должности посадника и тысяцкого в Новгороде.

Посадник в Новгороде был первой выборной властью. Посадники первоначально присылались в Новгород из Киева и были не более чем наместниками князя, княжескими чиновниками¹. Но со времен борьбы Новгорода со своим князем Всеволодом Мстиславичем этот порядок изменился, и посадники из княжеских чиновников обратились в выборных от народа с властью немногим меньшей в сравнении с княжеской, так что князь в Новгороде ничего не мог сделать без посадника. Первым выборным посадником был Мирослав Горятинич, избранный новгородским вечем в 1126 году². В посадники, по новгородским порядкам, выбирались исключительно одни бояре, и притом из известных, богатейших и могущественнейших боярских фамилий, так что на протяжении почти 300 лет – от 1126 до 1400 года – по летописям мы можем насчитать не более 40 фамилий, из которых выбирались посадники. Избирались ли посадники на определенный срок или бессрочно – об этом нельзя ничего сказать положительно. Но, судя по общему порядку выборов в Новгороде, можно догадываться, что в сан посадника, равно как и в сан владыки и в другие должности, новгородцы выбирали бессрочно, только с неотъемлемым правом веча сменять выбранного посадника, как скоро он будет негоден общине. А посему некоторые из посадников исполняли свою должность много лет подряд. Лучшим свидетельством того, что посадники избирались не на срок, служит то, что в летописях смена посадников обыкновенно обозначалась так: «отъяша посадничество у такого-то и даша такому-то», или: «выгнаша такого-то», или: «убиша такого-то». Если бы посад-

¹ Софийский временник, ч. I, стр. 55: «Владимир же посади Добрыню уя своего в Новгород». Там же, стр. 156: «И прииде Изяслав к Новгороду и посади Остромира в Новгороде и иде Остромир с новгородцы на чудь» и пр.

² См. Новгородский летописец, помещенный в продолжении Российской Библиотеки, ч. II, стр. 381.

ник выбирался на срок, то, конечно, не было бы надобности употреблять такие выражения.

Посадники новгородские разделялись на *степенных* и *старых*. Степенным посадником назывался тот, который в данное время был посадником, исполнял прямые обязанности посадника, старым же посадником назывался тот, который прежде был посадником и в данное время уже не управлял городом. Как в древнем Риме: раз бывший консулом на всю жизнь оставался консуляром, так и в Новгороде: раз бывший степенным посадником на всю жизнь оставался старым посадником и нередко имел преимущество в общественной службе перед другими боярами, не бывшими в посадниках. Но старые посадники не составляли в Новгороде какого-либо отдельного правительственного класса, сошедшие со степени настоящего правительствующего посадника поступали в разряд бояр, удерживая за собой только имя старых посадников, но отнюдь не становясь из-за этого выше бояр, не бывших посадниками. Так, мы видим, что они нередко назначались на должности, состоявшие под другими боярами, не бывшими посадниками. Но вообще старые посадники, как более опытные в делах общественной службы, назначались на важнейшие должности. Они предводительствовали войсками, правили посольства к князям и в соседние государства. Вместе со степенными посадниками участвовали в приеме послов от соседних государств и утверждали договорные грамоты.

Права и обязанности степенного посадника. Степенный посадник в Новгороде был главным и полным представителем Новгорода в делах мира и войны. Все договоры новгородцев с соседями, если они не были писаны прямо от имени веча, писались от имени посадника, владыки и тысяцкого. Впрочем, имена последних иногда и пропускались, но ни одна грамота, относящаяся к целому Новгороду, не могла быть написана без имени степенного посадника. Посадник собственно был представителем Новгорода от земщины, постоянным органом народной воли, выбранным на эту службу вечем. Западные европейцы в сношениях своих с Новгородом называли обыкно-

венно новгородского посадника бургграфом. Значение степенного посадника в Новгороде было так велико, что новгородцы в иное время оставались довольно продолжительно без князя, с одним посадником. В своем управлении посадник был настолько самостоятелен, что по закону мог быть смнен князем не иначе, как только по определению веча, и то по суду, когда он окажется в чем-нибудь виноватым. Так, когда в 1218 году князь Святослав прислал сказать на вече, что не может быть с посадником Твердиславом и отнимает у него посадничество, то вече спросило, в чем виноват Твердислав; и на ответ князя, что он лишает его посадничества без вины, новгородцы отвечали: *«Княже! ежели нет за ним вины, то ты к нам крест целовал без вины мужа не лишати: а тебе кланяемся, а Твердислав нам посадник, мы не уступим»*.

Права и обязанности степенного новгородского посадника состояли в следующем: 1) посадник был необходимым посредником между князем и народом, так что князь без посадника не имел права ни судить, ни управлять в Новгороде; даже военные походы князя проходили в сопровождении посадника; князь был непосредственным начальником над своей дружиной или над повольниками, если они к нему присоединялись; полки же новгородские, правильно собранные по раскладке, всегда были под непосредственным начальством посадника или того воеводы, которому посадник или вече поручит их. И посадник, и воевода, предводительствуя новгородским войском, отвечали не перед князем, а перед вечем. 2) У посадника была новгородская печать с таким штемпелем: *«Новгородская печать посадника»*. Эта печать прикладывалась ко всем грамотам, выдаваемым от имени посадника. 3) Посадник созывал вече, вел его торжественно на Ярославов двор, открывал собрание, предлагал на рассмотрение веча вопросы, требовавшие вечевого обсуждения. Правильно собранное вече обыкновенно находилось под руководством посадника; он смотрел за порядком и рассуждал с членами веча. 4) Посадник предводительствовал новгородским войском и водил его в походы даже без князя, тогда как князь без посадника или без его воеводы

не мог водить в походы земский полк. 5) Посадник укреплял как сам Новгород, так и пригороды по приговору веча или распоряжению веча. 6) Посадник от имени Новгорода вел переговоры с соседними владельцами, а посему во всех договорных грамотах новгородских прописывалось имя посадника, при котором заключен мир. Иногда посадник ездил к тому князю, с которым у новгородцев было какое-либо дело, требовавшее переговоров; также иногда посадник, вместе с Владыкой и другими выборными ездил приглашать князя в Новгород. 7) Посадник был защитником граждан от князя, если бы тот вздумал обижать их. По закону князь не имел права арестовать и осудить новгородца без согласия посадника; поэтому князя всегда заботились о том, чтобы посадник был из их сторонников. 8) Посадник с тысяцким вводил новоизбранного Владыку в дом св. Софии на сени, т.е. передавал новоизбранному управление новгородской церковью. 9) Должности посадника, равно как и должности тысяцкого, были предоставлены определенные доходы с разных областей под именем *поралья посадника и тысяцкого*. Влияние посадника в Новгороде было так сильно, что за посадника, в случае нападений князя, вступался народ, брал оружие и защищал его. Так, в 1220 году за посадника Твердислава вооружились против князя Всеволода пруссы, людин конец и загородцы, и стали около Твердислава пятью полками. Вообще, чтобы сместить посадника требовалось согласие большинства, и если у посадника была сильная партия, то дело не обходилось без боя и грабежа на улицах; при общем же согласии народа смена посадника по приговору веча производилась тихо, без споров и смятения.

Новгородские тысяцкие. Тысяцкие так же, как и посадники, выбирались вечем из боярских фамилий, из тех же самых, из которых выбирались и посадники. Сан тысяцкого, очевидно, был ниже сана посадника, потому что из тысяцких выбирались в посадники, так что сан тысяцкого был ступенью, хотя и не необходимой, к посадничеству. Судя по грамоте, данной князем Всеволодом Мстиславичем церкви Иоанна Предтечи на Опоках, тысяцкие были собственно начальника-

ми черных людей, так как посадник был земским начальником всего Новгорода. Тысяцкий имел важное значение, потому что он вовсе не нуждался в князе, и его власть была очень сильна качеством, потому что он один управлял черными людьми. Через подчиненных ему черных людей он мог многое сделать на вече; черные люди составляли большинство и по указанию тысяцкого могли пересилить лучших людей. А посему бывали случаи, что иногда князь, поддерживаемый своей партией, поднимал вече на тысяцкого. Тысяцкий сперва назначался князем, но впоследствии стал выбираться вечем. С какого именно года началось избрание тысяцких – неизвестно. Сделавшись выборным, тысяцкий, конечно, получил большее значение, нежели он имел, бывши чиновником князя. Уже в XII столетии имя тысяцкого в договорных грамотах Новгорода ставится вслед за именами князя и посадника; так, договорная грамота князя Ярослава Владимировича и новгородцев с немцами, заключенная в 1195 году, начинается так: *«Се яз князь Ярослав Володимирич, сгадав с посадником Мирошкою и с тысяцким Яковом и со всеми новгородцы, подтвердили мира старого»*. Подобно тому как посадники, сошедшие с посаднической степени, получали на всю жизнь звание старых посадников, точно так же и тысяцкие, сошедшие со степени, получали название старых тысяцких, в отличие от степенных тысяцких, и принимали деятельное участие и в военных, и в гражданских делах, и в сношениях Новгорода с соседними государствами; мы встречаем их печати в договорных и других новгородских грамотах вслед за печатями степенных тысяцких, а по летописям старые тысяцкие, наравне со старыми посадниками, бывали воеводами в новгородских полках и участниками в посольствах и договорах с соседними государствами, а также членами веча вместе с другими боярами.

Права и обязанности степенного тысяцкого были следующие: 1) степенный тысяцкий вместе с князем и посадником предводительствовал новгородским войском как вождь и начальник черных людей; так, в летописи под 1268 годом сказано, что когда в Ракоборском бою пал степенный посадник Михаил

Федорович и пропал без вести степенный тысяцкий Кондрат, то, по возвращении домой, новгородцы на место убитого Михаила выбрали в посадники Павшу Ананьича, а места тысяцкого не дали никому, поджидая вестей, не жив ли еще Кондрат. Этот факт показывает еще и то, что в степенные тысяцкие назначались на бессрочное время, потому что иначе новгородцы, получив известие о том, что пропал тысяцкий Кондрат, вместе с посадником выбрали бы и тысяцкого. У иностранцев, в их договорных грамотах с новгородцами, писанных по-латыни, новгородский тысяцкий прямо называется «*дих*». 2) В обязанности тысяцкого входила забота, вместе с посадником, о городских укреплениях. 3) Тысяцкий вместе с посадником вел переговоры с соседними государями, отправлял посольства и заключал мир, разумеется, по решению веча. Так, в 1348 г. шведский король Магнус вел переговоры с владыкой, посадником и тысяцким и требовал, чтобы новгородцы прислали на съезд своих ученых спорить о вере – чья лучше. На это владыка Василий, посадник Федор Данилович и тысяцкий Авраам со всеми новгородцами отвечали Магнусу: «Ежели хочешь узнать, которая вера лучше, пошли в Царьград к патриарху, а с тобою не спорим о вере; ежели же между нами есть какая обида, то о том шлем к тебе на съезд», и послали Магнусу тысяцкого Авраама, Кузьму Твердиславля и иных бояр. 4) Степенный тысяцкий был необходимым товарищем и помощником посадника при открытии народного веча; они вместе наблюдали за порядком на вече, вместе предлагали дела на рассуждение. Во всех известиях о правильно созванных вечах мы непременно встречаем степенного посадника и степенного тысяцкого; во всех грамотах, издаваемых вечами, писались имена степенного посадника и тысяцкого вслед за именем владыки новгородского или за именем князя, если он участвовал в издании грамоты. Все переговоры с иностранными государями велись от имени владыки, посадника, тысяцкого и всего Новгорода. В договорных грамотах также прописывалось имя степенного тысяцкого в любом случае, писались ли грамоты от имени новгородского веча или от имени князя. 5) Тысяцкий имел свой отдельный

суд, не зависимый от князя и посадника, суд чисто земский, народный, на котором не участвовали княжеские судьи и с которого не шли судебные пошлины в казну князя. По свидетельству грамоты Всеволода Мстиславича, данной церкви Иоанна Предтечи на Опоках, тысяцкий с пятью старостами заведовал судом по торговым делам, а также, вероятно, судом между черными людьми. В этой грамоте прямо сказано о суде тысяцкого и старост: *«Управливати им вся дела торговая Иванская и гостинная, а Мирославу посаднику в то не вступатися, ни боярам новгородским»*, б) Тысяцкие имели свою печать, которая прикладывалась к договорным, жалованным и другим новгородским грамотам вслед за печатью посадника, а дела, подлежащие суду тысяцкого, утверждались, конечно, и одной печатью тысяцкого. Тысяцкий, так же как и посадник, имел по закону определенные доходы с разных новгородских областей, которые были приписаны на путь тысяцкого.

Тиун. Слово *тиун* вообще означало приставника к какому-либо делу у князя или у его дружинников и, в частном быту, у каждого хозяина; тиун был именно приставником с правом известной власти и начальствования над низшими служителями в том же деле. Виды тиунов были различны: были тиуны княжеские, были тиуны боярские, сельские, конюшие, огнищные и другие; всему этому мы имеем много свидетельств в летописях, Русской Правде и других памятниках; есть даже свидетельство, что принятие должности тиуна влекло за собой рабство; в Русском Правде сказано; *«А встречу холопство тиунство без ряду, или привяжет ключ к себе без ряду»*. В поучении Мономаха тиуном называется приставник к какому-либо делу на княжеском дворе; Мономах пишет своим детям: *«В дому своем не ленитесь, но все видите; не зрите на тиуна ни на отрока, да не посмеются приходящие к вам, ни дому вашему, ни обеду вашему»*.

Но, кроме общего значения приставника, тиун собственно княжеский имел частное значение судьи, т.е. княжеского мужа, приставленного творить суд людям. И в этом значении должность тиуна была принадлежностью княжеских мужей,

старшей дружины. На принадлежность должности княжеского тиуна старшей дружине ясно указывает Русская Правда; в ней за убийство княжеского тиуна, как и вообще за княжеского мужа, старшего дружинника, полагается вира в 80 гривен. А что княжеский тиун был собственно приставник князя, чтобы творить суд и расправу от имени князя, на это мы имеем прямое свидетельство летописи под 1146 годом; в летописи киевляне говорят Святославу Ольговичу: «Всеволодовы тиуны – киевский Ратьша погубил Киев, а другой его тиун – Тудор погубил Вышгород; а ныне княже Святослав целуй нам крест и с братом своим, аще кому нас будет обида, то ты прави», т.е. ты будь судьей, а не поручай суда тиуну. Тиун как главный судья и представитель княжеской власти на суде, первый являлся от князя, как скоро князь получал какое-либо владение; так в 1169 году, когда князь Мстислав Изяславич получил княжескую власть над Киевом, то прежде всего послал туда своего тиуна. Но кроме должности судьи, княжеские тиуны как старшие дружинники управляли городами и предводительствовали войсками; так тиун князя Всеволода Георгиевича, Гюря, в 1195 году построил и колонизировал по приказу князя Городец на Остре и управлял этим городом; а в 1169 г. Род, тиун князя Мстислава Изяславича, был начальником в войске и попался в плен в битве под Киевом.

Печатник. Прямые указания на эту должность по летописям мы находим не раньше XIII века, но, судя по другим памятникам, можно заключить, что она существовала гораздо раньше этого времени. По известиям, дошедшим до нас о должности печатника, видно, что она давалась лицам, приближенным к князю, старшим дружинникам, и соединяла в себе разнообразные поручения; так, по летописным указаниям, печатники предводительствовали войсками и правили городами и посылались в области для приведения в известность ее состояния. Волынский летописец под 1241 годом говорит: «*Кириллови, суцу печатнику тогда в Баготе, послану Данилом князем и Васильком исписати грабительства нечестивых бояр*». Кроме того, само название его показывает, что он был хранителем

княжеской печати, самым доверенным лицом князя. Впрочем, позднее печать поручалась и высшим лицам из духовенства, например, митрополиту, епископу и т.п., которые, конечно, не имели других обязанностей должности печатника.

Стольники. Первые указания на них мы находим в старинных наших сказках, в которых говорится о стольниках Владимира Святославича, а летописные указания о стольниках мы встречаем не раньше XIII столетия; так, под 1228 годом говорится о стольнике новгородского архиепископа; потом, под 1230 годом, говорится о стольнике киевского князя Владимира Рюриковича, Георгии, который вместе с митрополитом Кириллом участвовал в посольстве к суздальскому князю Юрию Всеволодовичу. В этом известии стольник назван «княжеским мужем»; следовательно, должность его была очень значительна и принадлежала старшим дружинникам. Наконец, в Волынской летописи под 1240 годом говорится о стольнике Данила Романовича Галицкого Якове, которого князь посылал сделать осмотр областей своего княжества. Более подробных известий о стольниках мы не имеем, а потому и не можем ничего сказать о них. Но, судя по тому значению, какое стольники имели в последующее время, мы можем заключить, что они были самыми приближенными лицами к князю; они были чем-то вроде флигель-адъютантов; им поручалось предводительствовать войсками, управлять городами и вообще они имели самые разнообразные должности.

Дьяки. Об этой должности мы имеем только два летописных указания за настоящий период, из которых видно, что она давалась старшим дружинникам и имела как гражданские, так и военные обязанности. Первое из этих двух известий показывает, что гражданская должность дьяков была очень важная, именно они вели переговоры от имени князя с другими князьями, следовательно, были лицами очень приближенными к князю. В этом известии говорится, что в 1169 году Владимир Мстиславич, приехав в Киев оправдываться перед Мстиславом Изяславичем, послал к нему своего дьяка. Второе летописное известие о дьяках, встречаемое под 1213 годом, свидетель-

ствуует, что дьяки принимали участие в битвах. Это известие следующее: *«И Дмитрови (киевский тысяцкий) бьющися под городом придоша нань угре и ляхове и побеже Дмитрий, тогда же и Василько дьяк застрелен бысть под городом»*. Этот характер военных и гражданских начальников дьяки удержали за собой и в последующие периоды: они и тогда участвовали в делах гражданских, придворных и военных; так, например, в 1559 г. московский дьяк Даниил Адашев водил войска Иоанна IV на крымцев. О должности дьяков в последующие периоды мы имеем много известий, из которых видно, что они были людьми близкими к князю и выбирались из лучших фамилий.

Вероятно, старшие дружинники имели в этот период и многие другие должности при князе, но мы не имеем о них более подробных известий. В заключение мы должны сказать, что старшие дружинники в первой половине второго периода назывались вообще боярами и мужами; посему под именем бояр в это время нужно подразумевать старших дружинников с их семействами всех вообще, а не чин, как это было впоследствии в московском периоде. Боярство было в то время родовым, как в наше время дворянство, но его можно было приобретать и личными заслугами, и притом не только для себя, но и для своего потомства. Устройство древнего русского общества имело ту особенность, что в нем не было замкнутых каст, хотя и были разные сословия, имевшие свои права и обязанности. Эти сословия не смешивались между собой, и члены их передавали беспрепятственно своему потомству свои сословные права и особенности, но в то же время не было запрещено для желающих переходить из одного сословия в другое; так, простой крестьянин, купец, попович и др. могли поступить в службу князя и службой у него достигнуть звания старшего дружинника, боярина и передать его своему потомству; точно так же и дружинник мог оставить службу у князя и поступить на службу церкви, принять духовный сан или сделаться землем, если какая-либо община согласится принять его; земледелец свободно переходил в горожане, горожанин – в сельские общины и т.д.; вообще, повторяем, ни одно сословие не пред-

ставляло больших преград для перехода в него из другого сословия, но напротив, каждое из сословий было доступно для желающих перейти в него.

Младшая дружина, т.е. отроки, гридни, детские, пасынки и подобные им составляли отдельный класс от старшей дружины; они также были люди вольные и могли, смотря по службе и по распоряжению князя, поступать и в старшую дружину; но, будучи младшими дружинниками, не были думцами князя и исполняли только незначительные придворные должности. Этот отдел княжеской дружины был очень многочислен; к нему причислялись все разряды вольных слуг государевых, состоявших, по тогдашнему обычаю, в одно и то же время при дворе и в войске. Младшая дружина резко отличалась от старшей и в законодательстве того времени, и в летописях, где первая постоянно называется молодью, детскими, дружиной отроков, молодешею дружиною. Впоследствии, в XIII столетии, младшая дружина получила другое общее название – слуг, и с этого времени заметно ее преобразование. Со второй половины второго периода младшие дружинники, продолжая по-прежнему называться слугами, получили в некоторых местах еще новое название «дворян». В первый раз младшая дружина названа слугами под 1217 годом при описании изменнического умерщвления шестерых рязанских князей Глебом и Константином Рязанскими, которые умертвили не одних князей – своих родных и двоюродных братьев, но вместе с ними «их бояры и слуги». Суздальский летописец говорит: *«И яко начаша пиши и веселитися и ту абие проклятый Глеб с братом вземше мечи своя начаста сеци прежде князи тоже бояры и слуги их, много множество одинех князей шест, а прочих бояр и слуг без числа изби с своими слуги и с половцы»*. Это описывает современник события, суздалец, а московский летописец XV столетия переводит по своим понятиям слово «слуги» словом «дворяне», – *«прочих же бояр и дворян их без числа избиша»*. Новгородский летописец при описании того же события также называет княжеских слуг дворянами: *«начаста сеци прежи князи и тоже бояр и дворян множество»*. Следовательно, дворяне в XV веке

были тем же самым, что прежде называлось младшей дружиной, а в XIII в. слугами. Главные отличия младшей дружины от старшей состояли в следующем: 1) младшая дружина не участвовала в княжеской думе и князья не объявляли ей о своих предприятиях и сношениях с другими князьями. Летопись под 1169 годом говорит, что когда старшая дружина говорила Владимиру Мстиславичу: *«О себе еси, княже, замыслил, а не едим по тебе, мы того не ведали. Владимир же рече, взрев на децски: “а се будут мои бояре”»*. Здесь детские не сетуют, что князь не объявлял им своей думы, а являются простыми исполнителями княжеской воли. Впрочем, бывали случаи, что князья иногда приглашали на свою думу и старшую и младшую дружину; так, под 1143 годом сказано: *«Изяслав же (с братьями) созва бояры свое и всю дружину свою и начаша думати с ними»*. 2) Младшим дружинникам поручались низшие должности: военные, гражданские и придворные. О должностях младшей дружины мы имеем свидетельство в поучении Владимира Мономаха своим детям: *«В дому своем, – говорит он, – не ленитесь. но все видите; не зрите на тивуна, ни на отрока, да не посмеются приходящие к вам и дому вашему и обеду вашему»*. Здесь мы видим отроков, младших дружинников, служителями в княжеском доме, поварами и приставниками к домашним должностям. Далее продолжает он: *«Куда же ходящие путем по своим землям, не дайте пакости деяти отрокам ни своим, ни чужим, ни в слех, ни в житех»*. Здесь отроки являются сопровождающими князя в его путешествиях по своим землям. Затем продолжает Мономах: *«Еже было творити отроку моему, то сам есть творил дела на войне и на ловех... сам творил, что было надобе, весь наряд и в дому своем, то я творил есмь и ловчий наряд сам есмь держал, и в конюсех и о соколах и о ястребех»*. Здесь мы видим отроков и на войне, и на охоте, и в доме – ловчими, конюхами, сокольниками и ястребниками. В Русской Правде в числе младших дружинников встречаются мечники и гриди, а также сельские тиуны, мытники, т.е. сборщики мытных пошлин на торгах, мостах и перевозах. На мечниках, по свидетельству Русской

Правды, лежала обязанность заведовать тюрьмами, где содержались подсудимые по тяжбам о краже и разных обидах. 3) Младшие дружинники, принимая участие в военных походах князей, обыкновенно составляли сторожевые полки его войска. По свидетельству летописей, младшими дружинниками иногда населяли целые города. Так, под 1159 годом Святослав Ольгович говорит Изяславу Давидовичу: *«Виждь мое смирение, колико на ся поступах, взях Чернигов с семью город пустых, в них же седят псареве и половцы»*. Или в другом месте летописи, под 1179 годом упоминается о волостях, занятых сельниками княжескими. Вероятно, младшими же дружинниками были заняты города, пограничные со степями, и они же содержали разъезды в степях для наблюдения за кочевниками. Этот обычай был исконным в русской земле: еще Владимир построил несколько крепостей в Приднепровье для защиты от печенегов и других кочевников и поручил охрану их младшим дружинникам. Точно так же впоследствии московские государи построили целый ряд крепостей от Оки почти до Черного моря, в которых содержали младших дружинников. Последние поступали на службу не к одним князьям – и старшие дружинники имели также целые полки младшей дружины и содержали ее на свой счет. 5) Младшие дружинники отличались от старших по своим правам перед законом; так Русская Правда резко различает тех и других дружинников, назначая за убийство мужа, т.е. за старшего дружинника, 80 гривен, а за младшего только 40, наравне с земцем.

Младшая дружина имела одинаковое происхождение со старшей, т.е. состояла как из туземцев, поступивших на княжескую службу, так и из пришельцев из разных стран. Люди богатые или знаменитые по своему происхождению и своим подвигам, поступали в старшую дружину, а люди бедные и неизвестные – в младшую. Переход из младшей дружины в старшую был возможен или по особому расположению князя, или по особым заслугам и подвигам. Так, тот отрок, который при Владимире Святом победил на поединке печенежского воина, был сделан боярином с отцом своим. Другой пример того же

находим в летописи: ясин Амбал, пришедший и поступивший на службу к Андрею Боголюбскому безвестным бедняком, впоследствии был любимцем князя и имел в своих руках весь княжеский двор и власть над всеми слугами.

Свободный переход дружинников. Так как старшие и младшие дружинники были свободными пришельцами и поступали на службу добровольно, то поэтому так же добровольно и свободно они могли переходить из службы одного князя к другому. В московских договорных грамотах мы будем впоследствии встречать постоянную статью, которой князья обязывались не препятствовать свободному переходу дружинников от одного князя к другому: «...а боярам и слугам меж нас вольным воля». В известиях же рассматриваемого времени мы имеем только намеки на свободный переход дружинников или на отсылку их самим князем в случае какой-либо вины: так, под 1169 годом летопись говорит, что Мстислав Изяславич отпустил от себя Петра и Нестора Бориславичей *«про ту вину, оже бяху холопе его покрале коне Мстиславли у стаде»*. Или под 1211 годом сказано: *«Король Андрей (Угрский) я Володислава (боярина) в Галичи, заточи и, и в том заточеньи умре, нашед зло племени своему и детям своим, княжения деля: вси бо князи не призряху детей его того ради»*. Здесь князья не принимают детей Володислава, потому что он хотел сделаться князем галицким; следовательно, дети Володиславовы без этой исключительной причины могли бы перейти на службу к любому князю. Под 1237 годом летопись очень ясно говорит, что дружинники имели право свободного перехода от одного князя к другому; в ней, при описании кончины Василька Константиновича, сказано: *«Бе бо Василько сердцем легок, да бояр ласков, никто бо от бояр, кто ему служил и хлеб его ел и чашу пил и дары его имел, тот никого же у иного князя можаше быти за любовь его, излише же слуги свои любляше»*. Был ли утвержден договорными грамотами свободный переход дружинников, как это мы видели в московском периоде, или основывался на одном обычае, об этом нельзя сказать ничего определенного по не-

мнению исторических свидетельств. Вернее будет сказать, что переход поддерживался обычаем и князья не имели надобности договариваться об этом со своими дружинниками.

ЗЕМЩИНА

Положение земщин: Новгородской, Киевской, Переяславской, Галицкой, Смоленской, Полоцкой, Волынской и Черниговской. Рязанской и Муромской, Суздальской и Ростовской. Устройство земщины. Элементы земщины: бояре, купцы, черные люди или смерды. Города. Селения. Поземельное владение. Земли общинные, вотчинные, княжеские, поместные, монастырские и церковные

Положение земщины. Развитие княжеской власти при Владимире по удалении беспокойных варягов в Константинополь, помощь, оказанная новгородцами Ярославу в борьбе его со Святополком, и более тесная связь князя с земщиной, естественно, должны были мало-помалу изменить прежние отношения земщины к князю, и даже в самом устройстве земщины должны были произойти некоторые перемены. Но по смерти Ярослава, по случаю разделения Руси на уделы и по непрерывным спорам князей изменение отношений земщины к князю и наоборот, а равным образом изменение устройства земщины было незначительно и шло очень медленно. Впрочем, это было неодинаково во всех местностях Руси: в иных местах оно более и скорее сближалось с князем и с дружиной, в других – медленнее и позднее. Начнем наше исследование об устройстве земщины в этом периоде с тех местностей, в которых земщина в большей степени удержала свой прежний характер. В этом отношении первое место принадлежит Новгороду.

Новгородская земщина. Новгородцы, как и в прежнее время, считали себя свободными в выборе князей. К прежним правам в этом деле в настоящем периоде присоединились грамоты Ярослава Великого, будто бы данные новгородцам

за помощь в войне со Святополком, как об этом свидетельствуют Софийская и Никоновская летописи. Но эти грамоты до нас не дошли, и в чем они состояли – мы не знаем. В своих сношениях с князьями новгородцы постоянно ссылаются на эти грамоты как на закон, определяющий отношение князя к Новгороду: так, например, в 1228 году новгородцы говорят Ярославу Всеволодовичу: *«На всей воли нашей и на всех грамотах Ярославлих ты наш князь, или ты себе и мы себе»*. И князья, действительно, иногда признавали законность этих грамот: так, в 1224 году Михаил Всеволодович *«целова крест на всей воле новгородстей и на все грамотах Ярославлих»*. Но как бы то ни было – действительно ли существовали грамоты Ярослава, определяющие отношения новгородцев к князьям, или их не было, – только преемники Ярослава, так же, как и его предшественники, далеко не имели той власти в Новгороде, какой они пользовались в других владениях. Так, новгородская и псковская земщины воевали и мирились с соседями без всякого отношения к своим князьям, даже отказывались иногда сопутствовать князю, ежели он звал их в поход против соседей, с которыми они были в мире. Так, в 1228 году псковичи говорили Ярославу, приглашавшему их против рижан: *«Тобе ся, княже, кланяем, на путь еидем, а с рижаны мы взяли мир»*. То же говорили и новгородцы: *«Мы без своя братьи без псковин не имемся на Ригу и тобе ся княже кланяем»*. Даже во внутреннем управлении новгородцы назначали князьям известные условия, без которых не принимали их: так, например, князь не имел права посылать в новгородские города и области своих судей и правителей; также не мог без суда и объявления вины лишать власти выборных новгородских чиновников; даже право сажать посадников, во всех княжествах Руси принадлежавшее князьям, в Новгороде с 1126 года принадлежало новгородскому вечу, так что посадник почти не зависел от князя. То же должно сказать и о тысяцком, который также был избираем вечем и почти не подчинялся князю. Князь даже не имел права жить в Новгороде, а всегда жил в Городище, находившемся в пяти верстах от Новгорода вверх

по Волхову, и все свои дела производил там, в Новгород же он мог только приезжать и то без дружины. Как было в Новгороде, так было и в пригородах новгородских, так что отношения князей к Новгороду в настоящем периоде были менее близки, нежели при Рюрике и его ближайших преемниках. И хотя русские князья называли Новгород своей отчиной, но это только в том значении, что их предки из того или другого поколения Ярославова, в то или другое время княжили в Новгороде, собственно же весь новгородский край по правам тамошней земщины составлял отдельное и почти независимое владение, нисколько не подходящее под категорию других русских владений. Сами князья русские сознавали это, ибо ни один из них и ни один княжеский род не думал утвердиться в Новгород и при первом удобном случае (даже любимейшие новгородские князья, например Мстислав Удалой) спешили удалиться в другие владения, даже гораздо менее значительные в сравнении с Новгородом. И если иные князья старались удержать за собой Новгород, то не с тем, чтобы жить там, а чтобы только пользоваться доходами и управлять тамошним краем через своих наместников.

Киевская земщина. С новгородской земщиной было довольно сходно устройство земщины киевской. Постоянное стремление всех княжеских родов владеть Киевом, как первым и богатейшим городом, имело прямым следствием то, что там не утвердился ни один княжеский род, а Киев не сделался отчинным владением. Киевская земщина, при всем своем желании сблизиться с каким-либо княжеским родом, не сблизилась ни с одним, хотя к некоторым и высказывала особенное расположение и преданность, например, к роду Мономаха. В продолжение 190 лет, от смерти Ярослава Великого до покорения Киева монголами, киевскими князьями успели побывать отчинные князья и черниговские, и переяславские, и туровские, и новгород-северские, и смоленские, и волынские, и суздальские, и даже один из полоцких князей, так что, за исключением князей рязанских и галицких, все роды остальных князей русских в разное время владели Киевом, отнимая его

друг у друга. Все эти обстоятельства должны были поставить разноплеменную, богатую и торговую киевскую земщину в положение более или менее независимое, так что она в иное время могла произвольно менять князей, оставлять неугодных и приглашать тех, которые ей нравились, или одним помогать, а других оставлять без помощи. Сами князья, до покорения Киева войсками Андрея Боголюбского в 1169 году, уважали голос киевлян и всегда отдавали предпочтение тому искателю киевского престола, который имел на своей стороне киевскую земщину. До княжения Всеволода Ольговича киевляне сами приглашали себе князей; так, изгнавши Изяслава, они пригласили Святослава, после Святополка пригласили Мономаха, а после Мономаха – Мстислава. Но со времени княжения Всеволода Ольговича киевский престол стал заниматься по договору союзников. Но и тогда киевская земщина еще не утратила своего значения в выборе князей, так что князья одинаково дорожили как союзом с князьями, вступившими с ними в договор, так и союзом с киевской земщиной, и если киевский князь вступал в союз с другими князьями без земщины, то положение его в союзе было очень незначительно. Таким образом, в отношениях к князьям киевская земщина имела много сходства с земщиной новгородской; но Киев далеко не имел той полноты земского устройства, какая была в Новгороде – поэтому киевляне даже на короткое время не могли оставаться без князя. Без князя у них не было административных средств ни для поддержания внутреннего порядка, ни для защиты от внешних нападений. Смерть киевского князя или переход его в другое владение немедленно вызывали в киевлянах потребность в приглашении другого князя. Так, в 1154 г., когда Ростислав, разбитый черниговскими князьями, оставил Киев, то киевляне немедленно послали каневского епископа Демьяна к Изяславу Давидовичу и предложили ему киевский стол: *«Пойди Киеву, ать не возмут нас половцы»*; и в летописи прямо названа причина приглашения: *«тогда тяжко бысть кияном, не остал бо ся бяшет у них никаков князь»*. Но эта настоятельная необходимость в князе не могла сильно стеснить киевскую

земщину, потому что охотников княжить в Киеве всегда было много, и они были наготове, почти у ворот, а это всегда давало большое значение киевской земщине, так что князья до 1169 года владели Киевом не иначе, как с согласия и уговорившись с тамошней земщиной. Так, в 1154 году, по смерти Вячеслава, дружина говорила Ростиславу, владевшему Киевом от имени Вячеслава: *«Вот, князь, Бог взял твоего дядю Вячеслава, о ты еще не соглашался с киевлянами, – поезжай в Киев и уговорись с тамошними людьми»*. Если обстоятельства не позволяли Киеву сделаться отчиной какого-либо княжеского рода, то еще меньше они позволяли земщине сблизиться с дружиной; все дружинники, начиная с дружинников Всеволода Ольговича, были чужеземцы, пришельцы в Киев, и так как князья княжили большей частью недолго, то и дружинники также не могли долго оставаться в киевских владениях: их или изгнали дружинники, приходившие с новым князем, или сами киевляне, как это было с дружинниками Всеволода Ольговича или Юрия Долгорукого. Невозможность сблизиться ни с одним княжеским родом и ни с одной княжеской дружиной и недостаток в общественном устройстве, не позволявший жить без князя, – произвели то, что киевская земщина была большей частью равнодушна к своим князьям – одних встречала, а других провожала без особого участия и старалась как можно меньше принимать участия в их спорах, так что редкий князь мог рассчитывать на помощь киевской земщины, чтобы удержаться в Киеве. Даже любимым князьям киевляне помогали не усердно и прямо говорили: *«Князь, теперь не твое время – уезжай из Киева и приезжай назад, когда будешь силен, тогда мы твои, лишь только увидим твои знамена»*. Таким образом, киевляне удерживали своего князя только тогда, когда он был силен, и этим успевали спасать себя и свой город от разграбления во время княжеских междоусобий, так что летописи на протяжении 190 лет, от смерти Ярослава до покорения Руси монголами, насчитывают только три случая, когда Киев был разорен князьями; но после того, как Киев в 1169 году был взят и разграблен войсками Андрея Боголюбского, киевская

земщина сразу потеряла свое значение; как прежде киевляне не заботились о поддержании своих князей, не имея отчинного князя, так теперь ни один князь не хотел защищать их самих. С 1169 года князья уже не спрашивали голоса веча киевского, как прежде, так что Киев еще за 70 лет до нашествия Батыея потерял всякое значение, и князья в нем были уже не выборные или вотчинные, а посаженники других князей – то суздальских, то черниговских, то смоленских. Конечно, Киев и в это время был еще очень богат, только поэтому князья и добивались власти над ним; овладевши же Киевом, князья обращались с ним, как с добычей, как с чужим городом, грабили и разоряли его, но не думали променять на него свои родовые владения. Вообще Киев вытерпел в это время все несчастья и унижения, какие только мог вытерпеть город, не имевший своего отчинного князя; его только грабили и никто из князей не хотел вступить за него. Припомним осаду его в 1203 году Рюриком Ростиславичем, который отдал его на разграбление половцам, которые грабили и сожгли верхний и нижний город, а жителей увели пленниками в степи. Здесь Киев вполне пожал плоды своих своекорыстных отношений к князьям и утратил всякое значение.

Земщины: *Переяславская* (Переяславля русского), *Туровская*, *Пересотницкая*, *Курская* и др. незначительных городов Приднепровья по сходству своего устройства очень близки к киевской земщине. Здесь князья, по большей части, часто менялись и, следовательно, не могли сблизиться с земщиной, равно как и их дружинники. Впрочем, земщина городов этого разряда далеко не пользовалась тем значением, каким пользовались киевляне: так как эти города были небогаты и незначительны, то охотников княжить в них было немного и они, большей частью, давались в придачу к другим владениям или же отдавались второстепенным князьям по договоренности с киевским князем; следовательно, тамошняя земщина находилась, большей частью, в зависимости от внешних обстоятельств, от перемен в Киеве и других значительных владениях. Это же было причиной тому, что эти города нередко

подвергались опустошениям от сильных князей, которые, желая страхом привлечь к себе слабейших, иногда беспощадно жгли и разоряли их области.

Вообще земщина всех этих городов была далеко не самостоятельна. Даже земщина более важного из них, Переяславля, пользовалась, сравнительно с киевской и новгородской земщинами, очень незначительными правами. Они, так же как и киевская земщина, не отличались привязанностью к своим князьям; поэтому князья менялись у них очень часто и, таким образом, они не сблизились ни с одним княжеским родом; от этого и участь большей части этих городов была одинакова с киевской земщиной, под покровительством которой они состояли. Когда в 1169 году Киев был разрушен и киевская земщина потеряла свое значение, то и все Приднепровье, за исключением черниговских владений, было расхищено и разорено. Со всем другим значение имела земщина в тех владениях, которые сделались отчинными в каком-либо одном роде князей: так, например, в Галиче, Смоленске, Полоцке, Ростове, Суздале, Рязани, Муроме, на Волыни с Изяслава Мстиславича и в Чернигове с Всеволода Ольговича отчинность княжеской власти в одном роде произвела то, что земщина более или менее притянула к себе дружину и потому получила большую силу и значение. Но и в этой категории владений значение и сила земщины не везде были одинаковы.

Галицкая земщина была самой сильной среди земщин этого разряда. В Галиче, где постоянно княжил один род, притом не дробившийся на ветви, утратилось всякое различие между дружиной и земщиной: там дружинники так успели слиться с земщиной, что сделались главными землевладельцами и предводителями земщины, так что летописи постоянно называют их галицкими боярами или мужами, но не княжескими, как в большей части других владений. Дружинники сделались аристократами земщины, в явный ущерб власти князя и свободы народа. Галицкие бояре еще при Ярославе Осмомысле начали выказывать большое своеволие и вмешиваться даже в семейные дела князя: так, в 1173 году галичане, предводимые

боярами, избili приверженцев Ярослава, Чагрову чадь, сожгли княжескую любовницу Настасью, захватили самого Ярослава и обязали его клятвой жить в любви с княгиней. По смерти Ярослава они разделились на партии и стали произвольно распоряжаться и княжеской властью, и обществом; своеволие их дошло до того что они произвели мятеж, изгнали из Галича старшего сына Ярослава, Олега, и перевели на галицкий стол из Перемышля другого сына его, Владимира. Потом, через год, они вынудили и Владимира бежать в Венгрию и после этого, в продолжение 56 лет, постоянно ссорились между собой и продавали галицкий стол разным князьям. Хотя во всех переменах князей главными руководителями были бояре, но тем не менее народ не замер совершенно, и через 56 лет, когда в Галиче стал единодержавным князем Даниил Романович, Галич восстановил прежнюю силу и значение и сделался сильнейшим княжеством на Руси.

Смоленская земщина. В Смоленске, постоянно остававшемся за родом Ростислава Мстиславича, внука Мономахова, земщина также получила большое значение, благодаря тесному соединению с дружиной. Смоленская земщина, хотя никогда не исключала из княжения племени Ростислава, тем не менее принимала большое участие в общественных делах. Князья смоленские были очень ограничены земщиной, так как не могли опереться на дружину, которая была заодно с земщиной, и потому волей неволей должны были считаться во всем с земщиной. Насколько смоленская земщина имела значение в делах междукняжеских, видно из истории смоленского князя Ростислава. Когда Ростислава пригласили в Киев по смерти Юрия Долгорукого, он послал туда прежде себя от смольнян мужа Ивана Ручечника и от новгородцев Якуна договориться с приглашавшими князьями и киевлянами о том, на каких условиях они принимают его в киевские князья. Это посольство земцев, а не дружинников, а прямо указывает на сильное участие земщины в делах княжеских: здесь Ростислав принимает киевский стол явно с согласия смольнян и новгородцев; он считает для себя одинаково нужным как согла-

сие князей и киевлян, приглашавших его в Киев, так и земцев новгородских и смоленских, отпуславших его на киевский престол; следовательно, уезжая княжить в Киев, Ростислав еще дорожил расположением смольнян и, так сказать, не хотел разрывать своей связи со Смоленском. Смоленские земцы, крепко любившие князей, поступавших по обычаям смоленским, являлись непреклонными, как только князья оказывали неуважение к народным правам. Так, сын Ростислава, Роман, когда по воле Андрея Боголюбского занял Киев и, не посоветовавшись со смоленской земщиной, дал Смоленск своему сыну Ярополку, возбудил негодование земцев, кончившееся изгнанием Ярополка и передачей Смоленска брату Романа, знаменитому защитнику народных прав Мстиславу Ростиславичу. Впрочем, изгнание Ярополка не рассорило смольнян с детьми первого их отчинного князя, любимого народом Ростислава: они через два года признали своим князем самого Романа, когда тот по обстоятельствам вынужден был оставить Киев и возвратиться в Смоленск; а по смерти Романа с радостью приняли брата его, Давида, и все вместе со своим епископом и духовенством вышли встречать его. Но те же самые смольняне, которые так радушно встретили Давида, уже в 1185 году восстали против князя, видя в его действиях нарушение своих прав. Летописец говорит об этом следующее: «... *встал бысть в Смоленске промежду князем Давыдом и смольяны и много голов паде лучших муж*». Смоленская земщина принимала также деятельное участие и в войнах своих князей. Так в 1216 году, во время войны Юрия и Ярослава Всеволодовичей, князей суздальских, с новгородцами, в союз с последними вступил князь смоленский Владимир Рюрикович, а с Владимиром приняли участие в походе и смоленские земцы своим полком. Об участии земцев в делах мира свидетельствуют договорные грамоты Мстислава Давидовича с Ригой и Готским берегом. В этой грамоте прямо сказано, что для переговоров о мире князь посылал в Ригу от смольнян попа Еремея и сотского Пантелея, а еще прежде сих послов вел переговоры с немцами Тумаш смольняннн. По смерти Мстислава Давидовича смо-

ленская земщина думала иметь выборных князей из других княжеских домов, но это ей не удалось¹.

Полоцкая земщина была давно уже отделена от других земщин. Она выделилась из общей связи русской земли едва ли еще не при Олеге, потому что в это время имела своего самостоятельного князя. При Владимире Святом полоцкое княжение досталось сыну его Изяславу и с этого времени почти постоянно находилось в его роде. Временно, при Мстиславе I, который выгнал Изяславичей из их владений, полоцкое княжение было присоединено к Киеву, но во время междоусобий, происшедших между Мстиславичами, Изяславичи волей полоцкой земщины были вызваны из Греции, где они жили после удаления из Полоцка, и снова стали владеть полоцким княжеством. После этого полоцкая земщина получила такую силу, какой, за исключением Новгорода, не имела ни одна земщина. Впрочем, отношения полоцкой земщины к своим князьям были не совсем одинаковы с новгородской. Как в Новгороде, так и в Полоцке князья были выборные, но разница в этом отношении состояла в том, что новгородцы выбирали князей из всех Рюриковичей, а полочане только из потомков Изяслава Владимировича; с другой стороны, князья, избираемые новгородцами, имели где-нибудь свои особенные, отчинные владения, так что если новгородцы прогоняли своего князя, то он удалялся в свое владение. Полоцкие же князья не имели других владений, кроме Полоцка, и если бы полочане вздумали лишиться власти своего князя, то ему некуда было бы деваться; поэтому князья в Полоцке были более стеснены, более зависимы от земщины, чем в Новгороде. Чтобы не оставаться без владений, они волей-неволей непременно должны были соглашаться на все условия и требования земщины или искать себе покровительства у соседних князей, или держаться полудикой соседней Литвы. Надо заметить, что Литва была колонизована полочанами и кривичами. Северный край ее, почти до устьев Западной Двины и Немана, был колонизован полочанами, а южный, почти до Припяти, – кривичами, поэто-

¹ Смоленская земщина. См. Рассказы из Русской Истории Беляева; т. I, стр. 344–348.

му она зависела от Полоцкого княжества; но так как племена литовские не были ославянены и притом имели своих князей (князцы), число которых было очень значительно, так что чуть ли не в каждой литовской деревне был свой князь, то полоцкие князья в случае раздоров с земщиной, нередко искали покровительства у литовцев и с их помощью занимали то или другое из полоцких владений. При таком порядке полоцкая земщина к концу XII столетия достигла такой степени самоуправления, что заключала мирные договоры с соседними владетелями, не спрашивая об этом своих князей; так, в 1186 году полочане заключили мир с Давидом Ростиславичем Смоленским прямо от своего имени, а не от имени князя: *«И сдумаша полочане, рекуще: не можем мы стати противу новгородцем и смольняном, и собращася вси и идоша к ним и сретоша и на межах с поклоном и честию»*. Все это довело полоцкую земщину до того, что она лишилась своих отчинных князей, много потерпела от княжеских междоусобий и подчинялась попеременно черниговским и смоленским князьям и, наконец, была покорена литовцами при Гедимине и Витовте¹.

Волынская и Черниговская земщины жили постоянно с одними княжескими родами, первая за потомством Изяслава Мстиславича, а вторая за потомством Давида и Олега Святославичей, следовательно, имели много времени сблизиться со своими князьями и их дружинниками; но частые войны князей с соседями и сильное участие в делах других княжеств заставляли тамошних князей постоянно усиливать свои дружины; а во время войны на дружинную службу было всегда много охотников и из земцев в надежде на добычу. Все это не позволяло земщине поглощать дружину, как это было в Галиче, Смоленске и Полоцке. На Волыни, в черниговской и северной стороне дружина всегда была настолько сильна, что земщина не могла иметь над ней большого перевеса и присвоить себе более решительное влияние на дела общественные; частые нападения соседей и набеги половцев заставляли земщину до-

¹ См. Полоцкая земщина. Рассказы из Русской Истории Беляева. Т. 1, стр. 332–354.

рожить княжеской дружиной как надежной помощью при защите родной земли. Поэтому в летописи мы не встречаем ни одного известия, которое бы указывало на несогласие между земщиной и князем ни на Волыни, ни в черниговском крае.

*Рязанская и Муромская земщины*¹ еще со времен Мстислава Великого имели своих отчинных князей из рода Ярослава Святославича, которые были там постоянно. Эта отчинность князей из одного и того же рода способствовала тому, что земщина этих городов получила огромное значение; она не только участвовала наравне с дружиной во всех общественных делах и войнах князя, но действовала самостоятельно и одна, когда князь ее почему-либо не мог действовать; так, когда в 1154 году Юрий Долгорукий выгнал Ростислава Рязанского и посадил на его место своего сына Андрея Боголюбского, рязанцы ночью подвели к городу Ростислава с половцами и Андрей едва успел убежать из Рязани в одном сапоге, а дружина его была частью убита, частью потоплена в реке; или в 1207 году, когда Всеволод Юрьевич выгнал из Пронска тамошнего князя Михаила, то проняне выбрали себе в князя одного из родственников Михаила, Изяслава Владимировича, и три недели бились с войсками Всеволода. Когда же Всеволод посадил сына своего Ярослава в Рязани, заставив рязанцев выдать ему своих князей, и Ярослав стал поступать не по обычаям рязанским, то рязанцы стали сноситься с пронскими князьями и хотели им выдать своего князя. Хотя замысел этот и не удался, и Всеволод отвел множество рязанских бояр во Владимир, но рязанцы отомстили ему в том же году опустошением окрестностей Москвы и добились того, что сын Всеволода Юрий заключил с рязанскими князьями мир и отпустил взятых в плен бояр. Есть известия, что рязанцы (они называются в летописях буими, гордыми, своеобразными людьми), когда князя присылали к ним наместника, прогоняли его и управлялись сами, так что управление самих родовых князей было сильно стеснено земщиной. По дошедшим до нас рязанским жалованным грамотам

¹ См. Рязанско-муромская земщина. Рассказы из Русской Истории Беляева. Т. I, стр. 332–344.

мы видим, что даже их князь давал не только от своего лица, но и от земщины. Таким образом, рязанская земщина была настолько крепка, что успела отстоять свою независимость и тогда, когда князья ее были или побиты, или в плену. Такому развитию земщины главным образом способствовало то, что там постоянно был один княжеский род и те же дружинники, которые так слились с земщиной, что составили с ней одно нераздельное целое.

*Суздальская и Ростовская земщины*¹, прежде почти неизвестные и подчинявшиеся княжеским посадникам, присылаемым сперва из Киева, а потом, со времени Владимира Мономаха, из Переяславля, и не имевшие никакого голоса в княжеских отношениях, с возвышением Юрия Долгорукого так усилились, что стали одними из первых земщин и держали у себя князей, хотя и из одного и того же рода, но не иначе как по вольному избранию. Так, по смерти Юрия Долгорукого суздальская и ростовская земщины избрали себе в князья сына его Андрея Боголюбского не по старшинству, а только по желанию, потому что Юрий в завещании распорядился, чтобы ему наследовали младшие сыновья его Всеволод и Василько, но суздальцы и ростовцы выгнали этих князей и приняли Андрея. А по смерти Андрея Боголюбского суздальская и ростовская земщины, помимо сына его, вольными голосами признали своими князьями племянников его Мстислава и Ярополка Ростиславичей. Этих же князей сначала признали и владимирцы; но когда Ростиславичи стали плохо править, то владимирцы собрали вече и прямо сказали: «Мы по своей воле избрали князей, а они пустошат землю нашу, как бы не думая оставаться в ней князьями» и послали звать к себе в князья брата Андреева Михаила Юрьевича, по смерти которого они избрали другого его брата, Всеволода и целовали крест на него и его детей. Вследствие этого отделения владимирской земщины от суздальской и ростовской началась небывалая до того война земщины с земщиной, война, замечательная тем, что в ней

¹ См. Суздальская земщина. Рассказы из Русской Истории Беляева. Т. I, стр.337–339.

главными деятелями были не князья, а земщины, так что князья иногда были готовы заключить мир, но земщины не соглашались на это. Так, во время этой войны Всеволод предложил племяннику заключить мир с тем условием, чтобы поделить полюбовно владения, и когда племянник согласен был принять предложение дяди, то ростовцы прямо объявили: *«Ежели ты дашь мир Всеволоду, то мы не дадим»*. Или владимирцы, победив ростовцев и Мстислава, требовали у Всеволода, чтобы он казнил взятых в плен ростовцев: *«Княже! мы тебе добра хотим и за тебя головы свои складываем, а ты держишь врагов своих просто, а се враги твои и наши – суздальцы и ростовцы, любо казни их, любо слепи или отдай нам»*.

По смерти Всеволода сын его Ярослав, которому по завещанию назначался Переяславль (Залесский, Суздальский), утвердился в этом городе не иначе, как с согласия самих переяславцев. Он, прибывши в Переяславль, собрал вече и говорил переяславцам: *«Братья переяславцы! вот отец мой отошел к Богу, а вас отдал мне, а меня вам дал на руки; скажите, братья, хотите ли меня иметь у себя, как имели отца моего и сложить за меня свои головы»*. И отвечали переяславцы: *«Очень, господине, да будет так; ты наш господин, ты наш Всеволод»*. Но несмотря на сильное влияние земщины в этом крае, очень долго не угасавшая вражда старой ростовской и суздальской земщины с молодой земщиной – владимирской, препятствовала той и другой земщине поглотить в себе княжескую дружину, вследствие чего здесь произошло почти единственное на Руси явление – отдельность и не подчиненность друг другу дружины и земщины при сильной преданности той и другой князю. Это исключительное на Руси отношение между дружиной и земщиной было, кажется, одной из причин, по которой суздальско-ростовский край особенно усилился и впоследствии в лице Москвы подчинил себе всю Русь; ибо собственно дружинникам на Руси нигде не удалось совершенно подчинить себе земщину, и те русские владения, где земщина успела поглотить дружину, все рано или поздно пали, и именно от поглощения дружины земщиной.

Устройство земщины. Старое земское устройство, составлявшее существенную основу жизни русского общества, продолжало существовать по-прежнему, охраняло законную самостоятельность общества от всех внешних притязаний, способствовало его постепенному и правильному развитию и не допускало погибнуть русскому народу в княжеских междоусобиях и в войнах с внешними неприятелями. Собственно общественное устройство земщины в настоящем периоде по-прежнему оставалось общинным, как в городах, так и в селениях. Развитие княжеской власти нисколько не касалось этого устройства, да и не имело в том никакой нужды, потому что не было началом противоположным и уничтожающим; напротив, земщина примкнула к ней, как туловище примыкает к голове. Все известия летописей и официальных памятников за настоящее время служат только дополнением и объяснением того, что мы уже знаем об общинном устройстве земщины в первом периоде. Как и в прежнее время, Русская земля еще продолжала состоять из разных крупных и мелких общин, находившихся в более или менее тесной связи друг с другом. Общины сии носили название городов и селений. Городами тогда назывались те главные крупные общины, к которым тянули мелкие общины; они делились на старшие города и пригороды. Сельские также делились на села и починки, а несколько сел и починков, состоявших в связи друг с другом, образовывали новые центры, подчиненные городам и назывались волостями, так что любой край в Русской земле непременно имел в себе главный город, от которого большей частью получал и свое название; в каждом крае от главного города зависели и тамошние пригороды, т.е. или колонии главного города, или города, построенные на земле, тянувшей к старому городу, даже если они были населены выведенцами из других земель. Целый край, тянувший к своему старому городу, одновременно с властью княжеской управлялся и вечем старого города, от которого зависели и пригороды; в каждом пригороде также было свое вече, которому повиновались волости, тянувшие к городу; равным образом волости и каждая мелкая община имели свой мир, свое вече,

приговору которого должны были повиноваться члены общины. Таким образом, каждый край Русской земли был союзом общин, его населявших, или большим миром, состоявшим из союза малых миров, населенных на его земле и ему подчиненных, а вся Русская земля была общим русским миром. Но для этого общего мира во времена сыновей Ярослава и долго после них еще не было выработано жизнью и историей общего веча, ибо ни один большой мир, ни один самостоятельный край Русской земли не признавал себя подчиненным другому краю; а из князей того времени и долго после ни один не мог назваться главой и представителем всего русского мира, ибо каждый из них был только князем одного или нескольких больших миров Русской земли. Связь, выражающая единство общего русского мира, или всей Русской земли, тогда состояла только в единстве религии, языка и общественного устройства.

Кроме общих указаний об устройстве русского общества в первой половине второго периода, мы имеем еще частные указания двух родов: официальные памятники того времени и летописи. *К официальным памятникам* относятся: во-первых, Русская Правда, во-вторых, уставы княжеские, и в-третьих, договорные грамоты. В Русской Правде мы находим известия об устройстве Новгорода, а именно – в статье о городских мостовых мы видим, что община новгородская уже находила нужным мощение улиц и наблюдала за исправным исполнением этой повинности. Тут же встречаем известие, что Новгород, кроме деления на концы и улицы, еще делился на сотни, которых в статье насчитывается десять с названием каждой по имени сотского (Давыда ста, Сленцева ста и пр.). Это же известие о сотских подтверждается другим, официальным известием, а именно уставом Всеволода Мстиславича, где сказано, что Всеволод для рассуждения об уставе созвал десять сотских и старосту Болеслава, и бирича Мирошку, и старосту Иванского Васяту. Другая уставная грамота Всеволода, данная церкви Иоанна Предтечи на Опоках, свидетельствует, что Новгород в своем земском устройстве состоял из нескольких общин, составлявших приходы, улицы и концы, которые имели своих

старост, особых для житых людей и купцов и тысяцкого, особого для черных людей на весь Новгород. Эти представители и начальники каждой общины управляли всеми ее делами и судом; они же собирали и заведовали вкладами, получаемыми ими от всякого нового члена, поступающего в купеческую сотню или общину. Каждый пригород новгородский делился на присуды, имевшие определенную окрестность, которая тянула к нему судом и данью, обязывалась помогать ему во всех его нуждах и сама имела право на его помощь. Присуды делились на погосты, которые состояли из нескольких селений, имевших в погосте свой суд и управу; все общественные дела сельчан решал погост. Образование погостов в новгородских владениях относится к глубокой древности; о погостах упоминается уже при великой княгине Ольге. А в начале XII века мы находим, что княжеская дань в новгородских владениях раскладывалась по погостам и погосты уже были в самых отдаленных новгородских владениях, куда только достигла новгородская колонизация; в грамоте новгородского князя Святослава Ольговича, данной в 1137 году на десятину в пользу новгородской епископии, десятина разложена уже на погосты, которых насчитано до 47; погосты упоминаются уже на Онеге, в Заволочье и по берегам Белого моря. Погост в новгородских владениях был первоначальной бытовой формой новгородской колонизации; где только заводились новгородские поселения, там прежде всего являлись и погосты. Погост в волости или присуде значил то же, что улица в городе, т.е. бытовую единицу – общину. Собственно селения, деревни и починки в новгородских владениях были очень мелки и малолюдны – они больше походили на хутора, чем на деревни, и состояли из одного или двух дворов и редко из десяти; сами собой, отдельно они не могли составлять какое-либо самостоятельное целое и по необходимости спешили примкнуть к какому-либо ближайшему центру, чтобы составить союз, в котором иметь постоянную защиту, отпор внешним нападениям, суд и управу в сношениях друг с другом, и таким ближайшим центром или бытовым союзом, без всякого административного характера,

был погост. Администрация только впоследствии воспользовалась готовым учреждением жизни, чтобы с распоряжениями из города относиться не к мелким, едва уловимым единицам – селениям, а к союзам более заметным и уже имеющим свою бытовую организацию и свое управление. Лучшим доказательством всего это исторического порядка образования погостов служит, во-первых, то, что управление в них постоянно выборное, местное, без участия городских властей; во-вторых, неравномерность населения одного погоста с другим; так, например, по переписной окладной книге 1500 года в Ладожском присуде считалось: в Ильменском погосте 28 деревень, 31 двор и 53 человека населения; в Полоцком погосте – 43 деревни, 63 двора и 106 человек; в Теребужском погосте – 137 деревень, 201 двор и 337 человек, и т.п. Очевидно, что администрация не могла допустить такой несоразмерности деревень, причисленных к погосту, если бы погосты были ее учреждением, а не бытовой формой жизни, образовавшейся исторически. Погост как чисто бытовое, а не административное учреждение, состоял из деревень разных разрядов, по праву владения на землю. В одном и том же погосте были деревни и черные, и владельческие, среди которых встречались и монастырские, и боярские, и своеземные, и принадлежащие тому или другому концу, или улице в городе. Все они в экономическом отношении управлялись каждый разряд особо – черные сами собой, а владельческие или самим владельцами, тут же живущими, или присылаемыми от них ключниками и посельскими; но суд, управа и все общественные распоряжения были одни и те же для деревень всех разрядов и производились на погосте или старостами и сотскими, которые выбирались самими жителями, часто даже без отношения к владельцам, или погостским вечем, сходкой, и до этого суда и управы землевладельцы не касались, исключая те случаи, впрочем, довольно частые, когда частные землевладельцы получали от новгородского веча особые грамоты на суд и управу в своих владениях.

В каждом погосте деревни и села, по различию прав владения землей, разделялись на три вида: к 1-му принадлежали

земли черные, составлявшие собственность государства, они были предоставлены во владение всем свободным людям, желавшим там поселиться, под одним необходимым условием – тянуть к главному городу судом и данью по земле и воде, т.е. принять на себя обязанности по отношению к государству; на таких землях и при таком условии без различия в правах селились и жители города, и пришельцы, и исконные старожилы в стране, хотя бы и не новгородского племени. Эти земли не подлежали частному отчуждению: продаже, дарению, передаче по завещанию и т.п., и хозяин, оставляя такую землю, терял всякое право на нее как на свою принадлежность. Ко 2-му виду принадлежали *владельческие земли*, составлявшие собственность или целого города, или какой-нибудь городской общины. Эти земли отдавались на оброк всякому, кто желал на них поселиться, причем земли, принадлежащие целому городу, нередко приписывались к какой-либо общественной должности; а потому лицо, получавшее эту должность, вместе с тем получало и право на пользование доходами с приписанной земли как жалованье за службу. Земли этого разряда подлежали частному отчуждению и составляли собственность общин, владевших ими. 3-й вид – *земли, составлявшие частную собственность* бояр, купцов, монастырей, церковей и других частных собственников. Эти земли могли свободно продаваться, дариться, меняться и т.д., вообще владельцы этих земель имели полное право частного отчуждения, которое ограничивалось только одним запрещением – передавать их иноземному государю.

Городские земли, как в Новгороде, так и в пригородах, были двух родов: *тяглые* и *не тяглые*. Тяглые земли разделялись на три вида; 1) *земли своеземцев*, т.е. принадлежавшие собственникам, имевшим собственность в том же уезде. 2) *Земли городских людей*, лучших и молодых, имевших только право владения этими землями без права отчуждения. 3) *Поземные*, т.е. такие, которые отдавались городскими жителями на оброк. Все эти земли были тяглые, т.е. они несли известные городские повинности и вносили в городскую казну определенные платежи. Не тяглыми же назывались земли,

которые не несли никаких общественных повинностей и не платили податей. Это были: 1) *земли церковные*, 2) *земли, назначавшиеся служилым людям* вместо жалованья за службу. Вот земское устройство и распределение разных поселений и земель в Новгородской области.

То же самое, по свидетельству Ростиславовой договорной грамоты (1160 г.) было и в Смоленской области. По свидетельству этой грамоты, в Смоленской области насчитывалось 43 города с уездами, которые делились на погосты. Каждый из погостов состоял из нескольких селений. Все уезды были подробно описаны, с обозначением, сколько брать с какого уезда податей и разных пошлин. Первые уменьшались и увеличивались, смотря по тому, оскудевали или богатели уезды и погосты с их населением. Такая или какая иная форма областных разделов была в других русских владениях, по официальным памятникам нам не известно, но что во всей Руси продолжало действовать между земцами общинное устройство в продолжение всего настоящего периода лучшим доказательством служит Русская Правда во всех своих редакциях. Юридическое значение общины в разных статьях Русской Правды раскрывается с большими подробностями и показывает, что община была постоянной, исключительной формой на Руси. Такие указания об общественном устройстве русского общества дают нам, во-первых, законы уголовные, находящиеся в Русской Правде, во-вторых, законы гражданские.

Начнем с законов уголовных.

В Русской Правде мы находим указания на то, что вся Русская земля, в отношении к платежу вир по уголовным делам, разделялась на общины, называвшиеся вервями. Каждая такая община принималась законом как юридическое лицо и, когда это требовалось законом, платила сообща дикую виру. Верви составлялись по свободному согласию членов и нисколько не обуславливались ни родством, ни местом жительства. Членом верви признавался только тот, кто ежегодно вносил определенную сумму. Каждый член пользовался покровительством и защитой всей общины, но он лишался права на это покро-

вительство, как только оказывался явным нарушителем общественного покоя – разбойником или грабителем. Подобных членов община сама выдавала князю.

В узаконениях Русской Правды по делам гражданским мы точно так же находим указания на общинное устройство Русской земли. По смыслу этих указаний семья представляется прямым членом общины без посредства рода. Русская Правда знает только семью и ограждает ее права, не признавая рода. Это яснее всего видно из статей о наследстве, в которых говорится, что по смерти земца или смерда, жившего на общинной земле, имение его переходит сыновьям, а если у него нет сыновей, то имение поступает в собственность князя, за выделом из него известной части на приданое дочерям, другие же родственники вовсе не допускаются к наследству. При родовом быте такое разделение наследства было бы немислимо, значит, Русская Правда не признает рода и отрицает всякое юридическое значение его, – иначе наследство должно было бы перейти к родственникам умершего. Далее в Русской Правде сказано, что имение, оставшееся после боярина или дружинника, отдается сыновьям или же дочерям его, а остальные его родственники не допускаются к наследованию. Кроме того, в Русской Правде есть закон, позволяющий высказывать свою последнюю волю в завещании, которое должно было исполняться беспрекословно. Это также вполне противоречит родовому быту: в родовом быте завещание немислимо, потому что там имение принадлежит не лицу, а целому роду; значит, если Русская Правда охраняет завещание, то не признает рода.

Но всего яснее общинное устройство земщины выступает в статьях Русской Правды об опеке, потому что: 1) если она признает опеку, то прямо отрицает этим род: при родовом устройстве быта дети никогда не остаются сиротами, – следовательно, там неуместно и существование опеки; 2) сам порядок учреждения опеки прямо отстраняет всякое участие и авторитет рода, потому что опека поручается миру, общине. По закону Русской Правды имение передается опекунам, а также и сдается опекунами по прекращении опеки не при род-

ственниках, а при посторонних свидетелях. Члены рода или родственники не имеют даже преимущественного права быть опекунами. По Русской Правде опека прежде всего принадлежит жене умершего, без всякого вмешательства родственников в дела опеки. После матери опека принадлежит отчиму; и только в том случае, когда дети умершего не имеют ни матери, ни отчима, опека над ними поручалась близким родственникам. Кроме того, каждый в своем завещании мог назначить опекуном кого хотел – будет ли это близкий родственник его или только приятель, и никто не мог отвергать такого завещания. Сам раздел наследства производился не перед родом, а перед княжеским детским, т.е. судьей, приставленным к подобным делам, или, где его не было, перед целым обществом. Общинные же начало постоянно проглядывают в Русской Правде, как при определении частных сделок, так и в делах, относящихся к целому обществу. Так, по определению Русской Правды, почти все покупки и сделки между частными людьми должны были совершаться или на торгу, или при свидетелях, и свидетели, или торговый мытник в случае спора по закону, освобождали покупателя от ответственности или подозрения в краже. На торгу же делались все объявления о пропажах, и после явки на торгу принявший к себе пропажу обязывался возратить ее хозяину. Покупка раба также непременно должна была быть при «послухах»; в противном случае хозяин лишался своего права. В делах чисто общественных закон обыкновенно относился к целой общине, а не к ее членам в отдельности. Так, в сборе податей и назначении повинностей закон делал свои распоряжения только на общины, раскладку же повинностей и податей общины между своими членами производили сами. Таким образом, официальные памятники показывают, что земское устройство в 1-й половине второго периода основывалось на чисто общинных началах.

Летописные известия объясняют или дополняют свидетельства официальных памятников. Так, из них мы узнаем: 1) Деление на сотни, имевшие своих сотских, было не только в Новгороде, но и в Киеве, Владимире, Галиче и других городах;

следовательно, это учреждение было общим земским учреждением по всей Руси. Из летописных известий мы видим, что сотскими были довольно значительные земские чиновники, которых и князья, и земщина употребляли и в посольствах и в земских делах. 2) Городские земщины заводили у себя разные общественные учреждения: так, в 1230 году смоленская земщина, по случаю мора, устроила четыре скудельницы для погребения умерших. Это известие летописи можно поставить в параллель с официальным свидетельством о мостовых в Новгороде; к ним же принадлежат и некоторые другие известия, свидетельствующие, что земская община в русских городах настолько была устроена и развита, что сознавала необходимость в разных полицейских мерах, и по мере сил приводила их в исполнение. 3) Мы находим, что в то время в земщине еще соблюдалась правила подчинения младших городов старшим, и таким образом поддерживалась связь между земщинами тех и других, так что в случае каких-либо притеснений от князя или его наместников младшие города искали защиты у старших. Так, например, когда в 1175 году Ростиславичи стали теснить владимирскую земщину, то владимирцы, по словам летописи, *«послашася к ростовцем и суздальцем, являюще им обиду свою»*. В летописи даже прямо выражено правило подчинения младшей земщины старшей, откуда ясно видно, что это правило было повсеместным на Руси. Суздальская летопись под 1176 годом говорит: *«Новгородцы бо изначала и смольняне и кияне и полочане и вся власти, яко же на думу, на вече сходятся, на чем же старшие сдумают, на том же пригороды станут»*. Следовательно, помимо княжеских отношений городские земщины на Руси имели свои земские отношения, свои связи и свое устройство, до которых князья не касались. Впрочем, это общее правило подчинения младших городов старшим в настоящем периоде уже начинает колебаться. Младшие города во многих местностях настолько усилились, что могли освободиться от покровительства и помощи старших городов. Этому, конечно, много способствовали и сами князья, которые вовсе не были заинтересованы поддерживать существование прежнего порядка

земского устройства, который много препятствовал усилению их власти. Напротив, более умные из князей, ввиду ограничения старинного значения старших городов, старались возвышать некоторые из младших городов: так, Юрий Долгорукий, Андрей Боголюбский и Всеволод III в продолжение всего своего княжения хлопотали о том, чтобы унизить значение старшего города Суздальского княжества – Ростова и поднять пригород его – Владимир. А во время монгольского ига старинная связь старших городов с младшими совершенно уничтожилась.

Элементы земщины. Общее начало, основная материя земщины на Руси состояла по-прежнему из славян и разных аборигенов края, покоренных славянами и принявших, более или менее, образ жизни славян и их общественное устройство. Таким образом, элементы, основные начала русской земщины и в настоящем периоде оставались те же, какие мы видели и в первом периоде, но введение христианства сильно изменило эти старые начала – оно обновило их и, соединив одно с другим, дало им новые силы. С принятием христианства и славяне, и финны, и другие чужеродцы сделались братьями во Христе, стали исповедовать одну веру, следовательно, утратили самое важное различие и стали называться одним общим именем – православных христиан. Православный христианин доселе в русском народе считается главным отличием от других народов и в понятии народа иноземец, откинув это главное отличие, перестает быть нерусским; принявшего нашу веру народ называет нашим, православным. А если это понятие доселе сохранилось в нашем народе, то еще сильнее было в нем в то время, когда христианство было одинаковой новостью и для славян, и для инородцев. Христианство тем более должно было соединить славян и аборигенов, что вместе с христианством среди аборигенов распространился и славянский язык, потому что в нашей церкви тогда не употреблялось иного языка, кроме славянского. Следовательно, финны и другие аборигены, становясь по религии братьями славян, в то же время становились ими и по языку и утрачивали, таким образом, свое последнее племенное различие; и тем скорее уничтожалось это племен-

ное различие, что одинаковость религии устраняла разные препятствия в заключении браков между разноплеменниками, следовательно, инородцы и в обществе, и в церкви, и даже в семье делались русскими, славянами, православными христианами. Все это придавало земщине особенную плотность и крепость, и в свою очередь сообщило русскому государству ту непоколебимую твердость, которая не могла быть разрушена в самые тяжкие годы испытаний, которой не могли уничтожить ни раздробление Руси на уделы, ни иноплеменные нашествия, ни внутренние смуты. Вся земщина Русской земли от востока до запада и от севера до юга, вследствие введения христианства составляла одну земщину, – поэтому ни один иноплеменный народ до монгольского ига не мог отнять ни одного клочка Русской земли; она всегда была цела, и если какой-либо иноплеменный народ овладевал той или другой ее частью, то вся Русская земля поднималась на защиту братьев своих. Так, когда во время смут, произведенных боярами в Галиче, венгерцы завладели Галичем, митрополит киевский поднял на защиту Галича всех русских князей, которые и прогнали венгерцев. Так было до татарского погрома, когда была покорена вся Русская земля, а не та или другая часть ее.

Русское общество, обновленное и сплоченное христианством, оставалось по-прежнему разделенным на классы. Члены его по месту жительства делились на горожан и сельчан, а по общественному положению на больших и меньших людей и составляли классы бояр, купцов, ремесленников и землевладельцев. Постепенное развитие общественной жизни имело большое влияние как на каждый класс в отдельности, так и на отношение их друг к другу, вследствие чего произошли многие значительные изменения в русском обществе. Чтобы вернее представить нам состояние и устройство тогдашнего общества, мы представим каждый класс отдельно в том виде, в каком представляют его летописи и официальные памятники.

Бояре. Первый класс в русском обществе составляли бояре или огнищане. О них постоянно упоминают летописи как о высших представителях земщины, и отличают их перед други-

ми классами. Летописи, различая земских бояр и дружинников, обыкновенно дружинников называют княжескими боярами, а земских бояр обозначают именем того города или земщины, которым принадлежат бояре, например, боярами киевскими или галицкими и т.п. По всем известиям летописей, земские бояре являются главными представителями земщины и в мирное, и в военное время; они руководят народом в приглашении князей в ту или другую область и в удалении их, когда князья не оправдывали надежд земщины. Но с постепенным развитием княжеской власти земские бояре постепенно теряют свое значение и силу в народе. Князья, сами сближаясь с народом, становятся прямыми защитниками и оберегателями народных прав, а народ, вместо того, чтобы, как бывало прежде, искать защиты и покровительства у своих бояр, ищет покровительства уже у князя, нередко против самих бояр. Так, в 1175 году владимирцы, не найдя себе управы и защиты у ростовских бояр как у своих старших, обратились с просьбой о защите к князю Михаилу Юрьевичу. Подобное разделение между боярами и остальными земцами произошло в 1226 году в Галиче, когда галицкие бояре желали передать престол венгерскому королю, а народ, напротив, благоприятствовал Даниилу Романовичу. Впрочем, не во всех княжествах и не всегда земские бояре находились во вражде с народом – напротив того, наши летописи за настоящий период нередко представляют примеры самых близких отношений народа к своим земским боярам. Так, например, новгородская летопись под 1220 годом говорит, что за обиженного князем боярина Твердислава, бывшего тогда посадником, вооружились три новгородских конца; то же в 1224 году, когда Юрий Всеволодович требовал от новгородцев выдачи нескольких бояр, то посадник от имени новгородцев отвечал ему: *«Княже! кланяемся тебе, а братья своей не выдаем, а крови не проливай, или твой меч, а наши головы»*. В 1176 и 1177 гг. ростовцы и суздальцы заодно со своими боярами воевали в пользу Ростиславичей против Михаила и Всеволода Юрьевичей. Некоторые из бояр были так богаты и сильны, что содержали за свой счет целые полки, с которыми поступали на

службу к тому или другому князю по своему желанию; особенно богатейшие из них строили даже города и жили в них князьками. В летописи сохранено предание о том, что Москва принадлежала боярину Степану Ивановичу Кучке, который даже вел войну с Андреем Боголюбским. Само законодательство резко отличает бояр от прочего народа и сравнивает их со старшими дружинниками. Так, в статье о наследстве сказано: «...аще в боярах, любо в дружине, то за князя статок не идет; но оже не будет сынов, то дщери возмуть», тогда как наследство после бездетного земца-небоярина поступало в казну княжескую. Устав князя Всеволода показывает, что новгородские земские бояре участвовали в управлении общественными делами, так же, как и посадники. В уставе сказано: «А Мирославу посаднику в то не вступатца, ни иным посадникам в Иваньков ни в что же, ни боярам новгородским». Впоследствии, по свидетельству официальных памятников, мы встречаем бояр предводителями земских войск и на разных должностях по земской службе. Кажется, земские бояре назывались иначе огнищанами, по крайней мере в Новгороде. В новгородской летописи в некоторых местах вместо названия бояр стоит название огнищан. Так, например, под 1167 годом сказано: «Прииде Ростислав из Киева на Луки и позва к себе новгородцы на поряд: огнищане гридь, купце вящее». Или под 1195 годом: «Позва Всеволод новгородце на Чернигов и новгородци отпрешася ему, идоша с князем Ярославом огнищане, и гридьба и купци». То же самое и теми же словами повторяет Софийская и Воскресенская летописи. Название огнищан встречается только в некоторых списках Русской Правды¹. Но имели ли земские бояре

¹ По списку Русской Правды, сохранившемуся в новгородской летописи, принадлежащей Академии наук, к огнищанам относятся статьи: 18 – «аще убьет огнищанина в обиду, то платити зань 80 гривен убийце». 19 – «аще убьет огнищанина в разбой...», 20 – «аще убьет огнищанина у клити...». В других списках Правды слово «огнищанин» встречается в статье о муке: «Аще огнищанина мучить, то 12 гривен продажи, за муку гривна кун»; еще упоминается об огнищном тиуне при определении виры: «А за тиун огнищный и за конюший по 80 гривен». Все эти свидетельства показывают, что огнищане принадлежали к высшему классу, именно к боярам, потому что вира за него назначалась 80 грив., равномерная с вирой за княжеского мужа.

название огнищан во всех земщинах мы сказать не можем из-за недостатка летописных известий.

В нашей истории есть небольшое подразделение класса бояр, существовавшее, впрочем, только в Новгороде. В других местностях России за боярами непосредственно следовали купцы; но в Новгороде существовал еще второй класс бояр, это *гриди*. В других владениях Руси гриди принадлежали к младшей дружине князя, но в Новгороде они, очевидно, принадлежали к земщине, как свидетельствуют летописи. Чтобы определить значение этого класса новгородской земщины, нужно обратиться к летописному известию 1014 года, где сказано: «Ярославу сущу Новгороде, и уроком дающу Киеву 2000 гривн от года до года, а 1000 Новгород гридям раздаваху; а тако даяху посадницы новгородские». Это известие указывает, что и в Новгороде гридями назывались, как и в других княжествах, младшие дружинники князя, и что жалованье им раздавали князья или новгородские посадники, присылаемые ими. Следовательно, и новгородские гриди в первое время принадлежали дружине князя, а не земщине. Но впоследствии, со времен Всеволода Мстиславича, когда посадники из княжеских дружинников изменились в земских выборных людей и стали назначаться вечем, а не князем, то и воины, окружавшие посадника и получавшие от него жалованье, обратились в земцев и составили особый класс земщины, средний между боярами и купцами. В позднейших новгородских памятниках гриди стали называться дворянами. В мирное время они исполняли незначительные полицейские должности и состояли в ведении земских властей: посадника, тысяцкого, старост и др., а в военное время они или составляли гарнизоны в крепостях, или отправлялись в поход вместе с временными земскими войсками и находились под начальством общего предводителя войск. Гриди с тех пор, как из дружинников князя сделались земцами, стали получать и жалованье от новгородской земщины. Это жалованье состояло обыкновенно в поземельной даче на местном праве владения, поэтому они и назывались земцами и отношения их к другим землевладельцам, без сомнения, были

иными. Конечно, у них была своя управа – военная, а не земская, хотя и выборная, но имевшая свой особенный характер.

Купцы составляли второй класс земщины после бояр. О них в летописях везде упоминается, как об особом классе, прямо после бояр. Так, в Лаврентьевском списке под 1177 годом сказано: *«И встала бояре и купцы, рекуще: “Княже, мы тебе добра хотим”»*. Внутреннее устройство этого класса земщины в настоящем периоде оставалось прежнее. Купцы по-прежнему делились на общины, имевшие свои капиталы, состоявшиеся из вкладов общинников, и только те считались настоящими купцами или, как их называли, пошлыми, которые внесли в общинную казну определенную сумму денег. Этот взнос делал пошлым купцом не только внесшего, но и все его потомство. Устав Иванской купеческой общины в Новгороде говорит: *«Аще кто хочет в купечество вложитесь в Иванское, дает купцем пошлым вкладу 50 гривен серебра, ино то не пошлый купец. А пошлым купцом идти им отчиною и вкладом»*. Каждая купеческая община, по свидетельству того же устава, имела свой суд и свою управу по таким делам и своих старост: *«...от купцов два старосты, управляти им вся дела Иванская и торговая и гостиная и суд торговый»*. Русская Правда предоставляет купцам несколько очень важных привилегий, из чего видно, что купцы были не только особым классом, но и пользовались большим значением. Хотя Русская Правда в назначении платежа виры и не отделяет купцов от других классов, но относительно торговли она дает им значительные преимущества. 1) Купцам предоставлялось входить друг с другом в долговые обязательства без представления свидетелей; посему все долговые споры их могли решаться без свидетелей, а одной присягой, и суд взыскивал долг, если кредитор только присягнет, что он действительно давал займы тому, с кого требует долг, тогда как принадлежавшие к другим классам во всех подобных делах должны были представлять по 12 свидетелей. 2) Относительно несостоятельных должников Русская Правда назначает особенные правила, по которым они разделяются на несчастных и виноватых. Несчастливым, т.е. таким,

состояние которых погибло от какого-нибудь несчастного случая: сторело, потонуло, отнято неприятелем и т.п., Русская Правда дает средства для поправления их дел; так, она позволяет им рассрочить платеж долга на несколько лет; виноватых же, растерявших товар по своей вине, вследствие ли пьянства или чего другого, отдает на полную волю заимодавцев, которые, если не хотели ждать уплаты долга, то могли продать их в неволю. 3) При удовлетворении заимодавцев, гость, т.е. иностранный купец или же заезжий из другого города, удовлетворялся прежде всех. Он брал свое даже прежде князя, а потом уже удовлетворялись заимодавцы, принадлежавшие к одному с должником городу. 4) В обеспечение пошлых настоящих купцов Русская Правда узаконяет, что ежели господин или князь пошлет торговать от своего имени своего раба, а раб сей по торговле задолжает, то господин не имеет права отказываться от своего раба и должен удовлетворить купцов заимодавцев из своего капитала. Далее весьма важное свидетельство о правах пошлых купцов представляет договорная грамота (1229 г.) Мстислава Давидовича Смоленского с Ригой и Готским берегом. В ней сказано, что никто не может взять пошлого купца без дозволения купеческого старосты его общины. Таких прав не имел ни один класс земщины. Как люди богатые, купцы пользовались уважением общества и имели значительное влияние на общественные дела. Особенно в торговом вольном Новгороде голос купцов решал многое: там от них часто зависело решение вопроса о мире или войне. Новгородские купцы даже принимали участие в походах, как отдельное сословие: так, в 1195 году они вместе с боярами и гридями принимали участие в походе Всеволода Юрьевича в Черниговскую область и отряд их был самым лучшим во всем войске Всеволода. Купцы как имевшие голос на вече участвовали и в посольствах для приглашения князей: так, в 1215 году новгородцы для приглашения Ярослава Всеволодовича отправили посольство, состоявшее из посадника Георгия Ивановича, тысяцкого Якуна и из десяти лучших купцов. Таким значением купцы пользовались не в одном Новгороде, но и в других местах: так, например,

в 1177 году во Владимире купцы заодно с боярами требовали у Всеволода Юрьевича, чтобы он казнил бывших у него в плену ростовских и суздальских бояр: *«В граде Владимире всташа бояре и купцы, рекуще: Княже! мы тебе добра хотим и за тебя головы свои складываем, а ты держишь врагов своих просто, а се враги твои и наши – суздальцы и ростовцы, любо казни их, любо слепи или отдай нам»*.

Купцы, как и в прежнее время, делились на *гостей*, т.е. купцов, торгующих с иноземцами и по разным княжествам Руси, и на *купцов городских*, производивших торговые операции в одном княжестве или в одном городе. Кроме того, по свидетельству Всеволодовой грамоты, в Новгороде купцы делились на пошлых и не пошлых, а по свидетельству Мстиславовой – в Смоленске купцы делились на *правых* и *неправых*. Правые (т.е. полные купцы, вложившиеся в общину) были главными торговцами и имели право голоса по всем торговым делам. Неправыми же назывались те из купцов, которые не принадлежали ни к какой из купеческих общин; поэтому они не имели права голоса на купеческом вече. По киевским летописям за этот период мы находим *разделение купцов по предметам их торговли*; таким образом, гречники – те, которые торговали с Грецией; залозники – те, которые торговали в степях половецких и с Азией; соленики – те, которые торговали солью или вообще торговали с Венгрией и Галицией, откуда получалась соль, и т.п. Кроме того, встречаются летописные известия, которые упоминают о *вящих и старейших купцах*. Конечно, вящие или старейшие купцы не были особым классом, особым сословием, и это название придавалось только лучшим, богачейшим торговым домам; по крайней мере мы нигде не встречаем указаний на особые права вящих купцов.

Третий класс русского общества и в настоящем периоде составляли *черные люди*. К этому классу причислялись как *горожане*, не принадлежавшие к первым двум классам земщины – боярам и купцам, так и *сельчане*, т.е. жители сел, принадлежавшие сельским общинам и жившие на общинных или на чужих землях, а не на своих собственных. Черные люди

горожане были или ремесленниками, или земледельцами. Черные люди горожане или причислялись к купеческим общинам, ежели они занимались мелкой торговлей, и в управлении общиной от них к купеческим старостам присоединялся тысяцкий от черных людей, – или черные люди в городе имели свои отдельные общины, называвшиеся сотнями, и управлялись своими выборными сотскими, которые, как представители своих сотен, принимали большое участие в общем земском управлении целого города. Сотни черных людей, наравне с прочими классами земцев, несли на себе все городские повинности, по тогдашнему выражению – по животам и промыслам, т.е. в той мере, какая приходилась на них по раскладке, или, как тогда говорилось – по разрубку, сообразно с их капиталами или доходами от промыслов. Черные сотни, по свидетельству Ярославова устава, между прочим несли повинность содержать мостовые в городе наравне с прочими классами, а также поддерживать городские укрепления; они также несли и военную службу, как при защите города в случае неприятельского нападения, так и в военных походах земской рати, когда земщина находила нужным принять участие в войне.

К сотням черных людей принадлежали только те городские жители, которые имели свои дворы на городской общинной земле, которые были хозяевами, и все лежащие на них земские повинности определялись собственно долей общинной земли, находящейся в их владении или, как тогда говорилось, двором; они только как домохозяева были членами сотни или общины, имели голос в общинном управлении и несли тягло, почему и назывались тяглецами или истужниками. Все же городские жители, не имевшие в своем владении общинной земли, не считались членами общины и не имели никакого голоса в общинном управлении, не несли тягла и обыкновенно назывались вольными людьми; они или жили на земле члена общины в качестве подсосудников, или как вольные люди ходили по русской земле, занимались разными работами по найму или поступали в закупы к боярам, купцам и вообще к членам общины, т.е. отдавали свою волю во вре-

менное служение хозяину, делались как бы полусвободными; или, наконец, вольные земские люди, не принадлежавшие ни к какой общине и не имевшие за собой земли, поступали в службу к князю как младшие дружинники и, таким образом, выбывали из земщины.

Среди городских черных людей особый разряд составляли ремесленники. Они по закону Русской Правды считались выше земледельцев, называвшихся тогда смердами, ибо по закону за убийство ремесленника взыскивалось виры 12 гривен, а за убийство смерда 5 гривен. Ремесленники тогда делились на земских и княжеских. Земскими ремесленниками назывались те, которые владели определенной долей общинной городской земли и потому, как члены общины, несли со своих ремесел земское тягло и через своих выборных старост участвовали в земском управлении. Княжескими же ремесленниками назывались те, которые своим ремеслом служили князю, жили особыми слободами на княжеской земле, не принадлежали к земской городской общине и не несли земского тягла; они, по всей вероятности, составляли особый разряд младшей княжеской дружины и в последующем периоде обыкновенно назывались *делюями*, или деловыми людьми.

Сельские черные люди вообще назывались *смердами*. Они разделялись на смердов, живших на общинных землях, и на смердов, живших на землях частных владельцев. Оба эти разряда в отношении к обществу имели одинаковое значение. И те, и другие были свободны, считались полноправными членами общин и несли по раскладке тягло, почему и назывались тяглыми или тяглецами, истужниками. Но относительно владения землей между ними была значительная разница.

Смерды, жившие на общинной земле, были владельцами своего участка; мало того – он принадлежал им как собственность, хотя без права отчуждения, потому что полное право собственности принадлежало всей общине и только тот, кто принадлежал общине, мог владеть землей. Община отдавала свою землю не иначе, как только своим членам. Вместе с тем, каждый посторонний, садившийся на общинную землю, по-

ступал в члены той общины, которой принадлежит земля, и по общей раскладке принимал на себя тягло, лежавшее на этой земле. Притом каждый смерд владел землей общины только до тех пор, пока был членом общины, а оставляя ее, он вместе с тем терял право и на землю, которая была вечной неотъемлемой собственностью общины. Сама община могла покупать, менять, продавать и вообще отчуждать землю.

Смерды, жившие на землях частных владельцев – бояр, купцов, монастырей, церквей и др., были только жильцами занятой ими земли, а не хозяевами, и могли селиться на этой земле не иначе, как заключив условие с хозяином земли, который мог согнать жильца, если он ему не понравился или не выполнил принятых им по условию обязательств. Смерды этого разряда называются в Русской Правде *ролейными закупами*. Они обыкновенно заключали с хозяином условия, по которым обязывались платить ему определенную сумму деньгами, натурой или же обрабатывать такой же участок земли, какой они получали от хозяина для своего пользования. Это были, по большей части, бедняки, которые приходили к владельцу только со своими руками; владелец вместе с землей давал им хлеб, семена, дворы, земледельческие орудия, рабочий скот и даже иногда деньги. Конечно, в таком случае от закупа требовалось и более работы; так иногда за каждую десятину, взятую у хозяина, он должен был обработать для него пять десятин или отдать ему девять десятых от урожая со своей земли. Состояние ролейных закупов было для бедняков ступенью к переходу на общинную землю или чтобы обзавестись собственной землей и хозяйством. Положение закупов в обществе XII века довольно ясно определено в Русской Правде. Из ее статей о закупах мы видим, во-первых, что они не были рабами, ибо, по закону Русской Правды, рабы ни в каком случае не признавались свидетелями на суде, а закупы могли быть приняты свидетелями в малых тяжбах; следовательно, по русскому закону XII в. Признавалась личность закупа, он считался членом русского общества, хотя и незначительным. За обиду закупа закон назначал пеню, как за свободного человека. Закуп за побег от господина

без расчета и за воровство наказывался обращением в полные обельные рабы; следовательно, сам по себе он не был рабом, не составлял собственность господина. Во-вторых, закупы, как свободные члены русского общества, имели по закону право защищать себя от обид судом, даже против своего господина. Господин, осмелившийся продать закупа или заложить в рабы, не только лишался своих прав на него, но даже терял право и на те деньги, за которые закуп поступал к нему, и сверх того должен был еще заплатить ему за обиду 12 гривен, самую большую неуголовную пеню по Русской Правде. В-третьих, закупы были двух родов – ролейные и не ролейные. Но в XII в. Еще не было строгого различия между этими двумя разрядами закупов, потому что ролейные и неролейные закупы получали от господ деньги, за которые обязывались работать на господина, и даже просто назывались наймитами и отличались от простых рабочих только тем, что брали деньги вперед, как бы займы, тогда как наемные работники получали плату после работы. Тем не менее, уже существовало, хотя не строгое, но различие между закупом ролейным и не ролейным, иначе не было бы различия и в названиях. Русская Правда представляет только в зародыше впоследствии далеко распространившиеся два разряда закупов – крестьян и кабальных холопов, т.е. свободных членов русского общества, по собственной воле шедших на работу к другим членам общины и тем самым вступавших в разряд полусвободных людей. Главное различие между ролейным и неролейным закупом, как можно судить по неясным указаниям Русской Правды, кажется состояло в том, что ролейные закупы садились на чужой земле и обрабатывали ее частью на господина, частью на себя; закупы же неролейные работали при доме господина, находились при личных услугах, как должники, получившие вперед деньги под залог личной свободы. В-четвертых, Русская Правда указывает, что закупы могли отходить от своего господина, выплатив занятые деньги или сделав с хозяином расчет в обязательствах, которые существовали между ними. Вероятно, ролейный закуп, крестьянин, сидевший на чужой земле и не получавший

от господина ничего, кроме земли, мог свободно переходить от одного землевладельца к другому. Впрочем, ролейные закупы времен Русской Правды редко были в таком положении, чтобы иметь возможность свободно пользоваться правами перехода, предоставленными законом, они, кажется, садились на господской земле всегда при господской ссуде, следовательно, могли отойти от господина не иначе, как выплативши вперед ссуду. Русская Правда, говоря о ролейных закупках, упоминает о плуге, бороне и рабочем скоте, которые землевладелец давал закупу для обработки земли, и даже указывает, что закуп должен был загонять рабочий скот на господский двор в хлев и запирать, где прикажет господин. Следовательно, в ролейные закупы поступали только такие бедняки, которые не имели ни своих орудий земледелия, ни рабочего скота, ни хлеба для прокорма, ни семян, так что все это получали от господина, на земле которого садились. В-пятых, из Русской Правды мы видим, что каждая семья ролейных закупов жила своим хозяйством и кроме работ на господина работала и на себя господским же рабочим скотом и орудиями на господской земле.

Смерды, жившие на общинной земле, так же, как и жившие на земле частных владельцев, пользовались правом свободного перехода. Закон того времени не назначает для смерда срока пользования землей и перехода с одной земли на другую, а только предоставляет ему право оставить общину, на земле которой он жил, разумеется, сперва рассчитавшись с общиной или же посадив на свое место другого смерда, который обязался удовлетворить за него общину. Сама община всегда могла отказать смерду в своей земле, если он неисправно нес тягло или был вредным членом. Те и другие из смердов жили не иначе, как общинами, и управлялись выборными старостами и вечем или мирской сходкой. Общины, жившие на черных землях, сами защищали принадлежавших им членов; напротив, общины, поселившиеся на землях частных владельцев, состояли под покровительством и защитой своего хозяина, владельца занимаемой ими земли. Но все повинности и подати в княжескую казну как те, так и другие общины, т.е. и черные, и вла-

дельческие собирали по раскладке сами. В селах так же, как и в городах, могли жить затыглые люди, т.е. не имеющие своей земли и тягла. Но они не были членами общины, назывались вольными людьми и жили или у своих родственников, или по найму у разных хозяев. Они считались вольными людьми до тех пор, пока не приписывались к какой-нибудь общине, которая давала им землю, и не несли общественных повинностей, состоявших в устройстве и починке мостов, дорог и перевозов через реки, и в повозе, т.е. в поставке лошадей для переездов князя с его слугами и для перевоза вещей, принадлежавших ему. Смерды, кроме того, участвовали в укреплении того города, к которому тянули они, потому что эти укрепления спасали их во время нашествия неприятелей. Сельские жители также участвовали и в военных походах, особенно при защите своего родного края. Они отправлялись в поход пешими и худо вооруженными и составляли самую плохую часть тогдашней рати. Говоря о сельских и городских жителях, нужно обозреть положение на Руси самих городов и селений в XII веке.

Города. Города на Руси в настоящем периоде, так же как и в прежнее время, делились на старшие города и пригороды. Отношение пригородов к старшим городам в этом периоде стало изменяться, частью при помощи самих князей, а частью от перемены самого положения дел. Но эта перемена отношений пригородов к старшим городам в настоящем периоде коснулась только очень немногих пригородов. Вообще же младшие города вполне зависели от старших, так что князь, владевший старшим городом, признавался князем и в пригородах. Кроме собственно *земских городов* был еще разряд особых *городов княжеских*, построенных самим князьями. Начало существования этих городов относится еще к 1-му периоду (города, построенные Олегом), но полное их развитие принадлежит к настоящему периоду. Они делились на два разряда. К первому разряду принадлежали города, построенные для ограждения границ, ко второму – города, построенные для увеличения княжеских доходов или вообще для тех выгод, которые князь находили от постройки города в том или другом месте.

Первые города строились на границах, преимущественно против степных соседей. Таковы были города, построенные Владимиром по Десне, Остеру, Трубежу, Суде и Соже. Причина постройки этих городов выражена в летописи, где сказано: «Нача бо рубати мужи лучшие от словен и от кривичей и от чудь и от вятичь, и от сих несели грады; бе бо рать от печенег, и бе воюяся с ними и одаляя». Из этого свидетельства мы ясно видим, что такие города имели значение крепостей, в которых жители, собранные из разных стран, занимали собой гарнизоны или, по-тогдашнему, засады. Стало быть, в этих городах не могло быть промыслов: жители их были военные и поэтому характер самих городов был военный. Нередко города эти заселялись пленниками, захваченными на войне. Так, в 1032 г. Ярослав строил города и населял их пленниками, приведенными из Польши. Впоследствии эти города были заселены кочевниками, которые, приняв покровительство русского князя, стали служить оплотом от набегов других кочевников. Так, в Приднепровье города по рекам Роси и Трубежу были заняты торками, берендеями, печенегами и другими кочевниками, известными под общим именем Черных Клобуков или черкасов. Эти кочевники служили передовой стражей Русской земли от половцев. Подобные же города были построены в Черниговском княжестве по рекам Семи и Сожи и заселены беловежцами или хозарами и мирными половцами. Полукочевое народонаселение тогдашних городов, хотя и управлялось своими племенными князьями, но по территории тянуло к земщине того города, на земле которого они селились. Поэтому они полностью зависели от старших городов и принимали большое участие в земских делах, поддерживали старшие города и, в свою очередь, получали от них помощь. Княжеские города второго разряда строились в местах или удобных для производства каких-либо промыслов, или в местах, почему-либо приятных строителю. Эти города имели характер исключительно частной собственности; князья пользовались с них доходами и распоряжались ими, как своей собственностью по своему усмотрению; так, например, Владимир Василькович

в своем духовном завещании пишет: *«Дал есмь княгине свой город Кобрин и с людьми, и с данью, как при мне даяли, так и по мне ать дают княгини моей»*. Частное право князей на эти города не отнимало у них земского значения. Города, как земские, так и частных собственников, по территории, т.е. по земле и воде, тянули к старшему городу и делались его пригородами. Так Владимир, построенный Владимиром Мономахом на земле Суздаля и Ростова, считал себя пригородом или колонией этих городов, хотя население его состояло из пришельцев из разных стран, а когда владимирцы при преемниках Андрея Боголюбского восстали на ростовцев, то ростовцы говорили: *«Владимирцы наши пригородные и холопы, пожжем их город и опять поставим там своего посадника»*.

Кроме княжеских, были еще в этом периоде *города, принадлежавшие церквям и другим частным собственникам*. Так, соборная Владимирская церковь владела несколькими городами, пожалованными ей Андреем Боголюбским, также у новгородских бояр были города в Заволочье. То же было в Рязанском княжестве, в Черниговском и, вероятно, в других. Но эти города вместе с тем принадлежали и земщине, они тянули к старшим городам и никаких особенных отношений к другим городам и гражданских отличий не имели. Поэтому решение веча старшего города имело влияние на все города, были ли они построены самим старшими городами или частными собственниками. Право частной собственности на города на Руси никогда не было полным и самостоятельным, совершенно иначе, чем это было, например, в Германии. Если бы какой-нибудь частный собственник, владевший городом, вздумал отделиться от земщины, то это не обошлось бы без войны с ней. Это составляет отличительный характер русских городов – кем бы они ни были построены, всегда принадлежали земщине.

Селения в настоящем периоде делились на *земские или черные, княжеские, церковные, монастырские и других частных собственников*. По устройству своему они все имели общинный характер, а по населению состояли из свободных людей, по своему усмотрению селившихся на той или другой

земле и принимавших на себя обязанности по взаимному договору с владельцем земли, т.е. с князем, монастырем, земской общиной, боярином или другим частным собственником. А посему жители всех разрядов селений без различия составляли один класс сельцев, носивших одно название смердов или общинников. По занятиям или промыслам жители селений были преимущественно земледельцы. Впрочем, не все селения были земледельческие: были также селения бортников, т.е. людей, занимавшихся пчеловодством, рыболовов, звероловов и др. сельских промышленников; были также селения, которые занимались извозом купеческих товаров из одного места в другое. Такими были преимущественно селения, лежавшие по волокам между судоходными реками. По свидетельству договорной грамоты Ростислава Смоленского с Ригой, жители селений, лежавших между Западной Двиной и Днепром, занимались на свой страх под круговой порукой извозом русских и немецких товаров и составляли общины извозчиков, к которым принадлежали только внесшие определенную плату. По всей вероятности, подобные общины находились по всем волокам. В некоторых памятниках упоминаются еще общины перевозчиков по рекам: так, в договорной грамоте Новгорода с Ганзой упоминается община перевозчиков по Ижоре и Неве; без сомнения, такие же общины были и по Волге, Днепру, Волхову, Двине и по другим судоходным рекам.

Селения, как и в первом периоде, находились в подчиненности своим городам, или, как тогда говорили, «тянули к городам судом и данью», или – «тянули к городам по земле и воде», т.е. все сельские поземельные имения, как общинные, земские принадлежали к земщине того или другого города. Поэтому селения не могли быть перечислены от одной земщины к другой. Так, князья или другие собственники, переходя в другое место, не могли также переводить с собой и селения. Частное право собственников населения не уничтожало прав земщины, на землях которых они стояли. Каждое из селений, на чьей бы земле оно ни находилось, управлялось своим вельчм или мирской сходкой и выборными из самих же сельчан

старостами. В селениях частных собственников при выборных старостах были еще тиуны, ключники, посельские и другие приставники, присылаемые в селения их владельцами. Но все эти правители заведовали в селениях только экономической частью, в управление же их не вмешивались и предоставляли им управляться своим вечем и старостами. Владельческие имения не всегда населялись свободными людьми, но иногда и рабами; впрочем, это бывало редко; рабы поселялись своими господами среди свободных поселенцев, да и то в немногих семьях; так, по крайней мере, можно заключить по дошедшим до нас писцовым книгам XV века.

Поземельное владение на Руси по-прежнему было общинное, вотчинное, княжеское, поместное и, сверх того, появившееся с введением христианства – церковное или монастырское.

Общинные земли в настоящем периоде стали называться черными землями и по-прежнему не составляли ничьей частной собственности, а считались землями государственными. На них были построены земские города и селения, и каждая община – городская или сельская, владела принадлежащей ей землей как собственностью, нераздельно. Члены общины имели только право пользования участками общинной земли и не могли ни продавать их, ни закладывать иначе как тем лицам, которые пожелали бы вступить в члены общины и приняли бы на себя тягло, лежащее на земле; поэтому защита или охрана общинной земли лежала на целой общине, а не на отдельных ее членах, и в случае споров за владение суд имел дело с самими общинами или с их выборными представителями, а не с отдельными членами. Владение общинной или черной землей всегда влекло за собой исполнение разных повинностей и платеж податей, лежащих на общине: член общины, получая участок земли, вместе с тем принимал на себя и ту долю общинных повинностей, которые лежали на земле, – без этого условия община не давала земель. Общинные земли делились в городах на дворы, а в селах на оковы, бочки, четверти и т.д. по количеству хлеба, засеваемого на них. Соразмерно с про-

странством засеваемой земли взимались подати. Кроме того, сельские земли делились на выти, у новгородцев на обжи, т.е. такие доли, которые представляли полный надел того или другого члена общины. По качеству черные земли делились так же, как и другие разряды земель, на пахотные, сенокосные, лесные и др. К ним же причислялись разные угодья и промыслы: рыбные и звериные ловли, бортные урожаи и в некоторых местах соляные промыслы.

Вотчинные земли по-прежнему были частной собственностью; они, как и раньше, приобретались расчисткой диких полей и лесов, покупкой и дарением, по наследству и по другим гражданским сделкам между собственниками, а также, хотя и редко, пожалованием от князя. Владение вотчинными землями как полной собственностью вообще оставалось на прежних основаниях, но, вследствие разделения Руси на уделы, появилось некоторое ограничение прав собственника на вотчинную землю, состоящее в том, что вотчинник, переходя на службу другого князя, а не того, во владениях которого находилась его вотчина, хоть и не терял своего права на вотчину, но тем не менее вотчина со своим владельцем не переходила во владения другого князя – она принадлежала прежней земщине, платила дань прежнему князю и тянула к своему городу; поэтому вотчинник не мог перечислить вотчину из одного владения в другое. Таким образом, с появлением уделов ясно обозначилось, что частная поземельная собственность имела тесную связь с общинным или земским поземельным владением, вотчина не могла отделиться от земщины, к которой она тянула судом и данью. Поземельная собственность, хотя и не стесняла личности самого владельца, но тем не менее налагала на него некоторые обязательства по отношению к той земщине, к которой принадлежали его владения, так что дружинник, принимая на себя разные повинности и платежи, лежавшие на его земле, делался в некоторой степени земцем. Вотчинные земли могли быть и городскими; последние обыкновенно назывались белыми или обеленными, в противоположность сельским, которые назывались черными.

Княжеские земли по происхождению своему, как мы уже знаем, или были уступлены князю земщиной, или приобретены им покупкой у частных собственников и расчисткой диких полей и лесов. Те и другие земли были собственностью князя; но появление уделов на Руси ясно показало, что его права на эту собственность были неодинаковы, а именно: князь, переходя из одного удела в другой, уже терял всякое право на земли, уступленные ему земщиной, потому что они целиком переходили к новому князю; земли же, приобретенные покупкой или расчисткой и заселением диких полей и лесов, оставались за ним как частная собственность, и в тех случаях, когда он переходил в другое владение, новый князь не имел на них прав собственника. Отсюда понятно, что земли, уступавшиеся князю земщиной, составляли принадлежность собственно княжеской власти, а не личности того или иного князя. Земщина уступала их только на власть князя; следовательно, они не были частной собственностью князя, а принадлежали к землям государственным. Из этих земель князь раздавал участки своим дружинникам за их службу, но он не имел права отдавать их в вотчинное владение. В землях покупных, составлявших частную собственность, князья устраивали разные хозяйственные заведения, доходы с которых шли в их казну. К частной собственности князей принадлежали не только сельские земли и угодья, но и городские дворы, которые они покупали у частных собственников; так, в Путивле был дом Святослава Ольговича, о котором летопись упоминает под 1146 годом, при взятии Путивля Изяславом: *«И ту двор Святославль раздели на 4 части, и скотнице, брестьянице и товар, и же бе не мочно двинути и в погребех было 500 берковсков меду, а вина 80 корчаг, и церковь св. Вознесения всю оплупиша и не оставиша ничтоже княжа, но вся разделиша и челяди семь сот»*. Также под 1158 годом летопись упоминает о дворах Юрия Долгорукого, рассказывая о мятеже, бывшем в Киеве по смерти этого князя: *«Много зла сотворися в тот день: разграбиша двор его красный и другой двор его за Днепром разграбиша, его же зващеть сам раем, и*

Васильков двор, сына его разграбиша в городе». Частные княжеские земли, хотя принадлежали к земщине и входили в состав государственных земель, но в то же время управлялись волостелями и посельскими или тиунами, присылаемыми князем; следовательно, они ничем не отличались от земель частных владельцев. Управу приставников в княжеских землях Даниил Заточник характеризует следующими словами: «Не имей двора близ князя двора, не держи села близ князя села, тиун бо его, яко огонь трепещицею наложен».

Поместные земли в этом периоде, как и в предыдущем, не были собственностью своих владельцев; они раздавались князьями дружинникам на праве пользования на протяжении службы их князю; и так как они раздавались из тех земель, которые были уступлены собственно княжеской власти, а не лично князю, то в настоящем периоде с развитием удельного разновластия значение поместных земель ясно определилось по тому, что дружинники, переходя вместе со своими князьями из одного владения в другое, лишались всех прав на поместья в прежнем владении, которые переходили к новому князю и раздавались им его дружинникам. Таким образом, ясно обозначалось, что поместья никогда не были частной собственностью и не могли быть ею; они всегда составляли собственность государственную и, в сущности, имели одинаковый характер с черными землями. Как община раздавала черные земли по участкам своим членам с обязательством нести известные повинности и подати, лежащие на том или ином участке, так же точно и союз общин – государство отдавало князю земли с тем, чтобы он раздавал их своим дружинникам также с обязательством нести службу со своего участка. Впоследствии, как мы увидим, с поместных земель была определена служба с такой же точностью, с какой определялись повинности и подати с черных земель: именно, от помещика требовалось, чтобы он выходил на войну в известном вооружении и с определенным числом слуг, сообразно с количеством земли, данной ему в поместное владение. Впрочем, это было только впоследствии, а в XI, XII и XIII в.

едва ли была такая точность и определенность в распределении повинностей с поместных земель, по крайней мере до нас не дошло ни одного памятника, в котором бы указывалось, какие повинности лежали в этом периоде на поместных землях. Но во всяком случае нужно предположить, что поместные земли в этом периоде несли определенные повинности, потому что, как мы уже сказали, они не имели характера исключительности и, как и черные земли, составляли собственность государственную. Разница между черными и поместными землями состояла только в том, что общины раздавали своим членам участки меньшие по сравнению с теми, которые князья давали своим дружинникам. Характер поместных земель, обусловленный тем, что они были собственностью государства, имел большое влияние на само устройство русских владений. Такой характер поместий в связи с удельной системой не давал русским помещикам возможности усилиться настолько, чтобы быть в тягость князьям и народу, как феодалы в Западной Европе, потому что, хотя поместье и лен по форме своей были почти одинаковы, т.е. означали неполное, временное владение за службу, но в сущности между ними была огромная разница: лен принадлежал государю, а не государству, следовательно, феодал, получив от государя лен на время службы, мог незаметно обратить его в полную собственность и увеличить свои владения получением новых земель от государя и постепенным превращением их в полную собственность. Так в действительности и было сделано феодалами Западной Европы, владения которых из ленных стали родовыми. Но русские помещики этого сделать не могли, потому что ни постоянная служба одному князю, ни переход из службы одного князя на службу к другому не упрочивали за ними поместий и не позволяли обращать их в полную собственность. Продолжая службу у одного князя, помещик должен был переходить из одного удела в другой, следовательно, терять свои права на поместья, и если бы для сохранения за собой поместья он вздумал перейти на службу того князя, которому доставался

удел, где было его поместье, то и это не всегда упрочивало за ним права на поместье, потому что князь приводил с собой своих дружинников, которых должен был наделять поместьями и, следовательно, волей неволей должен был или выгонять прежних помещиков, или же убавлять их поместья. Конечно, князь мог удовлетворять своих дружинников и не касаясь поместий, принадлежавших дружинникам, перешедшим к нему на службу от прежнего князя – он мог назначить им жалованье и кормление, но это не всегда было возможно и притом только сохраняло помещикам право владения на более продолжительное время, но нисколько не увеличивало и не давало средств обращать поместье в полную собственность, и тем резко отличало помещиков от феодалов.

Монастырские и церковные земли появились на Руси вместе с введением христианства, потому что уже во Владимировой уставе упоминаются монастыри, лечебницы, странноприимные дома, гостиницы и пр., принадлежащие церквям, епископам и митрополиту. Точно так же и при Ярославе, как это видно из его устава, все эти учреждения принадлежали церкви. Мы не знаем, давались ли в это время монастырям и церквям вотчины – по всей вероятности, они не давались. Это можно заключить из того, что летописец, перечисляя все то, что сделал для церкви Ярослав, говорит только о том, что он давал церквям урок, но о землях и угодьях не говорит ничего. В первый раз о пожертвовании церкви земли летописец упоминает под 1061 годом при Изяславе Ярославиче. Изяслав, по словам летописца, дал Антонию, основателю Печерского монастыря, Печерскую гору. Впоследствии монастыри и церкви приобрели значительные недвижимые имущества или через покупку у вотчинников, или через расчистку диких полей и лесов, или через дарение на помин души князьями и частными лицами, или, наконец, через пожалование от князей на содержание и устройство церквей. Так, в грамоте Ростислава Мстиславича Смоленского, данной им в 1150 году смоленской епископии, сказано: *«И се даю на посвет св. Богородицы из двора своего осмь капий, воску и на горе, огород с капуст-*

ником и с женою и с детьми, за рекой тетеревник с женою и с детьми». Особенно были богаты недвижимыми имениями наиболее уважаемые монастыри и епископские кафедры; епископ Владимирский Симон так говорит о богатстве своей кафедры: «Кто не весть мене грешного епископа Симона и сия соборная церкви Владимирския и другая суздальские церкви, колико же иместа градов и сел». А что монастыри и церкви получали большие вклады от частных лиц, видно из монастырских и церковных вкладных описей XII века. Они, например, свидетельствуют, что один богатый новгородец Олекса, впоследствии Варлаам Хутынский, пожертвовал большой участок земли Хутынскому монастырю. Известия же о том, что монастыри приобретали земли расчисткой диких полей и лесов, рассыпаны преимущественно по новгородским памятникам; у нас нет необходимости перечислять эти известия. Земли монастырские и церковные носили характер вотчинных земель, т.е. частной поземельной собственности с правом отчуждения. Но вместе с тем они имели свой особый характер, состоявший в том, что они принадлежали не физическому лицу, а юридическому; они составляли принадлежность не того или иного епископа, или монаха, а епископского сана и монастыря. При таком характере этих земель во владении ими были некоторые особые условия. Так, епископ мог свои земли продавать, закладывать, обменивать или отдавать в поместное владение своим боярам и слугам, но он не мог дарить их или отдавать по завещанию, и они целиком переходили к последующему епископу. Иное дело, если епископ имел вотчины родовые или приобретенные покупкой на собственные деньги; такие вотчины он мог дарить и завещать. Точно так же и монастырские земли принадлежали собственно монастырю, а не монахам, и потому не могли быть ни продаваемы, ни закладываемы, ни отдаваемы по завещанию монахами их родичам и т.д., а всегда составляли принадлежность монастыря. Церковные земли точно так же были принадлежностью церкви, а не причта, который только имел право пользоваться доходами с них. Следовательно, владение

эти земли предоставлялось только в известных пределах и они не могли быть отчуждены каким-либо образом. Кроме того, по тесному соединению церкви с приходом в охране и управлении церковным имуществом принимали участие все прихожане в лице избираемых ими церковных старост. Доказательство этому мы находим в уставной грамоте Всеволода Мстиславича, данной им церкви Иоанна Предтечи на Опоках (в Новгороде), в которой именно сказано, что для управления имением этой церкви избирались церковные старосты. Но власть причта и прихода относительно церковных земель была еще ограничена властью епископа, так что ни причт, ни приход не могли без согласия епископа распоряжаться церковными землями.

ДОХОДЫ КНЯЗЕЙ

Категории и виды доходов. Судебная категория: вира, продажа, судебный урок, пересуд, ротный урок, железное. Категория торговых пошлин: гостиная, торговое, мыть, перевоз, весчая, предмер, пись, пятно и корчмиты. Категория собственно податей: дань, полюдые, истужница, урок или оброк, почестье, вено и повоз. Торговля, угодыя и промыслы как виды княжеских доходов. Доходы дружинников: управление, судебные и административные пошлины, поместья и жалованье. Денежная система

Доходы князей по-прежнему разделялись на доходы с племен, уступавших силе, но еще не полностью покоренных и не составлявших русского государства, и на доходы с племен, совершенно покоренных и вошедших в состав русского государства, т.е. принявших русское управление и полностью подчинившихся всем требованиям и законам русского правительства. Первого рода доходы состояли из даней, за которыми ходили сами русские князья или их дружинники. Такими племенами были литовцы, ятвяги и некоторые из финских

племен, живших за Северной Двиной и Печерой и далее к Уральскому хребту. С этих племен русские обыкновенно собирали дань вооруженной силой, посылали туда воинские отряды или строили там городки и содержали там гарнизоны или, по тогдашнему выражению, засады, которые время от времени выходили из городков для сбора дани, или же сами плательщики дани приносили дань в городки. Такой сбор дани впоследствии стал называться ясаком и до сего времени сохраняет это название по отношению к инородческим племенам Сибири. О сборе дани силой нередко упоминают летописи; так, под 1187 годом в новгородской летописи сказано: *«В то же время избиени быша печерские данники и югрские в Печере, а дружины за Волоком, и паде голов осте кметьства»*. Под 1071 годом летопись упоминает о Яне Вышатиче, ходившем с дружиной в Белозерский край для сбора дани на Святослава. Летописи же свидетельствуют, что князья полоцкие ходили за данью к литве, а Волынские к ятвягам.

Второго рода доходы собирались самими жителями областей, составлявших Русское государство, и подразделялись на несколько видов, которые не всегда были одинаковы по разным княжествам, входившим в состав тогдашней Руси. Довольно подробные сведения о видах податей представляет уставная грамота Ростислава Мстиславича Смоленского, писанная в 1150 году. Из нее мы видим: 1) что одни из этих доходов были определенные, наперед уже сочтенные, сколько которого дохода собирается с какой области, а другие были неопределенные, зависевшие от случая, например, гостинное, перевоз, торговое, корчмита и мыто; ибо, конечно, князь определял, сколько брать с воза мытных пошлин или почем должен платить гость гостинной дани, но князь, естественно, не мог заранее знать, сколько придет возов, с которых брать мыто и перевоз, и сколько будет гостей, платящих гостинное; 2) что при сборе доходов наблюдались порядок и определенность, которые давали возможность заранее знать, какую сумму какого дохода приносит та или другая область. Так, в грамоте сказано: *«У Вержавленех у великих 9 погостов, а*

в тех погостех платить, кто ж свою дань и передмер и истужницы по силе, кто что мога, а в тех погостех а некоторый погибнет, то ти и десятины убудет, а в тых погостех во всех сходится дани осьмсот гривен, а передмера сто гривен, а на истужницах сто гривен; то ти из того взяти епископу, к Святей Богородице 100 гривен, А в Хотишине дани 200 гривен; из того епископу взяти 20 гривен; в Пацине дани 30 гривен; а из того епископу три гривны, а в гостиней дани неведомо, что ся сойдет, из того Святей Богородице и епископу десятина. Дедичи и дань и вира 15 гривен, гость семь гривен, а из того Св. Богородице и епископу три гривны без семи ногат. На Копыси полюдья четыре гривны, а перевозу четыре гривны, а торгового четыре гривны, а кормчити неведомо что ся сойдет. В Лучине полюдья четыре гривны, а мыта кормчити неведомо, но что ся снидет, из того епископу десятина». Эта определенность и точность в сборе доходов ясно свидетельствует, что доходы княжеские не были случайными и произвольными, но были установлены и утверждены законом и производились в порядке по известным правилам, указывающим на ту степень благоустройства, в которой находилось тогдашнее общество. 3) В то время употреблялось три формы сбора доходов: первая форма состояла в том, что доходы собирались непосредственно слугами князя – данщиками, мытниками и др.; вторая же форма заключалась в отдаче на откуп какой-нибудь доходной статьи – правительство прямо получало установившуюся на торгах цену и потом отдавало заплатившему ее в полное распоряжение какую-нибудь доходную статью; третья форма состояла в том, что правительство оброчило какую-нибудь статью дохода, т.е. входило в условия с общиной и назначало, сколько в известный срок – иногда даже за несколько лет вперед – нужно внести оброку, а община уже сама раскладывала этот оброк между своими членами и сама собирала его. 4) В рассматриваемое нами время правительство следовало различным формам сбора и изменяло их сообразно с обстоятельствами. Так, например, из грамоты Ростислава мы видим, что в Дедичах гостиная

пошлина была определена в семь гривен, следовательно, отдавалась на оброк, а в Пачине она вовсе не была определена, следовательно, здесь правительство брало ее само. 5) Подати взимались, по свидетельству Ростиславовой грамоты, не со всех плательщиков одинаково, а смотря по имуществу каждого, следовательно, тогда взимались подати не с лица, а с капитала или дохода, или, как выражались тогда, «по животам и промыслам». Так, в грамоте сказано: *«А в тех погостех платит кто-жь свою дань по силе, кто что мога»*. Эта новая система сбора податей в основании своем резко отличается от системы сбора в первом периоде, когда дань платилась с двора или с дыму. Это показывает, что русское общество сделало в это время значительный успех в своем развитии и, конечно, в этом нельзя не заподозрить значительного влияния церкви. Податная система, основанная на сборе процентов с капитала или дохода, показывает, что доходы были тогда приведены в известность, следовательно, тогда существовал кадастр, иначе правительство не могло бы заранее определять количество своих доходов. И мы, действительно, в XIII и XIV столетиях встретим множество ясных указаний на кадастрацию имущества и промыслов в русском обществе, а от XV и XVI столетия до нас даже дошло много официальных книг тогдашнего кадастра; конечно ни в XIII, ни в XIV, ни даже в XV веке эта система общественного устройства не могла образоваться и развиваться на Руси, потому что тогда Россия была под гнетом кочевников – татар, следовательно, начала этой системы именно и должно искать в XI и XII столетиях, когда многие русские княжества процветали, с чем вполне и согласны приведенные выше свидетельства Ростиславовой уставной грамоты. Мы находим также летописные свидетельства об описании частных имуществ в Галицких владениях в 1241 году, а об определенной сумме доходов с областей в киевских владениях летопись упоминает под 1195 годом, где Роман Волынский говорит киевскому князю Рюрику: *«А мне любо иную волость в тое место даси, любо кунами даси за нее, во что будет была»*. 6) Наконец, в Ростиславовой грамоте мы нахо-

дим указание, что подати не во всех областях были одни и те же: в одних областях собиралась одна, в других другая подать, с одних областей один вид, с других несколько видов податей. Рассмотрев общую систему княжеских доходов в настоящем периоде, мы теперь перейдем к рассмотрению и объяснению каждого вида доходов отдельно и разделим виды на те категории, к которым тот или другой вид принадлежит по своей натуре и по источникам.

Категории и виды доходов. Категории, на которые разделялись доходы, были: *судебная, торговая и собственно податная*. К первой категории принадлежали: 1) виры, 2) продажи, 3) судебные уроки, 4) пересуд, 5) ротные уроки, 6) железное.

Вирой назывался платеж в княжескую казну, взыскиваемый за убийство человека. Цена виры в Русской Правде была установлена в 80 гривен кун, или 20 гривен серебра, за княжеского мужа и вообще за боярина, а за людина и за младшего дружинника по 40 гривен кун, или 10 гривен серебра; эта же вира в 40 гривен и в 80 гривен кун была установлена и в договорной грамоте Мстислава Давидовича Смоленского с Ригой и Готландом. Вира платилась или самим убийцей, когда он убил в разбое, или когда он не был вкладчиком в дикую виру, или платилась вира общиной, это называлось *дикой вирой*, когда убийца был неизвестен или когда убийство совершалось во время ссоры или явно, на пиру. Кроме того было полувирье, когда кто кому отрубит руку или ногу или выколет глаз. Вира иногда отдавалась на оброк; так, в Ростиславовой грамоте сказано: «*В Дедичи дань и вира 15 гривен*».

Продажей называлась пеня за личное оскорбление или за нарушение прав собственности. Платеж продажи был различен, смотря по преступлению, но не превышал 12 гривен кун. В иных случаях она платилась самим виноватым, в иных — обществом; но отдавалась ли продажа так же, как и вира, на оброк — это неизвестно.

Судебные уроки собирались с суда как гражданских, так и уголовных дел. По закону Русской Правды судебные уроки были определены по 9 кун от виры, по 30 кун от бортной и

ролейной земли, а во всех других тяжбах по 4 куны: *«А се уродцы судебнии; от виры 9 кун, а от бортное земли 30 кун, а от иных от всех тяжб кому помогут по 4 куны»*. Из этой статьи Русской Правды видно, что судебные пошлины платила та сторона, которая выигрывала дело – *«кому помогут»*, сказано в статье; но означало ли это указание платежа 4 кун от всякой тяжбы, или 30 кун от ролейной земли, или 9 кун от виры, проценты с гривны, или полный платеж, в какую бы цену ни была тяжба, т.е. платилась ли с каждого тяжбного дела, в какую бы цену оно ни было, только по 4 куны, – на все это Русская Правда не представляет никаких объяснений.

Впрочем, кажется, правильно будет допустить, что здесь закон говорит о процентах с тяжбной гривны; по крайней мере, впоследствии судные пошлины составляли проценты с той суммы, в которую оценивалась тяжба.

Пересуд. Под этим названием, вероятно, подразумевалась пошлина при производстве вторичного суда по тому же делу; так, по крайней мере, этот юридический термин понимался впоследствии.

Ротные уроки взимались на князя при приведении к присяге или роте, т.е. когда кто очищал свою тяжбу присягой. Под именем ротных уроков в древности также были известны крепостные пошлины, платимые при покупке и продаже недвижимых имуществ. Ротным этот урок назывался потому, что продававший давал перед судом клятву (роту) в том, что он продает имение за такую-то цену. Закрепление состояло в записывании в суде ротного урока, который платил продавец, сообразно с суммой, взятой им за проданное имение. В Русской Правде уроки эти определены следующим образом: *«А се уроки ротнии: от головы (при покупке раба) 30 кун, а от бортной земли 30 кун без трех, также и от ролейной земли, а от свободы (раба) 9 кун»*.

Железное. Железным назывался тот платеж в княжескую казну, который давался истцом или ответчиком, смотря по тому, кто требовал решения судебной тяжбы испытанием посредством горячего железа. В Русской Правде этот платеж

определен следующим образом: «А железного платити 40 кун, а мечнику 5 кун, а полгривны детскому; то ти железный урок, кто си в чем емлет». Вероятно, одинаковый урок платился при испытании водой и при судебных поединках, или поле.

К категории торговых пошлин принадлежали: 1) гостиное, 2) торговое, 3) мыть, 4) перевоз, 5) весчая, 6) предмер, 7) корчмиты, 8) пись, 9) пятно.

Гостиная – так называлась пошлина, собираемая с гостей, т.е. купцов, приезжавших для торговли из иных городов или из иных земель. Она могла, как мы уже видели, отдаваться на откуп, в оброк, или же взималась слугами правительства. По свидетельству Всеволодовой грамоты, пошлина сия взималась за складку гостиного товара на торговой площади, где, конечно, имелись для этого особые амбары. В грамоте сказано: «А буевище Петрянина дворище от прежних дверей Св. Иоанна до погребца, а от погребца до кончанского мосту, а с того буевища имати куны старосте Иванскому и по бережанскому. А тые куны класть в дом Св. Иоанна Великого». По позднейшим памятникам гостиная пошлина состояла из следующих частей – подворного, амбарного, свального и привязного. Гость, привозивший транспорт товара, непременно должен был останавливаться на гостинном дворе, а на других дворах ему не позволялось останавливаться, и за въезд на гостинный двор платил первую часть пошлины, называвшуюся *подворным*, или поворотным; потом платил вторую часть пошлины за складку товара в амбар на гостинном дворе, что называлось *амбарным*, третья доля пошлины, называвшаяся *свальным*, собиралась при складке товаров с судна или с воза, и наконец, четвертая доля, известная под именем *привязного*, собиралась с судов, входивших в торговую пристань. Еще в договоре новгородцев с Ганзой в XII веке упоминается о пошлине при входе судна в гостиную пристань; в грамоте сказано: «Когда гости входили в гостиную пристань, то всякое судно, нагруженное товарами, платило пошлины гривну кун». Эта пошлина разнилась по правам тех гостей, с которых она взималась.

Торговое была пошлина, взыскивавшаяся при самой продаже товаров на торгу. Для этого, по свидетельству Русской Правды, на торгу всегда присутствовал сборщик, называвшийся тогда вообще мытником. Собиралась эта пошлина как со своих торговцев, так и с приезжих гостей. Каким образом взыскивалась и какой процент товара составляла торговая пошлина, дошедшие до нас памятники не объясняют; но, судя по позднейшим свидетельствам, должно допустить, что торговую пошлину платил покупатель, а не продавец.

Мыть. Это была пошлина, собираемая за провоз товаров через мытные заставы, которые преимущественно устраивались при мостах, перевозах и при въездах в селения и города; при заставах, обыкновенно, строились мытные избы, в которых находился мытник и его помощники. Каждый приезжающий с товаром останавливался мытником и должен был платить мытную пошлину, как с людей находящихся при обозе, так и с товаров. Мытная пошлина с людей, иначе называвшаяся косткой, или поголовщиной, взималась с головы; пошлина же с товаров бралась с воза или с судна; кроме того, пошлина с судна различалась по величине судна, именно – раскладка пошлины шла по числу досок, составлявших дно судна, причем с судна с набоем с каждой доски взималась двойная пошлина. В сборе мытной пошлины наблюдалось различие и в том, с кого она собиралась – со своих ли торговцев или с иногородных; иногородние платили дороже. Пошлина сия иногда отдавалась на откуп, иногда на оброк, а иногда собиралась непосредственно слугами князя.

Перевоз. Перевозом называлась пошлина за перевоз товаров и обозов через реки; она была неопределенна, и ею пользовались не только князья, но и частные землевладельцы, которые устраивали в своих имениях перевозки через реки и устанавливали перевозные пошлины по своему благоусмотрению, ставили своих людей по рекам и не позволяли торговцам переезжать вброд. Взималась эта пошлина с возов, лошадей и людей. Она иногда отдавалась на откуп казной посторонним откупщикам или на оброк земским общинам, во

владениях которых были перевозки. Пошлина сия учреждалась только на летнее время или, как тогда выражались, от полой воды до тех мест, как реки станут.

Весчее была пошлина, взимаемая за взвешивание товаров; для этого правительством учреждались на торгах общие весы, за исправностью которых, по уставам Владимира и Ярослава, строго смотрела церковь и проверяла их ежегодно, для чего образцы гирь всегда хранились или при известных церквях, или в других безопасных местах, и гири, употребляемые на торгу, сравнивались с этими образцами. При всех весах находились особые старосты, в должность которых избирались люди, пользующиеся особым доверием общества, настоящие, пошлые купцы. Так, в грамоте Всеволода, данной церкви Иоанна Предтечи на Опоках, сказано: «А *весити им в притворе Св. Ивана, где дано ту его и держати; а весити старостам Иванским двема купцем пошлым, добрым людем, и не пошлым купцем старощенья не держати, ни весу им не весити Иванскаго*». А в другой Всеволодовой грамоте – о церковных судах и о мерилах торговых, так описан надзор за торговыми весами, предоставленный епископу: «*Торговые все весы, мерила и скалвы воцанья и пуд ладовай и гривенка рублевая и всякая извесь, иже на торгу промеж людьми, епископу блюсти без пакости не умаливати, ни умноживати, а на всякий год извешивати; а искривится, а кому приказано, и того казнити близко смерти, а живот его на-трое: треть живота Св. Софии, а другая треть Свят. Ивану, а третья треть соцким и Новгороду*». О проверке же весов и о хранении образцов при церквях упоминается в договорной грамоте Мстислава Давидовича Смоленского с Ригой и Готским берегом: «*Аже воцный пуд исказится, лежит кап в Св. Богородици на горе, а другая в Немечской Богородицы, то тым пуд извираче, право учинити*». Платеж весчей пошлины – почем с капи, пуда, берковца и гривенки и за какой товар, обыкновенно определялся особыми уставными грамотами, и плательщиком всегда был покупатель, а не продавец, и обыкновенно с приезжих купцов или гостей бралась пошлина дороже, не-

жели со своих. Так, в грамоте Всеволода, данной Новгородской церкви Иоанна Предтечи на Опоках, сказано: *«А у гостя им имати у Низовскаго от дву берковска воцаных полгривне серебра, да гривенка перцу, у Полоцкаго и у Смоленского по две гривны кун от берковска воцанаго, у Новоторженина полтори гривны кун от берковска воцанаго, у Новгородца шесть мордок от берковска воцанаго»*. Весчая пошлина преимущественно, кажется, жаловалась церкви и епископу, но впрочем не без участия в ней и самого князя. Так, во Всеволодовой грамоте, по которой вес предоставлялся Иванской церкви, сказано: *«А взять князю великому из весу воцанаго полтретьядцать гривен серебра через год»*. Впрочем, иногда вес содержался и самим правительством, а иногда отдавался на откуп и на оброк, как и все пошлины.

Предмер или померное. Так называлась пошлина, взимаемая при перемере сыпучих товаров – ржи, пшеницы, гороху, орехов и других, для чего правительство имело на торгах казенные меры, называвшиеся калями (кадь = 6 четверикам), оковами (половина кади), коробьями, четвертями, осминами; вероятно, правила при взимании померной пошлины были одинаковы с правилами весчей пошлины, но мы на это не имеем никаких свидетельств из первой половины второго периода русского законодательства, кроме одной Ростиславовой грамоты, где упоминается о предмере как о пошлине, доставлявшей доход князю. Притом в грамоте эта пошлина очевидно представлена отданной на откуп или переведенной на землю, т.е. пооброченной, потому что грамота говорит, что предмера с 9 вержавских погостов сходится в год 100 гривен, чего, конечно, нельзя было бы сказать определенно, ежели бы эта пошлина не была переведена на землю или пооброчена. Обычай переводить торговые пошлины на землю мы встречаем и в последующее время; об этом свидетельствует одна уставная грамота 1564 года, где сказано: *«А будет таможенных деньги возьмут на землю, и вы б земские люди и казаки все без помены платили по торгам и головам, а не животам, кто больше торгует, тот больше и дает»*. Померное, т. е.

платеж пошлин за перемер товара, по свидетельству позднейших памятников, лежало на продавце, а не на покупателе; так, в одной грамоте 1551 года сказано: *«А померное им имати с продажи»*; но кто платил эту пошлину в настоящем периоде – неизвестно.

Пись. Об этой пошлине упоминается в грамоте Всеволода о судах церковных и о мерах торговых. В грамоте сказано: *«А попу Ивановскому Русскаяпись с Борисоглебским на пол»*, т.е. писчая пошлина от товара, привозимого из Руссы, делилась пополам между Ивановским и Борисоглебским священниками или, может быть, причтами. Пошлина, очевидно, взималась при записи в книги товара, привезенного на торг, ибо торговцы, приезжая на торг, обыкновенно должны были объявлять свой товар мытникам, или таможникам, которые и записывали товар в книги привоза и брали за это пошлины.

Пятно. Пятном называлось клеймение лошадей при продаже. О клеймении лошадей упоминается под 1170 годом, где сказано, что Мстислав отослал от себя Петра и Нестора Бориславичей *«про ту вину, оже бяху холопи его покрали кони Мстислави у стаде и пятны свое вскладе, разнаменываюче»*. То же говорится о клеймении лошадей и в Русской Правде: *«А за княжь конь, иже той с пятном, три гривне»*. От пятна или клеймения и сама пошлина, взимаемая при продаже лошадей, называлась пятном, а сборщик сей пошлины назывался пятенщиком. Пошлина эта взималась с покупателя и продавца. Торговля лошадьми обыкновенно производилась следующим образом: продать или купить лошадь нельзя было иначе, как только при пятенщике или мытнике, который при совершении торговой сделки клал на лошадь пятно или клеймо и вносил имена покупателя и продавца в особую книгу, где помещалось показание и о самой лошади – какой она шерсти и каких примет. Пятенная пошлина иногда давалась от государя владельцам земли на оброк, чтобы они собирали ее на себя со всех продаваемых и покупаемых лошадей в их имении; иногда она отдавалась на откуп, а иногда она отдавалась посторонним лицам, как бы в жалованье или награду.

Так, во Всеволодовой грамоте о церковных судах пятно с русских лошадей отдано было Иванскому сторожу.

Корчмиты. Эта пошлина упоминается только в уставной грамоте Ростислава Смоленского, а именно в следующих выражениях: «*На Копысе корчмити неведомо что ся сойдет; на Прупаи 10 гривен, а из того епископу гривна, а в корчмитех не ведати, что ся сойдет. В Лучине мыта, корчмити не ведомо, что ся сойдет*». Из этого свидетельства видно только то, что корчмита, как и прочие пошлины, по природе своей не была определена, но, судя по свидетельству грамоты, иногда отдавалась на откуп или на оброк; но в чем состояла эта пошлина, в каких случаях взималась, грамота этого не объясняет, а других современных свидетельств мы пока не имеем. Но если судить по свидетельству позднейших памятников, в которых пошлина за варение и продажу пива и меда называлась корчмитою, то можно допустить, что в XII веке корчмита имела то же значение, как и в позднейшее время.

Категория собственно податей. К категории податей принадлежали: 1) дань, 2) полюдье, 3) истужница, 4) урок или оброк, 5) почестье, 6) вено, 7) повоз.

Дань была известна еще в первый период, но тогда она была не определена и собиралась с двора или с дыма. В настоящем же периоде она была определена и назначалась на целые общины. Правительство обыкновенно назначало только с какой области сколько следует дани, и общины уже сами собирали ее и доставляли правительству. Так, в Ростиславовой грамоте сказано: «*В Торопчи дани 400 гривен, а епископу с того взяти 40 гривен, а в Жижици дани 130 гривен, а с того епископу взяти 13 гривен, а в Каспеси 100 гривен, а из того епископу взяти 10 гривен*». В назначении податей правительство отличало богатые области от бедных и налагало на бедные области меньшее количество податей, чем на богатые. Точно так же и сами общины производили разверстание податей между своими членами по животам и промыслам.

Полюдье. Этот вид податей также был одним из древнейших. Константин Порфирородный, писатель X века, уже упо-

минает о полюдье; по его словам, русские князья ездили осенью к славянским племенам в полюдье. Полюдье собиралось тремя способами: или сам князь отправлялся за ним по областям, или посылал своих слуг, или же собирали и доставляли князю полюдье сами общины. Первоначально полюдье давалось князю в виде подарка при его объезде областей для суда и управы, но потом оно изменилось в чистую дань, так что князь мог заранее определить, сколько каждая область дает ему полюдья. Так, в Ростиславовой грамоте прямо определено: «...на Копысе полюдья 4 гривны».

Истужницы. Этот вид податей встречается только в одной Ростиславовой грамоте, где сказано: «У Вержавленех у 9 великих погост дани 800 гривен, а предмера сто гривен; а на истужницах 100 гривен». Из этого свидетельства мы видим, что истужницы составляли особый вид податей, и что подать эта определялась князем заранее; но в чем состояла эта подать, на ком лежала и как собиралась – об этом мы не имеем никаких свидетельств, ни древних, ни позднейших.

Урок или оброк. Это был один из разнообразнейших видов податей, и притом древнейший; об оброках летопись упоминает еще при Ольге, которая, по словам летописи, установила оброки и дани по Луге. Оброком вообще назывались все виды повинностей и пошлин, когда они раскладывались или переводились на землю, т.е. когда вместо того, чтобы отправлять какую-либо повинность или службу натурой, правительство соглашалось брать вместо этого деньгами или произведениями промышленности, определяя заранее сумму, которую целая область должна платить вместо отправления службы или повинности, и предоставляя самим общинам делать раскладку долям этой суммы по вытям общинной земли; то же, когда правительство оброчило разные торговые и другие пошлины. Кроме того, оброком назывались подати, собираемые с разных угодий и промыслов, например, с рыбных ловель, с солеварен, с бортных ухажаев, с бобровых гонов и вообще с ловли зверей и других промыслов. Так, в Ростиславовой грамоте упоминается об оброке с рыбных ловель в То-

ропце, и там же об оброке с ловли куниц, лисиц и с бортных ухажав: «А у Торопци урока 40 гривен и 15 лисиц и 10 черных кун, невод, бредник, трои сани рыбы, две скатерти, три убрусы, берковеск меду». Здесь мы видим, что оброк собирался и натурой, и деньгами.

Почестье. Так, кажется, назывался прибавок к obroку в виде дара. Так, по крайней мере, можно заключить из свидетельства Ростиславовой грамоты, где почестье именно показано, как пополнение obroка; вот слова грамоты: «*Се от Мстиславля 6 гривен урока, а почестья гривна и три лисицы; от Копысы 6 гривен урока и две лисицы, а почестья 35 кун; от Ростиславля три гривны, а почестья гривна и четыре лисицы*». Из этого свидетельства мы еще видим, что почестье, так же, как и оброк, в количестве своем определялось заранее. Почестье, дар, пополнение при платеже obroков было решительно в духе тогдашнего русского общества. Лучшим свидетельством здесь служит дошедшая до нас древняя купчая, где почти постоянно к сторгованной цене покупатель или платательщик писал пополнку, почестье, дар. Почестье существовало долго на Руси; в московском периоде оно было уже определено и называлось данской пошлиной, которая была не чем иным, как процентом, прилагаемым к дани. Так, например, в одной купчей XIV столетия сказано: «*Се купи Игнате село на Лукини береги и да Игнате на той земле 8 рублев и 20 сороков белке, а пополнка за телицу полтретьядцать бел*»; или в другой купчей: «*Се купи Филип лоскут земли и дал Филип на той земли 50 бел да полот мяса пополнка*».

Вено. Об этом платеже в казну в первый раз упоминается в грамоте Мстислава Великого Юрьеву Новгородскому монастырю, где сказано: «*отдати Буице св. Георгеви с данию и с вирами и с продажами и вено вотьское*». Венном называлась пошлина, собиравшаяся в казну князя от браков; впоследствии она стала называться венечной пошлиной. Ее составляли две доли – *выводная куница* и *новоженный убрус*; первая доля платилась невестой, а вторая женихом. Вено, или венечная пошлина, была различна, смотря по тому – была ли

невеста из той же волости, из которой и жених, или были они из разных волостей и разных уездов. Если жених и невеста были из разных волостей, то венечная пошлина была втрое больше против той, когда невеста и жених были одной волости; если же они были не только из разных волостей, но и из разных уездов, то в таком случае платили втрое более, чем если бы они были только из разных волостей. Причиной было то, что при таких браках то или другое общество, волость или уезд теряло одного из своих работников.

Повоз. Это, собственно, была подводная повинность, а не подать, т.е. жители уезда были обязаны доставлять подводы и проводников для казенных надобностей. Но так как эту повинность можно было и не отправлять натурой, внося за нее наперед деньгами и разложив этот платеж по животам и промыслам на целую волость или уезд, то мало-помалу из повинности образовалась подать, сперва под именем «повоза», а потом под названием «ямских денег», когда образовался особый класс повозчиков или ямщиков, которых правительство на собираемые деньги устраивало особыми слободами по большим дорогам. Ямское устройство уже принадлежит ко второй половине настоящего периода – по крайней мере, мы не встречаем о нем известий в памятниках первой половины.

Важнейшим также источником княжеских доходов были *недвижимые имения*, составлявшие частную собственность князей, приобретенные ими покупкой или другими средствами. С этих имений князь получали доходы как частные собственники. Они заводили там разные хозяйственные заведения для извлечения больших выгод со своих имений.

Торговля также продолжала быть источником княжеских доходов. Подробностей об этом предмете нам не оставили тогдашние летописи; мы имеем только одно летописное известие о торговле князей в настоящем периоде, именно летопись говорит, что Владимир Василькович, князь Волынский, послал в лодьях по Бугу продавать жито в земле Ятвяжской. Но нет сомнения, что торговля у князей тогда была обильным источником доходов, потому что большая часть

податей, собираемых в казну князя, вносилась разными произведениями; хлебом, медом, воском, звериными шкурами, рыбой, скотом и т.п. Этот сбор произведений, скапливавшийся у князей в больших размерах, и служил предметом княжеской торговли. Княжеская торговля производилась или княжескими приставами – купчинами, или выборными от общества купцами, на которых торговля княжескими товарами налагалась как служба или повинность.

Наконец, к княжеским доходам должно причислить разные **угодья и промыслы**, уступленные князю народом; таковы были рыбные промыслы в разных реках и озерах; соловаренные промыслы и разные лесные угодья, которые отдавались или на оброк, или состояли за княжескими людьми, доставлявшими князю добываемые ими произведения от угодий и промыслов. Так, например, в летописи под 1240 годом упоминается, что Даниил Романович Галицкий приказал взять на себя всю добычу Коломыйской соли. Впрочем, такие угодья и промыслы, как можно судить по дошедшим до нас грамотам, давались князьям только во временное пользование. Кроме того, и в самой торговле князья не имели монополий, а поэтому торговля их нисколько не стесняла частной торговли и промышленности. Так, Святополк-Михаил Киевский закупил было соль, чтобы возвысить цену, но явились конкуренты и князь вынужден был сбавить свою цену на соль.

Доходы дружинников в настоящем периоде разделялись на четыре вида: 1) доходы от управления в областях, 2) от суда, 3) от поместий и 4) жалованье.

1) *Управление* составляло прямой доход дружинников, почему и называлось кормлением. Сколько и чего города должны были давать на содержание посадников, тиунов и других княжеских чиновников – это всегда было строго определяемо князьями и земщиной. Впрочем, кормление не составляло главного, постоянного дохода дружинников, потому что давалось только на время, на известные сроки, по большей части на год, или много – на два года в вознаграждение за военные услуги и потери, понесенные ими во время войны.

2) *Судебные и административные пошлины* составляли второй вид доходов дружинников. О них довольно подробно говорится в Русской Правде, из которой видно, что они были строго определены законом; поэтому дружинники могли требовать от народа только то, что позволялось законом, а более того они не имели права требовать. К тому же не только посадники, но и тиуны и другие княжеские чиновники в то время часто сменялись и, следовательно, не имели случая утвердить свою власть в том или другом месте. Все это, вместе взятое, послужило причиной того, что дружинники, которым поручалось управление и суд в городах и волостях, не были притеснителями и грабителями народа, так что строгая определенность пошлин законом делалась не столько для ограждения интересов народа, сколько для ограждения дружинников от неподатливости народа, потому что без этого народ не дал бы им ничего или давал бы им слишком мало. Конечно, и в то время бывали случаи, что посадники, тиуны и проч. делали различные вымогательства относительно подсудимых и излишние поборы, но это было не более, как исключение из общего правила; за такие поборы владимирцы изгнали Ростиславичей. Подобные примеры хотя и встречаются в истории, но редко.

3) *Поместья* были основным и постоянным доходом дружинников. Поместья раздавались всем дружинникам, состоявшим на службе у князя, так что поступать на службу и получать поместья для дружинников было одно и то же; дружинник был равнозначителен помещику. Князья особенно старались тогда распространять отдачу поместий дружинникам, чтобы более привязать их к себе и таким образом сделать их более ревностными защитниками княжеских владений. Этот поря-док особенно сильно был развит в тех владениях, в которых утверждался какой-нибудь один княжеский род, например – в Смоленском княжестве, в Галиче и других. Дружинник, получив поместье, или сам вел в нем хозяйство, или же отдавал его в аренду свободным земледельцам. По свидетельству летописей, дружинники, не имевшие особенных должностей при кня-

жеском дворе или в городах и волостях, в мирное время жили обыкновенно в своих поместьях и занимались хозяйством.

4) *Княжеское жалованье* раздавалось в настоящем периоде не всем дружинникам, а только тем из них, которые поступали на службу не иначе, как договорившись получать от него жалованье. Но разряд этих дружинников был очень немногочислен; некоторые князья вовсе не делали условий с дружинниками, чтобы давать им жалованье.

Денежная система в 1-й половине второго периода. Общие знаки ценностей, называемые у нас деньгами, в первой половине второго периода назывались кунами. Название «деньги» – татарское, оно вошло в употребление на Руси только во 2-й половине второго периода, во время татарского ига. Поэтому слово «деньги» мы не встретим ни в одном из памятников рассматриваемого нами периода: во всех них оно заменяется словом куны (в древнем переводе Евангелия стоит кунолюбцы, т.е. сребролюбцы). Название знаков ценностей кунами произошло оттого, что в то время меновым товаром на Руси служили обыкновенно шкуры разных зверей и преимущественно шкуры куниц, как у римлян *pecunia* от *pecus*. Отыскав, таким образом, общее название тогдашних денег, следует определить тогдашний счет денег и прежде всего отыскать высшую денежную единицу, а потом показать виды низших единиц и отношение их к высшей.

Высшей монетной единицей в то время считалась *гривна*. Гривнами назывались продолговатые серебряные слитки, немного подлиннее пальца и в два пальца ширины. До нас дошли только позднейшие гривны, уже несколько измененные и относящиеся к рублям, т.е. к гривнам разрезанным, разрубленным; из настоящих же гривен до нас дошло не более двух экземпляров. Но на гривнах обыкновенно находим клейма княжеских городов. Гривна собственно означала вес металла – золота или серебра, и почти равнялась нынешнему фунту. Но в то же время она означала и монету и была равна греческой литре, которая весила на наш вес 72 золотника, или 68 золотников старинного веса. Гривны были двух видов – грив-

ны серебра и гривны кун. Первые относились к последним, как 1:4. Впрочем, отношение между ними было не всегда одинаково. Так, по уставу Владимира Святославича, отношение между ними было, как 1:7 или даже как $1:7^{1/2}$. Следовательно, в начале второго периода отношение между гривнами было иное, и оно изменилось уже впоследствии. Кроме того, в этом же уставе определяется еще отношение гривен золота к гривнам кун; именно, золотая гривна = 50 гривнам кун. Впрочем, я не думаю, чтобы гривны золота были меновой единицей, а прямо означали только вес золота, тогда как гривна серебра была ходячей монетой. Доказательство этому нам представляет Волынская летопись. В ней под 1288 годом говорится, что когда Владимир Всеволодович, умирая, вздумал раздать свое имущество бедным, то для этого велел разбить свои серебряные блюда и сосуды и переделать их в гривны. Напротив того, гривны кун означали скорее не вес, а только счет, подобно нынешним английским фунтам стерлингов.

За гривнами следовали *куны и резани*, на которые обыкновенно делились в счет гривны, как у нас теперь рубли делятся на гривны и копейки. Отношение кун к гривнам было двойное: до XII в. гривна содержала в себе 25 кун, а с XII она состояла уже из 50 кун. Насколько можно судить по дошедшим до наскладам (особенно в этом отношении замечателен клад Нежинский, открытый лет 20 тому назад, в котором было множество разных монет, относящихся к XII и даже к XI в., ко времени Владимира Мономаха, Святополка-Михаила, Изяслава и Юрия Долгорукого), кунами назывались монеты с наш полтинник величиной, только несколько тоньше его. Они состояли из сплава нескольких неценных металлов. Резанью называлась 50-я доля гривны. Эта монета появилась в Приднестровье только в XII веке и, вероятно, заменила куну, значение которой, как мы сказали, в это время уже изменилось и она составляла уже не 25-ю долю гривны, а 50-ю.

После кун и резаней при денежном счете были тогда еще *ногаты*. Они относились к резани, или к куне XII столетия, как $1:2^{1/2}$. Следовательно, в гривне считалось 20 ногат. *Бели*, или *бел-*

ка по тогдашнему счету составляла 8-ю долю ногаты или 160-ю долю гривны. Самой мелкой монетной единицей была так называемая *векша*, или *веверица*; их в куне было 18, а в гривне 900. Все это было не что иное, как перевод на монету ценности шкур разных зверей; так куна выражала ценность меха куницы, ногата – неизвестного нам зверька, вероятно соболя, белка выражала ценность меха горноста, а векша ценность меха белки.

Надобно заметить, что новгородские деньги были почти вдвое тяжелее низовых. Поэтому, встречая в каком-либо из новгородских памятников указание о той или иной монете, надобно различать, по какому счету оно употребляется в данном случае: по новгородскому или по низовому. Так, например, в новгородской гривне серебра считалось не 4, а $7\frac{1}{2}$ гривен кун, как это было установлено Владимиром Святославичем. Очевидно, в Новгороде дольше, чем в других местностях Руси удержались старые отношения монетных единиц.

Теперь остается разрешить последний вопрос о деньгах того времени: из какого материала они делались. Памятники XI, XII и XIII вв. разрешают нам этот вопрос двояко: они представляют свидетельства, что деньги того времени состояли из металлов и из шкур зверей, следовательно, тогда деньги металлические не успели еще вытеснить звериных шкур, как меновых знаков. В Русской Правде и других памятниках того времени последние всегда резко отличались от первых; так, о них всегда говорится: «куна шерстью», «обеушная белка», или – «куны еже есть морд куней» и т.п. Притом и сам счет шкурок, как денег, был совершенно иной, чем счет денег металлических: шкурки считались, большей частью, сороками, тогда как металлические деньги считались всегда по другому счету. Металлические деньги были двух сортов: одни из них (гривны серебра) делались из чистого серебра высокого достоинства, достоинства гораздо высшего, чем нынешние деньги, а другие (куны, белки и другие мелкие деньги) делались из смешанного металла. Определить с точностью, какие именно металлы входили в эту смесь – невозможно, мне не приходилось подвергать их химическому анализу, но во всяком случае это

смесь серебра с неценными металлами. Вот и все, что можно сказать о монетной системе того времени.

ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ ЗА ПЕРВУЮ ПОЛОВИНУ ВТОРОГО ПЕРИОДА

*Устав Владимира Святого «о судах церковных и десяти-
тине». Внешняя история Устава. Судный Закон. Внеш-
няя история его. Содержание Судного Закона. Устав
Ярослава «о судах церковных». Внешняя история его. Со-
держание Устава. Русская Правда. Внешняя история ее.
Содержание Русской Правды Ярослава. Устав Ярослава о
вирных уроках. Правда сыновей Ярослава. Русская Правда
XII столетия. Содержание Правды XII века. Устав Вла-
димира Мономаха. Узаконения после устава Мономаха.
Законы Русской Правды о наследстве. Законы Русской
Правды об опеке. Законы о холопстве*

От первой половины второго периода до нас дошло не-
сколько законодательных памятников. Замечательнейшие из
них следующие: 1) устав Владимира Святославича «о судах
церковных и десятине», 2) «Судный Закон людям» – его же,
3) устав Ярослава о судах церковных и 4) Русская Правда раз-
ных редакций, представляющая целый кодекс. Есть еще не-
сколько памятников за этот период, например, устав Всеволода
Мстиславича, уставные и жалованные грамоты разных князей,
но они не столь важны для нас и поэтому мы не будем говорить
о них подробно.

Устав Владимира Св. «о судах церковных и десятине»;
внешняя история устава. Первым по старшинству памятни-
ком во втором периоде является устав В. К. Владимира Свя-
тославича «о судах церковных и десятине». Вот его подлинное
заглавие: «Устав Св. князя Володимира, крестившего Русь-
скую землю, о церковных судах». Устав Св. Владимира дошел
до нас в одной кормчей XIII столетия, хранящейся теперь в

Московской Синодальной библиотеке. В это кормчей находится следующая приписка: «в лето 6790 написаны быша книги сия повелением благовернаго князя новгородскаго Дмитрия и стяжанием боголюбиваго архиепископа новгородскаго Климента, и положены быша в церкви Св. Софии на почитание священникам и на послушание крестыеном и собе на спасение души». Отсюда видно, что список Владимирова устава сделан никак не позже 267 лет по смерти Владимира, и следовательно, старше 95 годами Лаврентьевского списка летописи, который считается древнейшим и почти не потерпевшим искажения, а тем менее мы можем подозревать в подделке или искажении текста переписчика, который был старше монаха Лаврентия. Притом же устав был записан в книгу по приказанию самого князя, и именно для почитания и научения, т.е. руководства в делах, как памятник законодательный, официальный; поэтому переписка его, конечно, была сделала с большей тщательностью, нежели переписка какой-нибудь летописи. Мы также не можем предполагать, что устав был написан не Владимиром, а каким-либо монахом в позднейшее время, т.е. в XI, XII или XIII столетии, для каких-либо выгод или привилегий, потому что о подделках и ложных актах такого рода в нашей древней истории нет и помину; они нисколько не подходили к характеру наших предков; даже в гражданском законодательстве того времени нет и вопроса о подложных актах; следовательно, и в жизни русского народа они тогда не встречались; притом подделка или сочинение подложных актов, подобных Владимирову, не могло доставить каких-либо выгод в то время, ибо, как мы уже видели из сличения уставов, князи руководствовались соображением местных обстоятельств, а не следовали безотступно уставам своих предшественников, да и само отношение духовенства к княжеской власти, насколько мы его знаем, вовсе не нуждалось в подложных актах. Притом десятина и суды церковные, главные привилегии, заключающиеся во Владимировой уставе, подтверждаются, во-первых, летописью, где при известии о построении десятинной церкви прямо сказано: «Владимир рек сице: даю церкви сей Святей

Богородици от имения моего и от град моих десятую часть», а во-вторых, то же подтверждают последующие уставы: Всеволода, Святослава-Николая и Ростислава Мстиславича Смоленского. Наконец, язык Владимирова устава дышит неподдельной древностью, против которой не могли даже возражать и те исследователи, которые сомневались в подлинности устава; при сравнении языка, которым написан устав, с языком Русской Правды, мы не встречаем никаких подновлений в первом, ни грамматических, ни лексикологических; предположить, что кто-нибудь мог так подделаться в XIII или XII столетии нет никакой возможности. Тем не менее относительно этого устава в нашей ученой литературе было очень много споров. Многие, в том числе и Карамзин, считали его подложным. Самой главной причиной сомнения было то, что в уставе Владимир говорит о себе: *«всприят есм св. крещение от грецькаго царя и от Фотия, патриарха царегородьскаго»*. В этих словах, по-видимому, заключается противоречие: известно, что патриарх Фотий был современником Рюрику, прадеду Владимира, и скончался в IX веке; во время же принятия Владимиром св. крещения в Константинополе был патриархом Николай Хризвергес; следовательно, Владимир не мог принять крещения от патриарха Фотия. Действительно, выражение устава: *«всприят крещение от Фотия патриарха»*, по-видимому, указывает на позднейшее составление Устава, и притом человеком, не сведущим в византийской хронологии. Но сомнение, наводимое сим выражением на устав, уничтожается само собой, если мы вникнем в истинный его смысл и сообразим с историческими данными X века. Истинный смысл выражения состоит в том, что Владимир Святой крещение и учение христианское принял в том самом виде, в каком оно содержалось православной церковью на востоке, и в каком оно утверждено Фотием после многих споров с римскими папами, т.е. выражение *«всприят есмь св. крещение от грецьскаго царя и от Фотия, патриарха царегородьскаго»* означает не то, что Владимир крестился при Фотие, но что принял крещение и учение православной церкви, утвержденной Фотием. Болгары

и греки в X столетии говорили обыкновенно: «*Наша вера – вера Фотиева, наше благочиние – Фотиево*». Болгары и греки такими выражениями хотели представить, что они веруют православно, а не по учению Римской церкви. Точно так же и Владимир, современник болгар, называвших свою веру Фотиевой, и, вероятно, ученик болгар в христианстве, легко мог написать в своем уставе, что принятая им христианская вера – истинная, православная, восточная, именно та самая, которую исповедует византийский император и которую утвердил патриарх Фотий цареградский. В то время отделение западной церкви от восточной было еще очень свежо, и притязания пап на новопросвещенных греками славян были еще настолько сильны и настойчивы, что как болгары, так и руссы, свидетельствуя свое православие и принадлежность восточной, а не западной церкви, должны были говорить, что они приняли крещение от Фотия, т.е. ограждать себя Фотиевым именем от соединения с Римской церковью. Замечательно, что и само имя царя греческого не упомянуто, тогда как в предисловии к уставу по кормчей 1499 года прямо сказано, что Владимир принял крещение в 6490 году при царях Константине и Василии. Таким образом, имя Фотия, по-видимому, наводящее сомнение в подлинности Владимирового устава, в сущности своей, по соображению с историей того времени, служит одним из сильнейших доказательств в пользу подлинности устава; позднейший составитель устава не мог здесь употребить Фотиева имени, как ничего не подтверждающего и не защищающего. Редакций устава пять: 1-я, найденная митрополитом киевским Евгением в одной новгородской кормчей; эта редакция, очевидно, сокращенная; в ней даже не упоминается Фотиева имени; 2-я редакция находится в степенной книге; здесь устав представлен в выписке, написан языком позднейшим и с новой расстановкой статей, приноровленной к летописному рассказу; 3-я редакция напечатана в 6-м томе Древней Российской Вивлиофики; здесь устав изложен с ясными переделками, вставками из летописей, с дополнениями и объяснениями позднейшего составителя и языком новым, вероятно XVI сто-

летия и даже XVII. Вот образчик этого языка; в древнем уставе было сказано: «А се церковные суды: распуст, смильное, заставанье, пошибанье, промежи мужем и женою о животе». Позднейший же составитель написал по своему мудрованию: «А се управа и разсужение и суды церковные, святительские. Венчания, молитвы, обручения и сих преобидения, разпущения, смильное, промеж мужем и женою нестроения и брани, и о животех и душах их». Наконец, 4-я редакция дошла до нас в списке кормчей XIII столетия, о которой мы уже говорили выше. Эта редакция и по языку, и по содержанию явно принадлежит древности. Список этой редакции напечатан археографической комиссией в 1-м томе дополнений к Историческим Актам, и Карамзиным в 506 примечании к I тому Истории государства Российского. Еще есть 5-я редакция в одной кормчей 1499 года. Эта редакция весьма близка к 4-й, но имеет важное предисловие, в котором упоминаются имена греческих царей, при коих Владимир принял крещение.

Содержание устава. По содержанию своему устав Владимира делится на 4 отдела. В первом изложено *правило о сборе десятины для церкви*. По правилам устава для церкви предоставлялось в десятину: 1) десятая часть судебных доходов князя, 2) десятая неделя или десятая часть торговых пошлин, собираемых в казну князя, 3) десятая часть доходов от княжеских домов, стад и земли. Вот подлинные слова устава: «...от всего княжа суда десятую векишу, из торгу десятую неделю, а из домов на всякое лето, от всякого стада и от всякого жита Чудному Спасу и Чюдней Богородици». Эти правила для церковной десятины послужили образцом и для следующих князей, которые, впрочем, в своих изданиях церковных уставов не строго следовали Владимирову уставу, а изменяли его по обстоятельствам и по своим отношениям к церкви. Так, Ростислав Смоленский дал в десятину Смоленской церкви десятую долю от всех своих доходов, не исключая даже и полюдь, и сверх того подписал ей несколько сел. Но, как известно из истории, положение Ростислава было совсем другое, чем Владимирово. Ростиславу хотелось округлить свои владения,

но этому много препятствовало положение духовенства в его владениях: в Смоленске не было своего епископа и смоленское духовенство зависело от епископа черниговского, а так как Ростислав был вовсе не в ладах с князем черниговским, то поэтому употреблял все меры устроить так, чтобы в Смоленске был свой епископ. Чтобы легче привести в исполнение свой план, Ростислав вошел в сделку с черниговским епископом и предложил епископскую кафедру в Смоленске его племяннику, обещаясь назначить ему и всему смоленскому духовенству самую значительную десятину. Напротив того, Андрей Боголюбский дал в десятину церкви хотя и более того, что дал Владимир, но все-таки гораздо менее Ростислава. Боголюбский дал Владимирской церкви десятину от судных и торговых пошлин и от сел своих. А в некоторых владениях и десятина от судебных доходов князя не отделялась в пользу церкви. Из всего этого видно, что устав Владимира вовсе не был непреложным законом для последующих князей.

Второй отдел, в котором заключаются *правила о церковных судах*, составлен по византийскому Номоканону. (О десятине в византийском Номоканоне нет и упоминания, и Владимир, вероятно, заимствовал правила о церковной десятине из узаконений западной церкви). Церковному суду по уставу Владимира подлежали:

- 1) Все преступления и тяжбы по делам семейным: раздоры, похищения, разводы, споры между мужем и женой, дела по наследству, опеке и т.п.
- 2) Чародеи, колдуны, составители отрав и т.п.
- 3) Христиане, не оставлявшие языческих суеверий и обрядов.
- 4) Оскорбители Церкви, церковные тати и гробограбители.
- 5) Все дела, касавшиеся людей, состоявших в ведомстве церкви.

Суд по большей части этих дел был отделен на церковь, согласно с греческим Номоканоном. Но Владимир не удовлетворился греческим Номоканоном, а желая как можно резче отделить своих подданных-христиан от подданных-язычников,

узаконил, чтобы во всех, даже и в светских судах, вместе с княжескими судьями участвовал в суде и митрополит или его наместник, который бы пояснял то или другое дело в духе христианского учения. В уставе сказано так: *«А тиуном своим приказываю суда церковного не обидити, ни судити без владычня наместника».*

Впрочем, пошлины со всех судов Владимир представил себе, а церкви определил выделять только десятую часть. В уставе его говорится: *«И своим тиуном приказываю судов церковных не обидети и с суда давати девять частей князю, а десятая часть святей церкви».* Таким образом, по уставу Владимира суд церковный и суд светский только обозначались, но еще не были разделены; Владимир еще не мог или, по крайней мере, не хотел решиться разделить их.

В третьем отделении Владимирова устава находятся *правила о надзоре церкви за торговыми мерами и весами.* Эта часть устава взята прямо из византийского законодательства, которое поручало епископам смотреть за торговыми весами и мерами и хранить образцы их в притворах церковных; епископ же отвечал и за их исправность. Это узаконение долго существовало на Руси во всей своей силе и несколько раз было обновляемо уставами XIV и XV вв. Оно существовало в Смоленске, Новгороде, Пскове и других городах. Так, в Смоленске торговые весы и меры находились в притворе церкви Пресвятой Богородицы на горе, в Новгороде, по свидетельству грамоты Всеволода, в притворе церкви Иоанна Предтечи на Опоках, в Пскове – в церкви Св. Троицы. Порядок этот был общим во всей Европе: во всех европейских государствах духовенство наблюдало за весами и мерами, образцы которых находились в притворах церковных. Из договорных грамот Мстислава Давидовича с Ригой и Готским берегом и новгородцев с Гамбургом видно, что немецкие купцы, проживавшие в Смоленске и Новгороде, имели также в своих церквях образцовые весы и меры.

В четвертом отделении говорится о *людях церковных*, т.е. о лицах, находившихся в ведомстве церкви. По уставу Владимира к церковному ведомству принадлежали: 1) все духовен-

ство, т.е. все лица, служащие церкви с их семействами; 2) паломники и рабы, отпущенные на волю на помин души, пока они не приписывались ни к какой общине. Церковь, исходатайствовавшая вечную свободу рабам, брала их и под свое покровительство, когда они оставались вне законов; они селились, большей частью, на церковной земле и для них не было обязательным приписываться к какой-либо общине, потому что они на всю жизнь могли оставаться в церковном ведомстве. Так, в Новгороде были целые улицы, населенные изгоями, т.е. лицами, не принадлежавшими ни к какому из светских обществ и состоявшими в ведомстве церковном. 3) Все престарелые, вдовы, сироты, хромцы, слепцы и т.п. и 4) гостиницы, странноприимные дома, больницы и лекаря; последние были причислены к церкви потому, что они прежде лечили волшебством и призыванием нечистых духов, церковь же позволяла лечить только естественными средствами. Все вышепоименованные лица и учреждения были в полном ведении церкви, и все дела, касавшиеся их, какого бы рода они ни были, решались епископом или судьями, поставленными им. В уставе сказано: *«Митрополит, или епископ, ведает межю ими суд, или обида, или котора, или вражда, или задница. Аже будет иному человеку с тым человеком речь, то обчий суд»*. Таким образом, дела, касавшиеся веры и нравственности, а также и все дела лиц, находившихся в церковном ведомстве, судились чисто церковным судом; но если в каком-нибудь деле был замешан с церковным человеком и нецерковный, в таком случае они судились общим, смешанным судом, в котором вместе с церковными судьями присутствовали и светские.

Значение устава. Владимиров устав оставался во всей своей силе на Руси в продолжение долгого времени. Хотя он и подвергался в разное время различным изменениям и сокращениям, но тем не менее в основных своих чертах оставался одним и тем же. Как первый устав, определивший отношения русской церкви к обществу, он в основных своих положениях считался образцом для всех уставов последующего времени: на него ссылается Московский собор 1556 года; мало того,

даже патриарх Адриан, современник Петра Великого, ссылался на устав Владимира как на один из основных законов русской церкви. Действительно, устав этот имеет весьма важное значение, потому что он обозначил тот путь, которому и следовало новообращенное русское общество и князя в своих отношениях к Греции. Отношения эти были совершенно отличны от тех, в какие становились к римской церкви западноевропейские государства, получившие от нее христианство. Вместе с христианской верой они получают от Рима и гражданские законы, точно так же и все церковные законы, как определяющие отношения церкви к обществу, так и чисто церковные. У нас же, напротив, с введения христианства из Греции князя по-прежнему издают законы и от Греции заимствуют одни только законы церковные. Но из этих они берут целиком только законы чисто церковные; те же, которые определяют гражданские отношения церкви, наши князя издают сами. Поэтому между греческим Номоканоном и Уставом Владимира существует значительная разница. Номоканон был взят Владимиром только как образец для его устава. Таким образом, отношения русской церкви к греческой, определившиеся уставом Владимира, были совершенно свободны.

Судный закон; внешняя история. Этот законодательный памятник помещен в Софийском временнике рядом с Русской Правдой под таким заглавием: «Закон судный людем». Закон этот был издан Владимиром вместе с его уставом или, по крайней мере, вслед за ним. Несомненно, что Судный Закон чисто греческого происхождения; он есть не что иное, как сборник церковно-гражданских византийских установлений, но он был составлен не для греков, чему лучшим доказательством служит то, что до сего времени не найдено ни одного из византийских сборников законов, в котором бы помещен был этот закон. К такому же заключению приводит и знакомство с самим содержанием Судного Закона. Поэтому надо думать, что он был составлен греками для русских по принятии ими христианской веры или, может быть, для болгар, которые приняли христианство незадолго до русских. Когда и кем со-

ставлен был Судный Закон – на это нет прямых указаний, но несомненно то, что он появился на Руси еще при Владимире Святом и служил руководством для суда по всем гражданским делам и тяжбам. Лучшим доказательством этого служит то, что в Русскую Правду, по мере ее распространения, постоянно вносились статьи из Судного Закона, иные целиком, а иные измененными. На эту же мысль указывает и то обстоятельство, что Русская Правда в первоначальном своем виде, изданная Ярославом, не имела статей по гражданскому праву, а только по уголовному; но, естественно, ни одно общество не может обойтись без законов гражданских, а это заставляет думать, что в одно время с Русской Правдой на Руси существовал уже сборник гражданских законов. Таким сборником, дополняющим Русскую Правду, и был Судный Закон. Таким образом, Судный Закон есть существенный памятник гражданского законодательства на Руси времен Владимира и Ярослава. В существовании Судного Закона при Владимире убеждает нас и то, что этот князь чувствовал глубокое отвращение ко всему языческому и поэтому, конечно, желал иметь законы христианские, заимствованные из Византии.

Источниками для составления Судного Закона послужили: правила Василия Великого, кодексы Феодосия и Юстиниана, Базилики, или царские книги; Прохейрон Василия Македонянина и сына его – Льва Философа; правила святых отцов и даже некоторые из законов Моисея.

Содержание Судного Закона. Судный Закон разделяется на 32 главы, но это деление принадлежит уже позднему времени, мы не находим его в древних кормчих; притом же в нем нет порядка и системы. Поэтому, не принимая в основание прежнего деления, мы разделим Судный Закон на несколько отделов. Разбирать в подробностях Судный Закон нам нет необходимости, а мы разберем только основные его положения.

I. В начале Судного Закона помещено узаконение императора Констанция *против язычников*. Вот его содержание: *«Всяко село, в нем же бывают жертвоприношения и другие языческие обряды, да отдастся в храм Божий со всем именем».*

Относительно этого закона надо сказать, что ни в Византии, ни у нас на Руси он не был строго обязательным, так как мы знаем, что как в Византии, так и на Руси, язычники обращались в христианство преимущественно проповедью и убеждением; по крайней мере, мы не знаем, принимались ли на Руси для обращения язычников в христианскую веру какие-либо другие меры, кроме проповеди.

II. Затем следует ряд статей *о порядке суда, о свидетелях и других судебных доказательствах*. В статьях этих – они в несколько измененном виде вошли и в Русскую Правду – заключаются важные нововведения относительно суда. Из этих нововведений особенно важно узаконение о свидетелях, как о главном судебном доказательстве. О свидетелях в Судном Законе, на основании кодекса Юстиниана, говорится: *«Всяк творяй клеветы князю и судии не послушати их без свидетели многи»*. Следовательно, Судный Закон определяет, во-первых, что всякая жалоба на суде должна быть подтверждаема свидетелями, и что нельзя начинать иск по такому делу, которое не может быть подтверждено свидетелями. Это совершенно новое узаконение на Руси, потому что по договорам Олега и Игоря в суде как доказательство требовалось личное и рота. Но тем не менее этот закон получил на Руси полную силу и вошел в Русскую Правду Ярослава, в которой говорится о видоках, т.е. свидетелях – очевидцах. Таким образом, с Судным Законом на Русь проникли некоторые формы византийского законодательства. Впрочем, Судный Закон не отвергает и других форм суда; так, например, он допускает суд Божий или поединок в том случае, когда тяжущиеся не могли представить свидетелей или иных судебных доказательств правоты своего дела. Но эта форма суда Божия первоначально не имела приложения на Руси, по крайней мере о ней не упоминается в Русской Правде, хотя в ней и говорится об испытании железом и огнем как о судебном доказательстве. В законодательных памятниках XIII века мы уже имеем указания о судебных поединках. Так, о них упоминается в договорной грамоте (1229 г.) смоленского князя Мстислава Давидовича с Ригой, Готландом и немецкими городами.

Во-вторых, Судный Закон, согласно с византийскими законами, требует, чтобы в свидетели на суде принимались люди, заслуживающие доверия, и чтобы число их было в большой тяжбе 18, а в малой – от 3 до 7; требует, чтобы свидетели на суде пользовались доверием и назначает наказание за ложное свидетельство. Все эти положения прямо заимствованы из кодекса Юстиниана или из Эклоги Льва Философа. Но несмотря на свое иностранное происхождение, они имели на Руси полную силу и вошли впоследствии в Русскую Правду. Так, в Русскую Правду вошло узаконение, заимствованное из Судного Закона, что рабы не должны допускаться к свидетельству, что свидетелями должны быть очевидцы и что свидетелей должно приводить к присяге или роте.

III. Судный Закон представляет ряд *узаконений по гражданскому праву*. Здесь 1-е место занимают узаконения относительно семейного права. На основании Эклоги Льва Философа, Судный Закон налагает телесное наказание тому, кто имеет двух жен или женится на родственнице. На основании той же Эклоги Льва Философа, Судный Закон запрещает расторжение брака и назначает страшное наказание тому, кто расторгнет брак насильственной смертью, именно, муж или жена, оказавшиеся преступными против этого закона, наказывались сожжением. За незаконную связь закон назначает отрезать нос. Эти наказания, как несогласные с духом русского общества, были смягчены уставом Ярослава и заменены денежной пеней.

2) Далее в Судном Законе следуют узаконения о наследстве, о завещаниях и об опеке.

Относительно наследства Судный Закон, на основании Эклоги Льва Философа и Прохейрона Василия Македонянина, требует, чтобы отец делил свое имущество поровну всем; если же он одному дает больше, а другому меньше, или по гневу на кого-нибудь из детей лишит наследства, то дети по смерти отца могут переделиться. Относительно этого узаконения надо сказать, что оно едва ли имело силу на Руси, потому что мы видим узаконения противоположные этому: в Русской Правде говорится, что отец мог делить свое имущество, как хотел.

Относительно составления духовных завещаний Судный Закон постановил следующие правила:

а) Духовные завещания должны начинаться исповеданием веры завещателя.

б) В завещании должны быть помещены распоряжения об освобождении рабов, о выдаче части из имущества бедным, духовенству и церкви, о назначении части имущества жене и детям. Притом сказано, что завещатель не может назначить жене более половины своего имения.

в) Чтобы завещание имело законную силу, для этого оно должно писаться при свидетелях, которых должно быть не менее 7. В свидетели при написании завещания должны браться люди, заслуживающие доверия.

г) Сам завещатель при составлении завещания должен находиться в здравом уме и твердой памяти и должен назначить душеприказчиков и опекунов, которые бы после его смерти исполнили его волю.

Относительно душеприказчиков и опекунов Судный Закон постановляет:

а) Душеприказчикам и опекунам должны быть не пьяницы, не расточители и не состоящие во вражде с женой или с детьми завещателя. В душеприказчики и опекуны закон допускает рабов, отпущенных на волю.

б) Душеприказчики и опекуны должны принимать имущество по смерти завещателя при свидетелях и в распределении и употреблении его руководствоваться завещанием, если бы даже этому и противились жена или дети покойного.

в) Если душеприказчики и опекуны будут поступать несправедливо, нарушая завещание в ущерб жены и детей, то обиженные могут жаловаться на них особому сиротскому судье. (Скорее епископу или его наместнику, потому что уже в уставе о делах церковных все дела по опеке отнесены к суду епископскому).

г) Ежели душеприказчик или опекун расточит порученное ему имение, то по суду подвергается телесному наказанию, а имение обязывается возвратить все под клятвой и сверх того придать половину из своего имения.

Все эти узаконения, взятые большей частью из Прохейрона Василия Македонянина, по всей вероятности, были действующим законом в одно время с Русской Правдой. Это видно из того, во-первых, что дела по духовным завещаниям и опеке по уставу Ярослава предоставлены церковному суду, а, во-вторых, из того, что Русская Правда, подробно излагая статьи о наследстве по закону, совсем не упоминает ни о наследстве по завещанию, ни об опекунах и душеприказчиках по завещанию. Из этого можно заключить, что по этим делам тогдашние судьи руководствовались Судным Законом.

3) К узаконениям Судного Закона по праву гражданского относятся *узаконения о договорах поклажи* (отдаче чего-нибудь на сохранение), *займа и ссуды*.

Относительно поклажи Судный Закон говорит: ежели кто примет что-либо от другого на сохранение, и ежели взятое будет у него украдено, то в случае неотыскания вора, взявший на сохранение обязуется дать клятву в том, что у него действительно украдено, что он не обманывает, не скрывает взятого, и ежели он будет уличен в противном, то должен заплатить вдвое. Это узаконение вошло и в Русскую Правду: в ней говорится, что при отдаче на сохранение чего-либо не требуются свидетели, и в случае спора принявший на сохранение обязуется только очистить себя клятвой.

Относительно займа Судный Закон говорит: при отдаче займы не должно брать процентов. Это узаконение взято из Моисеева закона. Оно не имело силы на Руси, ибо мы знаем, что по Русской Правде брать проценты тогда дозволялось.

Относительно ссуды или найма Судный Закон представляет следующие статьи, заимствованные из Новелл Юстиниана:

а) Если конь, взятый кем-либо у хозяина на известный срок, падет, то взявший у хозяина обязан заплатить цену коня хозяину его.

б) Своевольно, без согласия хозяина, взявший чужого коня признается вором и подвергается телесному наказанию. Эта статья вошла в Русскую Правду еще при Ярославе, но

только в несколько измененном виде, именно – в Русской Правде телесное наказание заменено пеней.

с) Уморивший каким-либо образом чужую скотину должен заплатить хозяину ее двойную цену и сверх того подвергается телесному наказанию. Эта статья также вошла в Русскую Правду, а телесное наказание в ней заменено пеней в 12 гривен.

д) Земледелец, взявший землю по найму и не доработавший по договору, лишился найма.

IV. Судный Закон заключает в себе ряд узаконений *по уголовному праву*.

1) В первых четырех статьях этого отдела запрещаются порочные связи с рабынями и вообще – *развратная жизнь*. За нарушение этого закона назначалось отрезание носа или палочные удары. Узаконения эти взяты из Эклоги Льва Философа и Прохейрона Василия Македонянина. Оно вошло и в Русскую Правду, но только там палочные удары и отрезание носа заменены денежной пеней и церковной эпитимьей.

2) Далее Судный Закон говорит о *поджоге*. Статья о поджоге взята также из Эклоги Льва Философа. За поджог в ней назначается смертная казнь. Статья эта вошла в Русскую Правду в измененном виде: Русская Правда назначает брать из имения поджигателя часть на вознаграждение пострадавшего от поджога, а остальное имение на поток и разграбление, сам же преступник отдавался князю.

3) За *убийство свободного человека* Судный Закон назначает смертную казнь. Этому же наказанию подвергается разбойник, а также и нанесший смертельную рану во время ссоры. Если же рана не смертельная и раненый выздоровеет, то ранивший обязывался заплатить только за его лечение. Таким образом, смертная казнь назначается тому, кто нанесет побои беременной женщине, если она от этого выкинет мертвого ребенка. Относительно телесных наказаний, назначаемых Судным Законом, надобно заметить, что они были заменены, вероятно еще при Владимире, денежной пеней, потому что они были не в духе русских того времени, а смертная казнь считалась только правом частной мести.

4) *Относительно наказаний за воровство* Судный Закон за кражу церковную назначает, на основании Эклоги Льва Философа, продажу или ссылку. Но если кто-либо будет три раза пойман в церковной краже, тому закон назначает отрезание носа и выкалывание глаз. По Владимирову и Ярославову уставам, церковная татьба была предоставлена церковному суду. Ежели кто украдет свободу другого, т.е. продаст его или обратит в рабство незаконно, тот сам отдавался в рабство. Впоследствии эта статья была внесена в Русскую Правду только относительно закупов. В отношении же порабощения или продажи совершенно свободного человека, вероятно, оставалась в силе статья Судного Закона, по крайней мере мы не находим ее отмены ни в Русской Правде, ни в других узаконениях того времени.

5) *За кражу коня и оружия* Судный Закон назначает обращение в рабство и телесное наказание. В Русской Правде за это преступление назначена пеня в 3 гривны. Украдший овцу или теленка по Судному Закону должен был отдать 5 овец или 5 телят. По Русской Правде украдший должен был платить пять кун как за овцу, так и за теленка. Если украдший будет чей-либо раб, то Судный Закон предоставляет хозяину его на волю – или выкупать раба, или отдавать его тому, у кого совершена была кража. Это узаконение полностью вошло и в Русскую Правду.

6) *При защите допускалось убить вора*: если кто убьет вора, – говорит Судный Закон, – защищая свое имущество, то не подлежит никакому наказанию; но подвергается наказанию тот, кто, поймав вора ночью, продержит его до утра и потом убьет, а не представит, куда следует. Это узаконение перешло и в Русскую Правду.

7) Наконец, узаконение о *защите церкви*, помещенное в Судном Законе, взято из Новелл Юстиниана. Прибегающий к церкви должен был объявить священнику свою вину, и тогда священник давал ему убежище в церкви, причем желающий похитить прибегшего к защите церкви подвергался 140 палочным ударам и предавался суду. К защите церкви на Руси при-

бегали редко, потому что каждый член общества принадлежал к какой-либо общине и пользовался ее защитой. Так, мы знаем не более четырех случаев за XVI и XVII в., в которых обращались к церкви, прося убежища. В Риме же и в западных государствах прибежище к церкви было необходимо, так как там не было общины. Вот и все статьи Судного Закона, взятые из византийских источников.

V. В Софийском списке к Судному Закону присоединено еще четыре статьи. Статьи эти чисто русского происхождения. Они в особенности замечательны тем, что указывают на некоторые старинные русские обычаи, отзывающиеся глубокой дохристианской стариной.

1-я статья говорит о *детях*, или, как говорится в самом списке Судного Закона, «о *детяти*»: «*Аще дадят дитя выкормити доильнице (кормилице), а само разумеет лжицу взяти, прокорма три гривны взяти*». Эта статья указывает на старинный русский и скандинавский обычай отдавать трех- и четырехлетних детей на воспитание. Первоначально законодательство не касалось отдачи детей на воспитание, но с течением времени были изданы некоторые правила, определявшие условия воспитания. На воспитание тогда отдавали мальчиков и девочек, и воспитание тех и других ничем не отличалось одно от другого; как в мальчиках, так и в девочках старались преимущественно развивать физическую силу и ловкость. Относительно гражданских прав мужчин и женщин того времени надобно заметить, что тогда существовала полная равноправность мужчин и женщин,

2-я статья говорит о *службе из прокорма во время голода*. Статья эта следующая: ежели кто во время голода пойдет в услужение из-за корма, то он ни в коем случае не обращается в рабство и может отойти, когда хочет, заплатив за прокорм три гривны и отслужив даром определенный срок.

3-я статья свидетельствует о *законной цене стога сена*. «*А за стог, – сказано в этой статье, – за тяжебный, за сennyй гривна кун, а за тяжа ненадобно*». В Русской Правде судебная оценка сена выражена иначе; там сказано: «*А в сене*

в дровех, сколько будет воз крадено, господину платити по две ногаты за нь». А в другом месте Русской Правды стог сена также оценен в гривну кун. Следовательно, в стоге полагалось десять возов, так как мы знаем, что в гривне считалось 20 ногат.

4-я статья говорит о *пенях за бесчестье*: «*А за бесчестье гривну золота, аже будет баба была в золоте и матери взяти ему 50 гривен за гривну золота. Аже будет баба не была в золоте, а по матери ему не взяти золота, взяти ему гривну серебра, а за гривну серебра пол осми гривне*» (7¹/₂ гривен кун). Эта статья указывает на древний обычай определять достоинство, происхождение человека не по отцу, а по матери и бабушке. Этот порядок существовал не в одной Руси, но и в других древних государствах. В Афинах, например, если дети были не от афинянки, то не считались гражданами; примером служит Кимон, сын Мильтиада от скифянки; таким же был у нас Владимир, получивший отказ при сватовстве Рогнеды оттого, что был сыном рабыни; так было и в Скандинавии. При существовании многоженства такой порядок очень естественен, так как наряду со свободными женами часто были рабыни; следовательно, родившиеся дети, имея одного отца, должны были различаться по происхождению и по матери.

Устав Ярослава о судах церковных. Внешняя история. Относительно этого памятника надобно сказать, что он по своему значению принадлежит к самым важным памятникам законодательства первой половины второго периода; но, к несчастью, он дошел до нас в позднейших списках, очень искаженных. Мы имеем собственно четыре редакции этого памятника.

Свиток Ярослава, который был представлен киевским митрополитом Иосифом великому князю литовскому Александру в 1499 году для подтверждения прав киевской церкви. Список этот самый искаженный. Он был искажен умышленно для увеличения прав духовенства и с целью совершенного отделения церкви от светского общества.

Вторая редакция Устава Ярослава помещена в Архангелогородском летописце. Редакция эта относится к 1553 году. В ней хотя и нет умышленных искажений Устава Ярослава, но тем не менее она дает нам очень незначительное представление об этом памятнике, потому что передает его слишком сокращенно.

Третья редакция Ярославова Устава найдена Карамзиным в разных рукописных сборниках XVI столетия и напечатана во втором томе его «Истории государства Российского». Она была еще прежде напечатана Бергом в его историческом описании российских законов. Профессор Беляев нашел список этой редакции в одной рукописной Кормчей 1499 года, хранящейся в библиотеке Московского Чудова монастыря, современной свитку Ярославлю. По содержанию этот список гораздо лучше списков двух первых редакций и близко подходит к списку, помещенному в летописи Переяславля Суздальского, хотя несколько сокращеннее его и кажется в некоторых местах подновленным.

Четвертая, самая лучшая редакция Ярославова Устава относится также к XV веку. Она помещена в летописи Переяславля Суздальского, изданной во Временнике Исторического Общества. Хотя и этот список не лишен искажений, но в нем осталось больше следов древности. Насколько осталось в нем этих следов – мы не можем определить, но тем не менее список этот, за неимением другого, более древнего, надо признать самым лучшим.

Разбирать Устав Ярослава в подробностях нам нет никакой надобности; поэтому мы коснемся этого памятника только в главных, характерных чертах его. На основании всех списков Ярославова Устава, дошедших до нас, мы можем заключить, что он написан действительно Ярославом. По общему смыслу его, который можно вывести из трех последних редакций, он не только не противоречит Русской Правде, но даже убеждает в том, что он был издан одновременно с Русской Правдой, потому что в нем, даже по поздним редакциям, заметны изменения Владимирова Устава, вполне согласные с Русской Правдой.

Содержание Устава. Отличительные черты Ярославова Устава состоят в следующем:

1. Ярослав в своем уставе отделяет церковный суд от светского. По Владимирову уставу на церковном суде должен был присутствовать княжеский тиун, а на светском – епископский наместник; у Ярослава же этого нет. Ярослав, согласно с греческим Номоканоном, решается совершенно отделить церковный суд от светского.

2. Владимир в своем уставе старался, насколько можно, распространить церковный суд на все виды дел. Ярослав же, напротив, допускает церковный суд только над делами, касающимися церкви, нравственности и семейных отношений; в Уставе его суд церковный прямо назван судом *«над греховными вещьми духовными»*. При этом, хотя суд по этим делам Ярослав и предоставляет епископу и даже отказывается от своих девяти частей судных доходов по этим делам, но приводить в исполнение приговор церковного суда он предоставляет гражданской власти, а не церковной. Здесь Ярослав вполне следовал византийским законам, в которых церковному суду предоставлялось налагать только духовные наказания. Это составляет самую характерную черту Ярославова Устава, которая сохраняется постоянно в нашем законодательстве и так резко отличает его от законодательств Западной Европы, которые предоставляли духовенству право налагать и телесные наказания и которые довели Западную Европу до ужасов инквизиции.

3. Ярославова Устав, оставляя неприкосновенным епископский суд над людьми, принадлежащими церкви, тем не менее исключает из этого суда и лиц церковных по делам уголовным. Так, Ярослав говорит в своем Уставе, что он отдал *«Святителем ты духовные суды судити оприсно мирян, разве татьбы с поличным, тож и душегубление; а в иныя дела никакож моим не вступатися аще от рода моего вступиться, да будет проклят»*. Такой порядок сохраняется во всех жалованных грамотах духовенству даже в XVI столетии; во всех этих грамотах суд по уголовным делам предоставляется

одному князю. Таким образом, и в том искаженном виде, в каком дошел до нас Устав Ярослава, он служит для нас одним из важнейших законодательных памятников первой половины второго периода.

4. Владимир в своем Уставе нигде не определил наказаний за преступления, очевидно предоставляя церковным судьям руководствоваться Номоканоном; Ярослав же везде заменил телесные наказания Номоканона денежными пенями.

Русская Правда. Русская Правда из всех памятников 1-й половины 2-го периода отличается чисто русским характером, выработанным русской жизнью; она свидетельствует о тех юридических верованиях, которыми жило русское общество того времени, хотя и в ней есть несколько статей нерусского происхождения (из Судного Закона), но они переделаны на русский лад. В Судном Законе и Уставе Владимира видно влияние византийского права; здесь же все чужеземное откинуто и все заимствованное переделано по-русски. У нас под именем Русской Правды подразумевается сборник законодательных памятников и называется Правдой Русской Ярослава Владимировича. Но Ярослав издал лишь первые семнадцать статей. Затем этот памятник постоянно пополнялся впоследствии. Есть прибавления сыновей Ярослава, Мономаха и других. Некоторые прибавления относятся даже к концу XII в. и началу XIII в. Из этого памятника видно, как росли и изменялись юридические верования общества. Один и тот же вопрос решается несколько раз и притом различно.

Внешняя история Русской Правды. Начнем с литературы этого памятника. Первое ученое открытие Русской Правды в позднейшее время принадлежит Татищеву, который отыскал ее в одной новгородской летописи XV века и, объяснив ее своими примечаниями, представил в Императорскую Академию в 1738 году. Потом Шлецер, пользуясь списком ли Татищева, или каким другим близко подходящим, издал Русскую Правду в первый раз в 1767 году. Список Правды, который был у Татищева, принадлежит к древнейшей редакции этого памятника. Через 20 лет после Шлецеровского издания найдены еще два

списка Русской Правды: один отыскан в Ростовской летописи; он представляет весьма немногие, но довольно важные отмены против упомянутого Новгородского, и употреблен Академией в дополнение при издании Татищевской рукописи, которая была напечатана Академией во 2-й книге продолжения Древней Вивлиофики. Второй список доставлен в Академию Крестининым; он выписан из одной Кормчей, принадлежавшей сольвычегодской Благовещенской церкви. Список сей гораздо полнее прежних и совершенно позднейшей редакции; в нем уже находятся законы Владимира Мономаха. Он напечатан в 3-й части продолжения Древней Вивлиофики.

Потом найдены еще шесть списков Русской Правды в 1791 году, и по этим спискам известный исследователь древностей генерал-майор Болтин составил новое издание Русской Правды в 1792 году в С.-Петербурге; потом оно без перемен было повторено в 1799 году в Москве. Издание это сделано с переводом Правды на новый язык и с разными примечаниями, но его главный недостаток в том, что издатель не позаботился описать рукописи, которыми пользовался и, приняв одну рукопись за главный оригинал, вносил в текст варианты из других рукописей без обозначения, что это именно варианты и взяты из такой-то рукописи. Рукописи, которыми пользовался Болтин, очевидно содержали в себе Правду позднейшей редакции, ибо в издании помещены и законы Мономаха. Вообще издание Русской Правды Болтина полнее Крестининского.

В 5-й раз Русская Правда издана Московским Обществом Истории и Древностей Российских, в первой части достопамятностей в 1815 году, по списку, взятому из Кормчей XIII столетия, хранящейся в синодальной библиотеке и считающейся древнейшей из всех донныне известных. Это издание Общества отличается от всех других верностью и отчетливостью, с которыми был снят подлинник и напечатан текст; при нем есть варианты из прежних изданий и ученое предисловие, составленное Калайдовичем. Сама рукопись, по содержанию одинаковая с Болтинской, много разнится особым порядком статей; относится она к XVI веку, хотя и помещена в Кормчей XIII века.

6-е издание Русской Правды находится в Софийском Временнике, изданном под редакцией Строева в 1821 году по двум вновь открытым рукописям XV и XVI столетий. Здесь Русская Правда издана в полнейшем виде, с многими прибавлениями против прежних изданий.

7-е издание Русской Правды сделано по списку XIII века, принадлежавшему Обществу Истории и Древностей Российских. Оно находится во 2-й части достопамятностей, напечатанной в 1843 году; этим изданием занимался член общества Г. Дубенский. Текст Русской Правды в рукописи, с которой напечатано сие издание, по полноте принадлежит к одному ряду со списками Синодальным и Крестинина, но отличается от того и другого порядком расположения некоторых статей и прибавлением статьи о коне порченом и коньши. Ближе всех подходит к этой редакции список Русской Правды, помещенный в Кормчей XV века, принадлежащей библиотеке Чудовского Монастыря.

8-е издание Русской Правды сделано профессором Калачевым в его исследовании о Русской Правде, изданном в 1846 году. В этом издании текст Правды напечатан по 30 спискам и расположен в известном порядке статей, не в том, в каком они находились в каком-либо из списков, а в порядке, придуманном самим издателем; а именно – все статьи Русской Правды у него разбиты на 4 отдела: в 1-м помещены статьи, относящиеся к государственному праву, во 2-м – к гражданскому праву, в 3-м – статьи, относящиеся к преступлениям и наказаниям, и в 4-м – статьи, относящиеся к судопроизводству. Такое разделение статей конечно показывает полный состав Русской Правды, но имеет то важное неудобство, что уничтожает настоящий характер памятника, представляет его не в том виде, каков он есть сам по себе.

9-е издание Русской Правды выпущено в свет в том же 1846 году тем же профессором Калачевым; оно составлено по четырем спискам разных редакций, по каждому списку отдельно: 1-е по списку Академическому, тому самому, по которому в первый раз была издана Русская Правда Шлецером,

список этот XV века; 2-е по Троицкому списку, относящемуся к концу XIV века; редакция Правды находящейся в этом списке, чаще всего встречается в рукописных кормчих; 3-е по Карамзинскому списку, находящемуся в одной новгородской летописи XV столетия, здесь редакция Правды одинакова с редакцией ее в Софийском Временнике; и наконец, 4-е по списку князя Оболенского, взятому из одной кормчей второй половины XVII столетия; редакция Правды, здесь помещенная, отлична от всех предшествовавших и указывает на позднее составление, вероятно, уже в конце XIV или начале XV столетия. Это издание одно из лучших и удобнейших для пользования Русской Правдой.

Кроме изданий, Русская Правда возбудила много исследований в нашей литературе. О Русской Правде более или менее писали все, занимавшиеся русской историей и русским правом; иные отвергали подлинность Русской Правды, называли ее подделкой позднейших летописцев, другие защищали мнение противоположное; иные называли Правду чисто славянским древним законодательством, общим для всех славянских племен, другие, напротив, называли ее переводом германских древних уложений; иные же находили в Правде смысл узаконений скандинавских, германских, византийских и славянских. В результате всех этих споров в настоящее время в науке установилось положение, что Русская Правда – не подделка позднейших летописцев, а подлинное законоположение древней Руси, что в Русской Правде заключаются именно те законы, которые употреблялись на Руси в практике и что в эти законы вошли элементы славянский, скандинавский и византийский, ибо во время издания Русской Правды русское общество находилось под влиянием этих трех элементов. А посему, не занимаясь отдельным разбором каждого мнения, мы прямо перейдем к внешней истории Русской Правды как подлинного памятника древности и разберем основания его подлинности.

Здесь прежде всего рождается вопрос: к какому времени должно отнести начало Русской Правды? Почти по всем спискам, какие только теперь известны, начало Русской Правды

относится ко времени Ярослава Владимировича; ибо все списки имеют заглавие: *«Суд Ярославль Владимира»*, или *«Устав в. к. Ярослава Владимировича о суждех»*.

Конечно, все дошедшие до нас списки Русской Правды не восходят ранее XIII столетия, но мы не можем отвергать их свидетельство, ибо и летописи говорят, что Ярослав *«дал новгородцам Правду и Устав, списав грамоту, рече: посему ходите и держите, якоже списах вам»* (Соф. 134). Да и само содержание Правды, в первоначальном ее виде, свидетельствует, что она вполне согласна с духом того времени, к которому ее относят списки: в Правде еще отличены русин, варяг и славянин, что, конечно, могло быть только при Владимире и Ярославе и, может быть, при их детях, впоследствии же резкое различие в показанных элементах русского общества неминуемо должно было изгладиться и не могло уже входить в законодательство, что мы действительно и видим в позднейших редакциях Русской Правды, где уже не упоминается ни о варягах, ни о русинах; так, например, в Карамзинском списке, относящемся к XV столетию, не встречается имени варяг, а в списке князя Оболенского уже не упоминается и о русине.

Другой вопрос при рассмотрении внешней истории Русской Правды состоит в том, для кого написана Русская Правда? По свидетельству летописей, Ярослав первоначально написал Правду для новгородцев в 1019 году, когда, по изгнании Святополка, окончательно завладел Киевом. В летописи сказано, что Ярослав *«нача вой делити: старостам своим по 10 гривен, и отпусти я домов; и дав им правду и устав, списав грамоту, рече: посему ходите и держите, якоже списах вам»* (Соф. 134). Следовательно, Русская Правда первоначально была дана новгородцам, а впоследствии с разными изменениями перешла в Киев и другие владения Руси, как увидим при дальнейшем разборе сего памятника в разных редакциях. Против свидетельства летописи в нашей ученой литературе есть возражение, состоящее в том, что, по смыслу летописи, Ярослав дал новгородцам льготную грамоту в награду за их пособие в войне со Святополком, а в Русской Правде нет и упоминания о льготах.

Но при рассмотрении Русской Правды это возражение вполне уничтожается. Стоит только припомнить, что главный доход князя от суда состоял собственно в сборе судебных пошлин, а в Русской Правде, в первой редакции, ни в одной статье нет и упоминания о пошлинах в пользу князя; следовательно, Русская Правда в первом своем составе, как она была дана новгородцам, вместе с судной грамотой представляла в себе и грамоту льготную – она освобождала новгородцев от судных пошлин в пользу князя и, конечно, эти льготы, это освобождение в то время должны были считаться важными, и за них новгородцы всегда сильно вступались в своих отношениях к преемникам Ярослава. Впрочем, вероятно, Ярослав дал новгородцам еще и другие льготные грамоты, которые до нас не дошли и на которые впоследствии ссылались новгородцы в своих сношениях с князьями; но наличие других льготных грамот не препятствует принять и Русскую Правду, в первоначальном ее виде, как льготную грамоту.

Третий вопрос при рассмотрении внешней истории Русской Правды состоит в том, была ли принята в других владениях Руси Правда, данная новгородцам? На то Русская Правда отвечает утвердительно: в ней мы находим известие, что по смерти Ярослава: *«наки совокупившиеся сынове его: Изяслав, Святослав, Всеволод, и мужи их Коснячко Неренег, Никифор Киянин, Чудин, Микула и отложиша убиение за голову, но кунами ся выкупати; а ино все, якоже Ярослав судил, такоже и сынове его уставиша»*. Здесь мы видим, с одной стороны, некоторое изменение Ярослава закона, а с другой – указание, что Правда, данная новгородцам, была принята и в других владениях Руси, ибо перед приведенным известием в одном списке стоит заглавие: *«Правда уставлена Русской земли»*. Потом далее встречаем, в измененной сыновьями Ярослава Правде, следующую статью: *«А конюх старый у стада 80 гривен, яко уставил Изяслав в своем конюсе, его же убили Дорогобудьци»*. Эта статья приводит в примере приложение Правды на практике в Дорогобуже еще до формального изменения ее сыновьями Ярослава; следовательно, уже и при Ярославе или, по крайней

мере, вскоре по смерти Ярослава, Русская Правда была действующим законом не в одном Новгороде, но и в Дорогобуже, и, конечно, в других краях Руси. Здесь рождается еще вопрос: в той ли форме действовала Правда в других русских владениях, в какой была дана новгородцам, т.е. была ли она там льготной грамотой, освобождающей от судебных пошлин? Очевидно, она не была льготной грамотой в других областях Руси; на это мы имеем свидетельство в уставе Ярослава о вирных пошлинах, помещенном в Академическом списке Русской Правды, после изменений, сделанных в Правде сыновьями Ярослава. В этом уставе прямо сказано, что вирники должны оканчивать сбор виры на князя в продолжение недели: *«а до недели виро сберут вирницы»*. Этот устав о вирах оставлен сыновьями Ярослава без изменения и назван прямо Ярославовым: *«то ти урок Ярославль»*. Следовательно, виры и другие судебные пошлины собирались при Ярославе так же, как при Владимире и его предшественниках, и Русская Правда, изданная Ярославом, отменяла судебные пошлины только в Новгороде, в других же владениях она, вероятно, определяла, сколько каких пошлин с какого судного дела должно идти в казну князя. Но списков Ярославовой Правды с назначением пошлин до нас не дошло, и потому мы об этом ничего не можем сказать утвердительно. Наконец, нужно еще решить вопрос: который из дошедших до нас списков Русской Правды принадлежит по своей редакции Ярославу, или иначе: которая из редакций Русской Правды, как мы уже видели, приписывается Ярославу? Но уже первая статья в каждой редакции ясно свидетельствует, что всех редакций нельзя приписать Ярославу, что они составлялись в разное время, ибо ни в одной редакции первая статья не походит на первую же статью другой редакции. Так, в редакции, к которой принадлежит Академический список Русской Правды, в первой статье сказано: *«Аще не будет кто мстай, то 80 гривен за голову, аще будет русин, любо гридень, любо купчина, любо ябетник, любо мечник; аще изгои будет, любо словенин, то 40 гривен положити за нь»*. В Троицком списке, напротив, стоит: *«положити за голову 80 гривен, аче будет княж муж,*

или тиун княж, аще ли будет русин, или гридь, любо купец, любо тиун боярскъ, любо мечник, любо изгой, ли словенин; то 40 гривен положити за нь». А в списке Исторического Общества: «За голову 80 гривен ачи будет ли муж княжь или тиуна княжа; ачи будет горожанин, любо гридь, любо купец, любо тиун боярскъ, любо мечник, любо изгой, любо словенин, то 40 гривен положити за нь». Наконец, в списке князя Оболенского уже сказано: «положити за голову 80 гривен, любо разсудити по мужи смотря». Это простое сопоставление одной первой статьи разных редакций ясно говорит, что все они составлялись в разное время, ибо в каждой из них свое разделение лиц на классы и свое значение классов; так, например, в первой редакции купец, гридь и русин отнесены к высшему разряду в 80 гривен за голову; напротив, в Троицком списке – те же лица отнесены к низшему разряду по 40 гривен за голову. А в списке Исторического Общества вместо русина уже стоит горожанин и также отнесен к низшему разряду в 40 гривен. Наконец, в списке князя Оболенского вира уже не разделяется на два разряда и вместо деления на классы сказано: «любо разсудити по мужи смотря». Конечно, такое разнообразие и несходство нельзя приписать ошибке или своеволию переписчиков, ибо здесь заметен порядок и постепенность в распределении классов, явно указывающие на постепенное развитие общественного устройства.

А посему, чтобы определить, которая из редакций старшая или которая принадлежит Ярославу, нужно принять в соображение состояние общества на Руси в Ярославово время. Ярослав был праправнук Рюрика, первого князя на Руси, и жил во втором столетии от приглашения варяго-русов; при его отце, Владимире, варяги составляли главную дружину киевского князя. Потомки варяго-русов, приведенных Рюриком, в продолжение каких-либо 150 лет, т.е. в 3-х или 4-х поколениях, еще резко отличались от славян, среди которых жили на Волхове и в Приднепровье, и, как одноплеменники князей, конечно считались последними выше, дороже славян; но в последующее время, особенно при удельном разновластии, руси-

ны уже потеряли свое прежнее значение, а потом и совершенно должны были затеряться, ибо и славяне на Руси все стали называться русью. Такое постепенное изменение в общественном значении русина мы находим и в редакциях Правды: в 1-й редакции русин отнесен к первому разряду, во 2-й – ко второму, а в 3-й русин как класс исчезает и вместо него стоит горожанин. Следовательно, по общественному значению русина, первую редакцию, т.е. Академический список Правды, должно признать старшей, т.е. современной Ярославу, хоть сам список, в котором она дошла до нас, относится и к XV столетию. Старшинство этой редакции резко обозначается и другими статьями, коих всего семнадцать. Потом в том же списке прямо начинается Правда, уже измененная сыновьями Ярослава: *«Правда уставлена Русской земли; егда ся совокупил Изяслав, Всеволод»* и проч. В прочих редакциях Правда, измененная Ярославовыми сыновьями, начинается прямо после первой статьи: *«убьют муж мужа, то мстити брату брата»*; следующие же за этим 16 статей Ярославовой Правды в прочих редакциях опускаются – явно, что эти редакции уже позднейшего времени. Притом в статье: *«аже холоп ударит свободна мужа»* во всех других редакциях сказано: *«то Ярослав был уставил убити и, но сынове его по отцы уставивши на куны, любо ли бити и развязавше, любо ли взяти гривна кун»*. И в Академическом списке мы действительно находим статью, по которой обиженный имел право убить холопа: *«а затем где его налезут ударенный той муж, да бьют его»*. Явно, что Академический список принадлежит к древнейшей редакции самого Ярослава. Наконец, в одной только этой редакции ни в одной статье не упоминается о судебных пошлинах в пользу князя; а Ярославова Правда, данная новгородцам, по смыслу летописного свидетельства именно должна была носить на себе характер льготной грамоты, освобождающей от судебных пошлин, следовательно, и по этому признаку мы должны призвать Академический список Правды древнейшей редакцией, принадлежащей самому Ярославу.

Многие из исследователей считают Академический список Русской Правды сокращенным и неполным; говорят, что

летописец выписал в него не всю Ярославову Правду, а только сделал выборки из нее, и притом неудачно, опустив существенные статьи этого законодательного памятника, именно – все относящиеся к гражданскому праву, которые встречаются в других редакциях Правды. Но простое сличение Академического списка Правды с другими ее редакциями уже ясно показывает, что это не сокращение, а особый самостоятельный памятник, имеющий свой характер, которого уже не заметно в других редакциях. Для примера возьмем хотя бы 2-ю статью; она в Ярославовой Правде, т.е. в Академическом списке, изложена так: *«Или будет кровав или синь надражен, то не искати ему видока человеку тому; аще не будет на нем знамения никоторого же, то ли приидет видок; аще ли не может, то ту конец. Ожели себе не может мстити, то взяти ему за обиду 3 гривны, а летьцу мзда»*. Но та же статья в другой редакции носит уже иной характер и изложена так: *«Аже приидет кровав муж на двор или синь, то видока ему неискати, но платити ему продажу три гривны; аще ли не будет на нем знамения, то привести ему видок – слово противу слова; а кто будет почал тому платити 60 кун. Аще же и кровав приидет или будет сам почал, а вылезут послуци, то то ему за платеж, оже а били»*. Очевидно, что здесь первая редакция не есть сокращение второй, ибо в ней есть особое назначение – за лечение ран, а во второй этого назначения нет, хотя вторая редакция изложена подробнее первой. Такой же результат получим из сравнения и остальных статей первой редакции с такими же статьями следующих редакций. Следовательно, ясно, что первая редакция не есть сокращение или выборка из последующих редакций. Но здесь еще может родиться мнение, что первая редакция, если и не есть сокращение последующих, то по крайней мере дошла до нас не полностью, в отрывках по прихоти летописца, который сохранил этот памятник. Но и с таким мнением нельзя согласиться. Мы не имеем никакого права обвинять летописца в сокращениях; он сохранил Ярославову правду в полном ее составе, он ничего в ней не переменял, он даже сохранил неприкосновенным язык этого памятника, ибо язык, на котором

написана дошедшая до нас Ярославова Правда, дышит неподдельной древностью и нисколько не походит на язык летописи, в которой она сохранилась. Недоумения же, которые могут возникнуть от недостатка в Ярославовой Правде статей, относящихся к гражданскому праву, разрешаются тем, что, как мы уже частью видели выше, в Ярославово и Владимирово время для судебных дел гражданского права и даже, частью, уголовного был особый законодательный памятник, дошедший до нас под именем *Закона Суднаго людем*. Судный Закон и Русская Правда имеют друг с другом самую тесную связь – они друг друга дополняют и объясняют: чего недостает в Русской Правде, то дополняется Судным Законом, и чего нет в Судном Законе, то находим в Русской Правде. Памятники сии в таком отношении друг к другу находились не только при Ярославе, но и во все последующее время, в которое действовала и развивалась Русская Правда. Она постепенно переносила, пересаживала к себе статьи Судного Закона по мере того, как статьи эти изменялись согласно с требованиями русской жизни и принимали на себя русский характер. Это пересаживание и перенесение статей из Судного Закона в Русскую Правду началось уже при Ярославе, чему мы имеем явные доказательства в его Правде. Так, например, в Ярославовой Правде уже требуются в подтверждение жалоб свидетели, именно видоки, что прямо взято из Судного Закона, ибо по древним русским обычаям, засвидетельствованным договорами Олега и Игоря, свидетели не требовались на суд. Или – Русская Правда изменяет статью о наказании того, кто своевольно возьмет чужого коня и заменяет телесное наказание вору денежной пеней. Наконец, все статьи гражданского права, которые мы встречаем в последующих редакциях Русской Правды, явно перенесены туда из Судного Закона, что мы частью уже видели при разборе этого памятника, и что еще подробнее увидим впоследствии при разборе разных редакций Русской Правды. Таким образом, недостаток статей гражданского права в редакции Правды, которую мы приписываем Ярославу, не только не уничтожает доверия к этому памятнику, в том именно виде, в каком он до нас дошел,

но и еще более увеличивает его, ибо, по соображению всех обстоятельств дела, всякое дополнение Ярославовой Правды и помещение статей гражданского закона свидетельствовало бы об искажении и подновлении этого памятника и колебало бы доверие к нему. Все редакции Русской Правды явно свидетельствуют, что первая ее редакция, принадлежащая Ярославу, не могла быть в каком-либо ином виде, как только в том, в каком сохранилась в Академическом списке, ибо весь период русского законодательства, объемлющий постепенное развитие Русской Правды, представляет постоянную борьбу начал, выраженных в Судном Законе и в других византийских узаконениях, перенесенных к нам в Номоканоне, с началами права чисто русскими, национальными. Борьба эта выражалась постепенным сообщением византийским началам чисто русского характера и перенесением их в Русскую Правду и, наконец, разрешилась тем, что Судный Закон и другие византийские узаконения, принятые у нас, и Русская Правда слились вместе в Судебник царя Ивана Васильевича и в его Стоглав.

Содержание Ярославовой Правды. Законы Ярославовой Правды по содержанию делятся на три отдела: первый содержит в себе узаконения об убийстве, второй – о личных оскорблениях, третий – о делах по нарушению прав собственности.

Отдел первый. Первому вопросу у Ярослава посвящена одна первая статья. В ней сказано: *«Аще убьет муж мужа, то мстити брату брата, любо отцю, любо сыну, любо брату – чаду, ли братню сынови, ожене будет кто его мьстят, то положити за голову 80 гривен, аще ли будет княж муж, или тиун княжь. А если будет русин, горожанин, любо гридь, или купечь, или тиун боярьский, или мечник, любо изгой, ли словенин, 40 гривен положити за нь»*. Из этой статьи ясно, что в делах по убийству и в Ярославово время основным законом была месть. Русское общество того времени не могло еще отказаться от этого исконного своего обычая. Но тем не менее настоящая статья свидетельствует, что русское общество продвинулось вперед в период времени от Олега и Игоря до Ярослава. По законам сих последних, месть за убитого предоставлена всем

родственникам его и единственным спасением от этой мести было бегство. По закону же Ярослава месть ограничивалась степенями родства, так что только ближайшие родственники убитого – отец, сын, брат, племянник, дядя – могли мстить убийце. Если же не было ближайших родственников, то никто не имел права мстить, а с убийцы взыскивалась только определенная пеня в пользу родственников убитого. Далее, по Олегову договору все имущество убийцы без изъятия следовало ближайшим родственникам убитого, хотя бы и у самого убийцы оставались дети. Напротив того, по Ярославовой Правде не все имение достается родственникам убитого, а лишь определенная пеня, смотря по общественному состоянию убитого. Это положение Ярослава указывает на ограничение мести. Здесь является предварительно оценка преступления на место прежней безотчетной мести. Дети преступника не лишаются всего состояния, у них берется лишь законная пеня. Это постановление указывает на влияние христианства и сильное развитие общественной жизни. По Ярославовой Правде вознаграждение за убийство есть дело частное. Дальние степени родства не имели права вознаграждения. Следовательно, Русская Правда не уничтожает частного, личного характера наказания. По Русской Правде видно, что закон не разбирал, как убил убийца – злонамеренно или нет. Во время Ярослава все убийцы были одинаково виновны и одинаково подвергались мести родственников, которые не заботились о причинах и побуждениях, которые были мотивом к убийству, а довольствовались одним простым фактом. Из Ярославовой Правды видно, что закон заботился не об уничтожении прежней мести, а только о том, чтобы ограничить ее, чтобы остановить бесконечную резню. Таким образом, законы Ярослава об убийстве суть ограничение, видоизменение мести.

Второй отдел Правды содержал в себе узаконения о *личных оскорблениях*. Он состоит из 8 статей, в которых разбираются разного рода побои и определяются наказания за них. Личным оскорблением тогда считались только побои, а оскорбление словами, как, например, брань, клевета не считались

оскорблением. По крайней мере, мы не видим в Русской Правде и других позднейших узаконениях, чтобы что-либо, за исключением побоев, запрещалось законом как личное оскорбление. Уже только в Судебнике мы встречаем запрещение «лаяния», т.е. брани, на которую закон смотрит как на личное оскорбление. Здесь точно так же, как и в законе об убийстве, основной закон – право частной мести. Обиженному предоставлялось на выбор – или мстить обидчику, или взыскать с него плату за оскорбление. Плата эта по Ярославовой Правде определялась так: 1) Если кто кого прибьет до крови, или наделает синяков руками, а не оружием, то платить три гривны выкупа за обиду и сверх того платить обиженному за лечение. Статья (ст. 2, Ак. сп.), в которой изложено это законоположение, представляет любопытный факт борьбы нашего законодательства с византийским. Статья эта есть явно переделка подобной статьи судного закона (в 25 главе), но в Правде эта статья принимает чисто русский характер и подводится под русское начало мести. 2) Если кто ударит кого палкой или иным чем и даже мечом, но не обнаженным, то платить 12 гривен за обиду. Статьи (ст. 3 и 4, Ак. сп.), сюда относящиеся, представляют повторение Олегова и Игорева договоров о побоях; в них даже сохранены все формы прежних законов, именно – по законам Олега и Игоря за удар мечом или другим орудием назначалось 5 литр серебра; та же пеня назначается и Ярославовой Правдой, только греческие литры переименованы здесь на русские гривны и посему положено 12 гривен. Далее, по Олегову закону, если кто не мог уплатить 5 литр серебра, то платил обиженному сколько мог, а в остальном клялся, что ему негде взять. Тот же порядок сохранен и в Ярославовой Правде. 3) Если кто кого ударит обнаженным мечом по ноге или по руке, так что нога или рука отпадут, то платить за это 40 гривен. 4) Если кто кому отрубит палец, то платит за это три гривны обиженному. 5) Если кто у кого вырвет бороду или ус, то платить ему за обиду 12 гривен (ст. 5, 6 и 7, Ак. сп.). Примечательно, что борода или ус ценились дороже, чем палец. Это свидетельствует о сильном развитии на Руси личности, так как заметное обезображение ценилось дороже,

чем незаметное увечье. 6) Если кто на кого вынет меч, но не ударит, то платить за это одну гривну. Статья (ст. 8, Ак. сп.), в которой изложено это узаконение, замечательна тем, что здесь наказывается и самое покушение на убийство или насилие, что указывает на строгое охранение в обществе тишины и мира и свидетельствует о сильно развитом общественном устройстве. 7) Если кто толкнет кого от себя или к себе, то платить за это три гривны обиженному. Во всех этих статьях закон, как и при Олеге, поддерживает права мести. Очевидно, эти статьи были изданы в отмену статей Судного Закона, несогласных с духом общества. Но влияние Судного Закона было так сильно, что Ярослав не мог уже вполне отрешиться от византийского права и обратиться к старым русским обычаям. По старым русским обычаям, в делах по личным оскорблениям судебными доказательствами были знамение (знаки от побоев) и рота. Ярослав отменил роту и ввел новое судебное доказательство чисто византийского происхождения – свидетелей, или видоков. В Правде сказано: *«Оже придет кровав муж, или синь, то видока ему не искати. Аще ли не будет на нем знаменья, то привести ему видок»*; а если обвиненный не мог найти свидетелей, то иск его прекращался. Ярослав оставил роту в одном только случае – если обиженный был варяг или колбяг. Это, вероятно, потому, что ни в Скандинавии, ни в Померании не было введено христианство и потому Ярослав не хотел подчинять варягов и колбягов христианским законам.

Третий отдел Ярославовой Правды заключает в себе узаконения по делам нарушения собственности. Статьи, сюда относящиеся, числом 8, могут быть разделены на два разряда. Статьи первого разряда говорят о наказании преступников, а во втором излагается порядок судопроизводства по делам нарушения права собственности. Закон, в случае нарушения права собственности, не думает об общественном наказании преступника, а только взыскивает с него за обиду, помогает частному лицу восстановить право, взыскивая с преступника в пользу обиженного. Ясно, что и здесь само наказание преступника является еще в форме частной мести. Первые три

статьи взяты из Судного Закона, только телесное наказание заменено здесь пеней в три гривны. Пенья эта налагалась: 1) за укрывательство чужого раба, 2) за своевольное и без ведома хозяина употребление чужого коня и 3) за произвольное присвоение себе оружия, коня, платья или иной какой-либо вещи (ст. 10, 11 и 12, Ак. сп.). Преступник в этом случае кроме цены украденной вещи должен был платить еще пеню в три гривны собственнику. Эти статьи подтверждают высказанную выше мысль, а именно, что основанием законных преследований преступника было вознаграждение; следовательно, наказание являлось в форме частной мести, хотя произвол лица был устранен и его место заняло определенное правительством мщение. Ту же пеню, т.е. три гривны, должен был платить должник, отвергавший свой долг (ст. 14, Ак. сп.). Он считался вором и судился как таковой. Второй разряд узаконений настоящего отдела представляет важное свидетельство о тогдашнем порядке суда и вообще об устройстве тогдашнего общества. В этих статья говорится, что: 1) укрывателю чужого раба давалось три дня срока, чтобы объявить об укрываемом рабе и вывести его на торг; если же он этого не делал, то считался вором и подвергался пени в три гривны (ст. 10, Ак. сп.). 2) Хозяин, увидавший у другого своего коня, оружие, платье или другую вещь, не мог ее взять, но мог только требовать, чтобы тот, у кого он ее увидел, указал на того, от кого он получил и вел бы его на свод к нему, если же тот не шел на свод, то ему давалось 5 дней срока найти поручителей, что вещь не украдена, а приобретена законно (ст. 13, Ак. сл.). Если в предшествующих узаконениях мы видим преобладание частного произвола над началом общественного благоустройства и порядка, то в этой статье замечаем обратное явление. В ней закон ограждает неприкосновенность владения против предъявления недоказанных прав на вещь. В этой же статье мы встречаем поручителей и судебные сроки, что указывает на развитие судебного устройства на Руси. 3) Если должник станет отпираться от долга, то кредитору предоставлялось право представить 12 свидетелей, которые могли бы подтвердить,

что кредитор действительно давал займы то, что требует с должника (ст. 14, Ак. сп.). Статья, где излагается это узаконение, есть единственная статья во всей Ярославовой Правде из гражданского права. Она вошла сюда потому, что ее нет в Судном Законе; следовательно, на Руси в Ярославово время долги взыскивались иным путем, чем в Византии. Византийские законы о кредите были неприменимы у нас, так как у нас не было маклеров, заемных писем и прочих мер, которыми ограждался там кредит. 4) Господин, отыскавший своего пропавшего раба у какого-либо хозяина, мог требовать у последнего, чтобы тот вел его на свод к тому, у кого он купил раба; а этот должен был привести его к другому, у кого он купил, а другой к третьему, у которого господин брал его раба, или вместо раба деньги, и предоставлял ему дальнейшие розыски вора (ст. 15, Ак. сп.). Порядок суда, засвидетельствованный этими статьями, был чисто общинный по Делах о нарушении прав собственности. Дела решались сводом, свидетелями или поручителями, для отыскания которых предоставлялось 5 дней сроку. Суд производился миром, обществом, без участия князя и его посадника, – следовательно, на чисто общинном начале. Все сделки производились публично, при свидетелях, так что, в случае иска, каждый член общества ограждал свое право сводом, поручительством и свидетелями, а если не мог этого сделать, то признавался виновным.

Определив пени и порядок суда в делах о нарушении собственности, закон определяет те случаи, в которых нарушение права собственности не бывает преступно, не подлежит наказанию. Этих исключительных случаев два. Во-первых, когда раб ударил свободного человека, то обиженный мог безнаказанно убить его. Мало того, если ударивший раб укрывался в доме господина своего, то последний должен был выдать его обиженному или заплатить 12 гривен; но и затем обиженный, встретив где-нибудь оскорбившего его раба, мог убить его и не платить пени (ст. 16, Ак. сп.). Здесь обида, полученная от раба, оценивается в 12 гривен, одинаково с обидой от свободного человека, очевидно потому, что здесь вину его принимает

на себя господин, следовательно, и обида перестает быть обидой от раба. Но отсюда нельзя заключать, что обида от раба считалась наравне с обидой от свободного человека. Обиженный имел право убить раба даже и тогда, когда он получил от господина законное вознаграждение за обиду. Следовательно, без вмешательства господина раб платил за обиду жизнью, а не пеней, и следовательно, обида от раба не считалась наравне с обидой от свободного человека. Второй случай состоял в том, что кто, взявши с дозволения хозяина оружие или платье, испортил бы его, то, по закону Ярослава, пени он не платит, а должен был отдать только цену вещи (ст. 17, Ак. сп.).

Эти узаконения показывают, что Русская Правда составлена по исконным русским обычаям, основанным на общинном начале, хотя и не без влияния Судного Закона. А с другой стороны, те же узаконения свидетельствуют, что памятник сей есть именно та судно-льготная грамота, которую Ярослав дал новгородцам в благодарность за усердную помощь в войнах его со Святополком, ибо во всей грамоте нет и упоминания не только о судных пошлинах князю, но и о каком-либо участии князя в судных делах – во всей грамоте мы видим, что суд по всем делам принадлежал обществу, миру, а не князю. Конечно, это была привилегия только новгородцев, а не общий порядок суда на Руси, ибо по летописям мы знаем, что князья были призваны судить и рядить и это право всегда за ними оставалось.

Устав Ярослава о вирных уроках. Устав этот во всех списках приписывается Ярославу, поэтому мы не имеем права сомневаться в его подлинности, тем более что само содержание его, подходящее к характеру Русской Правды, не позволяет относить его к другому времени. Устав этот свидетельствует о вирном устройстве того времени; из него видно, что виру составляли главный доход князя, что засвидетельствовано и летописями. По свидетельству Ярославова устава, виру собирались для князя самим обществом и князь в известные сроки посылал своих вирников для получения их. Когда при Ярославе старинная месть была ограничена и за убийство назначена была денежная пеня, то в случае совершения преступления

обиженный жаловался обществу и общество уже взыскивало с виновного и вело счет преступлениям. Другой счет вел, вероятно, княжеский посадник. Приезжавший в известное время вирник получал накопленную виру по числу преступлений. Сборы вирных пошлин и расчет вирника производились быстро, ибо они оканчивались не более как в неделю. В уставе сказано: *«До недели же ви́ро сберут вирници»*. Вирник получал содержание от той общины, в которую посылался для сбора вир. Содержание его так определялось в уставе: *«Вирнику взяти 7 ведер солоду на неделю, да овен, или полоть, или две ногаты, а в среду куна, оже сыр, а в пятницу тако же, а куров ему по двое на день, а хлебов 7 на неделю, а пше́на 7 уборков, а гороху такожь, а соли 7 головажень; то ти вирнику с отроком; а кони 4, а овес коним сути на рот; вирнику 8 гривен, а десять кун перекладная, а метальнику 12 векошь, а ссадная гривна»*. Это определение корма вирника показывает, что вирник был довольно значительным лицом у князя. Подробности, с какими определяется содержание вирника, а также формальное назначение числа лошадей ему во время объездов для сбора вир и предписание того, в какой срок он должен собрать все виры, свидетельствуют о замечательной строгости и определенности в распределении прав и обязанностей княжеских слуг. Отсюда видно, что доходы дружинников от управления не были произвольными поборами, а с достаточной точностью определялись самим законом, а это, в свою очередь, свидетельствует о значительной степени развития тогдашней администрации. При вирнике был официальный служитель, называемый *переда*. Кроме кормления вирников, были строго определены доходы мостников. По Ярославову уставу о мостниках, мостник получал по одной ногате в неделю, и сверх того после каждой починки моста или городьбы – по 1 ногате. Нет сомнения, что доходы и других княжеских чиновников были определены с такой же точностью, на что мы имеем много свидетельств в последующих так называемых наказах, и вообще подобная определенность существовала, вероятно, и по всем частям тогдашней администрации.

Правда сыновей Ярослава. Постепенное развитие русского общества имело своим неизбежным следствием сознание несоответствия Правды Ярослава с новыми потребностями общества. Это сознание несоответствия вызвало через 17 лет после смерти Ярослава пополнение Правды его сыновьями. С этой целью они собрались в Киеве в 1072 году с избранными мужами: Коснячком, Перенегом, Никифором, Чудином и Микулой – и составили новую Правду для всей Руси. Новая правда ограничивалась тоже одними уголовными постановлениями. Правду сыновей Ярослава можно разделить на три отдела. Первый, состоящий из 11 статей, включает в себе узаконения о преступлениях против лица; второй, состоящий из 13 статей, включает в себе узаконения по делам о нарушении прав собственности; третий – из 2 статей – говорит о суде и судебных пошлинах.

В первом отделе основным началом служит полная отмена мести и замена ее денежными выкупами. В первой статье Правды прямо сказано: *«Сынове Ярослава отложиша убиение за голову, но кунами ся выкупати»*. В первых трех статьях в этом отделе Правды определено кому когда платить виру или не платить. Первая статья говорит, когда убийца платит виру сам, без участия общины. По закону сыновей Ярослава это назначается в том случае, когда убийство учинено в обиду, т.е. с намерением ограбить и вообще с дурным умыслом. В Правде это выражалось так: *«Оже кто убиет огнищанина в обиду, то виру платити 80 гривен, а людем не надобе»*. Здесь мы видим замечательное движение вперед русского законодательства под влиянием Судного Закона. Надо заметить вообще, что византийское законодательство вносило новые начала в русскую жизнь. В Ярославовой Правде закон обращал внимание на один внешний факт, намерение же преступника совершенно не бралось в расчет; напротив, в Правде сыновей Ярослава рассматривается и сам мотив преступления, принимается во внимание не только факт, но и воля преступника, который, в случае, если совершил преступление с умыслом, отвечал за преступление один, без пособия общины. Русский закон при-

нял во внимание начала римского права: *in maleficiis voluntas spectatur non exitus*. Вторая статья определяет, когда виру платило общество. Это имело место в трех случаях: 1) когда убийство было совершено в разбое, 2) когда убийцы не было налицо и 3) когда его не находили: «а оже убьют огнищанина в разбой, или убийца не ищут, то вирное платити в ней же верви голова лежит». Под именем разбоя тогда понималось не то, что теперь, т.е. нападение на человека с целью ограбить – это называлось тогда грабежом; под именем же разбоя разумелась драка, возникшая вследствие ссоры, нечто вроде западной дуэли. Чтобы отомстить за невыносимое оскорбление, в то время существовал такой обычай: оскорбленный, набрав ватагу своих приятелей, приезжал в дом обидевшего, бил и колотил что попадалось под руку, и если в этом случае совершалось убийство, то оно называлось совершенным в разбое. Очевидно, убийство было не из желания ограбить, часто невзначай. Другие два случая, когда виру платила община, были: когда убийцы нет налицо или когда он неизвестен, когда общество не знает или не хочет выдать убийцу, считая его хорошим человеком. Эти узаконения свидетельствуют, что русская земля в то время была разделена на общины, называвшиеся вервями, члены которых были связаны круговой порукой, так что в случае совершения преступления одним из ее членов виру платила вся община. Община могла даже отказать в выдаче убийцы. Вервь платила виру лишь за тех, кто был связан круговой порукой. Вирное устройство было исконным на Руси и поэтому не составляло учреждения Русской Правды; указания на него мы имеем еще в договорах Олега и Игоря. Так, в договоре Олега сказано, что нанесший кому-либо личное оскорбление, если не в состоянии был заплатить виру, должен был поклясться в том, что ему некому помочь. Третья статья говорит о разряде убийств, за которые никто не платит или когда убийство не считалось преступлением. К этому разряду относится убийство вора во время кражи. За это убийство ни сам виновник, ни общество не отвечали. В законе сказано: «Оже убьют у котория татьбы, то убит и в пса место». Впрочем, и здесь за-

кон, желая ограничить произвол хозяина, считает убийство не преступным лишь в том случае, когда вор защищался; а если вор позволил себя связать, то убить его нельзя. Закон говорит, что если хозяин успел связать вора, то, продержав его до утра, должен был вести его на княжеский двор, а если посторонние засвидетельствуют, что хозяин убил связанного вора, то также убийство считается в обиду и убийца платил виру сам, без помощи общины. Разрешив эти общие вопросы, когда кому платить виру, обратимся к тем статьям Правды сыновей Ярослава, в которых определяется само количество выкупа, или годовщины, идущих не князю, а потерпевшему. Этих статей четыре; в них говорится, что за убийство огнищанина, княжеских тиуна и старшего стадного конюха – по 80 гривен, за убийство княжеских отроков, конюхов и поваров – 40 гривен, за убийство сельского княжеского старосты, рабы кормилицы и раба кормильца – 12 гривен, а за убийство княжеского рядовича – смерда и холопа – по 5 гривен. Здесь закон ясно говорит только о княжеских людях, а не о земских, и выставленный в этих статьях платеж относится не к вирам, а к годовщинам, т.е. к выкупам за голову, потому что здесь показан платеж и за холопа и за рабу, а по общему смыслу всего древнего законодательства вира платилась только за свободных людей, а не за рабов. Раб тогда считался вещью, а не лицом, и потому за его голову не полагалось виры, а платилось только вознаграждение хозяину и особая пошлина князю, называвшаяся *продажей*.

Относительно личных оскорблений правда сыновей Ярослава представляет три статьи. В первой говорится, что окровавленный или с синяками человек не обязан представлять свидетелей; во второй, что за побои смерда без княжеского позволения платится за обиду три гривны; в третьей говорится, что за побои огнищанина, тиуна или княжеского мечника платится за обиду 12 гривен. Здесь закон опять говорит об одних княжеских людях, а не о земцах; следовательно, по отношению к земцам узаконения Правды Ярославовой остались в прежней силе. В такой же силе остались постановления Ярославовой Правды относительно различия побоев разного рода. Сыновья

Ярослава не упоминают о них в своей Правде именно потому, что подробности эти остались неизменны. Сыновья Ярослава говорят в своей Правде лишь о том, в чем были сделаны изменения. В Правде сказано: *«А ино все, яко же Ярослав судил, такоже и сынове его уставиша».*

Второй отдел включает в себе статьи о нарушении прав собственности. Статьи этого отдела разделяются на три разряда. В первом разряде определяется плата пени за украденные вещи, которую должен был выплатить вор, если у него не окажется налицо украденных вещей. Здесь княжеский конь оценивался в 3 гривны, а конь смерда в 2 гривны, кобыла в 60 резаней, вол в 1 гривну, корова в 40 резаней, баран в 1 ногату. Во втором разряде статей излагаются различные пени, которые должны были платить уличенные в нарушении права собственности. Пени эти были следующие: 1) За увод чужого раба 12 гривен, 2) За кражу коня или вола из клетки 1 гривну и 30 резаней. А если в одном воровстве участвовали несколько лиц, то с каждого по 3 гривны и 30 резаней. В статье об этом сказано: *«Оже их было 18, то по 3 гривны и 30 резаней платит мужеви».* 3) За порчу чужой межи – 12 гривен, за порчу княжеской борти – 3 гривны, а за порчу борти смерда – 3 гривны. В статьях 3-го разряда говорится о мелкой краже и также обозначаются цены за украденные вещи и пени или продажи за них в пользу князя. Здесь замечательно то, что продажа за мелкую кражу назначается вдвое более против цены украденной вещи; так, гусь оценивался в 30 резаней, а продажа за покражу его назначалась в 60 резаней; кроме того, если в краже участвовали 10 или более человек, то каждый из них должен был платить продажи по 60 резаней.

В отделе узаконений против нарушителей права собственности особенно обращают на себя внимание следующие постановления: 1) В первой статье за убийство раба назначается пеня в 5 гривен, а за увод раба платилось 12 гривен, следовательно, более чем вдвое. Это показывает, что русское общество того времени смотрело на раба, как на вещь. Убийство раба не могло принести никому пользы, следовательно, не могло быть

часто – напротив, увод раба приносил большую или меньшую пользу тому, кто уводил, следовательно, это преступление совершалось чаще, а следовательно, должно было наказываться строже. 2) В Правде сыновей Ярослава делается различие между одиночным воровством и воровством, совершенным целой шайкой, причем за последнее пеня была больше. 3) В Правде сыновей Ярослава особенно замечательна статья о порче межей. В Ярославовой Правде о ней и не упоминается. Но конечно, необходимо должно допустить, что меры против порчи межей существовали, как в Ярославово время, так и прежде него, потому что и в это время русский народ был земледельческим народом, а следовательно, дорожил своими полями, тем более, что тогда было еще очень немного обработанных полей. Межевыми знаками служили ямы, зарубки на деревьях и разные естественные признаки. Отсутствие в Ярославовой Правде узаконений относительно порчи межей можно объяснить тем, что Ярослав, конечно, предоставлял разбирательство дел такого рода или старому обычаю, или, что вероятнее всего, Судному Закону, в котором есть статья о порче межей. Но через 50 лет после смерти Ярослава русское общество уже настолько развилось, что не могло оставаться ни при обычном праве, ни при Судном Законе, полагавших телесное наказание, несогласное с русским духом, и потребовало новых законов. Поэтому-то сыновья Ярослава и помещают в своей Правде статью относительно порчи межей. По Правде сыновей Ярослава, порча межей считалась очень важным преступлением – за нее назначалась пеня в 12 гривен, равная пени за увоз раба.

Третий отдел Правды сыновей Ярослава содержит статьи о суде и судебных пошлинах по уголовным делам. Отдел этот состоит из двух статей. Первая из них говорит, что *«пойманого вора должно вести на княжий двор»*, т.е. к князю или его наместнику, или к тиуну. Статья эта прямо отрицает самоуправство: по ней, убивший вора связанного и не способного никому вредить, считался убийцей и приговаривался за это к плате виры. Во второй статье этого отдела определяются следующие судебные пени: а) емцу, т.е. тому, кто ловил вора,

10 резаней; б) княжескому мечнику – 1 куна от гривны; в) в десятину на церковь 15 кун; г) князю три гривны. Если же дело будет оценено в 12 гривен, то емцу 70 кун, в церковь 2 гривны, а князю 10 гривен. Это распределение судебных пошлин очевидно относится к преступлениям по нарушению прав собственности; относительно преступлений против личности оставлен был во всей силе старый Ярославов устав «О вирных уроках и продажах». Подробное рассмотрение Правды сыновей Ярослава показывает, что она составляет продолжение, пополнение и развитие Ярославовой Правды, но не является ее повторением. Она ясно выражает понятие русского общества ее времени о праве, понятие, которое оно имело в течение нескольких десятков лет после смерти Ярослава и которое в это время значительно развилось. Так, Ярослав в своей Правде еще не мог отменить совершенно месть родственников за убитого, он только ограничил ее, определив, кто из родственников убитого мог мстить за него. Сыновья же Ярослава прямо отрицают законность нрава мести. Они заменяют месть пенями, которые в их Правде разделяются на три вида, а именно: когда общество должно платить за убийцу, когда – сам убийца, и, наконец, когда пеня отменялась и убийство не вменялось в преступление. Точно так же и в делах по нарушению прав собственности сыновья Ярослава настолько опередили своего отца, что уже разграничили воровство единичное от воровства шайками. Это разграничение указывает на возникновение в русском обществе новых вопросов и на развившуюся в нем потребность яснее определять общественные отношения. Но, как видно из предыдущего, и Правда сыновей Ярослава еще не выходит за пределы законов уголовных: в ней нет узаконений по гражданскому праву, а одни только уголовные узаконения.

Русская Правда XII столетия. Развитие общественной жизни на Руси породило новые вопросы, требовавшие законодательного решения. А потому Русская Правда не могла оставаться на той же ступени развития, на какой она была при сыновьях Ярослава. Вместе с развитием общества развиваются и его законы. Конечно, общество в этом своем движении

опережает закон, который, таким образом, остается позади, но все-таки и он движется.

Хотя в русское общество не входило новых элементов до самого татарского нашествия, но тем не менее прежние элементы его: варяжский, славянский и византийский – постепенно изменялись и принимали один характер – чисто русский. Это постепенное слияние элементов должно было изменять развитие общества, а это изменение должно было отразиться на законодательстве. Следы этого развития общества мы замечаем в дальнейших изменениях и редакциях Русской Правды. Действительно, в последующих редакциях Русской Правды мы встречаем ясные доказательства постепенного развития и изменения Правды Ярослава и Правды сыновей его.

При внимательном рассмотрении последующих редакций Русской Правды нельзя не заметить, что они не суть повторение или искажение Правды Ярослава и Правды сыновей его, но составляют отдельные законодательные памятники разных времен, приспособленные к разным степеням развития русского общества. При рассмотрении редакций Русской Правды последующих времен нельзя не заметить, что почти во всех них упоминается о Русской Правде Ярославовой редакции и о ее изменении при сыновьях Ярослава. Это обстоятельство служит прямым указанием на то, что все редакции Русской Правды после сыновей Ярослава составляют отдельные законодательные памятники, которые не должно смешивать с двумя, рассмотренными нами.

Содержание Правды XII века во всех списках начинается следующими словами: *«Суд Ярославль Володимиричь, Правда Русьская»*. Несмотря на такое заглавие, она, очевидно, не есть Ярославова Правда, а представляет отдельный законодательный памятник, в котором из Ярославовой Правды и Правды сыновей его заимствована только одна первая статья, все же прочее в ней составляет новость, основанную на новых началах, выработанных русским обществом. Поэтому заглавие: *«Суд Ярославль Володимиричь»*, собственно, можно отнести только к одной первой статье, которая действитель-

но взята из Ярославовой Правды. Правду XII столетия можно разделить на 4 отдела: в первом из них говорится о преступлениях против жизни, во втором – о личных оскорблениях, в третьем – о нарушении прав собственности, в четвертом излагаются узаконения о займах. Из этого разделения статей мы ясно видим, что памятник сей, подобно предшествующим, еще преимущественно относится к уголовному законодательству, из гражданского права в нем помещен только один отдел – о займах.

Первый отдел. Правда XII века начинается первой статьей Ярославовой Правды и Правды сыновей его, отменивших месть за убийство и заменивших ее кунами. Указав, таким образом, на основное начало законодательств предшествующего времени, Правда XII века приступает к развитию юридических понятий своего времени, именно, излагает узаконения о вирах. Она, во-первых, определяет, что такое дикая вира и головщина и кто платил их. По этому определению, дикой вирой называлась: а) пеня за убийство, совершенное во время разбоя или когда нет налицо убийцы, или же когда община не хочет выдавать его; б) пеня за убийство, учиненное в ссоре; в) вира за убийство, учиненное на пиру явно, а не скрытно. Отличительный характер дикой виры состоял в том, что ее платил не сам убийца, а целая община, вервь, к которой принадлежал убийца, и притом община платила эту виру не вдруг, а погодно, в течение нескольких лет. Основанием для платежа дикой виры общиной служило то, что совершивший убийство был сам членом этой общины или верви и состоял вкладчиком по постоянному и ежегодному платежу дикой виры, хотя бы он и не совершил убийства. В законе прямо сказано: *«Будет ли головник их в верви, то за не к ним прикладывают того же деля им помогати головнику (убийце)»*. Итак, дикую виру, т.е. пеню князю за убийство, головник платил не один, а при помощи целой общины. Но самую головщину, т.е. плату родственникам за голову убитого, он платил один, тут община не помогала ему. В той же статье говорится: *«А головничьство, а то самому головнику; а в сороце гривен (т.е. дикую виру) заплатити*

ему из дружины (т.е. вместе с членами верви) *свою часть*». Из учреждения дикой виры видно, что здесь действовало юридическое понятие о вменении. Общество, вервь не вменяло в преступление убийство в трех показанных нами случаях, считало это убийство неумышленным или, по крайней мере, извиняло убийцу, находило его хорошим членом и потому помогало ему как своему вкладчику в плате виры и не выдавало его. Во-вторых, настоящий памятник определяет: когда не допускается дикая вира, т.е. когда платил виру сам убийца. Во-первых, виру платил тот убийца, который убил другого без ссоры, без причины со стороны убитого, а единственно со злым умыслом, чтобы его ограбить. Такой убийца в законе прямо назван разбойником; за него вервь не платила, а напротив, самого его с семейством и со всем имением отдавала «на поток и на разграбление». В законе сказано: «за разбойника люди не платят, но выдадут самого всего и с женою и с детьми на поток и на разграбление». Община явно не терпит злоумышленного убийцу; она не только не защищает его, а напротив, исключает его из своих членов, как нетерпимого злодея, и убийство со злым умыслом считается достойным строгой кары. Во-вторых, помощью общины в уплате виры не пользовались те из убийц, хотя бы и неумышленных, которые не принадлежали ни к какой верви, не вкладывали своей доли в дикую виру: «аже кто не вложится в дикую виру, – говорится в законе, – тому люди не помогают, но сам платит». Здесь головник, хотя и платит сам, без пособия общины, но он как неумышленный убийца, следовательно, терпимый член, не изгоняется из общины, не отдается на поток и на разграбление; он по-прежнему остается членом общины, только сам, своими средствами уплачивает виру и головщику, так как он не вкладывался в дикую виру. В-третьих, настоящий памятник говорит о так называемой *поклепной вире*. Поклепной вирой называлась вира, платимая тем, на кого падало подозрение в убийстве или кого уличили в убийстве свидетели, но кто не был схвачен во время самого совершения убийства. Закон в таком случае требует суда, и судебными доказательствами признает свидетелей, а ежели их

не будет, то испытание железом. Для полного доказательства совершенного преступления по закону требуется 7 свидетелей, ежели истец будет русский, а ежели варяг или другой иноземец, то достаточно 2 свидетелей, т.е. обвиняемый признается преступником, если семь или двое свидетелей подтвердят обвинение. Но Русская Правда допускает поклеп в убийстве и иск только в таком случае, когда найден будет еще не разложившийся труп; когда же будут найдены только кости или до того истлевший труп, что убитого нельзя и узнать, в таком случае ни иск, ни суд по закону не допускаются. В законе сказано: *«А на костех и по мертвецце не платити виры, оже имени не ведают, ни знают его»*. Это ясно показывает, что в XII веке уголовное дело разбиралось только тогда, когда были истцы по этому делу, т.е. процесс был чисто обвинительный.

Относительно узаконений о вирных пошлинах Правда XII столетия следует уставу Ярослава о вирных уроках, только несколько изменяет его, именно: вирные уроки она разделяет на два разряда: а) на виры в 80 гривен и б) на виры в 40 гривен. Вместо вирного урока в 60 гривен в пользу вирника, как это узаконяет Ярославова Правда, Правда XII века узаконяет брать в пользу вирника от 80 гривен 16 гривен, а от 40 гривен 8. Кормы же вирнику Правда XII века определяет так же, как и Ярославова Правда. Далее в настоящем отделе помещена оценка, почем платить за каждую голову головщины. Эта оценка одинакова с оценкой по Правде сыновей Ярослава, только здесь прибавлено: во-первых, разделение княжеских служителей на два разряда, причем к первому, в 8 гривен за голову, отнесены тиуны – огнищный и конюший; а ко второму, в 40 гривен, княжеские отроки, конюхи и повара – следовательно, младшая дружина; во-вторых, в двенадцатигривенную головщину включены ремесленники и ремесленницы, а в пятигривенную к княжеским рядовичам причислены и боярские рядовичи. Первый отдел настоящего памятника заканчивается статьей о пошлинах, платимых в том случае, когда кто оправдывается от обвинения в убийстве; здесь пошлины в пользу княжеского отрока брались одинаково с оправданного и с обвинителя. В за-

коне сказано: *«А кто свержет виру, то гривна кун сметная отроку; а кто и клепал, а тому дати другую гривну».*

Во втором отделе о личных оскорблениях настоящий памятник перечисляет те же преступления, какие перечислены и в Правде Ярослава. Само наказание остается большей частью прежним, но настоящий памятник развивает некоторые новые юридические понятия, на которые прежние законодатели не обращали внимания. Так, например, в статье *«Аже кто кого ударит батогом...»* в Ярославовой Правде просто назначена пеня в 12 гривен, согласно с Олеговым договором; в настоящем же памятнике к пени в 12 гривен прибавлено еще: *«Не терпя ли противу тому тнеть мечем, то вины ему в том нет».* Или в статье *«Аже придет кровав муж на двор (княж)»* по Ярославову закону предоставлялось на волю обиженного или мстить, или взять три гривны за обиду и плату за лечение, а обида доказывалась на суде знаками на теле: ранами, синяками и проч., а за недостатком их – свидетелями. Точно тот же порядок сохранен и в настоящем памятнике, но здесь прибавлено, что свидетели должны говорить *«слово противу слова»* с обвинителем, и сверх того сказано, что кто начал драку, тот обязан платить, сверх 3 гривен, обиженному 60 кун и еще 3 гривны продажи в казну княжескую. Это узаконение вошло в правду XII века прямо из Судного Закона, в который оно вошло из Юстинианова кодекса. Если же окажется, по указанию свидетелей, что избитый, пришедший жаловаться, сам начал драку, то он лишался права на получение вознаграждения за обиду. В законе сказано: *«Аще и кровав придет, а будет сам почал, а вылезут послуи, то то ему за платеж, аже и били».* Следовательно, в Правде XII столетия уже принималось в расчет, кто начал драку; прежде же достаточно было показать знаки побоев или привести свидетелей, чтобы получить вознаграждение за обиду; теперь же, кто начал драку, хотя бы он и действительно был оскорблен или потерпел побои, тот терял всякое право на вознаграждение от обидчика и не имел права жаловаться. Следовательно, закон здесь обращал внимание и судил не по одному факту, а по причинам, вызвавшем факт,

чего в прежнем русском законодательстве не было заметно. Таким образом, отдел о личных оскорблениях замечателен для нас в том отношении, что в нем разбирается не один факт, а также и мотив факта или воля совершившего преступление.

Третий отдел о преступлениях против прав собственности представляет очень много нового о порядке суда и следствиях по этим делам, что тогда известно было под именем свода. Статьи о своде начинаются измененной статьей Ярославовой Правды о том же предмете. По Ярославовой Правде, увидевший свою пропавшую вещь в руках другого не мог тотчас брать ее, а должен был требовать свода; а ежели владевший украденной вещью не шел на свод, то в течение 5 дней должен был представить поручителей в том, что он купил, а не украл опознанную вещь. В настоящем же памятнике, во-первых, поручительство и пятидневный срок отменены. Эта отмена, очевидно, произошла оттого, что сроки и поручительство заимствованы были из византийского Номоканона и как несогласные с духом русского общества не могли долго держаться в русском законодательстве; во-вторых, последствия свода выражены довольно определенно, тогда как у Ярослава они вовсе опущены. В настоящем памятнике прямо сказано, что найденный посредством свода настоящий тать должен платить хозяину украденной вещи и все то, что пропало вместе с ней. Например, у хозяина пропала лошадь с телегой и с разными товарами в телеге; если хозяин увидел у кого-либо свою пропавшую лошадь и посредством свода открыл настоящего татя, то тать должен заплатить ему и за телегу с товарами, хотя они у него не были найдены. Далее настоящий памятник полагает границы сводам, именно: в одном городе свод должен производиться до конца, т.е. пока не отыщется настоящий тать; но если свод придется вести по разным городам и деревням, то по новому закону истец идет только до третьего свода, и третий за лицо, т.е. за найденную у него краденую вещь, должен заплатить истцу деньги, а с самой украденной вещью, или лицом, идти до конца свода, т.е. пока не найден будет настоящий тать, который должен был платить все: и пеню или продажу князю,

и другие вещи, пропавшие вместе с найденной, а также и все расходы по сводам. Притом, при сводах соблюдался такой порядок: если тот, у кого найдена украденная вещь, скажет: «я купил ее на торгу», то должен представить двух свободных мужей или мытника, при которых совершена покупка, и ежели притом скажет, что не знает, у кого купил, то вместе со своими свидетелями должен будет присягнуть в том, что найденная у него вещь действительно куплена им на торгу у неизвестного лица при свидетелях, которые также должны дать клятву. После этого вещь отдавалась истцу, а покупщику предоставлялось искать того неизвестного, у которого он купил ее, и если, хоть и через долгое время, этот неизвестный находился, то должен был возратить взятые у покупщика деньги и заплатить хозяину вещи все то, что пропало вместе с ней и выплатить пеню или продажу в казну князя. Далее в настоящем отделе говорится, что при поиске украденного раба порядок свода был назначен тот же, какой и для отыскания пропавших вещей: настоящий хозяин раба шел только до третьего свода, у третьего брал раба, а своего оставлял ему как поличное, чтобы идти ему до конечного свода, и когда на конечном своде отыскивался настоящий тать, то раб, оставленный в поличное, возвращался хозяину его, а тать платил все убытки по своду и продажу князю в 12 гривен. В заключение о сводах настоящий памятник повторяет закон Ярославовых сыновей, что вор, пойманный при воровстве, в случае сопротивления мог быть безнаказанно убит хозяином, поймавшим его; но если хозяин возьмет вора живым и свяжет, а потом, вместо того чтобы вести на княжеский двор, убьет его связанного, то за это подвергается пени в 12 гривен. Настоящий отдел Правды XII века заканчивается пятью статьями о количестве продажи или пени за разные кражи и о законной цене разным вещам, которую вор должен платить хозяину вещи в случае, если вещи не будет налицо. Статьи эти почти все взяты из Правды сыновей Ярослава, и только некоторые из них изменены и пополнены. Наконец, в заключение этого отдела сказано, что продажа или пеня за татьбу налагалась только тогда, когда тати были люди

свободные; ежели же тати были рабы, то на них как на несвободных не налагались пени, а только господа их платили вдвое против покраденного. В законе сказано: *«Оже будет холопи тати, любо княжи, любо болярскыи, любо чернецезы их же князь продажею не казнит, занеже суть не свободна, то двоичи платити к исцу за обиду»*. Это совершенно новый закон, не известный ни Ярославовой Правде, ни Правде сыновей Ярослава. Но в основных своих чертах закон этот вполне согласен с Ярославовой правдой, которая не признает личности в холопе, а считает его безгласной собственностью господина, наравне с домашними животными; как в случае нанесения какого-либо вреда домашними животными за убыток, понесенный при этом, платил хозяин, которому принадлежали животные, так и холопу не вменялись преступления и за него, как за домашнее животное, должен был отвечать господин. Таким образом, Правда XII века в узаконениях о преступлениях против прав собственности имеет те же основания, как и Ярослава Правда и Правда сыновей Ярослава, только в Правде XII века отдел этот несколько пополнен и особенно отличается развитием понятий о порядке свода или поиске татя.

Четвертый отдел Правды XII века составляют законы о займах и процентах. Отдел этот, как и предшествовавший, начинается статьей Ярославовой Правды о взыскании долгов: *«Аще кто взыщет кун на друзе, а он ся учнет запирати то оже на нь послуи выведет, то ти пойдут на роту, а он возьмет куны свои; занеже не дал есть ему за много лет, то платити ему за обиду 3 гривны»*. Здесь против Ярославовой Правды прибавлено только то, что послухи, представленные истцом, должны идти на роту, т.е. дать клятву; у Ярослава же клятвы с послухов не требовалось. Но Правда XII века, приняв за основание Ярославову Правду, относительно взыскания долгов пошла еще дальше, постоянно имея в виду дать больше удобства и определенности как заключению займа, так и взысканию долга. Русская Правда XII века освободила купцов от представления свидетелей: суд, по новому закону, принимал купеческие иски по долгам и без свидетелей, только ответчик

или должник должен был очистить себя клятвой, ежели отпирался от долга. В законе сказано: *«Аще кто купец купцу даст в куплю куны или в гостьбу, то купцу пред послухи кун не имати: послуси ему не надобе, но ити ему самому роте, оже ся учнет запитати»*. Во-вторых, настоящее узаконение освобождает от представления свидетелей, когда кто свои вещи или деньги отдает на сохранение; по новому закону в случае спора принима- тель очищал себя присягой и тем оканчивал дело. *«А оже кто поклажей кладет у кого-либо, то ту послуха нет, у кого то- вар тот лежит; но аже начнет большим клепати, тому иди роте у кого лежало, како толко еси у мене положил, занеже ему благо деял и хранил»*. Этот закон, очевидно, был издан в отмену 27 главы Судного Закона, которая требовала в этом случае свидетелей и других доказательств. Явно, что эта глава Судного Закона как узаконение не туземное, которое требовало многих и сложных доказательств, оказалась несогласной с ду- хом русского общества и в XII веке была заменена настоящим несложным узаконением – требованием роты. В настоящем от- деле Правды XII века помещены две совершенно новые статьи о процентах. В прежних узаконениях – ни у Ярослава, ни у сыновей его нет и упоминания о процентах, а Судный Закон даже прямо запрещал брать проценты: *«Аще даси брату нищю взаим, говорится в Судном Законе, не буди на нь нападая, ни за долги роста»*. Это правило любви христианской, предложенное церковью, очевидно оказалось неисполнимым в русском обще- стве – проценты, несмотря на запрещение, все-таки брались и, конечно, при запрещении брались в гораздо большей мере, не- жели если бы они были дозволены. Посему русское законода- тельство должно было отступить от запрещения процентов и обратиться к другим началам, именно: принять меры, чтобы условия процентов были более гласны и не производили спор- ров, а также продолжительных и разорительных тяжб. С этой целью 46 статья настоящей редакции Русской Правды на пер- вый раз узаконяет только то, чтобы проценты назначались при свидетелях и чтобы кредитор сверх условленных процентов не требовал новых. В законе сказано: *«Аще кто куны дает в резы,*

или мед в настает, или жито в присып, то послухи ему ставити како ся с ним будет рядил, тако же ему имати». Далее закон не ограничивается одной гласностью условий, ибо проценты и при гласности могли быть обременительны, и к гласности добавляет еще и меры процентов; он устанавливает, чтобы заимодавец, если месячный долг затянется на год, не имел права брать месячные проценты со своего должника, а переводил их на годовые и третные. Притом, в настоящем законе подтверждено, что при назначении процентов непременно должны быть свидетели; в противном случае заимодавец не только лишался процентов, но не имел права взыскивать и сам капитал. Из этого общего правила было допущено только одно исключение: небольшие суммы, до 3 гривен кун, заимодавец мог давать без свидетелей и мог подтвердить свой иск, в случае неплатежа долга, только клятвой. В законе сказано: «А месячный рез, оже за мало дней, то ему плати; а зайдут куны до того же году, то дадут ему куны в треть, а месячный рез погренути, послухов ли не будет, а будет кун три гривны, то ити ему про свои куны рот». А ежели кредитор давал займы без свидетелей более трех гривен, то судья говорил ему так словами закона: «Привиновался еси, аже еси послуха не ставил». Таким образом, Русская Правда XII века представляет, с одной стороны, постепенное развитие Правды Ярославовой и Правды сыновей Ярослава, а с другой – дает несколько статей, не известных ни Правде Ярослава, ни Правде сыновей его и показывающих, что в русском законодательстве в XII веке мало-помалу стали вводиться юридические обычаи общества, которым, таким образом, сообщалась обязательная сила закона. Так всегда и бывает в естественном развитии законодательства: сперва является обычай, по мере развития общества обычай слабеет и на его место являются положительные законы. Но основа народного юридического обычая не теряется в положительных законах, а проводится в них во всей своей силе.

Устав Владимира Мономаха. Устав этот начинается следующими словами: «Володимир Всеволодич по Святополце созва дружину свою на Берестовем: Ратибора, киевского ты-

сяцкого, и Прокопия, тысяцкого белгородского, Станислава, тысяцкого переяславского, Нажира, Мирослава, Иванка Чудиновича, Ольгова мужа и установили и до третьяго резу». Указание самого памятника, что он издан был вслед за смертью Святополка, показывает особую причину, побудившую Владимира Мономаха поспешить с изданием нового закона о резе. Эта причина, по свидетельству летописи, заключалась в том, что при Святополке сильно развилось лихоимство, и жида, покровительствуемые самим Святополком, угнетали народ высокими процентами, так что киевляне по смерти Святополка бросились грабить жидов и требовали от Мономаха, чтобы он установил проценты. Поэтому первый отдел Мономахова устава посвящен узаконениям о кредите.

Первый отдел может быть разделен на две части. В 1-й говорится о кредите вообще, а во 2-й – о кредите, когда для обеспечения долга должник представлял свою личность, свою свободу и в случае неуплаты делался рабом кредитора. Говоря о кредите вообще, Мономах издает новые законы о процентах; он хотя и не уничтожает процентов, но устанавливает, чтобы взявший два раза третные проценты, довольствовался одним возвращением капитала. Месячных процентов Мономах не признает, а третные допускает лишь под одним условием: если кто взял три раза третные проценты, то тот терял право и на получение самого капитала. Причина прекращения лихоимства состояла в установлении меры процентов 10 кун на гривну в год (что на наш счет составляло около 20%). Вторых, Мономах обращал внимание на неоплатных должников, разделив их на несчастных и виноватых. Первых он защищает от притеснений кредитора, рассрочивая их долг на годы, а вторых отдает на произвол кредиторов: хотят – ждут, хотят – продадут должника. Далее у Мономаха сказано, как удовлетворять кредиторов из имени несостоятельных должников. Первое место принадлежало иногородним кредиторам на том основании, что они как чужеземцы могли не знать о состоянии того, кому давали кредит; второе место принадлежало князю, а третье кредиторам, живущим в одном с должником городе,

причем бравшие большие проценты лишались права получить капитал. Вот слова закона: *«Аще кто многим должен будет, а пришед гость из инога города или чужеземец, а не ведая запустит за нь товар, а опять начнет не дати гостю кун, а первый должницы запинати ему начнут, не дадучи кун, то вести я на торг и продати и отдати же первое гостеву куну, а домашным, что ся останет кун, тем ся поделают; паки ли будут княжи куну, то княжи куну переже взяти; а прок в деле; оже кто много реза имал, то тому не имати».*

Вторая статья кредитных установлений Мономахова устава относится к кредиту под залог личности или свободы. Такого рода должники носят в Мономаховом уставе название закупов и разделяются на два разряда: 1) на закупов в кунах или серебряников, т.е. взявших в долг деньги и 2) на закупов ролейных или крестьян, т.е. живущих на чужой земле. Закуп в деньгах, по Мономахову уставу, признавался свободным человеком и пользовался правами лица; он не продавался, а закладывался и удерживал за собой личные права, чем отличался от раба. Прав личной свободы он лишался в том случае, если убежал от хозяина, от заимодавца, не платя денег; тогда он становился обельным холопом. Впрочем, лишению прав состояния закуп подвергался лишь в том случае, если он уходил тайно, с намерением не платить денег; но если он уходил с тем, чтобы найти денег в уплату, то это не ставилось ему в вину. Если же он убегал, хотя и тайно, но с жалобой на притеснения и обиды хозяина к судьям, то он не только не обращался в раба, но по его жалобе производился суд, в котором закуп и хозяин имели одинаковое значение, одинаковые права, и в случае справедливой жалобы суд удовлетворял закупа, взыскивая с хозяина. Таким образом, закон обеспечивал как личность закупа, так и капитал хозяина. Теперь следуют ролейные закупы. Ролейные закупы, по свидетельству Мономахова устава, были собственными жильцами на земле своего заимодавца; они жили на чужой земле по взаимному договору с хозяином ее и могли свободно в любое время оставить занятую землю. За пользование землей ролейные закупы платили известную часть доходов

заимодавцу. По крайней мере, такими представляется нам устав Мономаха отношения ролейных закупов к хозяевам занимаемых ими земель. Но так как ролейные закупы, кроме земли, обыкновенно получали еще от своего хозяина в ссуду рабочий скот, земледельческие орудия, хлеб, как для посевов, так и на свое содержание до времени жатвы, отсюда возникали различные обстоятельства, препятствовавшие свободному переходу ролейных закупов с одной земли на другую. По поводу вещей, занятых ролейным закупом у своего хозяина, могли возникнуть различные столкновения между ними, очень затрудняющие их взаимные отношения; поэтому Мономах в своем уставе обратил внимание только на те условия отношений ролейных закупов к их хозяевам, когда ролейные закупы, кроме земли, получали от хозяев в ссуду различные вещи. Так, по закону Мономаха, ролейный закуп не платит, если у него пропадет воинский конь, ибо хозяин не был обязан давать закупу воинского коня, но обязан платить за рабочий скот, орудия, семена, без чего он не имел права отойти, но и в этих случаях закуп платил только тогда, когда пропажа совершилась при нем; но если господин отошлет его по своим делам и в его отсутствие совершится пропажа, то закуп не отвечает за нее. Следовательно, закуп отвечает только тогда, когда пропажа совершится по его небрежности. Так, закуп не обязан платить за рабочий скот, выведенный из запертого хлева, но если закуп по небрежности забудет загнать скот в хлев, то платит за это. Так же отвечает он, если лошадь падет у него на работе. Таким образом, ролейный закуп, если он ничем не был обязан хозяину, кроме как землей, то всегда мог уйти от него свободно; но так как он, обыкновенно, кроме земли получал еще различные вещи, то закон налагал на него известные обязанности относительно заимодавца. Вместе с этим закон устанавливал несколько правил, чтобы заимодавец не притеснял закупа. Меры эти были следующие: 1) Господин или заимодавец, не давший закупу по условию участка земли или не дозволивший ему пользоваться известной частью доходов, обязывался законом не только дать то, что условлено, но и заплатить за обиду 60 кун. 2) Го-

сподин, взявший деньги на закуп (т.е. заложивший закупа в обеспечение занятых денег) повинен был возвратить деньги и сверх того заплатить закупа три гривны за обиду. 3) Господин, продавший закупа в полное рабство, не только терял право на закупа и на данный ему капитал, но и платил 12 гривен пени. 4) Господин, прибывший закупа безвинно, должен был платить ему 60 кун, как и свободному. Вот правила, ограждающие закупа от обид. Наконец, в настоящем отделе Мономахова устава помещено узаконение о том, как взыскивать с закупа за его преступление. Закуп, хоть и пользовался правами лица, но тем не менее не был вполне свободен и самостоятелен в среде общества, а зависел от заимодавца, поэтому закон предоставляет на волю хозяина – заплатить ли за него пеню, следуемую с него за преступление, или продать закупа для уплаты пени. В первом случае заимодавец, заплатив деньги за закупа, получал его в полную собственность и закуп делался обельным холопом, а во втором – если господин продает закупа, то из проданного уплачивает следуемую за закупа пеню, а остальное берет себе. А если закуп обокрал господина, то он тем самым обращается в полную его собственность.

Второй отдел устава Мономахова следует за статьями о кредите и говорит о личных оскорблениях. Этот отдел начинается статьей о личном оскорблении, нанесенном рабом свободному человеку, и о том, как удовлетворять подобные оскорбления. Эта статья указывает на изменение 16 ст. Ярославовой Правды. В ней мы видим постепенное развитие закона об обидах. По Ярославовой Правде, обиженный мог убить холопа, где бы ни встретил, хотя бы и получил уже пеню в 12 гривен. По смерти Ярослава сыновья его вообще заменили убийство вирой. Эта замена стала относиться и к обидам холопов. Но так как в Правде сыновей Ярослава нет особой статьи об этом предмете, то, чтобы толкование общего смысла узаконений сыновей Ярослава стало более определенным в отношении к холопам, в настоящем отделе Мономахова устава постановлено, что обиженный имеет право или бить холопа, но несвязанного, или взять гривну кун за бесчестье. Далее в

том же отделе помещены две статьи об обидах между свободными людьми. Первая: *«А кто порвет бороду, а вымет знамение, а будут людие, то 12 гривен продажи, а иже без людей, а в поклепе, то нет продажи»*. Вторая: *«Аже выбьют зуб, а кровь увидят у него во рту, а людие вылезут, то 12 гривен продажи, а за зуб гривна»*. – Статья о бороде является явным повторением такой же статьи из Правды Ярослава, даже и пеня назначена та же самая. Но здесь статья Ярославовой Правды взята только за основание относительно пени; взгляд же на делопроизводство совершенно новый. Настоящая статья требует свидетелей даже тогда, когда будет признак, что вырван клоч бороды, и без свидетелей освобождает обвиняемого от платежа пени. В прежних же законодательных памятниках о свидетелях в подобных случаях и не упоминалось. Статья о зубе совершенно новая; относительно пени она также основана на Ярославовой статье о бороде, но по требованию свидетелей берет в основание юридические начала, высказанные в предшествующей статье.

Третий отдел Мономахова устава составляют 4 статьи о преступлениях против собственности. Из них 1-я говорит о краже бобра, живущего в чьем-либо угодье, а 3 остальные – о порче межей бортных, ролейных и дворных. За все эти преступления назначена одинаковая пеня в 12 гривен, именно та самая, которая помещена в Правде сыновей Ярослава в статье: *«иже между перероет»*. В этих статьях, между прочим, помещено важное правило, как искать татя, укравшего бобра, ежели он не будет пойман на деле, а оставит только признаки, что бобр пойман и украден, а не сам ушел. По этому правилу обиженный объявлял верви или общине, что у него украден бобр, и доказывал это тем, что в его борти была оставлена вором сеть или что там рассечена земля, и вервь должна была или сама искать татя, или заплатить продажу, т.е. 12 гривен. Это правило совершенно одинаково с правилом дикой выры, которую также платила целая вервь. Следовательно, вирный порядок по Мономахову уставу перенесен был от преступлений против жизни на преступления против собственности.

Четвертый отдел Мономахова устава занят изложением правил судопроизводства и сбора судебных пошлин. Относительно судопроизводства устав Мономаха обращает особенное внимание на свидетелей. Свидетели еще по Ярославовой Правде признавались как необходимое судебное доказательство, но прежние законодательные памятники не определяли качества свидетелей; в Мономаховом же уставе узаконено, что свидетелями на суде могли быть только свободные люди, а отнюдь не рабы; ежели же не будет свободного, то можно принять свидетелем боярского тиуна, который был рабом только по должности, а в малой тяжбе мог быть принят свидетелем и закуп. Закуп был свободным человеком, но по своему положению он находился в зависимости от истца или ответчика, как от своего господина, и, следовательно, по его приказанию мог свидетельствовать неверно. Относительно судебных пошлин устав Мономаха представляет лишь несколько нововведений. Он ограничивается лишь вирными пошлинами и не сходен ни с Ярославовым уставом о вирных уроках, ни с Правдой сыновей Ярослава. Впрочем, очевидно, он основан на одних началах с этим последним, т.е. и здесь и там пошлины вирника и его служителей являются не в виде сбора со всех вирных дел общины в продолжение какого-либо определенного срока, а в виде прибавки или процента на каждую виру отдельно, почему в законе и называются накладами. Будучи сходными относительно начал сбора, оба узаконения по-разному определяют его количество. Настоящее узаконение говорит, что *«вирных накладов следует от виру: вирнику 12 гривен, отроку 2 гривны и 20 кун, а самому ехать с отроком на две кони, сути же на рот овес, а мясо дати овен, любо полоть, а иным кормом, что има черево возмет, писцу 10 кун, перекладного 5 кун, а за мех две ногаты»*. – По старым же законам о вирах вирнику назначен урок *«в 16 гривен, 10 кун и 12 векшей, переди ссадная гривна, метельнику 12 векшей, и за голову три гривны»*. Но кроме разногласия в количестве пошлин, закон Мономаха свидетельствует о важном нововведении в судопроизводстве – о введении письменности, ибо в числе вирниковых слу-

жителей уже упоминается писец, записывающий дела, тогда как прежде метельник делал только метки на бирке – сколько взято судебных пошлин. Этому писцу назначено было пошлины в 15 раз больше, чем прежнему метельнику, ибо метельник получал лишь 12 векшей, тогда как писцу полагалось 10 кун и сверх того 2 ногаты за мех, под именем которого должно разуместь пергамент или кожу, на которой писались дела. Несколькими позднее, а именно при сыновьях Мономаха, есть свидетельство летописи о введении письменности в судопроизводство. Вот все узаконения Мономаха.

Узаконения после Мономахова устава. За Мономаховым уставом в Русской Правде помещен новый законодательный памятник. Кем он издан – неизвестно. Относительно времени можно сказать, что он издан или во 2-й половине XII или в 1-й половине XIII века. Новый устав состоит из 17 статей, его можно разделить на три отдела. В первом говорится о преступлениях против собственности, во 2-м – о преступлениях против лица, а в 3-м – о судопроизводстве; о преступлениях же против жизни в этом памятнике ничего не говорится, следовательно, они остались по прежним уставам. Узаконения о судопроизводстве хотя находятся в уставе Мономаха, в Правде XII века и в Правде сыновей Ярослава, но в настоящем памятнике мы находим значительные изменения этих узаконений, что указывает на самостоятельность этого памятника.

Первый отдел о преступлениях против собственности может быть разделен на две половины. К первой принадлежат 5 статей, взятых из Правды Ярославовых сыновей, именно – о покраже ладьи, ястреба, сокола, голубя, курицы, утки, гуся, лебедя, журавля, сена, дров; в этих статьях против Правды сыновей Ярослава только изменены некоторые пени или продажи, а в иных прибавлен платеж хозяину за украденные вещи. Во 2-й половине помещены пять совершенно новых статей, не известных по прежним редакциям Русской Правды, они таковы: о подломе бортного дерева, о выдрании пчел из улья, о порче верви в перевесе, о зажжении чужого гумна или двора и о резании чужой скотины. Особенное внимание привлекают две

последние статьи. Они, очевидно, взяты из Судного Закона, но переделаны на русские нравы, ибо здесь за поджог назначался поток и разграбление, а по Судному Закону – обезглавливание; за умышленное убийство чужой скотины назначалась пеня или продажа в 12 гривен и 1 гривна хозяину за убыток; в Судном же Законе за это преступление было положено телесное наказание и платеж вдвое за убыток.

Второй отдел говорит о преступлениях против личности. Он состоит из 4 статей. Из них две первые следующие: *«Аще смерд мучит смерда без княжа слова, то три гривны продажи, а за муку гривна кун»*, и вторая: *«Аще огнищанина мучит, то 12 гривен продажи, а за муку гривна»*. Статьи эти взяты из Правды сыновей Ярослава, только здесь три гривны и 12 гривен, по Правде сыновей Ярослава назначенные в платеж за обиду, обращены в пеню или продажу, а обиженному назначено особенное вознаграждение по гривне кун за муку. Следовательно, здесь закон признает оскорбление против лица преступлением и требует, чтобы за него платилась пеня виноватым, и то, что прежде считалось частной обидой, считается теперь оскорблением общества. Здесь виден естественный прогресс общества. Первоначально каждый платил обидчику тем же, потом оскорбления стали оплачиваться деньгами, но продолжали считаться частными оскорблениями, пока наконец в них не стали видеть оскорбление целого общества. Следующие затем две статьи представляют узаконения, совершенно не известные в прежних законодательных памятниках. Впервой из них говорится о наказании за убийство женщины. В законе сказано: *«Аще кто убьет жену, то тем же судом судити, якоже и мужа, аже будет виноват, то полвиры, 20 гривен»*; вторая статья говорит об убийстве раба: *«А в холопе и в робе виры нетуть, но оже будет без вины убиен, то за холоп, или за робу урок платити, а князю 12 гривен продажи»*. В прежних редакциях Русской Правды не было положено особым вирам за убийство женщины; следовательно, вира тогда была одинакова, как за убийство женщины, так и за убийство мужчины, потому что нельзя думать, чтобы в свободном рус-

ском обществе не назначалось никакого наказания за убийство женщины; в настоящем же памятнике плата за убийство женщины убавилась – вместо 40 гривен за ее убийство назначается только 20 гривен. Но из этого не следует заключать, что при сыновьях Мономаха изменилось и само значение женщин в русском обществе, потому что в настоящем памятнике убавлена только судебная плата князю за убийство женщины, головщина же за убийство ее оставалась прежней. Перед князем женщина стояла действительно ниже мужчины, так как она не платила податей и не отбывала военных и других повинностей, но в семье и обществе она имела значение, равное с мужчиной. Относительно второй статьи должно сказать, что она представляет для нас весьма важное юридическое определение о непризнании за рабом прав личности; закон прямо и ясно говорит: «...а в холопе и в робе виры нетут». Вира назначается только за лицо, а холоп, раб не лицо, а вещь – собственность господина; следовательно в убийстве холопа нарушается только собственность господина, за нарушение собственности назначается продажа и платеж за убыток.

Третий и последний отдел настоящего памятника состоит из 3 статей. Одна статья говорит, как отыскивать татя, не пойманного на деле, и узаконяет, что для отыскания его должно идти по следу; след же вести с посторонними людьми или послухами; а если след вел к обозу или селу, то кому принадлежал обоз или село, если не отведут от себя следа или не пойдут на след, или отобьются, то должны будут заплатить продажу (т.е. пеню) и татьбу (цену вещи). А если след затеряется в пустом месте или на большой дороге, то иск прекращается. В основание этого правила было принято уже известное нам положение, чтобы все судебные иски производились при свидетелях. Но здесь видно развитие права, ибо по настоящей статье достаточно не отвести след, чтобы быть признанным вором (вести след и идти по сводам до конечного татя в основании своем одинаковы, но тем не менее вести след указывает уже на развитие права, ибо по «сводам» можно было идти только тогда, когда есть поличное). Здесь не нужно поличного, но до-

вольно одного следа, чтобы начать иск о воровстве. Вторая статья этого отдела говорит, что все тяжбы, чтобы начинать иск, требуют свободных свидетелей, а не рабов; в законе сказано: 1) *«тяжи все (т.е. тяжбы) судят послухи свободными, будет ли послух холоп, то холопу на правду не вылазити. Но оже хочет истец иметь и (холопа) река тако: по сего речи из емлю тя, а не холоп, и емлет и на железо, оже обинит и то емлет на нем свое, не обинит ли его, платити гривна за муку, за не по холопы речи ял и»*. Здесь важно и ново то, что раб мог быть свидетелем, если того требует истец, но не иначе, как от лица истца (*по речи холопа аз емлю тя, а не холоп*). Вследствие этого истец принимает на себя и последствия, ежели свидетельство холопа окажется ложным (*не обинит ли платити ему гривна за муку, за не по холопы речи ял*). Следовательно, закон не признает личности у раба, но позволяет истцу свидетельство раба перенести на свою личность и требует испытания железом, чего не нужно, когда свидетелем является свободный человек. Если ответчик отвергал свидетельство холопа, то по закону подвергался испытанию железом. В третьей статье изложены правила о сборе пошлин, когда судебным доказательством будет испытание железом. В законе сказано: *«А железного платити 40 кун, а мечнику 5 кун, а полгривны детскому; то ти железный урок, кто си в чем емлет. А еже имет на железо, по свободных людей речи, любо ли запа нань будет, любо прохождение нощное, или ким любо образом, оже не ожьжется, то про муки не платити ему; но едино железное кто и будет ял»*. Во второй половине этой статьи определяется, когда за испытание железом истец платил только железное князю, но не платил ответчику за муку; в ней представляются два таких случая: 1) когда ответчик подвергнут был испытанию железом *«по свободных людей речи»*; 2) когда ответчик *«не ожьжется, любо ли запа нань будет, любо прохождение нощное, или ким любо образом»*, т.е. если кто незаметно для других загородится (*запа* значит загородка), или отведеет глаза, или обманет, или вообще каким-нибудь образом не обожжется. Испытание железом производилось с разными церемониями в присутствии

княжеского мечника и отрока, причем расходы лежали на том из тяжущихся, который требовал подвергнуть испытанию другого. Расходы эти состояли в уплате 40 кун князю, 5 кун мечнику и полгривны отроку, гривны подвергнутому испытанию и, вероятно, определенной платы в церковь. Испытание железом было крайним средством, вроде судебного поединка на западе. Церемонии при этом испытании доказывают, что средство это распространялось все более и более. В прежних *Правдах* нет и помину о железном.

Закон этот, очевидно, чужой, взятый с запада. Но испытание железом отличается от этого же испытания на западе. Это испытание имеет характер религиозный – это ордалии, суды Божии. Там испытуемый утверждал, что он не ожжется, если он прав: Бог ему поможет. У нас же церемонии введены, быть может, для того, чтобы при испытании не произошло мошенничества, а само испытание имеет характер не ордалии, а простой пытки.

Законы Русской Правды о наследстве. За Мономаховым уставом в Русской Правде был помещен сборник узаконений о наследстве. Неизвестно, были ли эти узаконения простым продолжением прежнего памятника или составляли нечто самостоятельное. Настоящий сборник разделяется на две части, из которых каждая была издана отдельно – одна прежде, а другая после. Дела о наследстве по Владимирову и Ярославову уставам подлежали духовному суду и производились по Судному Закону. О них не упоминается в прежних редакциях Русской Правды. Но, по всей вероятности, Номоканон не имел на Руси всеобщего приложения, ибо на Руси еще до принятия христианства были свои обычаи, которые действовали рядом с Номоканоном. Вообще дела о наследстве производились большей частью по старым обычаям – судили сами родственники; к церковному же суду прибегали только лишь те, кто был недоволен старыми обычаями. При таком положении дел стали возникать споры между наследниками, из которых одни опирались на старые обычаи, другие – на Номоканон. Чтобы прекратить такие столкновения, законодатель издал новые законы.

Первый из настоящих сборников узаконений о наследстве состоит из 5 статей, определяющих собственно порядок наследования детьми после родителей без завещания.

В первых двух статьях говорится о различии наследования у смердов и у бояр или, лучше сказать, у общинных и частных поземельных собственников. Эти статьи суть: 1) *«Аже смерд умрет, то задницу князю; аже будут дочери у него дома, то даяти часть на не; аже будут замужем, то не даяти части им»*. 2) *«Аже в боярех, любо в дружине, то за князя задница не идет; но оже не будет сынов, а дочери возмутъ»*. Статьи эти узаконяют, что смерду могут наследовать только сыновья его, а боярину, напротив, сыновья и дочери. Такой порядок наследования был не у одних русских, а у всех славян: чехов, сербов, поляков и других. Основанием для такого порядка было то, что у русских (и других славянских народов) как народа, занимавшегося по преимуществу земледелием, земля составляла главную собственность; прочее же имение, движимое и недвижимое, для него составляло неопределенную и сомнительную собственность, которая не могла служить основой в деле исполнения им общественных обязанностей. А так как поземельное владение у них было двоякое: общинное и частное, то это и послужило причиной различия в наследовании у смердов и у бояр. Смерд владел землей на общинных правах, т.е. с обязанностью нести известные общественные повинности. Поэтому естественно, что право наследования в классе смердов ограничивалось только одними сыновьями, потому что только сыновья смерда могли по смерти его заступить его место, т.е. сделаться членами общины, способными отбывать общественные повинности и исполнять различные обязательства в отношении к общине. Дочери же смерда не могли заменить своего отца в обществе; поэтому, как скоро умирал смерд, не имея сыновей, то имение его, за исключением части незамужним его дочерям, отдавалось князю, а земля князю или общине. Напротив, бояре были полными владельцами своих земель, поэтому им могли наследовать и дочери, и имение боярина только тогда считалось выморочным, когда после него не оставалось ни сыновей,

ни дочерей. Этот порядок наследования указывает еще на то, что закон тогда знал только семью и не знал рода. Братья, дяди, племянники и другие родственники не имели права на наследование, и имение боярина, если у него не было ни сыновей, ни дочерей, а у смерда только сыновей, считалось выморочным. Таким образом, здесь видно полное отсутствие родового порядка наследования. Третья статья настоящего сборника говорит: *«аже кто умирая разделит дом свои детем, на том же стояти: паки ли без ряду умрет, то всем детем, а на самого часть дати по души»*. Из этой статьи видно, что завещатель мог по своей воле разделить имение между сыновьями, не стесняясь никакими требованиями. Такой порядок явно противоречит Судному Закону, по которому завещатель должен был делить свое имение всем детям поровну, и вполне согласен с характером русских законов о наследстве, выраженных в договоре Олега с греками. Следовательно, статья эта была составлена в отмену узаконений Судного Закона. Впрочем, это можно сказать только относительно первой половины этой статьи; вторая же половина ее, где узаконяется, что завещатель должен отделять часть своего имущества в церковь, на помин души, целиком взята из Судного Закона. Четвертая статья определяет участие жены в наследстве после мужа. Она в основании своем взята из Судного Закона. Вот эта статья: *«Аще жена сядет по мужи, то дата ей часть, а у своих детей взяти часть; а что на ню муж възложил, тому же есть госпожа, а задница ей мужня не надобе; будут ли дети, то что первой жены, то то возмут дети матери своей, любо си на жену будет възложил, обаче матери своей возмут»*. В силу этой статьи, жена по смерти мужа имела право на такую же долю в наследстве, какую получали и все сыновья, если только муж при жизни своей не выделил уже ей части своего имущества. Несмотря на то, что статья эта имеет много общего с подобной же статьей Судного Закона, она имеет и свою важную особенность, а именно: по Номоканону жена получала долю из мужнина имения только на прожитие, по Русской же Правде она получала такую долю в полную собственность, так что, если она выходила второй раз замуж, то

по смерти ее дети первой жены ее мужа не имели права на ее имущество, если она сама, по доброй воле, не отказывала им имущества своего. В пятой статье говорится: *«Аже будет сестра в дому, то той задници не имати, но отдадут ю братия замуж, како си могут»*. Статья эта удаляет сестру от участия вместе с братьями в наследовании имения после отца. Она, очевидно, составлена на основании русских или общеславянских обычаев. В Судном Законе подобной статьи нет, напротив, она находится во всех славянских законодательствах, по которым сестра не допускалась к участию в наследстве; только братья должны были пристроить ее сообразно со своими средствами.

Эти пять статей узаконений о наследстве, очевидно, вскоре оказались недостаточными; в практической жизни возникло очень много юридических вопросов, которые должно было разрешить законодательство. Ответом на эти вопросы служит новый сборник узаконений о наследстве.

Во втором сборнике узаконений о наследстве разрешаются следующие вопросы: во-первых, имеют ли незаконнорожденные дети права наследования, равные с законнорожденными? По древним русским и вообще славянским законам не делалось никакого различия между законнорожденными детьми и незаконнорожденными, но с введением христианства на Руси относительно этого вопроса возникли недоумения, так как по Номоканону незаконнорожденные дети не признавались равноправными с законнорожденными. Настоящий памятник разрешает этот вопрос так: *«аже будут робыи дети у мужа, то задници им не имати, но свобода им с матерью»*. Таким образом, настоящий памятник разрешает этот вопрос явно в духе старинных русских юридических обычаев, так как по этому памятнику дети незаконные, прижитые с рабой, хотя и не пользовались наравне с законнорожденными детьми правами наследования имущества отца, но зато получали как наследство от свободного отца свободу вместе с матерью. Очевидно, и это исключение незаконнорожденных было основано частью на том порядке, существовавшем в русском обществе, что честь и значение человека определялись честью и значением его матери.

Мать у таких незаконнорожденных – рабыня, следовательно, и они должны быть рабами. Во-вторых, настоящий памятник разрешает такой вопрос: какой должен быть порядок наследования детьми после матери? Мы видели, что мать могла иметь свое имущество: приданое, подарок и пр. Этот вопрос разрешается полным отрицанием того порядка, который был узаконен относительно наследования детьми после отца. В законе прямо сказано: *«а матерня часть детям не надобе, но кому матери взхоцеть, тому даст: дать ли всем, и вси разделять; без языка ли умереть, то у кого ли будет на дворе была и мертва и кто ю кормил, тому взяти»*. Из этой статьи видно, что жена могла завещать свое имущество кому хотела, как сыновьям, так и дочерям; если же она умирала, не объявив своей воли, то долю ее имущества брал тот, в доме кого она жила и умерла, без различия – был ли это сын или же дочь. В-третьих, в настоящем памятнике определяется порядок наследования детьми от двух отцов и одной матери. Дети разных отцов наследовали каждый своему отцу; но они делили имение своих отцов не прежде, как пригласивши свидетелей, которые знали имение обоих отцов и при которых имение первого мужа их матери было сдано на руки второго для сохранения. Эти свидетели показывали; что такие-то вещи составляли имение первого отца, а такие-то – второго. Если при этом не оказывалось известной части имения первого отца, то оно пополнялось равной долей из имения второго отца, растратившего не свое имение. Когда все это было исполнено, то дети первого отца делили имение своего отца, а оставшееся затем делилось между детьми второго отца. Это узаконение, кажется, заимствовано в основных своих чертах из Эклоги Льва Философа, но оно отличается от статьи Льва Философа тем, что по последней отчим, принимая имение детей своей жены от первого ее мужа, обязан был обеспечить его собственным имением, тогда как по Русской Правде не требовалось подобного обеспечения. В-четвертых, Русская Правда разрешает вопрос о наследовании имения детьми от одного отца и двух матерей. Вопрос этот в Русской Правде разрешается так: *«...будут ли дети (от второй жены), то что первой жены, то*

то возмутъ дети матери своей, любо си на жену будетъ взложил, обаче матери своей возмутъ». Это значит, что дети от двух жен делят поровну имение отца, но имение, принадлежавшее каждой из жен, поступало в раздел только между ее детьми; так, например, имение первой жены и делилось только между сыновьями первой жены. Этот порядок также заимствован из эклоги Льва Философа, только по эклоге отец, вступивший во второй брак, не должен был отказывать второй жене более того, что получали от него дети от первой его жены; по Русской же Правде он в этом отношении ничем не был ограничен.

Законы Русской Правды об опеке. Вместе с новыми законами о наследстве введены были новые законы и об опеке. Со времени введения христианства на Руси порядок опеки определялся по Номоканону, но с победой чисто русских юридических обычаев над обычаями византийскими были изданы новые, чисто русские законы об опеке. По новому закону Русской Правды порядок опеки был следующий: опека над малолетними детьми и имуществом, принадлежавшим им, назначалась только в том случае, если у них не было в живых ни отца, ни матери, или когда мать их во второй раз выходила замуж. Если же она не вступала во второе замужество, то относительно детей вполне заменяла мужа, пользовалась всеми его правами и становилась главой семейства. Дети не могли выходить из ее повиновения даже и в таком случае, если бы она оставляла дом первого своего мужа и выходила замуж во второй раз, но тогда опекунами назначались или родственники отца, или второй муж матери. Имение покойного передавалось опекуну перед людьми, т.е. перед свидетелями, которые назначались от самого общества. По окончании опеки, когда дети вырастут, опекуны обязывались сдать это имение тоже при свидетелях, и ежели что-либо из него затрачивалось опекунами, то опекуны обязаны были уплатить утраченное по оценке посторонних людей или тех же свидетелей. Но до окончания воспитания детей, во время управления их имениями, опекуны пользовались всеми доходами, получаемыми с земли и со всего имения; впрочем, приплод от скота и дети от рабов должны были посту-

пять не в пользу опекунов, а в пользу находившихся под опекой наследников. Настоящее узаконение очевидно составлено в дополнение Судного Закона, в котором говорится только об опеке и наследстве по завещанию, т.е. когда сам покойник назначил опекуна и разделил имение; об опеке же по закону в нем не упоминается. Таким образом, настоящий отдел Русской Правды служил дополнением этого пробела. Законы об опеке, составленные в дополнение Судного Закона, чисто русского происхождения и заимствованы из исконных русских обычаев, а не из византийских узаконений; потому что, во-первых, опека над малолетними детьми назначается по Русской Правде только в таком случае, когда мать их выходила опять замуж; по римским же законам и над самой матерью назначалась опека. Такой порядок существовал во всей западной Европе, где женщина постоянно находилась под опекой отца, мужа или же старшего сына, и законодательство западноевропейских государств во взгляде на женщину резко отличается от нашего древнего законодательства. Во-вторых, по настоящим узаконениям опекун пользовался, как вознаграждением за опеку, доходами с имений малолетних; напротив, в Судном Законе нет и упоминания о вознаграждении опекуну за его хлопоты по опеке. Но с другой стороны, новые законы об опеке, помещенные в Русской Правде, представляют и заимствования из Судного Закона. Они требуют, чтобы имение малолетних отдавалось опекуну при свидетелях. То же самое требование находим и в Судном Законе, где сказано: *«тому поручити имение устроити при послухи»*.

Законы о холопстве. Этот последний отдел мы встречаем в Русской Правде только в полном ее объеме и развитии. Статьи этого памятника можно разделить на три отдела.

В первом отделе говорится о том, в каком случае свободный человек признавался полным холопом, или обельным рабом. Таких случаев настоящее узаконение представляет три. 1-й случай – когда кто купил человека на торгу или в другом каком-либо месте, хотя бы за $\frac{1}{2}$ гривны или за ногату, при свидетелях. Если свободный человек при покупке его в рабы молчал, то это молчание принималось за его согласие на продажу

себя в холопы, и закон в таком случае узаконял за купившим право собственности на продавшего себя в рабы свободного человека. 2-й случай – когда кто вступал в брак с рабой известного господина, не договорившись с ним о своей свободе и, таким образом, тем самым признавал себя как бы рабом господина своей жены. В противном случае, если свободный человек вступал в брак с рабой, договариваясь с господином о своей свободе, то закон признавал ее неприкосновенной и всячески ограждал. 3-й случай – когда свободный человек добровольно принимал должность тиуна или ключника у известного господина, также не договорившись с ним о своей свободе; при этом господин мог последнего обратить в рабы и закон признавал за господином право собственности на свободного прежде тиуна как на раба. Если же, принимая должность тиуна, свободный человек договаривался о своей свободе, в таком случае она оставалась также неприкосновенной. Таким образом, настоящее узаконение ограждает права свободных людей и признает их несвободными, или рабами, только в тех случаях, когда они не договариваются о свободе, поступая в услужение к известному господину и, так сказать, в самом молчании своем изъявляют желание продать свою свободу и поступить к известному господину в рабы. Далее, закон ограждает права свободных от насилия в тех случаях, когда они были должниками и с обязательством работать на своего заимодавца. Он говорит, что нельзя обратить в холопы того, кто получит займы деньги или хлеб, или даже жалованье с обязательством работать год. Хотя бы и отказался от работы сделавший заем, не дослуживши года, то и в таком случае он не должен был обращаться в холопство, а только обязывался возвратить хозяину то, что взял займы.

Второй отдел излагает узаконения «о беглых холопах». Здесь, во-первых, узаконяется: если холоп убежит, а господин об этом побеге объявит, и потом кто-либо, слышавши об этом побеге, встретит холопа и, зная его, даст ему хлеба или же укажет ему дорогу, тот подвергался пени – за раба в 5, а за рабу в 6 гривен; во-вторых, узаконяется – кто переймет холопа, тот за переимку от господина холопа получает одну гривну, а если

отпустит его, то платит уже господину – за раба 4 гривны, а за рабу 5 гривен. Таким образом, настоящие узаконения сильно ограждают права собственности в отношении к рабам. Но, ограждая права собственности на раба, новый закон в то же время ограничивает самоуправство господина.

По настоящим узаконениям Русской Правды, господин, отыскивая беглого раба, если узнавал, где он находится, то не мог сам связать его и взять, но должен был объявить о своем рабе городскому посаднику, который и посылал своего слугу взять беглого раба, связать и представить господину его. За это господин платил посадничьему слуге 10 кун (вязебное), но гривны за переем не платил уже никому, потому что сам отыскивал раба. Закон ограничивает от излишних притязаний господина и тех, которые по неведению указывали дорогу беглому рабу или же держали его в своем доме, а потом отпускали. Господин бежавшего раба не мог считать таких укрывателями раба и не мог подвергнуть их платежу пени, если они присягали в том, что делали это по неведению. В законе прямо сказано: *«оже кто не ведая чюжь холоп усряцеть или повести деет или держит и у себя, а оттыдет от него, то идти роте, яко не ведал есмь, оже есть холоп, а платежа в том нету».*

Третий отдел узаконений о холопстве содержит в себе статьи об обязанностях господина отвечать за своего холопа. Здесь, во-первых, говорится: ежели бы холоп взял в долг деньги или товар у кого-либо, назвавши себя свободным, то господин обязывался выплатить взятое холопом или должен был отдать его в полную собственность кредитору. Но господин не обязан был выплачивать долг холопа в том случае, если кредитор, давая займы, знал, что дает холопу. Во-вторых, узаконяется: если господин поручал холопу торговлю от своего имени, то обязывался отвечать за все долги, в которые впал холоп, и не мог его самого отдать в уплату долгов, потому что кредиторы верили не холопу, а поручившемуся за него господину. В-третьих, выплачивая долги холопа, господин по закону имел полное право собственности на все, что приобретал холоп, даже находясь в бегах, заработками, торговлей и другими средствами. В законе

сказано: *«оже холоп бегая добудет товару, то господину холоп и долги, господину же и товар»*. В-четвертых, узаконяется, что господин, имея право на все, приобретенное рабом в бегах, должен был вместе с этим и уплачивать все, что раб в бегах переворочал или набрал в долг. В-пятых, равным образом, господин по настоящему узаконению обязывался платить за все убытки, которые наносил раб его свободным людям. Господин должен был в таком случае или выкупить раба, или же отдать его в полную собственность истцу. Но в том и другом случае господин не лишался права собственности на жену и детей раба, если они не участвовали с последним в воровстве и не укрывали его; в противном случае господин тоже обязывался – или выплатить за них все истцу, или отдать в полную его собственность. Впрочем, господин по настоящему закону не отвечает за всю кражу своего холопа, если она произведена была вместе со свободным человеком: свободные люди сами должны были за себя отвечать и платить пеню или продажу в княжескую казну. В законе сказано: *«оже холоп крадет кого-любо, господину выкупати и, любо выдати с кем будет крал, а жене и детем не надобе, а оже будет с ним крали или хоронили, то всех выдати, наky ли выкупают господин, аже будут с ним свободнии крали или хоронили, то ти князю в продажи»*. Весь этот отдел узаконений о холопах показывает, что рабы по Русской Правде признавались вещью или домашними животными господина и составляли полную его собственность. Общество, как видно из Русской Правды, не хотело знать раба, а знало только его господина, который и отвечал за раба перед обществом. Раб не имел права собственности: не только все, приобретенное трудом раба, но и жена и дети раба составляли собственность его господина. Закон не признавал за рабом даже прав семейных: так, если раб переходил во владение другого господина, – жена и дети его оставались у прежнего господина. Таким образом, все законодательство о холопах построено на одной идее – именно: *холоп есть вещь господина*. Отсюда уже вытекают все узаконения, в силу которых господин должен был платить за все обиды и долги и выкупать его; за свои преступления раб не подлежит

наказанию: раба продажей князь не казнит, за него в ответе господин, хотел – платил, не желал – отдавал истцу; за него закон не вступался, не назначал за убийство, им совершенное, и за другие преступления пени в княжескую казну. За все это расплачивался сам господин, который мог убить раба, продать, заложить и т.п. Воля господина была единственным законом для раба. Отсюда же вытекает и та строгость закона, с которой он охраняет права свободных людей. Закон признавал полным рабом только того, кто по собственной воле не ограждал своей свободы. И действительно, при значении, каким пользовался раб в обществе, закон должен был всеми силами охранять права свободных людей, ибо общество при поступлении в рабы свободного человека теряло в нем своего члена, участвовавшего во всех общественных делах и ответственного перед обществом. Но в то же время тогдашнее законодательство, идя от другой идеи, от той, что свободный человек ничем не должен был стесняться, пришло к тому заключению, что не следует препятствовать переходу свободного человека в холопы. Поэтому в Русской Правде нет и упоминания об ограничениях в этом роде: закон дозволяет, например, продажу свободного человека в рабы, только строго наблюдает при этом, чтобы продажа свободного человека совершалась с его согласия и чтобы при ней не было насилия и обмана. Кроме того, закон Русской Правды предоставляет значительные льготы при освобождении раба. При покупке раба закон взимал в пользу князя 30 кун, а при отпуске раба на волю – 9 кун, и те взимались, кажется, более для того, чтобы господин раба перед самим судом засвидетельствовал свою волю о даровании рабу прав свободного человека, после чего последний не мог уже подвергнуться притязаниям на него прежнего господина как на собственность. Закон Русской Правды, желая обеспечить свободу проданного раба, даже признает особый класс свободных людей, известный под именем изгоев, находившихся под защитой церкви. Освобожденные рабы считались изгоями до тех пор, пока не причислялись к какой-либо общине и тогда из-под защиты церкви поступали под защиту своей общины.

РАЗДЕЛ II
(1237—1497)
ОТ ПОКОРЕНИЯ РОССИИ
МОНГОЛАМИ ДО СУДЕБНИКА

МОНГОЛЬСКОЕ ИГО

Признаки подчинения: признание верховной власти хана, платеж дани, доставка войск хану, содержание баскаков и войск, посылаемых в Россию. Монгольские чиновники. Княжеская власть во время монгольского ига. Отношения между великими и удельными князьями. Отношение великих князек друг к другу

Во второй половине второго периода, хотя продолжала действовать Русская Правда как основной закон суда и расправы на Руси, но тем не менее общее развитие русского законодательства шло своим чередом вперед, как по естественному развитию общества, так и по влиянию монголов, которые хотя были посредственными и отдаленными владыками Русской земли, тем не менее не могли не действовать на ее законодательство. И действительно, монголы настолько действовали своим влиянием на общественную жизнь и законодательство, что в том и в другом отношении время монгольского владычества в России резко отличается от предшествовавшего времени и носит на себе особый характер, который в истории русского законодательства должен изучаться отдельно, как в отношении к общественному устройству, так и в отношении к законодательству. Причина, побуждающая к такому отдельному изучению, заключается именно в монгольском владычестве как внесшем в русское общество новый элемент и частью изменившем отношения прежних элементов общества. А посему мы теперь обратимся прямо к объяснению монгольского владычества на Руси.

Татары, владычествовавшие на Руси, представляли смесь тюркских и монгольских племен средней Азии. Под предводительством одного монгольского князька Темучина и его преемников они составили огромное государство, заключавшее в себе северный Китай, всю северную и среднюю Азию с Хивой и Бухарой, часть Персии, владения половецкие и почти всю Россию. Монгольские и тюркские племена были племенами кочевыми и оставались таковыми во все время своего владычества. Завоевание Китая имело громадное влияние на устройство Темучиновой монархии: китайская администрация, не касаясь кочевых обычаев победителей, целиком перешла в управление монголов над покоренными народами. Темучин, известный в истории под именем Чингисхана, и его преемники Угедей, Куюк и Мункэ устроили свой двор и управление по китайскому образцу. Ученый китаец Елюй-Чуцай, первый министр Чингисхана и Угедея, составил придворные церемонии и разные уложения для управления государством, выбравши их из китайских уложений, и таким образом внес в монгольское управление покоренными народами всю многосложность китайской администрации с многочисленными разрядами чиновников, канцелярскими формами и со всей подозрительностью устаревшего Китая. Эти законы, составленные китайцем, который не мог составлять их иначе, как по-китайски, приложили татары и к правлению Россией. Читая ханские ярлыки, нужно удивляться, как монгольские дикари могли устроить такую сложную машину, какова была китайская администрация. Татарские ханы в своем управлении Россией строго держались наставлений Чингисхана, выраженных им в его книге «Тунджин» (книга запретов). Они предоставили России управляться своими князьями, не коснулись ни обычаев, ни религии страны, а лишь определили формы отношений, в которых должно было стоять русское общество к хану. Влияние китайцев чувствуется в этой политике. Китайцы в покоренных странах никогда не стремились сглаживать народные особенности, а лишь определяли подданство этих стран китайскому императору. Но введение этих форм привело ко многим важным

изменениям в русском обществе, носящим на себе татарский характер. Подчинение татарам выразилось главным образом в 4 условиях: 1) в признании верховной власти татарского хана, 2) в платеже дани, 3) в доставке войск хану и 4) в содержании баскаков и войск, посылаемых в Россию. Эти четыре условия должны были сильно повлиять на русское общество.

По первому условию русские князья должны были получать *ярлыки*¹ от хана, которыми они признавали владычество ханов над собой и с тем вместе утверждались в праве владения в данном от хана княжестве. В первые сто лет владычества татар ни один князь – ни великий, ни удельный – не вступал на престол, не получив сперва ханского ярлыка. Притом, при каждой перемене хана, князья должны были ездить в орду испрашивать ярлык. Ярлыки эти были необходимы также как для епископов, так и для митрополита. При каждом вступлении на престол нового хана князья и епископы или их поверенные ехали в орду, кланялись хану, подносили всевозможные подарки хану, ханшам и вельможам ордынским. Вместе с правом давать ярлыки ханы имели право отнимать их, а следовательно, и судить князей. Поэтому все споры между князьями подчинялись ханскому суду или суду его чиновников и, таким образом, ослабела связь между великим князем и удельными князьями, ибо верховной инстанцией сделался ханский двор. Удельные князья, получая от хана такое же утверждение своей власти, как и великие, естественно считали себя владельцами независимыми и самостоятельными, и при первом неудовольствии шли на суд хана, где решение зависело от ловкости и богатства той или другой стороны. Перед ханом и его судьями великие и удельные князья были равны, ибо все споры на суде хана разбирались не по русским законам, а по желанию хана, который заботился только об одном: чтобы как можно более собрать поборов с покоренного народа. Недовольные князья-

¹ Ярлык значит письменный приказ, указ. К сожалению, до нас не дошел ни один из ярлыков, данных ханами князьям. Наши князья, по окончании татарского владычества, уничтожали ханские ярлыки, напоминая им об их собственном унижении. До нас дошли только 7 ярлыков, данных разными ханами русским митрополитам.

ми бояре ехали с жалобой на них к хану и чернили их в глазах его. Так, князь Ярослав Всеволодович погиб в орде в 1246 году жертвой клеветы своего боярина Феодора Яруновича. В первые сто лет ханского владычества все подобные жалобы имели своим последствием вызов князя в орду, где суд над ним в большинстве случаев оканчивался отнятием владения и насильственной смертью. Предвидя в орде такие опасности, князья перед отправлением своим туда писали завещание, прощались с родными, как бы отправляясь на смерть. Такое завещание писал, например, Иван Калита. В спорах за владение суд хана склонялся на ту сторону, которая представляла наиболее выгодные условия для сбора дани, причем князья даже наперед вносили часть этой дани из своих собственных средств или занимали у ордынских купцов под залог разных государственных доходов. Вследствие таких ханских распоряжений, князья стали покупать у хана владения других князей. Так, например, князь Василий Дмитриевич купил у хана княжество – Нижегородское и Суздальское и с помощью ханских послов выгнал оттуда княживших там князей. Татарские ханы, желая ослабить русских князей, не только продавали им княжества, но иногда давали новому искателю ярлык на то княжество, которое они сами перед тем передали другому. Так, в 1318 году хан Узбек отдал Владимирское княжение князю Юрию Даниловичу Московскому, а в 1322 году то же княжение отдал князю Михаилу Дмитриевичу, и это делалось очень часто, так что русские князья стали включать в свои договоры, чтобы не брать у хана ярлыков на владения друг под другом. Но в первые сто лет до смерти Узбека, когда владычество татар было еще очень сильно, подобные договоры не могли иметь места, ибо всякое своеволие со стороны князя вызывало присылку татарских полчищ, опустошавших княжество, подвергшееся ханскому гневу. Китайская подозрительность, вошедшая в татарскую администрацию, породила множество надсмотрщиков, рассеянных по России. Возле князя постоянно жили ханские чиновники, зорко следившие за действиями князя. К этим чиновникам присоединялись другие, наезжав-

шие по временам для введения новых учреждений. В орде все дела поступали к «*дороге*» – ханскому министру. Дорога представлял собою власть татарского государя над покоренными племенами. Прежде чем дойти до хана русские князья являлись к своему дороге (русский дорога) и потом с подарками обходили цариц, ханских вельмож и наконец представлялись хану. Таким образом, между князьями и ханом находилась целая цепь подозрительных чиновников. Летопись под 1284 г. упоминает, что к курским князьям – Олегу и Святославу – приехали в качестве надсмотрщиков ханские сокольники под видом ловли лебедей. Так связаны были русские князья первым условием своего подданства хану.

Вторым условием подданства была *дань*, платимая хану. Дань эта делилась на многие виды и представляла много точек соприкосновения русских с татарами. При наложении дани татары начали с того, что великий хан Мункэ в 1253 г. послал Бицик-Беркэ сделать общую перепись всем русским владениям. Этой переписью все жители русских княжеств, без различия земцев и дружинников, бояр и людинов, были перечислены, на основании китайских начал народной переписи, не поголовно, а посемейно, потом были обложены данью по их поземельным владениям и промыслам. От дани освобождено было лишь одно духовенство с его владениями и людьми, принадлежащими церкви. В наших летописях общих народных переписей, сделанных татарами, упоминается только две – в 1257 и 1275 годах, но, по всей вероятности, их было гораздо больше; летописцы же не занесли их в свои летописи или потому, что это стало обычным делом, или же потому, что переписи эти были местные, ограничивались одним княжеством и посему не производили впечатления на летописцев. А что действительно кроме общих упомянутых двух переписей были и другие, но только частные, на это указывают ханские ярлыки, простирающиеся до XIV века, в которых упоминаются имена чиновников, производивших эти переписи. Хань при сборе дани употребляли три формы: 1) или ханы собирали дань через своих чиновников, 2) или отдавали ее на откуп, или же

3) поручали сбор ее русским князьям, заранее условившись с ними о количестве дани, которое надлежало собрать с известного города или области.

Разные виды даней, платимых русскими в орду, можно разделить: 1) на дани, введенные татарами и 2) на дани, еще до татар бывшие в употреблении на Руси. К первому разряду податей принадлежит 1) *царева пошлина или дань*, потом особая пошлина царице, далее особые пошлины ордынским князьям, послам и всем гонцам, посылаемым ханом в Россию. К монгольским же пошлинам должно причислить: во 2) *запрос*, т.е. надбавка дани по новому ханскому приказанию; в 3) *ям* – подать, платимая на содержание татарских почт. По всем степям были устроены ямы, где находились ямщики с лошадьми, и на содержание их шел ям; в 4) *тамга* – пошлина, собираемая на торгу от покупки и продажи товаров; в 5) *заказ* – временное требование ханом каких-либо произведений земли, или промыслов; в 6) *кормы* ханских послов и коней, *становое*, *въездное* и *мимоходное*; в 7) *поминки*, т.е. подарки ханам, его женам и придворным, посылаемые в знак подданства – чисто китайский обычай. К татарской дани принадлежат, наконец, в 8) *работы и службы* по приказанию хана или ордынских князей. Второй разряд податей составляли сборы, заимствованные от русских. В ханских ярлыках упоминается что в казну ханскую шли следующие подати: 1) *мыть*, 2) *мостовщика*, 3) *дары*, 4) *почестье* и 5) *полюдь*; кроме того, особые пошлины от суда в пользу рядцев или ордынских судей и особые *наместничьи кормы*, или *посадничьи*, в пользу дороги и в пользу баскаков. Сбор всех этих пошлин производился под надзором ханских чиновников, присылавшихся в Россию, которые, конечно, при исполнении своих обязанностей прибегали не к русским, а к татарским или, скорее, к китайским формам и таким образом, мало-помалу, вводили на Руси формы своей администрации. Здесь они познакомили русских с правями, вымучиваниями и телесными наказаниями, широко распространенными в Китае и Монголии. В отношении к сбору и раскладке податей татарская администрация имела столь сильное влияние на

русских, что многие подати, пошрины и разные порядки сбора и раскладки податей остались в России и по освобождении ее от татарского ига.

Третье условие подданства татарам состояло в высылке русских войск хану для его войн. Предводителями русских войск бывали иногда все князья Русской земли, иногда только некоторые, по усмотрению хана, иногда же войсками предводительствовали княжеские воеводы. Этот обычай кончился со смертью Узбека; по крайней мере, в ханских ярлыках не упоминается более об этом условии.

Четвертое условие подданства состояло в принятии и поддержании баскаков и татарских войск, присылаемых для наблюдения за сбором податей и за поведением русских князей. Власть баскаков была так сильна, что князья должны были беспрекословно исполнять все их повеления, хотя, впрочем, князья, в случае несправедливых притязаний баскаков, имели право жаловаться на них в орду. Права баскака были обширны. Он решительно один заведовал всем княжеством, по своей воле объявляя войну, заключая мир, и князь повиновался ему под опасением вооружить его против себя и тем навлечь на себя гнев хана, присылавшего для восстановления свой власти полчища, разорявшие княжества; но мало-помалу князья с позволения ханов начали удалять от себя баскаков. В ярлыках Узбека говорится уже о баскаке как о временно проживающем чиновнике.

Чтобы понять положение баскаков, надо обратить внимание на всю иерархию татарских чиновников. Подозрительность монголов имела следствием учреждение огромного количества чиновников, имевших целью наблюдать лишь за поступками князя. Одни чиновники находились в орде, другие временно наезжали в Россию, наконец, третьи постоянно жили в России. К высшему чиновничеству, жившему постоянно при ханском дворе и управлявшему оттуда Россией, принадлежали дороги, ордынские князья или рядцы, судьи. Второй разряд чиновничества, временно наезжавшего на Русь для выполнения поручений хана, составляли: послы, даньщики, ловцы соколов,

лебедей и другие охотники и, наконец, писцы или численники. Наконец, третий разряд чиновничества, постоянно жившего в России, составляли баскаки.

Дорогой назывался значительный монгольский сановник. У татар дорогами назывались собственно области; отсюда так назывались и начальники всех областей, принадлежащих татарам. Дороги в качестве представителей своих областей жили при дворе хана, откуда управляли своими областями. Когда Русь вошла в состав монгольской империи, то она получила своего дорогу. Этот дорога заведовал всеми русскими делами, сносился с князьями, передавал им ханские повеления, заключал с ними договоры относительно податей. Таким дорогой при первых ханах был Улавчий, происходивший из рода Чингисхана. К нему обращались русские князья для переговоров о первой переписи, раскладки дани и для удержания за собой своих владений. Первоначально, когда Россия была соединена, в глазах татар, под властью одного великого князя Ярослава Всеволодовича, и русский дорога при ханском дворе был один, но впоследствии, когда татары увидели, что им будет выгоднее поддерживать в России раздробленность княжеств и независимость их одно от другого, они установили для каждого княжества особого дорогу. Так, в 1432 году в летописи упоминается о московском дороге Мин-Булате. За дорогой следовали *рядцы* или думцы хана и просто ханские вельможи, состоявшие из родичей хана. Со званием вельмож, или рядцев, была соединена судебная власть по государственным делам, а по свидетельству монгольской истории они были первыми сановниками государства, находившимися постоянно при хане. К ним прибегали русские князья, чтобы снискать расположение хана; их осыпали подарками, чтобы удержать за собой престол. Они были судьями русских князей в случае доносов или споров между ними.

Второй разряд чиновничества, временно наезжавшего в Москву, составляли ханские *послы*. Для русских князей они имели значение и надсмотрщиков, и судей, и представителей ханской власти. Они приезжали с полками татар и разбирали дела на месте, основываясь на поданных им баскаками жало-

бах, передавали ханские приказы, раздавали ярлыки, попеременно возводя и низводя князей. Хан редко вызывал на свой суд, а давал его обыкновенно через своего посла, приезд которого равнялся вражескому нашествию. Полки грабили и разоряли русские княжества, как неприятельские земли. В летописи говорится о приезде послов как о страшном несчастье. Послы большей частью были родственники хана, царевичи и вообще знатные вельможи. Они просили посольства, чтобы нажиться, а отправляясь в Россию, забирали своих родственников и друзей, чтобы и тем доставить случай пограбить. За послами следовали *даньщики, сокольники, ловцы лебедей, численники* и т.д. Своеволие этих чиновников было беспредельно. Каждого из них сопровождали ратники, и все это искало случая поживиться за счет побежденного народа. Кроме буйства, само их назначение и обязанности посланца были уже тягостны для русского народа. Посланцы для сбора дани были страшно жестоки. Они подвергали неисправных плательщиков разным вымучиваниям, правезу, продавали их в рабство или целыми толпами уводили в орду, где они употреблялись на разных работах. Не меньшей жестокостью отличались писцы или численники. Они ходили по домам, описывали и оценивали имущество и, сообразно с ценностью имущества, раскладывали подати (китайский кадастр). При этой описи делались всевозможнейшие злоупотребления; писцы увеличивали и уменьшали произвольно ценность описываемых ими имуществ, вследствие чего подати раскладывались произвольно, несообразно с действительной ценностью имуществ. Все эти несправедливости и жестокости делали то, что бедные жители, услыхав о приезде таких писцов, убегали в леса. Отсюда на практике выходило то, что половина жителей не была перечислена. Попавшие в запись назывались численниками. Ловцы, сокольники и другие ханские посланники были не только самовластными распорядителями в русской земле, но и доносчиками хана, и приезд их был истинным несчастьем для областей, куда они являлись. Третий разряд чиновников, живших постоянно в России, составляли *баскаки*. Баскаки были ближайшими надсмотрщиками за князьями

и проводниками ханского влияния на Руси. Они были также прямыми представителями татарского владычества и первые явились у нас на Руси. Плано-Карпини, путешественник и писатель XIII в., посетивший Русь в 1245 году (спустя 5 лет после завоевания и разрушения Киева татарами), говорит, что в ней сидели ханские баскаки. По свидетельству летописей, баскаки находились в каждом значительном городе, где только был князь. Баскаки принимали большое участие в делах внутреннего управления княжества. При них находились отряды войск, которыми они располагали по желанию. Этими отрядами они, часто без воли хана, по одной дружбе с князьями, помогали им в войне. Так, в летописи под 1269 годом великий баскак Владимирский Огарман и зять его Айдар со многими татарскими полчищами помогали великому князю Ярославу Ярославичу в походе на немцев. По отношению к князю баскак был важным лицом. Сблизившись с баскаком, князь мог много сделать. Напротив того, рассорившись с баскаком, князь подвергал себя большим опасностям. Баскак мог наклеветать на него хану, и хан наказывал ослушника. Конечно, князь имел право жалобы на несправедливость баскака, но эта жалоба редко сопровождалась благоприятными для князя последствиями. Баскак, имея в орде сильные связи, легко мог оправдаться. Притом бывали случаи, что хан без суда, на основании одной жалобы баскака, посылал войска для усмирения мнимо возмущившегося князя. С постепенным ослаблением монгольского ига падало и значение баскаков. По смерти Узбека о них уже не упоминается в летописях, вероятно потому, что значение их сделалось ничтожно. Хотя имя баскаков и упоминается в ханских ярлыках до XV в., но о них говорится как о временно присылаемых чиновниках.

Полное владычество татар продолжалось не более 100 лет. При Узбеке ханские чиновники были удалены из России и сборы дани были переданы князьям, с которыми ханы стали торговаться о ее количестве; ханы, видя неудобство сбора дани через своих чиновников, стали вступать в договоры с князьями. Хотя при Узбеке ханские чиновники продолжали наезжать в Россию и хотя власть хана была тяжела и дань собиралась

исправно, но все-таки эту политику ханов должно считать за благоприятный для России переворот. Московские князья, начиная с Юрия Даниловича, были верными слугами хана, но служили они ему уже не даром: хан усиливал их, отдавая им владения других князей; так, князь Иоанн Данилович Калита получил от хана до 50 тыс. вспомогательного войска, с которым он грабил владения своих противников. Московские князья хорошо поняли слабые стороны татарской администрации – они знали, что, удовлетворяя корыстолюбию татарских вельмож, они многое могли сделать в Орде. А по смерти Узбека, когда в орде начались междоусобия, власть ханская до того ослабела, что не только московские, но и другие князья стали вступать с ханом в переговоры относительно дани, увеличивая и уменьшая ее, смотря по тому – силен или слаб был хан. Мало-помалу московские и другие великие князья успели отстранить всех удельных князей от сношения с Ордой и устроили так, что все сношения с Ордой происходили через них. Суд хана над князьями по смерти Узбека более не существовал, пропуск в Орду доносчикам год от года делался затруднительнее; ханские посланцы в России подкупались подарками и доносили так, как желали князья; дань уменьшалась, утаивалась, переходила в недоимку, которая выплачивалась медленно и исправно; многие виды дани еще значились в ярлыках, но в действительности не существовали с XIV в. Хан, если он был силен, вознаграждал себя запросами, т.е. временными требованиями, но это не всегда удавалось. Не прошло и 25 лет по смерти Узбека, как уже ханские ярлыки потеряли свою силу: князь мог лишь тогда опереться на ярлык, если у него было войско, – иначе, несмотря на его ярлык, его выгоняли сильные противники. Не только ярлыки, но и послы и войска ханские перестали быть страшными для русских князей. Так, Михаил Александрович Тверской не раз приглашал к себе на помощь татарские полки и те, не вступая в бой, отступали перед московскими полками. Разные царевичи татарские, по приказанию хана или по своей воле делавшие набеги на пограничные русские владения, начали встречать сильный отпор. На границах устроены были ка-

раульни, так что с начала XIV столетия пробраться в город не было никакой возможности. По Оке проведена была линия сторожек, в этих сторожках сидело всегда 12 человек и приделаны были особые телеграфы, так что при первом появлении татар издалека весть об этом передавалась по всей линии. Разъединенные станицы, т.е. конница, разъезжали по степи, наблюдая, не видать ли где татарского следа. При таких предосторожностях со стороны Москвы татарам трудно было совершать нападения. Наконец, в 1380 г. вел. кн. московский Дмитрий Иоаннович Донской выступил в поход против самого татарского хана Мамаю и разбил его в страшном сражении на Куликовом поле. После этого послы ханские стали уже бояться ездить в Москву. Куликовская битва хотя и не освободила Москву от татарского владычества, но сильно подняла русских в мнении татар, и хотя преемник Мамаю Тохтамыш успел обманом взять и разорить Москву, но временный успех его не мог возвратить татарам прежней власти над Россией. Сам Тохтамыш, услышав, что московский князь собирает войска, поспешил удалиться из пределов России и в следующем году прислал своего посла Карача с добрыми речами. Нашествие Тохтамыша касалось только Москвы, прочие области оставались спокойными, и Тохтамыш старался даже поддержать их, с целью ослабить Москву, у которой, впрочем, он не мог отнять Владимирского княжества. В 1409 г. ордынский князь Эдыгей своим неожиданным нападением напомнил русским князьям о татарской силе, но он не мог уже взять Москву, а, удовольствовавшись выкупом в 3000 р. и разграблением окрестностей, удалился восвояси. Эти два нашествия еще несколько поддерживали зависимость русских от татар, но эта зависимость год от года слабела и выражалась в не всегда исправном платеже дани. Междоусобия в Москве, по смерти Василия Дмитриевича, дали повод татарам вмешаться в дела этого княжества, и ханы опять было сделались решителями между княжеских споров, но усобицы, раздиравшие саму Орду, помешали не только увеличиться этому влиянию, но даже значительно ослабили его. Дань год от года платилась неисправнее; ордынские царевичи стали прибегать

к покровительству Москвы и московские князья давали им уделы с обязанностью служить им против хана и защищать Россию. Наконец в 1480 г. Иоанн III окончательно свергнул иго татар и сам стал подчинять себе разные татарские царства.

Княжеская власть во время монгольского ига. Монголы не вмешивались в отношения князей к народу. Княжеская власть несколько не уменьшилась под влиянием монголов; ханам мало было дела до того, в каких отношениях стояли князья к своему народу, – им нужна была только дань да внешняя власть. Баскаки имели право распоряжаться в делах внутреннего управления, но они ограничивались только мелкими распоряжениями. Баскак имел в виду только одно – нажиться, и пользовался всей своей властью лишь тогда, когда он был в ссоре с князем, ибо ему самому было выгоднее действовать заодно с князем. Баскак знал, что он не заменит русского князя, царствовавшего по воле хана, и хан, сменив одного князя по жалобе баскака, отдаст удел другому русскому же князю. Суд хана, грозный для русских князей, оканчивавшийся нередко муками и насильственной смертью князя, имел место лишь в отношениях князей друг к другу и татарскому правительству. Следовательно, этим не стеснялась княжеская власть в пределах самого княжества. Правда, недовольные княжеским судом могли жаловаться в Орду; но естественно, что к татарскому суду прибегали не многие, потому что он не согласовался с духом русского общества. Впрочем, нельзя отрицать, что татарское владычество повлияло на развитие княжеской власти, дав ей направление иное, нежели какое она приняла бы, если бы не было татар. Татары подготовили многое для будущего торжества единодержавия, которое утвердилось бы и без них, но гораздо позднее. Под монгольским влиянием совершилось важное дело: сгладилось резкое различие между дружиной и земщиной. Вписав тех и других в списки платящих дань, татары соединили их интересы и утверждением такого единства открыли более широкий путь для развития самодержавия. Таким образом, татары, способствуя слиянию земцев с дружиной и утверждению единодержавия, оказали немалое влияние

на ход истории нашего отечества. Второе пособие к развитию единой державы состояло в том, что татары часто давали ярлыки одним князьям на владение других князей и помогали любимым князьям своими войсками. Все это способствовало сосредоточению нескольких княжеств под властью одного. Прежде князья должны были усиливать на свои собственные средства, теперь же они получили значительную помощь в татарских ханах. Сверх того, обедневшие князья охотно продавали свои владения другим, богачейшим, ибо им было невмочь платить дань ханам. Таким путем московские князья приобрели себе много княжеств. Иоанн Данилович Калита купил себе несколько уделов в Белоозере и Ростове, о чем духовная грамота Дмитрия Ивановича Донского говорит в следующих выражениях: «А сына своего Юрия благословляю куплею деда своего Галичем со всеми волостями и селами. А сына своего князя Петра благословляю куплею своего деда Угличем полем, а что к нему потягло. А сына своего князя Андрея куплею деда моего Белым Озером со всеми волостями».

Татарское владычество также немало способствовало сближению князя с народом, и притом косвенно. В домонгольском периоде народ видел в князьях судей, блюстителей тишины и спокойствия и защитников от половцев и других иноплеменников. Но с подчинением монголам русские князья, не переставая быть тем же, сделались сверх того собирателями земли Русской, защитниками народа от жестокости татар. Отправляясь в Орду, князь говорил, что едет в Орду вымаливать прощение своему народу у грозного повелителя, что он едет с опасностью жизни и готовится принять смерть за своих подданных. Отсюда родилась у народа такая любовь и преданность к князю, какую трудно было предположить. Тяжело ложились на русский народ подати, платимые князю, но он не тяготился этим, зная, что подати эти идут в Орду. Народ живым опытом узнал разницу между сборами податей татарскими сборщиками и русскими князьями. Все это привязывало народ к князьям и придавало высшее значение княжеской власти. Таким образом, косвенное влияние татар изменило нравственные от-

ношения между князем и народом, а вслед за ними и юридические. Таким образом, князья, незаметно для себя, очутились в другом положении. Указав на значение княжеской власти во времена монгольского ига, следует сказать об изменении отношений князей друг к другу.

Отношения между великими и удельными князьями.

В 1243 г. покоритель России Батый зывал к себе Ярослава Всеволодовича, князя Владимирского, в Орду и нарек его старейшим князем на Руси.

Это старейшинство, данное Батыем Ярославу, не только не сделало его государем всей Руси, но даже не дало ему той власти, какой пользовался отец его Всеволод. Главная причина такого уменьшения великокняжеской власти заключалась в том, что Батый не дал Ярославу ни права суда над прочими князьями, ни права покровительства их и защиты; все это Батый оставил за собой. Мало того, Батый даже не поставил Ярослава в положение представителя Руси и наравне с ним принимал в Орде и всех прочих князей, так что в следующем году после утверждения Ярослава старейшим князем князья Угличский и Ростовский поехали сами к хану, нисколько не сносясь с великим князем, и представили ему спор о своих вотчинах на разрешение. Батый выслушал их и дал им свое решение. В 1245 г. Ярослав с братьями и племянниками должен был ехать в Орду к Батыю и оттуда один к великому хану в Монголию. Летопись не говорит, зачем собственно должен был ехать Ярослав к Батыю, для решения ли каких междукняжеских споров, для переговоров ли по поводу дани и народной переписи, но ясно, что он не считался в Орде представителем России и старейшинство ничего не значило в глазах хана. Те же отношения существовали и при преемниках Ярослава. Все они пребывали на Владимирском престоле и носили титул великого князя, хотя и не пользовались никаким влиянием; мало того, все сыновья Ярослава, с дозволения хана, образовали из своих уделов великие княжества, не зависящие от Владимирского великого княжения. Татары правительствовали такому раздроблению Руси, ибо в этом они видели возможность обессилить русских

князей. Так, Александр Невский образовал Переяславское княжество, Андрей – Суздальское, Ярослав – Тверское. Так явилось четыре великих княжения, князья которых все носили титул великого князя. По смерти последнего сына Ярослава, Василия Костромского, Владимирское княжение должно было достаться кому-нибудь из внуков Ярослава и первыми претендентами на него явились сыновья Александра Невского – Дмитрий и Андрей, которые затеяли по поводу великого княжения споры, ссорились в течение 20 лет, несколько раз приводили татарские войска, впутали всех, судились перед ханскими послами, ездили в Орду и выгоняли друг друга. По смерти Дмитрия воевать продолжали сыновья и союзники. Приглашения татарских войск имели самые печальные для России последствия: татары, приходившие с целью поживиться, безжалостно грабили страну, и вся эта безурядица продолжалась до 1301 года. Наконец русские князья убедились, что посредничество татар не примирит их ссор, а только разорит страну, и решились обойтись в деле примирения без их посредничества. В 1301 году в первый раз съехались князья в Дмитров и уладили дела между собой, не обращаясь к татарам. Летопись говорит: *«Лета 6809 бысть съезд всем князьям в Дмитрове о княжениях, и бысть молва велія, что князь великий Андрей Александрович Володимирский, князь Михаил Ярославич Тверский, князь великий Даниил Александрович Московский, князь Иван Дмитриевич Переяславский и поделишася отчиною между собою и смиришася»*. Хотя такое примирение было неполное и не устранило вмешательства татар впоследствии, но тем не менее оно послужило началом самостоятельных отношений между князьями, обращением к старым обычаям – съездам и договорным грамотам. Плодом такого порядка было то, что по смерти князя Ивана Дмитриевича Переяславского в 1302 г., его княжество без посредства татар перешло в Московское княжение. А по смерти князя Андрея Александровича новое направление в княжеской политике высказалось еще резче. В это время у князей вошло в обычай поддерживать друг друга договорными союзами, и князь, вступавший на престол, не меньше забо-

тился о приобретении таких договорных грамот, как и ханских ярлыков. В этих договорных грамотах определялись отношения князей друг к другу. К счастью, до нас дошло много таких грамот, и на основании их мы можем определить эти отношения. Из договорных грамот вытекают два разряда правил в отношениях князей друг к другу. К первому относятся правила между великими и удельными князьями, а ко 2-му – правила об отношениях между великими князьями.

Отношения между великими князьями и удельными первоначально были довольно неопределенны. В начале XIV в. вошли в употребление между князьями формы, в которых высказывались и определялись эти отношения, а именно – договорные грамоты. На основании этих грамот можно заключить, что эти отношения заключали в себе семь условий. *Первое* и важнейшее условие состояло в том, что удельные князья должны были жить заодно с великим князем, защищать его, считать его за отца или старейшего брата и иметь общих с ним друзей и недругов. Этим определялись общие условия союза. Далее требовалось, чтобы ни великий князь не вступал в союзы без согласия удельных, ни удельные без согласия великого князя. Из всего это видно, что великий князь в отношении к удельным стоял в качестве союзника, а отнюдь не был их государем. В грамотах он назывался старейшим братом и господином, да и то только с Ивана Васильевича и его сыновей. *Второе* условие состояло в том, чтобы великий князь не посягал на владения другого, удельного князя и даже по смерти его не отнимал бы удел у его наследников, а напротив, оберегал бы его; со своей стороны, удельные князья обязывались блюсти неприкосновенность владений великого князя. Это взаимное обязательство неприкосновенности на все владения – на те, которые были в наличности при совершении договора, равно и на те, которые они могли «примыслить», приобрести впоследствии. Следовательно, великий князь был равен удельному и все они были равно самостоятельными государями. Кроме того, ни великие, ни удельные князья не обязаны были делиться между собой в примысленных ими впоследствии владениях. Это правило не

вступаться в примысленные владения другого продолжалось до XIV и даже до XV в. Такого правила не было у князей домонгольского периода. Напротив того, в XII и XIII вв. великие князья обязаны были делиться новоприобретенными владениями с удельными. *Третье* условие отношений между великими и удельными князьями состояло в том, чтобы ни великие князья не покупали сел в отчинах удельных князей, ни удельные – в отчинах великих князей, ни бояре великих и ни бояре удельных, и чтобы не держали в отчинах один другого ни закладней, ни оброчников, а также чтобы ни великие, ни удельные князья не посылали бы своих даньщиков во владения один другого, а в общие владения посылались бы общие даньщики. По этому условию неприкосновенность владений была обеспечена даже в административном отношении, потому что князь отказывался сам и запрещал своим боярам покупать поземельные владения в отчине другого. Это делалось с целью предотвратить всякие споры о владении и чтобы владения в одном княжестве принадлежали одному князю. *Четвертое* условие: великий князь обязывался не судить людей, принадлежащих удельному, а удельный наоборот – людей великого князя. В общих делах судьи назначались с обеих сторон; этот порядок оставался неприкосновенным во все время существования уделов; он основан на исконном начале русского права: тянуть судом и данью по земле и воде – начало чисто общинное. Назначение при общих судах судей с обеих сторон основывалось на том, что князю шли доходы с суда, а потому, так как при спорах подданных одного князя с подданными другого ни тот, ни другой князь не желал лишаться своих доходов, то судьи назначались с той и другой стороны. Впоследствии произошло то, что судил судья одного князя, а другой тем не менее получал следуемые ему пошлины. *Пятое* условие состояло в том, что ни великий князь не мог давать жалованных грамот, ни каких-либо льгот во владениях удельного князя, ни удельный – во владениях великого, и всякая данная такая грамота считалась недействительной. Условие это, очевидно, вытекало из условия неприкосновенности владений союзников и вполне обеспечивало его. *Шестое* условие

относилось к тому порядку, в каком удельные князья-союзники должны были помогать великому князю в случае войны. Правила эти были следующие: 1) Когда сам великий князь отправлялся на войну, то с ним должны были идти удельные. 2) Если сам великий князь не отправлялся на войну, а посылал удельных, то они должны были идти без сопротивления, по взаимному согласию и обсуждению относительно планов и успеха войны. 3) Если во время похода был недосмотр от великого князя или удельного, или от воеводы того или другого, то за проигранное сражение князья не должны ссориться, а должны отыскать виновного. 4) Бояре удельных князей, живущие во владениях великого князя, должны были идти на войну, но не иначе, как по повелению удельного князя своего и под предводительством своего удельного воеводы. Если кто из бояр своевольно не пошел на войну, то великий князь имел право казнить его, но не иначе, как с дозволения удельного. Удельный князь мог и не посылать кого-либо из своих бояр на войну, но не иначе, как по взаимному согласию с великим князем, которому он должен был доложить об этом. 5) Удельные князья во время походов вели свои войска под своими знаменами и со своими воеводами и великий князь должен был содержать войска удельных на свой счет во время похода. 6) Правило относилось к городской осаде. Великий князь мог оставаться сам в осаде, а удельных князей отправить в поход и наоборот. Эти правила постоянно встречаются в договорных междукняжеских грамотах; следовательно, они составляли законы ведения войны удельных князей в союзе с великими и определяли степень подчинения первых последним. *Седьмое* условие касалось отношений удельных князей к татарской Орде и татарскому хану. Здесь были приняты следующие правила: 1) удельные князья не должны были сноситься с Ордой и даже свою долю дани, платимой татарам, отвозить к великому князю: *«А Орду знати и ведати великому князю, а удельным Орды не знати»*, говорится во всех договорных грамотах этого времени. Это право великого князя было весьма важно: оно делало для удельных князей невозможным соперничество с великим князем в Орде. 2-е правило состоя-

ло в том, что в случае каких-либо споров между князьями эти споры князья должны были решать судом бояр с той и другой стороны; в случае же нерешения судом бояр дело передавалось на третейский суд – или митрополиту, или избранным для сего русским князьям, непричастным к спору, но ни в коем случае не обращаться за решением к хану.

Из всех этих условий взаимных отношений между великими и удельными князьями ясно, что эти последние, хотя и находились в некоторой зависимости от великого князя, но нисколько не теряли своего значения самостоятельных и независимых государей. К великому князю они стояли в качестве союзников. Понятно, что все эти отношения продолжались лишь до тех пор, пока князья находились в союзе; с нарушением же договора рушилась и связь, и князь снова был свободен вступить в союз с кем хотел. Что касается внутреннего управления, то в нем удельные князья имели полную и независимую власть: в их руках было верховное право суда, они увеличивали и уменьшали налоги, держали свое войско, назначали судей и правителей, раздавали земли своим боярам, писали законы и уставы и даже принимали к себе на службу бояр великого князя. Удельные князья имели свои дворы, которые отличались от дворов великих князей лишь меньшей степенью пышности. Впрочем, несмотря на такую самостоятельность, удельные князья не могли сравняться с великими, и в договорах они именovali великих князей отцами. Сверх того, удельные князья обязывались держать его княжение честно и грозно и служить ему без ослушания, что, впрочем, обуславливалось силой великих князей. Великий князь, вступая в договор с удельными, требовал, чтобы они отказывались от договоров, заключенных с кем бы то ни было прежде, и за это великий князь обязывался вводить удельных князей в свои договоры с другими князьями. Все это ставило удельных князей в какую-то зависимость от великого князя. Но всего важнее было то, что удельные князья не могли сноситься с Ордой и должны были доставлять ордынскую дань великому князю. Это одно ставило удельного князя в положение низшее, чем положение великого князя,

ибо удельные князья не были, следовательно, полноправными представителями своих княжеств и Орда не знала их, а знала лишь великого князя.

Отношение великих князей друг к другу. Во время татарского владычества на северо-востоке России, несмотря на старейшинство, данное от хана Ярославу Всеволодовичу Владимирскому, образовалось несколько великих княжеств, также признанных ханами: Смоленское, Рязанское, Тверское, Нижегородское, Ростовское, Суздальское и, наконец, Московское. Каждое великое княжество представляло группу нескольких удельных княжеств, князья которых находились в подчинении великому князю, и в каждом из них княжил свой род: в Смоленске – Ростиславичи, в Нижнем Новгороде – род от Ростислава Константиновича, в Суздальском – от Андрея Александровича, в Москве – от Даниила Александровича, и т.д. Каждое великое княжество было самостоятельным целым, враждебным по отношению к другим. Отношения между великими князьями основывались на следующих условиях. Первое условие определяло старейшинство, которое принадлежало тому, кто владел Владимиром, так как Владимиром всегда владел сильнейший. В договорах равные князья всегда именовали друг друга братьями, а сильнейшего – старейшим братом. Таким образом, «брат» и «старейший брат» прилагались к князьям, смотря по степени их могущества: когда какой-нибудь князь был силен, то другие князья звали его «старейшим братом»; если же он делался слабее, тогда те же князья звали его просто «братом» или даже – «младшим братом». Так, Дмитрий Иоаннович Донской называет себя старшим братом Михаила Александровича Тверского: *«На сем брате молодший, князь великий Михаиле Александрович, целуй нам крест к брату твоему старейшему, князю великому Дмитрию Ивановичу»*. А преемник Дмитрия Донского называется уже просто братом Тверского князя. Борис Александрович Тверской, преемник Михаила Александровича, пишет уже так Василию Дмитриевичу: *«...на сем на всем брате, князь великий, Василий Дмитриевич, целуй ко мне крест, к своему брату, к великому князю, к Борису Александровичу»*. Та-

ким образом, без отношения к силе и могуществу все великие князья были равны и никто из них не назывался старейшим, потому что владел известным княжеством. В договорах великих князей между собой никто из них никогда не называл себя «*господином*» по отношению к другому, как мы это видели в договорах с удельными, что указывает на полную равноправность и независимость великих князей между собой. Второе условие касается отношений к татарской Орде и хану. Из договорных грамот видно, что великие князья все имели право сноситься с Ордой. «*А в Орду тебе путь чист*», – всегда писалось в грамотах. Вследствие права свободных сношений великие князья должны были писать в договорах, чтоб не принимать ярлыков от хана на владения другого, чего мы не замечаем в договорах с удельными князьями, так как последние лишены были права сноситься с Ордой. Третье условие состояло в том, что договаривающиеся великие князья обязывались жить в мире между собой, воевать или не платить им дань по взаимному согласию. Это условие показывает, что каждый великий князь, если он не был связан особым договором, мог по произволу воевать и платить дань татарам, тогда как удельные князья воевали и мирились с татарами, платили им дань или не платили по распоряжению своего великого князя. Четвертое условие: договаривающиеся великие князья обязывались не вступаться в дела других великих князей с удельными. Всякое вмешательство великого князя в дела другого великого князя считалось нарушением прав великокняжеской власти и вело за собой войну великих князей между собой. Так, когда московский великий князь Дмитрий Донской вмешался в дела тверских князей и взял под свое покровительство князя Кашинского, то тверской великий князь Михаил Александрович объявил ему войну. Пятое условие относилось к третейскому суду, назначаемому по случаю споров между великими князьями, состоявшими в договоре. Для этого требовалось первоначально назначение бояр с обеих сторон, подобно спорам между великим князем и удельными. Если же бояре не решали, то третейским судьей уже назначался не тот, кого пожелают стороны, как это бывало

при спорах удельных князей с великим, а третейским судьей должен был быть один из великих князей, заранее означенный в договоре. Впрочем, условие это, как кажется, не всегда строго соблюдалось. Третейским судьей писался иногда митрополит, а иногда выбор третейского судьи предоставлялся на волю судящихся князей, иногда даже писалось в договорной грамоте так, что кто ищет, тот мог представить в третейские судьи трех христианских князей, а тот, на ком ищут, должен был выбрать одного из них. Шестое условие состояло в том, чтобы великий князь суда другого великого князя не пересуживал, не переманивал бы людей из других княжеств в свое, не заводил бы новых мытов и пошлин, стеснительных для торговли, а также в судебных пошлинах, по делам подданного одного князя с подданным другого, следовал договору, в котором определялось их количество. Седьмое условие относилось к службе бояр и вольных слуг. По этому условию бояре и слуги могли переходить из одного великого княжества в другое, и это не лишало их права на вотчины в покинутом им великом княжестве. Но вотчины эти относительно суда и дани «тянули по земле и воде», т.е. подати с них брал тот князь, во владении которого они находились. Бояре и слуги, переходя со службы одного великого князя на службу к другому, не обязывались нести военную службу тому великому князю, во владении которого находилась его вотчина, тогда как боярин или слуга, переходивший со службы великого князя на службу к удельному, должен был нести военную службу великому князю. Все приведенные выше условия, определявшие отношения великих князей между собой, показывают, что великие князья были вполне независимы друг от друга как во внешних, так и во внутренних делах. Каждый из них мог иметь своих друзей и недругов, мириться и воевать с кем хотел, не сообразуясь с интересами других князей. Начиная с половины XIV века ни летописи, ни другие памятники даже и не упоминают более о великокняжеских съездах. У великих князей того времени было только два средства решить все возникавшие между ними споры: оружие и третейский суд. Великий князь, не имея возможности мирным путем покон-

чить свой спор, брался за оружие и решал как мог. Русская земля разделилась, таким образом, на несколько самостоятельных государств: Московское, Тверское, Рязанское, Суздальское, Смоленское и Новгородское, не состоящих в постоянном союзе и, по большей части, находящихся в таких же отношениях друг к другу, в каких находилось, например, Московское княжество к Литве или Орде, и т.д. Впрочем, все эти разъединения существовали между одними князьями и не мешали полному народному единению. Помимо княжеской власти все они составляли Русскую землю, населенную одним племенем, которое говорило одним языком, исповедовало одну веру, принадлежало к одной церкви, состоящей под ведением московского и киевского митрополитов, и которое держалось, наконец, одних обычаев и законов. Эта внутренняя связь, соединявшая русский народ, была очень сильна; ее он всегда чувствовал и постоянно желал соединения, которому всегда до известного времени препятствовали княжеские междоусобицы. Исключением из этого был один Новгород, стоявший особняком и выработавший себе некоторые учреждения, несогласные с духом остальных русских областей. Но и он, как показывает история, не оказал значительных препятствий к соединению. Понятно теперь, почему при первом благоприятном случае весь русский народ слился в одно целое и на Руси утвердилось единоедержавие.

ОБЩЕСТВЕННОЕ ЗНАЧЕНИЕ ДУХОВЕНСТВА

Отношение татар к нему. Значение и права духовенства в эту эпоху. Влияние духовенства на общественную жизнь России. Содержание духовенства

Русская церковь во время владычества татар оставалась в прежних отношениях к князю и народу, но духовенство получило большое значение. Монгольские ханы, согласно с правилами чингисхановой «книги запретов», приняли русское

духовенство под свое покровительство; они освободили духовенство и всех церковных людей от даней; кроме того, духовенство получило от ханов многие и очень важные привилегии. По свидетельству ханских ярлыков, мы видим, во-первых, что митрополитам был предоставлен полный и бесспорный суд над всеми церковными людьми. Право духовного суда ханы распространили даже на дела уголовные. Во-вторых, ханы утвердили за митрополитом и церковью все церковные владения, признали законными все распоряжения митрополитов и епископов по делам духовного ведомства. При этом ханы строго запретили чинить какие-либо обиды людям и владениям, принадлежащим церкви. В ярлыке Узбека сказано: *«Да не вступается никто же ни в чем в церковныя и в митрополичи, ни волости их, ни в села их, ни во всякие ловли их, ни в борти их, ни в земли их, ни в луги их, ни в леса, ни в волостныя места их, ни в мельницы, ни в зимовища их, ни в стада их конския, ни во всякия скотския стада, ни во вся стяжания и именья их церковныя, и люди их, и вся причты их, и вся законы их уложенныя старыя от начала их, – то все ведает митрополит, или кому прикажет; да не будет ничтоже причинено или порушено, или кем избижено»*. В-третьих, по свидетельству ярлыков освобождаются от всех даней и пошлин не только духовенство, но и все люди и владения церкви; равным образом они не обязываются и военной службой ханам. Вот слова ярлыка: *«А поедут наши баскаки и таможники и даньцики, поборицики по сим нашим грамотам, как наше слово молвило и уставио, да все будут целы сборныя церкви митрополичи, никем ни от кого не избижены вся его люди и вся его стяжания, как ярлык имеет: архимандриты, игумены, и попы и вся причты церковные ничем никто да не будет избижен, дан ли на нас емлют, или иное что ни буди: тамга ли, поплужское ли, ям ли, мыт ли, мостовицика ли, война ли, ловитва ли, кая ни буди наша, или егда на службу нашу с наших улусов повелим рать сбирати, где восхотим воевати, а от соборныя церкви и от Петра митрополита никто же да не взимает и от их людей и от всего его причта»*. В-четвертых, ханы признали за церковью разных

ремесленников и также освободили их от разных податей и повинностей в пользу ханской казны. В ярлыке сказано: *«А что будут церковные люди, ремесленницы кои, или писцы, или каменные сдатели, или деревянные, или иные мастера, каковы ни буди, или ловцы, какого лова ни буди, или сокольницы; и в то наши никто не вступаются, и на наше дело да не емлют их и да не отнимают ничего же»*. В-пятых, ханы утвердили и признали неприкосновенность церквей, монастырей и часовен и за оскорбление их назначили смертную казнь. *«А что закон их и в законе церкви и монастыри и часовни их ничем да не вредят, ни хулят, а кто учнет веру хулити, или осуждати, и тот человек не извинится ничем же и умрет злою смертью»*. А в ярлыке Атюляка неприкосновенность церковных и митрополичьих людей и имуществ до того распространена, что в церковных домах не имели права ставиться и посланцы ханские. Хан не только сам казнил обидчиков церкви по жалобе митрополита, но и позволял церковным людям убивать их, хотя бы то были послы ханские; за убийство церковных людей назначал смертную казнь. *«А в церковных домех ни ставити никому, ни рушити их, а кто ся станет ставити в церковных домех, или рушити их, а нам ся на кого пожалуют церковные люди, и тот от нас неживотною казнию казнен будет. А кого наших послов или пошлинников убьют церковные люди над своим добром, тому вины нет; а кого наш убьет церковных людей, и тот сам смертью да умрет»*. В-шестых, хан позволяет митрополиту русскому принимать к себе в службу и зачислять за себя не только церковных, но и посторонних людей, кто захочет ему служить. В ярлыке Узбека сказано: *«А кто будет поп, или диакон, или причетник церковный, или людин, кто ни буде, откуда ни есть, митрополиту похотят служити и о нас Бога молити, что будет о них у митрополи та в мысли, то ведает митрополит»*. В-седьмых, ханы не только утверждают своим признанием разные привилегии за митрополитом и церковью, но и церковным людям предписывают жить в повиновении у митрополита на основании данных ему ханских ярлыков. Ярлык Узбека так выражает это утверждение митрополичьей вла-

сти над церковными людьми: *«Дали есмы Петру митрополиту грамоту сию крепости для. да сию грамоту видяще и слышаще еси людие и все церкви и все монастыри и все причты церковные да не прислушают его ни в чем, но послушни ему будут по их закону и по старине, как у них изстари идет».*

Русское духовенство татарскими ханами было поставлено в исключительное положение перед всеми общественными классами на Руси и было в подчинении или под покровительством у церкви было тогда, очевидно, самой завидной долей для русских людей. Атак как предоставляется на волю митрополита принимать к себе в службу посторонних, нецерковных людей, и митрополит, конечно, не имел надобности отвергать тех, которые добровольно шли к нему на службу, то посему нет сомнения, что многие охотно шли в службу к митрополиту и селились на церковных землях во избежание притеснений и обид, причиняемых татарскими сборщиками даней и разными ханскими посланцами, особенно в первое время татарского владычества, когда князья, состоящие под надзором баскаков, не могли дать верной защиты своим подданным. При таких выгодных условиях церковь и духовенство, очевидно, не только привели в цветущее состояние церковные имущества относительно своего населения, но и двор митрополита сделался многочисленнее и важнее против прежнего, особенно когда митрополиты перебрались на постоянное житье в Москву. В таком же положении, вероятно, находились и дворы епископов. Бояре, желая воспользоваться привилегиями, предоставленными татарами церковным людям, охотно шли в службу к митрополиту и епископам. Кроме свидетельства ханских ярлыков о положении русского духовенства во время татарского владычества, мы имеем об этом еще свидетельство уставной грамоты великого князя Василия Дмитриевича и митрополита Киприана, писанной в 1392 г. Грамота эта, в сравнении с ханскими ярлыками, хотя принадлежит к позднейшим памятникам, относящимся уже к тому времени, когда татарское владычество значительно ослабело и когда великие князья приобрели уже довольно независимости от татарских ханов и, следовательно,

сильнее развили свою власть, тем не менее в грамоте еще заметно такое значение митрополита Киприана, каким не пользовался ни один митрополит до татарского владычества. Грамота написана в одинаковом тоне с договорными грамотами, которые князья заключали между собой. В грамоте великий князь отказывается, во-первых, от всякого суда в митрополичьих владениях и запрещает боярам покупать митрополичьи села: *«Судити митрополиту Луховца с волостелем или с доводчиком, а судье моему, великаго князя, не быти: а боярам и слугам князя великаго и митрополичьих земель Луховских не купити, а которые будут покупили, а тем лезти вон, а серебро свое взяти»*. Во-вторых, великий князь обещается брать с митрополичьих сел татарскую дань по особой оброчной грамоте, а других никаких даней не брать и даже не посылать туда своих данщиков; притом и по оброчной грамоте брать только тогда, когда и с княжеских владений будет собираться дань татарам. В грамоте сказано: *«А на тех (митрополичьих) селех даньщику и бельщику моему, князя великаго, не быти, а дань имати с тех сел в выход по оброку, по моей грамоте, великаго князя, по оброчной, а лише того оброка не имате; а ям по старине – шестой дань, а коли мои села, князя великаго, дадут, тогда и митрополичьи дадут»*. В-третьих, великий князь допускает общий суд с митрополичьей и княжеской стороны, когда из подсудимых один будет принадлежать митрополичьему ведомству, а другой великокняжескому; но в случае митрополичьего отъезда и общий суд представляет себе только с тем, чтобы пошлинами от суда делиться пополам с митрополитом. Также князь предоставляет себе суд над митрополичьим наместником или десятником и волостелем, когда на них будут жаловаться князю. В-четвертых, великий князь освобождает церковных людей от всех торговых пошлин, когда они не занимаются прикупом, а продают только свое домашнее, и назначает брать с церковных людей условленный оброк только тогда, когда нужно было платить дань татарам, которая в это время посылалась не часто и отнюдь не каждый год. В грамоте сказано: *«А митрополичьим людем церковным тамги не дава-*

ти, как было и при Алексее митрополите; кто продает свое домашнее, тот тамги не дает, а который имеет прикупом некоторым торговати, а тот тамгу дает. А коли дань дати в татары, тогда и оброк дати церковным людям; а коли дани не дати в татары, тогда и оброк не дати церковным людям». Настоящая статья грамоты уже указывает на некоторые стеснения привилегий, данных ханами русскому духовенству: по ханским ярлыкам духовенство было освобождено от всех дани и торговых пошлин. Здесь же мы встречаем и дань, хотя не постоянную, и торговые пошлины, когда духовные будут торговать прикупом, т.е. купечествовать. Отсюда видно, что русское духовенство не отделяло себя от народа, но помогало ему нести тягости и налоги, но только по особым договорным грамотам. В-пятых, великий князь условливается с митрополитом, в какой степени митрополичьим людям участвовать в военных походах князя: *«А про войну, коли яз сам, великий князь, сяду на конь, тогда и митрополичьим боярам и слугам, а под митрополичьим воеводою, а под стягом моим, великаго князя»*. Эта статья очень много говорит нам о значении в то время митрополита как светского владельца. Мы здесь видим, что у митрополита было столько бояр и слуг, что они могли составлять целые военные отряды со своими воеводами, только полки митрополита не имели своего знамени. Здесь же есть свидетельство или указание, что в службу митрополита охотно записывались разные бояре и слуги княжеские и, следовательно, службу эту считали для себя выгодной, ибо в грамоте отделяется особый класс митрополичьих бояр и слуг, которые приписывались вновь к митрополиту уже по смерти Алексея митрополита, предместника Киприанова; следовательно, приписка бояр в митрополичью службу постоянно увеличивалась, и чтобы сколько-нибудь сократить это увеличение – великий князь новоприписанных митрополичьих бояр и слуг отделяет от старых бояр и требует, чтобы они ходили на войну под княжеским воеводой, где кто живет, а не под митрополичьим воеводой. В грамоте сказано: *«А кто будет бояр или слуг не служивал Алексею митрополиту, а при казался ново митрополиту,*

а те пойдут под моим воеводою, великого князя, где который живет, ин под тем воеводою и есть». В-шестых, великий князь запрещает ставить в дьяконы и попы княжеских слуг и данных людей, как бы в подтверждение предшествовавшей статьи, дабы была возможность сократить записку нецерковных людей в церковную службу; а еще более сокращает распространение духовенства тем, что не признает принадлежащими к духовному ведомству священнических детей, ежели они не посвящены в церковную службу и живут отдельными домами от отцов, но не запрещает священническим детям, состоящим в княжеской службе, опять возвращаться в духовное ведомство, ежели они желают посвятиться в священники или дьяконы. В грамоте сказано: «А слуг моих, князя великого и моих данных людей в диаконы и в попы митрополиту не ставити; а который попович, хотя будет писан в мою службу, а всхочет стати в попы, или в диаконы, ино ему вольно стати; а попович, который живет у отца, а хлеб ест отцев, ино той митрополит, а который попович отделен и живет опричь отца, а хлеб ест свой, а то мой, князя великого». Наконец, в-седьмых, грамота представляет свидетельство вмешательства великого князя в права митрополита относительно сбора митрополичьих доходов с тех церквей, которые находились в ведомстве митрополита. Князь, конечно по взаимному согласию с митрополитом, ограничивает сбор доходов митрополита и его наместников только немногими видами доходов и притом в определенном количестве, именно: митрополиту предоставляется, во-первых, «сборное» с церкви по 6 алтын; во-вторых, «заезд» по три деньги; митрополичьему же десятнику «насед» назначается по шести алтын; в этой пошлине ему зачисляется и за въездное и за Рождественное и за Петровское. Время для сбора сих доходов назначается митрополиту о Рождестве Христове, а десятнику о Петрове дне. Притом митрополит не имел права брать своих доходов с тех церквей, которые не давали их прежде при Алексее митрополите. Настоящая уставная грамота (1392 г.)служит прямым свидетельством, что, несмотря на ханские ярлыки, поставившие митрополита и церковных лю-

дей в исключительное положение и как бы освободившие их от всякой другой зависимости, кроме хана, в сущности, на деле митрополит и церковные люди оставались и при татарском владычестве почти в прежних отношениях к князю: церковь и князь по-прежнему составляли одну нераздельную власть, митрополит и епископы более или менее продолжали действовать заодно с князем, и духовенство нисколько не изменило своих отношений к обществу.

Представив значение и права духовенства во время татарского владычества, как это засвидетельствовано и ханскими ярлыками, и русской уставной грамотой, мы теперь должны обратиться к свидетельствам о **влиянии духовенства на общественную жизнь в России** и об участии его в ней. Здесь нам лучшим и вернейшим свидетельством служат договорные грамоты князей и другие официальные памятники. Все договорные грамоты князей, начиная с грамоты Дмитрия Донского с князем Владимиром Андреевичем Серпуховским, свидетельствуют о сильном участии митрополитов в сношениях князей друг с другом. По свидетельству этих грамот мы видим, во-первых, что все договоры князей, утверждаемые обыкновенно крестным целованием, заключались в присутствии митрополита или епископа, а сами договорные грамоты писались по благословию митрополита в Москве и по благословию епископа в других княжествах. Так, в первой договорной грамоте Дмитрия Донского с Владимиром Андреевичем, писанной в 1362 г., сказано: *«По благословию отца нашего митрополита Алексея всея Руси се яз, князь великий, Дмитрий Иванович докончали есьмы с братом своим младшим, со князем Володимиром Андреевичем, целовали есмы крест у отца своего Алексея митрополита всея Руси»*. Точно так же писались и все другие договорные грамоты Дмитрия Донского и сына его Василия Дмитриевича. А договорные грамоты Василия Васильевича Темного не только писались по благословию митрополита, но для большего подтверждения и подписывались митрополитом. Так, первая договорная грамота Василия Васильевича с дядей его Юрием Дмитриевичем, написанная в

1428 г., подписана митрополитом Фотием; потом все договорные грамоты Василия Васильевича, начиная с 1452 г., подписаны рукой митрополита Ионы, а духовные его грамоты – рукой митрополита Феодосия. Договорные грамоты великого князя Ивана Васильевича все писаны по митрополичьему благословению и подписаны митрополитом, а к договорной грамоте его с князьями Федором и Иваном Борисовичами Волоцкими, писанной в 1497 г. даже привешена вместе с княжескими печатями печать митрополита Симона, подписавшего грамоту. А на договорных грамотах великого кн. Ивана Васильевича с кн. Михаилом Андреевичем Вереysким, писанных в 1463 и 1465 г. даже есть подпись, что они хранились у митрополитов: первая – у митроп. Филиппа, а вторая – у митроп. Геронтия. Из грамот Рязанских князей мы также видим, что они писались по благословению рязанского епископа и подписывались им: так, в договорной грамоте великого князя Ивана Васильевича с его удельным князем Федором Васильевичем, писанной в 1496 г., сказано: *«Божию милостью и пречистыя Богоматери и по благословению отца нашего Симеона, владыки рязанского и муромского и по нашей любви на сем на всем целуй ко мне крест»*. Вероятно, то же мы встретили бы в грамотах и других князей: Смоленского, Тверского, Нижегородского и др., но, к сожалению, грамоты их не дошли до нас.

Во-вторых, митрополиты и епископы не только писались в договорных грамотах князей, как свидетели и посредники между ними, но нередко назначались князьями судьями в княжеских спорах. Так, например, в договорной грамоте Василия Дмитриевича с рязанским князем Федором Ольговичем, писанной в 1402 г., и в договорной грамоте Юрия Дмитриевича с рязанским князем Иваном Федоровичем, писанной в 1433 г., в случае суда и споров между князьями третейским судьей назначался митрополит. Вот слова этих грамот: *«...а о чем ся судьи наши сопрут, ино им третий митрополит, а кого митрополит обинит, инообидное отдати»*. В-третьих, летописи представляют много свидетельств об участии митрополитов, епископов и других духовных лиц в делах междукняжеских

и вообще в устройстве порядка и тишины в Русской земле. Так, по свидетельству летописи, первый же во время татарского владычества митрополит Кирилл в 1270 г. примирил новгородцев с Ярославом Ярославичем, тогда как прежде этого Ярослав без успеха испытал все средства примирения с ними. Митрополит по просьбе Ярослава написал новгородцам грамоту, в которой ручался за Ярослава, что он не будет обижать Новгорода; вот слова митрополичьей грамоты: *«Аз вам ручаюсь по нем и вы бы его приняли с честью достойною»* (Ник. III, 52). О епископе Сарском¹ Феогносте есть известие, что он несколько раз был в Константинополе послом даже и от хана Менгу-Темира; так, под 1279 г. в летописи говорится, что в этом году приехал в Москву из Константинополя сарский епископ Феогност, куда он был послан уже в третий раз от Менгу-Темира и митрополита Кирилла с грамотами и дарами византийскому императору и патриарху (Ibid., 68). В 1280 г. новгородцы посылали своего епископа Климента к великому князю Дмитрию Александровичу; а в 1281 г. ростовский епископ Игнатий мирил ростовских князей, враждовавших друг с другом, и ездил к великому князю Дмитрию Александровичу с просьбой о том, чтобы он принял участие в примирении ростовских князей (Ibid., 71). В 1296 г. владимирский епископ Симеон присутствовал во Владимире на суде князей перед ханским послом и убедил их примириться и поделить свои вотчины, тогда как они уже готовы были начать междоусобную войну (Ibid., 94). В 1311 г. митрополит Петр остановил поход тверского князя Дмитрия Михайловича на Нижний Новгород (Ibid., 107). В 1365 г. тверской епископ Василий по приказанию митрополита Алексея судил тверских князей, споривших

¹ Сарским или Саранским епископом назывался православный епископ, находившийся при дворе ордынских ханов. При дворе ханов были представители всех религий, исповедуемых народами, входившими в состав Монгольской империи. Они имели там свои храмы, в которых свободно совершали свое богослужение. Русский епископ при ханском дворе назывался еще Подонским (Сарский и Подонский), так как в его ведении находились все христианские поселения, лежавшие от Сарая вверх по Волге и по Дону с его притоками: Донцем, Хопром, Медведицей и др.

об уделах. В том же году для примирения нижегородских князей – Дмитрия и Бориса Константиновичей, был послан Дмитрием Ивановичем Донским преподобный Сергей Радонежский. Сергей позвал Бориса Константиновича в Москву, и когда тот не послушался, то он, по приказанию митрополита Алексея и великого князя Московского, затворил в Нижнем все церкви, чем и вынудил нижегородских князей смириться. В 1385 г. преподобный Сергей по поручению Дмитрия Ивановича Донского ездил в Рязань для заключения мира с Олегом Рязанским, что Сергей исполнил с большим успехом. По его убеждениям Олег заключил вечный мир с князем московским и сделался постоянным его союзником (Ibid., 148). О митрополите Ионе в летописях говорится, что он, еще бывши епископом рязанским, принимал самое деятельное участие в борьбе Василия Васильевича с Дмитрием Шемякой: когда в 1446 г. Дмитрий захватил Василия, его мать и детей, то Иона, по словам летописи, каждодневно не переставал говорить Дмитрию, что он учинил неправо, и этим наконец достиг того, что Дмитрий освободил Василия и дал ему в удел Вологду, а это дало возможность Василию возвратиться и московский престол (Ibid., 209). До нас дошло несколько посланий и окружная грамота Ионы, в которых ясно выражается его участие в государственных делах. Первое из этих посланий, к князю Дмитрию Юрьевичу, написанное от лица всего русского духовенства, относится к 1447 г., когда Иона еще был епископом рязанским. В этом послании собор епископов, архимандритов, игуменов и священников убеждает Дмитрия прекратить междоусобие и примириться с великим князем, а в противном случае грозит ему своим неблагословением (Ак. Ист. I, № 40). Потом в 1448 г. Иона, сделавшись митрополитом, немедленно послал окружную грамоту ко всем князьям и ко всему народу русскому, в которой убеждает их не держаться стороны Дмитрия Юрьевича, восставшего на великого князя (№ 44). Участие Ионы в государственных делах было известно и за пределами России: так, король польский присылал Ионе грамоты, в которых просил его позаботиться о поддержании согласия между Москвой

и Польшей, о чем упоминает сам Иона в своем послании к Казимиру, писанном в 1450 г. (А. А., т. I, № 49). Иона писал послание тверскому епископу Илье, приказывая ему убедить Бориса Александровича Тверского отправить полки на помощь великому князю Василию Васильевичу против казанских татар. В 1452 г. Ионой были написаны два послания к новгородскому архиепископу Геннадию против Дмитрия Шемяки, укрывавшегося в Новгороде. В 1456 г. Иона писал послание к смоленскому епископу Михаилу против бежавшего в Литву можайского князя Ивана Андреевича.

Как не одни митрополиты, но и епископы и игумены принимали участие в общественных делах, точно так же и послания к князьям писались не одними митрополитами и епископами: до нас дошли два послания Кирилла, игумена Белозерского монастыря. В одном из этих посланий Кирилл убеждает великого князя Василия Дмитриевича примириться с князьями суздальскими, а в другом пишет можайскому князю Андрею Дмитриевичу, чтобы он был внимательнее по управлению своим княжеством и особенно настаивает, чтобы князь был внимательнее и строже к судьям. Вот слова этой грамоты: *«Господине княже, властелин еси в отчине, от Бога поставлен люди, господине, свои уймаи от лихаго обычая. Суд бы, господине, судити праведно, как перед Богом право, поклепов бы, господине, не было, подметов бы, господине, не было, судьи бы, господине, посулов не имали, довольны были бы уроки своими, разбоя бы и татьбы в твоей отчине не было, а крестьяном, господине, не ленись давати управы само»* (А. К., т. I, № 16).

Митрополит Иона был почти последним из русских митрополитов, деятельно участвовавших в междукняжеских сношениях. Со смертью Шемяки, против которого так сильно вооружался митрополит Иона, удельное разновластие было уже не так сильно и при великом князе Иване Васильевиче уделы почти перестали существовать; следовательно, за немногими исключениями, прекратились и случаи участия духовенства в делах князей. Но с уничтожением уделов не

прекратилась общественная деятельность духовенства; для духовных властей осталось еще обширное поприще быть советниками при великом князе и ходатайствовать перед ним за людей, подвергавшихся опале. И мы действительно видим, что, например, Иван Васильевич во всех важных делах приглашал на совет митрополита. До нас дошло даже послание всего московского духовенства, писанное в 1480 г. в великокняжеский стан на Угру, в котором духовенство убеждает великого князя мужественно противостоять хану Золотой Орды – Ахмату. Еще настойчивее писал великому князю в то же время и о том же предмете архиепископ ростовский Вассиан; а когда Иван Васильевич не послушал его советов, оставил войска на попечение своего сына Василия и приехал в Москву, то Вассиан встретил его с такими словами: *«Ты беглец, ты убежал из войска; вся кровь христианская падет на тебя, что не поставил бою с татарами»*, и т.д. Эта речь Вассиана имела такое влияние на Ивана Васильевича, что он поспешил возвратиться к войску, не успев даже побывать в своем дворце. Этот же Вассиан, перед нашествием Ахмата, по приказанию великого князя два раза ездил к великокняжеским братьям Андрею и Борису Васильевичам, готовившимся бежать в Литву, и убеждал их примириться с великим князем. Лучшим свидетельством о ходатайстве духовных перед великим князем за провинившихся перед ним князей и бояр служат так называемые *«клятвенные записи»*, в которых митрополит, епископы и другие лица из духовных являются постоянными ходатаями и поручителями за опальных. Так, в первой из дошедших до нас клятвенной записи, данной в 1474 г. князем Даниилом Дмитриевичем Холмским великому князю Ивану Васильевичу, Холмский говорит: *«А в том во всем по сей моей грамоте поручился по мне господарю моему, великому князю Ивану Васильевичу и его детем и до моего живота господин мой Геронтий, митрополит всея Руси и со своими детьми и с служебники, со владыками и с архимандритами, которые в сей моей грамоте писаны»*. В клятвенной записи князя Константина Осторожского точно так же сказано, что за него хода-

тайствовал у великого князя и поручался митрополит Симон со своими служебниками – владыками и архимандритами. То же повторяется и во всех других клятвенных записях, данных разными князьями и боярами, подвергавшимися великокняжеской опале. Летописи также постоянно свидетельствуют о ходатайстве митрополитов и вообще духовенства перед великим князем за всех провинившихся или впавших в немилость. Таким образом духовенство, во время удельного разновластия и междоусобий усердно служившее единой державию, с прекращением уделов стало на другую чреду общественного служения – явилось защитником и ходатаем общества против самовластия. Как оно сослужило эту последнюю службу, мы увидим впоследствии.

Содержание духовенства. Мы уже видели из ханских ярлыков, что духовенство владело значительными недвижимыми имениями; то же самое говорят летописи и другие памятники того времени. Во время татарского владычества имения приобретались духовенством частью пожалованием князей и бояр, а преимущественно по завещаниям и вкладам. На все это мы имеем письменные свидетельства в дошедших до нас жалованных грамотах, купчих, вкладных записях и в духовных завещаниях, из которых нет ни одного, в котором бы часть имущества не назначалась на церковь и духовенство; этого требовала и сама форма духовных завещаний. Но особенно значительным источником приобретения имений монастырями служили так называемые вклады, т.е. отдача монастырю имения: каждый князь, или боярин, или другой кто, желая поступить в монастырь, должен был сделать вклад в монастырскую казну. Эти вклады, смотря по усердию и богатству вкладчиков, были иногда очень велики. Великие и удельные князья нередко жертвовали в пользу церквей и монастырей известную часть своих доходов¹.

¹ Так, например, великий князь Иван Иванович, отец Дмитрия Донского, в своей духовной грамоте пишет: «А из тамги из Коломенской дал есть четвертую часть к Святей Богородице на Крутице себе в память. А костки московския дал есм на Москве к св. Богородице и к св. Михаилу в память по своем отце и по своей братьи и по себе, то им руга».

В настоящее время явилась новая форма приобретения земли церковью – *«приписка»*. Она состояла в том, что, поступая на службу митрополита и записываясь за церковью, бояре и вообще все собственники приписывались со всем своим имуществом.

Таким образом, в настоящее время церковь обладала громадными недвижимыми имуществами. Но во время татарского владычества мы уже не встречаем указаний о сборе десятины в пользу церкви; следовательно, в это время церковная десятина была отменена, и, вероятно, само духовенство отказалось от нее при виде всеобщего народного истощения. Правда, и в это время упоминаются десятинники, но это были только светские чиновники, управители митрополичьих имений, кормы с которых в пользу десятинника назывались также десятиной или *«десятильничьем»*. Но, конечно, с прекращением десятин не уничтожились судные пошлины митрополиту, так как суды церковные существовали и во время татарского владычества.

Рядом с судными пошлинами в пользу духовенства оставались и пошлины от администрации: *«заезд»*, *«сборное»* и *«десятильничье»*. Но эти пошлины собирались только с церковных причтов и вообще с лиц, подлежащих церковному управлению, и были незначительны. Главным же источником содержания духовенства в это время служили вотчины.

Вотчины и вообще поземельные владения преимущественно были сосредоточены в руках митрополитов, епископов, монастырей и соборных церквей; вотчины же приходских церквей были чрезвычайно редки и содержание приходского духовенства состояло, главным образом, из доходов с церковной земли, определенное количество которой имела каждая церковь и без которой не могла даже и строиться церковь, и потом из доходов от церковных служб. Кроме того, среди источников доходов и содержания приходского духовенства нужно упомянуть о так называемой руге. Ругой называется жалованье деньгами или различными припасами, выдаваемое церковному причту тем лицом, по желанию которого была построена церковь. Но это жалованье не было распространено на

все церкви, а только на некоторые. Сюда причислялись церкви придворные, княжеские, церкви, построенные богатыми землевладельцами, которые не приписали к построенным им церквям известной доли земли, и, наконец, церкви, построенные по распоряжению правительства в таких местностях, где было мало христиан; такие церкви и причты находившиеся при них, получали содержание от правительства.

Впрочем, число ружных церквей последнего из указанных нам видов во втором периоде было еще очень незначительно и вообще относительно ружных церквей надо заметить, что они еще только начали появляться в этом периоде, распространение же их относится уже к следующему периоду.

ДРУЖИНА

Названия дружинников. Значение бояр. Служебные права и обязанности их. Права и обязанности бояр по владению. Права и обязанности вольных слуг. Земщина. Ее значение и устройство

Относительно дружины прежде всего надо сказать, что ни в летописях, ни в других памятниках настоящего периода мы нигде не встретим названия «дружина» или «дружинник». Но это не значит, что в это время дружины не существовало: дружинники были и во время татарского владычества на Руси, но только в это время изменилось их название; теперь дружинники стали называться: *боярами, боярскими детьми, вольными слугами и дворянами*. Первые два названия относятся к старшей дружине, а два последних – к младшей. Впрочем, нельзя отвергать того, что дружина во второй половине второго периода и в самом быту своем потерпела значительные изменения и эти изменения были прямым следствием татарского владычества на Руси. Это случилось таким образом: татары, как известно, не хотели знать ни земцев, ни дружинников, а знали

только русскую землю, которую считали своим улусом; поэтому они внесли в свою перепись русского народа как земцев, так и дружинников, и одинаково, как тех, так и других, обложили данью. Это имело весьма важные последствия для дружинников. Прежде дружинники были совершенно отделены от земцев, они не несли общественных податей и имели свое особое устройство. Но татары своим уравниванием дружинников с земцами поставили их в более близкие отношения друг к другу. Таким образом, вследствие татарского владычества значение дружинников до некоторой степени ослабело. Далее, ослаблению значения дружинников в период татарского владычества много способствовало уничтожение уделов, вследствие которого дружинники мало-помалу обращались в служилых людей и таким образом принимали характер земцев. Но полное слияние дружины с земщиной произошло уже в следующем периоде. Поэтому в настоящем периоде мы еще должны рассматривать дружину и земщину отдельно. В следующем периоде мы будем делить все русское общество только на служилых и не служилых людей.

Название дружинников. Во всех договорных грамотах, начиная с 1328 г. и кончая 1432 г., для обозначения княжеской дружины встречаются названия *«бояр»* и *«вольных слуг»*. Первым из этих названий обозначалась вся старшая дружина, а последним – вся младшая. Боярство означало состояние старшего дружинника; этим словом обозначалось не только личное достоинство дружинника, но и происхождение. Боярство было равнозначно нынешнему дворянству, а боярин означало то же, что ныне дворянин. Словом *«вольные люди»* или *«дворяне»* обозначался низший разряд княжеской дружины: княжеские истопники, конюхи, псари, ловчие и т.п. Около 1388 г. высший класс дружины – бояре – стал подразделяться на *«бояр»* просто и *«больших бояр»*, или *«путников»*.

Путниками назывались те из бояр, исполнявших высшие государственные должности, которые получали *«путь»*, т.е. доход, приписанный к должности, с области или города, или же от известной доходной статьи. Это разделение бояр было,

так сказать, предтечей более радикальных изменений старшей дружины. С 1433 г. (по крайней мере, известия об этом начинаются с этого года) при Василии Васильевиче старшие дружинники, как сословие, стали называться «*боярскими детьми*»; словом же «*боярин*» с этого времени стал обозначаться чин, а не звание. Боярство с этого времени уже перестало передаваться потомству, и все боярские дети уже перестали называться боярами. Об этом прямо свидетельствуют все летописи и официальные памятники того времени. Во всех этих памятниках те, которые до 1433 г. назывались боярами, стали называться «*боярскими детьми*». В нашей литературе относительно «боярских детей» встречаются неправильные мнения. Так, по мнению некоторых из наших историков, боярскими детьми назывался низший разряд княжеских дружинников. Но это мнение неправильно. В XVI столетии действительно так назывались не все боярские роды, а только те, которые составляли низший разряд служилых людей, но в XV и в первой четверти XVI в. этим названием обозначались вообще все боярские роды. Так, в летописях и в разных официальных памятниках XV в. среди фамилий боярских детей встречаются: Оболенские, Ряполовские, Стригины, Руно и многие другие знатные фамилии, из коих иные состояли в родстве с великими князьями и вели свое начало от удельных князей. Это свидетельство прямо указывает на правильность изложенного нами мнения. Точно так же мы имеем много свидетельств о том, что в XV и в первой четверти XVI в. многие из боярских детей занимали в Московском государстве высшие государственные должности. Впрочем, это переименование старших дружинников принадлежит только Московскому княжеству: в договорных грамотах и других памятниках других княжеств старшие дружинники по-прежнему называются боярами. Младшая дружина во всех договорных грамотах московских князей, начиная с грамоты Симеона Гордого, обозначалась именем «*вольных слуг государя*» и «*дворян*». Точно так же и в грамотах других княжеств младшие дружинники называются то дворянами, то княжескими слугами; так, в договорной грамоте новгородцев с Михаи-

лом Ярославичей Тверским, писанной в 1307 г., говорится: *«А в Бежицах, княже, тебе, ни твоей княгини, ни твоим бояром, ни твоим дворянам сел не держати»*. А в другой договорной грамоте того же князя с новгородцами, писанной в 1295 г., говорится: *«А чего будет искати мне и моим бояром и моим слугам у новгородцев и новоторжцев и у волочан, а потому всему суд дати без перевода»*. Здесь, очевидно, бояре противопоставлены дворянам, старшие дружинники – младшим.

Значение бояр. Старшие дружинники и при татарах удержали прежнее значение. Они, по памятникам того времени, являются советниками князя, спутниками его на войне и ближайшими участниками в управлении народом. Все высшие государственные должности в период татарского владычества поручались старшим дружинникам или боярам. Так, например, они по разным делам ездили в Орду вместе с князьями, а впоследствии одни вместо князей. В 1360 г. московские бояре выпросили у хана великокняжеский московский престол малолетнему Дмитрию Ивановичу и удержали престол за Дмитрием Ивановичем во все время его малолетства, так что он во всех спорах с князьями тверскими и рязанскими остался победителем. Точно так же московские бояре являются самыми деятельными защитниками великого князя во время междоусобия Василия Васильевича с Дмитрием Шемякой, продолжавшегося около 20 лет. Сами князья признавали за своими боярами очень большое значение. Так, Дмитрий Иванович Донской в своей духовной грамоте говорит о боярах: *«Вы же есть обычаи моя и нравы знаете; перед вами родихся и возростах, с вами царствовах, отчину свою, великое княжение, держах двадцать и семь лет; с вами на многие страны много шествовах, вами в бранях страшен бых, с вами великое княжение вельми укрепих, и мир и тишину княжению своему учиних, и державу отчины свояя соблюдох, великую же честь и любовь к вам имех и перед вами города держах и великия волости»*. При великом князе Василии Васильевиче князья Ряполовские подняли на Шемяку всех удельных князей и собрали войско, с помощью которого освободили от плена великого князя Московского и возврати-

ли ему престол. Значение бояр и участие их в государственных делах подтверждается и официальными памятниками. Так, из договорных грамот великого князя Семена Ивановича с братьями и Дмитрия Ивановича Донского с Ольгердом Литовским видно, что бояре принимали участие в сношениях князей друг с другом; а духовные княжеские грамоты почти все с боярскими подписями. В жалованных грамотах монастырям рязанских князей прописывались имена бояр, что показывает их значение как думцев князя. Кроме того, иногда князья поручали боярам разбирательство различных своих споров с другими князьями; так, Дмитрий Донской в своей духовной говорит: *«А что вытязгал боярин мой Федор Андреевич на обчем рете Тов и Медын у смольнян, а то сыну же моему Андрею»*. Таким образом, и официальные памятники, и летописи свидетельствуют, что бояре во время татарского владычества имели такое же значение, какое в предшествовавшее время имели старшие дружинники, а собственно московские бояре даже и большее.

Служебные права и обязанности бояр. Относительно прав и обязанностей старшие дружинники во время татарского владычества имели двойное значение: тогдашнее правительство смотрело на них, с одной стороны, как на служилых людей, с другой – как на жителей той или другой области или уезда. На этом различии в значении старших дружинников основывалось и различие их прав и обязанностей. На боярах, как на служилых людях, лежала, во-первых, обязанность военной службы. Бояре и вольные слуги были единственными воинами князей. Они составляли княжеское войско и по первому же зову князя должны был и являться к нему и отправляться с ним в поход под его знаменем и командой, хотя бы они жили и не в его княжестве. Во всех договорных грамотах того времени мы встречаем такое выражение: *«А кто которому князю служит, полести ему с тем князем, которому служит»*. По свидетельству тех же грамот, военная служба была непременной обязанностью бояр, так что за уклонение от нее они подвергались наказанию и освобождались от нее не иначе, как только с дозволения князя. В поход бояре являлись со свои-

ми вооруженными слугами, со своими военными запасами и преимущественно на конях. (Среди боярских слуг, составлявших полки бояр, часто находились и боярские дети, которые по бедности не могли служить князю непосредственно; они, поступая на службу к богатым боярам, получали от них вооружение, содержание и все необходимое для военной службы). Все права бояр, как служилых людей, обуславливались числом слуг, в сопровождении которых они являлись на службу к князю; боярин, имевший большее число слуг, пользовался и большим почетом от князя и получал от него высшие должности. Так, о боярине Родионе Несторовиче, пришедшем в Москву из Приднепровья в сопровождении 1700 вооруженных слуг, в летописях рассказывается, что он был первым боярином у Юрия и Ивана Даниловичей. Иные же бояре получали от князей за свою службу целые города, доходами от которых они пользовались, пока состояли на службе у князя, давшего город; так, по смерти Ольгерда некоторые литовские князья со всей своей дружиной перешли на службу князя московского (между прочим Патрикеевы) и получили в оклад многие города. Иные получали от князей вотчины в полную собственность, которая оставалась за ним и тогда, когда они переходили на службу к другому князю. Во-вторых, вместе с военной службой бояре исполняли различные придворные должности: конюших, дворецких, казначеев, ловчих, ясельничих, стольников, кравчих и других. Впрочем, как мы уже сказали, каждый боярин был прежде всего военным, а придворные должности были для него уже второстепенными, или собственно поручениями. Знатнейшие и довереннейшие из бояр заседали в княжеском совете или Думе; с ними князь рядил и решал государственные дела. Это было продолжением прежнего порядка, по которому старшие дружинники были *«думцами»* князя. Как в предыдущие периоды, так и в настоящей каждый старший дружинник уже по самому званию своему был думцем князя, и князья, не столько по доброй воле, сколько по обязанности, должны были приглашать на совет свою старшую дружину. Далее, бояре участвовали в суде, даже в суде над князьями. Посольские

дела также поручались боярам – через них князья сносились друг с другом, через них вели переговоры с иностранными государями и через них же отправляли дань татарским ханам. В-третьих, бояре управляли городами и областями в качестве наместников и волостелей. Служба этого рода давалась преимущественно в награду за их военную службу; но управление поручалось боярам обыкновенно на года и редко на два или на три года. Во время управления городами и волостями бояре получали так называемые кормы, которые были строго определены законом; далее, пользовались доходами от суда. Кроме того, каждый боярин во время своего наместничества получал еще кормы на своих слуг, т.е. чиновников, помогавших ему в управлении городом и волостью. Выбор и назначение этих чиновников зависели от самого наместника.

Права бояр были следующие: 1) Бояре, как свободные и по доброй воле поступившие на службу к князю, имели право оставлять ее по желанию во всякое время, даже в военное, и переходить на службу к другому князю. Князья, как это видно из дошедших до нас грамот, не имели права удерживать бояр у себя на службе и препятствовать их переходу. 2) Боярам принадлежало право местничества. Это право состояло в том, что боярские роды могли считаться друг с другом степенями службы по старшинству родов. По праву местничества для занятия какой-нибудь высшей государственной должности не требовалось ни заслуг, ни способностей, а только одно происхождение от старинного и знатного рода, и это право было так сильно развито за настоящий период, что его никак не могла ограничить княжеская власть: когда князь отдавал какую-нибудь высшую государственную должность члену незнатного рода, то все старшие и знатные роды считали себя оскорбленными (обойденными) и требовали удовлетворения от князя; в противном же случае они отходили к другому князю. Так, когда к Юрию Даниловичу Московскому пришел боярин Родион Несторович и Юрий Данилович принял его с большим почетом, то боярин Акинф Шуба, бывший до того времени первым боярином в Москве, счел себя оскорбленным этим. Он пере-

шел к тверскому князю и стал воевать с Юрием Даниловичем. 3) Бояре, поступая на службу к князю, получали от него значительные поземельные владения, иногда вотчины, а большей частью поместья. В этих владениях бояре пользовались очень значительными правами: они были там полными распорядителями и нередко, не спрашивая князя, при помощи своих слуг, воевали с соседними владельцами, принадлежавшими к другим княжествам. Князья предоставляли боярам распоряжаться в их владениях совершенно самостоятельно и не вмешивались в их дела; так, во всех договорных княжеских грамотах мы встречаем такое условие: *«А боярам и слугам в своих домах ведать самим, а нам ся в них не вступати»*.

Права и обязанности бояр по владению. Относительно прав и обязанностей бояр, как жителей известного уезда или волости и как землевладельцев, надо заметить, что в этом отношении бояре и все служилые люди принимались не по службе их, а по поземельным владениям. В этом отношении бояре имели те же права и обязанности, какие имели и земцы: на них, так же как на земцах, лежала обязанность тянуть судом и данью по земле и воде к тому городу, в уезде которого находились их владения; точно так же относительно землевладения, податей и повинностей с земель, бояре со времени татарского владычества несколько не отличались от земцев, но зато права бояр в их владениях были очень великими. Им, во-первых, предоставлялось полное и независимое от князя распоряжение своими землями; князья в это не вступались, как это видно из следующего условия, встречающегося во всех договорных грамотах того времени: *«А бояром и слугам между нас вольным воля: а дома им свои ведати, а нам ся в них не вступати»*. Нередко боярам как землевладельцам предоставлялось и право суда и управления над людьми, жившими в их владениях. Впрочем, это право было только привилегией некоторых из бояр, а не составляло необходимой принадлежности боярского звания. Этим правом как привилегией пользовались и некоторые из общин; следовательно, оно зависело чисто от князя и не вытекало из прав боярского звания. (В нашей лите-

ратуре было мнение противоположное этому, но это неверно.) Во-вторых, бояре были совершенно обеспечены относительно прав на свои имения, хотя бы эти имения находились во владениях другого князя, а не того, которому служит боярин. (Это право существовало, конечно, только относительно вотчин, потому что поместья бояре получали только на время службы тому князю, который давал поместье.) Неприкосновенность поземельной собственности и личных прав бояр простиралась до того, что в случае обиды, нанесенной боярином в своей отчине князю, которому он не служил, суд над боярином назначался общий, т.е. как со стороны князя, которого он обидел, так и со стороны того князя, у которого он находился на службе. В-третьих, в самом платеже податей и в отправлении разных повинностей бояре и вообще служилые люди пользовались большими преимуществами и льготами перед людьми неслужилыми: с бояр хотя и шли подати и они наравне с земцами отбывали различные повинности, но в гораздо меньшем размере, чем неслужилые люди.

За все эти права и привилегии боярин по первому же зову князя должен был являться на службу; в противном же случае он лишался своих прав и привилегий; а потому даже старые и дряхлые и вообще больные из бояр не освобождались от службы. Если какой-нибудь боярин не мог сам идти в поход или вообще явиться на службу, то должен был в таком случае выставить определенное число слуг или послать своего родственника, который бы принял на себя его службу. Таковы были правила относительно службы вотчинников; относительно же помещиков существовали еще более строгие правила. Как скоро какой-нибудь боярин, имевший поместье, лишался возможности служить, то должен был сдать свое поместье сыну или другому родственнику, который бы мог исполнять его служебные обязанности; но если такого не находилось, то у него отбиралось поместье. Исключение из этого было только одно – если помещик делался неспособным служить от ран, полученных на войне, то в таком случае поместье не отбиралось у него, а оставлялось ему на прокормление.

Права и обязанности вольных слуг. Вольные слуги или дворяне имели одинаковые права состояния с боярами. Они, во-первых, пользовались правом свободного перехода от одного князя к другому; так, в договорных грамотах князей мы постоянно встречаем такое условие: *«А бояром и слугам межю нас вольным воля»*. Во-вторых, вольные слуги подобно боярам могли иметь вотчины в разных княжествах, даже во владениях не тех князей, которым они служили. В-третьих, дворяне или вольные слуги пользовались доходами или, по старинному выражению, кормами от управляемых ими городов и волостей, а также получали поместья за службу. В-четвертых, со своих недвижимых имений вольные слуги обязывались платить подати по земле и воде, доказательством чему служит следующее условие, встречаемое в грамотах того времени: *«А кто имет жити моих бояр и слуг в твоей отчине и тебе их блюсти, как и своих, и дань взяти. как и на своих»*. В-пятых, подлежа платежу дани и суду по земле и воде, дворяне и вольные слуги в отношении к своим домашним делам были независимы и свободны, и князья не вмешивались в их домашние распоряжения; в договорных грамотах князей говорится: *«А бояром и слугам межю нас вольному воля, а дома своя ведают сами, а нам ся в них не вступати»*. Таким образом, относительно прав и обязанностей вольные слуги были совершенно равны с боярами, – вся разница между ними состояла только в богатстве и знатности. Но тем не менее вольные слуги и бояре составляли два класса служилых людей, которые никогда не смешивались, но всегда были разделены, подобно тому, как в предыдущем периоде младшая и старшая дружина. Но вместе с тем тот и другой класс составляли одно служилое сословие, свободно поступавшее на службу к князю и также свободно оставлявшее эту службу.

Дворяне или княжеские слуги участвовали во всех родах княжеской службы: военной, придворной, гражданской. В договорной грамоте Дмитрия Донского с князем Владимиром Андреевичем, писанной в 1362 г., сказано: *«А коли ти будет сести на конь со мною, и кто будет твоих бояр и слуг, где кто*

ни живет, тем быти под твоим стягом». Но впрочем, военная служба дворян не могла равняться службе бояр. Дворяне не были главными предводителями и начальниками полков, и если когда и начальствовали, то очень незначительными отрядами: десятком или сотней. В числе обязанностей военной службы на дворянах лежала обязанность, которой не знали бояре: это охранение русских границ со стороны татар. По пограничной линии русских владений тогда стояли городки, в которых дворяне содержали караулы или сторожи (поэтому и поместья дворян находились преимущественно в местностях, пограничных с татарскими владениями), делали станичные разъезды для наблюдения за татарами, а в случае нападения татар давали знать воеводам, стоявшим с главными полками обыкновенно около Коломны или Каширы. В службе гражданской дворяне могли занимать должности: рассыльщиков, недельщиков, сторожей при судах, сборщиков пошлин при перевозах и на торгах, и вообще исправляли незначительные должности, за которые они пользовались определенными кормами. В придворной службе дворяне исполняли также различные мелкие должности смотрителей за разными припасами княжескими и лошадьми, а также принимали участие в княжеской охоте в качестве псарей, кречетников, сокольников и т.п. Таким образом, дворяне во всех родах службы могли занимать только незначительные должности; но им не был прегражден путь к высшим должностям; они могли переходить в высший класс служилых людей и занимать высшие государственные должности. Переход в высший класс приобретался военной службой, а служба такого рода обыкновенно зависела от состояния служащего; кто имел более средств, тот скорее мог достигнуть и повышения по службе, потому что по правилам тогдашней администрации время от времени составлялись разборные списки служилых людей. В этих списках отмечалось – за кем какое имение и как кто конен, люден и оружен мог явиться на службу. Поэтому если оказывалось, что кто-либо из дворян имел большее число слуг, нежели боярин, то последний исключался из списка бояр и его место занимал

первый. Вообще княжеские служилые люди не имели характера замкнутой корпорации: из дружинников они могли делаться земцами и наоборот; равным образом, из низшего служилого сословия можно было дослужиться боярского звания. Кроме исчисленных родов службы дворян, был еще род службы, принадлежавший им, – это служба так называемая приборная. Отличительным характером приборной службы было то, что за нее давалась земля не на вотчинном или поместном праве владения, а на общинном. Город, который приглашал известное число слуг – пушкарей, пищальников, казаков и др. – отделял определенное пространство своих земель, которые и отдавал приборным. Таким образом, приборные слуги составляли общину, владевшую своими землями сообща. По прибору служили казаки, которые составляли собственно гарнизон в пограничных степных городках и в то же время вместе с дворянами отправляли станичную службу; пушкари и пищальники, т.е. слуги, состоявшие при крепостных пушках и пищалах; воротники, т.е. слуги, державшие караул в крепостях; далее плотники, кузнецы и др., исправлявшие различные должности в крепостях. Все эти лица служили по прибору и получали за свою службу землю, которой они владели на общинных правах.

Земщина. В первое время татарского владычества земщина оставалась при прежних отношениях к князю и дружине, по-прежнему принимала участие в государственных делах и в сношениях князей друг с другом и с Ордой. Так, в 1296 г. на съезде во Владимире перед судом ханского посла Неврюя, рядом с князьями Московским и Тверским против князей: Владимирского, Ростовского и Ярославского, стояли выборные от земщин – переяславской и суздальской. Даже есть известия, что та или другая из земщин отправляли в Орду своих послов. Есть еще известие, что в 1262 г. земщины всех городов русских по решению общего веча поднялись на баскаков, татарских сборщиков податей. Хотя князья и участвовали в этом восстании против татар, но они были увлечены примером земщины и начало восстания принадлежало вовсе не им. Но такой порядок дел существовал только до половины XIV сто-

летия. После этого, особенно когда московские князья сделались первенствующими, участие земщины в государственных делах значительно уменьшилось. Этому ослаблению значения земщины особенно много способствовало сосредоточение в руках князей, при помощи татар, огромных поземельных владений, когда, таким образом, князья совместили в себе государственную власть с властью влиятельных земцев. Кроме того, ослаблению участия земщины в государственных делах способствовало и то, что дела эти стали более сложны и запутанны, так что князьям было гораздо удобнее делать их одним или же при помощи своих слуг. К концу татарского владычества земщина уже настолько лишилась своего значения, что за ней оставалось только право раскладки податей между своими членами; в самом же назначении податей и в определении их общего количества князья уже не спрашивали мнения земщины. В этом отношении князья последовали примеру татарских ханов: как ханы наложили на земщину разные подати, не спрашивая на это согласия самой земщины и предоставив ей только право разверстания податей между ее членами, так, вслед за ханами, и князья наложили на земщину свои подати, лишив ее права назначать общее количество податей и предоставив ей только право раскладки их. Но та же самая татарская дань, так много способствовавшая усилению княжеской власти, с одной стороны, сильно способствовала сохранению многих прав земщины; именно: она поставила князей в такие отношения к земщине, что они должны были ввиду собственных интересов защищать права земщины. Так, во-первых, татары, как мы знаем, брали дань с тех, которые были внесены в их податные переписи, с так называемых численных людей, или числяков. Ясное дело, что в прямой выгоде князей было заботиться о том, чтобы число численных людей не уменьшалось, чтобы через это подати не были слишком обременительны. Поэтому в договорных грамотах князей мы находим такое условие, по которому князья обязывались сообща блюсти численных людей, препятствовать обращению их в рабы, не лишать их земель и т.п. Во-вторых, татарская дань падала на земли и на

различные промыслы; поэтому, чтобы дань не была слишком отяготительной, князья должны были заботиться о том, чтобы тяглые земли, т.е. такие, на которых лежали известные подати и повинности, не обращались в нетяглые. Во всех договорных грамотах того времени мы читаем следующее условие: *«А численных людей блюсти с одинаго, а землю их не покупати»*. Поэтому если нетяглый человек покупал тяглую землю, то должен был или внести в общинную казну такой капитал, который бы оплачивал процентами все подати с купленной им земли, или же должен был вместе с тяглым тянуть судом и данью, т.е. приписаться к тяглым людям, а если он не делал ни того, ни другого, то у него отнималась купленная им земля. Таким образом, князья, стараясь охранять неприкосновенность земских общин, тем самым способствовали сохранению прав земщины во многих отношениях в прежних границах.

Значение земщины. В первые сто лет татарского владычества и несколько позднее земщина имела еще прежнее значение. Она в это время была настолько самостоятельна, что имела свои войска, которыми начальствовали воеводы, выбранные самим же земцами. Это засвидетельствовано договорными грамотами князей; так, в договорной грамоте Дмитрия Донского с кн. Владимиром Андреевичем, писанной в 1388 г., сказано: *«А московская рать, кто ходил с воеводами, тем нонеча с воеводами, а нам их не примати»*. Но при великом князе Василии Дмитриевиче земские воеводы были отменены и московская земская рать стала ходить уже с воеводами великого князя. Так, в договорной грамоте Василия Дмитриевича с Владимиром Андреевичем и во всех последующих договорных грамотах московских князей сказано: *«А московская рать ходит с моим воеводой»*. Еще ранее Василия Дмитриевича Дмитрием Иоанновичем было положено прочное основание будущим преобразованиям земщины; он в 1374 г. уничтожил должность московского тысяцкого (когда умер тысяцкий Василий Васильевич Вельяминов, то Дмитрий Иоаннович не назначил нового тысяцкого) и таким образом лишил земщину главного представителя и руководителя. После уничтожения

должности тысяцкого Василию Дмитриевичу было уже легко отменить и земских воевод и передать земские полки в ведение княжеских воевод. Все это имело своим следствием то, что лучшие и знатнейшие из бояр, не находя более в земской службе должностей, имеющих важное значение, волей-неволей должны были переходить в великокняжескую дружину, дабы вовсе не лишиться веса и уважения в народе и у князя. Ближайшие преемники Василия Дмитриевича, вероятно руководимые советами своих дружинников, продолжали идти по следам своего предшественника. Они так успели привязать к себе московскую земщину, что без всякого опасения могли дать ей значение, почти одинаковое с дружиной, и до того возвысить ее перед другими земщинами, что служить по *«московскому списку»* для дружинников удельных князей и для земцев иных городов считалось привилегией и высшим почетом.

Таким образом, не уничтожая московской земщины и не касаясь многих исконных прав ее, московские князья сделали ее вернейшим орудием для усиления своей власти и для покорения земщин других русских городов. Внимание московских князей к земщине имело своим следствием то, что все земщины русских городов искали случая поддаться Москве. Так, земцы нижегородские выдали даже своего князя послам московским. Тверская земщина поддалась также Москве после ухода своего князя в Литву; так было и в других городах, за исключением Великого Новгорода. Необходимым следствием такого порядка было то, что земщина и дружина незаметно очутились при одинаковых правах, так что ко времени Василия Васильевича Темного вопрос о том, принадлежал ли кто к дружине или к земщине, потерял уже свое значение и его место занял другой вопрос: кто состоит на государевой службе и кто не состоит? Вследствие этого все жители Московского государства разделились на два главных разряда: на *«служилых»* и *«неслужилых людей»*, и это разделение стало главным основанием прав между разными классами русского общества. В других княжествах постепенное изменение значения земщины шло несколько иначе, но я не считаю нужным говорить об этих земщинах, так как

они не остались самостоятельными, а подчинились Москве и приняли характер московской земщины; притом же и известий об этих земщинах мы имеем очень мало.

Устройство земщины. Внутреннее устройство земщины во время татарского владычества оставалось таким же, каким было до него. Хотя татары во время первой своей переписи русского народа и земель, в 1257 г., поставили везде десятников, сотников, тысячников и темников и все устроили по своему монгольскому или кочевому порядку, но эти порядки не могли привиться в русском народе, жизнь которого сложилась при общинном порядке. Через какие-нибудь пять-шесть лет после этого, именно в 1262 г., произошел общий бунт всех русских земщин, которые решились перерезать всех татарских чиновников и уничтожить введенные им учреждения. Таким образом, татарские учреждения относительно внутреннего устройства русской земщины, по всей вероятности, применялись только при сборе дани в ханскую казну и то только до тех пор, пока эту дань собирали ханские чиновники, присылаемые в Россию; но как скоро ханы поручили сбор дани русским князьям, то все татарские порядки на Руси были уничтожены, так что с первых годов XIV столетия ни в летописях, ни в официальных памятниках мы уже не встречаем известий ни о тысячниках, ни о темниках на Руси. Во всех договорных грамотах, дошедших до нас, мы находим свидетельства не о татарском разделении народа – на десятки, сотни, тысячи и тьмы, – но чисто русское распределение на одни сотни. Русская сотня представляла не численную единицу народонаселения, какой была сотня у татар, а была делением народонаселения по занятиям. Так, в первой договорной грамоте Дмитрия Донского с Владимиром Андреевичем, писанной в 1362 г., сказано: *«А которые люди потягли к дворскому, а черные люди к сотникам, тех ны в службу не приимати»*; или в другой договорной грамоте тех же князей, писанной в 1388 г., говорится: *«А которые люди к дворскому, а черные люди к становщику, тех ны в службу не приимати»*.

При татарах земцы по-прежнему делились на горожан и сельчан. Но между горожанами, именно между торговцами, по

летописям и разным официальным памятникам мы встречаем в Москве еще новое деление: на *гостей, суконников, сурожан и купцов*. Так, в договорной грамоте 1388 г. сказано: «А *гости, и суконников, и городских людей блюсти ны с одинаго*», а в договорной грамоте Юрия Дмитриевича Галицкого с великим князем Василием Васильевичем, писанной в 1433 году, сказано: «А *что есмь занял у гостей и у суконников шесть сот рублей,...и на кабалах, есмь то серебро подписал*»; или в летописи под 1379 г. сказано: «*Поют же тогда князь великий с собою десять мужей: сурожан, гостей*». Сказать что-либо положительное об этом делении городских торговых людей за настоящий период нельзя, так как это вполне выработалось уже в следующем периоде. Впрочем, на основании памятников следующего периода можно, по крайней мере, определить сами названия торговых людей. Так, гостем назывался тот, кто производил торговлю в разных городах, суконниками назывались те, которые торговали сукном и вообще все те, которые вели торг с западом, откуда тогда получалось сукно; точно так же сурожанами назывались продавцы шелковых парчовых материй и других дорогих товаров, получаемых с юга, преимущественно из Константинополя через Сурож (вероятно, генуэзская колония), находившийся в Крыму. Но какое значение имел каждый из этих классов – об этом мы ничего не можем сказать за настоящий период.

ГОРОДСКОЕ И СЕЛЬСКОЕ УСТРОЙСТВО

*Уездные земли. Административное деление земель.
Финансовое деление земель*

Во время татарского владычества на Руси города утратили свое прежнее деление на «старшие города» и «пригороды». Во всех владениях Руси города в это время сравнялись, исключая Новгород и Псков, где старый порядок общественного

устройства держался гораздо дольше, так как влияние татар в этих владениях было не так сильно, как в остальных. В прочих же владениях Руси значение многих городов утратилось само собой без всякого насилия. Причиной этого было то, что многие из тогдашних князей стали жить не в старших городах, как прежде, а в пригородах. Притом же в это время сформировалось несколько новых княжеств около младших и почти неизвестных до того времени городов; таковы княжества: Московское, Нижегородское, Тверское и другие. Напротив того, некоторые из старейших городов, такие как Ростов, Белоозеро, Суздаль и другие, снизились на степень незначительных городов и лишились своих самостоятельных князей. При таком изменении значения прежних русских городов, естественно, не могло быть места для старого деления их на старшие города и пригороды. Конечно, появлению такого порядка дел много способствовали и татары; но припомним, что еще в предшествующем периоде уже началась борьба между старшими городами и пригородами, например между Ростовом и Владимиром-Залесским.

По официальным памятникам устройство русских городов во время татарского владычества было следующее: городские земли делились тогда на *черные* и *белые*. Черными землями назывались те, которые составляли собственность всей общины и которые община делила между своими членами по участкам. К белым же землям принадлежали те, которые составляли собственность частного лица, или такие, которые давались служилым людям на время их службы. Так как последние земли уже не шли под общую раскладку податей и повинностей, то это влекло за собой другое деление городских земель – на тяглые или нетяглые или *беломестные*. К тяглым землям принадлежали черные земли. Владельцы их несли все городские повинности; эти земли нельзя было ни продать, ни заложить. Они хотя и переходили по наследству от одного члена общины к другому, но не составляли полной собственности. Владелец черных земель мог продать их, но не иначе, как только такому же гражданину, как и он сам, т.е. тяглому

человеку, так как община при этом ничего не теряла, но он не мог продавать их беломестцу, т.е. нетяглому. В то время существовало даже такое установление, что если нетяглый человек покупал тяглую землю, то должен был или выкупить ее, т.е. внести за нее общине такой капитал, который бы оплачивал все подати с нее, или же должен был сам приписаться к тяглицам или черным людям; если же купивший черную землю не делал ни того, ни другого, то она отбиралась у него. Беломестные земли освобождались от платежа городских податей и повинностей, потому что на них лежали свои особенные подати и повинности. Городские земли в административном отношении разделялись на дворы. Двор был единственной законом утвержденной единицей городских земель при соразмерении в раскладке податей и повинностей. Посему двор, общая единица меры, естественно должен был иметь одно определенное пространство земли для всего города, и увеличить или уменьшить свой двор при помощи частной сделки было невозможно: всякое увеличение или уменьшение двора могло быть сделано не иначе, как с разрешения городской общины и непременно влекло за собой увеличение или уменьшение податей и повинностей. А от этого в древних административных книгах городские жители делились на владельцев двух, или трех и более дворов, на владельцев одного двора, или полдвора, или трети, четверти и даже 24-й доли двора. Кроме дворовых земель, отдававшихся в общинное владение, во владении городских общин были еще так называемые оброчные земли. Сюда относились разные уголья, торговые и промышленные места, мельницы, звериные, рыбные и др. ловли и т.п. Все эти земли и уголья как непосредственная собственность городской общины, не могли состоять в частном владении и отдавались всей общиной частным лицам в оброчное содержание по условиям, ею предложенным. Оброчные статьи, собственно городские, носили название лавок, амбаров, палаток, шалашей, прилавков, полок и проч.

Уездные земли по населению своему разделялись на слободы, села, деревни и починки; а по владению были черные,

вотчинные, дворцовые, монастырские и поместные. Деление было бытовое, а не административное.

К каждой слободе, селу или деревне были приписаны пахотные земли, луга, леса, рыбные и звериные ловли и другие угодья. Слободы были те же села, но между ними было то различие, что слободы освобождались от общей раскладки податей и повинностей (слово «слобода» равнозначное со словом «свобода»). Они заселялись не земледельцами, а разными промышленниками: рыболовами, бортниками, бобровниками, ямщиками, псарями и др., которые были освобождены от поземельных податей и платили свои особенные подати. (В Новгородской земле подобные поселения назывались ярд-ки.) К слободам приписывалось по несколько деревень и починков, вероятно, заселенных людьми одного с ними ведомства, т.е. одного промысла. Управлялись слободы особенными чиновниками, назначаемыми князем, слободниками, рядом с которыми были выборные слободские старосты. Но судом и данью слободы тянули к тому городу, в уезде которого они находились. По владению слободы разделялись на дворцовые, вотчинные, владычные, монастырские, поместные и черные. Некоторые из слобод были очень значительны и имели характер городов¹. Жители слобод, хотя и тянули судом и данью к своим городам наравне с волостными людьми, но так как они не были земледельцами, то разрубам и разметам своими не вкладывались в одну кость с сельчанами, но считались во всех раскладках податей только сами с собой. Села заселялись преимущественно земледельцами, и к каждому из них всегда приписывалось по несколько деревень и починков, т.е. поселений только зачинающихся. Деревни и починки по количеству населения обыкновенно бывали очень незначительны и не могли составить отдельной общины; поэтому они во всех разрубам и разметам складывались в одну кость с селами и со-

¹ В летописи под 1284 г. говорится о слободах, построенных в Курском княжестве баскаком Ахматом: «Сей же Ахмат сотвори себе две великия слободы и созва себе людей много, и умножишася людие в слободах тех, и быша тамо теори и мастера всякие, и быша те две великия слободы, яко грады великие» (Ник. III, 78).

ставляли с ними одно целое; в селах же они имели и свою управу в лице старост, сотских и десятских. Отношения жителей сел, деревень и починков вотчинных, поместных, владычных и др. к своим владельцам были те же, какие существовали и до татарского владычества. Точно так же и в селах и деревнях черных отношения жителей к земле были те же, какие и прежде, т.е. жители селились на общинных землях добровольно, с обязательством нести известные повинности, и оставляли свои земли, когда хотели. Распределение земель между общинниками по приговору всей общины производилось следующим образом: обыкновенно перед переписью или после нее делались мирские сходки, на которых и распределялась земля, не в равномерном количестве для каждого из общинников, а сообразно с его средствами и состоянием. Во время татарского владычества появилось новое деление земель, неизвестное прежде, — это деление на обжи и выти, по которому и делалась раскладка податей и повинностей. Те члены общины, которые могли обработать более одной выти, получали две выти и более; а те, которые не могли обработать и одной выти, получали известную долю ее. (Общинники, владевшие не целой вытью, а только ее долей, впоследствии стали называться бобылями.) Деление земель на выти было чисто административное, введенное для более точного распределения их между всеми членами общин и взимания с них податей и повинностей. На выти делились только пахотные и сенокосные земли; леса же, озера, реки с береговыми землями и другие угодья не подлежали разделу между общинниками, и ими владела община сообща. Этот порядок засвидетельствован в тогдашних писцовых и др. административных книгах.

Административное деление земель. В административном отношении земли делились на уезды, волости, станы, пятинны, присуды, губы и погосты. Уездом называлась целая страна, приписанная судом и данью к одному городу. В уезде, кроме главного города, были пригороды, которые также имели городское устройство, и слободы. Как те, так и другие были приписаны по управлению к своему уездному городу; так,

по рязанским платежным книгам 7105 года в рязанском уезде значатся: Переяславль Рязанский, Пронск, Ряжск и Николо-Зарайский монастырь. Слово *уезд*, в значении области или страны, имеющей свое особенное устройство, встречается в самых первых памятниках московской администрации. Так, в первой духовной грамоте Иоанна Даниловича Калиты сказано: *«А тамгою и иными волостьми городскими поделаются сынове мои; такоже и мыты, которыи в котором уезде»*... В этой же грамоте есть намеки на то, что в московском государстве, при первых князьях из дома Невского, уезд имел равное значение с уделом; поэтому выражение: *«который в котором уезде»* значит: *которые в котором уделе*. А такое значение уезда ведет к заключению, что он в московском государстве и, вероятно, в других русских княжествах первоначально представлял отдельное, более или менее самостоятельное целое, имел своего князя, свои права и уставы. (Мы находим эти уставы и по присоединении различных уделов к Москве в уставных грамотах, которые давались московскими князьями разным уездам и волостям.) Таким образом, уезд был скорее бытовой единицей; администрация только воспользовалась его готовым устройством и не изменила в нем ничего. Средоточием и представителем уезда был всегда главный город, название которого носил и весь уезд. В главном уездном городе сосредоточивались все власти, управлявшие уездом. Сюда присылались на решение и утверждение уголовные дела; равным образом здесь же был суд и по всем другим делам. В уездном же городе велись записные книги всем землям и угодьям, находившимся в уезде, а также и списки всех уездных жителей с обозначением, кто находится на службе и кто не находится, на какой земле живет: на вотчинной, поместной или черной, у кого какое семейство и сколько за кем какой земли. По этим спискам и книгам делалась общая раскладка податей и повинностей и по ним же соблажались все наряды на службу. В городе собирались большей частью все податные сборы, и отсюда их уже отправляли в государеву казну. В городе же съезжались все служилые люди перед отправлением в поход; здесь воеводы делали им смотр

и записывали их в свои смотряные книги с обозначением, кто как люден, конен и оружен отправляется на службу.

Уездные или негородские земли делились на волости и станы. Эти единицы до некоторой степени были также бытовыми. Деревни первоначально были очень малы; поэтому им нужно было примкнуть к какому-нибудь центру, – таким центром и были в Новгородской земле погосты, а в других местностях – волости и станы. Этим-то делением и воспользовалась администрация. Когда и кем устроены волости и станы в разных княжествах – мы не знаем. Волости представляют более древнее деление уездов, станы же появились только со времени Иоанна Васильевича III. В Московском государстве станы заменили с этих пор волости¹. При этом, кажется, переменялись только названия, а само устройство волостей оставлено то же, даже и прозвища их сохранились те же; так вместо прежних волостей: Сурожской, Инабожской, Корзневской и др., мы встречаем станы: Сурожский, Инабожский, Корзневский и др. Впрочем, и само название волости не вполне заменилось новым; так, в Московском, Ростовском и Белозерском княжествах оба эти названия употребляются одновременно и притом – как это видно из грамот того времени – так, что иногда стан составлял часть волости и, следовательно, волость делилась на станы, а иногда, напротив, волость составляла часть стана². Волость, или впоследствии стан, составляла отдельную часть уезда и состояла из нескольких слобод, сел, деревень, приселков и починков, которые управлялись одним волостелем или становщиком. Раскладку податей и повинностей жители волости назначали сами, точно так же и первоначальный суд

¹ Название волости встречается в грамотах первых московских князей; так в духовной грамоте Иоанна Даниловича Калиты мы читаем следующее: «*Се дал есмь сыну моему большему Семену: Можаяск со всеми волостями, Коломну со всеми волостями...*».

² Так, в одной белозерской официальной грамоте читаем: «*Бил нам челом Белозерскаго уезда, Заозерскаго стана, Инабожской волости крестьянин Митька Дмитров*»; напротив того, в каширской переписной книге мы встречаем обратное деление, в этой книге говорится: «*В Соломенской волости станы: Архангельский, Никольский и Ильинский*».

по всем делам лиц, принадлежавших к волости, производился волостелем. Каждая волость была так отделена от другой, что в случае суда между двумя лицами разных волостей волостели должны были судить с общего согласия друг с другом и делиться пошлинами от суда пополам. Даже в случае выхода девицы в замужество в другую волость назначалась особая пошлина, известная под названием «выводной куницы». При неотыскании убийцы дикая вира или головщина платилась всей волостью, на земле которой был найден убитый.

Пятины, присуды, губы и погосты. Это деление земель было собственно новгородским; в других русских владениях мы не находим подобного деления, и хотя некоторые из этих названий встречаются в других владениях северо-восточной Руси (например, погост), но они здесь имеют совершенно другое значение, чем в Новгороде – скорее историческое, как остаток древности, чем административное. Пятиной называлась пятая часть новгородских владений; в каждой пятине было по несколько уездов, называемых в Новгороде присудами, в каждом присуде по несколько погостов и волостей. Новгородские пятины имели следующие названия: Деревская, лежавшая на границах Новгорода с Тверью; Обонежская – вокруг Онежского озера; Шелонская – по берегам Шелони и Ловати; Вотская – по берегам Луги, и Бежецкая – пограничная с Московскими и отчасти с Тверскими владениями. Каждая пятин делилась на две половины; число погостов в пятинах было неодинаково. Нельзя утвердительно сказать, когда появилось в Новгороде деление земель на пятины. В новгородских административных актах пятины появляются не раньше XV века. Есть намеки на то, что и гораздо ранее этого в Новгороде была такая группировка земель; так, в уставной грамоте новгородского князя Святослава Ольговича говорится об Обонежском ряде, в котором полагается значительное число городов и погостов. Хотя число, а отчасти и названия этих городов и погостов не те, какие носят принадлежавшие к Обонежской пятине, но не должно забывать, что грамота Святослава Ольговича была написана еще в первой половине XII века. Губы и погосты в

новгородских и псковских владениях имели то же значение, какое в древних русских владениях волости и станы. Погосты преимущественно встречаются в актах новгородских, а губы – в псковских. Впрочем, не во всех псковских владениях были губы, а только в тех, которые были пограничны с новгородскими; в других же владениях Пскова были также погосты. Кем и когда было введено деление земель на погосты и губы – неизвестно; известно только, что погост был очень древним учреждением в Новгороде. Так, в грамоте Святослава Ольговича, данной в 1137 г. на десятину в пользу новгородской епископии, десятина разделена уже на погосты; погосты упоминаются уже на Онеге, в Заволочье и по берегам Белого моря. В Новгороде еще встречается деление на волости, но это деление было не административное, а экономическое. В Новгороде волости значили то же, что в древности на Руси вотчины; они составляли крупные владения частных собственников; так, были волости княжеские, монастырские, частных владельцев. В новгородских административных актах встречаются еще ряды или рядки; так назывались поселения, имевшие городской характер, но не имевшие значения городов и приписанные судом и данью к городам, на земле которых они стояли. Это были только зарождающиеся города; они были, большей частью, на судходных реках и вообще на бойких местах, а потому в них была развита торговля и промышленность. Жители рядка признавались горожанами и носили название рядовичей, посадских людей. К рядкам принадлежала иногда и пахотная земля и разные угодья, которые сдавались ими на оброк. Земля, находившаяся собственно под рядком, делилась на дворы, как в городах, а не на четверти, как в селах, и раскладка податей и повинностей рядовичей делалась также по дворам.

Финансовое деление земель. Все земли в северо-восточной Руси, городские и не городские, приведенные в известность, т.е. описанные и измеренные при описании их для сбора податей и раскладки повинностей в XIII, XIV и XV вв., делились: 1) на чети и сохи, 2) на выти и обжи и 3) на кости. Сохой на древнем административном языке называлась самая

большая единица земли, признаваемая главной мерой при раскладке податей и повинностей. Время учреждения сох неизвестно. В московских административных актах в первый раз упоминается в жалованной грамоте Дмитрия Донского Сергиеву монастырю, но в этом известии не указывается время учреждения сох. Как чисто финансовая мера соха означала только общую платежную единицу для сбора податей и раскладки повинностей по всему государству, а посе́му она не могла быть постоянной и одинаковой геометрической мерой земли, но часто изменялась по соображениям правительства, сообразно с временем, государственными нуждами и т.п., сообразно с местностью, т.е. с отношением земли к народным промыслам, с качеством земли и, наконец, сообразно с отношениями поземельного владения к государству. Во-первых, соха изменялась, смотря по времени или сообразуясь с нуждами государства. Грамота, данная новгородцами в 1437 году великому князю Василию Васильевичу на черный бор по новгородским волостям, ясно намекает на это. В грамоте сказано: *«А в соху два коня, а третья припряж, да тиан кожевнической за соху; невод за соху, лавка за соху, плуг за две сохи, кузнец за соху, четыре пеищи за соху, ладья за две сохи, црен (цреном называется особенного устройства котел, употребляемый для выварки соли) за две сохи, а кто сидит на исполовыи, на том взяти за полсохи»*. Далее, в конце XV века, по завоевании Новгорода великим князем Иваном Васильевичем, мы видим неоднократную перемену в измерении новгородских сох; так, в одной новгородской переписной книге в соху положено 3 обжи, а на обжу четыре коробьи или восемь четей, следовательно, в соху 24 чети, – а в другой новгородской писцовой книге в соху кладено 126 четей, или четвертей; потом встречаем по 30 четей в новгородскую соху; такое же непостоянство в измерении сох мы встречаем и в других русских владениях. Во-вторых, соха имела неодинаковую меру, смотря по местности или по отношению земли к народным промыслам. В местностях земледельческих, где доходы жителей получались преимущественно с земли и где земледелие составляло главное

занятие жителей, правительство расширяло пространство сох; в странах же ремесленных или торговых, где промыслы были в меньшей зависимости от пространства земли, напротив, сокращало пространство сох и даже иногда не делало никакого различия между сохами доброй, средней и худой земли. Так, в городах, посадах и рядках, как местностях преимущественно торговых и ремесленных, четвертная пашня вовсе не принималась в расчет при расписании сох, все финансовые расчеты правительства производились в них по дворам и промыслам и сами сохи измерялись дворами. В-третьих, соха соразмерялась с качеством земли. В этом отношении земли делились на добрые, средние и худые; нормой для определения достоинства земли служил доход, даваемый ею, причем неравенство доходов должно было произвести неравенство платежных единиц относительно их объема. Правительство, желая соблюсти, насколько возможно, единство в сборе податей и в то же время уравнивать всех плательщиков, должно было прибегнуть к системе так называемого тогда *«одобрения земель»*, т.е. земли неравные по своей доброте уравнивать посредством наддачи на сохи. Эта наддача производилась в средних землях на четвертую долю против добрых земель, а в худых на целую половину; а посеми, если в соху доброй земли полагалось 800 четвертей, то в соху средней полагалось 1000, а в соху худой – 1200 четвертей. Впрочем, это правило не везде соблюдалось в одинаковой мере; так, в иных местностях для одобрения средней земли против доброй назначалась шестая доля сохи последней, а для худой – третья; иногда же на одобрение средней земли назначалась третья доля, а для худой – половина. В-четвертых, соха соразмерялась с отношениями поземельного владения к государству. Мы знаем, что земли по владению разделялись на черные, вотчинные, поместные, монастырские и дворцовые, а посеми и сохи имели такое же деление: они были черные, вотчинные, поместные и проч., и каждый из этих разрядов сох имел свое измерение. Причина этого заключалась в том, что разные права владения влекли за собой и различие в платеже податей и отпращивании повинностей. Правительство, не желая

разнообразить сборную податную единицу, т.е. требуя, чтобы со всех земель собиралось номинально одно количество податей, по необходимости должно было ввести различную меру платежных единиц, т.е. для каждого разряда поземельных владений назначить особый объем сохи. Первое место по тяжести податей и служб занимали черные земли, как непосредственная собственность общины и государства. Черные сохи были мельче всех других сох; их максимум 600, а минимум 400 четей для доброй земли. Второе место по мелкости сох и тяжести податей с них занимали монастырские земли, не превышавшие в своей мере 700 четей в соху доброй земли и доходившие иногда до 200 четей. Эта близость монастырских сох к черным была, кажется, одной из главных причин, по которым правительство в прежнее время не делало никаких ограничений к распространению монастырских имений и к переводу в монастырское владение вотчинных владений. Значительной льготой перед монастырскими и черными землями пользовались земли вотчинные и поместные; их сохи были на целую треть крупнее высшей меры черных и монастырских сох; а именно – в них полагалось по 800 четвертей доброй земли на соху, а средней по 1000 четвертей, а соха худой земли доходила до 1200 четвертей. Причиной столь значительной привилегии, очевидно, была служба помещиков и вотчинников, которую они должны были нести со своих земель по числу четвертей, и чтобы эта служба не была для них слишком обременительной, правительство увеличивало сохи вотчинных и поместных земель. Самый льготный класс земель составляли земли подклетные, или дворцовые. По свидетельству писцовых книг, в дворцовых владениях в соху доброй земли полагалось 1300 четвертей; следовательно, с дворцовых земель оплачивалось податей слишком вдвое меньше сравнительно с черными и монастырскими. Такой льготой дворцовые земли пользовались, конечно, потому, что на них лежали еще различные дворцовые повинности, которые и без того составляли значительную тяжесть. Последний разряд земель составляли земли, так называемые тарханские, или грамотничьи. Об этих землях мы не

можем сказать ничего определенного, так как в них не было общей и постоянной меры сох и повинностей, а все это всегда зависело от государственной грамоты, на которой основывалось право владения землей. Здесь сохи увеличивались и уменьшались по воле государя для того, чтобы платеж с них был более или менее легок для владельца, имеющего грамоту.

Сохи земель городских, посадских и рядских изменялись не четьми, а дворами. Здесь так же, как и в сельских землях, не было одинаковой и постоянной меры; так, в иных памятниках мы находим, что в соху городской земли клалось 62 двора, в иных 392, в иных по 40 дворов лучших людей на 80 дворов средних людей и по 160 дворов молодых людей. Разнообразие в разделении городских сох или вообще торговых и промышленных людей основывалось на различии их капиталов. На этом основании городские сохи делились: 1) на сохи лучших торговых людей; 2) на сохи средних людей (в сохе средних людей было вдвое больше дворов, чем в сохе лучших людей); 3) на сохи молодых людей (в четыре раза больше дворов, чем в сохе лучших людей); 4) на сохи «бобыличьи», 24 двора которых равнялись одному двору лучших людей. При назначении сох городских и посадских принимались отношения, различные с теми, какие прилагались к уездным землям. В селах земли составляли капитал и источник капитала, а в городах капитал составляли торговля и промыслы; поэтому и соразмерять их было невозможно. В промыслах и торговле все зависит от ума и оборотливости торговцев и промышленников – самого разнообразного источника и условия капитала, поэтому и сохи по промыслам и торговле могли быть сравнительно самыми разнообразными. Сохи делились на доли, которые были утверждены правительством и постоянно оставались неизменными. Здесь основанием служило деление сохи на 2 и на 3, а поэтому было два разряда делений: половинные и третные. К первым принадлежали пол-сохи ($\frac{1}{2}$), четь сохи ($\frac{1}{4}$), полчети сохи ($\frac{1}{8}$) пол-полчети сохи ($\frac{1}{16}$) и пол-пол-полчети сохи ($\frac{1}{32}$); ко вторым: треть сохи ($\frac{1}{3}$), полтрети сохи ($\frac{1}{6}$), пол-полтрети сохи ($\frac{1}{12}$) и пол-пол-полтрети сохи ($\frac{1}{24}$). Это опреде-

ление долей правительством было необходимо, потому что частные поземельные владения не всегда составляли полные доли, а посему при раскладке податей и повинностей необходимо было знать, какая доля податной единицы падает на долю платежной единицы.

Общей условной единицей меры сох была четь или четверть. Основанием для принятия такой общей меры, вероятно, служило прямое значение сохи, которое первоначально могло быть отнесено к одним пахотным землям. Переносное значение, т.е. значение меры поземельного капитала и промыслов соха получила уже довольно поздно; но и при таком значении сох главной основой их были только пахотные земли; прочие же земли, т.е. луга, леса и др. рассматривались только как прибавочные к пахотным. Эти последние, хотя также измерялись, но уже своей, особенной мерой; так, луга измерялись копнами, а леса десятинами и верстами. Мерой пахотной земли было то количество хлеба, которое засевалось на ней; так, пространство, на котором засевалось четверть ржи, называлось четью. Понятно, что эта мера не была геометрической, а только примерной, но тем не менее она всегда была более или менее одинаковой; четь, по общепринятому правилу, равнялась половине десятины, как это видно из памятников того времени. Четверти, так же как и сохи, имели свои доли. Эти доли были следующие: осминник, т.е. половина четверти, пол-осминника ($\frac{1}{4}$), четверик ($\frac{1}{8}$), полчетверика ($\frac{1}{16}$), пол-полчетверика ($\frac{1}{32}$), пол-пол-полчетверика ($\frac{1}{64}$) и, наконец, малый четверик ($\frac{1}{128}$). Кроме того, были еще доли третные: третник ($\frac{1}{3}$ четверти), полтретника ($\frac{1}{6}$), пол-полтретника ($\frac{1}{12}$), пол-пол-пол третника ($\frac{1}{24}$) и малый третник ($\frac{1}{48}$). Третники еще разделялись на третники четвертные и третники осьминные. Геометрически же земля измерялась десятинами, которые были в 80 сажений длиннику и 40 поперечнику, или квадратные – в 60 сажений длиннику и 60 поперечнику. В новгородских грамотах встречается мера сохи, называемая коробьей; эта мера по величине своей была одинакова с десятиной; следовательно, в каждой коробье было по две четверти. При раскладке земли в чети или коро-

бы в наших старинных официальных памятниках встречается обыкновенно такое выражение: *«столько то чети в поле, а в дву(полах) потомуж»*. Это выражение указывает на трехпольную систему в старинном русском хозяйстве, как об этом ясно свидетельствует грамота великого князя Василия Иоанновича, писанная в 1512 году, в этой грамоте говорится: *«...и ты бы ехал на Ергольское, да на ямском дворе хоромы велел поделати, да земли бы еси отмерил к яму ямщиком на пашню и пожжен на сено и ямским конем на выпуск, чья земля ни буди, которая пришла круг яму, во всех трех полах по десяти десятине поле, да 60 копен сена»*. По этому свидетельству выражение: *«пять чети в поле и в дву потомуж»* надо понимать так, что во всех трех полях пятнадцать четей. Поэтому и в нашем современном законодательстве принято такое правило, что если у кого-нибудь будут очень древние документы на владение земель, то каждую четь, значащуюся в них, принимать за три чети или за полторы десятины. А поэтому и в сохах число четей должно быть принимаемо втрое; так, если в сохе сказано 1200 четей, то, значит, здесь указывается только на одно поле, и посеми тут должно подразумевать: *«а в дву потомуж»*, т.е. что в сохе во всех трех полях было 3600 четей. Что это было именно так, на это мы имеем доказательства в различных памятниках того времени. Для примера разберем показание одной раздаточной тверской книги. В этой книге на соху положено 1200 четей худой земли, а соха разделена на 75 вытей, на выть же кладено по 16 четей в полей *«в дву потомуж»*, т.е. по 48 четей на выть во всех трех полях; следовательно, на соху приходилось прямо по 1200 четей в поле, а во всех трех полях – 3600 четвертей.

Мелкой платежной единицей пахотной земли была в московских владениях *выть*, а в новгородских *обжа*. Выти, подобно сохам, не имели постоянной и одинаковой меры, но изменялись, во-первых, по отношению к времени или нуждам государства; во-вторых, по отношению к качеству земли; так, в Крестининской таблице в поместных землях на выть доброй земли положено 12 чет, на выть средней – 14, а на выть худой земли – 16 чет; в-третьих, выти изменились по отношению по-

земельного владения к государству, т.е. иное число четвертей на выть полагалось в поместных землях, иное в двorcовых, иное в черных и монастырских. Выть была платящая единица; она составляла долю, на которую раскладывалась податная единица – соха. Соха была отвлеченная, общественная податная единица, выть – определенная, хозяйственная, известного плательщика. Отношение между вытями разнокачественных земель было не такое, как между сохами; так, например, в поместных владениях на соху средней земли против доброй земли полагалось наддачи четверть сохи, а для одобрения худой земли – полсохи, т. е. если соха доброй земли полагалась в 800 четвертей, то соха средней земли в 1000, а соха худой в 1200 четвертей; в вытях же для одобрения средней земли делалась наддача $\frac{1}{6}$ доли доброй земли, а для одобрения худой – $\frac{1}{3}$ доля выти доброй земли; поэтому, если в выть доброй земли полагалось 12 четвертей, то в выть средней – 14, а в выть худой – 16 четвертей. Причина неодинаковости правил для расширения и сокращения сох и вытей заключалась в различии взглядов на те и другие. При назначении сох правительство смотрело на землю как на капитал, с которого должно получать доходы. При таком взгляде на предмет, естественно, главной целью при распределении сох было возможное уравнивание платежных единиц соответственно получаемым с них доходам. При распределении же вытей правительство имело в виду не один поземельный капитал, но плательщиков с этого капитала. Выть составляла полное хозяйство и, следовательно, капитал владельца; таким образом, здесь нужно было уравнивать еще самих владельцев. Ежели бы плательщики имели одинаковые средства и каждый из них жил на целой выти, то, конечно, лучше всего было бы держаться одинакового распределения и для сох, и для вытей, но средства плательщиков были далеко не одинаковы – иной из них владел целой вытью, даже двумя и тремя вытями, другие же только половиной, третью и даже $\frac{1}{12}$ долей выти. А посему правило, прилагавшееся к распределению сох, было не всегда удобоприложимо к распределению вытей; так, если количество вытей на соху положить постоянно одинаковым для зем-

ли хорошего, среднего и худого качества, то выть земли худого качества растянулась бы так обширно, что бедному было бы не под силу обработать ее, и наоборот: в краях, где земледельцы богаты и в силах обрабатывать большие пространства земли, слишком мелкие выти сделались бы ненужным дроблением платежных единиц, а посему правительство при определении вытей должно было соразмерять величину их сколько можно ближе с силами земледельца. Отчего произошло, что иногда в землях, разных по качеству, выти были одинаковы, и наоборот: в землях, одинаковых по раскладке в сохи, выти являлись неодинаковыми. Иногда же при раскладке вытей значение сох даже вовсе упускалось из виду, — именно, делалось обыкновенно так: пахотная земля, принадлежащая известному селу или деревне, писалась особой статьей, общим числом, сколько четей приходилось на целую деревню; выти же считались отдельно, своим чередом, через сложение долей, записанных за крестьянами. Выти и обжи имели одинаковые дроби с сохами, т.е. делились на 2 и на 3. Это деление было следующее; от деления на два происходили: полвыти, четь выти, пол-чети выти и т.д. от деления на 3: треть выти, полтрети выти, пол-полтрети выти и т.д. Правила для такого деления постоянно оставались неизменными. Как сохи, так и выти с их подразделениями имели еще общее название *кости*. Кость на тогдашнем административном языке означала разряд сох и вытей, одинаковых относительно платежа податей и отправления повинностей, т.е. каждая кость имела общие разruby и разметы; так, в одной грамоте того времени сказано: *«Введено чердынцам, уездным крестьянам, выборным людям Чердынский уезд для платежу денежных доходов расписать по писцовым книгам в выти и в сошное письмо порознь, по костям, кому с кем ближе в платеже быти»*. При расписании земель на кости сначала обращалось внимание на качество сох, а с другой стороны — на состояние и промыслы плательщиков. Поэтому сохи, равные по платежу податей, зачислялись в одну кость и имели общие разruby и разметы, и наоборот — сохи, не подходящие под один уровень, писались отдельной, особой костью с теми, которые с

ними одинаковы; так, например, черные сохи не могли быть в одной кости с монастырскими, так как измерение тех и других было неодинаково; от этого и произошло обычное в древних официальных памятниках выражение: *«быть в одних сохах с такими-то»*, или: *«с такими-то в одной кости быть не мочно»*. Точно такое же различие наблюдалось и в отношении к промыслам плательщиков. В этом отношении плательщики, состоявшие даже в одной сохе, т.е. жившие на одинаковых землях, не могли верстаться между собой в податях и повинностях, если их промыслы были неодинаковы; так, например, земледелец не мог идти в размет с рыболовом, разрубы посадских людей не сходились с разрубам сельчан, и т.д. Посему люди, принадлежавшие к известной сохе и по своим промыслам не подходившие под общий уровень с другими, находившимися в той же сохе, писались особой статьей, которая и называлась костью, и получали от правительства определенную сошную выпись или выпись из общих писцовых книг уезда, в которой прописывались все дворы и земли, причисляемые к известной кости; по этой же сошной все находившиеся в кости верстались между собой в податях и повинностях. При раскладке податей и повинностей принимались в расчет не одни промыслы, но и состояние плательщиков; посему богатые члены известной сохи составляли особую кость, средние – особую, бедные также особую, из коих каждая имела свои разрубы и разметы. От этого бедные, в случае притеснения со стороны богатых, которые желали бы равняться с ними в податях и повинностях, обыкновенно говорили, что *«нам-де с ними в одной кости быть тяжело, не по животом и промыслом»*. Вследствие такого распорядка жители делились на лучших, средних и молодых; каждый из этих классов составлял особенную кость, и при раскладке податей правительство назначало для каждой кости особенную меру; эта мера обыкновенно обозначалась количеством дворов на соху и принималась плательщиками в соображение при верстанье между собой. При таком распорядке богатым приходилось платить больше, а бедным меньше. Так, по свидетельству одной платежной книги рязан-

ского уезда по раскладке по костям лучшие люди платили с каждого двора 80-ю долю податной единицы, средние – 10-ю, а молодые или бедные – 120-ю, и этими долями каждая кость уже версталась сама собой, без вмешательства правительства; в тогдашних грамотах обыкновенно писалось: «*А в государевых податях верстатися самим по животам и промыслам*». Для раскладки податей и повинностей на плательщиков велись особые книги, которые назывались писцовыми, переписными и окладными, или обложными.

ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ ЗА ВТОРУЮ ПОЛОВИНУ ВТОРОГО ПЕРИОДА

Прибавления к Русской Правде. Номоканон. Содержание их. Двинская Уставная грамота. Содержание ее. Псковская Судная грамота. Содержание ее. Новгородская Судная грамота. Содержание ее. Московская Губная Запись 1486 г. Содержание ее. Уставная Белозерская грамота. Содержание ее

В этот период времени Русская Правда продолжала быть действующим законом, даже имела новые редакции конца XIII в. и XIV в., но эти редакции не представляют особенных изменений прежних законов и только доказывают, что Русская Правда оставалась общим законом для Русской земли. Редакция Русской Правды, относящаяся ко 2-й половине II периода, встречается в некоторых новгородских летописях, в разных списках Софийского временника и отдельно в рукописях. По содержанию и по порядку статей редакция эта одинакова с прежними, но в ней есть несколько очень важных прибавлений, из которых видно, что она могла быть составлена не ранее татарского владычества. Прибавления эти следующие: 1) В новой редакции помещена статья о том, что «*судным кунам росту нет*», т.е. что деньги, о которых идет тяжба, процентов не дают. Статья такого содержания могла

появиться в законодательстве только тогда, когда в самом обществе довольно сильно развита необходимость брать в долг, а эта необходимость была особенно сильна во время татарского владычества, когда для уплаты татарской дани русский народ должен был прибегать к займам, когда и сами князья входили в огромные долги и когда дань с русских отдавалась ханами на откуп. 2) Далее следуют прибавочные статьи, относящиеся к скотоводству и земледелию. Всего этих статей 17. В них говорится о приплоде и цене приплода от разных домашних животных и о расценке годичной земледельческой работы. В первой из этих статей говорится о приплоде от 22 овец в продолжение 12 лет. По этой статье от 22 овец в 12 лет должно быть приплода овец и баранов 180,224 головы. Весь приплод этот оценивался в 45,055 грив. и 40 резаней, полагая за овцу по 6 ногат, а за барана по 10 резаней. Со всех приплодных овец и баранов положено 360,446 рун, а руны эти оценены в 7,208 гривен и 46 резаней, причем руно ценилось в резань. В следующих статьях говорится о приплоде и цене приплода от коз, свиней, кобыл и коров. Статьи эти, прямо относящиеся к расчетам о скотоводстве, могли быть заимствованы от народа кочевого, преимущественно занимающегося скотоводством, – а таким народом были монголы, которым, конечно, для более точного сбора дани нужно было высчитать число голов скота в России. Очевидно, этот памятник должен быть отнесен к первым 100 годам татарского владычества. 3) Далее следует статья о приплоде и цене приплода от пчел. В этой статье от 2 роев пчел в продолжение 12 лет положено приплода со старыми пчелами 256 роев, полагая по одному рою в год. На деньги это оценено в 128 гривен, полагая по полгривне за рой. 4) За статьей о пчелах следуют 7 статей о росте или прибытке от разного хлеба и сена. Статьи эти имеют интерес исторический, как памятники состояния земледелия на Руси во время татарского владычества. В 1-й статье этого отдела сказано, что на два плуга ржи сеется 16 кадей, а на одно лето прибытка на два плуга 100 копен ржи, а на 12 лет – 1200 копен. Во 2-й статье рассчитывается, что 40 копен немолоченой ржи

прибытка 20 копен на один год, а на 12 лет – 4660 копен. В 3-й статье делается расчет прибытка от немолоченой полбы; по этой статье от 15 копен полбы прибытка 7 копен на один год, а на 12 лет – 1750 копен. В 4-й статье рассчитано, что от 21 половника молоченого овса прибытка на одно лето 11 половников, а на 12 лет – 2863 половника. В 5-й статье от 6 половников молоченого ячменя прибытка рассчитано 3 половника на лето, а на 12 лет – 711 половников. В 6-й статье сделан общий расчет всего исчисленного в предыдущих статьях хлеба, молоченого и немолоченого, и высчитана цена его на тогдашние деньги. По этому расчету прибытка от немолоченого хлеба в 12 лет положено 7610 копен, полагая прибытка от 2 копен третья, а прибытка от молоченого жита, овса и ячменя в 12 лет – 3574 половника, полагая от 2 половников третий. Все это в общей сложности оценено на тогдашние деньги в 179,394 гривны и 31 резань. В 7-й статье полагается прибытка от 5 стогов сена в 12 лет 60 стогов, что оценено в 60 гривен, полагая по гривне за стог. 5) За этими статьями помещена статья о расценке годичной земледельческой работы. Статья эта стоит под заглавием: *«О сиротьем вырядке»*. Сиротами в древней Руси назывались все бедные, не имевшие своего хозяйства и занимавшиеся работами по найму, а вырядком называлась такса цены на земледельческую работу. В этой статье сказано: *«А жонка с дочерью, тем страды на 12 лет, по гривне на лето, 20 гривен и 4 гривны кунами»*. Это, конечно, была такса, ниже которой нельзя было оценивать работу. Статья эта весьма важна в историческом отношении; она указывает на развитие вольнонаемного труда, который был настолько силен, что законодательству нужно было определить его цену. Значит, работы рабов было недостаточно для тогдашнего земледелия, и в рабочее время, кроме закупов, которые по условию с владельцем должны были работать на него, землевладельцы должны были принимать работников. Статьи о доходах от земледелия свидетельствуют, что во время татарского владычества земледелие на Руси приняло определенные и правильные формы, по которым правительство могло определить приблизительную меру

доходов с земли, а это свидетельствует о значительном развитии земледельческой промышленности и о том, что правительство собирало подати сообразно с доходами и капиталом плательщиков. Подушной подати еще не было, и тогдашнюю подать составляли собственно проценты с дохода и капитала.

Кроме рассмотренных здесь прибавлений в настоящей редакции Русской Правды есть еще два прибавления. Первое из этих прибавлений составляет статья, которая озаглавлена так: *«О городских мостех осменники поплата»*. Эта статья в некоторых списках прямо названа уставом Ярослава Владимировича, но, очевидно, ее нельзя отнести ко времени Ярослава. В ней описываются такие местности в Новгороде, каких в Ярославово время еще не было там: так, в настоящей статье сказано, что платить за мостовую жителям *«...от Бискупли улицы с Прусы до Бориса и Глеба»*. Известно, что Борис и Глеб в Ярославово время еще не были канонизованы, и следовательно, во имя их тогда еще не могла быть построена церковь, и притом достоверно известно, что церковь Бориса и Глеба в Новгороде была построена уже в XII в.; ясно, стало быть, что в законодательстве Ярослава не могло появиться подобное выражение. Далее, в настоящей статье встречается такое выражение: *«...софияном до тысяцькаго, тысяцьскому до воцник, от воцник посаднику до великаго ряду, от великаго ряду князю до Немоцкаго вымола, немцем до Ивана вымола, готом до Гелардова вымола, до задняго»*. Из этого выражения видно, что здесь говорится не о Ярославовом времени, названия: «Немецкий вымол», «Геральдов вымол» и «готы» – могли появиться не раньше XII в., потому что немцы, как известно, начали торговать в Новгороде только с XII в. А названия новгородских сотен, помещенные в этой статье, прямо указывают на время тверского князя Ярослава Ярославича, княжившего в Новгороде в XIII в. Названия эти следующие: «...Олексена ста, Ратиборева ста, Кондратова ста, Романова ста, Сидорова ста, Гаврилова ста». В летописях XIII в., именно между 1268 и 1272 гг., встречаются имена всех тех бояр, от которых получили свое название новгородские сотни, упоминаемые в настоящей статье: Олекса, Ратибор,

Кондрат, Роман, Сидор и Гаврило; поэтому появление статьи надобно отнести к этому времени. Очевидно, что это указание не точное, а только приблизительное; определенно же можно сказать о настоящей статье только то, что она появилась во время татарского владычества, именно в конце XIII столетия.

2е прибавление. После устава о мостах в настоящей редакции Русской Правды есть еще следующая приписка: «*Оже утяжсут в муке, а посидит у дворянина, 8 ногат за ту муку, а у колокольницы бьют кнутом, а за ту муку 80 гривен*». Эта приписка совершенно не входит в счет статей Русской Правды; она, очевидно, не принадлежит собственно к Русской Правде, а попала в нее случайно, и притом в позднейшее время, потому что ни в одном русском законодательном памятнике до 1497 г. не упоминается о наказании кнутом. (Впрочем, в договорной грамоте Новгорода с немцами упоминается кнут, именно: в ней говорится, что немцы предложили новгородцам ввести наказание кнутом, но новгородцы отвергли такое предложение). Нет спора, что во время татарского владычества кнут был в употреблении на Руси, но он употреблялся татарами, а не был установлен русским законом. Вот и все прибавления, которые во второй половине 2-го периода были помещены в Русской Правде. Все эти прибавления относятся к гражданскому праву; по уголовному же праву за это время не сделано было никаких прибавлений к Русской Правде.

Номоканон. В одно время с Русской Правдой и дополнительными к ней узаконениями в продолжение 2-й половины II периода действовал *греческий Номоканон*, или *Кормчая*. Этот период времени, как мы знаем, был самым деятельным в истории русского законодательства, так что все узаконения этого времени развивались и изменялись очень быстро; поэтому и Номоканон в это время постоянно изменялся и пополнялся новыми узаконениями. Русские митрополиты, бывшие большей частью из греков, часто привозили с собой или выписывали из Греции различные церковные узаконения, частью на греческом языке, а частью в болгарских переводах. Кроме того, и в самой России Номоканон в течение 2-й половины II периода

сильно изменился: он пополнился правилами чисто русского происхождения, составленными на церковных соборах русских епископов или же написанных русскими митрополитами по поводу частных церковных вопросов. Таким образом, Номоканон на Руси мало-помалу получил свой особенный характер, отличный от греческого: в него вошли, кроме греческих узаконений, и церковные правила, составленные русским духовенством, и Русская Правда и другие законодательные памятники древней Руси. Этот постоянный рост кормчей, и притом рост, обуславливаемый не одной греческой жизнью, но и русской, делает ее весьма важным законодательным памятником; поэтому мы, хотя в самых общих чертах, должны рассмотреть ее содержание.

Кормчая (Кормчая по русским рукописям большей частью имеет такое заглавие: *«Книга, глаголемая Кормчая, рекше правило закону греческим языком – номос канон»* – это перевод греческого слова «номоканон», перевод, впрочем, не бессмысленный, хотя и неточный) дошла до нас во множестве списков и состав ее по этим спискам большей частью неодинаков, но тем не менее все статьи, входящие в нее, можно разделить на 6 отделов. В первом отделе русских Кормчих большей частью помещается: *«Слово о святых вселенских соборах, где, когда и почему который собор был собран»*. Это краткая история вселенских соборов без изложения их правил. Она и в печатной Кормчей, изданной при Алексее Михайловиче, поставлена первой статьей. Кроме вселенских соборов, в ней по некоторым рукописям кратко упоминается и о поместных соборах греческой церкви, с показанием, когда и почему они были созываемы. Во втором отделе полагается изложение правил апостольских и отеческих по толкованию дьякона Алексея Аристина, законохранителя и эконома константинопольской церкви, известного византийского законотолкователя XII в. Это изложение начинается приведением апостольских правил и их изъяснением; потом следуют правила соборные и их толкования. В иных рукописях правила эти излагаются более или менее вполне по сборнику известного византийского законове-

да Зонары, а в иных сокращенно по Аристину; толкования же правил помещаются преимущественно Аристиановы. В иных рукописях вместо Аристиановых толкований помещается собрание законов константинопольского патриарха и законоведа Иоанна Схоластика, разделенное на 50 титул, а в иных – Номоканон патриарха Фотия, разделенный на 14 титул. – Третий отдел составляют *«правила Василия Великого»*, относящиеся к церковным законам. Эти правила собраны из разных посланий Василия Великого; их 91 правило. В некоторых рукописях в этом отделе вместе с правилами Василия Великого помещены правила церковные и др. отцов и учителей церкви. Все эти правила размещены в рукописях неодинаково, так что их нельзя подвести под один порядок. – Четвертый отдел составляют церковно-гражданские узаконения греческих императоров. Они в наших Кормчих известны под следующими названиями: 1) *«Заповеди царя Юстиниана, или от различных титул, рекше граней, царя Юстиниана новых заповедей главы избраны различны»*. Так оглавляются в Кормчей различные статьи, извлеченные из Юстиниановых новелл патриархом Фотием в его Номоканоне. 2) *«Юстиниана царя б собора узаконение, коего подобает поставляти в епископы и клирики»*. Это собственно отрывок из Юстиниановой новеллы о постановлении епископов и клириков. 3) *«От книг божественных повелений блаженныя кончины Юстиниана различныя заповеди, правил 87»*. Этот сборник приписывается Иоанну Схоластику. В нем помещены узаконения о церковном устройстве, управлении и имуществе. 4) *«Леона царя премудраго и Константина вернаго царю главизны о совещаии обручения и о образех и о инех различных винах»*. Так здесь названа эклога императора Льва Исаврянина и Константина Копронима, изданная в 739–741 гг. Здесь, кроме узаконений о браке и о гражданских обязанностях брачующихся, помещены узаконения об опеке, об освобождении рабов, о займах, о залогах, о дарах, о завещаниях, о наследстве без завещания, о наймах, о свидетелях и о разных преступлениях. 5) *«Законы градскаго главы различны в 40 гранях»*. Под этим заглавием в Кормчей помещены в переводе ста-

тьи Прохирона Василия Македонянина. 6) *«Новая заповедь царя Алексея Комнена»*. Она составляет первую статью 43 главы печатной Кормчей. В ней говорится об уравнивании брака рабов с браками свободных, именно – чтобы браки между рабами совершались по тем же церковным правилам, как и браки свободных. Это первое узаконение христианского царя о признании брака рабов. 7) *«Царя Алексея Комнена от новых заповедей»*. Так названы две новеллы Алексея Комнена; в них помещены узаконения о браках. 8) *«Изложение бывшего церковного соединения при Константине и Романе в лето 6428»*. Под этим заглавием в наших Кормчих помещены постановления о третьем и четвертом браке, сделанные на соборе в Константинополе в 920 г. при императорах Константине и Романе. В этих постановлениях отвергается четвертый брак, а для третьего назначаются годы, старше которых брак не может быть совершен. 9) Статьи *«об усыновлении и братотворении, о браке и степенях родства, воспрепятствующих супружеству»*. Статьи эти явно византийского происхождения, но в подлиннике они еще не открыты и только отрывками попадают в материалах, напечатанных в «Jus graeco-romanum» Левенклавия. В печатной Кормчей они помещены под заглавием *«О тайне супружества, си есть законного брака и о беззаконных брацех, или взбраненных»*. К этому же отделу по некоторым Кормчим принадлежат еще две статьи. Первая статья озаглавлена так: *«Закон, данный Богом Моисею», или «Избрание от закона Богом данного Израильтянам Моисеем о суде и правде»*. Так названо в Кормчей извлечение из Моисеевых книг: Исход, Левит, Числа и Второзаконие, извлечение, заключающее гражданские узаконения. Вторую статью составляют уже известный нам *«Закон Судный людем»*, или так называемый *«Судебник царя Константина»*. Пятый отдел в русских Кормчих составляют разные церковные и гражданские узаконения русских князей. Сюда относятся: 1) *«Устав князя Владимира, крестившаго Русскую землю, о церковных судах и десятинах»*; 2) *«Правило о церковных людех, о десятинах и о судах епископских, о мерилах градских и о прочих вещех»* Владимира же; 3) Устав Ярослава

«О суде церковных»; 4) «Суд Ярославль Володимирич Правда Русская»; 5) Устав князя новгородского Святослава о десятинах, данных новгородской софийской церкви. Кроме этих узаконений, изданных собственно князьями русскими, здесь же помещены и памятники, изданные русским духовенством. В числе этих памятников мы находим: 1. «Слово святых отец 165 о обидящих церкви святых». Почему так озаглавлена эта статья и о каких отцах здесь говорится – этого наука еще не знает. В этом Слове за похищение церковных вещей и за грабеж монастырских и церковных имений полагается взыскивать вчетверо, а противящихся такому взысканию и производящих церковный мятеж – сжигать, а дома их и все имущество передавать в церковное владение. Это узаконение, как видите, не русского происхождения – на Руси не было обычая наказывать сожжением. Да оно и не могло быть иначе, потому что прежде на Руси христианства не было, следовательно, у ней и право церковное не могло скоро выработаться; поэтому ей естественно было делать заимствования по церковному праву у Византии. Нет никакого сомнения, что этот памятник очень древнего происхождения; в заглавии его сказано: «установлено первыми князьями»; следовательно, он прямо относится к временам Владимира или Ярослава. Вероятно, он современен Русской Правде, потому что и во время ее издания были, конечно, церковные грабители и тати, но в ней нет ни одного узаконения против церковных татей и грабителей, тогда как в то время было вполне необходимо подобное узаконение. Известно, что в старое время, время беспрестанных войн и набегов разных кочевников, все приносили на сохранение все свое лучшее и более ценное в церкви, для чего и устраивались при церквях особые комнаты и подвалы, – значит, тогда тем более был необходим закон, ограждающий неприкосновенность всего хранящегося в церквях; таким законом и был, конечно, рассматриваемый нами памятник. 2. Далее в этом отделе помещаются главы «О послуках». Здесь узаконяется, чтобы не принимать в свидетели еретиков и рабов, и только в крайности, за недостатком свидетелей из свободных, в небольших

тяжбах принимать свидетельство боярского тиуна, который был рабом только по должности, и закупа. Ясно, что это узаконение не чисто русского происхождения, потому что в нем говорится о еретиках, которых в древней Руси не было. 3. «*Вопрошение князя Изяслава, сына Ярославова, игумена печерского Феодосия о Латыне*» (Латинской церкви). Здесь Феодосий, главным образом, исчисляет обряды и правила, которыми латинская церковь в его время отличалась от греческой. В заключение своих ответов Феодосий убеждает Изяслава строго держаться правил православной церкви, но в то же время убеждает его быть милостивым к иноверцам. 4. «*Вопросы Кирика к епископу новгородскому Нифонту*». Здесь изложены разные вопросы Кирика, дьякона и законохранителя (Номофилак) новгородской Софийской церкви, относящиеся к церковному устройству. Некоторые из этих вопросов разрешены Нифонтом, некоторые – другими епископами: Ильей, Иаковом и др.; а большая часть самим же Кириком. 5. «*Иоанна, митрополита русского, нареченного пророком, правило церковное к Иакову Черноризцу*». Здесь помещены девять правил, весьма живо изображающих как положение тогдашнего русского общества, так и характер церковного и гражданского устройства Руси. Первое из этих правил требует, чтобы больных младенцев крестить до 6 недель по рождении, не дожидаясь, пока они выздоровеют. Далее, в этом же правиле запрещается есть звероядину и удавленину, предписывается священникам внушать их прихожанам, чтобы они приобщались каждый год, соблюдали посты, не держали по две жены и не прибегали к волхованию и чародейству. Второе правило требует, чтобы священники были в подчинении у своего местного архиерея. Третье правило требует, чтобы не подставлять в подьяконы и дьяконы неженатых. Четвертое правило говорит о построении церквей. Пятое позволяет поставлять в священники того, кто поступил в монастырь, разведшись с женой. Шестое правило требует, чтобы князья не выдавали своих дочерей в чужую землю за иноверцев. Седьмое правило позволяет священникам входить в церковь и совершать богослужение в овчинном платье «ради холо-

да» и предписывает священникам, чтобы они не дозволяли своим прихожанам приносить жертвы колодезям, болотам и бесам и жить с женами без церковного венчания. Восьмое правило непокоряющихся священникам в правилах жизни христианской повелевает отлучать от церкви. Девятое правило запрещает священнослужителям присутствовать на бесчинных пирах, запрещает продавать рабов-христиан иноверцам, излагает степени родства, в которых не допускается брак, запрещает монахам жить вне монастыря и заводить пиры в монастырях, предписывает священникам стараться об уничтожении между их прихожанами обычая жить с женами без церковного венчания, повелевает, чтобы епископы не умножали церквей без нужды и строили их с согласия князя и, наконец, чтобы священнослужители не носили богатых одежд. 6. *«Послание того же Иоанна, митрополита русского к папе, архиепископу римскому, о опресноках»*. В этом послании Иоанн убеждает римского папу Александра III **отказаться от разногласия с православной церковью**. 7. *«Кирилла, епископа Туровскаго сказание о Черноризском чину»*. Здесь помещены правила монастырской жизни, собранные Кириллом из разных уставов. 8. *«Исправление архиепископа новгородского Илии с белгородским епископом о забытии вина и воды, иже не влити при службе»*. 9. *«Послание Германа, патриарха константинопольского и с ним 6 греческих митрополитов к русскому митрополиту Кириллу 1-му о непосвящении рабов в духовный сан»*. 10. *«Правила Кирилла митрополита и епископов, шедшихся на поставление владимирского епископа Серапиона»*. – Этими правилами требуется, во-первых, чтобы епископы не поставляли священников и дьяконов и игуменов «на мзде», т.е. чтобы не брали с них денег за поставление; чтобы прежде поставления наводили справки у соседей о жизни ищущих поставления и чтобы поставление не было тайным; во-вторых, запрещается поставлять в дьяконы и священники пришедших из другого города, а также рабов, не получивших свободы; в-третьих, требуется, чтобы за поставляемого поручались в его жизни духовный отец его и 7 священников, и не дозволяется поставлять в

дьяконы моложе 25, а в священники моложе 30 лет; в-четвертых, предписывается, чтобы крещение совершалось везде одинаково; в-пятых, правила запрещают разные языческие игры в праздничные дни, и особенно восстают против «боя дрекольем» и отказывают в христианском погребении убитым в таких боях; в-шестых, постановляют заботиться о соблюдении порядка при богослужении и запрещают непосвященным входить в алтарь, читать Апостол и петь прокимны. 11. Того же Кирилла митрополита *«Поучение к попам»*. В этом же поучении есть еще *«Обращение к князю»*, которого Кирилл называет сыном Александра Невского и напоминает ему, чтобы он соблюдал десятины и суды церковные, которые узаконены в уставе Владимира Святославича. 12. *Вопросы, предложенные Константинопольскому собору Феогностом*, епископом Сарским и Полонским в 1301 г. Вопросы и ответы на них касаются преимущественно чина священнослужения. Так, например, Феогност спрашивал на Константинопольском соборе: в какие дни Евангелие во время служения должно читать епископу? Можно ли одному священнику крестить, а другому читать молитвы? Можно ли служить литургию в Великую Пятницу? Ежели епископ в болезни пострижется в схиму, а потом выздоровеет, то можно ли ему оставаться в сане и должности епископа? и т.п. 13. *«Правила Максима, митрополита русского (написанные в 1305 г.), о среде и пятнице, о мясопусте и о законном браце»*. 14. *Грамота вел. кн. Василия Дмитриевича митрополиту Киприану о судах церковных*, дана в 1403 г. Этой грамотой великий князь подтверждает все права церкви по Номоканону и по уставам Владимира и др. русских князей. 15. *Постановления великого князя Ивана Васильевича*, касающиеся церковных дел, изданные по совещанию с митрополитом Симоном.

Кроме того, в некоторых списках Кормчей встречаются церковно-юридические статьи, относящиеся к западной или литовской Руси. Сюда относятся: послание литовских епископов к всероссийскому митрополиту Фотию, коим они отрекаются от подсудности ему в духовных делах; окружная грамота литовских епископов об избрании и посвящении киевского

митрополита Григория Цамблака; окружная грамота литовского великого князя Витовта об отделении киевской митрополии от московской; жалованная грамота короля польского Казимира III литовскому, русскому и жмудскому духовенству, дворянству, рыцарям, шляхте, боярам и местичам о сравнении их прав с поляками (1457 г.); Судебник того же короля Казимира, данный Литве в 1468 г.; уставы, относящиеся к правам литовского духовенства.

Наконец, в шестом отделе помещаются некоторые статьи не юридического содержания, греческие и русские; так, например, *«Никифора, патриарха цариградскаго, летописец вскорре»*, т.е. краткая летопись, пополненная в России разными русскими известиями; *«Речь жидовского языка, переложенное на русское, неразумное – на разум»*, т.е. объяснение еврейских слов, встречающихся в Св. Писании; *«Сказание, како Кирилл философ состави азбуку по языку словенску и книги переведе от греческих на словенский язык»*; *«от св. отец сказание о том, какия книги подобает чести и какия не чести»*; *«Князя Владимира о крещении Русской земли и похвала ему»*. Сюда же относится *«Беседа полоцкого князя Костянтина с епископом о тиуне»* и многие другие статьи разного содержания. Все эти статьи в разных Кормчих XIII, XIV и XV столетий помещены не в одинаковом порядке и числе: иные Кормчие сокращенные, иные полные, в одних помещены только греческие канонические законы, в других – канонические и не канонические, в иных и греческие и русские статьи, а в иных болгарские и сербские. Вообще состав Кормчих, хотя носит на себе более или менее одинаковый характер, по преимуществу – характер юридического сборника, но тем не менее он очень разнообразен. В Кормчих русское духовенство, а может быть, и сами князья видели общий юридический кодекс законов не только церковных, но и гражданских; к ним прибегали для решения разных юридических вопросов не только церковных, но и светских. При исчислении статей, встречающихся в Кормчих, мы видели не только Русскую Правду, но и Литовский Судебник царя Казимира и разные привилегии его русскому духовенству,

дворянству и др. классам западной или литовской Руси; следовательно, в Кормчих, по месту, где они составлялись, помещались все местные узаконения, как светские, так и духовные.

Кроме редакций Русской Правды и Номоканона, мы имеем за настоящий период другие законодательные памятники, а именно: Двинскую уставную грамоту, Псковскую судную грамоту, Московскую губную запись и Белозерскую уставную грамоту. Эти особенно важны для нас, так как в них выступают новые понятия о праве, составляющие новый период в истории развития русского законодательства.

Двинская уставная грамота. Двинская уставная грамота есть самый старейший после Русской Правды законодательный памятник. Она дана была Двинской области великим князем московским Василием Дмитриевичем в 1397 году. В это время двиняне отделились от новгородцев, которым они были подчинены, и признали власть московского князя. Так как по присоединении двинян к Москве и суд у них должен был быть московский, то они вошли в сношение с московским князем, прося его дать им такой устав, который бы служил для них руководством в судных делах; результатом этих сношений и явилась настоящая грамота. Она относится собственно к суду и доходам, какими имел право пользоваться в Двинской области московский великий князь. Суд по Двинской грамоте очень близок к Русской Правде, но вместе с этим она заключает в себе несколько более или менее важных нововведений в судопроизводстве. По содержанию своему Двинская грамота разделяется на следующие отделы: 1) о видах суда по уголовным преступлениям; 2) о порядке суда; 3) о подсудности и 4) о торговых пошлинах.

Отдел I. Первым видом суда по Двинской грамоте, так же как и по Русской Правде, ставится суд «в душегубстве». Суд этот носит более или менее тот же характер, какой он имеет и по Русской Правде: суд по делам этого рода принадлежит княжескому наместнику и пошлины от таких судных дел удерживают прежнее название – вир. В случае убийства община должна была отыскать убийцу и выдать его княжеско-

му наместнику; если же община не могла отыскать убийцу, то должна была платить за него в княжескую казну дикую виру в 10 рублей. Таким образом, основные начала суда по Двинской грамоте те же, какие и по Русской Правде, т.е. суд по делам об убийствах принадлежал князю и дикая вира, в случае неотыскания убийцы, платилась в княжескую казну общиной. Впрочем, двинская грамота в этом отношении представляет много важных нововведений, указывающих на развитие общественного устройства на Руси. Во-первых, по закону Русской Правды виры собирались особым княжеским служителем – вирником, который для сбора вир в определенное время разъезжал по волостям; по Двинской же грамоте сбор вир принадлежал наместнику княжескому. Во-вторых, по Русской Правде община платила виру и тогда, когда не отыскивала убийцу, и тогда, когда не хотела выдавать его; по Двинской же грамоте община платила виру только в случае неотыскания убийцы, но когда убийца был найден, то община должна была выдать его князю. Убийство раба по Двинской грамоте, как и по Русской Правде, не считалось уголовным преступлением; в грамоте сказано, что ежели господин, наказывая, убьет своего раба до смерти, то виры в этом нет и убивший не выдается на суд наместника и не платит никакой пени. Из этой статьи видно, что значение рабов в конце XIV века было то же, какое и прежде, т.е. раб считался по-прежнему вещью или домашним животным. *Ко второму виду суда* в Двинской грамоте относятся дела по побоям, ранам и бесчестью. Побои и раны по Двинской грамоте, так же как и по Русской Правде, разделялись на синяки и кровавые раны. За кровавые раны обидчик должен был платить в княжескую казну и обиженному 30 белок, а за синяки 15. Эта статья совершенно согласна с Русской Правдой, но удовлетворение за обиду и бесчестье бояр и боярских слуг в Двинской грамоте определяется иначе, нежели в Русской Правде. Мы знаем, что в Русской Правде относительно пени за бесчестье, раны и побои было такое деление: княжеский муж, отрок, людин и пр.; в Двинской же грамоте нет такого деления, а в ней удовлетворение за бесчестье или обиду боярина назначается по отчеству

т, е. по знатности его; это указывает на существовавший тогда обычай у бояр местничать, т. е. считаться заслугами предков и знатностью происхождения. Ссоры или драки на пиру разбирались уже иначе, чем по Русской Правде. Именно: наместники и их слуги не имели права вмешиваться в ссоры и драки на пиру, если поссорившиеся на пиру же помиряются; но если они не помиряются и выйдут из пира в ссоре друг с другом, то в таком случае подлежат суду наместника и платят ему пени «по кунице шерстью», хотя бы они и примирились вскоре. Все споры и драки на пиру, в братчинах, разбирались обществом; все такие пиры всегда на Руси имели особые привилегии. *К третьему виду суда* по уголовным преступлениям относятся дела по нарушению и порче межей. Во взгляде на это преступление в Двинской грамоте замечается много сходного с Русской Правдой; она так же, как и Русская Правда, считает порчу межей самым важным нарушением прав собственности. Но только оба эти памятника расходятся в отношении пени, назначаемой за это преступление. По закону Русской Правды, за порчу межей назначалась одна пеня в княжескую казну – 12 гривен; в Двинской же грамоте пеня эта разделена на три разряда: первый разряд пеней назначался за порчу межи в поле, принадлежавшем одному селению, – за это испортивший межу платил барана или две ногаты; второй разряд пеней, в 30 белок, назначался за порчу межи, отделяющей поля двух разных селений; третий разряд пеней назначался за порчу межей в княжеских землях, – за это полагалось пени «три сорока белок», т. е. 120 белок. *К четвертому виду суда* принадлежат дела по краже или воровству. Дела эти по Двинской грамоте судились так же, как и по Русской Правде, – сводами. Как по Русской Правде хозяин, опознавший свою вещь, должен идти по сводам до настоящего татя, так и по Двинской грамоте он должен идти до так называемого чеглаго татя, или до того владельца опознанной вещи, которые не мог отвести свода указанием того, от кого он получил опознанную вещь. Как видите, здесь основание и порядок суда одни и те же, какие и по Русской Правде, но относительно наказания за кражу Русская Правда и Двинская

грамота имеют большую разницу: по Русской правде за кражу положена одна пеня – в 3 гривны, будет ли то первая кража или вторая, – по Двинской же грамоте продажа или пеня за кражу назначается разная, смотря по тому, какая эта кража – первая, вторая или третья. За первую кражу вор платил цену украденной им вещи; за вторую кражу вора продавали в неволю, – в законе сказано: *«а в другие уличат – продадут его, не жалуя»*. За третью кражу вор подвергался повешенью; в законе прямо сказано: *«а уличат в третие, ино повесити»*. Кроме того, в это время вошло в обычай, как предохранительная полицейская мера, клеймение воров после первой и второй кражи: *«а татя всякаго пятнити»*, сказано в настоящей статье; это первое известие о клеймении; в прежних законодательных памятниках нет указаний на него. Закон Двинской грамоты так строго преследует воров, что обвиняет в «самосуде», т.е. самоуправстве, и подвергает пени в 4 рубля того, кто, поймав вора, отпустит его, а не приведет к наместнику.

Отдел II. В этом отделе Двинской грамоты говорится, во-первых что истец или обиженный для удовлетворения в своем иске должен бить челом наместнику княжескому, чтобы он рассудил его с ответчиком или обидчиком. По этому челобитью наместник вызывал ответчика к суду через двух лиц, назначаемых для этой цели – *дворянина*, слугу своего, и *подвойского*, выборного от земщины, иначе ответчик мог не явиться в суд. Во-вторых, дворянин и подвойский должны были привести ответчика в суд; но если ответчик жил далеко от наместничьего города, то мог не являться немедленно, а только представлял поручителей в том, что он явится в суд в известный срок. В случае же неявки ответчика по истечении назначенного срока, наместник не ждал его более и не делал ему вторичного вызова, а выдавал истцу так называемую *правую бессудную грамоту*, по которой истец без суда признавался оправданным, ответчик – виновным. В-третьих, если ответчик по вызову в суд не мог тотчас явиться или представить поручительство в своей явке к известному сроку, то он немедленно арестовывался и заковывался в цепи. В-четвертых, в настоящем отделе Двинской

грамоты говорится о разных судных пошлинах. Пошлины эти были следующие: 1) наместнику или судье с виноватого от рубля полтина; 2) пошлина подвойскому и дворянину за вызов в суд; пошлина эта обыкновенно соразмерялась с расстоянием, какое нужно было проехать дворянину и подвойскому для вызова ответчика; 3) разные мелкие пошлины, так, например, особая пошлина наместнику от печати и дьякам от письма. В статье сказано: «А от печати наместником по три белки, а дьяком от письма от судные грамоты две белки».

Отдел III Двинской грамоты говорит о подсудности. В этом отделе определяется, чтобы каждый судился в своей области. Это правило основывалось на общем законе того времени: «А судом и данью потянута по земле и воде». Поэтому истец должен был бить челом тому наместнику, к области которого принадлежал ответчик, а ответчика из другого округа нельзя было ни взять на поруки, ни арестовать. Впрочем, такой порядок суда относился только к делам гражданским, в делах же уголовных был другой порядок, именно: убийца и вор с поличным судились на том месте, где совершили преступление, или самим великим князем, а не там, куда они тянут судом и данью по земле и воде. Выражение «вор с поличным» означает преступника, пойманного на месте преступления; этот вор судился уголовным судом, а вор «в поклепе» – гражданским. Неприкосновенность местного суда по Двинской грамоте была так велика, что даже великокняжеские пристава не могли вмешиваться в суд местного наместника. Впрочем, это было привилегией одних двинян, у которых наместниками были лица, выбираемые из двинян же и которые, как только что подчинившиеся московским князьям, пользовались разными льготами. В других областях было не так: туда князь всегда мог прислать (или «ввести», откуда и произошло название «боярин введенный») своего чиновника и вмешиваться в дела тамошнего наместника. Но если наместник судил несправедливо, то на него можно было бить челом князю. В таком случае князь назначал наместнику срок для явки в суд, в течение которого, если он не являлся, то на него выдавалась истцу бессудная грамота.

Отдел IV. В нем говорится о торговых пошлинах. Двинская грамота определяет собственно только пошлины с гостей, т.е. иногородних торговцев; двинские же купцы были освобождены от всех торговых пошлин. Пошлины с гостей Двинская грамота делит на два вида: первый вид составляли пошлины в пользу подвойского и сотского, т.е. земским смотрителям, которым назначалось «с лоды по пузу (по мешку) ржи», второй вид составляли пошлины, взимаемые с двинских гостей, когда они отправлялись для торгова в другие города. Гости эти платили с лоды, если они отправлялись речным путем, «по два пуза соли», а если сухим путем провозили свой товар, то платили «с воза по две белки». О других торговых пошлинах в Двинской грамоте не упоминается.

Псковская судная грамота. Этот памятник – один из замечательнейших после Русской Правды, но, к сожалению, он дошел до нас только в одном списке и то с большими пропусками, так что цельного представления о нем мы не можем составить. Псковская грамота представляет последующую за Русской Правдой ступень в развитии русского законодательства. Хотя в ней есть много узаконений, указывающих на сходство ее с Русской Правдой, но тем не менее между этими двумя памятниками видна уже значительная разница. Время появления Псковской грамоты определить с точностью невозможно. В заглавии ее сказано, что она была написана на псковском общем вече в 1397 году «по благословению попов всех пяти соборов и священноиноков и дьяконов и всего божьего священства». Но здесь год появления грамоты, очевидно, показан неверно. Известно, что в 1397 году в Пскове было не пять, а только четыре собора. Псковские соборы имели значение церковно-политическое; в Пскове не было архиерея, а только его наместник, не пользовавшийся никаким значением, – поэтому псковское духовенство нуждалось в единении, для чего и явились соборы. Несколько церквей составляли собор – церковную общину, имевшую свое управление и своих представителей в лице старост, избираемых как из духовных, так и из светских лиц; так до XV века было утверждено четыре собора. Появ-

ление же пятого псковского собора относится уже к XV веку, именно к 1462 году; поэтому и время появления Псковской грамоты никак нельзя отнести к 1397 году, как сказано в ее заглавии, а необходимо предположить, что она появилась не раньше 1462 г. или 1463 г. Из самой Псковской грамоты видно, что она есть не что иное, как только окончательная редакция узаконений, изданных в разное время псковскими князьями; так в заглавии ее сказано: *«Сия грамота выписана из великаго князя Александровы грамоты, из княж Костянтиновы грамоты, и из всех приписное псковских пошлин (обычаев)»*. Псковская грамота делится на две части, которые подразделяются на несколько отделов.

1 я часть псковской судной грамоты разделяется на три отдела.

В I отделе первой части перечисляются различные виды суда. По псковскому закону было пять видов суда: 1) суд князя и посадника; 2) суд псковских выборных судей; 3) суд владычного наместника; 4) братчинный суд и 5) суд веча. 1) *Суд князя и посадника* был одно и то же: ни князь не мог судить без посадника, ни посадник без князя. Князь и посадник были представителями двух начал, неразрывно связанных, государственного и земского. Суд княжеский и посадничий производился у князя на сенях и ему подлежали головщина, татьба, бой, грабеж и разбой. В псковских пригородах суд по этим делам принадлежал княжескому наместнику, который, впрочем, должен был судить в присутствии выборных от земщины посадников. 2) *Суд выборных псковских, а по пригородам суд пригородских посадников и старост*. Ему подлежали дела гражданские, как то: дела по займам, наймам, покупкам, наследствам и дела о поземельном владении. Впрочем, в последнем участвовал и князь; в грамоте сказано: *«А коли имуть тягаться о земли, или о воде, а положат двои грамоты, ино одни грамоты чести дьяку княжому, а другие грамоты чести дьяку городскому»*. 3) *Суд владычня или епископского наместника* (в Пскове не было своего епископа и псковская епархия зависела от новгородского епископа) производился как по делам церковным, так

и по гражданским, когда они касались лиц духовных или вообще тех, которые принадлежали к церковному ведомству. В этом суде не участвовали ни князь, ни посадник, ни земские судьи; впрочем, нельзя сказать, чтобы он производился совсем без участия светских людей: при нем всегда находились два особых пристава, назначаемые от общества. Но по тяжбам людей церковных с нецерковными суд назначался общий, т.е. такие тяжбы разбирались, с одной стороны, князем с посадником или, судя по роду дел, городскими земскими судьями, а с другой – наместником владычным, и доход от суда делился ими пополам. Владычный суд основывался на Номоканоне.

4) *Суд братчины*. Этому суду подлежали все дела и споры, возникшие на братчинном пиру; он производился выборным братчинным князем пира и судьями, которые судили на основании исконных народных обычаев. Приговоры братчинного суда приводила в исполнение сама братчина. Впрочем, по настоящей грамоте братчинный суд был очень ограничен. Мы знаем, что ни на один суд в Новгороде и Пскове нельзя было делать апелляции, но братчинный суд не пользовался таким преимуществом; его решениям подчинялись только те, которые были согласны с ними, – недовольные же братчинным судом могли переносить свой иск в общие суды. 5) *Суд веча*. Относительно его в Псковской грамоте упоминается только то, что на этом суде не должен был присутствовать ни князь, ни посадник. Приговоры этого суда решались только волею всего народа; но какие дела подлежали ему, об этом в грамоте ничего не сказано. Очевидно, что ему принадлежали только дела высшие, касавшиеся всего Пскова, а может быть, и частные, но такие, которых не мог решить ни князь, ни посадник.

По Псковской грамоте суд, кому бы он ни принадлежал – князю ли с посадником или другим, пользовался таким уважением, что каждое дело, решенное им, не подлежало апелляции и всякий приговор его всегда был окончательным; в грамоте сказано: *«А которому посаднику сести на посадничество, ино тому посаднику крест целовати на том, что ему судит право по крестному целованию, а городскими ку-*

нами не корыстоватися, а судом не метится ни на кого ж, а судом не отчитись, а праваго не погубити, а виноватаго не жаловати; а без исправы человека не погубити, ни на суду, на вечи... А не всудят в правду, ино Бог буди им судия на втором пришествии Христове. А тайных посулов не имати ни князю, ни посаднику». Неприкосновенность того или другого суда так сильно высказывается в Псковской грамоте, что по ней посадник или судья, оставляя свою должность, должны были предварительно окончить все дела, начавшиеся во время их службы, и новый посадник не имел права вступаться в дела своего предшественника. Но псковский закон, признавая неприкосновенным суд властей, в то же время требовал, чтобы судьи были правдивы и беспристрастны. Обеспечение этого требования псковский закон находит в присяге; а посему по Псковской грамоте каждый судья – посадник или князь, при вступлении в свою должность должны были целовать крест на том, что они будут судить в правду – виновного не оправдают, а правого не обвинят и не погубят и т.п.

Во II отделе Псковской грамоты говорится о порядке суда. Суд по Псковской грамоте начинался жалобой или челобитьем истца, или иском самого общества в делах по преступлениям, на которые не было частных жалоб. По челобитью суд делал вызов ответчика через особых служителей, так называемых *позовников*, или приставов, которые были двух родов – княжеские и земские; первые назывались *дворянами*, а вторые – *подвойскими*. При каждом вызове в суд позовники непременно должны быть от обеих сторон – от князя и от земщины, иначе ответчик имел право и не являться в суд. Позовникам назначалась особая пошлина, называемая *ездом*, или *хоженым*; количество этой пошлины соразмерялось с расстоянием, которое должны были проехать или пройти позовники для вызова ответчика в суд. Впрочем, закон не обязывает истца посылать за ответчиком непременно официального позовника, а позволяет ему в таком случае, если тот не соглашается идти за ответчиком за определенную плату – нанять и постороннего человека и дать ему *позывницу*, т.е. грамоту, по которой ответчик вы-

звался в суд. Приставы или позовники, как княжеские, так и земские, должны быть люди честные и добросовестные и которые должны быть известны князю или посаднику как люди, вполне заслуживающие доверия. Позывница писалась княжеским писцом и к ней прикладывалась княжеская печать. Ежели же княжеский писец не соглашался писать позывницу за определенную законом пошлину, то позывница могла быть написана и помимо княжеского писца и запечатана печатью церкви Св. Троицы. Получив позывницу, позовник отправлялся в том место, где жил ответчик, и там, у церкви перед священником и всем народом прочитывал ее. Сюда же приглашался и ответчик, который по прочтении позывницы должен был объявить, что он в известный срок явится в суд. Впрочем, присутствие самого вызываемого при чтении позывницы не было обязательным для него и необходимым, и если бы он и не являлся, то было бы достаточно, чтобы позывница была прочтена у церкви перед священником и народом. Если ответчик по первому вызову не являлся в суд, то на пятый день по истечении назначенного истцу выдавалась новая позывная грамота «на виновного» (ответчика). С этой грамотой позовники снова отправлялись к ответчику и, прочитав ее, уже не давали никакого срока ответчику, а прямо вели в суд. Но при этом позовники не должны были мучить и бить ответчика, равным образом и ответчик не должен был сопротивляться позовникам, а если он противился им и бил их, то за это подвергался уголовному суду. Если же ответчик по первому вызову от суда скрывался, то в таком случае на него выдавалась истцу бессудная, «правовая грамота», т.е. он без суда признавался виновным, а истец утверждался в своем иске и признавался правым. Правая грамота писалась княжеским писцом и к ней прикладывалась печать князя; но она могла быть написана и неофициальным лицом и скреплялась или печатью князя, или же печатью церкви Св. Троицы. (Эта церковь имела весьма важное значение в Пскове: здесь были особые судьи, поверявшие всех судей, и печать ее могла заменять печать князя.) По Псковской грамоте при истце и ответчике допускались в суд и адвокаты или, по-тогдашнему, по-

собники и стряпчие. Но этот институт не пользовался в Пскове большим доверием и допускался только с большими ограничениями, именно: пособничество на суде допускалось только в таком случае, когда истцом или ответчиком была женщина или малолетний, чернец, черница, или больной, старый, глухой и т.п. При этом Псковской грамотой было постановлено, что один стряпчий не имеет права участвовать в двух делах в один день. Во всех же других случаях по псковскому закону строго запрещалось приводить в суд пособников, для чего при дверях судебных палат всегда находились два подверника – от князя и от земщины, обязанностью которых было наблюдать, чтобы, кроме истца и ответчика, никто не входил в суд. За исполнение этой обязанности подверники получали по одной деньге с обвиненного. Если же истец или ответчик приходил в суд с пособником, который врвался туда силой, то за это его «сажали в дыбу», т.е. заковывали в колодки и взыскивали пени рубль в пользу князя и 10 денег подверникам.

В III отделе Псковской грамоты заключаются статьи о судебных доказательствах и судебных пошлинах. Судебные доказательства по Псковской грамоте были различны, смотря по характеру и различию самих дел. Так, во-первых, в делах по поземельному владению судебными доказательствами считались: 1) показания старожилы и окольных людей, 2) межевые знаки, 3) грамоты на право владения, 4) крестное целование и, наконец, 5) судебные поединки или поле, если свидетели истца и ответчика говорили розно и упорно стояли на своем. (В делах о поземельном владении поле между самым тяжущимися по псковскому закону не дозволялось.) Во-вторых, в делах по займам и поклаже судебными доказательствами признавались: «доски» (то же, что у нас теперь конторские или счетные книги), «рядницы» и всякие другие записи относительно займа или поклажи. Но каждая из записей только тогда имела законную силу, когда была написана при церкви Св. Троицы и когда копия с нее была оставлена «в ларе Св. Троицы». В подтверждение этих доказательств допускалось крестное целование, а также и поле; впрочем, при закладе судебный поединок не допускался,

а только крестное целование. В-третьих, в делах между господином и закупом судебными доказательствами признавались записи или контракты и сверх того – показания свидетелей. В-четвертых, в делах по татьбе, грабёжам и разбоям судебными доказательствами считались показания свидетелей, крестное целование и поле. Чужеземцы, в случае иска по бою или грабежу, освобождались от представления свидетелей, но в таком случае тому, на ком они искали, предоставлялось или самому целовать крест, или заставить истца сделать это. От свидетелей во всех делах требовалось, чтобы они говорили «слово противу слова» с теми, за кого свидетельствуют; в противном случае их свидетельство не признавалось свидетельством. Истец и ответчик имели полное право заявлять на свидетелей противной стороны подозрение; в таком случае судьям предоставлялось признавать ли подозреваемого свидетелем или не признавать. При доказательствах присягой или крестным целованием большей частью предоставлялось на волю истца: или самому целовать крест, или же требовать, чтобы это сделал ответчик.

Судебные поединки. По псковскому закону истцу или ответчику малолетнему, больному, престарелому, чернецу, чернице, попу, увечному и т.п. предоставлялось выставить вместо себя на судный поединок наемных бойцов. При судебных поединках в Пскове соблюдались некоторые обрядности, именно: во-первых, они могли быть не иначе как в присутствии двоих приставов – княжеского и городского, которые брали за это с виноватого или побежденного 6 денег, если поединок состоялся, и 3 деньги, если поединщики мирились, не вступая в бой; во-вторых, побежденный на поединке платил пеню или продажу князю; в-третьих, если один из тяжущихся выставит за себя наемного бойца, то другой мог или сам идти на бой, или также выставить наемного бойца. Но сами тяжущиеся во всяком случае, бились ли они сами или выставляли за себя наемных бойцов, перед поединком должны были целовать крест; в-четвертых, победивший на поединке, как доказавший правоту свою судом Божиим, признавался оправданным и брал свой иск, и сверх того, как победитель, брал с побежденного все то,

в чем он вышел на бой; в-пятых, в случае спора между двумя женщинами, ни одна из них не могла выставлять за себя наемного бойца, а должны были сами выходить на бой. (В споре же с мужчиной женщина могла нанять бойца.)

Судебные пошлины. Судебные пошлины, по свидетельству Псковской грамоты, различались по лицам, участвовавшим в суде, и по роду самих дел. Во-первых, князь и посадник получали от дел по разбою и грабежу по 4 деньги, а от дел по поземельному владению по 10 денег; от печати по всем делам князь получал по 1 деньге; с того, кто силой врывался в судебную палату, князь получал пени рубль. Во-вторых, судебные пристава, посылаемые для наблюдения за судебными поединками, получали по 6 денег, если поединок состоялся, а если поединщики, став на поле, мирились, то – по 3 деньги. В-третьих, позовники, отправляемые для вызова ответчика в суд, получали «езду» по деньге на 10 верст, если ответчик вызывался по гражданскому делу; если же вызов делался по татебному делу, то позовники получали по 2 деньги на 10 верст. В-четвертых, княжеские писцы от позывницы и от бессудной грамоты получали по деньге, а от «правой грамоты» или судницы на поземельное владение по 5 денег. В-пятых, подверники при судебных палатах получали от всех судных дел по 1 деньге с виноватого и по 10 денег с того, кто врывался силой в судебную палату. Пристава и позовники, как княжеские, так и городские, ездившие по двое, делились пошлинами пополам. Точно так же делили пополам пошлины и подверники княжеские и городские.

2-я часть псковской судной грамоты делится на 8 отделов, из которых в первом говорится об уголовных преступлениях, во втором – о поземельной собственности, в третьем – о займах, кредите и процентах, в четвертом – о наследстве и опеке, в пятом – о братчине, в шестом – о пайщиках, или «сябрах», в седьмом – о договорах, в восьмом – о торговле.

1 отдел делится на две половины, из коих первую составляют законы о татбе и грабеже, вторую – законы об убийстве, боях и поджогах.

Законы о татьбе, разбое и грабеже. Различие между грабежом, разбоем и татьбою или простым воровством в Псковской грамоте выражено в различии пени, назначаемой за эти преступления, именно – за воровство Псковская грамота назначает 9 гривен пени князю, а за грабеж и разбой 70 гривен. Кроме того, в Псковской грамоте резко отличены от простых татей церковные тати и конокрады, которые наказывались смертной казнью. Далее, в настоящем отделе говорится о порядке иска по татебным делам. Этот порядок был следующий: чтобы отыскать пропавшую вещь, хозяин ее должен был прежде всего заявить о пропаже местному старосте и соседним людям или же мировым судьям и членам братчины, если покража сделана на пиру. После явки о покраже хозяин украденной вещи если имел на кого подозрение, то должен был заявить об этом суду, и суд вызывал подозреваемого. Если подозреваемый желал оправдаться, то от него требовалась присяга на месте кражи. Если же у кого-либо находилась украденная вещь, то в таком случае, как и по Русской Правде, требовался свод, т.е. тот, у кого найдена вещь, должен был – если он утверждал, что купил ее, – указать того, у кого купил; если же он скажет, что купил на торгу и не знает у кого именно, то должен присягнуть в истинности своего показания, и если он не был прежде сего подозреваем в краже, то вполне оправдывался присягой и найденная вещь оставалась у него. Последнее узаконение противно Русской Правде. Если же тот, у кого найдена пропавшая вещь, представит 4 или 5 добрых и честных свидетелей, которые подтвердят справедливость его показания, то он освобождался от присяги. А если у кого найдена будет украденная корова или лошадь и тот станет утверждать, что она у него доморощенная, то должен подтвердить это клятвой. Розыски по татебным делам производились следующим образом: когда у кого сделана кража, то обокраденный заявлял об этом и указывал, кого он подозревает в краже, тогда князь или посадник давал ему пристава, с которым он при посторонних людях делал обыск в доме подозреваемого. Если подозреваемый не пускал в свой дом обысчиков или мешал им делать обыск, то тем самым

признавался виновным и приговаривался заплатить все судебные издержки, пеню и возратить украденную вещь. Но если пристав и истец ложно показывали на ответчика, что он не пустил их к себе с обыском или что при обыске нашли у него украденную вещь, и если свидетели, участвовавшие в обыске, доказывали ложность этого показания, то пристав считался не в пристава, а ответчик совершенно оправдывался в взводимом на него преступлении. Если тать будет на кого-либо клепать, то не верить ему, а делать обыск в доме того, кого он клевет; и когда по обыску найдется в этом доме поличное, то хозяин дома судился так же, как тать, а ежели не найдется поличного, то он не виноват. По псковскому закону назначаются следующие наказания за кражу: обвиненный в краже в первый раз платил за украденного барана 6 денег, за овцу 10 денег, за гуся, утку и курицу по две деньги, и сверх того по три деньги с каждой украденной вещи судье; за вторую кражу денежное наказание увеличивалось; обвиненный в третьей краже наказывался смертью; в законе сказано: *«А в третий ряд изличив живота ему не дати»*.

Законы об убийствах, боях и поджогах. Эти законы показывают, что псковитяне уже во многом отступились от Русской Правды: в Псковской грамоте нет и упоминания о «вирах», а говорится только о «продаже», и притом продажа, по псковскому закону, взыскивается только с самого убийцы, а не с общины, и только тогда, когда убийца будет уличен; в статье сказано: *«А где учинится головщина, а доличат коего головника, ино князю на головникох взяти рубль продажи»*. Подвергался ли головник какому другому наказанию кроме продажи – на это мы не находим никаких указаний в Псковской грамоте. Но, судя по характеру Псковской грамоты, вообще не отличающейся снисходительностью к преступникам и осуждающей на смертную казнь святотатцев, конокрадов и вообще даже простых воров, уличенных в третьей краже, необходимо предположить, что за убийство по Псковской грамоте назначалась также смертная казнь.

В делах по боям и ранам псковский закон не довольствуется одними боевыми знаками, но требует от истца и ответ-

чика свидетелей, которые в доказательство справедливости своих показаний должны были присягать и потом показывать «слово противу слова» с истцом и ответчиком; а если они что-либо недоговорят или переговорят, то их свидетельство не считалось свидетельством. Если бой был учинен на торгу или на улице при многих свидетелях, то для подтверждения показаний истца или ответчика требовалось представить не более 4 или 5 свидетелей. За побои назначалось денежное взыскание: продажа князю и рубль обиженному. Если же в бою участвовали многие, то все они вместе платили одну продажу князю и рубль обиженному. Зажигатели и изменники государству наказывались смертной казнью; но если против зажигателя или государственного изменника не было прямых улик, то истцу предоставлялось на волю или самому давать присягу, или приводить к присяге ответчика.

II отдел Псковской грамоты (2-й части), заключающий в себе законы о поземельном владении, начинается, во-первых, узаконением о земской давности. Это узаконение совершенно новое; мы не встречаем его ни в Русской Правде, ни в других разобранных нами памятниках. В Пскове назначалась 4-х или 5-летняя давность, в силу которой владевший землей и водой бесспорно в течение 4–5 лет совершенно освобождался от притязаний на нее прежнего владельца. Но что всего важнее, по псковскому закону давность назначалась собственно только относительно возделанных или застроенных земель; именно – по псковскому закону только тогда нельзя было искать земли по прошествии 4–5 лет, когда захвативший обработал ее – засеял или застроил. Напротив, давность не признавалась за землями необработанными, хотя бы им владел кто-либо около 100 лет¹. Во-вторых, в настоящем отделе помещен закон о суде по поземельному владению по грамотам. В Псковской грамоте узаконяется, что в случае тяжбы по поземельному владению

¹ Псковский закон о давности совершенно не сходен с современным ему московским законом. По московскому закону Василия Дмитриевича, изданному в первых годах XV столетия, для земской давности назначалось 15–20 лет; притом эта давность существовала одинаково как для земель застроенных и засеянных, так и для незасеянных и незастроенных.

обе тяжущиеся стороны должны представить свои грамоты на право владения спорной землей и привести к судьям межников, т.е. окольных людей, которым известны межи их земель. Судьи, осмотрев грамоты, отправлялись вместе с тяжущимися и их свидетелями на спорную землю и отводили ее межи. Если на это межевание не соглашались обе тягавшиеся стороны или же какая-либо одна из них, то судьи отводили им «поле», т.е. предоставляли решение спора судебному поединку, и если при этом одна какая-либо сторона соглашалась на судебный поединок, то ей выдавалась «судница», или правая грамота на владение. Если же поле принимали обе тяжущиеся стороны, то судница выдавалась победившей, а побежденная признавалась виновной и присуждалась к платежу пени и пошлины в пользу князя, посадника, сотских и других судей 10 денег. В-третьих, по псковскому закону допускался выкуп земель. Это также новое узаконение, не встречавшееся ни в одном из прежних памятников. Выкуп дозволялся только тем, кто имел старшую, т.е. более давнюю грамоту на право владения землей; так, например, если бы кто продал свою землю и умер, а наследники его пожелали бы приобрести ее снова в свое владение, то им дозволяли выкуп. Если же последний владелец имел грамоту старшую, чем тот, кому предоставлялось право выкупа, то спор их решался судебным поединком или же владелец земли мог потребовать истца к присяге. В-четвертых, псковский закон признает и поместное и вотчинное владение землей. Это опять новое узаконение: в Русской Правде нет указания на различные права владения землей. Псковский закон строго запрещает продавать поместные земли как не составляющие полной собственности владельца; в грамоте сказано: «Ежели помещик будет уличен в продаже земли или сада, данных ему на прокормление, то за это приговаривался выкупить их и таким образом возратить их обществу, и сверх того лишался кормления». В-пятых, между поземельными псковскими законами встречается узаконение о землях, которыми владеют несколько хозяев, так называемых пайщиков или сябров, каждый своей долей в собственность по особым грамотам или купчим.

В случае суда по сябренному владению в судной грамоте сказано: *«А кто с ким растяжутся о земли, или о борти, да положат грамоты старья и свою купленную (купчую) грамоту; и его грамоты зайдут многих бо сябров земли и борти, и вси сябры станут на суду в одном месте отвечаючи ктоже за свою землю или за борть, да и грамоты пред господою покладут, да и межников возмут и тои отведут у стариков по своей купной грамоте свою часть, ино ему правда дати на своей части; а целованью быть одному, а поцелует во всех сябров, ино ему и судница дать на часть, на которой поцелует»*. До нас даже дошла одна правая грамота о суде в сябренном владении, из которой видно, что этот суд производился перед псковским князем, двумя степенными посадниками и перед сотскими у князя на сених и на суде стояли все сябры и положили перед судьями свои грамоты, и судьи, прочитавши грамоты, отдали их одному из сотских и послали его вместе с княжеским боярином осмотреть спорную землю на месте, и посланные досмотрели землю и нанесли ее на чертеж и, отведши по чертежу межи, представили судьям, которые спросили тяжущихся: признают ли они чертеж правильным или снимают с межников межничество? И когда тяжущиеся отвечали – снимаем, то спросили истцов, кто у них старики, которым бы ведомо было, что спорная земля принадлежит истцам. И когда один таковой старик был указан, то судьи спросили противную сторону, шлются ли они на указанного старика, и, получив утвердительный ответ от всех сябров противной стороны, утвердили спорную землю за той стороной, на которую указал старик, и отправили на место как самого старика, так и боярина с сотским, чтобы выделить утвержденную судом землю оправданной стороне. Сябренное владение землей было в обычае и у новгородцев, особенно в Заволочье, но по новгородским законам оно ничем не отличалось от обыкновенного единичного владения землей и в случае тяжбы суд по сябренному владению производился так же, как и по простому – все сябры не вызывались на суд, а только тот сябр, у которого была какая-либо крепость или управа, объясняющая дело.

III отдел. Кредитные законы. Узаконения Псковской грамоты о кредите суть следующие: 1) о взыскании долгов после умершего; 2) о взыскании долгов между живыми; 3) о взыскании долгов по торговым сделкам; 4) о поручительстве; 5) о поклаже и 6) о долгах, обеспечиваемых свободой должника.

1. По псковскому закону кредитор только тогда мог взыскивать долг с наследников умершего, когда этот долг был прописан в завещании умершего, хранившемся в ларе Св. Троицы. Далее, кредитор имел право взыскивать долг умершего, когда мог представить долговые записи или заклад, оставленный у него умершим в обеспечение займа. Равным образом и наследники умершего не могли взыскивать на других отданного в ссуду умершим, если после него не оставалось записей или заклада. Но ежели имение умершего находилось в общем владении с родственниками, то таковые могли искать долг даже и без заклада или без записей; равным образом и с них кредиторы могли взыскивать долг без записей и без заклада. Ежели после умершего несколько кредиторов предъявят свой иск по закладам или грамоты на дом или землю умершего, и притом ежели у одних будет только заклад, а у других записи, то все они должны подтвердить свои иски присягой. При этом обыкновенно предоставлялось кредиторам избирать из своей среды одного, который бы взял имение умершего, а остальных удовлетворил деньгами. Ежели бы наследники покойного захотели выкупить это имение, то последний владелец его, т.е. получивший его по записи или по закладу покойного, имел полное право не допускать их до выкупа.

2. О взыскании долга между живыми. Здесь, во-первых, говорится о займах с залогом. Если кредитор представит и доски, т.е. долговые записи, и заклад, по которому он верил должнику, то имел право или сам целовать крест, или требовать, положив у креста доски и заклад, чтобы должник целовал крест. Заклад считался на суде достаточным доказательством долга даже и тогда, когда не было представлено досок, т.е. когда долг не был нигде записан. При закладе никогда не присуждалось поле или поединок. Предъявивший на суде один

заклад или сам целовал крест, или, положив заклад под крест, требовал, чтобы должник целовал крест. Во-вторых, по псковскому закону дозволялось давать ссуды и без закладов, по одним доскам, но не более рубля, а кто давал более, тот не имел права предъявлять иск по такому долгу. В-третьих, ежели бы кто стал искать на ком долг и представил при этом заклад, а должник стал бы отпираться от долга и заклада, то в таком случае заклад оставался в пользу кредитора, а должник освобождался от долга. В-четвертых, ежели бы должник принес свой долг кредитору и стал требовать свой заклад, а кредитор сказал бы, что он денег ему не давал и заклада не брал, то тогда иск из долгового обращался в иск по поклаже, т.е. отдаче на сохранение, и решался или крестным целованием, – причем предоставлялось на волю кредитора или самому целовать крест, или заставить сделать это истца, – или же судебным поединком. В-пятых, ежели должник будет отпираться от долга и не явится в срок на суд и ежели по этому делу кредитор понесет какие-либо убытки, то все они падают на должника, и в таком случае должника заковывали в железо и сажали в тюрьму. Но ежели бы кредитор, взяв у судей пристава для представления должника в суде, вместо этого взял с него долг силой, не представляя его в суд, то за это судился, как за грабеж, и приговаривался к плате пени в 1 рубль в пользу князя и платил вознаграждение приставу. В-шестых, псковский закон, подобно Русской Правде, допускает и проценты, но не определяет максимум их, как это сделано в Русской Правде. Впрочем, для предупреждения споров он требует, чтобы количество процентов прописывалось в записи, по которой делался заем, а также в записи же должен быть обозначен и срок, на который дано в долг. А в случае, если должник не принесет долг в срок, то кредитор обязан немедленно объявить об этом суду, а если бы он объявил позднее, то в таком случае лишался прав на получение процентов за просроченное время. Равным образом, если бы кредитор стал требовать деньги с должника до срока, то лишался права требовать с него полные проценты. Если должник приносил сам деньги кредитору до срока, то процентов пла-

тил столько, сколько их приходилось по расчету, т.е. проценты уменьшались сообразно уменьшению срока займа.

3. Узаконения о взыскании долгов по торговле. В Псковской грамоте, так же как и в Русской Правде, сделано различие между простым займом и торговым, но только в Русской Правде, как мы знаем, взыскание торгового долга облегчалось для кредиторов; так, например, кредиторы по Русской Правде освобождались от обязанности представлять в суде свидетелей по торговым займам; Псковская же грамота на долги по торговле смотрит совершенно иначе. По псковскому закону ищущий торгового долга по доскам должен был представлять еще «рядницу» т.е. долговую запись, из которой было бы видно, что деньги даны были в долг по торговле. Рядница эта должна была писаться при церкви Св. Троицы, и копия с нее, или по-тогдашнему «противень», должна была храниться в ларе Св. Троицы. Если рядница, представленная истцом была «слово противу слова» с ее противнем, то долг взыскивался с ответчика, а если они разногласили, то суд отвергал долг и не удовлетворял кредитора.

4. Узаконения о поручительстве. По псковскому закону поручительство в займах допускалось только тогда, когда заем не превышал рубля (около $\frac{1}{2}$ ф. серебра); по займам же более рубля требовался заклад или запись. Поручитель, по псковскому закону, обязан был сам платить долг, если тот, за кого он поручился, отпирался от долга или не в состоянии был уплатить его. При этом узаконено, что если кредитор будет требовать с поручителя долг, а должник представит рядницу в уплате долга, и если эта рядница будет «слово противу слова» с копией ее, хранившейся в ларе Св. Троицы, то должник и поручитель освобождались от платежа по иску; в противном же случае они обязаны были уплатить по требованию кредитора.

5. Узаконения о поклаже или о соблюдении. По псковскому закону, ежели взявший у кого что-либо на сохранение будет запирается в том, то давший на сохранение обязан был объявить перед судом, по какому случаю он отдал на сохранение. По этому объявлению суд предоставлял на волю ответчи-

ка или самому целовать крест, или заставить целовать крест истца, или же, наконец, решить дело поединком. По псковскому закону требовалось, чтобы тот, кто отдал свои вещи на сохранение, непременно имел запись, подписанную принявшим вещи на сохранение, и в которой было бы подробно обозначено, какие именно вещи и сколько их отдано на сохранение; иначе иск по поклаже не принимался на суд.

6. О долгах, обеспечиваемых свободой должника. По Русской Правде, как мы знаем, должники, обеспечивающие свой долг личной свободой, называются закупами и делятся на закупов в кунах, или серебрянников и ролейных закупов. В Псковской грамоте мы не встречаем ни одной статьи, в которой говорилось бы о закупах в кунах. Судя по тому, как вообще смотрит псковский закон на должников, мы должны заключить, что в Пскове вовсе не было закупов этого рода, а были только ролейные закупы, т.е. крестьяне, которые брали на известных условиях землю у землевладельцев. Они называются в Псковской грамоте следующими именами, обозначающими их занятия или промыслы: 1) изорники, 2) огородники и 3) хотечники или кочетники. Изорники были то же, что и ролейные закупы, т.е. они брали у землевладельцев землю под условием денежной платы или работы. Изорники в Пскове обыкновенно платили за землю землевладельцу половину своих доходов; поэтому они и назывались еще исполовниками. Огородниками назывались те, которые также под условием платы брали во временное пользование огород. Хотечниками или кочетниками назывались рыболовы, которые брали рыбную ловлю в чьем-либо угодые с условием платы половины дохода владельцу угодыя. Название «хотечник» происходит от слова «хотцы» – особый снаряд для рыбной ловли, причем перегораживали реку кольями, а кочетник – от слова «кочет» – ключ или колышек в лодке, на котором держится весло. Псковский закон резко отличает изорников или ролейных закупов от наймитов; он принимает их только как жильцов или арендаторов чужой земли, тогда как Русская Правда не отличает ролейных закупов от наймитов и говорит о них как-то темно и неопреде-

ленно; главное отличие изорников от наймитов было то, что наймиты нанимались всегда на срок или на отряд, тогда как изорники получали землю бессрочно и оставались на занятых ими землях столько, сколько хотели. Равным образом и хозяин давал землю изорника до тех пор, пока не находил для себя другого более выгодного жильца. Из этого основного условия вытекали и все отношения изорников к хозяевам. Отношения эти были следующие: 1) В отношении к землевладельцу или хозяину изорники, или крестьяне, признавались совершенно свободными – они всегда могли уйти от него, равным образом и хозяин мог всегда отказать им в земле. Здесь требовалось только одно: чтобы отказ как с той, так и с другой стороны был сделан в определенное время, именно – по окончании земледельческих работ (обыкновенно «о филипповом заговенье»). Если же крестьянин уходил, пропустив срок, например, перед весной или при наступлении ее, то обязывался уплатить хозяину весь тот убыток, который он понес, так как он не мог уже отдать свою землю другому. 2) Крестьянин мог жить на господской земле «без покруги», т.е. не получая от господина ничего, кроме земли, а также мог взять и покругу, т.е. земледельческие орудия и рабочий скот, хлеб и даже деньги. Если крестьянин брал у хозяина одну только землю, то при расчете с ним платил только половину полученного им дохода; а когда хозяин давал крестьянину землю и покругу, крестьянин, оставляя хозяина, должен был возратить ему покругу. А ежели бы крестьянин стал отпираться в получении покруги от хозяина, то закон в таком случае дозволяет хозяину представить 4 или 5 свидетелей, которые бы могли подтвердить справедливость его иска или же присягнуть. 3) Псковский закон за крестьянином, живущим на чужой земле, признает право собственности и свято охраняет его имущество. Хозяин земли не имел никакого права на имущество крестьянина, жившего на его земле. А в случае если бы крестьянин убежал, не желая платить покруги, то хозяин имел право продать его имущество и из вырученных от этой продажи денег взять себе покругу; если этих денег не достанет, то он мог искать на крестьянине, когда его найдет. Но при этой про-

даже было строго обеспечиваемо имущество крестьянина. По псковскому закону в случае бегства крестьянина хозяин мог продать его имущество не прежде, как заявив предварительно о бегстве суду, потом должен был взять от суда двух приставов – от князя и от Пскова, а также губных старост своей волости и сторонних людей и при них продать имение крестьянина. В случае же если бы хозяин продал имущество крестьянина незаконным порядком, то считался похитителем чужой собственности и крестьянин имел право искать на нем, представив суду причину своей отлучки из дому. 4) Псковский закон, признавая за крестьянином право собственности, допускает иск с его стороны не только на посторонних людей, но и на господина, на земле которого он жил. Иски крестьянина на господина были следующие: а) когда господин присваивал себе крестьянскую собственность; б) когда господин не платил крестьянину долг. По первому иску господин должен был представить свидетелей из соседей, которые бы показали, что имущество, на которое крестьянин предъявил свой иск, принадлежит не крестьянину, а ему. Если же господин не мог представить свидетелей, то имение отдавалось крестьянину и сверх того господин обязывался уплатить все судебные издержки. По второму же иску крестьянин обязывался представить запись или счет, и суд производил дело уже по этой записи или счету. 5) Псковский закон охраняет крестьянскую собственность и по смерти крестьянина. По закону имение крестьянина переходило к его наследникам, которые при принятии наследства должны были удовлетворить его господина за покругу, а самовольно господин не имел права брать крестьянское имущество, в противном случае наследники крестьянина могли предъявить иск на господина, и он судился как похититель чужой собственности. А ежели бы крестьянин умер на селе господина, не оставив после себя ни жены, ни сына, ни брата, ни других родственников, которые бы жили вместе с ним, то господин мог удовлетворить себя за покругу известной частью из имущества крестьянина не иначе, как продав это имущество узаконенным порядком, т.е. в присутствии двух приставов, губных старост и сторон-

них людей, в противном же случае родственники крестьянина, жившие в других селах, могли искать на господине и требовать проданное им имение. 6) Обеспечивая и охраняя собственность крестьянина, псковский закон обеспечивает в то же время неприкосновенность прав собственности и господина, который мог искать свое на крестьянине не только по записи, но и без записи. Так, ежели на крестьянине было записано, что он взял у господина покруты, то в случае смерти крестьянина его наследники должны были заплатить господину за покруты, а если же не было записей, то господин должен был представить 4 или 5 свидетелей и целовать крест на том, что покрута крестьянину была действительно дана им.

IV Отдел. Закон о наследстве. Псковская грамота относительно наследства вводит много нового против Русской Правды. Она делит наследства на два вида: 1) наследства по завещанию и 2) наследства по закону.

Наследство по завещанию. Владелец имущества мог написать в завещании – кому оставлял какую долю своего имущества. В завещании назначались душеприказчики как исполнители воли покойного согласно с его завещанием, а также прописывались все долги на покойном и долги его на других лицах. Завещание должно быть составлено при священнике и посторонних свидетелях и вполне утвержденное и скрепленное должно храниться в ларе Св. Троицы. По завещанию наследниками умершего могли быть как наследники по закону, так и те, которых без завещания закон не допустил бы к наследству. Первое наследство называлось «отморщиной», а второе – «приказом». Это название заимствовано из русского законодательства. По римским законам в завещании прежде всего назначался душеприказчик; далее завещатель писал в завещании, кому и сколько должен выдать по смерти его из оставшегося имущества душеприказчик, что называлось в римских законах «*legatum*», т.е. то, что приказано душеприказчику. Это-то слово и переведено в Псковской грамоте словом «приказ», но переведено, очевидно, неверно, потому что по Псковской грамоте завещатель не был стес-

нением назначением душеприказчика. Умирающий мог и без завещания передать свое движимое имущество или грамоты на свои вотчины, кому хотел еще при жизни. По закону только требовалось, чтобы эта передача делалась при священнике и при сторонних лицах, свидетелях.

Наследство по закону. 1) Псковская грамота не ограничивает права наследства одной нисходящей линией, а простирает эти права на всех родственников нисходящей, восходящей и боковой линий. По псковскому закону не полагается даже различия относительно состояния наследников. По Русской Правде, как мы знаем, у смерда полными наследниками были только сыновья, а дочери смерда получали из его имущества только часть; по Псковской же грамоте этого не было, – по ней как сыновья, так и дочери признавались полными наследниками и у бояр, и у крестьян. 2) Псковский закон, допуская к наследству всех родственников нисходящей, восходящей и боковой линий в мужском и женском поле, совершенно сравнивал их в правах на наследство и, согласно с Номоканонем, оставил только одно различие, основанное на близости степеней родства; всем же родственникам одной степени дал совершенно одинаковые права на наследство – как мужчинам, так и женщинам, как замужним, так и незамужним. 3) Относительно наследства мужа после бездетной жены или жены после бездетного мужа псковский закон полагает, чтобы тот и другая были наследниками оставшегося имущества только в пожизненное владение и до вступления во второй брак. Здесь этот закон формулируется иначе, чем в Русской Правде. По Русской Правде вдова делалась распорядительницей всего имущества своего мужа даже и в том случае, когда после него оставались дети, а часть, выданная собственно ей, оставалась за ней и по выходе ее во второй раз в замужество; по Псковской же грамоте вдова получала наследство после своего мужа только тогда, когда он умирал бездетным, и притом получала только в пожизненное владение и до второго замужества, стало быть, без права отчуждения, не в полную собственность. Допустив такой порядок наследования, псковский закон должен был допустить и иск родственников

бездетного мужа или жены по их смерти или по вступлении во второй брак. Но этот иск псковский закон допускает только относительно недвижимого имущества, а может быть, и относительно денег и товаров, но отнюдь не относительно платья или домашней движимости, ибо закон прямо говорит, что иск относительно мужнина или женина платья не должен доходить до суда, а чтобы оканчивался добровольно отдачей платья «по душе» без всяких доказательств относительно того, все ли платье выдано или не все. 4) Права наследования жены после бездетного мужа или мужа после бездетной жены псковский закон допускает только тогда, когда муж с женой жили отдельно от мужнина отца и его семейства, когда они имели свое особенное хозяйство. В случае же, ежели муж с женой жили в нераздельной семье мужнина отца, то наследование жены после бездетного мужа не допускалось; жена или ее родственники могли в таком случае требовать только своего приданого и могли требовать даже судом. 5) Приняв порядок наследования более или менее сходный с Номоканоном, Псковская грамота узаконяет и порядок исключения из наследства, согласный с Номоканоном, именно: сын, отделившийся при жизни отца и не кормивший отца и мать до смерти их, лишался отцовского наследства. 6) Наконец, Псковская грамота указывает и на последствия, проистекавшие от принятия наследства, или на те обязательства, которые принимал на себя наследник. По псковскому закону наследник известного имущества, вступая во все права собственника этого имущества, в то же время вступал и во все обязательства по нему. А поэтому, с одной стороны, он имел право начинать иск по всем долгам покойного на других, а с другой – обязывался отвечать по всем долговым искам на покойном, если только он не отказался совсем от наследства. Впрочем, такой отказ от всех прав на наследство закон допускал для наследников только в том случае, когда они жили с покойным не в одной семье и не в одном капитале.

V отдел Псковской грамоты говорит о *братчине*. По псковскому закону братчина судилась своим судом, имела своего выборного князя и судей и судилась по своим исконным

обычаем и правам; общий закон уклонялся от вмешательства в дела братчины. Но Псковская грамота уже значительно сокращает права братчинного суда; по ней общий закон или общий суд только тогда не вступался в суд братчины, когда судимые братчинным судом были довольны решением его, а когда они не были довольны решением братчинного суда, то могли апеллировать в общие суды. Но тем не менее и по Псковской грамоте объем братчинного суда был еще очень обширен; братчина судила дела даже по татьбе и убийствам и не платила никаких судебных пошлин.

VI отдел. О сябрах или пайщиках. Сябрами, или, правильнее, шабрами, назывались владельцы общего капитала по долям, нераздельно, то же, что в нашей время акционеры компаний. Сябренное владение по псковским законам могло быть и в движимом и недвижимом имении. Сябренное владение отличается от общинного, ибо в общинном владении доля общинника не составляет его полной собственности; напротив, в сябренном она составляла полную собственность сябра, которую он мог продать, заложить, словом, имел право на любой вид отчуждения. В движимом имении сябры могли владеть и по доскам и без досок, но иск по владению без досок не принимался в суде. В случае исков между сябрами, по представлении на суд доски, представлялось ответчику или самому целовать крест, или положить свою доску у креста и представить целование креста истцу, или же, наконец, решить дело судебным поединком. Во владении недвижимым имением все сябры должны были иметь грамоты на владение своей долей и в случае иска по одной какой-либо доле сябренного владения все должны представлять в суд свои грамоты, целовать же крест обязывался только тот сябр, против которого начат иск; ему же выдавалась и правая грамота.

VII отдел. О наймах. Наймы по псковскому закону производились по записям или без записей и заключались или на отряд, т.е. до окончания известной работы, или на сроки – на месяцы, годы. Нанявшийся на отряд по окончании работы имел право требовать с хозяина задельную плату «в

заклич», т.е. публично на площади или на рынке. А который наймит подрядился на сроки, то, отживши их, имел право требовать с хозяина заработанные деньги. Если же он отойдет от хозяина, не доживши срока, то имеет право только на ту долю наемной платы, которая ему следует за прожитое время и притом так, что подрядившийся на годовые сроки имеет право получить только за круглые годы, если же он работал сколько-нибудь сверх года, хотя бы несколько месяцев или почти год, то не имел права на получение платы за месяцы, не составлявшие года. Равным образом, если наймит подрядился помесячно, то лишние сверх целых месяцев дни или недели также не принимались в расчет. Если же наймит отойдет от хозяина, не окончив подрядной работы и будет утверждать, что он окончил работу и потребует плату за нее, а хозяин его, напротив, будет утверждать, что работа им еще не окончена, и если при этом подрядной записи у них не будет, то в таком случае хозяин или сам должен целовать крест, или же заставлял целовать крест работника, положив у креста требуемую им плату. То же начало принималось в Псковской грамоте и относительно расчетов мастеров с их учениками: если мастер будет искать на ученике плату за учение, а ученик будет отпираться от нее, то или сам мастер целует крест, или заставлял своего ученика целовать крест.

VIII отдел. О торговле и мене. Торговля или мена по псковскому закону признавались действительными только между людьми, находившимися в трезвом состоянии. Если же кто продаст, купит или променяет, будучи пьян, то имеет право возвратить проданное или купленное, и закон в этом случае не полагает даже крестного целования. Вообще в Пскове требовалось, чтобы торговля и мена были совершенно свободными сделками, и о псковской торговле все иностранцы, бывшие в Пскове, отзывались как о самой честной. Даже при покупке скота в Пскове покупатель имел право требовать у продавца свои деньги и возвратить ему купленную скотину, если находил у нее пороки, которых при покупке не замечал. Торговые сделки допускались при свидетелях и без свидетелей, и за по-

рукой, но в случае иска торговые сделки при свидетелях и за порукой имели на суде больше значения, чем сделки без свидетелей; купивший без свидетелей обязывался доказать факт покупки крестным целованием. В случае исков по торговым делам, предоставлялось на волю ответчика или идти на судебный поединок, или предоставить истцу целовать крест.

Новгородская судная грамота. Об этой грамоте прежде всего нужно сказать, что она составлена собственно не в 1471 году, а еще в 1456 году; в 1471 году она была только переписана на имя великого князя Московского Иоанна (III) Васильевича. Первоначальный состав ее был сделан на общем вече в Новгороде, когда новгородцы были в войне с Василием Васильевичем Московским и когда Новгород был разделен на две партии, из коих одна держалась московской стороны, а другая польской, когда всю власть в Новгороде забрали в свои руки бояре и богатые купцы, ибо и при равенстве голосов в Новгороде большие люди имели такую силу, что совершенно стеснили меньших людей. В видах этого стеснения меньших людей большими и была составлена настоящая грамота. Иоанн Васильевич после Шелонского погрома, покорив Новгород, нашел выгодным для себя оставить эту грамоту неприкосновенной; он утвердил ее, приказав только переписать ее на свое имя. В надписи на Новгородской судной грамоте говорится, что эта грамота составлена на общем вече на Ярославовом дворе по докончании Великого Новгорода с великим князем московским Иоанном III. Новгородская судная грамота ограничивается узаконениями о суде и порядке суда; других узаконений в ней нет. Статьи, содержащиеся в ней, можно разделить на следующие отделы: 1) о видах суда и об ограждении суда законом; 2) об истце, ответчике и поверенных или адвокатах; 3) о послухах или свидетелях; 4) о вызове в суд; 5) о судебных сроках; 6) о порядке суда; 7) о судебных пошлинах.

Отдел. Виды суда были следующие: 1-й *владычный суд*, или суд новгородского архиепископа. Этот суд, по закону Новгородской грамоты, должен был производиться архиепископом новгородским и людьми, поставленными им, по правилам св.

отцов и по Номоканону. Следовательно, этот суд был совершенно самостоятельный и отдельный от других судов: в нем не участвовали ни княжеские, ни городские, ни какие-либо другие судьи. Он касался всех новгородцев, но только в известных случаях. Сами дела, подлежавшие этому суду, были те же, какие по прежним законам подлежали церковному суду; в Новгородской грамоте только прибавлено, что во владычном суде не должно быть никакого пристрастия, что бояре, житьи люди и меньшие должны быть судимы одинаково. *2-й, суд посадника.* Этот суд в Новгороде, так же как и в Пскове, нераздельно принадлежал двум властям: князю или его наместнику и представителю земской власти – посаднику. По настоящей грамоте ни князь не мог судить без посадника, ни посадник без князя. *3-й, суд тысяцкого.* Этот суд отличался от посаднического тем, что в нем вовсе не участвовали представители со стороны князя. Это был суд совершенно не зависимый от князя, то же, что в Пскове суд городских судей и сотских. *4-й, суд новгородских докладчиков.* Этот суд совершенно новый, не известный в Новгороде до составления настоящей грамоты, суд, придуманный в данном случае аристократией для того, чтобы давить меньших людей; он-то и составляет суть настоящей грамоты, через него-то большие люди, главным образом, и надеялись подчинить себе меньших. Суд новгородских докладчиков имел свои заседания во владычной комнате, а судьями на нем были от каждого новгородского конца по боярину и по житию, т.е. по богатому купцу; следовательно, всех судей было 10; они собирались в суде в каждую неделю по 3 раза (в понедельник, среду и пятницу). Какие дела подлежали этому суду – из грамоты не видно. Новгородская грамота вообще не указывает – какому суду какие подлежали дела; исключением из этого служит только владычный суд. Все судьи в Новгороде ежедневно, как только являлись на суд, должны были целовать крест на этой судной грамоте в том, что будут судить в правду, другу не дружить никакой хитростью, посулов не принимать и недругу не мстить и пр. Эта странная клятва дает нам понятие о новгородском суде и судьях, очень невыгодное для них. Действи-

тельно, новгородские суды отличались несправедливостью, лихоимством и медлительностью в решении дел; известно, что дело московского государя по Двинской земле тянулось в новгородских судах целых 25 лет, но зато они и не пользовались никаким уважением; нередки были такие случаи, что какой-нибудь недовольный решением суда собирал толпу других недовольных, с которой нападал на судей и разгонял весь суд. Такое положение судей и суда в Новгороде вызвало особенный закон, ограждающий неприкосновенность их. По этому закону, если боярин делал «наводку» на суд, то платил в пользу князя и Новгорода 50 руб., житий – 20, а младший – 10 руб. Равным образом этой же пене подвергался и тот, кто нападал на своего истца во время суда или у доклада, или же на судей во время поединка.

II отдел. Об истце, ответчике и поверенных. По Новгородской грамоте истцом и ответчиком мог быть без различия звания, состояния и пола каждый, даже и полный холоп. Тяжущиеся могли или сами являться в суд, или посылать от себя поверенного, или, по-новгородски, «ответчика». Поверенным мог быть как посторонний, так и родственник тяжущегося: сын от матери, муж от жены и т.д. Первой обязанностью тяжущихся и их поверенных перед началом суда было целование креста на грамоте в том, что каждый из них считает свое дело правым и вполне согласным с новгородскими законами; без целования же креста, по Новгородской грамоте, суд не мог начаться, и тот, кто не целовал креста, без суда признавался виновным и на него выдавалась правая грамота. Целование креста требуется от тяжущихся даже и тогда, когда они поручали свое дело поверенным, без того поверенный не допускался в суд. Исключение из этого было одно: когда муж был поверенным своей жены или сын – поверенным своей матери. Богатые и знатные совершали крестное целование у себя на дому в присутствии приставов от суда, а бедные – в суде. Поверенные, несмотря на присягу тяжущихся – их доверителей, также должны были целовать крест за себя при самом начале суда, без чего суд не начинался.

III отдел. О послухах. Свидетелем в Новгороде мог быть каждый, так же как истцом и ответчиком. Впрочем, здесь были некоторые ограничения; именно: к свидетельству не допускались полные холопы, которые могли свидетельствовать только по делам холопов же, и псковитяне. Недопущение к свидетельству последних объясняется временем: во время составления Новгородской грамоты псковитяне были в крайней вражде с новгородцами – псковитяне держались московской стороны, а новгородцы – польской, поэтому они смотрели на псковитян как на своих врагов и изменников. Представлять послухов на послуха не дозволялось. По Новгородской грамоте, если кто объявлял своего послуха отсутствующим, то для вызова его должен был давать заклад шестнику или гонцу «по старине» на 100 верст и сверх того также по старине по 4 гривны на 100 верст подвойским, бирючам и софиянам, т.е. служителям церкви Св. Софии, и изветникам. Если кто-либо из тяжущихся сошлется на послуха, находящегося на расстоянии более 100 верст, то для вызова его в суд и для отсрочки суда он должен просить согласия другой стороны. Если же ему не дано будет согласия на отсрочку, то он должен представить своего послуха в трехнедельный срок, который назначался и для вызова послуха, жившего на расстоянии 100 верст.

IV отдел. О вызове в суд. По Новгородской грамоте вызов в суд имел следующие 4 формы: 1) вызов истца и ответчика по тяжёлым делам; 2) вызов свидетелей; 3) вызов товарищей, или шабров; и 4) вызов по уголовным делам. 1. По первой форме Новгородская грамота узаконяет, что суд прежде всего должен известить ответчика о предъявленном на него иске и потребовать от него назначения срока, когда он может явиться в суд. Но ежели в срок, назначенный им судьё, почему-либо нельзя будет сесть на суде, то он должен известить об этом вызываемого и назначить ему свой срок. Если ответчик в первый срок, назначенный им самим или судьёй, не являлся, то суд делал ему новый вызов через отсылку, которая делалась трижды и по особенной форме; именно – суд трижды посылал позовников на двор вызываемого, и в то же время ему делался

вызов через бирючей, которые ходили по городу или волости и кликали, что такой-то вызывается в суд по такому-то делу. А если кто и после этого не являлся, то на него выдавалась так называемая обетная грамота со взятием 3 денег за неявку. Если вызываемый силой сопротивлялся позовнику, явившемуся к нему с обетной грамотой, прогонял и бил его, то на него родственникам и друзьям позовника выдавалась бессудная грамота. В законе сказано: *«А примут позовника в селе, а почнут над ним силу десять, то дать в позовниково место грамота бессудная, племяннику его или другу»*. На суд вызываемого сопровождали двое выборных от того общества, к которому он принадлежал, так называемые ятцы, которые посылались при нем на тот случай, что ежели бы община вздумала в защиту подсудимого сделать на падение на позовников, в таком случае ятцы отвечали перед Новгородом за оскорбление позовников.

2. Свидетелей, как и самих тяжущихся, в Новгороде вызывали особые служители – шестники, подвойские, бирючи, софияне и изветники. Но особенность вызова свидетелей состояла в том, что заклад и издержки по их вызову должен делать тот, кто вызывает, тогда как издержки по вызову ответчика падали на обвиняемого. Кроме того, по новгородскому закону не полагалось никаких принудительных мер при вызове в суд свидетелей: закон вполне представлял заботиться об явке в суд свидетеля тому, правота которого опиралась на нем; а если свидетель не являлся в суд, то на тяжущегося, который представлял его в свидетели, выдавалась бессудная грамота.

3. Для вызова в суд шаблов или товарищей тяжущегося, у которых были крепости или иные документы, подтверждающие справедливость его иска, суд не посылал от себя служителей и вообще не принимал в этом никакого участия, а представлял это самому тяжущемуся. Здесь дело суда ограничивалось только назначением срока для вызова в суд шаблов (срок 3 недели на 100 верст, а больше или меньше по расчету) и выдачей истцу срочной грамоты для вызова. Впрочем, суд выдавал срочную грамоту только тогда, когда обе стороны согласны на вызов и когда вызывающий присягал в том, что у его сябров дей-

ствительно есть документы, необходимые для решения его дела. 4. Для ответчиков, обвиняемых в татьбе, убийстве, грабеже, разбое, холопстве (беглый холоп) и других уголовных преступлениях, назначался особый вызов. Здесь суд прежде всего требовал от обвинителя или истца присяги на судной грамоте в том, что он объявил иск и обвиняет преступника законно. После такого подтверждения действительности преступления суд брал на себя все хлопоты по вызову ответчика и посылал грамоты к правителю области, к которой принадлежал обвиняемый, или к землевладельцу, на земле которого он жил. При этом суд требовал, чтобы областные начальники или владельцы высылали обвиняемых в узаконенный срок (3 недели на 100 верст); а если не вышлют и будут укрывать преступников, то за это платят все убытки истцу-обвинителю и, в случае укрывательства беглого холопа, не могут ссылаться на какие-либо грамоты и не имеют права тайно провозить укрывающегося из одного имения в другое или из одной волости в другую. А ежели кто примет укрывающегося преступника и в этом уличат его, тот, кроме платежа убытков истцу, подвергается еще особому штрафу.

У отдел. О судебных сроках. По Новгородской судной грамоте полагается два разряда судебных сроков: первый для судей, а второй для тяжущихся и их свидетелей.

Первый разряд судебных сроков. В делах по земельному владению назначался двухмесячный срок, т.е. судья должен был окончить суд по этим делам в течение 2-х месяцев, а во всех остальных делах – месячный. Впрочем, если бы проволочка дела зависела не от судьи, а от самих тяжущихся – вследствие ли их отсрочек для вызова свидетелей или по другим каким причинам, – то судья за это не отвечал; вследствие этой оговорки в законе дела в новгородских судах решались вообще очень медленно. Ежели же виной проволочки дела был сам судья, то истец и ответчик имели право жаловаться на него новгородскому вечу, которое давало им приставов от себя; в присутствии этих приставов судья должен был решать дело недовольных тяжущихся. А ежели бы по земляному делу посад-

ник, тысяцкий или владычный наместник, вызвав межников и назначив срок для суда, сами не прибыли для решения дела, то за это должны были платить штраф 50 рублей в пользу Новгорода и великого князя и сверх того платить истцу и ответчику все их убытки. Второй разряд судебных сроков относится, собственно, до явки в суд самих тяжущихся или их свидетелей и шабров или товарищей. Для этого были разные виды сроков: 1-й из них назначался для истца и ответчика, живших в одном городе; он зависел от ответчика, который назначал срок по своему усмотрению. В назначенный срок должны были явиться в суд как истец с ответчиком, так и судья; но если бы судья почему-либо не мог явиться в срок, назначенный ответчиком, то должен был известить об этом тяжущихся и назначить новый срок для суда. А если кто из тяжущихся не являлся на суд в назначенный срок, то ему посылались через бирючей три повестки, по получении которых если он все еще не являлся, то на него выдавалась обетная грамота и взыскивалось 3 деньги штрафа за неявку. 2-й вид сроков назначался для ответчиков, живших не в одном городе с истцом; он назначался смотря по расстоянию, в котором жил ответчик; если это расстояние было 100 верст, то срок назначался двухнедельный, а если ответчик жил от истца дальше или ближе, чем в 100 верстах, то срок назначался по расчету. 3-й вид сроков назначался для вызова послухов и шабров. Здесь полагалось три недели на 100 верст, а дальше или ближе – по расчету. Но для вызова шабров, живших дальше 100 верст, нужно было иметь согласие противной стороны, причем положено было брать у судьи срочную грамоту, за которую платилось ему 3 деньги. 4-й вид сроков давался истцу и ответчику уже по окончании дела для взаимных переговоров и для совета с судьями. Этот срок был месячный и пропустившему его уже нельзя было апеллировать на решение суда. 5-й вид сроков назначался для лиц, обвиняемых в уголовных преступлениях. Этот срок был трехнедельный на 100 верст, а дальше или ближе – по расчету.

VI отдел. Судебные пошлины. По Новгородской грамоте судебные пошлины были разных видов. 1-й – в исковых или

гражданских делах владыке, его наместнику и ключнику от печати полагалась гривна с судного рубля (т.е. когда иск кончался по суду), а от бессудного рубля, если иск кончался без суда, когда вследствие, например, неявки ответчика в суд истцу выдавалась бессудная или правовая грамота, по 3 деньги от печати. Посадник же, тысяцкий и всякий другой судья от судного рубля получали по 7 денег, а от бессудного – по 3 деньги. 2-й вид составляли пошлины по условным делам. По новгородскому закону, ежели кто кого утяжет или уличит на суде в татьбе с поличным, в разбое, в головщине, в холопстве и в полевой грамоте, то судьям по таким делам выдавалась от судной грамоты по 4 гривны, а от бессудной по 2 гривны. 3-й вид составляли пошлины, собираемые при выдаче срочной грамоты. Здесь судья получал от печати 1 гривну. 4-й вид пошлины при выдаче обетной грамоты и истцу. Здесь судья получал 3 деньги от печати. 5-й – бирючам, подвойским, изветникам и софиянам выдавалась пошлина в 4 гривны на 100 верст по всем делам, за исключением земляных дел, с которых не брались пошлины.

VII отдел. О порядке суда. 1. По Новгородской грамоте суд, чей бы он ни был, начинался в тиуновой «одрине» или комнате; каждый судья после челобитья истца, назначив срок для суда, передавал дело своему тиуну на рассмотрение. В Новгороде каждый судья имел своего тиуна, который должен сделать предварительное рассмотрение дела: собрать и слышать показания свидетелей, рассмотреть грамоты и разные доказательства по делу и занести дело в особую грамоту, так называемый «судный список». 2. Рассмотрев дело, тиун вызывал в суд ответчика. После этого истец и ответчик в назначенный срок являлись к тиуну в сопровождении своих приставов, или так называемых судных мужей, которые должны были заседать на суде по их делу. При этом, как ответчик, так и истец или их поверенные должны были целовать крест – истец на том, что он ищет правого дела, а ответчик на том, что будет судиться и показывать правильно; точно так же и пристава, и сам тиун должны были целовать крест на том, что они будут судить вправду. Если же ответчик или истец не будет цело-

вать крест, то та сторона, которая не целовала креста, без суда обвинялась и проигрывала дело, а противная сторона без суда оправдывалась. 3. По рассмотрении дела тиун приносил его к своему судье (посаднику или тысяцкому, владычному наместнику или докладчикам), вместе с этим тиун приводил в суд и самих тяжущихся или их поверенных и судей. Посадник, тысяцкий или другой судья, начиная дело, присягал на грамоте в том, что будет судить вправду, беспристрастно и проч. 4. По новгородскому закону суд оканчивался тем же судьей, которому дело было представлено на доклад, и каждый судья по окончании дела должен был приказать своему дьяку записать решение, а рассказчики или судьи от стороны должны к тому списку дела приложить свои печати. Но ежели судья даст тяжущимся срок для суда и по этому сроку срочную запись за печатью и в это время перейдет на другое место или вообще сменится другим, то тяжущиеся должны обратиться к новому судье и представить ему срочную запись; этот новый судья должен был окончить дело, начатое его предшественником. 5. Ежели на одном и том же лице будет иск по наезду или грабежу и земляному делу, то ему предоставлялось на волю или отвечать прежде по делу о наезде, а потом по земляному делу или же по обоим этим делам вместе. В первом случае, т.е. когда истец обвинялся в наезде и грабеже, он приговаривался к платежу пени в пользу князя и Новгорода и сверх того платил истцу судебные убытки. Если в наезде обвинялся боярин, то платил пени князю и Новгороду 50 руб., житий – 20 руб., а младший – 10 руб. Что же касается до земляного дела, то оно судилось своим чередом: здесь ответчик или истец признавался правым и ему выдавалась правая грамота независимо от грабежа или наезда. Во втором же случае, т.е. когда оба дела шли вместе, оправданной стороне выдавалась одна правая грамота и обвиненный платил пеню только по наезду, по земляному же делу пени не полагалось, а только убытки истцу. 6. Ответчик, по какому-нибудь делу вызываемый в суд, мог в то же время сам начать иск на другом лице. Но на этот раз по третьему делу его никто уже не мог вытребовать в суд,

и если бы суд сделал ему в это время вызов по новому делу, то он имел полное право не являться, пока не заканчивал два первых дела. 7. Если кто из тяжущихся был недоволен медленностью суда и ежели притом виной этой медленности был сам судья, то в таком случае тяжущиеся имели право просить у Новгорода приставов и судья должен был решать дело уже при этих приставах. 8. Если же чей-либо поверенный возьмет у суда срок по известному делу для представления свидетелей и в этот срок умрет, то в таком случае на тот же срок доверитель должен был или сам явиться в суд, или же представить нового поверенного, а если он не делал ни того, ни другого, то тем самым проигрывал дело, и на него выдавалась бессудная грамота. Вот и все дошедшие до нас узаконения Новгородской грамоты. Надобно думать, что в ней были и другие узаконения, но так как она дошла до нас только в одном списке, да и то без конца, то мы и не можем сказать, какие именно узаконения и сколько их было еще в Новгородской грамоте.

Московская губная запись 1486 года. Московская губная запись преимущественно определяет порядок суда по уголовным делам, на это указывает и само название ее – «губная». В ней есть несколько и гражданских узаконений, но преимущественно она относится к уголовным делам и определяет порядок суда по этим делам. В этом порядке еще проглядывает старое вирное устройство, хотя о вирах здесь и не упоминается. Из губной записи, во-первых, видно, что судопроизводство по вирным делам в Московском государстве в то время распределялось по округам. Разные города и волости с селами и деревнями причислялись к одному округу, составлявшему в этом отношении одно целое. Но эти округа нисколько не совпадали с административным делением государства на уезды, волости и станы; так, к московскому уголовному округу, кроме города Москвы и Московского уезда, причислялись: Серпухов, Хотунь, Руза, Звенигород и часть волостей Дмитровских. Уголовным судьей этого округа был большой наместник московский. В административном отношении Москва была разделена на 2 отдела; в ней было два наместника и сверх того наместник

великого князя или большой наместник московский, который и судил все уголовные дела целого округа; городские же наместники или волостели судили только гражданские дела по своим уездам или волостям. Во-вторых, сами уголовные округа имели свое подразделение собственно для платежа головщины, так, по записи город Москва был разделен на 5 отделов и по этим отделам распределялся платеж головщины в случае неотыскания убийцы: так, например, если бы душегубство случилось в Замоскворечье, то платеж головщины по этому душегубству падал на Замоскворечье и на Даниловское, составлявшие один отдел; если бы душегубство случилось на Варваровской, то платеж головщины падал на Варваровскую, Мясницкую и Покровку. Такой порядок имеет много сходного с прежними вервями. Различие между вервями и московскими уголовными отделами было только то, что верви учреждались добровольно самим обществом, тогда как округа были введены администрацией; притом вервь платила головщину только за тех, кто вложился в дикую виру, здесь же каждый, принадлежавший к тому отделу, в котором совершено душегубство, должен был участвовать в платеже головщины и головщина платилась здесь за каждого. В-третьих, губная запись делит уголовный суд на 2 вида: а) на суд без поличного, т.е. по подозрению, и б) **суд с поличным**. Эти суды имели разное значение. В записи сказано, что если москвич искал на немосквиче без поличного, то хотя суд по этому иску производит большой московский наместник, но тем не менее в суде участвовал и гражданский судья ответчика, ради своих пошлин. Следовательно, здесь уголовный суд не был вполне отделен от гражданского. Ежели же москвич судился с немосквичом по делу с поличным, то судил один большой наместник московский без участия гражданского судьи ответчика. В-четвертых, судебные пошлины по Московской губной записи распределялись следующим образом: 1) по посулам пошлина шла большому наместнику с двумя третниками, а тиуну великого князя, что посулят. 2) В делах, о которых нужно было кликать на торгу, что в записи названо «у заповеди», пошлина шла только по

третям большому наместнику с двумя третниками, тиуну же великокняжескому у заповеди пошлин не полагалось. 3) При судебном поединке «вязчее» и пошлина от пересуда шли также наместнику и третникам по третям, причем тиун великого князя получал по трети от наместника и третников. Пошлины пересудной положено по 100 денег с рубля, а в делах, оцененных менее рубля, пересуд не допускался, исключая дела о бесчестье. 4) От головщины, которая в это время стала штрафом общественным, наместнику с третниками полагалось пошлины 4 руб. В-пятых, губная запись отличает судные дела с поличным от дел пенных, т.е. исковых, гражданских. В судных делах с поличным, кто бы ни был пойман – московского ли губного округа или немосковского, того судил и казнил московский наместник с двумя третниками; в пенных же делах московский наместник обязан был дать срок, чтобы ответчик мог поставить своего ответчика судью; следовательно, здесь было недостаточно одного уголовного судьи. Такой порядок суда запись называет новым, введенным великой княгиней Софьей Витовтовной, по старому же порядку все суды без различия на Москве производил большой наместник и ответчиковых судей не было. В-шестых, московский судья не ездил для суда из Москвы по селам, а посылал туда пристава с товарищем, который и давал ответчика на поруки, чтобы явиться к суду большого наместника в Москву; вместе с ответчиком приходил на суд и судья того общества, к которому он принадлежал, «ради своих пошлин», как сказано в грамоте. В-седьмых, в имениях удельных князей, состоявших в Московском уезде, суд уголовный и гражданский по записи принадлежал волостелям удельных князей. Но ежели волостель какое-либо дело судить не мог и должен был доложить такое дело удельному князю, то он мог делать этот доклад только тогда, когда удельный находился в Москве, если же его не было в Москве, то за окончательным решением дела волостель должен был обратиться к великому князю или же к большому наместнику, а не должен был водить подсудимых к докладу по другим городам. В-восьмых, если в Москве поймают с поличным, например, тверского жителя,

т.е. подданного другого княжества, то его и судит и казнит московский наместник, не отсылая его в Тверь и не требуя от туда судьи; равным образом и москвича, пойманного в Твери с поличным, в Твери же и судили. В делах же пенных тверянина отдавали на поруки и отсылали для суда в Тверь. Все эти условия губной записи были основаны на взаимных договорах великих и удельных князей друг с другом.

Уставная Белозерская грамота определяет порядок суда и управы белозерских наместников и пошлины, ими получаемые. Эту грамоту можно разделить на 4 отдела. В 1-м грамота говорит, собственно, о пошлинах наместников и их судей. Наместник получал пошлины при въезде на наместничество, что называлось въезжим. Пошлина эта не определялась законом, а предоставлялась на волю плательщиков, кто что даст. За въезжим следовали наместничьи и тиунские кормы и поборы доводчиков. Эти кормы и поборы платились в два срока: на Рождество Христово и на Петров день. Кормы наместничьи на Рождество Христово ценились в 7 алтын и 2 деньги, а на Петров день – в 3 алтына с каждой сохи; наместничью тиуну в эти же сроки половину против наместника, а доводчику с каждой сохи на Рождество Христово 4 деньги, а на Петров день – 2 деньги. Наместники и их тиуны и доводчики должны были получать эти кормы и поборы в городе от сотских, а сами не имели права собирать их по станам и волостям. Наместник должен поделить волости и станы между своими доводчиками, так чтобы каждый доводчик ведал определенный ему округ и не имел права ездить по другим округам. (Доводчик был чем-то вроде нынешнего судебного следователя, судно-полицейский чиновник, посылаемый в деревни и села для обследования дела на месте.) Доводчик должен ездить по своему округу на одной лошади и без работника, и где ночует, там ему не обедать, и где обедает, там не ночевать. Наместники, тиуны и доводчики назначались на год. Кроме кормов наместникам предоставлялась явочная пошлина с приезжих торговцев или гостей; пошлину эту с большого судна ватман (начальник судна) платил по гривне и сверх того с каждого человека по деньге

с головы; с малых же гребных судов ватман и другие, находившиеся на них, платили только по деньге с головы. Кроме того, ежели приезжие торговцы будут торговать не в указанных местах, то за это бралось заповеди с купца и продавца с каждого по 2 рубля, из которых один рубль шел наместнику, а другой – таможенникам, а товар отбирался на великого князя. Во 2-м отделе грамота, собственно, говорит о порядке наместничьего суда и о судебных пошлинах. По грамоте на суде наместника или его тиуна непременно должны быть сотские и «добрые люди»; без них же ни наместник, ни его тиун не имели права судить. Пошлины от исковых дел определяются оценкой иска (каждый начинающий иск должен предварительно сделать ему оценку и потом в челобитной обозначить, что он оценивает свой иск во столько-то) и распределялись так: ежели истец и ответчик до суда помирятся перед наместником или его тиуном, то в таком случае взималось с рубля по гривне; это наместнику вместе с тиуном и доводчиком за все пошлины. Та же пошлина взималась и в том случае, если дело по суду было доведено до поединка, но тяжущиеся, став у поля, помирились; а если поединок состоялся, то побежденный платил полный иск истцу и противень против иска наместнику в раздел с тиуном и доводчиком за все пошлины. В делах уголовных: ежели на кого доведут татьбу, разбой или душегубство, то на виноватого сперва отправляется иск истца, а потом уже виноватый отдавался наместнику для взыскания с него продажи и для казни. Если же душегубец не будет отыскан, то волость или стан, где найден убитый, обязаны выплатить пени 4 рубля. Ежели бы кто поймал вора и отпустил его, не представив в суд, то это называлось самосудом, за который виноватый платил наместнику пени 2 рубля. Если бы у кого признали татевное, то в таком случае по настоящей грамоте соблюдался тот же порядок, как и по Русской Правде, т.е. хозяин опознанной вещи по сводам отыскивает ее хоть до 10-го свода, до тех пор пока не доходит до того, кто не мог указать, где он взял найденную вещь, и наместники за это не получали никакой пошлины с тех, которые свели с себя обвинение, а все свои пошлины доправляли на на-

стоящем тате. Поличным по Белозерской грамоте называлось только то, что истец с приставами вынет у подозреваемого из клетки или из под замка, а то, что найдет у него на дворе или в доме, но не под замком, не считалось поличным. Такого определения поличного мы не встречаем ни в Русской Правде, ни в других законодательных памятниках предшествовавшего времени. В порче межей наместники от своего суда получали с виноватого по 8 денег за все свои пошлины. В 3-м отделе грамоты определяются пошлины наместнику и владычную десятнику от выдачи девиц в замужество. Ежели кто выдаст дочь замуж из одной волости в другую, то за это платит так называемую выводную куницу, которая определялась в алтын; а ежели кто выдавал дочь «за рубеж», т.е. не в Белозерский уезд, то платил пошлины 2 алтына; а ежели кто выдавал в своей же волости, то выводной куницы не полагалось, а бралось в пользу наместника только свадебное или повоженный убрус – 2 деньги, владычную десятиннику от выдачи «знамения» на венчание полагалось 3 деньги. В 4-м отделе грамоты говорится, что ежели белозерцы будут терпеть обиды от наместника или его тиуна, или доводчика, то имеют право жаловаться на них великому князю и назначать сроки, когда наместнику или волостелю, или их тиунам и доводчикам явиться на суд великого князя.

Московская губная запись и Белозерская уставная грамота имеют весьма важное значение в истории русского законодательства; они указывают на связь старого – по Русской Правде – с новым порядком – по Судебникам: в них мы видим еще и виры, и своды, и распределение уголовных округов, подобное древним вервям, и в то же время встречаем новые судебные пошлины, получившие впоследствии полное развитие в Судебниках. С другой стороны, Губная запись и Белозерская грамота свидетельствуют нам о порядке наместничьего управления, о пошлинах, о кормах наместника и его людей, об участии в суде и управлении выборных людей как представителей земщины, об ограничении власти наместников выборными властями: сотскими, старостами и лучшими людьми. Впрочем, это отнюдь не значит, что в прежнее время выборные люди не

участвовали на суде – это показывает только, что обычай участия выборных людей на суде вошел наконец в закон. В этих же грамотах мы находим ясное свидетельство, что порядок суда и управы в своих основах был одинаков как в Новгородских и Псковских владениях, так и в Московских, – что как в тех, так и в других владениях правительственные и земские власти стояли рядом, хотя, конечно, в Москве власти, поставленные князем, имели более силы, нежели земские, а в Новгороде и Пскове было наоборот.

ПЕРИОД ТРЕТИЙ

ОТ ИЗДАНИЯ СУДЕБНИКОВ ДО ИЗДАНИЯ УЛОЖЕНИЯ (1497—1649)

Мы уже видели, что в первом периоде русского законодательства главным двигателем, починным фактором, была земщина славянских племен на Руси; она в Новгороде решила на общем вече пригласить князей из Скандинавии, она же в Киеве и других городах по Днепру и его притокам изъявила согласие бесспорно принять князей, пришедших из Новгорода, по взаимным условиям, и усердно служила князьям при внешнем объединении Русской земли, разделенной между разными независимыми друг от друга славянскими племенами. Во втором периоде главным фактором была христианская церковь как причина и могущественнейшая сила, сообщившая внутреннее объединение Русской земле; которая, несмотря на внешнюю раздробленность, внесенную удельной системой, сообщила такую крепость и плотность Русской земле, что она могла выдержать даже страшный гнет монгольского ига и не только не пала под этим гнетом, но еще более укрепилась и даже воспользовалась могуществом монгольских ханов для уничтожения удельного разновластия и окончательного своего объединения; так что, свергнув монгольское иго, она как земля православная стала могущественной державой на востоке Европы и потянула к себе все соседние земли.

По местности, где сосредоточивалась государственная деятельность, первый период можно назвать новгородско-киевским, а второй период – киевско-владимирским; третий же период по местности, откуда развивалась сила, должно назвать московским, а по характеру деятельности – периодом развития великокняжеской, а потом царской власти на Руси. А посему, начиная третий период, мы должны прежде всего сказать о постепенном развитии значения Москвы как центра единой нераздельной Русской земли.

Первоначальная история Москвы для нас малоизвестна. Первое положительное упоминание о ней в наших летописях мы встречаем под 1147 годом, под которым летопись говорит, что владими́ро-суздальский князь Юрий приглашал в Москву своего союзника, новгород-северского князя Святослава Ольговича. Вот слова летописи: «И прислав Гюрги к Святославу рече: *“приди ко мне брате в Москве”*. Святослав же еха к нему с детятем своим Олгом в мале дружине, пойма с собою Владимира Святославича; Олег же еха на перед к Гюргеви, и да ему пардус. И приеха по нем отец его Святослав, и тако любезно целовастаня и быша весели. На утра же повеле Гюрги устроить обед силен, и сотвори честь велику». Таким образом, первое положительное известие о Москве было заявлено веселым пиром двух князей-союзников. В этом известии мы находим чисто исторического только то, что в 1147 году город Москва уже существовал и принадлежал Владимиро-Суздальскому княжеству. Затем, второе известие о Москве относится к 1175 году. В этом году четверо князей, ехав из Чернигова во Владимир для занятия Владимирского княжения по смерти Андрея Боголюбского, останавливались в Москве и принимали там посольство от суздальцев и владимирцев. Третье известие относится к 1176 году, когда князь Михаил Юрьевич с братом своим Всеволодом останавливался в Москве на пути во Владимир, и туда же спешил князь Ярополк Ростиславич с дружиной, чтобы не пропустить Михаила во Владимир. Четвертое известие относится к 1177 году и повествует о том, что князь Глеб Рязанский, находясь в войне с Всеволодом Владимирским, пожег

Москву и опустошил все села и волости московские. Это известие важно для нас в том отношении, что указывает на Москву как на город довольно значительный, уже имеющий свои волости и села, т.е. свой уезд. Далее под 1209 годом встречаем известие, что рязанские князья, находясь в войне с Всеволодом Владимирским, опять воевали около Москвы. А под 1213 годом летопись уже упоминает об особом московском князе Владимире Всеволодовиче, которого в этом году братья перевели из Москвы в Переяславль-Русский, т.е. приднепровский. В 1237 г. Москва была одним из первых городов великого княжества Владимирского, взятых татарами; в летописи сказано: *«Тояже зимы взяша Москву татарове, и воеводу убиша Филипка Нянка за правоверную христианскую веру, а московскаго князя Владимира Юрьевича руками яша, а люди убиша от старца до сущаго младенца; а град и церкви святягы огневи предаша, и монастыри все и села пожегоша, и многи именья взявше отъидоша»*. Это известие свидетельствует, что Москва в то время была уже столицей удела, где княжил сын великого князя Владимирского, и что она была довольно значительна и богата, имела несколько церквей и монастырей. Через сто лет после первого известия о Москве, именно под 1248 годом, мы читаем в летописи, что московский князь Михаил Ярославич Хоробрит, сын великого князя Ярослава Всеволодовича, пал в битве с литовцами на берегах Протвы. Затем, через сорок восемь лет по смерти Михаила, именно под 1296 годом, встречаем известие о съезде русских князей во Владимире, на котором московский князь Даниил Александрович, младший сын Александра Невского, уже является великим князем Московским. Таким образом, на пространстве 148 лет от первого известия о Москве мы находим в летописях девять упоминаний о ней, и к концу этого времени Москва уже стала отдельным и самостоятельным княжеством наравне с Владимиром, Тверью, Ярославлем и Переяславлем. Ряд летописных упоминаний, с одной стороны, свидетельствует, что Москва была одним из младших городов здешнего края и, очевидно, явилась на свет незадолго до первого летописного известия о ней; а с другой

стороны, в том же ряде упоминаний мы находим прямое свидетельство, что Москва в продолжение неполных полутора лет выросла сперва в удельное, а потом и в самостоятельное великое княжество, настолько сильное, что сравнялось с другими старейшими великими княжествами северо-восточной Руси. Вот и вся история Москвы по летописям за первые полтора года лет – история, как всякий может заметить, самая слабая и отрывочная, проводящая еле заметную нить событий.

Но как все крупные исторические единицы, будут ли то личности или города, имеют кроме летописей и народные предания, часто фантастические в подробностях, тем не менее достоверные в основании и дающие свой характер и жизнь сухим летописным известиям; точно так же и за Москвой, как крупной и мировой исторической единицей, есть свои народные предания, пополняющие худость первоначальных летописных известий. Предания эти охватывают собой именно период времени от князя Юрия Владимировича Долгорукого, при котором мы встречаем в летописях первое упоминание о Москве, до первого великого князя Московского Даниила Александровича и даже его сына Ивана Даниловича.

По народному преданию, местность, занимаемая теперь Москвой, принадлежала богатому боярину Степану Ивановичу Кучке, который здесь был богатым и сильным потомственным землевладельцем, владевшим целой волостью с селами и деревнями и имевшим главную свою судьбу, как говорит предание, *оба полы Москвы реки*. Далее продолжает предание: «тот Кучка возгордился зело и непочтил великаго князя Юрия Владимировича Долгорукаго во время проезда его во Владимир и поносил его. Князь же великий, нестерпя хулы, повеле боярина того смерти предати; сыны же его, видев млады суши и лепы зело, и дщерь едину благообразну, отослал во Владимир к сыну своему Андрею. Сам же вошедши на гору и обозрев оба берега Москвы реки и за Неглинною, повелел сделать деревянный город и назвал его *град Москва* т.е. именем Москвы реки. Сочетал своего сына Андрея браком с дочерью убитаго Кучки и заповедал ему город Москву насе-

лить людьми и распространить». К этому преданию Татищев в своей истории присоединяет вариант, найденный им в одной раскольничьей летописи, по которому Степан Иванович Кучка был тысяцким у Юрия Долгорукого и, заметив любовную связь князя со своей женой, увез последнюю в свои имения на берегах Москвы-реки и оттуда думал бежать к Юрьеву врагу, князю Изяславу Мстиславичу; но Юрий явился в московские имения Кучки, убил его и заложил город Москву, а дочь его выдал за своего сына Андрея.

Приводимые два рассказа преданий о начале Москвы явно противоречат хронологии: они относят начало Москвы и убийство Кучки к 1158 году, когда Юрия уже не было в живых, и прямо несогласны с летописью, в которой о Москве упоминается, как мы уже видели, под 1147 годом. Тем не менее за этими рассказами остаются следы исторической достоверности: так, один из Кучковичей Яким и по летописям находился в числе приближенных Андрея Боголюбского и участвовал в заговоре на его жизнь, и далее, некоторые местности Москвы даже в XIV и XV столетиях носили название Кучковых, так, например, местность, где теперь стоит Сретенский монастырь, в XIV и XV столетиях называлась Кучковым полем. Таким образом, начало Москвы согласно с преданием тесно связано с именем боярина Кучки. Сами летописи не отрицают связи начала Москвы с Кучкой: так, в Волынской летописи, под 1176 годом Москва еще удерживает прежнее название Кучкова; летопись говорит: «И несли князя Михаила еле жива на носилках до Кучкова, рекше до Москвы».

Кто же был этот полузабытый Кучка? Предание называет его боярином, а Татищев даже тысяцким, в летописях один из Кучковичей, Яким, также состоит в числе бояр Андрея Боголюбского; поэтому с первого взгляда можно подумать, что Кучка принадлежал к числу княжеских дружинников, но предание, как мы уже видели, говорит, что «Кучка разгордевся зело и непочти князя, поносил его»; а другое предание даже рассказывает, что Кучка воевал с князем и был убит в одном сражении вместе со своими сыновьями. Из всего этого вид-

но, что Кучка был не дружинник князя, а богатый земский боярин, который, живя вдали от княжеского двора, не хотел знать князя и при встрече с князем не только не почтил его, но даже обругал. И тем с большей уверенностью должно признать Кучку земским боярином, что князья до Юрия Долгорукого даже вовсе не жили в Суздальском краю, а потому не могло быть там и богатых дружинников и землевладельцев; напротив того, отсутствие князей давало в здешнем краю полную свободу старым новгородским колонистам. А что боярин Кучка, по всей вероятности, принадлежал к старинному роду сильных новгородских колонистов в Суздальском краю, подтверждается тем, что род Кучковичей существовал в Новгороде даже в XV и XVI столетиях. Развивать свою власть, распространять свои владения и управлять всем краем в звании земских бояр, подобно тому, как земские новгородские бояре-землевладельцы впоследствии почти бесконтрольно управляли от имени Новгорода Двинской землей и Заволочьем, или прежде, до Владимира Святого, Волынскую и Галицкую земли держали за собой тамошние земские бояре-землевладельцы, вроде сказочных Дюка Степановича или Чурилы Пленковича. К числу таких земских бояр старожилов в Московской местности принадлежал боярин Кучка.

Естественно, что суздальские бояре-землевладельцы, привыкшие к полной свободе и самовластию не только в своих вотчинах, но и в целом краю, должны были недружелюбно смотреть на князя Юрия Владимировича Долгорукого, решившегося утвердить свою власть в Суздальском краю не по имени только, как было прежде, а на самом деле. Юрий первым из князей Рюрика дома решил жить в доставшемся ему после отца здешнем уделе, начал строить здесь города и приглашать поселенцев из Приднепровья и других краев Русской земли, и тем до некоторой степени стеснять полное приволье здешних старожилов, особенно богатых и самовластных земских бояр из старинных новгородских колонистов, едва признававших власть прежних, постоянно отсутствовавших князей, а ежели и признававших, то главным образом из-за того, чтобы не под-

чиниться власти соседних князей Рязанских. На эти стеснения и новости, вводимые поселившимся здесь князем, земские бояре, старые хозяева края, отвечали или глухим неповиновением, или явным сопротивлением. Гнездом таких недовольных были имения богатейшего и сильнейшего землевладельца, боярина, по другому преданию тысяцкого, Степана Ивановича Кучки. Князь Юрий Владимирович, силой смилив недовольных и убив их предводителя Кучку, решил в самих имениях Кучки построить княжеский город, чтобы саму местность, где было успели утвердиться недовольные, навсегда утвердить за собой и своим потомством. Таким образом, по первому ряду преданий, сосредоточенных около имени Юрия Долгорукого, Москва является как опорный пункт для развития княжеской власти в самом гнезде противников этой власти.

Но постройкой Москвы и других городов в здешнем краю тайные и явные противники княжеской власти не были еще уничтожены окончательно, они были только ослаблены и в Москве потеряли центральную местность, где прежде удобно могли собираться и действовать общими силами; тем не менее глухая борьба старых порядков с княжескими нововведениями продолжалась, и Москва мало-помалу принимала все большее значение, конечно уже в новом смысле. По смерти Юрия Долгорукого при его преемнике, хотя и не вскоре, нашлось нужным в интересах княжеской власти образовать в Москве особое удельное княжество, в котором, как мы уже видели, первым удельным князем был внук Долгорукого, Владимир Всеволодович. До образования удельного княжества в Москве защитники старых самовольных порядков были еще настолько сильны, что ни одна перемена князей в Суздальском краю не обходилась без их участия. Так своевольники, и в их числе один из Кучковичей, убили Андрея Юрьевича Долгорукого; потом те же своевольники под именем старых ростовских и суздальских бояр, мимо младших сыновей Юрия Долгорукого, пригласили его внуков, Ростиславичей, затем, когда младшие Юрьевичи, Михаил и Всеволод, явились по приглашению владимирцев во Владимир, то те же ростовцы и суздальцы навели

на них Ростиславичей, и борьба продолжалась около двух лет, причем Москва была сожжена рязанским князем Глебом, помогавшим ростовцам и земским боярам против сыновей Юрия.

Продолжение борьбы старых земских бояр здешнего края с княжескими нововведениями и значение Москвы как удельного княжества породили второй ряд преданий о Москве, связанных с именем сыновей Невского, и особенно с именем Даниила Александровича, первого великого князя московского, где также не обошлось без боярина Степана Ивановича Кучки, который, подобно Владимиру Красному Солнышку, служил общим мифом для всех преданий, относящихся к Москве, как представитель старых порядков, поддерживаемых земскими боярами здешнего края, против княжеских нововведений. Но здесь главными действующими лицами являются уже сыновья Кучки, находящиеся на службе у князя и представляющие собой миф потомков старых земских бояр, а миф княжеской власти перенесен с Юрия Долгорукого на его праправнука, Даниила Александровича Московского. Вот содержание этого нового рода преданий. Были по Москве-реке села красные хорошего боярина Кучки, Степана Ивановича; у боярина же того были два сына вельми красны. И сведал про них князь Данило Александрович Невский, и начал просить у Кучки боярина двух сыновей его к себе во двор с великим прением, и глагола ему аще: не даси сынов своих мне во двор, и аз на тя войною приду и тебя мечом побью, а села твои красные огнем пожгу. И Кучка боярин, страха ради, отдал обоих своих сыновей князю Даниилу Суздальскому. И князю Даниилу полюбились оба Кучкова сына, и он одного сделал стольником, а другого чашником. Полюбились те два юноши княгине Данииловой Улите Юрьевне; привязалась она к ним преступной похотью; и умыслили они с княгиною – как бы князя предать смерти. Избравши удобный случай во время охоты за зайцами, напали на него в лесу и убили, а окровавленную его одежду как свидетельство совершившегося убийства привезли в Суздаль к княгине Улите Юрьевне и стали жить с нею в прежней преступной связи. Между тем после убитого Даниила остался

малолетний сын Иван Данилович на руках лютого и ярого дружинника Давыда. Этот Давыд, как верный слуга покойного князя, через два месяца после его убийства, тайно ночью бежал с малолетним княжичем к родному дяде его, Андрею Александровичу, князю Владимирскому, и принес туда весть об изменническом убиении Даниила Александровича. Князь Андрей Александрович владимирский, собрав 5,000 войска, пошел на Суздаль. Услыхавши о походе его, Кучковичи бежали к своему отцу Степану Ивановичу Кучке, а суздальцы сдали свой город Андрею и объявили, что они не только не были советниками на смерть брата его Даниила, но и дают ему свой полк в три тысячи мстить за смерть покойного. Андрей Александрович сперва приказал казнить княгиню Улиту, а потом вместе с суздальцами и со своим полком пошел на боярина Степана Ивановича Кучку. У Кучки вокруг его красных сел не было ограды ни каменной, ни деревянной, и князь Андрей со своею силою вскоре взял приступом все села и слободы, а самого Кучку с сыновьями приказал казнить. А наутро, осмотрев местность Кучковых сел и слобод, повелел ставить там город и назвал его Москвою; воздвиг там деревянную церковь Благовещения Пресвятыя Богородицы. Построивши город Москву, князь Андрей Александрович остался жить там, а во Владимир и Суздаль послал своего сына Юрия, племянника же Ивана Даниловича оставил при себе. Поживши несколько лет в Москве и устроив там много церквей, князь Андрей Александрович скончался и приказал Москву своему племяннику, Ивану Даниловичу.

Из настоящего рассказа мы усматриваем: во-первых, что по народному преданию первое требование суздальских князей от тамошних земских бояр-землевладельцев состояло в том, чтобы бояре отдавали в княжескую службу своих сыновей. Это требование совершенно одинаково с требованием киевских князей от волынских и галицких земских бояр, как видно из народной былины о том, что великий князь Владимир Святославич требовал от Волынского боярина Старого Плена, чтобы он отпустил на службу своего сына, Чурила

Пленковича. Таким образом, суздальские князья в здешнем краю повторяли то, что прежде делали киевские князья на Волыни и в Галиче, так что само предание здесь является как бы повторением приднепровской былины.

Во-вторых, предание свидетельствует, что земские бояре или их дети, поступив на службу в княжеский двор, затевают там крамолу, которая кончается тем, что и дети, и сами бояре, их отцы, лишаются не только имущества, но и самой жизни, а владения их переходят к князю, который строит там город, причем граждане соседних городов становятся на сторону князя и помогают ему, как в преследовании крамольных бояр, так и в построении города. Таким образом, настоящий ряд преданий о Москве захватывает тот период развития княжеской власти, когда отставание старых порядков земского боярства в глазах народа перестает быть законным, а потому преданием облекается в форму безнравственной крамолы, к которой никак не может присоединиться чистота народной нравственности. В приднепровских народных былинах мы этой черты не встречаем; значит, там борьба земского боярства не заходила так далеко – там не было сильных новгородских колонистов, продолжавших бороться даже тогда, когда борьба теряла свою законность.

В-третьих, из настоящего ряда преданий оказывается, что место прежней власти земских бояр в здешнем краю заступает прямо княжеская власть. Она является непосредственно как бы наследницей боярской власти; князь среди боярских сел строит город и сам садится в нем жить, заводит новые порядки, в чем народ сочувствует князю и помогает ему. Значит, старые здешние порядки, которыми так дорожили земские бояре, были не в пользу народа, который видел для себя больше льгот и удобств от порядков, вводимых князем. Ничего подобного мы не встречаем ни в былинах, ни в летописях приднепровских и заднепровских: там князья дорожат старыми земскими городами, воюют и режутся из-за них, о новых же городах своей постройки почти не заботятся, отдают их другим, меняются ими и вверяют своим посадникам, ключникам и тиунам, смо-

трат на них как на чистую частную собственность и не придают им никакого государственного значения. Таким образом, настоящая черта преданий о начале Москвы указывает на начало нового строя общественной жизни всей Русской земли, представительницей которого в глазах русского народа была Москва, занявшая место красных боярских сел и слобод и уже тем самым представляющая собой отрицание старых порядков и олицетворение порядков новых. Здесь народное воображение в мифе о начале Москвы хотело олицетворить начало нового строя общественной жизни на Руси, полное развитие которого действительно впоследствии завершилось в Москве, как мы и увидим в свое время при исследовании истории Московского государства, охватившего всю Русскую землю.

В-четвертых, наконец, в одном варианте предания о начале Москвы в заключение сказано, что Иван Данилович Московский по смерти своего двоюродного брата Юрия Андреевича взял к себе на воспитание его малолетнего сына Дмитрия и, таким образом, сделался государем Московским, Владимирским и Суздальским, а затем к нему вскоре приехал митрополит Петр из Киева и поселился в Москве. Здесь предание заканчивает свой миф о начале Москвы той степенью развития Московского государства, когда Москва и ее князь сосредоточили в себе главные силы всей северо-восточной Руси, когда уже довольно ясно обозначилось, что Москве принадлежит значение столицы и сердца всей Русской земли до крайних ее пределов и что московский князь должен быть государем всея Руси. Это заключение лучше всего характеризует мифический смысл предания о начале Москвы, где наперекор всем хронологическим данным почти двухсотлетняя история Москвы втиснута в рамки почти одной жизни князя Андрея Александровича, где исторические имена князей так дико перемешаны, что в них едва замечается исторический характер, им принадлежащий, где столько вымышленных чисто мифических подробностей и нет ни одной подробности исторической и где тем не менее смысл целого сказания вполне верен истории и необходим для выяснения отрывочных летописных известий.

Таким образом, все дошедшие до нас предания о начале Москвы рассказывают не собственную историю Москвы при ее начале, а напротив, олицетворяют те представления о новом строе общественной жизни, которые в народном воззрении были тесно связаны с представлением о Москве, в истории которой действительно новый строй общественной жизни выразился во всей своей полноте. Народное воображение не ошиблось, олицетворив новый строй общественной жизни на Руси в мифе о начале Москвы; миф этот действительно дает жизнь и смысл отрывочным и безжизненным летописным известиям о первых полутора столетиях истории Москвы. Приняв во внимание этот миф, историк не только осветит для себя давно забытые в летописях первые годы Москвы, но и для последующей ее истории, уже более известной по летописям, откроет многое и важное, что осталось бы незамеченным без этого мифа. Чтобы сильнее запечатлеть значение предания о Москве как о мифе, олицетворяющем новый строй общественной жизни на Руси, мы соберем в одно целое все черты этого предания и потом перейдем к самой истории Москвы как представительницы этого нового строя.

Мы уже видели, что предания о начале Москвы резко разделяются на два разряда, из коих в первом, старейшем, основание Москвы приписывается Юрию Владимировичу Долгорукому, а во втором, позднейшем, – князю Андрею Александровичу Владимирскому. В первом разряде преданий представляется борьба княжеской власти с самовольным и гордым земским боярством в Суздальском краю, этой старинной и богатой новгородской колонии, которая хотя и признавала власть русских князей еще со времен Рюрика, но где князья не жили постоянно и довольствовались только сбором дани, которая, должно быть, доставлялась исправно богатыми новгородскими колонистами. Князь Юрий Долгорукий, поселившись в Суздальской земле со своей приднепровской дружиной, принялся строить там города и заводить новые порядки, и конечно, в ущерб самовластию земских бояр, за отсутствием князей в прежнее время хозяйничавших в здешнем

крае бесконтрольно. Очевидно, что порядки, вводимые Юрием, были в пользу меньших людей против больших, или бояр, ибо иначе успех Юрия был бы немыслим и меньшие люди выступили бы на защиту больших людей, а князь вынужден был бы отказаться от своих нововведений. Но наоборот, когда меньшие люди стали на сторону князя, находя в его порядках защиту от притеснений, то большим людям, или земским боярам, осталось одно – засесть в своих деревнях, где они были сильнее, и вступить в явную борьбу с князем. Но борьба как последнее средство для бояр, оставленных меньшими людьми, как и должно было ожидать, кончалась не в их пользу: упорнейшие из них были казнены, а в их поземельных владениях, как гнездах сопротивления, князь начал строить города и населять их людьми, независимыми от земских бояр, как туземцами, так и пришельцами, – сыновей же казненных бояр зачислял в княжескую службу при своем дворе. Вот смысл первого разряда преданий о Москве. Должно еще прибавить, что, по свидетельству предания, князь Юрий Долгорукий не хотел совершенного истребления боярских родов, а требовал только, чтобы они повиновались его власти, ибо он отдал дочь убитого боярина Кучки в замужество за своего сына Андрея Боголюбского и тем показал, что он не прочь сблизиться с земскими боярами и даже породниться с ними.

Второй ряд преданий хотя также говорит о начале Москвы, но в сущности здесь речь идет о новом периоде борьбы земских бояр с княжеской властью, когда бояре уже вступили в княжескую службу и потеряли ту самостоятельность, которой пользовались в долгий период отсутствия князей в Суздальском краю, когда они вынуждены были не номинально только, но и на деле признать власть князя, когда борьба даже и видимо перестала быть законной и обратилась в преступную крамолу, которая рано или поздно должна была кончиться окончательным падением земских бояр и обращением их в служилых людей. Здесь предание указывает, что торжество княжеской власти последовало при великом князе Иване Даниловиче, который сделался великим князем Московским, Владимир-

ским и Суздальским. Действительно, время Ивана Даниловича было временем торжества княжеской власти над земским боярством; но борьба боярства продолжалась и после, как мы увидим в истории Москвы. Впрочем, предание продолжение этой борьбы уже не охватывает, ибо борьба, как мы увидим впоследствии, приняла такие тонкие и неуловимые формы, что предание уже не совладало с олицетворением их.

ИСТОРИЯ МОСКВЫ

История Москвы вплоть до смерти Василия Васильевича Темного в 1462 году

Суздальско-Ростовский край, где в XII столетии была построена Москва, занимал собой угол, образуемый впадением Оки в Волгу. Этот край, лежащий на водных путях сообщения с востоком – с Болгарией и Козарией, а через них – с Азией, еще в доисторической древности был знаком предприимчивым новгородцам; история застаёт в этом краю богатые новгородские колонии – Ростов и Суздаль, через которые шла новгородская торговля с Азией. Ростовско-суздальские колонии были устроены частными людьми, новгородскими боярами, и составляли их волости, или по нынешнему – вотчины, которыми они владели самовластно от имени Новгорода, признавая над собой верховную власть новгородского веча, которое посылало от себя главных начальников края – посадников – в главные города здешних колоний – в Ростов и Суздаль, куда доставлялась и дань, следующая в Новгород. Колонии эти, не составляющие собственно новгородской земли, а считавшиеся волостями новгородскими, в древнее время были в таком же отношении к Новгороду и в таком же положении, как впоследствии Заволочье и Двинская земля: в них собственно хозяевами и новыми распорядителями были тамошние земские бояре, богатые новгородские колонисты. Все тамошнее население,

как туземное, так и пришлое из Новгорода, зависело от земских бояр. Земские бояре не только были неограниченными владыками в своих владениях; т.е. селах и слободах, но и в городах имели большую власть, так что управление всем краем было в их руках. И хотя по исконному новгородскому порядку по городам были свои веча, на которых участвовали все граждане, но, также по новгородскому порядку, веча эти состояли под руководством бояр или больших людей.

Когда новгородцы в 862 г. пригласили к себе варяго-русских князей: Рюрика, Синеуса и Трувора, то между прочими владениями уступили им и Ростовско-суздальский край в непосредственное владение. Князья стали строить там города и посылать туда своих мужей, как прямо сказано в летописи: *«И раздал Рюрик мужам своим грады: овому Ростов, другому Белоозеро, а повеле грады рубити»*, т.е. вновь строить города. Но передача Ростовско-суздальского края князьям не много изменила положение этого края и строй тамошней общественной жизни: земские бояре этого края были настолько могущественны, что князья с первого раза не нашли для себя возможным приступить к радикальным переменам и ограничились только построением нескольких городов, оставляя край в том же положении в отношении к своей власти, в каком он был в прежнее время в отношении к Новгороду. Даже преемник Рюрика, Олег, недовольный своим положением в Новгороде, не решился удалиться в Ростовско-суздальский край, вероятно не находя возможным вступить в борьбу с тамошними земскими боярами, родными братьями новгородцев, пошел на юг и, спустившись вниз по Днепру, утвердился в Киеве, а оттуда начал подчинять себе различные славянские племена по обоим берегам Днепра и его притокам. Удаление Олега на юг еще более обеспечило свободу и самовластие новгородских бояр-колонистов в Ростовско-суздальском краю. Олег и его преемники, занятые многими делами на юге в Приднепровье, не имели ни средств, ни времени к переустройству Ростовско-суздальского края; они довольствовались только почти номинальной покорностью тамошних хозяев, земских бояр, и ис-

правным доставлением условленной дани. Так было до Юрия Владимировича Долгорукого. Во все это время, продолжавшееся с лишком двести шестьдесят лет, земские бояре были полными хозяевами Ростовско-суздальского края; тамошние жители, как туземцы, так и пришельцы, находились в полной от них зависимости; во все это время ни один русский князь не жил здесь, даже ниоткуда не видно, чтобы по смерти Рюрика здесь сидели княжеские наместники или посадники, а напротив, мы имеем прямые известия, что сюда только временно присылались княжеские даньщики с небольшими отрядами дружины, которые обыкновенно, собрав дань и учинив суд и управу людям, удалялись к своим князьям.

Хотя по смерти Ярослава Великого Ростовско-суздальский край был причислен к приднепровскому Переяславскому уделу и достался третьему Ярославову сыну, Всеволоду, но от этого причисления к уделу здешние дела нисколько не изменились; здешний край был слишком удален от Русского Переяславля и отделялся владениями Черниговскими, Рязанскими и Муромскими, принадлежащими к уделу второго Ярославова сына, Святослава; да и земля вятичей, лежавшая на дороге, была еще не совсем покорена. У Всеволода и его знаменитого сына Владимира Мономаха было столько дел в Приднепровье, где они хлопотали о том, чтобы окончательно утвердить за собой и своим потомством Киев, что вовсе не оставалось ни времени, ни средств обратить надлежащее внимание на Ростовско-суздальский край. Правда, есть не совсем вероятное предположение, что Мономах построил там город Владимир на Клязьме и, как кажется, из Смоленска заезжал сюда, а также мы имеем прямые известия, что Мономахов сын, Мстислав, во время войны с Олегом Святославичем приходил из Новгорода в Суздальскую землю и разбил Олега под Суздалем на Кулачце, причем ростовско-суздальские бояре усердно помогали ему; но, по изгнании Олега из Суздальской земли, Мстислав немедленно удалился в свой Новгород; он приходил сюда, собственно, только выгнать Олега, захватившего было Суздаль и Ростов, а отнюдь не для управ-

ления краем, который уже вовсе не принадлежал к Новгороду, князем которого он в то время был. Посему, несмотря на причисление здешнего края к Переяславскому уделу, край этот продолжал оставаться при прежнем устройстве и находился совершенно в руках здешних земских бояр, богатых и сильных землевладельцев, которые, кажется, даже не ездили к своим далеко живущим князьям и знали о них только потому, что платили дань присылаемым от них данщиками. Здесь даже в городах не было княжеских дружин и наместников, а все зависело от здешних же земских бояр, которые и управляли краем и защищали его от неприятелей. Лучшим свидетельством сказанного служит упомянутый выше поход Олега Святославича, который, по разбитии Изяслава Владимировича в Муроме вступив в Ростовско-суздальскую землю, не встретил там никаких княжеских полков и без сопротивления занял Суздаль и Ростов, ибо ростовские и суздальские бояре не считали нужным сопротивляться Олегу, полагая, что для них все равно – признавать ли власть Олега Святославича или Владимира Всеволодовича.

Но поход Олега Святославича в Ростовско-суздальскую землю открыл глаза Владимиру Мономаху: он увидел, что этот край нельзя оставлять на прежнем положении, что его должно перестроить и поставить в иные, более надежные отношения к княжеской власти, что здешние земские бояре хотя и исправные плательщики дани и подданные, по-видимому, мирные и покорные, но ненадежные и вовсе не охотники защищать права своего прирожденного князя, а напротив, готовы признать власть любого соседа, лишь бы он не слишком тревожил их. Владимир Мономах, как только поуправился с делами в Приднепровье, не замедлил отправить в Ростовско-суздальскую землю своего младшего сына Юрия Владимировича Долгорукого, назначив ему в удел Ростов и Суздаль и дав ему достаточную дружину и надежных советников. Юрий Долгорукий, прибыв в здешний край, вероятно, по указанию родителя или старшего своего брата Мстислава Владимировича, начал с того, что стал строить новые города и населять их охотниками,

как из туземцев, так и из приглашаемых со всех сторон переселенцев, и прежде всего недалеко от Суздаля на реке Клязьме построил город Владимир, вероятно во имя своего отца Владимира Мономаха, и чтобы меньше сталкиваться с неуступчивыми боярами здешних старых городов Ростова и Суздаля, поселился в новопостроенном городе, сделав его столицей своего княжества. Затем он построил Юрьев Польский в свое имя, Ярославль на Волге, Кострому, Переяславль Залесский, Дмитров и многие другие города, пользуясь для этого всяким случаем и предлогом: так, например, Дмитров на берегах Яхромы он построил потому, что во время путешествия по здешнему краю у него здесь родился сын Дмитрий-Всеволод. По всем этим городам он сажал своих слуг правителями и судьями в звании наместников, посадников и тиунов, а сам ежегодно по осени разъезжал со своим семейством и приближенной дружиной чинить суд и управу по волостям, строго соблюдая старый княжеский обычай полюдья.

Гордые земские бояре старых городов Ростова и Суздаля сперва, вероятно, не обращали внимания на построение князем новых городов в крае, в котором население было редко и немногочисленно; они даже были довольны, что князь оставляет их спокойно управлять старыми городами и не стесняет их своим присутствием в этих городах. По старой укорененной веками привычке они и не думали выслуживаться перед князем и искать службы при его дворе, предоставляя это людям незнатным и несильным. Но вскоре новые княжеские города показали себя старым земским боярам; наместники и княжеские слуги, управлявшие городами и селами княжескими, повели дело по-своему: они стали высоко и грозно держать княжеское имя и при всяком столкновении с земскими боярами стеснять их самовластие, так что при Юрии же Долгоруком у земских бояр здешнего края сложилась пословица: «Не имей себе двора близ княжаго двора, не держи села близ княжа села; тиун бо его яко огонь трепетицею наложен, а рядовичи его яко искры; аще от огня устрежешься, но от искры не можешь устеречься, чтобы не зажечь платья», — как об этом пря-

мо свидетельствует современник Долгорукого, бывший у него в службе боярин Даниил, сосланный им в заточение на Лаче озеро. И действительно, не совсем-то было удобно здешним земским боярам, привыкшим к своеволию, жить поблизости от князя или его слуг, управлявших княжескими городами и селами, ибо, с одной стороны, в таком случае им мудрено было делать обычные наезды на слабых соседей, которые всегда находили защиту у князя и у княжеских слуг, да и княжеские слуги сами не упускали случая захватить там и сям из боярских необмежеванных поземельных владений; а с другой стороны – земские бояре, живущие в соседстве с княжескими слугами, даже в своих имениях не могли пользоваться такой свободой, какой пользовались в былое время и вдали от княжеских слуг, ибо обиженные боярином вольные люди, живущие на его землях, легко могли найти защиту у княжеских слуг, управлявших соседними княжескими землями, а княжеские слуги, презираемые богатыми и гордыми земскими боярами, всегда были рады вмешаться в их дела именем князя. Все это ставило земских бояр в такое положение, что они старались не встречаться с князем и жить в имениях более удаленных от княжеских земель, где-нибудь в лесной глуши.

Но Юрий Долгорукий, решившись во что бы то ни стало перестроить здешний край и сделаться здешним князем не по имени только, но и на самом деле, кажется, сам искал встреч с здешними земскими боярами и, разъезжая ежегодно в полюдь, нарочно отыскивал те глухие места, где бесконтрольно хозяйничали земские бояре. В одну из таких поездок Юрий Владимирович, по свидетельству предания, как мы уже видели, наткнулся на строптивую встречу боярина Степана Ивановича Кучки, владевшего огромными имениями по берегам Москвы-реки; разгневанный такой встречей князь приказал казнить боярина Кучку, а в его владениях построить город Москву, детей же Кучки отдал своему старшему сыну Андрею во двор, или по-прежнему – в число дружинников. Князю Юрию Владимировичу тем удобнее было справляться с земскими боярами Ростовско-суздальского

края, что он при жизни отца и старшего брата Мстислава, почти в продолжение тридцати лет, не был обеспокоен никакими делами на стороне и не принимал никакого участия в далеких приднепровских междоусобиях. Владимир Мономах и Мстислав Великий все это время не тревожили Юрия, как бы возложив на него одну важную обязанность – устроить Ростовско-суздальский край, уничтожить в нем старые новгородские порядки боярского самовластия, несогласные с княжеской властью. В летописях мы не встречаем ни одного известия, чтобы Юрий вызывался отцом или братом в Киев, чтобы ему давались какие-либо поручения в Приднпровье, так что летописцы за все это время как бы забыли о первом ростовско-суздальском князе и только один раз упомянули о нем под 1107 годом, по случаю женитьбы его на дочери половецкого хана Аэны. Может быть, Юрий в продолжение этого времени бывал несколько раз в Киеве у отца или брата, но только за советом или за помощью в своем суздальском деле. И недаром так долго не отвлекали Юрия ни отец, ни брат от занятий в Ростовско-суздальском крае; Юрий, при своей неусыпной деятельности и при свободе от посторонних занятий, достиг того, что ко времени кончины Мстислава Великого новые порядки, вводимые им в Суздальском крае, принесли уже обильные плоды: тамошние земские бояре или пали, подобно московскому Кучке, или согласились принять княжескую службу, а меньшие люди, находя для себя постоянную защиту в новых порядках от притеснений со стороны больших людей, сделались самыми преданными княжескими слугами, готовыми на всякие пожертвования, только бы подержать князя, так что при начавшихся по смерти Мстислава междоусобиях в Приднпровье Юрий явился туда уже с голосом сильного князя и, кроме того, уже успел составить себе сильную партию в Новгороде, известную под именем суздальщинцев, стоявших постоянно во всех новгородских спорах на стороне Юрия, который таким образом в продолжение всей своей жизни был уже грозным соседом Новгорода. По всей вероятности, князь Юрий Владимирович в про-

должение своей жизни окончательно бы устроил свои дела в Суздальском крае и вывел бы из него старые порядки земских бояр, но, вступив в десятилетнюю войну со своим племянником Изяславом Мстиславичем из-за Киева, он волей-неволей как бы сквозь пальцы смотрел на то, что происходило в здешнем крае, и скончался в Киеве в 1157 году, не закончив своего ростовско-суздальского дела.

Пользуясь продолжительной киевской войной, поглощавшей все внимание Юрия, ростовско-суздальские земские бояре опять подняли голову и с большим усердием стали защищать свои старые порядки и предъявлять прежние права на управление здешним краем. Они еще при жизни Юрия вызвали к себе из Приднепровья его старшего сына Андрея и, в противность распоряжения Юрия отдать Ростовско-суздальский край в удел младшим сыновьям, объявили Андрея своим князем по выбору, а не по распоряжению отца. Что вызов Андрея из Приднепровья и объявление его князем ростовско-суздальским по выбору было делом здешних бояр, на это мы имеем прямое свидетельство летописи, в которой сказано: *«В лето 1155 пришел из Киева в град Владимир князь Великий, Андрей Юрьевич, без отча повеления, его же лестию подъяша Кучковичи»*. Летопись прямо указывает на Кучковичей, прежних владельцев московской местности; значит, та же партия здешних земских бояр, которая под предводительством Степана Ивановича Кучки открыто противилась Юрию в его молодости, теперь перед концом его жизни снова подняла свою голову под руководством детей Кучки, бывших на службе у Андрея и пользовавшихся его полным доверием. Чтобы удобнее достигнуть своей цели – поддержания старого, выгодного для земских бояр порядка, бояре избрали своим орудием воспитанного и родившегося в Суздальской земле Юрьева сына, знаменитого Андрея. Андрей, сделавшись князем ростовско-суздальским, первые десять лет своего княжения употребил на устройство своих владений и не принимал никакого участия в делах других княжеств, что, конечно, нравилось здешним земским боярам, не любившим

княжеских походов в Приднепровье. Но внутренние порядки, вводимые Андреем и бывшие продолжением Юрьевых порядков, конечно, не могли нравиться здешним боярам; они думали видеть в нем свое орудие и защитника старых порядков, а он оказался самым усердным продолжателем нововведений Юрия и таким продолжателем, который решился довести дело до конца и так великолепно устроил свою столицу, молодой Владимир, что окончательно затмил славу старых городов – Ростова и Суздаля, так что этот недавний, еще ничтожный пригород, населенный первоначально каменщиками и плотниками, сделался господином всего края; жизнь потянула к Владимиру, а не к Ростову и Суздалю. Андрей Юрьевич, наученный опытом отца, испортившего свое дело в Суздале продолжительной войной за Киев, решился ни для чего не оставлять здешнего края и постоянно собственными глазами надзирать за утверждением и развитием новых порядков и за уничтожением старых, боярских. Видя, как жестоко обманулись в Андрее, не находя никаких средств явно ему противиться и не исполнять его повелений, бояре решились на последнее средство – убить Андрея изменнически. И здесь, по свидетельству летописей, зачинщиками и руководителями заговора опять являются старые вотчинники Москвы, Кучковичи, которые со своими товарищами в ночь на Петров день 1175 года убивают Андрея, при помощи его ключника ворвавшись в его спальню.

Таким образом, Москва в продолжение княжений Юрия и Андрея почти не имеет никакого значения как княжеский город и только служит земским боярам живым свидетельством потери их прежнего могущества, и в этом отношении, как разоренное гнездо старого боярства, постоянно колет глаза земским боярам, не сумевшим отстоять свои прежние права, принужденным поступить в княжескую службу, и подстрекает их к противоборству княжеской власти, а Кучковичи, прежние вотчинники Москвы, постоянно являются во главе княжеских противников или, по крайней мере, выставляются впереди, загораживая собою других.

По убиении Андрея в Суздальской земле начался мятеж, продолжавшийся неделю, причем по всей волости были избыты и ограблены посадники, тиуны и другие княжеские слуги. Наконец большие люди из Ростова, Суздаля и Переяславля съехались во Владимир на общую земскую думу и решили пригласить в князья племянников Андреевых – Мстислава и Ярополка Ростиславичей, мимо младших сыновей Юрия – Михаила и Всеволода Юрьевичей. Вначале Михаил Юрьевич успел было захватить Владимир, но ростовцы и все старшие земские бояре двинулись полками к Владимиру, осадили город и, после семинедельной осады, принудили Михаила удалиться в Приднепровье, а во Владимире посадили младшего Ростиславича – Ярополка, а старшего – Мстислава – повезли в старший город Ростов. Торжествуя свою победу, земские бояре отдали Владимир Ярополку и его дружине на разграбление, имея в виду руками же князей разорить княжеский город. Владимирцы, не стерпя княжеских грабежей, сперва обратились с жалобой к ростовцам, но, не получив от них защиты, пригласили из Чернигова Михаила и Всеволода Юрьевичей. Ростовцы и суздальцы, услышав о походе Юрьевичей, выступили под предводительством своего князя Мстислава загородить им дорогу, но были разбиты Михаилом не доходя пяти верст до Владимира; Ростиславичи бежали, а ростовцы и суздальцы и старшие земские бояре, видя свою неудачу, волей-неволей признали Михаила своим князем.

Таким образом, надежда земских бояр – посредством убийства Андрея возратить свои прежние порядки, не оправдалась, но тем не менее они еще не думали отказываться от своих притязаний, так что Михаил Юрьевич, несмотря на свою победу, не мог отговориться от заключения особых условий с ростовцами и суздальцами и должен был утвердить эти условия целованием креста. Смерть Михаила, последовавшая на другой год, показалась боярам самым удобным случаем восстановить свои прежние права насчет княжеской власти, и они опять вызвали в Ростов Мстислава Ростиславича и повели его на Владимир, где уже утвердился по согласию

граждан брат Михаила, Всеволод Юрьевич. Здесь они хотели одним разом покончить с последним Юрьевичем и собрались большим полком, состоявшим из лучших и богатейших людей, и так надеялись на успех, что когда Всеволод, выйдя к ним навстречу к Суздалью, предлагал Мстиславу мир, требуя только, чтобы он не тревожил его во Владимире, то ростовцы и бояре наотрез сказали Мстиславу: *«Не мирись, а ежели ты дашь мир Всеволоду, то мы не дадим»*. Но битва, которой так желали бояре, кончилась не в их пользу: разбитый Мстислав бежал в Новгород, главнейшие же бояре – Добрыня Долгий и Иванко Степанович (не сын ли Степана Ивановича Кучки?) пали в битве, а прочие попали в плен к Всеволоду; села же их, кони и скот Всеволод взял частью себе, а частью поделился со своими дружинниками – владимирцами и переяславцами. Таким образом, одной битвой закончилась вся затея гордых бояр, и они настолько были ослаблены этой битвой, что в продолжение всего Всеволодова княжения уже не подымали своего голоса, жили мирно и в послушании у князя. Впрочем, Всеволод Юрьевич, занятый делами в Рязани, Новгороде и Приднепровье, сам старался жить в согласии со своими земскими боярами и, довольный их усердной службой в веденных им многочисленных войнах, уважал многие старые боярские права и, таким образом, мирил требования княжеской власти с притязаниями боярства. В его время бояре уже больше не прятались по своим вотчинам, как было при Юрии, а напротив – искали княжеской службы, Богатому земскому боярину стало мудрено сыскать боевых слуг, чтобы составить полк, ибо все хотели лучше служить, хотя бы в нужде и в малом чине, при княжеском дворе, чем в большом почете и богатстве у бояр, как об этом прямо пишет один современник к самому Всеволоду: *«Княже мой, господине, лучши мне видеть нога своя в лычницы в дому твоём, нежели в черлене сапозе в боярском дворе, луче бы ми тебе в дерюзе служити, нежели в богрянце в боярском дворе»*. Так не говорили бояре ни в Юрьево, ни в Андреево время, когда за лучшее считали жить в лесной глуби в своих вотчинах, чем при княжеском

дворе. Сами отношения и обращения бояр к Всеволоду далеко уже не походили на обращения бояр к Юрию Долгорукому. Даниил Заточник в письме к Юрию прямо писал: «Не держи двора близ княжа двора, не имей села близ княжа села», а современник Всеволода писал к князю: «Княже мой, господине, яви ми зрак и образ твой красен, млеку источают устне твои, послания твоя, яко рай с плодом, руцы твои исполнены от злата фарсиска, ланите твои, яко сосуд аромат, гортань твой, яко кран капая миро милость твою, вид твой, яко диван избран, очи твои, яко кладязь воды живы, чрево твое бысть, яко стог пшеничен, многи питая».

Тридцатишестилетнее княжение Всеволода Юрьевича, одного из могущественнейших князей того времени, имевшего большое влияние на дела всей тогдашней Русской земли, произвело величайший переворот в общественном строе Ростовско-суздальского края. Всеволод Юрьевич, напомиравший своим характером деда своего, Владимира Мономаха, ловко умел воспользоваться всем тем, что успели сделать в здешнем краю отец его Юрий и старший брат Андрей. С одной стороны, как мы уже видели, он с первого же раза, при первой встрече показал земским боярам, что еще строже отца и брата будет казнить тех, кто осмелится ему противиться; с другой же стороны Всеволод, будучи гораздо образованнее отца и брата и знакомый с политикой византийского двора, где прожил несколько лет, хорошо видел, что можно достигнуть развития княжеской власти и не прибегая к излишней строгости против строптивых земских бояр, что умеренными уступками их можно не только примирить с княжеской властью, но и привлечь к себе и сделать усерднейшими слугами. Принявши такой план действий относительно здешних земских бояр, Всеволод действительно достиг того, что здешние земские бояре, довольные уступками могущественнейшего князя, сделались усерднейшими слугами Всеволода и его дома и сохранили сие усердие до позднейшего потомства. Всеволод, оставив за здешними земскими боярами значительную долю их старых прав и допустив некоторые ста-

рые новгородские формы общественного строя, окончательно уничтожил неудовольствие бояр и слил их интересы с княжескими интересами, так что после Всеволода, при его потомках, здешние земские бояре нередко были единственными защитниками княжеской власти. В этом отношении больше всех отличились бояре московские. В Москве, в этом старом гнезде боярщины, потомки Всеволода особенно как-то умели сливать интересы бояр со своими интересами, как мы это увидим впоследствии, тогда как в других княжествах здешнего края бояре не всегда были заодно с князьями.

По смерти Всеволода, во время междоусобия его сыновей Константина Ростовского и Юрия Владимирского, земские бояре, особенно старейшие из них – ростовские, опять было подняли вопрос, но уже не о боярских старых правах, а о старшинстве Ростова, и втянули в это дело новгородцев и смольнян с их князьями. Но ростовский князь Константин, победив своего противника Юрия Владимирского, сам остался жить во Владимире и тем разрешил вопрос не в пользу Ростова. Потом, когда через четыре года Константин умер, предоставив владимирский престол своему прежнему противнику, брату Юрию, то ростовские владения по договору этих двух князей перешли к детям Константина и составили отдельное самостоятельное княжество. Таким образом и последние старые счеты старых ростовских бояр с новыми владимирскими кончились полюбовным разделом между князьями, одни же земские бояре без князей уже не могли вести своего дела, чем окончательно прекратилась борьба старых новгородских порядков в здешнем крае с новыми княжескими порядками. В это время Москва стала удельным княжеством и досталась сыну Юрия Всеволодовича, Владимиру; и таким образом старое боярское гнездо стало гнездом княжеским, и здешние бояре одни из первых сделались слугами князей.

Подчинение России монгольскому игу не изменило устроенного в здешнем крае Всеволодом общественного порядка и бояре остались в прежнем отношении к князьям. Правду сказать, в первые годы монгольского ига здешние

бояре думали сыскать себе поддержку в ханской власти; так есть известие, что боярин Федор Ярунович оклеветал перед ханом великого князя Ярослава Всеволодовича и Ярослав по этой клевете погиб в Орде. Но бояре скоро увидели, что в борьбе с князьями на помощь хана рассчитывать нельзя, ибо хан не думал разбирать отношений князя к боярам и на место одного князя назначал другого, не спрашиваясь – угоден ли он был боярам, так что и успешные происки против того или другого князя нисколько не помогали боярскому делу, а напротив, роняли его в глазах народа, не терпевшего монгольского вмешательства и считавшего бояр, заискивавших ханского покровительства, изменниками отечеству. Искательство бояр у хана тем более вредило боярскому делу, что князья никогда не искали ханской помощи против бояр и тем приобретали себе любовь народа, а посему бояре сами поспешили отказаться от искательств при ханском дворе против своих князей. А между тем князья, не имея возможности княжить без ханского утверждения, без ханского ярлыка, самим ханским ярлыком могли ограждаться от всяких притязаний на стеснение их власти дома. Теперь мудрено было предлагать князю со стороны бояр какие-либо условия, когда у князя был уже в руках ханский ярлык. А посему, ежели положение бояр еще не изменялось, то, конечно, оттого, что сами князья не находили нужным изменять общественный строй, введенный в здешнем крае Всеволодом. Сами князья находили в том собственную пользу, ибо земские бояре, видя бесполезность борьбы с князьями при помощи монгольского хана, были самыми усерднейшими слугами тех князей, которые старались не нарушать сложившегося порядка дел, не изменяли своих отношений к боярам.

Строже других князей по пути сохранения сложившегося при Всеволоде порядка дел шли князья Московские. Москва, это старое гнездо упорной боярщины, вырастила князей до того строгих в консерватизме, в сохранении сложившихся и признанных правил как княжеской власти, так больших и меньших людей, что ни в одном княжестве здешнего края не

было такого согласия между князьями, боярами и народом, как в Москве, где за небольшими исключениями не было недовольных, где все общественные дела шли по заведенному порядку, где не было скачков, где личности менялись, а ход дел постоянно следовал одному направлению, особенно в отношении к соседям. В Москве, например, малолетний, четырехлетний или семилетний князь вел дела точно так же, как и совершеннолетний, и даже как престарелый его отец, и соседи не могли надеяться, что по смерти одного князя, при малолетнем его преемнике, они одержат важный перевес над Москвой, изменят направление московских дел; князья менялись, одни умирали, а другие заступали их место; характеры князей были далеко не одинаковы, а Москва оставалась неизменной. Можно было нечаянным набегом захватить Москву, разорить, сжечь ее, взять московского князя в плен, ослепить его, но Москва, и сожженная, и разоренная, и временно без князя, оставалась той же Москвой, с тем же постоянным направлением, с неотступным следованием вперед, и сожженная, вскоре являлась грознее несожженной, и ослепленный князь оказывался проныцательнее и более зрячим, чем зрячие. В Москве так ловко сложился общественный строй, что по надобности одна сила заменяла другую и действовала на общую пользу; например, государь малолетний или государь в плену – за него и в его пользу действуют бояре; нет государя, а бояре свихнулись – выступают меньшие люди, народ со своими общинами, и действуют и в пользу государя, и в пользу бояр; или: народ и бояре в смятении, потеряли голову – поднимается государь, и все снова оживает, Москва – опять Москва неизменная, неотступная. Такой силой, такой живучестью Москва была обязана тому, что князья ее строго охраняли общественный порядок, устроенный Всеволодом. А московские князья явились такими потому, что они в Москве иными быть не могли: в Москве, княжеском городе, построенном в гнезде гордой и упорной земской боярщины, князь или должен был истребить всех земских бояр, или признать за ними известный определенный круг в делах общественных и строго охра-

нять признанные права. Но московским князьям нельзя было и думать об истреблении или изгнании земских бояр из своего княжества, когда этого не смогли сделать самые энергичные и могущественные реформаторы здешнего края Юрий Долгорукий и Андрей Боголюбский; следовательно, им оставалось одно – строго охранять порядок дел, сложившийся при Всеволоде Юрьевиче, т.е. соблюдать признанные за боярами права и строго наблюдать, чтобы бояре не выходили из очерченного для них историей круга деятельности.

Первым московским князем при монголах был сын Ярослава, Михаил, по прозванию Хоробрит; он настолько уже был силен, что в 1248 году успел выгнать из Владимира своего дядю, Святослава Всеволодовича, и объявил себя великим князем Владимирским, следовательно, старшим над всеми князьями здешнего края; но в том же году, отправясь ратью на Литву, пал в битве с литовцами и, привезенный с поля битвы, похоронен во Владимире, в церкви Пречистой Богородицы. Никаких других известий о Михаиле Московском мы не имеем, и насколько верен настоящий рассказ летописи, мы не знаем, но для нас важно то в настоящем известии, что Московский князь в первые же годы монгольского владычества над Россией был уже настолько силен, что мог одолеть великого князя Владимирского. Но Михаил, очевидно, еще плохо верил в Москву, если мог променять ее на Владимир; следовательно, он был еще не настоящий Московский князь с московским характером, он не понимал еще значения Москвы и не ценил ее заслуг, хотя ей был обязан тем, что одолел великого князя Владимирского, или может быть, ему было тяжело жить в Москве в среде гордой земской боярщины, в одно и то же время усердной к службе князя и неуступчивой относительно своих признанных прав.

Первым истым Московским князем, родоначальником и физическим и нравственным всех последующих Московских князей, был князь Даниил Александрович, младший сын Александра Невского, пользовавшийся общим уважением как князей, так бояр и меньших людей. Летописи не говорят,

каким образом и в котором году он сделался князем московским и как успел устроить самостоятельность и независимость Московского княжества; в летописи он прямо является великим князем Московским под 1282 годом, как союзник великого князя Тверского, Святослава Ярославича, против великого князя Владимирского, Дмитрия Александровича. В летописи сказано: *«Того же лета князь великий Тверский, Святослав Ярославич с тверичи, и князь великий Московский Данило Александрович с москвичи, и посадники новгородския с новгородцы поидоша ратью к Переяславлю, на великаго князя Дмитрия Александровича»*. Прежде же этого известия упоминается в летописи под 1261 годом о рождении Даниила за два года до кончины его отца, Александра Невского. По всей вероятности, Даниил получил себе в удел Москву прямо по смерти родителя и увезен в нее еще двухлетним ребенком, был воспитан и вырос среди московских порядков и не знал другой жизни, кроме московской. Москвичи первые увидели, как он начал ходить еще младенцем, как он занимался детскими играми со своими сверстниками; москвичи первые услышали его детский лепет, и московские бояре были главными и постоянными его пестунами и руководителями; они на своих плечах вырастили и князя, и княжество. Московские бояре, во время малолетства Даниила управлявшие Московским княжеством, конечно оставались его руководителями и соправителями и тогда, когда он уже вырос. Они, как значится по летописям, во все это время, продолжавшееся почти двадцать лет, сумели уклоняться от междоусобий соседних княжеств и, таким образом, так успели укрепить Московское княжество и поставить его в такое независимое положение от соседних князей, что к двадцать первому году жизни Даниила Москва уже сложилась в великое княжество, а Даниил на двадцать первом году своей жизни из владельца незначительного, чуть ли не забытого в летописях города, вдруг является великим князем и вступает в союз против великого князя Владимирского, своего ближнего соседа и старшего брата, с другим своим соседом, великим князем Тверским, и с дале-

ким вольным господином Новгородом Великим. Это начало великого княжества Московского в малолетство князя стараниями московских бояр наложило свою печать на всю последующую историю Москвы и, очевидно, было тайной причиной последующего величия Москвы. И недаром народное предание находит какую-то связь начала Москвы с княжением Даниила Александровича; действительно, княжением Даниила положено начало будущему величию Москвы. Здесь, собственно, зародилась та Москва, которая потом выросла в целую Русскую землю.

Союз, заключенный московским князем Даниилом Александровичем и Тверским князем, продолжался и в 1286 году; под этим годом в летописи сказано, что при нападении литовцев на владения тверского владыки объединились москвичи, тверичи, волочане, новоторжцы, дмитровцы, зубчане и ржевичи, побили Литву и князя их Доманта взяли в плен. Здесь мы видим продолжение союза Москвы с Тверью и Новгородом. Но особенно замечательно в настоящем известии то, что здесь нет и помину о князьях, а действуют одни только земские силы: тверичи, москвичи, волочане, новоторжцы и проч. Ясно отсюда, что союз, заключенный в 1282 году, был союзом не только князей, но и земщин: Москвы, Твери и Новгорода; отсюда появляется новое и важное подтверждение, что в Москве именно сложилось знаменательное соединение и солидарность интересов княжеской власти и земщины в ее представителях боярах. В 1288 году союз Москвы с Тверью разрушился, и во время войны великого князя Михаила Ярославича Тверского с великим князем Владимирским великий князь Даниил Александрович Московский держал сторону своего старшего брата Дмитрия Александровича. Москва осталась верной союзу с Дмитрием Александровичем даже и тогда, когда в 1293 году на него восстали почти все князья здешнего края и за это жестоко поплатились разорением от татар, приведенных князем Городецким, Андреем Александровичем. Но это разорение не устрало москвичей и их князя, и союз Москвы с Дмитрием Александровичем продол-

жался даже по смерти его, с его сыном Иваном Дмитриевичем, и когда в 1296 году во Владимир приехал ханский посол Неврюй, чтобы разобрать споры русских князей, то против князя Андрея Александровича, тогда уже владевшего Владимиром, и его союзников выступили московский князь Даниил Александрович, тверской князь Михаил Ярославич и переяславцы вместо своего князя Ивана Дмитриевича, бывшего тогда в Орде. Когда же Андрей Александрович, недовольный судом ханского посла, вздумал идти ратью на Переяславль, то Московский и Тверской князья собрали свои полки, выступили к Юрьеву, загородили Андрею дорогу и заставили его смириться. Москва недаром так крепко держалась союза с Переяславским князем – наградой этого союза был Переяславль со всеми Переяславскими владениями, ибо в 1302 году переяславский бездетный князь Иван Дмитриевич, умирая, благословил своим княжением дядю своего, Даниила Александровича Московского, на что изъявили свое согласие и сами переяславцы; когда же владимирский князь Андрей Александрович изгоном захватил было Переяславль, то переяславцы при появлении московской рати сами передались москвичам, выгнали Андрея и приняли наместников Данииловых. Таким образом, союз с Переяславским князем, стоивший так дорого Москве, наконец окупился с лихвой; Московские владения с присоединением богатого Переяславского княжества увеличились более нежели вдвое. Но что всего важнее – Московский князь, младший по рождению в доме Александра Невского, с присоединением Переяславля к Москве сделался старшим, ибо Переяславль постоянно считался гнездом в доме Всеволода Юрьевича, Ярослава Всеволодовича и Александра Ярославича Невского.

Но еще за год до присоединения Переяславля, совершившегося мирным путем по желанию тамошнего князя и самих переяславцев, Московский князь имел значительный успех в соседнем великом княжестве Рязанском. Летопись под 1301 годом говорит: «Князь Данило Александрович Московский приходил ратью на Рязань, и бишася у града Пере-

яславля, и князь Московский одоле, и много бояр и людей избил, и князя их, Константина Романовича Рязанского, некоторою хитростию взял, кромолою их же бояр рязанских, и приведе его с собою к Москве, и держа его у себя в нятви в береженьи, и в чести всякой хотяше бо с ним укрепити крестным целованием, и отпустить его на великое княжение Рязанское, на его отчину». Это известие летописи показывает, с одной стороны, что строй московской общественной жизни и отношения московского князя к своим боярам нравились и рязанским боярам, известным в истории своей гордостью и своеволием, а с другой стороны, из этого же известия мы видим, что Даниил Александрович, одолев Рязанского князя и взяв его в плен, еще не мог завладеть Рязанской землей, а думал только подчинить ее своему влиянию при помощи Рязанского же князя, находящегося у него в плену. Здесь, кажется, дело не обошлось без участия московских бояр, которым не хотелось иметь себе соперников при княжеском дворе в рязанских боярах, с присоединением Рязани долженствовавших поступить на службу к Московскому князю, и тем более опасных, что Московский князь одолел Рязанского князя при помощи рязанских же бояр, а следовательно, рязанские бояре за свою услугу должны бы были занять лучшие места при московском дворе; к тому же рязанские бояре своими богатствами и гордостью превосходили московских. Все это заставляло московских бояр отклонить Даниила Александровича от непосредственного занятия Рязанской земли.

В 1303 году великий князь Даниил Александрович скончался и его место занял старший сын его, Юрий Данилович, бывший во время кончины родителя в Переяславле. Переяславцы, услышав о кончине Даниила, первые присягнули Юрию и первоначально даже не пустили его на погребение отца, так они дорожили соединением с Москвой и домом Даниила Александровича. Юрий Данилович, с первого же года по смерти родителя, начал делать примыслы к московским владениям. На следующий год скончался владимирский князь Андрей Александрович. Для молодого Московского

князя открылось новое поприще деятельности; он настолько чувствовал себя сильным, что решил искать владимирского престола, чтобы быть старшим между великими князьями Суздальско-Ростовской земли. По свидетельству летописей, это дело началось следующим образом: «По смерти Андрея, старшие его бояре и старейший из них Акинф немедленно отправились к великому князю Тверскому, Михаилу Ярославичу, чтобы вести его на владимирский престол. И заспорили два князя о великом княжении Владимирском – князь великий Михаил Ярославич Тверский и князь великий Юрий Данилович Московский, и пошли в Орду к царю в споре и брани великой, и была замятия на всей Суздальской земле, во всех городах». Из этого известия видно, что спорили не одни князья, а вся Суздальская земля, на всей Суздальской земле была замятня, во всех городах; вся земля разделилась между Москвой и Тверью, быть ли первенствующей Москве с новыми порядками или Твери со старыми порядками? Началю раздела положили бояре Андрея Александровича и между ними сильнейший Иакинф, служивший прежде московскому князю Даниилу Александровичу и перешедший к Андрею по неудовольствиям, а за ним и все старое боярство, избравшее представителем старых порядков старшего, князя Михаила Ярославича Тверского, дядю московским князьям – Даниловичам. И когда князья-соперники отправились, как и следовало для разбора тяжбы, в Орду на суд хана, бояре – защитники старого порядка стали распоряжаться по-своему: они захватили в Костроме московского князя Бориса Даниловича и хотели перехватить самого Юрия Даниловича на пути в Орду, но тот ускользнул от них, потом отправили своих наместников в Новгород Великий; но старые новгородцы, не желая быть под командой суздальских бояр, прогнали наместников и сказали: не дождем, что скажет князьям хан. Затем Иакинф с другими боярами, собрав большой полк, думали изгоном захватить Ивана Даниловича в Переяславле; но этот князь получил весть о их замысле и вместе с боярами московскими и переяславскими дал им сильный отпор в битве под Переяс-

лавлем, в которой пал Иакинф и другие старшие бояре, а дети Иакинфовы с прочими бежали в Тверь. Между тем татарский хан рассудил явившихся к нему князей и отдал владимирский престол старшему – Михаилу Ярославичу Тверскому. Михаил, засев во Владимире и побуждаемый защитниками старых порядков, пошел на Юрия к Москве, но, встретив от москвичей сильное сопротивление, вынужден был заключить с Юрием мир. Мир этот продолжался три года, а на четвертом году Михаил вторично ходил к Москве с большой ратью, произвел там большое разорение, но города взять не мог и возвратился домой, не заключив с Московским князем мира. И действительно, мудро было заключить мир, когда это зависело не столько от личности князей, сколько от воли сторон старого и нового порядка, а стороны сии совместно жить не могли, – у них борьба шла не на живот, а на смерть; требовалось, чтобы которая-либо сторона пала окончательно.

Между тем в 1313 году умер татарский хан Тохта, стоявший на стороне старого порядка, и его место заступил хан Узбек, отвергнувший у себя дома старый порядок и переменивший язычество на магометанство. Михаил Ярославич немедленно отправился к новому хану за утверждением на престол и за ярлыком; Юрий же Данилович Московский, воспользовавшись отсутствием соперника, вошел в тайные сношения с новгородцами, которые кончились тем, что новгородцы выгнали от себя наместников Михайловых и объявили своим князем Юрия. Михаил Ярославич был утвержден новым ханом на Владимирском княжении и успел выставить перед ханом Московского князя человеком беспокойным и опасным, а потом, прежде чем Михаил возвратился из Орды, в Москву пришло ханское повеление немедленно ехать Юрию в Орду к хану. Юрий, бывший в то время в Новгороде, немедленно отправился в путь, не заезжая даже в Москву. Михаил же, возвратившись из Орды с татарскими послами и войском, прежде всего отправился к Торжку и отнял его у брата Московского князя, Афанасия Даниловича, а потом посадил своих наместников и в Новгороде. Между тем Юрий

Данилович, прожив в Орде около двух лет, не только успел оправдаться, но и приобрел благосклонность хана Узбека и, женившись на его сестре Кончаке, получил ярлык на великое княжение Владимирское и с тремя ханскими послами и значительным татарским войском отправился домой. Михаил, услышав об этом, по совещании с суздальскими князьями, собрав рать, вышел навстречу Юрию и загородил ему дорогу у Костромы. Юрий, посоветовавшись с татарскими послами, не решился вступить в битву и уступил Владимирское княжение Михаилу. Но когда Михаил, получив такую уступку, возвратился в Тверь, то суздальские князья перешли на сторону Юрия, а потом его же сторону приняли новгородцы и все с сильными полками двинулись к Твери. Михаил, узнав об этом, немедленно вооружился, пошел навстречу противникам и разбил их наголову, так что Юрий только в малой дружине успел спастись в Новгороде, а брат его Борис и княгиня, сестра Узбека, попали в плен и были отвезены в Тверь, главный же ханский посол, Кавгадый, вынужден был просить у Михаила мира и, быв принят с честью в Твери, отпущен Михаилом домой с богатыми дарами, а Юрьева княгиня, сестра ханская, оставленная в плену, вскоре скончалась в Твери, как говорят, от отравы.

Юрий, бежавший в Новгород, получив от новгородцев войско, отправился домой. Михаил встретил его на Волге, но до битвы дело не дошло: противники после долгих переговоров смирились на том, чтобы обоим идти в Орду на суд к хану. Михаил, пропустив Юрия в Москву, немедленно отправил в Орду своего сына Константина, сам же, чувствуя неловкость своего положения, думал как-нибудь мирно покончить с Юрием, не доводя дела до ханского суда, и для этого отправил своего посла в Москву. Но Москва не думала мириться с Тверским князем, надеясь на больший успех у хана; Юрий, приказав убить тверского посла, немедленно отправился со многими князьями и боярами в Орду и, действуя заодно с Кавгадыем, успел выставить перед ханом Тверского князя беспокойным и опасным человеком, не признающим ханской

власти и не желающим платить дань в Орду. Все это нетрудно было делать Московскому князю. Михаил действительно был противником ханской власти, и когда он наконец явился в Орде, то немедленно был предан суду и по суду ханских вельмож приговорен к смерти и убит татарами по ханскому повелению. Таким образом, борьба новых порядков и Москвы со старыми порядками и Тверью кончилась в пользу Москвы и новых порядков. Юрий возвратился из Орды великим князем Владимирским, т.е. старшим князем между великими князьями северо-восточной Руси. Получив старейшинство, Юрий Данилович, по совету московских бояр, на другой год по приезду из Орды собрал большое войско и пошел ратью к тверскому городу Кашину, думая присоединить его к своим владениям, но Тверской князь, сын убитого Михаила, храбрый Дмитрий, выступил против него к Волге и при посредстве тверского епископа Андрея заключил мир, по которому обязался внести все ордынские дани с тверских владений Московскому князю, т.е. по тогдашнему порядку дел признал свою зависимость от Юрия или как бы поступил к нему в отношения удельного князя.

Но, естественно, на этом дело не могло остановиться. С новым униженным положением Тверской князь не мог примириться и, не имея достаточно сил для борьбы с Москвой, отправился в Орду искать милости у хана. Между тем Юрий сделал важную ошибку, ибо вместо того, чтобы ханскую дань, взятую от Тверского князя, везти немедленно в Орду или передать ханскому послу, ехавшему за ней, он отправился в Новгород и занялся новгородскими делами. Дмитрий Михайлович Тверской воспользовался этой ошибкой как не надо лучше: он объявил Юрия изменником и утаителем ханских даней. Хан дал Дмитрию ярлык на Владимирское княжение. Юрий, услышав об этом, немедленно отправился в Орду оправдываться. В Орде, прежде нежели Юрий явился перед ханом, встретил его Дмитрий Михайлович и, надеясь на благосклонность к себе хана, немедленно при встрече убил Юрия. Так кончилось бурное княжение Юрия Даниловича.

Княжение Юрия Даниловича, так несчастно кончившееся собственно для него, вывело Москву на тот путь, на котором она или должна была погибнуть на первых же порах, или явиться тем крепким общественным организмом, исполненным внутренней силы, который притягивает к себе все, к чему только прикоснется; или, иначе сказать, Москва на этом новом пути должна была показать: имеет ли она настолько внутренней силы, чтобы стянуть к себе всю Русскую землю и сделаться городом всероссийским. На первых же порах соперницей Москвы на этом пути явилась Тверь, так же, как и Москва, город новый, образовавшийся из новгородских колоний и представлявший в себе все задатки прочности, тягучести и энергии, но стоявший не в таких благоприятных внешних отношениях, как Москва, да и во внутреннем своем устройстве придерживавшийся более старых порядков, которым суждено было пасть перед новыми порядками, представителем которых была Москва. Борьба Москвы с Тверью с первого же раза, как мы уже видели, показала, что здесь борются не личности, а начала, что личности могут меняться, а борьба будет продолжаться до тех пор, пока одно начало рухнет, и что дележ и примирение в этой борьбе немыслимы. Показания или существенные признаки сей борьбы, высказывавшиеся при самом начале, вполне оправдались историей: борьба сия продолжалась 180 лет и кончилась бесповоротным падением Твери.

Дмитрий Михайлович Тверской, как мы уже видели, понадеявшись на милость хана Узбека, при первой же встрече убил Юрия Даниловича Московского. Хан действительно сначала, кажется, думал оставить без внимания дело об убийстве Юрия, продержал Дмитрия Михайловича в Орде десять месяцев, не объявляя своего гнева, но потом, вероятно, подстрекаемый своими вельможами – ходатаями за Московского князя, дал повеление казнить Дмитрия. Таким образом, соперницы Москва и Тверь почти в одно время лишились своих князей, но это не произвело никаких беспорядков: Москвой еще при жизни Юрия, постоянно занятого борьбой, управлял его брат, Иван Данилович; в Твери

точно так же за отсутствием Дмитрия оставался правителем Александр Михайлович, брат Дмитрия; оба они еще при жизни старших братьев уже бывали по нескольку раз в Орде для расчетов по платежу дани, так что в этом отношении они уже были довольно знакомы ордынским вельможам и каждый имел свою партию в Орде. По заведенному порядку оба князя отправились в Орду для получения ярлыков на свои княжения. Хан Узбек принял обоих князей как уже хорошо известных ему и дал ярлык на великое княжество Владимирское тверскому князю Александру Михайловичу. Таким образом, спор между Тверью и Москвой из-за Владимирского княжества, продолжавшийся 20 лет и стоивший жизни Михаилу Ярославичу, Юрию Даниловичу и Дмитрию Михайловичу, по суду ханскому кончился в пользу Твери. Хан Узбек по каким-то расчетам права Александра Михайловича на Владимир предпочел правам Ивана Даниловича. Конечно, перед судом ханским Москва должна была молчать и выжидать случая для поправления своих дел. Случай, так желанный, благоприятный для Москвы, открылся на первом же году княжения Александра Михайловича. В августе месяце пришел ханский посол, Узбеков племянник Шевкал, и вскоре в народе разнесся слух, что Шевкал приехал затем, чтобы избить тверских князей, а народ обратить в татарскую веру. Таким слухом народ взволновался, князь Александр Михайлович также поверил слуху или не умел успокоить народа и принял на себя предводительство взволнованным народом, чтобы избить посла и всех бывших при нем татар. Как бы то ни было, только Шевкал со своими татарами был убит в Твери. Хан Узбек, получив об этом известие, немедленно вытребовал в Орду Ивана Даниловича Московского и, дав ему 50 тысяч татарского войска с пятью темниками, поручил наказать Александра и его сообщников. Иван Данилович вполне сумел воспользоваться открывшимся случаем: он не только взял Тверь и другие города Тверского княжения и разорил их, но именем хана вступил в новгородские владения, взял и опустошил Торжок и двинулся к Новгороду, но,

остановленный посольством и данью новгородцев, повернул назад и страшно опустошил владения почти всех князей здешнего края, так что этот поход Ивана, известный в летописях под именем Федорчуковой рати, долго был памятен в народе; только московские и суздальские владения остались неопустошенными. Таким образом, Иван Данилович и бояре московские с помощью татар за один раз так поправили дела московские, что Москва, уцелевшая от разорения, получила громадный перевес над всеми соседними княжествами. Иван и его бояре вели это дело с большой ловкостью; они всюду произвели опустошение именем хана и помощью татарского войска, но не взяли и не присоединили к Москве ни одного городка и ни одной деревни, так что народ во всех опустошенных владениях видел только страшный гнев хана и нисколько не сетовал на Московского князя и москвичей; Москва не только осталась в стороне, а разоренные жители соседних княжеств потянулись в московские владения и тем усилили население Москвы.

В Твери, напротив, дело не кончилось одним разорением и опустошением: Тверь волей-неволей должна была поступить под опеку Московского князя. Тверской князь Александр Михайлович, услышав о грозной татарской рати, бежал сперва в Новгород, но, не принятый новгородцами, укрылся со своим семейством во Пскове. Этот поступок Александра никак нельзя назвать малодушием или полным бессилием недавно еще могущественной Твери; напротив того, мы имеем прямое свидетельство летописи, что «Александр, не стерпя лукавыя бесовския крамолы и татарскаго насилья, оставил княжение великое и все отечество свое, и иде во Псков с княгинею и с детьми своими, и жил во Пскове десять лет». Значит, успех Московского князя и москвичей и само убиение Шевкала и татар в Твери были делом внутренней крамолы тверских бояр, чему мы увидим скоро прямые свидетельства, а в Тверь крамола шла из Москвы; тверские бояре-изменники были увлечены московскими боярами и Московским князем. Князь Александр Михайлович не потому бежал и не защи-

шал своих владений, что струсил, а потому, что защититься было не с кем, что он был оставлен своими боярами, которые увлеклись завидным положением московских бояр и тайно передались на сторону Москвы. Александр увидел, что главным образом ищут его головы и что всякое сопротивление невозможно. И действительно, так и было, ибо вслед за бегством Александра и разорением тверских владений меньшие братья Александра и бояре вступили спокойно в Тверь и занялись мирным устройством Тверской земли, и ни Московский князь и никто им в том не делал никакой помехи. На другой же год Московский князь, отправляясь в Орду, взял с собой тверского князя Константина Михайловича и новгородских послов, и все были приняты Узбеком милостиво и с почетами. Московский князь получил великое княжение Владимирское «и иные княжения к Москве», как сказано в летописи, а Константина Михайловича хан утвердил на великом княжении Тверском, новгородцев же пожаловал по их челобитью и всем дал приказ искать и представить к нему князя Александра Михайловича.

Таким образом, московский князь Иван Данилович и московские бояре, помутив тверских бояр, при помощи татар за один раз поставили Москву в такое высокое положение, в каком она еще никогда не бывала; вся Ростовско-суздальская земля по приказу самого хана была разорена и подчинена московскому князю, даже Тверь, недавно еще сильная и опасная, отдана в его опеку, тверские князья действуют по его указаниям, а сильнейшие тверские бояре тянут к Москве. Но главный враг и опасный соперник, представитель иных начал, князь Александр Михайлович еще жив и находится под защитой демократического Пскова; а посему Московский князь и московские бояре не могут еще заснуть спокойно; Александр для них страшен и в изгнании – им нужна его голова. И вот по приказу хана от Московского и Тверского князей и от Новгорода летят гонцы во Псков и требуют выдачи Александра, но псковичи отказывают; так проходит 1327 год. В следующем году, по проискам московским, снова приходит приказание от хана

к русским князьям – достать Александра. Московский князь подымает Тверских князей, меньших Александровых братьев, князя Суздальского, своего давнишнего союзника и новгородцев и сам со своей ратью и с союзниками отправляется в Новгород, а оттуда со всеми полками идет к псковским границам и требует выдачи Александра. Псковичи опять отказывают и обещают сложить свои головы за несчастного изгнанника. Московский князь изобретает новое средство: он убеждает бывшего при нем митрополита всея Руси Феогноста предать псковитян проклятию; митрополит посылает во Псков проклятие. Александр, не желая подвергать церковной каре своих защитников, оставляет свое семейство под защитой псковичей, а сам удаляется в Литву под защиту могущественного литовского князя Гедимины. Вслед за удалением Александра митрополит снял проклятие с псковичей, а Московский князь со своими союзниками, дав мир Пскову, удалился домой и послал гонцов к хану, что Александр бежал в Литву и Немцы.

Отделавшись от опасного соперника, московский князь Иван Данилович занялся украшением и укреплением Москвы, которая еще с первого года его княжения сделалась кафедрой митрополита всея Руси; ибо митрополит Петр, полюбив ласкового Московского князя и тамошних бояр, перебрался из Владимира в Москву и там скончался и погребен в новопостроенном по его желанию соборном храме, Успения Пресвятыя Богородицы. Преемник Петра, Феогност, также поселился в Москве при гробе, как сказано в летописи чудотворца всея Руси Петра; а преемники Феогноста последовали его примеру. Таким образом, Москва сделалась старейшим городом на Руси и как столица великого князя, и как кафедра митрополита всея Руси. Это последнее обстоятельство давало Москве едва ли не большее значение в глазах всей Руси, чем княжеская власть, ибо великих князей тогда было еще много, митрополит же был один и по церковным делам все княжества зависели от него; да и в делах мирских он имел большую силу и тот князь, на стороне которого был митрополит, всегда мог рассчитывать на большой успех.

На третий год по удалении Александра Михайловича в Литву Московский князь поехал в Орду к хану Узбеку и взял с собой Константина Михайловича, тверского князя. Зачем они ездили в Орду, летописи не говорят, но только Московский князь, воротившись от хана, принялся за своих прежних союзников новгородцев и потребовал от них небывалой еще дани – закамского серебра, а в обеспечение своего требования занял Торжок и Бежецкий верх. Когда же новгородцы отказали ему, то со всеми низовыми князьями, даже с рязанскими, пришел в Торжок, увел из своих наместников и, сидя в Торжке, приказал своим полкам опустошать новгородские владения. Тщетно Новгородцы посылали к нему посольство за посольством, он не принимал послов и на глаза и, простояв в Торжке от Крещенья до Соборного воскресенья, отправился в Москву, где его ждал ханский посол с требованием идти в Орду. Пользуясь отъездом Московского князя, новгородцы успели укрепить свой город, вступили в сношение с князем Александром Михайловичем, уже вернувшимся во Псков, заключили союз с литовским князем Гедимином и приняли себе в князья его сына Нариманта. Возвратившись из Орды и разузнав новгородские дела, великий князь Иван Данилович поспешил примириться с новгородцами, ласково принял их посольства, сам приехал в Новгород с миром и прожил там довольно долго. По возвращении в Москву он узнал, что Литва воюет Новоторжские волости, послал свои полки в соседние литовские владения и тем заставил литовцев выйти из Новоторжских волостей; позвал к себе в гости владыку новгородского, посадника, тысяцкого и нарочитых бояр, принял их с большим почетом и угощал пирами.

Между тем изгнанник князь Александр Михайлович, ободренный сношениями с Новгородом, послал своего сына Федора Александровича в Орду к хану попытать: не повеет ли ветер в его пользу при ханском дворе. Проба удалась: Федор Александрович возвратился из Орды благополучно и привел с собой к отцу ханского посла Авдула. Узнав об этом, Московский князь немедленно отправился в Орду, чтобы ис-

портить Александрово дело. В Орде Ивана Даниловича хотя и приняли милостиво, с почетом и пожалованием, но скоро выпроводили, следовательно, не дали испортить дела князя Александра. Пользуясь поездкой Московского князя в Орду, Александр попытался было воротиться в Тверь, но скоро увидел, что в Твери ему еще нечего делать, и со своим сыном Федором опять ушел во Псков. Из Пскова он послал своих бояр к митрополиту Феогносту просить его молитв и благословения на путешествие в Орду и, получив благословение, на следующий год отправился к хану Узбеку; явясь перед ханом, он успел своим смирением и умом снискать его благоволение, так что Узбек утвердил за ним великое княжение Тверское и со своими послами отпустил его домой, с тем чтобы они возвели его на тверской престол. Против приказа грозного хана и его послов, естественно, в Твери никто не посмел идти, но бояре – заводчики первой крамолы, чувствуя свою вину, немедленно отъехали в Москву, откуда шла вся смута. Им как крамольникам и изменникам уже нельзя было оставаться в Твери, где в продолжение десяти лет выяснилась их крамола; верные же отечеству тверичи, опираясь на волю хана и поддерживаемые князем, не оставили бы их в покое.

Встревоженный возвращением Александра Михайловича и успехами его у хана, Иван Данилович немедленно сам отправился в Орду и так успел, при помощи своих ордынских приятелей, оклеветать Александра перед ханом, что Узбек отправил в Тверь одного из приближенных слуг с требованием, чтобы Александр с сыном своим Федором немедленно ехал в Орду. Александр Михайлович хотя и получил вести о ханском гневе, но тем не менее не осмелился противиться Узбекову повелению, начал снаряжаться в путь, впрочем, не очень спеша с поездкой. Этим не замедлил воспользоваться Иван Данилович и со своими старшими сыновьями Семеном и Иваном опять явился в Орде и так успел вооружить Узбека, что тот вторично послал за Александром Михайловичем. Затем Иван Данилович поспешил домой, сыновей же оставил в Орде. По второму призыву Александр немедленно отправил в Орду сына свое-

го, Федора, а потом и сам пустился в путь. Прибыв в Орду, он при первой же встрече с сыном своим Федором узнал, что хан сильно гневается на него, то же подтвердили и приятели из ордынских вельмож; но хан первоначально принял дары и велел Александру дожидаться отпуска; так прошел целый месяц, а между тем московские княжичи работали у хана. Наконец вышло повеление казнить Александра и сына его Федора. Таким образом, Московский князь избавился от самого опасного соперника и получил еще больше власти над несчастной Тверью, даже приказал снять большой тверской колокол от соборной церкви и отвезти в Москву.

Сурово поступил Иван Данилович с князем Александром Михайловичем и Тверью, но он был поставлен в такое положение, что или самому пасть, или погубить соперника. Александр был очень умен и вкрадчив для того, чтобы оставить его в покое, и притом, при первом его усилении все защитники старых порядков стали бы на его стороне, и Москве пришлось бы вступить в новую опасную борьбу, которая могла кончиться гибелью новых начал и Москвы. Здесь середины и примирения нельзя было ждать, тем более что Александр был очень даровит и мог приобрести полную уверенность хана. Управившись с Александром, Московский князь опять принялся за Новгород; он потребовал от новгородцев новой дани, хан-де просит новую дань, т.е. прибавок к той дани, которую новгородцы уже выплатили. Новгородцы на это небывалое требование отвечали: *«Того у нас не было от начала миру, а ты крест целовал Новгороду по старой пошлине новгородской и по грамотам Ярославовым»*. Получив такой ответ от Новгорода, защитника старины, князь Московский, как представитель новых порядков, послал приказ своим наместникам выйти из Новгорода и объявил новгородцам войну. Но война эта не состоялась, ибо князь Иван Данилович скончался во время приготовления к войне. Так кончилось княжение Ивана Даниловича, продолжавшееся 12 лет.

Москва, только что выведенная на большую дорогу в княжение Юрия Даниловича, в княжение Ивана Данилови-

ча утвердилась на этой дороге и оттолкнула от нее своих соперников. При Иване Даниловиче новые начала, представительницей которых была Москва, одержали решительный верх; даже Тверь, эта представительница старых начал при Юрии Даниловиче, теперь значительной партией своего боярства стала тянуть к Москве, или, по крайней мере, в Твери завелась довольно сильная партия недовольных тверскими порядками, которая, главным образом, и погубила Александра Михайловича, так что через нее все, что ни затевалось в Твери, немедленно передавалось в Москву. Что же касается до других княжеств здешнего края, то они до того были разорены так называемой Федорчуковой ратью, что находились в полной зависимости от Москвы, и только одно Суздальское княжество пользовалось некоторой самостоятельностью, да и то потому, что тамошний князь был в родстве и постоянном союзе с Московским князем. Такие блестящие успехи Москвы обыкновенно приписывают благосклонности хана Узбека к московскому князю Ивану Даниловичу и личным качествам сего князя. По-видимому, действительно это было так: Узбек дал свое войско Московскому князю, чтобы смирить всех противников Москвы, и жестоко казнил князей, чем-либо опасных для Московского князя. Московский князь действительно обладал способностями, вполне пригодными к тому делу, которое вел: он был хитер, предусмотрителен, настойчив и крайне осторожен. Но и соперник его, Александр Михайлович, не только не уступал в способностях, но даже был гораздо даровитее: он обладал такой вкрадчивостью и умением снискать благосклонность у людей в которых нуждался, что его везде любили, куда бы он ни прибыл; за него, находящегося в изгнании, псковичи готовы были положить свои головы, его принял под покровительство могущественный Гедимин Литовский, он умел снискать благосклонность хана Узбека даже тогда, когда был кругом виноват перед ним, убив его любимого племянника Шевкала; а в первое время он пользовался такой доверенностью Узбека, что после казни Дмитрия Михайловича он прямо дал ему великое княжение

Владимирское. Таким образом, ни благосклонностью хана, ни личными талантами Московский князь не имел преимущества перед Тверским, а в ином даже уступал ему; следовательно, причина успехов Москвы перед Тверью заключалась в чем-то другом, именно в том, что в Москве князь действовал не один, что с ним была заодно вся Москва, что московская земщина по отношению ее к князю была так поставлена, что в интересах княжеских находила собственные интересы, и поэтому между князем и земскими боярами не было розни; московские бояре имели везде своих агентов, и в Орде, и в Тверском, и в других княжествах, и всюду старались устроить дела так, чтобы они были в пользу Москвы и Московского князя. Напротив того, в Твери между боярами была рознь: одни, и очевидно слабое меньшинство, были на стороне князя, другие же, сильное большинство, находили для себя интерес тянуть к Москве, им московское устройство более нравилось, лучше обеспечивало их общественное положение.

Что же такое был князь в Москве, и отчего были так солидарны его интересы с интересами земщины, так что между московским князем и московской земщиной не было розни? На это лучшим ответом служат дошедшие до нас духовные завещания московских князей. Завещания сии, во-первых, показывают, что московский князь был богатейшим поземельным собственником, чисто на частном праве, так что богатейшие земские бояре не только в Москве, но и в других княжествах далеко не имели столько вотчин, сколько было у московского князя. Он владел на праве частной собственности целыми городами с их уездами, отдельными волостями и слободами, и отдельными селами в других уездах, не составлявших его собственности, и даже в других княжествах; он постоянно старался приумножить свои вотчины: покупал и менял у бояр и монастырей, получал в подарок или по завещанию, или по наследству от родственников и знакомых. Так, например, судя по 1-му завещанию князя Ивана Даниловича, он владел на праве частной собственности: восемью городами в московских владениях, 46 слободами и волостями и сорока

отдельными селами, которые он поделил между своими детьми и женой, вместе с шубами, ожерельями, перстнями, цепями, серебряными ковшами, мисами и другими домашними богатствами. А по 2-му завещанию, написанному лет через восемь после первого, значатся в числе вновь приобретенных княжеских сел князя Ивана Даниловича семнадцать сел, о которых прямо сказано в завещании, которое у кого куплено или променяно. Во-вторых, те же завещания ясно показывают, что в Москве строго отделялись княжеские недвижимые имения, которыми он владел по частному праву наравне со всеми вотчинниками, от владений, которые принадлежали ему по государственному праву и не составляли частной княжеской собственности. Последние владения не поступали в раздел, и в завещаниях о них даже не упоминалось. И наконец, в-третьих, в отношении князя к митрополиту и боярам в завещаниях писалось наследникам: *«Слушали бы есте отца нашего владыки, также старых бояр, кто хотел отцу нашему добра и нам; и приказываю вам жити за один, а лихих бы есте людей не слушали, и кто имет вас сваживати»*. Это писал Семен Иванович, сын Калиты. Здесь лучше всего видна солидарность Калиты с боярами. Таким образом, по завещаниям московский князь был богатейшим землевладельцем-собственником, у которого должны были быть одни интересы со всеми московскими боярами и другими землевладельцами-собственниками, более или менее зависевшими от него как от богатого соседа, в нужных случаях могущего пособить им, а в случае ссоры и повредить; поэтому у бояр был интерес не ссориться с князем и служить ему усердно. Князь как сосед по имениям был близок со всеми боярами, не только по службе, но и по соседству, находился с ними в частых сношениях, но в то же время он был государь всей Московской земли и соседних земель, подчиненных Москве по государственному праву. Здесь он уже не был безотчетным хозяином-собственником, а правил государством вместе с боярами, как прямо говорится в завещании: *«Слушали бы отца нашего владыки, так же старых бояр, кто хотел отцу нашему добра и нам»*. Конечно,

между московским князем и московскими боярами не было заключено договора, утвержденного грамотой, или, иначе говоря, не было писаной конституции, но зато этот негласный договор, эта неписаная, неформулированная конституция жила в обычае, в самой жизни, в солидарности интересов той и другой стороны. Князь и бояре, хорошо обеспеченные в своих частных интересах, ясно видели на самом опыте всю пользу дружной и согласной деятельности в делах государственных и всю пагубу вражды и розни; они не могли не заметить, как все преклонялось и падало пред их дружной и согласной деятельностью, как могущественные противники, борьба с которыми казалась даже невозможной, оказывались слабыми и бессильными. Все это и без договоров и формулированных конституций заставляло князя и бояр в Москве строго соблюдать взаимность сложившихся отношений и дружно, без розни работать на общую пользу государства. Эта-то дружная деятельность, постепенно укреплявшаяся еще со времени Даниила Александровича, при князе Иване Даниловиче достигла того, что при встрече с этой дружной деятельностью московского князя и московских бояр всякая сила и могущество оказывались слабыми и недостаточными, и эта же дружная деятельность при Иване Даниловиче решительно утвердила незыблемость могущества Москвы и дала Ивану Даниловичу имя – *собирателя земли Русской*.

По смерти московского князя Ивана Даниловича Калиты сыновья его, Семен, Иван и Андрей, отправились в Орду. Узбек принял их как знакомых, ибо они еще при отце уже были по несколько раз в Орде и работали против Александра Михайловича по указанию отца. При таком знакомстве с Ордой московским княжичам не могло быть соперников между другими князьями, и Узбек дал ярлык на великое княжение Владимирское и Московское старшему сыну Калиты, Семену Ивановичу, а прочих князей, приехавших тогда же в Орду, отпустил по домам, кажется, с наказом повиноваться князю Московскому; по крайней мере, нам известно, что Семен Иванович первый из московских князей стал называть себя кня-

зем всей Руси, а прочие русские князья по его приглашению съезжались к нему в Москву и слушались его приказаний.

Первым делом князя Семена Ивановича, прозванного Гордым, было покончить счеты с Новгородом, неоконченные его отцом по случаю смерти. Вскоре по возвращении из Орды князь Семен Иванович отправил своих наместников и данщиков в Торжок собирать дань, но новоторжцы и новгородцы воспротивились такому насилию и послали сказать Московскому князю: *«Ты еще не сел у нас на княжении, а уже бояре твои силу деют»*. Получив такой отзыв новгородцев, великий князь Семен Иванович созвал съезд из всех русских князей на Москве, оттуда все князья со своими полками отправились в Новгородские владения и заняли Торжок. Новгородцы поспешили собрать свои полки для защиты Новгорода, а между тем отправили посольство к Московскому князю, которое и заключило с князем мир на том, чтобы новгородцы приняли княжеских наместников и дозволили князю собрать черный бор со всей Новгородской земли и тысячу рублей с Торжка. Таким образом, князь Семен Иванович одним походом покончил счеты с Новгородом, начатые его отцом, и сверх того убедился, что соседние князья действительно состоят в его воле и послушны его требованиям. Не имея себе внешних противников, он занялся украшением Москвы, чтобы и по наружности сравнять ее со старыми знатными городами.

Между тем в 1340 году умер хан Узбек и в Орде начались междоусобия, продолжавшиеся целый год. Великий князь Семен Иванович, выждав окончания ордынского междоусобия и узнав, что новый хан Чанибек через своего посла отнял Рязань у Рязанского князя и отдал Пронскому князю, не желая дожидаться чего-нибудь подобного для себя, в 1341 году поспешил в Орду, тем более что Тверской, Суздальский, Ростовский и Ярославский князья все вместе отправились в Орду наперед. Хан Чанибек не изменил положения русских князей и по-прежнему оставил великое княжение Владимирское за князем Московским. Но через два года опять понадобилось ехать в Орду, и Московский князь опять повез с собой

всех князей; зачем был этот съезд князей у хана, летопись не говорит, только упоминает, что Московский князь возвратился от хана с пожалованием и со мною честию. Князю Семену Ивановичу не было противника в Русской земле; он даже принял под свое покровительство жену и детей покойного Александра Михайловича Тверского, которых стал обижать тогдашний великий князь Тверской, Константин Михайлович, прежний послушный союзник Ивана Даниловича, и дал в Москве убежище Александрову сыну, Всеволоду, а потом помог ему отправиться в Орду тягаться с его дядей, Константином Михайловичем. Когда же Константин умер в Орде, Всеволод Александрович при московской же помощи получил от хана ярлык на великое княжество Тверское под другим своим дядей, Василием Михайловичем; а потом князь Семен Иванович даже вступил в близкое родство с семейством Александра Михайловича, женившись на дочери его Марии Александровне. Вступление Семена Ивановича в родство с семейством заклятого врага отца его Ивана Даниловича и принятие этого семейства под свое покровительство против прежнего послушного союзника, Константина, ясно показывает, что здесь действовала не одна личность князя, но целое московское правительство, постоянно искавшее случая вмешаться во внутренние дела соседних княжений, чтобы таким образом постоянно держать их в зависимости. Только для такой неличной системы не могло быть ни заклятых врагов, ни неизменных друзей и послушников.

Когда Московскому князю не было противников во всей здешней стороне, когда все здешние князья находились у него в послушании, Москве явился сильный неизвестный прежде противник – князь Литовский Ольгерд. Ольгерд еще в 1340 году напал на Можайск и Тишинов и произвел большое опустошение, потом вступился в дела псковские и новгородские; за все это Московский князь отомстил в 1344 году принятием под свое покровительство рассорившихся с Ольгердом его братьев. Таким образом, Москва уже не ограничивалась княжествами здешнего края, а волей-неволей при-

нуждена была вмешаться и в дела соседей, значит, твердо уже стала на той большой дороге, на которой московское влияние необходимо должно было распространяться все далее и далее. Ольгерд, чтобы отстранить Московского князя от вмешательства в литовские дела, отправил большое посольство под начальством брата своего Кориада к хану Чанибеку, стараясь вооружить его против Московского князя. Но тогда не то еще было время, чтобы литвину можно было вооружить Орду на Московского князя; при ханском дворе постоянно жили московские бояре для ограждения московских интересов, они немедленно дали весть Московскому князю о большом литовском посольстве и зачем оно приехало. Князь немедленно выслал свое посольство, которое, при помощи московской партии среди ордынских вельмож, повернуло дело так ловко, что Чанибек приказал руками выдать Московскому князю литовских послов и Ольгердова брата Кориада и отправил их в Москву под охраной собственного посланника. Ольгерд, потерпев полную неудачу в Орде, невольно стал заискивать расположения Московского князя и отправил в Москву свое посольство с богатыми дарами и просьбой о мире и об отпуске Кориада и посольства домой. Московский князь согласился на предложенный мир и отпустил Кориада и посольство в Литву. А вслед за тем Ольгерд вступил в родство с Московским князем, женившись на родной сестре московской княгини, второй дочери Александра Михайловича Тверского, Юлиании, причем Ольгерд присылал в Москву посольство с просьбой о дозволении вступить в этот брак. Значит, семейство Александра Михайловича было решительно под опекой князя Семена Ивановича Московского.

В 1351 году великий князь Семен Иванович поднял всех русских князей здешнего края на Смоленск. Войска московского князя и его послушных союзников уже стали выше города на Поротве, но до битвы дело не дошло: на Поротву явились послы литовского князя Ольгерда с предложением остановить войну и заключить мир. Московский князь, не желая вооружать против себя Ольгерда, согласился на заклю-

чение мира и отпустил литовских послов, а сам подвинулся к Угре, ближе к Смоленску, куда и пришли к нему смоленские послы. Простояв на Угре восемь дней, князь Семен Иванович отправил свое посольство в Смоленск и, заключив мир, возвратился домой. Что было причиной этой войны и на каких условиях был заключен мир, летописи об этом решительно не говорят ничего; но для нас эта война важна как свидетельство, что Москва здесь является представительницей восточной Руси и становится лицом к лицу с Литвой как представительницей западной Руси и обе следят друг за другом. Это еще небывалая роль Москвы.

Между тем в Твери продолжались смуты и ссоры между великим князем Тверским, Всеволодом Александровичем, и его дядей, князем Кашинским, Василием Михайловичем, так что в 1347 году они нашли нужным отправиться в Орду к хану Чанибеку для разбора споров. Чанибек, кажется по ходатайству Москвы, решил спор в пользу Всеволода Александровича и по-прежнему утвердил за ним великое княжение Тверское, чем, разумеется, споры не кончились; князь Кашинский продолжал подымать недовольных против своего племянника и великого князя, так что дело едва не дошло до кровопролития. В 1348 году тверской епископ Федор успел было примирить враждующих, убедив Всеволода Александровича уступить тверской престол своему дяде, Василию Кашинскому; помирившись, оба целовали крест жить в совете и единомыслии. Но мир этот продолжался не более двух лет, именно до тех пор, пока князь Кашинский не получил ярлыка ханского на великокняжеский тверской престол. По получении ярлыка Василий Михайлович начал теснить племянника своего, Всеволода Александровича, и в нарушение договора отягощать излишними даяниями бояр Всеволодовых и вообще наносить обиды, как Всеволоду, так и его боярам. Впрочем, не в одной Твери начались смуты и ссоры, в самой Москве не обошлось без них. Хотя летописи не упоминают о какой-либо нелюбви между великим князем Семеном Ивановичем и его братьями – Иваном и Андреем Ивановичами, но до нас дошла подлинная

договорная грамота, заключенная князем Семеном Ивановичем, писанная не раньше 1347 или 1348 года. В этой грамоте, к сожалению, плохо сохранившейся, мы встречаем известие, что между Семеном и его братьями едва ли не было войны, ибо в грамоте есть место, к сожалению вытертое, где сказано; «А *которые люди по нашим волостем выиманы нын... войны де... нам к сабе не примати*». Как бы то ни было, по грамоте видно, что князь Семен Иванович нашел вынужденным заключить с родными братьями договор и закрепить его крестным целованием у родительского гроба. В этом договоре в числе первых условий поставлено, чтобы старший брат без младших ни с кем не заключал договоров. Кроме свидетельства о какой-то ссоре между московскими князьями-братьями, в настоящей грамоте есть еще важное указание о крамоле боярина Алексея Петровича Босаволока. В грамоте об этом деле сказано так: «А что *Олекса Петрович вшел в коромолу к великому князю, нам князю Ивану и князю Андрею к себе его неприимати, ни его детей, и не надеитись ны его к сабе до Олексеева живота; волен в нем князь великий, и в его жене и в его детех. А тебе, господине, князь великий, к себе его неприимати в бояре, а мне, князю Ивану, что дал князь великий из Олексеева живота, того ми Алексею не давати, ни его жене, ни его детем, ни иным ничем не подмогати их*». Грамота была заключена при свидетельстве тысяцкого, бояр и окольных. Таким образом, московские бояре, до сего времени согласно и дружно работавшие со своими князьями, теперь стали заводить крамолу, ссорить князей, и притом крамола была так сильна, что о заводчике крамолы боярине Алексее Петровиче понадобилось упомянуть в договорной грамоте князей, а князья-братья должны были обязаться клятвой не принимать крамольного боярина и его детей; у крамольного боярина было отобрано имение и разделено между князьями. Эта новость в истории Москвы, с одной стороны, объясняется более близким знакомством московских бояр с боярским бытом в соседних княжествах, особенно в Твери. О боярине Алексее Петровиче мы именно знаем, что он в 1346 году был послан в

Тверь за невестой великого князя, Марией Александровной, и конечно был выбран на это дело как человек, имевший в Твери связи и хорошо знакомый с бытом тверичей, а может быть, при Иване Даниловиче бывавший в Твери и участвовавший в заведении крамолы тамошними боярами; освоившись же с чужой крамолкой, вздумал провести ее и в Москве. С другой стороны, в вызове на крамолу, без сомнения, участвовал и характер великого князя Семена Ивановича, ибо Семен Иванович по характеру своему далеко не походил на своего отца, Ивана Даниловича, осторожного и ласкового с боярами и народом. Разницу характеров того и другого князя лучше всего объясняют те прозвища, которыми они отмечены в народе и в летописях: Ивана Даниловича прозвали *Калитой*, т.е. милостивым, щедрым, а Семена Ивановича — *Гордым*, неприступным. Конечно, от гордости князя прежде всего должны были терпеть высокомерные бояре, привыкшие к ласковому и дружественному обхождению прежних князей, строителей величия Москвы. Новое непривычное обращение князя естественно должно было возбудить неудовольствие и крамолу бояр, особенно богатейших из них и тех, которые привыкли к крамоле, производя ее в соседних княжествах.

Великий князь Семен Иванович скончался от черной смерти в 1352 году, на 36 году от рождения, кажется, не уничтожив как следует боярской крамолы, затеянной Алексеем Петровичем, и только успев примирить своих братьев.

Двенадцатилетнее княжение Семена Ивановича было самым блестящим временем в истории Москвы. Семен Иванович вполне умел воспользоваться успехами своих предшественников и поставил Москву на такую высоту, что все княжения здешнего края беспрекословно повиновались повелениям московского князя. Князь Семен Иванович во все свое княжение не встретил ни разу никакого сопротивления ни от одного из князей здешнего края, а о соперничестве с ним никто не смел и думать; мало того, он успел выдвинуть влияние Москвы даже на дела западной Руси, т.е. первый выставил всероссийское значение Москвы. Но с другой стороны, то

же время княжения Семена Ивановича, и именно вследствие характера этого князя, было временем первой московской смуты, первой боярской крамолы, которую князь Семен Иванович при всей своей энергии не мог уничтожить и которая сразу дала знать о себе понижением влияния Москвы на соседей. Соседи скоро увидели, что и в Москве можно мутить, и только что умер князь Семен Иванович, едва ли его еще успели похоронить, как уже явился соперник московскому князю, хотя на первый раз и безуспешный.

По смерти князя Семена Ивановича брат его Иван Иванович отправился по порядку в Орду за ханским утверждением на княжестве; в ордынских вельможах московской партии, как старый знакомый, он встретил обычную приязнь, но в то же время он встретил в Орде и соперника, князя Суздальского, Константина Васильевича, за которого ходатайствовало перед ханом новгородское посольство и который искал великого княжения Владимирского. Впрочем, московская партия, еще сильная при ханском дворе, одолела, и Владимирское великое княжение было отдано ханом князю Московскому, Ивану Ивановичу. В этом деле важно не то, что московская партия при ханском дворе успела выхлопотать княжение Владимирское московскому князю, этого иначе, разумеется, и быть не могло – Московский князь давно был там знаком, а важно и знаменательно то, что осмелился явиться соперник московскому, да и притом же из суздальских князей, всегдашних послушных союзников Москвы. Значит, московская боярская крамола не дремала, хотя заводчик ее Алексей Петрович и был изгнан покойным князем Семеном Ивановичем. Влияние этой крамолы еще сильнее высказалось в другом деле: в первый же год княжения Ивана Ивановича еще молодой рязанский князь Олег Иванович напал на московские владения и взял пограничный московский город Лопасню; дело Рязанского князя было бы невысказано при Иване Калите или Семене Гордом, а теперь Московский князь даже не мстил за обиду и бессильно смотрел, как наместники князя Рязанского сидели в московском городе Лопасне. В летописях нет и

намека на попытку князя Ивана Ивановича к возвращению отнятой рязанцами Лопасни; мало того, Московский князь на другой год был вынужден заключить мир со своим соперником, князем Константином Васильевичем Суздальским, а на следующий год Московский князь дозволил беспрепятственно литовскому князю Ольгерду воевать Смоленск и не имел силы вступить за Смоленского князя.

Небывалое доселе бездействие Московского князя в делах, так близко относящихся к Москве, в делах не только оскорбительных, но и убыточных для Москвы, конечно нельзя объяснять уступчивым характером князя Ивана Ивановича — не уступил же он владимирского престола князю Суздальскому; да ежели бы и можно было допустить уступчивость со стороны князя, то куда же смотрели бояре московские, еще недавно так усердно трудившиеся на возвеличение Москвы, как они могли вынести такое оскорбительное пренебрежение к праву Москвы от соседей, куда же делась энергия сотрудников Ивана Калиты и Семена Гордого? Не вымерли же они все в пять-шесть лет! Причина такого бесчестного бездействия явно заключается не в недостатке ума и энергии, которыми еще так недавно отличались государственные деятели Москвы, а в смуте, в розни, которая появилась между московскими боярами и князем в последние годы княжения Семена Ивановича и которая, конечно, не могла уничтожиться изгнанием заводчика розни, боярина Алексея Петровича. Летописцы долго молчали об этой розни и мы узнали о ней только из договорной грамоты Семена Ивановича с братьями, но наконец летописцы проговорились, и мы вдруг под 1355 годом читаем удивительное, ничем не предупрежденное известие: «Тоеже зимы месяца февраля в 3-й день сотворись на Москве в нощи, егда заутреню благовестят, убиен был тысяцкий московский, Алексей Петрович. Убиение же его страшно и незнаемо и неведомо ни от когоже: точию обретеса убиен лежа на площади, егда заутреню благовестят. И неции глаголют о нем, яко совет сей сотворися или от бояр, или от иных втайне. И тако убиен бысть, яко же князь великий Андрей Боголюбский от

Кучковичев; и быть мятеж велий на Москве того ради убийства. И тако тоеже зимы по последнем пути большой бояре московский отъехалаша на Рязань с женами и детьми».

Это совершенно отрывочное известие по летописям в сопоставлении со свидетельством договорной Семеновской грамоты раскрывает перед нами всю связь событий, которую старались скрыть летописи. Тысяцкий, убитый на площади неизвестно кем в 1355 году, тот же самый Алексей Петрович, который по грамоте был изгнан князем Семеном Ивановичем и не принимать которого московские князья-братья клялись у родительского гроба. Тайное убийство этого изгнанного князьями тысяцкого, по известию летописи, произвело в Москве страшный мятеж, и большие бояре московские той же зимой по последнему пути отъехали с семействами в Рязань. Значит, старый заводчик крамолы, боярин Алексей Петрович, изгнанный князьями, клявшимися у гроба родительского не возвращать его, был не только возвращен в Москву, но и получил самый высший земской чин тысяцкого. Кто же его возвратил и выбрал в тысяцкие? Летописи об этом прямо и ясно не говорят, но по убийстве его был большой мятеж и большие бояре московские отъехали в Рязань; значит, возвратила Алексея Петровича и выбрала в тысяцкие партия больших московских бояр и она же произвела великий мятеж из-за его убийства и, потерпев неудачу, отъехала в Рязань к тому самому еще юному рязанскому князю Олегу Ивановичу, который три года назад безнаказанно захватил пограничный московский город Лопасню. Значит, и завоевание Лопасни, и оставление Олега без наказания, и даже без попытки наказать его, имеет тесную связь с крамолкой московской партии больших бояр; значит, московский князь бездействовал, когда соседи оскорбляли Москву, не по уступчивости характера, а потому что ради розни и крамолы в самой Москве не мог действовать, что крамольная партия была очень сильна и стесняла власть князя, что князю было не до внешних отношений к соседям, когда он не мог воспрепятствовать возвращению того самого заводчика прежней смуты, не возвращать которого он клялся у гроба отца.

Но убийство крамольного тысяцкого, кажется, предпринятое для избавления от крамолы, не принесло тех плодов, которых от него ожидали: оно произвело сильный мятеж, кончившийся отъездом больших бояр в Рязань; следовательно, убийство не дало примирения, а только усилило рознь; крамольники удалились из Москвы, чтобы действовать свободнее на стороне. Хотя великому князю Ивану Ивановичу через год и удалось воротить двух бояр, отъехавших в Рязань, но там еще осталось их довольно и, кажется, не без их участия вслед затем был поднят вопрос об определении границ между Рязанью и Москвой, для чего был приглашен в Рязань великий посол из Орды, царевич Момат-Хожа. Но эта затея рязанцев и крамольных московских отъезчиков не удалась: Московский князь не пустил в свои владения татарского царевича, приглашенного рязанцами, а между тем хан по какой-то клевете, может быть московской партии в Орде, отозвал царевича назад и там за какую-то крамолу приказал его убить. Тем и кончилось размежевание границ между Рязанью и Москвой. Через год, после шестилетнего княжения, скончался великий князь Иван Иванович, на 31 году от рождения, оставив после себя двух сыновей, из коих старшему Дмитрию было только 9 лет. Из духовных завещаний, оставленных великим князем Иваном Ивановичем, оказывается, что он умер, не размежевавшись с Рязанью и даже не надеясь удержать за Москвой не только прежних рязанских мест, лежавших на московской стороне Оки, но и самой Коломны, старого московского города. В грамоте, или завещании своем, он пишет: «А ежели по грехом станут из Орды искать Коломны, или Лопастинских мест, или отменных мест рязанских, и ежели по грехом отъимется которое место, дети мои; князь Дмитрий и князь Иван, и князь Володимер в то место и княгини поделятся безпенными месты», т.е. владениями, которые в этом краю останутся по ханскому суду за Москвой. Значит, умирающий князь хорошо знал, что в Орде шла работа не в пользу Москвы.

После великого князя Ивана Ивановича Москва осталась в таком слабом и расстроенном внутренними крамолами по-

ложении, что московские бояре первоначально даже не осмелились и искать в Орде великого княжения Владимирского своему малолетнему князю Дмитрию Ивановичу, и хан отдал владимирский престол суздальскому князю Дмитрию Константиновичу. Но, кажется, малолетство наследника послужило на пользу Москве: бояре при малолетнем князе естественно сделались от имени князя правителями государства и, помня несчастья, происшедшие от розни, успели как-то уладиться и начали действовать дружно и единодушно. Это, естественно, не могло сделаться вдруг, только через два года по смерти Иоанна московские бояре наконец собрались везти своего одиннадцатилетнего князя в Орду, чтобы получить ярлык на Московское княжество. А потом, пользуясь междоусобиями, бывшими тогда в Орде, московские бояре предъявили спор и против суздальского князя Дмитрия Константиновича о владении великим княжеством Владимирским, довели дело до ханского суда и своими происками в Орде вынесли от хана Амурата ярлык на Владимирское княжество своему малолетнему князю Дмитрию Ивановичу. Собрав войско, бояре принудили Дмитрия Константиновича удалиться из Владимира в Переяславль, а потом выгнали его и из Переяславля. Таким образом, по прекращении домашней розни бояре московские с первого же раза показали, что в них еще не вымерла прежняя энергия строителей московского величия, что Москва по-прежнему сильна и не боится соперников, хотя бы и утвержденных ханом.

По изгнании князя Дмитрия Константиновича из Переяславля, московские бояре повезли своего одиннадцатилетнего князя Дмитрия Ивановича, брата его Ивана Ивановича и двоюродного брата Владимира Андреевича во Владимир. Посадив Дмитрия на владимирском престоле и прожив во Владимире три недели, все – и князья, и бояре – возвратились в Москву. Между тем московская боярская партия в то же время зорко следила за междоусобиями в Орде и, заметив, что соперник Амурата хан Мамаевой Орды Авдул начал усиливаться, успела выхлопотать ярлык своему князю и от Авдула. Хан Амурат, узнав об этом, разгневался на Московского князя, и с

Белозерским князем, бывшим тогда у него в Орде, и со своим послом отправил к суздальскому князю Дмитрию Константиновичу ярлык на великое княжение Владимирское. Суздальский князь, получив ярлык от Амурата, с ханским послом и с князем Белозерским немедленно отправился во Владимир и вторично занял владимирский великокняжеский престол. Но теперь уже была не прежняя пора московской розни: бояре московские быстро собрали сильную рать и повели своего великого князя и его братьев к Владимиру. Дмитрий Константинович, покняжив во Владимире только 12 дней, вынужден был бежать в Суздаль; московские бояре со своими князьями погнались за ним и туда и принудили его бежать в Нижний Новгород к его старшему брату, Андрею Константиновичу. Потом, не откладывая до другого времени, благо войско было в сборе, бояре московские подчинили власти своего князя ростовского князя Константина; затем за один поход согнали с Галичского княжения тамошнего князя Дмитрия, а со Стародубского княжения – стародубского князя Ивана Федоровича; таким образом, за один поход бояре покончили с тремя удельными княжествами и присоединили их к московским владениям. Все изгнанные князья собрались в Нижнем Новгороде у тамошнего князя Андрея Константиновича или, скорее, к брату его, бывшему владимирскому князю Дмитрию; но не московским боярам, прекратившим домашнюю рознь, бояться изгнанников! Правду сказать, изгнанники на другой год успели выхлопотать в Орде ярлык на Владимирское княжение своему покровителю, Дмитрию Константиновичу, но этот, теснимый своим родным братом, Борисом Константиновичем, сам отослал вынесенный ярлык Московскому князю и просил его защиты против Бориса, уже завладевшего Нижним Новгородом. Бояре московские не замедлили выслать ему в помощь рать и поделили враждующих братьев; таким образом, прежнего соперника своему князю они обратили в послушного и благодарного союзника.

Между тем в Тверском княжении ссоры князей, начавшиеся еще при великом князе Семене Ивановиче, продолжа-

лись: кашинские князья теснили по-прежнему холмских князей, покровительствуемых при Семене Ивановиче Москвой, а при Иване Ивановиче – оставленных без покровительства. К этим ссорам во время Дмитрия Ивановича присоединился новый повод: князь Семен Константинович, умирая бездетным, отдал удел свой Холмскому князю Михаилу Александровичу. Наконец, в это дело вмешалась Москва, не желая упустить удобного случая, чтобы опять взять под свою опеку тверских князей, как это было при Иване Даниловиче, при сыне его, Семене Гордом. Вмешательство это началось следующим образом: спорящие князья просили митрополита Алексея рассудить их святительским судом; митрополит приказал это сделать тверскому епископу Василию; Василий рассудил спор в пользу Михаила Александровича Холмского. Такое решение тверского спора не понравилось в Москве, ибо московские бояре, хорошо разведав о способностях и характере Михаила Александровича Холмского, признали его опасным для Москвы и вовсе не имели желания его усиливать. Посему митрополит Алексей, действовавший заодно с боярами московскими, как непреременный участник в правлении, вызвал тверского епископа Василия в Москву и там перед боярами осудил его за неправильный суд над тверскими князьями. Затем московский суд оправдал князя Кашинского, для этого нарочно приехавшего со своими родственниками в Москву. В Москве, довольные его приездом и искательствами, дали ему московское войско и отпустили домой управляться с соперником. Но соперника его уже не было в Тверской земле, он, заранее зная, что московский суд кончится не в его пользу, еще до суда уехал в Литву к своему зятю, Ольгерду.

Московская рать, провожавшая Кашинского князя, сильно пограбила тверские владения и, не встречая противников, возвратилась домой. Но лишь распустили московскую рать по домам, как Михайло Александрович неожиданно-негаданно явился в тверских владениях с литовской ратью, занял Тверь, захватил там жен и бояр своих противников и немедленно двинулся к Кашину. Кашинский князь, Василий Михайлович,

без московской помощи не имея сил противиться, выслал на встречу Михаилу от епископа Василия и от себя посольство с просьбой о мире, обещая во всем повиноваться своему племяннику. Михаил, довольный этими условиями, заключил мир и с Кашинским князем, и с Московским. Но, разумеется, этот мир не мог быть прочным: его условия, заключенные по необходимости, явно были неуютны в Москве, соперники Михаила тяготились ими, и один из них, князь Еремей Константинович, сложил крестное целование и поехал в Москву.

В Москве почти целый год думали, как бы поправить тверское дело, и наконец, в 1367 году, надумали так неловко и неосторожно, как редко случалось московским боярам. Они от имени своего семнадцатилетнего князя и от имени митрополита, уважаемого всеми Алексея, зазвали в Москву князя Михаила Александровича в гости и, зазвавши, завели речи о тверских делах, а затем нарядили третейский суд и изменнически схватили самого Михаила и посадили под арест на Гавшине Дворе, а бояр, бывших с ним, рассадили по другим дворам также под стражу. К чему бы привело московских бояр такое гадкое начало, мы не знаем, ибо, к их счастью, нечаянно приехали из Орды три татарских князя. Испугавшись их приезда, московские бояре поспешили отпустить князя Михаила Александровича и его бояр, обязав его клятвой остаться в мире с Москвой. Но такого черного дела, конечно, нельзя было замазать никакой клятвой, это хорошо понимали сами московские бояре и немедленно принялись за оружие; собрав многочисленную рать, они отправили ее в тверские владения, взяли Городок и отдали его князю Еремею Константиновичу, посадив с ним московских наместников. Михаил, не имея сил, отправился искать помощи в Литву; тогдашний литовский князь Ольгерд, зять Михаила, давно искавший повода вмешаться в дела восточной Руси, с такой быстротой собрал значительную рать и вступил с ней в пределы московских владений, что в Москве узнали о его походе только тогда, когда он уже успел занять лежавшие по дороге Стародуб и Оболенск. Собрав наскоро ближайшие полки московские, дмитровские

и коломенские, бояре московские поспешили выслать их к Тросне, чтобы загородить дорогу Ольгерду. Но Ольгерд разбил их наголову и, не останавливаясь, двинулся к Москве. Москвичам, не успевшим приготовиться, оставалось одно – сжечь пригородные посады и засесть в осаду. Ольгерд, подойдя к Москве и видя, что пригородные посады сожжены, а город укреплен надежно, принялся опустошать окрестности и такое произвел опустошение, что Московский князь и бояре, сидевшие в осаде, поспешили заключить мир, разумеется, на условиях, предложенных Ольгердом. По этому миру недавно захваченный Городок был возвращен и Михаил признан великим князем Тверским, ему даже выдали упорного противника, князя Еремея Константиновича, проживавшего в Москве. Таким образом, бесчестное дело московских бояр принесло самые горькие плоды, и притом не последние.

Прошло уже два года после литовского погрома; Михаил Александрович спокойно княжил в Твери, а в Москве собирали силу так или иначе отомстить ему за литовский погром. Наконец, в последние дни второго года девятнадцатилетний Московский князь отправил посланника в Тверь с объявлением войны. Михаил, чувствуя себя не в силах одному бороться с Москвой, по-прежнему удалился в Литву просить помощи у Ольгерда, а Московский князь на следующий год лично повел свои войска в Тверскую землю, взял тамошние города Зубцов и Микулин и, сильно опустошив тверские владения, возвратился в Москву с богатой добычей и множеством пленников. Но не успел еще осмотреться после похода Московский князь и только что распустил свои полки, как сильная литовская рать, предводимая Ольгердом, Михаилом Тверским и Святославом Смоленским, явилась под Волоком и, не занимаясь долго осадой этого довольно укрепленного города, устремилась к Москве и в декабре сожгла все московские посады. Но на этот раз Москва была не в таком беззащитном положении, как в первый Ольгердов поход; князь Владимир Андреевич, двоюродный брат великого князя, успел собрать значительную рать при помощи князей Рязанского и Пронского и, укреп-

пясь в Перемышле, мог отрезать Ольгерду отступление домой или вести свою рать на вырубку Москвы. Сведав об этом, Ольгерд поспешил заключить мир на шесть месяцев. Тем не менее мир этот был не совсем в пользу Москвы; по условиям этого мира Московский князь обязался заключить мир с Михаилом Александровичем и отказаться от своих недавних завоеваний в Тверской земле. На этот раз князь Михаил Александрович уже не думал сидеть дома и ждать, пока опять придет московская рать, напротив, в конце той же зимы отправился в Мамаеву орду и так успел там, что к лету получил ярлык на великое княжение Владимирское и предложение взять с собой татарскую рать, т.е. сумел стать в такое же положение, в каком когда-то был Иван Данилович Калита; но он не решился воспользоваться своим положением и, отказавшись от татарской рати, отправился только с ярлыком и ханским послом, думая, может быть, что в Москве не осмелятся противиться ханскому ярлыку. В Москве, напротив, взглянули на это дело иначе; Московский князь, как только узнал об этом, немедленно привел к крестному целованию всех жителей владимирского княжения не пускать в свои города Тверского князя, несмотря на ханский ярлык. А посему владимирцы не пустили к себе ни Михаила, ни ханского посла. Ханский посол, желая покончить как-нибудь порученное ему дело, послал к Московскому князю требование, чтобы ехал во Владимир к ярлыку, но получил ответ: «К ярлыку не еду, Владимирского княжения не уступлю, а тебе послу путь чист». К этому ответу были еще прибавлены богатые дары ханскому послу и просьба, чтобы пожаловал в Москву. Посол, чтобы развязаться с делом, отдал ханский ярлык Михаилу Александровичу и, простившись с ним, поехал будто бы домой в Орду, а сам между тем повернул в Москву, где не пощадили, разумеется, ни ласки, ни почестей, ни даров, чтобы привлечь его на свою сторону и тем сколько-нибудь смягчить неуважение к ханскому ярлыку, в чем вполне и успели. Посол приехал из Москвы в Орду ходатаем за московского князя, а вслед за ним отправился в Орду и сам Московский князь с боярами и там, задоблив богатыми дарами

могущественного при ханском дворе татарского князя Мамаю, был принят ласково и получил снова ярлык на великое княжение Владимирское; а к Михаилу от хана был послан чисто татарский ответ: «Дали мы тебе великое княжение и давали рать и силу посадить тебя на нем; а ты рати не взял, обещаясь сесть своею силою; и ты сиди с кем тебе любо, а от нас помощи не жди». Мало этого, татары выдали Московскому князю Михайлова сына, бывшего в Орде. Таким образом, московские бояре со своим двадцатилетним князем обделали дело в Орде на славу и совершенно оттерли от Орды Тверского князя, так что ему нельзя было и явиться туда.

Но еще важнее ордынского дела московские бояре обделали дело литовское и на славу провели хитрого и многоумного Ольгерда. Тверской князь Михаил Александрович, не сумев занять великое княжение Владимирское, тем не менее успел захватить московские города: Кострому, Мологу, Улечеполе и Бежецкий и посадил там своих наместников; затем с литовской помощью завоевал Кистьму, Дмитров и Переяславль и совершенно подчинил себе московского союзника, князя Кашинского, и наконец, разбив наголову новгородцев, завладел Торжком; но чтобы вернее порешить с Москвой окончательно, опять убедил Ольгерда Литовского объявить войну Московскому князю. Ольгерд, приняв приглашение, по обычаю быстро двинулся в московские пределы и, соединясь в Калуге с Михаилом Александровичем Тверским и Святославом Смоленским, спешил к Москве; но москвичи со своим князем успели уже собрать войско и также спешили встретить Ольгерда и его союзников и под Любутском стремительным натиском заставили Ольгерда попятиться назад; но обратиться в бегство не могли. Ольгерд и Михаил, заняв крепкую позицию за крутым и глубоким оврагом, принудили москвичей остановиться. Та и другая сторона, равные в силах, долго стояли друг против друга, наконец вступили в переговоры, и здесь-то московские бояре одержали полную победу ума и ловкости. По мирному договору, заключенному под Любутском, Ольгерд не только не поддержал Михаила Тверского, как бывало

прежде, но даже обязался принудить его к возвращению занятых им московских городов. Ближайшим следствием такого договора было то, что Смоленский князь поспешил вступить в союз с Московским, а Тверской князь, принужденный заключить мир с Московским князем, не только возвратил занятые города, но и обязался сложить крестное целование к Ольгерду, а ежели Литовский князь пойдет на Московского князя или на его союзников, то Тверскому князю стоять заодно с ними против Литовского князя. Этот блестящий подвиг московских бояр и их князя, которому тогда было только двадцать один год от роду, не только лишил Тверского князя Ольгердовой помощи и отнял у него возможность быть соперником Москвы, но, что всего важнее, отодвинул с лишком на 200 лет Литву от посреднического вмешательства в дела восточной Руси. По Любутскому миру Москва получила полную свободу распоряжаться делами восточной Руси и освободилась от соперничества Литвы.

Впрочем, Михаил Александрович Тверской не оставлял еще намерения потягаться с Москвой за Владимирское княжение и ждал только случая. Случай этот скоро представился. В 1373 году скончался московский тысяцкий Василий Васильевич Вельяминов; великий князь Дмитрий Иванович рассудил не назначать нового тысяцкого, чтобы тем самым уничтожить эту важнейшую земскую должность в Москве, довольно стеснительную для княжеской власти. Как ни хитро вел это дело великий князь, но все же оно не обошлось без недовольных и без крамолы; старший сын покойного тысяцкого, надеявшийся по прежним примерам занять эту должность, не успев ничего в Москве, где за князя стояло большинство бояр, бежал в Тверь к князю Михаилу Александровичу вместе с товарищем своим, упрямым земцем Некоматом Суражанином. В Твери они наговорили, что в Москве много недовольных князем и что стоит только Михаилу поднять дело о Владимирском княжении, успех будет несомненен, Москва, ослабленная крамолой, не сможет оказать сильного сопротивления. Михаил поверил московским крамольникам и послал их в Орду хлоп-

тать о ярлыке на Владимирское княжение, а сам поехал в Литву искать помощи для новой войны с Москвой. В Орде были уже недовольны Московским князем и с большой охотой выдали ярлык посланцам Михаила и обещали прислать военную помощь. Михаил Александрович, обнадеженный помощью и в Литве, возвратившись домой, поспешил сложить крестное целование к Московскому князю и объявить войну. Москва, любившая своего князя и не думавшая крамольничать, между тем хорошо знала, что делалось в Твери и не дремала с приготовлениями со своей стороны; только лишь Михаил объявил войну, как Московский князь немедленно двинул к Твери двадцать князей, своих послушных союзников, и, прежде нежели литовская и татарская помощь успели придти, осадил Тверь; осада продолжалась четыре недели, а полки татарские и литовские еще не приходили на выручку, наконец вместо того явились новгородские полки на помощь к осаждающим и начались приметы и приступы к Твери. Михаил защищался с большим мужеством и искусством, отбивал приступы и разрушал осадные работы, поджидая своих союзников. Наконец союзники-литовцы явились, но, видя силу осаждающих, ушли домой; тогда Михаил, оставленный союзниками, вступил в переговоры с Дмитрием Ивановичем и заключил мир на предложенных с московской стороны условиях. Этим миром Москва навсегда освободилась от притязаний Тверского князя. Михаил Александрович после мира под стенами Твери навсегда отказался от притязаний на соперничество с Москвой и оставался до самой своей кончины мирным и уважаемым союзником Московского князя.

По примирении с Михаилом Александровичем Тверским, Москва получила решительное первенство над всеми княжествами восточной Руси и начала готовиться к борьбе с татарами. Это дело началось посылкой московских полков на помощь князю Дмитрию Константиновичу Суздальскому и Нижегородскому, тестю и верному союзнику Московского князя. Татары в это время начали делать набеги на Нижний Новгород под предлогом мести Нижегородскому князю за по-

ход под Тверь. Набеги сии, иногда удачные, иногда неудачные, возобновлялись несколько раз, и полки московские всякий раз приходили помогать Нижегородскому князю. Кроме того, Московский князь несколько раз ходил с полками на Оку и за Оку и стоял там для наблюдения за татарами, для того же постоянно были расставлены московские сторожи за Окой почти до самых татарских кочевьев. Москва, не раз уже не обращавшая внимания на ханские ярлыки, ждала татарского нашествия и держала себя с большой осторожностью. Наконец, в 1377 году Мамай, бывший всемогущим в Орде, послал князя ордынского Бегича с большой ратью на Московского князя. Степенные московские сторожа немедленно дали знать в Москву о походе татар, и Московский князь со всегда готовым войском сам поспешил на Оку, встретил Бегича в Рязанской земле и дал татарам битву на реке Воже, битва эта кончилась совершенным поражением Бегичевых полчищ; одних ордынских князей пало в битве пять человек. Москвичи, погнавшиеся за бегущими татарами, не могли их догнать и собрали по степи брошенные ими шатры и множество разного имущества, так что возвратились домой с богатой добычей. В этой битве между многими пленниками был пойман один поп, посланный проживавшим в Орде и подговаривавшим Мамаю сыном покойного московского тысяцкого.

Поражение татар на Воже, естественно, крайне раздражило Мамаю, и он решился наказать Москву и для сего наперед послал проживавшего в Орде сына покойного московского тысяцкого Вельяминова, конечно, с намерением поднять крамолу в Москве, а сам стал собирать войско. Но крамола решительно не удалась; московские агенты везде следили за Вельяминовым и даже может быть дали знать из Орды о его посылке, а посему он дошел только до Серпухова и там был схвачен и отвезен в Москву, где по приказанию князя ему отсекли голову на Кучкове поле. Между тем Мамай, собрав многочисленное войско, перебрался через Волгу и остановился кочевать в воронежских степях и там вступил в союз с Олегом, князем Рязанским, и Ягайлом, князем Литовским, чтобы

общими силами напасть на Московского князя. В Москве об этом получены были вести еще зимой 1379 года, и Московский князь, со своей стороны, также стал готовиться к войне, разослав пригласительные грамоты ко всем своим союзникам, т.е. ко всем князьям восточной Руси, исключая Рязанского. Сборы князей продолжались целый месяц, наконец все князья со своими полками явились на срок к Коломне, даже Тверской князь, Михаил Александрович, прислал свои полки. Великий князь Дмитрий Иванович, осмотрев собравшуюся рать и сделав разряд князьям и воеводам, кому каким полком начальствовать, двинулся со всей ратью к Лопасне и там, получив вести из степи, перешел Оку в числе более двухсот тысяч воинов. Затем все двинулись к Дону и 7-го сентября переправились через Дон. Великий князь, переезжая последним, приказал сломать мост, чтобы никто и не надеялся на отступление. Восьмого числа явился и Мамай со своими татарами и началась кровопролитнейшая битва на берегах речки Непрядвы, на поле Куликове. Битва продолжалась целый день и кончилась поражением и бегством Мамаея, но и русским стоила весьма дорого, так что из двухсоттысячной рати едва осталось сорок тысяч; сам великий князь Московский был сильно избит и насилие был найден среди убитых; на целых десять верст степь была покрыта татарскими и русскими трупами. О преследовании Мамаея нечего было и думать; великий князь, опомнившись от сильных ушибов, занялся погребением убитых воинов, а потом повел оставшиеся полки домой.

Но страшная Куликовская битва, доставившая Дмитрию Ивановичу Московскому знаменитое прозвание Донского, не покончила дела с татарами. Пораженный на Куликовом поле, Мамай был добит новым ханом Тохтамышем на Калке. Тохтамыш, победив Мамаея и утвердившись окончательно в Орде, немедленно отправил своих посланников к Московскому великому князю и ко всем русским князьям с извещением о победе над Мамаем и о своем воцарении. Русские князья, по заведенному порядку, отвечали на это извещение своими посольствами с обычными дарами и поминками ново-

му хану. Тохтамыш принял послов ласково и отпустил, как сказано в летописи, с пожалованием и честью, а между тем скрытно собирал войско и на другой год неожиданно-негаданно переправился через Волгу и изгоном пошел прямо к Москве. Московский князь, не ожидавший такого нашествия, посоветовавшись со своими союзниками, не решился вступить в битву, оставил Москву и сперва ушел в Переяславль, а оттуда перебрался в Кострому. Между тем Тохтамыш, взяв Серпухов, явился под Москвой. Москвичи, под начальством литовского князя Остея, укрепились и не думали сдаваться и удачно отбили несколько татарских приступов; тогда Тохтамыш вступил с гражданами в переговоры и, обманом выманив к себе Остея, среди переговоров ворвался в город и произвел там страшное опустошение. Потом из Москвы разослал свои полки для грабежа и опустошения по соседним городам. Между тем двоюродный брат Московского князя, князь Владимир Андреевич, собрав значительную силу, стоял неподалеку от Волока; один из татарских отрядов нечаянно наткнулся на него и был разбит наголову; Тохтамыш, узнав об этом, испугался и заблаговременно убрался домой с богатой добычей и множеством пленников. Вслед за Тохтамышем и русские князья должны были отправляться в Орду с поклонами и дарами. Хан, злобствуя на Московского князя, дал ярлык на Владимирское княжение Тверскому князю, Михаилу Александровичу. Московский князь, узнав об этом, наконец решился и сам отправить в Орду своего старшего сына Василия Дмитриевича со старейшими боярами и с дарами. Это посольство имело желанный успех: Тохтамыш сперва прислал своего посла в Москву с пожалованием и добрыми речами, а потом дал Московскому князю и ярлык на Владимирское княжение. Таким образом, дела с Ордой пошли по-прежнему, только увеличилась дань хану и послы ордынские стали притязательнее; впрочем, московские бояре, искусные в сношениях с Ордой, мало-помалу успели поправить дело.

Между тем князь Олег Иванович рязанский не оставлял своего старого желания исправить границы Рязани с Москвой

и думая воспользоваться ослаблением Москвы от Тохтамышева нашествия, напал изгоном на Коломну и захватил тамошнего наместника и московских бояр. Великий князь Московский в ответ на это собрал значительную рать и послал с нею князя Владимира Андреевича наказать рязанского князя. Но московской рати не посчастливилось в Рязани; Олег разбил ее и принудил к отступлению. Тогда Московский князь прибегнул к новому средству, он отправил к Олегу посланником уважаемого всеми святого мужа, Сергея Радонежского, и старейших бояр с предложением мира и любви.

Это посольство имело полный успех; умный Олег Иванович внимательно принял посредничество святого мужа и заключил с князем Дмитрием Ивановичем вечный мир, а впоследствии вступил с ним в родство. По миру, заключенному ходатайством преподобного Сергия, граница между Москвой и Рязанью исправлена следующим образом: по Оке, вверх от Коломны, все места, лежащие на московском берегу Оки – к Москве, а на рязанском – к Рязани; точно так же и вниз от Коломны, по Оке до Цны, места на московской стороне – к Москве, а на рязанской стороне – Рязани; владимирский рубеж оставлен по-прежнему, как он был при Иване Даниловиче Калите, а равным образом, что и на рязанской стороне за Окой принадлежало Москве, то и оставить за Москвой; сверх того оставить за Москвой все приобретения Московского князя в Мещере и отнятые у татар. Таким образом, московские бояре, сопровождавшие преподобного Сергия к рязанскому князю Олегу, исправили рязанскую границу с соблюдением всех интересов Москвы и тем покончили спор с Рязанью, продолжавшийся 30 лет.

Уладив дела с Ордой, Московский князь и московские бояре, не имея пред собой сильных врагов и вообще чувствуя себя довольно свободными, чтобы заняться делом по своему выбору, в 1384 году обратили внимание на новгородцев, считавшихся до сего времени союзниками великого князя Дмитрия Ивановича и действительно помогавших Москве в войне с Тверью, но вообще живших вполне независимо и не ду-

мавших принимать приказаний из Москвы. Зимой 1384 года вдруг приехали из Москвы бояре брать черный бор по новгородским областям. Этот приезд московских бояр произвел большое неудовольствие в Новгороде, кончившееся тем, что бояре московские вынуждены были бежать, не добравши черного бора; а потом Новгородское вече решило не звать на суд к митрополиту в Москву и устроить свой церковный суд. Ближайшим следствием такого распоряжения в Новгороде была война с Москвой. Великий князь Дмитрий Иванович, помирившись с Рязанским князем, в 1386 году открыл поход против Новгорода; в этом походе его сопровождали рати из двадцати девяти областей. Новгородцы немедленно отправили к нему навстречу посольство с просьбой о мире; князь не принял и на глаза послов и продолжал идти, опустошая все по дороге, и, не дойдя 30 верст до Новгорода, остановился на Ямне. Новгородцы переполошились, стали укреплять свой город и отправили к князю послом своего владыку, Алексея. С этим новым послом Московский князь вступил в переговоры, которые несколько раз прерывались и опять возобновлялись в продолжение четырех недель, и наконец великий князь согласился дать Новгороду мир на следующих условиях: 1-е, немедленно внести князю на Ямне 3000 рублей; 2-е, взыскать в пользу князя пять тысяч рублей на Заволочанах; и 3-е, принять великокняжеских наместников и допустить черноборцев добирать черный бор. Таким образом, Московский князь сумел смирить и новгородцев, в продолжение с лишком двадцати лет почти не признававших власти Московского князя.

Наконец в 1387 году произошла ссора между великим князем Дмитрием Ивановичем Московским и его двоюродным братом, князем Владимиром Андреевичем Серпуховским. Что было причиной ссоры, мы не знаем, только в летописи сказано: «Бысть размирие великому князю с братом его, Владимиром Андреевичем и пойманы быша бояре старейшие княже – Владимировы и розведены все розно по городам и посажены в нятыи и в крепости велице и в истомлении, и бяху у всякого приставлении приставники жестоки зело».

В договорной грамоте, написанной князьями по случаю примирения между ними, также ничего не упоминается о причинах ссоры и в чем она состояла. Но для нас весьма важно и краткое известие летописей об этой ссоре – мы в нем находим прямое указание на важное участие бояр в делах своего князя, укоренившееся в быту московских князей. При ссоре князей первые были захвачены старейшие бояре и разведены по разным городам и посажены под арест, под надзором строгих приставников, чтобы они не сносились ни с князем, ни друг с другом. Значит, все дело было в боярах: боярами держался тот или другой порядок, в их руках находилось управление и без них князь терял свое положение; ибо в настоящем случае как скоро Владимировы бояре были схвачены и разведены по городам, то и князь, Владимир Андреевич, поспешил примириться с великим князем.

На другой год по примирении с князем Владимиром Андреевичем скончался великий князь Дмитрий Иванович Донской в цвете лет, на 39 году от рождения, вероятно, вследствие невероятных трудов и ушибов, полученных им в страшной Куликовской битве.

Княжение Дмитрия Ивановича Донского служит лучшим свидетельством, какую важную роль в управлении государством занимали бояре, что Москва только тогда являлась непобедимой, непреклонной, настойчивой и успевающей во всех своих предприятиях, когда московское боярство действовало согласно и дружно с князем, когда в боярах не было крамолы. Великий князь Иван Иванович, вследствие боярских крамол, оставил Москву своему малолетнему сыну в самом жалком положении; но едва прошло два года после его смерти, как Москва стараниями бояр, управлявших государством за малолетнего князя, вдруг подняла на такую высоту, что отняла великое княжение Владимирское у князя Суздальского, Дмитрия Константиновича, и за один поход подчинила себе три независимых княжества и вообще сделалась первенствующим княжеством в здешнем крае. А потом, когда князь вырос и стал заниматься делами заодно с бояра-

ми, то Москва решительно стала выше всех своих соперников и даже вышла, хотя кратковременной, победительницей в битве с татарским ханом на берегах Непрядвы.

Что Москва своими громадными успехами в княжение Дмитрия Ивановича была обязана дружной и согласной деятельности князя и бояр, об этом свидетельствует сам Дмитрий Иванович Донской в своей предсмертной прощальной грамоте, в которой он прямо говорит своим детям: «Бояр же своих любите, и честь им достойну воздавате противу делу коегождо, без их думы ничтоже творите». И затем, обращаясь к боярам, говорит: «Вы ж весте обычаи и нравы мои, пред вами я родился и вырос, и с вами царствовал отчину свою, великое княжение, 27 лет, с вами на многи страны множествовал, вами в бранях страшен был и Божию помощью низложил врагов своих и покори́л под себя, с вами великое княжение вельми укрепил, и мир и тишину княжению своему сотворил, и державу отчины своея соблюл, великую же честь и любовь к вам имел и под вами города держал и великия власти, радовался и скорбел с вами, вы же не нареко́стесь у меня бояре, но князи земли моей». Значит, по сознанию и прямому свидетельству самого великого князя, в Москве бояре имели почти княжескую власть, но только тогда, когда они действовали дружно и согласно с князем, в противном же случае они являлись крамольниками. Крамольники, как мы уже видели, появились в Москве при великом князе Семене Ивановиче, особенно сильны были при его брате, великом князе Иване Ивановиче, при великом же князе Дмитрие Ивановиче крамола, хотя не совсем прекратилась, но была настолько слаба, что решительно не имела никакого успеха в Москве и только продолжала свои происки против Москвы в соседних княжествах, преимущественно в Твери и Рязани; но и там ее затеи, временно удачные, обыкновенно кончались торжеством Москвы, где бояре, действовавшие согласно с князем, всегда умели успешно справляться с происками крамольников. Последним убежищем московской крамолы была Орда, особенно при Мамае и Тохтамыше, но и здесь московские бояре, наконец, успели

из крамолы получить выгоды для Москвы, ибо под личиной крамольников в Орду проникали московские агенты, которые успевали нередко пересылать в Москву тайные известия о замыслах в Орде; так одной из причин поражения Мамаю на Куликовом поле была та, что московские агенты вовремя успели подать вести в Москву о том, что Мамай собирает большие силы на Московского князя; равным образом, одной из важнейших причин успеха, полученного Тохтамышем при походе на Московского князя, было умение скрыть от московских агентов приготовления к походу. Тохтамыш, кажется, не жаловал московских крамольников; по его приказанию в 1383 году убит был в Орде последний из них, известный Некомат Сурожанин, получивший в последнее время прозвание – *Брех*, т.е. лгун, конечно, данное ему за многие лживые обещания и обнадеживания относительно силы крамольников в Москве и свидетельствующее о нем как о самом отчаянном и ничем не укротимом крамольнике.

Преемник великого князя Дмитрия Ивановича Донского, старший сын его Василий Дмитриевич, после отца остался 17-ти лет от рождения. Он получил по смерти родителя московский престол в самом цветущем состоянии: Москве в то время не было уже соперников во всей восточной Руси, Москва тогда наслаждалась миром и согласием со всеми соседними княжествами. Покойный великий князь, Дмитрий Иванович, передал своему 17-летнему сыну свою отчину и дедину – Москву, совершенно обеспеченную и ниоткуда не угрожаемую извне, а внутри согласную и полную бодрости и надежды на будущие успехи. Хан Тохтамыш сам прислал своего посла посадить Василия Дмитриевича на великое княжение Владимирское, и никто не осмелился предъявить притязания на этот стол, все смотрели на него уже как на отчину московского князя. Единственным облачком при вступлении Василия на престол было размирье его с князем Владимиром Андреевичем, который было ушел в Торжок. Причиной этого размирья, судя по указаниям дошедшей до нас договорной грамоты, было то, что Московский князь стал посылать своих даньщи-

ков и приставов в удел Владимира Андреевича, а московские бояре начали покупать села и деревни в том же уделе без ведома князя Владимира; далее Московский князь начал судить общие городские суды без наместников князя Владимира, и поставил на княже-владимировой земле свою слободу, против Боровска. Все сии явные оскорбления княжеской власти Владимира Андреевича, естественно, не могли не вызвать с его стороны протеста, который привел к военным действиям, кончившимся занятием Владимировых владений и посадением в них московских наместников. Но успешное удаление князя Владимира Андреевича в Торжок испугало московских бояр и их молодого князя, – они увидели, что новгородцы, недовольные московской опекой, с радостью примут князя Владимира и тогда придется воевать с сильными новгородцами, предводительствуемыми воинственным и опытным князем, а посему поспешили примириться с князем Владимиром Андреевичем, возвратив ему все его владения, даже прибавив к ним Волок и Ржев и отказавшись от всех нововведений, явно оскорбительных для власти удельного князя.

На четвертом году по восшествии на престол великий князь Василий Дмитриевич отправился в Орду и был принят Тохтамышем как старый знакомый, три года прежде проживший в Орде. Летопись прямо говорит, что ни одному из прежних князей не воздавали в Орде такой чести, какую встретил великий князь Василий Дмитриевич. Этой поездкой в Орду в первый раз выказалось новое направление московской политики. В прежнее время Москва хлопотала только о том, чтобы быть первенствующей державой в восточной Руси, чтобы не иметь соперников и всех соседей держать в послушании или, по крайней мере, в мирных отношениях. Всего этого Москва достигла в княжение Дмитрия Ивановича, теперь же вполне обеспеченная с этой стороны, она начинает окончательно присоединять к своим владениям соседние владения, изгонять тамошних князей и на их место сажать своих наместников. Для этой-то новой цели великий князь Василий Дмитриевич ездил в Орду в 1392 году, где он, пользуясь стес-

ненным обстоятельством хана Тохтамыша, бывшего тогда в войне с Тамерланом, повел дело о присоединении к Москве великого княжения Нижегородского и Суздальского и об изгнании тамошних князей, а также о присоединении Мещеры и Тарусы, где уже все было подделано в пользу Москвы при помощи внутренней крамолы, произведенной неудовольствиями между тамошними князьями и боярами. Хан, вообще расположенный к Московскому князю и по обстоятельствам нуждавшийся в его послушании, а также, вероятно, получивший значительные деньги и еще большие обещания, решил дело по желанию Московского князя, дал ему ярлык на означенные владения и отправил с ним своего посла для предъявления ярлыка. Мещера и Таруса были уже почти в руках Московского князя, и об окончательном присоединении их не было нужды в особых приготовлениях, но не в таком положении находилось великое княжение Суздальское и Нижегородское: тамошний великий князь, Борис Константинович, недавно еще был утвержден на своем княжении ярлыком того же хана Тохтамыша и считался довольно сильным, чтобы не без сильного сопротивления уступить Москве. Поэтому Московский князь на обратном пути из Орды, еще с Коломны послал в Нижний Новгород ханского посла, чтобы предъявить ярлык и тем подать знак к внутренней крамоле между нижегородскими боярами, которая уже заранее была тайно подготовлена; потом за ханским послом отправился и сам с достаточным войском. Борис Константинович, узнав о ханском ярлыке, созвал своих бояр и начал просить их, чтобы они его не выдали; старейший из нижегородских бояр уверил князя, что они все готовы положить за него свои головы, тогда как между нижегородскими боярами и Московским князем было уже условлено, как вести дело и только ожидали приезда ханского посла. Наконец, явился и ханский посол в сопровождении московских бояр. Князь Борис Константинович приказал было затворить перед ним город, но нижегородские бояре сему воспротивились показали князю: «Мы не можем не пустить в город ханского посла с ярлыком и московских бояр,

да и что они могут сделать с тобою, мы все за тобою; они пришли только подтвердить мир и вечную любовь, и тебе не след начинать войну». Когда же ханский посол и московские бояре были впущены в город, то немедленно зазвонили в колокола, собрали народ на вече и прочли ему ханский ярлык о присоединении Нижегородского княжества к Москве. Потом нижегородские бояре явились к своему князю Борису Константиновичу и старейший из них, тот же Василий Румянец, объявил ему: «Мы господине, княже, поиман великим князем Василием Дмитриевичем, мы уже больше не твои слуги, а его, по ханскому приказанию». Затем вскоре явился с войском и сам великий князь, Василий Дмитриевич, посадил в Нижнем Новгороде московских наместников, а князя Бориса Константиновича, его семейство и его приверженцев из бояр приказал развезти по городам, оковать цепями и держать под строгим караулом. Так пало внутренней крамолой еще сильное великое княжение Суздальское и Нижегородское; тамошние бояре, увлекаясь положением московских бояр и подстрекаемые ими, продали свое отечество и приняли желанную ими службу московскую, а князь Борис Константинович, когда-то сильный, а теперь оставленный своими, через два года скончался московским пленником; двум же племянникам его — Василию Кирдяпе и Симеону хотя и удалось убежать из-под стражи, но они уже не могли воротить потерянного княжения и умерли в изгнании, а сыновья их, не находя нигде помощи, поступили в службу Московского князя.

Покончив с Нижегородским княжеством, великий князь Василий Дмитриевич и его бояре принялись за Новгород Великий. Они и здесь, оставив споры о правах великого князя над Новгородом, принялись посредством крамолы присоединять к Москве соседние Новгородские области. Дело это они начали составлением плана при помощи новгородской крамолы отделить от Новгорода богатую Двинскую область, или Заволочье. Заволочьем владели богатые новгородские бояре, которые имели там свои обширные земли с городами и селами; они нередко производили смуты даже в самом Новгороде,

а в своих владениях были почти полными самостоятельными владыками, а посему, естественно, многие из них тяготились зависимостью тамошнего края от новгородского веча. К этим-то своевольным богачам, воображавшими себя чуть не владетельными князьями, обратился Московский князь с разными обещаниями и ласками, он с некоторыми из них вошел в тайные сношения через московских бояр, своих агентов, обещая Двинской области под своим покровительством такую же независимость и самостоятельность, какой пользовался сам господин Великий Новгород, и даже послал туда уставную грамоту, как управляться всему тамошнему краю под московским покровительством. Дело это, веденное тайно московскими боярами в продолжение 5 лет, наконец в 1397 году доведено было до того, что Московский князь прислал в Заволочье, на Двину, своих бояр – Андрея Албердова с товарищами, которые княжеским именем объявили всю Двинскую область свободной и сказали на тамошнем вече: «Разорвите все связи с Новгородом и целуйте крест великому князю, он хочет оборонять вас от Новгорода и стоять за вас». Двинские бояре, прежде уже договорившиеся с князем и московскими боярами, пристали к речам посланников и убедили двинян отложиться от Новгорода и целовать крест к великому князю. Вместе с тем московская рать без объявления войны с другой стороны отняла у Новгорода Волок-Ламский, Торжок, Вологду и Бежецкий Верх с волостями, а вслед за тем великий князь объявил войну Новгороду и, скинув крестное целование, прислал разметные грамоты. Но вече новгородское не походило на вече нижегородское и нижегородских бояр: новгородцы, оскорбленные таким насилием, быстро собрали свою рать, смирили двинских крамольников и выгнали из Заволочья наместников московских. Великий князь три раза после того возобновлял войну с Новгородом из-за Двинской области и крепко поддерживал тамошних крамольников, тянувших к Москве, но все три раза получал сильный отпор и наконец в 1417 году вынужден был отступить от своих замыслов на отторжение Двинской области от Новгорода. Здесь москов-

ские бояре, при всем своем искусстве вести крамолу у соседей в пользу Москвы, встретили непреодолимое препятствие в новгородском вече, уже привыкшем справляться с крамолами, а о ханских ярлыках нечего было и думать: с ними нельзя было показаться в Новгороде, а не то чтобы на них утверждать свои права. Московские бояре знали это очень хорошо и потому к ярлыкам и не прибегали в этом деле, а соблазняли двинских бояр только высоким значением боярства в Москве, где меньшие, или черные, люди не могли приглашать бояр на суд веча и наказывать их. Но подобный соблазн далеко не на всех мог действовать даже в Двинской области, не говоря уже о Новгороде, а посему московская затея и не могла здесь иметь успеха, хотя была ведена очень искусно. Против Новгорода должно было действовать не через боярскую крамолу, но московские бояре пока еще не додумались отыскать другое средство – они доселе везде употребляли только боярскую крамолу. Но неудача в отнятии Двинской области только тем и ограничилась, что эта область осталась за Новгородом, обычная же власть великого князя над новгородцами продолжалась по-прежнему, и сверх того Московский князь успел удержать за собой Бежецкий Верх и Вологду, захваченные им при первом нападении на Двинскую землю.

Отношения между Москвой и Тверью, судя по летописям, вообще были мирными с самого начала княжения Василия Дмитриевича; но до нас дошла договорная грамота между Московским князем и Тверским, Михаилом Александровичем, писанная в 1398 году, по которой, между прочим, Тверской князь обязывается отпустить без выкупа московских и новгородских пленников; следовательно, у Тверского князя была война с Новгородом и Московским князем; но когда была эта война и по какому случаю – неизвестно; грамота же говорит только, что Тверь, Москва и Новгород должны оставаться при старых границах, а Московский и Тверской князья обязываются жить в мире, помогать один другому в случае чьего-либо нападения и друг без друга не заключать мира с неприятелями. Михаил Александрович скончался в

1399 году, 66 лет от рождения, и тверской великокняжеский престол занял его старший сын, князь Иван Михайлович; при этом новом великом князе опять начались ссоры между тверскими князьями и Москва опять стала вмешиваться в тверские дела и поддерживать недовольных тамошним великим князем. Но князь Иван Михайлович, подобно отцу, был довольно силен и осторожен, а посему московское влияние на тверские дела было вообще незначительно и даже в 1406 году Московский великий князь вступил в союз с Тверским великим князем против великого князя Литовского, Витовта, и оба объявили ему войну; а в 1407 году, когда московский князь Василий Дмитриевич выступил в поход на Витовта, то тверской князь Иван Михайлович прислал к нему на помощь по договору своих братьев и бояр с сильными полками. После этого Москва еще менее имела влияние на тверские дела, и ежели когда недовольные великим князем тверские удельные князья укрывались на время в Москве, то Московский князь уже за них не вступался и недовольные обыкновенно отправлялись за судом в Орду к хану: так, например, в 1412 году кашинский князь Василий Михайлович бежал в Москву, но, не найдя там защиты, должен был ехать в Орду к тогдашнему хану Зелени Салтану.

Относительно Рязани, при великом князе Василии Дмитриевиче Москва почти не имела никакого влияния на тамошние дела. До 1402 года великим князем Рязанским был Олег Иванович, который еще с Дмитрием Ивановичем Донским заключил мирный договор и отношения между Московским и Рязанским князьями, определенные сим договором, оставались неизменными до конца жизни князя Олега Ивановича: ни Рязанский князь не вмешивался в дела московские, ни Московский князь в рязанские. По смерти Олега Ивановича великим князем Рязанским стал сын его, Федор Ольгович, который на первом же году заключил мирный договор с великим князем Василием Дмитриевичем. Этот договор дошел до нас, в нем определяются прежние границы между Москвой и Рязанью и Московский князь обязывается не вступаться ни в

землю Рязанскую, ни в князей рязанских, а Рязанский князь обещается жить в мире с союзниками Московского князя – князем Пронским и князьями Тарусскими.

Этот договор с московской и рязанской сторон соблюдался искренно и не только Московский князь не нападал на Рязанского, но даже когда Пронский князь в 1408 году прогнал Рязанского князя, то Московский князь принял сторону Рязанского и помог ему примириться с Пронским князем и возвратиться в Рязань, так что за Рязанского князя стояли московские полки.

Но кроме Тверского и Рязанского княжеств, пользовавшихся самостоятельностью и с которыми Москва была в мирных отношениях, все остальные княжества восточной Руси при Василии Дмитриевиче были подчинены Москве и управлялись или московскими наместниками, или удельными князьями из московского дома. Мало этого, Москва в это время считала себя представительницей всей восточной Руси и была таковой на самом деле; она уже простирала свои виды на далекие окраины Русской земли и считала своей обязанностью охранять их интересы сколько могла. Так, с 1400 года Василий Дмитриевич взял под свою защиту Псков, теснимый и ливонскими немцами, и литовским князем Витовтом; он в продолжение всей своей остальной жизни был опорой псковской независимости, беспрекословно исполнял все просьбы псковского веча: присылал во Псков князей, каких только хотели псковичи, снабжал их значительной дружиной, даже два раза присылал по просьбе веча своего меньшего брата, Константина Дмитриевича, а в 1407 году за псковские обиды разорвал мир со своим тестем, Витовтом Литовским; и потом, когда в 1409 году помирился с ним, то в свою мирную окончательную грамоту включил и Псков; впоследствии, когда в 1241 году Витовт объявил свой гнев Пскову, Московский князь три раза отправлял своих послов к Витовту ходатайствовать об отложении гнева. Что же касается до ливонских немцев, то Псков мог бороться с ними решительно только при помощи Москвы. Но что всего важнее – московское правительство во

все это время ничем не пользовалось от Пскова и даже решительно не вмешивалось во внутренние дела псковичей и в их отношения к своим князьям, присылаемым из Москвы. Такое бескорыстное покровительство отдаленному от московских границ Пскову служит лучшим свидетельством, что московское правительство при Василии Дмитриевиче, еще не владея многими землями на Руси и даже не предъявляя на них своего притязания, считало себя обязанным защищать сии земли от иноплеменников, только потому, что они были русские земли. Значит, в Москве было уже какое-то, пока еще неясное, сознание, что рано или поздно вся Русская земля будет принадлежать московскому государю, а посему и должно ее защищать по мере сил.

В отношениях к Смоленскому княжеству и вообще ко всем княжествам, лежавшим на западе и юго-западе от московской границы, также заметно постоянное стремление Москвы быть защитницей и покровительницей сих княжеств против Литвы, хотя здесь относительно бескорыстия еще можно сомневаться, ибо, поддерживая соседние княжества, здесь Москва загроживала собственные свои границы от литовских нападений. Все русские княжества, лежавшие на западе и юго-западе от московских границ, смотрели на Москву, как на свою защитницу от литовских притязаний, и при первой возможности сами тянули к Москве; тамошние князья добровольно признавали над собой и своими владениями власть Московского великого князя, а нередко лично поступали в московскую службу. Так, в 1404 году князь Юрий Святославич Смоленский, теснимый литовским князем Витовтом, пришел в Москву и бил челом великому князю Василию Дмитриевичу, отдаваясь ему со всем своим княжением и говоря так: «Княже великий! Пиши себе Смоленск, что отчина твоя, а я тебе служу, а не продай меня поганому Витовту». Или в 1408 году пришли служить Московскому князю из Литвы: Свидригайло Ольгердович Брянский, да с ним же князь Патрикий Звенигородский, князь Александро Звенигородский, из Путивля князь Федор Александрович, князь Семен

Перемышльский и князь Михайло Хотетовский, всего семь князей, да бояре черниговские, стародубские, любечские, ярославские и брянские; великий князь Московский отдал им Владимир, Переяславль и еще четыре города. Московский великий князь и бояре московские внимательно следили за тем, что делалось в Литве, и при всяком удобном случае старались сдерживать властолюбие Витовта Литовского, поэтому несколько раз была предпринимаема война с Литвой, несмотря на близкое родство Литовского князя с Московским. Так, в 1407 году Московский князь заключил союз с Тверским и даже выпросил себе татарскую рать у хана Шадибека и двинулся на границы Литовские, но встреченный Витовтом с сильными полками ляхов и жмуди, не вступая в битву, пошел на переговоры; после нескольких дней переговоров противники заключили перемирие и разошлись. Потом в 1409 году Московский князь снова собрал рать и пошел к границам литовским и опять встретил Витовта с большой ратью на литовском берегу Угры, и опять, не переходя Угры, оба противника вступили в переговоры и, заключив мир, разошлись. Этот поход Московского князя, очевидно, был предпринят в надежде присоединить к Москве уделы тех князей, которые в 1408 году оставили свои уделы и поступили в службу Московского князя. Конечно, московское правительство надеялось найти в этих уделах сильных сторонников бежавших князей, но, вероятно, надежды не оправдались, а потому Московский князь не решился вступить в битву с Витовтом и поспешил заключить мир. До нас не дошла договорная грамота этого мира, но, должно быть, условиями этой грамоты было положено, что в случае нападения татар Витовт и Василий Дмитриевич обязаны были помогать друг другу, ибо в 1424 году, припадении татарского хана на Одоев, Витовт послал сказать Московскому князю, чтобы прислал помощь против хана; когда же местные литовские полки разбили и прогнали хана и между пленниками взяли двух его жен, то одна была отправлена в Литву, а другая – в Москву, хотя московское войско не успело к участию в битве. Вообще в отношении к Литве московское пра-

вительство соблюдало крайнюю осторожность и постоянно старалось сдерживать напор Литовского князя, могущественного и хитрого Витовта, который постоянно стремился завладеть той или другой областью восточной Руси, соседней с его владениями, и постоянно встречал со стороны Москвы такое препятствие, что был вынужден оставить свое предприятие. Единственное его удачное предприятие, занятие Смоленска, не могло бы исполниться, ежели бы Смоленский князь раньше обратился к покровительству Московского князя; но он надеялся справиться с Витовтом при помощи Рязанского князя и обратился к Москве слишком поздно, когда Смоленск был уже в руках Витовта.

Отношения Московского великого княжества к татарской Орде при Василии Дмитриевиче далеко не походили на прежние отношения. Мы уже видели, что Василий Дмитриевич не только без просьбы был посажен ханским послом на Владимирское великое княжество, но получил от хана Тохтамыша ярлык и на великое княжество Суздальское, и Нижегородское, и вообще постоянно находился в самых благоприятных отношениях к Тохтамышу. Но по смерти Тохтамыша Московский князь, пользуясь замешательствами в Орде, во все уже не уважал татарских ханов, не ездил в Орду и не платил дани, хотя послы того или другого хана еще иногда приезжали в Москву, но вместо дани получали только дары. Хань Тимур, Кутлук и Шадибек звали несколько раз в Орду Василия Дмитриевича, но он не только не думал сам ездить, но и не посылал значительных послов, а напротив, при помощи своих агентов и московских приятелей из татар старался поддерживать в Орде междоусобия, давая у себя убежища тем или другим знаменитым ордынским беглецам. Лучшее всего определяет отношения Московского князя к Орде послание знаменитого татарского князя Едигея к великому князю Василию Дмитриевичу; в этом послании Едигей пишет: «Ты у себя укрываешь Тохтамышевых сыновей; послы царицы и гости из Орды к вам приезжают, и вы послов и гостей на смех подымаете и чините им обиды и истому великую; сел на цар-

ство хан Темир-Кутлук, а ты у него и не побывал и в очи не видал, и не посылал к нему ни князей, ни старейших бояр, ни с которым словом. Потом Шадибек царствовал восемь лет, а ты у него не бывал и ни кого не посылал ни с которым словом. А ныне царь Булат-Салтан сел на царстве уже третий год, а ты ни сам не бывал, ни брата, ни сына, ни старейшего боярина не присылывал». Наконец, в 1409 году князь Едигей собрал многочисленное татарское войско, нечаянно напал на Московские владения, осадил саму Москву и начал делать страшные опустошения по соседним городам, рассылая приказания к Василию Дмитриевичу, ушедшему в Кострому, чтобы шел к нему в стан и к тверскому великому князю Ивану Михайловичу, чтобы вел свое войско на разорение Москвы, но, не встретив послушания ни от того, ни от другого князя, а между тем получив из Орды весь о происшедшем там возмущении, Едигей вынужден был оставить московские пределы, не успев даже побывать в Москве и взяв с нее только выкуп в три тысячи рублей. Таким образом, Москва, приготовившаяся под начальством князя Владимира Андреевича к упорной обороне, без битвы освободилась от полчищ Едигеевых. Набег Едигея хотя не принес ему никакой существенной пользы, ибо возмущение, происшедшее в Орде, кончилось поражением хана Булат-Салтана и изгнанием самого Едигея, тем не менее Московский князь нашел нужным сам ехать в Орду к новому хану; был принят ласково, утвержден на владимирском престоле, но обязался платить дань в Орду и действительно, кажется, платил ее остальные десять лет своей жизни, но, конечно, неисправно, ибо в Орде тогда были сильные междоусобия и ханы свергали один другого, и вообще Орда год от году делалась менее страшной для Москвы. Московские полки в княжение Василия Дмитриевича уже не раз нападали на соседние татарские области и воевали там с успехом; так, в 1399 году московские полки взяли Болгары, Казань и другие тамошние города и воевали там три месяца. В княжение Василия Дмитриевича татарские князья и знаменитые мурзы уже стали поступать в московскую службу.

Но Москва, почти везде успешно действовавшая в отношении к соседям ближним и дальним и вообще стоявшая довольно высоко в своих внешних отношениях, в княжение Василия Дмитриевича начала подвергаться внутренним ссорам между своими же князьями, меньшими братьями великого князя. Мы уже видели на первом же году княжения Василия Дмитриевича ссору его с Владимиром Андреевичем Серпуховским и видели из договорной грамоты, что ссора эта произошла из неуважения великого князя к правам князя удельного и что московские бояре вовсе не признавали княжеских прав за удельным князем, считали его чуть не равным себе. Этот характер отношений московских бояр к удельным князьям был одной из главных причин ссор удельных князей с великими князьями. Сложившийся строй московской жизни еще допускал деление владений княжеского дома на уделы, но только как старину и отнюдь не думал поддерживать и распространять. В Москве на удельных князей всегда смотрели неуважительно, и бояре, служащие удельным князьям, считались ниже московских бояр, и сама служба в уделе не засчитывалась в московскую службу. Москва всегда тянула к единодержавию; московские бояре выше Москвы ничего не признавали и постоянно стремились к тому, чтобы все московское действительно было ниже московского; а отсюда, естественно, вытекало отрицание уделов и старание унижать удельных князей, так сказать, держать их в черном теле перед великим князем Московским. Необходимым следствием такого положения было то, что удельные князья московского дома постоянно были в тревоге относительно ограждения своих княжеских прав, и при первой попытке на стеснение сих прав или вооружались, ежели могли, или, подобно Владимиру Андреевичу, искали защиты у соседей, московское же правительство, чтобы не допускать вмешательства соседей в чисто московские внутренние дела, обыкновенно спешило так или иначе поладить с обидевшимся удельным князем – великий князь вступал с ним в договор, прибавлял ему какую-нибудь область и грамотой утверждал неприкосновенность прав

удельного князя, обязывая его в то же время жить заодно и признавать старейшинство и известную степень власти великого князя. В летописях мы встречаем только два известия о ссорах московских удельных князей с великим князем Василием Дмитриевичем; первое уже известное нам о ссоре Владимира Андреевича в 1388 году, а второе – о ссоре родного брата великого князя, Константина Дмитриевича, бывшей в 1419 году. Причина этой ссоры состояла в том, что великий князь хотел насильно подписать своего меньшего брата, Константина, под своего четырехлетнего сына, Василия. Константин этому воспротивился и, будучи лишен за это своего удела, ушел в Новгород и прожил там два года, владея новгородскими пригородами, данными ему по воле новгородского веча; потом в 1421 году опять возвратился в Москву, вероятно получив обратно отобранный у него удел и примирившись на каких-либо условиях с великим князем. Но по договорным грамотам Василия Дмитриевича с московскими удельными князьями, дошедшим до нас, мы имеем еще несколько указаний о ссорах московских удельных князей с великим князем за время княжения Василия Дмитриевича: так, в 1390 году была заключена договорная грамота великого князя со своим братом Юрием Дмитриевичем, в которой определяются отношения этого удельного князя к великому князю и по которой великий князь обещается не обижать удельного князя. Потом от 1405 года мы имеем договорную грамоту великого князя со своими меньшими братьями – Андреем и Петром Дмитриевичами, в которой удельные князья обязывают великого князя взаимной клятвой между прочим блюсти под ними уделы в тех границах, в которых им оставил покойный отец, а не обижать их. От того же 1405 года мы имеем еще вторую договорную грамоту между великим князем и князем Владимиром Андреевичем, в которой великий князь дает ему вместо Волока – Городец, а вместо Ржевы – Углече поле, и к тому еще жалует его и его детей Козельском, Гоголем и Алексиным. Все сии грамоты, дошедшие до нас, ясно говорят, что неудовольствия между великим князем и московскими удельными кня-

зьями продолжались во все княжение Василия Дмитриевича, хотя летописи и не упоминают о них, может быть потому, что неудовольствия сии скоро прекращались и при дружной и согласной деятельности великого князя и московских бояр не имели важных последствий. Но со смертью великого князя Василия Дмитриевича отношения удельных московских князей к великому князю выступают на первый план и обращаются в продолжительное междоусобие, по своей жестокости превзошедшее все прежние усобицы русских князей.

В 1425 году скончался великий князь Василий Дмитриевич, оставив после себя наследником единственного своего сына, десятилетнего князя Василия Васильевича. Великий князь Василий Дмитриевич перед смертью своей хорошо видел, что его малолетнему сыну не будет покоя от дядей и двоюродных братьев, а потому в завещании своем написал главным попечителем и защитником его своего тестя великого князя Литовского Витовта. В этом же завещании он явно выделил своего старшего брата Юрия Дмитриевича, упомянув только о меньших своих братьях, князьях Андрее, Петре и Константине Дмитриевичах и о сыновьях уже умершего князя Владимира Андреевича, обязавшихся повиноваться малолетнему великому князю Василию Васильевичу по особому dokonчанию, или по договорной грамоте, до нас не дошедшей. Значит, князь Юрий Дмитриевич еще при жизни Василия Дмитриевича открыто не признавал права племянника на великокняжеский престол, и завещание было написано по договору только с меньшими братьями Василия Дмитриевича и с двоюродными братьями, сыновьями князя Владимира Андреевича, а для большего утверждения укреплено благословением митрополита и свидетельством шести старейших бояр московских.

По смерти великого князя Василия Дмитриевича, митрополит Фотий в ту же ночь послал своего боярина в Звенигород, звать князя Юрия Дмитриевича в Москву. Эта посылка, очевидно, была сделана митрополитом по общему совету московских бояр, которые думали, заманив Юрия в Москву, принудить его к признанию за племянником права на велико-

княжеский престол, а затем надеялись взять с него присягу в повиновении новому великому князю. Но Юрий хорошо знал, что его ожидало в Москве: поступок московских бояр при малолетнем Дмитрие Донском с Михаилом Александровичем Тверским, конечно, был ему не неизвестен, а потому он вместо Москвы поспешил в Галич, где он вдали от Москвы был более безопасен и силен, чем в Звенигороде. Из Галича Юрий отправил посольство в Москву с угрозами, и бояре московские, пестуны десятилетнего Василия, заключили с ним перемирие на пять месяцев. Перемирием обе стороны воспользовались для приготовления к открытой войне. Первыми успели приготовиться московские бояре и повели своего малолетнего князя и его младших дядей на старшего дядю Юрия. Юрий, услышав об этом походе и о прибытии московских полков в Кострому, бежал в Нижний. Посланный за ним в погоню князь Константин Дмитриевич загнал его за Суру; но здесь Юрий укрепился на неприступном месте и Константин вынужден был воротиться в Москву. По удалении Константина Юрий пробрался в свой Галич и оттуда прислал в Москву с требованием перемирия на год; но в Москве о перемирии не думали, а желали мира и с тем послали митрополита Фотия в Галич. Юрий принял Фотия с большими почестями и сказал ему, что трактовать о мире пришлет своих бояр в Москву. Действительно, вслед за митрополитом явилось в Москве посольство Юрия и заключило мир на том условии, чтобы обоим, дяде и племяннику, идти в Орду на суд к хану, и кого хан пожалует великим княжением, тому и быть великим князем. Мир этот продолжался пять лет; наконец в 1431 г. Юрий Дмитриевич прислал в Москву разметные грамоты, и в конце этого года московский князь поехал в Орду со своими боярами, а вслед за ним отправился туда же и князь Юрий Дмитриевич. В Орде Московского князя принял дорога московский Мин-Булат, а Юрия Дмитриевича любимец ханский, ордынский князь Ширин-Тегиня. Русские князья-соперники, ожидая ханского суда, прожили в Орде целую зиму, и в это время сопровождавший Московского князя московский боярин Иван Дмитриевич так успел склонить

ордынских князей в пользу московского, что Ширин-Тегиня остался с Юрием один, мало этого, самому хану успели столько наговорить на Ширин-Тегиня, что хан престал доверять ему; на самом же ханском суде московский боярин ловкой речью так убедил хана, что тот отдал великое княжение Московскому князю, а князю Юрию Дмитриевичу придал Дмитров к его прежнему уделу. Таким образом московские бояре сумели поставить на своем и не пустили удельного князя на великокняжеский престол.

Соперники князя, дядя и племянник, примиренные судом ханским, не могли жить в мире. В Москве по характеру боярства не доверяли Юрию и ненавидели его и все его семейство; Юрий, со своей стороны, также не доверял московскому боярству и потому, боясь жить близ Москвы, оставил новопожалованный Дмитров и удалился в свой отчинный Галич; а бояре московские, как будто бы того только и ждавшие, взяли Дмитров за своего князя и посадили там московских наместников, наместников же Юрия выгнали, а иных даже захватили. Таким образом, открытая война опять стала необходимой; впрочем, Юрий еще медлил, может быть думая побольше собраться с силами или выжидая удобного случая; в Москве же удаление Юрия в Галич приняли за робость и стали пренебрегать им, и пренебрежение это дошло до того, что сыновья Юрьевы Василий Косой и Дмитрий Шемяка, бывшие в гостях на свадьбе у великого князя Московского, встретили такое невыносимое оскорбление, что немедленно должны были оставить Москву. Между тем, к князю Юрию Дмитриевичу пришел оскорбленный великим князем и его матерью, Софьей Витовтовной, известный уже нам боярин московский Иван Дмитриевич и стал подстрекать Юрия к скорейшему начатию войны с Москвой; Юрий по его совету уже послал за сыновьями в Москву, как те сами явились с жалобой на невыносимое оскорбление. В Галиче уже был решен поход к Москве и полки с князьями и воеводами уже выступили, а в Москве узнали об этом только тогда, когда прибежал наместник ростовский с вестью, что Юрий уже в Переяславле. Ве-

ликий князь и бояре поспешили собрать какое могли войско, пошли навстречу Юрию, сошлись с ним, не доходя 20 верст до Клязьмы, и были разбиты наголову. Великий князь, тогда еще 17-летний юноша, бежал в Москву и, взяв там свое семейство, сперва укрылся в Твери, а потом перешел в Кострому. Юрий же Дмитриевич, заняв Москву, пошел в погоню за племянником и захватил его в Костроме. Казалось, дело Василия Васильевича было окончательно проиграно – он был уже в плену у своего соперника, но московские бояре тут-то и не потеряли головы: они сумели снискать благосклонность Юрьева любимца, галицкого боярина Семена Морозова, и его стараниями достигли того, что Юрий рассорился со своими сыновьями и не только освободил племянника, но и дал ему в удел Коломну и отпустил туда со всеми его боярами.

По удалении Василия Васильевича в Коломну крамола, прежде вредившая московским князьям, теперь стала работать на пользу нового Коломенского владельца. Юрий как чужой, приведший в Москву своих бояр из Галича, не мог снискать расположения московских бояр и граждан; все потянулись из Москвы в Коломну к родному князю, у которого по его молодости московские бояре надеялись иметь больше силы, чем у чужого князя, приведшего с собой своих бояр. И Юрий Дмитриевич, видя опасность своего положения в Москве, поспешил примириться с племянником, уступил ему великое княжение и Москву, а сам удалился в свой отчинный Галич, где его все любили, как отчинного князя, княжившего там около сорока лет. Но для Москвы и удалившийся Юрий был опасен – московские бояре и тамошний князь не могли простить ему и забыть недолговременного занятия Москвы, тем более что сыновья Юрия засели в Костроме. К Костроме немедленно были отправлены московские полки под начальством воеводы князя Юрия Патрикеевича, где сверх чаяния встретили Юрьевых сыновей готовыми к бою с полками вятчан и галичан и потерпели сильное поражение, так что сам московский воевода попался в плен к сыновьям Юрия. Когда в Москве узнали, что у старших Юрьевых сыновей Василия

Косого и Дмитрия Шемяки были в бою против московской рати Юрьевы галицкие полки, то причли Юрию это в измену против московского договора, так как, действительно, в дошедшей до нас договорной грамоте помещено условие, обязывавшее Юрия не помогать старшим сыновьям и не принимать их; Московский великий князь повел свою рать прямо к Галичу, и Юрий, не ждавший такого нашествия бежал на Белоозеро, а москвичи, взявши и сжегши беззащитный Галич, возвратились домой, не позаботясь о преследовании бежавшего Юрия. Что было причиной такой оплошности со стороны московских бояр, на это мы не имеем никаких указаний, только эта оплошность дорого стоила и Московскому князю, и московским боярам.

По удалении московских войск в Москву князь Юрий Дмитриевич немедленно возвратился в разоренный Галич и, соединясь со своими старшими сыновьями, весной того же 1434 года с многочисленным войском отправился против великого князя. Великий князь, узнав о его походе, сам с князем Можайским, своим двоюродным братом Иваном Андреевичем, пошел к нему навстречу; противники сошлись за Ростовом и вступили в бой, который кончился полным поражением москвичей, так что Московский князь вместо Москвы убежал в Новгород, а Можайский князь – в Тверь. Князь Юрий Дмитриевич, одержав победу, свободно пошел к Москве и после осады, продолжавшейся неделю, вступил в Москву, взял великих княгинь и отослал в Звенигород. Затем он объявил себя великим князем и заключил союз со всеми московскими удельными князьями и с великим князем Рязанским, обязав их клятвой – не иметь сношений с изгнанным великим князем Василием Васильевичем. Между тем изгнанный Василий из Новгорода пробрался в Нижний; Юрий послал за ним в погоню двух своих сыновей – Дмитрия Шемяку и Дмитрия Красного, которые и пришли уже во Владимир. Василий, не видя ниоткуда помощи, уже готовился бежать в Орду, как вдруг во Владимир пришла весть, что Юрий скончался в Москве и его старший сын Василий Косой объявил себя великим князем.

Эта неожиданная весть переменяла все дело: два Дмитрия Юрьевича, получив от старшего брата объявление о кончине родителя и своем вокняжении в Москве, отвечали ему: «Ежели Бог не захотел, чтобы княжил отец наш, а тебя мы сами не хотим»; а затем немедленно пригласили Василия Васильевича во Владимир, примирились с ним и пошли все трое со своими полками к Москве. Василий Юрьевич Косой, услышав об этом, бежал из Москвы в Орду, прокняжив только один месяц.

Дмитрий Шемяка и Дмитрий Красный, вступая в союз с Василием Васильевичем против своего брата Василия Юрьевича Косого, конечно, имели в виду получить более выгод от двоюродного брата, находящегося в изгнании, чем от родного брата, владевшего тогда Москвой. И действительно, в договорной между ними грамоте, дошедшей до нас, мы видим, что Василий Васильевич уступил им удел недавно умершего своего дяди Константина Дмитриевича: Ржеву, Угличе Поле и Бежецкий Верх. Но уступка эта, сделанная в крайности, не усилив существенно двух Юрьевичей, в то же время была тяжела для Московского князя и, таким образом, при самом заключении союза было положено начало неудовольствия и недоверия между новыми союзниками, еще недавно бывшими врагами; это начало недоверия не замедлило выступить наружу. Князь Василий Юрьевич Косой, бежав из Москвы, успел собраться с силами и занял Кострому. Василий Васильевич, услышав об этом, на другой год пошел против него и, разбив его на Которосли, в Ярославском уезде, не преследовал. Василий же Юрьевич, собравшись с силами в Кашине, занял изгоном Вологду и потом возвратился в Кострому, куда к нему пришли вятчане. Московский князь, услышав об этом, снова двинулся к Костроме, но вместо боя заключил с Юрьевичем мир и дал ему в удел Дмитров. Но сила Юрьевича была на севере, а не под Москвой, и он, не прожив и году в Дмитрове, удалился опять в Кострому, где, соединясь с вятчанами, занял Устюг после девятидневной осады. В Москве, узнав об этом, стали собираться к походу, а в это время приехал в Москву князь Дмитрий Шемяка звать к себе в Углич на свадьбу

московского князя. В Москве, чтобы обеспечить поход на Василия Юрьевича, захватили гостя Шемяку и отправили в Коломну за стражей. Поход действительно удался, противники сошлись в Ростовской области и Юрьевич, разбитый, попался в плен к москвичам. Московский князь, возвратившись в Москву, приказал князя Василия Юрьевича ослепить, а брата его Дмитрия Юрьевича освободил из-под стражи и, вызвав из Коломны в Москву, обязал новым договором на прежних условиях и отпустил на прежний удел.

Последним договором великого князя с князем Дмитрием Шемякой, казалось, кончились все междукняжеские ссоры в Московском княжестве: Василий Юрьевич, ослепленный и в плену, был уже не опасен, да и ничего не предпринимал, Дмитрий Юрьевич Шемяка только что заключил с великим князем союз и дружбу, других же противников и соперников в княжеском доме не было. И действительно, в продолжение нескольких лет после 1436 года между московскими князьями не было междоусобий, князь Дмитрий Шемяка и другие удельные князья московские мирно повиновались великому князю Василию Васильевичу; так, в 1438 году по приказанию великого князя Дмитрий Шемяка и другие князья ходили против хана Улу-Ахмета под Белев. Но при нашествии на Москву того же хана Улу-Ахмета в 1439 году Дмитрий Шемяка с братом, несмотря на несколько посланий от великого князя, не явились на помощь московскому войску, за что великий князь в 1440 году ходил на Шемяку к Угличу; Шемяка бежал в новгородские владения, после чего великий князь возвратился в Москву и вскоре заключил мир с Юрьевичами на прежних условиях. Этот мир продолжался до 1445 года. В этом году Улу-Ахмет в бою под Суздаlem взял в плен великого князя Василия Васильевича и послал известить об этом Дмитрия Юрьевича Шемяку, желая с ним вступить в союз; но пока Шемяка переговаривался с послом хана, Улу-Ахмет, взяв хороший выкуп, освободил Василия Васильевича. О договоре великого князя с ханом Улу-Ахметом разнеслись крамольные слухи, что великий князь условился уступить хану Москву, с

тем чтобы самому властвовать в Твери. Этими слухами воспользовался Шемяка и заключил тайный союз с тверским великим князем Борисом Александровичем и с Можайским князем Иваном Андреевичем, чтобы действовать заодно против Московского князя. Между тем тайная крамола работала в Москве и сносилась с Шемякой, передавая ему все московские вести. Крамольники известили Шемяку и Можайского князя, что великий князь поехал молиться в Троицкий монастырь и что все готово сдать им изменнически Москву. По этой вести Шемяка и Можайский князь подошли из Руси со своими полками к Москве ночью, крамольники отворили им ворота и они заняли таким образом город; потом той же ночью Можайский князь ворвался в Троицкий монастырь, схватил там великого князя и привез на другой день в Москву, где на четвертый день Шемяка приказал его ослепить и отправил узником в Углич, а мать его, княгиню Софью, заточил в Чухлому. Малолетние сыновья Василия были спасены пестунами и отвезены из монастыря под защиту верного боярина, князя Ивана Ряполовского, который увез их в Муром.

Князь Дмитрий Юрьевич Шемяка, изменнически утвердившись в Москве, немедленно привел к присяге московских бояр и граждан, причем князь Василий Ярославич Боровский и князь Семен Иванович Оболенский, не желая присягать Шемяке, бежали в Литву и получили от тамошнего государя Брянск, Гомей и Стародуб, утвердились там и приняли к себе боярина Федора Басенка, бежавшего из московской тюрьмы. Князь Дмитрий Юрьевич Шемяка, желая захватить детей великого князя, укрывавшихся в Муроме, убедил епископа рязанского Иону привезти их в Москву, обещая принять их благосклонно и дать им вместе с отцом довольную вотчину. Когда же Иона привез детей, то Шемяка отправил их в заточение к отцу в Углич. Этот последний поступок поднял против Шемяки князей Ряполовских, князя Стригу-Оболенского и других московских бояр, которые сперва уговорились идти к Угличу и освободить великого князя с детьми; но не успев в этом, удалились в Литву к князю Василию Ярославичу, а

за ними потянулись туда же и все недовольные. Князь Дмитрий Юрьевич, опасаясь, чтобы не остаться в Москве одному и по неотступным просьбам епископа Ионы, наконец решился освободить Василия Васильевича с детьми и дал ему в удел Вологду, разумеется заключив с ним договор и обязав его клятвой не искать великого княжения. Но клятва, данная в неволе, естественно, не могла удержать Василия, когда к нему со всех сторон стали стекаться приверженцы и подзывать в Москву. Василий, прожив несколько дней в Вологде, сперва пошел в Кирилло-Белозерский монастырь, как бы для богомолья, а потом перебрался в Тверь и заключил союз с тамошним князем, Борисом Александровичем, получил от него дружину и пошел к Москве. Шемяка вышел к Волоку-Ламскому загородить ему дорогу, а в это время в Москве работала крамола в пользу Василия и передала Москву Васильеву боярину, Плещееву, прошедшему туда с небольшой дружиной. Шемяка, видя вокруг измену и чувствуя слабость сил, вступил в переговоры с Василием, который после долгих переговоров дал мир Шемяке и Можайскому князю, оставив им прежние наследственные уделы и обязав клятвой в верности. Но, разумеется, ни клятвы, ни договорные грамоты не могли водворить доверия между двумя противниками, так много изменявшими клятвам, а посему вражда и недоверие продолжались после заключенного мира еще пять лет, и наконец в 1453 году Шемяка, разбитый наголову под Устюгом, бежал в Новгород и там погиб, отравленный поваром, подкупленным из Москвы. Так кончились крамолы и междоусобия князей московского дома, из них Василий Васильевич вышел победителем единственно потому, что бояре московские решились во чтобы то ни стало отстоять его права на московский престол, а с тем вместе отстоять и свое значение в управлении государством.

Смерть Дмитрия Юрьевича Шемяки развязала руки Московскому великому князю и московским боярам, так много ему послужившим, и они в нарушение мирного договора, не церемонясь, на следующей же год пошли войной на прежне-

го союзника Шемяки князя Ивана Андреевича Можайского и принудили его бежать в Литву, а можайский удел присоединили к московским владениям. Покончив, таким образом, с князем Можайским, московские бояре и их великий князь, желая уничтожить даже всякую возможность к смутам в московском княжеском доме, ни с того, ни с сего, без всякой вины и без объяснений в 1456 году схватили и заточили в Угличе бывшего в Москве серпуховского князя Василия Ярославича, самого верного и усердного союзника московскому князю во время войны с Шемякой, а удел его присоединили к Москве. В летописях даже не объявлено никакого предложения к такому нечестному поступку с верным союзником, – значит, никто и не думал об этом предложении, а поступали просто и открыто по расчетам холодной, ни перед чем не останавливающейся политики. Было разочтено, что хорошо бы присоединить к Москве богатый и довольно сильный Серпуховской уезд и, несмотря на верность и великие заслуги Серпуховского князя, схватили его, оплошно приехавшего в Москву, и сослали в тюрьму в Угличе. С присоединением Серпуховского удела в московском княжеском доме остался только один удельный князь Верейский, Михаил Андреевич, родной брат изгнанного князя Можайского. Таким образом, Москва, по своему строю никогда не благоволившая к уделам, при первом удобном случае, так сказать, не отрываясь, за одно княжение покончила со всеми московскими уделами. Насколько нелюбимы были в Москве уделы, лучшим доказательством служит то, что за удельных князей в Москве никто не заступался, а при уничтожении уделов самая вопиющая неправда в Москве считалась делом законным, так что даже не пробовалось хоть какого-нибудь предложения для прикрытия явной и возмутительной неправды, тогда как в других случаях та же Москва была крайне требовательна и даже строга относительно соблюдения законности, хотя бы только для вида или напоказ.

Московское правительство, во все продолжительное княжение Василия Васильевича занятое московскими междоусобиями и уничтожением московских уделов, в отношении

к соседним русским княжествам – Тверскому и Рязанскому, старалось соблюдать мир и согласие, а соседние княжества, со своей стороны, только издали смотрели на московские междоусобия и почти не принимали в них никакого участия. Так, рязанский князь Иван Федорович одинаково заключал договоры и с князем Юрием Дмитриевичем, когда он владел Москвой, и с великим князем Василием Васильевичем, когда тот утвердился в Москве, и в условиях тех и других договоров Московский князь считался старейшим перед Рязанским великим князем, и Рязанский князь обязывался не вступать ни в какие договоры иначе, как по думе с Московским князем. Рязанский великий князь, Иван Федорович, был в таких тесных отношениях с Московским князем, что в 1456 году, умирая, княжение свое и сына своего, восьмилетнего Василия, поручил великому князю Московскому в опеку. Московский князь по смерти Ивана Федоровича рассадил по рязанским городам своих наместников для охранения, а молодого Рязанского князя и сестру покойного Ивана Федоровича, Феодосию, взял к себе в Москву. Конечно, присоединение Рязанской земли к московским владениям было бы весьма удобно, но в Москве на этот раз считали незаконным такой поступок, и Рязанский малолетний князь, как скоро вырос, беспрепятственно был отпущен в Рязань и принял от московских наместников все свои владения в целостности, а затем за него была выдана замуж дочь великого князя Московского, княжна Анна Васильевна.

Борис Александрович, великий князь Тверской, подобно Рязанскому князю, во все время княжения Василия Васильевича жил в мире с Москвой. До нас дошло две договорные грамоты этого князя с великим князем Василием Васильевичем: первая относится к 1437 или 1438 году, а вторая к 1451 году. В той и другой грамоте Тверской великий князь договаривается с Московским, как равный с равным, даже Московский князь не присваивает себе старейшинства; вообще обе грамоты свидетельствуют о полном согласии Московского и Тверского князей; в них даже нет и намека, чтобы между ними было какое-нибудь недоумение или вражда. Главные

условия грамот – жить в мире и стоять за один против татар, ляхов и немцев, строго охранять старые границы владений, не принимать изменников; и тот и другой князь на случай смерти взаимно поручают своих княгинь и детей в печалованье или в защиту. Но тверской князь Борис Александрович не был безучастен к московским междоусобиям, по летописным известиям Тверской князь будто бы был в союзе с князем Дмитрием Юрьевичем Шемякой против московского князя Василия Васильевича в 1445 году, впрочем это известие сомнительно, с одной стороны, потому что ни в летописях, ни по другим памятникам нет никаких известий о последствиях сего союза, да Шемяке этот союз вовсе и не был нужен; а с другой стороны, князь Василий Васильевич в следующем же году искал защиты у Тверского князя и с тверской ратью пошел отнимать Москву у Шемяки и Борис Александрович тогда же обручил свою дочь за московского княжича Ивана Васильевича. Следовательно, Тверской князь был не только в постоянном, но и деятельном союзе с московским князем Василием Васильевичем и считал в своих интересах защищать его права на московский престол.

Несмотря на продолжительное междоусобие, московское правительство не упускало своих видов на Новгород Великий и постоянно шло вперед в подчинении Новгорода. Великий князь Василий Васильевич только что утвердился в Москве по смерти дяди своего Юрия Дмитриевича, как в 1435 году вступил в переговоры с новгородцами и на первый раз, чтобы получить право быть Новгородским князем, целовал к Новгороду крест на том, что отступается от новгородских отчин: Бежецкого Верха, Волока-Ламского и Вологды и дал слово выслать своих бояр на развод новгородских и московских пограничных владений, но не только не выслал и отвода нигде не сделал, напротив того, в 1437 году принудил новгородцев дать ему черный бор. Потом в 1441 году, узнав о сношениях новгородцев с литовским великим князем Казимиром, Московский князь объявил свой гнев Новгороду, а вслед за тем сам с большим войском вступил в новгородские владения, имея при

себе мощные войска из Пскова и Твери, остановился сперва Торжке, а потом передвинулся в Деман, опустошая все по дороге, и принудил новгородцев заплатить ему 8000 рублей, обязав их не мстить своим союзникам Пскову и Твери. Борьба с Шемякой на некоторое время остановила притязания великого князя на Новгород. Но по смерти Шемяки, управившись с князьями Можайским и Серпуховским, зимой 1456 года великий князь Василий Васильевич открыл свой поход на Новгород занятием Волока, потом вступил в новгородские владения и, опустошая все по дороге, дошел до Яжелбиц, здесь он остановился, а воевод своих послал к Русе, где они наголову разбили новгородскую рать. Новгородцы отправили посольство в великокняжеский стол, в Яжелбиц, и заключили там мир, по которому обязались: 1) заплатить 8500 рублей новгородских; 2) в судных делах новгородскую печать заменить великокняжеской печатью; 3) не давать судебных вечевых грамот; 4) безотговорочно платить черный бор, когда потребует князь и, наконец, 5) не давать у себя убежища лиходеям великого князя и ни с кем не заключать договоров без дозволения из Москвы. Таким образом, великий князь Василий Васильевич в отношении к Новгороду поставил себя и свою власть в такое выгодное положение, что немного оставалось, чтобы окончательно подчинить Новгород Москве.

Относительно Пскова Василий Васильевич также успел увеличить свою власть сравнительно со своими предшественниками. Он в 1443 году ввел во Пскове новость, состоявшую в том, что Псковский князь стал называться наместником великого князя Московского и при вступлении на престол должен был присягать как Пскову, так и великому князю Московскому; потом стал отзывать своих наместников и присылать новых, не спрашивая согласия псковского веча, что, впрочем, не всегда удавалось.

Отношения Москвы к татарам. Хотя в начале княжения великий князь Василий Васильевич искал суда перед ханом в споре с дядей своим Юрием Дмитриевичем, но тем не менее Орда почти не имела прямого влияния на дела московские и

Василий Васильевич почти не платил дани татарам. Напротив того, татарские князья и царевичи поступали в службу к Московскому князю, и даже иные ханы татарские искали его дружбы и покровительства. Правду сказать, те или другие татарские князья продолжали делать набеги во все княжение Василия Васильевича, но набеги сии большей частью были незначительны и ограничивались грабежом, причем Московский князь почти всегда успевал посылать свои отряды, если не для вторжения, то для преследования татарских грабителей. Так в 1429 году какой-то татарский царевич сделал набег на Галич и Кострому; Московский князь, узнав об этом, немедленно послал своих воевод для преследования, и те, хотя не догнали самого царевича, тем не менее побили следовавшие за ним толпы грабителей. Или в 1431 году татары ограбили Мценск и великий князь Московский послал своего воеводу грабить камских и волжских болгар, подчиненных татарам. Или в 1444 году татарский царевич Мустава со своей ордой только что остановился у московских границ, как Московский князь, узнав об этом, послал туда своих воевод, которые разбили татар наголову, убили самого царевича и многих его князей, и других татарских князей привели пленниками в Москву. Поход казанского хана Улу-Ахмета в 1445 году к Нижнему Новгороду дорого стоил москвичам, сам князь Василий Васильевич в бою под Суздаlem попался в плен к татарам; но тем не менее хан Улу-Ахмет не мог продолжать своего похода и был вынужден выпустить из плена Московского князя, взяв хороший выкуп, даже не дождавшись ответа от Дмитрия Юрьевича Шемяки, к которому послал своего гонца для переговоров. Московский князь даже стал посылать татар же на татарских грабителей; так в 1449 и 1450 годах татарские царевичи Кайсым и Ягуп, состоящие на службе у Московского князя, били по его приказанию татар на Похре и под Коломной. В 1451 году царевичу Мазовше из Седи-Ахматовы орды удалось подойти к самой Москве и пожечь ее посады; но и на этот раз, несмотря на временный успех, татары, боясь за собой погони, бежали не взяв города и в своем бегстве поброса-

ли большую часть добычи, которую успели было наgrabить. Потом, в 1455 и 1459 годах татары Седи-Ахматовы орды приступили к Оке около Коломны, но в оба раза были отражены полками, высылаемыми Московским князем, а в последний раз старший сын великого князя, Иван Васильевич, даже не допустил их перебраться через Оку. Таким образом, татарская Орда, раздираемая междоусобиями, потеряла всякое значение для Москвы; на татар смотрели в Москве уже не как на прежних повелителей, а как на разбойников, дерзких, но уже вовсе не страшных, так что во время московских междоусобий, после первого ханского суда ни один из московских князей не бегал в Орду и не искал покровительства у хана, о ханских ярлыках не было и помину, по крайней мере в Москве и между московскими князьями.

История Москвы за все время княжения великого князя Василия Васильевича, скончавшегося в 1462 году, представляет явление удивительное, выходящее из ряда обыкновенных, свидетельствующее об изумительной прочности и тягучести общественного строя в Москве. В продолжение почти тридцати лет Московское княжение было раздираемо ужасными княжескими междоусобиями и народными крамолами; Москва восемь раз переходила от одного князя к другому, из четверых князей, попеременно занимавших московский престол, двое были ослеплены, один отравлен; тот из князей, за которым наконец осталась Москва, был три раза изгнан, три раза был в плену и один раз уже приготовился бежать в Орду; в это страшное и темное время было заключено до двадцати договоров между князьями, и все они были нарушены самым вероломным и постыдным образом. Все казалось разрушенным, расстроеным, все общественные связи разорванными, а на самом деле, в конце концов, Москва еще никогда не была так сильна, как в это злополучное время. Из соседних княжеств, постоянно соперничествовавших с Москвой и тогда наслаждавшихся внутренним покоем, ни одно не осмелилось воспользоваться московскими смутами и крамолами, а такие сильные враги, как Литва и татары, хотя и пытались сделать

нападения, а татары даже раз подходили к самой Москве, но всегда встречали сильный отпор, да и москвичи не оставались в долгу и также врывались в их владения; мало этого, Московский князь среди междоусобий успел сделать несколько походов в новгородские владения и поставил Новгород в такую зависимость от себя, в какой он не находился еще ни от одного князя. Но что всего важнее для последующей истории Москвы, в москвичах, как в боярах, так и гражданах, патриотизм и полная неоглядная преданность общественным пользам и готовность на все жертвования еще никогда не являлись в таком свете, как в смутное и темное время княжения Василия Васильевича. Москвичи, так сказать, на своих плечах вынесли Москву из омута междоусобий и сами поставили княжескую власть на такую высоту, на какой она еще никогда не бывала в Русской земле; они в это время так плотно слили свою власть и волю в общем благе с волей и властью князя, что сии две власти и воли составили одну волю и власть великого князя Московского, которая уже ни перед чем не уступала, так что с этого времени значение Москвы слилось с значением княжеской власти, к истории которой мы теперь и перейдем.

КНЯЖЕСКАЯ ВЛАСТЬ

Княжеская власть при Иване III, Василии Ивановиче, Иване Грозном, Федоре, Борисе Годунове и Лжедмитрии до избрания Михаила Федоровича

Внутренняя жизнь Руси в настоящий период является совершенно иной против предшествующих периодов. В первом периоде на первом плане была земщина разных славянских племен, владевших раздельно Русской землей; во втором периоде земщина сначала уступает первое место деятельности христианской церкви, а потом подчиняется монгольскому игу; а в третьем периоде главным деятелем является верховная

власть великого князя всей Руси. В первом периоде приглашенные новгородцами варяго-русские князья едва успевают соединить славянские племена только внешним образом; они заботятся только о распространении пределов, мало касаясь внутреннего устройства племен, которые, признавая власть русских князей, остаются по-прежнему еще разъединенными; во втором периоде христианская церковь успевает соединить все племена на Руси нравственным союзом братства во Христе и едва только касается общественного устройства племен введением греческого Номоканона как закона общего для христиан, который, впрочем, не вытесняет прежних юридических верований, высказанных Русской Правдой, а напротив того, сам постепенно подчиняется их влиянию, по частям входя в Русскую Правду в измененном виде. Но что всего важнее и что, собственно, характеризует второй период, так это то, что в это время Русская земля, еще слабо соединенная в первом периоде, распалась на несколько независимых владений и видимо утратила свое единство. В третьем же периоде московские великие князья на северо-востоке, а литовские на юго-западе, успев уничтожить или лишить владений других князей, постоянно заботятся о том, чтобы всем владениям сообщить одинаковое устройство, уничтожить все племенные особенности, несогласные с общим характером единодержавной власти, и вообще направить общественную жизнь к целям, согласным с видами правительства, так что каждая половина Руси, как восточная, так и западная являлись стройным целым не только по единству церкви и верховной власти, но и по отрицанию всякой двойственности во власти, пагубной для успехов общественного благоустройства.

Так как княжеская власть в настоящем периоде является главным деятелем, около которого сосредоточивается вся деятельность внутренней жизни русского общества, то по-сему на княжескую власть и должно прежде всего обратить внимание. Важнейший шаг к более полному и правильному развитию княжеской власти был сделан еще в конце второго периода и заключался в уничтожении удельного разновла-

стия и подчинении разных владений одному князю. Первыми на этом важном поприще выступили литовские князья – Гедиминовичи; в конце XIV и начале XV столетий Ольгерд и Витовт успели уже подчинить себе всю западную Русь со Смоленскими, Черниговскими и Северскими владениями. Но несчастный союз с Польшей остановил успехи литовских князей. Ягайло и Витовт, для союза с Польшей принявшие латинскую веру, поставили себя в самые невыгодные отношения к народонаселению юго-западной Руси, исповедовавшему греческую веру, а старания соединить юго-западную Русь с Польшей еще более увеличили невыгоду положения литовских великих князей. Русский народ, не сочувствовавший ни латинской вере, ни соединению с Польшей, очутился в борьбе с литовскими князьями и отделил свои интересы от интересов иноверного правительства. Естественное стремление оградить свою веру и народность вызвали в западно-русском обществе необходимость договоров между великим князем и народом и, таким образом, раздвоили верховную власть, сообщили особую силу неполноправным владельцам –служилым князьям и вельможам, и дали важное значение народным сеймам, враждебным единодержавию, миру и порядку в обществе; сеймы еще более усилились, когда совершилось полное соединение Литвы с Польшей и корона сделалась избирательной. К тому же для умножения беспорядков присоединилось стремление распространить латинскую унию, враждебную греческой церкви. Все это не только остановило первые успехи литовских князей на поприще развития княжеской власти, но и внесло в западно-русское общество то внутреннее разложение, которое приготовило присоединение западной Руси к восточной, совершившееся в следующем периоде.

Московские великие князья на северо-востоке Руси почти в одно время с литовскими князьями начали действовать в духе совершенного подчинения или уничтожения уделов; но их действия были намного медленнее литовских, так что еще в начале XVI века оставались более или менее независимыми от Москвы – Псков и Рязань, да и Новгород с Тверью утра-

тили свою независимость только в конце XV столетия. Зато успехи московских князей были постояннее и прочнее, единство веры здесь не отделяло интересов народа от интересов правительства; а потому каждый удельный князь, потерявший свое владение, вместе с тем утрачивал всякое значение в народе, прежде ему подвластном, и либо делался слугой московского государя без всяких прав на прежние владения, либо убегал в Литву, даже нередко московские князья успевали привлечь к себе народ какого-либо удельного княжества прежде, нежели удельный князь оставлял свою область; так это случилось в Нижнем Новгороде при великом князе Василии Дмитриевиче; сам Великий Новгород большей и лучшей частью своих граждан уже тянул к Москве задолго до уничтожения своей независимости. Все это поставило московских князей в такое выгодное положение, что в настоящем периоде не было уже никаких хотя бы видимо законных препятствий к полному развитию их самодержавной власти, не было причин к законной борьбе, так что вслед за единодержавием московских князей, приобретенным в конце второго периода, в третьем периоде развилось постепенно и самодержавие. Уже о великом князе Иване Васильевиче III посол императора Герберштейн рассказывал, что «бояре трепетали перед Иоанном и на пирах во дворце не смели шепнуть слова, ни тронуться с места, когда государь дремал по целым часам за обедом, все сидели в глубоком молчании, ожидая нового приказа веселить его и веселиться». Впрочем, чужестранца Герберштейна, кажется, обманула чинность московского двора, ибо бояре во время Иоанна III еще имели много прав, не зависевших от воли государя, они еще принимали сильное участие в делах правления; Иоанн III, преимущественно занятый уничтожением удельного разновластия, еще мало касался боярских прав и других несообразностей русского общества с полным самодержавием. Современник Иоанна, московский боярин Берсень, говорит о нем, что он «против себя встречу любил, и тех жаловал, которые против него говаривали, и старых обычаев не переменил».

То же подтверждает о нем и князь Курбский в своей истории, говоря: «зело, глаголют, его любосоветна быти, и ничтоже починати без глубочайшего и многого совета». Более сильные перемены начались с Иоаннова сына великого князя Василия Ивановича, о котором тот же боярин Берсень говорит: «Здесь у нас старые обычаи князь великий переменял; встречи против себя не любит, кто ему встречу говорит, и он на того опалается; а ныне де и государь наш запершись сам-третей у постели всякие дела делает. А как пришли сюда грекове, ино земля наша замешалася; а дотоле земля Русская жила в тишине и в миру. А как пришла сюды мати великаго князя, великая княгиня Софья, с своими греки, так наша земля замешалася и пришли нестроения великия».

Великий князь Иван Васильевич III, уничтожив почти все отдельные самостоятельные владения в северо-восточной Руси, еще не касался отдельных прав, принадлежавших той или другой области, ежели они не противоречили единодержавию, и только заботился о том, чтобы все области тянули к Москве, чтобы Москва была центром управления и чтобы все отдельные права областей считались даром государя Московского, а не историческим достоянием от прежнего времени. Так, в 1477 году Иоанн отвечал через своих бояр новгородцам, когда они хотели знать, какой власти над Новгородом желает московский государь: «Ино то наше государство великих князей таково: вечу колоколу в вотчине нашей, в Новгороде, не быти, посаднику не быти; а государство нам свое держати, ино на чем великим князем быти в своей отчине, волостям быти, селом быти как у нас в Низовой земле, а который земли наши великих князей за вами, а то б было наше. А что есте били челом мне великому государю, чтобы вывода из Новгородския земли не было, да у бояр у новгородских в вотчины, в их земли, нам великим государем не вступатися; и мы тем свою отчину жалуем, вывода бы не паслися, а в вотчины в их не вступаемся; а суду быти в нашей отчине, в Новгороде, по старине, как в земле суд стоит» (Ник. VI. 93). Мало этого, Иоанн согласился и на то, чтобы не звать новгородцев на суд

в Москву и чтобы не нести им службы в Низовской земле. Но когда новгородцы стали просить, чтобы государь дал крепость своей отчине, Великому Новгороду, целовал бы крест, то Иоанн не согласился на это и отвечал, что «не быти моему крестному целованию» и даже отказал новгородцам, когда они просили, чтобы за него целовали крест бояре или, по крайней мере, присягал бы Новгороду наместник, которого он пошлет туда. Эти ответы Ивана Васильевича новгородцам ясно показывают образ мыслей этого государя относительно верховной власти, признания которой он требовал от своих подданных. В покоренном Новгороде он уничтожает только вече и звание посадника как свидетельство самостоятельности этого народа; требует только, чтобы ему были уступлены некоторые волости и села для поддержания своей верховной власти, как он сам выражает в своем ответе новгородцам: «А государство нам свое держати, ино начем великим князем быти в своей отчине, волостям быти, селам быти», при этом прямо указывает, что так устроено и во всей Низовой земле; «как у нас в Низовой земле». Это указание великого князя на Низовую землю, т.е. на все Московское государство, ясно свидетельствует, что великий князь Иван Васильевич несколько не изменил старого порядка в Низовой земле, ибо мы уже знаем, что уступка князю от земщины нескольких волостей и сел для поддержания княжеской власти представляла на Руси исконную форму подчинения какой-либо земщины князю, форму, вероятно заимствованную от первой уступки Ладоги, Изборска и Белоозера первым варяго-русским князьям. Все остальные старые привилегии Новгорода Иоанн оставляет неприкосновенными; но когда новгородцы стали просить, чтобы он целовал крест Новгороду для утверждения этих привилегий, то великий князь отказался, дабы тем показать, что все привилегии, уступленные новгородцам, они считали не исконным своим правом, а государевым даром, пожалованием, которое государь по своему усмотрению мог и изменить, как то и было с Новгородом через десять лет, именно в 1489 году, когда великий князь перевел из Новго-

рода более 1000 человек бояр, житых людей и гостей, и дал им поместья в московских владениях, а на их место прислал в Новгород гостей и боярских детей из московских владений. При завоевании Твери Иван Васильевич также не изменял тверских порядков, но, чтобы сколько-нибудь подвести Тверские владения под один уровень с прочими Московскими владениями, послал туда московских писцов описать тверские земли по-московски в сохи. Также при завоевании Вятки московский государь привел вятчан только к крестному целованию на свое имя и для ослабления вывел из Вятки лучших людей и поселил их в московских городах. Даже в духовной своей грамоте великий князь Иван Васильевич удерживает почти все порядки духовных завещаний, писанных его предшественниками; так, оставляя главное наследство своему старшему сыну, говорит: «Благословляю сына своего старейшего, Василия, своею отчиною – великими княжествами, чем я благословил отец мой и что ми Бог дал. А даю ему город Москву с волостями и с путями, и з станы, и с селы, и з дворы з городскими со всеми, и з слободами, и с тамгою, и с пудом, и с померным, и с торги, и с лавками, и с дворы с гостинными, и з Добрятиным селом, и с бортью, и с Васильцовым стом, да числяки и ордынцы. А сын мой, Василий, держит на Москве большаго своего наместника по старине и как было при мне; а другаго своего наместника держит на Москве, на князь Володимерове трети Андреевича. А что которые мои дворы внутри города на Москве, и за городом за моими бояры и за князьми и за детьми боярскими, и те все дворы сыну моему, Василию. А у кого будут у бояр и у князей, и у детей боярских внутри города на Москве и за городом дворы их вотчины и купли, или кому буду дал на Москве на дворы грамоты свои жалованная прочная, и сын мой, Василий, в те дворы у них не вступается». Из этих распоряжений Ивана Васильевича очевидно, что все прежние отношения государя к государству и при нем оставались неизменными; поместьные владения в завещании разделяются, как и прежде на дворцовые, поместные, вотчинные и черные; права владель-

цев также остаются неприкосновенными; государь прямо определяет и исчисляет свои доходы на Москве и доходы сии по завещанию оказываются теми же, какие мы встречали при предшественниках Ивана Васильевича. Важнейшее изменение, засвидетельствованное духовной грамотой, относится к свободному переходу служебных князей из одной службы в другую; в грамоте сказано: «А кто тех служебных князей от моего сына, от Василия, отъедет к моим детям меньшим, или х кому нибуди, и тех князей вотчины сыну моему, Василию». Но и это уже не было новостью: в договорной грамоте Шемяки с великим князем Василием Васильевичем, писанной в 1436 году, мы уже встречаем условие: «А князей ти, брате, с вотчинами не приимати». Впрочем, свободный переход бояр и служебных князей из одной службы в другую действительно со времени Ивана Васильевича сделался затруднительным, потому что свободных прежде отъезжан теперь стали останавливать и сажать под стражу. Так, когда в 1474 году знаменитый полководец Иоанна, князь Даниил Холмский, вздумал было отъехать из Москвы в другое владение, то его посадили под стражу и только тогда выпустили, когда он дал на себя клятвенную запись не оставлять великокняжеской службы, и когда за него поручились митрополит и епископы, и когда боярин Иван Никитич Воронцов дал на себя поручную кабалу, чтобы в случае отъезда Холмского заплатить ему, Воронцову, в великокняжескую казну 250 рублей. Лучшим и более ясным выражением намерений великого князя Ивана Васильевича III относительно государственного устройства служит Судебник, изданный им в 1497 году; в нем московский государь собрал все прежние узаконения, которые не противоречили новому порядку вещей, присоединил к прежним узаконениям несколько новых, которые требовались современным ему развитием русского общества, и сборник этот назначил быть общим законом для всей подвластной ему России, впрочем, не уничтожая старых прав и привилегий, им же самим оставленных и утвержденных за разными областями. Этот порядок подтверждать старые права и привилегии ясно

говорит, что Иван Васильевич преимущественно заботился о том только, чтобы все делалось с его соизволения, было ли это старое или новое, для него все равно.

Сын и преемник Ивана Васильевича, Василий Иванович, уничтожил последние независимые владения на Руси – Рязань и Псков, и присоединил их к Москве, кроме того, завоевал у литовцев Смоленск. Основная мысль о княжеской власти у него первоначально была та же, которой следовал отец его, Иоанн: он хотел, чтобы все государственное устройство проистекало из его власти, чтобы все старое и новое утверждалось его пожалованием, но он в развитии этой мысли пошел дальше отца, чему, конечно, много способствовало, с одной стороны, воспитание его, на которое, конечно, имела большое влияние мать его Софья Фоминична, отрасль императоров византийских, а с другой – сосредоточение большей силы и сознание своего могущества. В первые дни своего правления он еще следовал методу отца, не касался боярских прав, призывал на совет и братьев своих, и бояр.

Так, например, в начале его правления летопись говорит о нем: «Князь великий, посмотри в шертныя грамоты Менгли-Гиреевы цареви, что были с отцем его, да приговорив с братьею своею и с бояры, и послал в Крым ближняго человека своего Василья Наумова» (Ник. V. 173). Но скоро он оставил этот старый и уже не нужный по обстоятельствам обычай и, как свидетельствует Берсень, перестал приглашать бояр на совет, особенно со времени завоевания Смоленска, и всеми делами стал распоряжаться при помощи двух или трех советников, приближенных и преданных себе людей, и не в определенном месте – в Боярской Думе, а около своей постели. Лучшими свидетелями сильного развития власти при Василии Ивановиче служат следственные и розыскные дела о князе Михаиле Глинском, о князе Василии Ивановиче Шемякине, знаменитом полководце и верном слуге великого князя Ивана Васильевича, о бегстве из Москвы рязанского князя Ивана Ивановича, о разводе великого князя с супругой своей Соломонией Юрьевной, а также поручные и клятвен-

ные записи знаменитейших бояр: князя Василия Васильевича Шуйского, князей Дмитрия и Ивана Федоровичей Вельских, поручная запись князей Ростовских о боярах, ручавшихся за князей Ивана и Андрея Михайловичей Шуйских, и многие другие, частью дошедшие до нас, частью не дошедшие. Все эти подлинные официальные акты вполне оправдывают показание Береня, что великий князь Иван Васильевич сильно изменил старые обычаи и порядки в высшем управлении государством и потеснил старые московские права бояр; вместо держателей земли, какими они названы в завещании Дмитрия Донского, сделал их почти своими слугами, вполне зависящими от его воли. Конечно, такому развитию княжеской власти способствовали сами обстоятельства, а не личный характер великого князя. Бояре по своему составу и по положению тогдашнего общества давно уже перестали быть держателями земли, слитие дружины с земщиной, совершившееся постепенно во втором периоде, уничтожило прежнее значение бояр и их притязания, их неудовольствия на великого князя были только бесплодным воплем отжившей старины. Лучшим доказательством тому служит царствование Ивана Васильевича IV, к которому мы теперь и обратимся.

Кончина великого князя Василия Ивановича и малолетство его преемника, Ивана Васильевича IV, продолжавшееся 14 лет, в продолжение которых государством управляли разные боярские партии, действительно, так сказать, развязали боярам руки и дали простор всем боярским притязаниям. Но бояре в эти 14 лет самовластного управления государством ничего не могли сделать а пользу своих отживших притязаний; они по-прежнему остались слугами московского государя, лишь только вырос их природный повелитель. Все четырнадцать лет боярского управления прошли в смутах и спорах партий, бояре не только не успели приобрести доверенности народа, но возбудили всеобщую ненависть и явились перед народом не заступниками и защитниками его прав, но грабителями и кровопийцами (посл. царя И. В. к Курбскому, стр. 183). Оно и не могло быть иначе по составу тогдашнего москов-

ского боярства, в которое в продолжение последних ста лет перед тем вошли самые разнородные элементы, нередко враждебные друг другу; его составляли и древние боярские роды государей московских, вынесшие Москву на своих плечах из всех превратностей судьбы, и прожившиеся удельные князья, поступившие на службу к московским государям, и бояре других княжеств, поглощенных Москвой, и новые выходцы из Литвы, Орды и других стран. Все это составляло самый обильный материал для образования партий, а посему, лишь только умер Василий Иванович, как бояре, составлявшие его двор, разделились на партии и стали враждовать друг против друга. Первой на поприще государственной деятельности явилась партия старинных бояр московского княжеского дома под предводительством конюшего, князя Овчины-Телепнева-Оболенского (Ник. V. 211), Сторону этой партии как благороднейшей и опытнейшей приняла и мать государя, великая княгиня Елена, тогдашняя правительница государства. Но с кончиной правительницы пала московская партия, и прежние удельные, прожившиеся князья, предводительствуемые князем Василием Васильевичем Шуйским, стали во главе правления. Они, как бы воображая себя возвратившимися удельные права, начали грабить великокняжескую казну и угнетать народ, чем и возбудили против себя общее неудовольствие. Московские старинные бояре, соединясь с позднейшими литовскими выезжанами, воспользовались этим неудовольствием и под предводительством государева родственника, князя Ивана Вельского, опять захватили на три года правление. Но удельная партия была еще сильна; ее новый предводитель, князь Иван Шуйский, управляя Владимиром и начальствуя сильным войском, в 1542 г. произвел мятеж и, силой заняв Москву, снова передал правление своей партии, и снова начались прежние беспорядки, угнетение народа и наглое оскорбление других бояр, не принадлежавших к партии удельных, и даже явное неуважение к государю, которому тогда было уже тринадцать лет. В 1543 году партии литовских выезжан, предводительствуемых государевыми дядями, князьями Глинскими,

удалось свергнуть удельную партию. Но Глинские были плохими правителями, они начали свое дело жестоким преследованием пораженной партии удельных; сторонники и слуги Глинских стали теснить народ. Всеобщая ненависть к Глинским была следствием такого порядка дел. Наконец, народный бунт в Москве в 1547 году, подготовленный московской и удельной партиями, ниспроверг Глинских и их сторонников. Великий князь Иван Васильевич, которому тогда уже было 17 лет, сам принял правление под руководством московской партии, приблизившейся к государю в лице молодого и прекрасного Алексея Федоровича Адашева и умного почтенного священника Сильвестра.

Московская партия, не успев восстановить прежних боярских прав во время малолетства Иоанна, думала успеть в этом при помощи самого Иоанна, а посему окружила его лучшими мужами, влиянию которых молодой Иоанн совершенно подчинился, так что, по словам Курбского, без их совета ничего не устраивал и не мыслил. Так прошло пять лет, Иоанн во все это время был самым исправным учеником своих наставников-бояр; но он уже тяготился такой продолжительной опекой, ему уже давно хотелось быть таким же державным государем, какими были его отец и дед, о чем, конечно, ему уже успели передать недоброжелатели московской партии. К сожалению, московская партия этого не замечала, не думала отступить от присвоенной власти; она смотрела на 22-летнего Иоанна, как он сам говорит в письме к Курбскому, как на младенца, не давала ему свободы ни в самых малейших делах, даже относительно пищи и одежды; не обращала никакого внимания на его голос в совете. А между тем эта партия сама начала возвращать вотчины, отобранные у бояр при деде и отце Иоанна и на которые было уже уложение, чтобы не отчуждать от имений государя; сама стала жаловать высшими почестями, даже дерзко осмеливалась наряжать следствия и хотела судить царя, как частного человека, в деле Курлятева, Прозоровских и Сицкого. Впрочем, умный царь еще переносил все эти стеснения терпеливо, может быть считая, что

боярская партия лично привязана к нему и его семейству; но отчаянная болезнь Иоанна, случившаяся через пять месяцев по взятии Казани, открыла ему глаза. Она на смертном одре увидел, что приближеннейшие к нему и довереннейшие бояре не были преданными ему слугами и питали явную холодность к нему и к его семейству, ибо большая часть бояр отказалась исполнить его последнюю волю – присягнуть его сыну, Дмитрию, и явно и упорно высказала свое желание возвести на московский престол удельного князя Владимира Андреевича, вероятно, на условиях, составленных самими боярами. После такого открытия Иоанн, естественно, должен был охладеть к московской боярской партии и вступить к ней в иные отношения, или, иначе сказать, начать с ней упорную борьбу. В этой борьбе Иоанн принял за правило сначала действовать как можно осторожнее, до времени не раздражать могущественной партии, а между тем незаметно готовить сподручные и надежные средства на случай открытой борьбы. С этой последней целью он начал замещать разные должности по службе людьми, происходящими не из боярского сословия и преимущественно сыновьями священников, оказывая к ним особое доверие; потом старался привлечь к себе стрелецкое войско, составленное из простолюдинов, привел его в лучшее устройство, увеличил в числе и дал ему большие привилегии. Чтобы ослабить влияние боярских родов по городам и областям, старался суд и управу передать городским и сельским общинам, мимо наместников и волостелей. Приготовившись таким образом к явной борьбе, Иоанн удалил от двора замечательнейших представителей московской боярской партии – Сильвестра и Адашева и некоторых других бояр, причем царь потребовал, чтобы все остальные бояре присягнули служить ему верой и правдой и не держаться более партии удаленных. Боярская партия не могла явно бунтовать и на первый раз дала требуемую присягу, тем самым лишив себя всех средств действовать в законных формах, и таким образом подписала себе смертный приговор. Вскоре по вытребовании подобной присяги началось постепенное жестокое преследование боярских

родов московской партии, чему, конечно, много способствовали другие боярские роды, не принадлежавшие к ней и старавшиеся выслужиться перед царем на счет своих противников.

Преследуя боярские роды, Иоанн постоянно имел в виду одну цель – сделаться в отношении к московскому боярству тем же, чем был его дед в отношении к удельным князьям. Он ясно видел, что для лучшего устройства и силы Московского государства преследование этой цели так же необходимо, как для его деда было необходимо преследование удельных князей. Он, собственно, преследовал не личности бояр, а боярские права, не сообразные с развитием государства. Лучшим доказательством этому служат те общие меры, которые он постепенно вводил для ограничения старинных боярских прав, напминавших прежний порядок вещей, явно противоречащий и настоящему положению государства, и правам самодержавия.

Общие меры к ограничению старинных прав боярства, постепенно вводимые царем Иваном Васильевичем, были следующие: во-первых, он устроил строгий надзор за своевольными отъездами бояр в Литву и другие земли; при малейшем подозрении отъезда с подозреваемого бралась клятвенная запись не оставлять государства, – близкие и родственники его обязывались за него поруками со взносом огромных денежных сумм. По свидетельству Курбского, отъезд стал почти невозможен и, что всего важнее, потерял свою прежнюю законность, юридически он уже считался изменой государству. Таким образом, боярство лишилось самого древнейшего и драгоценнейшего права – свободного отъезда.

Потом Иоанн придумал новую меру ограничения, которая еще более обеспечивала его власть и силу. Эта новая мера была – опричнина, учрежденная в 1565 году. В опричнине царь возобновил старые права княжеской дружины; он объявил своей опричной собственностью 27 городов и несколько волостей в Московском и других уездах, сюда же отчислил несколько улиц в самой Москве; все это поступило в непосредственное распоряжение государя и его отдельной дружины, которая содержалась на доходы опричных городов и волостей и там по-

лучала себе поместья и вотчины. Все остальное государство осталось при названии земщины и было вверено управлению бояр, названных земскими, которые в важных делах должны были докладывать государю. В опричнине Иоанн приобрел новые силы действовать с большей самостоятельностью и независимостью от упорной партии бояр; опричники самим своим отделением от земщины уже ставились в такое положение, что их интересы делались нераздельными от интересов государя. Опираясь на эту новую, им созданную силу, царь смело приступил к своему задушевному плану – обратить боярство в слуг государевых и уничтожить даже поводы к притязаниям на возобновление или поддержание его древних земских прав, противоречивших современному состоянию государства. Он около 1566 года все боярские роды переименовал в дворян, т.е. слуг государевых, боярскими же детьми, как со времени Василия Васильевича назывались все боярские роды, назвал низших служилых людей, которые прежде назывались дворянами, и таким образом юридически изменил родословное значение боярских родов в служебное.

Меры, придуманные Иоанном против старинных притязаний боярских родов, имели обширное влияние, и бояре были так ослаблены и столько потеряли с утратой прежних прав, что не могли уже бороться не только с государем, преемником Иоанна, но даже с его любимцем, своим младшим собратом, боярином Борисом Годуновым. Годунов, при царе Федоре захвативший в свои руки всю власть, пошел по стопам своего державного учителя, Иоанна; при нем Боярская Дума потеряла всякое значение и существовала только по имени, беспрекословно исполняя его приказания, хотя он сидел в ней на четвертом месте, уступая видимый почет старшим по роду.

Все попытки старших бояр сделаться старинными советниками и руководителями государя остались безуспешными; упорнейшие и знаменитейшие из бояр частью были удалены от двора, частью отправлены в ссылку, а частью казнены. Годунов пошел далее Иоанна относительно стеснения бояр; он произвел на них нападение со стороны бояр-

ских прав на их частную собственность. С этой целью около 1591 года издан был указ о прикреплении крестьян к земле. Этот указ был принят боярами с явным неудовольствием; в прикреплении крестьян они видели посягательство на право частной собственности, ибо по новому закону они поневоле обязывались держать на своих землях работников даже и тогда, когда последние нерадиво исполняли свои обязанности в отношении к хозяину земли; притом же, с прикреплением крестьян землевладельцы теряли большие выгоды при платеже податей, ибо тогда подати собирались только с жилой или населенной земли; а посему при свободном переходе крестьян землевладельцы могли показывать в писцовых книгах большую часть земель нежилыми, с прикреплением же крестьян этого сделать уже было нельзя; земли, раз показанные жилыми, оставались таковыми навсегда. В 1596 году был выдан еще указ о мытах и перевозах с новым ограничением прав относительно частной собственности землевладельцев, где опять главные невыгоды пали на бояр как на важнейших поземельных владельцев. В прежнее время каждый землевладелец имел бесспорное право учреждать на своем земле мыты и перевозки и пользоваться ими как доходной статьей; по новому же указу – все мыты и перевозки частных собственников были отобраны в казну и к ним назначены верные целовальники для сбора указных пошлин, из которых только половина предоставлялась владельцам перевозов. Этим же указом многие перевозки и мосты, как ненужные и стеснительные для проезжих, были уничтожены.

Падение бояр и развитие самодержавной власти государя еще сильнее выказалось по смерти царя Федора Ивановича. Бояре даже здесь не могли воспользоваться самым благоприятным случаем для обеспечения своих старинных прав; несмотря на свою ненависть к Годунову, они оказались вынужденными согласиться на выбор его в преемники Федору и даже не осмелились заикнуться о восстановлении старинных прав своего сословия: в соборном определении 1598 года все единогласно написали: «Служити нам ему, государю своему,

царю и великому князю, Борису Федоровичу и сыну его, и в послушаньи нам быти их государских повелений во всем и добра хотели им, государем своим, правдою, и голов нам своих за их, государей, не щадити. И меж собою того смотрети накрепко, чтобы государю в разрядных и земских делах кручины не приносить на которыми дела, на которою хитростию». Мало того, в подкрестной записи того же года бояре под присягой должны были отказаться от старинных прав свободного отъезда, за который сильно ратовала московская партия при царе Иване Васильевиче.

Утвердившись на московском престоле, царь Борис Федорович еще сильнее начал развивать самодержавную власть. Он, чтобы более ослабить бояр, постоянно старался удалять от дел богатейших и умнейших из них, многих разослал по сибирским городам под стражу, охотно слушал доносы на них и щедро награждал доносчиков; такими средствами он достиг того, что при нем у кормила государственного управления почти не оставалось старинных бояр, опасных своими связями, богатством, способностями и умением вести дела мимо его. Достигши этого, царь Борис Федорович стал действовать еще сильнее против старинных боярских прав; так, в 1603 году он издал указ, что бояре не могут ссылать своих холопов на прокормление без отпускных и что холопы, сосланные господином без отпускной, должны являться в Холопий Приказ, где им по указу государя выдавались отпускные мимо их господ. Вероятно, Борис Федорович и еще более развил бы свою систему постепенного ограничения боярских прав, но голод, разбои, смуты в народе, успехи самозванца и, наконец, смуты самого царя остановили развитие этой системы.

Смерть царя Бориса Годунова и восшествие на престол самозванца Лжедмитрия не изменили боярских отношений к государю; подкрестная запись, по которой давали присягу самозванцу, в сущности одинакова с записью, по которой целовали крест Борису Годунову. Дума, составленная Лжедмитрием из 15 епископов, 36 бояр, 16 окольничих и 6 думных

дворян, нисколько не восстанавливала прежних земских прав боярства; она скорее была сколком польского Сената и члены ее, в дошедшем до нас официальном списке, даже прямо названы московскими сенаторами. Восстание бояр на Лжедмитрия служит лучшим доказательством, что бояре жестоко обманулись в своих надеждах на самозванца.

Избранный на царство по убиении Лжедмитрия князь Василий Иванович Шуйский, конечно, скорее кого-либо другого мог утвердить старинные права боярства; он даже при вступлении на престол целовал крест, чтобы без боярского суда никого не осуждать на смерть и не лишать имущества. Но бояре, разделенные на партии, не сумели удержать этого царя, сами низвели его с престола и выдали полякам.

Боярское правление в продолжение междуцарствия, преисполненное смут и беспорядков, наконец вполне доказало, что все притязания бояр на старинные права земства и дружины отжили уже свой век и, как не сообразные с развитием государства, не могут быть восстановлены, что самодержавие государя не должно стесняться никакой другой властью. Поэтому при избрании на царство Михаила Федоровича Романова уже не было и помину об обеспечении старинных прав боярства или о стеснении верховной власти. Бояре вместе со всем народом целовали крест «за царя, Михаила Федоровича, и за детей, которых ему вперед Бог даст, души свои и головы положить; а также нам, бояром и дворяном и приказным людям не по отечеству и не по своему достоинству, свыше своего отечества и службы, мимо царскаго повеления, чести себе никакой не хотети и не искати; и вотчины и поместья держати по своей мере, чем кого государь пожалует; и быти в государских делах без прекословия, как кому государь велит быть на своей службе, так тому и быти». Хотя Боярская Дума как государев совет имела большой вес во все продолжение царствования Михаила Федоровича, но это нисколько не усилило боярских прав, ибо рядом с Думой были Земские Соборы, в которых равное участие с боярами принимали духовенство и выборные от всей Русской земли. Таким образом,

постепенное развитие верховной власти государя, начавшееся с Ивана Васильевича III, после упорной борьбы московского боярства, наконец, с избранием на царство Михаила Федоровича Романова, получило настоящую свою форму в самодержавии московского государя, вспоможествуемого Думой и Соборами, состоявшими из выборных от всей Русской земли, которые, впрочем, приглашались по указу государя.

ЖИТЕЛИ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА

Духовенство. Дворяне. Их служебная и частная жизнь. Боярские дети. Служилые люди по прибору. Неслужилые или жилецкие люди: гости, торговые люди гостиной сотни, сурожане и суконники, торговые люди черных сотен. Сельские или уездные жилецкие люди — крестьяне. Вольные государевы люди. Кабальные холопы

В настоящем периоде разделение жителей Московского государства на дружину и земщину уже не существовало, дружина и земщина слились в одно еще в конце второго периода, и вместо прежнего деления явилось новое деление жителей: на *служилых людей* и *неслужилых* или, как тогда писалось на официальном языке, *жилецких людей*.

Духовенство. Первым классом между служилыми людьми по тогдашнему административному порядку считалось духовенство, которое разделялось на высшее и низшее. Члены высшего духовенства тогда назывались вообще властями. Первенствующим представителем и главой духовенства сперва был митрополит московский и всея Руси, а с 1589 года патриарх московский и всех северных стран. За митрополитом следовали архиепископы, епископы, архимандриты и игумены, которые в официальных бумагах все назывались властями. Низшее духовенство разделялось на белое и черное; белое духовенство составляли городские и сельские священники, дьяконы и причетники; к черному же принад-

лежали монахи и монахини. В духовном же ведомстве считались по-прежнему вдовы, калеки, больные и т.п.

Права духовенства в настоящем периоде были большей частью еще прежние: оно имело свой суд не только в духовных, но и в гражданских делах над лицами своего ведомства. Митрополиты, епископы и монастыри владели нередко большими недвижимыми именьями. Митрополиты и епископы, кроме того, считались советниками государей и пользовались правом ходатайства у царского престола за опальных. Митрополиты, епископы и архимандриты, по свидетельству дошедших до нас официальных памятников, несмотря на требование царя Ивана Васильевича не вмешиваться в дела относительно наложения царской опалы, продолжали ходатайствовать и ручаться за опальных бояр даже после учреждения опричнины. Так, например, в записи клятвенной князя Михайлы Ивановича Воротынского, писанной в 1566 году, мы находим ходатаями и поручителями – митрополита Афанасия, архиепископов: Новгородского, Казанского и Ростовского и епископов: Суздальского, Рязанского, Коломенского и Сарского. Или в клятвенной записи князя Ивана Федоровича Мстиславского, в утверждении и поручительстве привешена печать митрополита Кирилла и несколько рукоприкладств архиепископов, епископов и архимандритов. Белое духовенство находилось по-прежнему в тесных сношениях с народом и имело на него большое влияние не только в духовных, но и в гражданских делах. В это время принималось почти за непреложное правило, чтобы при определении священника к церкви требовать на это согласие прихожан; прихожане, большей частью, сами приводили к епископу того, кого они желают иметь священником или дьяконом при своей церкви. В Стоглаве сказано: «По всем св. церквам избирают прихожане священников и дьяконов искусных и грамоте гораздых и житьем непорочных, и денег у них от церкви мзды не емлют ничего. И приводят их ко святителю, и святитель, их поучив и наказав, благословляет. А от проскурниц, и от пономарей, и от сторожей попом, и уличаном, и прихожаном посулов не имати». В настоящем периоде начались продолжи-

тельные споры относительно признания прав духовенства на недвижимые имения. Великий князь Иван Васильевич III, по праву завоевания отобрав половину недвижимых имений у новгородского духовенства, предложил московскому собору в 1503 году отобрать имения у всех монастырей в московских владениях; но это предложение тогда не имело успеха. На соборе 1531 года также возобновился спор о церковных имениях, но в этом споре правительство не принимало участия; он был возбужден монахами и кончен митрополитом. Впрочем, еще при Василии Ивановиче было установлено по некоторым городам, чтобы не давать в монастыри отчин без доклада государю. В 1551 году, по соборному приговору, это уложение Василия Ивановича было распространено на все московские владения, и епископам и монастырям настрого было запрещено покупать вотчины без доклада государю, и тут же установлено, чтобы никоим образом не выкупать вотчинникам своих вотчин, отданных в монастыри. Наконец, в 1581 году, по соборному приговору, определено вперед не принимать вотчин по душам в монастыри, а взамен их брать деньги, по цене, чего будут стоить вотчины, которые кто завещает в монастырь. Это же подтверждено и соборным приговором в 1584 году, и сверх того, этим же приговором вовсе запрещено епископам и монастырям покупать вотчины и брать их в заклад. Из этого правила были исключены только бедные монастыри, которым дозволялось просить государя о наделении землей.

За церковной службой следовали *светская или мирская служба*. Служилые люди этого разряда делились на два класса. К первому классу принадлежали те из вольных слуг, которые поступали на службу по рождению от служилых людей, которым служба вменялась в обязанность и которые были, так сказать, прикреплены к службе. Ко второму классу принадлежали люди, поступавшие на службу не по своему происхождению, а по доброй воле. Эта служба на языке тогдашних официальных бумаг называлась службой «*по прибору*».

Дворяне. К служилым людям первого класса принадлежали дворяне, это название они получили в царствование

Ивана Васильевича IV около 1566 года. Дворянство составляли как потомки прежних старших дружинников, так и земские бояре и удельные князья, лишившиеся своих уделов и поступившие на службу к московским государям. Со времени Ивана Васильевича они стали делиться на три разряда: 1) *московских дворян*; 2) *жильцов* и 3) *городовых дворян*. Московскими дворянами назывались те, которые хотя и состояли на службе в Москве, но не имели в Московском уезде вотчин; а городовыми дворянами назывались те из служилых людей, которые прежде составляли двор какого-нибудь удельного князя и поступили на службу к московскому государю вместе со своим князем. Постепенное изменение отношений дворян к верховной власти в настоящем периоде мы уже проследили в истории развития верховной власти, а посему теперь рассмотрим только служебную и частную жизнь дворян.

Служебная жизнь дворян. Для дворян, как прямых потомков прежних дружинников, служба всегда считалась обязательной: дворянин, пока был в силах, всегда был обязан являться на службу по первому востребованию правительства. Со времен царя Ивана Васильевича в эту службу введен был новый порядок, который сильно стеснил служилых людей. В прежнее время дворяне являлись на службу с отрядом вооруженных слуг, какой кому вздумается привести, так что один приводил больше слуг, другой меньше, у одного слуги были лучше вооружены, у другого хуже; но Иван Васильевич узаконил, чтобы каждый дворянин приводил на службу число слуг, сообразное с количеством четвертей земли, состоящих в его владении, и чтобы эти слуги были одеты и вооружены так, как предписывалось государевым уложением. А по новому уложению требовалось, чтобы дворянин со 100 четвертей вотчинной или поместной земли приводил вооруженного слугу на коне и в полном доспехе, а в дальний поход и «*о дву конь*». В этом же уложении сказано: «А хто послужит по земле и государь пожалует их своим жалованьем, кормлением; а хто землю держит, а службы с нея не платит, и на тех на самих имати деньги за люди; а хто даст в службу люди лиш-

ние перед землею, через уложенные люди, и тем от государя большое жалованье самим, а людям пред уложенными в полтретья давати деньгами». Вместе с этим был введен и новый порядок – смотры. По этому порядку каждый дворянин, являясь на службу, должен был представиться своему полковому начальнику или воеводе, который осматривал дворян и их служителей и записывал их имена в смотренные книги, подробно прописывая под каждым именем, кто как конен, люден и оружен явился на службу; потом дворяне избирали из своей среды окладчиков, которые разбирали их по поместным и денежным окладам и отмечали в особых десятильных книгах, кто явился на службу сполна по окладу, а кто не сполна, и кто привел лишних людей против своего оклада. По этом разбору докладчиков приехавшие служилые люди записывались в высшие и низшие статьи, смотря по их службе. По росписи 1550 года дворяне или, как они тогда назывались, боярские дети были разделены на три статьи¹. Этот порядок службы соблюдался не только относительно мужчин, но и относительно вдов, девиц и детей, которые также должны были выставять вооруженных слуг, смотря по количеству четвертей земли, оставленной им на прожиток по смерти отца или мужа. Для большего порядка по службе устроен был «Разряд», или высшее присутственное место, в котором ведались все служилые люди и все присутственные места. С устройством Разряда каждый дворянин, достигший совершеннолетия (15-летнего возраста), должен был явиться в Москве в Разряд, а в городах – к местному городскому начальнику для записи своего имени в реестр служилых людей. При этом он должен был записать свое имение и подавал челобитную, в которой прописывал, будет ли он служить с отцовского имения или вотчины, или с прожиточного, оставленного за ним по смерти отца до возраста, или просил новичного оклада. По этой челобитной наводилась справка по окладным книгам, и подавший челобитную записывался в десяток «новииков» с служ-

¹ Первой статье назначено поместной дачи около Москвы 200 четвертей, второй 160, третьей – 100 четвертей.

бой или с отцовского поместья, или с прожиточного, которое при этом зачиталось ему в оклад, или же по новому окладу. За неявку на службу или укрывательство, или, как это тогда называлось, «за неты», дворяне лишались своих поместий – или всех сполна, или части. Впрочем, они могли возвращать свои поместья новой службой или по особой милости государя. Если же нетчик представлял законную причину своей неявки на службу, то не лишался поместья.

Частная жизнь дворян. В тесной связи со служебной жизнью находилась и частная жизнь дворян, именно, та сторона этой жизни, которой дворянские роды сталкивались друг с другом на службе. Мы еще в прошедшем периоде заметили, что между древними боярскими родами были споры относительно первенства или старшинства одного перед другим. Но тогда такие споры были не так заметны, потому что тогда при первом неудовольствии бояре могли оставить своего князя и перейти к другому, и притом тогда князя редко решались нарушать права старейшинства родов, как по собственной привязанности к отцовским и дедовским боярам, так и потому, что тогда со старейшинством рода действительно соединялась большая сила и значение его в обществе, так что оскорбление его было бы опасно; от этого и происходило то, что важнейшие должности в государстве большей частью постоянно оставались в одном и том же боярском роде, переходя от отцов к детям как бы по наследству. Но с уничтожением уделов и с развитием верховной власти князя такой порядок не мог дольше существовать. Государя московские, подчинив себе всю северо-восточную Русь и приняв к себе на службу удельных князей и бояр из разных владений, естественно, не могли и не имели ни надобности, ни охоты в ущерб своей власти подчиняться вполне старому порядку счетов между боярскими родами. Отсюда в настоящем периоде особенно развились споры и счета между боярскими родами, известные под именем местничества. В самом начале настоящего периода великий князь Иван III уже должен был прибегнуть к единственно возможному для него средству для прекращения родовых споров,

к назначению службы «без мест», т.е. чтобы известная служба не была принимаема в родовых счетах местничества ни за повышение, ни за понижение родов, так чтобы в последующее время в родовых спорах никто не ссылался на места этой службы и не утягивал ими своих соперников. Этому же правилу следовал и сын его Василий Иванович, и оно оставалось более или менее постоянным и во все последующее время; но, несмотря на это, местничество оставалось в силе до самого уничтожения его при царе Федоре Алексеевиче. Другие средства, к которым прибегали московские князья для уничтожения местничества, также не имели успеха. Бояре, потеряв большую часть своих прав и из дружинников, держателей земли, обратившись в полных слуг государевых, тем упорнее старались удержать за собой право считаться старшинством родов; они никак не могли примириться с мыслью, что, служа под начальством кого-либо из своих товарищей, они служат не ему, а государю; уступая государю во всем, они не уважали его грамот, несогласных с их обычным правом местничества, не брали разрядных списков и не являлись на службу и обыкновенно говорили: «В своих холопях государь волен, как кого пожалует, а тою грамотою ни малу, ни велику быть нельзя», и даже самому государю в своих жалобах писали, что назначенная им служба «не вместила, что они не берут списков, и что их посылают на посмех». Каждая семья имела свои родословные и разрядные книги, и даже летописи и в спорах на суд поднимала всю старую службу своих предков и своих соперников. Счеты по местничеству возрастали по мере развития верховной власти государя и по мере того, как правительство свободнее распоряжалось назначением службы. Особенно споры эти умножились в царствование Федора Ивановича и Бориса Годунова, так что местники этого времени в своих челобитных писали: «Случаев-де у нас много, да перед бояры их положить не мочно, потому что и до многих бояр в случаях дойдет». То же было и при царе Михаиле Федоровиче, так что ни один военный поход, ни одно важное дело не обходилось без местнических споров. Вообще в настоящем периоде счета

по местничеству как протест против правительственных распоряжений по службе были в полном разгаре.

Боярские дети. Второй разряд служилых людей составляли дети боярские, называвшиеся прежде младшей дружиной, потом дворянами, а около 1566 года переименованные Иваном Васильевичем в боярских детей, одновременно с тем, как высший класс служилых людей стал называться дворянством. Этот класс служилых людей пользовался во многом одинаковыми правами с первым классом, но по службе он занимал низшие должности; так в военной службе боярские дети занимали должности десятников, сотников и простых воинов; притом служба их была преимущественно на границах государства: литовской, казанской, ногайской, астраханской, в Сибири и т.п., где они получали и поместья; в придворной службе боярские дети занимали должности конюхов, псарей, тенетников, истопников и т.п., а в гражданской – приказных, рассыльных, приставов на заставах, перевозах и разных казенных работах, сборщиков податей и т.п. Впрочем, для них не был загражден переход и в высший служилый класс. Переход этот приобретался военной службой, которая, как мы уже говорили, соразмерялась с состоянием служащего: кто имел более средств, тот мог лучше и служить, мог привести большее число вооруженных слуг, и поэтому в списках служилых людей мог верстаться в высшие статьи. О местнических спорах между боярскими детьми нет и помину.

Служилые люди по прибору. К этому разряду служилых людей принадлежали: стрельцы, пушкари, зачинщики, воротники, плотники, кузнецы, городовые казаки и проч., а со времен Михаила Федоровича: рейтары, копейщики, драгуны, солдаты и гусары или вообще служилые люди иноземного строя. Служба по прибору, вероятно, началась в крайних городах на границах с крымцами, нагайцами, литовцами и др., где еще в XIV веке была уже протянута линия сторожевых городков и засек. Эта линия постоянно выдвигалась в степи и населялась по городам и слободам приборными людьми, которые там получали земли для поселения на поместном праве владения, с

обязанностью делать разъезды и держать караулы в степях для надзора за движениями татар и извещать в случае неприятельского набега воевод, стоявших обыкновенно со своими полками по Оке в городах Коломне, Кашире, Серпухове, Туле и др. В приборную службу поступали все свободные или, как тогда говорили, *гулящие* люди, т.е. сыновья от отцов, братья от братьев, племянники от дядей, люди, не имевшие своего отдельного семейства и хозяйства, не бывшие в тягле и не платившие податей, без различия звания – из дворян, духовных, посадских и других; но только не из крестьян или холопов. В таком положении находилась приборная служба в конце прошедшего периода; в настоящем же периоде права приборных служилых людей значительно изменились; теперь правительство стало зачислять в службу по прибору не на поместном праве, а на тягле, давая землю не на лицо, а на целые общины или, как тогда говорили, «на слободы», т. е. приборные люди стали населять слободы на общинном праве владения, с тем, чтобы земля, отчисленная на слободу, навсегда и оставалась за известной общиной приборных служилых людей, за которую они должны нести определенную – казачью, стрелецкую, пушкарскую и другую службу. Так как земля у целой слободы приборных служилых людей была общая, то поэтому в приборную службу принимали не иначе, как по круговой поруке всех слобожан, которые отвечали и за исправность службы каждого из своих членов. За свою службу приборные люди, кроме надела земель, еще освобождались от всех податей и могли свободно и беспопытно заниматься разными промыслами в определенных законом размерах, с тем только условием, чтобы половина людей, считавшихся в общине, по полугодно, по очереди, находилась в действительной службе.

Значительнейший разряд служилых людей по прибору составляли стрельцы. Первоначальное устройство стрелецкое войско получило при царе Иване Васильевиче IV; при нем стрелецкое войско состояло из 12-ти тысяч человек, из коих 5 тысяч постоянно находились в Москве. Высший разряд стрельцов составляли так называемые стремянные стрельцы;

число их простиралось до 2 тысяч и они составляли государственную стражу. Остальные же стрельцы в мирное время составляли гарнизоны в крайних городах и преимущественно в городах Литовской Украины, куда требовалось вообще войско лучше организованное. В военное время стрельцы участвовали в походах конные и пешие. При Иване Васильевиче IV, который улучшил стрелецкое войско и увеличил число его, оно участвовало во всех военных походах и составляло самую лучшую часть войска. Стрелецкая служба была пожизненная, и только за ранами или за болезнью можно было освободиться от нее. Стрельцы в городах получали казенные дворы, казенное оружие, денежное жалованье и хлебную дачу, а в случае войны подводы или деньги на подъем. Они делились на полки разной величины, самые большие стрелецкие полки состояли из 1200, а меньшие из 700–600 человек. Начальники стрелецких полков назывались головами, а впоследствии – полковниками, за головами следовали сотники, пятидесятники и десятники. В стрелецкие головы обыкновенно назначались дворяне и даже из старших дворянских фамилий. Каждый полк, живший отдельной слободой, имел свою особую съезжую избу, в которой головы или полковники чинили суд и управу стрельцам своего полка.

За стрельцами по значению следовали пушкари, затинщики (застрельщики), городовые казаки, воротники, плотники и кузнецы. Они по времени учреждения были старше стрельцов, но не имели такого значения, как стрельцы. Пушкари и затинщики в первый раз встречаются при Дмитрии Ивановиче Донском. Служба их была преимущественно гарнизонная и крепостная. Гарнизонную службу несли также казаки, впервые они появились в Рязани при Василии Темном, казаки держали по преимуществу караул по границам и наблюдали за движением татар. К крепостным же служилым людям принадлежали воротники, т.е. караульщики при крепостных воротах, плотники, кузнецы и другие мастера.

К разряду приборных служилых людей иноземного строя первоначально принадлежали только военные иностранцы:

поляки, голландцы, шотландцы, греки, датчане и шведы. Они были вооружены по образцу западноевропейских регулярных войск. В первый раз о них упоминается в царствование царя Федора Ивановича, а первоначальное устройство их принадлежит, кажется, Борису Федоровичу Годунову. В царствование Федора Ивановича все войска иноземного строя состояли из одних иностранцев, которые делились на кормовых и поместных; к первым принадлежали служившие собственно по найму и получавшие жалованье и поденные кормы; а ко вторым – те, которые получали землю на поместном праве владения. Со времени царя Михаила Федоровича в службу иноземного строя стали прибирать охотников и из русских, на тех же основаниях и правах, как прибирались и стрельцы, и мало-помалу к концу этого периода число войск иноземного строя увеличилось до 50 тысяч, из коих иноземцы собственно едва ли составляли пятую часть. В иноземном строе числились рейтары, солдаты, копейщики, драгуны и гусары. Набор в эту службу производился из боярских детей, новокрещеных и татар, из братьев и племянников стрелецких, казачьих и всяких вольных охотничьих людей, вообще всех тех, которые нигде не состояли на службе, не имели ни вотчин, ни поместий не были ни в тягле, ни в холопстве. Служилые люди иноземного строя так же, как и стрельцы, селились особыми слободами и волостями в городах и уездах на казенных землях, которые давались им не на лица, а на целые общества. Кроме земель они получали от казны жалованье, провиант, амуницию и оружие, а конные и лошадей, и освобождались от пошлин и податей за промыслы. Они делились на полки, имевшие полковников, ротмистров и капитанов из иностранцев и русских дворян.

Неслужилые или жилецкие люди. Неслужилые или жилецкие люди делились в настоящем периоде: 1) на городских или посадских людей и 2) на сельских или уездных.

1. *Городское или посадские люди* во всех городах делились на лучших, средних и молодых, а в Москве – на гостей, торговых людей гостиной сотни, сурожан, суконников, купцов и торговых людей черных сотен.

Гости были первым классом городских людей: в этот класс зачислялись только оптовые торговцы, торговавшие с другими городами и иностранными землями. В Судебнике, в статье о бесчестье сказано, что гостям за бесчестье платилось 50 рублей, тогда как прочим торговым людям только 5 рублей; даже многим из служилых людей платилось менее, так как пеня за бесчестье определялась жалованьем, получаемым от государя. Гости, богатейший класс горожан, пользовались большим уважением и во многих правах равнялись с дворянством. Они имели вотчины и, что всего страннее, поместья, и в общей раскладке податей по сохам не мешались с крестьянами, а несли свои особенные повинности. Поместья давались гостям за службу, которая была какая-то смешанная: то выборная общественная, то касавшаяся только частных государевых дел; так, гости были главными распорядителями при сборе податей и торговых пошлин, а также продавцами государевых товаров; на них лежала обязанность пересматривать товары у приезжих иностранцев и отбирать часть их в казну государева двора в виде пошлины. Для этой службы гости избирали из своей среды людей каждый год, так как они служили по выбору только в течение одного года.

Торговые люди гостинной сотни составляли второй класс городских людей. Когда учрежден этот класс – неизвестно; в первый раз по памятникам он упоминается при царе Федоре Ивановиче, а потом в приговорной грамоте об избрании на царство Бориса Федоровича Годунова, в которой за подписью гостей следует надпись торговых людей гостинной сотни. В гостинные сотни, кажется, зачислялись средние и младшие гости. В службе по выборам люди гостинной сотни занимали низшие должности целовальников или присяжных депутатов по своему классу назначались сборщиками при таможах, мытницах и перевозах и ларечными старостами при продаже государевых товаров небольшой важности.

Сурожане и суконники составляли третий класс городских людей в Москве. Они упоминаются еще при Дмитрие Ивановиче Донском и, по всем дошедшим до нас памятни-

кам, принадлежали к зажиточнейшим горожанам и резко отличались своими правами от остальных городских жителей; в грамотах говорилось о них: «С черными сотнями никаких дел им не делати и не тянути ни в чем, опричь своей суконной сотни, и питье им всякое у себя держати про себя безпенно и безвыимочно¹, и подвод у них по всем городам и по ямам и на дороге не имати».

Остальные купцы были известны под именем **торговых людей черных сотен**. Они вели торг только в том городе, где жили, и для этого имели торговые ряды. Кроме городских податей и платы оброка за лавки на них лежали различные мелкие службы по городу или посаду; так они выбирались в таможенные и ларечные целовальники при разных казенных сборах; кроме того, на них лежали траты по укреплению города, на содержание улиц, площадей и другие городские расходы. В соборной грамоте 1642 года вот как говорят торговые люди черных сотен о своих повинностях: «А мы, сироты твои, черных сотен и слобод сотские, и старостники и все тяглые людишки ныне грехом своим оскудели и обнищали от даточных людей, от подвод, от поворотных денег и от городского и земляного дела и от твоих великих государевых податей и от многих целовальных служб; а служат с нас, сирот твоих, в твоих государевых разных приказах на всякий год по 145 человек целовальников, да с нас же, сирот твоих, стоят на земском дворе безпрестанно и без съезду 75 человек ярыжных, да извозчики с лошадьми для ради пожарнаго времени и платим целовальникам, и ярыжным, и извозчикам ежемесяцев кормовья и подможныя деньги».

К черным же сотням городских людей тогда причислялись еще разные городские ремесленники, или, как их тогда называли, *делюи*, т.е. деловые люди. Они во всех податях и повинностях тянули вместе с купцами черных сотен по своим животам и промыслам. Этот класс городских людей разде-

¹ В прежнее время каждый имел право курить вино для себя; для этого только нужно было выправить известную грамоту и заплатить в казну пошлины. Сурожане же с суконниками были освобождены от этого.

лялся на два разряда, резко отличающиеся один от другого по своим отношениям к государству: 1) на вольных и 2) на казенных, или государевых делюев. Вольные делюи собственно состояли в городском тягле, были членами городской общины, а казенные, хотя и жили в городах, но не участвовали в городских размежах и разрубях, а тянули тягло по своим разметам и жили особыми слободами в городах; их тягло состояло в службе своим ремеслом казне или двору государеву, или же, когда не было казенных и дворцовых работ, в оброке, который определялся ценой их обыкновенной годичной работы. К ним принадлежали казенные плотники, кирпичники, гончары, каменщики, хамовники или ткачи столового белья, бараши, или строители государевых палаток, садовники и огородники, котельщики, мельники, пушкари, зелейные (*пороховые*), печатные и денежные мастера, кодешевцы, или бочары, портные и другие ремесленники, подведомые дворцу государеву и имевшие свою управу.

Все исчисленные здесь классы городских жилецких людей составляли отдельные общины, управлявшиеся своими старостами, сотскими и десятскими и в раскладке податей и повинностей имевшие свои, отдельные от других общин, разметные книги и именные списки. В судебнике сказано: «Разметные книги старостам, сотским и десятским и всем людям тех городов своих разметов земскаго дьяка руку за своими руками ежегодь присылать в Москву».

В городах, кроме Москвы, жилецкие люди делились, как мы уже сказали, на лучших, средних и младших. Здесь основанием деления было только различие капиталов и при раскладке податей и повинностей рассчитывалось, чтобы двор лучший платил вдвое против среднего, и средней вдвое против младшего. Эти лучшие, средние и младшие, в свою очередь, в раскладке податей имели свои отдельные разruby и разметы по животам и промыслам. Все они имели общую управу в лице своих выборных старост и сотских, которые защищали права своей общины.

Во всех городах, кроме лучших, средних и младших людей, были еще бобыли, соседи, подсосудники и захребетни-

ки. Бобыли тянули в городское тягло, как и прочие городские жители, только их тягло было в 24 раза меньше тягла лучших городских людей. Захребетники же, соседи и подсосудники жили за чужим тяглом и сами не вносились в городские разметы; они не были членами городской общины и не имели своей поземельной собственности, а жили, как наемники или работники, на чужих землях.

Сельские или уездные жилищные люди носили одно общее название *крестьян*. Они разделялись, во-первых, по земле: на черных, дворцовых, вотчинных и монастырских; во-вторых, по промыслам: на земледельцев, бортников, рыболовов, сокольников и других сельских промышленников. Все вообще крестьяне в настоящем периоде так же, как и в предыдущем, большей частью не имели личной поземельной собственности, а селились или на владельческих землях, или на общинных, т.е. черных; были в настоящем периоде среди крестьян и собственники, но таких было очень немного. Они, как и прежде, могли свободно переходить с одной земли на другую, только бы этот переход делался в известный срок, именно «за неделю до Юрьева дня осеннего и неделю после Юрьева дни». Этот срок был определен еще прежде в Псковской грамоте, но в настоящем периоде он получил по Судебнику более строго определение. Кроме того, в Судебнике 1497 г. определена и плата, которую обязан был давать крестьянин за землю, занятую им у владельца, и за двор или за пожилое. Плата за пожилое разделялась на 4 ровные доли, взнос которых рассрочивался на 4 года. По Судебнику царя Ивана Васильевича, хотя эта плата и увеличена, но зато узаконено, что владелец ни под каким предлогом не может удержать у себя крестьянина, если он сполна заплатил ему за пожилое, а если бы крестьянин был должен владельцу, то последний обязан был искать свой долг законным порядком, а не мог удерживать у себя крестьянина. Таким образом, в настоящем периоде значительно изменены отношения крестьян к владельцам занимаемых ими земель; припомним, что по прежним законодательным памятникам, например, по Псковской грамоте, землевладелец имел право

не отпускать крестьянина до тех пор, пока он не уплачивал ему не только за землю, но и за покругу, вообще пока не оканчивал с ним всех расчетов. Но самая важная перемена в правах крестьян в этом периоде была сделана указом 1591 г. При царе Федоре Ивановиче в 1591 г. был издан указ¹, которым был отменен переход крестьян с одной земли на другую и крестьяне были прикреплены к тем землям, на которых они находились при выходе указа, какого бы рода ни были эти земли – черные ли, вотчинные или другие. Если же крестьянин по издании указа вздумал бы оставить занимаемую им землю, то владелец этой земли мог отыскивать его как беглого и возвращать на свою землю. Впрочем, во всех других отношениях крестьяне, прикрепленные к земле, оставались вполне свободными. В отношении к владельцу земли они оставались на прежних правах жильцов, с той только разницей, что прежде они были только временными жильцами, а теперь сделались навсегда крепкими к тем землям, на которых застал их указ. Указом Федора Ивановича не был, однако, безусловно запрещен переход крестьян с одной земли на другую, потому что и по издании его крестьяне часто были на тех или других землях по рядным записям с владельцами их; следовательно, в случае неисполнения условий со стороны владельцев, могли требовать на них суда и по суду разойтись с ними. Главная цель издания указа 1591 г. была та, чтобы сделать сбор податей с земли более удобным и верным. При появлении своем он возбудил всеобщий ропот, потому что был невыгоден не только землевладельцам, которые с изданием его лишались возможности скрывать значительное число живущих на их землях крестьян и должны были держать на своих землях как хороших работников, так и дурных, но и для крестьян, которые лишались возможности расходиться с землевладельцами, обременявшими их разными неумеренными оброками.

¹ Сам указ этот не дошел до нас; но тем не менее можно положить за верное, что он был издан именно в 1691 г., потому что в 1590 г. существовал еще свободный переход крестьян с одной земли на другую, а в 1591 г. он уже прекращается.

Вследствие этого, указ в то время еще не имел полной силы и даже правительство тогда же пыталось отменить его. Так, при Борисе Федоровиче Годунове появились кряду два указа, которыми опять было дозволено крестьянам переходить с одной земли на другую. Впрочем, это дозволение дано было только крестьянам, жившим на землях мелких землевладельцев, и притом в одно время им могли пользоваться крестьяне одних городов, а в другое – крестьяне других. Следовательно, у Бориса была мысль учредить что-то вроде табели для крестьян, по которой в одно время крестьяне там-то имели право перехода с одной земли на другую, а в другое – в другом месте. Сверх того, через шесть лет по издании указа о прикреплении крестьян к земле был издан другой указ, которым узаконялся пятилетний срок, в течение которого землевладелец мог отыскивать крестьянина, бежавшего с его земли. Если владелец земли в течение этого срока не находил крестьянина, то потом уже терял право возвратит его на свою землю. До нас дошло несколько рядных записей, из которых видно, что и по издании указа 1591 года крестьяне селились по договору не только на поместных и вотчинных землях, но и на общественных и, следовательно, еще могли свободно переходить из одной земли на другую. Так, в одной рядной записи 1596 года мы читаем следующее: «Се яз, Григорий Филипов сын, дал есми на собя запись Тавренскаго стану старосте Вахромею Трофимову сыну Воронину и всем крестьяном Тавренские волости, что яз взял у них на льготу 12 долю обжи пустого, с велика дня Пасхи Христовы – 104 году да до велика ж дни 105 году; а хором дали полизбы, да полприруба, да половина сенника и подклета, да полмякинницы и со всем угодьем; а того мне жеребья впусе не покинуть и двор вновь починивать; а дани и оброку в тот льготный год ни давать ни коих разрубов, а как отъидет льготный год и мне всякая подать платить с крестьяны вместе; а покину яз впусе землю в той прилукной деревне не насею и жильца не посажу и на мне, на Григорье, по сей записи взяти старосте в мир рубль денег» (Ак. Ист., № 187). В этой записи мы находим все условия, на которых крестьяне соглашались

жить на землях известного частного землевладельца; так, они обязывались жить до известного срока, как сказано в записи: «с велика дня 104 г. до велика ж дня 105 г.», и если они не хотели исполнять это условие, то обязывались посадить на свое место нового жильца, в противном же случае с них взыскивалось через местных старост по рублю: «а жильца не посажу и на мне взяти по сей записи старосте в мир рубль денег», – как сказано в записи. Таким образом, крестьяне тогда еще не были крепостными в полном смысле, какими они сделались впоследствии. Все подати и повинности крестьяне, жившие на владельческих землях, платили собственно владельцам занимаемых ими земель; казенные подати в таком случае платили за них уже сами владельцы. Впрочем, так было не всегда: иногда крестьяне договаривались с владельцем платить ему только за землю, а казенные подати вносили за себя сами, без посредства владельца. Казенные подати и повинности, лежавшие на крестьянах, были различны по разным областям, по льготным и уставным грамотам и по землям, занимаемым ими – жили ли они на землях черных или же на землях частных владельцев. При раскладке податей и повинностей обращалось внимание на животы и промыслы крестьян, т.е. на их дворы, скот, землю, промыслы и проч.

Между крестьянами, как и между городскими жилецкими людьми, жили еще бобыли и захребетники. Бобыли платили вполтину менее крестьян. Захребетники между крестьянами назывались казаками, подсоседниками и безвытными людьми. Они не имели своей земли, а жили за чужим тяглом, а потому и податей в казну не платили, а платили только тем, в тягле которых они состояли. Но когда они обзаводились своим хозяйством – двором, лошадью и проч., то записывались в число тяглых людей, включались в разruby и разметы крестьянских общин, и по своим животам и промыслам несли соответственную долю государственных податей и повинностей.

Кроме крестьян в уездах и тяглых жилецких людей в городах, в настоящем периоде существовал еще значительный класс **вольных государевых людей**. Это были люди, ни за кем

не состоявшие в службе, не принадлежавшие ни к какой общине и жившие или вольной работой, или мирским подаванием, или каким-нибудь промыслом, не привязывающим ни к какому месту жительства; сюда относились скоморохи, шерстобиты, вожаки медведей и т.п. Этот класс государевых людей был самый беспокойный и буйный; тут были бродяги, нищие и разбойники; вообще это были представители пролетариата. Впрочем, такой образ жизни скоро надоедал вольным людям, и они спешили приписаться к какой-нибудь общине. Образ жизни вольных людей очень ясно выражается в одной порядной записи, данной четырьмя вольными людьми Тихвину монастырю, куда они поступили в крестьянство, наскучив девятилетней бродячей жизнью. В этой грамоте они говорят: «Кормились мы Христовым именем и черною работою, а за государем, и за патриархом, и за монастыри, и за дворяны, и за дети боярскими и ни за какими чинами в крестьянх и в бобылех и в холопстве ни за кем не живали». Условия, на которых поступали эти люди в Тихвин монастырь в крестьянство, ясно показывают, что они ничего своего не имели, так в рядной записи их сказано, что они взяли от монастыря в ссуду по 5 руб. на человека, на лошадей, на коров и на мелкий скот, на хлеб и на всякую домовую посуду. Из вольных людей в настоящем периоде образовался класс *ямщиков*. Ямская гоньба первоначально лежала на всех городских и сельских жителях, которые отправляли ее натурой или сами, или нанимая за себя вольных людей. Но еще с конца прошедшего периода правительство установило устроить землю дворами, лошадьми и другими принадлежностями ямской гоньбы тех вольных людей, которые отправляли ямскую гоньбу у частных людей по найму. Для этого оно устроило в городах и по большим дорогам ямы, или ямские слободы, где вольные люди записывались в ямщики, обязывались иметь наготове определенное число лошадей для казенных разъездов, и отмежевало к ним нужное количество земли, и сверх того обоброчило селение и города выдавать ямщикам ежегодно определенную подмогу деньгами или хлебом. За исправностью ямской гоньбы смотрели ямские стройщики; они

же заведовал и судом и управой между ямщиками. Ямщики не причислялись ни к городским, ни к сельским жилацким людям и не тянули тягла ни с теми, ни с другими.

Из вольных же людей в настоящем периоде образовались *кабальные холопы* (от слова «кабала» – заемное письмо), которые были прикреплены не к земле, как крестьяне, а к лицу. Они были тем же, чем по Русской Правде закупы в кунах, т.е. людьми, заложившими кредитору свою свободу в обеспечение уплаты долга и процентов работой. Но в настоящем периоде с прикреплением крестьян к земле произошла перемена и в положении кабальных холопов; именно, правительство разделило кабальных холопов на два вида: на кабальных в деньгах и в службе. По первой кабале в случае уплаты долга кабальному возвращалась свобода, а в силу последней он и по уплате долга оставался работником и холопом своего кредитора до самой смерти последнего. Кабальные холопы не состояли ни в каком тягле, государство, ничего не давая им, ничего и не требовало с них.

АДМИНИСТРАЦИЯ В МОСКОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕ

Приказы: Посольский, Разрядный, Поместный, Казанского Дворца, Большого Дворца, Судный, Стрелецкий, Иноземный, Земский, Холопий, Ямской, Разбойный, Большого Прихода, Печатный, Новая Четверть и другие. Областное управление. Наместники и воеводы. Тиуны. Доводчики. Праветчики. Волостели, становщики, слободчики, посельские. Осадные и засечные головы. Городовые приказчики. Старосты, целовальники, земские дьяки, пятидесятские и десятские

В настоящем периоде администрация в Московском государстве получила более определенные формы. Единство власти московских государей естественно привело к центра-

лизации управления, поэтому в настоящем периоде Москва сделалась центром, откуда вытекали все распоряжения по управлению государством и куда стекались все отчеты по управлению разными областями, для чего в Москве и были устроены особые центральные ведомства, называвшиеся в тогдашних официальных бумагах приказами. Всех приказов можно насчитать до 16-ти. Из них самыми важными были: Посольский Приказ, Разряд, Поместный Приказ и Приказ Большого Прихода. Первым ведомством по управлению была государева Боярская Дума, председателем в которой был сам государь. Это был прежний дружинный совет, но только с меньшими правами. В настоящем периоде московские государи советовались с Боярской Думой только тогда, когда находили это для себя нужным, притом в важных случаях в Думу приглашались не только бояре, но и духовные и выборные от городов. Поэтому государева Боярская Дума совершенно утратила характер дружинного совета; бояре московские уже не могли говорить своему государю, как прежде говорили старшие дружинники своим князьям: «Княже, особе еси задумал, а мы того не ведали». Предметом занятий Боярской Думы в настоящем периоде были преимущественно сношения с иноземными государями и разные новые учреждения, относившиеся к делам внутреннего управления. Первоначально, при царе Иване Васильевиче, все дела по управлению были сосредоточены в Боярской Думе, но потом при нем стали отделяться от нее следующие приказы:

1. *Посольский Приказ*, прежде *Посольская Палата*, заведовал делами по сношению с иностранными государствами: здесь принимались послы иностранных государей, приезжавшие в Москву, здесь же назначались послы от Московского государя к иностранным государям; отсюда же выдавалось и жалование, как иностранным послам, бывшим в Москве, так и русским, отправленным к иноземным государям. Поэтому к нему было приписано несколько городов и областей, с тем чтобы доходы, получаемые с них, шли на расходы по посольским делам. Главным начальником Посольского Приказа был

думный дьяк, а впоследствии боярин и оберегатель государственной печати, т.е. хранитель государственной печати. В нем насчитывалось до 30 человек подьячих. Посольский Приказ, по свидетельству Флетчера, назывался первой четвертью.

2. *Разряд* или *Разрядный Приказ* (вторая четверть, по свидетельству Флетчера) заведовал всеми делами по службе. Он был чем-то вроде недавно отмененного Инспекторского Департамента по военным и гражданским делам, и в служебном отношении был первой и главной инстанцией, так что все роды службы военной, придворной и гражданской зависели от него. Он посылал указы во все другие приказы и ведомства, назначал начальников и делопроизводителей, делал взыскания по службе, наряжал следствия и производил суд над лицами, не оправдавшими своей службой доверия начальства; он заведовал всеми войсками, как прирожденными, т.е. дворянами и боярскими детьми, так и приборными и др. В непосредственной зависимости от Разряда были и все пограничные города и крепости с их населением и землями, доход с которых всегда шел в Разрядный Приказ; он вел книги всем служилым людям в государстве, с обозначением, у кого какой поместный оклад, какое денежное жалованье и кто как исправен по службе. Смотри по службе и состоянию, Разрядный Приказ увеличивал или уменьшал оклад служилых людей, повышал или понижал их из одного чина в другой; от него также зависело и назначение войск тех или других городов в поход; он же делал и все распоряжения относительно похода, содержания войск во время похода и выдавал деньги полковым казначеям или воеводам для раздачи тем служилым людям, которые получали денежное жалованье, наконец, через Разряд приводились в исполнение все высшие распоряжения по службе, и им же представлялись государю все донесения и отписки воевод. При такой сложности дел в Разрядном Приказе было 70 человек подьячих. Главным начальником Разрядного Приказа был государев дьяк.

3. *Поместный Приказ* заведовал всеми делами, относящимися к поместным и вотчинным землям, и вообще к позе-

мельному владению. В нем велись ежегодно книги или списки, в которых обозначалось, сколько за кем и где поместий и вотчин, эти книги назывались даточными, или дачными. От Поместного же Приказа посылались писцы, дозорщики, межевщики и другие чиновники для составления писцовых, переписных, окладных, дозорных, приправочных, межевых и т.п. книг. Отсюда же выдавались жалованные грамоты, вводные, отказные, межевые и сошные выписки и другие крепостные акты на право владения землей. В Поместном Приказе производился и суд по всем делам по поземельному владению, ежели они возникали при составлении писцовых и межевых книг, а также записывались все переходы недвижимых имений от одного лица к другому через куплю, мену, наследство и пр. По свидетельству Флетчера, в Поместный Приказ поступали и все подати с земель, находившихся в его ведении. Относительно раздачи поместий и обращения их в вотчины Поместный Приказ находился в тесных сношениях с Разрядом. В этом отношении он был только исполнителем приказаний Разряда, так как сам он не имел права ни раздавать поместий, ни обращать их в вотчины. Обычно все челобитные о поместьях и вотчинах тогда подавались в Разряд. Разряд, сделав справку о том, действительно ли челобитчик находится на службе и нет ли за ним каких земель, посылал в Поместный Приказ отписку или указ об отмежевании ему такого-то количества и таких-то земель. Начальником Поместного Приказа был боярин с товарищем и дьяк; подьячих в нем было 200 человек Поместный Приказ прежде назывался Поместной Избой. По Флетчеру, он составлял третью четверть.

3. *Приказ Казанского Дворца* был, очевидно, учрежден Иваном Васильевичем по завоевании Казанского царства. В его ведении находились все города этого царства, а также и все другие города, лежащие по Волге между Казанью и Астраханью. Казанский Приказ назначал во все эти города наместников и других чиновников и заведовал управлением и доходами в этих городах. В Казанском Приказе были боя-

рин с товарищем, дьяк и 40 человек подьячих. По Флетчеру, приказ этот составлял четвертую четверть.

4. *Приказ Большого Дворца* заведовал всеми дворцовыми именьями; ему были подчинены 36 городов с их уездами и множество волостей и сел, расписанных в разных городах. В этом приказе производились все дела по дворцовым именьям и делались все распоряжения по дворцовой службе. Ведению его подлежали также все монастырские земли. Начальниками Приказа Большого Дворца были: дворецкий, его товарищ и дьяк. Впоследствии от Приказа Большого Дворца отделилось несколько приказов или ведомств: Житный двор, Сытный дворец, Кормовой дворец, Хлебный и Другие, которые, впрочем, все находились в зависимости от него.

5. Как отдельный от Приказа Большого Дворца существовал еще при Иване Васильевиче IV *Казенный Приказ*. Начальником его при Иване Васильевиче был окольный Иван Федорович Колычев, начальник опричнины. В ведении этого приказа были все драгоценности государева дворца (потогдашнему «кузня», отсюда слово казна). Ему же подлежала и раздача государевых наград.

6. *Судный Приказ* был высшей судебной инстанцией по гражданским искам. Он учрежден, кажется, не раньше царствования Бориса Федоровича Годунова. При Михаиле Федоровиче он был разделен на Судный Владимирский и Судный Московский. В этот приказ вносились все судебные дела по гражданским искам, которые не могли быть вершены в подчиненных ему городах наместниками, воеводами и губными старостами; сюда же, вероятно, поступали и все жалобы на судей по гражданским делам. В каждом Судном Приказе начальниками были: боярин с товарищем и дьяк; подьячих было 30 человек в обоих Судных Приказах.

7. *Стрелецкий Приказ*, по всей вероятности, был учрежден царем Иваном Васильевичем. В его ведении находились все дела стрелецкого войска, как по военной службе, по нарядам на войну, по приему людей в стрелецкую службу, так равно и по управлению и содержанию стрелецкого войска. Впослед-

ствии под его же ведомством состоял Приказ сбора стрелецкого хлеба. Начальниками Стрелецкого Приказа были: боярин, его товарищ и дьяк; при них было до 50 человек подьячих.

8. *Иноземный Приказ* был учрежден при царе Федоре Ивановиче. Он заведовал делами войск иноземного строя. Впоследствии, со времени Михаила Федоровича, он стал заведовать и русскими, поступавшими в полки иноземного строя. Для содержания войск иноземного строя к Иноземному Приказу было приписано несколько городов и волостей, из которых также выдавались поместья тем из служилых иностранцев, которые навсегда оставались в России.

9. *Пушкарский Приказ* в первый раз встречается при Михаиле Федоровиче. Он заведовал артиллерией; главным предметом его забот было снабжение артиллерии всеми нужными материалами; поэтому в его же ведении были все оружейные, медноплавильные, пороховые, селитряные и другие заводы. От него же зависело снабжение крепостей всеми военными запасами.

10. *Земский Двор или Приказ* существовал еще при царе Иване Васильевиче. Он заведовал полицейскими делами в самой Москве. Поэтому под его надзором находилась постройка и поправка общественных зданий, предохранение от пожаров, содержание в чистоте улиц, ночные караулы по городу, сбор городских податей и наблюдение за порядком в городе. В ведении его состояли все старосты, сотские и десятские разных городских общин, которые доставляли в Земский Приказ сведения о членах своих общин и о пришлых людях, а также и о том, кто у кого живет и имеет ли законный вид для проживания. Здесь производили расправу с людьми подозрительными или беспокойными, на которых были жалобы от домохозяев или старост и сотских; здесь содержались пожарные трубы и здесь же клеймились и выдавались торговым людям торговые весы и меры. Начальниками Земского Приказа были два дворянина и дьяк, при них 40 человек подьячих и столько же решеточных приказчиков или надзирателей за ночными караулами в Москве. При царе Иване Васильевиче от Земского

Приказа было отделено особое ведомство городских построек, называвшееся *Каменным Приказом*.

11. *Холопий приказ* был учрежден, кажется, при царе Иване Васильевиче. В ведении его находились все дела о холопах. Здесь совершались крепости на холопов, заявлялись отпускные холопов, споры между холопами и господами и явки о беглых холопах; тут же отыскивали свободу от холопства и писались кабалы на кабальных холопов.

12. *Ямской Приказ* заведовал ямской гоньбою. В его ведении было устройство ямов, управление ямскими землями, сбор денег на подмогу ямщикам, выдача подорожных и надзор за дорогами Известия о Ямском Приказе начинаются со времени царя Ивана Васильевича; конечно, он им и основан. Начальниками этого приказа были ямские стройщики.

13. *Разбойный Приказ* был учрежден царем Иваном Васильевичем; он был высшей инстанцией уголовного суда. В нем производился суд по татебным и разбойным делам, когда тати или разбойники были пойманы с поличным, а также и над теми, кого на повальном обыске называли лихим человеком, татем, грабителем, разбойником, пристанодержателем и укрывателем краденных вещей, равно и над теми, которые в Судном Приказе приговаривались к пытке как тати и разбойники. В ведении Разбойного Приказа находились все губные старосты и целовальники, губные дьяки и тюремные сторожа; они приезжали в Москву перед отправлением своих обязанностей, давали присягу в этом приказе; все жалобы на них со всего государства подавались в этот приказ. Устройство и содержание тюрем зависело также от Разбойного Приказа.

14. *Приказ Большого Прихода* заведовал сбором всех казенных пошлин: торговых, проезжих и др. во всех городах; им отдавались на откуп бани, кабаки и другие оброчные статьи. Сюда же поступали все судебные пошлины из Судного, Разбойного и других приказов, а также полишки или остатки от поземельных доходов с городов и волостей, приписанных к Разряду, Посольскому, Стрелецкому, Казанскому и другим

приказам. Впоследствии от Приказа Большого Прихода были отделены и составились особые ведомства под названием Большой Таможни, Померной Избы, Мытной Избы и Сбора десятой деньги. Когда учрежден этот приказ – неизвестно; первые известия о нем встречаются при Федоре Ивановиче.

15. *Печатный Приказ* был также выделен из Приказа Большого Дворца, вероятно, в царствование Федора Ивановича, а может быть и при отце его. В ведении его состоял сбор печатных пошлин со всех крепостных актов и других бумаг по челобитным. Записные книги этого приказа, дошедшие до нас, начинаются с 1613 года.

16. *Новая Четверть* заведовала откупными, оброчными, корчемными и другими делами. Она была выделена из Приказа Большого Прихода. Время учреждения этого приказа неизвестно.

Кроме исчисленных приказов, в дошедших до нас разных памятниках упоминаются приказы под названиями: *Новгородской Чети, Владимирской Чети, Галицкой Чети, Рязанского Приказа, Сибирского Приказа, Костромской Чети, Устюжской Чети*. Когда учреждены эти приказы – подлинно неизвестно; но они уже встречаются в официальных бумагах времен царя Михаила Федоровича. Этим приказам были подведомы области: Новгородская, Владимирская, Рязанская, Костромская, Галицкая, Устюжская и Сибирский край; в них же собирались и все доходы этих областей и присылались все отчеты тамошних воевод и наместников. Далее, еще были приказы патриаршего ведомства, учрежденные, вероятно, при царе Михаиле Федоровиче и патриархе Филарете Никитиче; таковы были: Судный Приказ, Патриарший Разряд, Дворцовый и Казенный Приказы и Монастырский Приказ.

Все описанные нами приказы составляли центральные правительственные места разных ведомств управления и находились постоянно в Москве, но сверх их были еще разные местные правительственные места и лица по городам и областям, подчиненные приказам, к описанию которых мы и перейдем.

Областное Управление. *Лица, составлявшие приказное ведомство.* Областное управление в городах и уездах Московского государства сперва принадлежало наместникам, которые еще в конце прошедшего периода заступили место посадников, а потом с конца настоящего периода, именно с конца XVI и начала XVII столетий, были заменены и совершенно вытеснены городскими воеводами. Власть наместников и воевод была почти одна и та же; различие между ними состояло только в том, что наместник являлся в город, поручаемый его управлению, один и уже сам назначал по разным частям управления областью своих людей, которые от него одного и зависели, воевода же не сам назначал себе помощников по управлению, а его помощниками были государевы приказные люди, высший надзор за которыми принадлежал правительству; кроме того, наместник получал кормы, т.е. содержание от области, управляемой им, а воевода – государево жалованье. Кормы наместников не были произвольным побором, а были строго определены законом; так, они собирались, собственно, в три срока: в Рождество, в Петров день и на Великий день, т.е. о Пасхе, и законом определялось, сколько должно идти на наместничьи кормы с каждой сохи. Наместники даже не могли сами собирать свои кормы с жителей или посылать за ними своих людей, а жители сами раскладывали наместничьи кормы вместе с государевыми податями по вытям и животам и доставляли их своим выборным старостам или сотским, которые уже доставляли их наместнику и его людям. При составлении окладных или переписных книг всегда ясно обозначалось, сколько с какого селения должно идти на наместничьи кормы и поборы на наместничьих людей. Кроме кормов и поборов наместники получали еще доходы от судных дел, производившихся в их суде. Доходы эти также строго определялись законом, именно закон определял, сколько процентов от известного судного дела следовало получить наместнику. В половине XVI века Иван Васильевич IV перед введением воевод разослал указ, которым предоставлялось городам и уездам управляться са-

ним через своих выборных «излюбленных» судей или голов, иногда называвшихся старостами и губными старостами, помимо наместников. Излюбленные головы и губные старосты имели одинаковую власть с наместниками и воеводами, но они не получали ни кормов, ни жалованья от государя, а как и воеводы, собирали наместничьи кормы и в форме оброка с области отсылали в государеву казну. По этому указу во многих городах и уездах, действительно, появились излюбленные головы и судьи, но так как Иван Васильевич не настаивал на этом особенно, а сами области не находили для себя ни выгодным, ни особенно удобным управляться самим, то поэтому предложение Ивана Васильевича и не имело полного успеха: им воспользовались не все области, одни из них управлялись сами, а другие по-прежнему через воевод, посылаемых государем. Попытка дать самоуправление областям повторилась и при царе Михаиле Федоровиче, который на третьем или четвертом году своего царствования издал также распоряжение, в котором предлагал волостям управляться самим, без воевод. Но и при Михаиле Федоровиче также не все волости управлялись сами. Главной причиной этого было то, что при самоуправлении волости, кроме содержания своим излюбленным старостам и судьям, должны были еще давать в казну воеводское жалованье; к тому же излюбленные головы и судьи часто были не лучше наместников или воевод. Таким образом, с половины XVI века управление областями было смешанное: одни из них управлялись своими выборными, а другие были подчинены наместникам или городским воеводам. Такой порядок областного управления существовал до конца XVII столетия; он был отменен уже Петром I.

Наместники и воеводы. Области Московского государства в административном отношении разделялись на несколько разрядов. Значительнейшие области, каковы Новгород Великий, Казань и Сибирь, а потом Белгородский полк, составляли высшую степень: они были как бы отделениями Разряда, в них посылалось иногда по двое и по трое воевод, преимущественно из бояр, и при воеводах всегда было по

двое дьяков и несколько подьячих. Наместники и воеводы всех этих областей имели вообще огромное значение. Как наместники пограничных областей они заведовали и дипломатической частью; так, они вели переговоры с Швецией, Персией, Хивой, Бухарой. Послы шведские принимались новгородским наместником и только в редких случаях, по особому распоряжению государя, приезжали в Москву, а равно и посольства к шведам по большей части отправлялись не от государя из Москвы, а из Новгорода от наместника. Вторую степень составляли города, в которых при воеводе всегда был дьяк и несколько подьячих. В городах третьего разряда при воеводе было по одному или по двое подьячих и, наконец, в городах четвертого разряда при воеводах не посылались подьячих. Воеводы посылались по городам из тех приказов, в ведении которых состояли города; так, например, в города, состоявшие в ведении Казанского Дворца, воеводы посылались из Казанского Дворца, в сибирские города воеводы посылались из Сибирского Приказа; а посему воеводы по управлению городами и областями были в прямом подчинении тому приказу, в ведомстве которого состоял город. В воеводы посылались исключительно служилые люди, начиная с бояр до дворян первой статьи; воеводство давалось обыкновенно на год, и по особой милости государя или по обстоятельствам и по просьбе жителей – на два года и на три. В города первой степени назначение воевод зависело, кажется, прямо от государя, в города же второй степени и особенно в города украинные, где нужно было отражать неприятелей, воеводы назначались Разрядным Приказом, в города же незначительные и где не предполагалось нападения от неприятелей, воеводы назначались или по челобитной самих служилых людей, или по просьбе жителей тех городов. Впрочем, каждое назначение в городские воеводы представлялось на утверждение государя.

При смене одного воеводы другим старый воевода сдавал все дела и все казенное имущество по описям и по книгам. Ежегодные отчеты воевод в приказы назывались сметны-

ми списками, а книги сдачи города одним воеводой другому носили название сдаточных описей или росписных списков; один экземпляр таких описей старый воевода отвозил в приказ, а другой экземпляр оставался у нового воеводы. Есть также известия, что новый воевода и сам извещал приказ о приеме города с описью, что им принято. Воевода, отправляясь на воеводство, получал из приказа подробный наказ, в котором прописывались воеводские обязанности общие и особенные, согласно с местными потребностями той области, куда отправлялся воевода. Особенности воеводские обязанности были чрезвычайно разнообразны, общие же для всех воевод, насколько можно судить по наказам, были следующие.

Первой и главной обязанностью наместника или воеводы был *суд и управа* над всеми жителями города и уезда, кроме тех, которые имели особые жалованные грамоты, освобождавшие их от наместничьего суда. Суд наместников по Судебнику производился не иначе, как в присутствии старост и выборных от города и уезда; в Судебнике прямо сказано: «...а без старосты и без целовальников наместником и волостелем не судити». В дополнительных статьях к Судебнику до издания самого Уложения, этот порядок нигде не был изменен; следовательно, старосты и целовальники присутствовали и на суде воевод. Наместники по Судебнику относительно права суда разделялись, главным образом, на две степени: на наместников с боярским судом и на наместников без боярского суда. Различие их состояло в том, что наместник с боярским судом мог окончательно решать более важные дела, которые не дозволялось решать наместнику без боярского суда; так, например, наместник без боярского суда не мог давать ни полных, ни докладных, ни беглых грамот на холопов. Да и наместники с боярским судом не все дела решали окончательно; так, например, отпускные холопам по Судебнику давались только в Москве, Новгороде и Пскове. Впрочем, по дополнительным статьям к Судебнику отпускные дозволялось давать и в других городах, где были наместники с боярским судом. Суду наместников подлежали сперва как гражданские, так и

уголовные дела; но когда были учреждены губные старосты, то уголовные дела перешли к ним; впрочем, в тех городах, где губных старост не было, эти дела по-прежнему подлежали суду наместников и воевод. В XVII веке и гражданские дела не все подлежали суду воевод; так, Котошихин пишет, что воеводы больших городов, при которых были дьяки, могли судить долговые дела ценой от 100 до 10,000 рублей, однако же в больших исках от 1,000 до 10,000 рублей они никого не могли обвинить без царского указа; в средних же и малых городах, куда отправлялись воеводы одни или с подьячими, они могли судить дела только до 20 рублей, а более ценные тяжбы должны были отсылать в Москву.

После судебных дел обязанность наместников и воевод составляли *дела полицейские*. Сюда относились: 1-е, надзор за казенными постройками и вообще за городскими строениями, за порядком в этом деле; 2-е, прокладка новых дорог и уничтожение прежних, а также надзор за исправным содержанием их, т.е. чтобы в надлежащих местах были мосты, перевозки и гати; 3-е, надзор за ямской гоньбою; 4-е, принятие мер против морового поветрия, т.е. устройство застав, оцепление зараженных мест и т.п.; 5-е, охранение городов от пожаров; 6-е, высший надзор за порядком и тишиной, чтобы не было бою, грабежа, корчмы, распутства, непозволенной игры и проч., чтобы не укрывались беглые; 7-е, воеводы обязаны были иметь надзор за правильным населением земель вверенной области, т.е. чтобы крестьяне не оставляли полей необработанными и не переходили с одной земли на другую не в узаконенные сроки; а с прикреплением крестьян к земле, воеводы выводили беглых крестьян на их старые места; в областях новозаселенных, особенно в Сибири и украинских городах, наместники и воеводы должны были ежегодно присылать в Москву ведомости, сколько распахано земли, сколько засеяно хлеба и сколько снято; 8-е, попечение о торговле: воевода обязан был смотреть, чтобы торговля производилась в узаконенных местах и в узаконенное время, чтобы не было контрабанды и чтобы меры и весы были исправны.

За полицейскими обязанностями воевод следовали *обязанности финансовые*. Сюда относились: надзор за сбором податей и пошлин и за отправлением повинностей, надзор за таможенным и кабацким управлением. Всем этим непосредственно заведовали общины через своих выборных людей – старост и целовальников, воевода же здесь был только главным высшим охранителем казенного интереса, он помогал выборным начальникам на ослушников, а также наблюдал, чтобы и выборные начальники не делали ущерба казне. Но главное дело воеводы в финансовых распорядках состояло в управлении казенными оброчными статьями и промыслами; все оброчные статьи и казенные промыслы были в непосредственном ведении воевод, куда общинные выборные начальники нисколько не вмешивались.

Наконец, в ведении воеводы состояли все *служилые люди*, живущие в городе и уезде; он вел им подробные списки: сколько за кем имения, сколько кто получает жалованья и как кто исправен является на службу; он делал служилым людям смотры и отправлял их на службу по первому требованию из Разряда; на его главной ответственности были все городские укрепления, крепостные пушки и разные военные и съестные казенные запасы; он их принимал и сдавал по описи. А в украинских городах на воеводе лежали защита границ и отражение неприятельских набегов, высылка разъездных станиц и сторожей в степи, исправность засек и засечных крепостей. Воевода же должен прибирать приборных служилых людей, устраивать их землями и дворами и выдавать им оружие.

Наместник или воевода имел приказную или съезжую избу, в которой производились все дела по управлению областью; здесь хранились все государевы грамоты, приходные и расходные книги и росписи разных податей и сборов. В приказной избе воевода принимал челобитные и производил суд; здесь же хранилась собираемая с области государева казна. Приказная изба, смотря по значительности города, а также и по большей или меньшей власти воеводы, разделялась на столы, которые состояли в ведении подьячих. Кроме подьячих в

приказной избе были пристава или недельщики, рассыльщики и сторожа, которые приводили в исполнение приказания воеводы. В приказной же избе хранилась государева печать; она хранилась в особом ящике за печатью воеводы. Но впрочем, государева печать, кажется, была только в значительных городах, в городах же низших степеней воеводы все бумаги печатали своей печатью.

Дьяки были не во всех городах, а только в главных; они были товарищами наместников или воевод. Главная их обязанность состояла в надзоре за сбором податей и пошлин и исправным ведением приходных и расходных книг, а также в составлении ежегодных отчетов, посылаемых в Разряд или Приказ; вообще дьяк заведовал всей письменной частью по управлению и ему были подчинены все подьячие, служившие в одном с ним городе. Впрочем, обязанности дьяка не ограничивались одним надзором за письмоводством, но он имел право делать и отдельные распоряжения по некоторым частям управления, независимо от наместника или воеводы; так, например, он был главным начальником по сбору казенных податей. Так как дьяки имели большое влияние на областное управление и к ним стекалось огромное число дел, то поэтому срок их службы был гораздо продолжительнее службы наместников и воевод, так что дьяк в одном и том же городе служил несколько воеводских и наместничьих перемен; при том же дьяки большей частью посылались в города из того же приказа, в ведении которого состояли эти города; так, например, в сибирские города дьяками посылались служащие из Сибирского Приказа, в украинские города – из Разрядного Приказа и т.д., стало быть, дьяки обыкновенно знали лучше потребности городов, в которых они служили, чем сами наместники. Дьяк был собственно товарищем наместника, и его имя во всех официальных грамотах писалось рядом с именем наместника. То же значение и даже обязанности имели и подьячие в тех городах, где дьяков не полагалось.

Кроме дьяков при наместниках или воеводах были: тиуны, доводчики и праяетки. Это были чиновники, имевшие

только исполнительную обязанность. При наместниках это были *наместничьи люди*, назначаемые самим же наместником и ответственные перед ним одним; но когда наместники были заменены воеводами, то это были «*приказные*», т.е. люди, состоящие на государственной службе. Число их в разных областях было различно, смотря по величине области.

Должность тиуна при наместнике состояла в первоначальном производстве судебных дел; тиун первый делал разбор челобитных, допрашивал тяжущихся и их свидетелей, отбирал крепостные акты и другие бумаги, представляемые тяжущимся в подтверждение своих прав на иск, записывал показания тяжущихся и их свидетелей в судный список и туда же вносил копии с представляемых крепостей и других грамот, и список этот за своей печатью представлял наместнику или дьяку, если он был при наместнике, причем приводил к нему и самих тяжущихся. Тиуны жили или в городах при наместниках для разбора городских дел, или же рассылались по станам и волостям для разбора дел уездных. Наместник не мог сменить тиуна до истечения годовичного срока. Это было установлено для того, чтобы жители не обязывались в течение одного года давать по нескольку раз кормы тиуну. Таким образом, тиуны были собственно судебные чиновники при наместниках или воеводах.

Доводчики распределялись наместником по волостям и станам уезда и наместники или воеводы до истечения годовичного срока не могли сменять их. Доводчики ведали те станы и волости, которые им были поручены, переезжать же из стана в стан они не имели права. Должность доводчика была судно-полицейской; он, во-первых, обязывался по судным вызовам представлять в суд тяжущихся или брать с них поруки о явке в суд; во-вторых, на нем лежала обязанность брать подсудимых под арест; в-третьих, он производил следствие в тех случаях, ежели где поднимут мертвого; ему же представляли воров и разбойников для препровождения их в суд, в-четвертых, имел надзор за тем, чтобы жители в его стане или волости не корчемствовали, не играли в азартные игры, не держали у себя

беглых холопей и неведомых людей, не давали пристанища разбойникам и татям и не держали развратных женщин.

Праветчиками назывались состоявшие при наместниках или воеводах полицейские служители. Их посылали наместники или воеводы для сбора недоимок, для взыскания штрафов по судебным притворам и вообще по всем делам, по которым производились денежные взыски. При взысканиях праветчики брали виновных на поруки, а тех, кто не мог представить ни денег, ни поручителей, держали под арестом и каждодневно приводили к судейскому дому для правежа посредством битья палками по пяткам и икрам. По тогдашним законам правеж продолжался не больше месяца, после чего для уплаты по взысканию продавалось имение виновного.

Кроме наместников или воевод в областях были еще чиновники, присылаемые государем для управления, с властью почти равной власти наместников. Это были следующие чиновники: *волостели*, т.е. начальники волостей, *становщики* – начальники станов, *слободчики* – начальники слобод, и *посельщики* – начальники сел, принадлежавших государю, или так называемых подклетных или дворцовых. Они чинили суд и управу в своих ведомствах, но, как и наместники, не иначе как в присутствии выборных сотских, старост и целовальников и притом не имели права судить по уголовным делам, так как суд уголовных дел по всему уезду принадлежал наместнику, а с изданием Разбойного устава – губным старостам. На какую сумму они могли судить по гражданским делам, на это нет никаких указаний. Они также имели надзор за сбором податей и вообще имели те же права и обязанности в своих ведомствах, которые принадлежали наместнику в целом уезде, за исключением управления служилыми людьми и суда по уголовным делам, и так же, как и наместники, пользовались определенными кормами. По замене наместников воеводами, волостели, становщики и пр. были также заменены *приказчиками*. Впрочем, разница между ними и приказчиками была только та, что волостели и пр. получали кормы, а приказчики – жалованье; размер же власти тех и других был одинаков.

Кроме того, были еще следующие чиновники, присылаемые в города государем, смотря по надобности: *осадные головы, засечные головы*, – это были чиновники в пограничных крепостях. Засечные головы смотрели за укреплением границ, т.е. за устройством засек, сторожевых будок и т.п.; осадный же голова был не кто иной, как комендант крепости, *стрелецкие головы, казачьи, пушкарские, объезжие*¹, *житничьи, ямские и острожные* головы, т.е. начальники внутренних крепостей.

Лица, служившие по выбору от земщины. По общему порядку, существовавшему на Руси в течение всего предыдущего и настоящего периодов, рядом с государевыми служилыми людьми во всех обществах, как городских, так и сельских, были еще чиновники, выборные от земщины, так что в параллель каждому из государевых людей непременно был выборный от земщины и ни один из чиновников государя не мог ничего сделать по службе без участия параллельного ему чиновника от земщины. В параллель наместнику или воеводе общество выбирало так называемого *городового приказчика*. Как наместник имел приказную избу или съезжую, так и городской приказчик имел свою земскую избу, где он производил вместе с сотскими, десятскими, старостами и целовальниками все дела по управлению городом. Должность городского приказчика была, очевидно, установлена для предупреждения своевольтства и притеснений от наместников или воевод и их чиновников. Они выбирались от общества всех жителей данной области, от служилых людей, от купцов и крестьян и были защитниками народа и охранителями его прав. По свидетельству Судебника, наместничьи люди не могли никого

¹ Обязанностью объезжих голов было запечатывать и распечатывать печи в домах. В прежнее время в городах употреблялась следующая предохранительная мера против пожаров: при наступлении весны наместник или воевода делал распоряжения, чтобы топка печей в городских домах была прекращена; для этого рассылались по городу объезжие головы, которые запечатывали все печи, а для варки кушанья отводили особые безопасные места. В случае же перемены погоды или если в каком-либо доме были больные или старые, то топить печь можно было только с разрешения наместника. Осенью объезжие головы опять распечатывали печи.

взять под стражу или заковать в цепи ни до суда, ни после суда, не заявив этого городовому приказчику и его товарищам, в противном же случае они освобождали взятого из-под стражи и взыскивали на наместничьих людей бесчестье, смотря по званию обиженного. Городовые приказчики смотрели: 1) чтобы воеводские люди не притесняли жителей при нарядах к городовым и другим казенным работам; 2) чтобы торговля производилась на узаконенных местах, чтобы никто в ущерб городской торговле не заводил торгов по селам и деревням без государевой жалованной грамоты; 3) чтобы в сборе податей и отправлении повинностей соблюдался порядок, согласный с общинной раскладкой и чтобы никто не был обижен в раскладке или сборе, а поэтому им было предоставлено решение всех споров в земских и податных делах; 4) к ним городские старосты, сотские и десятские должны были представлять всех пришлых и подозрительных людей, которые окажутся в той или другой городской общине; 5) наконец, они наблюдали за целостью общественных имуществ и защищали их от наместников или воевод и их людей. В городах было по двое городских приказчиков и по одному, но были города и без них. Когда и кем учреждена должность городских приказчиков – неизвестно; первое известие о них относится к 1521 году. Так как городовые приказчики встречаются не во всех городах, то надобно думать, что они назначались только на время, по особенным нуждам, например, по жалобе жителей на наместника и т.п. В городах пограничных, в которых население было преимущественно военное, городских приказчиков не было вовсе.

Кроме городских приказчиков от земщины были еще выборные старосты. Их было несколько разрядов. К первому из этих разрядов принадлежал *земский староста*. Он был в тех городах, которые не имели городских приказчиков, и имел то же значение, какое они; все земские городские дела он производил в своей земской избе. Далее в городах были еще: *старосты торговые*, *старосты таможенные* (в больших городах этими старостами были не выборные из мест-

ных жителей, а присылаемые из Москвы, преимущественно из класса гостей), *кабацкие старосты*, которые наблюдали за продажей вина, если общество торговало им само, а не отдавало его на откуп, и *старосты при суде*, которые заседали на наместничьем суде. Все эти старосты были только в городах, а в волостях были *дворские* и *сотские*. Далее в некоторых городах были еще *губные старосты*. Губной староста был выборный судья по уголовным делам, общий для целого уезда. Обыкновенно они выбирались из дворян первой статьи. Эта должность была учреждена Иваном Васильевичем IV, около 1566 года. В этом учреждении Иван Васильевич только возобновил старый порядок. Припомним, что еще по Русской Правде ведение уголовных дел было отчасти предоставлено самим обществам, которые или выдавали уголовного преступника наместнику, или же платили за него виру. Впоследствии, во второй половине второго периода, уголовные дела как-то смешались с гражданскими и перешли к наместнику; но это было, кажется, не везде, по крайней мере при Иване Васильевиче III и Василии Ивановиче мы не встречаем известия о губных старостах. Стало быть, в их время в некоторых местах были уголовные судьи, отдельные от гражданских. В помощники к губным старостам выбирались: *целовальники*, *земские дьяки*, *сотские*, *пятидесятские* и *десятские*. Это были собственно полицейские чиновники, выборные от общества; они были при старостах всех разрядов, как в городах, так и в уездах. Они имели прямой непосредственный надзор за своими общинами, вели книги жителей своих общин, наблюдали, чтобы среди них не было лихих людей – татей и разбойников, делали своими общественными окладными людьми раскладки и разметы для платежа податей и отправления повинностей, защищали интересы своих общин, участвовали в суде, и без их ведома нельзя было ни взять под арест, ни наказать члена общины.

Царь Иван Васильевич думал было совершенно отменить наместников и волостелей; поэтому в 1555 году он издал указ или уложение, которым суд и управа в областях

предоставлялась излюбленным головам и старостам и земским дьякам, избираемым самими жителями, с тем только условием, чтобы утверждение этих выборных зависело от государя и чтобы все доходы, собираемые на содержание наместников и волостелей, присылались в государеву казну. Но это узаконение Ивана Васильевича не имело полного успеха, далеко не все области воспользовались им. Вследствие этого Иван Васильевич предоставил на волю областных жителей – управляться ли самим через своих излюбленных голов и старост или через наместников, присылаемых государем. Этот же порядок существовал и после Ивана Васильевича. До нас дошла официальная роспись городов и уездов, которые при Федоре Ивановиче и Борисе Федоровиче Годунове управлялись излюбленными головами и старостами, и таких городов по росписи насчитывается 32, среди них: Владимир, Ярославль, Суздаль, Муром, Коломна и другие значительные города. От времен Михайла Федоровича до нас дошло несколько челобитных, из которых в одних жители просили государя прислать им наместников или воевод, а в других – позволить управляться излюбленными головами и старостами. При этом жители не только сами выбирали своих голов и старост, но и указывали государю, кого именно они хотят к себе в воеводы. Так, в 1631 году угличане били челом государю отставить губного старосту Павла Ракова и прислать к ним воеводой бежечанина Игнатия Мономахова, и государь дал указ Ракова отставить, а Мономахова послать в Углич воеводой; или в 1644 г. кашинцы просили прислать к ним в воеводы московского дворянина Дементия Лазарева. Иногда управление городом делилось между губным старостой и воеводой, т.е. губной староста ведал татевные, разбойные и душегубные дела, а воевода заведовал остальными делами; иногда же все дела по городу и уезду поручались одному воеводе, а иногда всеми делами заведовал выборный губной староста, т.е. имел на своей ответственности и укрепление города, и служилых людей, и сбор податей, и суд и расправу во всех делах.

ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ ТРЕТЬЕГО ПЕРИОДА

Судебник 1497 г. Первая его половина — судоустройство и судопроизводство. Виды суда. Формы суда. О вызове в суд и судебных сроках. Судебные доказательства. Порядок суда по уголовным делам. Вторая половина Судебника — гражданское право. О купле. О займах. О крестьянском отказе. О поземельном владении. О холопах. О наследстве. Судебник 1550 г. Первая половина: виды суда, судебные доказательства, решения некоторых случаев иска, вызов в суд, порядок судопроизводства, суд по уголовным делам. Вторая половина: узаконения о купле, о займах, о крестьянском выходе или отказе, о поземельном владении, о холопстве и о наследстве. Стоглав: о святительском суде и управлении, о поповских старостах, о священниках и причте, о монастырях, о монастырских и церковных имениях, о писании святых икон и книг, об училищах, о благотворительности, о праздниках, о суевериях. Устав о разбойных и татевных делах. Указ о прикреплении крестьян к земле. Указ о холопах. Узаконения о вотчинах и поместьях. Узаконения относительно порядка государственной службы. Узаконения о полицейских мерах. Узаконения о взыскании долгов. Узаконения о судопроизводстве

Судебник 1497 года. Судебник Ивана III имеет иной характер, чем все предшествующие памятники, поэтому с него и начинается новый период истории законодательства. Главная задача его состоит в том, чтобы сообщить всем судам определенную и однообразную форму и централизовать их. В нем хотя и стоит на первом плане разделение суда на разные виды, как это было и в прежних законодательных памятниках, но эти суды служат представителями централизации и тяготеют к одному главному суду; они не стоят каждый особняком, а составляют высшие и низшие инстанции одного и того же суда, из коих последние подчинены первым, а первые или высшие — верховному суду великого князя.

По Судебнику суд для всех жителей Московского государства был равен и одинаков; по нему все были в ведении одного суда: бояре, купцы, крестьяне, служилые и неслужилые люди, и никому не было привилегии в суде. Главная задача Судебника состоит в устройстве суда и сообщении ему большего однообразия, согласно с основными началами централизации. Собственно же юридических верований и воззрений русского народа Судебник не изменяет, а оставляет их такими, какими они были в Русской Правде и других памятниках прежнего времени; важных новых законов Судебник в себе не содержит, поэтому одновременно с ним во многих местностях России имела силу Русская Правда и разные уставные грамоты. Впрочем, Судебник содержит и некоторые новые узаконения, выработанные современной ему жизнью; но эти узаконения служат только дополнением и дальнейшим развитием начал, высказанных в прежних памятниках, притом же число этих новых узаконений в Судебнике весьма незначительно, и они не имеют большой важности. Согласно с содержанием Судебника его можно разделить на 2 половины: в первой из них говорится о порядке суда, а во второй содержатся различные новые узаконения, которых или вовсе нет в Русской Правде, или которые подверглись здесь значительным изменениям.

Первая половина Судебника 1497года подразделяется на 5 отделов.

I. О судеустройстве и судопроизводстве. Судебник 1497 г. делит суд на следующие виды: а) суд великого князя. б) суд боярский. в) **наместничий или волостельский** и г) **свя- тительский**. Из этих видов суда только четвертый представляет отдельный, независимый суд, которому было подчинено все духовенство и все лица церковного ведомства; прочие же три вида суда суть не что иное, как степени или инстанции одного и того же суда. Из них низшей степенью был наместничий суд, средней – боярский, а высшей – великокняжеский; а посему главное различие этих судов заключалось не в роде дел, подлежавших им, а в составе суда и в количестве судных пошлин.

А. *Наместничий или волостельский суд* состоял из наместника в городах или волостеля в уездах как представителей правительственной власти на суде и дворского или старосты и лучших людей как представителей общества. По Судебнику ни наместник, ни волостель без дворского, старосты и лучших людей не могли судить. Далее, к составу наместничьего суда принадлежали: тиун, на котором лежало начальное производство судебного дела, и дьяк, который занимался письмоводством.

Судебные пошлины от наместничьего суда по Судебнику делились на три разряда: 1) *Пошлины от иска*. В судебнике сказано, что от иска наместник и его тиун получали против истцова, т.е. столько, сколько получит истец, если он будет оправдан, если же истец будет обвинен, то наместнику шло по 2 алтына с искового рубля, а тиуну по 8 денег. 2) *Пошлины от судебного поединка*. Ежели суд назначит поединок, а тяжущиеся помирятся, не бившись, то наместнику и тиуну взять половину против истцова, а ежели побьются, то наместнику и тиуну взять против истцова. 3) *Пошлины от правых грамот, от холопних правых грамот и отпускных*. От правой грамоты наместнику с тиуном от печати с рубля $2\frac{1}{2}$ алтына, а дьяку за письмо с рубля 3 деньги. От холопией правой грамоты наместнику с тиуном от печати $2\frac{1}{2}$ алтына с головы, а дьяку за письмо 3 деньги с головы. Те же пошлины полагались и при явке холопией отпускнуой и купчей на холопа.

В. *Боярский суд* состоял из боярина или окольного и дьяка; представители же от земщины здесь были те же, какие и на наместничьем суде, потому что суд боярский был только высшей инстанцией наместничьего суда. Пошлины на боярском суде были также трех видов: 1) *Пошлины от иска*. Боярину полагалось по 2 алтына с рубля, а дьяку по 8 денег «с виноватого» без различия – будет ли это истец или ответчик. 2) *Пошлины от судебного поединка*. Здесь по Судебнику принимались три разные момента: а) ежели тяжущиеся помирятся, не выходя на поле, то пошлины прежние, т.е. боярину 2 алтына, а дьяку 8 денег; б) ежели они помирятся, выйдя на

поле, то в таком случае к прежним пошлинам прибавляются еще полевые пошлыны, именно: окольниковому, который должен присутствовать при поединке, с рубля четверть, или 50 денег, дьяку 4 алтына с деньгой и недельщику четверть или 50 денег с рубля и сверх того вязчего 2 алтына; в) а ежели тяжущиеся, выйдя на поле, вступят в бой, то в иск по заемному делу или по драке боярину с дьяком взять от суда на побежденном прежние пошлыны (т.е. боярину 2 алтына, а дьяку 8 денег с рубля), а собственно полевых денег окольниковому взять полтину с рубля, дьяку 50 денег и недельщику полтину, а вязчего 4 алтына; а ежели иск был в разбое, душегубстве, поджоге или татьбе, то на побежденном поправлялось: окольниковому полтина от рубля, да доспех, т.е. оружие побежденного, а недельщику и дьяку прежние пошлыны; равным образом и боярину с дьяком за производство дела пошлыны прежние 3) *Пошлыны от грамот*. А) От правой грамоты: боярину от печати по 9 денег с рубля, дьяку от подписи 1 алтын, подьячому от письма 3 деньги с рубля; б) от докладного списка: боярину за печать с рубля по алтыну, дьяку за подпись по 4 деньги с рубля, подьячому за письмо по 2 деньги с рубля; в) от холопшей правой грамоты и отпусковой: боярину от печати 9 денег с головы, дьяку за подпись алтын, подьячому за письмо 3 деньги.

С. *Суд великого князя*. На этом суде присутствовал или сам великий князь, или его сын, или боярин, которого назначал великий князь; кроме того, на этом суде были еще: дьяк и подьячий, а при выдаче правых грамот и других – печатник. Судебные пошлыны в этом суде были те же, какие и в боярском, исключая пошлыны от докладного списка, именно: дьяку с рубля по алтыну и 2 деньги с рубля подьячому; а за печать с рубля 9 денег.

II. Формы суда. По Судебнику грамоты, выдаваемые судом, были следующие: 1) *Правая грамота*. Так называлась копия с окончательного решения суда, по которому одна сторона признавалась оправданной, а другая виноватой. Правая грамота состояла собственно из трех частей, из коих в первой части прописывался весь ход судебного дела и все судебные

доказательства, представленные в суде: грамоты, акты, показание свидетелей и пр.; во второй заключался судебный приговор; в третьей – исполнение судебного решения. В исках о владении она выдавалась как документ на право владения и в случае вторичных споров представлялась на суд как доказательство. К правой грамоте прикладывалась печать великого князя или боярина, или наместника, смотря по тому, чьим судом решалось дело; она подписывалась дьяком, бывшим на суде, а писалась подьячим. В правой грамоте прописывались также имена судей от правительства и от общества, участвовавших в суде. 2) *Докладные списки*. Они по форме были одинаковы с правыми грамотами, только в них не прописывалось исполнение судебного решения, а только ход судебного дела и судебный приговор; они выдавались собственно для приведения решения суда в исполнение. К докладному списку прикладывалась печать судьи, решавшего дело, и сверх того он утверждался подписью дьяка, бывшего на суде. 3) *Судные списки*. Так назывались те бумаги, в которых прописывалось судебное дело в том порядке, в каком оно производилось, со всеми допросами и показаниями тяжущихся и их свидетелей. Это была, собственно, записка тиуна, представляемая судье, по которой он и решал дело. Судный список обыкновенно прописывался в начале докладных и правых грамот. 4) *Холопьи правые грамоты и отпускные*. Они выдавались холопам, которые по суду признавались свободными. Грамоты эти по Судебнику утверждались печатью судьи и подписью дьяка, и вообще они имели одинаковую форму с другими правыми грамотами, только выдавать их могли те из наместников, которые имели право боярского суда, или те бояре в Москве, которые заведовали холопьем судом. Отпускные по Судебнику признавались действительными только в том случае, если были написаны рукой господина, отпускавшего холопа. 5) *Бессудные грамоты*. Они были одинаковы с правыми грамотами и докладными списками и имели ту же силу, но выдавались они только одной стороне, и притом тогда, когда не было суда вследствие неявки в суд одной из тяжущихся сторон; грамо-

ты эти выдавались дьякам без доклада судье, таким образом, дьяк, рассмотрев срочные грамоты, представленные явившейся стороной, и прождав другую сторону семь дней после срока, на восьмой день выдавал бессудную грамоту за своей подписью и за печатью судьи. 6) *Срочные*. Так назывались те судебные бумаги, которые выдавались тяжущимся для явки в назначенный срок на суд. По Судебнику они делились на два вида: *на срочные простые и срочные отписные*. Простыми срочными назывались те, в которых назначался первый срок для явки в суд, а отписными те, в которых по просьбе тяжущихся им назначалась отсрочка для явки в суд. По Судебнику те и другие срочные выдавались дьяком за его подписью и со взятием определенной пошлины. 7) *Приставные*. Так назывались те грамоты, которые выдавались судом недельщикам или приставам для вызова в суд тяжущихся. По Судебнику приставная подписывалась дьяком и выдавалась иногда одна по нескольким делам, ежели вызываемые жили в одном городе.

III. О вызове в суд в судебных сроках. Для вызова в суд на великокняжеском и боярском суде посылались недельщики, а на наместничьем доводчики или пристава. По Судебнику вызов в суд производился следующим порядком: во-первых, истец подавал в суд челобитную, в которой прописывал, чего стоит его иск, и просил выдать приставную память для вызова в суд ответчика. Такая челобитная принималась дьяком, который вместе с недельщиком рассматривал, стоит ли иск тех издержек, которые потребуются для вызова в суд ответчика. (Для определения этой стоимости недельщик имел таксу, в которой было расписано, сколько потребуется издержек для вызова в суд ответчика из того или другого места). Если оказывалось, что предъявленный иск стоит издержек по вызову, то дьяк подписывал приставную грамоту, за что и получал определенную пошлину – и отдавал ее недельщику; а если иск оказывался не стоящим издержек, то приставная не выдавалась и суд отвергал этот иск. Во-вторых, по получении приставной грамоты недельщик или сам отправлялся за ответчиком, или посылал за ним своего помощника. Приехав

в город или волость, прописанные в приставной, недельщик или его помощник должен был представить приставную наместнику или волостелю, а те передать ее местному доводчику, который и приводил недельщика к ответчику. Ответчик по прочтении приставной должен был дать недельщику поручную запись, что он явится на суд в срок. Если же он не мог дать поручной записи, то недельщик арестовывал его и держал у себя до времени производства суда.

Судебные сроки. Тяжущиеся могли отложить срок суда на определенное время; для этого им выдавалась *срочная память*. По Судебнику дозволялось три срока для явки в суд, с теми условиями только, чтобы требующие срока вносили за это определенную плату. Кроме того, тяжущимся дозволялось вместо себя присылать в суд поверенных. Если кто из тяжущихся не являлся в суд в назначенный срок, то на него выдавалась *бессудная грамота*. Впрочем, эта грамота выдавалась не прежде, как по истечении 7 дней, на 8 день после срока. Все судебные издержки и пошлины доправлялись на виноватом, хотя первоначально, например, для вызова ответчика платил тот, кто начал иск.

IV. О судебных доказательствах. По Судебнику судебными доказательствами признавались: 1) *Письменные документы*. Относительно этих доказательств мы знаем только, что они признавались на суде, но какие именно документы признавались доказательствами, что требовалось для удостоверения в их подлинности, этого Судебник не определяет; он, вероятно, предоставляет решать это самим судьям. 2) *Показания свидетелей*. От свидетелей Судебник требует, чтобы они были очевидцами и говорили правду, а иначе они платили иск истцу и все издержки по суду. По вызову в суд свидетели немедленно должны являться, не разбирая, могут или не могут они свидетельствовать; в противном же случае с них взыскивались все убытки истца и все пошлины и издержки по суду. По Судебнику показание свидетелей имело такую силу, что если оно не подтверждало показаний истца, то он терял иск. Они даже имели право требовать для подтверждения

своих показаний судебного поединка с другим свидетелем, с истцом или ответчиком. 3) *Крестное целование*. Но Судебнику оно допускалось только в случае спора между русскими и чужеземцами, причем предоставлялось на волю ответчика, самому ли целовать крест или предоставить это истцу. Между русскими крестное целование допускалось только тогда, когда не было других судебных доказательств или когда истец или ответчик отвергали показания свидетелей противной стороны. 4) *Поле или судебный поединок*. Судебный поединок должен был совершаться при окольном и дьяке, которые, приехав на поле, должны были спросить у бойцов, кто у них стряпчие или поручники, и приказывали этим лицам присутствовать при поединке, но никакого оружия при себе не держать; людей посторонних окольных и дьяк должны были удалять, а в случае сопротивления отдавать их в тюрьму. Судебник допускает поединок не только между истцом и ответчиком, но и между их свидетелями. Если истцом или ответчиком был малолетний или старый, женщина, поп, чернец или черница, то им дозволялось нанимать за себя бойцов, но в таком случае и противная сторона могла также представить за себя наемного бойца. Свидетель не имел права поставить за себя бойца, но точно так же если свидетелем был старый, больной, увечный, малолетний и проч., то им дозволялось выставить на поединок вместо себя наймитов, но их наймиты предварительно обязаны были целовать крест; в таком случае и противная сторона могла выставить наемного бойца.

V. О порядке суда по уголовным делам. Этот суд по Судебнику принимает новый характер или, по крайней мере, новую форму. Судебник в делах по татьбе, разбою, душегубству, ябедничеству и другим преступлениям представляет совершенно новый, не известный прежде взгляд на преследование уголовных преступников. Он назначает наказание не по качеству самого преступления, а по степени виновности преступника, т.е. смотря по тому, первый или не первый раз участвует в преступлении преступник. Для дознания этого по Судебнику употреблялся повальный обыск. Если по по-

вальному обыску оказывалось, что уличаемый в преступлении «лихой человек», т.е. что он уже несколько раз попадался в преступлении, то какое бы преступление он ни совершил, хотя бы его уличали в самой незначительной краже, его казнили за это смертной казнью, наравне с головником, разбойником, поджигателем и церковным татем. В Судебнике сказано: «а будет ведомый лихой человек, и того велети казнити смертною казнию». Но если кто в первый раз был уличаем в краже, но не церковной, то его по Судебнику должно было казнить только торговой казнью (бить кнутом), а имение его продать для удовлетворения истца и для уплаты пошлины судье; если же у него нет имения, то его самого выдать истцу головою на продажу. Судебник оказывает такое доверие к общественному мнению, что и без поличного и без суда предписывает обвиняемому в краже платить все то, что на нем будет искать истец, ежели 5 или 6 человек «добрых людей» под крестным целованием назовут его вором; а если бы тот был пойман с поличным, то хотя бы он попался и в первый раз, но если 5 или 6 добрых людей под крестным целованием называли его лихим человеком, то по Судебнику обвиняемый приговаривался к смертной казни. Так же сильно высказывается в Судебнике доверие к общественному мнению и в случае татевных оговоров; так, ежели бы вор на суде кого оговорил своим соучастником, то такого только тогда дозволялось приводить в суд и подвергать пытке, когда общество отзывалось о нем как о человеке подозрительном, а если общество давало о нем хороший отзыв, то он отдавался на поруки.

Вторая половина Судебника 1497 года заключает в себе узаконения частного гражданского права, а именно; 1) о купле, 2) о займах, 3) о крестьянском выходе или отказе, 4) о поземельном владении, 5) о холопстве и 6) о наследстве.

О купле. Относительно купли Судебник говорит, что ежели кто купит на торгу что-нибудь новое, кроме лошади, то для него достаточно представить двух или трех свидетелей, при которых купил, чтобы очистить себя и оправдаться перед теми, кто стал бы называть покупку своей собствен-

ностью. Столько же свидетелей достаточно и в таком случае, если бы кто купил что «на чужой земле», т.е. в другом городе. А ежели бы кто не мог представить 2-х или 3-х свидетелей, то он в случае иска очищался присягой и освобождался от иска. Впрочем, для покупки лошадей Судебник указывает иной порядок, именно, по Судебнику лошадь должна покупаться при пятенщике, пятнившем ее и записывавшем в книгу с подробным обозначением примет ее, купивший же лошадь не при пятенщике мог лишиться ее в случае иска.

II. О займах. Судебник, кажется, оставляет неприкосновенными все прежние узаконения о займах; он обращает внимание только на один случай, именно, на случай несостоятельности между купцами. Судебник так же, как и Русская Правда, делит несостоятельных купцов на *несчастливых* и *виноватых*. Но здесь Судебник вводит новое начало, не известное в Русской Правде, начало строгой администрации и судебных форм: он требует обысков для доказательства справедливости показаний несчастного должника. Если назвавший себя несчастным несостоятельным должником по обыску оказался действительно таким, то ему выдавалась великокняжеским дьяком *полетная грамота* за княжеской печатью, по которой он обязывался выплатить по срокам один только капитал без процентов; оказавшийся же несостоятельным по своей вине выдавался головой истцу на продажу.

III. О крестьянском отказе или о переходе крестьян от одного землевладельца к другому. Закон Судебника строго отличает крестьян от наймитов. Наймит, по Судебнику, поступал на службу к известному землевладельцу на срок или с условием определенных работ в пользу последнего, напротив, крестьянин садился на землю бессрочно; наймит, не исполнив условной работы или не дожив срока, лишался наемной платы; для крестьянина же закон назначает срок, когда он свободно мог оставить своего владельца или владелец мог сослать его – это за неделю до осеннего Юрьева дня и спустя неделю после Юрьева дня. По Судебнику крестьянин для свободного перехода от одного землевладельца к друго-

му должен был исполнить относительно его одно условие – заплатить ему за пожилое. Плата за пожилое в малолесных местах назначалась в 4 руб. за двор, а в лесистых – полтина, притом этот платеж был разделен на четыре доли, так что крестьянин, прожив один год, платит только один рубль или четверть двора, проживший два года – полдвора и т.д.

IV. О поземельном владении. В 1-й статье этого отдела Судебника говорится *об изгородях*. По Судебнику изгороди между селами и деревнями должно делать смежным владельцам пополам. А в случае если от худой изгороди случится какой убыток, то за это отвечает тот владелец, чья изгородь. В отхожих же лугах, между чужими пашнями, изгородь должен делать владелец пашни, а не тот, кому принадлежит луг. Во 2-й статье настоящего отдела говорится о *межах*. В Судебнике основанием для деления межей было принято право поземельного владения, поэтому межи в нем разделены на владельческие и общинные. За нарушение или порчу межей между разными владениями Судебник назначает торговую казнь, а за порчу межей в одном владении назначает только 2 алтына пени и сверх того взыскание за раны или побои, ежели бы портивший межу прибил при этом хозяина межи. В 3-й статье говорится о *земской давности*. Судебник вводит два рода земской давности – трехлетнюю и шестилетнюю. Трехлетняя давность полагается в исках по землям между вотчинниками (боярами и монастырями), между помещиками, которые владели казенными землями на поместном праве владения, и между крестьянскими общинами; т.е. в исках помещиков на помещиков и общин на общины и в исках между помещиками и общинами. А шестилетняя давность полагается только в исках на вотчинников, т.е. бояр и монастыри, черных или государевых земель.

V. О холопах. Узаконения Судебника о холопах почти одинаковы с подобными же узаконениями Русской Правды. По Судебнику признавались следующие три формы перехода из свободного состояния в холопство: 1) «по полной грамоте», т.е. когда кто сам продает себя в холопство; 2) по должности

сельского тиуна или ключника, будет ли то с доклада или без доклада наместнику с боярским судом. При этом жена с детьми принявшего должность тиуна или ключника признавались в холопстве только в том случае, если они жили при отце своем, а если они жили не при отце, а у кого-либо из своих родственников или сами по себе, то оставались свободными. Должность тиуна или ключника в городе не делала холопом того, кто принимал на себя эту должность; 3) женившийся на рабе или поступивший в чье-либо владение в приданое или по духовной также считался холопом. Холоп, взятый в плен татарами, если успевал бежать из плена, переставал быть холопом и делался свободным. Бежавшего холопа нельзя было взять без доклада наместнику с боярским судом и не взяв у него для этого беглой грамоты. Наместники же или волостели, не имевшие права боярского суда, не могли даже выдать бежавшего холопа его господину; а равно не могли выдать и беглой грамоты для отыскания бежавшего холопа. Это установлено было для того, чтобы дать возможность холопу избавиться от холопства бегством. В то время наместники с боярским судом были только в шести городах: в Москве, в Новгороде, в Пскове, в Твери, в Нижнем и в Рязани. Следовательно, беглый холоп всегда имел много времени, чтобы скрыться, прежде чем господин его мог начать розыски.

VI. О наследстве. Судебник признает два вида наследства: по закону и по завещанию. Для наследства по завещанию Судебник не полагает никаких правил, вероятно потому, что дела по завещаниям тогда подлежали суду святительскому, который обыкновенно руководился Кормчей или Номоканонном. Относительно же наследования по закону он принял совсем другие начала, чем те, какие мы видели в Русской Правде. Судебник предоставляет право наследования по закону, во-первых, сыновьям, во-вторых, если сыновей не было, – дочерям и, в-3-х, за неимением сыновей и дочерей наследовали другие родственники по степеням родства, кто ближе к умершему.

Судебник 1550 года или Царский Судебник. Судебник 1550 г., по словам самого царя Ивана Васильевича, пред-

ставляет «исправление прежнего Судебника, приноровленное к современным потребностям общества и к старым русским узаконениям, которые были опущены при издании прежнего Судебника»¹. В первом Судебнике заметно особое стремление к централизации и отчасти неуважение к старым порядкам суда и управы, новый же, хотя и не отрицает централизации, но в то же время обеспечивает и децентрализацию, т.е. местное управление, и относится с уважением к прежним порядкам. Кроме того, новый Судебник отличается строгостью наказаний за нарушение утвержденного порядка. Новые неотмененные узаконения прежнего Судебника царский Судебник развил с большей подробностью. – Судебник царя Ивана Васильевича так же, как и Судебник 1497 г., делится на две половины, из коих в первой говорится о порядке суда, а вторая заключает в себе узаконения по частному гражданскому праву.

Первая половина Судебника 1550 года.

I. Виды суда. По судебнику 1550 г. виды суда были те же, какие и по Судебнику 1497 г., т.е. 1) суд государя, 2) суд боярский, 3) суд наместничий и 4) святительский. Первые три вида суда царский Судебник так же, как и прежний, признает только разными инстанциями одного и того же суда; но в подробности развития этих судов вносится много нового. Так, не приступая еще к изложению самих судов, он заранее назначает наказания самим судьям за неправильный суд и за посулы. Наказания эти следующие: 1) Ежели отыщется вправду, что боярин и дьяк взяли посулы и обвинили не по суду, то на них доправить весь иск и все судебные пошлины втрое и сверх того пеню, какую назначит государь. 2) Ежели дьяк без ведома судьи, взяв посул, составит судный список или запишет дело не так, как было на суде, то на нем доправить вполовину против боярина и сверх того посадить его в тюрьму. 3) Если подьячий без судьи и без дьяка что-либо запишет не так, как нужно по суду, то подвергается за это торговой казни – битью кнутом.

¹ Эти слова заимствованы из 4-й главы правил Стоглавого собора, заключающей в себе речь царя Ивана Васильевича, произнесенную при открытии этого собора.

1) *Суд наместничий или волостельский.* По царскому Судебнику на суде наместника или волостеля должны были присутствовать земские выборные: дворский или староста, целовальники – лучшие люди. То же мы видим и в Судебнике 1497 года; но царский Судебник развивает гораздо подробнее начало участия общества в суде наместников или волостелей. Он требует: 1) чтобы все судные дела у наместников записывались земским дьяком, а дворский или староста прикладывали руки к этим судным спискам; с этих списков наместничий дьяк должен списывать копию слово в слово, а наместник к ней должен прикладывать свою печать. 2) Записку судного дела, писанную земским дьяком и подписанную дворским или старостой и целовальниками, наместник должен хранить у себя, а противень этой записки, писанный наместничьим дьяком и за печатью наместника, должен храниться у дворского или старосты и целовальников. 3) Хотя царский Судебник предоставляет наместникам и волостелям с их тиунами судить татей, душегубцев и всяких лихих людей, но без докладов в высший суд ни казнить их, ни сажать в тюрьму, ни отпускать не позволяет, а если они поступали против этого узаконения, то с них доправлялось вдвое против иска и их самих сажали в тюрьму. 4) Ежели в одном городе или волости будут два наместника или волостеля, то они должны судить вместе и делить кормы и судные пошлины пополам, но не должны брать двойных кормов и пошлин, иначе с них взыскивалось втрое. 5) Недовольные судом наместника или волостеля имели право жаловаться государю, который вызывал их в свой суд и судил, как простых ответчиков.

2) *Суд боярский.* По царскому Судебнику боярский суд был предоставлен боярам и окольным – членам Царской Думы, начальникам приказов, в ведомстве которых был тот или другой город. Кроме того, боярский суд предоставлялся некоторым наместникам, а также дворецким и казначеям, заведовавшим Дворцовым и Казенным приказами. На боярском суде были также дьяки и подьячие. Ежели боярин не давал суда жалобщику по его челобитной, то последний имел право жало-

ваться государю, который отсылал жалобщика назад к боярину с приказанием дать ему суд; а ежели и после этого боярин не давал суда, то подвергался государевой опале. Пошлины на боярском суде по Судебнику 1550 г. почти те же, какие и по прежнему, только прибавлено, что ежели кто возьмет лишние пошлины, на том доправить втрое.

3) *Царский суд*. Этот суд принадлежал самому государю или его сыну, или тому из приближенных государя, кого он назначал. В нем участвовали: дьяк, печатник и подьячий. Пошлины на царском суде оставлены прежние, только с небольшим изменением и прибавлением; так, от льготных, уставных и полетных и вообще жалованных, выдаваемых за красной печатью, дьяку назначено пошлин столько же, сколько и печатнику. Кроме того, выдача новых тарханных грамот царским Судебником отменялась, а прежние повелевалось отбирать у тех, кому они были даны¹.

4) *Суд святительский*. Относительно этого суда царский Судебник не вводит ничего нового, а оставляет его в прежнем положении и на прежних основаниях.

II. О судебных доказательствах. Судебные доказательства по царскому Судебнику были те же, какие и по Судебнику 1497 г., т.е. письменные документы, показания свидетелей, крестное целование и поле; только относительно свидетелей царский Судебник вводит новое узаконение, по которому если истец представит несколько свидетелей и одни из них скажут «в его речи», т.е. сходно с ним, а другие против его речей, то первые имеют право требовать поединка с последними. Сторона, побежденная на этом поединке, признавалась виновной и должна была (виноватый и его послухи) платить иск и все судебные пошлины. А если послухи не требовали поля, то платил только один виноватый, послухи же в платеже не уча-

¹ Тарханными назывались грамоты, освобождавшие от местного суда того, кому они выдавались, и подчинявшие его только суду самого государя. Они были введены в России татарскими ханами, которые выдавали их удельным князьям и боярам. Хотя по Судебнику царя Ивана Васильевича тарханные грамоты отменялись, но на самом деле они, кажется не были отменены, потому что о них еще говорится и в Уложении Алексея Михайловича.

ствовали. Если послух опослушествует ответчика, то последнему предоставлялось на волю – или стать с послухом на поле, или, став у поля – у креста, целовать крест, или и без целования отдать то, что на нем ищут – в таком случае ответчик не платит полевых пошлин.

III. Вслед за указанием о судебных доказательствах Судебник представляет *решение следующих случаев иска*:

1. Ежели кто будет искать на трех или четырех человек и в челобитной своей напишет еще несколько человек их товарищей, то суд должен судить только тех из неявившихся товарищей, за которых отвечают явившиеся, а за теми, за которых не отвечают, посылать пристава, и если они по получении приставной не являлись в суд, то на них выдавалась бессудная грамота (на те доли, в которых они судились). Но если один кто-нибудь из товарищей, получив срочную грамоту, в которой прописаны и другие его товарищи, не покажет ее товарищам, то в случае бессудной на их доли, закон предоставляет им искать на товарище, который не показал им срочной, 2. Ежели кто будет искать на наместничьих или волостельских людях, то суд не позволяет наместнику или волостелю за одних из своих людей отвечать, а за других не отвечать, а взыскивает весь иск и на тех людях, за которых наместник или волостель не отвечают. 3. Истцы в своих исках на людей наместника или волостеля не должны примешивать к ним городских или волостных людей; а если бы они в своих челобитных примешали бы кого-либо из них, то наместнику или волостелю предоставлялось на волю отвечать за них и не отвечать. Если наместник или волостель не захочет отвечать за не своих людей, то они судятся отдельно от наместничьих или волостельских людей. 4. Городские и волостные люди в своих исках на обиды и притеснения от наместника или волостеля и их людей должны подавать свои челобитные в продолжение того времени, пока те состоят на службе, по прошествии же срока их службы закон запрещает подавать на них жалобы. 5. Когда иск будет предъявлен по двум предметам, например – по бою и грабежу, и ежели ответчик в одном чем-нибудь повинится, а в другом

нет, то его и обвинять только в одном, а по другому должен производиться суд и правда, и крестное целование, но отнюдь не делать так, что если кто повинится в одном, то его обвинять и в другом. 6. В исках за бесчестье по суду царский Судебник назначает пени, судя по разным классам общества. Это делалось так: пеня служилым людям определялась их кормлением или государевым жалованьем, пеня дьякам палатным или дворцовым определялась особым государевым указом, пеня большим гостям – 50 руб., а торговым, посадским, средним и лучшим боярским людям (конечно, не рабам) 5 рублей; тиуну боярскому, доводчику и праветчику – против их окладного дохода; крестьянину пашенному и непашенному, боярскому человеку молодшему и городскому черному за бесчестье 1 рубль. А женам всех классов – вдвое против их мужей. За увечье пеня назначалась, смотря по увечью и по состоянию того, кто получил увечье. 7. В исках с чужеземцами царский Судебник так же, как и Судебник 1497 г., полагает одно доказательство – крестное целование. Но настоящий Судебник прибавляет еще следующее определение этого иска: «ежели искать будет чужеземец на русском или русский на чужеземце, то бросить им жребий кому целовать крест». 8. Когда истец и ответчик будут подведены разным судьям, то в таком случае по закону Судебника требуется только, чтобы истец взял сторожа у своего судьи и с ним шел к тому судье, которому подведом ответчик. Ответчиком судья решал иск, но пошлинами от этого иска он делился пополам с истцовым судьей. Это называлось *сметным* судом.

IV. О вызове в суд. Вызов в суд по правилам царского Судебника производился в том же порядке, как и по Судебнику 1497 г., т.е. через недельщиков и приставов, только старому порядку здесь дано больше определенности. По Судебнику 1497 года недельщики и пристава могли и не сами отвозить приставную к вызываемому, а послать с ней кого-нибудь из своих родственников или знакомых. Вследствие этого тогда было много злоупотреблений при вызове: лица, посылаемые недельщиками и приставами, как не ответственные перед

правительством, обыкновенно брали посулы с вызываемых, вызывали не тех, кого нужно и пр. Для прекращения этого в настоящем Судебнике изложены некоторые правила, обеспечивающие ответчиков от своеволия недельщиков и приставов. В виду этого царский Судебник узаконил следующий порядок вызова в суд: 1. Он запрещает недельщикам и приставам посылать за ответчиком своих родственников или знакомых и приказывает каждому недельщику образовать особую общину ездовых, которые бы обязывались ездить за него, когда он не может, и которые были бы записаны в особой книге у дьяка вслед за недельщиками. Поэтому каждый недельщик при наступлении его очередной недели должен был вместе со своими ездоками являться к дьяку, который, осмотрев их, записывал вместе с недельщиком в книгу. Такой порядок царский Судебник узаконил с той целью, чтобы недельщики, в случае каких-либо исков за притеснения при вызове ответчика, не могли запирались. 2. Для удобнейшего наблюдения за порядком при вызове царский Судебник узаконил, чтобы каждый недельщик имел не более 7 ездовых, которые бы находились в круговой поруке, и в случае исков на одном отвечали бы за него все, так же как и недельщик; сверх того виновный сажался в тюрьму. 3. Организовав общину недельщических ездовых, царский Судебник узаконил, чтобы не было ездовых незаписанных или, как тогда говорили, «не состоявших в заговоре» с каким-нибудь недельщиком. По новому закону каждый из таких ездовых наказывался торговой казнью за то только, что он назвался ездоком; а ежели при этом на нем будут искать за обиду или за обман, то, кроме торговой казни, он еще приговаривался без суда к уплате по всем искам. 4. Недельщики или ездоки приехав в город или волость, где жил вызываемый, должны представить свою приставную наместнику или волостелю и их тиунам; от наместника или волостеля давался им доводчик, через которого уже они и вызывали ответчика; при этом они брали с ответчика поручную запись в том, что он явится на суд в срок, и отвозили эту запись в тот суд, от которого были посланы.

Если же ответчик не мог или не хотел дать поручной записи о своей явке в суд, то в таком случае недельщик обязан был заковать его в цепи и держать под арестом до срока суда. Поэтому для ограждения ответчика от насилия недельщиков или ездовых царский Судебник требует, чтобы каждый недельщик арестовал ответчика не прежде, как объявив городским или волостным выборным людям, что такой-то вызывается в суд и что никто не ручается за своевременную явку его в суд; если и выборные также не поручались за ответчика, то тогда недельщик мог сковать и арестовать его. Но если бы недельщик или пристав арестовал ответчика без заявления выборным, то родственники или друзья ответчика имели право жаловаться на недельщика, и по этой жалобе арестованный освобождался, а недельщик или пристав приговаривался к уплате определенной пени за бесчестье ответчику, да сверх того, если бы при этом его обвиняли в каких-нибудь убытках, причиненных ответчику при вызове, то за эти убытки он обязан был заплатить вдвое. Организовав общины ездовых и оградив подсудимых от произвола недельщиков и приставов, царский Судебник оставляет неприкосновенными все прежние порядки вызова в суд: он оставил в прежней силе и три срока для явки в суд, и семь дней для отсрочки до выдачи бессудной грамоты, и присылку поверенных вместо самих тяжущихся, и прежнее количество пошлин, как дякам с подьячими за печать, так и приставам и недельщикам за езд и хождение, и только прибавил одно правило, что ежели недельщик будет вызывать несколько товарищей по одному делу, то он обязан объявить о вызове только одному из них, который уже обязывался объявлять и всем другим вызываемым. Наконец, 5. Царский Судебник узаконяет особые формы для вызова в суд наместников, волостелей и их тиунов и доводчиков. По этой форме они, во-первых, должны, так же как и все подсудимые, являться в суд сами или прислать своих поверенных в определенный срок; а если они не являлись в срок, то на них, как и на всех других ответчиков, выдавалась бессудная грамота. Во-вторых, приставная грамота на наместника, во-

лостеля, тиуна и доводчика получалась недельщиком не от боярина или дьяка, а от Боярской Думы, и притом срок для явки в суд им назначался «когда они съедут с жалованья», т.е. по окончании их службы.

V. О порядке судопроизводства. Царский Судебник, узаконив при вызове в суд такие меры, которые обеспечивали бы ответчиков от произвола судебных приставов и недельщиков, обеспечивает их и от произвола самих истцов, чтобы истцы не входили в суд с ложными жалобами, но чтобы жалобы их основывались на действительных фактах. Царский Судебник узаконяет, во-первых, чтобы каждый истец предъявлял только тот иск, который не превышает суммы имущества, находящегося в его владении. С этой целью было установлено, чтобы старосты, сотские и целовальники, которые производили раскладку податей и повинностей, ежегодно присылали в Москву в свои приказы разметные и др. данные книги за своей подписью, а другие такие же книги своих разметов передавали бы тем старостам и целовальникам своего города, которые сидят на суде у наместника. На основании этих книг судьи в делах по искам и должны были решать: давать суд истцу или отказать ему в суде. Если истец предъявлял иск на сумму, не превышавшую тот капитал, с которого он оплатил подати, то его иск признавался судом; но если истец предъявлял иск по сумме, превышавшей тот капитал, который он оплачивал податями, то судьи тем самым без суда обвиняли его и брали с него пеню, и за укрывательство государевых податей отсылали его в Москву к государю, взяв с него наперед поручную запись. На этих же основаниях производился суд и по искам городских жителей на наместника. Если кто-нибудь из городских жителей подавал жалобу на наместника, то суд прежде всего требовал разметные книги тех городских жителей; но если они не доставляли своих разметных книг, то и в суде на наместника им отказывали. Во-вторых, истец и ответчик, допущенные к суду, могли требовать отсрочки суда или оба вместе, или один из них. В первом случае судебные срочные пошлины они платили пополам, а в последнем – тот,

кто просил отсрочки. Срочные грамоты должен был держать у себя дьяк за своей печатью. Если ответчик не являлся на суд в срок, прописанный в срочной, то по прошествии 7-8 дней после этого на него выдавалась истцу бессудная грамота, и сверх того он обязан был заплатить весь иск, судебные пошлины и все то, что издержал в течение 7 дней после срока явившийся на суд его противник, за что полагалось по три деньги в день. В-третьих, суд допускался только тогда, когда истец и ответчик или их поверенные были налицо, а иначе суда не было и на неявившегося выдавалась бессудная грамота. В-четвертых, при явке в суд истца и ответчика или их поверенных суд производился не иначе, как в присутствии старосты и целовальников, избираемых обществом для присутствия на наместничьем суде. Эти выборные должны были иметь при себе земского дьяка, который записывал весь порядок суда, все вопросы и ответы на суде, все грамоты и др. доказательства и составлял из всего этого судный список, который за подписью земских выборных и за земской печатью оставался у наместника, а копия с него, писанная наместничьим писцом, подписанная дьяком наместника и скрепленная печатью наместника, отдавалась на сохранение земским выборным. (Эта копия обыкновенно отдавалась тем из выборных судей, которые не знали грамоты.) В-пятых, при докладе судного списка для окончательного решения дела или произнесения судебного приговора в суде опять должны были быть истец и ответчик или их поверенные, и если они оговаривали подложным судный список, то в таком случае выборные судные мужи, участвовавшие в составлении судного списка, должны были явиться в суд и принести с собой копию судного списка, хранившуюся у них, для сличения ее с подлинником. Ежели судные мужи говорили, что суд был именно таков, как написано в судном списке, и копия будет слово против слова со списком, то оболгавшего список тем и обвиняли. Но если судные мужи говорили, что суд был не таков и список писан не земским дьяком, подписи на списке не их и список не будет сходен с копией слово против слова, то в таком случае обви-

нялся первый судья: на нем доправлялся иск и сверх того он платил пеню, назначаемую государем. А если судные мужи, знающие грамоту, порознят с судными мужами, не знающими грамоту, и примут сторону судьи, и если по сличении судного списка с копией судных мужей, не знающих грамоты, окажется между ними разница, то в таком случае иск и государева пеня доправлялись как на судье, так и на судных мужах, принявших его сторону, В-6-х, ежели на суд наместничий или волоостельский поступала жалоба в суд боярский или государев, то суд по этой жалобе производился перед судьями государевым дьяком, который записывал все показания истца и ответчика и ссылки их на послухов, отдавал записанное подьячему для переписки, потом скреплял каждый лист дела своей подписью и держал его у себя за своей печатью. Если какое судебное дело не за печатью дьяка и без его подписи вынут у подьячего, то подьячий за это подвергался торговой казни, а с дьяка взыскивался весь иск и все судебные убытки и пошлины. А если дело было вынуто у подьячего на квартире или за городом, то иск и все судебные убытки тоже платил дьяк, а подьячего били кнутом и отставляли от должности с тем, чтобы никогда не поставлять его в подьячие. В-7-х, когда боярский суд решал дело и произносил приговор, то тот приговор записывался дьяком, а истец и ответчик не должны были присутствовать при этом. Если же возникала надобность спросить что-либо у истца и ответчика, то их вызывали в суд, но после допроса удаляли опять. А когда приговор был записан дьяком, то его читали только в присутствии бояр.

VI. О порядке суда по уголовным делам. Уголовный суд по царскому Судебнику в главных своих основаниях одинаков с тем, какой был и по Судебнику 1497 г., только в царском Судебнике он развит подробнее. Особенно важным нововведением царского Судебника относительно уголовного суда нужно признать то, что он сделал разделение между разбойными, душегубными и татейными делами и назначил для двух первых особых судей, называвшихся губными старостами. Относительно суда над татями царский Судебник

предписывает, во-первых, что если тать будет приведен с поличным в первый раз, то его судить обыкновенным судом, т.е. гражданским, но в то время, когда наместник будет производить суд, сделать повальный обыск о тате, т.е. спросить о нем у того общества, к которому он принадлежит. Если общество на повальном обыске называло татя лихим человеком, то его подвергали пытке¹, и если под пыткой он сознавался в преступлении, то его казнили, а если не сознавался, то сажали в тюрьму и держали в тюрьме до смерти, а иск доправляли из его имения. Если же при повальном обыске общество называло уличаемого в краже добрым человеком и показывало, что он не бывал уличаем в краже прежде, то его били кнутом на торгу и отдавали на поруки, а ежели порук по нем не было, то его сажали в тюрьму до тех пор, пока не находились поруки. Если же тать будет пойман с поличным в другой раз, то его прямо подвергать пытке, и если он под пыткой сознается во взводимом на него преступлении, то его казнить смертью, а ежели не сознается, то о нем также производить повальный обыск. Если по повальному обыску вор оказывался добрым человеком, то его казнили торговой казнью и отдавали «на крепкие поруки» или же сажали в тюрьму, если у него не было порук; а если общество называло вора лихим человеком, то его казнили смертной казнью. Во-вторых, относительно суда над разбойниками, душегубцами, крамольниками, поджигателями и прочими царский Судебник узаконяет: ежели разбойник, душегубец, ябедник, подделыватель монет и актов и пр., оглашенные в обществе ведомыми лихими людьми, будут судиться в Москве, то по боярскому суду, без выдачи их истцу головой, казнить смертью при тиуне и дворском, а иск доправить из их имущества. В других же городах суд над такими преступниками принадлежал губным старостам, которые судили по особым губным грамотам. Наместники обязаны были отсылать подобных людей к губным старостам.

¹ С Судебника ли началась пытка или она существовала прежде, об этом ничего определенного сказать нельзя. По всей вероятности, Судебник только узаконил то, что существовало прежде него в обычае.

В-третьих, убийца своего господина, обвиненный в сдаче города неприятелю, крамольник, святотатец, головной тать (т.е. тот, кто крадет свободу другого, продает другого в неволю обманом или насильно) и зажигальщик, если по повальному обыску оказывались ведомыми лихими людьми, то их казнили смертной казнью, а из имущества их доправляли иск.

Вторая половина Судебника 1550 года. Во второй половине Судебника царя Ивана Васильевича помещены узаконения: 1) о холопстве и найме, 2) о поземельном владении, 3) о крестьянском выходе, 4) о найме, 5) о купле и 6) о наследстве.

I. Узаконения о холопстве представляют много новых правил и форм. Царский Судебник прежде всего делает строгое различие между полным или обельным холопом и кабальным и представляет ряд узаконений об обоих видах холопства.

1) *Узаконения о полных холопах.* Полными холопами Судебник 1550 г. признает тех же, которые признаны таковыми и в Судебнике 1497 г., т.е. по полной и по докладной грамотам, по сельскому ключу и тиунству, по рождению, по браку, по духовной и по приданому. Но царский Судебник вводит много нового относительно полного холопства: по нему, во-первых, дети, рожденные до холопства родителей, признавались свободными; во-вторых, по тиунству и по сельскому ключу холопство признавалось только с полной грамотой или докладной; в-третьих, холопам не дозволялось продавать детей своих, рожденных до холопства; в-четвертых, при написании полной или докладной грамоты непременно должны были находиться свидетели, а преимущественно близкие родственники того, на кого писалась полная или докладная; в-пятых, царский Судебник требует, чтобы отпускная холопу, написанная рукой его господина и подписанная дьяком, выдавалась только в трех местах: в Москве, в Новгороде и в Пскове; в Москве отпускная выдавалась боярами и дьяками приказов, управлявших разными городами, а в Новгороде и Пскове – тамошними наместниками; в-шестых, ежели на одном холопе положат две полные или докладные (т.е. если два господина заявят свои права на одного и того же холопа и представят крепости), то

по судебнику холоп признавался принадлежавшим тому, кто представил старшую полную или докладную, а чей документ моложе, тот не только лишался холопа и денег, заплаченных за него, но сверх того, если первый владелец холопа говорил, что холоп убежал, обокрав его, то приговаривался еще к плате всего того, что украл холоп. В-седьмых, царский Судебник запрещает принимать в холопство служилых боярских детей и их детей, не бывших еще в службе, но не препятствует принимать в холопство отставленных от службы боярских детей.

2) *Узаконения о кабальных холопах.* Царский Судебник различает кабалу *заемную* от *служилой*. Служилыми холопами назывались те, в кабале которых прямо прописывалось, что они взяли у заимодавца столько-то денег с обязательством служить ему за проценты; они по уплате долга становились свободными, точно так же, как по Русской Правде закупы, а по Псковской грамоте – серебряники. Это было *de jure*, а *de facto* они оставались несвободными до самой смерти своего заимодавца. Кабальные по заемной не обязывались служить заимодавцу; они считались полусвободными, а по уплате долга делались вполне свободными. По царскому Судебнику, во-первых, не дозволялось писать кабалы на сумму свыше 15 рублей на одного человека; во-вторых, служилая кабала считалась действительной только тогда, когда она скреплена боярской печатью и подписью дьяка; в-3-х, кабалы дозволялось брать только на вольных людей, а отнюдь не на холопей, а кто возьмет кабалу с холопа, тот не только лишается денег, отданных ему, но и обязывается уплатить господину холопа все иски, если он покажет, что холоп убежал, обокрав его; в-4-х, если в кабальной не прописывалось, что давший ее обязан служить заимодавцу за проценты, то заимодавец не мог держать его у себя в услужении, а иначе, если бы заимодавец стал держать у себя такого кабального, а кабальный, обокрав его, убежал бы, то заимодавец не имел права искать на нем и лишался как денег и процентов на кабальном, так и того, что он украл.

3) *Узаконения о наймитах.* Первая статья царского Судебника о наймитах вполне сходна с подобной же статьей

Судебника 1497 г. По этой статье наймит, оставивший своего господина, не дослужив срока или не исполнив условной работы, лишался найма. Но царский Судебник к этому прибавляет, что ежели господин по окончании работы наймита не захочет заплатить ему условленной платы, а наймит уличит его в этом, то хозяин обязан выдать ему двойную наемную плату.

II. О поземельном владении. Царский Судебник оставил неприкосновенными все те узаконения о поземельном владении, какие мы видели в Судебнике 1497 г., и только прибавил одно важное узаконение о праве выкупа вотчин родственниками. В прежнем Судебнике также было узаконение о праве выкупа вотчин, но там не были определены ни срок выкупа, ни условия его, в царском же Судебнике это установление приведено к возможной ясности и определенности – для выкупа вотчин родственникам назначается 40-летний срок. Но чтобы обеспечить чем-нибудь покупателей и во избежание различных споров, царский Судебник узаконяет: во-первых, внучата и дети не имеют права выкупать вотчин, проданных их дедом и отцом; право выкупа имеют только родственники по боковой линии родства; во-вторых, братья и племянники не имеют права выкупа вотчины, если они подписались свидетелями при совершении купчей на нее; в-третьих, выкупать вотчину можно только за ту сумму, за которую она продана; в-четвертых, братья и племянники продавшего вотчину не имеют права выкупать ее, если она была у продавца не родовая, а купленная; в-пятых, выкупивший вотчину в законные 40 лет должен держать ее за собой и продавать ее может только тем из своих родственников, которые не подписывались свидетелями при первой ее продаже, но продавать ее в чужой род он не может, а иначе вотчина возвращается первому ее покупателю; в-шестых, ежели кто выкупит вотчину на чужие деньги с тем, чтобы держать ее на свое имя, и ежели об этом узнает первый покупатель вотчины, то она возвращается ему, а выкупивший лишается своих денег; в-седьмых, ежели кто хочет заложить свою вотчину стороннему человеку мимо своих вотчихей, то этот может принять ее в залог, но только

по той цене, какой стоит вотчина, а не давать за нее более чем стоит, в противном случае при выкупе родственники заложившего выкупали ее по настоящей цене, а не по закладной; в-восьмых, ежели кто при обмене родовой вотчины на вотчину у стороннего человека брал земли меньше, а за остальное получал деньги, то в случае выкупа родственники могли требовать всю вотчинную землю, не касаясь денег.

III. О крестьянском выходе. Царский Судебник назначает для крестьянского выхода тот же срок, какой положен и в Судебнике 1497 г., но делает к прежним узаконениям следующие прибавления: 1) он повышает цену за пожилое на 2 алтына; 2) лесными местностями он называет те, от которых до строевого леса не более 10 верст расстояния; 3) узаконяет брать за пожилое с ворот, т.е. с целого двора, а не с каждого строения; 4) царский Судебник прибавляет пошрины 2 алтына «за своз» (т.е. когда сбежал крестьянин с земли) и говорит, что «других пошрин нет», т.е. что господин по уплате этих двух пошрин не мог удерживать у себя крестьянина, хотя бы имел на нем другие какие-либо иски; 5) крестьянский хлеб, посеянный на земле владельческой, оставался за крестьянином, который мог сжать его после ухода с земель владельца в свою пользу, а владельцу земли заплатить за это «боран в два алтына». Относительно казенных податей царский Судебник узаконяет, что крестьянин должен платить подати только до тех пор, пока у него есть рожь в земле. По уходе с земли владельца крестьянин прекращал все свои обязательства относительно его. 6) Крестьянин с земли во всякое время мог продать себя в холопство, для этого не полагалось никакого определенного срока; хлеб же, посеянный им на земле владельца, оставался за ним, если только крестьянин оплачивал его казенной податью, а иначе он лишался посеянного хлеба в пользу казны.

IV. О займе. Займы по царскому Судебнику, во-первых, допускались с кабалой и без кабалы; но в случае бескабальных исков кредитор должен был представить свидетелей в доказательство своего иска, а иначе такой иск не допускался.

В кабальной прописывалась как заемная сумма и проценты, так и срок платежа займа и процентов. Ежели же кредитор и должник захотят сделать отсрочку по займу, то эта отсрочка непременно должна быть сделана с боярского доклада и за подписью дьяка, а иначе она теряла свое значение; во-вторых, в займах между купцами в случае несостоятельности должника царский Судебник следует тем же правилам, какие узаконены в Судебнике 1497 года, т.е. он делит несостоятельных купцов на несчастных и виноватых и определяет, чтобы первым выдавалась *полетная грамота*, по которой рассрочивалась уплата долга по годам и без процентов. Но к этим правилам царский Судебник прибавляет еще следующие: 1) чтобы срок уплаты долга определялся в полетной грамоте сообразно с оставшимся капиталом должника; 2) в случае утраты занятых денег в разбое полетная грамота не должна иметь силы, когда разбойник будет пойман и с него взыщутся отнятые им деньги.

V. О купле. Царский Судебник требует, во-первых, чтобы при покупке поношенного платья на торгу или в лавке покупатель брал поруку на продавце, что это не краденое, и ежели кто купит без поруки, то в случае иска тем и обвиняется, что купил без поруки. Во-вторых, царский Судебник излагает правила при покупке и продаже лошадей. Эти правила следующие: 1) при покупке лошадей на Москве и в Московском уезде клеймить их на Москве у государевых пятенщиков, а пятенщикам записывать лошадей в книги и брать за пятно пошлину по старине; 2) при покупке или мене лошадей по городам и волостям пятнать лошадей у наместников или волостелей; записывать в книги продаваемых или променяваемых лошадей земскому дьяку, а книги хранить у целовальников; а пятенщикам за пятно брать по деньге с купца и продавца, целовальнику же и дьяку в предупреждение споров образчик клейма записывать в книгу; 3) ежели кто купит или променяет лошадь в своей волости и в тот же день не запишет ее в книге и не заклемит, а в том его уличат, то наместнику или волостелю и пятенщику взять с него пропятенья 2 рубля. А ежели бы кто стал предьявлять свои права на лошадь, кото-

рую покупатель не заклеимил у пятенщика, и стал бы искать других пропаш при лошади, то покупатель, не заклеивший лошадь, признавался виновным и не только лишался лошади, но и уплачивал весь иск, предъявленный на него; 4) боярские дети точно так же, как и прочие жители, должны пятнать покупаемых и промениваемых лошадей, но во время военного похода они могут покупать лошадей и без клейменя, а в случае иска на купленную лошадь представляют только свидетелей 5 или 6 человек; 5) если кто купит лошадь не в своем присуде, т.е. не в своем уезде или волости, то должен пятнать ее там, где купил, а если приведет ее домой не пятненную, то должен платить пропятенье.

Все эти правила были известны на практике еще гораздо ранее издания царского Судебника, мы их встречаем в разных уставных грамотах XIV и XV столетий. Царский Судебник только дал больше форм и определений пятненью и предоставил его или царскому пятенщику, или наместникам и волостелям, тогда как прежде право пятненья принадлежало нередко частным землевладельцам, монастырям и знатым вотчинникам.

VI. Законы о наследстве в царском Судебнике оставлены те же, какие были и в Судебнике 1497 г., т.е. после умершего без завещания наследниками были сперва сыновья, потом дочери, а потом и другие родственники, по степеням родства.

Стоглав. Стоглав был издан на Московском Соборе 1551 г. **Царь Иван Васильевич, издав Судебник, т.е. узаконение относительно суда и управы в делах светских, вслед затем обратился и к устройству церковных дел.** С этой целью он созвал в Москве собор духовных властей и, представив этому собору свой Судебник на утверждение, в то же время предложил ему 37 вопросов, относящихся к делам собственно церковным и церковно-гражданским, и просил, чтобы члены собора, по разрешении этих вопросов, на основании церковных постановлений и гражданских уставов, составили необходимые узаконения для руководства на последующее время, а также занялись бы разрешением других вопросов, которые

найдут нужными для лучшего гражданского устройства церкви и для единообразного порядка в церковных делах. Собор, созванный царем Иваном Васильевичем для утверждения Судебника и для составления нового положения о церковных и церковно-гражданских делах, был открыт 23 февраля 1551 года в царских палатах, в присутствии самого царя и бояр. Собор преимущественно состоял из духовных лиц; председателем его был митрополит Макарий, а среди его членов были 3 архиепископа, 6 епископов и многие архимандриты, игумены и другие значительные духовные лица. Источником для своих решений Собор принял, во-первых, правила Апостольские и правила святых отцов, греческий Номоканон и правила прежних русских соборов, правила русских митрополитов и других русских учителей церкви, в особенности знаменитого Иосифа Волоцкого, митрополита Петра, Киприана и других русских митрополитов; в разрешении же тех вопросов, которые не были известны прежде, Собор составил свои правила. Сборник правил, составленных на Московском Соборе 1551 г., известен под именем Стоглава, потому что его узаконения разделены на 100 глав. Вопросы, разобранные в Стоглаве, по существу своему разделяются на чисто церковные и церковно-гражданские. Первые из них разрешены частью на основании правил Апостольских и отеческих, как греческих, так и русских, а частью их решения были составлены самим собором; вторые же – частью на основании греческих законов, находящихся в Кормчей, частью по русским древним уставам, частью же представлены были на разрешение государя. Нас интересуют только церковно-гражданские узаконения, Московского Собора 1551 г., поэтому мы рассмотрим только их, не касаясь узаконений чисто церковных. Церковно-гражданские узаконения Стоглава можно разделить на следующие отделы: 1) о священническом суде и управлении; 2) о поповских старостах; 3) о священниках и причте; 4) о монастырях; 5) о монастырских имениях; 6) о писании святых икон и книг; 7) об училищах; 8) о делах благотворительности; 9) о праздниках; 10) о прекращении разных суеверий в народе.

1. О святительском суде и управлении. 1) Собор 1551 года требует, чтобы никто не вступался в святительский суд, и в подтверждение этого приводит как греческие узаконения о неприкосновенности суда святительского, так и русские. Из последних особенно ссылается на устав Св. Владимира и послание митрополита Киприана в Псков о святительском суде. 2) Собор отменяет все прежние царские грамоты, так называемые судильные, по которым разные архимандриты, игумены и попы освобождались от подсудности своему епископу, и подчиняет всех церковных людей суду местного епископа по всем делам, кроме татебных (с поличным), разбойных и душегубных, подлежавших светскому суду. Если же духовного чина будут искать обид на мирских людях, то им взять у своего епископа судью духовного и с ними судиться у мирского судьи по Судебнику. А ежели мирские люди будут чего искать на монастырских слугах и крестьянах, то им судиться у государевых бояр, т.е. в приказе Большого Дворца, который заведовал всеми делами по монастырским имуществам. 3) Московский Собор делит святительский суд на церковный и мирской. Церковному суду подлежали все дела церковные или, как сказано в Стоглаве, «греховные», как церковных людей, так и светских. Суд этот производил сам святитель с архимандритами и игуменами по церковным правилам, и к нему не допускался никто из светских, за исключением истцов. Мирскому суду святителя подлежали все гражданские дела духовных и других лиц, подведомственных церкви, а также дела по духовным завещаниям всех лиц, как церковных, так и светских. Первоначальное производство этих дел принадлежало святительским боярам. Кроме бояр на мирском святительском суде присутствовали поповские старосты и пятидесятские священники, которые исправляли свои судейские обязанности по двое или по трое понеделно, а также и городские старосты, и целовальники, и земский дьяк. Руководством для этого суда служил Судебник. В тех городах и волостях, где искони были установлены святительские десятильники, этот суд принадлежал им.

Относительно управления епископом своей епархией Стоглав узаконяет: 1) чтобы каждый епископ в своей области избирал по городам и селениям поповских старост и десятских священников; для Москвы Стоглав назначает 7 поповских старост, а для других городов – смотря по надобности. Поповские старосты обязаны были смотреть за церковным порядком и за поведением священников и причта. А для надзора за поповскими старостами и для наблюдения за порядком и правильностью священнослужения епископы должны были время от времени посылать доверенных соборных священников с духовными поучениями причту и народу (которые писались самими епископами). Сверх того, епископы по Стоглаву должны были писать грамоты к местным архимандритам, игуменам и протопопам, чтобы они также надзирали за поповскими старостами и причтами их местности. 2) Епископы, каждый в своей области, должны наблюдать, чтобы мирские люди без нужды не строили новых церквей, чтобы старые церкви не оставались в небрежении, строители церквей не оставляли их без содержания и обеспечивали бы содержание причта. 3) Епископы должны наблюдать, чтобы затворники и пустынноики не скитались по городам и селам, а если где отыщутся таковые, то отсылать их в монастыри и затворы; чтобы обители и пустыни учреждались с разрешения государя и благословения епископа и чтобы мелкие скиты и пустыни, построенные без разрешения, сносились в одну пустынь, церкви же в таких пустынях уничтожать или приписывать к монастырям и приходским церквям, или обращать в погосты и приходы, а монахов из них переводить в более устроенные монастыри. 4) Архимандритов и игуменов епископы должны назначать по правилам церковным и по прошению монастырской братии. Но один архиерей не мог назначать архимандритов и игуменов, а должен был докладывать об их назначении государю, потому что они назначались для управления не одной монастырской братией, но и имуществами монастырскими, а эти имущества зависели от государя. 5) Епископы своих бояр и дьяков, уличенных во взятках три раза, сами

отставляют от должности, лишают поместий и отсылают от себя, а неуличенных во взятках не могут отсылать без разрешения государя. А у которого епископа «изведутся», т.е. помрут бояре или дворецкие, или дьяки, то прибирать их из тех же фамилий, а если не будет их, то из других фамилий, но не иначе как с разрешения государя.

II. О поповских старостах. Поповских старост избирали епископы по своему усмотрению, сколько для какого города нужно. Обязанности их были следующие: 1) Поповские старосты, каждый в своем ведомстве, должны были наблюдать за церковным порядком и благочинием; они должны были наблюдать, чтобы священники во всех церквях после заутрени читали народу поучения из «толкового Евангелия» (так называется сборник поучений, написанных на тексты всего Евангелия), поучения Иоанна Златоуста, жития святых и т.п. 2) Они должны были наблюдать, чтобы в подведомственных им церквях иконы, священные сосуды, книги и другие принадлежности богослужения были исправны и старое обновлялось. 3) Поповским старостам вменялось в обязанности смотреть за поведением священников и причта, а также осматривать, у всех ли подведомственных им священников и дьяконов есть необходимые документы на право их службы, как-то: ставленные, благословенные, отпускные, переходные и другие грамоты, а у кого не окажется этих документов, тем запрещать священнодействовать и отсылать их к святителю. 4) Старосты заведовали сбором венечных пошлин от браков в пользу епископа. Для этого они выбирали искусных священников «в заказчики», которые смотрели, чтобы не было противозаконных браков, выдавали так называемые «знамена» (т.е. свидетельства о браках) и заведовали венечными пошлинами.

III. О священниках и причте. Священники, дьяконы и весь причт: 1) по Стоглаву разделены на ружных и приходских. Ружными назывались те, которые служили при церквях, построенных прихожанами, и содержались приходом. Ружные священники и дьяковы выбирались государевым наместником, дворецким, дьяком или вообще тем лицом,

от которого зависела та местность, к которой принадлежала церковь, а приходские – самими прихожанами. 2) Избирать в священники и дьяконы по Стоглаву должно было «людей искусных и грамоте гораздых и житием честных и непорочных» и отнюдь не брать с них деньги за избрание. Избранного для церковной службы приводили к епископу, и если епископ по испытанию находил его достойным, то посвящал и выдавал ему *ставленную грамоту*. При переходе священника или дьякона из одного прихода в другой им выдавались от епископа *переходные грамоты*. 3) Вдовы священники и дьяконы по Стоглаву лишаются права священнослужения, если они не поступают в монастырь. Оставаясь при прежних церквях, они уже не могли совершать таинств, а только исполняли различные церковные требы: молебны, панихиды и т.п. – и за это пользовались четвертой частью доходов. На право этой службы они получали от епископа так называемые *«благословенные грамоты»*; священники – *«эпитрахильные»*, а дьяконы – *«орарьные»*. Этот порядок существовал в России еще с XIV века, об этом свидетельствуют правила митрополита Алексея; в XVIII веке он был изменен.

IV. О монастырях. По Стоглаву управление монастырями предоставлялось архимандритам, игуменам, настоятелям и строителям, которые должны были управлять вместе с соборными старцами по общему монастырскому уставу (т.е. по уставу Василия Великого) и по уставу отценачальника или основателя монастыря. Монастырские настоятели по Стоглаву должны иметь общую трапезу с братьями, а не держать отдельной. Ни настоятели, ни соборные старцы не должны выходить из монастыря для житья в монастырских селах. Монастырские села должны управляться мирскими слугами; монастырскую же казну и всякие монастырские обиходы вводить государевым дворецким. При смене одного настоятеля другим монастырская казна и все имущество монастырское сдавались по книгам. Настоятель без соборных старцев и без келаря или казначея не имел права делать никаких распоряжений по монастырю. А по городам – настоятелям и старцам

не ездить без царского и святительского повеления, а по нужным делам писать с слугами к святителю.

V. О монастырских и церковных имениях. Относительно монастырских и церковных вотчин Собор 1551 года постановил: 1) монастырские власти в каждом монастыре должны строго обыскивать, кто давал какие вотчины монастырю и, обыскав, должны записывать имена вкладчиков и их родственников для поминовения в дни их памяти. 2) Те вотчины, которые даны монастырям и церквям «в прок», т.е. без выкупа и без права отчуждения, епископы и монастыри не должны продавать, закладывать, вообще отчуждать каким-либо образом, а кто из епископов и настоятелей дерзнет продавать те вотчины, тот лишается сана. 3) Но ежели вкладчик в своем завещании или другом каком акте напишет, что он отдает вотчину монастырю или церкви до выкупа и назначит при этом и выкупную цену вотчины, то монастырские власти и епископы не должны отказывать родственникам в выкупе, если они принесут ту сумму, которая назначена вкладчиком. 4) По соборному приговору постановлено: епископам и монастырям новых монастырских и святительских слобод в городах не учреждать, а ежели учредят, то этим слободам тянуть во всякое городское тягло и судиться городским судом; старые же слободы во всех городах держать и судить о всех делах по старине. 5) Собор запрещает епископам и монастырям отдавать деньги в рост, а хлеб «в присып», а повелевает эти деньги и хлеб употреблять на вспомоществование монастырским крестьянам; хлеб и деньги выдавать им за поручками и без процентов. Это постановление исполнялось во многих отношениях довольно точно, и вследствие этого крестьяне в монастырских и епископских вотчинах, по свидетельству современников, были самые богатые из всех вотчинных сел.

VI. О писании святых икон и книг. 1) Относительно книг Собор 1551 г. по царскому предложению постановил, чтобы в церквях все богослужебные книги были исправны. Наблюдать за исправностью книг Собор поручил поповским старостам, которые должны были осматривать и исправлять

книги и наблюдать за писцами, чтобы они списывали книги исправно с верных образцов и только правильно списанные книги могли продавать. Продажу же книг, списанных неисправно, поповские старосты должны были запрещать. 2) Относительно иконописи Собор постановил: писать иконы с древних переводов и образцов, как писали древние греческие иконописцы и как писал Андрей Рублев и другие известные русские иконописцы. А чтобы сообщить больше правильности иконописному делу, Собор постановил: избирать лучших людей по своему мастерству и доброй жизни и объявлять их иконописными мастерами, дать им разные привилегии и дать им учеников, чтобы они учили их, а по выучении – представляли к местным епископам. Если епископ находил работу учеников удовлетворительной и согласной с церковными подлинниками, а поведение их незасорным, то объявлял их мастерами, которым предоставлялось право писать иконы; а ежели работа учеников оказывалась неудовлетворительной, несогласной с древними греческими образцами, то епископ запрещал им писать иконы и приказывал им заниматься каким-либо другим мастерством. Лучших иконописных мастеров епископы должны были назначать начальниками над другими мастерами и поручать им смотреть как за работами мастеров, так и за их поведением. А чтобы возвысить звание иконописных мастеров и тем более приохотить к нему лучших людей, Собор предписал, чтобы архиереи и весь народ воздавали иконописцам почет *«паче простых людей»*, как церковным служителям.

VII. Об училищах. По царскому предложению Собор постановил: завести училища по всем городам и поручить это дело духовенству. По соборному приговору в Москве и других городах протопопы, священники, дьяконы и все духовные должны были избирать, по благословению святителя, из среды своей добрых священников, дьяконов и дьяков, способных учить грамоте; кроме грамоты требовалось, чтобы они учили церковному нению и письму. В домах своих эти способные учить должны были устраивать училища. В эти

училища священники, дьяконы и все православные христиане должны были отдавать своих детей в обучение церковному пению, чтению и письму. Священники, дьяконы и дьяки, избранные в учителя, должны обучать своих учеников страху Божию, читать, петь со всяким духовным наказанием, а в особенности они должны были хранить чистоту нравов в своих учениках; учили бы их столько, сколько сами умели, и силу писания раскрывали бы, ничего не укрывая, чтобы ученики могли понимать все книги.

VIII. О благотворительности. Собор 1551 года делит дела благотворительности на несколько видов: 1) первый род благотворительности, на который Собор прежде всего обратил внимание, – это благотворительность к церкви. По определению Собора святители должны были смотреть, чтобы церкви не оставались в запустении и без службы, а если где окажутся церкви бедные, то позаботиться удержать тут священников и причт и для этого давать им разные льготы и привилегии, освобождать на некоторое время от разных даней и пошлин и наделять их землями и пашнями. За исключением немногих привилегированных, тогда все церкви платили все подати и пошлины епископу; отсюда деление тогдашних церквей на тяглые и нетяглые. 2) Собор обратил внимание на скитающихся по городам и селам чернецов и черниц. Он требует, чтобы святители, каждый в своей области, брали таких людей, записывали их и отсылали в монастыри. В монастырях здоровых из них отдавать под строгое начало и назначать им работы, к каким кто способен, а для старых и больных устраивать больницы при монастырях, снабжать их содержанием и пищей и строго смотреть за их поведением, а на содержание их государю и святителям делать вклады из своей казны. 3) Собор обращает внимание на пленников; он требует, чтобы русских пленников, приводимых гостями в Москву и другие города, выкупать за счет царской казны. Для этого Собор постановил, чтобы государь наложил на народ, по сохам, особую подать, которая была известна под именем «полонянечных денег». 4) Относительно нищих вообще Собор поста-

новил, чтобы государь строго запретил возить по городам и селам и класть на улицах для мирского подаяния больных, калек и т.п. и приказал бы по всем городам записывать их в особые книги и устраивать для них богадельни мужские и женские, а в богадельнях кормить и одевать их за счет подаяний боголюбцев, а ходить за ними приставить из нищих же здоровых мужчин и женщин. Надзор за такими богадельнями был предоставлен выборным священникам и особым целовальникам из лучших городских людей. 5) Собор обратил внимание на тех странников, которые ходили по городам и селам с иконами и для сбора подаяния на построение церквей и строго запретил ходить по городам и селам таким странникам. А если кто и после этого запрещения ходил с иконами и просил на построение церквей, тех, по определению Собора, должно было выгонять вон из города или селения бичами, а иконы у них отбирать и ставить в церкви.

IX. О праздниках. К праздникам или, по-нынешнему, табельным дням Собор причисляет: семь дней до Светлого Воскресенья и семь дней после Светлого Воскресенья, т.е. страстную и пасхальную недели, день Рождества Христова, день Богоявления, день святых апостолов Петра и Павла и каждый воскресный день в неделе. В эти дни, по определению Собора, «суды не судятся, людской долг не истязуется, позорища не творятся». Если в какой-либо из этих дней случался день рождения государя или кого-либо из его семейства, то все позорища, назначаемые в этот день, откладывались до другого дня.

X. О суевериях. На этот предмет обратил внимание сам государь. Он в своей речи к Собору предложил несколько вопросов касательно некоторых суеверных обычаев и просил, чтобы церковь взяла на себя обязанность прекратить эти суеверия. Собор разделил все суеверия, указанные Царем, на три разряда, из которых к 1-му отнес те, которые должны были уничтожаться одной церковью, ко 2-му те, преследование которых поручалось церкви вместе с государем, а к 3-му те, преследование которых предоставлялось одному государю без участия церкви.

Гразряд суеверий. К нему Собор отнес: 1) *неприличный обычай на свадьбах*, состоявший в том, что «когда священник поведет с крестом жениха и невесту в церковь, то их сопровождают глумотворцы, органщики, гусельники и смехотворцы, которые поют разные бесовские песни, пляшут и творят разные бесчинства, а священники им не запрещают». Собор определил, чтобы священники отнюдь не допускали такого бесчинства. 2) Царь заметил Собору, что «в Троицкую Субботу по селам и погостам мужчины и женщины сходятся на кладбища для *поминовения умерших*, причем сперва плачут с великим воплем, а потом, заставивши скоморохов играть разные бесовские игры, начинают скакать, бить в ладоши и петь сатанинские песни». Собор для прекращения этих беспорядков предписал священникам, чтобы они удаляли скоморохов с кладбища, а прихожан своих учили помянуть умерших родственников молитвами и милостыней, а не песнями. 3) Государь поставил на вид Собору, «что в народе многие держатся бесовского обычая: в русальную субботу (т.е. в субботу всех святых), на Иванов день, в навечерие Рождества Христова и Богоявления мужчины, женщины и девицы сходятся *на ночные пляски и игры и песни*, которые продолжаются до заутрени, а иные даже на Пасху или на Радуницу (вторник на Фоминой неделе – Новьский праздник) чинят разные бесовские дела; обычаи эти: *от клич, вьюница*, также *радуница* и другие бесовские заповеданные язычеством, а также в великий четверг *палят солому и кличут* поутру *мертвецов*, а невежественные священники берут приносимую им *соль и кладут ее под престол* и держат ее там от Светлого Воскресения до седьмого после Пасхи четверга». Для прекращения этих беспорядков Собор определил, чтобы епископы, каждый в своей области, рассылали по городам и селам грамоты с поучениями и внушали бы священникам, чтобы строго смотрели за прихожанами – не следовать оставшимся от язычества обычаям, а сами не клали бы соли под престол; а если кто из священников будет что подобное делать, тех лишать сана. 4) Царь жаловался Собору, «что суеверный народ в первый

понедельник после Петрова поста ходит *вить венки и петь песни* по языческому обычаю». Собор на жалобу царя ответил запрещением этого обычая.

II разряд суеверий, преследование которых должно быть предоставлено церкви и государю; к ним собор отнес: 1. «Обычай перед судебным поединком *советоваться с волхвами и чародеями*, которые прельщают народ разными еретическими хитростями, предлагают поединщикам свои чудеснические пособия и по Аристотелевым Вратам и Рафлям и звездам, показывающим счастливые и несчастливые часы, прельщают людей, вследствие чего ябедники, надеясь на чудесничество, не мирятся, выходят на бой и побиваются, – отчего умножается ябедничество». Собор возложил на государя обязанность издать указ, чтобы не было волхвов, чародеев и чудесников, а если и после указа окажутся таковые, то на них налагать государеву опалу. Церковь же со своей стороны должна была учить христиан, чтобы они не верили волхвам и чародеям и не слушались их; тех же, которые не последуют этим внушениям, положено было отлучать от церкви и проклипать. 2. Царь заметил, что в Пскове мужчины и женщины, чернецы и черницы *моются вместе в банях*, и собор на это замечание определил, что государь должен запретить мужчинам и женщинам мыться в банях вместе, а что касается до чернецов и черниц, то церковь брала на себя принятие мер к прекращению между ними разных безнравственных обычаев¹. Царь спрашивал соборного мнения о тех людях, «которые знают разные еретические хитрости: *Рафли, Воронограй, Шестокрыл, Астрономию, Зодию, Альманах, Звездочет, Аристотелевы Враты* и иные составы и мудрости еретические и кобы бесовские и ими прельщают людей и от Бога отлучают». Собор решил относительно людей, занимающихся еретическими мудростями, так: он предложил государю назначить таковым по мирским законам казнь, а епископам предписал преследовать их церковным отлучением и проклятием. 3. Со-

¹ Этот обычай был заимствован у немцев, соседей псковитян; еще в настоящее время мы встречаем его в Прибалтийском крае.

бор на основании церковных правил определил отлучать от церкви тех христиан, которые будут следовать эллинским обычаям: «призывать волхвов, плескать и плясать под бочками, призывать духов над корчагами, веровать в получаи, т.е. в роженицу, в обавников, кобников, волховать в марте месяце и при зарождении каждого месяца, раскладывать огни в воротах своих домов и перед торговищами и, волхвуя, с женами и детьми проходить сквозь тот огонь». Собор определил просить государя, чтобы он указал по всем городам не чинить эллинских бесовских игр и плясаний, а священникам написал убеждать народ оставить подобные игры и обычаи.

III разряд суеверий, преследование которых возложено было на одного государя, был следующий: 1. «Что по дальним городам и селам скоморохи ходят большими ватагами человек по 60, по 70 и по 100 и в деревнях у крестьян сильно пьют и едят, подламывают клетки и по дорогам разбивают». 2. «Что боярские дети и всякие бражники зернью играют и пропиваются, службы не служат, ни промыслами не занимаются и от них всякое зло чинится: крадут и разбивают и души губят». 3. «Что по селам, погостам ходят лживые пророки мужчины и женщины, девки и старухи нагие и босые, распустя длинные волосы, трясутся и убиваются, говорят, что им явилась св. Пятница Анастасия и велела им заповедать христианам, чтобы по средам и пятницам не делали ручного дела и платья не мыли и т.п.». Собор просил об уничтожении этих беспорядков самого царя, чтобы он сам принял меры против скоморохов, против игры в зернь и против лживых пророков. По предложению царя Собор имел право взять на себя уничтожение всех этих бесчинств и ввести порядок в жизнь мирян. Вероятно, Иван Васильевич сделал это предложение духовенству, потому что на западе эти дела находятся в церковном ведении. Но наше духовенство отклонило от себя ведение делами мирян, оно определило над ними только духовный надзор.

Устав о разбойных и татевных делах. Начало этого устава относится к царствованию Ивана Васильевича, но он постоянно пополнялся в последующие царствования и в конце насто-

ящего периода состоял из следующих отделов: 1) об управлении и судопроизводстве по разбойным делам; 2) о порядке судопроизводства по разбойным делам; 3) о наказаниях за уголовные преступления; и 4) об удовлетворении обиженного.

1. *Управление и судопроизводство.* Главное управление по разбойным и татейным делам принадлежало особому центральному ведомству, так называемому Разбойному Приказу, который назначал всех судей по разбойным делам и делал все распоряжения относительно суда по этим делам; местное же заведование разбойных дел принадлежало выборным губным старостам. Относительно губных старост устав требует: 1. Чтобы губные старосты по городам были выборными от всяких людей, т.е. от всех классов. 2. Губным целовальникам с губными старостами у дела быть выборным только от сошных людей. 3. Губным дьякам у дела быть по выбору всяких людей. 4. В губной избе и при тюрьмах сторожам быть у дела по выбору от сошных людей и за круговой порукой их. 5. Губным старостам, целовальникам и дьякам без крестного целования у дела не быть. 6. Судом губным старостам, целовальникам и дьякам ведаться в Разбойном Приказе. 7. Ежели истец будет бить челом на губного старосту в его недружестве к нему или в том, что его противник родственник губному старосте, то при деле его быть еще губному старосте из другого города. 8. Губным старостам в городах и в губах вменялось в обязанность ежегодно сзывать обывателей или ездить к ним и спрашивать, не знают ли они какого татя или разбойника или чего-либо про разбой, чтобы таким образом нигде не было притона для лихих людей. 9. Если же обыскные люди скажут, что у них татей и разбойников нет, а после у них найдутся тати или разбойники, то с обыскных людей брать «выти» в пользу обиженных, а двух или трех лучших людей из обыскных бить кнутом. Ежели в какой-либо общине пойман будет тать или разбойник, а та община не ловила его, не представляла в суд и не объявляла, то на ней взыскивать выти в иск истца и настрого приказать ей, чтобы впредь не укрывала татей и разбойников.

II. *Порядок судопроизводства по разбойным делам.* Разбойный Устав говорит: 1. Что разбойников и воров (лихих людей) должно брать под арест, а дворы их, имение и хлеб молоченый опечатывать, а хлеб, стоящий еще в поле, на корню, описывать и все это отдавать на сохранение обществу до тех пор, пока не окончится суд, самих же их подвергать пытке. 2. Ежели на которых людях будут искать в разбое и татьбе, но без поличного, и ежели истец для подтверждения своего иска не может представить других доказательств, кроме поля и крестного целования, то о таких людях делать повальный обыск; а если на обыске скажут, что они лихие люди, но «лиха их не укажут», то их пытать, и если повинятся с пытки, то сажать их в тюрьму до государева указа, а имение их опечатать. Такой порядок существовал при царе Иване Васильевиче. Но при царе Федоре Ивановиче он изменился, именно при нем было постановлено: таких людей отсылать в Судный Приказ (т.е. в гражданский суд), и когда в Судном Приказе дойдет дело до пыток, то отсылать в Разбойный Приказ. 3. Ежели приведут какого человека с поличным, а поличное у него вынут с приставом и понятыми, и он поличного не ответит, то его пытать, а потом, смотря по тому, что он скажет на пытке, казнить его или сажать в тюрьму – «указ чинить, до чего доведется», сказано в уставе. А ежели кого истцы приведут с поличным, взятым у него без пристава и понятых, а он будет говорить, что у него поличного не было, то по нему делать обыск и «по обыску чинить указ». Точно так же, если кто не дает истцу, пришедшему с приставом и понятыми, взять у него поличное или отнимет поличное у истца, то по нему делать обыск и «по обыску чинить указ». 4. Ежели тать или разбойник с пытки оговорит кого из своих товарищей, то их брать под арест, переписав и запечатав их имение, и делать им очную ставку с языком (т.е. с тем, кто оговорит их) и ежели после очной ставки оговоривший будет стоять на своем, а оговоренный будет просить об обыске, то сделать по нему большой обыск. Если на обыске оговоренного называли лихим человеком, то его казнили вместе с тем, кто оговорил его;

а ежели его одобряли, то он отдавался « на чистые поруки» с записью и ему возвращалось все его имение. А ежели вор оговорил вольного бродячего человека, который скажет, что его никто не знает, то его пытаться, и если с пытки повинится, то казнить смертью, а не повинится – отдать на поруки; а если не будет по нему порук, то посадить в тюрьму до тех пор, пока найдутся поруки. Если оговоренного человека при обыске одна половина обыскных людей одобрит, а другая назовет лихим человеком, то его отдавать на поруки тем обыскным людям, которые его одобрили. А ежели большая половина обыскных людей назовет оговоренного лихим человеком или скажет, что не знает его, то такого пытаться накрепко, а потом посадить в тюрьму до смерти, а имение его отдавать в выть.

5. Ежели вор или разбойник оговорит в воровстве или разбое слуг и дворников, принадлежащих дворянам или приказным людям, и ежели дворяне или приказные люди скажут, что у них таковые слуги есть, а в суд их не представят, то с них самих брать поручную запись в том, что представляют своих оговоренных слуг на очную ставку в суд. А ежели будут оговорены в татьбе или разбое сами дворяне и приказные люди вместе с их слугами и крестьянами, то их брать, опечатав их дворы, и делать им очную ставку «с языком», а после очной ставки пытаться сперва слуг и крестьян, а если эти с пыток скажут на своих господ, то пытаться и господ. А ежели дворяне или приказные люди кого-либо из своих людей приведут в суд и оговорят их в разбое или воровстве, или подводе, то таких людей расспрашивать и пытаться без обыска и «чинить указ кто до чего доведется».

III. *О наказаниях преступников.* По Разбойному Уставу назначены следующие наказания уголовным преступникам: 1) татя за первую татьбу наказывать кнутом и отдавать на поруки, а если по нем нет порук, то сажать в тюрьму; за вторую татьбу – бить кнутом, отсечь руку и покинуть; за третью и четвертую татьбу – казнить смертью; за первую церковную татьбу татя казнить смертью. 2) Разбойника, повинившегося в разбое, при царе Иване Васильевиче наказывали смертью, а не

повинившегося заключали в тюрьму до самой его смерти. Но при Борисе Федоровиче относительно разбойников было следующее изменение: если разбойники с пыток скажут, что участвовали в одном разбое, а в том разбое было убийство или поджог дворовый или хлебный, то их казнить смертью; а ежели разбойники скажут, что участвовали в трех разбоях и в тех разбоях не было убийства или поджога, то их также казнить смертью; а ежели разбойники сознаются в одном или в двух разбоях, но таких, которые не сопровождались убийством или поджогом, то их сажать в тюрьму до тех пор, пока укажет государь. 3) Обвиненные в притондержательстве татей и разбойников подвергаются тому же наказанию, какому и тати с разбойниками; той же казни подвергаются и те, которых уличат в пособничестве вора́м и разбойникам. Если кого тати или разбойники оговорят с пыток, что они отдавали ему на сбережение татебное или разбойное или продали ему татебное и разбойное заведомо, то поклажи или покупки на таковых доправлять сполна и сверх того брать выти на истца, а самих отдавать на поруки или же сажать в тюрьму, если по ним не будет порук; а ежели о ком тати или разбойники скажут, что отдавали им поклажи или продавали татебное и разбойное, но не заведомо, то таковые поклажи и покупки брать с них сполна, выти же брать с них только в покупках, чтобы не покупали без порук, а в поклаже вытей не брать.

IV. *Об удовлетворении истцов по разбойным и татебным делам.* В этом отделе говорится: 1) ежели разбойник с пытки повинится, что он и его товарищи ограбили истца и взяли его имение, но что это имение они уже растратили, то истцу давать только половину того, что он покажет (предполагалось, что истец непременно увеличит количество разграбленного у него), и это доправлять из имения разбойника, а чего не хватит, то из имения соучастников разбойника. Это по закону царя Ивана Васильевича; а при Федоре Ивановиче полагалось брать истцу из имения разбойника только то, в чем он сам повинится с пытки, а больше того не брать. 2) Ежели разбойник и его товарищи с пытки повинятся, что грабили, а сколько награбили,

не упомянут, то истцу выдавать только четверть того, что он покажет. А ежели разбойник с пытки скажет, сколько он взял именно, а остальное не упомнит, то, в чем разбойник винится именно, – брать истцу сполна, а за остальное, чего разбойник не упомнит, брать только четверть. 3) Ежели, по удовлетворении истца, у разбойника останется что-либо из его имения, то это продать «на государя»; а ежели из разбойничьих животов чего не достанет на удовлетворение истца, того истцу не давать из чужих животов и на вытчиков не разводить.

Последние годы XVI столетия ознаменовались двумя весьма важными узаконениями, много способствовавшими падению русского общества в последующие столетия. Эти узаконения: 1) указ о прикреплении крестьян к земле и 2) указ о холопах.

Указ о прикреплении крестьян к земле не дошел до нас ни в копии, ни в подлиннике, но, судя по указаниям других памятников, он был издан в 1591 году. По этому указу все крестьяне, состоявшие в тягле, потеряли прежнее право свободного перехода с одной земли на другую и навсегда были прикреплены к той земле, на которой их застал указ, без различия – была ли это дворцовая земля, или черная, или монастырская, вотчинная или поместная – все равно. Собственно, это еще не было порабощение крестьян, и сделано это было только в интересах казны, именно, для более правильного сбора податей, но тем не менее с издания указа в 1591 г. крестьяне, переходившие от одного владельца к другому, стали называться уже *беглыми*, и прежний владелец получил право отыскивать беглых крестьян и возвращать на свои земли точно так же, как прежде владельцы отыскивали своих рабов. Впрочем, в силу указа 1591 г. крестьяне еще не были сравнены с рабами; они еще были полноправными членами общины и сделались только бессменными жильцами занятой ими земли, они сделались крепкими не владельцу, а только земле. Таким образом, со времени издания указа 1591 г. право крестьянина жить на той или другой земле уже не зависело от частных гражданских сделок его с землевладельцем, но

обратилось в государственную повинность как для землевладельца, так и для крестьянина, так что и само наделение крестьянина землей уже не зависело от землевладельца, а определялось законом. Но это первое узаконение о прикреплении крестьян, еще не касающееся личности крестьянина, а только отношений его к государству, в следующем периоде мало-помалу изменялось, и в XVIII столетии крестьяне сделались уже полными рабами своих господ.

Указ о холопах был издан в 1597 году. По нему все кабальные холопы, в прежнее время полусвободные люди, были почти сравнены с полными холопами или рабами. По закону 1597 г. всех кабальных холопов велено было записывать в холопы книги и считать прикрепленными к личности господина точно так же, как крестьяне считались прикрепленными к земле. Вследствие этого крепости и кабалы холопы дозволено было совершать во всех городах и записывать в городские крепостные книги. По новому закону вся разница между полными и кабальными холопами состояла только в том, что кабальные были крепки своему господину только до его смерти и господин не мог ни продать кабального, ни заложить, ни отдать его в приданое или по завещанию. Узаконение о кабальных холопах было особенно тяжело для вольных людей. В силу этого нового узаконения все вольные люди, которые нанялись на определенный срок, хотя бы на полгода, в службу к какому-нибудь господину, по окончании срока своей службы уже не могли отойти от господина, а делались крепкими ему, и на них выдавались кабалы. Впрочем, в таком виде закон о холопах просуществовал недолго.

Узаконения о вотчинах и поместьях. По изданию царского Судебника вотчины и поместья в Московском государстве начали постепенно сливаться, т.е. вотчины мало-помалу стали принимать характер поместий, а поместья – характер вотчин. Причиной этого было то, что на вотчины стали налагаться разные службы чисто государственного характера и они, таким образом, стали постепенно терять характер частной собственности, а наоборот, поместья стали принимать

характер частный, но в то же время с них не были сложены все прежние службы и повинности. Это слитие вотчин с поместьями постепенно все увеличивалось, и к концу царствования Анны Иоанновны они слились до того, что между ними не стало никакой разницы и названия *поместья* и *вотчина* стали совершенно однозначными.

I. При слиянии вотчин с поместьями правительство прежде всего обратило внимание на *монастырские и церковные вотчины*. Через два месяца по издании Судебника был издан закон, по которому монастыри и епископы не могли приобретать земли без государева дозволения. В этом законе говорится: 1) ежели кто продаст вотчину в монастырь или святителю без доклада государю, то эта вотчина отбирается на государя безденежно. А ежели вотчина будет дана на помин души, то она остается за монастырем и родственники давшего в монастырь вотчину не имеют права выкупить ее, если передавший в своем духовном завещании или другом каком акте не предоставил им право выкупа. 2) Ежели святитель или монастыри завладели каким-либо поместьем или черными землями по закладным или другим каким образом, то таковые поместья или земли отчислять к тому ведомству, к которому они принадлежат исстари. В 1559 г. это узаконение было пополнено новым. В этом новом узаконении о вотчинах сказано: 1) в выкупных вотчинах пашенные и лесные земли должны быть в одной цене. 2) Ежели вотчичи пожелают выкупить вотчину у монастыря, поступившую к нему по духовной, и будут жаловаться на высокую цену, которая назначена для выкупа, а грамота, по которой вотчина отдавалась в монастырь, будет уже написана, скреплена печатями и записана у святителя в книге, то им выкупать вотчину по той цене, которая назначена в грамоте. Но ежели вотчичи еще до утверждения духовной будут бить челом на дороговизну выкупной цены, то им давать межевщиков и предоставить выкуп вотчины по той цене, которой она стоит.

II. За монастырскими вотчинами было обращено внимание на *вотчины служилых людей*. В 1562 г. был издан закон,

по которому служилым князьям запрещалось свои вотчины менять, продавать, закладывать и отдавать за сестрами в приданое. А ежели какой служилый князь умирал бездетным, то по новому закону его вотчина не переходила к его родственникам, а отбиралась на государя. Таким образом, по этому закону старинные княжеские вотчины получили характер поместных земель.

III. За княжескими вотчинами было обращено внимание и на *боярские вотчины*, но не на покупные, а на те, которые были даны боярам государем. В 1572 г. был издан закон, по которому только те вотчины поступали в надел родственникам, о которых в жалованной грамоте именно было сказано, что они даются такому-то и его роду. А у кого в государевой жалованной грамоте будет написано, что вотчина дается только на его лицо, или у кого вовсе не будет жалованных грамот, то по смерти этих вотчинников вотчины их брать на государя, хотя бы после них и оставались дети. Да и в тех вотчинах, которые были даны в род, по новому закону сделано значительное ограничение относительно порядка наследования в них; именно, по новому закону было определено: 1) после отца наследовать детям; 2) а если не будет детей, то родным братьям, их детям и внучатам; 3) если который сын или внук помрет бездетным, то его жребий отдавать его братьям, дядям, племянникам или внучатам, а далее внучат жалованную вотчину не отдавать; 4) если который внук умрет бездетным и после него останутся только правнучатые братья, то им вотчины не отдавать, а отбирать ее на государя. Потом, в 1627 году, относительно жалованных вотчин был издан дополнительный закон, по которому бездетная жена отстранялась от наследства в выслуженных вотчинах мужа, а напротив, дочери, сестры, племянницы и другие родственницы, как замужние, так и незамужние, допускались к наследству. В 1628 г. этот закон был дополнен новым законом, по которому дочь вотчинника допускалась к наследству в выслуженной вотчине только в таком случае, когда у него не было сыновей. В 1628 году было издано узаконение, которым ограничивалось право наследования и родовыми вот-

чинами; это узаконение приравнивало родовые вотчины к выслуженным. По этому закону полагалось, что родовые вотчины по смерти вотчинника могли переходить во владение других его родственников, но отнюдь не жены, которой выдавалось приданое и четвертая часть из движимого имущества и купленных вотчин мужа. Поэтому если после вотчинника не оставалось других родственников, кроме бездетной жены, то вотчина его отписывалась на государя и шла в раздачу поместьем служилым людям. Таким образом Московские князья подвергли ограничению выслуженные и родовые вотчины относительно порядка наследования ими и оставили неприкосновенными только вотчины, приобретенные покупкой.

Узаконения о поместьях. Вместе с тем как выслуженные и родовые вотчины постепенно утрачивали характер частной собственности, поместья, напротив, принимали характер вотчин. Так: 1) указом 1618 г. поместья дворян и детей боярских, убитых на войне или взятых в плен, определено оставлять за их женами и детьми, а не будет их, то родственникам, если же не будет и родственников, то отдавать поместья другим служилым людям того же города, но неиногородным. 2) По указу 1622 г. дозволялось вдовам и дочерям помещиков выходить замуж с их прожиточными поместьями (т.е. теми, которые давались им на прожитие как пенсия по смерти мужа или отца), и эти поместья записывались за их женихами. Точно так же вдовы и дочери помещиков и сами помещики за старостью и болезнями могли передавать свои поместья родственникам, с тем чтобы они обязались кормить и поить их и нести за них службу. 3) Указ 1687 г. узаконивает, что ежели кто из дворян и детей боярских будут находиться в плену 10 лет, а их поместья в отсутствие их поступят в раздачу, то по возвращении из плена возвращать им поместья; а ежели бы они пробыли в плену более 10 лет, то лишались права на возвращение поместий, но взамен этого им давалось право скорейшего получения новых поместий, прежде всех других челобитчиков. Наконец, 4) Указом 1641 г. определялось: пустопорожные земли, не записанные в оброчные статьи, отдавать служилым людям

как льготу, на 15 лет, с тем чтобы они в эти 15 лет строили дворы на льготных землях, заселяли их крестьянами, пахали пашни и расчищали леса. А когда заканчивались льготные 15 лет, тогда эти земли отдавались в поместья тем же льготным людям, а в вотчины их уже не отдавали.

Узаконения относительно порядка государственной службы. I. Относительно порядка государственной службы в один год с царским Судебником было издано узаконение, по которому запрещается князьям и детям боярским, пока они еще не дослужатся боярского звания или чина воеводы, считаться местами с воеводами. В этом же узаконении для счета воеводских мест положено: «Большой полк, правая и левая рука считаются по местам (т.е. воевода большого полка занимает первое место, а воеводы правой и левой руки – второе), а передовой и сторожевой полки местом меньше первого воеводы большого полка, а до правой и левой руки и до второго воеводы в большом полку им дела нет. А кто с кем в одном полку послан, тот того и меньше. А государь, посылая воевод, разсуждает их отечество, кто кого дородился и кто может обычай ратный содержать». Таковы были меры, существовавшие при царе Иване Васильевиче и Федоре Ивановиче для ограничения местничества. II. В царствование Бориса Федоровича Годунова в 1604 году было издано другое узаконение, касавшееся собственно порядка военной службы с поместий и вотчин. В этом узаконении: 1) требуется, чтобы все епископские и монастырские люди, годные к службе, немедленно были вооружены и отправлены в поход. 2) Здесь изменен прежний порядок относительно сбора служилых людей с поместий и вотчин, и вместо 100 четвертей земли назначено 200 четвертей, с которых должен быть выслан холоп на коне, в полном вооружении и с запасами, и притом присылка холопа допускается только тогда, когда сам господин не может явиться на службу по болезни или по другому случаю. 3) Ежели кто из помещиков и вотчинников будут отпущены из полка за ранами или выйдут из плена, то им оставаться дома и два года не высылать вместо себя слуг. А также вдовам и малолетним

детям, у которых мужья или отцы будут убиты или будут в плену два года, не высылать слуг на службу. 4) Кто из дворян, боярских детей и других служилых людей не вышлют на службу слуг и не явятся сами, у тех отбирать земли и столько четвертей, со скольких они не выслали слуг. А с епископов и монастырей – за каждого невысланного слугу взыскать по 15 рублей (тогдашний рубль равняется 6 нынешним), и самих невысланных слуг записывать в стрельцы; а с тех епископов и монастырей, которые не будут иметь годных к службе слуг, в военное время за каждого слугу, которого они должны выслать, брать по гривне. III. В 1642 году было издано еще узаконение, в котором требовалось: 1) что если кто из служилых людей, записанные по разборным книгам 1622 года и верстанные поместьями или отмеченные недорослями, избегая государственной службы, покинут свои поместья и вотчины и дадут на себя служилые кабалы или поженятся на крепостных женках и девках, то тех людей с женками и детьми из боярских домов брать на государеву службу и писать по городам, где их поместья и вотчины. 2) Тех же, которые в разборных книгах 1622 года не были записаны, оставлять за теми, кому они дали на себя кабалу. 3) На будущее же время дворян боярских детей и других служилых людей, верстанных и неверстанных, и недорослей в кабалу никому не брать.

Узаконение о полицейских мерах. I. Первое из узаконений о полицейских мерах, изданное в 1622 году, включает в себе правила тушения пожаров в Москве. В прежнее время пожарные повинности лежали только на черных сотнях, но по новому узаконению доставление содержания пожарным людям и лошадям распространено на гостиные и суконные сотни, и требовалось, чтобы вместо прежних 120 человек пожарных служителей, так называемых земских ярыжек, город содержал только 100 человек, а для пожарных случаев каждодневно было бы на земском дворе по 4 лошади вместо прежних трех. Каждой сотне определено выдавать из казны по 30 пожарных труб и держать их также на земском дворе и смотреть накрепко, чтобы люди, приставленные к пожарным трубам, в

случае пожара являлись бы немедленно со своими трубами, и чтобы пожарные трубы были медные. II. В 1627 году было издано узаконение, в котором подтверждалось прежнее правило о том, чтобы пойманных на дороге лошадей приводить в Земский или Разбойный Приказ, и прибавлено, что если по прошествии пяти или шести дней не отыщется хозяин лошади, то ее продавать на государя, но прежде показывать ее барышникам с конской площадки для справки по книгам и не знают ли хозяина ее. III. В 1629 году было издано несколько новых узаконений против пожаров в Москве, по которым меры к потушению пожаров частью возлагались на казну, а частью на земство. Этими новыми узаконениями: 1) постановлено всех извозчиков в Москве вводить в Земском Приказе и переписать в книги, а которые из них не будут записаны, тех наказать. 2) К прежним 100 ярыжкам прибавлено еще 100 человек, и жалованье им определено выдавать из Приказа Большого Прихода, из государевой казны. 3) Из государевой же казны устроить на Земском Дворе бочки и телеги и 50 пожарных щитов по 5 и по 4 сажени, и щиты эти делать с рукоятями, и чтобы бочки с водой и извозчики поочередно стояли на Земском Дворе каждый день и ночь, по 20 человек с лошадьми. 4) По большим улицам на каждые 10 дворов иметь по большому колодезю для пожарных случаев. Кроме этих мер против пожаров как в Москве, так и по всем другим городам и селениям должны были соблюдаться прежние узаконения: чтобы домов и мыльниц летом не топить, а для этого объезжие головы должны были весной запечатывать печи в банях и домах. IV. В 1640 году было издано узаконение, которым запрещалось биться на кулачки в Белом городе, Каменном и Земляном, а тех, которые нарушат это узаконение, приводить в Земский Приказ и бить кнутом. V. В 1642 г. были изданы полицейские узаконения относительно проезжих дорог, мытов и перевозов. По этим узаконениям: 1) не дозволялось заводить по дорогам мытницы для сбора пошлин в пользу владельцев, а также без разрешения государя запрещалось устраивать мосты и перевозки в тех местах, где можно переезжать вброд, а также запрещалось

делать запруды на реках, чтобы не было переезда вброд. 2) На указных мытах и перевозах не брать лишних пошлин против уставных грамот, а со служилых людей и с их слуг и запасов вовсе не брать мытных и перевозных пошлин. 3) Ежели кто захочет устроить мельницу и тем уничтожит брод через реку, тот должен устроить мост или перевоз, с тем чтобы мостовых или перевозных пошлин не брать.

Узаконения о взыскании долгов. В дополнение к узаконениям царского Судебника о займах были узаконены следующие судебно-полицейские меры о взыскании долгов и исков по суду:

I. В 1555 г. царь приговорил со всеми боярами, чтобы по суду в 100 рублях ставить на правеж не более одного месяца, а больше или меньше – по расчету; а тех, с кого в законный срок поправить долга нельзя, отдавать кредитору головой до искупа. А ежели кто будет просить о переводе долга на другого, то ему давать на перевод другой месяц срока, но отнюдь не больше, чтобы не волочить кредитора.

II. Другое узаконение о правеже долга было издано в 1558 г. В этом узаконении: 1) назначаются разные сроки для правежа служилых и неслужилых людей, именно: для служилых людей двухмесячный срок для правежа по долгу в 100 рублей, а больше или меньше – по расчету, а для неслужилых – прежний, месячный. 2) Постановлено, чтобы на служилых и неслужилых людях денежные и хлебные долги по кабалам, долговым памятям и духовным править в 5 лет «истину» (обыкновенно без процентов, а хлеб без насыпу), рассчитав долг на 5 жеребьев, если же в 5 лет не уплатят, тогда взыскивать весь капитал сполна, а проценты вполовину, т.е. на 10 рублей – 1 рубль. А ежели кто из служилых людей в урочные 5 лет будут на службе в отъезде, то по возвращении им платить все долги сполна, но без процентов. 3) Ежели кто, взяв деньги на срок под залог, по истечении срока в месяц или два не уплатит долга, то займодавец должен оповестить его через двух-трех посторонних людей, что если он в неделю или вдве не уплатит ему истину и рост, то за клад его будет продан, и ежели после этой

повестки должник не сделает полной уплаты, то заимодавец должен известить об этом старосту и целовальников и в присутствии их и посторонних людей продать заклад, а из вырученных денег взять себе, сколько следует в уплату долга и процентов, а остальное возратить тому, чей был заклад. Если же вырученных денег не доставало для уплаты долга и процентов, то недостающее доправлялось из остального имения должника. 4) Ежели кто возьмет денег займы или в ссуду без кабалы и без памяти и на суде не отопрется от долга, то на таковых правеж давать всегда и долг с них взыскивать сполна.

В том же 1558 году было издано узаконение о платеже долгов по закладным вотчинам. В этом узаконении сказано: ежели кто, занимая деньги, закладывал кредитору вотчину с тем, чтобы тот вместо процентов пользовался доходом с пашен, и будет он в силах свой долг выплатить в урочные 5 лет и в первый год выплатит следующую с него пятую долю, то ему вотчину возратить и пахать на себя, только с тем, впрочем, чтобы он до полной уплаты не мог ни продать, ни заложить вотчины. А кто ту заложенную вотчину купил до уплаты вотчинником долга, и ежели вотчинник, продав вотчину, не уплатит долга и скроется, то покупщику платить тот долг по закладной, а не будет у него денег, то вотчину у него взять и отдать заимодавцу; покупатель же лишается своих денег, потому что, покупая вотчину, он должен был справиться с теми книгами у дьяка, в которых записываются все вотчинные купли и закладные.

IV. В 1558 году было издано узаконение о правеже ростов по старым кабалам. В этом узаконении сказано: которые люди повинятся в долге по старым кабалам, то на них править деньги и рост на 15 лет, не далее, а которые люди не повинятся в долге, с тех тоже брать росты до 15 лет; а далее по старым кабалам суда нет. А кто будет искать по кабалам, которые он подписал уплаченными, тем не давать суда. А которые должники будут лживить на кабалы и заемные памяти своей руки и будут показывать на подписавших, которые уже умерли, то таковой оговорки не принимать и взыскивать с них долг. Это правило было подтверждено еще указом 1622 года.

V. В 1628 г. было издано узаконение, в котором определялось брать росты только до тех пор, пока они не сравняются с самим капиталом (т.е. только за 5 лет). Но это относилось только к тем кабалам, по которым не было челобитен в свое время.

VI. В 1635 году было издано важное узаконение об отмене исков по долгам без кабальных записей. В этом узаконении сказано, что суд признает только те долги, по которым истцы представят кабальные записи или крепости, а те иски, по которым не представлены долговые памяти, кабальные или крепости отвергаются судом. Для тех же, которые дали в долг без записей или памятей еще до издания нового узаконения, назначен двухгодичный срок для иска по таким долгам.

Узаконение о судопроизводстве. I. В 1556 году было издана узаконение, касавшееся судебных доказательств и преимущественно обыска. Это доказательство по новому узаконению допускалось только в крайних случаях, когда все другие доказательства были недостаточны. По узаконению 1556 года требовалось: 1) Ежели истец или ответчик будут слаться на обыск многими людьми именно, то судьям вершить дело по обыску, а сверх обыска, поля или крестного целования не присуждать; а велеть обыскивать старостам и целовальникам и, чтобы истец или ответчик не ссылались на людей, состоящих с ними в родстве. 2) Ежели истец или ответчик на боярском суде будут слаться в обыске безыменно, то боярам писать к старостам и целовальникам, чтобы они обыскивали в своем ведомстве многими лучшими людьми: князьями и боярскими детьми, их приказчиками, священниками и лучшими посадскими людьми, и обыскивать с очей на очи, а заочно обыскных людей не писали, а обыскные люди писали бы свои показания сами, и чтобы прикладывали к обыскам руки, как они сами, так и их отцы духовные. 3) Ежели из обыскных людей одни скажут в пользу истца, а другие в пользу ответчика, то оправдать того, по ком будет больше обыскных людей, а поля и крестного целования не присуждать, и сверх того поручить местному архиерею или архимандриту разведать, которая сторона сказала правду и которая солгала, лживую сторону

наказать. 4) Ежели обыскные люди скажут поровну: половина по истце и половина по ответчике, то тем дело не кончать, а назначать новый обыск и приказать старостам и целовальникам, чтобы они обыскали иными людьми о том, которая половина в прежнем обыске солгала, и с той половины, на которую доведут, что она солгала, выбрать из 100 человек – 5 или 6 человек лучших людей и бить их кнутом, а духовных отсылать к святителю; на лживых же обыскных людях доправлять все убытки и проторы по обыску; а ежели по ложному обыску попытают (т.е. подвергнут пытке то лицо, о котором был обыск), то с тех же обыскных людей взять бесчестье вдвое. Таким же порядком наказывать и тех обыскных людей, которые в одном обыске «двои речи говорят». 5) Ежели истец или ответчик сошлется на суде не на многих людей, человек на 5 или на 6, а те люди будут недостойны веры, то таковыми людьми не обыскивать, а вершить дело по суду и по делу (т.е. по тем данным, которые имелись и без обыска). Но ежели кто сошлется на боярина или на дьяка, или вообще на человека, заслуживающего доверия, то таковой ссылки не отставлять и вершить дело по этой ссылке без поля и крестного целования. Точно так же не отставлять ссылки, когда кто сошлется на кого-либо из виновных, хотя бы этот виноватый был человек, т.е. что он примет вину на себя, ежели будет доказано, что он сказал неправду. 6) К старостам и целовальникам грамоты о произведении обысков посылать с недельщиками запечатанные. А старостам к сделанным ими обыскам прикладывать свои руки и посылать обыски с теми же недельщиками и также запечатанные. 7) Ежели в каком деле досудятся до поля, а истец и ответчик, став у поля, будут просить, чтобы присудили крестное целование, то поле отставить и дать на волю истца или ответчика – хочет он сам поцелует крест, хочет даст целовать крест своему противнику.

II. В 1625 году было издано узаконение относительно порядка при целовании креста. В этом узаконении предписывается: 1) в Москве в судебных делах целовать крест по-прежнему у Николы Старого, а к целованию допускать только три раза,

а дальше тому же человеку ни в каких исках креста не целовать. 2) В делах между русскими и иностранцами крест целовать в приказе, где дело производится, а не у Николы Старого; с иноземцев брать присягу по их закону. 3) К целованию креста допускать людей, имеющих не менее 20 лет от роду, а подставных, наемных людей к целованию креста не допускать; но господа могут присылать за себя к крестному целованию своих слуг.

III. Узаконение, изданное в 1628 году, касается порядка явки в суд. В этом узаконении: 1) требуется, что если кто даст на себя поручную запись в том, что явится в суд, а сам не явится ни в первый срок, ни во второй, то на нем или на его поручителе доправить проести (т.е. уплату за то, что издержал истец), и волокиты, и расходы приставные; а кто не явится и в третий срок, на того выдавать бессудную грамоту. 2) Кто, начав тяжбу и дав на себя поручную запись, не дождавшись судебного решения, отъедет из Москвы, на том или на его поручителе взять проести и волокиты и решить дело по суду. 3) Который истец, подав челобитную, не ходит в суд неделю, то ответчику его давать запись и отказать истцу в иске, если будет известно, что истец не явился в суд не по болезни. 4) Ежели служилые люди, получив отсрочку для явки в суд ради службы, не являлись в суд по окончании службы и отсрочки, то им посылались новые позывные грамоты на другой срок и если они не являлись и тогда, то с них взыскивались также проести и волокиты в пользу истца.

IV. В 1629 году было издано новое узаконение о порядке явки в суд. По этому узаконению: 1) требуется, что если кто по зазывным грамотам посылал вместо себя в суд родственников или доверенных из своих людей, то когда дело дойдет до обыска, доверенным не должно оставаться при обыске, а ехать в Москву. 2) Ежели в исках на большую сумму по суду ответчик «даст на душу истцу», т.е. предоставит ему целовать крест, а тот, не целовав креста, пришлет своего человека, то уже предоставит на волю ответчика допустить присланного человека к целованию креста, или не допускать. 3) Поверен-

ные, по требованию суда, до окончания судного дела должны являться на суд. 4) Если вызывались в суд дворяне или служилые люди, состоявшие на службе в дальних городах, и по окончании службы и первой отсрочки не являлись в суд, то для явки в суд им назначался поверстный срок. 5) Ежели истец или ответчик, дав по себе поручную запись не съезжать с Москвы, съедет, то вершить дело без него и тем его обвинить. 6) Кто самовольно не станет на третью ставку к крестному целованию, то тем его и обвинить. 7) Заемные кабалы, закладные записи и другие крепости, за неумением грамоте дающих, подписывать отцам духовным, а за отсутствием таковых – родственникам. 8) Если кто, выдав поручную запись в том, что не съедет с Москвы, съедет, и если по этому на поручителях взыщут проести, волокиты и иск, то поручители могут доправить это на съехавшем. 9) Ежели истец напишет в жалобе имя ответчика или его слуги, а дойдет дело до целования креста и ответчик напишет другого своего человека к целованию, то целовать кроет тому, кого написал в своей жалобе истец.

V. В 1642 году было издано последнее до издания Уложения узаконение о судопроизводстве. Это узаконение требует: 1) давать суд в насильственном завладении землей, крестьянами и всякими угодыями; а кто для укрепления за собой беглых крестьян будет брать на них кабалы и записи в большой ссуде, то в тех кабалах и записях суда не давать. 2) Если ответчик, не сходя с суда, заявит на истца встречный иск, то давать ему суд в том же приказе, где заявит свой иск истец. 3) Духовным вместо крестного целования назначать жребий, а людям их и крестьянам крестное целование. 4) На всяких пашенных людей давать суд с 1 октября по 1 апреля, исключая разбоя, татьбы, поличного и смертоубийств, в которых все судились немедленно по раскрытии преступления.

ПЕРИОД ЧЕТВЕРТЫЙ

ОТ УЛОЖЕНИЯ АЛЕКСЕЯ МИХАЙЛОВИЧА ДО ИЗДАНИЯ СВОДА ЗАКОНОВ

ПОЛОЖЕНИЕ РУССКОГО ОБЩЕСТВА В XVII СТОЛЕТИИ ДО ПЕТРА ВЕЛИКОГО

Централизация Иоанна III и искусственная децентрализация его внука, Иоанна IV, до того довели русское общество к концу XVI столетия, что оно готово было утратить естественные связи целого и частей; а почти непрерывные и крайне тяготительные войны Иоанна IV так разорили народ и так истощили население разных областей, что иные области почти опустели, а в других жители, разоренные страшными поборами и на государя, и на приказных люден, скрывались в лесах, оставляли свои промыслы и предавались грабежу, против которого были бессильны все строгости закона. К тому же, в царствование Бориса Федоровича Годунова присоединился страшный трехлетний голод, по свидетельству разных современников истребивший до 400 000 человек. Наконец, в довершение всех бедствий, явился самозванец и, поддерживаемый поляками и русскими изменниками (которых было очень много), овладел Москвой и истребил все семейство Годунова. Все это так расшатало русское общество, что оно всколыхнулось

до дна и не знало, на чем утвердиться, к чему примкнуть и как устроить разрушенный порядок.

Предшествовавшие царствования Иоаннов, блистательные снаружи и крайне тягостные и разрушительные внутри, приготовили разделение русского общества на два враждебных стана: на *служилых людей* и *неслужилых*. Первые, как органы правительства, хотели править неслужилыми и тогда, когда в начале XVII столетия правительства уже не существовало, когда по смерти Годунова и по убиении самозванца нужно было искать государя. Но это желание служилых людей не могло исполниться; напрасно они выбирали в царя то князя Василия Ивановича Шуйского, то королевича Владислава, то пристраивались к разным самозванцам, дело общественного устройства от этого нисколько не продвигалось вперед; беспорядки и бедствия росли в страшных размерах, все, еще от прежнего времени наблевшие общественные раны приняли самый опасный характер. Русские, разделенные на партии, стали терзать друг друга гораздо ожесточеннее, чем терзали их иноплеменники, нахлынувшие на Русскую землю с разных сторон. Наконец, семь лет продолжавшиеся междоусобия образумили, открыли глаза всем служилым и неслужилым людям; городские и сельские общины, долго молчавшие, подали свой голос, города стали пересылаться друг с другом, собирать деньги и войска, чтобы выгнать поляков из Москвы и очистить землю Русскую от иноплеменников и своих изменников; к городам присоединились и служилые люди, наученные своим прежним неудачным опытом, и вот все служилые и неслужилые дружно поднялись, как один человек. Разрозненные города и селения, не имевшие ни денег, ни войска, как бы каким-то чудом отыскали и достаточно войска, и нужные средства на его содержание, нашли и достойных военачальников; общины для восстановления порядка пожертвовали всем, даже многими своими исконными правами, и порядок восстановился. Враги, готовые поглотить Россию, с бесчестием отступили перед единоплеменниками служилых и неслужилых людей; отыскалась и верховная власть по воле всего народа

и, что главное, отыскалась и утвердилась между своими, чего не могли сделать служилые люди, думавшие устроить государство мимо общин и неслужилых людей. Приговор всего Русского мира произвел то, чего не могли устроить сильные мира, вспомоществуемые чужеземными королями и иностранными войсками.

Шестнадцатилетний Михаил Федорович Романов был выбран в русские цари собором всей Русской земли, в котором участвовали и подавали голоса как выборные служилые люди, так и выборные от городов. Таким образом, неслужилые люди, отодвинутые прежней централизацией на задний план, теперь опять выступили вперед и приняли непосредственное участие в делах государственного управления; голос общества снова занял свое место в общем деле государства и не только в выборе царя, но и в поддержании выбора. Продолжительные войны с польским и шведским претендентами на московский престол, а также усмирение казаков и других изменников, бродивших многочисленными шайками по Русской земле, решительно лежали на плечах общества. Городские и сельские общины во все это время должны были поддерживать вновь избранного государя всеми своими силами: они для этого жертвовали всем, чем могли, собирали пятую и десятую деньгу с капиталов, наряжали даточных людей, готовили запасы для войска и делали другие пособия и деньгами, и вещами, в чем, конечно, также принимали участие и бояре, и духовенство, и все служилые люди, посильно жертвуя своим достоянием на пользу государства.

Все это так выдвинуло общество и поставило его в такое положение, что все важные государственные дела и особенно те, в которых рассуждалось о денежных и других сборах, решались не иначе, как по соборному приговору выборных людей от всей Русской земли, как служилых, так и неслужилых. Дошедшие до нас памятники ясно свидетельствуют, что с 1613 года, во все продолжение царствования Михаила Федоровича, все важные государственные дела решались по указу государеву и по соборному приговору, так что власть госуда-

ря стояла рядом с властью общества, с властью всей Русской земли, почти постоянно присутствовавшей на земских соборах в лице своих выборных людей. А посему все царские грамоты о важных государственных делах писались в это время по следующей форме: «По нашему (т.е. царскому) указу и по приговору богомольцев наших, Московскаго государства митрополитов, архиепископов и епископов и всего освященнаго собору, и бояр наших и окольных и дьяков, и дворян, и гостей, и посадских торговых и всяких жилецких людей, посланы по городом для денежных сборов ратным людям на жалованье». Или еще иначе: «По всемирному приговору со всего Московскаго государства: с городов, и с посадов, и с уездов, с гостей, и с торговых, и со всяких посадских людей, и с дворцовых, и с конюшенных, и со всяких слобод с торговых людей, чей кто нибуду, никого не обходя, безо всякаго вывету и отдачи собрати с животов служилым людям на жалованье пятая деньга деньгами, а не товаром, а с уездов, с сошных людей, по сошному разводу, посту по двадцати рублев с сохи» (№ 79). Или в царской грамоте 1637 года на Устюжну Железопольскую государь пишет: «И мы, великий государь, учинили о том собор, и говорили на соборе отцу своему и богомольцу святейшему Иоасафу, патриарху московскому и всея Руси, и митрополитом, и архиепископом и всему освященному собору, и бояром, и окольным, и думным людям, и дворяном и детям боярским из городов, и гостем и торговым и всяким жилецким людем объявили, как нам для избавления православных христиан против Крымскаго царя стоять, и какими обычаи ратных людей собирать и чем строить». И собором приговорили «взять с церковных вотчин даточных людей пеших с десяти дворов по человеку, а с поместий и с вотчин служилых людей и с дворцовых с двадцати дворов по человеку, а с городов, с посадов и с уездов с черных волостей указали есмь взяти, ратным людем на жалованье, с десяти дворов за даточнаго человека, по двадцати рублев – с двора по два рубли» (№ 275). Мало этого, государь, ежели когда и писал грамоты только от своего имени, без соборного приговора, то в этих грамотах

он почти постоянно прямо относился к обществу, мимо своих наместников и приказных людей, и обыкновенно просил или о помощи на государственные нужды, или о даче займы на чрезвычайные расходы; даже о сборе недоимок в обыкновенных податях скорее просил, нежели повелевал.

Так, в царской грамоте 1613 года в Углич сказано: «От царя и великаго князя Михаила Феодоровича всея Руси на Угличь, старостам, и целовальникам, и всем посадским людям и волостным крестьянам. Бьют нам челом на Москве дворяне и дети боярские и всякие ратные люди, что они от многих служб оскудели; а в нашей казне, на Москве, денег и всяких запасов в житницах нет, и служилым людям жалованья дать нечего. И как к вам ся наша грамота придет, и выб с посаду таможенные и кабацкия и полавочныя деньги и всякие денежные доходы за прошлые годы, чего не взято, и на нынешний год по окладу сполна по книгам дали Ивану Савостьянову тотчас; да для образа пречистыя Богородицы и православныя христианския веры и избавы крестьянския от врагов, дали бы естя, сверх всяких наших доходов, нам займы служилым людям на жалованье денег, и хлеба, и сукон, и рыбы, и соли, и всяких товаров, как кому ся может, обложась по своим прожиткам и по промыслам; и которые известные люди, и тем бы нам послужити и правду свою к нам и ко всей земли показати, дати из животов своих нам займы, сколько им мочно, и о том не поскорбети, в которую пору в нашей казне деньгами и хлебом скудно, и в те б поры нам займы дати. Лучше милостыни, что ратным людем помочи, и своею помочью святыя божия церкви в лепоте и святую хрестьянскую веру в целости учинить» (№ 5).

Таким образом, общество во всем своем составе, т.е. как служилые, так и несслужилые люди, во все продолжение царствования Михаила Федоровича принимало весьма деятельное участие в важнейших государственных делах. Государственные нужды так были велики и настоятельны, что правительство никак не решалось принять на себя всю ответственность по общим распоряжениям. Михаил Федорович первоначально

даже изъявил желание предоставить обществу полное самоуправление; мы имеем его указ, которым предписывалось, чтобы все города и волости выбрали сами из своей среды судей и правителей и чтобы везде были отменены государевы наместники и воеводы и приказные люди. Но это желание государя не имело успеха; предшествовавшая опека администрации так сильно расстроило общества, что немногие города могли согласиться на выбор правителей из среды своего общества, а большая часть городов просили государя прислать для управления своих приказных людей. Таким образом, государев указ не был исполнен повсеместно, городам было предоставлено на волю управляться ли своими выборными людьми или государевыми наместниками. Впрочем, и во время управления воевод и наместников в царствование Михаила Федоровича мы еще встречаем замечательные случаи единодушия в обществе между служилыми и неслужилыми людьми, свидетельствующие, что безнарядье междуцарствия и самозванщины возбудило деятельность общества и до некоторой степени сблизило интересы служилых и неслужилых людей, прежде разрозненные опекой администрации.

По смерти царя Михаила Федоровича русское общество в начале царствования его преемника оставалось при прежнем своем положении и принимало деятельное участие в важнейших делах правления, – земские соборы по-прежнему продолжались. Само утверждение на престол единственного наследника Михаила, его сына Алексея Михайловича, было учинено по приговору земского собора. Для этой цели были созваны в Москву выборные со всех городов Русской земли. Современник Алексея Михайловича, подьячий Посольского приказа, Григорий Котошихин прямо говорит: «По смерти же царя мало время минуше, патриарх и митрополиты и архиепископы и епископы, и архимандриты и игумены, и весь духовный чин соборовали, и бояре, и окольничие, и думные люди, и дворяне и дети боярские, и гости, и торговые, и всяких чинов люди, после смерти прежняго царя на царство обрали сына его, нынешняго царя, и учинили коронование в собор-

ной церкви, А было тех дворян и детей боярских и посадских людей, для того обранья, человека по два из города» (стр. 4). Потом в 1648 году был созван земский собор для составления общего Уложения, а в 1653 году опять был созван земский собор со всего государства по случаю присоединения Малороссии, на котором бояре и все служилые люди и выборные от городов приговорили принять Богдана Хмельницкого и всю Малороссию под Российскую державу и воевать с Польшей, ежели они добровольно не отступятся от Малороссии, причем служилые и неслужилые люди говорили, что они готовы умереть за честь своего государя.

Но в одно время с земскими соборами по голосам общества в делах государственных при дворе Алексея Михайловича уже образовалась партия царских любимцев, которая старалась отделить государя от народа, отодвинуть общество на задний план, чтобы управлять всеми государственными делами при помощи одной приказной администрации, не советуясь с обществом и не спрашивая голос его представителей. Уже в 1646 году, т.е. на другой год по избрании Алексея Михайловича на царство, при издании Писцового Наказа, этой важной меры, касающейся всего государства и введившей новое важное законоположение, по которому вместо прежней пятилетней давности для вывода беглых крестьян была назначена новая, десятилетняя давность, не было созвано земского собора и Наказ был издан только по указу государя и по приговору бояр; тогда как в царствование Михаила Федоровича подобная же мера – рассылка дозорщиков и писцов была сделана по приговору созванного для сего земского собора. Также окружная царская грамота 1661 года о том, чтобы из всех понизовых и крайних городов везли хлеб в Москву по случаю дороговизны, была дана по указу государя и по приговору бояр. Мало этого, в 1661 году мы уже встречаем царскую грамоту о сборе 5-й деньги с торговых людей и с крестьян по полтине с двора, даже без боярского приговора; в грамоте прямо сказано: «Указали мы, великий государь, взять для нашей службы по полтине с двора, а с торгов и вся-

ких промыслов пятую деньгу»(IV, № 137). Само издание соборного Уложения 1649 года служит лучшим свидетельством о падении общества в царствование Алексея Михайловича; в целом Уложении нет ни одной статьи, которой бы юридически обеспечивалось значение общества в делах государственных. Современник царя Алексея Михайловича, его доктор Коллинс, долго живший в Москве, правильно говорит, что русский царь, у которого он жил, неограничен во власти, но следует, однако же, мнениям совета и в государственных, и в частных делах. Подлинные акты, дошедшие до нас от того времени, свидетельствуют то же самое. Царь Алексей Михайлович не приглашал на совет общество даже в таком чисто общественном деле, каким было введение медных денег по одной цене с серебряными. Указ о введении медных денег в 1656 году был издан без соборного приговора, только от имени царя, по совету боярина Ртищева. Мало этого, по Уложению 1649 года даже отменено участие общества в судебных делах; по Судебникам и по всем прежним законам на суде наместничьем непременно должны были присутствовать выборные от общества старосты и целовальники со своим земским дьяком, каждое судное дело писалось в двух экземплярах: один – рукой земского дьяка за руками старост и целовальников, а другой – рукой наместничьего дьяка за наместничьей печатью; по Уложению же суд предоставлен решительно одним воеводам и их приказным людям и сделался более или менее произвольным, со множеством канцелярских форм, страшно распространивших писанье и запутанность дел. Даже вызов в суд, сперва много зависевший от общества, без согласия которого по Судебнику нельзя было взять вызываемого в суд, по Уложению стал вполне зависеть от воевод и приказных людей которые, не спрашиваясь никого, насильно волочили в суд кого вздумается, и общество не имело уже никакого голоса в защиту своих членов. Правда, по Уложению полицейский служитель не мог войти в дом вызываемого в суд, ежели он не оказывался дома, и должен был ждать, когда он пойдет со двора; но это мало помогало при безгласности общества,

одиночная личность была слишком слаба против приставов, которые могли брать себе в помощь понятых и даже стрельцов и других воинских людей по усмотрению и надобности. Самый сбор податей, при прежних государях непосредственно лежавший на обществе, при царе Алексее Михайловиче вполне передан воеводам и приказным людям, так что ежели воевода или другой приказный человек чего не доберет по окладу, то весь такой недобор доправлялся на самом воеводе или приказном человеке, вследствие чего эти слуги администрации страшно давили общество своими поборами и на них мудро было искать управы.

По свидетельству Коллинса, общество в царствование Алексея Михайловича до того было подобрано под опеку приказной администрации, что знакомые, видя пьяного, валяющегося на улице среди жестокой зимы, не осмеливались оказать ему помощь, опасаясь, чтобы он не умер у них на руках и боясь подвергнуться беспокойству расследований, потому что Земский приказ умеет взять налог со всякого мертвого тела, поступающего под его ведомство. По свидетельству того же Коллинса, царь Алексей Михайлович до того опутал общество полицейским надзором, что у него были шпионы по всем углам, и ничего не делалось, не говорилось, ни на пирах, ни на сходбищах, ни на похоронах, ни на свадьбах, чего бы он не знал; у него даже были шпионы во всех войсках, чтобы следить за их движением и подробно доносить об их действиях. Насколько верны настоящие показания Коллинса, для нас лучшим свидетельством служит то, что при Алексее Михайловиче в первый раз был учрежден Приказ Тайных Дел, около 1662 года, с его пытками, застенками и страшным *словом и делом*, в первый раз появившимся на Руси и смущавшим русское общество в продолжение полутора лет. На основании таких свидетельств мы не можем сомневаться в том, что современное Алексею Михайловичу русское общество было слишком стеснено и деморализовано чрезмерно приказной администрацией и могуществом придворных временщиков, слишком злоупотреблявших доверенностью доброго и доверчивого го-

сударя; особенно много терпели низшие классы общества, не состоящие в службе, вовсе оставленные высшими классами. Прямым свидетельством тому служат многочисленные возмущения в Москве и в других городах; возмущения эти прямо указывают на деморализацию общества, не пользовавшегося доверием правительства, думавшего все устроить при помощи одной административной опеки. По свидетельству летописей и других памятников, ни в одно из прежних царствований московских государей, разумеется, исключая времена самозванщины и междуцарствия, не было столько народных возмущений, как в царствование Алексея Михайловича; исчислять их я не имею нужды, они всем известны.

Впрочем, несмотря на утрату своего прежнего значения в делах государственных и вообще деморализацию целого русского общества, те или другие классы этого общества еще не потеряли силы отстаивать частные интересы того или другого класса, административная опека еще не совсем лишила их понимания своих интересов; ежели и пошатнулась связь целого общества, то тем не менее частные союзы членов того или другого класса были довольно живучи и сильны. Так, например, до нас дошла общая челобитная всех служилых людей, поданная государю в первый год его царствования, об отмене урочных лет для вывоза беглых крестьян. Потом мы имеем еще общую челобитную от всех торговых людей русского царства, поданную в 1646 году, в которой торговые люди просили государя, чтобы он защитил русских торговцев и повелел англичанам и другим немцам, чтобы они торговали только в корабельной пристани у города Архангельска, а по другим бы городам не ездили и торгу бы у русских людей не отымали. Далее мы имеем еще общую челобитную всех торговых людей Московского государства, поданную в 1667 году, об обороне их от иноземных торговцев, при которой были поданы статьи, или правила, о порядке торговли с иноземцами, за руками гостей и лучших торговых людей и черных слобод, которые статьи и были приняты, утверждены и изданы от государева имени под названием Новоторгового Устава. По

этому Уставу русские торговцы получили почти полное самоуправление в торговых делах через своих выборных начальников без участия приказной администрации. Кроме того, мы имеем довольно большое число общих челобитен от разных городов и волостей, в которых также дружно защищались местные интересы той или другой общины. Вообще в продолжение всего царствования Алексея Михайловича приказная администрация, несмотря на свое страшное развитие, еще не могла отбить память у общества о прежнем его значении. Хотя общество уже не призывалось на совет в лице своих представителей – выборных людей, или призывалось весьма редко, тем не менее оно по разным своим частям, правильно или неправильно, еще продолжало подавать свой голос. Все были довольны царем Алексеем Михайловичем, который своей привлекательной личностью во всех вселял доверие и любовь к себе, но в то же время общество еще не признавало себя таким малолетком, каким хотела его сделать приказная администрация, и заявляло, так или иначе, свои прежние права; это заявление, в большей части случаев, призывалось благодушным государем.

Преемник царя Алексея Михайловича, царь Федор Алексеевич, вступил на престол по благословению своего отца. При его вступлении уже не созывался земской собор для собрания и утверждения государя, как это было при вступлении Михаила Федоровича и Алексея Михайловича. У нового государя явились и новые любимцы и временщики: Хитров, его воспитатель, и Милославские – родственники царя по матери, и их друзья и приятели, которые и поделили между собой все высшие и прибыльные должности. Но царь Федор Алексеевич, хотя больной и слабый физически, имел характер твердый и ум светлый и ясный, любимцы не могли его отделить от общества; он на первом же году своего царствования, в первые дни по смерти отца, показал, что он хочет советоваться с обществом, хочет знать нужды общества и ищет указания, как помочь им, от самого же общества; а посему через месяц по кончине отца приказал позвать в палату выборных людей от купцов на совет о том, как лучше устроить торг с персами

и армянами. Потом в 1678 году был созван совет из высшего духовенства и бояр для рассуждения о лучших мерах, как вести войну с турками; далее в 1681 году государь приказал созвать депутатов от всех городов для рассуждения о лучших средствах к уравнению податей и служб. Наконец, в 1682 году были приглашены высшее духовенство, бояре и выборные от всех служилых людей для рассуждения о введении лучшего порядка в военной службе. На этом соборе, по приговору бояр и выборных людей, было определено уничтожить местничество, уже отжившее свой век и много мешавшее военной и придворной службе. Вообще, большая часть указов царя Федора Алексеевича была издана с боярским приговором и везде видно старание царя дать обществу больше голоса и простора и посократить тяжелую административную опеку. Он в первый же год своего царствования уничтожил учрежденный отцом Приказ Тайных Дел и приказал все дела его описать и раздать по другим приказам, а в предпоследний год своего царствования сбор большей части податей предоставил самому обществу, отстраняя от этого воевод и приказных людей, и для большего поднятия нравственности в обществе уничтожил питейные откупа, он старался сократить широко распространившуюся роскошь и с этой целью издал несколько указов об одежде и экипажах, где назначил, кому какое носить платье и в каких ездить экипажах. Для поднятия нравственности общества он издал еще два замечательных указа: один в 1680 году, которым предписывалось, чтобы в челобитных государю не писать слова «пожаловал бы, умилился, как Бог», и второй в 1681 году, которым запрещалось чинить земные поклоны перед боярами думными и ближними людьми при встрече с ними на дороге, и чтобы не слезать перед ними с лошадей. Вообще молодой царь постоянно старался высказывать доверие к обществу, выдвигать его вперед и поднимать его нравственность, забитую приказной администрацией. В последний год своего царствования царь обратил внимание даже на нищих, стариков и калек и на бедных детей, оставшихся в сиротстве, без призора; велел построить две бога-

дельни, одну в Знаменском монастыре, а другую на Гранатном Дворе, что за Никитскими воротами, и записал за ними несколько вотчин. Общество, поднятое государем, платило ему полной преданностью: в царствование Федора Алексеевича не было ни одного возмущения ни в Москве, ни в городах, не было неудовольствий, по крайней мере гласных, и все нововведения и реформы государя, которых было довольно, принимались мирно и безропотно. Разные классы общества, и по вызову правительства, и по собственным нуждам, смело подавали свой голос, и голос этот постоянно принимался в соображение. Были ли в царствование Федора Алексеевича пытки и застенки по так называемым политическим делам, мы не знаем, но, очевидно, в них не было нужды ни по характеру государя, уничтожившего Тайный Приказ, ни по положению общества, над которым менее тяготела административная опека и которое государь постоянно старался возвысить.

Ранняя кончина царя Федора Алексеевича и малолетство его преемников, братьев, царей Ивана и Петра Алексеевичей, испортили дело, начатое Федором, и общество опять вступило на худую дорогу, вследствие чего подверглось новой сильнейшей деморализации. При самом же избрании преемника Федору начались придворные интриги, враги между собой, родственники царей Иоанна и Петра, начали сильную борьбу и вмешали в это дело стрелецкие полки, стоявшие в Москве; престол московский стал зависеть от придворных интриг и своеволия необузданного московского войска. Сперва Нарышкины, родственники Петра, успели объявить его государем, мимо старшего брата, а потом Милославские при помощи стрельцов объявили государем и Иоанна. При этом избрании каждая партия действовала своими средствами, не прибегая к голосу целого русского общества через выборных представителей. В самый день кончины Федора Нарышкины, при помощи других бояр и высшего духовенства с патриархом во главе, наперед согласились признать царем девятилетнего царевича Петра Алексеевича; потом, в тот же день, чтобы представить вид всенародного избрания, призвали к переднему дворцовому

крыльцу дворян и детей боярских, какие случились в Москве, а также московских гостей и людей московских черных слобод, и патриарх с боярами спросил их: которого царевича они желают избрать царем – Иоанна или Петра? И получил от собранной толпы ответ: Петра желаем иметь царем. Потом снова повторил вопрос и снова получил прежний ответ. Довольствуясь такой формой выбора, бояре и высшее духовенство, руководимое патриархом, объявили царем Петра Алексеевича и приказали ему присягать; все это было сделано в один вечер, ибо царь Федор Алексеевич скончался в 4-м часу пополудни. Но в то время, как партия Нарышкиных, по-видимому, достигла своей цели, партия Милославских, руководимая царевной Софьей Алексевной, действовала по-своему: она обратилась к московским стрельцам, с которыми не умели или не хотели сойтись Нарышкины, и стрельцы всех московских полков, руководимые тайно партией Милославских, на третий же день по смерти царя Федора Алексеевича подали новоизбранному царю челобитную на своих полковников, жалуясь на разные обиды и притеснения. Бояре, управлявшие от имени Петра, опасаясь возмущения от стрельцов, определили удовлетворить их челобить и отрешить полковников, бить их батогами и взыскать с них все убытки, предъявленные стрельцами. В исполнение этого определения стрелецкие полковники целую неделю были биты батогами на правеже, перед Разрядным Приказом, до тех пор пока не внесли требуемых стрельцами денег. Между тем стрельцы, оставаясь без непосредственных начальников, своевольничали, и в стрелецких слободах стали носиться слухи, что царь Петр избран незаконно, мимо старшего брата, что изменники Нарышкины и другие бояре извели уже Иоанна и хотят истребить весь царский дом. Наконец, 15 мая стрельцы с барабанами, пушками и другим оружием вошли в Кремль, окружили царский дворец и стали требовать Нарышкиных, погубивших царевича Иоанна. Тщетно царица Наталья Кирилловна вышла на Красное крыльцо с Петром и Иоанном и указывала, что Иоанн жив и стоит перед ними; мятежники завопили, что ежели еще и не убит царевич, то его

убьют, вломились во дворец и начали резать бояр, отыскивая Нарышкиных, и приходили резать и буйствовать три дня кряду, и в это кровавое время истребили почти всех, которые были назначены их тайными руководителями. Но трехдневное убийство не прекратило мятежа – стрельцы еще шесть дней буйствовали, грабили и оскорбляли бояр, а 23 мая прислали во дворец от себя выборных с объявлением, что стрельцы и многие чины Московского государства хотят видеть на престоле обоих братьев царевичей, и кто тому воспротивится, то они опять придут с оружием и будет мятеж немалый. Противников среди оробелых бояр не оказалось, и оба царевича были объявлены царями; но стрельцы или их руководители и этим были недовольны: через два дня выборные от стрельцов опять явились во дворец с требованием, чтобы Иоанн был первым царем, а Петр вторым. Никто не осмелился противиться и этому требованию, и 26 мая велено было собраться у Красного крыльца стрельцам, гостиной и суконной и черным сотням и ждать царского указа, а патриарх, власти, бояре и думные люди по-прежнему, как и при избрании Петра, собрались в Грановитую палату и после краткого совещания объявили стрельцам и народу Иоанна первым царем, а Петра вторым; а еще через два дня, по требованию стрельцов, и царевна Софья была объявлена правительницей государства за молодостью царей. Таким образом, совершилось и второе избрание царя по проiscaм Милославских; форма избрания была соблюдена та же, какая была и при избрании Петра; при обоих избраниях, по-видимому, дело делалось по воле народа, для формы, для вида, при том и другом избрании приглашался народ, но то и другое избрание делалось перед толпой, но без согласия общества, без объявления народной воли через выборных от городов. Здесь общество в обоих случаях оставалось в стороне, земского собора не было, а действовали одни придворные партии при помощи стрельцов и черни.

Но чернь и своевольное войско, выдвинутые вперед как решители судеб государства, не могли скоро успокоиться. Между тем как вновь избранные цари торжественно были

венчаны на царство в Успенском соборе, в стрелецких слободах продолжались волнения; начальник всего стрелецкого войска князь Иван Хованский, закоренелый раскольник, стал тайно возбуждать стрельцов и чернь на защиту раскола, тайно были выписаны в Москву главные расколоучители, уже отлученные от церкви, и при их подстрекательстве стрельцы и чернь снова забунтовали и с шумом явились в Кремль, требуя церковного сбора на Красной площади для прения о вере, а между тем тайно замышляя побить патриарха и архиереев и других неугодных им людей. Но этот мятеж благоразумием и твердостью Софьи был усмирен без кровопролития, а главные расколоучители казнены или сосланы в ссылку. Однако волнения стрельцов не прекращались; руководимые князем Хованским, они вместе с чернью вообразили себя представителями общества и судьями народа и продолжали везде отыскивать и своевольно казнить мнимых изменников. *Слово и дело*, эти ужасные слова, опять пошли в ход, а с ними вместе пытки и казни, над которыми стрельцы и чернь не задумывались при первом пустом слухе о грозящей им опасности от бояр и начальников. Такое положение дел заставило всех лучших людей бежать из Москвы, наконец выехало и царское семейство со своим двором; Софья, для собственного спасения и водворения порядка, от имени царей разослала грамоты по ближайшим к Москве городам, чтобы дворяне, боярские дети и другие служилые люди этого разряда спешили в Троицкий монастырь, куда уже прибыл царский двор с царями и царевнами. По этому зову скоро собралась большая рать на защиту престола, и рать, ненавидящая стрельцов, рать землевладельцев, нуждающихся в тишине и мире общественном, а не толпы бездомной вольницы, радующейся мятежам и кровопролитию. Стрельцы, узнав об этом, присмирели, их главный заводчик князь Хованский с сыном по указу царей были вытребованы в Троицкий монастырь и казнены смертью на дороге, в селе Воздвиженском. Царский двор воротился в Москву, Софья, объявив стрельцам прощение, вместе с тем приняла свои меры: разделила московских дворян и жильцов на

пять частей и предписала, чтобы каждую четверть года одна часть стояла караулом в Москве, а беспокойные стрелецкие полки мало-помалу выпроводила из Москвы, оставив при себе только те, на преданность и послушание которых могла положиться. Так кончился кровавый год смерти царя Федора Алексеевича. Дорого он стоил и обеим придворным партиям, вздумавшим руководить общественными делами мимо представителей общества, и обществу, равнодушно смотревшему на придворные интриги.

Меры, принятые царевной Софьей, временно прекратили мятежи в Московском государстве или, скорее, собственно в Москве, ибо возмущения стрельцов ограничивались собственно городом Москвой, но тайные неудовольствия и какой-то разлад в обществе не были прекращены и постепенно росли все более и более. Очевидный свидетель этого времени, генерал Гордон, 38 лет служивший в России, еще в 1684 году подавал князю Василию Васильевичу Голицыну записку, в которой среди разных причин, препятствующих успешной войне с турками, выставлял то, что государство разделено на мятежные или несогласные части, что дворянство питает смятение, несогласие, подозрение и зависть. То же подтверждает и другой современник, бывший также тогда в Москве, Невиль: он говорит в своих записках, что любимец Софьи, князь В. В. Голицын, захватив в свои руки огромную власть и посадив на важные должности своих клеветов, большей частью людей незначительных по происхождению, возбудил против себя ненависть всех знатных людей, отодвинутых его распоряжениями на задний план. И действительно, Москва в то время была разделена на два враждебных стана: на стан Нарышкиных, недавно разгромленный, но не уничтоженный стрельцами, к которому принадлежали знаменитейшие фамилии, первоначально избравшие Петра, и большая часть дворянства, и на стан Софьи, к которому принадлежали стрельцы и московская чернь, выдвинутые мятежами на передний план, и несколько боярских фамилий, из своих выгод приставших к стороне победителей, вручивших управление государством Софье.

Лучшим свидетельством такой нестройности тогдашнего общества служат указы правительства, в которых постоянно предписывается «никаких смут не затевать, с оружием в город и никуда не ходить, кругов по казачью не заводить, ясаков не вымышлять, мимошедших дел не вчинать, не делать и не похваляться, о всех смутах и замыслах доносить, смутные письма объявлять, многолюдством к боярам, воеводам и приказным людям с челобитными не приходиться, и пр.». Это слова указа от 13 декабря 1682 года. Потом в указе от 22 марта 1683 года говорится о людях, которые «объявились на Москве и в городах и говорили в народе, на соблазн и на страхование людям, многия затейные дела, вмещающая на смуту». Или в указе от 21 мая того же года сказано: «ведомо великим государям учинилось, что в городах тамошние жители и прохожие люди про мимошедшее смутное время говорят похвальные и иные многия непристойные слова, на смуту и на страхование и на соблазн людям». Или в указе от 20 февраля 1684 года указывается, что «боярские люди производят шум и драки в Кремле близ дворца, и когда караульные капитаны и стрельцы станут их унимать, то они капитанов и стрельцов бранят и грозят бить». В указе от 23 октября того же года упоминается, что два боярина, пять окольничих и один думный дворянин не пошли по наряду в ход за царем Иваном Алексеевичем, несмотря на неоднократные за ними посылки.

О той же нестройности и деморализации общества свидетельствуют записки окольничего Желябужского, который, между прочим, выставляет следующие случаи частной жизни некоторых своих современников. В 1684 году учинено наказание Петру Васильевичу Кикину, бит кнутом перед Стрелецким приказом за то, что он девушку растлил. Да и прежде сего он, Петр, пытан на Вятке за то, что подписался было под руку дьяка Емельяна Украинцева. В 1685 году бит кнутом на площади Феодосий Филиппов сын Хвошинский, за то, что он своровал – на порожном столбце составил было запись. Князю Петру Кропоткину чинено наказание – бит кнутом за то, что он в деле своровал – выскреб и приписал своей рукой.

Степану Коробину чинено наказание – бит кнутом, за то, что деву растлил. В 1687 году князь Яков Иванов сын, Лобанов-Ростовский, да Иван Андреев сын, Микулин ездили на разбой, по Троицкой дороге, к Красной Сосне, разбивать государевых мужиков с их, великих государей, казной; и тех мужиков они разбили и казну взяли себе, и двух человек мужиков убили до смерти. И про то их воровство разыскивано, и по розыску он, князь Яков, взят со двора и привезен был к Красному крыльцу в простых санишках, и за то воровство учинено ему, князю Якову, наказание – бит кнутом в Жилетцком подклете, по упросу верховой боярыни и мамы, княгини Анны Никифоровны Лобановой; да у него же, князя Якова, отнято за то его воровство бесповоротно 400 дворов крестьянских; а человека его, калмыка, да казначея за то воровство повесили. А Ивану Микулину за то воровство учинено наказание – бит кнутом на площади нещадно, и отняты у него поместья и вотчины бесповоротно и розданы в раздачу, и сослан был в ссылку в Сибирь, в город Томск.

Таковые и подобные поступки в высшем сословии, между дворянами и князьями, служат лучшим свидетельством того, как низко пало тогдашнее общество вследствие интриг и мятежей, и чего, конечно, можно было ожидать от такого общества, когда высший слой его, который должен бы был идти впереди, руководить и поддерживать других, погряз в таких пороках, которые нетерпимы и отвратительны и в низшем слое общества. Среди этого-то общества явился Петр, и на восемнадцатом году от рождения сделался полновластным и ничем не ограниченным государем, а с ним и партия Нарышкиных, и всех тех боярских фамилий, которые Софьей, Голицыным и стрельцами были сбиты на задний план и у которых, естественно, не могло быть никакого другого чувства к противникам, кроме крайней ненависти и кровавой вражды. Партия же, в сущности уже проигравшая свое дело с переходом правления в руки Петра, еще не думала отступить, сойти со сцены мирно и покориться своей участи. Отсюда начало мятежей, настоящих и мнимых, и рядом с мятежами страшное пре-

следование: вешают чуть не тысячами, колесуют, четвертуют, в Преображенском, в застенках, страшные, невыносимые пытки: кнут, виска, раскаленное железо, костры, на которых поджаривают живых, чтобы они сами обвинили себя в том, в чем их обвиняют доносчики и следователи. С одной стороны, доносчики, шпионы и по службе, и по собственной охоте, а с другой – заговорщики, подкупные тайные убийцы, явные бунтовщики с ружьями и пушками; та и другая сторона ничем не пренебрегают, взаимное ожесточение доходит до крайностей, и обе стороны падают: одна быстро вымирает на виселицах, на колесах, на плахах под топором палача и в застенках, а другая вымирает нравственно, делается слепым орудием, какой-то стихийной силой. Из этой темной пучины всплывает наверх царь Петр со своим обширным умом и железной волей, находит для себя людей и в рядах дворянства, и в торговых лавках, и на площадях, и между заезжими иностранцами, и даже между боярскими холопами и монастырскими служками, и создает для себя общество, ведет его по новому пути, созидает новые требования, новые нужды и производит всеобщую реформу, начиная с бороды и русского платья, которые оставил только низшему классу, да и то неохотно, и кончая переустройством всего государственного механизма. Но о деятельности Петра мы будем говорить в другом месте, а теперь опять обратимся к тогдашнему русскому обществу.

Все современники единогласно свидетельствуют, что русское тогдашнее общество, ослабленное раздорами и подавленное централизацией и приказной администрацией, но удерживаемое военной силой, было в крайнем упадке и не только утратило все свои права, но и нравственно сильно пошатнулось. Мы имеем среди многих других двух наиболее достоверных и беспристрастных современных свидетелей о русском обществе за петровское время: окольного Желябужского и крестьянина Посошкова. Первый писал о первой половине царствования Петра, второй – о последней. По свидетельству Желябужского, в 1694 году пытаны и биты батогами: Леонтий Кривцов, Федор Перхуров, дьяк Иван Шапкин,

Григорий Языков, Федор Замыкий и дьяки Иван Харламов и Петр Вязмитин, что воровали по приказам, делая подчистки и подделки в делах. В следующем году пытаны в воровстве по язычной молвке: стольники Владимир и Василий Шереметевы, князь Иван Ухтомский, Лев и Григорий Колзаковы; а языки с пытки на них говорили, что на Москве они приезжали среди бела дня к посадским женкам, и дома их грабили; и смертное убийство чинили и назывались большими. В том же году, по свидетельству того же Желябужского, мы встречаем начальником 3-й роты гвардейского Преображенского полка князя Якова Лобанова-Ростовского, того самого, который в 1687 году по суду был бит кнутом за денной разбой и убийство на большой дороге. А Посошков говорит о своих современниках по порядку сословий и, во-первых, о *духовенстве*: «Они наши пастыри и отцы, они и вожди, а в книжном учении и разумении весьма не довольны; а архиереи полагаются на служебников своих в поставлении поповством; а сельские попы обременены земледельством. А что Бог възыщет всякие погибшия души на них, того не смышляют, и о служении церковном не пекутся». *О войске*: «военный люд – стена и забрало царства, а командиры и судии военного правления не имут попечения, чтобы они ни голодни, ни холодни были; а иным солдатам на месяц и по десяти алтын не приходит, то чем ему прожить, где ему взять шубу и рукавицы и на что харча купить, и в такой скудости живучи, как ему не своровать. И при квартирах солдаты и драгуны так не мирно стоят, и обиды страшные чинят, что и исчислить их не можно, а где офицеры их стоят, то и того горше чинят. А во обидах их суда никак сыскать негде, – военный суд еще и жесток учинен, да и жестоко достигать до него; не токмо простолюдин достигнуть по нему, но и военный человек на неравного себе не скоро суд сыщет». *О купечестве*: «купечество у нас друг друга обманывают, худые товары закрашивают добрыми, друг друга едят и никакого союза между собою не имеют, и тако вси погибают».

Говоря о современном ему суде, Посошков пишет: «Я истинно удивляюсь, что у судей за нрав, что в тюрьму посадя

держат лет по пяти, шести и больше. В прошлом 1719 году сыщик Исленьев в Устрине у таможенного целовальника взял с работы двух человек плотников за то, что у них паспортов не было и отослал их в Новгород, и в Новгороде судья Иван Мякинин кинул их в тюрьму, и один товарищ, год пересидя, умер, а другой два года сидел, да едва его на росписку освободил. На что бодрее и разумнее господина князя Дмитрия Михайловича Голицына! В прошлом году подал я ему челобитную, чтобы мне завод построить винокуренный и водку взять на подряд; и неведомо чего ради велел меня за караул посадить, и я сидел целую неделю, и стало мне скучно быть, что сижу долго, а за что сижу, не знаю. В самое заговенье Госпожинское велел я уряднику доложить о себе; и он князь Дмитрий Михайлович сказал: давно ль де он под караулом сидит? Урядник сказал уже де целую неделю сидит; и тотчас велел меня выпустить. И я кажется, и не последний человек, и он, князь Дмитрий Михайлович, меня знает, а просидел целую неделю ни за что. Кольмиже паче коего мизерного посадят да и забудут». Далее о повальных обысках пишет: «А что в проклятых повальных обысках, то сам сатана сидит, а Божия правды ни следа нет: всех свидетелей пишут заочно». Или о судебных справках: «Хотя малая какая справка приказная, то не хотят подождать до иного времени, но как вздумают, так и посылают бессрочно; и того отнюдь не чинят, чтобы послать о том, еже взять письменное ведение, но только то у приказных людей вытвержено, что поволоки со всякою отповедью в город. А ино дел прямого еще и на алтын нет, а по кого пошлют, то самое легкое дело, что рубли два три убытку сделают, а иному рублев и десять учинят убытку, и тем людей Божиих весьма убытчат».

О своевольствах дворян и их укрывательстве от службы Посошков рассказывает: «Дворяне так избалованы: в Устрицком стану есть дворянин Федор Макеев сын, Пустошкин, уже состарился, а на службе никакой и одною ногою не бывал; и какие посылки жестокие по него не бывали, никто взять его не мог: овых дарами угобзит, а кого дарами угобзить не мо-

жет, то притворит себе тяжкую болезнь или возложит на себя городство. И за таким его пронырством инии и с дороги его отпускали; а егда из глаз у посыльщиков выедет, то юродство свое отложит, и домой приехав яко лев рыкает. И аще никакие службы великому государю не оказал, а соседы все его боятся; детей у него четыре сына выращены, а меньшему его есть лет семнадцать, а по 1719 год никто их в службу выслать не мог. И не сей токмо Пустошкин, но многое множество дворян веки свои проживают. В Алексинском уезде видел я такого дворянина, именем Ивана Васильева сына, Золотарева. Дома соседям своим страшен, яко лев, а на службе хуже козы. В Крымском походе не мог он отбыть, чтобы нейтить на службу; то он послал вместо себя убогого дворянина, прозванием Темирязева, и дал ему лошадь, да человека своего, то он его именем и был на службе, а сам он дома был, и по деревням шестериком разъезжал, и соседей своих разорял. А ныне если посмотреть, многое множество у дел таких брызгал, что мог бы один пятерых неприятелей гнать, а он, добившись к какому делу наживочному, да живет себе, да наживает пожитки, ибо овые добившись в комисары, и в четверщики, и в подкомисарья, и в судьи и в иные управления, и живут в покое, да богатыся; а убогие дворяне служат, и с службы мало съезжают, иные лет по двадцати и по тридцати служат».

О крестьянах пишет, «крестьянское житие скудно ни отчего иного, токмо от своея их лености, а потом от нерассмотрения правителей и от помещичья насилия. Есть такие бесчеловечные дворяне, что в работную пору не дают крестьянам своим единого дня, ежебы ему на себя что сработать. И тако пахотную и сенокосную пору всю и потеряют у них; или что наложено на крестьян оброку, или столовых запасов, и то положенное забрав, и еще требуют с них излишнего побору и тем излишеством крестьянство в нищету пригоняют; и который крестьянин станет мало мало посытее, то на него и подати прибавляют. И за таким их порядком крестьянин никогда у такого помещика обогатиться не может, и многие дворяне говорят: крестьянину не давай обрости, но стриги его яко овцу догола.

И тако творя царство пустошат; понеже так их обирают, что у иного и козы не оставляют. И от таковыя нужды крестьяне дома свои оставляют и бегут иные в понизовые места, иные же и во украинные, а иные и в зарубежные; и тако чужие страны населяют, а свою пусту оставляют».

Наконец, в довершение описания бедственного состояния русского общества Посошков свидетельствует о беспрепятственных и повсеместных разбоях. Он говорит: «О истреблении разбойников много взыскания числится из давних лет, и многие сыщики жестокие посылаемы бывали, якоже: Артемий Огибалов, Евсигней Неелов и прочие подобные тем. Обаче тем ничтоже утеша, но всегда их множество во всех странах многие разбои чинят, многие деревни и села великие разбивают, и людей до смерти запытывают. И никогда тем разбойникам конца не будет, аще нынешнего судейского правления не изменят, и от чего они родятся, если не пресечь. У нас поймав вора или разбойника, не могут с ним расстаться, — посадят в тюрьму, да кормят его, будто доброго человека, и держат в тюрьме лет десять и двадцать, и в таком долгом сиденьи много их уходит, а ушед уже пуще старого воруют. И ныне так они умножились: аде кой крестьянин хотя десятков пять шесть наживает, а воры ближние то увидев, пришед на двор, да и совсем его разорят, и допытываясь денег многих и до смерти замучивают, а соседи все слышат и видят, а на выручку к соседу своему нейдут и вора́м дают волю».

Но, кроме ночных воров и разбойников по дорогам, в тогдашнем русском обществе были и такие грабители, которые занимали высшие государственные должности и пользовались полной доверенностью государя. Всем известна следовательная комиссия, учрежденная в 1718 году по случаю открывшихся важных злоупотреблений в администрации и расхищения огромных казенных сумм! Суду этой комиссии подверглись знаменитейшие лица в государстве, постоянные и самые близкие сотрудники Петра: Меншиков, Апраксин, Долгорукий и многие другие, из коих только один Долгорукий оправдался, а все другие были уличены в разных злоупо-

тресениях и расхищениях казны. Но что всего ужаснее, что к концу царствования Петра административная опека, снабженная фискалами, обер-фискалами и разными шпионами и поддерживаемая страшными застенками и военной силой, расставленной для постоянного квартирования почти по всем губерниям, довела общество до такой деморализации, что доносы сделались уже не ремеслом известных людей, а какой-то необходимостью почти для всех; каждый пустой и дельный слух, даже нелепый разговор пьяных в кабаке или у кого в гостях, непременно доносился кем-либо из слышавших, ибо не донести было нельзя, а за каждым доносом непременно следовало путешествие в застенки или каземат с пытками, откуда люди или выходили на свет божий с выломанными руками и другими памятниками своего пребывания в застенке, или прямо отправлялись на виселицу или под кнут, или под топор палача, или делали дальнейшее путешествие в Сибирь. Рассказ под названием *кабачок Мартышка*, составленный по официальным бумагам и помещенный в Русском Вестнике в 1861 году, лучше всего свидетельствует об этом состоянии русского общества в царствование Петра.

Кончина Петра не прекратила порядков, заведенных в его время; разделение общества на две враждебные партии, придворные интриги, гнет администрации и централизации, разорительные налоги и разные поборы управляющих областями, разбои, грабежи и общая деморализация продолжались по-прежнему и при ближайших преемниках Петра. Особенно в большом ходу было *слово и дело* со своими спутниками: застенками, пытками, казнями и ссылками в Сибирь, как это засвидетельствовано указом Анны Ивановны от 10 апреля 1730 года, где сказано: «Многие колодники и каторжные невольники, которые за тяжкие вины уже сосланы в работу, сказывают за собою наша слово и дело. Также и всяких чинов люди, которых хотя и не колодники, такие же великия дела ложно затевают по злобе, желая кого привести к напрасному истязанию, и невинных оговаривают ложно, от чего в правлении государственных дел чинится помешательство и

остановка, а в даче под них провожатых и подвод и прогонов, казенный убыток» (№ 5528). Но и в царствование Анны Ивановны в этом отношении состояние русского общества не улучшилось, чему, конечно, много способствовали сами обстоятельства, сопровождавшие восшествие ее на престол, и подозрительный характер ее любимца, герцога Бирона. Вступление Анны Ивановны на престол представляет замечательное явление в нашей истории. Со смертью бездетного Петра II пресеклось мужское поколение царственного дома Романовых. Петр II умер, не оставив никакого завещания, а ясного закона о престолонаследии не было. Все обстоятельства требовали того, чтобы обратиться к обществу и спросить его решения. Вместо всего этого пять членов Верховного Совета, даже без согласия всех товарищей, самовольно решают судьбу государства, приглашают на престол герцогиню Курляндскую, по своим видам навязывают ей какую-то конституцию, ими одними составленную. Разумеется, эта нелепая конституция через неделю же по приезде новой императрицы была разорвана в клочки, но и здесь не спросили общество, и все дело обошлось адресом 300 дворян и согласием гвардии офицеров, которых приласкала императрица. Впрочем, императрица Анна Ивановна первоначально думала обращаться к обществу и советоваться с ним в важнейших делах, как это показывает указ от 1 июня 1730 года, которым назначается, чтобы для сочинения нового уложения Сенат по своему рассмотрению выбрал депутатов от дворянства, духовенства и купечества (№ 5567). Но это в том же году указом Сената от 10 декабря было отменено, и даже высланные в Сенат по этому предмету депутаты от дворянства разных губерний были отосланы назад. А в 1731 году указом от 6 апреля была уже учреждена Канцелярия Тайных Розыскных Дел, под начальством генерал-адъютанта Ушакова с огромнейшими правами. Страшное слово и дело опять стало смущать не только Петербург и Москву, где никто, особенно из высших классов, не надеялся на свою безопасность, и за один день, оно распространилось и по другим, даже мелким городам, ибо стои-

ло только какому-нибудь пьяному негодяю крикнуть слово и дело и представить местному воеводе или другому командиру донос на кого бы то ни было, как несчастного тут же брали под арест и подвергали застеночным операциям. В Москве в это время, как я знаю по устным преданиям от стариков, дело доходило до того, что купцы в рядах бросали все дела, запирали лавки и старались спрятаться, как скоро увидят, что ведут языка, сказавшего слово и дело. Рядом со словом и делом росла и административная опека и доросла до того, что стоило только какому-нибудь прохожему надеть какой-нибудь мундир и назвать себя посланцем от воеводы или от другого какого начального лица, чтобы брать разные поборы с крестьян и мелких помещиков по деревням, ибо начальников было в то время так много, что деревенскому жителю нельзя было и разобрать, кто в самом деле начальник и кто самозванец, а каждый хорошо знал страшные последствия сопротивления начальству. Вообще дела были устроены так ловко, что сверху все казалось стройным и порядочным, за всем присмотр, везде отчет; но обществу от этого не было легче, ибо каждый лишний надзиратель являлся лишь новым собирателем поборов в свою пользу. По указам от 31 октября года и от 7 и 17 июня 1731 года, квартирующие на вечных квартирах по губерниям солдаты опять сделались опекунами городских и сельских жителей; им был поручен и сбор податей, и соблюдение тишины и порядка в обществе, и искоренение воров и разбойников; а воры и разбойники все умножались, целые деревни и волости в иных местах занимались этим промыслом и, по свидетельству указа от 7 июля года, шайки разбойников иногда бывали так велики, что для этого приходилось собирать отряды войск из нескольких городов. Около Москвы разбойников было так много и они имели такую дерзость, что в 1734 году стали уже посылать к московскому главнокомандующему письма с требованием прислать к ним денег, грозя в противном случае разными злодействами. А в 1736 году, по указу от 3 сентября, была учреждена под начальством подполковника Редькина для сыска воров и разбойников особая

военная команда (№ 7045). По свидетельству указа от 14 декабря 1737 года, грабежи сильно распространились даже в самом Петербурге, так что правительство было вынуждено поставить гвардейские пикеты по Невскому проспекту и в других местах (№ 7458). В разбоях принимали участие не одни крестьяне и беглые солдаты, которых, надо сказать, по тягости службы было в то время очень много, но и дворяне, по старой памяти, как это делали иные из них в конце XVII столетия. Современник Анны и Елизаветы, артиллерии майор Данилов, в своих записках рассказывает, между прочим: «В 1739 году пойман был разбойник, князь Лихутьев, и в Москве на площади казнен, голова его была поставлена на кол» (ст. 57).

Кроме грабежей, разбоев и страшного слова и дела, общество само по себе как-то было беспокойно, по местам высказывались неудовольствия и даже являлись самозванцы. Время от времени появлялись разные безымянные подметные письма, и притом в значительном количестве, как это засвидетельствовано указами от 11 августа 1732 года и от 26 сентября 1738 года, по которым такие письма предписано не распечатывая публично сжигать. А указом от 25 июля 1735 года запрещалось по ночам пропускать к рогаткам черный народ более трех человек из опасения беспорядков и грабительств. А в 1738 году явился самозванец, какой-то Миницкий, проживавший в числе рабочих в малороссийском Переяславском полку, который назвал себя царевичем Алексеем Петровичем, составил себе небольшую шайку и качал смущать народ, но вскоре был пойман, отведен в Тайную Канцелярию и там, после пыток и допросов, вместе со своими соучастниками посажен живой на кол. Замысел Миницкого не имел больших последствий, он едва успел привлечь к себе 68 человек, как был схвачен в Тайную Канцелярию; но тем не менее замысел этот свидетельствует о беспокойном состоянии общества. Кроме того, в узаконениях времени Анны Ивановны мы встречаем несколько указов о преследовании тех священнослужителей, которые не давали присяги на верность императрице и не служили литургий в царские дни;

указы эти были изданы не только в начале царствования Анны Ивановны, но и в последние годы, что довольно ясно намекает о какой-то партии недовольных.

Относительно частной общественной жизни тогдашнего общества должно сказать, что как высшие, так и низшие слои его в то время отличались крайней грубостью и варварством, несмотря на то что в высших слоях внешность была довольно блестяща и прикрывалась некоторым лоском образованности; чтобы убедиться в этом, стоит припомнить поступки кабинет-министра Волюнского с тогдашним академиком Третьяковским. Образование, несмотря на заведение разных школ, учрежденных как Петром Великим, так и Анной Ивановной, было в самом жалком состоянии. Ежели плохи были дьячки и пономари, учившие по часослову и псалтырю по селам и деревням, то и в казенных школах учителя не отличались ни нравственностью, ни знанием дела. Вот как описывает современник Данилов Артиллерийскую школу, где учились князья и дворяне: «Великой тогда недостаток в одной школе состоял в учителях. Сначала вступления учеников было для показания одной арифметики из пушкарских детей два подмастерья; потом определили, по пословице – волка овец пасти, штык-юнкера Алабушева. Он тогда содержался в смертном убийстве третий раз под арестом, – был человек хотя несколько знающий, разбирал Магницкаго печатную арифметику и часть геометрических фигур показывал ученикам, потому и выдавал себя в тогдашнее время (в 1736 году) ученым человеком, однако был вздорный, пьяный и весьма неприличный быть учителем благородному юношеству». Между тем в этой школе было до 700 учеников. Вот один анекдот, рассказанный Даниловым об Алабушеве: он увидал какой-то рисунок у одного из учеников, по фамилии Жеребцова, схватил ученика, повалил на пол, велел рисунок положить ему на спину и сек Жеребцова немилостиво, пока рисунок розгами расстегали весь на спине. Вообще должно сказать, что старый порядок учения был тогда брошен без всякого надзора, а за новым плохо смотрели, да и не думали

о средствах к его улучшению, если людей, состоящих под арестом и никуда не годных, назначали в учителя, даже в такую школу, как артиллерийская, где училось до 700 человек княжеских и дворянских детей. Недаром же в то время неохотно отдавали детей в казенные училища.

Отношение местных правителей было не лучше отношения учителей к ученикам; крайняя грубость и взяточничество были обыкновенным явлением в тогдашнее время. Вот что рассказывает Данилов об одном Даниловском воеводе, у которого в детстве он гостил некоторое время: «У воеводы был сын Василий в мои лета, или еще моложе; я жил у воеводы более в гостях, нежели учился, хотя и был у сына воеводского учитель, отставной престарелый поп, только мы не всякий день и зады твердили. Отпустил нас на неделю рождества Христова воевода с сыном своим по тому уезду Христа славить и за нами посылал подвод по пяти и более порожних саней, на подаяние за славленья. Мы каждый день привозили посланные за нами подводы полны хлебом и живыми курами и по несколько денег; и в неделю Рождества, как хлеба так и живых кур, не мало натаскали к воеводе. При оном славленьи нашем насмотрелся я, что воеводские люди поступают в уезде нахайливее и безстыднее городских разсылщиков; они собирали птиц и с тех дворов, в которых мы с воеводским сыном не были и Христа не славили» Хороши поборы! Данковский воевода был еще не из худых; что же делали другие?

Отношения дворян между собой и к своим слугам тоже не отличались особенной мягкостью и благонаравием: зазвать соседа или родственника в гости и обобратить его тогда не было явлением необыкновенным. Данилов рассказывает, что один раз родной дядя его зятя, зазвав племянника к себе в гости и напоив порядком, взял с него закладную в пять тысяч рублей на самое лучшее его село в 250 душ, а денег дал только тысячу рублей. А по смерти зятя еще лучше поступили родственники с его женой: они как разбойники напали на ее обоз, отправленный в Москву, и разграбили его. Поучителен также один поступок родственника с самим Даниловым, бывшим мальчиком

лет десяти, у которого он гостил. Данилов пишет: «Родственник мой в зимнюю пору, в жестокие морозы, собрался в Глухов на службу и меня взял с собою, и мне досталось ехать за коляскою вместе с лакеями; наперед ехали двое верховых, у которых ружья висели на погонах, а он лежал в четверместной коляске на перине в лисьей шубе и под лисьим одеялом. В один день меня накормили соленою рыбою и я захворал. Родственник мой, узнав о моей болезни чрез своих слуг, позволил мне лечь в коляску, в которой я немного покойнее был, чем за коляскою. Тот же родственник, воротившись из Глухова домой, вздумал пробовать привезенное глуховское вино: прибавляя в рюмки сахару, пил сам, потчивал жену и мою сестру, которая тут случилась; и они все трое вскоре узнали силу глуховскаго вина, выпились из ума, прежде пели песни, плясали, целовались, потом зачали плакать».

Еще поучительнее были отношения дворян тогдашнего времени к своим слугам. Данилов рассказывает об одной вдове, своей родственнице: «Она вдова охотница великая была у себя за столом кушать щи с бараниною; только, признаюсь, сколько времени у ней я не жил, не помню того, чтоб прошел хотя один день без драки. Как скоро она примется кушать свои любимыя щи, то кухарку, которая готовила те щи, люди притоща в ту горницу, где мы обедаем, положат на пол и станут сечь батожем немилосердо, и потуда секут и кухарка кричит, пока не перестанет вдова щи кушать; это так уже введено было во всегдашнее обыкновение, видно для хорошего аппетита».

По смерти императрицы Анны Ивановны, за малолетством ее преемника, правление около года находилось в руках сперва герцога Бирона, потом, когда Бирон был арестован и отправлен в ссылку, перешло в слабые руки матери императора, принцессы Анны Леопольдовны; наконец, в ночь на 25 ноября 1741 года гвардейцы Преображенского полка возвели на престол дочь Петра, Елизавету, которая до сего времени отстранялась от престола. Новое правительство первоначально дало страшную волю гвардейцам; своеволие солдат дошло до

того, что во время пребывания императорского двора в Москве для коронации, в Петербурге солдаты, дотоле приученные к палке и кнуту, толпами врываются в дома именнейших сановников, с угрозами требовали у них денег, без церемоний брали все, что им нравилось; пьянство, разврат, драки, грабительство день ото дня принимали все большие размеры, так что фельдмаршал Ласси вынужден был расставить по всем улицам пикеты армейских солдат, которые ходили по городу днем и ночью. И несмотря на это, жители Петербурга были в большом страхе – многие оставили свои дома, все ворота были заперты. Лейб-компанцы и гвардейцы едва ли знали историю московских стрельцов времен Софьи, но удачно подражали их буйствам; и Ласси немало было хлопот с ними, а правительство, помня их недавнюю услугу, не решалось принять надлежащих мер законной строгости. Императрица, как бы в наказание, только перевела офицерами в другие полки некоторых лейб-компанских солдат.

Гвардейцы, буйствовавшие в Петербурге, не замедлили побунтовать в том же 1741 году, во время похода в Финляндию, но, впрочем, скоро были усмирены генералом Кентом при помощи армейских полков. Несмотря на такие буйства этой вольницы, императрица Елизавета Петровна на другой год, празднуя годовщину своего восшествия на престол, всех солдат лейб-компанской роты произвела в дворяне и офицеры и раздала им во владение 14000 душ крестьян мужского пола, так что самая меньшая дача была 29 душ на солдата, с приличным количеством десятин земли. Здесь Елизавета вполне подражала Софье, которая также тысячами душ одаривала своих приверженцев; впрочем, от Софьи стрельцы не получили ни души.

На коронацию Елизаветы были собраны депутаты от городов и сословий, впрочем, не для чего другого, как только для сообщения большего блеска коронационной церемонии. О нуждах общества, о его желаниях никто не думал справляться. Русское общество с воцарением Елизаветы ждало многих важных перемен к облегчению народа, но ожидания

не оправдались, дела правления шли по старому, заведенному порядку; по-прежнему всем заправляли приближенные к императрице и любимцы, временщики. Как дочь Петра государыня обратилась к некоторым старым учреждениям своего родителя, отмененным в предшествовавшие царствования, но эта старина не много помогала делу и не мешала многим новостям, тяжелым для народа. Роскошь двора росла не по дням, а по часам, придворные агенты не успевали выписывать из-за границы разные дорогие материи и предметы роскоши. Двор, походивший в прежние царствования на немецкие владетельные дворы, теперь сделался французским: французский язык, французские моды, французский образ жизни, с его лоском и пустотой, сделались господствующими. За царским двором следовали вельможи, а за ними тянулось остальное дворянство, так что 11 декабря 1742 года понадобилось издать указ, чтобы никто, кроме служащих и иностранцев, не смел носить богатые платья; лица, не имеющие рангов, не должны даже носить шелковые подкладки к платьям, и только первым пяти классам предоставлялось право носить кружева. Но указ мало действовал; соблазнительные образцы роскоши брали свое и роскошь не прекращалась, каждый чиновный и нечиновный дворянин тянулся из последнего, разорял своих крестьян, грабил, брал взятки по службе и расточал награбленное.

При дворе были театры, балеты, маскарады, балы, гулянья, великолепные иллюминации, ослепительный блеск; а застенки продолжали действовать: виски, дыбы, утки и другие принадлежности этих страшных мест не оставались в бездействии. Ненамеренная описка или подчистка в императорском титуле, пропуск заздравной чаши за императрицу во время пира, какой-нибудь разговор, показавшийся подозрительным какому-нибудь шпиону, прямо вели в Тайную Канцелярию и к розыскам и пыткам. Страхное *слово и дело* держало еще в ужасе все русское общество; при этом кличе ничто не спасало несчастного – ни сан, ни возраст, ни пол, ни заслуги; стоит только припомнить дело тогдашней первой красавицы, статс-дамы Лопухиной, которая страшно пострадала только

за одни неосторожные разговоры между своими, и пострадала не одна, но со многими своими родственниками и знакомыми, людьми заслуженными и знатными. По этому делу, как свидетельствует манифест от 29 августа 1743 года, после многих пыток, били публично кнутом и отрезали язык у генерал-поручика Лопухина, у его жены, статс-дамы Лопухиной, и у графини Бестужевой-Рюминой, других били плетьюми и сослали в Сибирь на поселение. Самые близкие к государыне и заслуженные люди не могли ручаться за свою безопасность: так, в 1748 году сослан в ссылку в Устюг великий усерднейший деятель при вступлении на престол Елизаветы, ее лейб-медик Лесток; потом в 1758 году опубликован изменником и сослан в ссылку в свои деревни канцлер граф Бестужев-Рюмин. А о мелких людях и говорить нечего: их пороли кнутом публично по первому доносу. Так, мы имеем указ от 14 июня 1744 года, по которому предписано в страх другим учинить наказание — бить кнутом нещадно на публичном месте одного дворового человека, который, поругавшись со своим товарищем, выбранил его матерно и с Сенатом.

Кроме слова и дела, русское общество страшно страдало в то время от тяжелых поборов. Сбор податей, особенно недоимок с разоренного народа доходил до крайних пределов строгости; новые указы по этому предмету своей строгостью ничуть не уступали бироновским. Так, например, указом от 31 августа 1742 года губернаторы, воеводы и офицеры-сборщики за невысылку в срок полного числа податей по окладу сажались под арест, заковывались в кандалы, для чего разсланы были по городам гвардейские солдаты; следовательно, таким образом, губернаторам и воеводам с офицерами-сборщиками предоставлена полная воля собирать подати всеми возможными средствами, мучить несчастных на правежах, тащить со двора последнюю корову. В том же 1742 году объявлен указ и инструкция 2-й всеобщей ревизии, которыми засвидетельствовано полное падение общества, совершенная его безгласность. Но второй ревизии свобода и право личности вовсе не принимаются в соображение: эта

ревизия заботится только об исправном сборе казенных податей, ломает все права податных людей, отдает их в крепость. Но этой ревизии каждый непременно должен быть записан: служилый в службу за государством, податной – в подушный оклад где-либо или за кем-нибудь, ремесленники и торговцы – в цех или посад, прочие – за помещиков или при фабриках и заводах; а кто не запишется, того, ежели он годен, писать в солдаты, негодного же и кого никто не берет в крепость из платежа подушной подати – ссылать для поселения в Оренбург или в работу на казенные заводы. Страшно было за бедняков, само рабство они должны были считать милостью! Как прямое следствие такого порядка и несправедливости бедняков, усилились грабежи, разбои в разных местах; в грабежах приняли участие не только беглые крестьяне и солдаты, но и некоторые помещики; организовались огромные шайки грабителей, предводимые отчаянными атаманами, и не только не было проезду и проходу по большим дорогам и судоходным рекам, но даже в богатых и многолюдных селениях жители подвергались опасности грабежа и убийства, так что правительство было вынуждено 7 сентября 1744 года выдать указ, по которому для искоренения воров и разбойников разсланы были по губерниям и провинциям особые сыщики с военными командами, конными и пешими. Сыщикам даны были строгие инструкции, чтобы действовать заодно с местными властями против разбойнических шайк, а в случае нужды в пособие к своим командам брать еще отряды из полков, стоящих по губерниям на зимних квартирах. Но вместо поимки воров и разбойников, посланные с военными командами сыщики сами стали производить беспорядки, притеснения и грабежи, как это видно из указа от 26 июня 1745 года, так что указом от 6 ноября того же года сыщики из полковых офицеров были заменены гарнизонными; а 1 мая следующего года оказалось нужным для петербургской губернии учредить особую постоянную экспедицию для розысков по делам воров и разбойников. Указом от 2 июня того же года повелено клеймить пойманных воров и разбойников;

далее, в продолжение всего царствования Елизаветы Петровны не прекращались указы об искоренении разбойников; так, указом от 3 июня предписывалось, чтобы провинциальные воеводы помогали штаб и обер-офицерам, посланным для сыска воров и разбойников. В 1748 году указом от 2 июня предписано расставить в Петербурге гвардейские пикеты около дворцов для оберегания их от зажигателей; в указе этом между прочим сказано, что частые пожары, бывшие в этом году в Москве, были произведены злоумышленниками. А в указе от 13 февраля 1749 года говорится, что в Москве от господских людей чинятся великие своевольства, не только ночью, но и днем – проезжих и прохожих бьют и грабят, а уличные лавочки и караульные от жителей разбойников не ловят и даже прикрывают их. В 1752 году указом от 16 октября предписано, чтобы помещики и крестьяне и всяких чинов люди сами старались отыскивать воров и разбойников, а беглых солдат, матросов и рекрут не держать. Да и губернаторам, и воеводам, и определенным в городах командирам во искоренение таких злодеев, сверх определенных сыщиков, иметь наиприлежнейшее смотрение. Но все это мало помогало делу: шайки разбойников год от году росли, а не уменьшались, они уже в главных своих притонах по Оке и Волге обзавелись не только ружьями, но и пушками, и смело вступали в бой с воинскими командами, на них высылаемыми, и разгоняли их. Так, в указе от 16 июня 1756 года упоминается, что разбойничья шайка на Оке, немного выше Нижнего, вооруженная ружьями и пушками, разбила высланного против нее майора Бражникова, убила из его команды 27 человек и пять человек ранила; другая шайка, также вооруженная пушками, собиралась поджечь и разграбить город Чебоксары и, соединясь с другими шайками, напасть на Астрахань. А в другом указе того же года от 19 ноября сказано: «из полученных в Сенате из Шатцка, Нижняго, Казани и прочих, лежащих по Оке, Волге и Суре городов представлений оказалось, что по многим местам явились разбойничьи вооруженные станицы и не только плывущия по рекам суда, по и знатныя

села и деревня, а в Шатцком уезде дворцовую Мокшенскую волость, и в городе Алатыре магистрат разбили, и людей до смерти побили, денежную казну разграбили, и посланную из Нижняго для поимки тех злодеев команду разбили. И хотя тех злодеев несколько человек и пойманы, и оные пытаны, однако же те воровские станицы в конец еще не искоренены, и оговорные многие не сысканы, а в некоторых местах, яко же около Москвы, и ныне вновь таковыя на разбойничьи станицы появились». Для более успешного преследования таких разбойничьих шаек правительство назначило четырех главных сыщиков, между которыми разделило губернии, преимущественно страдавшие от разбойников, именно: Болотову поручило губернии – Нижегородскую, Казанскую, Оренбургскую и Астраханскую; Зубову – Московскую, Новгородскую и Смоленскую; Житову-Бороздину – Белгородскую и Воронежскую, Веревкину – Архангелогородскую, и дало им большие полномочия, написало пространную инструкцию. Но и полномочия, и инструкция мало помогали делу, ибо в указе от 11 октября 1761 года мы опять встречаем известие, что разбойничьи станицы усилились в Новгородской губернии, что от них нет ни проходу, ни проезду по дорогам, что они грабят селения и разбивают высылаемые против них команды. Так продолжалось во все царствование Елизаветы Петровны, да иначе и не могло быть: разоренному и отданному в крепость простонародью оставалось одно спасение – бегство, а вместе с бегством – грабеж и разбойничество. Сыщики и их команды ежеле иногда и разбивали разбойничьи станицы в одном месте, то они собирались в другом, а безгласное общество, хотя и было обязано по указам помогать сыщикам и их командам, но оно столько же боялось сыщиков, как и разбойников, а потому старалось оставаться в бездействии или весьма плохо помогало сыщикам.

Но не одна беда от разбойников и крайнего разорения отягощала русское общество во время Елизаветы Петровны, рядом с разорением и разбоями по дорогам и деревням шел разврат, особенно в столицах. Мы имеем несколько замеча-

тельных указов, свидетельствующих об этой язве. Так, из указа от 1 августа 1750 года видим, что Петербург с островами был переполнен развратными публичными женщинами. Эти подонки цивилизации пришли к нам вместе с другими заморскими чудесами при Петре, а в царствование Елизаветы Петровны так умножились, что в 1750 году была наряжена особая комиссия для розыска их, как из русских, так и из иноземок. Поводом к назначению этой комиссии, как рассказывает Данилов, послужило великолепное заведение какой-то приезжей из Дрездена, которая потому и называлась Дрезденшей. Эта ловкая хозяйка наняла для своего заведения богатый дом на Вознесенской улице и повела свои дела в таких размерах, что о ее многолюдных вечеринках дошли вести и жалобы до двора императрицы, и вследствие этого учреждена строгая комиссия под председательством кабинет-министра Демидова. Дрезденша немедленно была арестована и в допросе оговорила всех, кого знала. Комиссия не удовольствовалась закрытием заведения Дрезденши и отсылкой ее красавиц на Пряничный двор в Калинкину деревню, но повела свои розыски по всему Петербургу и его окрестностям, отыскивала и тех выписных заграничных красавиц, которые жили в великолепных хоромах, и ловко обшарила все дома в Петербурге. Но, по всей вероятности, успех комиссии был временный и вместо закрытых заведений вскоре открылись новые; по крайней мере, разврат не уничтожился, ибо в указе от 13 апреля 1754 года мы читаем повеление о наказании кошками крепостных людей майора Евреинова за похищение с качелей девки по приказу господина и о наказании самого Евреинова за изнасилование похищенной – отписанием у него половины недвижимого имущества в пользу изнасилованной, да сверх сего взять с него деньги по указу и отдать господину, которому принадлежала эта девка. Рядом с развратом шла крайняя жестокость к подвластным, против которой даже и правительство не принимало надлежащих мер; так, например, по указу от 10 июля 1761 году майору Лазареву за зверское убийство своего крестьянина было на-

значено только церковное покаяние, как будто бы зверское и мучительное убийство крестьянина своим господином не было уголовным преступлением.

Наконец, одним из важных отягощений общества, особенно в отношении промышленности, составляли откупа и огромные привилегии по разным промыслам, которые давались приближенным императрицы, к явному разорению других промышленников. Так, например, граф Шувалов в 1750 году получил привилегию на торговлю русскими товарами в беломорских портах, так что беломорские промышленники не могли продавать своих товаров мимо контор и приказчиков Шувалова, под опасением конфискации (№ 9705). В том же году был издан еще указ о недозволении промышленникам продавать тюленье сало, добываемое на Ладожском озере, мимо приказчика, определенного Шуваловым. А в следующем году Шувалову был отдан тюлений промысел и на Каспийском море. В 1753 году архангелогородской конторе Шувалова были отданы промыслы в Карском море, в Тазовской и Обской губах. В 1758 году Шувалову дана еще двадцатилетняя привилегия на безграничный отпуск соленого мяса за границу; кроме того, Шувалову по той же привилегии дозволено выписывать из-за границы 25 000 пудов заграничной соли.

Впрочем, русская промышленность, страшно терпевшая от привилегий, даваемых частным лицам и компаниям, в царствование Елизаветы Петровны, по ходатайству того же графа Шувалова, получила важное облегчение уничтожением внутренних таможенных и мелочных сборов, которые с давних лет страшно стесняли и тяготили промышленников. Указом от 20 декабря 1753 года отменены все внутренние таможенные и мелочные сборы, всего числом 17 видов, все внутренние таможи уничтожены, а вместо этого повелено собирать в портовых и пограничных таможах с привозных и отвозных товаров внутренней пошлины по 13 копеек с рубля вместо прежних 5 копеек. Вслед за тем указом от 5 января 1754 года уничтожены все сборы с мостов, перевозов,

порубей и ледоколов. Вследствие сих двух указов промышленность и торговля вдруг освободились от всех тягостей, придинок и остановок, которыми они были задерживаемы и стесняемы и при проезде с товарами, и при продаже их. Теперь крестьянин с возом дров уже мог приехать на рынок, не оставляя по дороге ни шапки, ни рукавиц, ни подпояски – его ни по дороге, ни на рынке не останавливал ни один сборщик. Это важное облегчение и некоторые другие меры действительно значительно подвинули русскую промышленность, особенно во второй половине царствования Елизаветы, чему служат свидетельством: многие купеческие компании, получившие привилегии на производство разных промыслов. Так, указом от 25 октября 1751 года дана привилегия компании купцов Тавлеева, Дедова, Волоскова и Комолова на производство синей кубовой краски из русских материалов; 16 июля 1753 года дана привилегия купцу Федотову с товарищами на производство сусального золота и серебра; 10 сентября 1757 года дана двадцатилетняя привилегия купцам Протопопову и Грязновскому торговать крапом и заводить креповые фабрики; 5 июня 1758 года дозволено купцу Миллеру устроить в Петербурге шелковую чулочную фабрику; 11 января 1760 года дано разрешение купцу Мальцову завести хрустальную и стеклянную фабрики; 11 мая 1761 года дана привилегия купцам Желвунцову и Григорьеву на производство берлинской лазури. Среди русского купечества в это время появились и такие предприимчивые люди, которые на собственных судах и своим коштом для своих промыслов пускались на открытие морских путей: так, 23 марта 1755 года устюжские купцы Бахов и Шакауров получили разрешение на поиски по Северному морю пути в Камчатку мимо Колымы и вокруг Чукотского носа. В это время образовались огромнейшие купеческие капиталы, каковы, например, казанского купца Осокина и симбирского купца Твердышева; особенно громаден был капитал Твердышева, ему принадлежала большая часть медных и железных заводов в Перми и по Уральскому хребту, в башкирских зем-

лях. Но, к крайнему сожалению, все эти огромные капиталы были тогда оранжерейным растением: главнейшие отрасли фабричной и заводской промышленности поддерживались привилегиями и огромнейшие капиталы были плодом монополии; сами промышленники не заботились о развитии своего сословия и все богачи тянулись в дворянство, хлопотали о получении чинов и роднились со знатными дворянскими фамилиями: так Твердышев весь свой громаднейший капитал раздал своим дочерям, которых выдал замуж за генералов и князей, громадные имения Пашковых, Шепелевых, Баташовых, князей Белосельских есть не что иное, как бедные остатки, клочки огромнейшего капитала, составленного сибирским купцом Твердышевым.

К концу царствования Елизаветы Петровны правительство, наученное опытом, этим самым дорогим учителем, нашло полезным обращаться к обществу и не пренебрегать его советами; оно хотя и не собирало земских соборов, но указом от 23 ноября 1760 года предписало: «Для лучшаго сведения всех помешательств и недостатков, которые коммерции, мануфактурам и купечеству препятствуют приходить в цветущее состояние, публиковать во всем государстве, что ежели какой город или кто партикулярно в купечестве имеет какое недовольство, или в чем признает тягость, или и сами усмотрят, что как генерально или партикулярно к распространению и умножению купечества полезно быть может, и чтоб притом объявляли без всякаго сумнительства и опасения с ясным доказательством, и подавали б письменно, хотя и без приписки имен и фамилий в Петербурге в Комиссию о Коммерции, а в городах – губернаторам и воеводам, которым, принимая то, не удерживая отсылать в ту ж Комиссию». Потом указом от 29 сентября 1761 года предписано: «Для слушания вновь составленного Уложения Законов для всей империи пригласить депутатов от всего общества, и именно, от каждого города – по два депутата от дворян и по депутату от купцев; и притом узаконено, чтобы депутаты были выбраны самим обществом, и для сего в каждом городе, что-

бы дворяне съехались в общем собрании города, выбрали депутатов двух от дворянства, а купцы в каждом городе в своем общем собрании выбрали своего депутата, и чтобы ни губернаторы, ни воеводы, ни магистраты ни под каким видом ни в чем не мешались в сии выборы». Относительно депутатов от духовенства было сообщено Святейшему Синоду на его благоусмотрение. Съезд депутатов в Петербург был назначен к 1 января 1762 года. В том же 1761 году указом от 8 декабря право высылать депутатов распространено и на губернии: Тобольскую, Киевскую, Иркутскую, Нежинскую и Оренбургскую. Указом от 15 ноября 1760 года для большего поднятия нравственности в обществе предполагалось, по представлению И. И. Шувалова, по всем губерниям учредить гимназии, а по всем городам школы. Но все эти благие начинания правительства в последние годы царствования Елизаветы Петровны за смертью императрицы не были приведены в исполнение, и общество при новых переворотах, последовавших за этой смертью, осталось при прежних порядках и прежней деморализации. Стоит только прочесть записки князя Шаховского, тогдашнего генерал-прокурора, близко видевшего тогдашнее высшее общество, чтобы убедиться в этом. По его свидетельству, в тогдашнем обществе продажность и подличанье так же были развиты, как и вражда партий друг против друга. То же подтверждает и именной указ императрицы от 16 августа 1760 года, в котором прямо сказано: «Ненасытная алчба к корысти дошла до того, что некоторыя места, учрежденныя для правосудия, сделались торжищем лихоимства, пристрастие – предводительством судей, а потворство и упущение – ободрением беззаконников». Или описывая те препятствия, которые нужно было преодолеть, чтобы поставку сукна на армию передать от англичан русским купцам, князь Шаховской пишет о тогдашних вельможах: «Все наши вельможи, одни одолженники г. Вульфа, главнаго агента английских купцев, а другие по зависти ко мне, третии по трусости тем льстя, разными способами делали мне в том препинания».

По смерти императрицы Елизаветы Петровны, наследник ее, уже заранее ею объявленный и назначенный, принц Голштинский Петр Федорович, родной ее племянник, вступил на престол беспрепятственно; но через полгода, когда он еще не успел и короноваться, его место заступила супруга его Екатерина Алексеевна. Права свои на престол она выразила следующим манифестом от 28 июня 1762 года. «Всем прямым сынам отечества Российскаго явно оказалась, какая опасность государству Российскому начиналася самым делом, а именно: закон наш православный, греческий, перво всего почувствовал свое потрясение и истребление преданий церковных, так что церковь наша греческая крайне уже подвержена оставалась последней своей опасности переменою древняго в России православия и принятием в России иновернаго закона. Второе: слава Российская, возведенная на высокую степень своим победоносным оружием, чрез многое свое кровопролитие, заключением новаго мира самим ея злодеям отдана уже действительно в совершенное порабощение. А между тем внутренние порядки составляющие целость всего нашего отечества, со всем испровержены. Того ради, убеждены будучи всех наших верноподданных таковою опасностью, принуждены были, приняв Бога и его правосудие себе в помощь, а особливо видя к тому желание всех наших верноподданных явное и нелицемерное, вступили на престол наш всероссийский самодержавно, в чем и все наши верноподданные присягу нам торжественно учинили». Но эти верноподданные, очевидно, были только приближенные императрицы и полки лейб-гвардии, ибо общая присяга была учинена уже по издании манифеста и не раньше как с 3 июля, как о том прямо сказано в сенатском указе от того же числа. Это же прямо свидетельствует и манифест от 14 декабря 1766 года, где императрица пишет: «Ныне истекает 5-й год, как Бог един и любезное отечество чрез избранных своих вручил нам скипетр сея державы». Замечательно, что в указе о присяге крестьяне были исключены от обязанности присягать; вот слова указа: «Всех Ея Императорскаго Величества верноподданных как

духовного, так мирского, военного и гражданского чина и всякого звания людей, кроме пашенных крестьян, к той присяге приводить, сего июля с 3 дня».

В один день с манифестом 28 июня был издан указ, в котором сказано: «Уведомились мы, что начались происходить некоторыя непорядки и нападения на кабаки, на места питейныя»; а на третий день, т.е. 30 июня, был издан именной указ об учреждении пикетов в С.-Петербурге для прекращения пьянства, ссор и драк. Это значит, что гвардейцы праздновали вступление на престол императрицы, ими избранной, подобно как они прежде праздновали вступление на престол Елизаветы Петровны. Екатерина Алексеевна, хотя не произвела гвардейских солдат в дворяне и не наделила вотчинами, тем не менее в изъявление своей благодарности и милости к ним указом от 3 июля повелела содержать гвардейские полки на том же положении и с тем же жалованьем, как было при Елизавете. А указом от 5 июля повелела отменить вообще в полках все нововведения, сделанные Петром III и казавшиеся тягостными и неудобными. Оказывая свое благоволение гвардии и вообще войску, императрица не забыла и дворянства и указом от 15 июля повелела всех дворян, отставляемых от службы, награждать офицерскими чинами, дабы, как сказано в указе, дать им отличие перед служащими не из дворян. Но к обществу вообще новая императрица не думала относиться прямо и спрашивать его голоса, напротив, указом от 13 января 1763 года распустила по домам и тех депутатов, которые были приглашены Елизаветой для рассмотрения Уложения. Тем не менее Екатерина не пренебрегала мнением общества, но прислушивалась к этому мнению стороной и также стороной, через доверенных людей, старалась направлять мнение общества так, как ей хотелось. Мы это до некоторой степени видим в письмах ее к московскому главнокомандующему генерал-аншефу Еропкину. Так, извещая его о поездке своей в Кременчуг, императрица пишет: «Здесь я нашла треть прекрасной легкой конницы, той, про которую некоторые незнающие люди твердили до ныне, будто она лишь счисляется на

бумаге, а в самом деле ее нет; однакож она действительно на лицо и такова, как может быть еще никогда подобной не бывало, в чем прошу, рассказав любопытным, слаться на мое письмо, дабы перестали говорить неправду, а отдавали бы справедливость усердию мне и империи в сем деле служащим». В другом письме к нему же, излагая разные сведения и замечания о всем, что видела во время своей поездки в Крым она пишет: «Все сии примечания и рассуждения пишу к вам нарочно, дабы вы, зная оныя, могли кстати и ко времени употребить сущую истину, к опровержению предубеждений, сильно действующих иногда в умах людских. Все вышеописанное оспаривать может лишь слабость, или страсть, или неведение». Впрочем, под обществом Екатерина подразумевала только, по ее выражению, благородное общество, т.е. дворянство или то общество, которое было устроено Петром Великим. Это довольно ясно из многих ее писем; она собственно хотела быть дворянской императрицей, о прочих же членах общества она мало заботилась, так что даже не велела принимать присягу крестьянам, как видно из указа от 3 июля 1762 года.

Императрица Екатерина II один раз на протяжении всего своего царствования обратилась прямо непосредственно к обществу, именно по случаю сочинения проекта нового Уложения. Для сего ее манифестом от 14 декабря 1766 года предписано было собрать депутатов со всего государства, именно: от Сената, Синода, всех коллегий и канцелярий, от каждого города по одному депутату из городских жителей, от однодворцев каждой провинции по одному депутату, от пахотных солдат по одному депутату от провинции, от инородцев от каждого народа по одному депутату из провинции, и от казацких войск. Депутаты были собраны в Москву и один только раз видели императрицу в своем заседании; потом эта комиссия во всем своем составе более не собиралась, а была разделена на частные комиссии, которые занимались назначенными им делами во все ее царствование. Комиссия принесла громадную пользу своими узаконениями и проектами, как мы это уже видели прежде.

АДМИНИСТРАЦИЯ

Администрация при Алексее Михайловиче; приказы, областное управление. Администрация при Петре Великом. Администрация при преемниках Петра: Екатерине I, Петре II, Анне Ивановне, Елизавете Петровне, Екатерине II и Александре I

Характер администрации. Четвертый период русского законодательства был временем полного развития приказной администрации и падения самоуправления. В этом периоде администрация мало-помалу доходит до того, что совершенно забирает под свою опеку все общество, постепенно лишает его самоуправления и обращает его в какую-то массу, лишённую жизни и значения. В это же время произошло и разъединение между различными классами русского общества. В начале XVII века управление московским государством находилось в том же положении, в каком оставил его Иван Васильевич: при Михаиле Федоровиче в Москву собирались выборные от всех городов Московского государства и составляли соборы, которые существовали почти непрерывно в продолжение всего царствования Михаила Федоровича, так что без участия земских выборных за все это время не было ни одного распоряжения, особенно по финансовой части. Михаил Федорович даже делал попытки передать волостное управление в руки земщины – губным старостам и излюбленным головам; но русское общество тогда было до того расстроено вследствие смут самозванщины и междуцарствия, что эти попытки не имели успеха. Но зато при Алексее Михайловиче приказная администрация год от году стала приобретать более силы и подавлять самодеятельность общества. Во все время царствования Алексея Михайловича было только три земских собора: 1) при вступлении на престол Алексея Михайловича, 2) при издании так называемого Соборного уложения 1648 г., 3) при присоединении Малороссии к Московскому государству. То же продолжалось и при преемниках Алексея

Михайловича, только с большим, нежели при нем, успехом. Впрочем, о Федоре Алексеевиче должно сказать, что он держался других начал: он во время своего царствования созвал земские соборы и во многих местах восстановил общественное самоуправление. Точно так же и Петр I в первые годы своего царствования действовал в том же духе: так он учреждал Бурмистерскую Палату для купцов и предоставил городским людям управляться своими выборными.

В постепенном развитии администрации в четвертом периоде различаются три формы, в которых постепенно изменяется ее характер: 1) Алексеевская администрация – она по наружности близко подходит к порядку старой администрации; это – форма приказов. 2) Петровская администрация, образцом для которой служила шведская или вообще немецкая администрация, форма ее – коллегия. 3) Екатерининская с ее палатами, губернскими правлениями и судами. Каждая из этих форм делится на два вида: на администрацию центральную и администрацию областную.

Алексеевская администрация. При Алексее Михайловиче и его ближайших преемниках к центральной администрации относились приказы, а к областной – городовые воеводы с их приказными избами и таможенные избы.

Центральное Управление. Всех приказов при Алексее Михайловиче, по свидетельству Катошихина, было 36; в них было до 100 дьяков и до 1000 подьячих.

1. *Приказ Тайных дел.* По значению своему этот приказ до некоторой степени заменял прежнюю Боярскую Думу; как Боярская Дума была высшей правительственной инстанцией, так и Приказ Тайных дел – главным центральным ведомством по управлению, и как Боярская Дума всегда собиралась около государя, который был ее председателем, так и в Приказе Тайных дел главным начальником был сам государь. Но этими внешними чертами и ограничивалось все сходство Приказа Тайных дел с Боярской Думой; далее характер их был совершенно различен. В Думе государь был председателем, члены же ее во всех делах подавали свои голоса, и эти голоса имели

такую силу, что нередко заставляли государя отступаться от своего мнения. В Приказе же Тайных дел этого не было; он учрежден был Алексеем Михайловичем, по словам Катошихина, для того собственно, «чтобы царская мысль и дело исполнялись все по царскому хотению, а бояре и думные люди о том бы не ведали». Следовательно, с учреждением этого приказа прежняя Боярская Дума, если еще и продолжала существовать, то существовала только для формы; она уже не имела никакого значения, и ее обязанностью было только привести в исполнение то, что прикажет государь. Тайному Приказу не было предоставлено особого ведомства дел, он был собственно Тайным надсмотрщиком над всеми делами администрации. По словам Катошихина, «в Приказе Тайных дел сидит дьяк да человек десять подъячих, а ведают они и делают дела всякия царския – тайныя и явныя, и в тот приказ бояре и думные люди не входят и дел не ведают, кроме царя. А посылаются сего приказа подьячие с послами в государства, и на посольские съезды, и на войну с воеводами, и те подьячие над послами и над воеводами надсматривают и царю приехав сказывают, и которые послы, или воеводы, ведав в делах неисправление свое, и страшась царскаго гнева тех подъячих дарят и почитают выше меры, чтобы будучи при царе, их, послов, выхваляли, а худым не поносили». В Приказе Тайных дел ведались еще царская соколиная охота и гранатного дела мастера и всякое гранатное дело и заводы.

II. В *Посольском Приказе* были: «думный дьяк, да два дьяка, да подъячих человек 14, да 50 человек переводчиков и 70 человек толмачей». В этот приказ поступали все известия, присылаемые русскими тайными агентами в иностранных государствах, с которыми Московское государство имело сношение, и для всех этих известий здесь велись особые, тайные книги. Явно же в этом приказе принимались и отпускались иностранные послы и отсюда же отправлялись московские послы и гонцы в иностранные государства; кроме того, в этом же приказе ведались и все иностранцы, приезжавшие в Россию, а также он заведовал и заграничной русской торговлей;

тут же производился и суд по делам приезжавших иностранцев с русскими. Этому же приказу подведомы были донские и черкасские казаки и казанские, астраханские, касимовские и сибирские татары, поступившие на службу к московскому государю и получившие от него поместья и вотчины в подмосковных городах, а также греческие «власти» и вообще все греки, приезжавшие в Россию для сбора милостыни. Посольскому Приказу были подчинены 5 городов, доходы с которых шли на покрытие расходов приказа; сюда же собирались со всего государства «*полонянечныя деньги*», собираемые для выкупа русских из плена. В Посольском Приказе хранилась большая государственная печать, которая прикладывалась к грамотам, посылаемым иноземным государям, а также и малая государственная печать, которая прикладывалась к жалованным грамотам. Впоследствии, при первых преемниках Алексея Михайловича, Посольским Приказом заведовал думный дьяк, а потом – ближний боярин, который был хранителем государственной печати.

III. В *Разрядном Приказе* при Алексее Михайловиче заседали боярин, окольничий, да думный дьяк, да два дьяка, следовательно, в это время характер и значение этого приказа до некоторой степени изменились, потому что прежде начальником этого приказа считался сам государь, и ни окольничих, ни бояр в нем не было. В этом приказе по-прежнему ведались все роды служб: военная, придворная и гражданская. Здесь наряжались воеводы в полки и делались все распоряжения по управлению, содержанию и назначению войск; сюда воеводы присылали свои доношения, и отсюда же посылались они для управления городами. Здесь производились все дела о жалованьи служилым людям, повышения по службе, а равным образом и дела о наказаниях за проступки по службе и дела по местничеству.

IV. В *Поместном Приказе* начальниками были: окольничий, думный дьяк и два дьяка. В этом приказе «ведалось всего Московскаго государства земля, и что кому дано поместья и вотчин, или кто у кого вотчину купит, или кому вотчину вновь

дадут по государеву указу за службу». На все это в Поместном Приказе имелись особые записные книги. Из Поместного же Приказа посылались писцы, дозорщики и межешники по всему государству для составления писцовых, переписных, межешных и дозорных книг. Этот приказ содержался на доходы, получаемые от пошлин с продажных вотчин и с новых поместных дач. Впрочем, продажа и покупка вотчин могли производиться во всяком городе, записывались у воеводы и оплачивались пошлинами. В Поместном же Приказе производилась продажа и покупка только вотчин жалованных, владельцы которых были неполными собственниками.

V. *Дворцовые Приказы*: 1) *Приказ Большого Дворца*. В этом приказе заседали: боярин и дворецкий, окольный, думный дьяк и два дьяка. В ведении этого приказа состояли государевы двory и дворовые люди; под его же ведомством состояли судом, управою и податями все дворцовые города и села и черные волости, а также 8 московских ремесленных слобод, в которых жили царские ремесленники; из этого же приказа отдавались на откуп в Москве ледаколы и проруби зимой, а летом мосты и перевозки. Разные доходы с дворцовых городов, сел и другие доходные статьи, собираемые в этом приказе, шли на дворцовые расходы на строение церквей, на тюрьмы, богадельни, на раздачу милостыни, на покупку дворцовых запасов, на жалованье и содержание дворцовым служителям и т.п. 2) *Приказ Конюшенный*. Начальником этого приказа был ближний боярин конюший. Этот приказ заведовал лошадьми, как царскими ездовыми, так и теми, которые выдавались служилым людям иноземного строя; он же заведовал и всеми припасами для этих лошадей. К этому приказу причислялись несколько городов (Козлов, Тамбов, Воронеж и другие степные города), в которых находились государевы конные заводы. 3) *Царская Мастерская Палата*. Этот приказ находился в ведении стряпчего с ключом да дьяка; он заведовал царским платьем и мастерскими царскими людьми. Отсюда каждый день выдавалось царю платье, принималось платье прошлого дня и записывалось в книги.

4) *Царицына Мастерская Палата*. В этом приказе заведовал делами дьяк, а начальницей его была боярыня-казначей. Этот приказ заведовал платьем царицы, царевичей и царевен, а также и мастеровыми людьми; ему подведомы были ремесленные слободы – *Кадашево* в Москве и за Москвой *Брентово*, откуда поставлялись ко двору полотно, скатерти и пр.

5) *Приказ Золотого и Серебряного Дела*. Начальниками этого приказа были окольный и дьяк. В этом приказе набирались из городов лучшие золотых и серебряных дел мастера и записывались в книги; отсюда же выдавалось им и жалованье, с тем чтобы они делали сосуды всякие про царский обиход и церковные утвари.

6) *Аптекарский Приказ*. Начальником этого приказа был тот же боярин, который заведовал и Стрелецким Приказом, и при нем был дьяк. В ведении этого приказа состояли: аптеки, аптекаря и лекаря из иностранцев; отсюда же им выдавалось и жалованье – годовое и месячное.

7) *Хлебный Приказ*. Он находился в ведении дворянина и дьяка и был центральным управлением всеми движимыми и недвижимыми имениями, составлявшими родовую собственность царского рода. «А ведаются в этом приказе города и волости, и села, и кабаки и таможни с доходами и податями после боярина Никиты Ивановича Романова, где устроены пашни на царя и для досмотру уставлены прикащики-дворяне, и что в тех городах и селах хлеба уродится отдают на житный двор».

8) *Панафидный Приказ*. Начальником его был дьяк. В его ведении состояло устройство поминовений по умершим великим князьям, царям и царицам, царевичам и царевнам, в дни памяти которых посылались из этого приказа указы по церквям и монастырям; отсюда же выдавались и запасы, посылаемые в города для поминовения умерших царей и цариц.

VI. *Военные Приказы*: 1) *Стрелецкий Приказ*. Он находился в ведении боярина и двух дьяков и составлял главное, центральное управление всем стрелецким войскам. Здесь ведалась всякая служба стрельцов как московских, так и городских; сюда собирались деньги и запасы со всего государства на стрелецкое войско и отсюда выдавалось стрельцам жало-

ванье. Стрелецкого войска в самой Москве всегда было до 20 полков и более, а в каждом полку до 1000 или 800 человек, из них один выборный, или стремянный, постоянно находился в Москве и на службу никуда не посылался, а содержался собственно для охранения особы государя и его семейства. Главная служба московских стрелецких полков состояла в содержании караулов в Москве и по всем крепостным стенам и воротам трех городов Москвы, а также в содержании караула на царском дворе где каждый день стояло по 500 человек с головою или полковником. Стрелецкий полк, стоявший на карауле в праздничное время, получал в день караула с царского двора корм и питье довольное. Стрельцы, стоявшие на дворцовом карауле, постоянно сопровождали царя или царицу во всех путешествиях, собственно для охранения их от тесноты, почему они и выходили не с ружьями, а с батожьями. В военное время из московских стрельцов полка по два или по три высылались в поход с боярами и с воеводами, а в пожарное время на Москве стрельцы составляли пожарную команду. Такая же служба была и у городских стрельцов по городам. Рядовые стрельцы были большей частью люди ремесленные и торговые, зажиточные по своим промыслам и получавшие достаточное жалованье, а начальники их были из дворян и детей боярских; впрочем, низшие стрелецкие начальники: десятники и пятидесятники были также по большей части люди торговые. Каждый стрелецкий полк имел стрелецкую избу, в которой судились все дела между стрельцами. Главными правителями в стрелецких избах, или стрелецкими судьями, были полковники. Во время Алексея Михайловича Стрелецкий Приказ был одним из самых важных. Он тогда имел и полицейское значение; так, в нем производились пытки и казни, и вообще он тогда имел такое же значение, какое при Петре I имел Преображенский Приказ. 2) *Пушкарский Приказ*. В ведении этого приказа состояли пушечные дворы в Москве и по городам и казна, и пушкарки, и всякие пушечные запасы и сборы, пороховые дворы и мельницы. В Москве при пушечном дворе было мастеровых 600 человек, которые занимались

литьем и выделкой пушек и других орудий. Этому же приказу были подчинены и все медные и колокольные заводы; содержание и устройство крепостей зависело также от этого приказа. Пушкарский Приказ находился в ведении боярина и двух дьяков. 3) *Иноземный Приказ*. Начальником его был тот же боярин, в ведении которого находился Стрелецкий Приказ и при нем были товарищи: дворянин и два дьяка. В ведении Иноземного Приказа состояли все иноземцы, состоявшие на службе у московского государя, здесь им выдавались кормы, жалованье и поместья за службу; здесь же они и судились. 4) *Рейтарский Приказ*. Он находился в ведении того же боярина, который был начальником в Стрелецком Приказе, при нем товарищи – дворянин да два дьяка. Ему были подведены все люди рейтарской службы, которые набирались из дворян, боярских детей мелкопоместных и из вольных людей. Из этого же приказа им выдавалось и жалованье. 5) *Оружейный Приказ*. Начальниками его были окольныйчий да дьяк. «А ведомы в том приказе двор, где делают ружья, и казенная Оружейная Палата и мастера ствольнаго, ложечнаго и замочнаго дела. А берут к тому делу мастеров на Москве, и из городов, и из монастырей кузнецов и всяких этого дела промышленных людей, погодно, по переменам, и дают им за то поденный корм из царской казны».

VII. *Финансовые Приказы*. 1) *Приказ Большой Казны*. Этот приказ был в ведении того боярина, который заведовал и Стрелецким Приказом, товарищами его были думный дворянин да два или три дьяка. В этом приказе ведомы были гости и гостиная и суконная сотня, и серебряного дела мастера, и разных городов торговые люди; в ведении этого же приказа состоял Денежный Двор, управляемый особым дворянином и дьяком. Этому же приказу был подчинен железный завод под Тулой, на котором изготавливалось железо и отливались пушки и ядра. 2) *Приказ Большого Прихода*. Начальниками в этом приказе были окольныйчий да два дьяка. Сюда шли со всего государства доходы, получаемые с отдачи лавок, гостиных дворов и погребов во всех городах, а также доходы от

клеймения мер, таможенные пошлины, мыт, перевоз и мостовщина. Из этого приказа деньги шли на содержание московских послов, отправляемых к иностранным дворам, на содержание иностранных послов, приезжавших в Россию, а также на кормы персидским, греческим и другим властям и купцам, на выдачу жалованья иноземцам и поденный корм приезжавшим в Москву донским казакам и черкесам, на всякие судовые заводы и покупку товаров для царской торговли в Архангельске. 3) *Новгородская четь*. В этом приказе заседали посольский думный дьяк да дьяк. В ведении его состояли города: Новгород Великий, Псков, Нижний Новгород, Архангельск, Вологда и разные поморские города по тверской границе. В этот приказ шли из всех этих городов денежные доходы с торговых людей, таможенные и кабацкие доходы и доходы с соленых, железных и других промыслов. 4) *Устюжская Четь*. Начальниками этого приказа были боярин да два дьяка. В нем ведался город Устюг Великий со всеми податями с городских и уездных людей, с кабаков, с таможен и со всяких откупов. 5) *Костромская Четь*. В ведении этого приказа состояли: Ростов, Кострома, Ярославль и другие города тамошнего края. В этот приказ шли из этих городов доходы с посадских людей, таможенные и кабацкие. Начальниками этого приказа были думный дворянин и дьяк. 6) *Галичская Четь*. Начальниками этого приказа были боярин да два дьяка. В ведомстве его находился город Галич с его уездом во всяких доходах. Доходы, получаемые с этих четырех четей, шли на разные расходы, куда случится (так, при Алексее Михайловиче на доходы Галичской Чети и содержался театр), а также на жалованье боярам и ближним государевым людям. 7) *Новая Четь*. Начальником в этом приказе был окольный и оружейничий, да два дьяка. В этом приказе ведались московские и многих других городов, сел и волостей кружечные двory, «на вере (т.е. когда продажа вина предоставлялась самому обществу) и на откупу». Здесь судили и наказывали корчемников, незаконно торгующих вином и табаком, 8) *Печатный Приказ*. Начальником этого приказа был посольский

думный дьяк да дьяк. В этом приказе, на основании Уложения, собирались печатные пошлины со всех грамот и памятей, посылаемых в города, как по царскому указу, так и по челобитным, а также пошлины с челобитья, с денег, с животных, которые писаны в грамотах и памятах, а также с грамот на воеводства и по приказам, и кому будут даны поместья и вотчины с четвертей земли. Пошлины эти записывались в особые книги, в которых подробно прописывалось, по какому случаю взята какая пошлина. У думного дьяка, начальника Печатного Приказа, печать, со свидетельству Катошихина, всегда висела на вороту. 9) *Счетный Приказ*. «В нем сидят два дьяка и ведают и делают дела всего Московскаго государства – приход и расход и остаток по книгам за многие годы». Следовательно, это был собственно контрольный департамент по приходам и расходам всего государства. Для этого сюда поступали на приход все остаточные деньги, которые в котором году с кого не взяты в царскую казну, а также в котором году за расходом, что осталось в остатке, как в Москве, так и по всем городам. Деньги из этого приказа не отпускались ни на какие определенные расходы, а выдавались только по особым царским повелениям.

VIII. *Судебные Приказы*: 1) *Челобитный Приказ*. В этом приказе заседали окольничий да два дьяка; в ведении его состоял разбор челобитных, которые подавались царю в походах и на праздниках. Царь с боярами по слушании тех челобитных давал указ или отказ, что и подписывалось на челобитных думным дьяком, потом челобитные сии отсылались в Челобитный Приказ, а для этого из приказа посылались подьячие читать те челобитные на площади перед царским крыльцом вслух всем людям; потом челобитные отдавались тем, кто подавал их, и те, смотря по надписи думных дьяков, отправлялись туда, куда написано (т.е. в тот приказ, в котором решалось дело). Да в том же приказе ведались судом приказные люди; дьяки, подьячие, сторожа и ходоки. 2) и 3) *Судебные Приказы: Московский и Владимирский*. В них в каждом заседало по боярину, да по стольнику, да по дьяку и по два. В этом приказе

ведались судом «во всяких делах бояре, окольнічїе, думные и ближние люди, и стольники, и стряпчие, и дворяне, и всякие помещики и вотчинники». Следовательно, Московский и Владимирский Приказы были собственно высшими центральными судебными местами для высшего сословия дворян и для всех служилых людей по рождению, а не по прибору, и конечно в делах, не относившихся к службе, так как суд по служебным делам принадлежал Разряду. 4) *Разбойный Приказ*. В нем заседали боярин или окольнічїй, да дворянин или стольник, да два дьяка; в ведении этого приказа был высший суд по разбойным, татебным и приводным делам во всем Московском государстве, управление и надзор за всеми губными избами по городам, утверждение выборных губных старост и суд над ними, а также надзор и попечение об устройстве тюрем по всему государству, – вообще, суд и управление по всем губным делам. 5) *Холопий Приказ*. Здесь начальниками были стольник да дьяк. В ведении этого приказа был собственно два рода дел: во-первых, здесь ведались дворовые люди всяких чинов, люди кабальные, данные и записные, записывались в книги всякого рода крепости, служилые кабалы, вечные и данные на урочные года, причем с них собирались пошлины. Во-вторых, здесь производился суд над холопами, ежели они бегают от своих господ и чинят смуты, равным образом здесь разбирались дела по искам холопами свободы в случае неправильного завладения ими, а также и те дела, когда холопы давали на себя кабалы или крепости нескольким господам. 6) *Земский Приказ*. В нем заседали дворянин, тот же, что и в Костромской Чети, и два дьяка. В ведении этого приказа состояли московские посадские люди и некоторые города; он заведовал как в Москве, так и в городах и в слободах продажей и мерой дворовых мест, белых и черных, а также смотрел за чистотой и мощением улиц, а потому в этом приказе собиралась мостовщина со всякого чина жилецких людей. В этом же приказе ведомы были московские разбойные, татебные и всякие воровские приводные дела.

IX. *Приказы для управления землями, присоединенными к Московскому государству.* 1) *Приказ Казанского Дворца*. На-

чальниками этого приказа были: боярин, думный дьяк и два дьяка. В его ведении состояли: царства Казанское и Астраханское и все низовые города по Волге и по другим тамошним рекам. Из этого приказа посылались в те города воеводы и указы по всем тамошним делам. Ему же подведомы были все войска, стоящие по персидской и турецкой границам и со стороны калмыков и башкирцев, и ежегодная отправка в Москву татарских и ногайских конских табунов. 2) *Сибирский Приказ*. Этот приказ находился в ведении того же боярина, который заведовал и Казанским приказом, и двух дьяков. В нем ведалось Сибирское царство, таким же порядком, как в Казанском Приказе ведались царства Казанское и Астраханское. Через Сибирский Приказ производилась ссылка преступников в Сибирь и верстанье по сибирским службам; в Сибирский же Приказ высылалась собираемая с сибирских ясачных людей соболья казна и другие меха, или мягкая казна, и для оценки этой казны в Сибирском Приказе постоянно находился голова, выбираемый из московских гостей, из торговых людей на год, а с ним товарищи – целовальники. Соболиная и вообще мягкая сибирская казна составляла собственно царский товар и шла на потребности двора и в разные раздачи, а в случае остатка за расходами продавалась торговым людям. 3) *Приказ Малыя России*. В этом приказе заседал тот же боярин, который был начальником в Галичской Чети, и с ним дьяк. Этот приказ, учрежденный со времени присоединения Малороссии, заведовал малороссийскими делами. Здесь производились дела по утверждению гетманов и по распрям в Малороссии. Сюда присылались посланники от малороссийских гетманов и полковников; здесь же делалось назначение воевод и приказных людей по малороссийским городам, где в городах установлено было иметь московских воевод. Там же, в Малороссийском Приказе, делались распоряжения о назначении в тамошние города московских войск для защиты народа от тамошних смут и от вмешательства в тамошние дела поляков. 4) *Смоленский Приказ*. Он был учрежден вслед за завоеванием Смоленска и части Белоруссии и заведовал тамошними делами. Из этого

приказа туда посылались воеводы по городам и делались другие распоряжения по тамошним делам.

Х. *Приказы по отдельным ведомствам.* 1) *Монастырский Приказ.* В нем заседали окольниковый да два дьяка. Этот приказ был учрежден еще в царствование Михаила Федоровича, но был отменен, а потом при Алексее Михайловиче учрежден вновь. В ведении этого приказа состояли все дела по управлению монастырями, монастырскими и церковными вотчинами, которые в прежнее время ведались в Приказе Большого Дворца. Здесь велись счета по управлению монастырями и архиерейскими домами. Сюда присылались все отчеты по управлению при сдаче монастыря или архиерейского дома от одного управителя к другому. Кроме того, по Соборному Уложению 1649 г. Монастырскому Приказу был предоставлен суд по исковым делам на митрополитов, архиепископов, епископов и на весь церковный чин а также приказных и дворовых людей, на митрополичьих и епископских и на монастырских слуг и крестьян. Этот приказ, тягостный для духовенства, в продолжение XVII века несколько раз закрывался и опять открывался. 2) *Ямской Приказ.* В нем заседали: боярин, думный дворянин и два дьяка. В ведении этого приказа были ямская гоньба и все ямщики. В этом приказе собирались деньги со всего государства на устройство ямов и на жалованье ямщикам. Из этого приказа посылались ямские стройщики, т.е. приказчики от правительства, для устройства ямов и для наделения их достаточным количеством земли, для управления ямщиками по разным местностям и для надзора за исправностью ямской гоньбы, и чтобы ямские слободы стояли друг от друга не слишком далеко, так чтобы не было дальних перегонов и остановки в гоньбе. С этой целью стройщики также смотрели и за исправностью дорог, мостов и перевозов. 3) *Каменный Приказ.* «В нем сидит стольник или дворянин да два дьяка. А в ведении сего приказа каменное дело и мастера этого дела во всем государстве. И для какого царского строения понадобятся те мастера и их собирают из всех городов и дают им царское жалованье и поденный корм. Да в ведении того же

приказа состоят все известковые и кирпичные дворы и заводы в Москве. А где белый камень рождается и делают известь и те города податями и доходами ведомы в том же приказе».

Общая характеристическая черта всех приказов состояла в том, что в них суд и администрация не были отделены друг от друга; каждый приказ заведовал и судом, и администрацией по своему ведомству. Хотя, по-видимому, суд и управление во всех приказах имели коллегиальное начало, но это начало не всегда соблюдалось, ибо не было строгого требования, чтобы непременно все члены присутствия в приказе рассматривали каждое дело; напротив того – дело признавалось решенным правильно, хотя бы в его решении участвовал только один из членов приказа. Разумеется, по самому основному характеру приказов в них не допускалось выборное начало; все члены и служащие в приказах назначались от правительства, а не по выбору общества, не принимавшего тут никакого участия.

Областное управление при Алексее Михайловиче и при его ближайших преемниках вполне принадлежало чиновникам, или по-тогдашнему – приказным людям, назначаемым от правительства; прежний порядок суда и управления, по которому земское или общественное начало было смешано с приказным, по Уложению царя Алексея Михайловича совершенно отменен, а суд и управление окончательно переданы в руки воевод и приказных людей.

По Уложению суд вполне был предоставлен воеводам и приказным людям; в нем уже не участвовали ни старосты, ни целовальники, ни земские дьяки; в судебных исках уже не испрашивалось ручательство общины в том, равняется ли состояние истца предъявленному иску; само представление подсудимых на суд уже вполне зависело от воевод и приказных людей, общество уже потеряло свое прежнее право вступаться в это дело, его здесь вовсе не спрашивали; хотел воевода выслать подсудимого по требованию суда – высылал, а не хотел – не высылал, и сам отвечал за это перед законом. Все жители уезда, подведомого воеводе, подлежали его суду во всех де-

лах, исключая уголовные, для которых еще оставались прежние выборные судьи под названием губных старост, впрочем, не во всех городах. Лучшим указанием той обширной власти, которой пользовались воеводы с издания Уложения, служат царские указы, которые давались воеводам при посылке их на воеводство. Из этих указов мы видим: 1) Воеводам отдавалось в полное заведование все *казенное имущество* в городе, т.е. наряд (*пушки*) в казне, зелье (*порох*) и свинец и всякие пушечные запасы, и в житницах хлебные запасы, и деньги, что есть в сборе, и книги приходно-расходные деньгам, хлебу и зелью. 2) Ведению воеводы принадлежали все служилые и жилецкие люди в городе и уезде. 3) Воеводе принадлежал полицейский надзор, «чтобы в городе, на посаде, в слободах и уезде *разбою, татьбы и смертного убийства, бою и грабежу и инаго никакого воровства не было*. А которые люди учнут каким воровством воровать (т.е. делать беспорядки), воеводе тех людей от воровства унимать, велеть их искать и по сыску наказанье чинить, смотря по вине и по человеку». 4) Воеводе принадлежал суд по всем делам, исключая уголовные, которые судил губной староста; где же их не было, там судил воевода. Воевода судил всегда один, без выборных от земщины; относительно суда в наказе говорится: «А которые люди, в каких управных делах учнут бить челом государю и воеводе приносить челобитныя и ему тех людей по челобитным судить, и сыски всякими сыскивати накрепко, а по суду своему и по сыску меж ими расправу делать безволокино, а пошлины с судных дел имать по государеву указу». 5) В обязанности воеводы входило также наблюдение за принятием мер предосторожности *против пожаров*; он обязан был «беречь накрепко и наказ всяким людям учинить, чтобы в городе, и в остроге, и на посаде, и в слободах в летние жаркие дни изб и мылен никто не топил, и в вечеру поздно с огнем не ходили и не сидели, и во дворах и по хоромам, и в рядех по амбарам и по лавкам держали мерники и кади с водою, и сторожи по улицам и переулкам – денные и ночные велеть держать крепкие». 6) Воевода имел главный надзор *за сбором разных податей* и пошлин в

городе и в уезде, иногда под собственную ответственность; он же делал наряды для исполнения разных повинностей. Вообще воевода был в уезде как хозяин – все дела общественные и суд по делам частным принадлежали ему. Но зато воевода подлежал большой отчетности, ибо каждый воевода мог управлять городом не более одного года или, как исключение два и три года, а потом присылался новый воевода, который принимал у старого как деньги, так и запасы, все казенное имущество и все дела по описям, книгам и счетам, и в случае начетов не только отвечал своим именем за недостающее по счету, но и подвергался наказанию, какое государь укажет. Равным образом воевода иногда отвечал за недобор податей и других казенных доходов. Воевода был в полном подчинении тому приказу, которым назначался на воеводство, и всем своим делам по управлению должен был вести особые записные книги и, в случае надобности, приказ по этим книгам ревизовал воеводу. Вообще местное воеводское управление было в полной зависимости от центрального управления или приказа, в ведении которого состоял тот или другой город. Жители в случае обид от воеводы могли жаловаться в тот приказ, откуда прислан воевода, и приказ наряжал по жалобам жителей следствие; а также бывали еще случаи, в особенности в отдаленных сибирских городах, что жители и сами отказывали воеводе в его незаконных требованиях, но для этого надо было, чтобы жители действовали дружно – зараз все сословия, как податные, так и не податные, а это, вследствие распада общества, было очень редко, напротив, были даже такие образцы, что одна часть жителей жалуется на воеводу, а другая защищает его. При огромной власти воевод и деморализации общества во многих местах ни жалобы, ни отчеты не спасали общество от многих воеводских злоупотреблений.

Городские воеводы и в настоящее время так же, как и прежде, разделялись на несколько разрядов:

1-й разряд городских воевод составляли воеводы, назначаемые по особому доверию самого государя из приближенных людей, бояр и окольничих. К таковым принадлежали

воеводы, назначаемые в Великий Новгород, в Псков, в Казань, в Астрахань, в Сибирь, в Смоленск, в Полоцк, в Киев и в Белгород. В эти города обыкновенно при главном воеводе *посылался товарищ, а иногда и два и три товарища с дьяками*. Обыкновенно, если главным воеводой или, как тогда говорили и писали, первым, большим воеводой, был боярин, то товарищами при нем могли быть окольные и стольники, а ежели главным воеводой был окольный, то товарищами могли быть стольники. Воеводы этого разряда управляли не одним городом, в который посылались, а целым краем, исторически связанным с этим городом. Так, например, новгородский воевода управлял и всеми землями, составлявшими владения Великого Новгорода до подчинения его Москве; воевода казанский управлял всем Казанским царством. Приказная изба такого воеводы была как бы отделением Разряда; в ней ведались всякие государственные и земские дела, даже сношения с соседними государствами и распоряжения полками, состоящими в ведении воеводы; здесь принимались и рассматривались все отчеты воевод, управляющих городами, состоящими в том краю, где главный воевода был начальником; даже воеводы таких городов назначались главным воеводой и получали от него наказы; впрочем, это бывало не всегда, они могли присылаться и московским Разрядом. Кроме Приказной избы при главном воеводе были и другие административные учреждения, где под главным ведением воеводы заведовали делами их товарищи и дьяки.

Ко 2-му разряду воевод принадлежали воеводы больших городов, замечательных по своему многолюдству и промыслам или имевших важное значение в административном отношении, таковы, например, были города: Новгород (Нижний), Вологда, Архангельск, Свияжск, Верхотурье, Вятка и др., куда при воеводах всегда посылались в товарищи *дьяк и при нем несколько подьячих старых и молодых*. Воеводы эти прямо зависели от Разрядного Приказа и туда подавали свои годовые отчеты.

К 3-му разряду воевод принадлежали воеводы незначительных внутренних городов, каковы, например, Дмитров,

Серпухов, Углич и подобные; при таких воеводах не посылались дьяков, а было только по одному или по двое подьячих. Эти воеводы назначались или Разрядом, или тем приказом, в ведении которого состоял город.

4-й разряд составляли воеводы, при которых не было ни дьяков, ни подьячих; таковы были воеводы пограничных городов по степной украине, где жители преимущественно состояли из мелких воинских людей: боярских детей, казаков, стрельцов, пушкарей и затинщиков, и где главная забота и правительства, и воеводы состояла преимущественно в охране границ от татарских набегов, в высылке в степи разъезжих сторожей; следовательно, где ни в дьяках, ни в подьячих не было большой нужды. Воеводы этих городов или присылались по назначению московского Разрядного Приказа, или назначались воеводой главного города. Хотя характер этих воевод и был преимущественно военный, тем не менее они заведовали и чисто гражданскими делами своего города и уезда.

С издания Уложения 1649 года воеводы всех разрядов в делах судебных, освободившись на суде от участия общества через его выборных, вместе с тем были подчинены важным ограничениям от центральной власти. Во-первых, ежели от них и не везде отнят суд по уголовным делам, зато везде, исключая Сибирь и Астрахань, воеводы лишены были права делать *смертные приговоры*, да и в Сибири и Астрахани воеводы могли казнить смертью без государева указа только русских средних людей, татар, чуваш и черемису, да и о тех должны писать в Москву, кто за какую вину казнен; а дворян, мурз, князей и нарочитых знатных людей и в Сибири, и в Астрахани казнить не велено без царского указа. Во-вторых, в исковых делах *право суда было ограничено* суммами исков, именно: воеводы больших городов, при которых были дьяки, могли судить исковые дела от 100 до 10 000 руб., а воеводы меньших городов, при которых не было дьяков, имели право давать суд по делам только тогда, когда иск не превышал 20 руб., а ежели бы такой воевода дал суд в деле, в котором иск превышал 20 руб., то таковой суд не в суд, а сам воевода

за это подвергался пене. Вообще по Уложению суд в больших исках производился только в Москве, в тех приказах, которым кто подведем; даже воеводы больших городов в больших делах только производили суд, окончательного же решения без царского указа не имели права давать.

Кроме городских воевод правительство посылало еще особых чиновников в помощники воеводам или их товарищам, при которых также были дьяки и подьячие. Эти помощники управляли какой-либо одной стороной воеводской деятельности или же отдельным городом. Кроме этих помощников у воевод были еще низшие служители, как-то: *подьячие, пристава*; они также посылались от приказа, но этот разряд чиновников вполне зависел от воеводы и находился в полном его распоряжении. *Волостелей, доводчиков* и подобных им служителей администрации, в прежнее время имевших некоторую самостоятельность и независимость от воеводы, по закону, с изданием Уложения 1649 г., уже не было; их власть вся сосредоточивалась в воеводской власти. Правда, посылались еще *приказчики от правительства* по селам, но приказчики эти не имели характера волостелей, они заменили собственно прежних посельских и посылались только, как управители, в дворцовые села, волости и слободы. Все же прочие села и деревни управлялись или своими владельцами-помещиками, вотчинниками, или своими выборными при непосредственной зависимости от воевод, хотя по-прежнему села и деревни были приписаны к станам и волостям.

Выборные начальники были: губные старосты, таможенные головы, ларечные старосты, целовальники и земские старосты.

1. *Губные старосты* выбирались жителями всего уезда, непременно из дворян или боярских детей, которые бы грамоте умели. Эти старосты не зависели от воевод, были самостоятельными производителями суда и следствий по уголовным делам и имели особое место для своих заседаний, называвшееся *губной избой*, и своих служителей: губных дьяков, целовальников и сторожей, служивших также по выбору

от уездных людей; в эти выборы воевода не имел права вмешиваться. Выборные губные старосты утверждались Разбойным Приказом в Москве, судились в этом приказе и во всем зависели от него. Впрочем, нередко губные дела поручались *воеводам*, следовательно, отходили от выборной власти, а еще чаще, со времени Уложения, при царе Алексее Михайловиче и при ближайших его преемниках, губные дела по уездам передавались *сыщикам*, присылаемым из Разбойного Приказа, и тогда губной выборный староста, хотя и оставался при своей должности, но уже сама должность лишалась характера самостоятельности, ибо губной староста поступал в полную зависимость от государева сыщика и делался только исполнителем его приказаний.

2. *Таможенные головы, ларечные старосты и таможенные целовальники* выбирались торговыми и вообще податными людьми города и уезда под надзором воеводы. В 1681 году царем Федором Алексеевичем был издан указ о выборе голов в таможи и на кружечные дворы во всех городах и этот выбор был предложен гостям и гостиной и суконной сотен торговым людям в Москве, но московские торговые люди от этого отказались, и поэтому позволено было выбирать голов по городам тамошним земским старостам и всем жителям по старому порядку, под надзором воевод. Должность таможенного головы была весьма важной для города, от этого головы более или менее зависела вся торговля города, ибо по тогдашнему порядку все пошлины по торговле собирались при самой купле и продаже, а некоторые даже при самом въезде на рынок, и все торговые сделки записывались в таможенные книги, из которых покупателям давались выписи в свидетельство того, что пошлины с товара заплачены, а также и того, что товар куплен надлежащим порядком, а не воровской, и весь порядок этого сбора и записи в книги зависел от таможенного головы, который поэтому мог многое делать и во вред, и в пользу торговли; следовательно, для города было весьма нужно, чтобы этот голова пользовался доверием общества; признанный законом порядок, чтобы таможенный

голова был избираем самим обществом и до некоторой степени находился в зависимости, был весьма важен и благодетелен для общества. Но, к сожалению, эта важная должность была сильно парализована излишним подчинением Приказу Большого Прихода или Большой Казны, а также вмешательством в это дело городских воевод, так что эта важная и почетная должность считалась до того тягостной для выборных людей, что они всеми силами старались уклоняться от нее как от разорительной повинности, и посему в эту должность нередко выбирались люди вовсе не те, которые бы были защитниками интересов общества, а скорее такие, которые умели уживаться и с Приказом Большого Прихода, и с местными воеводами, хотя бы к невыгоде общества. Кроме того, за правительством всегда оставалось право отдавать таможенные, кабацкие и другие пошлины с торгов на откуп, кто дороже даст. Когда находился откупщик, то сбор пошлин поступал в его распоряжение и ему воевода должен был оказывать помощь; откупщик уже нимало не заботился об интересах общества, он думал только о том, как выручить отданные за откуп деньги и как бы нажить самому побольше, чтобы удерживать откуп и на следующий срок. Этим правом отдавать на откуп правительство пользовалось постоянно, как скоро таможенный голова оказывался неисправным, т.е. мало собирал пошлин против оклада, или еще чаще, когда голова, заботясь о выгодах общества, не уживался с воеводой. В таком случае воевода доносил в Приказ Большого Прихода, что выборный голова «не радеет о государевой службе, пьет и бражничает и чинит понаровки жилецким людям по ставке с ними в убыток казне», и обвиняемый голова обыкновенно сменялся.

3. Наконец, в городах и уездах была еще и выборная власть – *земские старосты и целовальники*, но эта власть вполне была подчинена воеводам. Права земских старост ограничивались преимущественно раскладкой податей между членами общества и надзором за тем, чтобы тяглые люди не уклонялись от несения тягла, не выходили без отпусковых из города или волости, не записывались за монастыри или за

помещиков и вотчинников, а также чтобы волостные люди не переходили на житье в города, а городские – в волости, тоже без отпусковых от общества или от владельца земли. Кроме этого, земские старосты должны были смотреть, чтобы в их ведомстве не было разбоя, грабежа, татьбы и других лихих дел. В этом деле старосты были в полном распоряжении воевод, губных старост и присылаемых от государя сыщиков; по приказу воевод они должны были также наблюдать, чтобы никто беспощинно не торговал, когда таможенные пошлины были на откупе. Такова была администрация при Алексее Михайловиче и его ближайших преемниках.

Администрация при Петре Великом. Петр Великий, принявшись за управление государством, не замедлил приступить к важным реформам в делах администрации. Недостатки и тягости приказной администрации были так велики и вопиющи, что государь с таким умом и волей, как Петр, не мог оставить их без изменения. Он прежде всего обратил внимание на то, что администрация чересчур уже придавила общество и что все беспорядки и злоупотребления были именно следствием того, что общество не имело никакого голоса и значения, что ему были преграждены все законные пути заявлять и отстаивать свои нужды. Поэтому в первый же год (1689 г.) своего самодержавного правления, в октябре месяце, издал указ, по которому признал за каждым городом право распоряжаться городской землей без отношения к воеводам и приказным людям, только по согласию и за ручательством своего общества, через выборных старост и сотских. Потом, указом от 30 января 1699 г., приказал учредить Бурмистрскую Палату для ведомства всяких расправных дел между гостями и посадскими людьми и для управления казенными сборами и городскими повинностями, и таким образом передал управление городскими общинами, по-прежнему, самим же общинам, мимо воевод и приказов.

Бурмистрская Палата не была подчинена ни одному приказу и сама составляла главное место управления и суда между посадскими и торговыми людьми всего государства со

всеми правами приказа. В указе прямо сказано: «Чтобы торговых людей судом и всякими расправными делами и всякими службами и поборами в приказах не ведать, а ведать их в Бурмистрской Палате бурмистром, а в бурмистры выбирать погодно самим торговым и промышленным людям меж себя, кому верят, и одному из них быть первым или президентом, по очереди, ежемесячно, и передать в Бурмистрскую Палату из приказов все окладные книги, и все дела о промышленных и торговых людях». В тот же день был издан еще указ об учреждении по городам земских изб для ведомства всяких расправных дел между посадскими и торговыми людьми и волостными промышленниками и для управления казенными сборами с них, и земскими повинностями, и об исключении их из ведомства воевод, «а в земских избах судить и ведать их во всех делах выборным людям, кого они похотят». Впрочем, в этом указе городским общинам предоставлено было на волю ведаться и судиться или своими выборными людьми в земских избах, или по-прежнему оставаться в ведении воевод, в первом случае, т.е. когда они хотели ведаться выборными людьми, то должны были платить двойной оброк. Но указом от 5 октября того же года окончательно узаконено, чтобы воеводам и приказным людям по городам торговых и промышленных людей не судить и не ведать; а ведать их и судить во всех делах выборным бурмистрам в таможенных избах, а бурмистрам быть в ведении Московской Бурмистрской Палаты. Далее указом от 27 октября предоставлено торговым людям устраивать кампании для более прибыльного торга и разделить все города на провинции, и в провинциях выбрать главных бурмистров, которые бы надсматривали за городскими бурмистрами, а главное управление всеми торговыми и промышленными людьми чтобы было в Бурмистрской Палате в Москве, куда должны подаваться все отчеты из всех провинций. Наконец, в ноябре месяце того же года Бурмистрская Палата в Москве переименована в Ратушу, которой предоставлено управление не только посадскими, но и уездными тяглыми людьми. В 1700 году Ратуше были подчинены и торговые иноземцы.

Преследуя ту же цель поднятия общества и ограничения местной приказной администрации, Петр Великий указом от 10 марта 1702 года повелел, чтобы при городских воеводах по всем городам в суде и управлении участвовали выборные от дворянства. В указе сказано: «Ведать всякия дела с воеводы дворянам, тех городов помещикам и вотчинникам, добрым и знатым людям по выбору тех же городов помещиков и вотчинников, в больших городах по 4 и по 3 человека, а в малых по 2 человека; а одному воеводе без них, дворян, ни каких дел не делать и указу никакого по ним не чинить».

Но такое управление у Петра Великого не было постоянным; уже в 1705 году мы встречаем известие о *Ближней Канцелярии царской*, куда стягивались дела из разных ведомств и решались прямо по указу государя. В том же году был издан указ, по которому Ратуши были подчинены назначаемым от государя *инспекторам* из приказных людей, с правом удалять выборных бурмистров и назначать новые выборы. От 18 декабря 1708 г. для развития большей централизации была принята новая небывалая мера: разделение России на губернии; на первый раз было учреждено 8 губерний, а именно: 1-я *Московская*, которой подчинено 39 городов с их уездами; 2-я *Ингерманландская* с 29 городами, 3-я *Киевская* с 56 городами; 4-я *Смоленская* с 17 городами; 5-я *Архангелогородская* с 20 городами; 6-я *Казанская*, к ней причислен 71 город; 7-я *Азовская* с 25 городами; 8-я *Сибирская* с 30 городами. Начальниками губерний были назначены губернаторы, а в городах и провинциях начальниками по-прежнему оставлены воеводы, во всем подчиненные губернаторам. Губернаторы получили такую власть, что все государевы указы по всем городам должны были посылаться к губернаторам, а от них уже рассылались по городам и провинциям и, таким образом, губернаторы сделались центральными правителями губерний, так что все распоряжения по городам и провинциям производились через губернаторов и все отчеты и доношения из городов шли к губернаторам без различия – были ли сии отчеты и доношения от воевод или от бурмистров, а посему,

как приказное, так и выборное управление подчинялись одинаково губернаторам. Губернаторы стали посредствующей инстанцией между местной администрацией и администрацией приказов в Москве и получили огромную власть, какой не имели ни прежние воеводы, ни выборные бурмистры.

Потом указом от 22 февраля 1711 г. был учрежден *Правительствующий Сенат*, верховное центральное управление для всего государства и по всем делам; сюда же включен и прежний Разрядный Приказ и назначено высылать для присутствования из всех губерний по 2 комиссара, для спроса и принятия указов. Сенат, по первоначальному указу о его учреждении, был учрежден для управления государством на случай государевых отлучек; указы Сената получали такую же силу, как и именные указы государя и ослушники Сенатских указов преследовались жестокими наказаниями, а смотря по вине – даже смертью. Сенат при учреждении своем был составлен из 9 сенаторов и обер-секретаря, в эти должности были выбраны государем приближенные и доверенные лица.

В следующем, 1712 году государь, для придания большей силы губернаторам и для большего обеспечения всех правительственных распоряжений, распisał по всем губерниям постоянные квартиры для армейских полков и гарнизонов, подчинив их до некоторой степени губернаторам. Вследствие такого общего распоряжения губернаторы приобрели огромную силу над обществом, так что всякое уклонение от исполнения губернаторских приказаний влекло за собой принуждение к тому военной силой. Но, очевидно, чрезмерное усиление власти губернаторов вскоре оказалось неудобным и повело к разным беспорядкам и притеснениям, а вместе с тем вызвало новую меру правительства. Указом от 24 апреля 1713 г. было предписано учинить по всем губерниям *ландратов*, по выборам от всего дворянства губернии, именно: в больших губерниях по 12, в средних по 10, а в меньших по 8; ландратам заседать вместе с губернатором и делать с ним все дела и подписывать бумаги, и чтобы губернатор был между ними только президентом, а не власти-

телем, и без них ему никаких дел не делать, и все чинить по большинству голосов, причем губернатору на совете предоставляется два голоса, а каждому ландрату по одному голосу. По тому же указу 1713 года по всем губерниям учинены *ландрихтеры*, или земские судьи, нисколько не зависимые от губернаторов, а прямо подчиненные Сенату, так что в случае их преступлений губернатор имел только право доносить на них в Сенат. В 1715 году, указом от 28 января ландраты, не переставая быть советниками при губернаторах, сделались самостоятельными правителями по городам и волостям. В указе сказано: «В городах, где гарнизонов нет, не быть обер-комендантам и комендантам, а быть вместо их ландратам, по одному человеку над каждою долею, в которой по расположению содержится двороваго числа 5536 дворов, или по скольку будет удобнее по рассмотрению губернаторскому. А с теми ландратами для управления всяких сборов и земских дел в каждой доле быть комиссарам, по одному, подьячих по 4, и конных разсыльщиков по 12 человек. А жалованье им положить с дворов каждой доли. Из ландратов всегда быть при губернаторе по два человека, с переменою по месяцу и по два, а без них дело их управлять комиссарам. А при окончании года ландратам съезжаться к губернаторам со всеми правления своего ведомостями к счету и для исправления дел всем вместе. И губернаторам ни для каких сборов и дел от себя ни куда в ландратское управление нарочных не посылать. Посадских людей во всех губерниях ландратам ни в чем не ведать, а ведать их и управлять по-прежнему выборным бурмистрам с ведома губернаторскаго. А в исках своих посадским людям на крестьян бить челом ландратам, а крестьянам на посадских людей – выборным земским бурмистрам. А буде из ландратов или бурмистров кто нападками своими учинит кому обиду, или суд неправый сделает, и на того обиженному о суде бить челом губернатору». Над губернаторами, ландратами и ландрихтерами надсматривали присылаемые от государя *фискалы*, которые, в случае беспорядков в губернии или ландратстве, доносили в

Расправную Палату, где обвиняемых подвергали суду; частные люди также имели право доносить и подавать жалобы на губернские власти.

Таким образом, с учреждением ландратов, по-видимому, выборное земское управление было выдвинуто на первый план и власть губернаторов сильно стеснена выборным началом, но на деле это было далеко не так: губернаторы, вице-губернаторы и ландраты были по своему управлению в прямой ответственности перед Сенатом и ежегодно по два раза должны были присылать ведомости о своем управлении. Ведомости эти, по указу от 26 февраля 1714 г., преимущественно состояли в отчетах по сбору податей; вся неисправность по сборам податей взыскивалась с губернаторов, вице-губернаторов и ландратов, а на их имена налагались большие штрафы (по гривне с недобранного рубля); следовательно, главная забота этих деятелей была в том, чтобы не подвергнуться штрафу, который строго запрещено было раскладывать на губернии, а должно было взыскивать именно с их пожитков. Понятно, что при этом порядке они не могли думать об интересах общества.

В 1719 г. Петр Великий приступил к новому устройству центральных ведомств администрации, средних между Сенатом и областным управлением, которые у него были названы коллегиями и до некоторой степени заменили прежние приказы. Еще в декабре 1717 г. Петр Великий, перед отъездом за границу, повелел учредить коллегии по шведскому образцу и назначил в оные президентов, вице-президентов, советников, ассесоров и других чиновников. Президентами в коллегиях были: в Коллегии Иностранных дел – канцлер Головкин; в Камер-Коллегии – князь Дмитрий Голицын; в Юстиц-Коллегии – тайный советник Андрей Матвеев; в Ревизион-Коллегии – князь Яков Долгорукий; в Воинской Коллегии – князь Меншиков; в Адмиралтейской Коллегии – генерал-адмирал граф Апраксин; в Коммерц-Коллегии – тайный советник Петр Толстой; в Статс-Контор-Коллегии – тайный советник граф Мусин-Пушкин и в Берг и Мануфактур-Коллегии – генерал фельдцейхмейстер

Брюсс. Но, за отъездом государя, эти коллегии не были открыты. Указом от 12 декабря 1718 года поведено было открыть с 1719 года все коллегии и разделить ведомство каждой коллегии следующим образом: 1) Коллегия Иностранных дел должна заменить Посольский Приказ; 2) Камер-Коллегия в ведении своем имеет денежные доходы со всего государства; 3) Юстиц-Коллегия ведает судные и розыскные дела и Поместный Приказ; 4) Ревизион-Коллегия ведет счет всех государственных приходов и расходов; 5) Военская Коллегия ведает армию, гарнизоны и все военные дела; 6) Адмиралтейская Коллегия заведует управлением флота и всем относящимся до морских дел; 7) Коммерц-Коллегия наблюдает за торговлей и за всем относящимся до торговли; 8) Статс-Контор-Коллегия имеет в своем ведении все государственные расходы; 9) Берг и Мануфактур-Коллегия заведует рудокопными заводами и фабриками и вообще ремеслами и заботится об их распространении; кроме того, в ее же ведении была артиллерия.

Общий штат для каждой коллегии, по указу от 11 декабря 1717 г., был следующий: 1 президент, 1 вице-президент – русский или иностранец, 4 советника, 4 ассессора, 1 секретарь, 1 нотариус, 1 актуарий, 1 регистратор, 1 переводчик, подьячие трех статей; иноземцы: 1 советник или ассессор и 1 секретарь. Иноземцы назначались в коллегию для показания иноземного порядка, как вести в коллегиях дела. Президенты всех коллегий непременно должны присутствовать в Сенате, по указу от 16 мая 1722 года, только двумя днями в неделю меньше против других сенаторов.

К девяти первым коллегиям Петр Великий в 1721 г. присоединил еще десятую коллегию, под именем Главного Магистрата, которая должна была заведовать всем купечеством в русском государстве и состояла прямо под ведением Сената. На первый раз в эту коллегию был назначен обер-президентом князь Трубецкой, а в президенты – купец Исаев. Обязанности Главного Магистрата в указе от 16 января 1721 года описаны так: 1) во всех городах порядочный магистрат учинить, 2) смотреть, чтобы было правосудие, 3) добрую полицию учредить,

4) купечество и мануфактуры размножать, 5) собирать сведения о всех городах и их правителях и 6) вообще защищать купцов и ремесленников от обид и притеснений. В том же году была учреждена еще 11-я коллегия – Синод.

Областное управление. Учреждение коллегий по шведскому образцу повлекло за собой новые учреждения и в областном управлении, также приравниваясь к шведскому образцу. Еще по указу от 16 ноября 1718 г. были назначены следующие новые чины по губерниям: 1) ланд-гевдинг – земский голова, 2) обер-ланд-рихтер – главный земский судья, 3) ланд-секретарь – земский дьяк, 4) бухгалтер или камерир – земский надзиратель сборов, 5) ланд-рентмейстер – земский казначей, 6) ланд-фискал – земский фискал, 7) ланд-местер – межевщик, 8) профос – тюремный староста, 9) ланд-комиссар – земский комиссар, 10) ланд-рихтер – земский судья и 11) ланд-шрейбер – земский подьячий. Всем этим должностным лицам повелено начать исполнение своих должностей с 1720 года. Все эти чины были в непосредственном ведении разных коллегий, смотря по роду службы, и каждый из своей коллегии получал указы и подавал туда отчеты, которые по инструкциям были очень строги, разнообразны и требовали большой письменности и разных форм; ни губернаторы, ни воеводы над этими чинами не имели власти и не могли вмешиваться в их дела. Со введением нового устройства областного управления за губернаторами и воеводами остался только общий надзор над всеми делами по губернии или уезду. По новой воеводской и губернаторской инструкции, изданной в январе 1719 г., воевода и губернатор, во-первых, должны смотреть, чтобы не было в провинции шпионов от врагов государевых; во-вторых, города и крепости в провинции содержать в исправности; в-третьих, заботиться о твердом содержании христианской веры и иметь попечение о школах и госпиталях; в-четвертых, смотреть за расположением полков по уездам; в-пятых, иметь попечение о заводах и фабриках; в-шестых, наблюдать, чтобы земская государева полиция у всех была в уважении; в-седьмых, иметь надзор за исправностью дорог и следить, чтобы в народ не хо-

дили фальшивые деньги; в-восьмых, наконец, иметь прямой и непосредственный надзор, чтобы все чины, приставленные к каким-либо делам, исполняли свою должность и заботились о государевых интересах, а ежели кого заметят не исправным, о том доносить его начальству.

Новый порядок областного управления потребовал также и нового разделения областей; вследствие сего в 1719 г. именным указом от 29 мая все русские владения вновь были разделены на губернии, и к каждой губернии назначено несколько провинций, а каждая провинция разделена на уезды. По этому новому разделению Россия была разделена на 10 губерний и 47 провинций. Губернии были следующие: 1) Санкт-Петербургская, а в ней 12 провинций; она заключала в себе нынешние губернии: Эстляндскую, Псковскую, Петербургскую, Новгородскую, Олонецкую, Тверскую, Ярославскую и часть Вологодской. 2) Московская, в ней 9 провинций; она охватывала нынешние губернии: Московскую, Рязанскую, Костромскую, Владимирскую, Тульскую и Калужскую. 3) Киевская с 4 провинциями; к ней причислялись все города прежнего Белгородского полка и части нынешних губерний: Черниговской, Киевской, Орловской и Полтавской, всего 41 город. 4) Азовская, она разделялась на 4 провинции и заключала в себе нынешние губернии: Воронежскую, Харьковскую, Тамбовскую и значительные части других соседних губерний, в ней считалось 54 города. 5) Рижская состояла из 2 провинций: Рижской и Смоленской, в ней считалось 9 городов. 6) Архангелогородская состояла из 4 провинций, в ней считалось 17 городов. 7) Сибирская, в ней было 5 провинций, а городов считалось 24. 8) Казанская также разделялась на 4 провинции и имела 15 городов. 9) Нижегородская разделялась на 3 провинции, в ней считалось 8 городов. 10) Астраханская губерния не разделялась на провинции, в ней было 12 городов, кроме пригородов. По указу в губернии были назначены генерал-губернаторы и губернаторы, а по провинциям: обер-коменданты, коменданты и воеводы. Во все чины по губерниям и провинциям, кроме губернаторов, комендантов

и воевод, коллегиям было предписано назначить новые лица, согласно с инструкциями и регламентами каждой коллегии. Таким образом, почти все управление в областях, хотя и с земскими названиями, перешло от выборных людей к чиновникам, назначаемым от правительства и, кажется, при выборных начальствах остались только ремесленные и торговые люди по городам, согласно с регламентом Главного Магистрата, да еще крестьяне по волостям имели своих выборных старост; впрочем, старосты эти были уже вполне подчинены чиновникам, назначаемым от разных коллегий и не имели голоса в общей администрации.

Вдобавок к новому устройству областного управления в 1722 г. были открыты надворные суды, в которых заседали дворяне по назначению от правительства. Обязанность надворных судов по указу от 18 января 1722 года состояла в том, чтобы разбирать как расправные, так и все другие дела по доносам как от фискалов, так и от сторонних людей; но надворный суд не имел права решать дела окончательно, он по исследовании дела и открытии виноватых должен как дела, так и виноватых отослать в ту коллегия, до которой это дело касалось. В этом же году к числу коллегий присоединена Вотчинная Коллегия, образовавшаяся из Поместного Приказа, отделенного от Юстиц-Коллегии. Устройство этой коллегии было одинаково с прочими коллегиями.

Впрочем, новый порядок управления областями, введенный по шведскому образцу, с учреждением коллегий, скоро оказался неудобным, чего и должно было ждать, как по быстроте реформы, так и по своеобразности этого порядка, далеко не подходящего к порядку русской общественной жизни. А посему уже в 1722 г. начались изменения нового порядка, именно: указом от 12 марта предписано всем судьям или ланд-рихтерам, определенным в города от Юстиц-Коллегии, оставить свои должности, а те суды, которые были в их ведении, передать в провинциях воеводам, а для скорейшего отправления судебных дел в каждую провинцию прислать к воеводе по два ассессора из отставных офицеров или из дво-

рян. А где в провинции города и уезды далеко отстоят от провинциального города, в такие города предоставить воеводам по своему усмотрению назначать особых ассессоров – по одному в город, и при них двух или трех подьячих. Ассессоры, назначаемые воеводами, судили дела только до 20 р., а выше 20 р. отсылали в провинциальный суд к воеводе. Таким образом, суд по провинциям, городам и уездам опять возвратился в руки воевод без всякого контроля, по крайней мере в указе о контроле не упомянуто. А посему указом от 4 апреля того же года повелено: для смотра всяких дел в губерниях и провинциях, чтобы во всяких делах была правда, посылать на каждый год из Сената членов по одному, да при нем из каждой коллегии по одному человеку. И от того же числа издан еще указ, чтобы в дальние города от провинциальных городов посылать вместо ассессоров, назначаемых воеводами, особых судебных комиссаров, которые, впрочем, должны состоять под командой воеводы и имеют право судить дела не выше 50 рублей.

Но обращение к воеводскому суду и управлению не возвратило обществу права голоса в своих делах перед администрацией, а напротив, знание областного общества шло все ниже и ниже и вполне подчинялось служителям администрации. Так, указом от 13 апреля того же 1722 г. сбор податей и распоряжение выполнением разных повинностей окончательно отняты у общества; все выборные начальники: таможенные головы, имевшие прежде важное значение, а также старосты, ларечные и др., настоящим указом отменены и выборы их запрещены, а у больших сборов главными командирами и в товарищах велено назначать или отставных офицеров, или из дворян, а у меньших сборов – унтер-офицеров и рядовых солдат, по назначению Военной Коллегии, а в команду к ним выбирать магистрату из раскольников и бородачей в целовальники. Наконец, указом от 26 июня 1724 г. областное общество и даже часть администрации переданы под надзор полковникам тех войск, которые расположены по уездам на вечные квартиры. Им поручен не только суд над обывате-

лями в их делах с солдатами, а также полиция и даже смотрение, чтобы губернаторы и воеводы неопустительно исправляли свою должность и чинили как следует по указам из Сената, коллегий и канцелярий, а в случае каких упущений должны доносить в те места, откуда будут присланы указы, и, получив разрешение от тех мест, даже имели право делать понуждения губернаторам и воеводам.

Таким образом, Петр Великий, начав свои реформы допуском областного общества к делам местной администрации, закончил совершенным удалением общества от дел местного управления и отдал его под опеку не только приказной администрации, но даже военной силе, а саму администрацию так перепутал, что она в конце его царствования представляла пеструю смесь начал старых, XVII столетия, и новых, иноземных, чего, конечно, и нельзя было избежать при новости дела и быстроте реформ.

Администрация при преемниках Петра. Екатерина I, преемница Петра Великого, на другой же год нашла необходимым значительно изменить порядок администрации, введенный Петром, и до некоторой степени обратиться к старому, допетровскому порядку. Во-первых, указом от 8 февраля 1726 года она открыла *Верховный Тайный Совет*, высшее правительственное учреждение, под председательством самой государыни, в ее дворце, что-то вроде прежней допетровской Думы. В этом Совете должны были рассматриваться и решаться важнейшие государственные дела, как внешние, так и внутренние. Сенат и все коллегии должны были состоять под ведением Верховного Совета, получать от него указы и сноситься с ним доношениями. Таким образом, Сенат с учреждением Тайного Совета почти сравнялся с некоторыми коллегиями. По указу от 7 марта того же года, Сенат мог назначать и определять сам только следующих чиновников: провинциальных воевод, ассессоров, камериров, рентмейстеров, земских судебных комиссаров и президентов в надворные суды по губерниям; при назначении же президентов, вице-президентов и советников в коллегии имел право только выбирать кандидатов

и представлять в Верховный Тайный Совет; равным образом, при назначении губернаторов, вице-губернаторов и комендантов Сенат был обязан представлять кандидатов и ждать от Верховного Совета указа. Наконец, указом от 14 марта повелено отнять у Сената наименование «Правительствующий», а называть его только Высокий Сенат.

Вслед за изменением высшего центрального управления императрица приступила к важным изменениям и в областном управлении: так, указом 2 апреля объявила новые губернские и провинциальные штаты по всем губерниям. Штаты сии касались только канцелярских чиновников и служителей, начиная от секретаря и до сторожа; на всю Россию было положено 865 человек чиновников и служителей при губернских и провинциальных канцеляриях; Потом указом от 15 июля было повелено по всем городам, где по указу 1722 г. не было назначено воевод, назначить по старому порядку воевод для всяких судебных и розыскных дел, в каком бы иске не было. А которые челобитчики недовольны будут их решением, тогда бить челом им в провинциальных городах, к которым те города приписаны, тамошним воеводам с товарищами, а будут недовольны и решением провинциальных воевод, то подавать челобитные в надворных судах. Далее указом от 16 июля сокращены штаты в коллегиях: вместо 4 советников и 4 ассессоров повелено быть только 2 советникам и 2 ассессорам. Наконец, указом от 24 февраля 1727 г.: 1) отменены и уничтожены все излишние административные учреждения по областям, введенные Петром Великим: надворные суды, камериры, канцелярии и конторы земских комиссаров и т.п., повелено весь суд и управу по городам и уездам по старому, допетровскому порядку передать губернаторам и воеводам с апелляцией в Юстиц-Коллегию. 2) Сбор податей поручить магистратам, а где магистраты того не примут, по прежнему обыкновению посадским людям, а магистраты подчинить воеводам. 3) Полки армейские, расставленные на вечные квартиры по губерниям и провинциям, для облегчения народа и для удобнейшего надзора за солдатами поселить к

городам, а особенно к тем, которые прилегали к границам и где хлеб дешевле. 4) Солдат и офицеров отнюдь не посылать по уездам для сбора податей и для экзекуций, а где таковые есть, тем немедленно возвратиться в полки, а дела по сбору передать воеводам и губернаторам. В настоящем указе с полной откровенностью отображено все зло для народа от излишнего развития и раздробления администрации. В указе сказано: «Умножение правителей и канцелярий во всем государстве не токмо служит к великому отягощению штата, но и к великой тягости народной, понеже вместо того, что прежде сего к одному правителю адресоваться имели во всех делах, ныне к десяти, а может быть и больше. А все те разные управители имеют свои канцелярии и канцелярских служителей и особый суд и каждый по своим делам бедный народ волочит, и все те управители и канцелярские служители пропитания своего хотят, умалчивая о других непорядках, которые от безсовестных людей к вящей народной тягости ежедневно происходят». Таким образом, здравый смысл, еще не совсем завлеченный и запутанный административными формами, на другой же год по смерти Петра не замедлил указать на тот вред, который происходит от излишнего распространения приказной администрации, и признал за лучшее отменить излишества.

Имея в виду облегчить народ, страшно разоренный налогами, Екатерина I в том же году (1727) указом от 21 марта повелела учредить комиссию, которая должна была рассмотреть, как бы сократить государственные расходы и как удобнее и сходнее с народной пользой учинить сбор податей: подушным ли расчетом, как устроено Петром Великим, или с дворового числа, или с тягл, или с земли, как бывало прежде? И комиссии этой предписала «собрать выборных из дворян знатных и посредственных персон из всех чинов и рассмотреть состояние всех городов и земель и по разсуждению их состояния, такую и подать положить, чтобы всем была сносна».

Таким образом, настоящим указом императрица нашла нужным обратиться к выборным от общества и спросить их

совета об общем государственном деле, о чем уже и думать позабыли в предшествовавшее время административного увлечения.

Петр II, несовершеннолетний преемник Екатерины, стремился к новым реформам в администрации, и направление, данное Екатериной, осталось неизменным. По-прежнему главным государственным учреждением остался Верховный Тайный Совет, которому были подчинены Сенат и все Коллегии, по-прежнему оставлена и комиссия для рассмотрения подушного сбора.

В областном управлении все дела были также предоставлены губернаторам и воеводам. Даже в общем наказе губернаторам и воеводам, изданном 12 сентября 1728 г., большая часть правил заимствована из старых воеводских наказов с прямым указанием, что все управление и суд в уезде или в губернии должны быть сосредоточены в губернаторских и воеводских канцеляриях. Так, 2-й пункт наказа говорит о приеме города: «Приехав воеводе в город и городовые ключи, и уложения, и регламенты, и всякие указы и дела, и где есть служилых людей списки, артиллерию и амуницию и прочее что есть на лицо, и наличную сборную денежную казну, и все что к их управлению надлежит, у тех людей у кого оно было, освидетельствовав по прежним описям или росписным спискам, как прежде бывало, а деньги и провиант и прочее по приходным и расходным книгам описать и все вышеписанное принять и во всем росписаться, и тот росписной список за своими руками прислать в Сенат, и таков же оставить в канцелярии... А которые дела в прежде бывших разных канцеляриях и конторах были, кроме магистратского ведения, все собрать в одно место и внести в тот же росписной список, а чтобы оно впредь порядочно были содержаны, содержать их в своей канцелярии и росписать между канцелярскими служителями, как прежде бывали повытья или столы, у которых судныя и розыскныя дела или счета и подобн.». Равным образом и относительно суда между купечеством по торговым делам указом от 5 октября 1727 года повелено было во всех

делах по старому порядку ведаться таможенным судом и без взятия судебных пошлин.

Мало того, правительство еще при Петре II сочло нужным даже обратиться к голосу общества, так, указом от 12 июня 1727 г. было объявлено во всенародное известие, чтобы *все торговцы*, как целыми городами, так и части от одного лица, представляли в комиссию коммерции все, что они знают относительно причин худого состояния торговли и способе ее исправлению, и посылать свои мнения или прямо в комиссию, или по городам губернаторам и воеводам. Наконец, указом от 4 апреля 1729 года уничтожена страшная Тайная Канцелярия Преображенского Приказа и все дела ее распределены между Верховным Советом и Сенатом. Вообще в кратковременное царствование Петра II все дела шли тем же порядком, как и при Екатерине, да иначе и не могло быть, ибо лица, их окружавшие и заведовавшие делами, были одни и те же.

Императрица Анна Ивановна по восшествии на престол обратилась опять к порядкам Петра Великого и в первый же месяц своего царствования уничтожила Верховный Тайный Совет и восстановила прежнее значение Сената, возвратив ему прежний титул «Правительствующего». А указом от 1 июня 1730 года разделила Сенат на следующие 5 департаментов: 1-й духовных дел, 2-й военных сухопутных и морских дел, 3-й о доходах и расходах государственных, 4-й юстиции и 5-й департамент коммерции, о заводах и фабриках государственных. Впрочем, возобновление Сената в той же силе, в какой он был при Петре Великом, существовало недолго; указом от 10 ноября 1731 года при императрице учрежден был *Кабинет Министров*, которому были снова подчинены и Сенат, и Синод, и коллегии, и приказы и канцелярии. Потом указом от 24 марта 1731 года была восстановлена страшная Тайная Розыскная Канцелярия Преображенского Приказа и передана в заведование опытному в таких делах генералу Ушакову, и все дела прежнего Преображенского Приказа, розданные в Сенат и коллегии, повелено возвратить в возобновленный Преображенский Приказ. Также указом от 13 ноября 1731 г. воинские

чины поставлены выше гражданских, тогда как при Петре II они были сравнены с гражданскими. Указом от 29 декабря того же года предписано по всем коллегиям, канцеляриям и приказам сочинить инструкции согласно тому, как это было предписано в свое время Петром Великим. По указу от 21 сентября 1732 года учреждены *военные обер-фискалы и фискалы*, из обер-фискалов один по указу назначался при Военной Коллегии и два при армии, потом при каждой полевой дивизии и при гарнизонах по одному фискалу, а быть им под дирекцией *Генерал-Инспектора и воинских инспекторов* и проводить тайно и явно, чтобы каждый воинский чин, от высшего до низшего, исправлял должность свою, как следует по регламентам и указам. Указом от 25 апреля 1733 г. по многим губернским и провинциальным городам *учреждена полиция*; именно: в губернские города назначены полицмейстеры из гарнизонных капитанов, а в провинциальные – из поручиков, да для караулов и содержания съезжих дворов по одному унтер-офицеру, да по капралу, а рядовых в губернские города по 8 человек, а в провинциальные по 6 человек и по 2 человека канцелярских служителей. Таким образом, не только обе столицы, но и все губернские города и лучшие из провинциальных подчинялись полицейскому военному надзору, тогда как прежде полиция там содержалась гражданами и лежала на магистратах. По указу от 30 того же апреля все городские воеводы, назначаемые от Сената, перед отправлением своим к должности должны представляться самой императрице в Кабинете Министров.

Но особенное внимание и строгость правительства были обращены на *сбор податей*; здесь прежде всего, еще указом от 31 декабря 1730 г., предписано отправить по провинциям на вечные квартиры от каждого полка по капитану и по несколько унтер-офицеров и рядовых для сбора подушных податей, и таким образом этот сбор, в предшествовавшие два царствования порученный самому обществу через своих выборных, опять перешел в руки военных к явному отягощению общества. Строгости сбора податей на этом не остановились;

23 июня 1731 г. был издан новый регламент Камер-Коллегии, в котором подробно определены все правила сбора всех податей и пошлин с требованием неукоснительного надзора не только за тем, чтобы впредь не было недоимок, но чтобы существовавшие недоимки прежних годов были собраны безотлагательно. Для сего в помощь Камер-Коллегии учрежден особый Доимочный Приказ (в 1733 г.), которому предписано от всех коллегий, канцелярий и губерний требовать доимочные ведомости и взыскивать по ведомостям недоимки, смотря по состоянию должников, с рассрочкой в годы, а где в доимке были виновны губернаторы или воеводы своей понаровкой или слабостью, то на таковых губернаторах и воеводах и других чиновниках взыскивать штрафы, никак не меньше 10 процентов с доимочного рубля, и таковые же штрафы налагать и на самих должников. И что когда каких доимок положено и взыскано будет или кому в каком платеже будет отсрочено, о том Доимочному Приказу ежемесячно присылать подробные рапорты в Сенат к назначенному для того статскому советнику Маслову, которому о том представлять императрице. Наконец, в указе от 24 августа 1736 г. сказано: «Ежели кто губернаторы, воеводы и сборщики в сборах оплошно поступать станут и плательщикам послабление чинить, такие жестоко штрафованы и недвижимыя их имения конфискованы будут безповоротно. А смотреть затем Военной Коллегии и Камер-Коллегии. Буде же те коллегии за губернаторами и воеводами слабое смотрение иметь будут, то все такие доимки и недоборы взысканы будут на тех коллегиях». Таким образом, ответственность общества за исправный сбор податей и пошлин снова передана в руки воевод, губернаторов и военных сборщиков, которые, сами подвергаясь штрафам в случае неисправности сбора, естественно, не останавливались ни перед какими строгостями, лишь бы не подвергнуться штрафу. И действительно, разные казенные сборы ни в какое царствование не были так строги и исправны, как в царствование императрицы Анны Ивановны. При ней правительство на этом поприще действовало с замечательным успехом, на который даже указывали в западной Европе.

Впрочем, правительство, строго преследуя казенный интерес, не упускало из вида и интересы общества и частных лиц; на это указывают, с одной стороны, постоянные заботы, хотя, конечно, и ошибочные, о развитии торговли и разных фабрик и заводов, а с другой стороны – прямое и верное содействие общей пользе и выгодам частных лиц. Свидетельства такого содействия представляют нам указы: 1-й, от 1 февраля 1731 г., которым закон в интересе тяжущихся и с целью устранения неправого суда обращается к старому порядку судопроизводства: судьи должны слушать дело в присутствии истца и ответчика, которые при этом имеют право указывать на недостатки в делопроизводстве и требовать пополнений или изменений. В Указе именно сказано: «Что по новому порядку введенному с учреждения коллегий в судах при докладах не без погрешения бывает». 2-й, от 20 марта 1730 г., чтобы по всем городам воеводы переменялись через два года и чтобы они при смене с росписными и счетными книгами являлись в Сенат. Причем по указу только те из них допускались вторично к определению на воеводство, на которых в течение года после смены жалоб не последует. Указ этот, введший старый порядок, был издан именно с той целью, чтобы оградить общество от воеводских взяток и притеснений. Этот мотив ясно выражается в самом указе, где сказано: «Известно учинилось, что многие воеводы, как посадским, так и уездным людям, чинят великия обиды и разорения и берут взятки, о чем уже и челобитныя многия в Правительствующий Сенат поданы, а на иных и бить челом опасаются, для того, что те воеводы многие годы живут безпеременно». В-третьих, сама инструкция Доимочного Приказа свидетельствует о том же внимании к частным интересам, хотя в ней, как и следовало ожидать, впереди стоит казенный интерес; в инструкции сей сказано: «Милосердуя о своих подданных и не желая того, чтобы скорым и острым правежом могли прийти в крайнее разорение, указали кто из таких должников тех доимок всех вдруг заплатить не могут, таких спрашивать: на какие сроки те доимки вдруг, или еще и впредь, посрочно, заплатить без

дальнего себе разорения могут, но имений их не продавать». В-четвертых, наконец, указом от 24 июля 1740 г. к общей пользе предписано устроить почты по всем губерниям и провинциям, с которыми почтами невозбранно пересылать и корреспонденции частных лиц. Таким образом, в царствование императрицы Анны Ивановны правительство относительно администрации следовало, с одной стороны, порядкам, введенным Петром Великим, и, с другой стороны, не совсем отрицало и то направление, которое было при его первых двух преемниках; вообще заметно было какое-то колебание между старым и новым устройством государства.

Императрица Елизавета Петровна, дочь Петра Великого, при самом вступлении своем на престол объявила, что ее царствование будет продолжением царствования отца. Она на третьей же неделе своего царствования издала указ от 12 декабря 1741 г. о восстановлении власти Сената в прежней силе относительно правления внутренних государственных дел, как было при Петре Великом, и об уничтожении Кабинета Министров, с тем чтобы вместо него устроить при императорском дворе новый кабинет, какой был при родителе императрицы, т.е. в качестве собственной канцелярии ее величества; управление же иностранными делами поручить канцлеру и вице-канцлеру. Потом указом от 7 апреля 1742 г. восстановлены Берг и Мануфактур-Коллегии, которые были уничтожены при императрице Анне Ивановне, и заменены Генерал-Берг-Директориумом; далее указом от 21 мая 1743 г. восстановлены на петровском основании Главный Магистрат в Петербурге и магистраты по городам. В целях того же восстановления старого петровского порядка указом от 11 сентября 1745 г. повелено: из коллегий, канцелярий и контор подавать доношения в Сенат на основании указа Петра от 2 октября 1724 г., ежели в делах встретятся какие недоразумения. Кроме того, указом от 22 января 1744 г. Сенату было возвращено право определять в города воевод и секретарей без представления императрице. Восстанавливая разные центральные административные учреждения своего родителя,

Елизавета и сама открыла вновь весьма важное административное учреждение – Главную Межевую Канцелярию при Правительствующем Сенате, которой указом от 5 февраля 1755 г. поручены надзор и главное управление по производству межевания земель по всей России. Эта канцелярия имела своего председателя и своих членов, подобно коллегиям; от нее зависели все межевщики и землемеры, она их рассылала по губерниям и провинциям, принимала от них отчеты по межеванию и судила их в случае жалоб.

Областное управление при Елизавете Петровне оставалось без изменения в руках воевод и губернаторов, так как оно было устроено в предшествовавшие царствования Екатерины и Анны; только указом от 5 декабря 1744 г. было дозволено оставаться городским воеводам при своей должности без смены и на другое двухлетие, когда о том будут просить сами жители города. Потом указом от 26 октября 1760 г. срок воеводской службы вместо двух лет продлен на пять лет, да и после этого пятилетнего срока воевода сменялся только в таком случае, когда на него падали какие-либо подозрения; напротив, ежели на воеводу не будет подозрения, и жители города будут просить Сенат, чтоб им был оставлен старый воевода, то и после пятилетнего срока воевода не сменялся. Вообще в царствование Елизаветы Петровны, как видно из самого указа, на практике воеводы редко сменялись, хотя по закону им и были назначены сроки, но на них обращалось мало внимания. Даже последний, пятилетний срок был принят только как временная мера, как прямо сказано в указе: «пока о лучшем губерний и провинций управлении рассмотрение и определение учинено будет». Очевидно, что правительство было недовольно областным управлением и имело в виду сделать радикальные реформы по этому отделу администрации, но при Елизавете этих реформ не последовало.

Таким образом, в царствование Елизаветы Петровны были более или менее восстановлены центральные административные учреждения Петра, т.е. коллегии, конторы и канцелярии, областное же управление оставалось таким, каким

оно было при Анне Ивановне. Лица, окружавшие Елизавету, далеко уже не имели той энергии и громадной неудержимой жажды деятельности, какими отличались к тому времени уже умершие слуги Петра; важные, смелые реформы им были не по силам, для них было достаточно вращаться в готовом кругу, устроенном Петром и его слугами, они в этом круге делали разные поправки, приделки, смотря по настоянию нужд своего времени. Во время Елизаветы был постоянный недостаток в деньгах, и лица, окружавшие ее, деятельно хлопотали об устранении этого недостатка, учреждали монетные канцелярии и конторы, изменяли монетную систему и даже в 1754 г., присоветовали императрице учредить *Государственный Банк* для дворянства и купечества. Так как от изменения в народонаселении произошла большая путаница в сборе податей, то для устранения этой путаницы в 1742 г. был издан указ о новой генеральной ревизии. Для устранения неудовлетворительности по сбору постоянно увеличивающихся недоимок в продолжение всего царствования Елизаветы существовала особая *Комиссия по улучшению сбора податей и пошлин*, которая хлопотала о составлении генеральной окладной книги, но не успела окончить ее. Так как внутренние, таможенные и проезжие пошлины крайне стесняли торговлю, то 20 декабря 1753 г. был издан знаменитый *Указ об уничтожении внутренних таможенных и других мелочных сборов*, а для пополнения казенных доходов увеличена таможенная пошлина на пограничных таможах в торговле с иностранцами, а 1 декабря 1755 г. издан *Общий Таможенный Устав*. Для отыскания средств к улучшению торговли и в царствование Елизаветы был издан 2 ноября 1760 г. обычный со времени Петра Великого указ: «О дозволении всякому городу и купцу доносить письменно и без подписи своего имени в С.-Петербург в Комиссию Коммерции, а в губерниях и провинциях губернаторам и воеводам о нуждах городских и о всем что может быть полезно для распространения торговли». Между тем Уложение законов, продолжавшееся сочиняться со времен Петра Великого, постоянно откладываемое за другими дела-

ми, по указу Елизаветы Петровны 1754 г. предписано покончить без отлагательства, на что и наряжена была комиссия из двух сенаторов – графа Романа Илларионовича Воронцова и князя Михаила Ивановича Шаховского, тогдашнего большого знатока законов, которые принялись рассматривать и переправлять уже прежде сочиненные две части нового Уложения – судную и криминальную, и надеялись представить их к слушанию в 1762 г., для чего указом от 29 сентября 1762 г. предписано было по всем городам сделать выборы из дворян по два, а из купцов по одному, и чтобы сии выборные для слушания нового Уложения съехались в Петербург к 1 января 1761 г. Но из-за смерти императрицы дело это не состоялось, и какова была судьба этого нового уложения, мы не знаем, и неизвестно, был ли съезд выборных в Петербурге.

III. Администрация при Екатерине II. В первые годы царствования Екатерины II общий порядок администрации более или менее оставался тот же, какой был при Елизавете, разве с немногими изменениями. Современник Елизаветы и Екатерины, князь Михайло Михайлович Щербатов, известный сочинитель Истории Российской, следующим образом описывает главные центральные места управления в первые годы Екатерины II.

Первое и главное правительство есть *Сенат*. Он разделен на две части – одна в Петербурге, а другая в Москве; в Петербурге четыре департамента, а в Москве два.

Первый и пятый департаменты судят все дела государственные, касающиеся доходов и торговли, 2-й и 6-й департаменты судят все дела великороссийские апелляционные, вотчинные и юстицкие, а 3-й ведает те же дела по Малороссии, Лифляндии и Эстляндии и ему же подчинены все государственные строения, коммуникации и ученые дела, 4-й департамент судит все дела военные по Военной и Адмиралтейской Коллегиям. Каждый сенатор имеет право своим голосом остановить дело, и оно по увещанию прокурора идет в полное собрание всех департаментов, т.е. четырех в Петербурге и двух в Москве, полное же собрание производит в чины и определяет к

должности. Ежели в полном собрании сенаторы не сойдутся во мнениях, тогда генерал-прокурор, сделав сперва предложение, покажет свои заключения и потом по несогласию сенаторов вносит дело к государю. В ведении же генерал-прокурора состоит вся сенатская канцелярия.

Второе правительство составляет *Синод* для управления делами духовными; в нем членами: архиереи, архимандриты и протопопы, по назначению государя. При Синоде состоит обер-прокурор, как посредствующее лицо между светской и духовной властью.

За Сенатом и Синодом следуют три главные коллегии, почти равные Сенату и Синоду.

1. *Иностранная Коллегия*; в ее ведении состоят все дела, касающиеся иностранных народов. Начальник и председатель этой коллегии – канцлер. Должность его состоит производить все дела, касающиеся до негоциации с чужеземными государствами; он дает наставления всем министрам (т.е. посланникам), отвечает на их реляции и докладывает непосредственно государю о всех делах, касающихся его департамента. В Иностранной же Коллегии хранится большая государственная печать, которой печатаются трактаты, грамоты и патенты. В ведении же этой коллегии состоит почтамп.

2. *Адмиралтейская Коллегия* имеет в своем ведении все касающееся морских сил; она имеет разные департаменты для разных снабжений флота, свой комиссариат, свою контору для строения, т.е. свою интендантскую, свою артиллерийскую, своего генерал-казначая. Начальники этих, департаментов называются экспедиторами и присутствуют в коллегии, как ее члены. Коллегия сама делает доклады государю о производстве в чины по морской службе и о всех важных делах своего ведомства.

3. *Коллегия Военная*; в ее ведении состоит управление всем сухопутным войском. Она имеет также свои департаменты: комиссариатский и провиантский; этой же Коллегии подчинен и артиллерийский корпус, хотя и имеет свое особое управление. Военная Коллегия относительно докладов

государю пользуется теми же правами, как и Коллегия Адмиралтейская. Президенты всех этих трех коллегий непременно вместе со званием президента имеют звание сенатора и имеют чин генерал-фельдмаршала, а вице-президенты – чин генерал-аншефа, разумеется, кроме Иностранной Коллегии, где президентом канцлер, а вице-президентом – вице-канцлер. Впрочем, штата Иностранной Коллегии в то время, как писал Щербатов, еще не было положено, и вице-канцлеры иногда бывали президентами ее.

За этими главными центральными правительственными местами следовали коллегии второстепенные, до некоторой степени подчиненные Сенату. Эти коллегии следующие:

1) *Камер-Коллегия* находится в Москве и имеет свою контору в Петербурге. Она должна была собирать все сборы, кроме подушного, который отпускался прямо в Комиссариат, главный сбор этой коллегии был с винных откупов.

2) *Юстиц-Коллегия* в Москве. Она судит все дела криминальные и судные дела по апелляциям. На одной степени с этой коллегией стояла еще другая *Юстиц-Коллегия для Лифляндских и Эстляндских дел* и при общем департаменте для белорусских дел. Коллегия касательно Лифляндских и Эстляндских дел судит по их привилегиям и законам, а чего в их законах недостает, заимствует из шведских, любских и римских законов, как сие точно обозначено в тамошних привилегиях.

3) *Камер-Коллегия Лифляндская и Курляндская* для сбора казенных доходов с тамошних земель по их древним обычаям и законам, а в Финляндии и по шведским законам, так как сия область была присоединена к России от Швеции, с сохранением своих прежних прав и привилегий.

4) *Вотчинная Коллегия*. Она находится в Москве, и от нее один департамент в Петербурге: и как департамент, так и коллегия подсудны прямо Сенату. Сия коллегия судит все дела, касающиеся наследства и разных укреплений недвижимого имения, и для сего имеет архив всех писцовых старинных книг, записей, записку купчих, ввозных грамот и отказных и

межевых книг, также и планов. Это важное государственное учреждение, весьма нужное для утверждения собственности и недвижимых имений, имеет много недостатков: 1) множество противоречащих законов, 2) недостаток законов в некоторых случаях и 3) беспорядок в архиве, который от многих пожаров отчасти истреблен, отчасти воровством расхищен и вообще находится под плохим смотрением.

5) *Коммерц-Коллегия* имеет попечение о пользе торговли; для этого она собирает все ведомости об отпускных и привозных товарах, судит по контрактам и по другим касающимся торговли делам, судит, по силе трактата, в торговых делах англичан, дает наставления и инструкции консулам и имеет с ними переписку. Учреждения сей коллегии по настоящему состоянию торговли довольно удовлетворительны. Коллегия сия состоит под апелляцией Сената.

6) *Берг-Коллегия* находится в Москве. В ведении ее состоят горные заводы в государстве, впрочем, не все, именно: от нее отделены Кольвано-Воскресенские заводы и промысел цветных камней и мрамора. При Берг-Коллегии находится монетный департамент, обязанность которого разделять металлы и бить деньги. Департамент сей помещался в Петербурге в Петропавловской крепости. В ведении Берг-Коллегии состояло и Горное Училище.

7) *Мануфактур-Коллегия*. Коллегия сия по первоначальному учреждению Петром Великим имела обязанностью надзирать над всеми фабриками и мануфактурами и споспешествовать их распространению, но впоследствии отвлеклась от настоящего своего назначения и обратилась в Судный Приказ и Вотчинную Коллегию для фабрикантов и мануфактуристов; в ней начались суды и отыскивания имений. Наконец, при Екатерине II, с открытием свободных ремесел, когда по указу государыни каждый мог работать в своем доме, в деревнях по светлицам, Мануфактур-Коллегия совсем потеряла свое прежнее значение.

8) *Коллегия Экономии*, первоначально учрежденная Петром Великим и потом несколько раз закрывавшаяся и опять

открывавшаяся, наконец снова была восстановлена Екатериной II указом от 12 мая 1763 года. Ей вверено управление и хозяйство во всех монастырских и архиерейских вотчинах и распоряжение доходами с их имений, которые будут оставаться за штатным содержанием архиереев и монастырей. Об этой Коллегии Щербатов говорит, что с передачей монастырских имений в ее ведение хозяйство в этих имениях пришло в крайний упадок; конские доходы, бывшие в некоторых имениях, совершенно разорились от худого смотрения, мельницы повалились, леса истреблены, пруды спущены, рыба распродана, самое земледелие потеряло многое от худого смотрения, многие поля поросли кустарником, а богатые монастырские хлебные магазины раскрадены и проданы за бесценок. И наконец, стараниями сей коллегии отняты на государя все церковные недвижимые имения.

9) *Коллегия Медицинского Факультета*. Она учреждена указом 12 ноября 1763 года. По указу эта коллегия разделялась на два департамента, именно на Коллегию докторского и лекарского искусства и на канцелярию, отправляющую всю экономию факультета. Коллегии сей даются все те преимущества, которые принадлежат и прочим коллегиям. Она имеет власть делать распоряжения, касающиеся врачевания во всей империи и распространения медицинской науки в государстве, а канцелярия подчинена только одному президенту коллегии. Штат коллегии состоит: из президента, который назначается из вельмож, из трех докторов медицины, одного штаб-лекаря, одного лекаря, одного оператора и одного ученого секретаря. В ведение этой коллегии поступали все доктора, лекари и аптекари в государстве, она их определяла к должностям и увольняла, также ведала все медицинские приходы и расходы и имела попечение о госпиталях и об обучении русских людей докторству, лекарству и аптекарству; она экзаменовала докторов, лекарей, операторов и аптекарей. Князь Щербатов об этой коллегии за свое время говорит, что она много потеряла оттого, что президент в нее назначался не из докторов и не из ученых и что под ее ведением не было никакого медицинского

училища, отчего между русскими медицина не распространялась и лишь только иностранцы и учившиеся в чужих краях получали дипломы от коллегии и назначались в должности докторов, врачей и аптекарей.

10) *Малороссийская Коллегия*. Коллегия сия учреждена Екатериной II по указу от 10 ноября 1764 года. В этой коллегии президентом был малороссийский генерал-губернатор, а члены пополам из великороссийских и малороссийских чинов, именно: русских членов было 4, а малороссийских 3. Коллегия сия заменила для Малороссии гетманское управление и должна была судить во всем по малороссийским нравам. Князь Щербатов учреждение сей коллегии находит весьма мудрым и полезным, но замечает, что в его время в ней было много злоупотреблений.

11) *Главный Магистрат*. Эта коллегия, первоначально учрежденная Петром Великим, потом уничтоженная и потом опять возобновленная при Елизавете, существовала и при Екатерине II как **главное и центральное учреждение суда и расправы** для купцов и вообще посадских людей, имевшее в своем ведении все городские магистраты; она наблюдала, чтобы все торгующие купцы были записаны в гильдии и все мастеровые – в цехи, и судила все весельные дела и дела о банкротях. О Главном Магистрате за свое время князь Щербатов говорит: «Сие место, долженствующее быть защитой и подпорою купечества и мещанства, учинилось вертеп разбойников, где грабеж купцов и мещан и утесняют других подданных».

Кроме учреждений центрального управления, исчисленных у князя Щербатова, мы находим известия, в указе от 15 декабря 1763 г., о других центральных учреждениях, существовавших до Екатерины II и частью ею преобразованных, а частью уничтоженных, именно: к уничтоженным Екатериной II центральным учреждениям принадлежали: 1) Сибирский Приказ, 2) Печатная Контора, 3) Раскольничья Контора, 4) Розыскной Приказ, 5) Коммерц-Коллегии Комиссарство в Москве и 6) Тайная Канцелярия Преображенского Приказа. Оставленные, но преобразованные Екатериной прежние

учреждения были: 1) Ревизион-Коллегия, 2) Штатс-Кантора и ее конторы, 3) Соляная Кантора с подведомственными ей местами, 4) Главная Полиция, 5) Ямская Канцелярия и ее конторы, 6) Банковые конторы для дворянства, 7) Судный Приказ, 8) Мастерская Оружейная Палата и 9) Канцелярия Конфискации и ее конторы.

Желая сколько-нибудь исправить неудовлетворительное состояние всех административных учреждений, Екатерина II в 1763 г. указом от 15 декабря назначила для всех этих учреждений новые определенные штаты с определенным жалованьем для каждого служащего. Из сих штатов мы видим, что для областного управления в то время существовали следующие учреждения:

1) В губерниях – Губернская Канцелярия, где председателем и главным начальником был губернатор и при нем два товарища, один прокурор, три секретаря, протоколист, регистратор, переводчик, архивариус и канцелярские служители разных разрядов в числе 28 человек.

2) В провинциях – Провинциальная Канцелярия, где главным начальником воевода и при нем один товарищ, один прокурор, два секретаря, протоколист, регистратор и 14 человек канцелярских служителей.

3) В уездных городах – Канцелярия уездного города, в ней начальником воевода и при нем товарищ, с приписью подьячий, переименованный по штату в секретари, и 11 человек канцелярских служителей. Таким образом, по порядку, заведенному еще до Екатерины и на первый раз утвержденному ею, областное управление было в руках воевод, губернаторов и их товарищей, которым были подчинены городские магистраты.

Императрица Екатерина II, еще до радикального изменения прежнего порядка, явно неудовлетворительного, по признанию современников, пыталась исправить его разными частными преобразованиями и улучшениями. И для этого, еще прежде издания штатов, указом от 3 июля 1763 года учредила особую Розыскную Экспедицию, потом указом от

3 декабря того же года сделала преобразование в управлении Адмиралтейской Коллегии и ее контор; далее, по издании штатов, указом от 30 марта 1763 года дала новую инструкцию Камер-Коллегии.

Наконец, в 1766 году от 14 декабря Екатерина издала указ об учреждении в Москве Комиссии для сочинения проекта нового уложения, которое бы охватило собою все законы для суда и управления. К этому делу она приступила с того, что повелела собрать депутатов со всего государства, которые бы представили свои соображения, каждый по своей части и по своей местности. Прежде всего велела выбрать и прислать депутатов от Сената, Синода и от всех коллегий и канцелярий, кроме губернских и воеводских. При выборе депутатов во всех правительственных учреждениях поступать по адмиралтейскому в баллотировании обычаю. Потом выбрать депутатов от городов и разных сословий, именно от каждого уезда, где губернии расписаны на уезды, где же уезды называются полками, рейсами или другим иным каким названием, то также и от этих, так называемых уездов, где есть дворянство – из каждого по одному депутату, от жителей (посадских) каждого города по одному депутату, от однодворцев каждой провинции – по одному депутату, от пахотных солдат и разных служб служилых людей, содержащих ландмилицию – по одному депутату от провинции, от государственных черносошных и ясашных крестьян – по депутату с каждой провинции, от неkochующих разных в области нашей живущих народов, от каждого народа с каждой провинции – по одному депутату, от казацких войск и от войска запорожского потребное число депутатов, применяясь к их положению. Все же депутаты должны быть не менее 25 лет от роду каждый. Жалованье присланным депутатам в год производимо будет от казны: дворянам по 400 рублей, посадским по 122 рубля, прочим по 37 рублей. Преимущества депутатов: каждый депутат на всю жизнь, в какое бы прегрешение не впал: 1) свободен от смертной казни, 2) от пыток и 3) от телесного наказания.

Учрежденная в 1766 году Комиссия для сочинения проекта нового уложения по разным обстоятельствам, хотя и не могла привести к окончанию порученного ей дела и через некоторое время была распущена, тем не менее создание сей Комиссии, составленной из депутатов от всех сословий и из разных местностей, много способствовало к ближайшему ознакомлению правительства с современными нуждами государства, и не только дало средства с большей уверенностью приступить к необходимым в управлении реформам, но даже многие депутаты, участвовавшие в сей Комиссии, представили важные проекты необходимых преобразований, которыми правительство и успело воспользоваться по своему благоусмотрению. К числу таковых важных проектов принадлежит проект преобразования управления в губерниях и провинциях, которое впереди всех преобразований было на очереди по крайней запутанности в делах областного управления, где на воеводской канцелярии лежало множество разнообразных дел: и казенные доходы, и счета, и полиция, и суды – гражданский и уголовный. Проект этот 7 ноября 1775 года был издан императрицей Екатериной II под именем Учреждения для управления губерний Всероссийской Империи, и за один прием ввел радикальную реформу в областном управлении, устроенном Петром Великим и его ближайшими преемниками.

В Учреждении о управлении губерниями, изданном Екатериной, главной задачей было постановлено отделить суд от администрации и каждому областному административному и судебному учреждению предписать определенные границы и правила, как исправлять возложенные на него обязанности, это для устранения запутанности в делах. А чтобы дела не накапливались в огромных количествах и чтобы не было медленности в делопроизводстве, для этого Учреждение о губерниях поставило себе другую задачу – по возможности раздробить губернии, так чтобы на каждую приходилось от 300 до 400 тысяч душ. Разрешением сих двух задач Учреждение о управлении губерниями вконец изменяло все порядки

областного управления, устроенные Петром Великим и его ближайшими преемниками.

По управлению губерниями императрица Екатерина II назначила следующий штат административных и судебных присутственных мест.

I. Для целой губернии как центра областного управления: 1) *Губернское или Наместническое Управление*, где председателем был губернатор или наместник, и при ней два советника; 2) *Палата Уголовного Суда*, присутствие которой составляют: председатель, два советника и два ассессора; 3) *Палата Гражданского Суда*, в которой также положены: председатель, два советника и два ассессора; 4) *Казенная Палата*, где начальником вице-губернатор и при нем директор экономии, один советник, два ассессора и губернский казначей; 5) *Верхний Земский Суд*, а по обширности губернии, ежели нужно будет, то и два таковых суда; в Верхнем Земском Суде – первый и второй председатель и 10 заседателей; 6) *Губернский Магистрат*, а где нужно будет и 2 таковых; в Губернском Магистрате два председателя и 6 заседателей; 7) *Приказ Общественного Призрения*, где председателем сам губернатор и при нем по два заседателя от Верхнего Земского Суда, от Губернского Магистрата и от Верхней Расправы, где в губернии таковая будет учреждена; 8) *Совестный Суд*, в котором председателем судья, а членами присутствия – по дворянским делам двое дворян, по городским – двое купцов, по расправным же – двое поселян; 9) *Верхняя Расправа* в тех губерниях, где в разных уездах будет от 10 до 30 тысяч однодворцев в одном уезде; в Верхней Расправе два председателя и 10 заседателей; 10) сверх того на каждую губернию определяется один губернский прокурор и один губернский стряпчий казенных дел и один губернский стряпчий уголовных дел, при Губернском Правлении и Палатах; также один прокурор и один стряпчий уголовных дел и один стряпчий казенных дел при Верхнем Земском Суде, и по столько же при Губернском Магистрате и при Верхней Расправе.

II. В уезды, на которые разделяется губерния, в каждый назначаются следующие присутственные места для суда и

управления: 1) *Уездный или Окружной Суд*, где начальником уездный судья и при нем два заседателя; 2) при суде *Дворянская Опека*, где присутствуют уездный предводитель дворянства, уездный судья и его заседатели; 3) *Нижний Земский Суд*, где присутствуют земский исправник и 2 или 3 заседателя; 4) на каждый уезд сверх того назначены: один уездный казначей, один землемер, один доктор, один лекарь, два подлекаря и два лекарских ученика; 5) на каждый город определяется по одному городничему для заведования полицией города, кроме того, по городам и посадам остаются на прежнем основании старосты и судья словесного суда; 6) в каждом городе назначается Городовой Магистрат, где присутствуют 2 бургомистра и 4 ратмана, а в посадах вместо Магистратов назначаются Ратуши; 7) в каждом городе при Магистрате учреждается городской Сиротский Суд, где председательствует городской голова и заседают два члена Магистрата и городской староста; 8) в уездах, где живут в большом числе однодворцы, именно от 10 до 30 тысяч человек, в каждом учреждается особый суд под названием *Нижняя расправа*; в Нижней Расправе заседает расправный судья и 8 заседателей, из коих двое отсылаются для заседания в Нижнем Земском Суде и двое для заседания в Совестном Суде, по делам до их селения касающимся; 9) на каждый уезд назначается один уездный стряпчий.

Лица, назначаемые в разные должности губернских и уездных присутственных мест, в отношении назначения своего в должность разделяются *на два разряда*: лица одного разряда назначаются по определению от правительства и состоят в коронной службе, а лица другого разряда назначаются по выбору от самого общества и несут выборную службу.

К I разряду принадлежат: 1) губернатор, вице-губернатор, назначаемые самим государем; 2) председатели Палат и Верхнего Земского Суда избираются Сенатом и утверждаются высочайшим повелением; 3) советники и ассессоры Губернского Правления и Палат определяются Сенатом; 4) директор экономии, губернский казначей, первый и вто-

рой председатели Губернского Магистрата и Верхней Расправы определяются по представлению Губернского Правления Сенатом; 5) судьи Совестного Суда определяются выбором каждого судебного места губернии и утверждаются губернатором; 6) уездный казначей определяется на три года по представлению Казенной Палаты государственным казначеем; 7) губернский и уездный землемеры определяются Сенатской Межевой Экспедицией; 8) уездный доктор и лекарь принимаются на службу губернатором по контракту; 9) городничий определяется Сенатом по представлению Губернского Правления; 10) расправный судья определяется Губернским Правлением из чиновных людей; 11) губернский прокурор и другие прокуроры и губернские стряпчие определяются Сенатом, а также Сенатом определяются стряпчие других губернских мест; 12) уездные стряпчие определяются Губернским Правлением.

Ко II разряду принадлежат: 1) уездные предводители дворянства, выбираемые дворянством уезда через каждые три года по баллам; 2) заседатели от дворянства в Верхнем Земском Суде, заседатели от дворянства в Уездном Суде и в Нижнем Земском выбираются дворянством через три года и утверждаются губернатором; 3) уездный судья и земский исправник также выбираются на три года дворянством и утверждаются губернатором; губернатор выбранных дворянством может и не утвердить, ежели найдет за кем из выборных какой явный порок; 4) по городам и посадам – городской голова, бургомистры и ратманы выбираются городским обществом через каждые три года по баллам; 5) старосты и судьи Словесного Суда выбираются тем же обществом каждый год по баллам; 6) заседатели Губернского Магистрата и Совестного Суда избираются губернским городом из купцов и мещан этого города через каждые три года по баллам и утверждаются губернатором, буде нет за ними явного порока; 7) заседатели Верхней и Нижней Расправы выбираются теми селениями, которые подведомы той Расправе; выбор делается на три года и представляется на утверждение к гу-

бернатору, который имеет право и не утвердить выбора, ежели за выбранным найдет явный порок.

Таким образом, по Учреждению для управления губерниями, вся администрация и суд были разделены между чинами, служащими по определению правительства и чинами, выбранными от общества, но с явным перевесом власти на сторону чинов, определенных правительством; притом же губернатор был полным хозяином губернии, мог утверждать выборы и не утверждать по своему усмотрению, указав на какой-либо порок выбранного. Но зато действительно судебные дела были отделены от административных, и при этом столько было наделано разных подразделений и ведомств, что учреждения Екатерины в этом отношении едва ли не превзошли распоряжки Петра, и вскоре оказалось нужным уничтожить Нижние Надворные Суды, Верхние Земские и обе Расправы.

Введение Учреждения для управления губерниями повлекло за собой новое разделение губерний, и указом от 15 июня 1781 г. вся Россия была разделена на 40 губерний, из которых каждая подразделялась, согласно с Уложением, на уезды, а прежние провинции были окончательно отменены как несогласные с Учреждением о губерниях. В каждую губернию назначены губернаторы, а над двумя губерниями – генерал-губернаторы. В распределении губерний и уездов положено основанием число душ, именно: для губерний – от 300 тысяч до 400 тысяч, для уездов – от 20 до 30 тысяч душ.

За реформой областного управления мало-помалу последовала реформа и в *центральной административном управлении*, состоявшем из коллегий, – коллегии были уничтожены, а оставлены только Сенат и Синод. Уничтожение коллегий произошло в конце царствования Екатерины.

Вот в хронологическом порядке это уничтожение коллегий; 1) прежде всего уничтожена в 1779 г. Мануфактур-Коллегия; 2) в 1783 г. уничтожена Берг-Коллегия; 3) в 1784 г. Камер-Коллегия; 4) в 1786 г. Коллегия Экономии; 5) в том же 1786 г. были уничтожены Вотчинная и Малороссийская кол-

легии; 6) в 1788 г. отменена Ревизион-Коллегия; 7) в 1797 г. Коммерц-Коллегия. Остались при Екатерине II: Сенат, Синод, Коллегии – Иностранных дел, Военная, Адмиралтейская и Медицинская, Главное Управление Училищ и Дирекция Государственного казначея. Все дела переходили к государыне через генерал-прокурора и секретаря самой государыни – начальника государевой канцелярии.

Администрация при Александре I. Вместо прежних коллегий в 1802 г. были учреждены следующие министерства: 1) Министерство Военных сухопутных сил, 2) Министерство Морских сил, 3) Министерство Иностранных дел, 4) Министерство Юстиции, 5) Министерство Внутренних дел, 6) Министерство Финансов, 7) Министерство Коммерции и, наконец, 8) Министерство Народного Просвещения.

Манифестом от 8 сентября 1802 года ведомства каждого министерства были определены следующим образом: Министерство Иностранных дел, Военное и Морское заступили место прежних трех главных коллегий, т.е. Военной, Адмиралтейской и Иностранных дел; только к Министерству Иностранных дел присоединены еще дела церемонимейстерские; 4-е ведомство – Министра Юстиции, определялось на время до издания нового уложения прежней инструкцией генерал-прокурора; 5-е – Министр Внутренних дел по манифесту обязан печься о повсеместном благосостоянии народа, спокойствии, тишине и благоустройстве всей империи; ему подчинены все военные и гражданские губернаторы по гражданской и полицейской частям; 6-е – в ведении Министра Финансов состоят: управление казенными и государственными доходами и ассигнование доходов по разным частям государственных расходов; 7-е – Министру Коммерции вверено управление Коммерц-Коллегией и начальство над всеми таможенными чиновниками; 8-е – Министр Народного Просвещения имеет в своем ведении главное управление над воспитанием юношества и заботится о распространении наук; ему подчинены все гражданские училища, академии и университет, и под его же ведением состоит цензура книг и периодических изданий.

Указом от 25 июня 1811 года утверждено новое устройство министерств в следующем порядке: 1 -е Министерство Иностранных дел; 2-е Министерство Военное, 3-е Министерство Морское; 4-е Министерство Финансов, 5-е Министерство Внутренних дел; 6-е Министерство Народного Просвещения, 7-е Министерство Юстиции, 8-е Министерство Полиции и 9-е Главное Управление Путей Сообщения.

Манифестом от 1 января 1810 года был учрежден Государственный Совет. Он, по выражению манифеста, составляет сословие, в коем все части управления в главных их отношениях к законодательству соотносятся и через него восходят к верховной императорской власти. Посему законы, уставы и учреждения в первообразных их начертаниях предлагаются и рассматриваются в Государственном Совете и потом действием державной власти поступают к предназначенному им совершению. Государственный Совет разделяется на следующие четыре департамента: 1) Департамент Законов, 2) Департамент Военных дел, 3) Департамент Гражданских и Духовных дел, 4) Департамент Государственной Экономии. При Государственном Совете учреждены: 1) Комиссия составления законов, 2) Комиссия Прошений и 3) Государственная Канцелярия. С учреждением Государственного Совета Сенат окончательно утратил то правительственное значение, которое ему было дано Петром Великим и, с одной стороны, сделался исполнительным органом Государственного Совета по законодательной части, а с другой стороны – высшей судебной инстанцией.

Земство, окончательно подавленное приказной администрацией и сделавшееся безгласным в делах общественных, начиная со времени царствования Алексея Михайловича, в последние годы царствования Екатерины получило снова долю участия в управлении. Так, указом 2 мая 1785 г. об образе управления земских повинностей в губерниях, право участия в распределении повинностей вместе с губернатором получил и предводитель дворянства; затем, при рассмотрении смет и раскладок повинностей для их соразмер-

ности из городов стали назначаться депутаты. Это участие земства в распределении повинностей было подтверждено указом Управе Благочиния 8 апреля 1781 г., грамотой русскому дворянству и указом об устройении губерний. Но эти реформы, выдвинув земство, однако же, далеко не возвратили ему того значения, какое оно имело до половины XVII века. Здесь сословия уже не могли идти рука об руку и действовать, как тогда, заодно. Не имея между собой связи, они при предоставленных им правах участия в управлении могли наблюдать лишь отдельные свои интересы. Притом же собрания, представленные отдельными сословиями, не могли быть продолжительны, так что на них едва доставало времени сделать только раскладки.

Наконец, крепостное право, достигшее в это время крайней степени, сделало огромное число членов земства безгласной единицей. В таком положении земство оставалось почти до настоящего времени. Но тем не менее правительство сознавало недостатки такого положения и время от времени издавало указы, по которым доля участия общества в управлении стала увеличиваться. Так, положением 2 мая 1805 г. об образе управления земских повинностей, смета повинностей была поручена дворянам и купечеству, при участии администрации. Указом 30 апреля 1834 года частная отчетность возложена: по городам на думы, у дворян на депутатов, в уделах на удельное начальство. Проверка общая хозяйственная поручена дворянским собраниям с выборными от городов и удельными начальниками, при участии губернатора и вице-губернатора; контрольная отчетность поручена Казенной Палате и окончательно – Министру Финансов.

Далее, с 30 апреля 1838 года, с учреждением Палаты Государственных Имуществ, явился в губернском комитете представитель и от государственных крестьян; но, к сожалению, при этом была взята за образец, судя по приемам и форме, инструкция Екатерины II от 31 декабря 1787 г. об устройстве общины колонистов в Екатеринославской губер-

нии. Но здесь было слишком многое предоставлено приказной администрации, с другой стороны, головы, выбираемые на три года, остаются на неопределенное время и увольняются лишь по донесении Палате окружного начальника и с разрешения губернатора; таким образом, они обратились в совершенных чиновников и стали называться мироедами. Выборное начало, допущенное здесь, не требовавшее ответственности перед обществом, испортило все дело. Но тем не менее учреждение это положило начало признания сельского общества самостоятельным и после послужило проведению этой же мысли при освобождении крестьян от крепостной зависимости.

Еще ранее учреждения Палаты Государственных Имуществ была попытка дать городскому положению иной вид, нежели какой существовал при Екатерине II. Так, указом 30 ноября 1832 г. допущены предварительные ревизии городских доходов и расходов, причем должны были участвовать, кроме купцов, мещан и цеховых людей, дворяне с разночинцами и вообще все имеющие недвижимую собственность в городе. Но полное развитие этого начала последовало 13 февраля 1846 г. в городских положениях для Петербурга, а потом для Москвы и Одессы. По новому положению орган городских жителей – дума, должна состоять из гласных, имеющих недвижимость, и их старшины. Таким образом, здесь восстановилась целостность городского общества, связь сословий. С другой стороны, здесь разъяснились две функции: общая, совещательная, которая занималась раскладкой повинностей и поверяла отчеты, и вторая – исполнительная, состоявшая из членов распорядителей, выбираемых от каждого сословия по два; как та, так и другая состояли под председательством головы, который выбирался всеми сословиями. Но более полная реформа общественного устройства началась на наших глазах – это Положения 19 февраля 1861 года об освобождении крестьян и 1 января 1864 года о Губернских и Земских Учреждениях. Наконец, на наших же глазах совершается важнейшая реформа – судебная.

ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ ЧЕТВЕРТОГО ПЕРИОДА

Соборное Уложение 1649 г. История его составления. Источники его. Содержание его. Кормчая 1653 г. Состав ее. Новоторговый Устав 1667 г. Деяния московского собора 1667 г. Новоуказные статьи о татевных, разбойных и убийственных делах 1669 года. Законодательство и царствование Федора Алексеевича, Иоанна и Петра Алексеевичей 1682–1696 гг., Петра Великого с 1696 года

Соборное Уложение 1649 года. Старейшим памятником законодательства в четвертом периоде было Уложение царя Алексея Михайловича, изданное в 1649 году. История составления этого памятника была следующая: еще в царствование царя Ивана Васильевича, вскоре по издании Судебника, были заведены по всем приказам законные книги, в которые постоянно заносились все новые узаконения, заключающиеся как в царских повелениях, так и в боярских приговорах, составившихся по разным новым случаям общественной и частной жизни, доходивших до суда и требовавших законного решения. А при царе Михаиле Федоровиче заведены были статейные списки в Челобитенном Приказе, куда вносились все дела, требующие царского решения и присылаемые на доклад царю из других приказов. В эти статейные списки писались по статьям все доклады государю, по которым требовался или новый закон, или изменение и объяснение старого; на эти статьи, по выслушании их государем, писались тут же в статейных списках, против каждой статьи, ответы или государевы указы за пометой думного дьяка. Потом со статейных списков делалась роспись и посылалась по приказам, где эти росписи, под именем уложения, погодно заносились в законные книги, заведенные в приказах царем Иваном Васильевичем. Книг этих год от года накапливалось более и более, и так как все узаконения заносились в них только в хронологическом порядке, без отношения к содержанию, то пользование таковыми

книгами год от года затруднялось. К тому же боярские приговоры по приказам продолжали иметь силу закона, издаваемого правительством, так что нередко даже из Челобитенного Приказа посылались по приказам памятки с вопросами: какие боярские приговоры принимаются в руководство по тем или другим делам? И потом приговоры эти вносились в статейные списки вместо государевых указов. А иногда боярские приговоры по приказам, принимаемые без государева утверждения в руководство, отменялись, когда доходило в делах до Боярской Думы. Все это еще при царе Михаиле Федоровиче развивало потребность в новом общем уложении, в котором бы законы были расположены не по времени их выхода, а по материям, во взаимной связи по их содержанию. Попытки сделать такое уложение были еще при Михаиле Федоровиче и в первый год царствования Алексея Михайловича.

Наконец, в 1648 году 16 июля царь Алексей Михайлович на общей думе своей с патриархом и святителями, бывшими тогда в Москве, и со своими боярами и другими думными людьми положил собрать все статьи из правил св. Апостолов и св. Отцов, из градских законов греческих царей, которые пристойны к государевым и земским делам, а также статьи прежних государей российских, указы царя Михаила Федоровича и боярские приговоры на всякие государственные и земские дела; и те государские указы и боярские приговоры со старыми Судебниками справить. А на которые случаи ни государских указов, ни боярских приговоров не было, и на те бы случаи по тому же написать и изложить по его государеву указу общим советом, чтобы Московского государства всяких чинов людям, от большего и до меньшего чину, суд и расправа была во всяких делах всем равно. И на этой же думе 16 июля собрание всех этих статей и указов и приготовление их к докладу было поручено: боярам – князю Никите Ивановичу Одоевскому и князю Семену Васильевичу Прозоровскому, да окольникову князю Федору Федоровичу Волконскому, да дьякам Гавриле Леонтьеву и Федору Грибоедову. А для слушания сего доклада на той же думе было положено выбрать из стольников, стряпчих и

дворян московских и жильцов по два человека, да из городов – дворян и детей боярских: из Новгорода с пятины по человеку, из других больших городов – от города по два человека, а из меньших – от города по человеку, из гостей трех человек, из гостиной и суконной сотни по два человека, из черных сотен и из слобод и из городов с посадов – по человеку, добрых и смышленных людей, чтобы сие государево царственное и земское дело с теми со всеми выборными людьми утвердить и на мере поставить, чтобы все те дела по нынешнему государеву указу и по Соборному Уложению впредь были ничем не рушимы.

Через два с половиной месяца после сей думы боярин князь Никита Иванович Одоевский с товарищами исполнили порученное им дело и представили государю составленное ими Уложение, которое 3 октября того же 1648 года было прочтено сперва перед государем и его думой, а потом в Ответной Палате перед съехавшимися в Москву выборными людьми под председательством боярина князя Юрия Алексеевича Долгорукого. По выслушании и одобрении нового Уложения государем и собором, царь, для большего утверждения, одобренное всеми Уложение велел подписать патриарху, бывшим на соборе святителям, боярам, думным и всем выборным людям, потом по подписании списать его в книгу, которую закрепить дьякам Гавриле Леонтьеву и Федору Грибоедову, и с той книги уже напечатать и разослать по всем приказам и городам. Подлинный свиток, или столбец Уложения теперь хранится в Московской Оружейной Палате; он имеет в длину 434 аршина и подписан патриархом Иосифом, 2 митрополитами, 3 архиепископами, одним епископом, 5 архимандритами и игуменом, 15 боярами, 10 окольниковыми, казначеем, думным дворянином, печатником, думным дьяком, благовещенским протопопом, 5 московскими дворянами, 148 городскими дворянами, 3 гостями, 12 выборными от московских сотен и слобод, 89 выборными посадскими из городов и, наконец, 15 выборными от 15 московских стрелецких приказов или полков; всего 315 подписей или рукоприкладств, которые помещены на оборотной стороне свитка.

Источниками при составлении Уложения были: правила св. Апостолов и св. Отцов; градские законы греческих царей, насколько они были известны на Руси по Кормчим и другим церковно-гражданским юридическим сборникам, старые Судебники, уставы прежних государей российских, Стоглав, узаконения царя Михаила Федоровича, боярские приговоры и, наконец, Литовский Статут 1588 года. Составители Уложения в порядке расположения глав имели образцами Литовский Статут и Закон Судный людем; впрочем, они не везде следовали своим образцам, а держались и своих правил и ставили статьи и главы в той связи, которая почиталась ближайшей по понятиям и строю тогдашнего русского общества.

Уложение царя Алексея Михайловича разделяется на 25 глав.

Глава 1-я состоит из девяти статей: первая из них назначает наказание богохульникам – сожжение: «а будет сыщется до пряма, и того богохульника, обличив, казнити – сжечь». Во 2-й статье назначена смертная казнь тому, кто произведет в церкви мятеж и не даст окончить литургию. Следующие затем семь статей составлены также против нарушителей церковного благочиния, которым назначены наказания, смотря по вине, из коих первые пять говорят о разных обидах, наносимых в церкви как священнослужителям, так и мирянам, а последние две запрещают подавать в церкви челобитные государю и епископам. Во всех прежних законодательных памятниках на Руси мы не встречали узаконений, находящихся в сей главе, в Литовском Статуте их также не находится. Хотя первая статья, очевидно, взята из Моисеева закона, помещаемого в Кормчих, где также назначена смерть за богохульство, но в Моисеевом законе о сожжении богохульника не упоминается; там сказано: «кленый имя Господне смертию да умрет, камением да побьют и весь со им». Следовательно, здесь Уложение следовало своим правилам. Вообще вопрос о преступлениях против религии и церкви в таком виде, как он находится в Уложении, в прежних русских законодательных памятниках не встречался; но тем не менее на практике со-

жжение употреблялось против богохульников и в Новгороде, и в Москве, но узаконения сего не вносили в законодательные памятники потому, что прежде светского законодательства не смешивали с церковным; Уложение первое допустило такое смешение в подражание – или Юстинианову кодексу, или, вернее, более знакомому Закону Судному людям.

Глава 2-я говорит о *государской чести и как государево здорovie оберегать*. Здесь, во-первых, назначается смертная казнь злоумышленникам на жизнь государя, бунтовщикам и изменникам, во-вторых, поместья и вотчины после бежавшего или казненного изменника или бунтовщика отписываются на государя, причем ежели после изменника или бунтовщика останутся жена или дети, не участвовавшие в измене и не знавшие о ней, то из поместий и вотчин изменника им выдается на прожиток такая часть, какую укажет государь. Ежели же изменник жил вместе со своими родственниками не в разделе и владел с ними имением сообща, и родственники про его измену не знали, то имение не подлежит конфискации. Ежели изменник, бежавший в чужое государство, воротится назад и будет прощен государем, то прежние поместья ему не возвращаются, а в вотчинах, как государь укажет. В-третьих, в настоящей главе говорится об изветах в государственных преступлениях: здесь допускаются доносы холопов на своих господ, а кто, зная о каком заговоре, не донесет, тот подвергается той же казни, какая следует заговорщику; но кто на кого сделает извет и не докажет, тот подлежит тому же самому наказанию, которому бы подвергся тот, на кого он сделал ложный донос. Вся настоящая глава нигде не встречалась в прежних законодательных памятниках и, вероятно, была вызвана смутами, начавшимися по смерти царя Ивана Васильевича; при составлении ее составители имели себе образцом Литовский Статут и наибольшую часть правил выписывали почти без изменений из его первого раздела.

Глава 3-я говорит о *государевом дворе*. Здесь, во-первых, запрещается делать ссоры на государевом дворе; во-вторых, запрещается ходить на государев двор с оружием или стрелять

из луков и пищалей; в-третьих, запрещается делать какие либо похищения в государевых селах. Эта глава прямо взята из Литовского Статута, из первого его разряда; только в Уложении наказание втрое легче против Статута: так, за ссору или драку на государевом дворе по Статуту назначается тюремное заключение на три месяца, а по Уложению на один месяц.

Глава 4-я говорит о *составителях фальшивых грамот, актов и других бумаг, а также о фальшивых подписчиках и поддельвателях печатей.* Эта глава без перемены взята из Литовского Статута, именно из 16 артикула 1-го раздела.

Глава 5-я говорит о *поддельвателях монет* и о серебряных и золотых дел мастерах, которые будут примешивать в серебро и золото медь, или олово, или свинец. Эта глава также заимствована из Литовского Статута, только в Уложении положено различное наказание поддельвателям денег и золотых дел мастерам, примешивающим свинец к серебру или золоту; первым Уложение назначает заливать горло растопленным металлом, а вторых бить кнутом; по Литовскому же Статуту назначена и тем и другим одна казнь – заливать горло растопленным металлом.

Глава 6-я говорит о *паспортах отправляющимся в чужие земли.* По этой главе выдача паспортов или проезжих грамот для отправления за границу была предоставлена воеводам по всем городам; кто же поедет в чужую землю без проезжей грамоты, того бить кнутом. Но в порубежных городах тамошним жителям дозволяется ездить в соседние немецкие и литовские земли без проезжих грамот.

Глава 7-я говорит о *службе ратных людей.* При составлении этой главы составители взяли себе за образец второй отдел Литовского Статута об обороне земской; но, придерживаясь сего образца, они в то же время старались не изменять основных законов Московского государства относительно ратной службы. Из настоящей главы мы видим, во-первых, что московские ратные люди в мирное время содержались от данных им поместий и других источников, в военное же время получали от государя особое денежное жалованье, смотря

по службе. Обычай давать ратным людям денежное жалование во время войны был известен и прежде, но по уложению он обращен в постоянный закон, и для доставления ратным людям жалования назначена особая подать со всего государства, чего прежде не бывало. Во-вторых, ратные люди высылались на службу городскими воеводами и должны были являться на службу со своими запасами; пришедши на службу, обязаны оставаться при полках до конца похода или до роспуска; а кто из дворян или из детей боярских побежит со службы, не дождавшись роспуска, того за первый побег бить кнутом, за второй побег также бить кнутом и убавить 50 четвертей поместья, а за третий побег бить кнутом и вовсе отнять поместье; а кормовых ратных людей за побег бить кнутом и вычитать из жалования, за даточных же беглых людей взыскивать с тех, чьи те люди, по 20 рублей за человека. В-третьих, старые, больные и увечные, хотя по осмотру и освобождались лично от службы, но должны были выставлять вместо себя своих детей или других родственников, не моложе 18 лет, и притом таких, которые бы не состояли на службе сами по себе; за неимением же детей и родственников, они должны были или высылать даточных людей, или платить деньги, смотря по поместьям: и вотчинам. В-четвертых, ежели ратный сбежит со сражения домой, того бить кнутом и убавить половину поместий и денежных окладов; а кто изменою во время похода будет сношаться с неприятелем, того повесить против неприятельских полков, а имение взять на государя. В-пятых, ежели у кого из ратных людей на службе неостанет запасов, а в то время запасы будут продаваться дорого, и по воеводскому распоряжению будет назначена запасам указная цена дешевле торговой цены, то тот, у кого неостанет запасов, должен взять у воеводы пристава и покупать запасы по указной цене при приставе, а без пристава не покупать, и дворов и огородов не разорять и не жечь, и хлеба в полях не травить. В-шестых, отгулявших во время службы лошадей нашедшие их должны являть воеводам или полковым судьям и потом возвращать хозяевам, получая за это по три алтына и по две деньги за лошадь; равным образом и всякую

другую находку в военном стане или на дороге должно являть воеводе и возвращать хозяину, но без вознаграждения.

Глава 8-я – о искуплении пленных, вся составлена из московских узаконений; основанием для нее служил Стоглав, именно 72 глава. По Уложению узаконено на выкуп пленных собирать по переписным книгам в городах и в церковных имениях с двора по 8 денег, в дворцовых, черных, помещичьих и вотчинных землях – с двора по 4 деньги, со служилых людей: стрельцов, казаков и проч. – с двора по 2 деньги. Собранные деньги ежегодно доставлять в Посольский Приказ. А на выкуп давать: за дворян и детей боярских, которые взяты на боях, со ста четвертей их оклада по 20 рублей, а которые взяты не на бою – со 100 четвертей по 5 рублей, за московских стрельцов – по 40 руб., за украинских казаков – по 25 руб., за посадских – по 20 руб., за крестьян – по 15 руб. за человека.

Глава 9-я, о мытах, перевозах и мостах. По ней: во-первых, освобождаются от платежа мытов и перевозов все служилые люди и их слуги, едущие по государевым делам; во-вторых, на мытах и перевозах, в городах и государевых селах, могут быть головами и целовальниками только посадские люди и крестьяне дворцовых сел; в-третьих, новых мытов и перевозов без государева указа не заводить, а старые мыты и перевозки и сами дороги содержать в исправности тем владельцам, которые пользуются мытными и другими пошлинами. А которые владельцы не будут содержать в исправности мостов и дорог, и на их неисправных дорогах и мостах проезжим случится какой убыток, то убыток доправлять на владельце дороги или моста; в-четвертых, дорог не топить запрудами и не запахивать; а кто старую дорогу затопит или запашет, тот должен проложить новую дорогу без дальних объездов. А также не делать прудов, плотин и мельниц, не забивать заколов и езов на судоходных реках или же строить плотины и езы с воротами для пропуска судов. Вся эта глава заимствована частью из Литовского Статута, а преимущественно из дополнительной части к царскому Судебнику, изданной при царе Михаиле Федоровиче в 1642 году.

Глава 10-я, о суде. Эта глава самая большая; она составляет почти треть всего Уложения. Статьи этой главы разделяются на два главных разряда: к первому разряду принадлежат статьи, относящиеся собственно до судопроизводства, а второго разряда статьи содержат в себе разные узаконения собственно гражданского частного права.

Статьи первого разряда указывают на основные изменения в суде против прежних порядков, хотя суд и по Уложению в подробностях своих видимо оставался прежним, но в сущности он уже потерпел громадное изменение и, к сожалению, не к пользе самого дела.

Десятая глава Уложения говорит: во-первых, о видах или степенях суда; степеней и по Уложению было оставлено три, как и в Судебнике: 1) суд наместника или воеводы, 2) суд боярский по приказам и 3) суд царский в государевой палате. И по Уложению, как и по Судебнику, были назначены строгие наказания судьям за неправый суд, тяжущимся даже было предоставлено право отводить судей по недружбе или по родству с противной стороной. Все это было старое, утвержденное прежними законами, но при всем этом суд по Уложению далеко уже не походил на суд по Судебнику. Уложение отменило исконный русский закон судебного порядка, чтобы на суде наместничьем присутствовали старосты и целовальники или присяжные, выбранные обществом, через что суд окончательно перешел в руки приказных людей и совершенно потерял свой прежний общественный характер. Эта отмена старост и целовальников на суде, с одной стороны, много способствовала распространению злоупотреблений на суде, а с другой – была причиной развития многописьменности в судебных делах.

Во-вторых, за статьями о степенях суда следуют статьи о порядке судебного делопроизводства. По Уложению, так же, как и по Судебнику, на суде требовалось судоговорение тяжущихся сторон, причем речи тяжущихся записывались начерно подьячими, и подьячие свои черновые списки закрепляли рукоприкладством истца и ответчика; потом тот же подьячий переписывал судный список набело, а дьяк, справа белой

судный список с черновыми, закреплял его своей рукою; по окончании судного дела черновая записка суда, утвержденная рукоприкладством истца и ответчика, подклеивалась под дело на случай могущего возникнуть спора. Для соблюдения большего порядка в судопроизводстве, Уложение запрещает судьям или дьякам принимать какие-либо дополнительные к делу бумаги, кроме тех, о которых истец или ответчик объявят во время самого суда и дадут обещание представить их в известный срок. А чтобы устранить все поводы к медленности и проволочке, Уложение требует, чтобы все справки, розыски к доставлению нужных к суду документов производить как можно скорее и решать судные дела, хотя бы судьи почему-либо и не все были в сборе, и ни за какими делами не отлагать, за исключением праздничных дней; праздничными же днями по Уложению были признаны все воскресные дни и дни господских праздников, сырная неделя, первая и страстная неделя великого поста, пасхальная седмица и все царские дни.

В-третьих, статьи о вызове в суд и о сроках. Вызов в суд по Уложению оставлен почти в том же виде, в каком он был по Судебнику царя Ивана Васильевича и по дополнительным статьям к нему, т.е. и по Уложению требуется, чтобы в приставных грамотах писалась цена иска; равным же образом остались и прежние, введенные после Судебника, три срока для явки в суд, но предписано начало срока считать не с выдачи приставной, а со взятия приставом поручной записи. Зато Уложение окончательно отменило введенные Судебником бессудные грамоты и даже приказало отобрать и те грамоты, которые были выданы в прежнее время, вместо чего предписано неявившегося на третий срок тут же обвинять судом. Вызывателями в суд или приставами по-прежнему оставлены недельщики, которые выбирались за поруками, что им, будучи в недельщиках, не делать беспорядков и челобитчиков не притеснять; но об общинах ездовых при недельщиках в Уложении уже не упоминается. Отменив участие общества в суде, Уложение узаконило, что пристав не мог взять уклоняющегося ответчика из дома, а должен ждать, пока он пойдет со двора.

В-четвертых, относительно судных пошлин. Уложение назначает судных пошлин с рубля по гривне, да с пересуда по шести алтын по четыре деньги, да правого десятка четыре деньги. А с живых кабал, с записей и за насильство против того пошлины брать вдвое, т.е. с рубля по две гривны. А судные пошлины собранные, и что собрать доведется, писать в особые книги того же числа, как суд отойдет.

В-пятых, порядок выдачи опасных грамот. Ежели кто будет жаловаться на другого, что он похваляется убить его, то в таком случае выдавалась на похвальщика опасная грамота. При выдаче таковых грамот в Уложении назначены две формы: 1) в похвальбе между знатными людьми опасная грамота выдается с заповедью в 5, 6, 7 тысяч рублей и более; и ежели похвальщик впоследствии убьет или ранит того, на кого похвалялся, то его казнить смертью за убийство, а за раны взыскать бесчестье, а записанные в заповеди деньги доправить на его имении, и половину взять в казну, а половину выдать тому, на кого похвалялся, или его наследникам. 2) В похвальбе между незнатными Уложение назначает обыск, и ежели в обыске скажут по челобитчику, то похвальщика посадить в тюрьму на три месяца, а потом взять с него запись за его рукою, что он не посягнет на того, на кого похвалялся; а ежели преступит свою запись, казнить смертью.

В-шестых, о ссылке на свидетелей и о повальном обыске. Уложение, отменив судебные поединки или поле, как окончательное доказательство на суде, допустило право тяжущихся: 1) ссылаться на посторонних людей поименно в доказательство справедливости своих исков; 2) ссылаться на посторонних людей также поименно из виноватых, т.е. ежели указанный человек скажет не в одни речи с тяжущимся, то тем и обвинить сего последнего; 3) право ссылаться в повальный обыск на многих людей безымянно. Это последнее доказательство так высоко было поставлено, что Уложение не дозволило отводить ссылки на повальный обыск. При производстве повальных обысков Уложением были приняты те же самые правила, которые утверждены Разбойным Уставом и особенно дополнительными

ми статьями к царскому Судебнику; 4) ссылаться на общую правду, т.е. когда истец и ответчик сошлутся хотя на одного человека. Общая ссылка, или правда, по Уложению стояла, как судебное доказательство, выше повального обыска и отменяла его. Наконец, 5) судебный поединок заменился по Уложению пыткой как крайним судебным доказательством; впрочем, принятие пытки не было обязательным, а предоставлялось на волю тяжущимся или их свидетелям и обыскным людям. Последнее взято из Литовского Статута.

В-седьмых, о суде, когда истцов будет несколько человек, у которых одно имение, разделенное на жребии, или которые будут в компании между собою. Уложение таковым истцам отдает на волю – искать ли всем сообща, или каждому отдельно в своем жребии.

В-восьмых, о поклепных исках. Когда кто на ком ищет во многих исках клепом и, не ходя в суд, возьмет с ответчика немного, а от прочего отступится, то по розыску с такового поклепщика в первый раз взять пени на государя 5 рублей, взятое с ответчика доправить вдвое, бить кнутом у приказа и посадить в тюрьму, на сколько государь укажет. А кто попадется в подобном поклепном иске в другой раз, того бить кнутом на козле у приказа, взять пени 10 рублей, посадить в тюрьму и взятое с ответчика доправить вдвое. Кто же попадется в третий раз, того, бив кнутом на козле у приказа, потом водить по торгам, кинуть в тюрьму, взять пени на государя 20 рублей и доправить вдвое против взятого с ответчика, и вперед ни в каких исках от него челобитен не принимать. Подобное узаконение было издано еще в 1582 году, но только в том узаконении о телесном наказании за поклепные иски не было и помину.

Второй разряд статей десятой главы Уложения заключает в себе следующие узаконения частного гражданского права:

1. О пенях за бесчестье. Пени сии по Уложению распределены по тем же началам, которые мы уже видели в Судебнике, т.е. основанием высшей или низшей пени за бесчестье Уложение принимает или общественное положение обижен-

ного – его чин, или занимаемую им должность, или получаемый оклад жалованья, или сословие, к которому принадлежит обиженный. Уложение, подобно Судебнику, назначает двойную пеню за бесчестье женщины, а за бесчестье девицы требует пени вчетверо более того, чтобы получил за свое бесчестье отец девицы.

2. По искам в покладах, долгах и ссудах Уложение принимает за основное правило, на основании закона 1635 года, в подобных исках давать суд только тогда, когда истец представит заемные кабалы или другие какие записи, а без записей суда не давать; впрочем, из этого общего правила допускаются исключения для ратных людей во время походов и для всех людей вообще при отдаче своих вещей мастеровым для отделки, где иск принимается на суд и без записей.

3. Относительно взыскания долгов с несостоятельных должников. Уложение, так же как Русская Правда и Судебник, разделяет несостоятельных должников на невинных, или несчастных, и на виноватых; первым дает на уплату полетний срок, но не далее как на три года и притом за поруками; а вторых отдает головою кредиторам до искупу. Впрочем, и невинных должников также отдает кредиторам до искупу, ежели по ним не будет порук; а по смерти должников определяет взыскивать неуплаченные долги на их женах и детях.

4. Кабалы, заемные памяти и другие крепости, ежели будут в значительных суммах, то по Уложению их должны писать в Москве и по городам площадные подьячие тогдашние публичные маклера, и в каждой таковой крепости должны быть написаны послухи не менее двух человек; в суммах же незначительных, до десяти рублей, кабалы и земные записи может писать сам заемщик или кому прикажет, ежели это случится в деревне, и таковая кабала принималась на суде, хотя бы в ней даже не было написано послухов. При взыскании долгов по кабалам и другим записям Уложение, согласно с прежними узаконениями, требует, чтобы сперва удовлетворять иностранцев, потом государеву казну и, наконец, уже других истцов. Суд по кабалам, также согласно с прежними

законами, давать не далее 15 лет и править заемные деньги без росту, один капитал.

5. Правеж долгов и других взысканий Уложение требует производить старым порядком, т.е., чтобы во сто рублях стоять на правеже не далее месяца, а будет долгу больше или меньше, то по расчету. А кто отстоит законный срок на правеже, того имение оценивать и править долг на имении или отдавать имение кредитору, а ежели кредитор не возьмет, то продать, а вырученными от продажи деньгами уплатить долг; ежели же вырученных денег на уплату не достанет, то отдавать должника истцу головою в заработок. Но служилых людей в заработки не отдавать, а платить долг из жалованья.

6. О взысканиях в случае утраты порученного. Уложение, согласно с Судебником и с разными гражданскими греческими узаконениями, помещенными в Кормчих, полагает следующие взыскания: 1) ежели пристав отпустит отданного ему судом под стражу и на срок к суду не представит, то все иски истцов, терпящих от того убыток, доправляются на пристава и его поручниках; а ежели с пристава доправить нечего, то он сам отдается истцу головою до искупу. 2) Ежели мастер возьмет у кого какую вещь для отделки и утратит ее или испортит, то вещь оценить через посторонних людей и по цене доправить на мастере. 3) Ежели кто возьмет в наем лошадь или что другое и утратит или испортит, то по оценке сторонних людей должен заплатить хозяину. 4) Ежели кто наймется стеречь двор или лавку за порукой, и за его сторожею учинится кража, то покраденное доправляется на стороже и его поручниках; а не будет у них с чего доправить, то он выдается истцу головою до искупу. 5) Купец, ограбленный на дороге разбойниками, не обязан платить за находившиеся при нем и пограбленные разбойниками товары и деньги своего товарища или компаньона.

7. О межах и изгородах. Уложение, согласно с Судебником, узаконяет соседним владельцам делать изгороди пополам, а пашни в отхожих лугах огораживать одному владельцу пашни. Поновлять межи по Уложению должны при старожильцах, окольных людях, по старым признакам, в присутствии чинов-

ника от правительства. Споры о межах разрешаются писцовыми, дорожными и отдельными книгами, разными крепостными актами, а также старожильцами; но ежели сих доказательств будет недостаточно, то – крестным целованием и образным хождением по межам; а в случае спора между старожильцами – жребием, кому отводить межу с образом. За порчу межей виноватый наказывается кнутом.

8. Об устройстве новых мельниц на реках, о бортовых ухоях, рыбных ловлях и сенокосах в чужих лесах. Статьи, сюда относящиеся, заимствованы Уложением частью из прежней судебной практики, а большей частью из Литовского Статута, только со значительными изменениями.

9. О строении зданий между соседями. В ней излагается порядок удовлетворения убытков и права в отношении к соседям. Статьи, сюда относящиеся, взяты из Градского закона, помещенного в Кормчей, именно из 38 грани. По этим статьям запрещается ставить здания на меже соседа, строить печи и поварни к соседней стене, лить воду или бросать сор на соседний двор.

10. Ежели кто назовет кого незаконнорожденным, Уложение требует судебного розыска, и ежели по розыску окажется, что законнорожденный назван незаконнорожденным, то закон предоставляет обиженному право править бесчестье на обидчика. А ежели окажется, что жалующийся действительно незаконнорожденный, то бесчестья не править и незаконнорожденного к законнорожденным не причитать и отцовских прав ему не давать. Это узаконение совершенно новое, в прежних русских законодательных памятниках подобного не встречалось.

11. Об исках, ежели бы кто травил кого собаками или держал собак и других бешеных животных не взаперти и не на привязи. Здесь Уложение, согласно с прежними узаконениями и частью заимствуя из Литовского Статута, предписывает доправлять убытки на виноватом; а ежели это с тем же хозяином случится в другой раз, то таковое животное у него отнять и отдать челобитчику.

12. Об исках в неправильном завладении животными и санными покосами за пять лет и больше. Здесь Уложение узаконяет выдавать истцу только взятых у него животных, а в приплоде отказывать; сенокосы же оценивает по 10 алтын за десятину, а скошенное сено по алтыну за копну.

Глава 11-я. О суде в крестьянах. Здесь Уложение, во-первых, желая прекратить все споры и иски о беглых крестьянах прежнего времени, отменяет все сроки давности и предписывает бессрочно отбирать всех беглых крестьян тем владельцам, за которыми они или отцы их записаны по писцовым книгам 1626 года или по переписным книгам 1646 и 1647 годов. Но, возвращая крестьян к прежним владельцам со всеми их семействами и именем, с тем вместе Уложение отменяет все взыски за держание беглых крестьян за прошлые годы и требует, чтобы о возвращенных крестьянах брать немедленно отписки с тех владельцев, которым они возвращены, и с прежних владельцев не брать государевых податей за отписанных крестьян, а платить подати тем владельцам, к которым они будут возвращены. Во-вторых, излагает правила относительно беглых крестьян на будущее время; по этим правилам полагается: ежели крестьянин или крестьянка вступят в брак у другого владельца, то возвращаются к прежнему владельцу со всем семейством. Поэтому каждый владелец, принимая к себе вновь крестьянина, должен разыскивать, не беглый ли он человек, и, разыскав, немедленно записывать за собой в Поместном Приказе, а в городах – у воевод; а кто запишет, не разыскав, на том доправлять по 10 рублей за год, ежели найдутся истцы на записанного без розыску крестьянина. В-третьих, настоящая глава запрещает владельцам сводить крестьян со своих поместных земель на вотчинные и требует, чтобы никаким образом не прикреплять крестьян, нанимающихся в работу, по записям и без записи.

Глава 12-я говорит о суде патриарших приказных и дворовых людей и крестьян. По этой главе, на людей, живущих в патриарших домовых вотчинах и вообще состоящих на службе у патриарха, должно искать суда только на патриаршем дворе.

А когда патриаршие судьи решат дела несправедливо, то жаловаться государю и вносить дело из Патриаршего Приказа в Государеву Думу – к боярам.

Глава 13-я, о Монастырском Приказе. В этой главе сказано, что по челобитью всех людей Московского государства Монастырский Приказ вновь учреждается для того, чтобы в нем производить все дела по искам на митрополитов, архиепископов и епископов и на их приказных и дворовых людей и крестьян, а также на монастыри, священников и на весь церковный причет. Иски эти прежде производились в Приказе Большого Дворца. В этой же главе запрещается приводить к крестному целованию священников и вообще людей духовного чина, а решать дело на суде вместо крестного целования – или по жребию, или по святительскому допрашиванию, предоставляя это на волю истцов.

Глава 14-я, о крестном целовании. Глава сия составлена преимущественно из дополнительных статей к Судебнику, изданных в 1625 году. В ней узаконено, что при крестном целовании быть дворянину да подьячему для береженья и из сотен целовальникам, а крест целовать в сентябре и октябре со 2-го часу по 6 час дня, в ноябре, декабре, январе и февралю – с 1-го по 5 час дня, в марте, апреле, мае и июне – со 2-го по 7-й час дня, в июле и августе – с 3-го по 6-й час дня; причем, согласно с прежним порядком, каждый раз ходить ко кресту по три дня сряду. А кто поцелует крест или приведет ко кресту не по правде, того бить кнутом по торгам по три дня, посадить в тюрьму на год и впредь ему ни в чем не верить и ни в каких исках суда не давать. А давать крестное целование только в исках выше рубля.

Глава 15-я, о вершенных делах и о третейском суде. По этой главе узаконено вершенных дел не перевершать и челобитен вновь не принимать. Новым владельцам вотчинникам не возвращать крестьян, отпущенных на волю с отпускною старыми владельцами вотчинниками; но крестьян, отпущенных прежними помещиками, по челобитьям возвращать новым помещикам. О третейском суде сказано, что истец и

ответчик, полюбовно согласившиеся идти на суд третьих и давшие на себя третьим запись, что им третейского приговора слушать, не имеют права впоследствии отказываться от третейского приговора; а кто не будет слушать третейского приговора, на том взять пеню государю и бесчестье третьим. А ежели третьи порознят своим приговором — один обвинит истца, а другие ответчика, то третейское дело и приговоры и запись взять в приказ. И ежели в третейской записи написано с государевой пеней за неправый приговор, то дело решить по суду, а сторону, давшую приговор, несогласный с судебным приговором, подвергнуть наказанию и пени, что государь укажет, да доправить проести и волокиту.

Глава 16-я, о поместных землях. 1) Здесь прежде всего определяется, по сколько давать поместий в московском уезде каждому чину; 2) излагаются правила о мене поместных земель между помещиками вотчинниками; 3) о сдаче поместий стариками, вдовами и девицами; 4) об отдаче поместий после умерших помещиков их женам и детям на прожиток, и как им пользоваться прожиточными поместьями; 5) правила, как давать поместья вновь по челобитьям служилых людей, а также об отдаче разных угодий помещикам на оброк и с каких земель производить поместную раздачу и в какой мере; 6) каким образом одабривать поместные земли, т.е. на сколько четвертей давать больше против доброй земли в средней и худой земле; 7) настоящая глава запрещает давать поместья из государевых земель патриаршим боярским детям и решеточным приказчикам в Земском Приказе; 8) не дозволяет дворянам и детям боярским во избежание от службы продавать и отдавать в заклад свои поместья, а которые продадут или заложат свои поместья и бегут со службы, тех бить кнутом и с приставами отсылать в полки, а поместья и вотчины у тех, кому они их сдадут, отнимать и возвращать продавцам безденежно.

Глава 17 я, о вотчинах. Уложение, согласно с прежними московскими узаконениями: 1-е, отличает родовые и выслуженные вотчины от покупных и полагает по смерти вотчинников, ежели у них не останется сыновей, родовые и выслужен-

ные вотчины отдавать дочерям и родичам; жене же покойного давать на прожиток только из поместий и купленных вотчин и лишь за неимением их назначать из родовых и выслуженных в пожизненное владение, или пока вдова не выйдет замуж, или не пойдет в монастырь; дочерям же выдавать выслуженные и родовые вотчины только тогда, когда сыновей не будет. А в купленных вотчинах жены признаются наследницами наравне с детьми, по жребиям. Ежели же муж купленную вотчину отдаст жене опричь детей, то жена в той вотчине вольна и никому до той вотчины дела нет. 2-е, для выкупа родовых вотчин Уложение назначает прежнюю 40-летнюю давность с соблюдением всех тех правил, которые утверждены прежними узаконениями; в вотчинах же купленных ни в каком случае выкупа не допускает. 3-е, Уложение запрещает продавать, закладывать и отдавать на помин души вотчины в монастыри, церкви и епископам. Кроме того, вотчинники, поступая в монастырь сами, должны сперва продать свои вотчины или передать их родственникам.

Глава 18-я, о печатных пошлинах. Здесь исчисляются подробно разные виды печатных пошлин по Уложению: 1-й, от выдачи разных грамот, крепостей и записей на владение поместными и вотчинными землями, в этом разряде пошлины определяются четвертями земли; 2-й вид печатных пошлин составляли пошлины с отдачи на откуп казенных сборов, здесь мерой были известные проценты с откупного рубля; 3-й вид составляли пошлины со всяких исковых и управных дел; здесь печатные пошлины рассчитывались, смотря по делу, по его цене; 4-й и последний вид составляли пошлины от определения к должностям и от выдачи привилегий, здесь на каждый разряд грамот назначалась особая печатная пошлина.

Глава 19-я, о посадских людях. Уложение, во-первых, согласно с прежними узаконениями, отчисляет на государя все принадлежащие частным людям слободы в городах, населенные ремесленниками и торговыми людьми, и обращает в тяглые городские земли. Во-вторых, людей всех сословий даже

служилых, живущих в городах на белых землях, ежели они занимаются торговыми и другими городскими промыслами, отчисляет по промыслам к тяглым городским людям и требует, чтобы они по промыслам тянули в городское тягло наравне с тяглыми городскими людьми, исключая из этого правила только стрельцов, казаков и драгунов. Это узаконение было совершенно новое, им окончательно уничтожилось прежнее значение тяглых городских земель и положено начало более свободному направлению городской жизни. В-третьих, согласно с прежними узаконениями, определяет, чтобы при каждом городе была выгонная земля; а ежели где выгонной городской землей завладели частные люди, то ее от них отнимать и приписывать к городу. В-четвертых, Уложение, по старому порядку, требует, чтобы всех посадских людей, за когото либо заложившихся и перешедших в крестьяне, отыскивать и возвращать в города в тягло; к старому порядку Уложение прибавляет вновь, что ежели посадские люди впредь будут закладываться, то бить их кнутом и ссылать на житье в Сибирь на Лену; а кто их будет принимать к себе в крестьяне, у тех отнимать земли на государя. В-пятых, крестьянам, приезжающим в города со своими товарами, дозволяется торговать только с возов на рынках, а не в лавках. В-шестых, посадским людям, имеющим свои дома и промыслы в разных городах, в каждом городе нести особое тягло, смотря по двору и по промыслам; такового узаконения прежде не было.

Глава 20-я, о холопьем суде. 1) Уложение запрещает принимать в холопы боярских детей, верстанных и неверстанных, посадских и других чинов людей, а также крестьян с черных и владельческих земель, а равным образом беглых холопов и крестьян; по Уложению в холопы принимаются только вольные люди и холопы с отпускными от прежних господ. 2) В настоящей главе говорится о разных крепостях на холопство и о разных видах холопов: полных, докладных, кабальных и других. 3) О суде над беглыми холопами. 4) Об освобождении и отпуске холопов. Глава сия составлена преимущественно на основании прежних узаконений об этом предмете.

Глава 21-я, о разбойных и татебных делах. Здесь Уложение говорит, во-первых, что разбойные и татебные дела в Московском уезде и в других городах и уездах ведомы в Разбойном приказе; местный же разбор разбойных и татебных дел в самой Москве принадлежит Земскому Двору, в уездах же и городах, где есть губные старосты, ведать те дела губным старостам и целовальникам, а где старост нет, там воеводам и приказным людям. Далее, настоящая глава излагает те же правила, которые помещены в прежнем Разбойном Уставе и в дополнительных статьях к нему. Впрочем, Уложение не везде следует этому Уставу, особенно в отношении к назначению наказаний, так например в наказании татей: за первую татьбу Уложение после пытки назначает кнут, отрезание левого уха, тюремное заключение, работу в кандалах на два года, а после двухлетней работы – ссылку на жительство в украинные города; за вторую татьбу также наказание кнутом, отрезание правого уха, четырехлетнее заключение в тюрьме и работа в кандалах, а потом ссылка на жительство в украинные города; за третью татьбу – смертная казнь.

Глава 22-я, указ, за какие вины кому чинить смертную казнь и за какие вины смертью не казнить, а чинить наказанье.

1) Смертная казнь назначается убийцам отца, матери, сестры, брата, господина, наругателям слугам, которые самовольно, зазвав постороннего человека на господский двор, изувечили бы его, заводчикам смут в людях, женам – убийцам своих мужей (живых закапывать в землю), мусульманам, которые бы привели русского человека в свою веру (их жечь), женщинам, которые убьют свое незаконнорожденное дитя, и вообще всем убийцам. 2) Наказание кнутом назначается: детям, непочтительным к родителям, развратителям и развратницам, а также тому, кто с похвальбы, или с пьянства, или с умыслом на лошади наскочет на чью жену и лошадью ее стопчет и изувечит или обесчестит. 3) Назначается тюремное заключение на год и публичное исповедание преступления у церкви отцу или матери, убившим сына или дочь. 4) Отсечение руки слуге, который поднимет оружие на господина. 5) Наругателям, кто кому от-

сечет руку или ногу или сделает другое какое увечье, сделать таковое же наругательство над самим и сверх того за каждое увечье пеня в 50 руб.

Глава 23-я, о стрельцах. Глава сия составлена на основании узаконения 1609 года, по которому предписывается судить стрельцов в Стрелецком Приказе во всех делах, кроме разбоя и татьбы с поличным. Ежели же стрелец будет искать не на стрельце в другом Приказе, то он не иначе может искать, как по подписной челобитной из Стрелецкого Приказа. Ежели стрелец будет искать на стрельце же своего бесчестья или бесчестья своей жены, а виноватый по суду скажет, что платить ему нечем, и будет просить о наказанье, то бить его кнутом.

Глава 24-я, о атаманах и казаках. По Уложению с атаманов и казаков узаконено не брать пошлин по судным делам, ежели иск не будет превышать 12 рублей. А за бесчестье атаманам и казакам взыскивать по их денежным окладам, а которым идет корм, тем за бесчестье править по пяти рублей. Кузнецким старостам самопального дела править бесчестье по 5 руб., а рядовым самопальным кузнецам по 4 руб. К этой главе присоединена законная оценка животных и хлеба по исковым челобитным.

Глава 25-я. Указ о корчмах. Уложение запрещает торговать вином не на кружечных дворах, а также держать у себя и продавать табак, и назначает правила, как судить за корчемство и чем наказывать корчемников и табачников. Правила о преследовании неправильной торговли вином составлены по узаконениям царей – Федора Ивановича и Бориса Федоровича; по этим правилам наказываются штрафами как продавцы, так и покупатели корчемного вина; наказание увеличивается, смотря по тому – сколько раз кто попался в корчемстве. Правила о преследовании торговли табаком составлены на основании указа 1632 года, по которому русским людям и иноземцам настрого запрещено держать у себя табак, а ослушникам назначено наказание без пощады под смертной казнью и дворы их и животы отбирать в казну. На основании этого указа, Уложение узаконяет: которые люди с табаком будут в приводе

дважды или трижды, и тех людей пытать и не единова, и бить кнутом на козле или по торгам; а за многие приводы у тех людей пороть ноздри и резать носы, а после пыток и наказания ссылатъ в дальние города. Главный суд и управа по корчемным делам, как в вине, так и в табаке, был назначен в Новой Четверти, в которой ведались все сборы по винным откупам, а по городам судили корчемников воеводы в приказных избах. А для надзора за корчемниками и табачниками были учреждены особые объезжие головы с определенным числом боярских детей как полицейских служителей. Кроме того, по городам и слободам черные тяглые люди для корчемной выимки должны ежегодно выбирать особых десятских и выборы их присылать в Новую Четверть,

Кормчая 1653 г. Через год по издании Уложения царь Алексей Михайлович, по совету с патриархом Иосифом, повелел приступить к изданию Кормчей или Номоканона для руководства в суде и управлении церковном. При издании сей важной книги поставлено было правилом – собрать все древние рукописи Кормчей в Русской земле, по собрании сличить и проверить по греческой Кормчей древнейшего письма, полученной от бывшего тогда в Москве патриарха Иерусалимского Паисия. Кормчая сия пересматривалась, проверялась и печаталась около четырех лет, так что патриарх Иосиф, начавший это дело, скончался, не дождавшись окончания, и книга была издана уже при патриархе Никоне, в 1653 году. Печатная Кормчая времен Алексея Михайловича состоит из семидесяти глав; в нее вошли только все те правила святых отцов и церковно-гражданские законы, которые находились в греческих Кормчих или вообще те, которые в разное время были принесены в Россию из Греции, помещались прежде в разных рукописных Кормчих; все же статьи и правила чисто русские, помещавшиеся прежде в рукописных Кормчих, в печатную не вошли, в ней даже не упоминается ни о Стоглаве, ни о других соборных деяниях, бывших в разное время в России, как будто бы их вовсе никогда не было и как будто бы русская церковь постоянно управлялась только правилами

греческих Кормчих. Не в ряду церковных правил, а только в виде предисловия помещено соборное деяние собора, бывшего в Москве в 1589 году, об учреждении патриаршества в России и сказание об избрании в патриархи митрополита Ростовского Филарета в 1619 году.

Причина такого неожиданного отступления от всех русских правил заключается в том, что в то время были большие споры и недоумения, произведенные в русской церкви исправлением церковных книг и введением книгопечатания. Пока не было книгопечатания, церковные книги списывались не всегда единообразно, иногда от неразборчивости подлинников, а иногда от ошибки и небрежности писцов; когда же, с введением книгопечатания и по определению Стоглавого Собора, разнообразие списков церковных книг должно было уничтожиться, ибо Стоглавом было узаконено неисправленных книг в церкви не отдавать и частным людям не продавать, то многие, привыкшие к старым книгам, не находя в новых печатных книгах или в исправленных рукописных тех особенностей, которые привыкли видеть в старых неисправленных, стали называть новые, исправленные книги испорченными, несогласными с древним правоверием. Глухой ропот и неудовольствия на исправление книг нередко обнаруживались смутами в народе. Так, например, в царствование Михаила Федоровича московские хлебники и калачники, смущенные злоумышленными людьми, восстали на знаменитого Троицкого архимандрита Дионисия и, называя его еретиком за то, что он по должности исправителя новопечатных книг нашел нужным уничтожить в молитве на водоосвящение прибавленное самовольно переписчиками слово *и огнем*, бегали по улицам и кричали: «новый еретик хочет огонь из мира вывести, чем же мы будем хлебы и калачи печь», и искали убить знаменитого старца. Чтобы прекратить такие беспорядки и смущения, духовное правительство и государи московские старались привести исправление книг к скорейшему окончанию, особенно усерден был в этом деле современник царя Алексея Михайловича, патриарх Иосиф, при ко-

тором началось печатание Кормчей книги. Но, к сожалению, приготовительные познания и вообще образование патриарха Иосифа далеко не соответствовали его усердию в этом деле, требовавшем преимущественно познаний и образования, что чистосердечно сознавал и сам патриарх Иосиф, страдавший притом слабостью характера, почему он, волей-неволей, должен был подчиниться постороннему влиянию и более или менее следовать внушению авторитетов, а, конечно, в деле Кормчей лучшими авторитетами для него казались греки. Желая исправление книг привести к возможно совершеннейшему окончанию, патриарх Иосиф послал некоторых доверенных людей в Грецию, чтобы подробнее узнать о чине богослужения и других церковных порядках в тамошних церквях и знаменитых монастырях, а при исправлении и печатании Кормчей он преимущественно советовался с бывшим тогда Иерусалимским патриархом Паисием, от которого и получил древнюю греческую Кормчую для нужного руководства и справок. Паисий же, не зная церковных правил и соборных постановлений, бывших в России, и может быть, по обычаю греческих духовных лиц, питая к ним презрение, естественно присоветовал Иосифу при издании Кормчей ограничиться одними древними греческими церковными постановлениями, все же русские прибавления, как излишние новшества, производящие только смуты в русской церкви, из Кормчей исключить. Таким образом, все русские церковные постановления были исключены из печатной Кормчей книги. Впрочем, может быть патриарх Иосиф думал со временем издать особо Стоглав и все соборные постановления и церковные правила святых Отцов и учителей Русской церкви. Но, как бы то ни было, изданием Кормчей в том виде, как она напечатана, положено начало отстранения старых русских церковных правил из канонического русского права, хотя правила сии по частям, на практике, еще долго действовали в русской церкви, почти до половины XVIII столетия.

Состав печатной Кормчей следующий. Она разделяется на две книги или части. Статьи первой части следующие:

1) сказание о семи Вселенских Соборах и сказание о всех святых соборах; 2) Номоканон Фотия, разделенный на 14 граней; 3) Апостольские правила, занимающие четыре первые главы Кормчей; 4) Правила семи Вселенских Соборов и некоторых соборов поместных, с толкованиями Аристина, занимают следующие 16 глав Кормчей; 5) церковные правила святых Отцов и учителей греческой церкви: Василия Великого, Дионисия, Петра, Афанасия, Тимофея, Феофила и Кирилла – архиепископов Александрийских, Григория Неокесарийского, Григория Нисского, Амфилохия Иконийского, Димитрия Кизического и Черноризца Нила; они занимают следующие 20 глав Кормчей. Часть вторая: глава 42 – извлечение из Юстиниановых Новелл о постановлении епископов и причетников; глава 43 – Новеллы императора Алексея Комнена; глава 44 – от различных граней из Юстиниановых Новелл, собственно отрывок изложения Фотиева Номоканона; глава 45 – выбор из Моисеева Закона, данного израильтянам; глава 46 – Закон Судный людям; глава 48 и 49 – Прохиروي Василия Македонянина и Леона Премудрого, главы о браке – это собственно извлечения из Эклоги Льва Философа; глава 50 и 51 – узаконения относительно браков. Следующие затем 20 глав излагают разные вопросы и ответы, относящиеся собственно к церковным уставам, например: о хиротонии, о законах инокам и инокиням, о правилах принятия еретиков в православную церковь и т.п.

Новоторговый Устав 1667 года. После издания Кормчей замечательнейшим узаконением в царствование Алексея Михайловича был Новоторговый Устав. История издания этого Устава была следующая: гости, гостиной сотни и черных слобод торговые люди подали государю докладную выписку, в которой, во-первых, жаловались, что иноземцы в торгах своих обижают русских торговцев, привозят худые и поддельные товары, и что торговые русские люди разоряются в государевых заповедях и промыслах, которые страшно стесняют русскую торговлю; и, во-вторых, просили, чтобы торги были свободны и производились согласно с составленными москов-

ским купечеством уставными статьями, которые при докладе и были представлены государю. Царь Алексей Михайлович вместе со своими боярами, рассмотрев уставные статьи, представленные торговыми людьми, утвердил их и повелел руководствоваться ими в торговле. Главное содержание этих статей, составляющих Новоторговый Устав, было следующее. Они излагают особые правила для разных видов иноземной торговли, по народам: во-первых, с западными европейцами в Архангельске, Пскове и Новгороде; во-вторых, с Персией, Бухарой, Индией и Кавказом в Астрахани; в-третьих, с народами, живущими у Черного Моря, в Путивле и, в-четвертых, с Литвой и Польшей в Смоленске. Главным пунктом торговли с западными европейцами по Новоторговому Уставу был город Архангельск; порядок иноземной торговли по Уставу должен быть следующий: а) перед Архангельском в устье Двины должно сделать шанцы и в них построить двор, каждый корабельщик должен со своим кораблем остановиться в пристани и подать начальнику двора роспись товарам и как кораблю имя, и к какому иноземцу он прислан, начальник же, оставив у себя роспись за корабельщической рукой, даст ему другую за своей рукой и отпустит в Архангельск. В Архангельске корабельщик является в таможенную к московскому гостю, таможенному начальнику, и подает роспись, которую гость запишет в книги именно. А когда иноземец захочет свои товары выгрузить с корабля на берег, то должен подать гостю в таможенную роспись, сколько он выгрузит товара; гость запишет роспись в книги и по досмотре товаров и по записи в книги дозволяет выгружать. А при мене русских товаров на немецкие и при покупке немецких товаров должны присутствовать голова и целовальники, дабы досматривать на товарах клейма, печати и другие признаки, чтобы знать, из какого города и чьего мастерства товар, и клейма и печати писать в книги, дабы в случае подделки потом писать в то государство, чтобы худых товаров не посылали, а худые товары, обличив на весь свет, с бесчестьем отослать с ярмарки. А также иметь строгий надзор, чтобы русские товары в продаже и в мене были добрые и

в счете и в весу прямые. б) При записи товаров в книги платить в казну с продажной цены с весчих товаров по 10 денег с рубля, а с невесчих по 8 денег с рубля, с денег, привезенных на покупку товаров, брать по 8 денег с рубля; все товары при продаже вешать в рядах на казенных весах, а не по лавкам, с заморских вин с одних сортов брать по 60 ефимков с бочки, а с других – по 40 ефимков, на церковные же французские вина оставить прежнюю пошлину по 6 ефимков с бочки, на сахар головной по рублю с пуда, на красный леденец по 40 алтын, на белый – полтора рубля. И отпускать сии товары в русские города не иначе, как по уплате полной пошлины в Архангельске. в) Иноземец, желая везти из Архангельска свои товары в русские города, должен подать в таможене роспись своим товарам за своей рукой; роспись эта записывается в таможенные книги, и по досмотре товаров по росписи и по приложении к товарам таможенной печати выдается иноземцу проезжая выпись с прописанием, сколько отпускается товаров мерою, весом и счетом. г) Золотые и ефимки, привозимые иноземцами, не облагаются никакой пошлиной; но иноземец, привезший иностранные деньги, должен немедленно в порубежном городе отдать их в государеву казну, откуда выдадут ему русскими деньгами – за золотой по рублю, за любский ефимок, которых по четырнадцати в фунт, по полтине. Наконец, д) ежели у иноземцев на кораблях у Архангельска останутся непроданные товары, то с них наперед должно брать пошлину, хотя они и не проданы, чтобы иноземцы по прежнему обычаю не передавали тех товаров тайно в подряд русским людям, дабы таким образом избежать платежа таможенных пошлин.

В торговле с иноземцами, приезжающими с азиатской границы, Новоторговый Устав полагает следующие правила: а) ежели персы, индийцы бухарцы, армяне и горцы захотят везти свои товары из Астрахани в Москву и другие города, то брать с них пошлины по гривне с рубля, и ежели станут торговать в Астрахани, то брать с них только по десяти денег с рубля; б) когда же они повезут из Москвы и из других городов товары в свою сторону, то брать с них проезжую пошлину

по гривне с рубля в Астрахани и досматривать, чтобы они не вывозили лишних товаров против таможенных выписей; в) золотых и ефимков азиатцам у русских людей не покупать и русским людям азиатцам не продавать, а ежели у них сыщут золотые и ефимки, то отбирать на государя без платы за это русскими деньгами.

В Путивле: а) с греков, волохов и других тамошних иноземцев брать привозные пошлины с их товаров по гривне с рубля; б) а ежели они будут торговать в Путивле на золотые и ефимки, то пошлины с них не брать; а золотые и ефимки у них брать в государеву казну, а им выдавать русскими деньгами – за золотой по рублю, а за ефимок – по полтине; в) ежели они в Путивле будут менять свои товары на русские, то брать с них пошлины по 10 денег с рубля.

Вообще о торговле иноземцев. Иноземцам всех земель никаким заморским товаром в розницу не торговать, и по ярмаркам ни в какие города с товарами и деньгами не ездить, и приказчиков не посылать. А от города Архангельска, из Пскова и Новгорода пропускать в русские города только тех иноземцев, у которых будут государевы жалованные грамоты о торгах за красной печатью. А узорочные товары в государеву казну и заморские вина на государев обиход по подряду покупать, кому государь укажет, и отправлять в Москву с русскими людьми, а не с иноземцами.

О торговле русских людей. а) Кто, купецких всяких чинов люди, станут своими товарами торговать у города Архангельска с русскими людьми и с иноземцами, и им все свои торги записывать в таможене в книги, и к тем торгам прикладывать свои руки. б) С продажи всяких товаров русским людям платить пошлину с весчих товаров по 10 денег с рубля, с невесчих по 8 денег с рубля, с денег, привозимых торговцами на покупку товаров, также по 8 денег с рубля. в) При отвозе товаров из Архангельска в русские города, прежде нагрузки в суда должно приносить к гостю роспись всем товарам поименно; по этой росписи гость, досмотрев товары, записывает роспись в книги и, приложив к ней печать и подписав ее, отда-

ет хозяину товара, не требуя никаких отвозных пошлин. А у кого из русских людей останутся какие товары непроданными, то с тех непроданных товаров пошлин в том году не брать, а записать те товары на новый год в остальные, и взять с них пошлину, когда будут проданы. г) Когда торговые русские люди повезут свои товары, то по дороге ни в каких городах никаких проезжих пошлин с них не брать, и по городам воеводам и таможенным головам на проезд их нигде не задерживать, и вольно им нанимать извозчиков и всяких рабочих людей без воеводского ведома. д) Все товары при продаже вешать в рядах на казенных весах, а не по лавкам и в домах. е) Который купец, живя в Москве и в городах, купит в своем городе какой ни есть товар, и ему с того товара пошлин не платить, потому что торговые люди, живя в своих городах, со своих торгов всякие службы служат и подати платят, а платят торговые пошлины те люди, которые привозят из иных городов.

Об управе русских торговых людей. а) Во избежание волкиты по разным приказам, всех купецких людей ведать в одном пристойном приказе, где государь укажет своему боярину, и чтобы этот приказ во всех городах был защитой и управой купецким людям от воеводских налогов; и на кого бы купецкие люди ни стали бить челом, суд и управу на тех людей давать только в этом одном приказе. б) В случае жалоб купецких людей на извозчиков в недовозе и пропаже товаров против записей по записям сим давать суд и полную расправу в Москве и по городам таможенным головам на всех извозчиков, чей бы кто ни был. в) По всем городам в торговых делах суд и управу чинить выборным таможенным головам, а воеводам в те дела не вступаться. г) Всяких ремесленных и торговых людей – прихожих и приезжих по городам и в слободах без явки и без записей не держать и смотреть за этим сотским и десятским. А кто прихожий скажется, каким ремеслом или торговым промыслом захочет кормиться, то в тот бы чин записался и дал бы за себя поручную запись. А также товаров мимо обычных рядов и лавок в порозжих местах нигде не продавать.

Этот Новоторговый Устав, составленный самими купцами, по утверждении его государем и боярами вслед за тем приведен был в исполнение, но, кажется, только относительно сбора торговых пошлин, относительно же введения новой купеческой управы в особом приказе никаких известий не имеется. Что же касается охранения интересов русских торговых людей в сношениях с иноземными торговцами, то это охранение в том же 1667 году, прямо в нарушение Новоторгового Устава, было упущено из виду при заключении договора с армянской компанией, производившей торговлю шелком. По этому договору армянская компания получила право провозить свои товары через Россию к Архангельскому порту и вступать в непосредственные сношения с иноземцами, приезжающими в Архангельск, и продавать им товары мимо русских торговцев; поэтому в 1672 году русские торговцы подавали объяснение государю, в котором просили, чтобы, согласно с правилами Новоторгового Устава, запрещено было персам, армянам, бухарцам и индийцам продавать свои товары немцам, грекам и другим иноземцам, приезжающим в Россию, а продавать бы те товары русским торговым людям по вольной цене. Но прошение русских торговых людей не было удовлетворено: выгоды, доставляемые в казну от пошлин, собираемых с провозимых армянами товаров, перевесили интересы русского купечества, и в 1673 году снова был подтвержден прежний договор с армянской компанией, по которому по-прежнему ей предоставлено было право свободно продавать свои товары иноземцам и даже отвозить их за море в другие государства, за что армяне обещали весь свой торг шелком и другими персидскими товарами вести через Россию, а все другие торговые пути с Западной Европой прекратить; русское же правительство обязалось охранять армянские караваны при проходе через Русскую землю, и с тех товаров, которые в дороге каким-нибудь образом утеряются, проезжие пошлины скидывать.

Деяния Московского Собора 1667 года. Собор 1667 года, подобно московскому собору 1551 года, собравшийся

по царскому приглашению для исправления некоторых неустойств церковных и для принорования правил греческого Номоканона к потребностям русской церкви, был открыт патриархами Паисием Александрийским, Макарием Антиохийским и Иосифом Московским с митрополитами, архиепископами и епископами. На этом соборе особенно замечательны постановления о суде церковном и об управлении. В первом отделении предписывается, согласно с прежними русскими правилами и на основании церковных постановлений, чтобы патриарх и архиереи в своих епархиях имели церковные судилища, в которых судьями были бы архимандриты и другие духовные лица, и чтобы священники, монахи и причетники отнюдь не подвергались светскому суду в духовных делах; а также и мирские люди в делах духовных, т.е. по бракам и духовным завещаниям, судились бы в духовном суде. Согласно с прежними русскими обычаями, предписывается при патриаршем и архиерейских домах иметь и светский суд, под председательством боярина патриаршего или архиерейского; но этот суд ограничен только духовными делами мирских людей, которые бывают между мужским и женским полом; все же прочие судебные дела, прежде подведомые суду на патриаршем или архиерейском дворе, согласно с XIII главой Уложения, утверждены за Монастырским Приказом, и, таким образом, так называемый святительский суд, бывший на Руси в прежнее время и подробно изложенный в Стоглаве, по настоящему соборному деянию совершенно утратил свое прежнее значение.

Второе отделение – о церковном управлении. Здесь, во-первых, запрещается посвящать в священные должности и постригать в монашество боярских людей и крестьян без отпусковых. Во-вторых, боярские люди или крестьяне, по челобитью господ посвященные в священники или дьяконы, признаются свободными со всеми детьми, рожденными после посвящения, дети же, рожденные до посвящения, остаются за господами. В-третьих, отменяется прежнее русское правило, утвержденное Стоглавом, по которому вдовствующим священникам и

дьяконам запрещено было совершать литургию. Настоящий собор, на основании греческих церковных правил, оставляет вдовствующим священников и дьяконов при прежних церквях, к которым они посвящены, с полным правом священнослужения и только требует от них незазорного жития.

Собор 1667 года, как видно из содержания его деяний, постоянно держался одного правила, замеченного уже мной в обзоре Кормчей, напечатанной в 1653 году; правило это состояло в том, чтобы утверждаться только на одних греческих Номоканонах и отвергать все прежние русские соборные деяния и правила, даже не упоминать о них, как будто бы они вообще не существовали. В настоящем соборе это новое направление высказалось гораздо яснее, нежели в издании Кормчей; здесь все чисто русские вопросы и недоумения, не известные древней Византии, сколько возможно объясняются на основании византийских Номоканонов или подчиняются Уложению царя Алексея Михайловича. Собор явно отступился от прежней истории русской церкви, признал деяния московского собора 1551 года неправильными и в своем определении прямо написал: «И той Собор не в собор и клятва не в клятву, и ни во что же вменяет, якоже и не бысть».

Новоуказные статьи о татебных, разбойных и убийственных делах, изданные в 1699 году 22 января. Статьи сии разделяются на четыре отделения. В первом отделении говорится об общем устройстве суда по татебным, разбойным и убийственным делам. Судоустройство это по новоуказным статьям является совершенно измененным в своем характере в отмену Уложения и всех древних русских узаконений. В древней России суд по губным делам преимущественно принадлежал земщине и был сперва по Русской Правде на непосредственной ответственности общин или вервей, потом, с Иоанна IV, перешел в ведение выборных губных старост, за которыми оставался и по уложению. По новоуказным же статьям к выборному началу присоединилось начало приказное и главный надзор поручен лицам, назначенным от правительства, сыщикам, которым подчинены и губные старосты. Городские воево-

ды, по Уложению иногда еще принимавшие участие в губных делах, по новоуказным статьям совершенно отдалены от этого дела; в статьях прямо сказано: «а воеводам в городах таких дел ни в чем не ведать; а ведать дела сии сыщиком и губным старостам по наказам из Разбойнаго Приказа».

Губные старосты по прежнему порядку выбирались всем уездом, всеми сословиями, из прожиточных дворян или, по крайней мере, из боярских детей; выборы велено присылать в Москву в Разбойный Приказ; самим выборным в Москву не ездить, а приводить их к вере и давать наказные памяти Разбойнаго Приказа сыщикам по городам, и быть им у сыщиков в послушанье. Губные целовальники вовсе отменяются, также отменяются выборные целовальники у тюрем; вместо первых назначаются губные дьячки, состоящие в полной зависимости от сыщиков, а на место вторых – стрельцы и наемные сторожа за поруками. Сыщики судят губных старост, дьячков и сторожей в истцовых исках и дают им очные ставки, и по тем судным делам чинят указ по Уложению. Таким образом, по новому устройству, суд по губным делам поступает в полную зависимость от сыщиков и выборные старосты являются не более как подчиненными исполнителями.

Отделение второе говорит собственно о татевных делах. В суде над татями, так же как и в общем судеустройстве по губным делам, настоящие статьи представляют много изменений против Уложения; в них уже значительно изменена прежняя строгость и жестокость. По Уложению, приведенного в первой татьбе предписывается прямо пытаться, потом после пытки за первую татьбу бить кнутом, отрезать левое ухо, посадить в тюрьму на два года и потом сослать на жительство в украинные города. По новоуказным же статьям: ежели приведенный в губу тать в расспросе повинится в первой татьбе, то его не пытаться в иных татьбах, а только расспрашивать накрепко и посадить в тюрьму на две недели; и ежели в эти две недели будут на него новые челобитчики в иных татьбах с явными уликами, то тогда его уже пытаться; а ежели новых челобитчиков не будет с явными уликами, то, бив кнутом, от-

сечь два меньшие пальца левой руки и освободить с порукою, что ему впредь не воровать. А ежели по ним порук не будет, то отпускать их и без порук и выдавать им письмо за сыщиковою рукою, чтобы шли на старину, где прежде за кем жили, а на воровстве нигде бы потом не объявлялись; и таких, отпущенных с сыщиковым письмом, держать на старых местах беспенно. А которые казненные вновь объявятся на воровстве, таковым отсечь по руке и по ноге. А которые объявятся на первой татьбе и в распросе скажут, что они гулящие люди и ни за кем не записаны, таких, по учиненном наказании, отсылать в Разбойный Приказ, в Москву и оттуда уже ссылать на жительство в Сибирь.

По Уложению, повинившегося в двух татьбах назначалось бить кнутом, отрезать ему правое ухо, посадить в тюрьму на четыре года и потом сослать в украинные города. А по новоуказным статьям за две татьбы положено бить кнутом и, отрезав левую руку по запястье, освободить на поруки; а порук не будет – отпустить с письмом сыщика на старое место жительства, имение же его отдать истцам в выти. А за третью татьбу новоуказные статьи, согласно с Уложением, назначают смертную казнь, а имение истцам в выти.

В этом же отделении помещены статьи о правеже исков. Ежели какие люди сидят в тюрьме, а из тюрьмы истцовы иски на них правят, а истцов у правежу нет, а сидят они в тюрьме лет по пяти и больше – таких отдавать на статные поруки, чтобы им стать к суду, когда спросят. А кому служилым людям: дворянам, детям боярским и стрельцам с правежу откупаться будет нечем, на тех просить долговые деньги после указного месяца без всякой пощады, а истцам головой не отдавать. А прочих служилых людей после указного месяца отдавать истцам головой до искупу без жен, а работать им за пять рублей по году; а кому они будут выданы, и по тех людей взять поруки, чтобы их не убить и не изувечить. А дворян и детей боярских держать на правеже, пока с должником не разделаются. А за стрельцов платить долги из государева денежного жалованья, по 4 рубля на год.

Отделение третье – о разбойных делах.

1) Буде приведут разбойника, и его пытать, и с пытки повинится, что он разбивал впервые, а убийства не учинил, и ему чинить указ как и татю в первой татьбе. А которые разбойники попадутся или повинятся с пыток в двух разбоях, тех казнить смертью; также казнить смертью и тех разбойников, которые были хотя и в одном разбое, но на этом разбое учинили убийство или пожгли дворы и хлеб. А которые разбойники с пыток повинятся во многих разбоях и будут сказывать о своих товарищах, а товарищей их в сыске в ту пору не будет, смертную казнь таковым разбойникам откладывать на месяц; а в продолжение месяца товарищей не сыщут, и разбойников, не откладывая, казнить смертью. По Уложению срок на отыскание товарищей был назначен полгода. Которые разбойники с пытки, сидя две недели в тюрьме, не будут говорить разбоя на иных людей, а после двух недель станут на кого говорить, и их оговорам не верить. Далее говорится об удовлетворении истцов из разбойных животов совершенно согласно с Уложением и с Разбойным Уставом.

2) В настоящем отделении говорится о разбойниках, которые с пыток не будут виниться. Здесь закон принимает в рассмотрение два условия. Первое: ежели в повальном обыске их назовут лихими людьми, то пытать вторично; а не повинятся со второй пытки, то отдавать с поруками тем, у кого они жили; а ежели их там не примут, то ссылать в Сибирь на пашню с женами и детьми. Второе условие: ежели их в обыске назовут добрыми людьми, то отдавать их на прежнее место жительства с поруками, с тем чтобы, ежели таковые пытаные объявятся на воровстве или тайно уйдут с прежних мест жительства, то немедленно о том давать знать сыщикам. Настоящим узаконением отменяется закон Уложения, по которому лихованные люди, не признавшиеся со второй пытки, заключаются навсегда в тюрьму.

3) Настоящее отделение излагает подробные правила, как производить повальные обыски. Об этих правилах в прежних узаконениях нет и упоминания. Здесь законодатель

узаконяет постоянную форму для обысков, по которой повальный обыск дозволяется производить на пространстве 20 верст и больше; в обыске непременно без отвода участвуют всяких чинов люди на определенном пространстве, за исключением духовенства; обыскные речи отбираются от каждого порознь под присягой и за рукоприкладством того, кто говорит эти речи. Обыщики должны смотреть накрепко, чтобы обыскные люди, семьями сговорившись, в обысках не лгали. А ежели которые обыскные люди будут в обысках лгать или не дадут обыскных речей, и на тех ослушников и ложных свидетелей государева пеня по чину: на дворянах и детях боярских по 30 руб. с человека, с посадских старост по 70 руб. с человека и проч. А будут обыщики начнут про кого сыскивать не по правде, и им быть за это от государя в опале и наказанье и платить пени по 50 руб. Писать в обысках речи только достоверных свидетелей, которые сами видели и хорошо знают дела, а не по слуху, и не писать в обыске глухих, немых, бесных, малолетних, детей на родителей, отпущенников и рабов на господ. А сыщикам и подьячим образцовых писем для обыскных людей не писать. Эта новая форма совершенно изменяет характер повального обыска; он превращается в показание свидетелей и перестает быть выражением общественного мнения. Здесь уже явное и сильное влияние римского права; законодатель здесь применяет статьи градских законов о свидетелях и прямо ссылается на них.

Далее, в настоящем отделении новоуказные статьи согласны со статьями Уложения о разбойных делах, за исключением следующих немногих изменений: 1) ежели будет оговорен разбойником бродящий человек и с пытки не будет говорить на себя, то такого по Уложению следовало отдать на поруки, а не будет порук, вкинуть в тюрьму, пока не явятся поруки; по настоящим же статьям таких бродящих людей сыщики должны отсылать к государю, в Москву. 2) На которых оговорных людей в обысках именно не скажут – худ он или хорош, таких по Уложению следовало сажать в тюрьму, а по настоящим статьям должно ссылать в Сибирь с женами и

детьми. 3) В дополнение к 81 статье Уложения, что тех ссылать в Сибирь, которые по Уложению не могут выплатить пени за отбитие оговорных людей у приставов. 4) По Уложению лица, принимавшие у разбойников разбойное и татебное, ежели не запрутся в одном приеме, подвергались пытке, дабы узнать, не принимали ли они еще каких поклаж у разбойников; по новоуказным же статьям здесь пытка отменена и прямо сказано: «и их в таких поклажеях и в разбойной рухляди разспросить, а не пытать». 5) По Уложению истцы, которые бьют челом в татьбах и разбоях без поличного, отсылались в Судный Приказ, где кто судим; по новоуказным статьям к этому правилу прибавлено: «а в городах к воеводам тех дел не отсылать, и судныя и разбойныя дела вершить сыщикам». Здесь поэтому судебное делопроизводство соединяется с следственным, чего по древним законам не допускалось.

Отделение четвертое об убийственных делах. Это отделение в новоуказных статьях несравненно обширнее и полнее, чем в Уложении; сюда вошли некоторые постановления из старого Разбойного Устава и Литовского статута и много ссылок на градские греческие законы.

Особенно важны статьи, касающиеся имения, остающегося после приговоренных к смерти, и их наследников; по этой статье после приговоренных к смерти из поместий выдается по указу государеву на прожиток женам, матерям, сестрам и дочерям, а остающееся затем раздается челобитчикам, а не в род; а ежели после них останутся сыновья, то поместья передать сыновьям, вотчины же – матерям и детям, удовлетворив иски истцов. Еще замечательна статья, по которой запрещается задерживать матерей, жен и детей тех оговоренных воровских людей, которые скроются.

Потом в этом же отделении говорится о некоторых полицейских мерах и о порядке производства следствий. В отношении к полицейским мерам и порядку производства следствий здесь предписывается: в городах и уездах выбрать сотских, пятидесятских и десятских, добрых людей и зажиточных, и взять на них выборы за руками всех градских и

уездных людей и всем сделать крепкий заказ, чтобы татей, разбойников, смертоубийц и всяких воровских людей и ведунов у себя не таили, а поймав, приводили к сыщикам. А которые люди прежде воровали, а теперь не воруют, тех бы к сыщикам не отводили, опричь убивственных дел. А у дворян, боярских детей и всяких посадских и уездных людей спрашивать и взять с них сказки за руками: кто у них есть татей, разбойников, убийц, ведунов, поджегщиков, становщиков и всяких воровских людей, и где они пристают, к кому приезжают и кто у них принимает татебную и воровскую рухлядь? А то им, всяких чинов людям, приказывать накрепко, чтобы они, помня страх Божий, сказывали правду, воров не таили и не укрывали, добрых людей не клепали и на соседстве сумежных браней и деревенских драк в разбой не ставили. А кого всяких чинов люди в сказках своих напишут именно в татьбах, разбоях, убийствах или других воровских делах, и для поимки тех лихованных людей посылать губных старост. А для великих дел и на станowych разбойников ездить сыщикам в те города самим, собравшись со многими людьми; а брать им с собой тех городов дворян и детей боярских меньших статей, и служек монастырских, и пушкарей, и затинщиков, и уездных людей, и с теми людьми ходить на разбойничьи станы тайным обычаем, чтобы их всех изловить и, изловив, чинить по государеву указу, как писано выше сего. А животы их переписать и раздать истцам в выти, а что затем останется – оценить ценовщикам и продать на государя, и вырученные деньги записывать в книги и отсылать к Москве, в Разбойный Приказ. А кто по своим винам доведется до смертной казни, и тех воров казнить смертью вскоре, не отписывая к государю. А в тюрьмах тюремных сидельцев, всяких воровских людей больше месяца не держать; а после месяца велеть их вершить в тех местах, где они жили или воровали, чтобы оным, смотря на них, неповадно было воровать, а на пустых местах таких воров не казнить. А с вытных денег брать великого государя пошлин – с рубля по три алтына, а по убивственным делам и на чьей земле убитых тела подняты

будут, поголовных денег брать с убийства по четыре рубли по четыре алтына по полуторы деньги.

В отношении к отчетности по следственным делам настоящие статьи узаконяют:

1. Деньги пошлинные, поголовные и другие, собираемые сыщиками на государя, писать в приход в книги именно, порознь, статьями; а что из тех денег в расходы дано будет, и те деньги записывать в расход именно ж, статьями. Да те приходные и расходные книги и остаточные наличные деньги, что в году останется, сыщикам присылать в Разбойный Приказ ежегодно.

2. Старых тюремных сидельцев, татей, разбойников и смертных убийц переписать на роспись именно, кто именем и какого чину люди, и что в расспросах и со скольких пыток на себя говорили, и в которых городах татьбы, разбой и смертные убийства учинили.

3. В городах же, если которые тюремные сидельцы сидят в тюрьмах за поруками, что по них порук нет, то тех тюремных сидельцев переписать себе статьей именно ж, сколько человек и в которых городах и уездах живали, и каких они отцов дети. А переписав тех тюремных сидельцев, те росписи прислать к Москве, в Разбойный приказ. А которые тюремные сидельцы сидят в каких расправных делах, а не в татьбах, и не в разбоях, и не в смертных убийствах, и не в поджогах, и не в ведовствах, и им указ чинить по рассмотрению тотчас, чтобы в тюрьмах напрасно не сидели.

Общий характер новоуказных статей выражается: 1) в смягчении прежней строгости и даже жестокости, допущенной Уложением; 2) в передаче главного ведения по губным делам сыщикам, назначаемым от правительства, которым вполне подчиняются выборные губные старосты, и в совершенном отстранении воевод от участия в губных делах; 3) в изменении повального обыска, так что он уже не представлял выражения общественного мнения, а более или менее обратился в показание свидетелей, на основании градских греческих законов; 4) новоуказные статьи постоянно стараются заменить прежние

тюремное заключение ссылкой в Сибирь на житье; 5) в новоуказных статьях замечается обращение к прежнему обычаю собирать поголовные деньги с волости, где найдено тело убитого человека. Этот обычай, вытекавший из древнего вирного устройства, постоянно соблюдался в Московском государстве до самого Уложения, Уложением же он был отменен, а по новоуказным статьям опять возвращен; наконец, новоуказные статьи постоянно обращаются к градским греческим законам и во многих случаях подтверждают свои положения греческими узаконениями. Вообще при царе Алексее Михайловиче и при его преемнике Федоре Алексеевиче заметно особенное расположение к византийскому законодательству.

В том же 1669 году в апреле месяце издано было дополнение к новоуказным статьям по разбойным и татевным делам; в этом дополнении сказано, чтобы тюремные сидельцы не брали у других людей под заклад платье или другую какую рухлядь, в противном случае закладную рухлядь брать в Разбойный Приказ безденежно, а тюремных сидельцев за сию вину бить кнутом,

В том же году 27 июня был издан весьма замечательный указ об отчетности в суммах, поступающих в приказы; в этом указе сказано, что по всем приказам дьяки должны считать ежемесячно подьячих, которые сидят у прихода и расхода денежной казны, чтобы они казны не крали, а в займы никому не давали и заемных записей в государевой казне ни с кого не брали, чтобы государева денежная наличная казна за расходы всегда была в целости и начета б на подьячих ничего не было. И в случае упущения сего начеты править на дьяках мимо подьячих, и дьякам быть в государевой опале, а подьячим в жестоком наказанье. В этом же указе предписано, чтобы с посторонних людей, в случае взыскания с них денег, не принимать в приказы заемных кабал и записей их на других людей, которые занимали у них.

6 августа 1675 года был издан указ, в котором, во-первых, князь Андрей Кольцов-Масальский понижается из стряпчих в жилецкий список (т.е. двумя чинами ниже) за то,

что он на голове у себя волосы подстриг; во-вторых, стольникам стряпчим, дворянам московским и жильцам строго предписывается, чтобы они иноземных немецких и иных извычаев не перенимали, волос у себя на голове не подстригали и платья, кафтанов и шапок с иноземных образцов не носили и людям своим потому же носить не велели. За неисполнение сего указа быть им в опале, и из высших чинов написаны будут в нижние чины.

Этот указ замечателен как прямое свидетельство того, что в XVII столетии, точно так же, как и в XVI столетии, иноземные обычаи и иноземный покррой платья сильно распространялись между московскими, особенно между молодыми служилыми людьми высшего сословия. Только в XVI веке больше нравились азиатские платья, которые, как мы знаем, преследовал Стоглавый Собор, в XVII столетии стали входить в употребление платья европейского покроя, преимущественно немецкие. А посему введение европейского платья Петром Великим не было новостью в Москве, молодежь его любила и прежде.

Царствование Федора Алексеевича. Непродолжительное царствование Федора Алексеевича в отношении к законодательству замечательно тем, что этот государь сильно стремился к преобразованиям по части административной. Замечательнейшие из его указов были следующие.

19 декабря 1678 года был издан указ об уничтожении Монастырского Приказа и о переведении его ведомства по-прежнему в Приказ Большого Дворца. Монастырский Приказ, получивший большую силу при царе Алексее Михайловиче, сильно расстроил дела, относящиеся к гражданско-церковному суду; а посему вскоре появилась необходимость обратиться к прежнему порядку и дела, относящиеся собственно к экономическому управлению монастырскими имениями, перевести по-прежнему в Дворцовый Приказ, а церковно-судебные – в ведомство патриарших приказов.

27 ноября 1679 года был издан важный указ, относящийся к областному управлению. По этому указу областное управле-

ние получило совершенно иной характер: оно перешло в полное ведомство воевод, присылаемых из Москвы, а все другие приказные люди, т.е. сыщики, губные старосты и приказчики были отменены. В указе сказано: «А городовое строение, и засеки, и губные дела, и ямских охотников, и денежный и хлебный сбор и всякое дело ведать воеводам одним, чтобы впредь гражданским и уездным людям в кормех лишних тягостей не было». Впрочем, этим указом не отменялись выборные люди по разным частям управления; государь желал только облегчить жителей уменьшением с них поборов на содержание чиновников, присылаемых от правительства; поэтому земские избы под управлением старост и выборных голов остались по-прежнему, из выборных людей были отменены только одни губные старосты, которые, как мы уже видели прежде, при сыщиках не имели никакого значения и только служили лишним отягощением для жителей. Но, кажется, это распоряжение, по крайней мере в отношении к губным делам, скоро оказалось не совсем удобоисполнимым; очевидно, воеводы не могли справиться с губными делами и арестантов по тюрьмам накопилось очень много, ибо через три месяца по издании указа понадобилось по всем городам послать разборщиков, по крайней мере, на время, для разбора уголовных дел.

12 ноября 1680 года издан указ о новом распределении ведомства воинских людей по приказам. По этому новому распределению все ратные люди – конные и пешие, как дворяне и дети боярские, так и приборные ратные люди русского и иноземного строя были подчинены Разряду, за исключением: 1) служилых людей по низовым городам от Самары на Уфу до Терка, а также казанских стрельцов, которых по-прежнему ведать в Казанском Приказе, 2) начальных людей, копейщиков, рейтар, солдат, стрельцов и казаков, которые по городам их службы ведались в приказах: Стрелецком, Смоленском, Казанского Дворца и большого Дворца, всех ведать в Иноземном и Рейтарском Приказах.

От преобразований по военному управлению перейдем к преобразованиям по духовной администрации. Здесь 27 ноя-

бря 1681 г. был издан важный указ, которым, во исполнение соборного определения, бывшего в 1667 г. в Москве, архиерейские кафедры были устроены по обычаю, заведенным в Греции, т.е. в каждой епархии при главном епархиальном архиерее велено быть нескольким подчиненным епископам по городам.

12 января 1682 года было издано соборное деяние *об уничтожении местничества*. Дело об этом предмете было ведено так: еще в ноябре месяце 1681 г. съехались в Москву выборные стольники, полковники, стряпчие, дворяне московские, жильцы, а также городовые дворяне и дети боярские, вызванные по государеву указу в Москву для того, чтобы общим соборным советом придумать средства к лучшему устройству ратного дела, ибо государю ведомо учинилось, что в мимошедших войнах неприятели показали новые в ратных делах вымыслы, не известные в русском войске. Съехавшиеся выборные под председательством боярина князя Василия Васильевича Голицына начали свои рассуждения тем: в каком ратном устройении пристойнее быть стольникам, стряпчим, дворянам и жильцам? И придумали, чтобы стольникам, стряпчим, дворянам и жильцам служить полковую службу по-прежнему и расписать их всех в роты, а не в сотни, и вместо сотенных голов назначить ротмистров и поручиков; из стольников, стряпчих, дворян и жильцов из всех родов и чинов беспрерывно и без мест, и без подбора. А для лучшего устройства указал бы государь боярам, окольным, думным и ближним людям и всем чинам впредь быти меж себя без мест, где кому государь укажет, и никому впредь ни с кем разряды и места не считаться и разрядные случаи и места отставить и искоренить.

О таком решении выборных людей боярин князь Василий Васильевич Голицын донес государю; государь указал 12 января 1682 года собраться у него в палатах патриарху с архиереями и соборными властями, а также боярам, окольным и думным людям. Когда открылось в царских палатах заседание собора, то государь сперва приказал прочесть перед собором просьбу выборных людей об уничтожении местничества, а потом сам обратился к собору с пространной речью, в которой подробно

изложил невыгоды местничества, а также и то, что и предки его: дед – Михаил Федорович, и отец – Алексей Михайлович, нередко прибегали к тому, чтобы служба была без мест, и постоянно желали совершенно уничтожить местничество, и что он, со своей стороны, вполне согласен с мнением и просьбой выборных людей об этом предмете. Патриарх на речь государя отвечал своей речью, в которой выразил, что все духовенство должно молить Бога, чтобы он такое благое царское намерение благоволил привести к совершению.

После речи патриарха государь обратился к боярам и думным людям, чтобы они чистосердечно, без всякого зазора представили свое мнение об этом предмете. Бояре и думные люди отвечали на это единодушным желанием, чтобы государь указал разрядные случаи отставить и совершенно искоренить и чтоб впредь те разрядные случаи никогда не вспоминались. Государь, выслушав соборный приговор, приказал боярину князю Михаилу Юрьевичу Долгорукову и думному дьяку Семенову принести все разрядные книги, в которых писаны бывшие случаи и местничества при прежних государях; и когда книги были внесены, то государь объявил, что он вполне разделяет мнение бояр и выборных людей и повелевает для совершенного искоренения местничества те все прошения о случаях и записи о местах предать огню, и от сего времени впредь боярам, окольным, думным и ближним и всяких чинов людям на Москве в приказах и у расправных дел, и в полках, и в посольствах, и везде у всяких дел быть всем меж себя без мест, и впредь никому ни с кем никакими прежними случаями не считаться и никого не укорять. И того же числа те книги преданы огню, государские передние палаты в сенях, при том от государя присутствовали – боярин князь Долгорукий и думный дьяк Семенов, а от патриарха – все преосвященные митрополиты и епископы. И когда государю и патриарху было донесено, что книги сожжены, то патриарх сказал: кто после этого будет еще местничаться, те бы опасались тяжкого церковного запрещения и царского гнева; и бояре и все думные люди отвечали: да будет так.

После всего сего государь сказал боярам и думным людям, что он им и впредь будущим их родам на память соизволяет быть в Разряде родословной книге, также и в домах своих таковые родословные книги держать им по-прежнему, и повелевает ту книгу в Разряде пополнить и внести в нее имена тех, которые еще не внесены, и писать вновь к сродникам их, и для того взять у них росписи за руками. А составить родословную книгу таким порядком: родословная должна состоять из четырех книг отдельных: в первой книге запишутся роды княжеские и иные честные, которые или занимали при прежних государях высшие должности, или известны своей древностью и приближением к государю, хотя бы имен их в прежней разрядной родословной не написано. Во второй книге писать роды, которые в древнее время хотя и не занимали высоких должностей, но со времен царя Михаила Федоровича являлись в полковых воеводах, в послах и в иных честных чинах, и в десятнях записаны в первой статье. В третьей книге писать тех, которые хотя в важных должностях не состояли, а в десятнях записаны в средней и меньшей статьях. И наконец, в четвертой книге писать тех, кто из нижних чинов за службу отцов своих или за свою написаны в московские чины. А впредь всем во всех чинах быть без мест; а кто после сего будет местничаться и упрекать старыми службами, у тех отнимать на государя вотчины и поместья бесповоротно, да они же должны платить бесчестье тем, на кого будут искать мест и упрекать старыми службами. Наконец, государь повелел боярину князю Долго-рукому объявить об этом на Постельном Крыльце: стольникам, стряпчим, дворянам, жильцам и всяких чинов людям. А для большего утверждения подписал собственной рукой сие соборное деяние; за ним подписали патриарх, митрополиты, архиепископы, архимандриты, бояре, окольные, думные дворяне, думные дьяки, стольники комнатные и выборные, генералы, полковники рейтарские, полковники пехотные, стряпчие, дворяне и жильцы.

Я с подробностью говорил об этом соборном деянии, как по важности значения его относительно изменения слу-

жебных порядков, так и потому, что собор сей был последний, который покончил дело, для которого был созван и описание которого дошло до нас. Здесь мы видим с достаточной ясностью, в каких формах созывались соборы, какие имели права и как действовали.

Наконец в последние дни царствования Федора Алексеевича был созван общий земский собор, вроде того, какой созывался для составления Уложения при царе Алексее Михайловиче; предметом этого собора было уравнивание всяких земских служб и податей по всему Московскому государству; но этот собор, кажется, не решил того дела, для которого был созван, ибо царь Федор Алексеевич скончался в апреле месяце 1682 года и выборные люди от всего государства по избрании на царство Петра Алексеевича были распущены от его имени. Краткое известие об этом соборе дошло до нас в царской грамоте к Соликамскому воеводе, князю Барятинскому, в которой написано: «Мы, государь и бояре наши, приговорили: всех городов и уездных всяких чинов людей, которые, по указу брата нашего государева, блаженные памяти великаго государя, царя и великаго князя Феодора Алексеевича, присланы были к Москве для разборов и изравнения во всяких службах и податях, с посадов в двойниках, всех отпустить по домам». Этот собор был последним, после этого при Петре Великом и его преемниках соборов более не созывалось, вплоть до императрицы Екатерины II.

Царствование Иоанна и Петра Алексеевичей 1682–1696 гг. Для удобнейшего соображения о ходе законодательства по разным частям управления в продолжение царствования царей Иоанна и Петра Алексеевичей я здесь представлю главнейшие законы, в это время изданные, по разным отделам, а не в хронологическом порядке.

I. *Законы, относящиеся к судопроизводству и судостроительству* и вообще к порядку и формам судных дел. Здесь 1) является указ 13 ноября 1682 года; в этом указе предписывается дьякам по приказам в жалованных грамотах подписывать свое имя с лицевой стороны ниже печати, как это делалось в

царствование царя Михаила Федоровича, и отменить порядок, введенный при царе Алексее Михайловиче, по которому не делалось дьячьей подписи с лицевой стороны грамоты.

2) По указу 1683 г. от 3 мая отменяются очные ставки по исковым и челобитчиковым делам, кроме татебных, разбойных и убивственных дел; вместо очных ставок велено производить суд. Это сделано для того, чтобы пошлинные деньги не пропадали, а истцам неповадно было бы затевать ложные иски и несправедно лишнее в исках приписывать.

3) 8 февраля 1685 года Челобитенный и Московский Судный Приказы соединены с Судным владимирским Приказом, куда и переведены все дела.

4) В том же 1685 года 15 июня издано дополнение к XIV главе Уложения о крестном целовании, где сказано, согласно с Уложением, что истцам и ответчикам ставиться к вере по 3 дня, и сверх того прибавлено; «А кто в указные три дни по посылке от судей у веры не станет или креста не поцелует, того тем и винить. А при целовании креста быть дьяком и подьячим, для свидетельства того, что будут говорить у креста истец и ответчик и не помирятся ли они не похотя учинить меж собою душевредства, и какой учинят меж собою договор; и то все при дьяках и при истцах записывать подьячим, и к тем запискам истцам руки прикладывать, а после того дьякам те записки закреплять своими руками и представлять судьям к делу, а судьям по тем запискам чинить указ до чего доведется».

5) В том же 1685 году 11 ноября были изданы судные статьи о порядке судопроизводства и о взыскании проестей и волокит. По этим статьям, во-первых, постановлено, согласно с прежними узаконениями до Уложения, что если ответчик по взятии по нем поручной записи в указный месяц не станет на суд, то его тем и винить и доправить весь иск до челобитной истца без суда. А ежели истец с того числа, как подаст приставную память на ответчика, в указный месяц на суд не станет, а ответчик на указный срок станет, то истцу в его иске отказать без суда да сверх того доправить на нем в пользу

ответчика за месяц проести и волокиты по Уложению, т.е. по гривне на день. Во-вторых, по старому же порядку (до Уложения), когда ответчик и истец станут на суд, то их судить немедленно; а ежели они на суде будут просить об отсрочке для приготовления, то им давать в некрепостных делах отсрочки не далее недели, и отсрочку эту в приказ записывать; и ежели по отсрочке не станет кто, того тем и винить, а к записке истцу и ответчику прикладывать руки; а в крепостных делах давать поверстный срок по Уложению, ежели скажут, что крепости у них в городах или деревнях. В-третьих, когда истец и ответчик по отсрочке станут к суду, то им давать суд в тот же день; а в случае на тот день много дел в приказе, пересрочивать на другой и на третий день с запискою же за рукоприкладством истца и ответчика, а далее трех дней суда не откладывать. В-четвертых, со времени издания сих статей за проесть и волокиту брать по суду на виноватом с того числа, как судное дело начнется, по то число, как судное дело вершится по Уложению, по гривне на день без вычету. А что наперед сего взято за проест и волокиту до суда по ставочным челобитным, того ни на ком не брать, потому что ныне положены в суде указные сроки; а за воскресные и праздничные дни за проести и волокиты денег не вычитать. Статьи эти изданы по указу государей и боярскому приговору и этот приговор записан в Разряде в книгу, объявлен на Постельном Крыльце, а во все приказы посланы памяти, а по городам к воеводам – государевы грамоты.

6) В 1686 году февраля 23 числа к новоуказным судным статьям по указу государскому и по боярскому приговору было сделано дополнение: 1) «ежели истцы или ответчики, подписав в суде срочные сказки для явки в суд, в продолжение срока по иным делам будут вытребованы в другие приказы, то судьям иных приказов по их челобитью отправлять их за приставом в тот приказ, где они скажут заручную срочную сказку, чтобы впредь никто не отговаривался при неявке на срок делами в иных приказах. В случае же пожарного разорения делается пересрочка не во многие числа про-

тив новоуказных статей». 2) когда истец или ответчик приложит руки к срочным своим сказкам, то уже не могут бить челом о переносе приставных памятей и срочных сказок в иные приказы по подозрению на судей, а должны объявлять о подозрении на судей до подписи срочных сказок. А кто, будучи вызван в суд пред подписью срочной сказки, словесно объявит свое подозрение на судей, того держать в приказе до тех пор, пока о переносе того дела из иных приказов вынесет памяти по подписным челобитным, и тогда приставные памяти и отсрочные сказки отсылать в те приказы, в которые указано те дела взять.

7) В том же 1686 году 24 апреля было издано новое дополнение к судным статьям, по которому в судных делах на крестьян дворцового ведомства положены следующие правила: 1) ставочных и отсрочных челобитен по помете их в Приказе Большого Дворца челобитчикам не возвращать, а записывать их особому подьячему в книгу, а в книге пометать записку дьякам и отдавать подьячим к делу с расписками. 2) Которые люди учнут приставливать к крестьянам дворцовых сел в каком-либо иске, и тех крестьян к суду давать на поруки по-прежнему, а дворцовому стряпчему посрочить, чтобы он за них отвечал; также когда дворцовые крестьяне будут искать на ней, то за них искать дворцовому же стряпчему. А будет дворцовый стряпчий за крестьян на срок к суду не станет, то иски и пошлинные деньги править на нем.

8) В 1690 году 26 мая было издано объяснение о том, как считать месячный срок для явки в суд: в этом объяснении сказано, что для явки в суд все месяцы в году считать по 30 дней, а начинать 30 дней с того числа, когда приставная память или поручная запись будет подписана дьяком и записана в книгу.

9) В 1692 г. 7 ноября был издан указ относительно судебных допросов духовным лицам. По этому указу, во первых, монахов, попов и дьяконов, когда кто на них будет бить челом, во всяких делах ведать допросами в Патриаршем Духовном Приказе; а в свидетельство по допросам их тре-

бовать в Московский Судный Приказ, согласно с прежними указами; во-вторых, зауморным животам, рядным записям и новым сговорным росписям, и духовным и иным всяким делам, которые прежде были ведомы в Патриаршем Разряде, ныне быть в ведении Судного Московского Приказа, а в патриарших приказах их не ведать.

10) Наконец, 6 июня 1695 года был издан указ, чтобы во всех приказах были сочинены докладные записки со статьями, какие пристойно делать в дополнение к Уложению, к новоуказным статьям и ко всем прежним царским указам, в каждом приказе по своему ведомству для доклада государям.

II. *Законы, относящиеся к уголовным делам.* В 1683 году были изданы следующие указы по уголовным делам:

1) Тюремным сидельцам, которым по прежним новоуказным статьям довелось сечь у рук пальцы, тем вместо этого резать уши и ссылать в ссылку.

2) Уголовные дела по всем городам предписано ведать воеводам, а сыщиков для таковых дел не посылать. Впрочем, в которых городах все жители захотят иметь сыщиков, то они могут представлять о сем заручные челобитные для доклада государям.

3) Чтобы в Разбойном Приказе все подьячие были за поручными записями, а без поручных подьячим в Разбойном Приказе не служить.

4) Разбойный Приказ велено именовать Сыскным Приказом.

5) Тюремных сидельцев в Сыскном Приказе, на которых порук не будет и которых истцы в зажив головой не возьмут, потому что они люди незнаемые и взять с них будет нечего, животов не будет, – и тех ссылать в ссылку в разные города, куда доведется.

6) В 1684 году 18 февраля был издан указ, по которому правительство, относительно заведования губными делами, опять обратилось к старому порядку и велело жителям выбирать губных старост, чтобы они ведали губные дела, а воеводам тех дел не ведать.

7) В 1688 году 31 марта издан указ, которым запрещено давать в города сыскные грамоты для сыска повальным обыском воровских людей, ежели челобитчики в своих челобитных не напишут, кто их пограбил, а скажут: про то ведают окольные люди. Это потому, что в повальных обысках бывает душевредство, и по допросу лихованных людей и по розыску оказываются у тех челобитчиков с лихованными людьми соседские ссоры, а не воровские приезды и разбои.

8) В 1689 году 19 февраля издан указ, которым, в отмену Уложения, жен за убийство мужей не закапывать живых в землю, а сечь им головы.

9) В 1691 году 3 мая узаконено: приводных людей, которых по Уложению следует казнить смертью, а казнены они не будут, то вместо смертной казни пятнать и ссылать, а ушей не резать и пальцев не сечь. А которые смертных вин не дошли, а только наказания, тем, согласно с Уложением, по наказании резать уши и ссылать. Здесь, очевидно, пятнанье, клейменье преступника, как скота, выражает политическую смерть — лишение всех прав.

10) В 1692 году 22 января узаконено: которые воры пятнанные бегут из ссылки и будут пойманы, кроме воровства, тех, бив кнутом, пятнать другой раз на правой щеке и ссылать в ссылку. А которые пятнанные воры, бежав из ссылки, объявятся хотя на малом воровстве, тех казнить смертью; смертью же казнить и тех, которые дважды будут пятнаны и в третий раз еще объявятся в бегах из ссылки.

11) В 1695 году апреля 4 дня предписано было всех разбойников и татей, которые производили в Москве разбой, поймав, присылать в Стрелецкий Приказ; то же подтверждено в том же году 2-го сентября всем воеводам по городам, чтобы они разбойников присылали в Стрелецкий Приказ.

12) В 1696 году 21 января издан указ, чтобы преступников, ссылаемых в Сибирь, посылать из тех же приказов, в которых им ссылка назначена будет, и из тех же приказов давать им провожатых и деньги прогонные и кормовые; а на Верхотурье для ссыльных людей построить двор со стоячим тыном и избы.

III. *Законы в отношении к администрации.*

1) В 1683 году 24 июня издан указ, чтобы из русских городов не пропускать в Сибирь крестьян без проезжих государевых грамот; для сего в Перми Великой, на Чердыни, в Соликамской и в других пристойных местах поставить заставы; и которые на заставах объявятся без проезжих государевых грамот, тех возвращать на прежние места, откуда кто пришел. Начиная с 1680 года целые толпы потянулись в Сибирь из Поморских городов, чем и вызван этот указ.

2) В 1686 году 22 января изданы указные статьи о чернослободских и беломестцевых дворах. На Руси издавна, еще по грамотам XIV столетия, в городах постоянно различались черные и белые дворы; первые, как построенные на земле, принадлежащей целому городу, несли на себе все городские повинности и подати; вторые же, построенные на землях, принадлежащих в частную обельную собственность своих владельцев, не тянули в городские повинности. Вследствие такого различия прав во владении чернослободцы, чтобы избежать городского тягла, закладывались за беломестцев или просто продавали свои участки беломестцам, отчего чернослободцам, не заложившимся и не продавшим своих дворов беломестцам, приходилось очень тяжело, ибо все повинности целого города лежали на них одних, и казна от этого терпела большие убытки. Чтобы прекратить такие беспорядки, правительство и прежде издавало разные узаконения и строгие запрещения продажи черных дворов беломестцам; но люди всегда находили средство обходить закон, отчего городские черные жители разорялись и города пустели. По статьям, изданным в 1686 году, было постановлено: 1) черных или тяглых дворов, по купчим и по закладным записанных за беломестцами, у беломестцев не отнимать, ежели они, договорясь с городскими старостами и сотскими, будут платить за эти дворы оброчные деньги; а ежели оброчных денег платить не будут, то их ссылать с дворов, а дворы отдавать в сотни и слободы или дозволить немедленно продать чернослободцам. А впредь в Земском Приказе черных дворов за беломестца-

ми ни по каким крепостям не записывать, чернослободцев за продажу своих дворов бить кнутом, беломестцам же отказывать в деньгах. А площадным подьячим предписать, чтобы они таковых купчих, закладных и других крепостей отнюдь не писали. А по судным делам в исках беломестцев на чернослободцев отдавать только одно хоромное строение на своз, а тяглые земли писать в слободы и сотни. 2) После которого чернослободца останется жена бездетна, а после него останутся купленные или данные дворы, и из тех дворов бездетной жене отдавать четвертый жребий, а три жребия родственникам покойного, чернослободцам, а отнюдь не беломестцам; а не будет родственников, и те три жребия отдавать в сотни, в которых те дворы после умерших останутся. 3) Беломестные дворы в городах, по неопределению в Уложении, рассматривались относительно наследования после умерших двояким образом: в иных приказах они принимались как купленные вотчины, т.е. после умершего беломестный купленный двор отдавался без раздела весь жене умершего, а в других приказах жена получала, как и в чернослободских дворах, только четвертый жребий, а три жребия отдавались родственникам. По настоящим указным статьям принят в основание последний раздел, т.е. жена получала только четвертый жребий. 4) Беломестные дворы в городах точно так же, как и уездные земли, разделялись: на дворы купленные, которые приравнивались к купленным или старинным вотчинам, и на дворы данные, которые рассматривались как поместья или выслуженные вотчины. О даче беломестцевых дворов закон дозволял служилым людям бить челом государю из порозжих или данных мест точно так же, как они били челом о даче в поместье или вотчину порозжих уездных земель. Настоящие указные статьи приравнивают данные беломестные дворы собственно к поместным землям.

3) В 1695 году 24 апреля был издан указ, подтверждающий прежние узаконения, по которым в сибирских городах, кроме Тобольска, воеводам в одном городе не назначалось перемены от 4 до 6 лет и более, ежели воевода своим управ-

лением и службой оправдывал доверие правительства. Причина такого отступления от общего порядка для сибирских городов в указе выражена та, что ежегодная посылка воевод в такие дальние города, как сибирские, отяготительна как для казны, так и для всякого чина людей в тех городах, через которые воеводы проезжают в Сибирь; да и в самой Сибири воеводы от частых перемен делают большие упущения в управлении и в казенных сборах. В этом же указе сказано, что жилецкие и служилые люди в Сибири освобождаются от послушания воеводам и обязаны доносить на воевод государям, ежели воеводы будут отступать от правил, выраженных в данных им наказах, и станут чинить обиды или несправедливости в казенных сборах.

4) В том же году 4 сентября издан указ, которым предписывается, чтобы воеводы и приказные люди в сибирских городах не исполняли приказаний из разных московских и иных приказов, ежели при них не будет послушных грамот из Сибирского Приказа.

5) Наконец, 10 января 1696 года из Сибирского Приказа послан в Сибирь боярский приговор, чтобы всем сибирским городам с уездами сделать чертежи на холстине; в чертежах велено написать: сколько верст или дней ходу от города до города, а также – далеко ли от каждого города приписанные к нему русские деревни и волости, ясачные волости, и на каких реках те города и ясачные волости стоят, и в котором уезде какие народы кочуют и живут, а также – с которой стороны к порубежным местам какие люди подошли? А те чертежи делать мерой трех аршин в длину и двух аршин в ширину; общий чертеж всей Сибирской земли сделать в вышину трех аршин, а в ширину четырех аршин. А прислать те чертежи в Сибирский Приказ немедленно, потому что в Приказе сибирским городам чертежей нет и ведать не по чему.

К полицейским узаконениям, изданным в продолжение царствования Иоанна и Петра Алексеевичей, относятся следующие указы, большей частью объясняющие или дополняющие и повторяющие прежние узаконения по тому же предмету.

1) Указ, изданный в 1687 году 1 марта, коим предписывается, чтобы в Москве в харчевых рядах и в харчевнях торговым людям не держать работников без поручных записей, а равно и не отдавать харчевен внаймы без поручных же записей. А записи приносить и записывать в Приказ Большой Казны. А для наблюдения за этим выбрать в харчевых рядах старост и десятских; а над старостами и десятскими надсматривать во все дни и недели подьячим Приказа Большой Казны по очереди.

2) В 1691 году 23 апреля издан указ, чтобы пришлые гулящие люди непременно были записаны в приказах и без поручных записей никто бы их не держал, для чего сделать переписные книги всем дворникам в тех приказах, в которых которые слободы ведомы; а в переписных книгах писать подлинно: кто из приписных гулящих людей живет на каком дворе, откуда он пришел, какого чина и чей человек, и каким промышляет промыслом, и давно ли, и есть ли по нем поручная запись, а буде есть, записана ли где в приказах? А буде поручных записей не будет, и тех людей ссылать в те города, откуда они пришли, а помещичьих крестьян отдавать помещикам с распиской. А которые пришлые люди работают в Москве наймом – каменщики и плотники, и всякие рабочие люди недельные и поденные, и тем быть у дела без поручных записей и без записи в дворовые книги; а для ведома являться в слободах, кому та слобода ведать надлежит.

3) В том же 1691 году 30 ноября был издан указ, чтобы забирать в Москве нищих, которые притворяются увечными, и отсылать их на места жительства, откуда они пришли; а которые попадутся в другой раз, тех ссылать в Сибирь.

4) В 1695 году 2 апреля издан указ, по которому в городе Москве по всем слободам и сотням, по проезжим улицам и переулкам на перекрестках предписано держать караулы с дворов всяких чинов людей, с десяти дворов по человеку; а сторожам быть с ружьями или с копьями, бердышами и рогаatinaми и смотреть накрепко, чтобы воровским людям приходу и приезду не было. А улицы и переулки, где довелось быть надолбам, переписать, и те надолбы сделать из Стрелецкого При-

каза, а деньги на них взять с жителей тех слобод. И сторожам стоять у надолб непрестанно, а над сторожами смотреть объезжим головам, а в стрелецких слободах полковникам; а при объезжих стрельцам не быть, а быть тех слобод жителям.

Узаконения о поземельном владении. Из узаконений, изданных по смерти Федора Алексеевича, первое и важнейшее место занимает Писцовый Наказ, данный в апреле месяце 1684 года. Наказ сей составлен из прежних трех наказов, именно: из наказа Михаила Федоровича 7136 года, Алексея Михайловича и наказа царя Федора Алексеевича.

1) «Предписывается писцам: за патриархом, за властями и за монастырями вотчины писать и мерить, и межевать по жалованным и сотным грамотам, по писцовым и отдельным книгам, по выписям с них, а также по купчим, по данным и по всяким крепостям, писаным до Уложения; а которыми вотчинами они владеют по купчим и по другим крепостям, данным не из приказов и писаным после Уложения, о тех вотчинах писать к государям в Москву; и вотчины те писать и обмежевывать особыми статьями, а в книгах под теми статьями писать именно, что об указе тех вотчин писано к государям.

2) За боярами, окольными и за всеми служилыми людьми до боярских детей включительно, и за их вдовами и недорослями, и за всеми вотчинниками и помещиками поместные земли писать по ввозным грамотам, и по выписям из отдельных и отказных книг, за воеводскими, отдельщиковыми и отказчиковыми руками, которые будут поданы писцами и на которых спору не будет. А вотчины писать по жалованным, и по правым, и по послушным грамотам, и по выписям с писцовых, и с раздельных, и с отказных книг.

3) Писцам в селах и деревнях духовных и боярских, у приказчиков и у всяких чинов, у помещиков и у вотчинников, брать сказки за руками: что за ними в поместьях и в вотчинах задворных, и деловых, и кабальных людей, и крестьянских и бобыльских дворов, и в них людей по именам, с отца и с прозвища. А взяв сказки тех дворов и во дворах людей, пересмотреть на лице и, пересмотря, писать за ними в писцовые книги.

А в сказках велеть писать, чтобы они, помещики и приказчики, старосты и целовальники крестьян и бобылей из двух и трех дворов в один двор не переводили, и жилых дворов пустыми, и чужих беглых людей и крестьян за собой не писали, и крестьян своих людьми не называли. А в сошное письмо и в живущие чети писцам не писать, а класть в сошное письмо и в живущие чети в Поместном Приказе, в то время как писцы книги положат.

4) Которые вотчинники перед писцом положат какие крепости, а по тем крепостям те вотчины в Поместном Приказе за ними не записаны и не справлены, а спору не будет, и те вотчины писать за ними и велеть им бить челом в Поместном Приказе о записи тех вотчин, а будет спор, и писцам про те вотчины разыскивать, и по розыску, и по очным ставкам писать те вотчины за теми людьми, кому они будут правы по наказу. А будет писцам о таких вотчинах по розыску указ учинить будет не мочно, и им о том писать и розыски прислать в Поместный Приказ; а те вотчины в книги писать и обмежевывать особой статьей, а в книгах описывать именно, у кого те вотчины с кем будут в споре.

5) Писцам за вотчинниками вотчинные земли писать по крепостям, досматривая подлинных крепостей и с тех крепостей взяв у вотчинников списки за руками; и которые крепости в Поместном Приказе не записаны, и с тех крепостей брать пошлины по Уложению и записывать в особую книгу подлинно.

6) Мерить владельческие земли в десятины, а десятинам быть 80 сажень длиннику и 30 поперечнику; а отмеривать прежде пашню, а потом покосы. А где против прежних писцовых книг объявятся примерные земли в вотчинных дачах, и те примерные земли примежевывать к тем же дачам безденежно. А в поместьях примерные земли примежевывать к тем же поместным дачам, в оклад, и на те земли помещикам давать выписи, чтобы по тем выписям бить им челом в Поместном Приказе в три года с того числа, как писцы в приказ книги положат. А что объявится примерных земель сверх оклада, и те примерные земли продавать тем же помещикам

в вотчину по рублю за три чети; а ежели купить не похотят, то через три года, ежели челобитья на те земли не будет в Поместном Приказе, отдавать тем же помещикам по выписям, данным писцами, ежели у помещиков будут дачи только в одном уезде, а не в разных уездах. А что кому продано будет в вотчину примерной земли и что взято денег, и тому всему писцам привозить книги и деньги в Поместный Приказ.

7) А где объявятся порозжие земли, и те порозжие земли описывать именно: на каких они урочищах, и с чьими землями смежны, и что к ним каких угодий и мерить в десятины; а описав и измеряя, те порозжие земли отмежевывать от поместных и вотчинных земель с мерой и в книгах своих те порозжие земли писать особой статьёй. Ежели на те порозжие земли челобитчики будут представлять государевы грамоты, и писцам по розыску отдавать те земля челобитчикам в оклады; а что из них останется за окладами, то писать в порозжие же земли. А земли одабривать из примерных земель, в средней земле наддавать на 100 чети 25 чети, в худой – на 100 чети 50 чети.

8) О лесах. Леса, состоящие во владении помещиков и вотчинников по дачам и без дач, писать в разделе всем смежным владельцам в угодья к их именьям; а которые леса расчищены и заселены, и те расчищенные леса писать и мерять в чети, вотчинные в вотчину, поместные в поместье, в оклады. Которые леса в писцовых книгах написаны вообще, те разделить между теми вотчинниками и помещиками, которым написаны вообще. В которые леса по писцовым книгам велено въезжать для хоромного и дровяного леса, в те леса въезжать тем, кому велено, хотя бы леса сии другим были отданы в дачу. А проезд, которым в те леса указано въезжать, в книгах писать именно: через чьи кому земли ездить старыми дорогами, а где дорог нет, учинить новые дороги и то писать в книгах именно.

9) О межевании. Писцам писать, и мерить, и межевать в Московском уезде и в городах станы и волости, и в них поместные и вотчинные земли по писцовым книгам и по старым межам и граням; а будет где старых меж и граней нет, и в тех местах размежевывать вновь, разыскав старожил; а где старо-

жилов нет, и те земли писать и межевать по дачам, а с образом не отводить. А на межах описывать реки, ручьи и овраги и всякие признаки, и леса, и уголья подлинно с мерою, сколько сажень меж ими; а где признаков нет, там ставить столбы с гранями и копать ямы: в городских межах – по две сажени в длину и ширину, а в глубину – полторы сажени, в станových межах – по полторы сажени, в глубину – по сажени, а в вотчинниковых и помещичьих межах – по сажени, в глубину – по два аршина.

10) О дворцовых землях. Дворцовые земли, спорные с помещичьими и вотчинниковыми землями, межевать посланным межевщиками из Поместного Приказа вместе с дворцовыми писцами, а где писцов не будет, там с воеводами или с дворцовыми приказными людьми.

11) Об оброчных землях. Которыми оброчными землями владеют разных чинов люди на оброк, и тем оброчникам и впредь с тех земель платить оброк; а которые оброчники тех земель держать не похотят, и те земли отдавать другим людям. А которые оброчные земли объявятся пусты, с тех оброк складывать и писать их в книги особой статьей. А которые люди владеют землями без крепостей и безоброчно, и те земли отписывать на государя.

12) О диких полях. Будет к писцам в уезды всяких чинов люди учнут привозить великих государей грамоты на дикие поля, и писцам по грамотам про дикие поля сыскивать большим повальным обыском: те дикие поля порозжи ли? И будет порозжи, и их мерить, писать и межевать челобитчиком на 100 чети по 50 десятин в поле, а в дву по тому же. А будет в одном числе на одни урочища челобитчиков будет много, а земли с их дачи всем в тех урочищах не будет, и им давать жребий – чье имя вперед вымется, тому и отдавать. А давать дикие поля всяких чинов людям в указные статьи, а не в оклады. Будет по наезду на диких полях кто поселился без дач, а именно их по числам в книгу не написано и крепостей не положат, и те земли отписывать на великих государей. Помещикам и вотчинникам в диких полях под усадьбы давать на 100 чети по 5 десятин, а на сенные покосы по 25 десятин, да

вместо лесного угодья, где лесов нет, по 20 десятин. А давать земли в диких полях преимущественно украинских городов служилым людям. А в которых украинских городах за задачей остались порозжи дикие поля, и те дикие поля писать и мерить и межевать по наказу все, и писать в книгах именно: что к тем диким полям рек, лесов и других угодий, и в которых местах могут быть поселения.

13) О суде писцов. Писцам в городах у воевод и у приказных людей взять прежние царские грамоты, каковы к ним посланы по челобитью помещиков и вотчинников для межевания спорных земель; и каковы грамоты им будут привозить помещики и вотчинники, и по тем грамотам спорные земли писать и мерить, чтобы челобитчикам лишней проести, и волокит, и убытков не было. А которые люди учинятся сильны – земель мерить, писать и межевать не дадут, и писцам брать у воевод рассыльщиков, стрельцов и иных служилых людей, и в понятия многих окольных людей; и с теми людьми, приехав в поместье или вотчину, брать за силу пени по 50 рублей на человеке, и межевать земли тех людей, которые учинились сильны, по наказу. А которые люди у кого насильством землю попахали и угодьями завладели и какие убытки учинили, и про то насильство разыскивать и давать очные ставки, и по розыску на том, кто сколько лет чужой землей владел насильно, на всякий год доправить за пашню, которая с хлебом, за десятину по два рубля, а которая без хлеба – за десятину по рублю на год, а за копну сена – по алтыну, и отдать истцу, да их же за то сажать в тюрьму на день. А буде которые помещики и вотчинники, и люди их учинили на чужой земле смертное убийство, разыскивать всякими сыски накрепко и давать очные ставки; а будет дойдет до пытки, то и пытать; и по розыску за убийство человека или крестьянина у виноватого помещика или вотчинника взять лучшего крестьянина с женой и с детьми, или за крестьянина и человека 50 рублей, ежели истец того пожелает.

14) Форма, как производить межевание земель. Писать, и мерить, и межевать писцами поместные, и вотчинные, и порозжие земли с ряду, с одного, а не через земли, и всякие зем-

ляные дела делать пред собою, а для межевания от себя никого не посылать. А которого стану разные земли опишут и отмежут, и писцам велеть книги писать набело перед собой, а полевые книги писать старому подьячему своей рукой; да те книги и всякие списки держать писцам за своими печатями и учинить поместным, и вотчинным, и порозжим землям, и крестьянским и бобыльским дворам под статьями, и под станами, и под волостями перечни порознь; а учиня перечни, написать под всеми статьями и волостями один перечень. А как писцы всякие земли опишут и, измеря, размежут, и писцам то все велеть написать в книги письма своего и меры межевания; да те книги за руками людей, которые были на межеванье, и за своими руками подать в Поместный Приказ. Корм и подводы писцам брать на помещиках и вотчинниках с четверти по две деньги, а подвод брать писцу по восьми, старому подьячему две, а молодым подьячим и стрельцам по подводе человеку; а на чернила, на бумагу, и на воск, и на свечи брать со ста четвертей по гривне. Для письма, и меры и межеванья, с писцовых и межевых книг поместным и вотчинным землям давать писцам списки, а для раздачи диких полей – численные книги за дьячьими приписьми. Да для письма два человека молодых подьячих, а на меру сажень за печатью, трех аршин.

А в следующем 1685 году были изданы дополнительные статьи к Писцовому Наказу относительно описания и межевания мордовских, черемисских и чувашских земель. В этих статьях, во-первых, предписывается описывать мордовские, черемисские и чувашские деревни и тамошних жителей так же, как описываются вотчинные и поместные деревни – поименно: за кем сколько какой земли, четвертной пашни, сена, лесу и других каких угодий. Во-вторых, оброчных мордовских земель, бортных ухажаев, рыбных ловель, бортных лесов, бобровых гонов и других угодий, кроме мордвы и бортников, на оброк никому не отдавать, чтобы от того мордовские земли не запустели. А писать писцам мордовские, черемисские, чувашские и вотяцкие земли и всякие угоды в особые книги, а с поместными, и с вотчинными, и с татарскими и всяких чинов служилых

людей с землями не смешивать. А запустевшие мордовские земли и уголья отдавать в оброк только мордве, чувашам, черемисам и вотякам; а ежели они взять в оброк не захотят, то, не отдавая другим, писать их в книги особо пустыми землями. В-третьих, которым русским людям даны мордовские, чувашские и всякие земли, а русские люди сверх своих дань завладели многими землями, и те дачи русским людям отмерить и отмежевать сполна, а лишние земли у тех русских людей отмерить и отмежевать к ясачным землям – в ясак. В-четвертых, где мордовские, чувашские и черемисские земли сошлись с поместными и вотчинными землями, и те поместные и вотчинные земли размежевать, и грани положить, и ямы копать, и в книги те межи записать подлинно, чтобы впредь у ясачных людей с русскими людьми не было спору в тех землях.

В 1686 году были изданы новые дополнительные статьи к Писцовому наказу, в которых предписывается: 1) Ежели где на кладбищах при церквях окажутся дворы и лавки, то их не сносить, а обмеривать и огораживать на кладбища только то, что по наезду окажется незастроенным. 2) Церковные земли, которые окажутся между поместными, вотчинными и иными землями чересполосно, отмежевывать к одному месту к ряду, где сколько у которой церкви написано четвертной пашни по дачам в старой писцовой книге. 3) Которые помещики и вотчинники, будучи на межеванье, сами не станут прикладывать своих рук к межевым книгам, тех задерживать до тех пор, пока не приложат руки или не подадут сказки – почему не прикладывают. 4) Ежели межи каких земель по наезду окажутся несходны с прежними писцовыми книгами и крепостями, то отмежевывать по старым писцовым и межевым книгам. 5) Крестьян, бобылей, задворных и деловых людей писать в писцовые книги за теми владельцами, за которыми они окажутся по наезду; а ежели на них подадут писцам спор, то в книгах отмечать именно, что на тех людей объявлен спор и поданы крепости. 6) Ежели кто примежует чужую землю во время составления писцовых книг, а после того подадут челобитье и крепость на отмежеванную землю, то писцам о том разыскивать, и ежели нужно – давать

очные ставки, и по розыску, и по очной ставке землю писать, межевать и мерить за тем, кто будет в земле оправлен. А кто чужую землю примежует, назвав своей, о том писать к Москве. 7) Писцов, несмотря на поданные на них челобитья в неправом межеванье, от межеванья не отводить и писцам других городов межеванья не поручать; а когда писцы по досмотру окажутся виноватыми, то от них брать половину поместий и вотчин и отдавать тому, у кого они неправо писали и межевали, а другую половину оставить его жене и детям, а подьячему с приписью чинить противу того же; а буде за кем поместий и вотчин нет, тому чинить наказание – бить кнутом. 8) Ежели где помещики и вотчинники и крестьяне не будут пускать писцов к межеванию земель, будут их бить и бесчестить или, по многим высылкам на землю, к межеванью с крепостями не поедут, то по доношению писцов посылать розысчиков и по розыску оказавшихся виновными и непослушными наказывать в городах в торговые дни, бить кнутом на козле и в проводку нещадно. В 1686 году в августе месяце было предписано валовым писцам возвратиться в Москву и подать свои писцовые и приправочные книги: и все писцовые дела в Поместный Приказ. А в 1688 году тем же валовым писцам предписано по-прежнему ехать в те города и уезды, куда посланы были прежде и продолжать свое дело – описывать и межевать поместные и вотчинные земли, а на место умерших писцов назначить иных. Но в том же 1688 году распоряжение о посылке валовых писцов было отменено, потому что многие помещики и вотчинники отправились на службу в поход; то же подтверждено указом 1689 года. Вместо валовых писцов положено посылать межевщиков по просьбе самих помещиков и вотчинников, которые пожелают размежеваться в своих спорных землях.

Настоящий Писцовый Наказ и дополнительные статьи к нему были уже последними по правилам старого межевания, ибо после указа 1689 года об отмене валовых писцов, во все время царствования Петра Великого, общего межевания земель в России не было; да и при преемниках Петра, до генерального межевания при Екатерине II, хотя и были попытки

при императрицах Анне в 1730 году и Елизавете в 1754 году, но попытки эти не удались, и межевание всех земель в России ни разу не было приведено в исполнение. Мы даже не имеем межевой инструкции или наказа для межевания в 1730 году, хотя в указе и было сказано, что для межевания будет составлена общая инструкция на основании Писцового Наказа 1684 года; Межевая же Инструкция 13 мая 1754 года, дошедшая до нас, была составлена уже на иных началах, чем Писцовый Наказ 1684 года, и относилась ко всем землям, тогда как в Писцовом Наказе предписывалось мерять и межевать только вотчинные и поместные земли.

Законодательство при Петре Великом во время его единодержавия, с 1696 года. *Меры к составлению общего Уложения.* Потребность приступить к сочинению нового общего уложения почувствовалась вскоре уже по смерти царя Алексея Михайловича, при Федоре Алексеевиче и при совместном царствовании Иоанна и Петра Алексеевичей. В это последнее время в 1695 году был издан указ, которым повелевалось во всех приказах, в каждом по своему ведомству, составлять вновь пристойные статьи, соображаясь с прежними законами, для пополнения Уложения и новоуказных статей, и для этого завести по приказам докладные выписки, в которых и записывать вновь составленные статьи и иметь их в готовности до царского указа. Были ли составлены какие статьи в приказах по этому указу, об этом никаких известий не имеется, а равным образом нет и повторных указов об этом предмете. А между тем законодательство и разные перемены по суду и управлению росли быстро, накапливались целые книги новых узаконений, частью дополняющих, частью совершенно изменяющих узаконения Соборного Уложения 1649 года. Посему 18 февраля 1700 года был прислан в Царскую Думу боярам именной указ заняться составлением нового уложения. Для этого предписано из всех приказов собрать все новоуказные статьи и другие узаконения и прислать к боярам в Царскую Думу. Что сделали бояре по сему указу в продолжение 14 лет – неизвестно, но тем не менее мы знаем, что из Думы были разосланы циркуляры

по приказам и другим ведомствам о присылке в Думу узаконений и приговоров, которыми руководятся приказы. Наконец, вновь учрежденное высшее судебное-правительственное место – Правительствующий Сенат 3 июня 1714 года издал новый указ, чтобы в приказах были учинены выписки с ясным расписанием: какие после Уложения 1649 года изданы вновь узаконения в дополнение или в отмену Уложения и какие узаконения изданы вновь помимо Уложения, в котором году, месяце и числе, и расположить их по назначенной табели, приложенной при указе. Для этого дела из каждого приказа выслать по дьяку да по несколько подьячих в канцелярию Сената, под начальство выбранного Сенатом господина *Апухтина*. Апухтинская комиссия, кажется, собрала изданные указы и расписала их по указанной табели; вследствие того 17 сентября 1717 года даны из Юстиц-Коллегии дьякам Поместного Приказа пункты о составлении свода полного уложения. Что составили и составили ли что дьяки Поместного Приказа по пунктам, данным из Юстиц-Коллегии – мы не знаем, только в 1719 году был прислан в Сенат именной царский указ, чтобы с 7 января 1720 года начать слушать Шведское Уложение и для этого положить, по сколько дней и часов заниматься этим слушанием Сенату, чтобы покончить его к последним числам октября того же 1720 года. Далее в указе говорится: которые пункты Шведского Уложения покажутся несходны к нашему народу, то против них взять из старого уложения или сочинить новые пункты. А также ежели которые пункты старого Уложения будут лучше шведских, то и их выписать. А для поместных дел взять права эстляндские и лифляндские, ибо они ближе к нашим. За неприготовление сего к означенному сроку указ обещал жестокое взыскание. Таким образом, государь, наскучив ожиданием, когда наряженные в разное время комиссии составят систематическое собрание русских узаконений, решился заменить его готовым Шведским Уложением, дополнив и исправив оное применительно к потребностям русского общества. Он, очевидно, надеялся, что это можно будет сделать скоро, и в этой надежде назначил десятимесячный

срок, угрожая в противном случае строгим взысканием. Но эта надежда, очевидно, не могла оправдаться, и Сенат, которому было поручено это дело, будучи занят множеством иных дел, не спешил своими распоряжениями, и только через семь месяцев нарядил для этого особую комиссию, состоящую из трех иноземцев, находившихся в русской службе, и из шести членов русских, с двумя секретарями и несколькими подьячими и переводчиками. Этой комиссии приказано, по мере составления нового Уложения, еженедельно представлять приготовленное для слушания всему Сенату, и сидеть им для того сочинения по три дня в неделю, и при том сочинении присутствовать по одному сенатору попеременно. А еще через месяц Сенат, не находя свободного времени, почти отказался от присутствия при сочинении нового Уложения и предоставил это дело членам комиссии одним, с тем чтобы члены комиссии представляли по мере сочинения какому-нибудь одному сенатору, которому будет свободно.

Как шли дела комиссии по составлению нового Уложения на манер шведского в продолжение двух лет после данного государем срока, мы не имеем известий; но должно полагать, что дело сочинения уложения шло незavidно, и чем дальше рассматривали Шведское Уложение, тем больше оказывалось неудобств в приноровлении его к потребностям русской жизни. А посему в декабре 1722 года издан был сенатский указ, по которому в помощь комиссии назначалось из каждой коллегии по два члена с секретарем и несколькими подьячими, которые должны были являться в комиссию, когда по ходу дела наступала очередь той или другой коллегии. Но и эта новая мера мало помогала, и сочинение нового Уложения во все продолжение царствования Петра Великого не подвигалось вперед или подвигалось медленно и малоуспешно. Между тем множество новых указов, часто противоречивших друг другу, сбивало с толку и производило страшную путаницу и медленность в делах. Посему в ноябре месяце 1723 г. был издан именной указ, по которому предписывалось разные указы, в разное время изданные об одном деле, разобрать и где понадобится перемене

нить и прибавить или убавить, а которые будут опробованы, те напечатать и присоединить к тем регламентам, к которым они будут относиться, а указов врозь отнюдь не иметь и чтобы на одно дело не было двух указов. Наконец, отчаявшись в окончании нового Уложения, государь 11 марта 1724 года дал свой именной указ, чтобы вновь выходящие указы печатать и отдавать: которые к регламентам – те к регламентам, а которые к Уложению – те к Уложению; а как оное еще не окончено, то к старому Уложению 1649 года, дабы по ним делать дела, а не по тем пунктам, которые в Уложении о том же гласят. Таким образом, кодификация русских законов или сочинение нового Уложения решительно не удалось, хотя оно и продолжалось во все царствование Петра Великого с самых первых лет; нужда же в нем чувствовалась постоянная и настоятельная. Впрочем, Петр Великий успел до некоторой степени пособить этой нужде изданием регламентов по разным частям управления. Регламенты, по его мнению, служили как бы вехами или указками, куда относить тот или другой указ, как это он сам высказал в приведенных выше двух указах от ноября 1723 и 11 марта 1724 годов; но тем не менее регламенты не заменяли Уложения, как это прямо высказано в последнем указе, по которому вновь выходящие указы повелевалось разделять: на указы, подходящие к регламентам, и на указы, относящиеся к Уложению.

Регламенты. Регламентами назывались утвержденные государем уставы для управления той или другой отдельной частью государственного управления; в них излагались подробно все правила и законы, относящиеся к той части управления, для которой составлен регламент.

1-й из регламентов был дан 10 декабря 1711 года *Кригс-Комиссариату*. Этот регламент излагал правила содержания полков и раздачи жалованья. Но этим правилам требовалось: 1) чтобы раздача жалованья производилась присланными от губернаторов комиссарами только наличным генералам, штаб и обер-офицерам и рядовым, а отнюдь не отсутствующим по своим надобностям, хотя бы по отпуску от начальства; и выдавать жалованье сперва унтер-офицерам и рядовым, а потом

штаб и обер-офицерам и генералитету; перед раздачей осматривать полк, чтобы все казенные вещи были в целости и надлежащем порядке; выдавать жалование по истечении месяца. 2) Утраченные или испорченные казенные вещи взыскивать с тех, кому они сданы на руки, а за беглых солдат налагать штрафы на весь полк, от генерала до рядового. 3) Когда приведут рекрутов, то сперва делать им смотр и разбирать по полкам так, чтобы и худые и хорошие доставались на каждый полк поровну. 4) При раздаче провианта и фуража смотреть, чтобы все раздавалось по табелям, по расписанию, и чтобы воинские люди не делали на квартирах лишних поборов.

2. *Воинский Устав*, он издан 30 марта 1716 года. В нем в 1-м отделении, во-первых, говорится о разных частях войск: о корпусах, бригадах, дивизиях и отрядах; во-вторых, о разных воинских чинах от генерал-фельдмаршала до генерал-профоса; в-третьих, о квартировании войск; в-четвертых, о военном суде; в-пятых, о порядках в войсках на походе; в-шестых, о гарнизонной службе; в-седьмых, о караулах и, наконец, в-восьмых, о порциях (на людей) и рационах (на лошадей) войскам в чужой земле. 2-е отделение Воинского Устава составляет *воинский артикул*; в нем содержится 24 главы, которые говорят о порядке военной службы и об отношениях разных воинских чинов друг к другу и вообще об обязанностях служащих в войске. Затем 3-е отделение Воинского Устава составляет краткое изображение процессов или судебных тяжб; оно состоит из трех частей – в 1-й говорится о суде и судьях, об истце, ответчике и поверенных; во 2-й – о судебных доказательствах; в 3-й части – о судебных приговорах. Наконец, 4-е отделение Воинского Устава – о воинских экзерцициях, приговлении к маршу и о должности полковых чинов.

3. *Регламент Штатс-Контор Коллегии*. Он издан 13 февраля 1719 года. В этом регламенте первой обязанностью Штатс-Контор Коллегии поставлено собирать сведения, в чем особливые государственные расходы состоят, и потом немедленно сочинять из того особливые штаты, каждый штат под особым заглавием. В регламенте исчислено всего 15 штатов, на

которые Штатс-Кантор-Коллегия должна делать расписания и назначать деньги; штаты сии были следующие: 1) придворный штат; 2) штат на собственные расходы государя; 3) штат каждой государственной коллегии; 4) штаты всех высших и нижних судов; 5) штат гвардии и пехоты; 6) штат конницы; 7) штат артиллерии; 8) штат фортификации; 9) штат генерального штаба; 10) штат адмиралтейства; 11) штат каждой губернии и провинции; 12) штат всего духовного чина, церквей, академий, школ, госпиталей, смиренных и сиропитательных домов; 13) штат архитекторов и всех служащих при казенных постройках; 14) штат состоящих в службе докторов, врачей и аптекарей; 15) штат послов, министров, резидентов и всех служащих в посольствах. Вторая обязанность Штатс-Кантор-Коллегии – иметь сведения о доходах государства, для чего постоянно сносятся с Камер-Коллегией, дабы знать, в какой губернии или провинции сколько прихода и расхода и сколько в остатке. Третья обязанность – ежегодно составлять штаты расходам и рассылать экстракты из своих штатов губернаторам и воеводам, в которых обозначать, сколько и куда делать расход и из каких сумм.

4. *Регламент Коммерц-Коллегии.* Этот регламент был издан 3 марта 1719 года. По регламенту главная обязанность Коммерц-Коллегии состояла в том, чтобы смотреть за торговым мореходством и вообще за купечеством. Во-первых, она должна смотреть за хорошей постройкой торговых кораблей, наблюдать за торговыми пристанями, выдавать паспорта отходящим кораблям; во-вторых, стараться о порядочном устройстве таможен и амбаров для складки товара и смотреть, чтобы таможенные служители не чинили каких-либо помешательств в торговых делах; от нее же должны зависеть и русские консулы в иностранных государствах. В-третьих, Коммерц-Коллегия должна сочинять и поправлять торговые трактаты с иностранными государствами, чтобы были как можно выгоднее для русской торговли. В-четвертых, относительно внутренней торговли Коллегия должна заботиться о лучших торговых уставах и смотреть за действиями магистратов по городам,

чтобы для внутренней торговли не было стеснений. В-пятых, Коллегия должна судить все споры и преступления, которые по торговым уставам, таможенному учреждению и другим до купечества и пошлин касающимся регламентам и уставам наказаны и определены быть имеют; в Коммерц же Коллегии должны быть судимы во всех делах иноземные купцы, тогда как прежде они судились в Посольской канцелярии. И наконец, в-шестых, Коммерц-Коллегия должна собирать через русских агентов и консулов в иностранных землях о повышении цен на иностранных рынках и о таможенных пошлинах.

5. *Регламент Камер-Коллегии*. Этот регламент издан 11 декабря 1719 года. Общая обязанность Камер-Коллегии – иметь высший надзор и управление над всеми государственными доходами. Поэтому она должна: 1) собрать подробные ведомости о разных видах государственных доходов и расходов; 2) составить формы для переписных книг по каждой губернии и уезду, чтобы по этим книгам ежегодно получать нужные сведения; 3) все окладные земские подати распределить в равенстве, чтобы и богатым, и бедным платить без тягости, по состоянию каждого, и чтобы ни один перед другим не был облегчен или отягощен, и чтобы на съестные припасы не налагать излишних отягощений; 4) Камер-Коллегия должна быть в частых сношениях с губернаторами и иными начальниками в провинциях и городах и стараться через них как о распространении населения, так и о лучшем состоянии земледелия, скотоводства и иных промыслов; 5) все откупы и монополии допускаются не иначе, как по контрактам с Камер-Коллегией; 6) Камер-Коллегия сама собой не может делать новых податей и налогов или переменять одни подати на другие, но о всем этом должна представлять Сенату и ждать его разрешения или указа; 7) ведению Камер-Коллежий подлежит монетное дело.

6. *Морской Устав*. Он издан 13 января 1720 года и составлен из иностранных морских регламентов с собственными добавлениями Петра Великого. Устав сей разделяется на пять книг. В 1-й книге говорится о должностях адмирала, генерал-кригс-комиссара, флотского интенданта, цейгмейсте-

ра, доктора, главного лекаря, майора, фискала и капитана. Во 2-й книге – о ранге и команде офицеров, о флагах, вымпелах, фонарях и обвесах корабельных и о салютах. В 3-й книге – о капитане, об отношениях капитана к высшим командирам и об отношениях низших офицеров корабля к капитану; о должности капитана на брандере; о капитан-лейтенанте, о лейтенанте, о корабельном секретаре, об унтер-лейтенанте, об офицере артиллерии и его помощнике, о корабельном комиссаре, о корабельном священнике, о лекаре, о шкипере и его помощнике, о штурмане и подштурмане, боцмане, мичмане и других чинах на корабле. В 4-й книге 1-я глава говорит, как должны вести себя все служащие на корабле; 2-я – о слугах при офицерах; 3-я – о раздаче провианта, 4-я – о наградах служащим на корабле, 5-я – о разделе добычи. В 5-й книге говорится о штрафах за разные преступления на корабле. К концу Устава присоединены правила, как делать сигналы с одного корабля другому и что значит какой сигнал, и какие сигналы употреблять днем и какие в ночное время.

7. *Генеральный регламент* или устав издан 28 февраля 1720 года. В нем, собственно, излагаются общие правила гражданской службы: 1) о привилегии коллегий; коллегии по регламенту имеют такое значение, что по своему усмотрению даже могут не исполнять сенатских указов, ежели найдут их в чем неудобными, лишь донося о том со своими объяснениями Сенату, а ежели Сенат и по объяснении будет требовать исполнения по своему указу, то доносить о том государю; 2) о днях и часах заседания в коллегиях; 3) о порядке ведения дел в коллегии и о допущении челобитчиков; 4) о секретаре и управлении канцелярией; 5) о должностях нотариуса, переводчика, актуариуса, регистратора, канцеляристов и копиистов; 6) о контролах, о надзирании камерира в конторе, о книгах при конторах и архивах; 7) о фискалах от коллегий, о вахмистрах и коллежских сторожах и о содержании прихожей каморы; 8) о ландкартах в коллегиях; 9) о деньгах на мелкие расходы в коллегиях; 10) как награждаются служащие в коллегиях за добрую службу и как наказывают за проступки, и за какие преступления в ка-

кой коллегии судить; 11) о том, чтобы служители в коллегиях были послушны и почтительны к начальникам и чтобы никто не дерзал поносить коллегии ругательными словами.

8. *Регламент или устав Главного Магистрата.* Сей регламент издан 16 февраля 1721 года. В нем обязанности Главного Магистрата выражены следующим образом: 1) во всех городах порядочный магистрат учинить; 2) оный добрыми уставами и учреждениями снабдить; 3) смотреть, чтоб было правосудие; 4) добрую полицию учредить; 5) купечество и мануфактуры размножить. Для успешного исполнения этих обязанностей Главный Магистрат должен: 1) собрать подробные сведения о состоянии всех городов. 2) По этим сведениям разделить города на пять классов: к 1-му классу отнести города, в которых от 2-х до 3000 дворов, ко 2-му – от 100 до 1500 дворов, к 3-му – от 500 до 1000 дворов, к 4-му – от 250 дворов и выше, и к 5-му – все остальные малые города и местечки. 3) Учредить по всем городам магистраты при помощи губернаторов и воевод. 4) В каждом городе разделить граждан на гильдии, причем к 1-й гильдии причислить больших торговцев и фабрикантов, ко 2-й – мелких торговцев и ремесленников. Черных же рабочих и живущих по наймам отчислить вне гильдий как не принадлежащих к регулярным гражданам. Все ремесла разделить на цехи, чтобы каждый цех имел свое собрание, свои книги для записи, свои уставы и своего алдермана. 5) Всех купеческих и ремесленных людей во всех городах судом и управой по всем, даже уголовным делам ведать в местных магистратах, под надзором Главного Магистрата. 6) Главному Магистрату вместе с Коммерц и Мануфактур Коллегиями заботиться о распространении торговли и мануфактур, пещись об умножении ярмарок и торгов в городах и уездах, о выборе маклеров, о биржах и устройстве ратуш. 7) Главный Магистрат через местные магистраты должен стараться о заведении смиренных домов, больниц и школ. 8) Из всех городов местные магистраты должны посылать в Главный Магистрат каждый год генеральные и партикулярные рапорты; в генеральных рапортах должно писать, насколько и в чем улучшился город в продолжение

года или потерпел какой упадок и от чего; в партикулярных рапортах прописывать число жителей по их промыслам, число градских служителей и прибыль в городских сборах; по этим рапортам Главный Магистрат должен доносить Сенату.

9) *Духовный регламент*. Этот регламент издан 25 января 1721 года. Он разделяется на 6 частей. В 1-й части говорится, что духовное управление основывается на законе Божьем, изложенном в священном писании, на канонах или правилах соборных св. отцов и на гражданских законах, согласных со словом Божьим. На основании всех сих правил регламент полагает, что для управления духовными делами должно учредить Синод, или постоянный церковный собор, и чтобы этот Синод был под верховной властью государя. В этой части государь более всего заботится о том, чтобы духовная власть не преобладала и не обратилась на Руси во власть папы, как это сделалось в Риме. В числе причин к учреждению синодального управления Петр Великий выставляет следующее: «Наконец в таком правительстве соборном будет аки некая школа в правлении духовном. Ибо от сообщения многих различных разсуждений, и советов, и доводов правильных, всяк от соседателей удобно научиться может духовно политике и повседневым искусством навывкнуть как бы лучше дом Божий управлять».

Во 2-й части говорится, во-первых, о чинах, к духовному правлению относящихся; их пять: а) епископы, б) пресвитеры, диаконы и причетники, в) монахи, г) дома училищные, учителя и ученики, а также церковные проповедники и д) особы светские в делах, относящихся к духовному ведомству. Во-вторых, о делах, относящихся к духовному управлению: 1) Разыскать вновь сложенные и слагаемые акафисты и иные службы и молебны святым: не имеют ли хотя нечто непристойное и празднословное? 2) Определить, чтобы церковная служба не наполнялась многими молениями хотя и правильными, но продолжительными и отяготительными. 3) Пересмотреть жития святых, нет ли между ними ложно вымышленных и особенно нет ли таких, в которых бы от имени святых

предлагались правила жизни, несогласные с церковью, например праздновать пятницу и подобное? Эта статья явно взята из Стоглава. 4) Смотреть, чтобы не было каких неприличных церковных церемоний. 5) Разыскивать о мощах святых, нет ли между ними сомнительных, например: в Италии по разным местам показывают млеко Богородицы; нет ли и у нас чего подобного? 6) Наблюдать за явлением икон, чтобы не распространялись таковые явления ложными вымыслами. 7) Наблюдать порядок в священнослужении, чтобы в одно время не петь и не читать в церкви разных песнопений и молитв. Это правило взято прямо из Стоглава, именно из главы о двоегласии. 8) Читать по церквам поучения и для этого составить особые книжицы; это также сделано по Стоглаву, только с той переменной, что в Стоглаве прямо указаны для поучений толковое евангелие и поучения Иоанна Златоуста и других избранных учителей церковных; в регламенте же поучения сии названы неудобопонятными и велено приготовить особые поучительные книжицы попроще.

В 3-й части – *об обязанностях епископов* и прочих служителей церкви. 1) Епископ должен знать хорошо все каноны церковные, для того предписать от Синода, чтобы у епископов церковные каноны постоянно читались во время трапезы. 2) Епископу надолго не отлучаться от своей епархии. 3) Епископ должен смотреть за поведением монахов, чтобы не строилось излишних церквей, чтобы не вымышляли ложных чудес от икон, чтобы не было кликуш, чтобы без свидетельства не открывали мощей. 4) Епископ должен назначать благочинных для надзора за духовенством. 5) Епископу иметь при своем доме школу для детей священнических и прочих, желающих поступить в духовный чин, а учителей в их школах содержать из архиерейских доходов. 6) Епископ должен ведать меру своей чести и невысоко о ней мыслить, и во власти своей не быть дерзким и скорым в отношении наложения запрещения и анафемы, а наперед должен посылать духовника для увещания того, кто по правилам подлежит отлучению, потом позвать его к себе. Епископ при посещении епархии должен не отягощать

духовенства расходами на угощение себя самого и своей свиты. 7) Епископ дважды в год должен представлять в Синод рапорты о состоянии своей епархии.

В 4-й части – *об училищах и учителях*. 1) Предметы училищного преподавания: а) грамматика с географией и историей, б) арифметика и геометрия, в) логика или диалектика, г) риторика и стихотворство, д) физика и метафизика краткая, е) политика Пуфендорфа, которую можно присовокупить к диалектике. Каждой из сих наук учиться по одному году; и наконец, ж) богословие, которому учиться два года. Сверх того языки: греческий и еврейский. 2) Начальник училища, ректор и префект. 3) Дом для училища должен быть построен наподобие монастыря, и ученики должны жить там человек по восьми в одной избе, отдельно большие от средних и средние от малых. 4) Во всякой избе или комнате должен быть смотритель и чтобы семинаристы без благословения смотрителя не смели выходить из комнаты. 5) Определить время, когда семинаристам ложиться спать, когда вставать, молиться, за трапезу идти или гулять и проч. 6) Семинариста не выпускать из семинарии никуда три года, чтобы по привычке к семинарским порядкам, да и после трех лет отпускать куда к своим в гости не больше двух раз в год, и притом отпускать не одного, а с инспектором или надсмотрщиком, который бы постоянно был при нем, куда бы он ни пошел, и который по возвращении в семинарию должен рапортовать о его поведении. Родственники не могут посещать семинаристов иначе, как с позволения ректора, и беседовать с ними не иначе, как в присутствии наблюдателя, назначенного ректором. 7) Для развлечения семинаристов давать им каждый день по два часа на гулянье, а именно – после обеда и вечером. А гулянье бы было с играми честными и телодвижными, летом в саду, а зимой в комнате; игры преимущественно избирать те, которые бы с потехой давали некоторое наставление, например: водное плавание на регулярных судах, геометрические размеры, строение крепостей и проч. А летом, однажды или дважды в месяц, можно ездить на острова, поля и иные веселые места. 8) На трапезе

в семинарии читать истории воинские или церковные, а в начале каждого месяца через два или три дня читать повести о мужах, просиявших в учении, о церковных великих учителях, о древних и нынешних философах, астрономах, риторках, историках и проч. Можно еще дважды в год или больше делать некие акции, диспуты, комедии и риторские экзерциции. 9) Могут быть уставлены некие почести хорошо и прилежно учащимся. 10) Когда семинарист придет в совершенный разум и к большим учениям достигнет, то должен учить в семинарской церкви при прочей своей братии и должен дать присягу, что хочет быть верен царскому величеству и готов к службе, куда государь укажет. Прежде выпуска из семинарии ректор должен донести Синоду об окончивших курс. А которые семинаристы по окончании учения окажутся способнейшими к духовному делу, тех епископы оставляли бы при себе и назначали их на разные властительские степени.

В 5-й – о проповедниках слова Божия. 1) Никто не может быть проповедником, не учившись в семинарии и не получив свидетельство от Синода; а кто учился у иноверцев, тот должен сперва подвергнуться испытанию в Синоде. 2) Проповедник должен говорить на основании священного писания о покаянии, исправлении жития, о почитании властей и особенно царской власти, о должностях всякого чина, и чтобы истребляли суеверия; о грехах же говорили бы вообще, а не именуя кого-либо, разве был бы опубликован от всей церкви. А ежели о ком-либо пронесется недобрый слух в каком грехе, то и об этом грехе не поминать бы в проповедях. Особенно же молодые проповедники не должны говорить о грехах властительских. 3) Проповедник все время говорения проповеди не должен поднимать бровей, пожимать плечами и делать другие какие жесты, а должен стоять смиренно, не качаться.

В 6-й – о мирских людях. 1) Мирские люди непременно должны приобщаться св. тайн, хотя бы один раз в год. 2) Которые не приобщаются, тех считать раскольниками; приходские священники должны доносить о причащающихся и не причащающихся своим епископам ежегодно. 3) Где откроют-

ся, таким образом, раскольники, то епископ должен о каждом раскольнике писать тому начальству, в ведении которого он состоит, а начальство должно отослать его в Синод. 4) Никто из мирских людей не должен иметь в своих домах домовых церквей и крестовых священников. 5) Прихожане, выбрав к своей церкви священника, должны засвидетельствовать, что он доброго жития и не подозрительного, а помещики, избирая священников для своих вотчин, должны писать, какая им будет руга, или земля. 6) В духовники не принимать священников, не причисленных к приходам. 7) Браки мирских людей непременно должны быть в той приходской церкви, где живет жених или невеста; ежели священник встретит какое сомнение относительно брака, то должен просить разрешения у своего епископа; а ежели сам епископ также сомневается, то должен доносить Синоду.

О Синоде. 1) Число членов Синода должно быть двенадцать; из них трем быть архиереям, а остальным из архимандритов, игуменов и протопопов. Синод должен печься о лучшем управлении церковью, чтобы каждый из служителей церкви исполнял свою должность. 3) Синод должен цензурировать все богословские сочинения. 4) Производимых на архиерейство свидетельствовать: не суеверны ли они, не ханжи ли и святокупцы? 5) Разбирать жалобы на архиереев, 6) Смотреть, кто и как владеет церковными землями и куда издерживаются доходы с церковных земель. 7) Обязан сделать распоряжение и иметь строгий надзор, чтобы тунеядцы не просили по улицам и при церквях милостыни. 8) Чтобы духовенство имело определенные доходы, для чего Синоду с Сенатом определить, сколько дворов быть к одному приходу, и каждый двор обложить определенной податью на содержание причта.

Узаконения, относящиеся к порядку судопроизводства. Что касается до судопроизводства, то оно в царствование Петра Великого потерпело множество изменений относительно своего порядка. Во-первых, указом от 24 февраля 1697 года вместо судов и очных ставок предписано по челобитью всяких чинов в обидах и разореньях чинить розыск, т.е. спрашивать

свидетелей, а свидетелей не будет, то давать присягу; а ежели кто присягнет ложно или свидетель лживо будет свидетельствовать, то казнить за то смертью; в крепостных же делах судить по крепостям. Потом от 1 марта 1699 года был издан указ, которым предписывалось судьям против истцова челобитья допрашивать ответчиков перед собой, а допросов на письме и сказок за руками не принимать, потому что ответчики в тех своих сказках и допросах пишут иные посторонние дела, хотя себе против истцова челобитья оправдание принести и челобитье его оспорить или к бесчестию пригнать. 11 декабря 1700 года был издан указ, чтобы по приказам и во всех присутственных местах для большего удобства в приискании справок и хранения дел всякие дела писать в дестевых тетрадах, а не в столбцах и не широко, чтобы меньше казенной бумаги выходило. Указом от 10 марта 1702 года предписано отменить губных старост и сыщиков, а ведать всякие дела с воеводами дворянам, тех городов помещикам и вотчинникам, добрым и знатным людям, по выбору тех же городов помещиков и вотчинников, в больших городах по 4 и по 3, а в малых по два человека; и, слушав те дела, указ по ним чинить всем вместе, а одному воеводе без выборных дворян никаких дел не делать и указа не давать. Указом от 22 марта 1707 года предписано допросы истцам, ответчикам и их людям и крестьянам производить перед судейским столом и тут же, не отходя от стола, к допросам и руки прикладывать, и допросы, или расспросы, крепить дьячьими руками.

Указом от 4 сентября 1713 года предписывается из судебных мест дела, по которым подано челобитье на судей в незаконном решении, должны быть препровождаемы в Расправную Палату, а в Палате от челобитчика бралась сказка, в чем именно он считает дело решенным незаконно. Потом Палата вытребованное дело вновь рассматривает, решает и чинит указ по законам. В Расправную же Палату посылаются челобитные на медленность судей и туда же доносят фискалы на беспорядки в судах, а Палата о всем этом и о своих распоряжениях ежемесячно доносит Сенату.

Указом от 16 февраля 1717 года предписано: на всех бумагах в присутственных местах писать год, месяц и число, когда писаны; а судьям и дьякам на подаваемых челобитчикам бумагах помечать год, месяц и число, когда подана бумага. Указом от 28 августа 1718 года Расправная Палата подчинена Юстиц-Коллегии. Указом от 13 января 1719 года Юстиц-Коллегией предписано Расправной Палате вести протоколы своих заседаний и завести особую записную всяким делам книгу, помесечно и почисленно со всякой очисткой, чьи и с кем; а для лучшего известия и перечневого ведения иметь повседневную записку (журнал) и по все недели приносить ту записку в Коллегию Юстиции. А спорные дела прежде слушания прочитывать истцам и ответчикам, чтобы прикладывали к записке дела руки, ежели будут довольны, а без согласия их никаких дел не решать. А ежели при слушании записки истцы или ответчики объявят в составлении записки какие пропуски или искажения и докажут, то по их указаниям исправлять и пополнять, и по удовлетворении сего требовать рукоприкладств истцов и ответчиков; а без их рукоприкладства никакие дела в Коллегии Юстиции не будут приняты к слушанию. Указом от 2 марта того же 1719 года предписано: под делами, приготовленными к решению, подводить в выписках приличные к делу указы и статьи Уложения и свидетельствовать их дьякам своеручно, что других указов, приличных к делу, более нет. А подъячим дел на дом не носить, а делать их, не выходя из канцелярии. Указом от 15 июля того же 1719 года место Расправной Палаты заступили Надворные Суды и предписано, чтобы в городах нижним судам быть под правлением главных, а тем, главным в каждой губернии, под правлением государственной Коллегии Юстиции, а челобитчикам мимо нижних судов в высшие суды прошения не подавать. 17 сентября 1720 года был издан указ о порядке подачи апелляционных жалоб. По этому указу предписывается: 1) подавать апелляционные жалобы на низшие судебные места непосредственно высшим судам, а не минуя их, т.е. жалобы на конторы подавать в Коллегии, а не в Сенат; 2) в жалобах писать, что дело решено не-

право и почему неправо, в противность каких законов; 3) челобитен, которые будут подавать после суда или допросов, в пополнение, не принимать.

Указом от 11 января 1721 года учреждены при Сенате генерал-прокурор и обер-прокурор, а во всякой Коллегии по прокурору, которые должны рапортовать генерал-прокурору. А 18 января того же года предписано быть прокурору и при Надворных Судах. Должность прокурора определена так: 1) смотреть накрепко, чтобы коллегия все дела исполняла по регламенту и указам; 2) чтобы в коллегиях решенные дела немедленно приводились в исполнение, для этого прокурору иметь книгу, в которой записывать на одной стороне, когда какой указ состоялся, а на другой стороне, когда что по указу исполнено; 3) ежели увидит, что в Коллегии делают противно указам, то протестовать и доносить генерал-прокурору; 4) смотреть за фискалами в исправлении их должности; 5) канцелярии Коллегий должны исполнять все требования прокурора. Таким образом, с учреждением прокуроров все Коллегии поступили под надзор каждая своего прокурора, а низшие суды – под надзор своих фискалов, состоящих в ведении прокурора.

Указом от 8 февраля 1722 года утверждены следующие инстанции судов и порядок подачи челобитен: 1-ю инстанцию составляли Нижние Провинциальные Суды; 2-ю инстанцию – Надворные Суды, и кто будет недоволен решением Нижних Судов, тому подавать жалобу или апелляцию в Надворные Суды; 3-ю инстанцию составляли Коллегии, в которые подавались жалобы на Надворные Суды; 4-ю инстанцию составлял Сенат, при котором был учрежден рекетмейстер, который принимал и рассматривал жалобы на Коллегии, а чего сам решить не мог, докладывал Сенату.

Наконец 5 ноября 1723 года был издан указ о форме суда, в котором законодатель решительно отступился от розысков и положил все дела без различия судить судом, а не розыском, и форму суда составил частью по старым, им же недавно отмененным законам, а частью – по узаконениям, изданным в последнее время.

По этой новой форме суда требовалось: 1) Как челобитные, так и доношения писать пунктами с такой отчетливостью, чтобы что писано в одном пункте, в другом не повторять. 2) Ко времени открытия судебного приговора приготовить две прошнурованные тетради, запечатанные и скрепленные секретарем по листам, из которых на одной писать ответчиковы ответы, а на другой истцовы. 3) Когда прочтется первый пункт, тогда отвечать словесно только на этот пункт, не касаясь других пунктов челобитной. 4) Когда истец и ответчик очистят первый пункт, то спросить истца и ответчика: не имеют ли они еще что сказать по первому пункту; и ежели скажут, что не имеют, то требовать, чтобы они приложили руки каждый к своему пункту и друг у друга. Ежели же ответчик станет просить времени для справок, то давать поверстный срок. 5) Прежде суда должно вызвать ответчика и дать ему список из пунктов, поданных истцом, чтобы он по этому списку мог приготовиться к судебному приговору; на этом списке или копии судьям пометить число, когда ответчику явиться на суд, а также что ответчику была дана полная неделя на приготовление, и взять у него реверс в получении копии и в том, что он явится на положенный срок без всякой отговорки. А истцу также дать билет за руками судей, что он в положенный срок станет на суд со всеми принадлежащими тому иску письменными документами и доказательствами. Истцу и ответчику приходиться в суд в указанный день, не позднее 8-го часа поутру; а ежели кто из них не придет в 11 часу, то сказать ему, чтобы был на другой день рано; и ежели на другой день придет позднее 8 часа, то его задержать в суде, чтобы не волочить дело. 6) Ежели истец или ответчик в срочный для судебного приговора день будут взяты в другой суд по другому делу, то они должны объявить о себе, что им в этот день назначено судебное приговора в таком-то суде, и показать: ответчику – копию с челобитной, а истцу – билет, данный ему судьями, после чего суд такого немедленно должен отпустить, в противном случае судьи, задержавшие такого, будут наказаны как преступники закона. А ежели истец или ответчик к тому сроку, когда явиться к судебному приговору, захворают, то об

этом должны известить суд, откуда послать для освидетельствования трех членов, и по освидетельствовании отложить судоговорение до выздоровления больного. Ежели же кто не явится к суду и не известит, почему он не явился, то дать ему новый срок на неделю, а ежели и на этот срок не явится, то его обвинить; равным образом обвинить и того, кто, явившись через неделю, не представит законных причин, почему на срок не стал. 7) Истцам и ответчикам дается воля вместо себя посылать в суд кого хотят, только с такими верящими письмами, что доверитель не будет прекословить, что бы ни учинил поверенный. 8) По окончании допросов по истцах брать поруки, что им до вершенья дела не отлучаться. А когда все дело будет исследовано, тогда сделать выписки пунктами же и прочесть каждому, и велеть подписать по пунктам ответчику и истцу каждому на своей, для того – все ли вписано. Ежели же будут спорить, что не все или не так выписано, то те пункты предложить им, и буде что неисправно – исправить; а когда они подпишут, то приговоры писать на каждом пункте на основании законов, которые тут же и выписывать по пунктам. При настоящем указе приложена и форма, как писать прошения; форма эта та самая, которая употребляется и ныне при писании прошений в присутственные места; она начинается титулом государя. По настоящему указу предписывалось ввести новую форму суда во всех судебных местах с начала 1724 года. А 20 января 1724 года, в дополнение к сему указу, предписано, чтобы в Сенате, Коллегиях и во всех судебных местах протоколы всем членам присутствия подписывать на другой день заседания и до подписания протоколов новых дел отнюдь не начинать, разве случится какое дело, не терпящее отлагательства, тогда ежели времени неостанет, протокол прошедшего заседания подписывать на третий день, но никак не далее. Потом, 10 августа того же 1724 года дан указ, чтобы все присутственные места имели свои печати для припечатания судебных дел, а на печатях резать герб той губернии или провинции, к которой принадлежит присутственное место. И наконец, 13 ноября того же года был издан указ, который давал тяжущимся право отво-

дить судей по подозрению: 1) в родстве с противной стороной; 2) во вражде к челобитчику, доказанной судебным порядком; 3) ежели судья чем-нибудь обязан противной стороне; 4) ежели доказано, что судья взял посул; 5) ежели судья имеет равное дело с челобитчиком; 6) или у которого судьи случится дело в другом суде, в котором истец или ответчик будет судьей; и 7) ежели судья будет часто в одной компании тайно с ответчиком или истцом обхождение иметь и шептаться.

Узаконения о порядке совершения крепостных актов.

Новый порядок совершения крепостных актов начинается с указа от 23 января 1699 года. Этим указом предписывается все крепостные акты во всем государстве писать на гербовой бумаге, которая на первый раз разделялась на три разряда. На листах 1-го разряда, под большим орлом, ценой три алтына две деньги лист, писать вотчинные, лавочные, дворовые и на людей крепости и сделочные записи и заемные кабалы в больших суммах, выше 50 рублей; на листах 2-го разряда под гербом, величиной против золотого, ценой две деньги за лист, писать всякие крепости ниже 50 рублей и челобитные мировые; на листах 3-го разряда, под гербом вполовину золотого, ценой по одной деньге лист, писать челобитные, сказки и в приказах выписки по челобитчиковым делам. А печатание гербовой бумаги и денежный сбор ведать в Оружейной Палате. Потом указом от 9 декабря того же года предписано: все крепостные акты писать в Москве не на Ивановской площади площадным подьячим, как сказано в Уложении, а в Поместном Приказе, того приказа подьячим добрым, с ведома судей того Приказа; вместо послухов писать свидетелей, людей добрых и знатных, в больших делах человека по три, по четыре и больше, а в меньших делах, не выше 200 руб., человека по два и по три. А в Поместном Приказе завести записную книгу, в которую записывать всякую крепостную сделку тем же днем, и в этой книге получающий крепость должен расписываться в получении, причем объявлять ему, чтобы полученную крепость по прежнему порядку в два месяца представил к записке и явке. Такой порядок при совершении крепостей наблюдать и в других приказах; а по городам крепости

тем же порядком совершать у воевод и также в двухмесячный срок высылать к записке в Поместном Приказе; а воеводам ежемесячно посылать ведомости: сколько и каких крепостей было у них в совершении. Третьим указом того же года велено с записки лавок и лавочных мест по купчим, закладным и иным крепостям брать пошлин по 6-ти денег с рубля да с вершку и отказного по 2 алтына и по 2 деньги с крепости.

В 1701 году 30 января издан был указ, по которому предписывается всякие крепости писать по прежнему обычаю площадным подьячим в палатке Ивановской площади и для сего выбрать из площадных подьячих 20 человек, и ведать те крепостные дела и подьячих в Оружейной Палате, и записные всяким крепостям книги из всех приказов и из Ратуши передать в Оружейную Палату. А из городов в Оружейную же Палату ежемесячно присылать ведомости: сколько и каких крепостей было в записке и совершении. При этом все крепости разделены на три статьи или разряда: первый разряд составляли крепости от 50 до 100 рублей, с которых взималось от письма по 5 алтын; второй разряд от 100 рублей до многих тысяч, с которых взималось со 100 рублей по гривне; третий разряд до 50 рублей, с которых взималось по гривне от крепости. А для того денежного сбора и в надсмотре тех крепостей за писцами и для подтверждения во всяких крепостях у подписки – выбрать четыре человека надсмотрщиков, людей знатных, кому бы в том деле можно было верить. Сверх вышеупомянутого сбора крепостных пошлин надсмотрщику, подписывающему крепость, с крепости до 50 рублей брать по 2 деньги, с крепости в 100 руб. – по 4 деньги, и с крепости выше 100 руб. и в тысячах – по 6 денег. А в начале всяких крепостей писать год, месяц и число и для письма крепостей составить определенные формы, чтобы после этого никто сам никаких крепостей не писал, а чтобы все крепости писались писцами у крепостных дел. Подьячим же площадным на содержание выдавать из тех сборных крепостных денег по усмотрению.

Указом от 30 апреля того же 1701 года предписано: из Оружейной Палаты послать во все города людей, кому в том

верить можно, для устройства во всех городах письма крепостей тем же порядком, который заведен в Москве, и послать грамоты к воеводам и бурмистрам, чтобы они вместе с посланными из Оружейной Палаты людьми избрали к письму крепостей в подьячие из всяких чинов людей добрых, смотря сколько человек где пристойно, и из них же выбрать для надзора за писцами в больших городах человека по два, а в меньших – по одному; а собрать по ним поручные записи с добрыми и знатными поручками, которым так же, как и в Москве, смотреть, чтобы крепости писались правильно, по определенной форме, и чтобы узаконенные пошлины собирались исправно, и как крепости, так и пошлины записывались в крепостные книги; и те книги и пошлины с перечневыми выписками за руками воевод или бурмистров каждый год присылались в Оружейную Палату к 1-му января и к 1-му июля; и расхода из пошлинных денег, кроме жалованья подьячим, в городах не делать без грамот Оружейной Палаты.

Указом от 8 января 1706 года крепостные дела по городам из ведомства воевод и приказных людей переданы в ведение бурмистров в Ратушах; причем в исправности сбора крепостных пошлин отвечали не только бурмистры, но и лучшие городские люди, которые избирали бурмистров. А городским людям по всем городам объявить, чтобы непременно при отдаче в наймы домов, изб, лавок, амбаров и в найм дворников и всяких работных и торговых сидельцев писали условия у крепостных дел. По указу от 31 октября 1711 года учреждена при московском гостином дворе особая Палата крепостных дел для писания всяких крепостей между купцами и беломестцами.

Указом от 16 февраля 1719 года предписано: в Юстиц-Коллегии определить особого секретаря для крепостных дел под ведением той коллегии; а о сборе с крепостей указных пошлин ведомости подавать в Камер и Штатс-Контор-Коллегии ежемесячно, и без указа Штатс-Контор-Коллегии ни на какие мелкие расходы пошлинных денег не держать. В том же 1719 году по указу от 20 октября главное ведение над крепостными делами окончательно передано Юстиц-Коллегии, и для

этого при ней учреждена особенная контора Крепостных дел под начальством особого секретаря или дьяка, а в губернских городах главное заведование крепостными делами поручено особым, определяемым из Юстиц-Коллегии, комиссарам или дьякам, в Москве же – Надворному Суду. Причем начальствующие, т.е. дьяк и комиссары, должны смотреть: 1) чтобы надсмотрщики и крепостные писцы были надежные люди, за присягой и за поручными записями знатных людей; 2) в письме всяких крепостей чтобы безгласные лица не были притесняемы, чтобы совершающие крепости были известны лично надсмотрщику и чтобы свидетели были люди достоверные; 3) крепостных дел дьяку по полугодно считать надсмотрщиков, и крепостных писцов к другим делам не употреблять; 4) чтобы, как в конторе, так и по городам, у писцов протоколы, концепты и книги были ведены в исправности и за надлежащими скрепами; за этим же должны смотреть и фискалы, которым потому должно показывать книги и давать объяснения по их требованию.

Указом от 27 мая 1720 года предписано: кроме определенных уже крепостных пошлин, собирать на нужные расходы еще по две деньги с рубля и записывать их в книги наравне с другими крепостными пошлинами. Указом от 19 июля того же 1720 года предписано: гривенные пошлины с цены переходящего недвижимого имущества, которые взыскивались при явке крепости в приказе, взимать впредь у крепостных дел при самом совершении крепости; к подлинной же записке приносить по-прежнему в узаконенные сроки, взыскивая притом четвертные и прочие установленные пошлины. По регламенту Главного Магистрата предписано: все купеческие сделки вместо крепостных дел записывать у маклеров в маклерские книги, со взятием узаконенных пошлин. А указом от 1 февраля 1721 года провиантским подрядчикам предписано: писать контракты на поставки в Конторе Подрядных Дел, а не у крепостных дел, и надлежащие крепостные пошлины вычитать у них при выдаче денег.

ОСНОВНЫЕ ТРУДЫ И. Д. БЕЛЯЕВА

Список основных трудов И. Д. Беляева составлен П. Н. Мрочек-Дроздовским (Список трудов покойного профессора И. Д. Беляева // Чтения в обществе истории и древностей Российских. 1905, кн. 2). Ниже приводятся основные сочинения Беляева, выражающие идеи русской цивилизации:

1) О сторожевой, станичной и полевой службе на польской Украине Московского государства до царя Алексея Михайловича. – М., 1846;

2) О Несторовой летописи. – М., 1847;

3) Как понимали давность в разное время и русское общество в своей жизни и русские законы. – М., 1855 (еще: Воспоминание 12 января 1855 г. – М., 1855);

4) Разбор соч. Б. Н. Чичерина: «Обзор исторического развития сельской общины в России». – М., 1856;

5) Об общественном значении христианской церкви и ее учреждений на Руси от Владимира Святого до монгольского владычества. – СПб., 1856;

6) О наследстве без завещания по древним русским законам до Уложения царя Алексея Михайловича. – М., 1858;

7) Разбор соч. г-на Лешкова под заглавием: «Русский народ и Государство». История русского общественного права до XVIII в. – СПб., 1859.

8) Крестьяне на Руси. Исследование о постепенном изменении значения крестьян в русском обществе (сначала печаталось в «Русской беседе», 1859 г.). – М., 1860; изд. второе – М., 1879; третье – М., 1891; четвертое – М., 1903;

9–12) Рассказы из русской истории. Книга первая. – М., 1861; Книга вторая. История Новгорода Великого от древнейших времен до падения. – М., 1864; Книга третья. История г. Пскова и Псковской земли. – М., 1867; Книга четвертая. Ч. I. История Полоцка или Северо-западной Руси от древнейших времен до Люблинской унии. – М., 1872; Рассказы из русской истории, книга первая и вторая, издание второе (печатано с перв. изд.). – М., 1865 и 1866;

13) Святой Владимир равноапостольный вел. князь Киевский и всея Руси. – М., 1864;

14) Жизнь преподобного Феодосия Печерского. – М., 1865;

15) Жизнь преподобного Антония Печерского. – М., 1866; второе изд. – М., 1885;

16) Земские соборы на Руси. – М., 1867;

17) О великорусском племени. – М., 1868 (и сбор. антропол. и этнограф. статей о России. Кн. I);

18) Лекции по истории русского законодательства. – М., 1879; изд. 2-е – М., 1888; изд. 3-е – М., 1901;

19) Судьбы земщины и выборного начала на Руси. Кн. 1. – М., 1906;

20) Святые Константин (нареченный Кирилл) и Мефодий, учителя славянские. – М., 1885;

21) Судьбы земщины и выборного начала на Руси (1906, кн. I);

22) Конспект лекций истории русского законодательства, 1868–9 г., М. (1869);

23) История русского законодательства, М., 1868–9;

24) Программа по истории русского законодательства. – М., 1870.

25) Лекции по истории русского законодательства. – М., 1879; изд. второе – М., 1888; третье – М., 1888; переиздано: История русского законодательства. – СПб.: Лань, 1999.

Также труды И. Д. Беляева печатались в периодических изданиях: «День», «Зритель», «Москвитянин», «Русский архив», «Журнал Министерства народного просвещения».

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ 5

ВВЕДЕНИЕ 31

ПЕРИОД ПЕРВЫЙ

Древний быт славянских племен, вошедших
в состав Руси 37

Влияние варяго-руссос на древний быт Руси 63

Памятники законодательства первого периода 103

Влияние варяго-русского элемента на развитие
законодательства в первом периоде 123

ПЕРИОД ВТОРОЙ

Раздел I (988–1237) 127

Принятие христианства 127

Княжеская власть 146

Земщина 201

Доходы князей 248

Законодательные памятники за первую половину
второго периода 268

**Раздел II (1237–1497) От покорения России
монголами до Судебника** 344

Монгольское иго 344

Общественное значение духовенства.....	367
Дружина	382
Городское и сельское устройство.....	398
Законодательные памятники за вторую половину второго периода	416

ПЕРИОД ТРЕТИЙ

От издания судебников до издания уложения (1497–1649)	474
История Москвы	487
Княжеская власть	578
Жители Московского государства	596
Администрация в Московском государстве	615

ПЕРИОД ЧЕТВЕРТЫЙ

От уложения Алексея Михайловича до издания свода законов	695
Положение русского общества в XVII столетии до Петра Великого.....	695
Администрация	740
Законодательные памятники четвертого периода.....	800

ОСНОВНЫЕ ТРУДЫ И. Д. БЕЛЯЕВА.....	887
--	------------

Автономная некоммерческая организация Институт русской цивилизации создана в октябре 2003 г. для осуществления идей и в память великого подвижника православной России митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Иоанна (Снычева). Предшественником Института был Научно-исследовательский и издательский центр «Энциклопедия русской цивилизации» (1997—2003).

Целью Института является творческое объединение ученых и специалистов, занимающихся изучением истории и идеологии русского народа, проведение научных исследований, конференций, семинаров и систематизация знаний по всем вопросам русской цивилизации, истории, философии, этнографии, культуры, искусства и других научных отраслей, связанных с жизнедеятельностью русского народа с древнейших времен до начала XXI века. Приоритетным направлением деятельности института является создание 20-томной «Энциклопедии русского народа» (вышло 10 томов), а также научная подготовка и публикация самых великих книг русских мыслителей, отражающих главные вехи в развитии русского национального мировоззрения и противостояния силам мирового зла, русофобии и расизма (вышло более 40 томов).

Редактор Д. В. Орлов
Корректор О. А. Рогачева
Компьютерная верстка Д. Е. Поляков
Институт русской цивилизации. Тел.: 8-495-605-25-35

Подписано в печать 20.10.2010 г. Формат 84 x 108 ¹/₃₂.
Гарнитура «Times». Объем 44,9 изд. л.
Печать офсетная. Заказ №
Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.

**ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ
ВЫПУСКАЕТ
БОЛЬШУЮ ЭНЦИКЛОПЕДИЮ
РУССКОГО НАРОДА**

Главный редактор О. А. Платонов

Энциклопедия включает следующие тома:

- Русская цивилизация (*вышел*)
- Русское Православие в трех томах (*вышли*)
- Русское государство (*вышел*)
- Русский патриотизм (*вышел*)
- Русское мировоззрение (*вышел*)
- Русский образ жизни (*вышел*)
- Русская география
- Русское хозяйство (*вышел*)
- Международные отношения
- Национальные отношения
- Русская литература (*вышел*)
- Русское искусство
- Русский театр
- Русская музыка
- Русская наука
- Русская школа
- Русское воинство
- Памятники Отечества
- Русские за рубежом
- Противники русской цивилизации

Каждый том Энциклопедии посвящен определенной отрасли жизни русского народа и будет завершенным сводом энциклопедических знаний по этой отрасли от «А» до «Я». Читатели могут в зависимости от потребностей подбирать либо полный комплект Энциклопедии, либо необходимые один или несколько томов.

К подготовке издания привлекаются лучшие русские ученые и специалисты, используются опыт и наиболее ценные материалы предыдущих русских энциклопедий и словарей. Критерием подготовки и отбора статей для Энциклопедии являются православные и национальные традиции русской науки, соответствие сделанных оценок национальным интересам русского народа.

Редакция Энциклопедии привлекает к сотрудничеству всех заинтересованных русских людей и организации. Будем признательны за любую помощь в подготовке нашего издания.

Настоящая Энциклопедия является первой попыткой создания всеобъемлющего свода православных и национальных сведений о жизни русского народа. После выхода первого издания Энциклопедии предполагается ее совершенствование и подготовка нового издания.

Приглашаем к сотрудничеству всех русских людей, разделяющих идеи Святой Руси, русской цивилизации.

Будем благодарны за любые отзывы, замечания, поправки и дополнения.

Просим направлять их по адресу: 121170, Москва, а/я 18. Платонову О. А., e-mail: info@rusinst.ru

Электронную версию Энциклопедии можно получить на нашем сайте: www.rusinst.ru.

ВЫШЛИ В СВЕТ КНИГИ, ПОДГОТОВЛЕННЫЕ ИНСТИТУТОМ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ:

СЕРИЯ «РУССКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ»

- Митр. Иоанн. Самодержавие духа, 528 с.
Киреевский И. Духовные основы русской жизни, 448 с.
Гиляров-Платонов Н. П. Жизнь есть подвиг, а не наслаждение, 720 с.
Аксаков И. С. Наше знамя – русская народность, 640 с.
Гоголь Н. В. Нужно любить Россию, 672 с.
Тихомиров Л. А. Руководящие идеи русской жизни, 640 с.
Филиппов Т. И. Русское воспитание, 448 с.
Григорьев Ап. Апология почвенничества, 688 с.
Данилевский Н. Я. Россия и Европа, 816 с.
Хомяков А. С. Всемирная задача России, 800 с.
Самарин Ю. Ф. Православие и народность, 720 с.
Катков М. Н. Идеология охранительства, 800 с.
Булгаков С. Н. Философия хозяйства, 464 с.
Аксаков К. С. Государство и народ, 680 с.
Концевич И. М. Стяжание Духа Святого, 864 с.
Флоровский Г. В. Пути русского богословия, 848 с.
Гильфердинг А. Ф. Россия и славянство, 496 с.
Страхов Н. Н. Борьба с Западом, 576 с.
Мещерский В. П. За великую Россию. Против либерализма, 624 с.
Свт. Филарет митр. Московский. Меч духовный, 720 с.
Зеньковский В. В. Христианская философия, 1072 с.
Ламанский В. И. Геополитика панславизма, 928 с.
Черкасский В. А. Национальная реформа, 592 с.
Достоевский Ф. М. Дневник писателя, 880 с.
Солоневич И. Л. Народная монархия, 624 с.
Валуев Д. А. Начала славянофильства, 368 с.
Фадеев Р. А. Государственный порядок. Россия и Кавказ, 992 с.
Лешков В. Н. Русский народ и государство, 688 с.
Иван Грозный. Государь, 400 с.
Лобанов М. П. Твердыня духа, 1024 с.
Безсонов П. А. Русский народ и его творческое слово, 608 с.
Леонтьев К. Н. Славянофильство и грядущие судьбы России, 1232 с.
Щербатов А. Г. Православный приход — твердыня русской народности, 496 с.
Шафаревич И. Р. Русский народ в битве цивилизаций, 936 с.
Коялович М. О. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям, 688 с.

СЕРИЯ «РУССКОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ»

- Ильин И. Национальная Россия: наши задачи, 464 с.
Нилус С. Царство антихриста «Близ есть при дверех...», 528 с.
Шарапов С. Ф. После победы славянофилов, 624 с.
Грингмут В. А. Объединяйтесь, люди русские!, 544 с.
Вязигин А. С. Манифест созидательного национализма, 400 с.
Пасхалов К. Н. Русский вопрос, 720 с.
Платонов. О. Загадка сионских протоколов, 800 с.
Платонов О. Почему погибнет Америка, 528 с.
Бутми Г. Кабала или свобода, 400 с.
Жевахов Н. Еврейская революция, 480 с.
Никольский Б. В. Сокрушить крамолу, 464 с.
Величко В. Л. Русские речи, 400 с.
Архимандрит Фотий (Спасский). Борьба за веру. Против масонов, 400 с.
Булацель П. Ф. Борьба за правду, 704 с.

СЕРИЯ «ИССЛЕДОВАНИЯ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ»

- Лебедев С. Слово и дело национальной России, 576 с.
Платонов О. Экономика русской цивилизации, 800 с.
Антонов М. Экономическое учение славянофилов, 416 с.
Каплин А. Д. Мировоззрение славянофилов, 400 с.
Романов И. Стратегия восточных территорий, 320 с.
Евдокимов А. Ю. Биосфера и кризис цивилизации, 480 с.
Крыленко А. К. Денежная держава, 368 с.
Черная сотня. Историческая энциклопедия, 640 с.
Славянофилы. Историческая энциклопедия, 736 с.
Морозова Г. А. Третий Рим против нового мирового порядка, 272 с.
Троицкий В. Ю. Судьбы русской школы, 480 с.
Русские монастыри и храмы. Историческая энциклопедия, 688 с.
Русские святые и подвижники Православия. Историческая энциклопедия, 896 с.
Васильев А. А. Государственно-правовой идеал славянофилов, 224 с.
Игумен Даниил (Ишматов). Просветительская и педагогическая деятельность преподобного Сергия Радонежского, 192 с.
Сохряков Ю. И. Русская цивилизация: философия и литература, 720 с.
Олейников А. А. Политическая экономия национального хозяйства, 1184 с.
Черевко К. Е. Россия на рубежах Японии, Китая и США (2-я половина XVII – начало XXI века), 688 с.
Виноградов О. Т. Очерки начальной истории русской цивилизации, 544 с.

СЕРИЯ «ТЕРНОВЫЙ ВЕНЕЦ РОССИИ»

Платонов О. История русского народа в XX веке в 2-х томах, т. 1 – 804 с.; т. 2 – 1040 с.

Платонов О. Тайная история масонства, 912 с.

Платонов О. История масонства. Документы и материалы в 2-х томах, т. 1 – 720 с.; т. 2 – 736 с.

Платонов О. Пролог царевубийства, 496 с.

Платонов О. История царевубийства, 768 с.

Платонов О. Святая Русь. Открытие русской цивилизации, 816 с.

Башилов Б. История русского масонства, 640 с.

Шевцов И. В борьбе с дьяволом, 656 с.

Лютостанский И. Криминальная история иудаизма, 992 с.

Платонов О. Тайна беззакония. Иудаизм и масонство против христианской цивилизации, 880 с.

Платонов О. Загадка сионских протоколов, 800 с.

Платонов О. Заговор царевубийц, 528 с.

Платонов О. Николай II в секретной переписке, 800 с.

Книги, подготовленные Институтом русской цивилизации, можно приобрести в Москве: в Книжном клубе «Славянофил» (Большой Предтеченский пер., 27, тел. 8(495)-605-08-58), в книжной лавке «Русского вестника» (Покровский бул., 18/15, тел. 8(495)-916-29-41), в книгоиздательской фирме «Крафт+» (пр. Серебрякова, 4, тел. 8(495)-620-36-94) и в магазине «Политкнига» (тел. 8(495)-543-87-93, www.politkniga.ru)